

ВѢСТНИКЪ

ВРОПЫ

ВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

— ТОМЪ CCCXXV. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1891

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

570-5б
2.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1891

(1842)

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

IX *).

Въ домѣ Леонтьевыхъ былъ полный разгромъ.

Наскоро продавали мебель, укладывали вещи, упаковывали сундуки и ящики, и всѣ ходили какими-то испуганными и потерянными. Пелагея Семеновна горько плакала, разставаясь съ своимъ милымъ насиженнымъ гнѣздомъ, и жаловалась и на судьбу, и на Ольгу, доведшихъ ее до этого.

— Господи!—говорила она, всхлипывая, передъ тѣмъ самымъ ящикомъ, въ который укладывала разныя вещи.—Думала ли я, что на старости лѣтъ родной уголъ разорять придется! Шутка ли, двадцать семь лѣтъ на этой квартирѣ выжила—и вдругъ, на-те вамъ! Хоть бы умереть-то мнѣ спокойно дали, а тамъ дѣлали бы что хотѣли! Ну, куда я теперь этотъ буфетъ дѣну? Вѣдь онъ мнѣ вѣрой-правдой тридцать лѣтъ прослужилъ, такъ неужели же его за то теперь на Сухаревку тащить?

— Буфетъ можно съ собой взять,—нерѣшительно предлагала Ольга, которая всячески старалась успокоить и утѣшить мать, примиривъ ее какъ-нибудь съ мыслью о переѣздѣ. Но на душѣ ея, съ тѣхъ поръ какъ она воротилась опять въ Москву и уже не чувствовала больше того напряженія любви, которое чувствовала все время въ Петербургѣ, когда каждый день видала Чемезова, было тоже тяжело и ей почти не меньше матери грустно

---

*) См. выше: августъ, стр. 445.

было бросать тотъ домъ, къ которому она такъ привыкла, въ которомъ родилась, выросла и провела почти всю жизнь.

— Это чтобъ его поломали весь?—сердилась на отвѣтъ дочери Пелагея Семеновна:—однѣ щепки вмѣсто буфета привезутъ! Все равно бросить придется!

— Ну продайте его...

Но Пелагеѣ Семеновнѣ и это не нравилось.

— Продайте...—говорила она жалобно:—легко сказать! продайте! Сердца въ тебѣ, Оленька, нѣтъ, вотъ что! И диванъ отцовскій, значитъ, тоже продать? и библіотеку его тоже? Сама надъ каждой его вещью, бывало, тряслась, диванъ вонъ новой матеріей перекрывать даже не хотѣла, потому что отцовскій, а теперь „продайте“, говоритъ. А Богъ съ вами! одно мнѣ горе только отъ васъ; дѣлайте, что̀ хотите; продавайте что̀ хотите; тащи все на Сухаревку, зови купцовъ—разоряйте гнѣздо, пускай все пропадаетъ!..

И Пелагея Семеновна уже съ полнымъ отчаяніемъ падала на стулъ и горько рыдала.

Она плакала надъ каждой вещью, съ которой разставалась, какъ надъ покойникомъ, мучаясь тоской, что все это должна на старости лѣтъ вдругъ бросать и переѣзжать въ чужой и незнакомый ей Петербургъ, который заочно уже пугалъ ее, и въ то же время не имѣла силъ бросить дочь и остаться тутъ безъ нея.

Ольга понимала по себѣ, какую страшную жертву заставляетъ приносить себѣ мать, и потому молча и покорно переносила ея жалобы и упреки.

Главный порокъ Пелагеи Семеновны былъ тотъ, что она была слишкомъ добра и безхарактерна и слишкомъ любила своихъ дѣтей, не умѣя никогда противиться ихъ требованіямъ и желаніямъ и во всемъ подчиняясь имъ, такъ же, какъ когда-то прежде подчинялась во всемъ мужу, и дѣти, понимавшія это, нерѣдко, какъ напримѣръ Борисъ и Милочка, пользовались и даже злоупотребляли этими качествами ея.

Но на этотъ разъ даже и Пелагея Семеновна не могла уже подчиниться желанію Ольги безпрекословно и легко и хотя заранѣе знала, что въ концѣ концовъ все-таки уступитъ дочери, но, уступая, не могла не жаловаться и не упрекать ее за то, невольно возмущаясь и отстаивая, какъ умѣла, свой милый уголъ отъ разоренія. Она говорила правду, твердя, что лучше ей умереть, чѣмъ видѣть это и уѣзжать изъ Москвы, которая ей была почти такъ же дорога, какъ и родныя дѣти. Ольга предлагала ей оставаться здѣсь и обѣщалась высылать семьѣ, кото-

рую теперь она содержала вдвоемъ съ Сергѣемъ, третью часть своего жалованья; но семья безъ старика Леонтьева, безъ Ольги, Сергѣя и Милочки, все равно, такъ распадалась, что Пелагеѣ Семеновнѣ было одинаково тяжело какъ уѣзжать, такъ и оставаться. Къ тому же совсѣмъ неожиданно за переѣздъ оказался и Боря. Ему надоѣла Москва, въ которой уже не было ни одного ресторана, гдѣ бы онъ не былъ долженъ, и ни одного клуба, гдѣ бы у него не было какой-нибудь исторіи, и даже ни одного знакомаго, у котораго онъ уже не занялъ бы. Мысль о переѣздѣ положительно улыбалась ему: въ Петербургѣ была Милочка, съ ея комфортабельной квартиркой, шампанскимъ и пикниками; тамъ у него завяжутся сейчасъ же новыя знакомства; Леонтьевыхъ вездѣ встрѣчали радушно, а потому и его, не распознавъ еще вполнѣ, сначала всегда очень баловали.

Онъ былъ за переѣздъ и удивлялся только тому, какъ это раньше не пришло никому въ голову и чего это они до сихъ поръ тутъ кисли!

Пелагею Семеновну, хотя она не только другимъ, но даже себѣ въ томъ не сознавалась, это очень ободряло; если бы и Боря былъ противъ, рѣшиться ей было бы еще труднѣе.

Варя тоже ничего не возражала; какъ молодую дѣвушку, ее даже нѣсколько занималъ переѣздъ; къ тому же она находила, что петербургская консерваторія выше московской, и желала перейти туда, считая, что оттуда дорога открывается гораздо шире; но по своему обыкновенію она держала эти соображенія про себя и сохраняла свой обычный равнодушный видъ, не выказывая по поводу „семейной катастрофы“, какъ въ насмѣшку говорилъ Борисъ, ни удовольствія, ни печали.

Но Павля былъ въ большомъ огорченіи. У него была своя гимназія, свои товарищи, разставаться съ которыми ему совсѣмъ не хотѣлось. Въ душѣ онъ былъ настоящій москвичъ и если не боялся, какъ Пелагея Семеновна Петербурга, то за то чувствовалъ къ нему какую-то безотчетную ненависть и былъ увѣренъ, что не уживется тамъ. Поднимался даже вопросъ о томъ, не остаться ли въ Москвѣ ему одному не только до окончанія гимназіи,—т.-е. до весны, какъ это рѣшили теперь, такъ какъ онъ былъ уже въ послѣднемъ классѣ,—но и на все время университета.

Но Пелагею Семеновну такой планъ разстроивалъ еще больше; она не могла себѣ представить, какъ ея Павля, казавшійся ей, несмотря на его солидную наружность и преждевременно развитую въ немъ серьезность, все еще совсѣмъ ребенкомъ, останется тутъ вдругъ совсѣмъ одинъ, безъ матери и семьи,

хоть и у добрыхъ знакомыхъ, но все же у чужихъ людей! И потому каждый разъ, какъ поднимались подобные разговоры, Пелагея Семеновна, начинала такъ плакать, огорчаться и жаловаться, что Павля только безнадежно махалъ рукой и уходилъ, говоря, что согласенъ ѣхать куда и когда хотятъ.

Но кто положительно былъ ошеломленъ и возмущенъ этимъ чуть не больше еще самой Палагеи Семеновны, такъ это Настасья, которая ходила совсѣмъ потерянной и негодующей въ то же время.

— Ужъ недаромъ у меня къ этому антихристу душа не лежала!—говорила она не разъ Пелагеѣ Семеновнѣ, потихоньку совѣщавшейся съ ней и жаловавшейся на дочь.—Какъ увидѣла его, такъ вотъ ровно въ сердце что̀ ударило! И вѣдь что̀ вы думаете, матушка, еще тогда же въ Петербургѣ, какъ онъ у насъ вмѣстѣ съ Яковомъ Дементьевичемъ обѣдалъ, въ первый разъ-то и увидѣла еще его недобраго тогда, еще почитай и сама Ольга-то Львовна ничего такого не думала, а мнѣ сразу вдругъ въ мысли вошло! Сидитъ это насупленный такой, на всѣхъ звѣремъ глядитъ и больше всего на Ардальона Михайловича да на Людмилу Львовну косится, ровно они что̀ сдѣлали ему; а Ольга-то наша Львовна взглянетъ на него, чего-то вспыхнетъ вся, не то сконфузится, не то словно испугается чего, а глаза у самой такъ вотъ и горятъ, такъ и горятъ и все на него смотритъ. Говоритъ съ другими, а смотритъ-то все на него. Ну, думаю, кажись, пропали наши головушки! Ужъ теперь добра не жди,—онъ ее скрутитъ! И вѣдь что̀ бы вы думали, матушка: ровно мнѣ вотъ подсказалъ кто въ тѣ поры—такъ вотъ, какъ по писанному, все по моему и вышло! Нѣтъ ужъ меня на это взять; это, правду надо сказать, ужъ къ чему, къ чему, а къ этому я страсть чуткая!

— Никогда я этого отъ него не ожидала!—говорила, горько вздыхая, Пелагея Семеновна:—такой солидный, серьезный человѣкъ—и вдругъ... Обрадовалась ему тогда, какъ родному, а онъ вотъ тебѣ чѣмъ отплатилъ на мѣсто того!

— Я и на васъ-то дивовалась тогда; и чего, думаю, радуются на свою голову! Онъ имъ еще покажетъ. Помню, это, какъ онъ въ Москву-то тогда пріѣхалъ, да къ намъ за кулисы пришелъ—меня въ тѣ поры въ уборной-то не было, я съ Нечаевской Дашей въ кулисахъ стояла—такъ и не примѣтила, а потомъ ужъ прихожу, а Ольга Львовна моя такъ вся и сіяетъ, ровно въ Свѣтлый праздникъ отъ заутрени пришла, смѣется чему-то про себя и на меня какъ-то странно все такъ поглядываетъ, а потомъ вдругъ обернулась да и говоритъ:

— „Настя, знаешь, Чемезовъ пріѣхалъ!“ —У меня такъ просто сердце и упало, даже духъ замеръ. Ну, думаю, принесла нелегкая, не было печали!—Ну что же, говорю, пріѣхалъ, такъ пріѣхалъ.—А она засмѣялась да и говоритъ:—„глупая ты, Настя, вотъ что!“—Да вдругъ какъ бросится ко мнѣ, да начнетъ цѣловать! Меня даже зло взяло:—что же, говорю, вы меня-то цѣлуете? вѣдь я не онъ! А она знай себѣ смѣется да цѣлуетъ! И такая меня опять тоска взяла; она смѣется, а я плакать хочу! Ну, думаю, теперь ужъ и вовсе не сдобровать! И опять-таки по моему вышло! А ужъ какъ потомъ въ Питеръ-то за нимъ понеслись, такъ ужъ и не думала даже ничего больше! Чего тутъ думать, и безъ думы все понятно; одно всего только и подумала—прощай, молъ, матушка Москва, пожалуй, и вовсе теперь отъ тебя слетимъ!

Пелагея Семеновна опять заплакала при этихъ словахъ. Она не знала прежде всѣхъ этихъ подробностей, но зато теперь слышала ихъ чуть не двадцать разъ и тѣмъ не менѣе не переставала все еще интересоваться ими.

— Никогда я этого отъ него не ожидала!—повторяла она со слезами.

— И чѣмъ это онъ только обошелъ ее!—продолжала Настасья, радуясь, что есть съ кѣмъ отвести душу и сорвать хоть заочно зло на ненавистномъ ей человѣкѣ:—просто диву даюсь! Ни красоты въ немъ, ни радости какой! И вѣдь какія особы-то ухаживали, такъ вѣдь ни на кого, бывало, и не глядитъ! Да вотъ хоть бы князя Алексѣя Петровича для примѣра взять: красавецъ мужчина и молодецъ, и богачъ изъ первыхъ—только вѣдь кликни она его, все броситъ, на край свѣта для нея полетитъ! Да что, захоти она только того, да умненько дѣло поведи, такъ еще и въ княгиняхъ бы пощеголяла! Оно, положимъ, ей въ этомъ надобности нѣтъ, сцену-то бросать тоже ни за какія почести не годится, когда Господь такой талантъ большой далъ, да все-таки же я къ тому говорю, что тамъ люди-то вѣдь какіе были! Орлы, можно сказать! А тутъ что? На̀ тебѣ, здорово живешь, ровно ей глаза кто отвелъ! И я еще что̀, матушка, думаю, какъ бы онъ и вовсе ее со сцены не отвелъ бы! Да что̀ вы думаете, очень даже просто! Теперь вотъ въ Петербургъ велѣлъ переѣзжать, а послѣ вовсе сойти велитъ!

— Что ты, что ты, никогда она этого не сдѣлаетъ!—съ испугомъ говорила Пелагея Семеновна и отъ страха даже махала на Настасью своими пухленькими, маленькими ручками.

— А очень просто! Я Ольгу-то нашу Львовну доподлинно

знаю! она какъ влюбится, такъ на все готова, не только что со сцены сойти, а убить себя не пожалѣетъ.

— Да полно тебѣ, Настасья, ну что каркаешь зàгодя!

Но Настасья, видѣвшая теперь въ будущемъ однѣ бѣды, не унималась и все хуже и больше запугивала бѣдную Пелагею Семеновну.

Для Пелагеи Семеновны, какъ ни печаленъ былъ этотъ переѣздъ, въ немъ была все-таки хорошая, нѣсколько утѣшавшая ее сторона — это перспектива жить подлѣ своей ненаглядной Милочки и хоть каждый день видаться съ ней.

Но Настасью и эта перспектива нисколько не плѣняла и не искупала всѣхъ потерь Москвы, въ которой она, также какъ и господа ея, родилась, выросла, прожила сорокъ пать лѣтъ и обзавелась разными родными, пріятельницами, кумовьями, крестниками и тому подобнымъ народомъ, разставаться съ которымъ ей куда какъ не хотѣлось.

Прежде чѣмъ рѣшиться, она цѣлую недѣлю раздумывала, ѣхать ей съ господами въ Петербургъ или оставаться въ Москвѣ безъ нихъ, благо и мѣсто ей сейчасъ же выходило и тоже у одной театральной, предлагавшей ей кстати и жалованья гораздо больше, чѣмъ она здѣсь получала.

Но какъ ни „падка къ рублевику" была, по собственному ея выраженію, Настасья, но и привязанность ея къ Леонтьевымъ была тоже не мала. Она жила у нихъ уже десятый годъ и за эти годы такъ тутъ обжилась и привыкла ко всѣмъ имъ, что на каждомъ новомъ мѣстѣ „просто съ тоски извелась бы" и потому съ не мѐньшимъ, если не съ бòльшимъ еще горемъ на душѣ, какъ и у Пелагеи Семеновны, и жалобами на Ольгу, впрочемъ,—не столько на самоё Ольгу, сколько на ея антихриста, какъ она почему-то прозвала Чемезова,—она все-таки же рѣшилась ѣхать вмѣстѣ съ ними.

Но зато она причитала теперь въ каждую удобную на то минуту, а въ комнатѣ ея съ утра дò вечера сидѣли всевозможные кумовья, родственницы и крестники, приходившіе проститься и погоревать вмѣстѣ съ ней и совсѣмъ всполошившіеся при извѣстіи объ ея отъѣздѣ.

У самихъ Леонтьевыхъ народу теперь тоже бывало еще больше обыкновеннаго.

Хоть Ольга, по совѣту Чемезова, предчувствовавшаго, сколько непріятныхъ объясненій и хлопотъ придется ей перенести изъ-за переѣзда, не распространялась объ немъ дальше близкаго кружка, но съ возвращеніемъ ея въ Москву вѣсть объ немъ разнеслась

по всему городу, поразивъ и возмутивъ москвичей этой неожиданной измѣной и неблагодарностью. Многіе прямо даже отказывались вѣрить этому и всѣ мало-мальски знакомые являлись въ домъ Леонтьевыхъ, разспрашивали, удивлялись, негодовали, упрекали, сожалѣли и еще больше только разстроивали бѣдную Пелагею Семеновну, которой по двадцати разъ приходилось дѣлиться прискорбной новостью.

Порой являлись даже вовсе незнакомые, то лично, то письменно, спрашивая, правда ли это; и Ольга, видя все это, невольно съ каждымъ днемъ все яснѣе начинала сознавать, какой страшный, рискованный переворотъ задумала она, и съ каждымъ днемъ сомнѣнія и страхъ сильнѣе охватывали ее.

X.

Первые три спектакля прошли благополучно для Ольги. Публика еще не вся знала объ ея переходѣ, а многіе, которые слыхали о томъ, еще не вѣрили этому вполнѣ и ее принимали съ той же горячностью, съ которой всегда принимали по возвращеніи откуда-нибудь. Но на двухъ слѣдующихъ стало вдругъ ощущаться что-то новое и какъ будто недоброжелательное къ ней.

Она чувствовала, какъ между ею и публикой что-то точно порывается, точно они меньше уже понимаютъ и любятъ другъ друга.

Даже самые аплодисменты, громкіе, но не горячіе, казались ей холодными и принужденными, и чуткое ухо ея, привыкшее съ дѣтства еще въ гулѣ ихъ различать степень восторга толпы, невольно чувствовало теперь эту новую, страшную и непривычную ей холодность. И ничто, ни слезы и упреки матери, ни предостереженія друзей, ни собственный инстинктивный страхъ предъ задуманнымъ ею шагомъ не дѣйствовали на нее такъ сильно, какъ подѣйствовало то первое шиканье, которое она услышала еще въ первый разъ за всю свою сценическую карьеру, наканунѣ того дня, какъ должна была въ послѣдній разъ играть въ Москвѣ.

Въ райкѣ ей положительно шикали; тамъ не желали подъ холодной любезностью скрывать свое негодованіе къ ней и хотя остальная часть публики, недовольная этимъ шиканьемъ и не желавшая оскорблять имъ артистку въ память прежнихъ ея заслугъ, а можетъ быть, и не знавшая или не вѣрившая еще непріятному слуху, нарочно усиленно аплодировала ей, стараясь

гуломъ аплодисментовъ заглушить это недостойное и неприличное шиканье и даже свистъ, рѣзко раздававшіеся порой, но оно все-таки прорывалось и поражало Ольгу болью, тоской и испугомъ.

— Боже мой, Боже мой, что я дѣлаю! — сказала она съ ужасомъ самой себѣ, когда занавѣсъ упалъ предъ ней и отдѣлилъ ее отъ толпы, въ которой аплодисменты и шиканья сливались въ одинъ общій грозный гулъ.

— Что я дѣлаю!—повторила она и вдругъ впервые почувствовала вполнѣ ясно и сознательно, что своимъ поступкомъ она можетъ отнять отъ самой себя ту любовь публики, къ которой такъ привыкла и безъ которой уже не могла бы существовать.

Рыкаловъ игралъ вмѣстѣ съ нею и вмѣстѣ съ нею выходилъ на вызовы—и онъ тоже, какъ и она, слышалъ и былъ пораженъ этимъ заглушеннымъ аплодисментами шиканьемъ и свистомъ.

— Ой, Ольга, опомнись лучше во-время!—сказалъ онъ ей, когда занавѣсъ опять упалъ предъ ними и она вынула изъ его руки свою похолодѣвшую руку. Она ничего не отвѣтила и, молча опустивъ руки и съ какимъ-то безсознательнымъ выраженіемъ на лицѣ, пошла къ своей уборной; она шла машинально, но видѣла, какъ разступались предъ ней разные артисты, рабочіе и даже прислуга и какъ смотрѣли на нее кто съ почтительнымъ сожалѣніемъ, кто съ нескрываемой насмѣшкой; и она чувствовала, какъ ея же собственные товарищи, въ сущности даже расположенные къ ней, довольны теперь тѣмъ, что и ее, наконецъ, немножко ошикали.

Она слишкомъ долго и упорно пользовалась исключительнымъ успѣхомъ и любовью публики, чтобы не возбуждать къ себѣ невольной зависти, даже въ лучшихъ своихъ товарищахъ по сценѣ, и наказаніе, постигшее ее сейчасъ, нравилось имъ, какъ бы удовлетворяя ихъ отчасти.

Ольга пришла въ свою уборную и все такъ же машинально опустилась на стулъ предъ зеркаломъ, предъ которымъ одѣвалась въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ чуть не каждый вечеръ.

— Вотъ до чего дожили!—сказала Настасья съ упрекомъ и со слезами на глазахъ. Она жалѣла свою барыню и чуть не плакала отъ постигшаго ее „срама", какъ она мысленно назвала это; но въ то же время, сердясь на нее, была почти довольна, что такъ случилось и что она получила-таки то, чего по настоящему и заслуживала своими глупостями.

Но Ольга вдругъ вспыхнула и бросила на нее раздраженный, гнѣвный взглядъ.

— Уйди! — сказала она такимъ страннымъ, глухимъ точно,

полнымъ ненависти голосомъ, что Настасья хоть и не ушла, но замолчала и, отойдя въ сторону, стала собирать вещи.

Но Ольгѣ хоть на нѣсколько минутъ хотѣлось остаться одной, чтобы не видѣть и не слышать никого и ничего.

Ей было стыдно, мучительно стыдно почти физическимъ какимъ-то ощущеніемъ и въ то же время ей были жалки и противны всѣ эти люди съ ихъ совѣтами и упреками и съ этими соболѣзнующими и торжествующими лицами. Она нервно накинула на себя шубу и шарфъ, поверхъ того самаго бальнаго платья, въ которомъ играла послѣдній актъ и которое не хотѣла снимать для того, чтобы только не оставаться больше съ Настасьей, и поспѣшно, ни на кого не глядя и почти не отвѣчая на поклоны рабочихъ, которыхъ не замѣчала, вышла на улицу.

Вотъ тутъ онъ ждалъ ее тогда! Бросить его и остаться по прежнему, ничего не перемѣняя здѣсь? Но эта мысль ей была такъ же мучительна, какъ и мысль объ охлажденіи къ ней публики. Она даже не знала, чтѣ ужаснѣе. До сихъ поръ она была только артистка. Чувства къ людямъ не превышали въ ней любви къ сценѣ и не мѣшали ей—и вдругъ въ ней проснулась женщина, страстно любящая и страстно жаждущая такой же любви; женщина боролась въ ней теперь съ артисткой и она сама еще не знала, кто побѣдитъ.

Когда она задумала этотъ ужасающій ее теперь переворотъ, онъ казался ей простъ и легокъ, потому что ей казалось, что она не въ состояніи будетъ жить такъ далеко отъ него, такъ рѣдко видя его; но когда жертва, теперь почти уже принесенная ею, начинала давать свое возмездіе, она поняла, что скорѣе обойдется безъ него и убьетъ въ себѣ всякую любовь къ нему, чѣмъ останется безъ того успѣха и безъ той любви влюбленной въ нее толпы, которые составляли всю суть и прелесть ея существованія.

Ей вспомнилось, какъ отецъ, бывало, не разъ говорилъ ей, что публика ревнива и тѣмъ ревнивѣе и требовательнѣе къ своимъ любимцамъ, чѣмъ больше любитъ ихъ.

И вотъ она измѣнила имъ, и ее уже спѣшатъ наказать и Богъ вѣсть, простятъ ли когда-нибудь и примутъ ли снова съ прежней любовью, если она когда-нибудь опять захочетъ вернуться сюда? Чтѣ если, потерявъ любовь Москвы, она не встрѣтитъ такой же въ Петербургѣ? Чтѣ если!..—О! Боже мой, Боже мой!—почти вскрикнула она:—но этого не можетъ быть, не должно быть! а иначе... иначе...—Она не знала еще, чтѣ собственно иначе, но чувствовала, что это будетъ что-то ужасное и роковое для нея!

Но она не вѣрила, не хотѣла, не могла вѣрить этому — она вѣрила въ свой талантъ, въ свои силы и счастье.

— Вздоръ!—сказала она себѣ съ новой энергіей:—все будетъ хорошо!—Ея постоянные успѣхи невольно развили въ ней эту увѣренность въ ея счастливую звѣзду, которая всегда поддерживала ее и позволяла смѣло, почти безпечно глядѣть въ будущее, ожидая отъ него, уже по привычкѣ, только новыхъ удачъ и счастья.

Воспоминаніе о томъ, что ей шикали, еще жгло стыдомъ ея лицо, но уже не подавляло ее больше тѣмъ отчаяніемъ, которымъ поразило въ первыя минуты; она понимала теперь, что это была просто месть оскорбленной толпы, порицаніе ея измѣнѣ, но не порицаніе ея таланту и исполненію—та месть, которая оскорбленнаго влюбленнаго заставляетъ съ ненавистью поносить измѣнившую ему возлюбленную, любовь къ которой мучаетъ его въ это время сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Но никакая месть и злоба не могли отнять у нея таланта, которымъ она всѣхъ покоряла, и если москвичи ей шикали за то, что она уходила отъ нихъ, то петербуржцы станутъ рукоплескать за то, что она перешла къ нимъ!

Самое мучительное и тяжелое для нея въ этомъ дѣлѣ было то, что она сама слишкомъ любила Москву и не тàкъ хотѣлось бы ей проститься съ нею! Теперь это имѣло видъ какого-то тайнаго бѣгства и именно неблагодарной измѣны и она раскаявалась, зачѣмъ не сдѣлала этого открытѣе и смѣлѣе! Тогда и прощаніе ихъ вышло бы вѣрно совсѣмъ иное! Но она испугалась разныхъ мелкихъ непріятностей и сама наказала себя. Да, они въ правѣ наказывать ее, въ правѣ освистывать ее! Эти шикавшіе теперь ей москвичи—когда-то нѣсколькими тысячами проводили ея отца до могилы какъ родного, дорогого имъ человѣка. Среди нихъ развился ея собственный талантъ; они были первыми ея учителями и судьями и они же столько лѣтъ такъ баловали и любили и ее, и всю семью ея... И всѣхъ ихъ она промѣниваетъ на одного человѣка! Оцѣнитъ ли онъ ея жертву такъ, какъ она того стоила для нея? Ей казалось, что онъ не придаетъ перемѣнѣ этой большого значенія, видя въ ней только простую необходимость. А между тѣмъ она могла стоить ей цѣлой жизни!

XI.

Когда Ольга пришла домой, Пелагея Семеновна, уже легшая въ постель—послѣдніе дни она, замаявшись укладкой, ложилась гораздо раньше—подала ей со слезами № „Московскихъ Извѣстій“, гдѣ объ ней была цѣлая статья.

Въ статьѣ этой говорилось, что въ Москвѣ носится упорный слухъ, будто Леонтьева покидаетъ московскую сцену и переходитъ на петербургскую, „но, — прибавлялось, — слухъ этотъ такъ непріятенъ, что мы отказываемся ему вѣрить! Если же это дѣйствительно правда, то мы поражены и даже скажемъ сильнѣе—возмущены этимъ! Чѣмъ провинилась Москва, всегда безмѣрно любившая и баловавшая не только самоё г-жу Леонтьеву, но и ея покойнаго отца, что она вдругъ вздумала такъ неожиданно, безъ всякихъ на то, повидимому, серьезныхъ причинъ, покинуть ее? Г-жа Леонтьева—коренная москвичка и отъ нея менѣе чѣмъ отъ кого бы то ни было могли ожидать мы такого поступка!“

Затѣмъ газета вспоминала ея отца, его горячую постоянную любовь къ Москвѣ и тѣ блестящія предложенія, которыя не разъ дѣлались ему и Петербургомъ, и провинціей и несмотря на которыя онъ все-таки никогда не измѣнялъ Москвѣ и не покидалъ ее; всѣ думали, что его любовь и благодарность къ родному городу перешли въ такой же мѣрѣ и къ его дочери, которая до сихъ поръ всегда была любимицей всей Москвы.

Заканчивалась статья ожиданіемъ, что г-жа Леонтьева навѣрное поспѣшитъ опровергнуть этотъ непріятный слухъ, распущенный вѣроятно ея врагами съ цѣлью повредить ей въ глазахъ москвичей, и что въ такомъ случаѣ они заранѣе просятъ ея милостиваго прощенія въ томъ, что хоть на минуту повѣрили ему!

Ольга читала газету, судорожно сжимая ее рукой, и лицо ея блѣднѣло все больше. Но дочитавъ ее, она вдругъ рѣзко швырнула ее въ сторону и, нервно сжавъ на груди руки, взволнованно заходила по комнатѣ.

— Вотъ, Оленька,—сказала съ упрекомъ Пелагея Семеновна: —что̀ добрые-то люди говорятъ!

— Ну и пускай, пускай говорятъ! Какое мнѣ дѣло!—рѣзко вскрикнула она; — а я завтра же утромъ уѣду!—Пелагея Семеновна только ахнула и всплеснула руками. Она знала, что завтра вечеромъ Ольга должна еще играть, но по ея рѣшительному голосу и по страстно горящимъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ глазамъ

ей показалось, что дочь не шутитъ и дѣйствительно способна все бросить и уѣхать.

— Господь съ тобой, Оленька!—со страхомъ заговорила она: —опомнись, чтò ты говоришь-то, какъ же это возможно! а спектакль-то какъ же?

— А мнѣ все равно, все все равно! Господи, да что я, крѣпостная имъ что-ли! Что я себѣ развѣ не принадлежу, сама собой распорядиться не смѣю, у всего города позволенія спрашивать что-ли должна! Ахъ, уйдите, уйдите отъ меня всѣ, оставьте только, да оставьте же!—крикнула она дико, оттолкнувъ отъ себя мать, бросившуюся-было къ ней. И схвативъ себя за голову, она вдругъ истерически разрыдалась и бросилась въ свою комнату.

Пелагея Семеновна совсѣмъ перепугалась и кинулась за дочерью, но, увидя захлопнувшуюся предъ собой дверь, не посмѣла войти туда и вернулась со слезами къ себѣ. Шумъ услышали Варенька и Настасья и вошли къ ней съ недоумѣвающими лицами.

— Господи ты, Боже ты мой! что же это такое!—безпомощно сказала Пелагея Семеновна, увидѣвъ ихъ.

— Да изъ-за чего онѣ опять разсердились?—спросила шопотомъ Настасья.

Но Пелагея Семеновна замахала на нее руками и закивала головой на дверь въ гостиную, показывая, чтобы ее притворили плотнѣе. Настасья на цыпочкахъ подошла сдѣлать это и Пелагея Семеновна шопотомъ разсказала ей и Варенькѣ, чтò пишутъ въ газетахъ и кáкъ Ольга приняла это.

— Да ужъ теперь чего ожидать, все въ разладъ пойдетъ, всѣ напустятся!—сказала Настасья сокрушенно и со злобой не то на тѣхъ, которые „напускались", не то на самоё Ольгу, которая дорвалась до этого.

— Просто не обращать на это вниманія!—пренебрежительно замѣтила Варенька, пожимая плечами.

— Легко сказать! Не обращать вниманія!—разсердилась Пелагея Семеновна:—когда она, можетъ быть, всю судьбу свою теперь погубитъ! Такъ и друзья врагами станутъ; оклеветать человѣка-то не долго.

— Ну что-жъ!—равнодушно возразила Варенька: — на это ужъ надо идти!

Но Пелагея Семеновна только еще больше разсердилась „на безчувствіе" своей младшей дочери. Она не могла слышать спокойно и равнодушно, какъ и публика, и печать, и даже всѣ знакомые станутъ осуждать Ольгу, и эта первая статья такъ поразила и смутила ее, что она рѣшилась опять уговаривать и упрашивать дочь

не дѣлать этого, хотя въ гостиной уже стояли уложенные сундуки и больше половины мебели было уже запродано.

— Ну нѣтъ, теперь ужъ не послушаетъ!—сказала Настасья, безнадежно махая рукой:—и просить не стоитъ; только хуже ее и себя разстроите!

Варенька, лучше всѣхъ ихъ понимавшая, что переѣздъ было дѣло такое рѣшенное, о которомъ и разсуждать безполезно, послушала еще немножко материнскія жалобы и ушла къ себѣ спать.

Но Пелагея Семеновна и Настасья еще долго разсуждали все на ту же тему и нѣсколько разъ то та, то другая осторожно на цыпочкахъ подходили къ Ольгиной двери и, не смѣя отворить ее, только прислушивались, что̀ она тамъ дѣлаетъ. Оттуда слышались все тѣ же нервные взволнованные шаги и когда Пелагея Семеновна уже въ третьемъ часу въ послѣдній разъ подошла къ двери, то Ольга все еще ходила...

XII.

На другое утро, очень рано, когда свѣтъ еще чуть брезжилъ, Настасья таинственно вошла къ Пелагеѣ Семеновнѣ и, разбудивъ ее, объявила, что Ольга Львовна „уже встали и собираются на поѣздъ“.

Пелагея Семеновна ахнула, испугалась и стала быстро одѣваться. Она никакъ не предполагала, что дочь дѣйствительно рѣшится исполнить свою угрозу, и думала, что это она только такъ сказала въ минуту запальчивости, но въ то же время она давно уже знала, что когда на Ольгу нападетъ упрямство, то ее уже невозможно образумить и переубѣдить.

— Оленька,—заговорила она, входя въ комнату дочери,—да неужто же ты и вправду рѣшилась на это?—Ольга, съ пожелтѣвшимъ, осунувшимся за ночь лицомъ и измученнымъ выраженіемъ въ воспаленныхъ глазахъ, на̀скоро укладывала въ небольшой ручной чемоданъ какія-то вещи. Она быстро и сердито оглянулась на мать.

— Рѣшилась!—сказала она отрывисто и сейчасъ же опять отвернулась отъ матери.

Пелагея Семеновна съ безнадежнымъ отчаяніемъ опустилась на стулъ и заплакала.

— Хоть бы ты о людяхъ-то подумала, что̀ они о тебѣ скажутъ! Вечеромъ играть должна, а она еще утромъ, на-те вамъ, укатила! Вѣдь ты себя этимъ на всю жизнь осрамишь; мало ли

и такъ-то о тебѣ сплетни-то сплетничаютъ! Господи! и за что ты меня наказываешь такъ, чѣмъ я заслужила, чтобы родная моя дочь...

— Да замолчите вы, мама! — вскрикнула Ольга, съ отчаяніемъ отталкивая отъ себя чемоданъ:—чего вы-то еще мучаете меня?—Она бросила вещи, бывшія у нея въ рукахъ, и опять, какъ всегда, когда сильно волновалась, заходила по комнатѣ, сложивъ руки на груди и пальцами ихъ нервно барабаня объ локти.

Пелагея Семеновна молча плакала и ничего уже не говорила. Не ей, слабой и безхарактерной, было переспорить дочь и повліять на нее. Когда на Ольгу находили такіе дни и порывы, что она, по мѣткому выраженію брата Сергѣя, „закусывала удила", то и покойный отецъ не всегда бывалъ въ силахъ удержать ее.

— Мама!—сказала вдругъ Ольга, проходивъ нѣсколько минутъ и молча останавливаясь предъ матерью:—вы поймите, что если я не уѣду сейчасъ, то... то не уѣду совсѣмъ! — крикнула она съ болью и усиліемъ.

— И прекрасное бы дѣло!—сказала одобрительно Настасья. —Дайте-ка я лучше вещи изъ чемодана назадъ выложу.

Но Ольга рѣзко отстранила ее и, вдругъ опустившись предъ матерью на колѣни, обняла ее и заплакала, прильнувъ къ ней головой.

— Олечка! — робко заговорила Пелагея Семеновна, крѣпко прижимая дочку къ груди и цѣлуя ее:—опомнись, милая, не срами себя, ну, что̀ ты задумала...

— Мама!—воскликнула Ольга, съ рыданіемъ цѣлуя руки ея:— да поймите же, что я отъ самой себя бѣгу! Что я дѣйствительно способна послать опроверженіе въ газеты и прошеніе свое взять назадъ... а если я это сдѣлаю... такъ... такъ все равно, я потомъ руки на себя наложу...

— Господи помилуй!—сказала, испуганно крестясь, Настасья: —еще что̀ скажете!

А Пелагея Семеновна задрожала отъ ужаса, когда Ольга съ страстной болью и тоской выкрикнула эти слова.

— Христосъ съ тобой, дѣтушка! — сказала она, со страхомъ крестя дочь:—зачѣмъ же руки на себя накладывать! это и сказать-то грѣхъ великій... Ужъ поѣзжай себѣ лучше съ Богомъ, когда съ собой совладать не можешь! Мы тутъ ужъ какъ-нибудь устроимъ! Я къ Антону Андреевичу сама схожу, переговорю съ нимъ. Да я и не про то тебѣ говорила, чтобы совсѣмъ не ѣхать, а только про сегодняшній день одинъ; Оленька, родная моя, дочка моя милая, ну, пересиль себя какъ-нибудь, сыграй, милая...

— Да не могу же, не могу!—вскрикнула Ольга съ отчаяніемъ, вскакивая съ колѣнъ:—если ѣхать, такъ сейчасъ, а то передумаю и тогда... хуже будетъ, хуже!..

И она порывистымъ, рѣшительнымъ движеніемъ на̀скоро собрала опять разбросанныя вещи и, не подпуская къ чемодану Настасью, точно боясь, что та помѣшаетъ и не пуститъ ее, сама кое-какъ быстро запихивала ихъ туда.

Потомъ она все такъ же поспѣшно и порывисто собрала и заколола свои волосы и накинула на себя пальто.

— Мама,—говорила она отрывисто, то застегивая пальто и надѣвая шляпу, то цѣлуя мать:—мнѣ пора, девятый часъ... вы не безпокойтесь... я вамъ пришлю Ардальона Михайловича... онъ вамъ все устроитъ, уложитъ и перевезетъ васъ... я завтра же попрошу его выѣхать...

— Такъ неужели же вы такъ, не пивши, не ѣвши, на этомъ даже поѣздѣ поѣдете?—спросила въ изумленіи Настасья, не зная, что̀ ей дѣлать, собираться ли скорѣе да ѣхать вмѣстѣ съ Ольгой Львовной, которую она боялась отпустить одну въ такомъ состояніи, или оставаться съ Пелагеей Семеновной, которая тоже была въ такомъ же состояніи и которую тоже бросить ей было жаль.

Но Ольга нетерпѣливо прервала ее; она не хотѣла ни пить, ни ѣсть и ей все равно было на какомъ поѣздѣ ѣхать, лишь бы скорѣе ѣхать. И не слушая ни просьбы матери, умолявшей ее хоть скушать чего-нибудь на дорогу, ни уговоровъ Настасьи, убѣждавшей ее остаться хоть до почтоваго поѣзда, она торопливо, боясь только опоздать, обняла мать въ послѣдній разъ.

— Ну, Христосъ съ тобой, что же дѣлать, видно ужъ надо покориться! — сказала, горько вздыхая и крестя дочь на дорогу, Пелагея Семеновна. Но вдругъ она вспомнила, что Ольгины товарищи по сценѣ и ея начальство собирались сдѣлать ей торжественный прощальный обѣдъ и проводы, и она опять невольно заплакала при мысли, что дочь ея, лишая себя всего этого почета, бѣжитъ тайкомъ отъ всѣхъ добрыхъ людей, точно преступленіе какое совершила.

— Ахъ, Богъ съ нимъ, съ обѣдомъ!—сказала Ольга, не слушая ея новыхъ просьбъ и упрековъ, и быстро, ни съ кѣмъ даже не прощаясь, выбѣжала въ переднюю и спустилась по лѣстницѣ.

XIII.

И Ольга уѣхала.

Она сознавала всю взбалмошность, нелѣпость своего поступка и все-таки не могла поступить иначе. Она знала, что теперь противъ нея окончательно возмутится вся Москва, и начальство, и товарищи, и всѣ станутъ бранить и осуждать ее съ полнымъ на то правомъ.

Знала, что театральное начальство ея, и безъ того очень недовольное переходомъ ея, можетъ надѣлать ей массу непріятностей и даже, несмотря на всю ея необходимость въ театрѣ, пригрозить ей вмѣсто перехода полной отставкой съ казенной сцены. Но въ эту минуту она готова была идти на все, пренебречь всѣмъ и даже въ случаѣ крайности перейти на частную сцену, лишь бы поставить на своемъ и уѣхать.

Натурѣ ея, плохо дисциплинированной воспитаніемъ, избалованной жизнью и людьми и склонной къ тому же къ увлеченіямъ, были свойственны подъ часъ самые дикіе и необдуманные поступки. Она стыдилась и раскаявалась въ нихъ потомъ, но обуздать себя вѣ-время она была не въ силахъ или, вѣрнѣе сказать, думала, что не въ силахъ, и даже не пробовала того, поддаваясь порыву почти безъ борьбы и точно даже съ какимъ-то наслажденіемъ.

Но съ годами необузданность стала постепенно исчезать въ ней, проявляясь все рѣже и слабѣе. И вотъ, послѣ долгаго спокойнаго промежутка, когда ея родные и сама она думали уже, что это совсѣмъ прошло въ ней, это была ея первая страстная выходка, которая могла дорого ей стоить и на которую она все-таки же бросилась, рѣшивъ однимъ непоправимымъ уже ударомъ разомъ порвать всѣ свои сомнѣнія и колебанія.

Поѣздъ былъ долгій и грязный; она не могла даже достать себѣ отдѣльнаго купэ и ѣхала въ общемъ вагонѣ второго класса, потому что перваго не было; она мучительно боялась встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ или полузнакомыхъ, которые могли бы подойти къ ней, заговорить, начать опять разспрашивать, удивляться, сожалѣть и, словомъ, дѣлать все то, что̀ такъ уже опротивѣло ей за эти послѣдніе дни.

Она хотѣла сидѣть молча, ни съ кѣмъ не говоря и ни на кого не глядя, потому что была вся въ такомъ нервномъ состояніи, что на каждый вопросъ у нея вырвалась бы въ отвѣтъ вмѣсто разговора только новая вспышка гнѣва и слезъ.

Прижимаясь въ самый уголъ вагона, она угрюмо думала, что̀ скажетъ Чемезову и какъ объяснитъ ему, что не могла остаться еще на одинъ послѣдній спектакль, потому что боялась, что не уѣдетъ тогда совсѣмъ!

Какъ сказать это ему, когда они любятъ другъ друга и когда онъ, повидимому, не придавалъ даже ея переходу значеніе такой большой жертвы! Конечно, онъ—строгій и добросовѣстный во всѣхъ его поступкахъ и обязанностяхъ—не одобритъ ее и даже не пойметъ, быть можетъ, что она сдѣлала это, любя его и думая о немъ; не пойметъ и не одобритъ ее тѣмъ болѣе, что она изъ страха оскорбить его и зародить въ немъ невольное сомнѣніе въ прочности ея любви къ нему, которая, какъ онъ будетъ въ правѣ думать, испугалась перваго же искуса—никогда не рѣшится сказать ему правду!

Въ ней было слишкомъ много врожденной деликатности и опасенія какъ-нибудь задѣть и оскорбить даже посторонняго человѣка (и посторонняго даже больше, чѣмъ близкаго), чтобы она могла сказать человѣку, котораго любила больше всѣхъ въ мірѣ: „я уѣхала, не доигравъ даже того спектакля, который обязана была играть, потому что еслибы я осталась еще хоть на день, то не уѣхала бы совсѣмъ!“ Самой себѣ и матери своей она могла признаться въ этомъ, но ему она не могла ни сказать этого, ни оправдаться этимъ!

Сама она знала всю силу своей любви къ нему, но онъ, не зная этого такъ, какъ знала она, могъ усомниться и въ ней, и въ ея любви, а это ей было бы ужасно! Ему она даже не признавалась, какъ страшно, трудно и больно ей было рѣшиться на этотъ несчастный переходъ.

Сказать ему, что она не была назначена на послѣдній спектакль и потому могла уѣхать раньше?—но всякая ложь ей была отвратительна и къ тому же это было безполезно потому, что завтра же объ этомъ заговорятъ всѣ газеты, и потому, что между ними было условлено, что она пріѣдетъ только на второй или на третьей недѣлѣ поста вмѣстѣ со всей семьей и не раньше, какъ устроивъ предварительно всѣ дѣла.

И лежа на своемъ узенькомъ, короткомъ и жесткомъ диванѣ, она почти всю ночь не сомкнула глазъ, мучаясь тѣмъ, что̀ она ему скажетъ и какъ это все вообще устроится послѣ того, что она сама же себѣ такъ напортила все этимъ побѣгомъ.

Пріѣхавъ утромъ въ Петербургъ, она отослала съ посыльнымъ свой чемоданчикъ къ Милочкѣ, а сама поѣхала на нѣсколько минутъ къ Чемезову.

Несмотря на радость свиданія съ нимъ, она волновалась и какъ будто не хотѣла даже ѣхать къ нему такъ скоро. Всегда, когда ей предстояла какая-нибудь опасность и непріятность, она предпочитала идти на нее прямо и скорѣе, не мучая себя оттягиваніемъ и неизвѣстностью, и потому, хотя на душѣ у нея было непокойно и она не придумала даже еще, что̀ скажетъ ему въ объясненіе своего внезапнаго пріѣзда, рѣшила ѣхать сейчасъ же.

Но, подъѣзжая къ его дому, она почувствовала вдругъ, что сердце ея такъ бьется и самой ей такъ жутко и неспокойно, что она вдругъ поняла, что боится его и это поразило и оскорбило ее самоё. Она вспыхнула, возмутившись этой трусостью, и гордо закинула голову.

Не ей, свободной и независимой, бояться кого бы ни было, а тѣмъ болѣе человѣка, которому отдалась любя! Любить его, но не унижаться предъ нимъ; отдать ему въ жертву все, но не дѣлаться его рабыней!

Напротивъ, въ ней самой была доля безсознательнаго деспотизма, не допускавшаго ее до сихъ поръ ни предъ кѣмъ вполнѣ покориться и благодаря которому вліять на нее, несмотря на кажущуюся мягкость ея натуры, было довольно трудно.

И потому, когда она позвонила и вошла въ его кабинетъ, голова ея была надменно приподнята и въ глазахъ чувствовался вызовъ ему, хотя на душѣ ея было все такъ же жутко и тревожно.

— Ольга!—воскликнулъ съ удивленіемъ Чемезовъ, никакъ не ожидавшій ее раньше второй недѣли поста: — что̀ это значитъ?

— Да—сказала она какимъ-то странно сдержаннымъ голосомъ и даже не бросаясь къ нему, какъ всегда.—Я пріѣхала раньше! Я не могла ждать, когда все это кончится, и рѣшилась уѣхать! Ну, не брани меня, милый!—сказала она вдругъ неожиданно для самой себя и съ виноватымъ выраженіемъ протянула къ нему руки.

Хотя она, входя сюда, почти сердилась на него за тотъ страхъ, который чувствовала къ нему и чувствовать который не желала, но увидѣвъ его, она не могла уже больше думать о томъ, чтобы не дѣлаться его рабой, и хотѣла отъ него только ласки и улыбки, которыя успокоили бы ее.

Но Чемезовъ не улыбался; онъ взялъ ея руки и поцѣловалъ ихъ, но глаза его глядѣли на нее строго и пытливо.

— Какъ же ты это оставила Пелагею Семеновну?—спросилъ онъ сухо:—неужели же ты всѣ эти хлопоты по переѣзду взвалила на нее одну?

Она увидѣла этотъ строгій допрашивающій ее взглядъ и оскорбилась имъ тѣмъ болѣе, что они не видѣлись больше недѣли, а онъ не хотѣлъ найти для нея другихъ словъ и взгляда, кромѣ наставническихъ, которые оскорбляли и раздражали ее. Но въ душѣ она сознавала, что онъ правъ, а она виновата и потому смиряла себя отъ вспышки гнѣва, которая уже подступала къ ней.

— И потомъ, ты вѣдь, кажется, должна была играть вчера?—припомнилъ онъ, съ удивленіемъ смотря на нее.

Она порывисто встала и перешла къ его письменному столу, машинально начавъ перекладывать на немъ какія-то вещи.

— Ну, да,—сказала она небрежно, нарочно небрежно, чтобы онъ понялъ, что она не боится ни его, ни своихъ поступковъ:—должна была, но не играла!

— То-есть, какъ же это?

— Ахъ, да такъ! Не играла потому, что не хотѣла... и не могла играть! Ну, да что объ этомъ говорить!—прервала она себя и снова быстро подошла къ нему, закинула ему руки на плечи и, заглянувъ ему въ лицо смѣющимся взглядомъ, крѣпко поцѣловала его въ губы.

— Оставь!—сказала она, тихо прижимаясь къ нему:—не будемъ ссориться для начала; если я не играла и пріѣхала раньше, чѣмъ должна была, то вѣрь мнѣ, что такъ, значитъ, нужно было и что иначе я не могла поступить.

— Ну, это еще далеко не доказательство!—отвѣчалъ онъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ, слабо отвѣчая на ея ласки. Она вспыхнула и скинула съ плечъ его свои руки.

— Нѣтъ,—сказала она запальчиво,—если я говорю, то это значитъ доказательство! Какое право ты имѣешь не вѣрить мнѣ!

Чемезовъ тоже всталъ и отошелъ отъ нея. Еще съ самаго начала ихъ отношеній онъ сказалъ себѣ, что Ольгу во многомъ нужно передѣлать и, между прочимъ, смягчить также ту рѣзкую порывистость и вспыльчивость, которыя были ей свойственны. И потому, замѣтивъ теперь, что она готова уже вспылить и притомъ когда сама къ тому же и виновата, онъ рѣшилъ сразу прервать это.

— Ну, я вѣрю не по указаніямъ другихъ,—сказалъ онъ ей сухо,—а тому, чему самъ желаю вѣрить! И потомъ, что это за тайны такія! Если у тебя была дѣйствительно уважительная причина (въ чемъ я, впрочемъ, очень сомнѣваюсь) не играть вчера и уѣхать, бросивъ все на руки старой матери, то ты могла бы, кажется, прямо сказать ее! Я никакихъ глупостей не люблю,

а ты натворила что-то, что̀, повидимому, желаешь скрыть отъ меня почему-то, и я совсѣмъ не расположенъ одобрять все это, только для того, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе! По моему, это, вѣроятно, опять какая-нибудь твоя взбалмошность, отъ которыхъ тебѣ пора отвыкать!

— Послушай!—сказала Ольга, отчетливо раздѣляя слова и смотря въ упоръ на него съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ:—я не ребенокъ и ты мнѣ не гувернантка, и я дѣлаю всегда только то, что захочу, и тебѣ лучше наставленій мнѣ не читать!.. Я ихъ не люблю... и не для нихъ пріѣхала сюда...

Онъ съ удивленіемъ, почти не узнавая въ этой блѣдной женщинѣ, съ злымъ, вздрагивающимъ отъ волненія лицомъ, своей Ольги, взглянулъ на нее.

Они молча стояли съ минуту другъ противъ друга, смотря одинъ на другого недобрымъ, почти враждебнымъ взглядомъ и въ глазахъ обоихъ чувствовались такое упрямство и сила, что трудно было сказать, который изъ нихъ въ концѣ концовъ побѣдитъ и переломитъ другого...

И Чемезовъ понялъ это и хотя ему было жаль ссориться съ ней, къ тому же въ первыя минуты ея пріѣзда, но онъ тутъ же сказалъ себѣ, что не поддастся ей и что пускай лучше выйдетъ сильная ссора, чѣмъ она вообразитъ, что всегда можетъ испугать и побороть его подобной сценой.

И онъ, съ холоднымъ выраженіемъ въ лицѣ, взялъ свою шляпу и портфель и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уйти.

— Не знаю,—заговорилъ онъ нарочно особенно сухо и рѣзко,—для чего ты пріѣхала; но если для подобныхъ сценъ, то сдѣлала бы лучше, еслибы не пріѣзжала совсѣмъ!.. Я къ нимъ совсѣмъ не расположенъ и меня, Ольга, ими не запугаешь!

— А, такъ...—проговорила она глухо:—такъ...—и въ головѣ ея промелькнуло, что она сейчасъ же дастъ телеграмму въ Москву, чтобы остановили ея переводъ, и уѣдетъ обратно сегодня же съ почтовымъ поѣздомъ.

— Ну хорошо же...—съ какимъ-то угрожающимъ и злорадствующимъ спокойствіемъ сказала она; — хорошо...—и она молча, перегнувшись черезъ столъ, достала рукой до своей шляпы и перчатокъ, и молча, не торопясь, надѣла ихъ и долго только не могла вколоть въ шляпу острую шпильку, потому что руки ея дрожали.

Чемезовъ, тоже ничего не говоря, стоялъ у окна, думая, съ болью въ душѣ, обо всей нелѣпости этой тяжелой, ненужной имъ сцены, и ему хотѣлось сорвать съ нея эту глупую шляпу и

зацѣловать со злостью и наслажденіемъ ея поблѣднѣвшее, съ сверкающими отъ гнѣва глазами, лицо,—но все та же мысль, что она и на будущее время станетъ въ такомъ случаѣ пользоваться и даже злоупотреблять, быть можетъ, подобными сценами, которыхъ онъ не хотѣлъ ей позволить, удерживала его отъ этого. Онъ молча, не останавливая ее ни однимъ движеніемъ, слѣдилъ за ней холоднымъ, строгимъ взглядомъ, и желалъ только одного, чтобы она первая одумалась и бросилась къ нему, и тогда онъ съ восторгомъ все проститъ ей.

Но когда, надѣвъ, наконецъ, шляпу, она все такъ же, какъ будто спокойно, съ чуть вздрагивающими только отъ нервной дрожи плечами, молча, не прощаясь съ нимъ, пошла изъ комнаты, болѣзненный страхъ, что она уйдетъ и не вернется, снова охватилъ его; онъ не выдержалъ и окликнулъ ее строгимъ голосомъ, почти злымъ, за то, что она таки-заставила его перваго подойти къ ней; но къ его удивленію она не остановилась, а только обернулась къ нему на мгновеніе и взглядъ, который она бросила на него, былъ полонъ такой торжествующей угрозы и злобы, что онъ, возмущенный имъ, повернулся къ ней спиной, не останавливая ее уже больше и почти ненавидя ее въ эту минуту. И вмѣстѣ съ ненавистью къ ней и мучительной тоской, въ немъ вдругъ поднялось страстное желаніе броситься за ней и грубымъ, рѣзкимъ насиліемъ, потому что она отталкивала его, удержать ее тутъ, на зло ей самой. Но онъ пересилилъ себя и далъ ей уйти...

XIV.

Ольга вышла, сама отворивъ себѣ входную дверь, торжествуя, что исполнила свою угрозу и ушла, и торжествуя также уже впередъ, что броситъ его совсѣмъ и уѣдетъ сегодня же обратно въ Москву.

Но мысль эта, пріятная ей какъ угроза и месть ему, была ужасна и мучительна для нея самой. Она машинально, почти не видя ступеней, сливавшихся въ ея глазахъ, спускалась съ лѣстницы и думала только съ холодящей ей сердце тоской и ужасомъ о томъ, что̀ случилось, что̀ порвалось между ними и что̀ кончилось навсегда...

Она плохо помнила, что̀ говорила ему сама и какъ все это началось, но зато помнила все, что̀ онъ говорилъ ей и какъ смотрѣлъ на нее своимъ холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ.

И взглядъ этихъ самыхъ глазъ, въ которыхъ до сихъ поръ она привыкла видѣть только любовь къ себѣ, запечатлѣлся въ ней сильнѣе всѣхъ словъ,—словъ такихъ оскорбительныхъ и жестокихъ для нея, послѣ того, что она столько сдѣлала и столькимъ пожертвовала ему!

Но вдругъ она замѣтила, что перешагнула уже послѣднюю ступеньку лѣстницы и что впереди, до открытаго подъѣзда, въ пространствѣ котораго виднѣлся кусокъ улицы съ какимъ-то желтымъ домомъ напротивъ и съ проѣзжающимъ мимо извозчикомъ, оставалось только гладкое мѣсто въ какихъ-нибудь пять шаговъ. Это поразило и испугало ее, какъ что-то неожиданное и ужасное.

„О, Господи! — подумала она съ тоской: — неужели же я уйду?.. уйду и все кончится!.. совсѣмъ... совсѣмъ кончится?..“ И она невольно остановилась и, приподнявъ голову, нѣсколько мгновеній жадно прислушивалась, не бѣжитъ ли онъ за ней... не кликнетъ ли по крайней мѣрѣ...

Но на верху все было тихо—и тогда въ ней снова поднялся стыдъ и гнѣвъ за то, что она стоитъ тутъ и ждетъ какъ милости, чтобы ее вернули.

— Ни за что!—сказала она себѣ съ негодованіемъ:—ни за что!—и она рѣзко отдернула руку отъ перилъ и твердо, съ пылающимъ отъ гнѣва и волненія лицомъ, пошла впередъ мимо швейцара, всегда съ любопытствомъ и удивленіемъ оглядывавшаго ее, и, машинально кивнувъ ему головой, вышла на улицу.

Теперь она была оскорблена уже не тѣмъ, чтò онъ говорилъ ей и кàкъ глядѣлъ на нее, а тѣмъ, что не пошелъ за ней и не окликнулъ ее даже...

И второе оскорбленіе казалось ей еще хуже, еще унизительнѣе перваго!

Дать ей такъ уйти, не броситься за ней, не остановить! Какое униженіе! И это онъ, для котораго она всѣмъ, всѣмъ пожертвовала! Чтò онъ говорилъ ей такое, что лучше было бы ей не пріѣзжать совсѣмъ? А... ну, хорошо же! зато она уѣдетъ! Пускай все разомъ порвется между ними — лучше страдать, чѣмъ такъ унижаться! Жила же вѣдь и безъ него. Безъ него! Теперь, когда она такъ слилась съ нимъ всѣмъ существомъ, всей душой своей—и вдругъ безъ него! Оторваться разомъ такъ грубо, такъ больно! Можно было жить безъ него, пока не знала его, но не теперь, когда...—И все-таки же уѣду!—повторяла она съ болью и упорствомъ; но все въ ней заныло отъ этой мысли мучительной тоской, и чѣмъ больше она представляла себѣ, какъ уѣдетъ

отсюда и станетъ жить опять одна, безъ него, тѣмъ страшнѣе и мучительнѣе дѣлалось ей.

— И все-таки же уѣду!—сказала она опять, точно нарочно бичуя себя.—Такъ глядѣть на меня! Вѣдь еслибы онъ дѣйствительно любилъ меня, развѣ бы могъ онъ глядѣть на меня такъ? Никогда! И я сама, развѣ могла бы когда-нибудь такъ взглянуть на него, чтò бы онъ мнѣ ни сдѣлалъ? Никогда! А онъ!

Она не помнила собственнаго взгляда, который такъ возмутилъ и оскорбилъ его, и даже не знала о немъ, а объ его взглядѣ не могла забыть.

— Ну, и хорошо, и все кончено, и я никогда уже не вернусь къ нему больше, никогда...

И она обернулась, взглянула, какъ бы прощаясь и грозя мысленно оставшемуся позади ея его дому, и вдругъ неожиданно и почти безотчетно для самой себя круто повернулась назадъ и легкими, быстрыми шагами пошла обратно.

— Чтò я дѣлаю?.. чтò я дѣлаю?—спрашивала она себя со страхомъ и удивленіемъ; но удивленіе ея было радостное и, не понимая самоё себя, она шла все скорѣе и скорѣе, почти бѣгомъ, безсознательно радуясь только тому, чтò дѣлала... — Вздоръ, вздоръ... —говорила она, смѣясь и плача вмѣстѣ: — вздоръ, вздоръ! зачѣмъ безъ него, зачѣмъ...

И не чувствуя даже шаговъ своихъ—такъ легки и быстры были они—она вбѣжала опять въ его подъѣздъ и на лѣстницу и, задыхаясь отъ волненія и бѣга, дернула ручку двери. Дверь, такъ и не запертая имъ, сейчасъ же растворилась предъ ней; она вбѣжала въ его кабинетъ, почти не сознавая чтò дѣлаетъ, и чувствуя только восторгъ и радость, что разрушила, наконецъ, какія-то оковы и препятствія и снова вернулась къ нему.

И увидѣвъ его—съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему на грудь...

XV.

Она вбѣжала къ нему въ ту минуту, когда онъ, съ мучительной тоской поджидавшій все время, что она одумается и вернется, уже терялъ надежду.

На душѣ у него было такъ тяжело, что онъ еще въ первый разъ за долгіе годы не могъ думать ни о департаментѣ, ни о докладѣ министру, который предстоялъ ему. Онъ не вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы все кончилось между ними; но не зналъ, какъ помирятся они, и помирятся ли даже скоро!..

И въ тотъ мигъ, когда она вбѣжала и бросилась къ нему, онъ почти не вѣрилъ счастью, что она снова вернулась къ нему и снова съ нимъ, снова покорная, нѣжная и любящая и такъ непохожая на ту, какою ушла, бросивъ на него свой послѣдній, злобный, торжествующій взглядъ.

Она безъ словъ рыдала на его груди, страстно прижимая руки его къ своимъ губамъ, и не только прощала ему теперь, но даже и не помнила больше, что онъ оскорбилъ ее... И онъ съ восторгомъ поднялъ ее на руки, перенесъ черезъ всю комнату на диванъ и положилъ ее тамъ, какъ ребенка, нѣжно прижимая ее къ себѣ и осыпая поцѣлуями ея заплаканное лицо. И любовь ихъ, послѣ бури, пронесшейся надъ ихъ головами, казалась имъ теперь еще лучше и прекраснѣе.

XVI.

Ардальонъ Михайловичъ съ большой готовностью согласился взять на себя всѣ хлопоты по переѣзду Леонтьевыхъ. Онъ вообще былъ человѣкъ очень любезный, къ дамамъ въ особенности, а къ дамамъ Леонтьевской семьи, къ которой дѣйствительно былъ очень привязанъ,—и тѣмъ болѣе. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ опытный, дѣловой и спокойный, такъ что, конечно, могъ пригодиться и услужить Пелагеѣ Семеновны гораздо лучше Ольги, которая всегда немножко прихрамывала въ практическихъ вопросахъ.

Итакъ, Ардальонъ Михайловичъ, устроивъ кое-какія свои дѣла, чрезъ два же дня выѣхалъ въ Москву вмѣсто Ольги, а Ольга осталась съ Милочкой пріискивать и устроивать свою будущую квартиру.

Вѣсть о переѣздѣ въ Петербургъ семьи очень различно подѣйствовала на обѣихъ сестеръ, уже жившихъ здѣсь, т.-е. на Милочку и на Глафиру. Глафира Львовна была очень удивлена и даже смущена этимъ извѣстіемъ, которое узнала уже стороной, потому что никому изъ родныхъ не пришло въ голову увѣдомлять ее объ этомъ, чѣмъ она была очень обижена. Точно также стороною она узнала и о романѣ Ольги съ Чемезовымъ, который тоже не мало поразилъ и возмутилъ ее.

Трудно было сказать, за кого собственно оскорбилась въ данномъ случаѣ Глафира Львовна: за сестру, къ которой впрочемъ была вполнѣ равнодушна, или за Чемезова, къ которому, не считая его мѣста и карьеры, была еще болѣе равнодушна.

Въ сущности Глафирѣ Львовнѣ это должно было бы быть

рѣшительно все равно; но почему-то это было не такъ и она была крайне недовольна, возмущена, шокирована и находила, что вся эта исторія просто скандалъ—скандалъ и для Ольги, и для Чемезова, и для всѣхъ Леонтьевыхъ, и почти даже для нея самой, Глафиры Львовны, которая къ несчастію была тоже изъ Леонтьевыхъ; она даже опасалась, не повредитъ ли это и Петру Георгіевичу по службѣ, хотя, говоря правду, до Петра Георгіевича вся эта исторія имѣла такое отдаленное отношеніе, что повредить никоимъ образомъ не могла, и объ этомъ не стоило даже безпокоиться.

Но Глафира Львовна была заботливая жена, желавшая съ должнымъ достоинствомъ поддерживать имя мужа, и потому безпокоилась. Теперь всѣ начнутъ объ этомъ говорить, даже кричать, потому что, какъ-ни-какъ, но и Ольга, и Чемезовъ оба достаточно интересная тема для сплетенъ и, чего добраго, примѣшаютъ пожалуй и имена ихъ, Обуховыхъ, во всему этому скандалу.

И какъ нарочно въ то самое время, когда Петръ Георгіевичъ имѣлъ уже надежду получить товарища министра! Какъ же тутъ было не безпокоиться! У товарища министра всегда найдется достаточно враговъ и завистниковъ, которые обрадуются случаю повредить ему.

Къ тому же Глафиру Львовну смущалъ и другой вопросъ. Леонтьевы такъ часто бываютъ безъ денегъ; что̀, если они вздумаютъ занимать у нея?

Эти опасенія были даже существеннѣе и вѣроятнѣе эфемерныхъ опасеній за карьеру Петра Георгіевича.

— Я имъ дамъ понять, что намъ это будетъ очень непріятно и чтобы они на это не разсчитывали,—сказала она мужу, который, кстати сказать, не очень раздѣлялъ ея опасенія за будущее мѣсто товарища министра, о которомъ онъ по нѣкоторымъ благопріятнымъ для него признакамъ мечталъ все послѣднее время, и даже видѣлъ его какъ-то раза два во снѣ, но зато онъ вполнѣ сочувствовалъ женѣ въ безпокойствѣ насчетъ непріятныхъ займовъ.

— Разумѣется!—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ:—къ тому же они, въ сущности, получаютъ не меньше нашего! У Ольги девять тысячъ въ годъ; на это жить можно!

— Нѣтъ, что касается Ольги, то она, конечно, занимать не станетъ. Но я боюсь за мамашу и за остальную ватагу. Борисъ, навѣрное, хоть разъ попытается; положимъ, я его не намѣрена даже и на порогъ пускать, но мать я, конечно, не могу не принимать! А главное опять начнутся эти разговоры объ Варѣ. Они

давно уже поговариваютъ о томъ, что надо будетъ намъ всѣмъ четверымъ, т.-е. мнѣ, Ольгѣ, Сергѣю и Милочкѣ, сложиться и давать ей двѣ тысячи въ годъ, пока она будетъ учиться пѣть. Но, право, я нахожу, что 500 рублей намъ и самимъ пригодятся; въ сущности, все это только однѣ праздныя затѣи; гораздо благоразумнѣе было бы поступить ей въ гувернантки или въ какую-нибудь контору. Во всякомъ случаѣ, учиться и здѣсь можно! Если объ этомъ опять поднимутся разговоры, то я прямо отклоню отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ и прямо выскажу, что считаю его лишнимъ и даже вреднымъ. У насъ свои дѣти есть!

Петръ Георгіевичъ молча, но нѣжно поцѣловалъ руку жены. Ея забота объ его интересахъ всегда очень трогала его. Съ такой женой не пропадешь и не разоришься. Если бы она захотѣла и нашла бы нужнымъ давать сестрѣ эти 500 р. въ годъ, онъ ни однимъ словомъ не возразилъ бы ей и даже въ душѣ не сожалѣлъ бы; но, конечно, онъ соглашался съ ней вполнѣ, что у нихъ свои дѣти и что не давать эти деньги гораздо выгоднѣе и пріятнѣе.

Милочка же, напротивъ, была въ восторгѣ; во-первыхъ, она искренно любила свою мать и семью и часто скучала безъ нихъ, а во-вторыхъ ее ужасно занимали всѣ эти хлопоты съ переѣздомъ, т.-е. исканіе квартиры, покупка мебели и т. п. хлопоты, въ которыхъ она принимала самое дѣятельное участіе.

Милочка ничего такъ не любила, какъ ѣздить по магазинамъ и покупать, покупать и покупать! Покупать все, что̀ бросится въ глаза—и нужное, и ненужное, и полезное, и безполезное, какъ это она могла дѣлать теперь подъ благовиднымъ предлогомъ исполненія взятыхъ на себя порученій.

Въ это время она совсѣмъ преображалась, вдохновляясь почти такъ же, какъ Ольга во время игры; глаза ея сверкали, лицо лихорадочно горѣло и у нея являлись вдругъ фантазія и воображеніе настоящаго художника. Она жадно бросалась отъ одной вещи къ другой, засыпала приказчиковъ безконечными вопросами и точно съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ рылась своими быстрыми маленькими ручками во всѣхъ этихъ матеріяхъ, фарфорѣ и даже въ тѣхъ мѣдныхъ кострюляхъ, которыя онѣ покупали теперь.

— Вотъ это трюмо можно будетъ поставить въ уголъ!—говорила она Ольгѣ, блестя на нее своими разгорѣвшимися глазами, а руками дѣлая какіе-то нервные жесты, которые—ей вѣрно казалось—лучше дополняли ея слова. — Мы его все заставимъ цвѣтами,—можно будетъ у Поповой искусственныхъ купить,—а

подлѣ него бросить вотъ эту шолковую кушетку, а сзади нея поставить на высокой тумбочкѣ какую-нибудь большую японскую вазу, а въ ней большую, большую латанію, такъ чтобы листья раскидывались во всѣ стороны. Это будетъ прелестно и очень эффектно! Эту этажерочку тоже бери; ее можно будетъ заставить разными фарфоровыми куколками и вазочками—у меня ихъ пропасть, я тебѣ, если хочешь, съ удовольствіемъ половину отдамъ! А отчего ты не хочешь взять эти ширмочки? Это такъ красиво и онѣ теперь въ страшной модѣ. Сунемъ ихъ въ какой-нибудь уголъ!..

И чѣмъ больше онѣ покупали, тѣмъ больше разгорались страсти Милочки и она готова была хватать и то, и это, совсѣмъ забывая въ ту минуту, что за все это надо будетъ платить деньги и что безъ всего этого смѣло можно обойтись.

Страсть ея невольно заражала и Ольгу; она была равнодушна къ своей московской квартирѣ, съ дѣтства привыкнувъ къ ней и ея обстановкѣ, и ей въ голову даже не приходило наряднѣе отдѣлать ее. Но теперь, когда Милочка таскала ее съ собой по всѣмъ этимъ роскошнымъ магазинамъ, гдѣ вещи, точно выброшенныя на соблазнъ толпы, невольно поражали и привлекали ее своей красотой, ее тоже охватывало безпокойное желаніе накупить ихъ какъ можно больше и больше, а воображеніе Милочки, рисовавшей передъ ней разные прелестные уголки, еще сильнѣе увлекало ее и она тоже забывала о томъ, что за все это придется платить и съ новымъ для нея наслажденіемъ охотно поддавалась искушенію подзадоривавшей ее сестры.

Но когда принесли счеты и Ольга увидѣла, что за всѣ эти бездѣлушки, въ родѣ японскихъ вазъ, цвѣтовъ и сервизовъ, ей приходится платить чуть не тысячу рублей, кромѣ тѣхъ четырехъ, которыя была должна въ мебельный магазинъ, она пришла въ ужасъ и испугалась, что такъ сильно зарвалась. Денегъ у нея, исключая восьмисотъ рублей, полученныхъ ею въ Москвѣ въ послѣднее жалованье, не было и она не знала, откуда достать ихъ ей; да и изъ этихъ восьмисотъ половина была уже истрачена на какія-то мелочи, которыхъ теперь она не могла даже припомнить, а изъ другой половины надо было еще заплатить за квартиру.

— Это ужасно! — сказала Ольга, чуть не плача и раскаяваясь, что слушала Милочку и надѣлала такихъ глупостей.

Но Милочка ничего ужаснаго тутъ не находила. Съ ней подобныя вещи ужъ не разъ случались и смущаться ими она давно отвыкла.

— У кого же нѣтъ долговъ!—возразила она спокойно:—въ Петербургѣ безъ нихъ и обойтись невозможно!

Она совѣтовала сестрѣ заложить пока брильянты, большинство которыхъ и безъ того, впрочемъ, было уже заложено; но такъ какъ этого все-таки было очень мало, то она уговорила еще взять ея собственный брильянтовый парюръ, за который въ закладѣ всегда давали около семисотъ рублей.

— Мнѣ онъ не нуженъ пока, сезонъ кончился! — сказала она, обнимая сестру: — потомъ ты мнѣ его выкупишь, когда устроишься, или выкуплю я сама, а ты мнѣ впослѣдствіи отдашь за него деньгами.

Ольгѣ все это было очень непріятно, но съ Милочкой онѣ были такъ дружны и такъ привыкли кредитоваться другъ у друга,— что между ними случалось очень часто,—что и на этотъ разъ занять у сестры ей было пріятнѣе и легче, чѣмъ у кого бы то ни было другого.

Кромѣ того, Милочка устроила ей дѣло съ своимъ обойщикомъ, который согласился на то, чтобы Ольга выплачивала ему по сто рублей въ мѣсяцъ.

Милочка увѣрила ее, что это выйдетъ очень выгодно, потому что платить будетъ такъ незамѣтно, что Ольга и не почувствуетъ этого. А между тѣмъ у нея будетъ прелестная обстановка. Правда, благодаря этому, вмѣсто 3.600 рублей, придется заплатить всѣ четыре тысячи, но это были такіе пустяки, о которыхъ, по мнѣнію Милочки, и разговаривать не стоило.

— Вотъ видишь!—говорила она Ольгѣ съ торжествомъ:— какъ все отлично устроилось! А ты еще боялась! Я ужъ тебѣ говорю, что всѣ такъ дѣлаютъ!

Но Ольга, хотя и очень довольная, что выпуталась сравнительно благополучно, все же не рѣшалась признаться Чемезову, сколько затратила на обстановку.

Они оба стѣснялись говорить о деньгахъ. Одинъ потому, что чувствовалъ, что у Ольги ихъ не хватаетъ, и не зналъ, какъ предложить ихъ ей, а другая потому, что мучительно боялась, какъ бы онъ не вздумалъ предлагать ихъ ей и не подумалъ бы, что она разсчитываетъ на это.

Чемезовъ очень интересовался ея квартирой и покупками, но Милочка увѣряла, что всѣ мужчины, а тѣмъ болѣе такіе какъ Чемезовъ, ничего въ этомъ не смыслятъ и только мѣшаютъ всегда, а потому лучше ничего не показывать ему, пока не будетъ все готово.

И Ольга, сознававшая, что надѣлала опять глупостей, кото-

рыя онъ опять врядъ ли одобритъ, послушалась сестру и шутя говорила ему, что пока вся квартира не приметъ настоящій, торжественный видъ, она съ Милочкой его туда не пуститъ.

— Ну, это что-то подозрительно!—говорилъ Чемезовъ, смѣясь: —вы тамъ съ сестрицей, кажется, чего-то намудрили да теперь и трусите показывать!

Ольга смѣялась и шутила въ отвѣтъ, но на душѣ у нея было неспокойно; къ тому же ее тревожило и то еще, что всѣ эти безумныя денежныя траты и нововведенія не одобритъ также и Пелагея Семеновна, которая еще больше не одобритъ вѣроятно и самую квартиру.

Квартиру эту нашла тоже Милочка и тоже страшно восхищалась ею, хваля самоё себя за то, что разыскала такую прелесть. Квартира, дѣйствительно, была прелестна и очень нравилась Ольгѣ своими высокими, большими комнатами, лѣпными потолками и мраморными каминами,—роскошью, которой совсѣмъ была лишена ихъ московская квартира.

Но Милочка говорила теперь о той не иначе, какъ съ полнымъ презрѣніемъ, и называла ее почему-то не квартирой, а трущобой. Зато та стоила 800, а эта 1.700 и въ той всѣ комнаты были приспособлены для жилья, а въ этой только для пріемовъ и великолѣпныя парадныя комнаты были устроены въ ущербъ спальнямъ, которыя всѣ были крохотныя, полутемныя и выходили окнами въ какую-то высокую желтую стѣну.

Но когда Ольга выражала по поводу этого сомнѣніе, Милочка сердилась и горячо протестовала, говоря, что въ это время года квартиру вообще найти очень трудно, а такую чудную и тѣмъ болѣе.

— Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, — говорила она съ неудовольствіемъ,—чтобы такая квартира, какъ эта, стоила столько же, какъ ваша трущоба, и чтобы спальни дѣлались лучше и больше пріемныхъ! И потомъ, кто это спать-то у васъ будетъ? Варя да Павля съ Борисомъ? такъ имъ, я думаю, рѣшительно все равно гдѣ ни спать, лишь бы спать! А зато ты посмотри, какіе тутъ обои: вѣдь въ одной гостиной навѣрное рублей по пяти кусокъ! А какая зала великолѣпная! Вѣдь пять оконъ!

— Да, но что мы будемъ съ ней дѣлать? — спрашивала Ольга, невольно смущаясь предъ мыслью о новомъ расходѣ, потому что зала не вошла въ сумму тѣхъ четырехъ тысячъ, которыя были затрачены на мебель. — Вѣдь если ее меблировать, такъ опять добрую тысячу нужно!

— Ну такъ что жъ такое!—сказала Милочка спокойно.— Теперь ты устроилась съ Гофманомъ—не все ли равно платить тебѣ ему годомъ меньше или больше! Да и много ли на нее нужно? Два, три большихъ трюмо да дюжины двѣ легкихъ стульевъ и столиковъ—вотъ и все! Да и наконецъ я право не понимаю,—заговорила она съ неудовольствіемъ, тѣмъ неудовольствіемъ, которое всегда невольно прорывалось у нея, когда она говорила о Чемезовѣ: — отчего бы эту залу не могъ подарить тебѣ Чемезовъ? И то ужъ, слава Богу, довольно ты съ нимъ деликатничала, вся твоя меблировка ему ни копѣйки не стоитъ! Гдѣ это видано!

Но Ольга вспыхнула и разсердилась. Она сердилась теперь почему-то всегда, какъ только замѣчала, что кто-нибудь изъ родныхъ хочетъ мѣшаться въ ея отношенія къ этому человѣку.

— Ну, оставимъ это! — сказала она раздраженно: — я совсѣмъ не намѣреваюсь дѣлаться его содержанкой!

— А значитъ я содержанка! — сказала Милочка обидчиво, переводя ея слова съ чисто женской логикой.—Впрочемъ, я этого и не скрываю!—прибавила она вызывающимъ тономъ.— Разумѣется, я не могу существовать на тѣ ничтожныя двѣ съ половиной тысячи, которыя заработываю, и, разумѣется, мнѣ долженъ, значитъ, остальныя девять давать кто-нибудь другой! И потомъ, мой другъ, я нахожу, что всѣ женщины болѣе или менѣе чьи-нибудь содержанки! Вся разница только въ томъ, что однѣхъ содержатъ мужья, другихъ отцы, третьихъ братья, четвертыхъ любовники и такъ далѣе. Вѣдь не всѣ такъ счастливы, какъ ты, что могутъ заработывать по десяти тысячъ въ годъ!

— Я совсѣмъ не про тебя говорила!—сказала Ольга, и сердясь на сестру, и конфузясь въ одно же время за то, что нечаянно обидѣла ее.—Зачѣмъ ты такъ переводишь мои слова! Не будемъ ссориться, Милочка; придумай лучше, которую комнату отдать Борису! Его непремѣнно надо будетъ отдѣлить отъ Павли, а то онъ будетъ мѣшать ему заниматься.

И Милочка, вспыльчивая, но добродушная и незлопамятная, какъ всѣ Леонтьевы, хотя и съ обиженнымъ еще видомъ, но все-таки принималась въ двадцатый разъ планировать комнаты и скоро совсѣмъ забывала о своемъ неудовольствіи.

Съ тѣхъ поръ какъ Ольга сошлась съ Чемезовымъ, сестры часто пикировались изъ-за него, но это всегда скоро проходило у нихъ и совсѣмъ не мѣшало ихъ дружескимъ отношеніямъ. Онѣ каждый день являлись вмѣстѣ въ новую квартиру съ разными пакетами и свертками въ рукахъ и оставались въ ней, какъ бы

слѣдя за работами, иногда по нѣскольку часовъ сряду, хотя, въ сущности, больше только мѣшали и обойщикамъ и малярамъ, уговаривавшимъ ихъ не безпокоиться и не пачкаться напрасно. Но имъ положительно нравилось находиться въ этихъ разгромленныхъ, на̀-скоро отдѣлываемыхъ комнатахъ, гдѣ онѣ должны были, приподнимая платья, осторожно пробираться между известкой, гвоздями, ящиками и въ безпорядкѣ пока еще наставленной мебелью.

Онѣ съ удовольствіемъ расхаживали по всѣмъ комнатамъ, планируя, какую кому назначить и въ какой что̀ поставить; иногда для пробы тутъ же устанавливали разные уголки, и Милочка въ это время всегда давала сестрѣ какія-нибудь практическія наставленія своимъ тоненькимъ серьезнымъ голоскомъ.

— Ты пойми, Оленька,—говорила она съ полнымъ убѣжденіемъ,—что здѣсь тебѣ нельзя будетъ жить такъ, какъ вы въ Москвѣ жили! Тамъ васъ всѣ споконъ вѣку знали и къ этому ужъ привыкли! А здѣсь совсѣмъ другое: здѣсь ты на-виду, въ новѣ, тобой всѣ будутъ заниматься и жить кое-какъ ужъ нельзя! Я знаю мамины привычки—она навѣрное и здѣсь все захочетъ оставить по-старому, по-московскому! Но это невозможно! Ты взгляни, какъ живутъ у насъ Брянская или Море! Тебѣ нельзя будетъ отставать отъ нихъ! По моему, тебѣ даже и лошадей бы слѣдовало завести.

— Все это прекрасно,—говорила Ольга съ утомленіемъ, понимавшая все это и безъ Милочки, но невольно боявшаяся, что такъ она въ конецъ запутается,—но ты забываешь, что у меня и безъ этого есть уже много долговъ, на уплату которыхъ каждый годъ выходитъ больше 1000 р., да квартира будетъ стоить 2.000, да Гофману 1.500, да Варина консерваторія и Павлинъ университетъ, да мои туалеты, которые каждый годъ обходятся около 2.000! Ну, и считай, много ли у меня останется на жизнь вообще, а не только ужъ на лошадей!

Милочка опять подумала, что хоть лошадей-то бы ужъ, по крайней мѣрѣ, ей могъ подарить Чемезовъ, но сказать этого уже не рѣшилась и промолчала, покачивая головой и удивляясь „глупой щепетильности“ сестры.

— Да, не много!—сказала Милочка, вставая и сладострастно потягиваясь всѣмъ своимъ тонкимъ змѣинымъ тѣльцемъ.—Ну да авось хватитъ!—прибавила она, безпечно смѣясь.

Ольга тоже съ чисто русской безпечностью надѣялась, что авось хватитъ и что какъ-нибудь да проживутъ.

Она никогда не любила задумываться долго надъ денежными

вопросами, а теперь особенно задумываться даже и некогда было. Утромъ онѣ съ Милочкой бѣгали по магазинамъ за покупками, которымъ не предвидѣлось конца, потому что каждый день оказывалось то тò нужно, то другое, то это забыли, то этого не заказали и т. д., а вечерá она, къ полному негодованію Архипыча и огорченію няни, проводила у Чемезова.

XVII.

Противъ ожиданія, побѣгъ Ольги изъ Москвы въ самый день спектакля обошелся гораздо благополучнѣе, чѣмъ она того въ сущности заслуживала. Конечно, дирекція была очень недовольна и товарищи бранили ее и вообще самый переходъ ея на петербургскую сцену имѣлъ теперь видъ полнаго разрыва и ссоры съ Москвой и даже точно какого-то страннаго вызова ей со стороны Ольги.

И все-таки, несмотря на все это и даже на новую грозную статью „Московскихъ Извѣстій“, которыя отъ лица всѣхъ москвичей торжественно отрекались отъ невѣрной дочери, посылая ей вслѣдъ самыя недоброжелательныя пожеланія, все обошлось сравнительно прекрасно. Пелагея Семеновна въ тотъ же день, надѣвъ свое парадное шолковое съ разливами платье и бархатную шляпу, поѣхала куда слѣдовало и, разстроенная поступкомъ дочери и страхомъ за ея участь, плакала такъ искренно и горько, что волей-неволей ее же еще приходилось утѣшать и успокаивать тѣмъ, отъ кого въ сущности долженъ былъ бы идти строгій выговоръ и порицаніе ея дочери. Тѣмъ не менѣе, ей пришлось выслушать, что если на это взглянули такъ снисходительно, то только изъ уваженія къ заслугамъ покойнаго Льва Егорыча, а иначе Ольгѣ пришлось бы очень плохо. Но Пелагея Семеновна была и этимъ уже счастлива и благодарила Бога, что все благополучно устроилось и Оленькѣ даже отставкой не пригрозили. Пьесу, конечно, немедленно, яко бы по болѣзни г-жи Леонтьевой, отмѣнили, и хотя это была вещь очень обыкновенная и случающаяся чуть не каждую недѣлю, но ей никто въ публикѣ не повѣрилъ и настоящая причина въ тотъ же день облетѣла всю Москву.

Но до Ольги московскія сплетни и порицанія почти не доходили. Она напередъ знала, какое поступокъ ея произведетъ впечатлѣніе и чтò объ ней теперь тамъ говорятъ, и нарочно, чтобы

не мучиться напрасно, не читала газетъ и не позволяла другимъ разсказывать себѣ объ ихъ отзывахъ.

Хотя съ переѣздомъ въ Петербургъ всѣ сомнѣнія и колебанія, мучившія ее въ Москвѣ, по-неволѣ прекратились, но воспоминаніе объ нихъ было еще такъ живо, что она боялась затрогивать ихъ и нарочно схватилась за отдѣлку квартиры, которая занимала ее, отвлекая ея мысли. Что же касается петербургской дирекціи, то она попрежнему разсыпалась предъ Ольгой въ любезностяхъ и, конечно, не считала себя обязанной читать ей нотаціи за ея недобросовѣстный поступокъ въ отношеніи московскаго театра.

Въ Петербургѣ это пошло ей даже въ пользу, заставивъ еще больше говорить объ ней и интересоваться ею.

Отъ русскихъ, а тѣмъ болѣе московскихъ актрисъ рѣдко ожидаютъ эксцентричности. Это не англичанки и не француженки, которыя на томъ составляютъ себѣ репутацію, а иногда даже и славу, а потому Ольга на нѣсколько дней сдѣлалась положительно точно какой-то героиней.

Ея взбалмошный поступокъ давалъ такую интересную пищу для разговоровъ и сплетенъ, что петербуржцы положительно обрадовались ему, находя его очень оригинальнымъ и пикантнымъ, и сожалѣли только о томъ, что теперь постъ и раньше осени ее нельзя будетъ увидѣть на сценѣ.

Случись это въ разгаръ зимы, это навѣрное увеличило бы вдвое сборы и привлекло бы въ театръ массы народа.

Зато набросились на ея карточки, въ которыхъ точно искали чего-то новаго и интереснаго, и въ нѣсколько дней ихъ разошлось столько, сколько въ другое время не разошлось бы и въ мѣсяцы.

Но Чемезову все это было непріятно. Онъ совсѣмъ не желалъ для Ольги, у которой и безъ того было уже такое прекрасное, извѣстное во всей Россіи имя, этой дешевой популярности, походившей скорѣе на какую-то пошлую рекламу, оскорблявшую его за нее, а выставленныя во всѣхъ лавчонкахъ карточки ея во всевозможныхъ видахъ и позахъ прямо раздражали его.

— Вотъ—сказалъ онъ ей разъ шутливо, но съ невольнымъ упрекомъ въ голосѣ, идя какъ-то вечеромъ съ ней подъ-руку по Невскому мимо маленькаго книжнаго магазина, гдѣ въ ярко освѣщенной витринѣ было выставлено до десятка разныхъ ея портретовъ, возлѣ которыхъ съ любопытствомъ толпился народъ: — вотъ пріятныя послѣдствія твоего поступка!

Она мелькомъ взглянула на толпу предъ окномъ и улыбнулась,

ничего не сказавъ. Въ душѣ ей это было почти пріятно, но она знала, что онъ не можетъ понять это, и промолчала, не желая поднимать спора.

Послѣ той ссоры, поразившей ихъ обоихъ, ихъ отношенія стали еще нѣжнѣе и какъ-то точно осторожнѣе другъ къ другу. Они оба мучительно боялись повторенія той нелѣпой, отвратительной сцены, въ которой прекрасно было только примиреніе.

Они все время боялись хотя нечаянно задѣть и обидѣть другъ друга.

И хотя Чемезову не разъ хотѣлось серьезно высказать Ольгѣ, свое мнѣніе, но, чувствуя, что они оба еще не могутъ говорить о столкновеніи этомъ совсѣмъ спокойно, онъ удерживался и, если случалось заговаривать, говорилъ шутливо вскользь и неохотно.

Ольга понимала это и была ему за это благодарна въ душѣ, но она предчувствовала, что ссора все-таки можетъ повториться изъ-за ея квартиры, которую она все еще не показывала ему, и заранѣе дала себѣ слово не сердиться и не обижаться на него, если онъ будетъ недоволенъ, и не знала только, съумѣетъ ли исполнить это.

XVIII.

Наконецъ квартира или, вѣрнѣе сказать, гостиная, столовая и комната Ольги—потому что остальныя такъ и остались почти пустыми—была окончена и одновременно съ этимъ была получена телеграмма отъ Ардальона Михайловича, что завтра они выѣзжаютъ. Тогда Ольга рѣшилась наконецъ показать Чемезову свою квартиру. Утромъ она заѣхала за нимъ и они вмѣстѣ отправились туда.

Она поднималась на лѣстницу немножко тревожно, но смѣясь и шутя въ то же время съ нимъ той манерой, которую онъ прозвалъ въ ней „заигрываньемъ".

— Ну,—сказалъ онъ, улыбаясь,—я ужъ по этой манерѣ вижу, что̀ вы съ сестрицей тамъ натворили!..

— Вотъ вздоръ какой! „натворили"! — воскликнула она съ негодующимъ видомъ:—но, конечно, я хотѣла бы, чтобы все это тебѣ понравилось!—И она схватила его за руку и быстро, съ лукавой улыбкой на лицѣ, взбѣжала на послѣднія ступени.

— Посмотримъ, посмотримъ,—сказалъ онъ съ сомнѣніемъ и, такъ какъ въ эту минуту они уже вошли въ переднюю, оклеенную пурпуровыми обоями и увѣшенную кавказскими портьерами и оленьими рогами, которые по проекту Милочки должны были

замѣнить собой обыкновенныя вѣшалки, онъ остановился и съ скептической улыбкой оглядывалъ ея убранство.

— Ну—сказалъ онъ со смѣхомъ,—не могу сказать, чтобы мнѣ это очень нравилось; по моему, обыкновенная вѣшалка была бы гораздо удобнѣе! Ну кому придетъ въ голову вѣшать сюда шубы?

— Ты ничего не понимаешь!—сказала Ольга, смѣясь:—вѣшать будетъ Настя или Марѳа и мы ихъ предупредимъ, что это не рога, а вѣшалки.

Зеркало тоже было увѣшено какой-то кавказской матеріей и по обѣимъ сторонамъ его стояли двѣ темныя деревянныя статуи молоденькихъ мальчиковъ въ старо-германскомъ платьѣ; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ высокую лампу, а другой—блюдо для визитныхъ карточекъ.

— А это чья же выдумка?—спросилъ Чемезовъ, насмѣшливо покачивая головой:—твоя или сестрицына?

— Общая!—засмѣялась Ольга:—нѣтъ, пойдемъ лучше дальше, —воскликнула она, беря его опять за руку.—А то ты окончательно забракуешь мою переднюю!

Они прошли черезъ огромный, поразившій Чемезова своей пустотой, знаменитый Милочкинъ залъ, о которомъ она увѣряла, что онъ и безъ мебели великолѣпенъ. Но Чемезовъ этого, повидимому, не находилъ и былъ нѣсколько удивленъ тѣмъ, что въ жилой квартирѣ будетъ вдругъ одна совсѣмъ пустая комната.

Зато гостиная была вся заставлена и даже болѣе, чѣмъ было нужно. Вся въ мягкой низенькой пестрой мебели самыхъ оригинальныхъ, причудливыхъ формъ и оттѣнковъ, съ разными этажерочками, шкафчиками, тумбочками, на которыхъ красовалась масса изящныхъ фарфоровыхъ бездѣлушекъ, она казалась прелестна той модной, игрушечной красотой, которая придаетъ комнатѣ неудобный и даже нѣсколько смѣшной, но очень хорошенькій видъ.

— Боже мой!—сказалъ Чемезовъ, нарочно, чтобы подразнить слегка Ольгу:—сколько вы съ сестрицей ухитрились тутъ всякой дряни понаставить!

— Дряни!—воскликнула Ольга полуобиженно, полушутя: — нѣтъ, вы, сударь, окончательно ничего не понимаете! Вамъ и показывать въ сущности не стоило бы! Пойдемъ, если такъ, въ столовую; тамъ этой „дряни“ совсѣмъ нѣтъ.

Столовая была высокая, длинная комната съ однимъ полукруглымъ венеціанскимъ окномъ, въ которое вмѣсто занавѣсей были вставлены цвѣтныя, разрисованныя въ древне-германскомъ вкусѣ, стекла, что̀ было очень эффектно, но отъ чего комната казалась

темной и мрачной. Буфетъ былъ тоже въ готическомъ стилѣ и стулья, обитые темной кожей съ металлическими острыми гвоздиками, вполнѣ подходили къ нему.

Чемезову она понравилась больше гостиной, но онъ невольно подумалъ, что она слишкомъ богата для Леонтьевыхъ и потому непрактична.

Комната Ольги, обитая свѣтлымъ резедовымъ кретономъ, съ вялыми чайными розами и въ тонъ подобраннымъ ковромъ, по которому эти розы казались точно разсыпанными подъ ногами, была проще и уютнѣе остальныхъ, потому что не имѣла никакихъ претензій ни на эффектъ, ни на роскошь, и очень понравилась Чемезову, но самый видъ всѣхъ остальныхъ комнатъ, изъ которыхъ только спальня Пелагеи Семеновны была уставлена какой-то темной мебелью, окончательно поразилъ и даже разсердилъ Чемезова.

— Позволь, однако,—спросилъ онъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ:—да на чемъ же они всѣ сидѣть тутъ будутъ?

— Кто они?

— Какъ кто, да всѣ?

Ольга немножко сконфузилась, потому что и сама сознавала, что была очень невнимательна къ своимъ братьямъ и сестрѣ, въ чемъ, впрочемъ, было больше Милочкиной, чѣмъ ея, вины. Милочка увѣрила, что мальчикамъ ничего не надо, потому что Павли еще нѣтъ, а Борису все равно, лишь бы спать было на чемъ; а что касается Вариной комнаты и вообще всей этой хозяйственной части, то ее будетъ уже заводить сама Пелагея Семеновна по собственному желанію и вкусу.

— Ну, я думаю,—замѣтилъ Чемезовъ съ неудовольствіемъ,— что Пелагеѣ Семеновнѣ было бы гораздо пріятнѣе пріѣхать на все готовое и не возиться въ первые же дни пріѣзда со всѣми этими хлопотами.

Онъ былъ недоволенъ и квартирой, слишкомъ дорогой и неудобной, и обстановкой ея, и на себя за то, что, слушаясь Ольги, не вмѣшался въ это и допустилъ ее тѣмъ бросить даромъ столько денегъ и устроить все такъ непрактично, неудобно и дорого.

По его разсчету, ей обошлось это не меньше пяти-шести тысячъ и ему было очень непріятно, что онъ, заставивъ ее переѣхать въ Петербургъ, самъ же подвелъ на такой расходъ. Когда это рѣшилось, онъ хотѣлъ взять половину затратъ на себя и уплатить ихъ изъ тѣхъ свободныхъ трехъ тысячъ, которыя у него были отложены на черный день. Но каждый разъ, что онъ заводилъ

объ этомъ рѣчь, Ольга начинала такъ волноваться и сердиться, что не давала ему даже высказать этого, и наконецъ взяла съ него слово никогда больше не поднимать разговора о деньгахъ.

— Помни,—сказала она ему рѣшительно,—что я получаю даже больше твоего! У меня девять тысячъ, кромѣ бенефиса и гастролей—это не мало!

У Чемезова дѣйствительно было меньше; къ тому же и то, чтò онъ получалъ теперь, онъ сталъ получать всего два года назадъ и первое время ему изъ этого пришлось выплачивать кое-какіе долги, обзаводиться тоже мебелью и маленькимъ хозяйствомъ и потому теперь, несмотря на то, что онъ жилъ очень скромно, онъ все-таки проживалъ почти все, чтò получалъ, дѣлая треть такихъ расходовъ, которые вызывались его положеніемъ по службѣ.

Несмотря на то, что Ольга сердилась, когда онъ заводилъ рѣчь о деньгахъ, онъ рѣшилъ, что современемъ постепенно уговоритъ ее взять отъ него половину того, во чтò обошелся ей переѣздъ; но когда онъ увидѣлъ весь этотъ плюшъ, фарфоръ, ковры и зеркала, то онъ понялъ, что почти всѣ свои сбереженія, накопленныя имъ съ такимъ трудомъ и отложенныя про черный день, ему придется выкинуть на безцѣльныя и нелѣпыя затраты обойщику и ему было непріятно кинуть на это свои трудовыя деньги, хотя онъ никогда не былъ скупъ, а для Ольги, если бы ей дѣйствительно понадобилось, онъ былъ бы готовъ отдать последнее. Но деньги доставались ему слишкомъ тяжелымъ трудомъ, для того, чтобы, тратя ихъ, онъ могъ бы не заботиться о томъ, куда и для чего тратитъ ихъ.

— Ну, я вижу,—сказала Ольга съ смущенной улыбкой, засматривая въ его нахмуренное лицо,—что намъ все это совсѣмъ не нравится.

— Да, Ольга,—сказалъ онъ серьезно, почти строго, желая, чтобы она разъ навсегда поняла его взглядъ на эти вещи, и желая также отъучить ее отъ того безпечнаго мотовства, къ которому она была склонна и которое здѣсь подъ вліяніемъ Милочки могло развиться въ ней еще сильнѣе.—Да, Ольга, мнѣ это не нравится, потому что все это стоило огромныхъ денегъ, и притомъ гораздо бòльшихъ, чѣмъ ты въ сущности могла бы затратить, сообразуясь съ твоими средствами. Все это обошлось очень дорого, а устроено между тѣмъ неудобно и безалаберно!

Все, чтò онъ говорилъ, была правда, не сознавать которую она не могла, но ей было непріятно, что онъ говоритъ такъ.

Въ семьѣ Леонтьевыхъ никто, за исключеніемъ Глафиры

Львовны да отчасти еще Вареньки, не умѣлъ разсчетливо обращаться съ деньгами, а Ольга—менѣе чѣмъ кто-либо изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи у нея было только одно вполнѣ ясное и непреклонное правило—это никогда и никому не обязываться, но зато со „своими“ заработанными деньгами она уже не стѣснялась и любила тратить ихъ и онѣ уплывали у нея изъ рукъ такъ незамѣтно для нея самой, что часто она даже положительно не могла припомнить, куда дѣвала ихъ. Слова Чемезова немножко задѣвали ее, какъ задѣвается всегда больное мѣсто; она уже было вспылила на него, но вспомнила ту ужасную ссору и удержалась.

— Милочка навѣрное бы сказала, что все это оттого, что у тебя нѣтъ „артистическаго вкуса“!—отвѣтила она шутливо.—Конечно, все это устроено достаточно нелѣпо и, конечно, въ Москвѣ было гораздо уютнѣе и удобнѣе, но и это въ своемъ родѣ тоже недурно. И хотя я увѣрена, что никогда не буду обѣдать съ аппетитомъ въ этой столовой и никогда не привыкну сидѣть въ этой гостиной, но... но такъ просто, какъ чья-то гостиная и чья-то столовая—онѣ мнѣ очень нравятся. А что касается денегъ, то это вздоръ, это совсѣмъ не такъ дорого, какъ кажется, и потомъ—что̀ другое, а деньги я всегда заработаю!

— Очень жаль въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ сухо,—что ты такъ легко ихъ заработываешь! Для твоей же, значитъ, пользы было бы лучше, если-бъ онѣ доставались тебѣ съ бо̀льшимъ трудомъ; по крайней мѣрѣ, ты научилась бы и правильнѣе относиться къ нимъ и съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ своему труду.

По ея лицу мелькнуло нетерпѣливое, скучающее выраженіе; она встала и отошла отъ него.

— Не будемъ говорить объ этомъ! — сказала она, нахмуриваясь съ тѣмъ упрямымъ враждебнымъ видомъ, который всегда являлся у нея, когда она подмѣчала въ немъ желаніе передѣлать ее какъ-то на свой ладъ, что̀ оскорбляло ее и противъ чего ей каждый разъ хотѣлось возставать:—ты знаешь, въ мои годы трудно передѣлываться... Да я и не желаю этого!—воскликнула она запальчиво, забывая свое рѣшеніе быть терпѣливой и осторожной.

— О, о!—сказалъ онъ, смѣясь и привлекая ее къ себѣ за руку.—Въ твои годы! Подумаешь, тебѣ пятьдесятъ стукнуло!

И онъ повернулъ къ себѣ ея нахмуренное лицо и она невольно, сквозь нахмуренныя еще брови улыбнулась ему, потому что не могла сердиться на него въ ту минуту, когда онъ ласкалъ ее.

— Знаешь пословицу,—сказала она полушутя, полухмурясь

еще немножко:—горбатаго могила исправитъ; я тоже въ этомъ отношенiи немножко горбата и лучше такъ ужъ меня и оставить! А главное, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякъ полюбитъ!

Они оба засмѣялись, хотя въ душѣ были не совсѣмъ довольны другъ другомъ и пословицы, приведенныя Ольгой, нисколько не убѣдили Чемезова, который остался все-таки при своемъ рѣшенiи постепенно передѣлать ее „на свой ладъ", какъ говорила Ольга. Ея протесты и гнѣвныя вспышки не пугали его; сознавая, что сила и власть на его сторонѣ, онъ не хотѣлъ только слишкомъ форсировать. Когда онъ уѣхалъ на службу, Ольга еще разъ уже одна обошла опять всю квартиру, задумчиво останавливаясь въ каждой комнатѣ.

Его неодобренiе охлаждало и ее самоё и ей вдругъ вся эта квартира съ ея нарядной, эффектной обстановкой стала противна и непрiятна.

Она раскаявалась теперь, зачѣмъ слушала Милочку и отстраняла его. Еслибы было возможно, то она бросила бы и квартиру, и мебель и взяла бы другую, которая больше понравилась бы ему и которую они выбрали бы уже вмѣстѣ. Хотя она каждый разъ инстинктивно возставала и сопротивлялась противъ той нравственной ломки, которую, какъ она чувствовала, онъ задумалъ совершить надъ ея натурой, какъ возстаетъ и сопротивляется дикiй конь, на котораго впервые надѣли узду, но въ концѣ концовъ она невольно уступала и подчинялась ему, находя въ этомъ какое-то странное и новое для нея жуткое наслажденiе.

Но переѣзжать теперь, наканунѣ прiѣзда Пелагеи Семеновны, было, конечно, уже невозможно и волей-неволей приходилось оставить все какъ есть, хотя это не нравилось ему и опротивѣло ей.

— Я ужасно каюсь, — сказала она Милочкѣ, возвращаясь къ ней совсѣмъ не въ духѣ,—что такъ глупо меблировала квартиру! Право, она имѣетъ такой пошлый и глупый видъ, что мнѣ совѣстно будетъ жить въ ней даже!

Милочка изумилась въ первую минуту, но потомъ смекнула, откуда дуетъ вѣтеръ, какъ она выразилась мысленно.

— Ну чтожъ! — сказала она, саркастически пожимая плечами:—этого надо было ожидать; я была увѣрена, что онъ разочаруетъ тебя!

— Ну, голубушка, какъ онъ тебя къ ручкамъ прибралъ!— хотѣлось ей прибавить, но она удержалась и только подумала это.

XIX.

На другой день Ольга и Милочка поѣхали на вокзалъ встрѣчать семью.

Пелагея Семеновна везла съ собой почти весь домъ. Она не безъ основанія предчувствовала, что въ Петербургѣ имъ не скоро найти подходящую для нихъ прислугу, и потому везла съ собой не только Настасью, но и прачку и кухарку Мароу, веселую толстую рыжую бабу, пользовавшуюся большимъ успѣхомъ у всѣхъ сосѣднихъ дворниковъ и кучеровъ, но поразившую стыдомъ и ужасомъ бѣдную Милочку, совсѣмъ сконфузившуюся, когда она увидѣла, какъ всѣ эти дамы стали вылѣзать изъ вагона.

Пелагея Семеновна, никогда никуда не ѣздившая, страшно боялась, какъ бы кто-нибудь изъ ея домочадцевъ не свалился подъ поѣздъ или не остался на какой-нибудь станціи; она такъ волновалась все время, несмотря на благоразумные уговоры Ардальона Михайловича, и такъ простодушно, откровенно высказывала это волненіе, что возбудила всеобщее любопытство и участіе своихъ сосѣдей.

Къ концу дороги она со всѣми перезнакомилась, а съ нѣкоторыми даже подружилась уже настолько, что звала уже къ себѣ въ Петербургъ въ гости, и тутъ же разсказала, кто она и куда ѣдетъ, и опять немножко плакала и жаловалась на свою судьбу и на дочку, заставляющую ее на старости лѣтъ такъ тревожиться.

Ардальонъ Михайловичъ ѣхалъ въ другомъ вагонѣ перваго класса, куда ни за что не захотѣла сѣсть Пелагея Семеновна.

— И во второмъ очень даже прекрасно!—говорила она къ тайному удовольствію Ардальона Михайловича, которому уже надоѣло возиться съ ней и котораго нѣсколько пугала перспектива находиться цѣлыя сутки въ обществѣ всѣхъ этихъ Сереженекъ, Боричекъ, Матренъ, Настасій и tutti quanti.

Но онъ часто приходилъ къ нимъ въ вагонъ „посидѣть" и почти на каждой станціи приносилъ ей то фруктовъ, то какихъ-нибудь пирожковъ и бутербродовъ и вообще былъ такъ внимателенъ и предупредителенъ, что Пелагея Семеновна еще больше полюбила его и видѣла въ немъ чуть не провидѣніе Господне, посланное ей въ тяжелые дни.

Чѣмъ ближе подходилъ поѣздъ къ Петербургу, тѣмъ больше она волновалась.

— Вотъ,—говорила она печально своимъ сосѣдямъ, — всю жизнь въ Москвѣ прожила, а помереть-то видно въ Петербургѣ

придется!—Но ее всѣ утѣшали, пророча ей еще пятьдесятъ лѣтъ жизни, и то, что она еще, Богъ дастъ, и въ Москву, пожалуй, вернется.

— Ахъ, дай-то Богъ, дай-то Богъ!—радостно говорила она, утѣшаясь даже и этой невѣрной надеждой: — но только не вѣрится ужъ этому какъ-то! Такъ самой душенькѣ моей чувствуется, значитъ, что тутъ ей и смерть свою найти будетъ! Да что же это: ѣдемъ, ѣдемъ, и все только однѣ трубы видать!—восклицала она чрезъ минуту нетерпѣливо и снова припадала къ окну.— Варенька, да ты бы спросила, милая, у кондуктора, скоро ли пріѣдемъ-то?

— Скоро, скоро, дорогая Пелагея Семеновна!—утѣшалъ ее Ардальонъ Михайловичъ: — еще четверть часа, и мы въ Петербургѣ!

— Ахъ, дай-то, Господи, ужъ доѣхать бы поскорѣй, а то все сердце не на мѣстѣ, все думается, еще доѣдемъ ли благополучно, какъ бы бѣды еще какой не случилось!

— Ну, да тутъ и пѣшкомъ ужъ недалече дойти будетъ!— говорилъ, смѣясь, какой-то пожилой купецъ, какъ оказалось въ дорогѣ, большой любитель театра и Ольгинъ поклонникъ и потому все время очень заботившійся объ Леонтьевой. — Въ лучшемъ видѣ прогуляетесь!—шутилъ онъ:—такъ-то, пожалуй, даже еще и занятнѣе выйдетъ.

Но поѣздъ, пыхтя и отдуваясь, точно уставъ отъ долгаго пути, вкатился наконецъ подъ высокій стеклянный навѣсъ вокзала вполнѣ благополучно и въ окна вагона мелькнули въ толпѣ другихъ лица Ольги и Милочки.

Увидѣвъ дочерей, Пелагея Семеновна радостно заплакала, перекрестилась, выскочивъ изъ вагона такъ легко и быстро, какъ это трудно было даже ожидать отъ нея, бросилась къ нимъ, цѣлуя ихъ, плача и обнимая такъ, какъ еслибы не видалась съ ними годы.

За ней и всѣ другіе высыпали на платформу и, столпившись на одномъ мѣстѣ, радостно обнимались, здоровались, разспрашивали о чемъ-то другъ друга и мѣшали другимъ проходить.

Дорожные сосѣди Пелагеи Семеновны на̀-скоро прощались съ ней, обмѣниваясь послѣдними любезностями и пожеланіями, и она на радостяхъ всѣхъ благодарила, цѣловала и опять звала къ себѣ въ гости.

Ардальонъ Михайловичъ хлопоталъ возлѣ носильщиковъ, которые ни отъ кого не могли добиться толку, какіе узлы и корзины Леонтьевскіе и какіе не ихніе.

Наконецъ все было устроено и Ардальонъ Михайловичъ звалъ скорѣе своихъ дамъ садиться въ карету, дожидавшуюся ихъ у подъѣзда, но Пелагея Семеновна, не выпускавшая изъ одной руки маленькаго Сережу, съ восторгомъ оглядывавшагося по сторонамъ, а изъ другой—обернутыхъ въ чистое полотенце образовъ, все безпокоилась, не забыли ли еще чего-нибудь въ вагонѣ, и хотѣла непремѣнно послать туда нагруженную всякими узлами и широко всѣмъ улыбавшуюся Мароу посмотрѣть еще разъ, все ли взято.

Но запыхавшійся и совсѣмъ сбитый съ толку своими дамами Ардальонъ Михайловичъ увѣрялъ, что все взято, и упрашивалъ только скорѣе садиться въ карету.

— Ну, хорошо, хорошо, голубчикъ!—говорила покорно, но все еще тревожно Пелагея Семеновна:—только ужъ вы, родной, присмотрите за всѣмъ хорошенько! А ты, Мароа, Аграфена, не отставайте же смотрите! Держитесь крѣпче другъ за друга, а то еще въ толпѣ-то какъ бы не затеряться, помилуй Богъ!

Но толстая Мароа, желавшая разыграть передъ носильщиками столичную особу, безцеремонно успокоивала ее.

— Зачѣмъ теряться! — кричала она своимъ зычнымъ голосомъ, не безъ кокетства ухмыляясь и подмигивая тѣснившемуся кругомъ народу.—Слава те, Господи, не изъ деревни вѣдь пріѣхали; Москва-то почитай еще почище Питера будетъ, да и то не терялись! Неси, неси, милый человѣкъ; небойсь, не потеряемся, не маленькія! Найдемъ дорогу, а коли что, такъ и добрые люди покажутъ, языкъ-то, сказываютъ, до Кіева доведетъ!

— Господи, мама,—сказала Милочка съ ужасомъ, замѣчая, какъ на нихъ всѣ оглядываются и улыбаются, — и къ чему вы этихъ уродовъ съ собой еще привезли! Точно ихъ здѣсь мало! Такихъ идіотокъ сколько угодно вездѣ можете найти!

— Да что ты, Милочка!—удивилась Пелагея Семеновна, не понимая, почему ея Мароа и Аграфена стали вдругъ уродами и идіотками:—онѣ мнѣ вѣрныя слуги, сколько лѣтъ ужъ живутъ, я безъ нихъ какъ безъ рукъ была бы!

Наконецъ кое-какъ разсѣлись по экипажамъ.

Пелагея Семеновна сѣла съ Ольгой, Варенькой и Настасьей въ огромную, тутъ же нà-скоро нанятую для нихъ носильщикомъ извозчичью карету, а Дарья, навьюченная узлами, взгромоздилась на козлы.

Бориса хотѣли отправить вмѣстѣ съ Аграфеной на одномъ извозчикѣ, но онъ ужасно оскорбился этимъ и, вскочивъ на перваго попавшагося лихача, важно крикнулъ ему:

— На Николаевскую! — какъ будто бы былъ истый петербуржецъ и зналъ его не хуже Мареы.

— Поѣдемте, ради Бога, скорѣе!—сказала Милочка Ардальону Михайловичу, торопливо садясь въ свою элегантную коляску. —Нѣтъ, это просто скандалъ! — воскликнула она съ полнымъ отчаяніемъ и негодованіемъ. — Если бы знала, ни за что не ѣздила бы встрѣчать! Нѣтъ, я увѣрена, что всѣ мы завтра же въ каррикатуру попадемъ!

— А что тамъ было! — засмѣялся Ардальонъ Михайловичъ, тоже вздыхая не безъ нѣкотораго облегченія:—я вамъ потомъ разскажу, вы просто умрете со смѣху!

XX.

Пелагея Семеновна и Варенька, не бывавшія никогда въ Петербургѣ, очень интересовались имъ и съ любопытствомъ глядѣли на мелькавшіе мимо дома и улицы.

Изъ сѣренькаго, нависшаго неба моросилъ частый, мелкій какъ пыль дождь, напоминавшій скорѣе октябрь, чѣмъ мартъ.

— И погода же здѣсь!—печально и неодобрительно покачивая головой, сказала Пелагея Семеновна.—Да и церквей-то тутъ совсѣмъ нѣтъ, кажется! Ѣдемъ, ѣдемъ—всего одну церковь еще проѣхали; тутъ и Богу-то сходить помолиться, пожалуй, некуда будетъ!

— Да тутъ и не молятся, тутъ вѣдь все нѣмцы живутъ!— сказала язвительно Настасья, всѣми силами души ненавидѣвшая теперь Петербургъ.

— Вотъ и я на старости лѣтъ въ нѣмцы попала!—съ сокрушеніемъ вздыхая, проговорила Пелагея Семеновна.

Но непредубѣжденнымъ Варенькѣ и маленькому Сережѣ Петербургъ очень нравился. Сережа съ восторгомъ разсматривалъ всѣ мелькавшія мимо вывѣски, людей и лошадей, воображая, кажется, что они тутъ совсѣмъ другіе, чѣмъ были у нихъ въ Москвѣ.

Мареѣ онъ тоже повидимому очень нравился, потому что она поминутно перегибалась чрезъ козлы къ ихъ окну и, стуча въ него, на что-то показывала и головой и руками, и о чемъ-то громко кричала имъ, чего за грохотомъ колесъ нельзя было разобрать.

Когда они подъѣхали къ великолѣпному подъѣзду ихъ квартиры и важный швейцаръ со строгой и внушительной физіономіей, походившій скорѣе на какого-нибудь чиновника особыхъ

порученій при губернаторѣ, чѣмъ на простого швейцара, увидѣлъ ихъ неуклюжій рыдванъ съ возвышающейся вдобавокъ на козлахъ толстой Мароой, онъ пришелъ въ невольное изумленіе и первую минуту, кажется, даже не могъ сообразить, нужно ему высаживать подобныхъ господъ или тѣ и сами вылѣзутъ.

Но увидѣвъ въ окнѣ лицо Ольги, къ которой за ея щедрые „на чай" чувствовалъ уже нѣкоторое уваженіе, онъ съ почтительнымъ удивленіемъ бросился къ дверцамъ рыдвана и ловко распахнулъ ихъ.

— Неужто же это сюда?—удивилась, въ свою очередь, Пелагея Семеновна, увидавши великолѣпный подъѣздъ и внушительнаго швейцара.

— Сюда, мама, сюда!—сказала Ольга, предчувствуя не безъ тревоги, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ возростать удивленіе матери.

Но Пелагея Семеновна все еще точно не вѣрила и не рѣшалась выйти.

— И лѣстница эта наша? — спросила она опять недовѣрчиво.

Ольга засмѣялась и покраснѣла. Ей было и смѣшно, и совѣстно немножко предъ своимъ важнымъ швейцаромъ, который съ безмолвнымъ спокойствіемъ ожидалъ, когда Пелагея Семеновна рѣшится повѣрить и вылѣзть.

— Ну, такъ вылѣзай, Сереженька!—сказала она внуку.— Прими, любезный, мальчика; да захвати вотъ эти корзиночки тоже; только ты, смотри, осторожнѣе, не побей еще—тутъ у насъ банки съ вареньемъ и грибами. Да вотъ и кота тоже за-одно прихвати, да не выпусти смотри его изъ рукъ-то, а то онъ за дорогу одичалъ сильно—какъ бы не убѣгъ еще.

— Слушаю-съ,—сказалъ швейцаръ съ достоинствомъ, но съ негодованіемъ въ душѣ и, забравъ корзинки съ вареньемъ и щетинившагося на него огромнаго сѣраго кота, хотѣлъ уже идти, какъ вдругъ Дарья остановила его.

— Эй, служивый! — закричала она ему заигрывающимъ тономъ:—подсоби-ка и мнѣ, милый человѣкъ! А то я на козлы-то взгромоздилась, а слѣзать стану, всѣ узлы свои, пожалуй, порастеряю!

Но швейцаръ, считавшій очевидно слишкомъ унизительнымъ для своего достоинства снимать съ козелъ, на смѣхъ всей улицѣ, какую-то толстую деревенскую бабу, притворился, что не слышитъ ее, и поспѣшно скрылся въ подъѣздъ.

Ольга побѣжала впередъ. Милочка и Ардальонъ Михайло-

вичъ уже пріѣхали и ихъ коляска съ красивымъ, ухмылявшимся въ бороду кучеромъ стояла тутъ же.

Пелагея Семеновна съ образами въ рукахъ, которые всю дорогу везла собственноручно и никому не хотѣла довѣрить, медленно, съ одышкой поднималась по лѣстницѣ и съ какимъ-то огорченіемъ поглядывала на цвѣты, статуи и зеркала, украшавшіе ее.

— Вотъ такъ лѣстница! Ай да шикъ!—кричала съ одобреніемъ Мароа, поднимаясь слѣдомъ за ней.—Царская да и только! Нашего брата по такой-то лѣстницѣ, пожалуй, и пущать не станутъ!—Но Настасья была сумрачна и уныла и поднималась молча, съ недовольнымъ и пренебрежительнымъ видомъ.

Войдя въ переднюю, Пелагея Семеновна прежде всего перекрестилась и низко поклонилась на всѣ стороны.

— Это что же комната-то пустая стоитъ? — удивилась она, увидѣвъ пустую залу.—И образовъ даже поставить не на что!

— Эта еще не готова, мы ее потомъ отдѣлаемъ; дайте, я образа къ вамъ въ спальню снесу!—сказала Ольга, бережно принимая ихъ изъ рукъ матери.

— Ну, Пелагея Семеновна, какая квартира!—съ восторгомъ встрѣтилъ ее Ардальонъ Михайловичъ, отъ удовольствія съ чувствомъ даже цѣлуя кончики своихъ пальцевъ.

— Что-то ужъ, кажись, больно роскошествъ въ ней разныхъ много!—недовѣрчиво сказала Пелагея Семеновна.

— Ну, мама, ужъ начали!—обидѣлась на нее Милочка, заранѣе оскорбляясь всякимъ неодобреніемъ своей находкѣ.

Они всѣ вмѣстѣ пошли показывать ей всѣ комнаты и дѣйствительно, какъ и предчувствовала Ольга, чѣмъ дальше шла Пелагея Семеновна, тѣмъ удивленіе и огорченіе дѣлались все больше и сильнѣе.

Она только ахнула, увидѣвъ плюшевую гостиную, а войдя въ столовую, даже и не поняла сразу, что это такое, и, благодаря ея цвѣтнымъ окнамъ, чуть-было не приняла ее за какую-то молельную.

— Да какъ же тутъ обѣдать-то? — спрашивала она съ недоумѣніемъ:—вѣдь темно совсѣмъ!

Зато Ардальону Михайловичу она очень нравилась и онъ даже объявилъ, что непремѣнно и въ своей столовой введетъ подобныя стекла.

Варенькѣ тоже, за исключеніемъ ея собственной комнаты, темной и непріятной, все очень нравилось, а пустую залу она даже особенно одобрила.

— Пѣть будетъ удобно,—рѣшила она своимъ равнодушнымъ голосомъ:—въ нашей московской никакого резонанса не было!

Но какъ Милочка съ Варенькой и Ардальонъ Михайловичъ ни увѣряли, что квартира прекрасна, Пелагея Семеновна все-таки не вѣрила этому и не сдавалась имъ.

— Ничего въ ней нѣтъ прекраснаго,—говорила она съ огорченіемъ:—ни въ ней чуланчиковъ, ни закоулочковъ какихъ, ни шкафиковъ, ничего нѣтъ! Куда что̀ и ставить, не придумаешь! То ли дѣло наша-то московская была—тамъ каждой вещи свое мѣсто было!

— Ну, ужъ теперь вѣчно будетъ chez nous à Moscou!—сказала Ольга, смѣясь и цѣлуя огорченную мать. Но Милочка совсѣмъ обидѣлась и разсердилась.

— Ну, мама,—сказала она, презрительно пожимая плечами:—вы совсѣмъ какая-то особенная! Люди, нанимая квартиру, о комнатахъ думаютъ, а вы—о чуланчикахъ!

— Да, а ты бы какъ думала? безъ чуланчиковъ-то, милая, тоже никакъ не обойдешься.

— Ну, кто же васъ зналъ! впередъ такъ и будемъ искать не квартиру а чуланчики.

Между тѣмъ Аграфена, ѣхавшая на извозчикѣ съ вещами, уже пріѣхала, а Бориса все еще не было, и Пелагея Семеновна стала безпокоиться объ немъ, боясь какъ бы онъ въ чужомъ городѣ не заблудился на первый разъ. Но Ардальонъ Михайловичъ успокоивалъ ее, увѣряя, что въ Петербургѣ, да еще на лихачѣ, заблудиться трудно, а что Борисъ просто пожелалъ сначала ознакомиться съ достопримѣчательностями города и велѣлъ возить себя поэтому по лучшимъ ресторанамъ.

Пока накрывали завтракъ, Пелагея Семеновна рѣшила разобрать немного свои узлы и сундуки; но оказалось, что всѣ ключи были у Бориса и безъ него нельзя было раскрыть ни одного чемодана. Впрочемъ, оказалось также, что еслибы даже ключи и здѣсь были, то развѣшивать платья и раскладывать по мѣстамъ бѣлье и разныя вещи все равно было бы нельзя, потому что комодовъ и шкафовъ, за исключеніемъ Ольгиныхъ, почти не было.

И Милочка, и Ольга совсѣмъ упустили ихъ изъ вида и, покупая разныя изящныя этажерочки и тумбочки, совсѣмъ забыли объ этихъ глупыхъ шкафахъ и комодахъ.

— Ну, ужъ не ожидала я этого! всякой дряни накупили, а чего нужнаго и нѣтъ ничего!—сказала Пелагея Семеновна, не на шутку разсердившись наконецъ на дочерей, которыя такъ не-

удобно все устроили.—Какъ тутъ и жить будемъ? просто руки опускаются!

— И, сударыня, ничего, проживемъ какъ-нибудь!—утѣшала ее Марѳа, которая, подоткнувъ подолъ, весело летала по всей квартирѣ съ такими узлами и сундуками на своей широкой, могучей спинѣ, которые, казалось, только доброму мужику были бы подъ силу. Завтракъ для этого дня готовила Милочкина кухарка, полная, солидная особа, въ наплоенномъ бѣломъ передникѣ и кружевномъ фаншонѣ на головѣ, оглядывавшая новыхъ господъ съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ.

Узнавъ, что Марѳа здѣсь будетъ кухаркой, она долго не могла придти въ себя отъ изумленія.

— А я думала, что онѣ такъ, на мѣсто кухоннаго мужика будутъ!—сказала она съ жеманной усмѣшкой, удивляясь, какъ это у такой деликатной барыни, какъ ея Людмила Львовна, такіе „неотесанные родственники"!

Къ завтраку, совсѣмъ неожиданно, пріѣхала Глафира Львовна, привезшая сладкій пирогъ на новоселье. Пелагея Семеновна обрадовалась ей, но уже не заплакала, какъ плакала часъ тому назадъ, увидавшись съ Милочкой и Ольгой. Она давно уже отвыкла отъ дочери и слегка побаивалась ея, точно чувствовала ее чужой, и, казалось, даже не вѣрила порой, что эта важная, серьезная барыня—ея собственная дочь.

Но тѣмъ не менѣе ее очень тронула такая внимательность съ ея стороны и она въ свою очередь старалась быть съ ней какъ можно ласковѣе; но почему-то это плохо выходило у нея и, сознавая это должно быть, она только хуже еще смущалась этимъ и окончательно сбивалась съ того простого искренняго тона, который былъ ей свойственъ, когда она не думала о немъ.

Глафира Львовна дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и противъ обыкновенія была очень любезна и съ матерью, и съ сестрами, и даже Милочку и Ардальона Михайловича, встрѣча съ которыми въ сущности шокировала ее, удостоила своего разговора.

Въ душѣ она была очень удивлена роскошной квартирой и обстановкой Леонтьевыхъ и не могла не осуждать этого мысленно, обвиняя ихъ, по своему обыкновенію, въ мотовствѣ и безалаберности, но высказывать имъ это, разъ что они не просили у нея для этого денегъ, не считала своей обязанностью и не желала вмѣшиваться въ ихъ дѣла.

Завтракать сѣли въ знаменитой столовой, въ которой, благо-

даря цвѣтнымъ стекламъ, въ этотъ сѣренькій день было такъ темно, что несмотря на первый часъ дня пришлось зажечь лампу, тоже очень красивую и мудреную, съ какой-то огромной усовершенствованной горѣлкой, которую Марѳа впрочемъ тутъ же и сломала.

— Ну, mesdames,—сказалъ Ардальонъ Михайловичъ, зажигая вмѣсто испорченной великолѣпной лампы какую-то маленькую, нà-скоро принесенную изъ кухни.—Мы теперь на бивуакахъ и будемъ совершать нашу трапезу по походному! A la guerre comme à la guerre.

Милочкѣ и Ольгѣ очень нравилась эта походная суета. Ихъ забавляла и эта кухонная лампа, и деликатное изумленіе Милочкиной кухарки и важнаго швейцара, и одичавшій за дорогу котъ Яшка, который отъ испуга, никого не узнавая, бѣгалъ, задравши ощетинившійся хвостъ, по всей квартирѣ и поминутно, къ полному восторгу маленькаго Сережи, который визгомъ и крикомъ только хуже запугивалъ его, попадался подъ ноги то одному, то другому.

Онѣ обѣ были въ томъ дурачливомъ настроеніи, которое нападало на нихъ иногда, и искренно смѣялись надъ собственнымъ положеніемъ.

„Какъ можно жить въ такой безалаберщинѣ!“ думала, глядя на нихъ, Глафира Львовна, удивлявшаяся тому, что онѣ сами же только смѣются и шутятъ надъ этимъ.

Ардальонъ Михайловичъ былъ тоже очень милъ и веселъ и такъ смѣшилъ дамъ разсказами объ ихъ дорожныхъ приключеніяхъ, что даже Глафира Львовна невольно смѣялась.

— Нѣтъ, это чтò еще!—разсказывалъ онъ имъ:—тутъ все это значительно уже устроилось и успокоилось, а вообразите себѣ только, чтò тамъ, въ Москвѣ было! Пріѣзжаю я, напримѣръ, на вокзалъ и вижу—чтò за публика! Какія-то барышни-консерваторочки, разные старички-генералы, весь московскій театръ налицо—и тутъ же какіе-то вахтера, солдаты, кухарки, ребята всѣхъ возрастовъ, начиная чуть не съ новорожденнаго и такъ далѣе такъ далѣе! И все это почему-то плачетъ, цѣлуется, обнимается, голоситъ. Гвалтъ, давка невообразимые! И только подлѣ нашего вагона! Оказывается, что все это провожатые нашихъ дамъ. Начиная отъ Пелагеи Семеновны и кончая Марѳой—всѣхъ провожаютъ! А чтò я съ этими дамами вытерпѣлъ только, такъ вы и представить себѣ даже не можете! Пелагея Семеновна плачетъ, Настасья рыдаетъ, Марѳа—та несчастная тамъ въ дворника какого-то влюблена была—совсѣмъ ужъ бѣлугой реветъ, Аграфена

голоситъ! Того и гляди, отъ волненія чувствъ подъ поѣздъ еще кто-нибудь попадетъ. Насилу, насилу разсадилъ ихъ всѣхъ по мѣстамъ! Да и то еще вѣдь не сидятъ! Одну посажу—другая, гляжу, выскочила; ту втащу—третья нейдетъ; просто голова кругомъ пошла, самъ ужъ ничего не понимаю! Потомъ, на каждой станціи пересчитываю чуть не по пальцамъ, какъ дамы—пакетики: Пелагея Семеновна разъ; Варенька два; Борисъ—за тѣмъ вѣдь тоже нуженъ глазъ да глазъ: вотъ далеко ли, напримѣръ, отъ вокзала до Николаевской, а и то ужъ пропасть умудрился!—такъ Борисъ три; Сережа четыре; Наталья, Марѳа, Аграфена, котъ Яшка, птица съ клѣткой! Фу, ты Господи, чуть головы не потерялъ! и вдобавокъ, все это плачетъ, боится чего-то и на меня же еще жалуется! Пелагея Семеновна — зачѣмъ Ольгу Львовну не отговорилъ; Марѳа,—зачѣмъ отъ ея дворника увезъ; Борисъ—зачѣмъ на каждой остановкѣ пить не даю! Одна Варенька сидитъ себѣ молодцомъ, тихо, чинно, благородно, ни на кого не жалуется, ни о комъ не плачетъ. Въ ней одной вся моя помощь и утѣшеніе только и были! Но зато вы, mesdames, не можете теперь, по крайней мѣрѣ, жаловаться! Довезъ всѣхъ въ цѣлости и невредимости. Гдѣ тутъ Ольгѣ Львовнѣ было бы справиться; я и то едва цѣлъ остался, а ее и вовсе бы затормошили!

Ольга и Милочка хохотали до упаду; но зато Пелагея Семеновна и Настасья немножко обижались на своего любимца. Однако переѣздъ ихъ былъ дѣйствительно такъ смѣшонъ и оригиналенъ и имѣлъ столько курьезныхъ приключеній, что онѣ и сами теперь, когда все кончилось благополучно, невольно смѣялись, вспоминая его и подтрунивали другъ надъ другомъ.

Послѣ завтрака Глафира Львовна, только присутствовавшая при немъ, вскорѣ уѣхала.

— Гдѣ же, однако, вашъ Борисъ?—спросила она на прощаньѣ, не удержавшись отъ того, чтобы не сдѣлать матери маленькой непріятности.

— Ахъ, ужъ и не говори!—сказала Пелагея Семеновна, безнадежно махая рукой.

— Я вамъ говорю,—воскликнулъ, смѣясь, Ардальонъ Михайловичъ,—что онъ теперь навѣрное петербургскіе рестораны обозрѣваетъ! Пожалуйста, не безпокойтесь о немъ: онъ отлично позавтракаетъ гдѣ-нибудь!

— Привези же дѣтокъ какъ-нибудь!—сказала, прощаясь съ дочерью, Пелагея Семеновна, считавшая своимъ долгомъ сказать

эту фразу, но къ своему большому огорченію не чувствовавшая, въ сущности, этого желанія въ душѣ.

— Непремѣнно, непремѣнно!—сказала Глафира Львовна, подумавъ, что теперь это, къ сожалѣнію, дѣйствительно придется дѣлать раза два, три въ годъ, но не чаще, чтобы не подвергать дѣтей неловкости встрѣчаться съ подобными тетушками, какъ Милочка, и съ такими дядюшками, какъ Борисъ.

— Она сегодня была очень милостива!—насмѣшливо сказала Милочка, когда сестра уѣхала:—но все-таки же пренепріятная особа; а про Бориса она навѣрное нарочно спросила! Право, я не признаю ее сестрой, она точно совсѣмъ чужая!

— Да,—сказала Ольга, смѣясь,—она намъ не ко двору; впрочемъ врядъ-ли мы будемъ часто видаться! Можетъ быть, это нехорошо, но я всегда какъ-то позабываю объ ея существованіи.

Вскорѣ послѣ Глафиры уѣхали и Милочка съ Ардальономъ Михайловичемъ, которые впрочемъ вечеромъ должны были пріѣхать опять.

— Ну вотъ, мама, вы и въ Петербургѣ!—сказала Ольга, обнимая мать, когда всѣ разъѣхались и онѣ остались однѣ.

Пелагея Семеновна, вспомнивъ объ этомъ, хотѣла опять заплакать, но удержалась, чтобы не огорчать дочь.

— Въ Петербургѣ-то въ Петербургѣ,—сказала она, смотря печально черезъ окно на широкую, незнакомую ей улицу, такъ непохожую на ту, гдѣ они жили въ Москвѣ:—а вотъ только... хорошо ли жить-то здѣсь будетъ?..

Ольга задумалась и тоже невольно взглянула по направленію ея взгляда. И вдругъ ей тоже все это—и эта улица съ огромнымъ сѣрымъ домомъ напротивъ, и ихъ квартира, и эта плюшевая гостиная и даже самая та жизнь, такая новая и непривычная имъ еще, которая должна была начаться теперь—показались ей тоже такими странными и чуждыми, что ей невольно стало какъ-то жутко и страшно на душѣ...

„Да,—подумала она,—вотъ я все это сдѣлала, а что̀ изъ этого выйдетъ?..“

— Ну, чтожъ,—сказала она задумчиво не то матери, не то самой себѣ:—поживемъ, увидимъ!..

Мар. Крестовская.

ОТЪ УРАЛА ДО ТОМСКА

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Поѣздъ прибылъ въ Тюмень въ седьмомъ часу утра. На мой вопросъ, въ какой гостинницѣ всего удобнѣе остановиться, одинъ господинъ въ форменной фуражкѣ указалъ гостинницу Чеховича, гдѣ будто бы пріѣзжій находитъ роскошную обстановку, напоминающую лучшія гостинницы Петербурга. Гостинница оказалась, однако, сквернымъ постоялымъ дворомъ. Линейка, запряженная небольшой, но крѣпкой сибирской лошадкой, повезла меня по пыльнымъ улицамъ этого перваго сибирскаго города. Съ обѣихъ сторонъ можно было насчитать множество убогихъ деревянныхъ домишекъ, полусгнившихъ, въѣхавшихъ въ землю настолько, что надо было удивляться, какъ еще въ нихъ живутъ люди. А между тѣмъ только немногія изъ этихъ лачугъ заколочены.

За исключеніемъ двухъ-трехъ улицъ, Тюмень можетъ быть названа городомъ рѣзко отличнымъ отъ Екатеринбурга: она представляетъ въ полномъ расцвѣтѣ непригдядныя стороны малыхъ и даже многихъ большихъ русскихъ городовъ. Городъ имѣетъ около 25.000 жителей, но при сколько-нибудь правильномъ застроеніи въ него можно было бы вмѣстить 150.000. Конная и базарная площади представляютъ изъ себя обширные пустыри, съ неправильно разбросанными и на скорую руку сколоченными лавчонками, гдѣ торгуютъ хлѣбомъ, лукомъ, рыбой. Кирпичный неоштукатуренный гостиный дворъ такъ просторенъ, что многія торговыя помѣщенія кажутся почти пустыми. Дѣло замощенія улицъ ограничивается только проложеніемъ на бойкихъ мѣстахъ

деревянныхъ тротуаровъ, а потому въ городѣ попеременно царствуютъ невозможная пыль и непроходимая грязь. Эта невеселая картина нѣсколько скрашивается хорошо устроенными домами богатаго купечества, съ палисадниками при нихъ, гдѣ хозяинъ выращиваетъ все, чтò позволяетъ суровый сибирскій климатъ: сирень, акацію, сибирскій тополь, березу, кусты смородины и низкорослую вишню.

Но было бы ошибочно, по большому числу полуразрушенныхъ домишекъ, заключать, что Тюмень клонится къ упадку. Лѣтъ восемь тому назадъ, когда уральская дорога оканчивалась въ Екатеринбургѣ, Тюмень, какъ почти всѣ сибирскіе города, была бѣдна, а дороговизна строевого лѣса, доставляемаго сюда съ верховьевъ Туры, заставляла небогатыхъ домовладѣльцевъ жить въ своихъ лачугахъ до послѣдней возможности. Получивъ желѣзную дорогу, Тюмень получила и сильный толчокъ къ экономическому развитію. Сибирское пароходство на Томскъ и Семипалатинскъ связало этотъ городъ, при посредствѣ желѣзной дороги, съ европейской Россіей. На пристаняхъ обнаружилось неизвѣстное ранѣе оживленіе. Появилось очень много рабочаго люда, который работаетъ у пароходовъ и желѣзной дороги и размѣщается по лачугамъ. Видя объявленіе объ отдачѣ квартиры въ наймы, я заходилъ въ нѣсколько домишекъ и узнавалъ, что наемная плата за комнату или, вѣрнѣе, конурку достигаетъ 3 р. 50 к. въ мѣсяцъ, тогда какъ самый домишко изъ двухъ такихъ комнатъ настолько сгнилъ, что годится развѣ на дрова. Понятно поэтому, что домовладѣльцы, извлекая подобный доходъ, не торопятся возводить новыя постройки.

Тюменская пристань отличается большимъ оживленіемъ. Нѣсколько буксирно-пассажирскихъ пароходовъ, многочисленныя баржи, тысячи мѣшковъ съ хлѣбомъ, сложенныхъ правильными кубами, разгрузчики изъ русскихъ и татаръ, женщины, свозящія въ тачкахъ хлѣбъ съ судовъ на пристань—вотъ картина, которую представляетъ берегъ рѣки Туры. Здѣсь же мы находимъ конторы нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ фирмъ, которыя въ обширныхъ размѣрахъ занимаются хлѣбнымъ дѣломъ. Меня интересовало узнать, откуда привозится этотъ хлѣбъ; оказалось, что онъ поступаетъ изъ алтайскаго горнаго округа, изъ семипалатинской области и изъ южныхъ округовъ тобольской губерніи. Онъ везется до ближайшихъ пристаней по верхнему теченію Иртыша или Оби и затѣмъ, пароходами чрезъ Томскъ или Омскъ, доставляется въ Тюмень. Изъ плодородныхъ же мѣстностей тобольской губерніи, каковы округа курганскій, ишимскій и ялуторовскій,

частью также тюкалинскій и тюменскій, хлѣбъ привозится на подводахъ. Сибирскій крестьянинъ по зимней дорогѣ шутя проѣзжаетъ сотни верстъ. Вотъ почему иной разъ на зимнихъ базарахъ въ Тюмени насчитывается до 10.000 подводъ съ хлѣбомъ. Только небольшая часть всѣхъ этихъ грузовъ, преимущественно пшеницы, доставляется въ мукѣ; гораздо бо̀льшая масса привозится въ зернѣ. Частицу удерживаетъ Тюмень для мѣстныхъ потребностей, а милліоны пудовъ двигаются къ Екатеринбургу, перемалываются въ муку на мельницахъ по рѣкѣ Исети и поступаютъ на уральскіе заводы. Часть этой муки заходитъ даже далѣе въ европейскую Россію, до вятской губерніи и Казани. На ирбитской ярмаркѣ 1888 года южными округами томской губерніи было запродано 4 милліона пудовъ одной пшеницы. Послѣдніе годы изъ алтайскаго горнаго округа начало вывозиться въ европейскую Россію льняное сѣмя и кожи. Торговля развивается изъ года въ годъ. Во главѣ ея стоятъ купцы екатеринбургскіе, тюменскіе, тобольскіе и томскіе. Они имѣютъ своихъ агентовъ въ Барнаулѣ, Бійскѣ, Кузнецкѣ, Курганѣ и при посредствѣ этихъ агентовъ производятъ закупки хлѣба.

Эти факты очень утѣшительны. Они доказываютъ, что западная Сибирь уже получила большое торговое значеніе для европейской Россіи. Поставляя ей произведенія своего сельскаго хозяйства, Сибирь покупаетъ продукты ея фабрикъ и заводовъ и расширяетъ рынокъ для отечественной промышленности. Баржи, приходящія въ Тюмень хлѣбъ, принимаютъ грузы изъ европейской Россіи: желѣзо, орудія, утварь, красные товары и другія издѣлія и везутъ ихъ въ глубь Сибири. Эти факты и потому еще очень отрадны, что бо̀льшая часть хлѣбныхъ грузовъ поступаетъ изъ тѣхъ округовъ, которые приняли къ себѣ наибольшее число переселенцевъ. Стало быть, разъ переселенецъ устроился на новомъ мѣстѣ, онъ расширяетъ торговые обороты нашего отечества и приноситъ пользу всему нашему народному хозяйству.

Тюмень, какъ главныя ворота въ Сибирь, имѣетъ большое значеніе для бродягъ, которымъ удалось вырваться изъ тюрьмы, чтобы вернуться на родину. Бродягъ въ Тюмени искони бывало очень много. Полиція принимала мѣры, чтобы по этапу возвращать ихъ на мѣсто ссылки; но взамѣнъ однихъ вскорѣ появлялись другіе. Населеніе издавна привыкло считать себя не въ безопасности: кражи были ужъ совсѣмъ обыденнымъ явленіемъ; часто случались грабежи, и даже убійство не считалось рѣдкостью. Но въ послѣдніе годы развитіе пристани дѣлаетъ Тюмень для многихъ бродягъ особенно привлекательною. Изъ года въ годъ

хлѣбные обороты требуютъ все больше рабочихъ рукъ. Если бѣглый получаетъ на пристани работу и скромно ведетъ себя, то онъ легко заработываетъ цѣлковый въ день и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль успѣваетъ настолько опериться, что смѣлѣе пускается въ дальнѣйшій путь. Грузовладѣльцы, конечно, ничего не имѣютъ противъ того, что бѣглые подряжаются работать на пристани: напротивъ, ихъ радуетъ увеличеніе числа рабочихъ, такъ какъ оно препятствуетъ возвышенію рабочей платы.

Мѣстной полиціи хорошо знакомо настроеніе грузовладѣльцевъ, и она вовсе не склонна препятствовать ихъ экономическимъ разсчетамъ: поэтому, если бѣглые, работающіе на пристани, держатъ себя смирно, то полиція и не трогаетъ ихъ. Такіе люди могутъ подолгу жить въ Тюмени, нетревожимые мѣстными властями.

Уже нѣсколько лѣтъ самымъ важнымъ явленіемъ въ жизни Тюмени служатъ переселенцы. Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ здѣсь проходило ежегодно по 6 и 7.000 переселенцевъ; но въ послѣднее время движеніе настолько возросло, что за прошлый годъ чрезъ Тюмень прошло около 29.000 чел. Въ началѣ нынѣшняго іюня, благодаря позднему вскрытію сибирскихъ рѣкъ, въ Тюмени накопилось 14.200 переселенцевъ. Одни изъ нихъ были помѣщены въ баракъ, устроенный еще семь лѣтъ тому назадъ тюменскимъ благотворительнымъ комитетомъ; тѣ, кто позажиточнѣе, наняли себѣ каморки въ домахъ тюменскихъ мѣщанъ, платя отъ 2 до 5 коп. съ души; инымъ дали пріютъ мѣстные торговцы въ своихъ незанятыхъ хлѣбныхъ амбарахъ, сараяхъ и мельницахъ; но многія тысячи принуждены были расположиться въ полѣ подъ открытымъ небомъ.

Живо интересуясь переселенческимъ дѣломъ, я отправился посмотрѣть, каково положеніе переселенцевъ въ ожиданіи пароходовъ, которые должны двинуть ихъ далѣе. Глазамъ моимъ представилось такое зрѣлище. На обширномъ полѣ, которое начинается за городомъ отъ тюменскаго общественнаго сада, можно было насчитать десятка два таборовъ. Издали на площади, не менѣе 3 квадратныхъ верстъ, эти таборы представляли очень живописную картину. Пестрыя рубахи мужчинъ и сарафаны бабъ, рыжеватыя циновки, обтягивавшія ихъ шалашики—все это пестрѣло на яркой зелени луга бѣлыми, красными, черными точками. Переселенцы соединялись въ группы или потому, что они были выходцами изъ одного и того же селенія, или потому, что совмѣстно совершили длинный путь. Но чрезъ немного минутъ впечатлѣніе этой картины сглаживалось печальною дѣйствительностью:

видно было, что огромное большинство этихъ людей истратило на переѣздъ до Тюмени послѣдніе гроши и испытываетъ тяжелую нужду. Я переходилъ отъ одной группы къ другой. Немногія партіи, по нѣскольку десятковъ семей, носили на себѣ печать достатка: будки, которыя они устроили себѣ на скорую руку изъ хвороста, были обтянуты новенькими циновками; каждая семья имѣла по 2 и по 3 окованныхъ сундука; изъ узловъ выглядывали непочатые концы холста; мѣстами лежала только-что купленная ременная сбруя. На мой вопросъ, отчего они не пошли въ баракъ или не наняли комнаты въ городѣ, они отвѣчали, что прибыли въ Тюмень недавно, разсчитываютъ вскорѣ купить лошадей на свои деньги и двинуться дальше, а потому и не стоитъ уходить съ этого мѣста. Но такихъ счастливцевъ было немного, всего сотня-другая семей. Огромное большинство отличалось видомъ крайняго убожества: низенькія будочки изъ хвороста были кое-какъ обвѣшены грязноватой соломой. Босыя ноги, лапти или сапоги, на которыхъ заплаты не оставляютъ живого мѣста, грубыя посконныя рубахи на мужчинахъ и бабахъ, холщевые мѣшки, наполненные рухлядью, грязныя и рваныя тряпки, въ которыхъ были обернуты тутъ же лежавшія больныя дѣти—все говорило, что здѣсь царство полной и безъисходной нужды. Я спрашивалъ многихъ изъ этихъ людей, почему они остаются здѣсь и нейдутъ въ баракъ. Они отвѣчали, что боятся жить тамъ, такъ какъ уже было нѣсколько смертныхъ случаевъ. Барачное помѣщеніе состоитъ изъ главнаго корпуса безъ печей, но устроеннаго довольно прочно, и изъ двухъ небольшихъ кухонь съ двухъ сторонъ. Въ баракѣ и двухъ кухняхъ, въ случаѣ крайности, можетъ быть втиснуто до 600 человѣкъ. Здѣсь же на дворѣ стоитъ сарай изъ заборнаго лѣса, съ вершковыми щелями въ стѣнахъ, способный вмѣстить человѣкъ 300, но вовсе непригодный для мало-мальски холоднаго времени. Въ противоположномъ углу двора пріютился маленькій домикъ, обращенный въ больничку съ восемью койками, для помѣщенія тифозныхъ и другихъ, одержимыхъ незаразительными болѣзнями. Въ этомъ же домикѣ одна крошечная комнатка обращена въ канцелярію, гдѣ чиновникъ ведетъ списокъ переселенцамъ, подаетъ имъ совѣты и установляетъ очередь въ посадкѣ ихъ на пароходы, а врачъ подвергаетъ ихъ освидѣтельствованію.

Чиновникъ по переселенческому дѣлу, П. П. Архиповъ, молодой человѣкъ, горячо преданный своимъ обязанностямъ и хорошо постигшій самую сущность переселенческаго вопроса, съ ранняго утра и до глубокой ночи занятъ со своими кліентами. Пріѣхавъ въ баракъ, я увидѣлъ такую картину. Г. Архиповъ сидѣлъ за

маленькимъ столикомъ у единственнаго окна своей крошечной канцеляріи; на дворѣ стояла сомкнутая толпа человѣкъ въ 200 мужчинъ и женщинъ; унтеръ-офицеръ поочередно пропускалъ ихъ къ отворенному окну, и они отвѣчали г. Архипову на вопросы о томъ, какъ велика семья, куда они ѣдутъ и могутъ ли тронуться далѣе на собственныя средства. Въ этой толпѣ можно было намѣтить этнографическія особенности многихъ полосъ европейской Россіи и признаки разныхъ занятій, которыя упрочились въ нашихъ деревняхъ. Направо стоитъ высокій, плечистый мужикъ съ темнорусою бородою лопатой, длинными русыми, слегка вьющимися волосами и довольно красивымъ оваломъ лица: можно держать пари, что это костромичъ или нижегородецъ. Четырехугольное, скуластое лицо, темные волосы, низкій лобъ выдаютъ крестьянина вятской и казанской губерній, принявшаго въ себя большую примѣсь инородческой крови. Правильный острый носъ, тонкія брови, темные глаза и продолговатое лицо съ удлиненнымъ подбородкомъ позволяютъ безъ труда угадать крестьянина курской, воронежской или полтавской губерній даже раньше, чѣмъ до вашего уха достигъ ихъ малороссійскій говоръ. Нѣсколько поодаль вы замѣчаете невзрачнаго мужичонка съ сѣрыми волосами, сѣрыми глазами, пыльно-сѣрой рѣдкой бородкой, съ чертами лица, которыя не представляютъ ничего рѣзко-опредѣленнаго и выражаютъ только приниженность и безволіе, въ грубой холщевой рубахѣ и лаптяхъ. Это уроженецъ Бѣлоруссіи.

Общій фонъ образуютъ поселяне-земледѣльцы, но тамъ и сямъ виднѣются фигуры людей, которые и на новой родинѣ будутъ навѣрное больше заниматься промысломъ, нежели пахать землю. Вы обращаете вниманіе на худощавую, довольно высокую фигуру молодого человѣка въ пиджакѣ и панталонахъ на выпускъ; его рука загрубѣла, но не видать тѣхъ глубокихъ почернѣвшихъ трещинъ, которыя изрѣзываютъ руки земледѣльца. Вы готовы поручиться, что это руки ремесленника, и узнаете, что онъ—слесарь изъ одной большой слободы курской губерніи и что на новомъ мѣстѣ онъ надѣется также найти удобное поле для своего мастерства. Здѣсь же вы видите нѣсколько недоразвившихся мужскихъ фигуръ съ блѣдноватыми лицами, узкими плечами, сильно сутулыхъ; по рукамъ видно, что они не знаютъ труда, который требуетъ большой физической силы. Это—портные и сапожники изъ большихъ селеній курской и тамбовской губерній.

Всѣ они поочередно подходятъ къ окну и обмѣниваются съ г. Архиповымъ такими словами:

— Василій Степановъ здѣсь?—спрашиваетъ онъ.

— Здѣсь, ваше благородіе!

— Можешь ли на свои средства доѣхать до Томска на пароходѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! У меня всего въ карманѣ 15 рублей, а надо взять 4 билета, слышь, на 19; вотъ у меня въ четырехъ рубляхъ и недохватка.

Вызываютъ Петра Акимова и ему предлагаютъ такой же вопросъ. Петръ Акимовъ отвѣчаетъ, что онъ въ Тюмени совсѣмъ прожился, заложилъ полушубокъ и что у него на семью изъ 6 душъ остается всего 6 рублей.

— Ну, а ты, Степанъ Кириловъ, можешь доѣхать на свой счетъ до Томска?

— Нѣтъ, не подъ силу.

— Сколько же у тебя недостаетъ на дорогу?

Изъ отвѣта оказывается, что у этого переселенца нѣтъ ровно ничего: „всего недостаетъ". Дальнѣйшія разъясненія показываютъ, что онъ живетъ въ Тюмени съ 1-го числа мая, что онъ хворалъ, похоронилъ двухъ дѣтей, продалъ всю одежду и имѣетъ въ карманѣ только 40 коп.

Такая бесѣда длится нѣсколько часовъ. Вопрошаемые одинъ за другимъ заявляютъ, что они не могутъ на свои средства доѣхать до Томска, заплативъ за билетъ около 5 руб. съ души и за багажъ по 60 коп. съ пуда. Быть можетъ, на десять человѣкъ найдутся только двое, которые говорятъ, что доѣдутъ на собственный счетъ. Часто высказываютъ предположеніе, что многіе переселенцы уменьшаютъ средства, которыя имѣютъ при себѣ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это бываетъ. Случается иногда, что такой переселенецъ, заявивъ о невозможности достигнуть Томска на собственныя средства, бралъ билетъ на слѣдующій день. Но такіе случаи представляются исключеніями: обыкновенно тѣ, которые опредѣляютъ свои денежныя средства столь ничтожными суммами, дѣйствительно не могутъ на свой счетъ достигнуть Томска. Если же они, не получивъ пособія, и берутъ билетъ чрезъ нѣсколько дней, то дѣлаютъ это на выручку отъ продажи одежды и какихъ-либо другихъ необходимыхъ запасовъ, взятыхъ изъ дому. А покрытіе расходовъ на проѣздъ изъ этого источника еще болѣе подтачиваетъ силы переселенцевъ и нерѣдко заставляетъ ихъ въ дорогѣ страдать отъ ненастья.

На пароходъ сажаютъ переселенцевъ партіями по 300, 400, 500 чел. и болѣе; а потому опросы ихъ съ отмѣткою тѣхъ, которые могутъ двинуться дальше на собственный счетъ, и тѣхъ,

которые не имѣютъ этой возможности, длятся чуть не цѣлый день. Когда составлены списки тѣхъ, которые пойдутъ съ ближайшимъ пароходомъ, то вся партія приглашается къ освидѣтельствованію чрезъ врача. Освидѣтельствованіе имѣетъ цѣлью не допустить выѣзда изъ Тюмени тѣхъ, которые больны заразительными болѣзнями и могутъ перенести ихъ и на здоровыхъ, особенно дѣтей. Переселенцы очень боятся врачебнаго осмотра; иногда прибѣгаютъ къ уловкамъ, чтобы взять съ собою и больныхъ. Бываютъ случаи, что больной уговариваетъ здороваго назваться своимъ именемъ. Благодаря такимъ подставнымъ лицамъ, нѣкоторымъ больнымъ переселенцамъ удается попасть на пароходъ. Бываютъ и такіе случаи, что переселенцы, желая обмануть врачебный контроль, приводятъ больного ребенка и, держа его за руки, увѣряютъ, что онъ уже совсѣмъ выздоровѣлъ и только не успѣлъ окрѣпнуть. Въ общемъ, однако, такіе случаи немногочисленны: за нынѣшній годъ на нѣсколько тысячъ переселенцевъ ихъ не насчитали и десяти. Чиновникъ, завѣдующій переселенческимъ дѣломъ, не задерживаетъ больныхъ изъ тѣхъ семей, которыя отъ Тюмени ѣдутъ на лошадяхъ: онѣ идутъ небольшими партіями и проходятъ значительную часть пути такими мѣстами, гдѣ легко найти врачебную помощь. На пароходѣ же втиснуто нѣсколько сотъ человѣкъ, рейсы продолжаются 10—14 дней и больше, 2.000 верстъ приходится проѣзжать мѣстностью, рѣдко населенною, гдѣ на сотнѣ верстъ встрѣчаешь только двѣ-три деревушки, преимущественно рыбаковъ, совершенно отрѣзанныхъ отъ правильной врачебной помощи.

Для тѣхъ переселенцевъ, которые не могутъ двинуться дальше на собственный счетъ, въ распоряженіи г. Архипова есть небольшія средства, отпускаемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; изъ этихъ средствъ переселенцы получаютъ ссуды безъ процентовъ, на сроки отъ 1 до 5 лѣтъ, а бѣднѣйшіе пользуются безвозвратными пособіями. И ссуды, и пособія или выдаются небольшими суммами на руки, или же въ формѣ платы за билетъ на пароходѣ. Въ теченіе 7 лѣтъ въ Тюмени существуетъ благотворительный комитетъ, который располагаетъ ежегодно суммами отъ 2 до 3 тысячъ и расходуетъ ихъ, частью на оказаніе переселенцамъ медицинской помощи, частью на выдачу имъ небольшихъ пособій. Однако, эти оба источника удовлетворяютъ только небольшую часть нужды, которая обнаруживается среди переселенцевъ въ Тюмени. Можно сказать безъ преувеличенія, что нужны были бы въ десять разъ бóльшія средства для по-

крытія неотложныхъ потребностей переселенцевъ, какъ онѣ заявляютъ о себѣ въ Тюмени.

Послѣднимъ актомъ г. Архипова по отношенію къ переселенцамъ является посадка ихъ на пароходъ. Такъ какъ пароходы отправляются изъ Тюмени утромъ, то посадка совершается наканунѣ, причемъ г. Архиповъ убѣждается лично, не слишкомъ ли тѣсно помѣщены переселенцы.

Меня интересовало положеніе сибирскихъ крестьянъ. Приходилось слышать самые разнорѣчивые отзывы о томъ, какъ живутъ они: одни говорятъ и пишутъ, что въ Сибири вовсе неизвѣстна та нужда, которую наши изслѣдователи наблюдаютъ въ обширныхъ полосахъ европейской Россіи; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что и въ сибирскихъ деревняхъ очень много нужды. Мнѣ удалось посѣтить двѣ ближайшія деревушки—Букино и Гилево. Онѣ отстоятъ отъ города въ 5—6 верстахъ и имѣютъ не болѣе 25 или 30 дворовъ каждая. При самомъ въѣздѣ въ деревню Гилеву стоитъ домъ одного крестьянина, который можетъ служить образцомъ того, во что обращается хозяйственный русскій мужикъ, если ему не препятствуютъ особенно неблагопріятныя условія. Этотъ мужикъ—глава большой семьи изъ трехъ женатыхъ сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Собственными силами семьи, безъ наемныхъ работниковъ, засѣваетъ онъ 20 десятинъ озимаго и ярового. Въ его обширномъ огородѣ есть не только всѣ тѣ овощи, которыя встрѣчаются въ обиходѣ и крестьянина нашихъ среднихъ губерній, но есть и довольно много грядъ огурцовъ, выращиваемыхъ по парниковой системѣ, причемъ каждый кустъ окружается соломой и въ холодныя ночи прикрывается кусками стекла. Онъ держитъ до 10 лошадей и 5 коровъ. Вся семья живетъ въ двухъ избахъ, изъ которыхъ одна—большой двухъ-этажный домъ, гдѣ верхній этажъ отдается на лѣто дачникамъ изъ Тюмени и служитъ источникомъ дополнительнаго дохода. Въ нижнемъ этажѣ живутъ круглый годъ сами хозяева. Чистый полъ, довольно аккуратная кровать, два-три ковра, мягкій диванъ, часы на стѣнѣ, цвѣты на окнахъ доказываютъ, что этой семьѣ знакомы уже нѣкоторыя общеевропейскія удобства домашней жизни. Грамотность еще мало развита въ этой семьѣ: женщины неграмотны всѣ, а сыновья, хотя и грамотны, не особенно искусились въ этомъ; всѣ же внуки хозяина ходятъ въ школу сосѣдней деревни.

Я разспрашивалъ, не міроѣдъ ли это, основавшій свое благосостояніе на притѣсненіи односельцевъ. Мнѣ говорили, однако, что это не кулакъ, а крестьянинъ, который, съ помощью хозяй-

ственности, хорошо поставилъ свое земледѣліе и извлекаетъ небольшой доходъ изъ розничной продажи по зимамъ рыбы въ Тобольскѣ. Таковъ типъ хозяйственнаго крестьянина, формирующійся въ Сибири подъ вліяніемъ изобилія земли и другихъ естественныхъ богатствъ—рыбы, дичи. Обходя другія избы того же селенія, я не вездѣ находилъ признаки довольства, какое встрѣтилъ у этого богатѣйшаго мужика. Но, за исключеніемъ бобыльскихъ и солдатскихъ дворовъ, не было замѣтно и той нужды, которую такъ часто встрѣчаешь въ деревняхъ средней Россіи: вездѣ можно было найти довольно много скота; вездѣ довольно большіе участки земли были подъ огородомъ; вездѣ можно было видѣть огромное количество соломы, оставшееся про черный день, тогда какъ въ средней Россіи солома рѣдко бываетъ въ избыткѣ. Я спрашивалъ у бѣднѣйшихъ крестьянъ этой деревни, сколько у нихъ скота, и узнавалъ, что они имѣютъ не менѣе 2 коровъ и 3 лошадей. И только многія ветхія избы давали, повидимому, право думать, что селеніе не пользуется большимъ благосостояніемъ. Такое предположеніе было, однако, невѣрно: мнѣ объяснили, что крестьяне ближайшихъ къ Тюмени деревень живутъ въ своихъ домахъ до послѣдней степени ихъ ветхости, такъ какъ не могутъ помириться съ цѣнами лѣса, быстро поднявшимися за послѣдніе годы въ Тюмени. И это тѣмъ болѣе понятно, что сибирскій крестьянинъ не можетъ довольствоваться семи-аршинною избой, какія охотно строятся въ средней Россіи; постройка же довольно просторной избы вблизи Тюмени стоитъ не дешево.

II.

Мы выѣхали изъ Тюмени въ теплое лѣтнее утро. Хотя былъ разгаръ лѣта, однако разливъ сибирскихъ рѣкъ стоялъ чуть не на высшей точкѣ и, повидимому, спадъ былъ еще далеко. Весь путь отъ Тюмени до Томска составляетъ водою около 2.800 верстъ, тогда какъ почтовымъ трактомъ на Омскъ—только 1.524 версты. Это почти двойное разстояніе пароходы пробѣгаютъ, согласно съ расписаніями, въ 9, 10, 11 сутокъ. Если же на пути нѣтъ противнаго вѣтра и въ самомъ пароходѣ не обнаруживается никакой неисправности, то они ускоряютъ движеніе и совершаютъ рейсъ однѣми-двумя сутками скорѣе.

Главнымъ пароходовладѣльцемъ служитъ товарищество Курбатова и Игнатова. Но за послѣднее время для перевозки пассажировъ приноровлены пароходы Корнилова; они еще не прі-

учили къ себѣ многочисленной публики, но по удобствамъ, дешевизнѣ и хорошему буфету, мало уступаютъ другимъ пароходамъ, идутъ же нѣсколько медленнѣе. Вообще, пассажирское движеніе по сибирскимъ рѣкамъ далеко не имѣетъ той важности, какъ по рѣкамъ европейской Россіи; каюты 1-го и 2-го класса бо̀льшею частью довольно пусты, и даже въ 3-мъ классѣ, не будь переселенцевъ, число пассажировъ измѣрялось бы десятками. Поэтому центромъ тяжести сибирскихъ пароходовъ служитъ буксированіе баржей съ грузами, и каждый пароходъ ведетъ за собою одну или даже двѣ и три баржи, что̀ и не позволяетъ ускорить движеніе болѣе, чѣмъ до 20 верстъ въ часъ по теченію и до 13—14 верстъ противъ него.

Главнымъ человѣческимъ грузомъ служатъ переселенцы: я намѣренно называю ихъ грузомъ, потому что для нихъ обезпечено слишкомъ мало даже самыхъ начальныхъ удобствъ. Благодаря дѣятельному вмѣшательству П. П. Архипова, чиновника по переселенческимъ дѣламъ въ Тюмени, на пароходѣ помѣщается столько переселенцевъ, сколько можетъ вмѣстить судно, безъ опасности для быстроты движенія. Еслибы не было контроля, то переселенцы были бы перевозимы, какъ товаръ. Но даже существующій контроль не мѣшаетъ тому, что этимъ бѣднымъ людямъ не доставляется необходимыхъ удобствъ. Палуба 3-го класса имѣетъ деревянную крышу, висящую надъ самой головой. Переселенцы тѣснятся подъ крышу, но такъ какъ не могутъ вмѣститься всѣ, то часть ихъ должна оставаться на непокрытыхъ мѣстахъ нижней палубы или на верхней. Меньшинство находитъ себѣ мѣстечко по скамьямъ; большинство же размѣщается на своихъ мѣшкахъ или просто на полу палубы. Въ ясную погоду это еще полъ-бѣды, но въ ненастье, которое такъ часто бываетъ въ этихъ сѣверныхъ широтахъ, взрослые и особенно дѣти скучиваются на крытыхъ частяхъ палубы до невозможности или же остаются мокнуть на дождѣ. Поэтому можно сказать безошибочно, что многія дѣти, выѣхавъ изъ Тюмени здоровыми, заболѣваютъ въ пути только потому, что совершаютъ переѣздъ въ такой суровой обстановкѣ. Нельзя сказать, чтобы скудныя удобства, которыя пароходы доставляютъ переселенцамъ, объяснялись и оправдывались дешевой платой за переѣздъ. Плата не очень дешева: она составляетъ отъ 4 до 5 руб. за все разстояніе; разница между нею и платою за проѣздъ въ 1 классѣ, составляющею отъ 15 до 22 руб., гораздо менѣе велика, нежели разница эта на желѣзныхъ дорогахъ: по желѣзнымъ дорогамъ ѣдущіе въ 1-мъ классѣ платятъ 375 коп. за 100 верстъ, а переселенцы—только

30 коп., т.-е. въ 12 разъ меньше; между Тюменью и Томскомъ пассажиры 1-го класса платятъ за 100 верстъ отъ 50 до 75 к., переселенцы же—отъ 12 до 18 коп., т.-е. только въ 4 раза дешевле, а по удобствамъ, особенно въ ненастную погоду, между 1-мъ и 3-мъ классами гораздо меньше разницы на желѣзной дорогѣ, нежели на сибирскихъ пароходахъ.

Длинный переѣздъ отъ Тюмени до Томска долженъ быть отнесенъ къ наиболѣе утомительнымъ и однообразнымъ. Отъ Тюмени и до села Іевлева, на протяженіи 300 верстъ, путь идетъ Турою, которая въ половодье довольно глубока, а въ сухое лѣто позволяетъ ходить только мелко-сидящимъ пароходамъ. Берега Туры пустынны, но все-таки довольно часто видишь признаки человѣческаго жилья. Изрѣдка правый берегъ чуть возвышается и напоминаетъ характеръ береговъ у рѣкъ европейской Россіи. По бо̀льшей же части онъ, какъ и лѣвый, низменъ и покрытъ молодымъ лѣсомъ, елью, осиной, березой и тальникомъ. Небольшія деревни каждыя 10—15 верстъ, огороженныя пашни и скотъ, пасущійся безъ пастуха, согласно съ сибирской системой хозяйства, нѣсколько разнообразятъ монотонность береговъ. Изъ Туры мы вошли въ Тоболъ, довольно большую и многоводную рѣку, и плыли по ней 150 верстъ, до впаденія ея въ Иртышъ подъ Тобольскомъ.

Тобольскъ, этотъ древнѣйшій и стольный городъ Сибири, производитъ съ рѣки очень хорошее впечатлѣніе. Уже верстъ за 15 довольно отчетливо различаешь двѣ бѣлыя линіи церквей и домовъ, образующія нижній городъ по самому берегу Иртыша и верхній—на довольно высокихъ холмахъ, господствующихъ надъ рѣкой. Одну изъ высшихъ точекъ этихъ холмовъ занимаетъ городской садъ; около него въ живописномъ безпорядкѣ размѣстились храмы, деревянные домики частныхъ лицъ съ желѣзными крышами, обширное зданіе присутственныхъ мѣстъ. Кое-гдѣ высокій холмъ перерѣзанъ оврагами. Широкій Иртышъ дѣлаетъ мѣстоположеніе еще болѣе картиннымъ.

Однако, путника быстро охватываетъ разочарованіе, какъ скоро онъ въѣзжаетъ въ самый городъ. Отъ пристани ѣдетъ онъ по деревянной мостовой изъ на̀-скоро сколоченныхъ досокъ, которыя приподнимаются и дребезжатъ, какъ клавиши, подъ колесами экипажей. Весь нижній городъ, гдѣ сосредоточиваются главныя учебныя заведенія и торговые обороты, производитъ впечатлѣніе чего-то неряшливаго, безалабернаго, полуразрушеннаго, забытаго Богомъ и людьми. Тобольскъ служитъ центромъ значительной торговли рыбой. А базаръ, на которомъ производится эта торговля,

загрязненъ до такой степени, что охотникамъ до рыбныхъ кушаній всего лучше и не заглядывать на него. Такъ какъ въ Тобольскѣ нѣтъ садовъ и очень немного огородовъ и некуда класть навозъ для удобренія, то все это въ теченіе вѣковъ свозится на берегъ Иртыша, размывается водою, заполоняетъ набережную и распространяетъ зловоніе. На этихъ-то кучахъ навоза и стоятъ убогія лавчонки, изъ которыхъ торгуютъ рыбой. Рыба огромными массами валяется тутъ же въ навозной жижѣ.

Но и верхній городъ производитъ самое безотрадное впечатлѣніе. Средину занимаетъ огромный пустырь съ узенькой полоской, выстланной досками; площадь совершенно безлюдна; кое-гдѣ на окраинахъ этого пустыря стоятъ деревянные домишки. На дворѣ архіерейскаго дома вамъ показываютъ колоколъ изъ Углича, звонившій послѣ убіенія царевича Дмитрія. Единственнымъ украшеніемъ верхняго города служитъ довольно большой садъ, разбитый вокругъ памятника Ермаку. Самый памятникъ имѣетъ видъ четырехъ-угольнаго столба. Садъ, разбитый вокругъ, состоитъ изъ густо засѣвшихъ кедровъ, елей и березъ и содержится въ полномъ порядкѣ. Два года тому назадъ въ Тобольскѣ было положено начало этнографическому музею, который помѣщается въ небольшомъ и довольно красивомъ зданіи, при входѣ въ садъ Ермака. Я воспользовался двухъ-часовой остановкой парохода, чтобы завернуть въ музей и хотя бѣгло познакомиться съ предметами, которые онъ содержитъ. Въ немъ обращено главное вниманіе на то, чтобы представить возможно полнѣе бытъ инородческаго населенія тобольской губерніи. У самыхъ дверей вы находите фигуры остяка и остячки въ національной одеждѣ, модель убогой юрты, въ которой они проводятъ свою жизнь. Довольно много мѣста отведено охотничьимъ и рыболовнымъ снарядамъ этого племени: сѣти, капканы, самострѣлы, багры и другое оружіе. Обращено вниманіе также и на фауну тобольской губерніи: вы видите чучела многихъ хищныхъ звѣрей. Наконецъ, видимо заботились и о томъ, чтобы положить начало мѣстной археологіи: за стекломъ собрано болѣе сотни монетъ какъ русскихъ, такъ и другихъ племенъ. Музей не упустилъ принять въ свои стѣны и то, что̀ можно признать символомъ политическаго значенія, которое до сихъ поръ Сибирь имѣла для Россіи: здѣсь есть кнуты, плети, кандалы, бывшіе несомнѣнно въ употребленіи.

Шесть лѣтъ тому назадъ Тобольскъ праздновалъ трехсотлѣтній юбилей своего существованія. Былъ торжественный обѣдъ, была музыка, устроили иллюминацію, но во всѣхъ застольныхъ рѣчахъ, которыя произносились по этому поводу, рѣзко звучала

одна нота—сомнѣніе въ томъ, что Тобольскъ можетъ имѣть лучшее будущее. Было много говорено объ услугѣ, которую онъ оказалъ Россіи при укрѣпленіи въ Сибири русскаго владычества; было указано, что онъ служилъ центромъ, изъ котораго долгое время управлялся весь обширный край; было отмѣчено, что въ началѣ нынѣшняго вѣка предполагали основать сибирскій университетъ здѣсь, а не въ Томскѣ. И въ то же время всѣ ораторы съ сожалѣніемъ говорили о томъ, что въ ряду сибирскихъ городовъ, небогатыхъ населеніемъ, Тобольскъ занимаетъ шестое мѣсто. И всякій, кто даже на самое короткое время заглянулъ въ этотъ городъ, скажетъ, что его пѣсенка спѣта: желѣзная дорога, имѣющая перерѣзать Сибирь, пройдетъ отъ него далеко; главный сибирскій трактъ изъ Тюмени на Иркутскъ и далѣе проходитъ въ сторонѣ отъ Тобольска; переселенческое движеніе, которое приноситъ Сибири много новыхъ питательныхъ соковъ, направлено, главнымъ образомъ, въ томскую губернію, а изъ тобольской въ тѣ округа, которые лежатъ вдали отъ губернскаго города. Итакъ, пока его оставятъ губернскимъ городомъ—онъ можетъ и впредь сохранить только административное значеніе.

Пароходъ вышелъ изъ Тобольска передъ вечеромъ. Намъ предстояло сдѣлать по Иртышу около 700 верстъ. Иртышъ, судоходный отъ Семипалатинска, является въ нижнемъ своемъ теченіи, отъ Тобольска и до устья, большой и многоводной рѣкой; его средняя ширина отъ $^1/_2$ до 1 версты и болѣе. Чѣмъ далѣе подвигались мы къ сѣверу, тѣмъ болѣе становилась мѣстность однообразной и непріютной. Лѣвый берегъ, затопленный позднимъ лѣтнимъ разливомъ, былъ совершенно безжизненъ: куда ни достигалъ глазъ, вездѣ виднѣлись только тощіе перелѣски и низкорослый кустарникъ, залитые водой. Иногда далеко на горизонтѣ обрисовывались песчаные бугры, поросшіе хвойнымъ лѣсомъ, а на правомъ берегу, болѣе возвышенномъ, виднѣлись кедровыя рощицы по вершинамъ и склонамъ холмовъ. Аборигены этого края не даромъ дали рѣкѣ имя „Иртышъ", что̀ значитъ „землерой": она очень извилиста въ своемъ теченіи и изъ года въ годъ отмываетъ края рыхлыхъ береговъ и уноситъ съ собою глыбы земли съ поросшими на нихъ деревьями.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ рѣже становится населеніе, тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ земледѣліе, уступая главное мѣсто рыболовству. Правильное земледѣліе съ посѣвами, преимущественно ячменя и овса, при частыхъ вымерзаніяхъ этихъ хлѣбовъ, оканчивается въ Юговской волости тобольскаго округа около 59° сѣверной широты. Однако, разспросы мѣстныхъ жителей убѣдили

меня, что не климатъ, будто бы слишкомъ суровый, препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія: такъ, одинъ сельскій священникъ невдалекѣ отъ города Сургута, лежащаго подъ 62°, началъ сѣять около 10 лѣтъ тому назадъ овесъ и рожь, получаетъ съ своихъ полей достаточный урожай и даже устроилъ небольшую мельницу. Низменное положеніе всего этого края—вотъ что̀ служитъ главной причиной того, что жители не занимаются земледѣліемъ; большія рѣки и ихъ многочисленные притоки разливаются нерѣдко на многія сотни верстъ и затопляютъ даже тѣ клочки земли, которые имѣютъ сравнительно высокое положеніе. Деревушки, избирающія себѣ пріютъ по склонамъ холмовъ, оказываются каждыя 5—6 лѣтъ окруженными водою, которая подступаетъ къ ихъ порогамъ. Обиліе воды, низменное положеніе сѣвера тобольской губерніи и побуждаютъ населеніе видѣть въ рыболовствѣ главный промыселъ и главный источникъ доходовъ.

Признаться, условія жизни въ этомъ краѣ (я говорю, разумѣется, не о всей Сибири, а полосѣ за 60° с. ш.) дѣлаютъ необходимымъ огромный запасъ энергіи и физическихъ силъ для того, чтобы дѣятельность не была вполнѣ безрезультатна; да и то нѣкоторыя отрасли хозяйства обставлены такими условіями, что не позволяютъ разсчитывать на сколько-нибудь значительный успѣхъ. Съ нами ѣхалъ одинъ изъ чиновъ тобольскаго лѣсного управленія. Ему нужно было проѣхать на отдаленный сѣверъ, чтобы продать съ торговъ одинъ участокъ лѣса. Слѣдовало сдѣлать ни больше, ни меньше, какъ 700 вер. пароходомъ и около 600 вер. на лодкѣ по Оби и ея притокамъ. Передвиженіе на лодкѣ совершается тѣмъ же порядкомъ, какъ передвиженіе на почтовыхъ: каждыя 40 или 50 верстъ намѣчены станціи, гдѣ находятся гребцы и мѣняются лодки. Иногда на станціи даютъ крытую лодку, называемую *каюкъ*; но часто нельзя достать каюкъ, нужно ѣхать въ лодкѣ открытой. При благопріятныхъ условіяхъ по теченію дѣлаютъ 150 вер. въ сутки. Въ ненастье движеніе невозможно, лодка пристаетъ гдѣ-нибудь къ берегу и пережидаетъ непогоду. Какую, спрашивается, выносливость нужно имѣть чиновнику, чтобы спокойно совершать утомительные переѣзды, ходить часто по поясъ въ водѣ среди пустынныхъ казенныхъ лѣсовъ и старательно слѣдить за тѣмъ, чтобы были соблюдены всѣ интересы казны, при продажѣ на срокъ лѣсного участка,—интересы, измѣряемые на дальнемъ сѣверѣ только десятками рублей! Суровость природы замѣтна, напримѣръ, и на такихъ мелочахъ, какъ предметы, которые прибрежные поселяне приносятъ продавать на пароходныя пристани. Въ десяти верстахъ отъ устья

Иртыша лежитъ большое село Самаровское. Оно имѣетъ около 200 дворовъ, училище, почтовую контору. Но всѣ продукты, которые оно можетъ предложить путешественникамъ, крайне однообразны; почти всѣ они являются дарами природы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: рыба разныхъ породъ, утки, молоко, грубый полу-бѣлый хлѣбъ—вотъ вся та „продажа", съ которой самаровскія женщины приближаются къ пристани въ ожиданіи парохода. Я разспрашивалъ, не изготовляетъ ли здѣсь населеніе какихъ-либо издѣлій изъ дерева, кости, рога или кожъ, какъ на крайнемъ сѣверѣ архангельской губерніи, но получалъ на это отрицательный отвѣтъ. Насколько издѣлія фабричной и заводской промышленности высоко цѣнятся въ этомъ краѣ—видно изъ того, что бабы, продающія молоко, съ большимъ колебаніемъ уступаютъ вамъ бутылку даже за хорошую цѣну: по ихъ словамъ, тамъ очень трудно добывать стеклянную посуду.

Рѣдкость населенія и болотистый характеръ мѣстности являются такими фактами общественной жизни, которые медленно поддаются измѣненію. Но непростительно, что этотъ край, довольно оживленный въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, остается безъ телеграфнаго сообщенія. Водная линія между Тобольскомъ и Томскомъ на протяженіи 2.300 верстъ стоитъ внѣ телеграфной сѣти. Пароходы перевозятъ почту, десятки тысячъ пассажировъ, милліоны пудовъ товару, а подъ рукою нѣтъ телеграфа, который уже давно сталъ принадлежностью даже мало оживленныхъ путей сообщенія. Въ оправданіе ссылаются на то, что въ этой низменной мѣстности на обширномъ пространствѣ, затопляемомъ водою, трудно найти холмы, по которымъ было бы возможно устроить телеграфные столбы. Въ отвѣтъ можно сослаться на большія деревья по берегамъ: эти деревья и будутъ естественными телеграфными столбами. Вопросъ о проведеніи здѣсь телеграфа поставленъ на очередь уже давно, о немъ идетъ дѣятельная переписка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ для этой цѣли были собраны сибирскимъ купечествомъ 10.000 рублей, но дальнѣйшая судьба ихъ осталась неизвѣстною.

Десять верстъ къ сѣверу отъ с. Самарова Иртышъ впадаетъ въ Обь. Отъ самаго селенія можно различать далеко на горизонтѣ довольно широкую темную полосу; кажется, будто до нея двѣ-три версты, а между тѣмъ пароходъ идетъ около часа. Обь, сравнительно даже съ большими рѣками европейской Россіи, очень широка и полноводна. Мѣстные жители усмѣхаются, когда спрашиваешь, нѣтъ ли на ней перекатовъ: они отвѣчаютъ, что даже лѣтомъ, и притомъ въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ, глубина рѣки

не менѣе 5 аршинъ, а ширина, особенно во время весенняго разлива, достигаетъ во многихъ мѣстахъ 5—10 верстъ и болѣе. Благодаря низменному положенію всего этого края, вода заливаетъ очень обширное пространство, и если бы не верхушки тальника, которыя остаются открытыми, можно было бы подумать, что водному царству нѣтъ границъ.

Берега Оби развертываютъ передъ путникомъ картину самую унылую и безотрадную. Отъ Самарова и вплоть до села Тымскаго, на протяженіи около 1.000 верстъ, глазу рѣшительно не на чемъ остановиться. Почти нѣтъ поселеній, кромѣ изрѣдка разбросанныхъ остяцкихъ юртъ, которыя въ нынѣшнемъ году сильно пострадали отъ очень большого разлива. Но эти бѣдные сыны природы вовсе не смущаются тѣмъ, что вода сноситъ ихъ шалаши и затопляетъ землянки. Какъ скоро наступила такая бѣда, остякъ перебирается на одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, а послѣ спада воды опять быстро устроиваетъ шалашъ или вырываетъ землянку. Какъ пахарь старается имѣть въ сосѣдствѣ свое поле, такъ и остякъ поселяется поближе къ рѣкѣ, которая служитъ главнымъ источникомъ его пропитанія. На всемъ тысячеверстномъ разстояніи путникъ видитъ только окружной городъ Сургутъ, отстоящій довольно далеко отъ пристани, село Тымское съ небольшою церковью и двумя десятками дворовъ, и нѣсколько мелкихъ поселковъ въ два-три дома. Какъ ни кажется уныла жизнь въ этомъ краю, однако, говорили мнѣ, Сургутъ — городокъ съ полутора тысячами жителей—служитъ по зимамъ торговымъ центромъ, куда съѣзжаются изъ окрестныхъ селеній промышленники: одни скупаютъ, другіе продаютъ рыбу и звѣрей; устанавливается правильный зимній путь къ Ледовитому океану,—путь, настолько проторенный, что даже разсчитано время, которое необходимо, дабы его пройти: этотъ срокъ считаютъ въ 66 дней.

Пассажировъ ѣхало въ 1-мъ и 2-мъ классѣ немного; зато 3-й классъ, со своими 400 переселенцевъ, отличался большимъ оживленіемъ съ ранняго утра и до глубокой ночи. Въ массѣ переселенцевъ можно было замѣтить нѣсколько различныхъ группъ, которыя и держались отдѣльными кучками. Огромное большинство составляли крестьяне курской губерніи, суджанскаго и обоянскаго уѣздовъ; были также крестьяне изъ губерній тамбовской, казанской и вятской. Тамъ и сямъ садились въ кружки по 5—6 чел. и усердно играли въ замасленныя, полинявшія, почти совсѣмъ облѣзлыя карты. Но большинство вело бесѣду о тѣхъ родныхъ или сосѣдяхъ, которыхъ, по болѣзни, пришлось оставить въ Тюмени; о томъ, насколько дешево, при выѣздѣ съ родины, были

распроданы постройки, скотъ и другое имущество, и, наконецъ, о томъ, какъ они начнутъ устроиваться на новомъ мѣстѣ. Бесѣдуя съ выходцами изъ разныхъ губерній Россіи, я подмѣчалъ различіе условій, при которыхъ они оставили родину. Я спрашивалъ вятскихъ крестьянъ, не мѣшало ли имъ что-нибудь выселиться, и они, смотря на меня съ удивленіемъ, отвѣчали, что могла быть только одна помѣха—недостатокъ денегъ. Пермскіе крестьяне вообще имѣли видъ зажиточныхъ: они были хорошо одѣты и обуты; нѣкоторые оставили дома душевой надѣлъ въ 12 и 13 десятинъ. На вопросъ, что̀ побуждаетъ ихъ переселяться, если они имѣютъ такъ много земли, они отвѣчали, что имъ прискучило сидѣть на своихъ пескахъ и красной глинѣ, и что въ Сибири они разсчитываютъ получить не меньше земли, но гораздо лучшаго качества. Многіе переселенцы изъ другихъ губерній смотрѣли на вятчанъ какъ на богачей, и насчитывали у каждой семьи по 500, 1.000 рублей и болѣе. Не такъ легко было выселяться крестьянамъ курской губерніи. Многихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не пускало мѣстное начальство, начиная отъ волостного старшины. Помимо безконечныхъ проволочекъ, съ которыми связано было полученіе разрѣшительныхъ свидѣтельствъ, мѣстныя власти и частные землевладѣльцы прибѣгали и къ различнымъ хитростямъ. Такъ, нерѣдко уговаривали ходоковъ, посланныхъ крестьянами въ Сибирь для осмотра земли, скрывать истину отъ односельчанъ: жаловаться на безплодную почву въ Сибири, на недостатокъ лѣса, на полное отсутствіе воды, на чрезвычайное изобиліе хищныхъ звѣрей и на разныя другія невыгодныя условія сибирскаго сельскаго хозяйства. Побуждали на такую ложь въ разсчетѣ, что крестьяне устрашатся этихъ неблагопріятныхъ условій, останутся дома и дадутъ зарокъ не покидать родины. Нѣкоторыхъ ходоковъ соблазняла взятка въ сотню-другую рублей, и они скрывали истину отъ своихъ земляковъ. Но встрѣчались и такіе, которые не скрывали истины, но не забывали и выгодъ собственнаго кармана: они брали взятку, обѣщали нагородить сосѣдямъ всякій вздоръ, а затѣмъ изображали положеніе дѣла такъ, какъ нашли его въ Сибири. Но къ той же цѣли стремились и иными способами. Волостные старшины и нѣкоторыя частныя лица заявляли отдѣльнымъ крестьянамъ и на сходкахъ, что арендная плата понизится, что она въ самомъ близкомъ будущемъ упадетъ съ 20 руб. за десятину до 10 рублей. Конечно, эти ухищренія оставались бо̀льшею частью безъ результата. Столь недостойный образъ дѣйствій имѣлъ только одинъ источникъ: желаніе землевладѣльцевъ удержать въ своемъ

сосѣдствѣ побольше арендаторовъ, помѣшать уменьшенію арендной платы, а также имѣть къ своимъ услугамъ большой запасъ дешевыхъ сельскихъ рабочихъ. Среди курскихъ и тамбовскихъ переселенцевъ были и такіе, которые скрывали истинныя побужденія, заставившія ихъ покинуть родину. Не имѣя разрѣшенія выселиться, они взяли изъ дому паспортъ на срокъ отъ 2 до 6 мѣсяцевъ; такъ какъ многіе волостные старшины курской и тамбовской губерній старательно препятствуютъ выселеніямъ, то паспорты часто имѣютъ такую оговорку: „уволенъ въ разныя губерніи Россійской Имперіи, кромѣ губерній и городовъ Сибири". Нѣкоторые паспорты имѣютъ такую добавку: „предъявитель сего отправляется на заработки, а не въ томскую губернію на переселеніе". Однако, весь этотъ людъ, имѣя при себѣ просроченный паспортъ, съ надеждой смотрѣлъ на будущее. Многимъ, по ихъ просьбѣ, я прочитывалъ паспортъ и дѣлалъ удареніе на словахъ: „буде не явится по истеченіи льготнаго срока, то будетъ съ нимъ поступлено какъ съ бродягой". Прочтеніе этихъ словъ выслушивалось съ усмѣшкой; говорилось, что управленіе алтайскаго горнаго округа въ Барнаулѣ съумѣетъ добыть всѣмъ этимъ людямъ новые паспорты, что дорого разъ прибыть на новое мѣсто, а тогда уже не страшны никакія угрозы.

III.

Во время пути я имѣлъ случай замѣтить авторитетъ, который пріобрѣтаютъ въ глазахъ переселенцевъ опытные ходоки, успѣвшіе съ честью выполнить возложенное на нихъ порученіе. Ходоками сельское общество обыкновенно избираетъ самыхъ надежныхъ людей, разумныхъ, честныхъ и трезвыхъ. Большею частью это люди среднихъ лѣтъ, отъ 35 до 50; но иногда выбираютъ людей моложе, особенно изъ солдатъ, если они довольно хорошо грамотны. Надо вдуматься въ смыслъ даваемаго порученія, чтобы понять, какая важная обязанность возлагается на ходока и какіе кровные интересы крестьянина зависятъ отъ того, насколько внимательно, умѣло и добросовѣстно отнесется ходокъ къ своему дѣлу. Если онъ, побывавъ въ Сибири, принесетъ извѣстіе, что новый край представляетъ мало привлекательнаго, то крестьяне остаются дома, чтобы и вновь на неопредѣленное время довольствоваться крошечными надѣлами, которые позволяютъ держать только одну голову скота. Если онъ принесетъ извѣстіе, что новыя мѣста обѣщаютъ съ избыткомъ вознаграждать трудъ земле-

дѣльца, то крестьяне безповоротно рѣшаются покончить всѣ счеты со старымъ, продать свои дома, скотъ, остальное имущество, и предпринять дальній путь, который поглотитъ у большинства всѣ вырученныя деньги. Понятно, что, разъ довѣривъ ходоку свои важнѣйшіе интересы, крестьяне относительно его не оставляютъ сомнѣнію уже никакого мѣста. И ходокъ, возвратившись домой, вовсе не обязанъ представить пространный докладъ о томъ, гдѣ онъ былъ и чтò видѣлъ: подробная реляція можетъ быть замѣнена очень немногими словами. Стоитъ ходоку сказать: „вотъ, побывалъ на новомъ мѣстѣ, иду туда, забираю свое семейство"; стоитъ сказать это, и за нимъ готовы двинуться всѣ его односельчане. На нашемъ пароходѣ было нѣсколько ходоковъ, теперь окончательно переселявшихся въ Сибирь, а ранѣе ходившихъ осматривать новыя мѣста. Одинъ изъ нихъ, курскій крестьянинъ, дядя Павелъ, пользовался безграничнымъ авторитетомъ: стоило ему начать разсказъ о томъ, какъ живутъ въ Сибири, — и вокругъ него немедленно образовывалась густая толпа, которая съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ прислушивалась къ каждому его слову. Стоило кому-либо изъ окружающихъ выразить сомнѣніе въ томъ, сѣютъ ли въ алтайскомъ округѣ ленъ, занимаются ли пчеловодствомъ, выращиваютъ ли плодовыя деревья,—и въ толпѣ раздавались голоса: „а вотъ, спросимъ дядю Павла". Никому и въ голову не пришло бы возражать на слова дяди Павла. Вся партія переселенцевъ, слѣдующая за такимъ ходокомъ, представляетъ изъ себя дружину, которая слѣпо повинуется голосу своего вождя.

Я велъ бесѣду о различныхъ вопросахъ, которые относились до ихъ прежней жизни, а также до того, какъ они думаютъ устроиться на новомъ мѣстѣ. Хотѣлось изъ этого непосредственнаго сообщенія уяснить нѣкоторыя черты, не поддающіяся цифровымъ вычисленіямъ. Я удивлялся мужеству, съ которымъ весь этотъ людъ идетъ въ невѣдомый край, и нерѣдко начинаетъ новую жизнь безъ всякихъ денежныхъ средствъ. Очень важенъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли переселенцы къ своимъ услугамъ представителей главныхъ ремеслъ, особенно необходимыхъ въ сельскомъ быту. Намъ, жителямъ столицы, привыкшимъ находить въ сосѣднемъ домѣ или, по крайней мѣрѣ, ближайшей улицѣ все, чтò необходимо для нашихъ главныхъ потребностей, представляется невѣроятнымъ, чтобы, при рѣдкомъ населеніи Сибири, русскій крестьянинъ могъ вести хозяйство: у него, говорятъ обыкновенно, нѣтъ подъ руками необходимыхъ ремесленниковъ: кузнеца, колесника, плотника и другихъ. Такимъ образомъ, нѣтъ способовъ

исполнять всѣ тѣ починки и подѣлки, которыя производятся этими ремесленниками. Разспросы многочисленныхъ партій убѣдили меня, что всѣ эти опасенія неосновательны. Переселенцы или идутъ очень маленькими группами—въ такомъ случаѣ они пристаютъ въ Сибири къ какому-либо упрочившемуся поселку, гдѣ есть на-лицо нужные ремесленники; или же они идутъ довольно многолюдной партіей, въ которой можно отыскать представителей главныхъ промысловъ, особенно важныхъ въ крестьянскомъ быту. Въ подобныхъ случаяхъ бываетъ такъ, что отъ значительнаго селенія европейской Россіи отдѣляется довольно многочисленная группа, въ которой и есть различные ремесленники. Они выселяются вовсе не для того, чтобы удовлетворять потребности своихъ односельчанъ; они вовсе не думаютъ доставить своимъ сосѣдямъ въ безлюдной мѣстности удобный доступъ къ мастерской кузнеца, колесника или бондаря. Они думаютъ о своихъ ближайшихъ нуждахъ и разсчитываютъ, что нужды эти могутъ быть удовлетворены въ Сибири. Если изъ большого селенія выдѣляются десятки домохозяевъ, то мѣстные кузнецы, колесники, бондари, портные предугадываютъ, что уменьшится спросъ на ихъ работы. Нѣкоторые изъ этого люда и рѣшаются также выселиться, чтобы, подобно односельчанамъ, попытать счастья на чужбинѣ. И такъ, совершенно безотчетно для всѣхъ участниковъ данной партіи переселенцевъ, въ ней оказываются нужные ремесленники. Если вся эта партія поселится на одномъ участкѣ, то сразу же наступитъ такой порядокъ вещей, который былъ знакомъ выселенцамъ и на родинѣ, т.-е. они будутъ имѣть подъ руками всѣ нужныя ремесла. Если же партія разобьется на небольшія группы, то изъ этихъ ремесленниковъ нѣкоторые приписываются къ сибирскимъ деревнямъ въ увѣренности найти тамъ себѣ заказчиковъ. Нѣкоторые же селятся съ своими сосѣдями въ небольшихъ деревушкахъ съ надеждою, что они, какъ „россійскіе“ ремесленники, болѣе искусные, нежели сибиряки, будутъ получать заказы изъ сосѣднихъ деревень. Сибирскій крестьянинъ привыкъ къ большимъ разстояніямъ, считаетъ живущими подъ бокомъ тѣхъ ремесленниковъ, которые отъ него не дальше 25—30 верстъ. Встрѣчая иногда переселенцевъ семей въ 30, я спрашивалъ, есть ли среди нихъ ремесленники, и они указывали мнѣ на того или другого со словами: вотъ это печникъ, а это — кузнецъ, а это—портной, бондарь и т. д.

Нашъ пароходъ шелъ больше 4 сутокъ самой глухой и безлюдной мѣстностью. Изрѣдка показывались лодки остяковъ, большею частью пустыя, но иногда нагруженныя мелкой рыбой.

Зная, по продолжительнымъ наблюденіямъ, что пароходу часто негдѣ купить провизіи, остяки, если у нихъ была въ добычѣ крупная рыба, приподнимали ее надъ головой, махали и разъ даже склонили пароходъ замедлить движеніе и выгодно продали свой уловъ.

Тамъ, гдѣ Обь дѣлаетъ поворотъ къ юго-востоку, стоитъ небольшое село Тымское, населенное русскими и остяками. Къ пристани, находящейся въ двухъ верстахъ отъ селенія, бѣгомъ бѣжали мужики и бабы, чтобы распродать запасы своихъ немудреныхъ товаровъ. Хотя здѣсь еще нѣтъ земледѣлія, но видно было, что мы приближаемся къ мѣстности, которой уже извѣстны нѣсколько бо́льшія удобства жизни: къ продажѣ предлагались пакетики съ чаемъ и сахаромъ, баранки, сдобные сухари и даже нѣчто въ родѣ пряниковъ. Пароходъ стоялъ здѣсь часа полтора. Пассажиры высыпали на пристань; переселенцы съ особеннымъ удивленіемъ смотрѣли на то, что три лошади были запряжены въ сани. Великороссы, покачивая головами, говорили: „вотъ сторона! у насъ даже и въ 500 лѣтъ не случится ни разу, чтобы въ Петровку народъ ѣздилъ въ саняхъ“. Простымъ людямъ этимъ и въ голову не приходило, что на огромномъ разстояніи, болѣе 1.200 верстъ по обоимъ берегамъ Оби, нѣтъ колеснаго пути, что есть или только тропинки для пѣшеходовъ, или порубы съ невыкорчеванными пнями, гдѣ невозможно ѣхать на колесахъ. Около десятка остяковъ, выбѣжавшихъ на пристань, вызывали разныя насмѣшливыя замѣчанія со стороны переселенцевъ. И дѣйствительно, инородцы имѣютъ видъ жалкій и приниженный. Они одеждой почти не отличаются отъ русскихъ; но слабое, тщедушное сложеніе, малый ростъ, четырехъ-угольныя, смуглыя лица, черные, какъ смоль, волосы, а главное какое-то задумчивое выраженіе лица рѣзко отличаютъ ихъ отъ русскаго населенія и сразу выдаютъ болѣе слабую расу. Мнѣ припоминаются описанія остяковъ, которыя были сдѣланы Палласомъ и другими учеными путешественниками въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. И теперь эти слабые аборигены живутъ при совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ: то же рыболовство и звѣриный промыселъ, тѣ же жалкія юрты, та же оспа, которая производитъ огромныя опустошенія, та же забитость и покорность своей судьбѣ, та же готовность безропотно переносить все, что̀ исходитъ отъ русскаго господствующаго племени. Но, мнѣ кажется, рѣшительно неправы тѣ, которые смотрятъ на сибирскихъ инородцевъ какъ на племена вовсе неспособныя къ дальнѣйшему умственному развитію и осужденныя на безостановочное

вымираніе. Думаю, что вполнѣ правъ г. Ядринцевъ, называющій въ своей книгѣ „Сибирь какъ колонія" много инородцевъ, бурятъ, якутовъ, тунгусовъ, не говоря уже о татарахъ, достигшихъ довольно высокаго умственнаго развитія и содѣйствующихъ просвѣщенію соплеменниковъ. Конечно, бѣглыя наблюденія не даютъ доказательствъ, которыя могли быть рѣшающими въ этомъ спорѣ; однако, и за ними нельзя отрицать всякое значеніе. Въ селѣ Тымскомъ я разговорился съ однимъ остякомъ; онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Онъ объяснилъ мнѣ на довольно чистомъ русскомъ языкѣ, какъ онъ самъ и вообще прибрежное населеніе занимается рыболовнымъ промысломъ; онъ замѣтилъ, что въ этомъ краѣ могъ бы дозрѣвать хлѣбъ, да рѣка оставляетъ очень мало возвышенныхъ мѣстностей; ближайшіе лѣса стоятъ на болотѣ. Сжато, но вполнѣ понятно описалъ онъ устройство жилищъ остяками и тутъ же замѣтилъ, что, когда его соплеменники поумнѣютъ, навѣрное будутъ жить не въ землянкахъ, а въ избахъ, подобно русскимъ. Наконецъ, онъ сказалъ, что онъ грамотенъ, умѣетъ читать, хотя пишетъ съ большимъ трудомъ. Вообще, если и нельзя считать рѣшеннымъ вопросъ о томъ, въ какой степени многочисленныя инородческія племена, которыя населяютъ Россію, способны къ усвоенію высшей культуры, то на насъ, русскихъ, владѣющихъ этими необозримыми пространствами, лежитъ прямая обязанность дѣлать все, чтобы щадить инородцевъ. Въ этомъ случаѣ мы должны руководствоваться побужденіями не только гуманности, но и справедливости; мы должны помнить, что они—коренное населеніе этой мѣстности, и что побѣдители имѣютъ не только права, но и обязанности относительно побѣжденныхъ.

По мѣрѣ того, какъ пароходъ приближался къ Томску, мы снова вступали въ полосу земледѣлія; она начинается немного южнѣе Нарыма, приблизительно подъ $58^1/_2{}^0$ сѣверной широты. А верстъ на 100 отъ Нарыма вверхъ по Оби оно становится уже совершенно правильнымъ занятіемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сполна обезпечиваетъ населеніе хлѣбомъ. Пароходъ на $^1/_2$ часа остановился у небольшого заселка Подъельникъ, состоящаго изъ 9 дворовъ. По всему было видно, что это вновь возникающее селеніе: жители еще не успѣли отстроиться; довольно просторныя и высокія избы уже были готовы, а надворныя постройки состояли изъ непокрытыхъ сараевъ или просто небольшихъ плетневыхъ четыреугольниковъ; повсюду валялись бревна, доски, драницы. Мы узнали отъ мѣстнаго крестьянина, что эти 9 дворовъ—выходцы изъ довольно большого селенія, лежащаго

ниже на берегу Оби. Тамъ населеніе настолько возросло, что было мало пахатной земли, и вотъ они рѣшили переселиться. По ихъ словамъ, на ихъ новой осѣдлости земля отличается большимъ плодородіемъ; можно также промышлять рыболовствомъ и охотой. Переселенцы гурьбой высыпали на берегъ, окружили немногихъ крестьянъ, которыхъ мы встрѣтили на пути, и старались развѣдать кое-что о здѣшнемъ хозяйствѣ. Видно было, что они относились съ самымъ живымъ интересомъ къ каждой мелочи, которая могла пролить свѣтъ на условія жизни, ожидающія ихъ въ Сибири. Крестьяне не успѣвали отвѣчать на всѣ вопросы, которыми засыпали ихъ переселенцы. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега было небольшое поле; мы пошли осмотрѣть его и любовались густой и рослой озимой рожью. Крестьянинъ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ, когда мы спросили, кладетъ ли онъ навозъ: ему, конечно, еще не приходила въ голову такая нелѣпость. Особенно радовало нашихъ переселенцевъ сообщеніе, что въ этомъ мѣстѣ воздѣлываютъ коноплю и она достигаетъ трехъ аршинъ вышины и болѣе.

За 350 верстъ отъ Томска пароходъ остановился у большого села Колпашева. Здѣсь начиналась, если можно такъ выразиться, культурная Сибирь съ разнообразными занятіями населенія. Послѣ нѣсколькихъ сутокъ пути мы въ первый разъ увидѣли русскую телѣгу и узнали, что отъ этого селенія колесный путь идетъ на 10 верстъ въ одну сторону и на 7 верстъ въ другую. На пристани было нѣсколько десятковъ женщинъ съ хлѣбомъ, молокомъ, яйцами, масломъ; явилась даже одна старуха, продававшая пестрыя шерстяныя вязаныя рукавицы—первое произведеніе ремесла, которое я увидѣлъ послѣ Тобольска. На пароходъ вошло нѣсколько десятковъ крестьянъ, которые отправлялись въ Томскъ, одни—по дѣламъ, другіе—на богомолье, по случаю нахожденія тамъ чудотворной иконы Божіей Матери. Всего набралось на пароходѣ до 40 колпашевскихъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ. Мнѣ было больно за европейскую Россію, когда я сравнивалъ этотъ людъ не только съ горемычными переселенцами, но даже съ рядовыми крестьянами нашихъ среднихъ и южныхъ губерній. Я предположилъ было, что на пароходъ сѣли самые зажиточные колпашевскіе крестьяне. Мнѣ сказали, однако, что большинство—рядовые хозяева, которые ничѣмъ не отличаются отъ массы сельскаго населенія. Едва они успѣли взойти на палубу, какъ усѣлись за столами пить чай, закусывая хорошимъ полубѣлымъ домашнимъ хлѣбомъ и мясомъ. Всѣ они были одѣты очень хорошо: суконныя чуйки, такія же шаравары на мужчинахъ, опрятныя

ситцевыя, частью шерстяныя платья на женщинахъ; на всѣхъ были хорошіе кожаные сапоги и башмаки. У нѣкоторыхъ молодыхъ людей и даже крестьянъ среднихъ лѣтъ былъ бритый подбородокъ, оставались только одни усы. Обычай брить бороду, вовсе неизвѣстный въ Великороссіи и такъ распространенный въ губерніяхъ малороссійскихъ, заставилъ меня предположить, что предки этихъ крестьянъ были происхожденія малороссійскаго; на мою догадку дали утвердительный отвѣтъ.

Я подсѣлъ къ одному крестьянину, повелъ бесѣду о томъ, какъ они живутъ. „Живемъ мы,—началъ онъ свой разсказъ,—сѣро, какъ могутъ жить люди, у которыхъ кругомъ лѣсъ да вода и у которыхъ на колесахъ ѣздятъ 7 верстъ въ одну сторону да 10 верстъ въ другую. Зимой занимаемся мы рыбой. У кого семья большая, тотъ работаетъ съ сынами да съ братами; а у кого въ семьѣ работниковъ нѣтъ, тотъ норовитъ себѣ компанію подобрать человѣкъ трехъ или четырехъ. Если бываетъ удача, хорошо ловится рыба, да въ Томскѣ даютъ цѣну подходящую, такъ можно выгнать рублей на 150 или 200 съ работника, а въ худые годы и такъ бываетъ, что 50 руб. съ трудомъ заработаетъ. Окромѣ этого, изъ нашей деревни многіе кедровымъ орѣхомъ промышляютъ. Ежели Богъ пошлетъ урожаю, то и отъ кедра можно денегъ добыть. А окромѣ того у насъ есть и еще занятіе: весною и осенью ходятъ на бѣлокъ; хорошій охотникъ можетъ набить штукъ 200 и до 300. А окромѣ этого мы промышляемъ землей, только у многихъ хлѣба недостаетъ до новаго, прикупаютъ". Я понялъ изъ разсказа моего собесѣдника, что колпашевское населеніе пользуется благосостояніемъ, которое рѣдко встрѣчаешь среди крестьянъ европейской Россіи. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что среднiй крестьянинъ въ томъ селѣ имѣетъ 8—10 лошадей и 5—6 коровъ, и что самые бѣдные имѣютъ, все-таки, по 4—5 лошадей. Оказалось, что этому селенію недоимки вовсе неизвѣстны и что подати вносятся немедленно, какъ скоро оповѣститъ начальство. Оказалось, что изъ мѣстныхъ крестьянъ никто не нанимается въ сельскіе рабочіе, что таковыми являются ссыльно-поселенцы или остяки. Эти рабочіе получаютъ въ годъ отъ 60 до 80 рублей. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ нужно только благодарить судьбу за ниспосланный удѣлъ. Однако, мой собесѣдникъ жаловался „на трудныя времена". Эти трудныя времена, по его мнѣнію, заявляютъ о себѣ двумя неудобствами: 1) народъ сильно размножился; такъ много появилось рыболововъ, что доходность этого промысла уменьшилась: приходится спускаться внизъ по Оби за 100 верстъ, чтобы ловить

столько рыбы, какъ въ доброе старое время. Другое дѣло—хлѣбъ трудно достается, съ полемъ очень много хлопотъ: нужно „назмить" его. Все это заставляло моего собесѣдника вздыхать о тѣхъ вольныхъ временахъ, когда, по словамъ стариковъ, земля родила хлѣбъ безъ навоза и навозъ сваливался въ рѣчки и овраги.

Я указалъ моему собесѣднику на большія массы навоза, которыя были выброшены на берегъ рѣки и покрывали его толстымъ слоемъ.

— Куда же намъ дѣвать весь этотъ наземъ? сколько у кого есть поля, то все удобряютъ, а назему еще столько остается, что мы его валимъ въ рѣку.

Я завелъ съ нимъ разговоръ о переселенцахъ и указалъ на то, какъ они нищенски одѣты сравнительно съ коренными сибиряками. На это мой собесѣдникъ не безъ важности замѣтилъ: „народъ россійскій никогда противъ сибирскаго вытянуть не можетъ, потому это совсѣмъ другая нація, другая порода".

Слыша такую оцѣнку, я живо припомнилъ ожесточенныя распри, которыя ведутся въ сибирскихъ деревняхъ между старожилами и новоселами. Я понялъ, что въ немногосложномъ отвѣтѣ моего собесѣдника: „они люди другой націи", выражается презрительное отношеніе человѣка, сильнаго разными даровыми благами природы, къ пролетарію, у котораго на родинѣ естественныя богатства истощены или недоступны, но который приноситъ въ колоніи болѣе высокую культуру.

Переселенцы въ первый разъ видѣли передъ собой довольно многочисленную группу сибирскихъ крестьянъ и недоумѣвали, крестьяне ли это, или, быть можетъ, городскіе мѣщане, приказчики и т. п. людъ? Нѣкоторые посматривали на хорошія чуйки и шутливо замѣчали, что въ Россіи по деревнямъ одѣваются такъ первые богачи. Когда они убѣдились, что это крестьяне, то весело посматривали на нихъ и замѣчали другъ другу, что если Богъ поможетъ, и они чрезъ нѣсколько лѣтъ достигнутъ такого же достатка. Но они не могли безъ негодованія слышать, что сибиряки считаютъ особенной тягостью класть на поля навозъ, что они считаютъ единственно правильнымъ вываливаніе его въ рѣки и овраги.

— Ишь лѣнтяи, тунеядцы!—кричалъ, разгорячившись, одинъ старый переселенецъ съ сильнымъ малороссійскимъ произношеніемъ:—они Бога забыли, разбойники, они отъ этого приволья съ жиру бѣсятся; они не понимаютъ, что навозъ—золото, что его нужно на улицахъ всюду лопатами соскребать да каждую горсть подъ хлѣбъ нести.

— Дай и намъ такое приволье, какъ у нихъ, такъ мы въ 10 лѣтъ такъ обростемъ, что всякій иностранецъ, будь то хоть нѣмецъ или французъ, будетъ смотрѣть да удивляться.

Болѣе молодые переселенцы вторили старику. И не сразу можно было успокоить его увѣреніемъ, что какъ скоро переселенцы устроятся на новомъ мѣстѣ, они не только обгонятъ сибирскихъ крестьянъ, но даже обучатъ ихъ пріемамъ великороссійскаго земледѣлія.

IV.

Въ 60 верстахъ отъ Томска Обь принимаетъ Томь, и нашъ пароходъ медленно вступилъ въ нее, чтобы раннимъ утромъ достигнуть цѣли путешествія. Все способствовало тому, чтобы забыть о суровой Сибири и перенестись въ одну изъ средне-русскихъ губерній. Ночь была лунная, тихая и теплая; можно было безъ пальто сидѣть на верхней палубѣ. Огромное водное пространство Оби было за нами; мы ѣхали между привѣтливыхъ, иногда холмистыхъ береговъ, поросшихъ молодымъ лѣсомъ. Тихо, почти безшумно двигался пароходъ; трели соловьевъ раздавались всю ночь до самаго Томска. Соловей порадовалъ меня тѣмъ болѣе, что незадолго до того, какъ мы услыхали знакомые звуки, одинъ спутникъ сибирякъ жаловался на полное отсутствіе въ Сибири пѣвчихъ птицъ.

Сибиряки отличаются очень сильнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ; онъ распространяется на всѣ частности сибирской жизни, не исключая и благоустройства, которое будто бы царствуетъ въ сибирскихъ городахъ. Объ Иркутскѣ говорятъ съ восторгомъ: онъ, по ихъ мнѣнію, точная копія съ Петербурга и развѣ только немногимъ уступаетъ своему великому образцу. Но и въ честь Томска охотно поются хвалебные гимны. Когда нашъ пароходъ въ прекрасное лѣтнее утро дѣлалъ частые зигзаги по извилистой голубоватой Томи, два сибиряка знакомили меня съ Томскомъ, виднымъ на рѣкѣ уже за 10—12 верстъ. Они указывали зданія университета, присутственныхъ мѣстъ, называли церкви и не сомнѣвались, что я приду въ несказанный восторгъ, увидѣвъ лучшую гостинницу города—Европейскую.

Но русскій человѣкъ, котораго губернскій городъ по сю сторону Урала вовсе не избаловалъ ни красотою зданій, ни благоустройствомъ, все же ужаснется, въѣхавъ въ этотъ, благодаря основанію университета, нынѣ первый сибирскій городъ. Онъ не

вымощенъ и только двѣ горы кое-какъ шоссированы; вслѣдствіе этого невыносимая пыль и непроходимая грязь смѣняютъ другъ друга. Горе тому, кто имѣетъ расположеніе къ болѣзнямъ глазъ: Томскъ въ жаркую погоду надолго заставитъ его помнить о себѣ. При этомъ бросаются въ глаза своеобразныя представленія Томска о требованіяхъ гигіены: оздоровленіе города производится посредствомъ пользованія навозомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Когда весенняя вода размоетъ берега рѣчки, на сцену является навозъ. Навозъ выручаетъ и при выравниваніи бугровъ и овраговъ, которыми такъ изобилуетъ большинство улицъ. Подъѣзды къ мостамъ дѣлаются изъ навоза. Есть переулки и площадки, въ которыхъ верхній слой на 8—10 вершковъ и болѣе сплошь состоитъ изъ навоза, частью перепрѣвшаго, частью свѣжаго. Въ этомъ царствѣ пыли, грязи и навоза участокъ земли, занимаемый университетомъ и принадлежащими ему зданіями, является какимъ-то прелестнымъ оазисомъ. Представьте себѣ обширную березовую рощу (къ сожалѣнію, только березовую, что̀ дѣлаетъ ее нѣсколько однообразной), въ которой разбросаны каменные университетскіе флигеля съ главнымъ 4-хъ-этажнымъ корпусомъ, занимающимъ большую площадку въ срединѣ этой рощи. Само зданіе университета, ярко выдѣляющееся своимъ бѣлымъ цвѣтомъ изъ густой зелени травы и деревъ, по красотѣ превосходитъ всѣ зданія русскихъ университетовъ, не исключая и кіевскаго.

Томскій университетъ долженъ быть признанъ сибирскимъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Обще-сибирское его значеніе выражается уже въ томъ, что изъ 762.000 руб., израсходованныхъ на сооруженіе университетскихъ зданій, 400.000 падаютъ на долю казны и около 362.000 были пожертвованы разными частными лицами. Въ этой крупной суммѣ главную долю составляютъ пожертвованія покойнаго томскаго купца Цыбульскаго и иркутскаго коммерсанта А. М. Сибирякова и, наконецъ, города Томска (около 37 десят. земли и 30.000 руб.). Но тысячами и сотнями принимали въ пожертвованіяхъ участіе и десятки мелкихъ сибирскихъ городовъ, и отдѣльныя лица изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ этого обширнаго края: Красноярскъ, Кяхта, Семипалатинскъ, Бійскъ, Барнаулъ, Минусинскъ, Устькаменогорскъ, Благовѣщенскъ, Ишимъ и даже Акмолинскъ, Маріинскъ, Нарымъ—вотъ пункты, откуда поступали деньги на созданіе томскаго университета.

Благодаря любезности попечителя западно-сибирскаго округа В. М. Флоринскаго, лично познакомившаго меня съ университетскимъ зданіемъ, я имѣлъ случай любоваться обширностью и изя-

ществомъ отдѣлки многихъ помѣщеній. Небольшой, но благолѣпный университетскій храмъ, примыкающій къ актовому залу; актовый залъ, съ мебелью и стѣнами пріятно дикаго цвѣта, быть можетъ, нѣсколько тѣсноватый, но изящно отдѣланный; обширные кабинеты физическій, по зоологіи, минералогіи, археологіи и др. Эти кабинеты быстро пополняются и, если принять въ разсчетъ юность университета, то нужно назвать коллекціи ихъ довольно богатыми, особенно коллекцію археологическую. Она содержитъ до 4.500 предметовъ, относящихся, главнымъ образомъ, къ сибирской до-исторической археологіи. Библіотека, составившаяся изъ частныхъ библіотекъ—гр. Строганова, поэта Жуковскаго, Никитенка, профессоровъ Артемьева, Якубовича и другихъ и быстро пополняемая, и теперь уже насчитываетъ до 100.000 томовъ, а ея обширное и свѣтлое помѣщеніе можетъ вмѣстить гораздо больше. Что же касается аудиторій, то онѣ показались мнѣ не довольно свѣтлыми и нѣсколько тѣсноватыми; такое же впечатлѣніе производитъ и самая большая аудиторія—амфитеатральная.

Томскій университетъ, состоящій (и имѣющій состоять въ теченіе ближайшихъ лѣтъ) изъ одного медицинскаго факультета, имѣетъ 3 группы учащихся: молодыхъ людей изъ сибирскихъ гимназій и, частью, семинарій, сибиряковъ-инородцевъ и молодыхъ людей изъ духовныхъ семинарій европейской Россіи; этихъ послѣднихъ привлекаютъ въ томскій университетъ тѣ льготы, которыхъ русскіе университеты не даютъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій. Студенты третьей группы образуютъ крупное большинство; вторая же группа представлена только единицами.

Такой составъ позволяетъ предугадать роль, которую будетъ играть томскій университетъ въ ростѣ сибирской культуры. Изъ всѣхъ сибиряковъ небольшая часть получала прежде образованіе въ русскихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но бѣднѣйшіе не заходили такъ далеко: прошедши полный курсъ гимназіи или даже только часть его, они заканчивали свое образованіе и разбредались по мѣстнымъ канцеляріямъ. Теперь и изъ нихъ многіе имѣютъ доступъ къ университету: Томскъ сравнительно близокъ отъ сибирскихъ гимназій и семинарій, сравнительно дешевъ; юный университетъ имѣетъ значительное число стипендій. Такимъ образомъ, уже облегчая сибирякамъ доступъ къ высшему образованію, томскій университетъ будетъ содѣйствовать культурнымъ успѣхамъ Сибири. Но главнымъ пріобрѣтеніемъ являются пришельцы изъ Россіи, которые иначе едва ли попали бы въ Сибирь. Многіе изъ нихъ вернутся обратно; этого особенно

6*

нужно ждать отъ уроженцевъ южныхъ и среднихъ губерній Россіи, гдѣ природа гораздо менѣе сурова. Но многихъ и особенно изъ уроженцевъ сѣвера Сибирь навсегда захватитъ въ свои объятія. На первый взглядъ кажется, что рѣдкое населеніе Сибири дѣлаетъ врачебную помощь и самое существованіе врачей возможными только въ городахъ. Однако, такое предположеніе ошибочно: по большому сибирскому тракту, а также по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ образовались обширныя поселенія въ 3—5.000 душъ, зажиточныя и вполнѣ созрѣвшія для того, чтобы имѣть своихъ врачей и порядочно оплачивать ихъ труды. Въ нѣсколькихъ большихъ селеніяхъ бійскаго округа уже ставился на очередь вопросъ о томъ, чтобы имѣть собственнаго врача; указывалось на возможность платить ему до 1.000 рублей въ годъ. Молодые врачи, которые имѣли бы склонность посвятить свои силы деревенскому населенію, могли бы находить въ Сибири и дополнительный источникъ дохода, и особую форму для проведенія культурныхъ началъ въ сибирскую жизнь. Земля здѣсь очень плодородна и чрезвычайно дешева. Устроивая „заимку“ и организуя на ней сколько-нибудь правильное сельское хозяйство, врачъ могъ бы получать отъ него извѣстныя выгоды, а также знакомить населеніе съ лучшими пріемами земледѣльческой культуры. Такимъ образомъ, никакъ не слѣдуетъ считать праздною мечтой мысль о томъ, что томскій университетъ окажетъ благотворное вліяніе на всѣ стороны сибирской общественной жизни.

Томскъ поражаетъ недостаткомъ благоустройства и это ослабляетъ то хорошее впечатлѣніе, которое онъ производитъ на путника картинностью мѣстоположенія. Однако, городъ быстро ростетъ и лѣтомъ отличается большимъ оживленіемъ. Не только на главныхъ, но и на боковыхъ улицахъ строятся каменные дома; по всѣмъ направленіямъ снуютъ легковые извозчики, частно-владѣльческія плетенки и линейки; ломовые извозчики передвигаются съ кладями между вокзаломъ и пристанью. Двѣ сколько-нибудь сносныя гостинницы въ городѣ обыкновенно переполнены проѣзжающими изъ восточной Сибири и Европейской Россіи. Есть проблески и того, что городское управленіе хочетъ создать для Томска обычныя принадлежности городской жизни: выстроенъ недурной каменный театръ и на соборной площади разбитъ обширный скверъ.

Но, конечно, движеніе впередъ наиболѣе ярко выражается въ успѣхахъ, которые дѣлаетъ народное образованіе. Его развитіе стоитъ въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью *Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ*. Общество возникло

весной 1882 года и нашло откликъ не только въ Томскѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ Сибири. Пожертвованія деньгами, книгами, учебными пособіями, матеріаломъ для одежды поступали изъ городовъ, селеній, отъ богатыхъ купцовъ, учениковъ начальныхъ школъ и артелей рабочихъ. Путешественники, проѣзжавшіе чрезъ Томскъ, читали въ пользу Общества публичныя лекціи; одинъ художникъ жертвуетъ ему сборъ съ выставки своихъ картинъ; нѣкоторые дарятъ свои выигрыши въ карты. Самымъ крупнымъ пожертвованіемъ было двухъ-этажное каменное зданіе, построенное покойнымъ томскимъ купцомъ Валгусовымъ; въ этомъ зданіи помѣщаются народная безплатная библіотека и зала при ней въ два свѣта для спектаклей и публичныхъ чтеній. Это крупное пожертвованіе имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что Валгусовъ былъ человѣкъ почти неграмотный. Такое дружное участіе всего городского населенія въ этомъ полезномъ дѣлѣ позволило Обществу довести капиталъ до 13.000 р. и ежегодно расходовать 7—8.000 рублей для достиженія своихъ цѣлей.

Общество поставило себѣ главной задачею улучшать уже существующія училища и основывать новыя. До 1869 года въ Томскѣ было только одно начальное училище съ 98 учениками; до 1876 г. не было ни одного отдѣльнаго женскаго училища. Въ 1880 году при городской думѣ была избрана постоянная училищная коммиссія, которая констатировала фактъ самаго безотраднаго положенія училищнаго дѣла: ни одно изъ 10 существовавшихъ тогда начальныхъ училищъ не имѣло собственнаго помѣщенія, не имѣло достаточно учебниковъ, учебныхъ пособій, библіотеки, даже классной мебели; нечего и говорить уже объ антигигіеничности всей школьной обстановки. Классная мебель не была приспособлена къ росту учащихся и ея было недостаточно; въ нѣкоторыхъ школахъ на каждаго ученика приходилось по 6—7 вершковъ скамьи; при занятіяхъ чистописаніемъ и ариѳметикой, въ нѣкоторыхъ школахъ многія изъ дѣтей должны были заниматься полулежа на полу или стоять на колѣняхъ около подоконниковъ.—Стараніями Общества и дѣятельностью городской думы все рѣзко измѣнилось къ лучшему: въ началѣ 1889 года было уже 17 начальныхъ училищъ съ 1.383 учащимися, что даетъ 1 учащагося на 24 жителя, тогда какъ въ Москвѣ 1 учащійся приходится на 75 и въ Петербургѣ 1 на 80 жителей. Общество содержитъ на свой счетъ 2 начальныхъ училища и 1 женскую рукодѣльную школу. Ученическія библіотеки, почти не существовавшія 10 лѣтъ тому назадъ, имѣютъ теперь болѣе 11.000 томовъ книгъ для чтенія и учебниковъ.

Кромѣ дѣятельнаго популяризованія мысли о необходимости развивать начальное образованіе и помимо основанія собственныхъ училищъ, Общество съ самаго возникновенія поставило себѣ цѣлью снабжать самыхъ бѣдныхъ изъ учащихся дѣтей теплой одеждой и платить за право ученія. Непосредственные опросы учителей, учениковъ, посѣщеніе ихъ семей выяснили тотъ фактъ, что многіе ученики находятся въ состояніи самой крайней нищеты; имъ-то Общество и выдаетъ валенки, теплыя пальто, шапки, платки и т. п. Было сдѣлано кое-что и для введенія публичныхъ воскресныхъ чтеній и вечернихъ повторительныхъ классовъ. Публичныя чтенія начались съ 1884 года; за послѣднее время ихъ бывало по 20—25 въ годъ. Осенью 1887 года были открыты вечерніе повторительные классы съ преподаваніемъ закона Божія, русскаго языка, математики; ученье происходитъ ежедневно, кромѣ воскресеній и субботъ, отъ 6 до 8 часовъ вечера. А женская рукодѣльная школа съ безплатнымъ обученіемъ кройкѣ, шитью, плетенью и вязанью, открытая три года тому назадъ, имѣетъ больше 50 ученицъ. Безплатная библіотека, возростая безостановочно, имѣетъ уже до 3.500 названій. Администрація библіотеки ведетъ отмѣтки о занятіяхъ лицъ, которыя пользуются книгами: оказывается, что за 1887 годъ изъ 796 подписчиковъ было 193 ремесленника, 36 человѣкъ прислуги, 13 чернорабочихъ. Въ библіотекѣ этой встрѣчаемъ ту своеобразную особенность, что изъ нея книги выдаются на домъ безъ залоговъ. Когда установляли такой порядокъ, то высказывались опасенія за вѣроятную растрату многихъ книгъ. Однако, въ теченіе 3 лѣтъ книгъ (и преимущественно очень дешевыхъ изданій) было потеряно только на 40 рублей. Въ настоящее время Общество поставило себѣ цѣлью основать музей прикладныхъ знаній, который могъ бы служить школою родиновѣденія. Этотъ музей будетъ отчасти приближаться къ тѣмъ, которые устроены нѣкоторыми земствами для содѣйствія кустарной промышленности. Примѣръ Общества вызвалъ подражаніе во многихъ городахъ и повелъ къ образованію такихъ же обществъ въ Красноярскѣ, Барнаулѣ, Каинскѣ, Омскѣ, Енисейскѣ, Тюмени, Семипалатинскѣ, Минусинскѣ.

А. Исаевъ.

ДОЛГОЛѢТІЕ
ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

VII *).

Обратимся теперь къ изученію разнообразныхъ условій, какъ внѣшнихъ, данныхъ окружающей средой, такъ и внутреннихъ, присущихъ самому организму, которыя такъ или иначе могутъ вліять на долговѣчность человѣка. Начнемъ съ вопроса о томъ, не вліяютъ ли на продолжительность индивидуальной жизни человѣка климатическія и вообще географическія условія странъ, обитаемыхъ имъ? Мы уже видѣли, что люди въ преклонномъ возрастѣ и столѣтніе старцы встрѣчаются во всѣхъ почти широтахъ Европы, начиная отъ самыхъ сѣверныхъ странъ и кончая самыми южными, но, конечно, не въ равной степени. Послѣднія переписи показали, что Норвегія представляетъ страну, въ которой имѣется наибольшій процентъ людей въ преклонномъ возрастѣ, т.-е. свыше 90 лѣтъ, а именно ихъ имѣется 0,09% всего населенія; рядомъ съ ней идетъ Греція съ 0,09%. За нею идетъ Англія съ 0,07%, Данія съ 0,07%, Италія 0,06%, Бельгія 0,05%, Франція 0,04%, Нидерланды 0,04%, Австрія 0,04%, Швейцарія 0,03%, Германія 0,03%, Испанія 0,02%. Очевидно, что географическія и климатическія условія разнообразныхъ странъ Европы не исключаютъ возможности достиженія человѣкомъ преклоннаго возраста. Только все же существуютъ въ этомъ отношеніи различія, и Норвегія, Греція, Англія и Данія стоятъ во главѣ остальныхъ европейскихъ государствъ.

---

*) См. выше: авг., 486 стр.

Поразительно, что богатство преклонными старцами выпадаетъ на долю полуострововъ и острововъ и среди нихъ преимущественно на тѣ, которые отличаются гористой мѣстностью; совокупность, повидимому, морского воздуха и возвышенной мѣстности является условіемъ весьма благопріятнымъ для достиженія сѣдой старости. Съ этимъ согласуется вполнѣ тотъ фактъ, что во Франціи и Испаніи мѣстности, наиболѣе богатыя столѣтними старцами, лежатъ въ Пиренеяхъ, въ особенности въ мѣстахъ, ближайшихъ какъ къ Атлантическому океану, такъ и къ Средиземному морю. Высоко лежащія мѣстности въ общемъ способствуютъ долголѣтней жизни сравнительно съ низменностями. Но и тутъ, конечно, положенъ предѣлъ и никакъ нельзя утверждать, что чѣмъ выше, тѣмъ лучше. Крайнія высоты, высоты глетчеровъ, вовсе не благопріятствуютъ старости, и Швейцарія, безспорно высшая гористая страна Европы, содержитъ несравненно меньше столѣтнихъ старцевъ, нежели гористая Шотландія. Причинъ этому двѣ. Воздухъ на черезъ-чуръ большихъ высотахъ представляется черезъ-чуръ сухимъ и, во-вторыхъ, температура на нихъ представляетъ рѣзкія колебанія, т.-е. быструю смѣну тепла и холода, вредно вліяющую на жизнь.

Близость моря, какъ это мы видимъ на островахъ или полуостровахъ, исправляетъ оба недостатка горныхъ мѣстностей, т.-е. способствуетъ увлажненію воздуха, а съ другой умѣряетъ рѣзкія колебанія его температуры. Такимъ образомъ сочетаніе горной мѣстности съ близостью моря доставляетъ обитателю горъ чистый, умѣренно влажный и ровный по своей температурѣ воздухъ. Неудивительно поэтому, что мѣстности такого рода отличаются долголѣтіемъ обитателей; и къ нимъ должны быть отнесены Норвегія съ ея ровнымъ умѣреннымъ климатомъ и чистымъ горнымъ воздухомъ, прекрасная Греція, Пиренеи, гористыя мѣстности Англіи и Шотландіи и т. д.

Кстати относительно Ирландіи: замѣчательно, что за первые мѣсяцы 1889 года въ медицинскихъ журналахъ отмѣчена смерть 19 столѣтнихъ старцевъ, изъ коихъ семеро имѣли 100 лѣтъ, одинъ—101 годъ, одинъ—102, одинъ—103, два—104, одинъ—105, два—107, одинъ—109, два—110 и одинъ—111 лѣтъ.

Острова, говоритъ Гуфеландъ, суть дѣйствительно колыбели преклоннаго возраста и были всегда таковыми. Всегда, говоритъ онъ, люди на островахъ достигали въ большемъ количествѣ преклоннаго возраста, нежели на материкѣ. Такъ люди на островахъ Архипелага живутъ дольше, чѣмъ на противолежащемъ берегу Азіи; на Кипрѣ дольше, чѣмъ въ Сиріи; въ Японіи и Фор-

морѣ дольше, чѣмъ въ Китаѣ, и въ Англіи и Даніи дольше, чѣмъ въ Германіи. При томъ близость морской воды болѣе благопріятна для здоровья, нежели обыкновенной прѣсной, нерѣдко способствующей разложенію органическихъ веществъ почвы съ развитіемъ вредныхъ міазмовъ и испареній.

Намъ самимъ пришлось неоднократно удивляться обилію старцевъ на французскомъ островѣ Олерожъ, лежащемъ въ Атлантическомъ океанѣ, противъ и недалеко отъ Рошфора. Конечно, острова болотистые сокращаютъ сильно жизнь. Въ Старой Батавіи ни одинъ человѣкъ не достигаетъ старости. На островѣ Св. Елены никогда ни одинъ человѣкъ не достигалъ возраста въ 60 лѣтъ отъ господства тамъ дизентерій и воспаленій печени, уносящихъ преждевременно все почти населеніе.

Если умѣренный холодъ сѣверныхъ странъ и способствуетъ долговѣчности тѣмъ, что, замедляя ходъ роста и развитіе организма, растягиваетъ всю дугу его жизни, то все же крайній холодъ вредитъ долговѣчности. Такъ, утверждаютъ, что въ Гренландіи, въ Новой Землѣ очень мало людей, достигающихъ старости. Въ Исландіи имѣется самое незначительное число старцевъ; лапландцы рѣдко переживаютъ 60-лѣтній возрастъ. Сомнительно также, чтобы эскимосы, дикари изъ Гудзонова залива и Лабрадора достигали глубокой старости. То же самое и съ камчадалами, бурятами, тунгузами. Раннее вымираніе представителей этихъ племенъ обусловливается, конечно, не одними только условіями суроваго климата, но и плохимъ питаніемъ испорченной пищей, отсутствіемъ свѣжихъ овощей и фруктовъ и нерѣдко повторяющимися голодовками. Если крайній холодъ вліяетъ вредно на продолжительность жизни, то и крайній жаръ не менѣе вредно дѣйствуетъ на нее. Такъ готтентоты, напр., отличаются короткимъ срокомъ жизни.

Впрочемъ столѣтніе старцы встрѣчаются почти во всѣхъ частяхъ свѣта и не только между бѣлой, но и черной расой, и по Эмерсону ихъ даже какъ будто больше между неграми. Островъ Ямайка и есть та часть Новаго Свѣта, которой приписывалось наибольшее количество столѣтнихъ старцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигали даже до 142 лѣтъ. Гваделупа и Мартиника также славятся долговѣчностью своихъ жителей. Одна креолка достигла даже 125-лѣтняго возраста. Вся Сѣверная и Южная Америка изобилуетъ, повидимому, столѣтними старцами и они встрѣчаются не только между бѣлыми и черными, но и между краснокожими индѣйцами. Чуди, говоря о нихъ, указываетъ на то, что между ними нерѣдко можно видѣть старцевъ 120—130 лѣтъ,

сохраняющихъ до послѣдней минуты жизни какъ физическую силу, такъ и психическія способности, при чемъ волосы ихъ никогда не сѣдѣютъ и рѣдко когда цвѣтъ ихъ лица дѣлается землистымъ. Сказанное было, повидимому, подтверждено знаменитымъ Гумбольдтомъ и онъ имѣлъ случай видѣть одного индѣйца 143 лѣтъ; до 130 лѣтъ онъ былъ полонъ силъ, жена его со своей стороны имѣла 117 лѣтъ отъ роду. Въ Бразиліи и Чили также встрѣчаются столѣтніе старцы. Жители нѣкоторыхъ океаническихъ острововъ представляютъ иногда длинную жизненную дугу. Такъ на Маріановыхъ, Молукскихъ островахъ были наблюдаемы столѣтніе старцы, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли 130 лѣтъ. Яванцы, ведущіе земледѣльческій образъ жизни, иногда переживаютъ столѣтній возрастъ. Нѣкоторые изъ жителей Новой Зеландіи умираютъ въ преклонномъ возрастѣ, при чемъ волосы ихъ остаются совершенно черными до самой глубокой старости.

По Страбону, въ Индіи и въ Пенджабѣ люди достигали иногда возраста въ 130 и даже 200 лѣтъ. Брамины, благодаря воздержной жизни, доходятъ иногда до чрезвычайной старости. О Китаѣ намъ почти ничего неизвѣстно. Одинъ китайскій поэтъ говоритъ, что едва ли въ теченіе вѣка увидишь человѣка, достигшаго 100-лѣтняго возраста, и такая рѣдкость столѣтнихъ старцевъ, если повѣрить словамъ поэта, была бы плохой рекомендаціей для давней цивилизаціи имперіи, насчитывающей нѣсколько милліоновъ жителей.

Мы видимъ такимъ образомъ, что человѣкъ во всѣхъ почти закоулкахъ обширной земли приспособился къ мѣстнымъ условіямъ существованія настолько, что нѣкоторые изъ индивидуумовъ успѣваютъ тянуть жизнь въ теченіе столѣтія и даже больше. Конечно, въ крайнихъ условіяхъ существованія, при крайнемъ холодѣ, при крайнихъ жарахъ и сопутствующихъ имъ условіяхъ, человѣку не удается достигнуть этого возраста, благодаря тяжелой борьбѣ за существованіе; тѣмъ не менѣе въ промежуточныхъ между этими крайностями условіяхъ человѣку, смотря по болѣе или менѣе благопріятнымъ условіямъ существованія, удается нерѣдко достигать столѣтія и болѣе. Что тутъ дѣло сводится къ приспособленію, въ томъ нельзя сомнѣваться, въ виду хотя бы того обстоятельства, что жители южныхъ странъ, перемѣщаясь на сѣверъ, вымираютъ раньше и не достигаютъ того преклоннаго возраста, до котораго они дошли бы въ условіяхъ обычнаго ихъ существованія. Словомъ, и здѣсь повторяется тотъ же законъ приспособленія организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія,

съ которымъ мы имѣли дѣло въ мірѣ растеній, хотя, конечно, и не въ столь широкихъ границахъ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что географическія положенія странъ, благопріятствующія поддержанію ровнаго климата, умѣренной температуры и умѣренной влажности, способствуютъ лучше всего сохраненію человѣкомъ долгой жизни и это, конечно, весьма понятно, въ виду того, что всякія рѣзкія пертурбаціи во внѣшней средѣ, въ условіяхъ температуры, давленія и влажности должны вызывать и рѣзкіе перевороты въ функціяхъ организма и тѣмъ самымъ сокращать срокъ его жизни. Понятно, что организму легче примѣняться къ условіямъ существованія въ равномѣрномъ во всѣхъ отношеніяхъ климатѣ, нежели къ рѣзкимъ колебаніямъ его, и потому долгая жизнь въ первомъ случаѣ представляется несравненно болѣе возможной, нежели во второмъ, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ въ мѣстностяхъ гористыхъ вблизи моря на островахъ и полуостровахъ. Изъ сказаннаго, конечно, слѣдуетъ, что организмы путемъ приспособленія къ окружающимъ условіямъ закаляются въ борьбѣ за существованіе, дѣлаются болѣе жизнестойкими, и потому тѣ изъ нихъ, которые успѣли примѣниться къ худымъ условіямъ существованія въ дурномъ неровномъ климатѣ, уже, конечно, легче вынесутъ условія пребыванія въ ровномъ во всѣхъ отношеніяхъ климатѣ, нежели люди, изнѣженные ровнымъ климатомъ, при переходѣ въ суровыя неравномѣрныя климатическія условія.

Южане, попадающіе въ сѣверныя неровныя по своему климату широты, несравненно легче сокращаютъ свою жизнь, нежели сѣверяне, попадающіе въ южный ровный климатъ, и это изнѣживающее вліяніе южнаго климата на человѣческій организмъ сказывается даже до такой степени рѣзко и при томъ быстро, что было, напримѣръ, замѣчено, что воспитанники нашей сѣверной полосы, уѣзжая на каникулярное время въ южныя губерніи Россіи, по возвращеніи въ Петербургъ подвергаются болѣе частымъ заболѣваніямъ, нежели тѣ изъ нихъ, которые проводили каникулы въ окрестностяхъ Петербурга. Какъ ни страненъ этотъ фактъ съ виду, онъ тѣмъ не менѣе понятенъ съ точки зрѣнія быстраго приспособленія организма къ окружающимъ его условіямъ. Если жизни сѣверянъ и грозитъ въ южныхъ климатахъ какая-либо опасность, такъ это, конечно, со стороны господствующихъ тамъ болѣзней, напр. желтой, перемежающейся лихорадки, къ которой туземцы примѣнились.

Такимъ приспособленіемъ организма, передаваемымъ наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣроятнѣе всего объясняются

и расовыя отличія въ долговѣчности жизни. Мы видѣли, что среди самыхъ разнообразныхъ расъ бѣлыхъ, черныхъ, красно-кожихъ встрѣчаются столѣтніе старцы; съ другой стороны, что среди различныхъ народовъ, относящихся къ бѣлой расѣ, среди романскаго, германскаго, англо-саксонскаго и славянскаго племени встрѣчаются старцы столѣтніе, хотя и не въ одинаковомъ обиліи. Которое же изъ этихъ племенъ обладаетъ бо̀льшими шансами на долговѣчность входящихъ въ составъ ихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ? Трудно, конечно, рѣшить этотъ вопросъ съ положительной достовѣрностью по недостатку матеріала. Во всякомъ случаѣ есть одинъ пунктъ, выясненный послѣдней точной переписью въ Австріи и Германіи, и на него-то мы и обратимъ теперь вниманіе.

Для выясненія вопроса о значеніи расовыхъ отличій въ долговѣчности намъ, конечно, не слѣдуетъ прибѣгать къ сравненію народовъ, живущихъ при совершенно различныхъ географическихъ условіяхъ, напр. грековъ съ исландцами или итальянцевъ съ норвежцами и т. д., такъ какъ при этомъ разницы въ долговѣчности могутъ зависѣть не отъ индивидуумовъ, а отъ внѣшнихъ мѣстныхъ, болѣе или менѣе благопріятныхъ условій существованія. Для выясненія поставленнаго вопроса слѣдуетъ сравнивать племена, живущія приблизительно при одинаковыхъ географическихъ и климатическихъ условіяхъ, живущія почти рядомъ другъ съ другомъ, бокъ-о-бокъ, и тѣмъ не менѣе отличающіяся по своей долговѣчности. Къ счастью, такой примѣръ существуетъ въ средней Европѣ и относится къ Австріи и Германіи.

Какъ извѣстно, въ составъ этихъ двухъ государствъ входятъ какъ германское, такъ и славянское племена. Изъ послѣдней точной переписи оказалось, какъ на это указано уже было раньше, что славянскія провинціи Австріи отличаются большей долговѣчностью, нежели рядомъ съ ними лежащія нѣмецкія и венгерскія провинціи. Число столѣтнихъ старцевъ стоитъ, во-первыхъ, рѣзко выше такого же числа старцевъ въ послѣднихъ провинціяхъ и, конечно, на одно и то же число жителей. То же обнаружилось и при послѣдней переписи въ Пруссіи. Если мысленно раздѣлить Пруссію линіей, проходящей черезъ Берлинъ съ сѣвера на югъ, на двѣ половины, восточную и западную, то оказывается, что $^2/_3$ всѣхъ столѣтнихъ старцевъ приходится на долю восточныхъ провинцій, изобилующихъ славянской кровью, и лишь $^1/_3$ приходится на долю западныхъ, съ исключительно нѣмецкимъ населеніемъ. Изъ этихъ данныхъ сами германскіе статистики заключили, что славянскія племена обладаютъ, повидимому, большей долговѣчностью, нежели остальныя.

Данныя, представляемыя самой Россіей, не противорѣчатъ этому заключенію. Въ 1819 г. въ Россіи насчитывалось 1.789 столѣтнихъ старцевъ. Въ 1829 насчитывалось ихъ еще 869, въ 1839 г. на населеніе въ 60.000.000 европейской Россіи (за исключеніемъ Кавказа) отмѣчено 1228 смертей столѣтнихъ старцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли почтеннаго возраста въ 160—165 лѣтъ. И въ ту пору Россія, слѣдовательно, славилась своими столѣтними старцами и въ 5—6 разъ превосходила число старцевъ въ другихъ странахъ Европы. Въ 1877 году въ Россіи статистикой были отмѣчены смерти старцевъ въ возрастѣ отъ 101 до 105 лѣтъ въ числѣ 236 человѣкъ; въ 1878 г. — 307 человѣкъ и въ 1879 — 363 человѣка, уже не говоря о столѣтнихъ, которые вошли въ списокъ лицъ, умершихъ въ возрастѣ отъ 96 до 100 лѣтъ включительно. Наконецъ, приведенныя выше числа столѣтнихъ старцевъ въ Петербургѣ отчетливо показываютъ, что еще въ 1881 году, въ пору послѣдней переписи, въ немъ находилось еще въ живыхъ такое число ихъ, которое, будучи разсчитано на 1 милліонъ жителей, даетъ ихъ 18—число, въ пять-шесть разъ превосходящее обычныя числа старцевъ въ западной Европѣ. Изъ всего этого мы въ правѣ заключить, что въ самомъ дѣлѣ славянское племя и во главѣ его Россія несетъ вполнѣ заслуженную репутацію живучести, жизнеспособности и долговѣчности, и это при самыхъ, сравнительно съ остальной Европой, неблагопріятныхъ географическихъ и климатическихъ и сверхъ того санитарныхъ условіяхъ жизни.

Несмотря на то, что насильственная смерть отъ болѣзней нигдѣ въ Европѣ не беретъ съ народа столь обильной жатвы, какъ въ Россіи, несмотря, слѣдовательно, на громадную смертность, на низкую отсюда среднюю жизнь русскаго человѣка, все же существуетъ извѣстное число лицъ и больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, способныхъ доживать до крайнихъ предѣловъ старости. Относительно сравнительной долговѣчности другихъ народовъ и племенъ не существуетъ, насколько намъ извѣстно, положительныхъ данныхъ.

Если въ вопросѣ о долговѣчности человѣка имѣетъ столь существенное значеніе приспособленіе организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не меньшее значеніе для долговѣчности человѣка имѣетъ и приспособленіе или пріурочиваніе имъ внѣшнихъ условій жизни къ внутреннимъ требованіямъ своего существованія, достигаемое обыкновенно развитіемъ культуры и цивилизаціи. Болотистыя или загрязненныя всякими гніющими веществами мѣстности, служив-

шія только источникомъ его болѣзней и смерти, постепенно высушиваются имъ путемъ дренажа, обращаются въ прекрасныя пашни, пастбища, дающія ему насущный хлѣбъ; одинъ изъ источниковъ болѣзней, сокращающихъ жизнь, такимъ образомъ устраняется, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивается вѣрное продовольствіе. Человѣкъ устроиваетъ себѣ жилища, защищающія его отъ внѣшнихъ непогодъ, канализируетъ города, очищаетъ воду, которую пьетъ, воздухъ, которымъ дышетъ, и т. д., словомъ, приспособляетъ внѣшнія условія къ внутреннимъ условіямъ существованія, и тѣмъ самымъ способствуетъ продленію своей жизни. Всѣ условія культуры человѣка и направлены главнымъ образомъ къ приспособленію внѣшнихъ условій существованія къ внутреннимъ требованіямъ организма, и неудивительно поэтому, что всѣ культурныя націи обладаютъ большей долговѣчностью своихъ гражданъ, нежели дикія племена, въ которыхъ, какъ извѣстно, лишь самый малый процентъ людей, а въ нѣкоторыхъ даже и никто не достигаетъ не только столѣтняго возраста, но даже и первой старости.

Итакъ, въ вопросѣ о долговѣчности человѣка играетъ важную роль не только *себя-приспособленіе*, но и *къ-себѣ-приспособленіе*, какъ выражается г. Эльпе въ своей интересной книгѣ: „Въ чемъ сила жизни". Уже расовыя отличія въ долговѣчности человѣка, передаваемыя наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе, ясно указываютъ на то, что наслѣдственность должна играть важное значеніе въ способности человѣка къ долгой жизни. Съ общебіологической точки зрѣнія оно такъ и должно быть, и мы видѣли, что въ зародышевомъ оплодотворенномъ яйцѣ, этомъ главномъ физическомъ субстратѣ наслѣдственности, находятся въ скрытой формѣ всѣ силы, опредѣляющія будущій ходъ развитія организма какъ въ пространствѣ, такъ и во времени.

Посмотримъ теперь, опираясь на факты, насколько наслѣдственность является факторомъ, опредѣляющимъ длину жизненной дуги человѣка. Въ сочиненіяхъ Лафона, Лежонкура, Бурдаха, Фруассака и другихъ авторовъ приведено много примѣровъ наслѣдственной передачи продолжительности жизни; мы приведемъ лишь нѣкоторые. Въ семействѣ Тюрго возрастъ около 50 лѣтъ былъ обыкновеннымъ предѣломъ жизни. Этотъ министръ при приближеніи этого возраста велѣлъ привести всѣ дѣла свои въ порядокъ, несмотря на то, что онъ былъ еще совершенно здоровъ, и въ самомъ дѣлѣ, на 53 году онъ скончался. Въ прусскомъ королевскомъ домѣ примѣры долговѣчности представляются зауряднымы. Фридриху-Августу доложили разъ, что одинъ изъ его

сановниковъ умеръ въ возрастѣ 75 лѣтъ. „Какъ, — замѣтилъ онъ, — какъ могъ онъ умереть столь молодымъ!“ Несмотря на постоянныя войны и невоздержность въ пищѣ, Фридрихъ Великій пережилъ 74-лѣтній возрастъ; Фридрихъ-Вильгельмъ III достигъ 70-лѣтняго возраста и, наконецъ, покойный императоръ Вильгельмъ умеръ въ возрастѣ около 90 лѣтъ.

Отецъ одного графа дожилъ до 80 лѣтъ. Его мать дожила до 94 лѣтъ и умерла случайно. Несмотря на весьма бурную, неровную жизнь, ихъ сынъ достигъ 79-лѣтняго возраста, его братъ умеръ 86 лѣтъ, а сестра ихъ 85 лѣтъ была еще жива въ 1873 году.

Перваго апрѣля 1716 года умеръ въ Парижѣ одинъ мастеръ сѣделъ изъ Шампаньи болѣе столѣтняго возраста. Его отецъ жилъ 113 лѣтъ, его дѣдъ—112 лѣтъ. Одинъ земледѣлецъ Суррингтонъ прожилъ 160 лѣтъ. Наканунѣ своей смерти онъ самъ раздѣлилъ свое наслѣдство дѣтямъ, при чемъ старшему сыну было 130 лѣтъ, а младшему—всего 9 лѣтъ, слѣдовательно послѣдній родился когда отцу было 151 годъ, и т. д.

Въ январѣ 1856 года въ одной довольно болотистой коммунѣ во Франціи насчитывалось 6 братьевъ, совокупныя лѣта которыхъ составляли около 500 лѣтъ. Вотъ лѣта ихъ: 88, 86, 84, 82, 80, 78 лѣтъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 года умеръ въ Англіи, возлѣ Корка, фермеръ Диль, 102 лѣтъ отъ роду. Его братъ, жившій въ той же фермѣ, имѣлъ 105 лѣтъ. Ихъ отецъ умеръ, правда, 36 лѣтъ, но зато мать достигла 112-лѣтняго возраста.

Просперъ Люка приводитъ еще большое количество примѣровъ. Нѣкій венгерскій крестьянинъ Чартанъ умеръ въ 1724 г. на 185 году отъ роду, оставивъ старшаго сына 155 лѣтъ и младшаго 97 лѣтъ. Въ Польшѣ умеръ нѣкій крестьянинъ Салуки 157 лѣтъ, отецъ котораго жилъ также 150 лѣтъ. Наконецъ, умершій въ 1889 году на 103 году своей жизни знаменитый французскій химикъ Шеврейль имѣлъ отца, достигшаго 92 лѣтъ, а мать 93-лѣтняго возраста.

Всѣ эти факты и многіе другіе не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что долговѣчность зависитъ главнымъ образомъ отъ внутренняго предрасположенія организма, обусловленнаго наслѣдственностью, и сила наслѣдственности сказывается тутъ не въ меньшей степени, чѣмъ при передачѣ физическихъ или психическихъ особенностей отъ родичей къ потомкамъ. Лишь очень рѣдко можно видѣть людей, достигающихъ столѣтняго возраста или переходящихъ за него, если отцы или матери ихъ не обла-

дали длинной жизненной карьерой. Корнаро же и Фонтанель, достигшіе столѣтняго возраста безъ долговѣчныхъ родичей, и быть можетъ и другіе аналогичные случаи представляютъ рѣдкое исключеніе. Возможно, конечно, что такіе случаи представляютъ не что иное, какъ примѣры такъ-называемаго атавизма, т.-е. возврата въ какомъ-либо потомкѣ особенностей, принадлежавшихъ далекимъ предкамъ; быть можетъ, слѣдовательно, что Корнаро и Фонтанель унаслѣдовали свою долговѣчность не отъ родителей и не отъ ближайшихъ къ этимъ послѣднимъ родичей, а отъ родичей болѣе далекихъ, память о долговѣчности которыхъ могла и вовсе не сохраниться въ потомствѣ, и дѣйствительно, наслѣдственность минуетъ иногда черезъ цѣлый рядъ поколѣній для того, чтобы откликнуться въ какомъ-либо отдаленномъ потомкѣ.

Во всякомъ случаѣ родословная Корнаро и Фонтанеля въ этомъ отношеніи такъ мало намъ извѣстна, что объяснить ихъ долговѣчность прямо атавизмомъ мы, конечно, не въ правѣ. Съ другой же стороны намъ прямо извѣстно, что вся жизнь Карнаро, начиная съ 40-лѣтняго возраста, представляла примѣры образцовой жизни, отличавшейся величайшимъ желѣзнымъ самообладаніемъ, крайней умѣренностью во всѣхъ отношеніяхъ и весьма дѣятельной и гигіеничной,—и все это въ видахъ наивозможно бо̀льшаго продленія жизни. Усилія его, какъ увидимъ впослѣдствіи, увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ, такъ какъ Корнаро, проведшій весьма бурную жизнь въ юности и вплоть до 40-лѣтняго возраста, и будучи отъ природы хилымъ, все же съумѣлъ протянуть свою жизнь на цѣлое столѣтіе. Очевидно, что природа не лишила каждаго нормальнаго человѣка возможности къ продленію своей жизни, и что путемъ сильной воли и правильнаго образа жизни человѣку дана возможность управлять своей жизнью и удлиннять ее чуть ли не до цѣлаго столѣтія.

И въ самомъ дѣлѣ, изъ приведенныхъ примѣровъ мы ясно видимъ, что наслѣдственность не въ точности опредѣляетъ предѣльность жизни потомковъ, а лишь только приблизительно. Такъ, дѣти родителей, проживишхъ, положимъ, до 90 лѣтъ, вовсе не обязательно должны будутъ дожить до 90 лѣтъ, а наблюдаются всегда колебанія въ сторону или сокращенія, или удлинненія жизни. Словомъ, одни наслѣдники быстрѣе проживаютъ, проматываютъ полученную ими наслѣдственно долговѣчность, и тѣмъ укорачиваютъ жизнь, другіе же, напротивъ, экономно пользуясь жизнью, успѣваютъ увеличить наслѣдственно полученный капиталъ и удлинняютъ его. Все дѣло, конечно, въ образѣ жизни, опредѣляющемъ бо̀льшую или мѐньшую затрату силъ, о чемъ рѣчь у насъ бу-

детъ ниже. Краснорѣчивымъ примѣромъ наслѣдниковъ послѣдняго рода можетъ служить химикъ Шеврейль, который, будучи сыномъ отца, дожившаго до 92 лѣтъ, и матери, дожившей до 93 лѣтъ, съумѣлъ такъ правильно обставить свою жизнь, что увеличилъ наслѣдство на 10 лѣтъ и умеръ на 103 году своей жизни.

Да, великимъ опредѣлителемъ долговѣчности людей является сила наслѣдственности, но не менѣе важнымъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ является и образъ жизни людей и умѣнье пользоваться ею экономно. Возможно промотать наслѣдство въ видѣ столѣтней долговѣчности въ какихъ-нибудь двадцать-тридцать лѣтъ—и наоборотъ, увеличить скромное наслѣдство 50-лѣтней долговѣчности до размѣровъ почти столѣтія, какъ это мы видимъ на Корнаро. Все дѣло—въ искусствѣ жить, въ искусствѣ экономизировать силы организма. Сила наслѣдственности будетъ сказываться во всѣхъ случаяхъ, и, конечно, человѣку тѣмъ легче будетъ достигнуть долговѣчности, чѣмъ лучшей наслѣдственностью обладаетъ онъ въ этомъ отношеніи.

Чѣмъ же, спрашивается, отличался образъ жизни столѣтнихъ старцевъ? Образъ жизни находится прежде всего въ тѣсной зависимости отъ профессіи, а поэтому важно прежде всего знать, къ какимъ профессіямъ по преимуществу относились столѣтніе старцы.

Почти до настоящаго года не существовало никакихъ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ для разрѣшенія этого въ высшей степени интереснаго вопроса, и къ счастью, въ прошломъ только году, въ журналѣ Статистическаго парижскаго Общества появились нужныя для этого данныя. Послѣдняя перепись населенія во Франціи констатировала самымъ достовѣрнымъ образомъ на основаніи документальныхъ данныхъ присутствіе въ живыхъ 83 столѣтнихъ старцевъ. По профессіямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Земледѣльцы и пахари	20	человѣкъ.
Поденьщики	9	„
Капиталисты безъ профессій	8	„
Повара, кухарки, прислуга	6	„
Торговцы	5	„
Пастухъ и пастушка	2	„
Вдовы прежнихъ военныхъ имперіи	2	„
Преподавательница	1	„
Директоръ компаніи страховки противъ пожара	1	„
Трактирщикъ	1	„
Акушерка	1	„
Вдова костюмировщика театра въ Бордо	1	„

Вдова медика	1	человѣкъ.
Вдова точильщика камня	1	„
Неизвѣстныхъ профессій	24	„
Всего	83	человѣка.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ между ними вдова Ростковская. Она сопровождала своего мужа, въ качествѣ помощницы хирурга, въ 12 кампаніяхъ, и два раза была ранена на полѣ битвы. Она еще и теперь очень бодра, несмотря на свои 104 года, и сохраняетъ вполнѣ всѣ свои умственныя способности; живетъ очень скромно на маленькой пенсіи, получаемой отъ французскаго правительства. Въ таблицѣ этой насъ невольно поражаетъ число старцевъ, выпадающихъ на долю землепашцевъ, работниковъ и тому подобныхъ профессій. Изъ точныхъ свѣденій объ ихъ достаткѣ оказалось, что 22 столѣтнихъ старца живутъ въ крайней бѣдности, 10—въ очень скромной матеріальной обстановкѣ, 7—въ скромной матеріальной обстановкѣ, 6—въ достаткѣ, 1—въ очень богатой обстановкѣ, 37—въ неизвѣстной матеріальной обстановкѣ, хотя и очень скромной, судя по профессіямъ, которыя они несли прежде. Итакъ, что̀ очень важно, бо̀льшая часть столѣтнихъ старцевъ представляются бѣдными и живутъ самой скромной и стѣсненной жизнью.

Въ Пруссіи послѣдней переписью констатировано было на основаніи точныхъ документальныхъ данныхъ присутствіе 91 живыхъ столѣтнихъ старца: 53 находятся въ домахъ призрѣнія бѣдныхъ, 26 на родинѣ, 28 въ другихъ мѣстностяхъ и 2 въ богадельняхъ. Берлинское статистическое бюро указываетъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ эти столѣтніе старцы продолжаютъ заработывать себѣ хлѣбъ самыми скромными профессіями. Такъ, одна вдова 101 года заработываетъ хлѣбъ, присматривая за гусями, другая, 106 лѣтъ—тѣмъ, что вяжетъ. Одинъ столѣтній старикъ несетъ обязанности пастуха при стадѣ коровъ, другой же является продавцомъ стараго платья. Одна вдова 102 лѣтъ ходитъ за дѣтьми, другая занимается хозяйствомъ, и т. д. И въ Пруссіи, такимъ образомъ, столѣтніе старцы выпадаютъ почти исключительно на долю бѣднаго класса, такъ какъ иначе нельзя было бы объяснить, какимъ образомъ изъ 91 столѣтняго старца 53 находятся на попеченіи въ домахъ общественнаго призрѣнія, другіе находятся въ богадѣльняхъ или исправляютъ самыя бѣдныя должности пастуховъ, присмотрщиковъ, и среди нихъ имѣется только одинъ капиталистъ—еврей 109 лѣтъ.

Изъ этихъ данныхъ съ отчетливостью слѣдуетъ, что столѣтній возрастъ составляетъ удѣлъ не зажиточныхъ классовъ, не вели-

кихъ сего міра, утопающихъ въ роскоши и нѣгѣ и пользующихся всѣми благами земной жизни, а классовъ бѣдныхъ, занятыхъ болѣе физическимъ трудомъ на свободномъ воздухѣ и ведущихъ вообще умѣренную, болѣе чѣмъ скромную жизнь, и даже терпящихъ нищету. Очевидно, что въ условіяхъ жизни зажиточныхъ классовъ существуютъ моменты, не благопріятствующіе долговѣчности, и они, вѣроятнѣе всего, сводятся на жизнь неровную, бурную, полную излишествъ въ погонѣ за наслажденіями, за наживой, за почестями, во время которой борьба и разочарованія изъ-за удовлетворенія самолюбія, честолюбія, комфорта и сластолюбія истощаютъ преждевременно силы организма и приводятъ его къ болѣе ранней кончинѣ.

Посмотримъ теперь, какова долговѣчность среди профессій, занимаемыхъ обыкновенно зажиточными людьми. Начнемъ съ духовенства и съ высшихъ сановниковъ его, съ папъ. Въ теченіе почти $18^{1}/_{2}$ вѣковъ насчитываютъ 265 папъ и между ними самый высшій возрастъ, до котораго достигъ Пій VII, былъ 83 года.

Ко времени послѣдняго собора католическая іерархія насчитывала 991 патріарха, архіепископа и епископа. Изъ нихъ былъ точно извѣстенъ возрастъ 771 сановника; 3 епископа достигли возраста въ 96 лѣтъ и только 2—возраста 90; остальные же всѣ были моложе и ни одного не было столѣтняго старца. Изъ философовъ, этихъ дѣятелей отвлеченной мысли, возьмемъ 34 древнихъ и 34 болѣе современныхъ. Изъ древнихъ до столѣтняго возраста и болѣе дожили четыре; изъ новыхъ самымъ старѣйшимъ оказывается Бональдъ, достигшій возраста 87 лѣтъ, тогда какъ такіе гиганты мысли, каковы Спиноза и Кантъ, жили: первый до 45, второй же до 54 лѣтъ.

Министры не пользуются особенной долговѣчностью и случаи достиженія ими глубокой старости до 90 лѣтъ совершенно почти не встрѣчаются. Жизнь, полная волненій и высокой отвѣтственности передъ государствомъ и обществомъ, лишаетъ ихъ того душевнаго покоя и того ровнаго теченія жизни, которые только и совмѣстимы съ долговѣчностью.

Въ болѣе привилегированномъ положеніи находится профессія ученыхъ, среди которыхъ мы часто встрѣчаемся съ возрастомъ въ 90 и выше лѣтъ (Гумбольдтъ). Архимедъ былъ 75 лѣтъ, когда онъ былъ убитъ римскимъ солдатомъ, во время придумыванія имъ плана защиты Сиракузъ, Бэконъ умеръ въ 80 лѣтъ, Коперникъ въ 80 лѣтъ, Галилей—78, Ньютонъ въ 85 лѣтъ, Бернулли въ 82 года, Фонтенель въ 100 лѣтъ, Гершель въ 84 года, Лапласъ въ 78, Ламаркъ 85 л., Біо 88 л., Берцеліусъ 70 л., Шеврейль

въ 103 года, Буняковскій—85 лѣтъ. Изъ поэтовъ древности и болѣе новаго времени только Сади достигъ 102-лѣтняго возраста, Кратинъ 95 и Софоклъ 90-лѣтняго возраста.

Среди художниковъ отмѣтимъ слѣдующихъ, достигшихъ до глубокой старости, хотя и не вплоть до столѣтняго возраста. Микель-Анджело жилъ 90 лѣтъ, Беллини—тоже 90 лѣтъ, Шёнъ—96 лѣтъ, Тиціанъ—90 лѣтъ. Среди знаменитыхъ 50 музыкантовъ только Монтеверде и Оберъ достигли 88-лѣтняго возраста.

Среди медиковъ имѣемъ Дюфурнеля, жившаго 120 лѣтъ, и Палитимана хирурга, достигшаго 140 лѣтъ и аккуратно напивавшагося каждый вечеръ; эту привычку онъ пріобрѣлъ на 25 году своей жизни и наканунѣ еще смерти онъ вырѣзалъ ракъ груди у одной женщины. Затѣмъ уже ни одинъ почти медикъ не достигалъ 100-лѣтняго возраста, и самымъ старѣйшимъ изъ нихъ былъ Лорда, умершій на 98 году; Ганеманнъ умеръ на 89 году, Порталь на 90 году и Моргана на 89 году, Авензоаръ на 92 году жизни.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что ни одинъ классъ общества не заключаетъ въ себѣ столько столѣтнихъ старцевъ, какъ земледѣльцы, какъ люди, занимающіеся самыми скромными профессіями, едва доставляющими имъ насущное пропитаніе, за исключеніемъ только фабричнаго люда, подвергающагося нерѣдко вреднымъ вліяніямъ пыли, ядовитыхъ газовъ и тому подобныхъ анти-санитарныхъ условій.

Возможно, конечно, что это преобладаніе столѣтнихъ старцевъ среди, напримѣръ, земледѣльческаго и вообще бѣднаго класса, зависитъ отъ численнаго его преобладанія. Не отвергая возможности такого утвержденія, мы все же не можемъ не указать на то, что классъ этотъ находится въ наиболѣе стѣсненныхъ условіяхъ жизни вслѣдствіе бѣдности, недостатка комфорта и множества лишеній,—что̀ уже, конечно, не можетъ благопріятствовать сохраненію долгой жизни,—и тѣмъ не менѣе наибольшее число старцевъ и наиболѣе рѣзкіе случаи долговѣчности встрѣчаются именно въ этомъ классѣ; фактъ этотъ настолько поразителенъ, что на него обращаютъ особенное вниманіе статистики новѣйшаго времени. Очевидно, что не въ богатствѣ, не въ роскоши, не въ комфортѣ лежатъ условія долгой жизни, а въ жизни во всѣхъ отношеніяхъ умѣренной, чуждой излишествъ, въ жизни ровной, далекой отъ разъѣдающихъ волненій мірской суеты, въ жизни дѣятельной, мышечно-дѣятельной на свободномъ воздухѣ и на лонѣ, такъ сказать, природы.

Какими же признаками отличаются организмы, одаренные

долговѣчностью? Прежде всего желудокъ и пищеварительный каналъ должны быть совершенно нормальными. Безъ хорошихъ зубовъ и желудка немыслимо достигнуть преклоннаго возраста. Далѣе, необходима хорошо организованная грудь и легкія, дающія возможность правильно дышать; здоровымъ состояніемъ пищеварительныхъ и дыхательныхъ ôр996ановъ обезпечивается достаточный приливъ къ тѣлу питательныхъ веществъ и кислорода воздуха, безъ которыхъ нѣтъ шансовъ на долгую жизнь. Кромѣ того, долголѣтніе организмы обладаютъ нераздражительнымъ сердцемъ, медленнымъ равномѣрнымъ пульсомъ и вообще гармоничнымъ и правильнымъ сложеніемъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы между столѣтними старцами не попадались и люди, далеко уклоняющіеся отъ нормы по своему сложенію: такъ Овенъ Караллатъ, прожившій 127 лѣтъ, имѣлъ по шести пальцевъ на рукахъ и ногахъ; Эльспоттъ Вальсонъ, ростомъ въ 2 фута 3 дюйма, т.-е. будучи карликомъ, умеръ на 115 году жизни; другой субъектъ, Яковъ Дональдъ, въ 7 футовъ 2 дюйма, т.-е. будучи настоящимъ великаномъ, прожилъ 120 лѣтъ. Наконецъ, есть примѣры людей очень короткошеихъ и съ искривленіями тѣла, дожившихъ до ста лѣтъ.

Далѣе требуется здоровая, стойкая, энергичная нервная система, регулирующая всѣми отправленіями нашего тѣла. Замѣчательно, что всѣ почти столѣтніе старцы до конца своихъ дней не представляли никакихъ нервныхъ разстройствъ, ни анестезіи, ни параличей, и сохраняли въ полной цѣлости всѣ свои умственныя способности и всѣ свои чувства. Такая роль нервной системы весьма понятна, если вспомнить, что она управляетъ всѣми отправленіями тѣла и слѣдовательно служитъ новымъ источникомъ силы. И наконецъ, долговѣчные организмы обладаютъ, повидимому, и высокой воспроизводительной способностью,—и это представляется естественнымъ, такъ какъ то, что̀ можетъ служить источникомъ жизни, должно поддерживать и существующую жизнь, и слѣдовательно ôрганы воспроизведенія могутъ служить не только цѣлямъ распространенія рода, но и поддержанія жизни индивидуума. Всѣмъ, конечно, извѣстна связь между развитіемъ ôргановъ воспроизведенія, между періодомъ ихъ созрѣванія и всѣми функціями цѣлаго организма. Какой могучій толчокъ къ росту организма, къ его возмужалому состоянію даетъ созрѣваніе ôргановъ воспроизведенія! У нѣкоторыхъ животныхъ только въ этотъ моментъ начинаютъ развиваться рога, и тѣ изъ животныхъ, которыя были лишены воспроизводительныхъ ôргановъ, бываютъ лишены роговъ. Всѣ люди, достигавшіе высшихъ степеней старости,

обладали высокой воспроизводительной силой, и она не покидала ихъ иногда до послѣдняго года жизни. Они вступали въ бракъ нерѣдко и на 100, на 112 году жизни и позже, и не только pro forma. Они не истощали своихъ воспроизводительныхъ силъ въ юности, а, напротивъ, берегли ихъ и всѣ почти безъ исключенія были женаты. Образцомъ такихъ старцевъ можетъ служить французъ Лонжевилль. Онъ прожилъ 110 лѣтъ, имѣлъ 10 женъ и послѣднюю взялъ на 99 году жизни. Эта послѣдняя родила ему сына на 101 году его жизни.

Кромѣ всѣхъ этихъ тѣлесныхъ свойствъ, организмы, одаренные долговѣчностью, обладали обыкновенно слѣдующими важными душевными свойствами.

Что прежде всего поражаетъ въ біографіяхъ столѣтнихъ старцевъ — это ихъ хорошій темпераментъ, сказывающійся покойнымъ, ровнымъ душевнымъ состояніемъ, порядкомъ и гармоніей ихъ внутренняго духовнаго міра, отсутствіемъ высокой раздражительности, отсутствіемъ сильныхъ душевныхъ волненій, обыкновенно потрясающихъ организмъ и приводящихъ его или къ преждевременной кончинѣ, или къ смерти отъ катастрофы. Такимъ образомъ принадлежностью душевнаго склада долговѣчныхъ людей является извѣстная примѣсь флегмы, нечувствительности, безъ которыхъ невозможно совершить длинной жизненной карьеры. Но въ то же время организмъ долженъ обладать, конечно, извѣстной воспріимчивостью, извѣстной раздражительностью, безъ которыхъ немыслима правильная нервная дѣятельность. И уже Кантъ доказывалъ, что для достиженія нравственнаго совершенства и внутренняго равновѣсія въ душевномъ мірѣ требуется такая смѣсь флегматическаго и сангвиническаго нравовъ, при которой организмъ, оставаясь небезучастнымъ къ явленіямъ, окружающимъ его, въ то же время не реагировалъ бы на нихъ глубоко, до разстройства внутренняго равновѣсія силъ.

Другими словами, организмъ долженъ обладать въ извѣстной степени дѣятельнымъ мозгомъ, чувствительнымъ сердцемъ, но не настолько, чтобы явленія окружающаго міра отражались въ немъ глубокими душевными волненіями, нарушающими обыкновенно правильный ходъ всѣхъ тѣлесныхъ функцій. Только при этомъ и мыслимо обладать тѣмъ веселымъ нравомъ, той сравнительной безпечностью, нервной энергіей, которые составляютъ лучшій залогъ долговѣчности. И въ самомъ дѣлѣ столѣтніе старцы всѣ, почти безъ исключенія, отличались веселымъ нравомъ, были словоохотливы, дѣятельны, открыты для чувствъ радости и любви, но имъ чужды были чувства ненависти, зависти, гнѣва и глубокаго горя.

Почти всѣ они любили занятія, были дѣятельны, были любителями природы, семейнаго очага и далеко стояли отъ разъѣдающихъ душу и тѣло честолюбивыхъ стремленій, отъ страсти къ наживѣ и мало вообще заботились о слѣдующемъ днѣ. Что такой складъ долженъ быть благопріятенъ для продленія жизни, это станетъ очевиднымъ, если только вспомнить, какъ различно дѣйствуютъ на функціи разнообразныхъ аппаратовъ тѣла—на сердце, кровообращеніе, дыханіе, пищевареніе и т. д.—различныя душевныя состоянія и волненія, мрачное и веселое настроеніе, и о чемъ у насъ уже была рѣчь въ статьѣ о вліяніи психическихъ явленій на тѣлесные процессы въ организмѣ, помѣщенной раньше на страницахъ „Вѣстника Европы".

Неудивительно послѣ всего этого, что люди, отличающіеся долговѣчностью, веселые, беззаботные, дѣятельные и энергичные, относятся и къ смерти самымъ хладнокровнымъ образомъ и не питаютъ къ ней никакого страха. Столѣтніе старцы любили даже подшучивать надъ смертью и, удивляясь, напримѣръ, тому, что они такъ долго живутъ, говорили, что вѣроятно смерть ихъ совершенно позабыла, или передъ самой смертью восклицали, что, наконецъ, кончилась вся эта жизненная комедія.

Вообще всѣ столѣтніе старцы оканчивали жизнь въ полномъ спокойствіи и безстрашіе передъ смертью является общей характеристикой ихъ. Оно, впрочемъ, такъ и должно быть, если вспомнить, какимъ угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ страхъ на всѣ тѣлесныя функціи организма. Обиліе примѣровъ подобнаго рода читатель можетъ встрѣтить въ интересной книгѣ пр. Массо „о страхѣ". Страхъ можетъ быть причиной, какъ внезапной смерти, такъ и условіемъ, повышающимъ смертность при болѣзняхъ.

По мнѣнію Биша̀, смерть отъ сильныхъ эмоцій происходитъ вслѣдствіе паралича сердца, т.-е. задержки сердцебіеній, и Галлеръ уже замѣчалъ, что страхъ можетъ останавливать сердцебіенія и глубоко измѣнять кровообращеніе. Этимъ параличемъ сердца отъ страха и объясняются, напр., слѣдующіе бывшіе примѣры внезапной смерти.

Отецъ, узнавшій внезапно о смерти любимаго сына, падаетъ убитымъ какъ бы молніей, не произнеся ни слова. Нѣкто, будучи на кладбищѣ, шагая черезъ могилу, почувствовалъ, что его будто бы кто удержалъ за ногу, и отъ страха падаетъ и умираетъ въ тотъ же день. Другой человѣкъ умираетъ почти тотчасъ вслѣдъ за объявленіемъ ему о томъ, что онъ не въ состояніи жить дольше. Нѣкоторые приговоренные преступники умираютъ внезапно при объявленіи имъ смертной казни. Хирургамъ очень извѣстно, какъ

дѣйствуетъ страхъ. Лаудеръ Брентонъ описываетъ очень поучительный и притомъ недавній случай объ одномъ ассистентѣ, который былъ ненавистенъ студентамъ одной коллегіи. Они порѣшили его напугать. Съ этой цѣлью они приготовили полѣно и топоръ въ темной комнатѣ, въ которой нѣсколько студентовъ нарядились въ судьи, и приговорили осужденнаго къ смертной казни. Ассистентъ не ошибся въ томъ, что студенты шутили; но вотъ завязаны ему глаза, шея его положена на полѣно и мокрое полотенце вмѣсто топора внезапно ударяетъ его по обнаженной шеѣ. Когда студенты сняли съ несчастнаго платокъ, то они, къ удивленію своему, увидѣли его мертвымъ и, конечно, отъ одного лишь страха.

Вообще люди мнительные, меланхолики, ипохондрики, чаще подвергаются всякимъ заболѣваніямъ, лишь отъ страха заболѣть. Въ эпидемическихъ болѣзняхъ страхъ буквально коситъ жизни. Уже издавна замѣчали, что всѣ трусливые умираютъ легче, чѣмъ храбрые и хладнокровные. Во время землетрясенія въ Римѣ въ 1703 году масса людей погибла отъ страха. Знаменитый Ларрей замѣтилъ, что какъ на поляхъ битвы, такъ и въ лазаретахъ солдаты побѣжденной арміи менѣе выносятъ раны, нежели солдаты побѣдоносной арміи, и это было подтверждено въ послѣднюю войну 1870 г. Наконецъ, страхъ можетъ служить самъ источникомъ болѣзней, трясеній тѣла, потери рѣчи, падучей болѣзни и т. д. Разработка этого вопроса представляла бы благодарную тему въ педагогическомъ и воспитательномъ отношеніи. Итакъ, страхъ есть болѣзнь, и тому, кому желательно долго жить, должно быть чуждо это чувство. Всѣмъ сказаннымъ исчерпываются тѣ условія, какъ внутреннія, присущія самому организму, такъ и внѣшнія, которыми опредѣляется долговѣчность человѣка. Знаніе ихъ даетъ возможность сокращать или удлиннять свою индивидуальную жизнь и объ этой сторонѣ дѣла мы поговоримъ еще подробно въ слѣдующей главѣ. Пока же ясно, что не слѣдуетъ страшиться смерти, такъ какъ страхъ только приближаетъ ее къ намъ. Не надо забывать, что тамъ, гдѣ кончается прочное знаніе, тамъ начинается вѣра, это могучее подспорье нашей духовной жизни, воодушевляющее, укрѣпляющее наши силы, поднимающее насъ выше всего преходящаго и рисующее намъ въ утѣшительныхъ краскахъ наши будущія перспективы.

Мы уже познакомились съ цѣлымъ рядомъ условій, опредѣляющихъ въ бо́льшей или мѐньшей степени продолжительность

человѣческой жизни. Постараемся, прежде чѣмъ идти дальше, подвести итогъ всему сказанному нами по этому вопросу и расположить разобранныя нами условія въ порядкѣ убывающей ихъ важности въ занимающемъ насъ вопросѣ о долговѣчности человѣка.

I. Нѣтъ сомнѣнія, что наслѣдственность является, при равныхъ остальныхъ условіяхъ, главнымъ опредѣлителемъ долговѣчности потомковъ, что ею не въ меньшей степени передается потомкамъ способность къ долгой жизни, какъ и другія особенности какъ физическаго, такъ и психическаго склада родичей.

II. Женская половина человѣческаго рода по природѣ своей обладаетъ большей способностью къ долгой жизни, нежели мужская половина, и это заключеніе имѣетъ, повидимому, полную силу для индивидуумовъ всѣхъ временъ и народовъ.

III. Расовыя отличія несомнѣнно отражаются на долговѣчности человѣка, и въ этомъ отношеніи среди европейскихъ народовъ славянскія племена занимаютъ, повидимому, первое мѣсто.

IV. Человѣкъ и со стороны продолжительности своей жизни примѣняется къ внѣшнимъ, окружающимъ его, климатическимъ и вообще географическимъ условіямъ и вездѣ почти способенъ, въ лицѣ бóльшаго или мѐньшаго количества своихъ представителей, достигать столѣтняго возраста и болѣе, хотя и не въ одинаковой степени. Жизнь на гористыхъ островахъ и полуостровахъ съ ихъ чистымъ, ровнымъ морскимъ воздухомъ средней влажности наиболѣе благопріятствуетъ долговѣчности. Крайній холодъ и крайній жаръ несовмѣстимы съ долговѣчностью. Въ общемъ народы умѣренно-холоднаго климата обладаютъ большей продолжительностью жизни, нежели жители южныхъ, экваторіальныхъ странъ.

V. Изъ профессій жизнь земледѣльца, жизнь покойная, съ мышечнымъ трудомъ на свободномъ воздухѣ, болѣе всѣхъ благопріятствуетъ долговѣчности.

VI. Долговѣчность является скорѣе удѣломъ классовъ неимущихъ, живущихъ въ крайне умѣренной, даже въ стѣсненной обстановкѣ, нежели классовъ имущихъ и въ особенности утопающихъ въ роскоши. Все дѣло въ изнѣженности послѣднихъ и въ излишествахъ режима жизни, разслабляющихъ организмъ и истощающихъ преждевременно его силы.

VII. Образъ жизни, слѣдовательно, долженъ отражаться на долговѣчности, и значеніе его въ самомъ дѣлѣ такъ велико, что условіе это можетъ даже конкуррировать съ наслѣдственностью и или исправлять ее, увеличивая завѣщанный короткій срокъ жизни

до размѣровъ столѣтія, или наоборотъ, портить ее, сокращая донельзя завѣщанную по наслѣдству долгую жизнь. Чѣмъ медленнѣе развивается организмъ человѣка, чѣмъ болѣе онъ экономизируетъ и менѣе расходуетъ свои силы, тѣмъ больше шансовъ имѣетъ онъ на долговѣчность.

VIII. Характеристикой людей, отличающихся долговѣчностью, является хорошее физическое сложеніе тѣла и органовъ, хорошо сложенная и нераздражительная нервная система, высокая воспроизводительная способность, оптимистическій взглядъ на жизнь, ровный темпераментъ и безстрашіе передъ смертью.

IX. Нормальной, естественной продолжительностью жизни человѣка долженъ считаться срокъ жизни въ 100 лѣтъ, и если до него достигаетъ лишь всего нѣсколько человѣкъ изъ милліона людей, то это зависитъ какъ отъ цѣлой массы опасностей, грозящихъ жизни человѣка со стороны всевозможныхъ болѣзней и случайныхъ поврежденій, пріобрѣтаемыхъ имъ или унаслѣдованныхъ, такъ и отъ ненормальнаго образа жизни и занятій, подрывающихъ преждевременно его силы, истощающихъ его и сводящихъ его въ могилу гораздо раньше срока, предназначеннаго ему природой.

Изъ представленныхъ здѣсь выводовъ очевидно, что человѣкъ со стороны своей долговѣчности раздѣляетъ многія изъ условій, регулирующихъ жизнь животныхъ организмовъ вообще. Поразительными аналогіями являются слѣдующіе факты. Нормальная долговѣчность какъ животныхъ организмовъ, такъ и человѣка приблизительно въ пять разъ больше періода ихъ роста. Наслѣдственность въ обоихъ случаяхъ есть главный факторъ, опредѣляющій продолжительность жизни. Какъ самки въ животномъ царствѣ долговѣчнѣе самцовъ, съ цѣлью бо́льшаго обезпеченія рода, такъ и женщины долговѣчнѣе мужчинъ, вѣроятно, на основаніи того же естественнаго начала. Какъ отъ темпа жизни животныхъ организмовъ зависитъ срокъ ихъ жизни (ускоренный темпъ сокращаетъ ее, медленный же удлинняетъ), такъ и у человѣка срокъ жизни находится въ близкой зависимости отъ того, какъ расходуются силы организма—быстро или медленно; въ первомъ случаѣ жизнь сокращается, во второмъ же удлинняется. Чѣмъ медленнѣе развиваются животные организмы, тѣмъ они долговѣчнѣе, и то же самое замѣчаемъ на людяхъ.

Подобно тому, какъ животныя и растенія приспособляются со стороны продолжительности своей жизни къ внѣшнимъ условіямъ существованія, такъ и человѣкъ приспособляется къ различнымъ климатическимъ и географическимъ условіямъ обитаемыхъ

ихъ странъ, и это удается ему тѣмъ легче, что онъ, рядомъ съ внутреннимъ приспособленіемъ организма къ внѣшнимъ условіямъ, обладаетъ, благодаря высокому разуму, и способностью приспособлять внѣшнія условія къ внутреннимъ требованіямъ своего организма. Какъ человѣкъ только въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ нормальнаго предѣла своей жизни, опредѣляемаго наступленіемъ нормальной старческой смерти, такъ и животныя еще рѣже достигаютъ нормальнаго предѣла своей жизни вслѣдствіе меньшей безопасности, въ которой они находятся, какъ отъ безпрерывной борьбы между собою и человѣкомъ, такъ и отъ всевозможныхъ эпизоотій.

Какъ видно, во всемъ животномъ царствѣ, включая въ него и человѣка, наблюдается единство началъ, опредѣляющихъ долговѣчность жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ. Заключеніе это представляетъ высокую теоретическую важность, такъ какъ изъ него слѣдуетъ, что вопросъ объ условіяхъ, вліяющихъ на долговѣчность человѣка, можетъ быть съ успѣхомъ разработываемъ и на ближайшихъ къ нему высшихъ млекопитающихъ животныхъ, принципіально ничѣмъ не отличающихся въ этомъ отношеніи отъ человѣка, но зато легче поддающихся опытному изслѣдованію и наблюденію. Къ сожалѣнію, эта сторона дѣла еще и не затронута въ біологіи вообще, и въ частности въ физіологіи, и не даетъ никакихъ непоколебимыхъ данныхъ для сужденія о мѣрахъ, удлиняющихъ или сокращающихъ индивидуальную жизнь не только человѣка, но и самихъ животныхъ.

Между тѣмъ природа обращается безжалостно съ жизнью человѣка. Не говоря о цѣлой массѣ болѣзнетворныхъ вліяній, окружающихъ жизнь человѣка и уносящихъ массу жизней во всѣхъ возрастахъ, природа поступаетъ далеко не великодушно и даже съ жизнью, текущей нормально, безъ болѣзней, безъ насилій, и расшатываемой только потокомъ времени.

Изъ любящей матери, какою природа является въ первой половинѣ нашей жизни, дарующей намъ физическую силу и красоту, высшія наслажденія ума, чувства и фантазіи, она, послѣ того, какъ главная задача ея—обезпеченіе рода—была выполнена человѣкомъ и послѣ утраты имъ воспроизводительныхъ функцій, обращается постепенно въ злую мачиху, отнимающую у него шагъ за шагомъ и съ неумолимой строгостью всѣ дары жизни—физическую мощь, красоту, силу ума и фантазіи—и превращаетъ его подъ конецъ въ развалину, назначеніе которой лишь удобрить ту же землю, изъ которой возникла вся жизнь.

Словомъ, природа щедра къ человѣку лишь до той поры,

пока онъ годенъ для насажденія потомства, и какъ только функція эта становится для него невыполнимой, такъ она съ жадностью отнимаетъ у него все, чѣмъ онъ дорожилъ, чѣмъ наслаждался, чѣмъ гордился, и бросаетъ его, какъ изношенную перчатку. Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ то, что она терпимѣе относится къ людямъ съ сильной воспроизводительной способностью, сохраняющимъ ее болѣе продолжительное время—имъ она даруетъ, какъ мы видѣли, и болѣе долгое земное существованіе.

Что̀ же дѣлать при этомъ человѣку, какъ не бороться за жизнь, какъ не отстаивать въ упорномъ, безпрерывномъ поединкѣ съ природой каждую лишнюю минуту жизни, къ которой онъ невольно привязанъ, которую все же любитъ, какъ бы много ее ни проклиналъ. Зачѣмъ щедро раздавать тѣ чары жизни, которыя должны быть вскорѣ отняты въ конецъ, зачѣмъ вселять организму могучее роковое чувство самосохраненія, когда нѣтъ возможности сохранить жизни? Единственный выходъ изъ этого противорѣчія—это борьба, борьба упорная, безпрерывная, не на жизнь, а на смерть съ условіями, подтачивающими наше земное существованіе.

Она и ведется человѣкомъ и, конечно, съ первыхъ же мгновеній его существованія. Болѣзни подрываютъ жизнь, слѣдовательно надо умѣть предупреждать болѣзни и сохранять организмъ въ здоровомъ состояніи. Такимъ требованіямъ отвѣчаетъ гигіена. Развившуюся болѣзнь надо умѣть искоренять, надо умѣть излечивать—этому отвѣчаетъ вся область практической медицины. Но и безъ болѣзней организму все же положенъ предѣлъ существованія въ силу естественнаго хода жизни сперва по восходящей, а затѣмъ и по нисходящей части дуги жизни, упирающейся въ землю. Что же тутъ дѣлать? Признать ли тутъ свое безсиліе, или и тутъ возможна борьба?

Умъ человѣческій, вѣрный духу борьбы, и тутъ пытался изыскать способы удлинненія дуги жизни и даже—страшно сказать!—превращенія ея въ безконечную. По настоящее время наука мало или даже вовсе не занимается вопросомъ о продленіи нормальной жизни человѣка; она даже и не задумывается надъ нимъ, полагая, вѣроятно, что одной гигіеной и практической медициной достаточно обезпечивается долговѣчность человѣка.

Между тѣмъ это едва ли вѣрно и на этотъ важный пробѣлъ въ наукѣ уже указывалъ въ свое время знаменитый Бэконъ Веруламскій. Конечно, гигіена, учащая, какъ предупреждать болѣзни, и практическая медицина—какъ излечивать ихъ, способствуютъ сохраненію жизни, но ими упускается въ то же время изъ виду цѣлая масса явленій, отражающихся на долговѣчности человѣка

и изученіе которыхъ стало бы обязательнымъ, еслибы въ наукѣ появилась спеціальная отрасль, имѣющая цѣлью разслѣдованіе условій долговѣчности. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не существуетъ, и это, конечно, не къ счастью человѣка.

Впрочемъ, вѣкъ нашъ и по характеру своему не изъ тѣхъ, который бы заботился о долговѣчности. Современные люди болѣе пекутся объ интензивности жизни, т.-е. о томъ, чтобы переживать какъ можно скорѣе и какъ можно больше событій, испытывать какъ можно больше чувствъ, эмоцій и идей въ самый короткій промежутокъ времени, нежели объ экстензивности жизни, т.-е. о продленіи жизни до достиженія глубокой старости. Что толку въ длинной покойной жизни, если она не волнуетъ кровь, если она не богата приключеніями, ласкающими наши чувства, какой смыслъ, наконецъ, въ дряхлой старости, могущей служить лишь въ тягость какъ себѣ, такъ и другимъ! И жертвой такого настроенія становятся и люди науки, и это, конечно, не располагаетъ къ изученію условій, опредѣляющихъ долговѣчность.

На достиженіе человѣкомъ преклонной старости многіе смотрятъ какъ на нѣчто совершенно лишнее, не гармонирующее ни съ интересами частныхъ лицъ, ни съ интересами общества; къ чему же послѣ этого хлопотать и трудиться надъ способами продленія жизни? Лучше—короткая и кипучая жизнь, нежели жизнь долгая, ровная, съ ея мѣрнымъ часовымъ ходомъ. Такъ разсуждаютъ многіе. Не трудно, однако, доказать всю ошибочность подобнаго рода разсужденій.

Кипучая, дѣятельная жизнь въ первой половинѣ жизни, высокій темпъ жизни въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, подрываетъ, истощаетъ силы организма, дѣлаетъ его болѣе воспріимчивымъ ко всевозможнаго рода болѣзнямъ и лишаетъ возможности достиженія имъ здоровой, нормальной старости. Люди при такомъ образѣ жизни дѣлаются уже въ первой половинѣ жизни инвалидами, и въ случаѣ достиженія старости обращаются дѣйствительно въ руины, служащія не только въ тягость самимъ себѣ, но и окружающей ихъ средѣ.

Какъ тягостно бываетъ разставаніе съ жизнью въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ и при сознаніи того, что она была промотана, израсходована раньше срока, когда всѣ связи человѣка съ текущей вокругъ жизнью не успѣли еще ослабнуть и когда жизнь манитъ его еще своими чарами! Какихъ бы взглядовъ ни держался раньше человѣкъ,—былъ ли онъ приверженцемъ короткой, но кипучей жизни,—онъ все же при приближеніи кончины жа-

ждетъ жить и проклинаетъ весь тотъ образъ жизни, который привелъ его къ преждевременной кончинѣ.

Вовсе не то, когда человѣкъ, имѣя въ виду прожить всѣ возрасты жизни, предопредѣленные ему природой, экономизируетъ свои силы, не торопится жить, а распредѣляетъ свою дѣятельность такъ, чтобы, не истощая организма, пройти длинный жизненный путь. Высшей наградой ему служитъ здоровье въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ и здоровая дѣятельная старость.

Каждый возрастъ имѣетъ свои преимущества и свои невыгоды какъ для самого индивидуума, такъ и для общества.

Въ общественномъ организмѣ каждый возрастъ имѣетъ опредѣленное значеніе для цѣлей его прогресса. Мантегацца справедливо замѣчаетъ, что молодежь любитъ, надѣется и борется; зрѣлый возрастъ испытываетъ, изслѣдуетъ и направляетъ, а старость провѣряетъ, критикуетъ и умѣряетъ. Общество, состоящее изъ однихъ стариковъ, лишь критиковало бы и не шло впередъ; общество, состоящее изъ одной молодежи, находилось бы въ безпрерывной лихорадкѣ, а состоящее изъ однихъ только людей зрѣлаго возраста было бы эгоистично и лишено идеала. Общество же, состоящее изъ всѣхъ возрастовъ, совершенно, потому что оно любитъ, мыслитъ и критикуетъ и тѣмъ способно поддерживать равновѣсіе сложнаго общественнаго механизма и вести его по пути медленнаго, но прочнаго прогресса. Отнимите у народа молодежь—и получится тѣло безъ сердца; отнимите у него стариковъ—и получится организмъ безъ головы;—такъ говоритъ объ этомъ Мантегацца, и слова эти имѣютъ дѣйствительно глубокій смыслъ.

Бываютъ иногда замѣчательныя аналогіи между функціями отдѣльнаго и общественнаго организма. Большинство рабочихъ аппаратовъ въ тѣлѣ находится подъ регуляціей двухъ противоположныхъ нервныхъ приводовъ—одного ускоряющаго и другого задерживающаго, замедляющаго, и это вѣрно для сердца, дыхательнаго механизма, сосудовъ, и т. д. И нормальная дѣятельность мыслима только при взаимодѣйствіи этихъ двухъ противоположныхъ регуляторныхъ механизмовъ. Исключите задерживающій механизмъ сердца—и оно быстро истощится ускоренной, усиленной работой. Устраните ускорителей—и оно будетъ работать медленно и недостаточно для сохраненія жизни индивидуума. Такую роль въ высокой степени полезныхъ умѣрителей общественнаго пульса занимаютъ старики въ народѣ. И такой высокой роли ихъ способствуетъ ихъ житейская опытность, мѐньшая впечатлительность,

большее душевное спокойствіе и сосредоточенность, а чрезъ это и объективность въ оцѣнкѣ явленій жизни.

Уже изъ-за одной этой пользы обществу человѣку есть основаніе стремиться къ достиженію здоровой старости; ему предстоитъ выполнять въ старости, и только въ старости, функціи не менѣе важныя, нежели въ юности и въ зрѣломъ возрастѣ, и функціи, необходимыя для цѣлости и благополучія общественнаго организма. Мы и видимъ сообразно съ этимъ, что наиболѣе высокіе и отвѣтственные посты во всѣхъ почти цивилизованныхъ государствахъ заняты людьми въ преклонномъ возрастѣ.

Замѣчательно, что сознаніе пользы здоровыхъ, бодрыхъ старцевъ въ дѣлахъ управленія представляется настолько общимъ, что даже у многихъ австралійскихъ племенъ существуетъ законъ, по которому къ занятію опредѣленныхъ общественныхъ мѣстъ допускаются лишь люди, достигшіе извѣстнаго преклоннаго возраста. И такая польза старцевъ выражается не только въ дѣлахъ общественнаго управленія, но и во всѣхъ другихъ сторонахъ творчества человѣческаго ума въ области наукъ и искусствъ, въ которыхъ многія великія открытія, многія художественныя произведенія были совершены людьми во второй половинѣ жизни, въ періодъ старости.

Наконецъ, кому не извѣстно, что здоровый умный старецъ есть лучшій совѣтникъ семьи и, будучи даже немощенъ тѣломъ, онъ своимъ совѣтомъ, основаннымъ на многолѣтнемъ опытѣ жизни, можетъ служить величайшимъ подспорьемъ своимъ ближнимъ. Впрочемъ, утѣшеніемъ бодрой, здоровой старости является не только сознаніе полезности ея для общества, для своихъ ближнихъ. Старость не лишена своихъ радостей, своихъ преимуществъ. Что касается болѣзней, то если старики и подвержены болѣе ревматическимъ, подагрическимъ, легочнымъ заболѣваніямъ и разрывамъ черепныхъ сосудовъ, зато они неизмѣримо менѣе воспріимчивы ко всевозможнымъ другимъ заболѣваніямъ, а именно, къ цѣлому ряду инфекціонныхъ болѣзней, къ чахоткѣ и т. д., уносящихъ, какъ извѣстно, массу людей въ другихъ возрастахъ.

Если мышечная система ихъ слабѣетъ, то они зато несравненно болѣе наслаждаются тѣлеснымъ покоемъ, нежели люди въ цвѣтѣ жизни. Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ и ихъ душевное настроеніе: наклонность къ сосредоточенности, къ душевному покою, къ удаленію отъ суеты мірской и къ объективному созерцанію протекающей вокругъ нихъ жизни. Все это придаетъ ихъ душевному настроенію, ихъ мыслямъ и чувствамъ тотъ возвышенный, независимый полетъ, съ высоты котораго лучше всего

могутъ обсуждаться и оцѣниваться явленія текущей жизни. Такое состояніе духа не можетъ не отражаться на самочувствіи стариковъ и не служить источникомъ наслажденія. Наконецъ, кому, какъ не старцамъ, болѣе всего доступны наслажденія, доставляемыя потомствомъ, ихъ дѣтьми, внуками и правнуками; они живутъ ихъ жизнью и въ жизни ихъ видятъ свое безсмертіе.

Наконецъ, самое разставаніе съ жизнью для нихъ несравненно легче, нежели для людей въ другихъ возрастахъ. По мѣрѣ теченія лѣтъ, связи, соединяющія ихъ съ окружающимъ міромъ, постепенно, незамѣтно все болѣе и болѣе слабѣютъ вслѣдствіе постепеннаго притупленія органовъ чувствъ, нервной воспріимчивости; они все болѣе и болѣе возвышаются надъ всѣмъ мірскимъ и съ меньшей горечью и сожалѣніемъ переходятъ въ иной міръ, „гдѣ нѣтъ ни печалей, ни болѣзней, ни воздыханій". Нѣтъ, заманчива сѣдая старость, старость здоровая, покойная, мудрая! И неправы тѣ, кто, предпочитая короткую кипучую жизнь и цѣня лишь быстрый темпъ жизни, мало или вовсе не думаютъ о старости—о продленіи до максимума своихъ дней.

Девизомъ человѣка должно быть возможно долгая и дѣятельная жизнь на пользу ближнимъ и на радость себѣ, и не даромъ человѣкъ всѣхъ временъ и народовъ инстинктивно стремился всегда къ этому идеалу и измышлялъ всѣми путями разнообразныя средства къ достиженію этой цѣли. Мало того, чтобы продлить жизнь,—человѣкъ задавался даже и смѣлой идеей о достиженіи безсмертія, о безпрерывномъ возобновленіи юности. Алхимики разсуждали такъ: въ теченіе безчисленнаго ряда вѣковъ солнце изливаетъ свои живительные лучи и не истощается же оно при этомъ? Золото развѣ не сохраняетъ всегда свою неизмѣнную чистоту? Земля, старѣющая и засыпающая на зиму, съ возвратомъ весны развѣ не оживаетъ вновь, и такъ въ теченіе безконечнаго ряда лѣтъ? Почему же природа не должна имѣть средствъ къ безконечному возобновленію человѣка, къ безконечной замѣнѣ сѣдой старости цвѣтущей юностью, и слѣдовательно къ вѣчному поддержанію жизни одного изъ высшихъ ея твореній?

Теорія кажется съ виду вѣрной, но неумолимая дѣйствительность опровергаетъ ее и обращаетъ въ прахъ всѣ попытки человѣка къ достиженію вѣчной жизни.

Какъ бы то ни было, а человѣкъ вѣчно стремится—если не къ увѣковѣченію, то по крайней мѣрѣ къ продленію жизни, къ поддержанію силъ, прибѣгая для этого къ цѣлому ряду искусственныхъ пріемовъ и средствъ, и мы уже у древнихъ египтянъ,

грековъ и римлянъ находимъ рядъ способовъ, имѣвшихъ своей цѣлью продленіе жизни человѣка.

Подъ сирмаизмомъ разумѣютъ одну знаменитую методу, примѣнявшуюся древними, методу какъ гигіеническую, такъ и лечебную, которую Геродотъ нашелъ у египтянъ; она перешла отъ нихъ къ іонійцамъ и ѳракійцамъ и описана была поэтому подробно въ произведеніяхъ Гиппократа. Египтяне съ цѣлью продленія жизни и сохраненія здоровья принимали слабительныя и рвотныя ежемѣсячно въ теченіе трехъ дней, будучи убѣждены, что всѣ наши болѣзни происходятъ отъ принимаемой пищи. Кромѣ того они прибѣгали къ усиленному потѣнію, полагая, что и кожей выдѣляются изъ тѣла продукты вредные для здоровья. Они до такой степени вѣрили въ магическую силу этихъ пріемовъ и до такой степени отождествляли ихъ съ здоровьемъ, что, встрѣчаясь на улицахъ, привѣтствовали другъ друга возгласомъ: „какъ вы потѣете, какъ вы вырываете?“

Къ совершенно инымъ пріемамъ прибѣгали греки, находясь подъ вліяніемъ прекрасной природы ихъ страны. Они вскорѣ убѣдились, что разумное пользованіе природой и постоянное упражненіе нашихъ силъ представляетъ наиболѣе вѣрный пріемъ для усиленія жизненныхъ силъ и продленія самой жизни. Гиппократъ и всѣ тогдашніе философы и врачи предлагали съ этой цѣлью умѣренность и воздержность, пользованіе свободнымъ, чистымъ воздухомъ, холодными купаньями, гимнастикой и ежедневнымъ растираніемъ тѣла. Особенно важное значеніе придавали они этимъ двумъ послѣднимъ условіямъ. Тутъ впервые возникла раціональная гимнастика, и самые знаменитые философы и ученые не забывали упражнять и свое тѣло рядомъ съ упражненіемъ ума и поддерживать тѣмъ самымъ тѣло и духъ въ извѣстномъ равновѣсіи. Нѣкто Герадикъ дошелъ до того, что онъ усиленными прогулками и мышечными упражненіями излечилъ и продлилъ жизнь такой массы старцевъ, что философъ Платонъ упрекнулъ его въ томъ, что онъ поддерживаетъ существованіе такихъ дряхлыхъ старцевъ, которые не только себѣ, но и другимъ въ тягость.

Ясные и цѣлесообразные совѣты насчетъ сохраненія здоровья и продленія жизни были высказаны Плутархомъ, который достиженіемъ до глубокой старости частью доказалъ справедливость своихъ совѣтовъ. Правила его могутъ быть сведены къ слѣдующему: держать голову холодной, а ноги теплыми, изъ-за ума не забывать тѣла; вмѣсто пріема лекарствъ при заболѣваніи лучше всего воздержаніе отъ пищи въ теченіе дня или двухъ. Плутархъ

былъ извѣстнымъ проповѣдникомъ умѣренности во всемъ, и его извѣстное изреченіе, что умѣренная работа питаетъ духъ, а чрезмѣрная его уничтожаетъ, имѣетъ полную силу и для нашихъ дней.

Въ высшей степени страннымъ изобрѣтеніемъ древнихъ временъ была „герокомика" или искусство сохранять старость. Герокомика древнихъ имѣла въ виду не только сохраненіе жизни и замедленіе хода ея, но и возстановленіе молодости въ организмахъ, истощенныхъ годами. Полагали, что для старцевъ полезно жить въ атмосферѣ молодыхъ людей и въ непосредственномъ соприкосновеніи съ ними. Этимъ объясняли даже измышленную долговѣчность учителей и педагоговъ, ежедневно посѣщающихъ молодыхъ людей въ различныхъ заведеніяхъ. По Галіену, непосредственное прикосновеніе тѣла здороваго молодого человѣка къ животу уже изсушеннаго годами старца есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для возстановленія въ немъ силъ. Давидъ, какъ это видно изъ библіи, повидимому пользовался герокомикой съ цѣлью возстановленія силъ и продленія жизни и Соломонъ, оцѣпенѣвшій отъ глубокой старости, съ цѣлью оживленія женился на молодой сунамиткѣ.

Даже въ новѣйшее время знаменитый Бургавъ разсказывалъ своимъ ученикамъ, что онъ совѣтовалъ одному старому амстердамскому бургомистру, удрученному лѣтами и болѣзнями, грозившими его жизни, лечь спать между двухъ молодыхъ и здоровыхъ людей и находиться въ полномъ покоѣ, и это средство такъ помогло ему, что больной старецъ сталъ послѣ этого совершенно бодрымъ и здоровымъ. Гуфеландъ, передавая этотъ случай, прибавляетъ, что если вспомнить, какое благотворное вліяніе на парализованные члены оказываетъ приложеніе къ нимъ свѣже вырѣзанныхъ частей животныхъ, изъ которыхъ еще идетъ паръ, и какъ утоляетъ боль приложеніе къ нимъ живыхъ животныхъ, то герокомика не должна быть отвергнута безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Нечего говорить, конечно, о томъ, что герокомика путемъ прикосновенія не можетъ имѣть никакого другого значенія, кромѣ временнаго возбужденія организма, временнаго повышенія его силъ, вызываемаго какъ чисто тактильнымъ раздраженіемъ кожи, такъ и психическимъ возбужденіемъ. Но всѣ такіе раздражители послѣ временнаго возбужденія обусловливаютъ затѣмъ еще большее истощеніе и вовсе уже не могутъ служить цѣли продленія жизни.

Герокомика практиковалась, однако, не только въ формѣ прикосновенія старыхъ тѣлъ къ юнымъ, но и въ иной формѣ, выте-

кавшей прямо изъ того ложнаго положенія, что молодое сильное тѣло выдѣляетъ будто бы изъ себя такую жизненную атмосферу, которую старики могутъ вдыхать съ пользой для себя. Рейнезій, около 100 лѣтъ тому назадъ, открылъ въ Римѣ надпись, которая гласитъ, что нѣкій Герминнъ жилъ 115 лѣтъ и 5 дней, пользуясь дыханіемъ молодыхъ дѣвицъ, и докторъ Когаузенъ въ своей диссертаціи, напечатанной въ началѣ текущаго столѣтія, приходитъ къ заключенію, что для продленія жизни необходимо ежедневно, утромъ и вечеромъ, вдыхать дыханіе какой-нибудь молодой, свѣжей дѣвушки, и эти же положенія защищались снова и въ сравнительно недавнее время въ Италіи, въ одной анонимной брошюрѣ и въ другой, принадлежащей перу Сальварезе.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если герокомика во всѣхъ ея видахъ и въ особенности въ формѣ вдыханія и оказывала какое-либо оживляющее вліяніе на старцевъ, то только путемъ психическаго вліянія, весьма понятнаго при близости къ старцамъ юныхъ, цвѣтущихъ дѣвушекъ. Что же касается до самаго объекта вдыханія, т.-е. воздуха, выдыхаемаго молодыми дѣвушками, то при всемъ уваженіи къ нимъ, мы должны сказать, что воздухъ, выдыхаемый ихъ юными легкими, настолько же вреденъ для дыханія, какъ и воздухъ, выдыхаемый всѣми остальными здоровыми людьми и животными.

Но всего изумительнѣе и сумасброднѣе по занимающему насъ вопросу были тѣ идеи и тѣ пріемы, которые предлагались въ средніе вѣка, въ эту эпоху всякаго колдовства и суевѣрія и гоненія всего свѣтлаго и правдиваго въ области научной мысли. Тутъ уже дѣйствующими лицами явились астрологи и алхимики, которые, спекулируя надъ человѣческой глупостью и невѣжествомъ, выдавали себя за людей, обладающихъ секретомъ продленія жизни, и продавали его на вѣсъ золота. Среди нихъ Парацельсъ былъ однимъ изъ величайшихъ шарлатановъ, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ. Онъ объѣздилъ полъ-свѣта, собралъ и навезъ отовсюду всякаго рода рецепты и чудодѣйственныя средства и въ то же время занимался горнымъ производствомъ и обработкой металловъ. Онъ нѣсколько разъ продавалъ тайну философскаго камня, предназначеннаго для продленія жизни и для превращенія простыхъ металловъ въ золото и серебро, и утверждалъ, что жизнь должна длиться 1000 лѣтъ, или 900, или по крайней мѣрѣ 600 лѣтъ. Слава его, поддерживавшаяся его высокомѣріемъ, надменной и туманной рѣчью и обманами, а также и введеніемъ нѣкоторыхъ металловъ въ обращеніе, была настолько велика, что къ нему стекались люди со всѣхъ концовъ Европы, даже

короли являлись къ нему за совѣтомъ и, наконецъ, и самъ мудрый Эразмъ. И что же оказалось? Средство, которымъ онъ лечилъ всѣ болѣзни и умѣлъ будто бы до безконечности поддерживать жизнь людей, „вегетабильная сѣра", было не чѣмъ инымъ, какъ средствомъ возбуждающимъ, въ родѣ гофманскихъ капель. Несмотря, однако, на всемогущество этой сѣры, сулившей людямъ 1000 и минимумъ 600 лѣтъ жизни, самому автору ея не пришлось прожить и 50 лѣтъ.

Рожеръ Баконъ (монахъ алхимикъ) совѣтовалъ препараты золота, какъ лучшее средство для продленія жизни, но придавалъ значеніе также и янтарю, жемчугу и многимъ драгоцѣннымъ камнямъ. Онъ ссылался на графиню Десмонъ, прожившую 140 лѣтъ, причемъ у нея три раза мѣнялись зубы и два раза выростали волосы, благодаря только его золотымъ каплямъ.

Арабскій алхимикъ Геберъ распространялъ свой красный жизненный эликсиръ, состоявшій также изъ раствора золота, и выдавалъ его за универсальное средство для возстановленія юности у старцевъ и продленія до безконечности жизни. И замѣчательно, что тотъ же красный эликсиръ Гебера и былъ предложенъ еще въ 1861 году въ качествѣ всецѣлебнаго средства Лапассомъ.

Не слѣдуетъ, конечно, изъ-за того только, что нѣкоторые алхимики были великими шарлатанами, бросать тѣнь и на многія почтенныя имена людей, занимавшихся средневѣковой алхиміей, какъ, напримѣръ, на знаменитаго монаха Кирхера, на фонъ-Гельмонта, на арабовъ Авиценну, Авензоара, Аверроеса, также какъ и на кардинала Ришельё; увлеченіе ихъ, дѣйствительно, было настолько велико, что даже почтенный фонъ-Гельмонтъ полагалъ, что онъ владѣлъ тайной философскаго камня. Не слѣдуетъ забывать, что алхимики были творцами экспериментальной химіи и способствовали развитію металлургіи; имъ мы обязаны открытіемъ способа перегонки и многихъ полезныхъ химическихъ соединеній, минеральнаго кермеса, рвотнаго камня, терпентина, большинства ртутныхъ солей и т. д.

Если алхимики искали тайну долгой жизни въ разнообразныхъ лекарствахъ, въ золотѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, то астрологи искали ее на небѣ, въ его свѣтилахъ. Легковѣрные дорого платили тому, кто ставилъ ихъ въ сношеніе съ дружественными имъ звѣздами.

Фициній доказывалъ, конечно изъ личной наживы, что каждый человѣкъ долженъ обращаться къ астрологу каждыя семь лѣтъ, чтобы быть предупрежденнымъ объ опасностяхъ, грозящихъ ему

въ теченіе послѣдующихъ семи лѣтъ, и принять заблаговременно соотвѣтствующія мѣры безопасности.

Какая же, спрашивается, идея служила основой астрологическихъ предсказаній и въ чемъ собственно заключается астрологическій совѣтъ? Согласно астрологической теоріи каждый человѣкъ рождается подъ вліяніемъ доброй или злой звѣзды, и стоило только узнать, подъ какимъ небеснымъ вліяніемъ находился данный человѣкъ, чтобы предписать ему ту пищу, то питье и тѣ климаты, которые находятся въ астрологическомъ противорѣчіи съ тѣмъ, что̀ могло бы ему служить во вредъ. Кромѣ того, такъ какъ полагали, что металлы находятся въ близкой связи съ планетами, то достаточно было носить на себѣ извѣстный металлическій талисманъ, чтобы попасть подъ добрую опеку дружественныхъ звѣздъ. И сила такихъ талисмановъ не подвергалась ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ XVII столѣтіи при берлинскомъ дворѣ жилъ знаменитый Турнейзенъ, который, будучи хирургомъ и химикомъ, былъ въ то же время и астрологомъ. Слава его какъ астролога была такъ велика, что когда въ какой-нибудь знатной семьѣ, не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ Европы, рождался ребенокъ, тотчасъ къ Турнейзену отправляли посла съ точнымъ обозначеніемъ часа и минуты появленія ребенка на свѣтъ. Онъ долженъ былъ снестись съ звѣздами и на основаніи этого предписать ребенку тотъ режимъ жизни, который бы наиболѣе обезпечивалъ долговѣчность ребенка. Въ берлинской библіотекѣ и понынѣ хранятся цѣлые тома такихъ письменныхъ запросовъ. Шарлатанъ этотъ, какъ и слѣдовало ожидать, оставилъ послѣ себя большое состояніе.

Весьма распространеннымъ мнѣніемъ было то, что кровь дурная, кровь испорченная служитъ причиной всякихъ болѣзней. Этимъ объясняются кровопусканія, къ которымъ люди часто прибѣгали при борьбѣ съ различными болѣзнями, а также и переливаніе крови отъ животныхъ человѣку и отъ человѣка къ человѣку для замѣны негодной крови кровью здоровой. Отсюда одинъ шагъ оставался до мысли о замѣнѣ старой крови старцевъ кровью юныхъ животныхъ или юныхъ людей съ цѣлью возстановленія молодости и продленія старцамъ жизни. Мы не станемъ излагать всю возмутительную исторію кровопусканій и переливаній, унесшихъ преждевременно такую массу человѣческихъ жизней. Укажемъ только на то, что идея о переливаніи крови встрѣчается у древнѣйшихъ греческихъ и римскихъ писателей, и у Овидія, Медея, отвѣчая на просьбы дочерей Пеліаса возстановить у ихъ

отца прежнюю молодость и прежнюю храбрость, говоритъ: „выпустите старую кровь, чтобы я могла наполнить порожнія вены молодою кровью“.

Одинъ врачъ сдѣлалъ переливаніе крови изъ трехъ своихъ здоровыхъ мальчиковъ въ вены папы Иннокентія VIII, но операція осталась безъ всякой пользы,—всѣ дѣти умерли, не продливъ своею кровью жизни папы ни на часъ.

Д-ръ Дени въ Парижѣ сдѣлалъ первыя два удачныхъ переливанія овечьей крови одному субъекту, истощенному кровопусканіемъ, и другому сумасшедшему,—и съ хорошимъ исходомъ. Говоря объ удачныхъ переливаніяхъ, мы хотимъ только сказать, что они не сопровождались смертью; о возвращеніи же старцамъ юности или помѣшаннымъ ума путемъ переливанія крови, конечно, и не можетъ быть рѣчи. Всѣ опыты подобнаго рода дали отрицательные результаты. Эта попытка возстановлять молодость путемъ вливанія юной крови представляетъ въ сущности ту же герокомику древнихъ, но только уже въ совершенно реальной формѣ.

Даже знаменитый Бэконъ Веруламскій, геній котораго обнималъ всѣ почти области знанія, обратилъ свое вниманіе на способы продленія жизни. Такъ какъ для него жизнь была пламенемъ, горѣніе котораго поддерживается воздухомъ, то для продленія ея требуется умѣреніе горѣнія путемъ охлажденія тѣла холодными купаньями и уменьшеніе введенія въ него горючихъ питательныхъ матеріаловъ. За холодными ваннами онъ совѣтовалъ растиранія ароматическими маслами, спокойствіе духа, умѣренный образъ жизни и употребленіе опіатовъ, умѣряющихъ силу внутреннихъ движеній и, слѣдовательно, изнашиваніе тѣла. Онъ совѣтовалъ, чтобы человѣкъ каждые два-три года возстановлялъ свой организмъ, т.-е. изгонялъ изъ него посредствомъ діэты и слабительныхъ все дряхлое и отжившее и возстановлялъ его посредствомъ укрѣпляющей и освѣжающей пищи.

Другіе думали сохранить жизнь путемъ неконсумированія ея, что̀ свелось бы къ анабіозу, немыслимому для человѣка.

Съ конца прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго способы, предлагавшіеся съ цѣлью продленія жизни, скорѣе вели къ ея сокращенію, нежели къ чему-нибудь иному, и это благодаря появленію цѣлой массы шарлатановъ и невѣждъ, навязывавшихъ міру свои жизненные эликсиры. Таковъ, напримѣръ, *чай для долгой жизни* Сенъ-Жермена, состоявшій, какъ оказалось, изъ сандальнаго дерева, александрійскаго листа и укропа, или жизненный эликсиръ Каліостро—просто смѣсь различныхъ пряностей и т. д., и чудодѣйственный животный магнетизмъ. Месмеръ, какъ

извѣстно, былъ творцомъ этого послѣдняго ученія, которое прогремѣло на весь свѣтъ; онъ въ сущности своими пассами и гипнотизированіемъ своихъ паціентовъ думалъ излечивать ихъ отъ всевозможныхъ болѣзней и провозгласилъ, что сила его не ограничивается только этимъ, но онъ въ состояніи удлиннять жизнь. Все это шарлатанство достаточно было оцѣнено въ свое время, и мы не удивимся, если въ наше время увлеченія гипнотизмомъ и внушеніями найдутся такіе безстыдные смѣльчаки, которые заявятъ, что путемъ гипнотическихъ внушеній они въ состояніи поселить юность въ старомъ тѣлѣ и что внушеніемъ долгой жизни они въ состояніи растянуть жизнь любого человѣка на цѣлое столѣтіе.

Почти одновременно съ Месмеромъ появился и д-ръ Граамъ съ его *небесной кроватью*. Кто ложился въ эту кровать на часъ и болѣе,—укрѣплялъ свои силы и возстановлялъ всѣ свойства утраченной молодости. Если бы кто-нибудь купилъ ее за много милліоновъ и пользовался бы ею каждую ночь, то онъ пріобрѣлъ бы право жить въ теченіе многихъ столѣтій. Послѣ конфискаціи кровати въ ней вмѣсто войлока и волосъ нашли электрическія машины, духи̂, различные музыкальные инструменты и наркотическія средства.

Бѣдное человѣчество!—воскликнетъ, конечно, каждый, оглянувшись на всю эту печальную картину заблужденій человѣческой мысли; чего не позволяли люди творить надъ собою въ надеждѣ вырвать у судьбы лишнія минуты жизни! Въ выгодѣ оставались только шарлатаны, пользовавшіеся довѣріемъ и легкомысліемъ толпы.

Единственные разумные совѣты касательно продленія жизни древнихъ греческихъ врачей и философовъ казались черезъ-чуръ простыми и вслѣдствіе отсутствія чудеснаго и таинственнаго мало привлекательными для людей.

Намъ остается сказать еще объ одномъ способѣ возстановленія силъ въ больныхъ или старыхъ организмахъ, быстро облетѣвшемъ весь міръ, несмотря на то, что онъ былъ опубликованъ проф. физіологіи въ Парижѣ, Броунъ-Секаромъ, всего лишь въ первой половинѣ 1889 года.

Исходной точкой способа Броунъ-Секара служили слѣдующія общія соображенія, о которыхъ мы уже упомянули, указывая на то, что долговѣчные люди отличаются сильной воспроизводительной способностью. Дѣйствительно, воспроизводительныя железы, приготовляющія оплодотворяющую жидкость, оказываютъ существенное вліяніе на развитіе, складъ и силы организма. Люди, утратившіе въ дѣтствѣ свои воспроизводительныя железы вслѣдствіе

заболѣванія ихъ и т. д., никогда не достигаютъ той степени моральнаго и физическаго развитія и той физической силы, которыя присущи нормальному человѣку. Всѣмъ извѣстно, что люди, злоупотребляющіе воспроизводительными функціями или страдающіе усиленными потерями оплодотворяющей жидкости, страдаютъ рѣзкимъ ослабленіемъ какъ моральныхъ, такъ и физическихъ силъ. Сочиненіе Лаллемана переполнено примѣрами подобнаго рода, и люди эти уподобляются евнухамъ, у которыхъ наблюдается, какъ общее явленіе, упадокъ всѣхъ физическихъ и моральныхъ силъ организма. Съ другой стороны извѣстно, что продолжительное воздержаніе отъ траты оплодотворяющей жидкости, въ особенности у людей въ возрастѣ между 20 и 35 годами, сильно повышаетъ ихъ умственныя и физическія силы.

Всѣ эти факты объяснимы только допущеніемъ, что воспроизводительныя железы во время жизни постоянно снабжаютъ кровь какими-то неизвѣстными еще химическими началами, поддерживающими и возбуждающими нормальную дѣятельность нашей нервной и мышечной системъ. Всѣ эти и тому подобныя соображенія давно уже привели Броунъ-Секара къ мысли, что слабость старческая можетъ отчасти зависѣть отъ постепеннаго ослабленія дѣятельности воспроизводительныхъ железъ, и еще въ 1869 году на своихъ лекціяхъ въ парижской медицинской школѣ онъ заявлялъ, что если бы возможно было вводить въ вены старцевъ оплодотворяющій сокъ, добытый у сильной зрѣлой собаки, то получалось бы, вѣроятно, повышеніе ослабленныхъ силъ ихъ. Въ 1875 году имъ сдѣланы были предварительные опыты на старыхъ собакахъ съ введеніемъ имъ въ кровь оплодотворяющей жидкости отъ молодыхъ собакъ, и авторъ утверждаетъ, что получены были весьма рѣзкіе результаты.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Броунъ-Секару, подъ понятными вліяніями увлеченія искусственными прививками, пришла идея дѣлать старымъ животнымъ подкожныя инъекціи воднаго экстракта оплодотворяющихъ железъ, взятыхъ у юныхъ, бодрыхъ животныхъ. Послѣ предварительныхъ опытовъ, произведенныхъ на старыхъ кроликахъ и доказавшихъ, во-первыхъ, безвредность этого пріема и, во-вторыхъ, его дѣйствительную полезность, онъ рѣшился воспроизвести эти подкожныя инъекціи на самомъ себѣ.

Броунъ-Секару 72 года. За послѣднія 10—12 лѣтъ онъ крайне ослабъ. 15 мая 1889 года онъ сдѣлалъ себѣ около 10 инъекцій экстракта половыхъ железъ, взятыхъ у молодыхъ сильныхъ собакъ или у морскихъ свинокъ. Экстрактъ фильтровался сквозь фильтръ Шамберленъ-Пастёра. До инъекцій Броунъ-Секаръ

былъ такъ слабъ, что онъ не могъ стоять болѣе $^1/_2$ часа и отъ усталости садился и всегда послѣ труда чувствовалъ себя истощеннымъ; сонъ былъ скверный и не освѣжалъ его. На слѣдующій день послѣ инъекцій и вслѣдъ за слѣдующими пятью онъ почувствовалъ рѣзкій подъемъ силъ и къ 1 іюня, т.-е. спустя 15 дней, въ немъ возстановились всѣ силы и способности, которыми онъ обладалъ въ давно минувшее время; физическій и умственный трудъ самый упорный не утомлялъ его и т. д. Онъ вновь бѣгомъ поднимался на лѣстницы; сила рукъ увеличилась съ 32 килограм. на 41 килограммъ. Всѣ акты выведенія изверженій окрѣпли, усилились, также какъ и другія способности, свойственныя молодости.

Изъ фактовъ этихъ Броунъ-Секаръ заключилъ, что всѣ акты, зависящіе отъ дѣятельности центральной нервной системы, головного и спинного мозга, улучшились, окрѣпли послѣ инъекцій. Послѣдняя инъекція была сдѣлана 4-го іюня. Въ теченіе почти четырехъ недѣль въ немъ поддерживалось это улучшеніе, которое упорно сохранялось. Но постепенно, хотя и быстро оно начало исчезать и къ 3-му іюля, т.-е. спустя два мѣсяца послѣ первой инъекціи, къ нему возвратились вполнѣ вся слабость и все то состояніе, въ которомъ онъ находился передъ инъекціями. Полученное улучшеніе Броунъ-Секаръ объясняетъ не самовнушеніемъ и не возбуждающимъ дѣйствіемъ инъекцій на нервную систему, такъ какъ улучшеніе длилось черезъ-чуръ долго,—такъ напр., улучшеніе акта дефекаціи поддерживалось въ теченіе почти 5 мѣсяцевъ послѣ инъекцій,—и онъ сводитъ все дѣло на улучшеніе при этомъ питанія и возстановленія въ особенности нервныхъ центровъ, и такимъ дѣйствіемъ обладаютъ не форменные элементы, а жидкія части, выработываемыя половыми железами.

Д-ръ Варіо повторялъ эти инъекціи на трехъ старикахъ, изъ которыхъ одному было 68 лѣтъ. Результаты превзошли по немъ всѣ ожиданія: получилось полное возстановленіе мышечной силы, нервной энергіи и воспроизводительныхъ способностей. На долго ли, однако—о томъ авторъ не говоритъ, такъ какъ субъекты наблюдались всего двѣ недѣли. Варіо дѣлалъ и контрольные опыты съ впрыскиваніемъ просто воды, окрашенной кровью; эффектовъ не получалось никакихъ.

Д-ръ Лумисъ изъ Нью-Іорка дѣлалъ опыты надъ нѣкоторыми больными и получалъ иногда улучшеніе. Д-ръ Геммондъ произвелъ 9 наблюденій съ инъекціей этого сока, изъ которыхъ въ одномъ только случаѣ была неудача, во всѣхъ же остальныхъ результатъ превзошелъ ожиданія—слабость исчезла и въ особен-

ности усиливалась ослабленная передъ тѣмъ дѣятельность сердца. Д-ръ Бреннеръ изъ Америки испробовалъ методъ на 25 женщинахъ и мужчинахъ; всѣ почти съ прекраснымъ результатомъ. Д-ръ Вилленёвъ недавно опубликовалъ свои наблюденія въ этомъ направленіи изъ Марселя. Ему удавалось даже улучшить состояніе одного 90-лѣтняго старца, у котораго возстановились силы послѣ инъекцій.

Интересно, что экстрактъ мужскихъ половыхъ железъ вліяетъ также и на женщинъ, но Вилленёвъ впервые воспользовался экстрактомъ изъ женскихъ половыхъ железъ, т.-е. изъ яичниковъ животныхъ, и впрыскиваніемъ его подъ кожу ослабленнымъ лѣтами и болѣзнями женщинамъ получалъ замѣчательное возстановленіе силъ и функцій.

Такъ какъ Броунъ-Секаръ считаетъ все-таки благотворные результаты его инъекцій преходящими, то онъ и предлагаетъ повторять ихъ для постояннаго поддержанія силъ и функцій черезъ каждые 2—3 или 4 мѣсяца. Инъекціи же должны быть повторяемы черезъ каждые два дня въ теченіе двухъ или трехъ недѣль.

Спрашивается теперь: насколько цѣлесообразна эта метода съ точки зрѣнія продленія жизни? Каждому ясно, прежде всего, что это та же своеобразная форма герокомики, разобранной нами выше. Разработка этого метода находится, конечно, еще впереди, и хотя онъ и подаетъ теперь нѣкоторыя надежды, не слѣдуетъ однако забывать, что способъ существуетъ пока лишь въ совершенно грубой формѣ. Впрыскивается сырая, не стерилизованная масса, могущая служить переносчицей различныхъ болѣзней отъ животныхъ къ человѣку. Во-вторыхъ, пока нѣтъ и не можетъ быть никакихъ указаній насчетъ возможности продленія этими инъекціями жизни. Возможно, что будетъ достигнутъ какъ разъ противоположный результатъ, а именно сокращеніе ея вслѣдствіе искусственнаго многократнаго возбужденія и тѣмъ самымъ болѣе быстраго истощенія силъ ослабѣвающаго отъ старости организма.

Извѣстно, что возбужденіе умирающихъ нервовъ или центровъ только ускоряетъ ихъ смерть. И наконецъ, кому могутъ быть пока извѣстны послѣдствія, которыя могутъ вызвать повторныя черезъ каждые два мѣсяца инъекціи экстрактовъ половыхъ железъ кроликовъ, барановъ, морскихъ свинокъ— на потомство человѣка. А какъ вдругъ потомство это станетъ уродливымъ или начнетъ пріобрѣтать какіе-нибудь бараньи, кроличьи или свиные наклонности и инстинкты? Нѣтъ, лучше подождать увле-

каться всѣмъ этимъ и лучше, еслибы самъ Броунъ-Секаръ и его послѣдователи изучили прежде всего фундаментально этотъ способъ на животныхъ и только потомъ, запасшись точными свѣдѣніями, начали бы оказывать помощь человѣчеству.

Пока же будемъ руководствоваться для продленія нашей жизни тѣми правилами, которыя вытекаютъ прямо изъ естественныхъ, физіологическихъ условій жизни нашего организма. Въ нихъ кроются источники раціональнаго метода продленія нашей жизни.

Вотъ основныя начала физіологической дѣятельности организма, нарушеніе которыхъ ведетъ къ разстройству и къ преждевременной гибели его:

I. Усиленная функція какъ всего организма, такъ и отдѣльныхъ органовъ ведетъ къ органическому перерожденію ихъ и къ утратѣ функцій.

II. Абсолютный покой ихъ ведетъ также къ перерожденію и къ ослабленію и утратѣ функцій, и слѣдовательно—

III. Извѣстная, опредѣленная перемежка работы и покоя есть необходимое условіе нормальной жизни.

IV. Для поддержанія здоровья организма требуется равномѣрное упражненіе всѣхъ его функцій. Работа духа не должна заглушать тѣлесныхъ мышечныхъ отправленій—и наоборотъ. Только равномѣрнымъ упражненіемъ всѣхъ способностей организма и можетъ поддерживаться та гармонія отдѣльныхъ частей его, при которой мыслима долгая жизнь.

V. Въ юности и зрѣломъ возрастѣ, когда созидательныя силы организма находятся въ полной силѣ, нарушенія правильныхъ функцій органовъ легко еще возстановляются своевременными гигіеническими мѣрами. Въ старости же и преклонномъ возрастѣ, при ослабленіи созидательныхъ силъ и ихъ постоянномъ изсяканіи, слѣдуетъ несравненно менѣе обременять органы тѣла работой, во избѣжаніе ихъ переутомленія, истощенія, уже почти непоправимаго и ускоряющаго роковой финалъ. Итакъ, съ ослабленіемъ силъ организма отъ старости слѣдуетъ все болѣе и болѣе облегчать работу, выпадающую на долю каждаго органа въ тѣлѣ, какъ мышечную, такъ и умственную, пищеварительную и выдѣлительную.

VI. Сравнительный душевный покой, отстраненіе рѣзкихъ душевныхъ волненій, въ особенности въ старости, являются однимъ изъ существенныхъ условій правильнаго теченія тѣлесныхъ функцій тѣла.

Вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ зиждется долговѣчность человѣка. Всѣмъ этимъ физіологическимъ положеніямъ

отвѣчаетъ умѣренный, регулярный образъ жизни человѣка. Онъ наиболѣе всего отвѣчаетъ экономизированію силъ человѣка, и чѣмъ болѣе приближается старость, чѣмъ болѣе проникаемъ мы въ глубь преклоннаго возраста, тѣмъ мы должны становиться умѣреннѣе и тѣмъ регулярнѣе должна становиться жизнь.

Умѣренности долженъ придерживаться человѣкъ не только въ своей дѣятельности, но и въ функціяхъ питанія, выдѣленія и воспроизведенія. Безъ умѣренности наступаетъ быстрое истощеніе организма съ послѣдовательнымъ ослабленіемъ силъ и перерожденіемъ органовъ. Регулярный образъ жизни экономизируетъ силы организма потому, что регулярность ведетъ къ привычности, а привычность ослабляетъ напряженія организма при совершеніи тѣхъ или другихъ функцій и, слѣдовательно, уменьшаетъ расходъ силъ.

Краснорѣчивымъ примѣромъ всему сказанному можетъ служить знаменитый своею жизнью Корнаро, родившійся въ Венеціи въ 1467 и умершій въ 1566 году. Онъ не дожилъ всего нѣсколько дней до столѣтія и это былъ человѣкъ безъ наслѣдственной долговѣчности, хилый, больной, расшатавшій къ 40 годамъ своей жизни весь свой организмъ, благодаря неумѣренной, невоздержной молодости. Послѣ того, какъ врачи присудили его почти къ смерти, онъ съ 40 лѣтъ рѣшился измѣнить радикально весь образъ жизни и вести самую скромную и регулярную жизнь.

Чтобы дать понятіе о степени умѣренности, укажемъ на суточную діэту его, состоявшую изъ 24 лотовъ пищи и 24 лотовъ вина. Онъ избѣгалъ употребленія пищи, не переносившейся имъ хорошо, велъ умѣренно дѣятельную жизнь и избѣгалъ всякихъ огорченій и волненій, занимаясь чтеніемъ любимыхъ авторовъ, сочиняя комедіи и трагедіи, которыя онъ писалъ еще въ 90-хъ годахъ своей жизни. По мѣрѣ углубленія въ старость, онъ все болѣе и болѣе ограничивалъ свою діэту и былъ постоянно веселъ и здоровъ до конца своихъ дней. Умѣренность въ пищѣ и питьѣ была главнымъ орудіемъ, которымъ онъ боролся при всякихъ заболѣваніяхъ, и своей выдержкой онъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Въ своихъ статьяхъ и публичныхъ чтеніяхъ онъ старался пропагандировать свой методъ продленія жизни и даже въ настоящее время его сочиненіе объ этомъ предметѣ въ высокой степени поучительно для всѣхъ людей, желающихъ дожить до глубокой, здоровой и бодрой старости. Имѣя передъ собою примѣръ Корнаро, легко понять, почему долговѣчность является удѣломъ чуть ли не бѣднѣйшихъ классовъ общества. Тутъ жизнь бываетъ поневолѣ умѣренной.

Если, однако, мыслима невольная умѣренность, то почему же невозможна и произвольная умѣренность, могущая сохранять намъ жизнь на долгіе годы. Все дѣло въ силѣ воли человѣка, управляющей его жизнью. Итакъ, вмѣсто всякихъ эликсировъ, магнетизмовъ и подкожныхъ впрыскиваній лучшимъ пока регуляторомъ долговѣчности можетъ служить воля человѣка, руководящаяся знаніемъ истинныхъ потребностей жизни. А потрудиться есть изъ-за чего, если вспомнить, что долгая жизнь можетъ быть не только намъ пріятна самимъ, но и гарантируетъ въ извѣстной мѣрѣ наслѣдственную долговѣчность нашихъ прямыхъ потомковъ. Еслибъ, наконецъ, почему бы то ни было обществу понадобились люди, отличающіеся своей исключительной долговѣчностью, напримѣръ столѣтніе старцы, то лучшимъ и наиболѣе вѣрнымъ пріемомъ былъ бы, конечно, подборъ родичей, отличающихся этимъ свойствомъ. Какъ путемъ подбора уже получились великаны роста, такъ тѣмъ же путемъ могли бы развестись и великаны долговѣчности.

Ив. Тархановъ.

ПРІЮТЫ ДЛЯ НАЙДЕНЫШЕЙ

въ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ

Въ виду сознанной у насъ непригодности большихъ заведеній для поддержки жизни дѣтей въ первые годы существованія, интересно изслѣдовать, что̀ сдѣлано на этомъ поприщѣ Соединенными Штатами. Въ результатѣ личныхъ наблюденій надъ дѣйствіями пріютовъ для дѣтей младшаго возраста въ Нью-Іоркѣ и переписки съ руководителями подобныхъ учрежденій въ другихъ крупнѣйшихъ городахъ союза у меня собралось довольно большое количество данныхъ, имѣющихъ интересъ въ качествѣ образчика того, что̀ получалось при томъ или иномъ способѣ распоряженій малыми дѣтьми. Въ одномъ изъ небольшихъ дѣтскихъ пріютовъ Нью-Іорка смертность дѣтей доведена до почти невѣроятно малой цифры $3^{87}/_{100}$ %; этотъ фактъ представлялся намъ уже самъ по себѣ достойнымъ вниманія; весьма также любопытна постановка дѣла въ единственномъ большомъ пріютѣ найденышей въ Соединенныхъ Штатахъ, въ нью-іоркскомъ пріютѣ сестеръ милосердія St. Vincent of Paul, гдѣ, благодаря самоотверженной дѣятельности одной умной и энергичной женщины, удается въ значительной степени нейтрализировать вредныя воздѣйствія скученности дѣтей и гдѣ, несмотря на большіе размѣры заведенія, достигаютъ столь хорошихъ результатовъ, что общая смертность пріютскихъ дѣтей за истекшій годъ равнялась 19%.

I.

Въ видѣ образца того, какъ хорошо умѣютъ американцы вести полезныя учрежденія, ничего не дѣлая „на показъ", мы прежде всего остановимся на весьма интересномъ учрежденіи — дѣтскомъ пріютѣ, носящемъ названіе New York Infant Asylum, помѣщающемся въ простомъ и довольно-таки ветхомъ деревянномъ трехъ-этажномъ домѣ на углу 61-й улицы и десятой авеню. Учрежденъ этотъ пріютъ младенцевъ еще въ 1865 году, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ преобразованъ и вотъ уже семнадцатый годъ существуетъ при новыхъ порядкахъ, дающихъ результаты самые удовлетворительные. Состоявшая на дежурствѣ въ день посѣщенія мною пріюта молодая женщина-врачъ сообщала мнѣ, что въ самомъ зданіи пріюта годовая смертность достигаетъ лишь $3^{87}/_{100}$ %, что̀ она приписываетъ главнымъ образомъ тому, что кормилицами при новорожденныхъ оставляются почти всегда ихъ собственныя матери и всѣ дѣти ежедневно подвергаются осмотру врача. Весьма немногія дѣти вскармливаются искусственными способами, и то лишь опытными, обученными дѣлу сидѣлками. Пріютъ собственно состоитъ изъ двухъ отдѣленій, городского и сельскаго, помѣщающагося въ пригородномъ мѣстечкѣ Mount Vernon; при городскомъ отдѣленіи находится притомъ и родильный домъ. Когда рожденныя въ этомъ учрежденіи дѣти достигаютъ четырехъ-недѣльнаго или шести-недѣльнаго возраста, ихъ вмѣстѣ съ матерями ихъ отправляютъ въ сельское отдѣленіе; тѣ же дѣти, которыя присылаются въ пріютъ извнѣ, переводятся въ сельское отдѣленіе по истеченіи двухъ-недѣльнаго пребыванія въ городскомъ пріютѣ. Въ Mount Vernon дѣти не скучены въ одномъ зданіи, а расположены въ отдѣльныхъ деревянныхъ павильонахъ, благо земля въ деревнѣ дешева, причемъ госпиталь совершенно отдѣленъ отъ помѣщеній для здоровыхъ дѣтей, и выздоравливающія помѣщены въ Sanitarium, вдали отъ шума и запаха больничныхъ палатъ.

Пріютъ состоитъ подъ руководствомъ строгихъ протестантовъ, чѣмъ, вѣроятно, и приходится объяснить ту атмосферу замкнутости и нетерпимости, которыми пропитанъ самый воздухъ этого полезнаго заведенія. Такъ, между прочимъ, дежурная женщина-врачъ съ большою твердостью заявила мнѣ, что учрежденіе это разсчитано на помощь заблуждающимся, а отнюдь не на потворство безнравственности, и что потому въ него незамужнія женщины принимаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ими впервые ожи-

дается ребенокъ; передъ тѣми же, которыхъ постигаетъ невзгода подобнаго рода уже не впервые, учрежденіе это рѣшительно запираетъ двери свои, никогда не допуская никакихъ исключеній. Принципы руководителей учрежденія такъ общеизвѣстны, что число найденышей, поступающихъ въ него, самое незначительное.

Поступать въ пріютъ могутъ женщины по исполненіи седьмого мѣсяца беременности; платы съ неимущихъ не берется никакой; но зато каждая обязана проработать въ учрежденіи три мѣсяца послѣ родовъ и тогда еще, уходя, должна унести съ собою ребенка. Если же она прослужитъ въ учрежденіи цѣлый годъ, то можетъ оставить тамъ своего ребенка и вновь взять его, когда ему исполнится четыре года. Тѣ же самыя правила держатся и для замужнихъ женщинъ, не имѣющихъ средствъ платить за содержаніе свое въ пріютѣ. Большинство рожденныхъ въ пріютѣ дѣтей, какъ поясняла мнѣ дежурная женщина-врачъ, уносятся ихъ матерями по истеченіи трехъ-мѣсячнаго срока отъ рожденія ихъ. Кромѣ матерей, въ пріютѣ имѣется также и нанятая прислуга, сидѣлки, двое живущихъ въ домѣ врачей, а въ экстренныхъ случаяхъ призываются спеціалисты-медики со стороны. Дежурная женщина-врачъ съ большою предупредительностью отвѣчала на всѣ мои вопросы, обѣщала доставить мнѣ и оффиціальный годовой отчетъ о пріютѣ, но на высказанное мною желаніе осмотрѣть пріютъ и дѣтей отвѣчала отказомъ и подъ такимъ пустымъ предлогомъ, что было очевидно, что ни дѣтей, ни помѣщенія показывать не принято. Чему приписать такую не-американскую скрытность,—рѣшить не берусь. Понятно было бы, еслибъ отказъ мотивированъ былъ нежеланіемъ впускать постороннихъ въ заведеніе, служащее убѣжищемъ для нѣкоторыхъ женщинъ, не желающихъ оповѣщать о своемъ въ немъ пребываніи; но этого мнѣ сказано не было. Притомъ значительное число питомцевъ мнѣ удалось видѣть при входѣ и при выходѣ изъ пріюта; они находились при матеряхъ и сидѣлкахъ, расположившихся на нижней верандѣ пріюта, во дворѣ, огороженномъ отъ улицы одною рѣшеткой: сидѣли эти женщины въ виду всѣхъ прохожихъ; сюда же выходили и тѣ, которыя лишь ожидали дѣтей. Всѣ эти группы ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ группъ женщинъ и дѣтей, которыхъ можно въ лѣтній день застать на ступенькахъ крыльца любого дома въ бѣдныхъ кварталахъ города: онѣ разговаривали и смѣялись, нимало, повидимому, не стѣсняясь пребываніемъ своимъ въ пріютѣ.

За послѣднія двѣнадцать лѣтъ New York Infant Asylum давалъ убѣжище несравненно большему числу матерей съ дѣтьми,

роженицъ и подкидышей, чѣмъ того можно было бы ожидать, судя по скромному виду этого учрежденія. Правда, большинство ихъ при первой возможности переправляется въ деревню въ Mount Vernon.

Такъ, за	1878	годъ	въ	немъ	перебывало	вообще	580	женщинъ и дѣтей
„	1879	„	„	„	„	„	598	
„	1880	„	„	„	„	„	661	
„	1881	„	„	„	„	„	862	
„	1882	„	„	„	„	„	878	
„	1883	„	„	„	„	„	928	
„	1884	„	„	„	„	„	984	
„	1885	„	„	„	„	„	1.059	
„	1886	„	„	„	„	„	1.198	
„	1887	„	„	„	„	„	1.165	
„	1888	„	„	„	„	„	1.259	
„	1889	„	„	„	„	„	1.213	

За послѣдніе года численность женщинъ и дѣтей держалась въ обоихъ отдѣленіяхъ, сельскомъ и городскомъ, въ слѣдующей приблизительно пропорціи:

къ 1	января	1885	года	было	188	женщинъ,	277	дѣтей.	Итого	465	человѣкъ.
„ 1	„	1886	„	„	216	„	316	„	„	532	„
„ 1	„	1887	„	„	236	„	366	„	„	602	„
„ 1	„	1888	„	„	203	„	374	„	„	577	„
„ 1	„	1889	„	„	229	„	389	„	„	618	„

Въ іюнѣ настоящаго 1890 г., въ день моего посѣщенія городского отдѣленія пріюта на углу 61-ой улицы и 10-ой авеню, въ немъ находилось 70 дѣтей и 92 женщины. Въ городскомъ отдѣленіи численность женщинъ преобладаетъ, такъ какъ родильный домъ находится при немъ же, тогда какъ въ сельское отдѣленіе въ Mount Vernon препровождаютъ прямо многихъ изъ дѣтей, попадающихъ въ пріютъ безъ матерей.

Изъ какихъ же источниковъ почерпается сумма, необходимая на содержаніе стольких людей, изъ которыхъ большинство не имѣетъ средствъ за что-либо платить? Собственность движимая и недвижимая учрежденія исчисляется въ 185.000 долларовъ; за истекшій годъ города Нью-Іоркскаго графства удѣлили пріюту до 76.000 дол., а до 5.400 дол. получено путемъ частныхъ пожертвованій и по духовнымъ завѣщаніямъ, что съ оставшимися отъ предшествовавшаго года деньгами и пошло на покрытіе расходовъ въ 90.610 дол., какіе потребовались на содержаніе пріюта. Должно отмѣтить, что посреди всѣхъ расходовъ жалованье лицамъ, служащимъ при учрежденіи (включая сюда и медиковъ), исчислялось всего въ 4.100 долларовъ за годъ. Что медицинскій уходъ не

ь, однакоже, многаго желать, явствуетъ изъ того, что за 1889 годъ въ городскомъ отдѣленіи пріюта перебывало овѣкъ женщинъ и дѣтей, а смертность среди нихъ была значительная; умерла одна женщина и 14 человѣкъ дѣже двухъ лѣтъ, такъ что смертность дѣтей равнялась 37 процента. Не столь хорошо обходилось дѣло въ прaъ, сельскомъ отдѣленіи пріюта: тамъ въ первыхъ мѣсяца была скарлатина и коклюшъ, и когда тамъ умерла а женщина, дѣтей померло 83 человѣка, т.-е. смертность нялась 15,34 процента.

дъ и графство Нью-Іорка уплачиваетъ этому пріюту по овъ въ день на каждаго ребенка, принятаго и содержаэтомъ учрежденіи; на каждую родильницу пріютъ изъ источника получаетъ единовременно по 25 долларовъ, а ую мать, остающуюся въ пріютѣ кормилицей при ребенкѣ графство и городъ сообща уплачиваютъ пріюту по 18 ь въ мѣсяцъ. При этомъ постановленіи присовокуплена, , оговорка, что ни одна изъ матерей, остающихся при кормилицами, не можетъ получать на свою долю вышеой отъ графства платы долѣе, чѣмъ въ теченіе одного

какъ при сельскомъ отдѣленіи пріюта, куда переводятъ тей свыше двухъ лѣтъ, какъ состоящихъ при матеряхъ, безъ оныхъ, учрежденъ дѣтскій садъ и школа, то этотъ имѣетъ также долю въ школьномъ фондѣ графства и гою-Іорка.

дополнительнаго отчета пріюта видно, что по послѣдней дѣтей, произведенной 31-го октября 1889 года, въ немъ ихъ 384, изъ которыхъ 379 содержались на общественги, за плату 38 центовъ въ день на каждаго, а пятеро ись на деньги родныхъ или опекуновъ, причемъ за одного й платилось 75 долларовъ въ годъ, а за остальныхъ чепо 100 долларовъ на годъ.

лая экономія соблюдается учрежденіемъ и на той раторая справляется женщинами, поступающими въ учрежсѣхъ способныхъ нести такой трудъ тотчасъ приспособъ какому-нибудь дѣлу по хозяйству, уборкѣ комнатъ, или шитью. За 1889 годъ въ городскомъ (меньшемъ) отдѣіюта сшито 3.059 штукъ одежды, а въ сельскомъ отдѣготовлено 16.028 штукъ. За однимъ лишь исключеѣ сидѣлки при пріютѣ набирались изъ тѣхъ женщинъ, пришедши каждая въ свое время искать убѣжища въ

пріютѣ для себя и для своего ребенка, остались затѣмъ въ учрежденіи, обучились въ немъ уходу за дѣтьми и больными отъ профессіональныхъ сидѣлокъ и врачей и теперь прекрасно исполняютъ свое дѣло.

Что же касается до пріютскихъ дѣтей, то за истекшій 1889 годъ изъ нихъ усыновлено восемнадцать человѣкъ въ самомъ городѣ и окрестностяхъ Нью-Іорка, и за ними, какъ и за остальными дѣтьми, оставившими пріютъ, установленъ постоянный надзоръ посредствомъ добровольныхъ, но постоянныхъ „посѣтителей" обоего пола, которые регулярно отдаютъ часть своего досуга на то, чтобы обходить дома, въ которыхъ имѣются пріемыши, подмастерья, ученики и ученицы изъ питомцевъ пріюта. За питомцами своими пріютъ имѣетъ надзоръ вплоть до достиженія ими совершеннолѣтія, которое для дѣвушекъ полагается въ 18 лѣтъ, а для мужчинъ въ 21 годъ.

Въ вѣденіе этого пріюта поступаютъ или сироты, или же дѣти такихъ родителей, которые положительно не имѣютъ средствъ содержать ихъ, и въ такихъ случаяхъ они передаются въ полное вѣденіе пріюта по письменному согласію на то тѣхъ, на чьемъ попеченіи ребенокъ обрѣтается. Эти постановленія плохо согласуются съ тѣмъ правиломъ пріюта, по которому женщина, поступившая добровольно въ пріютъ, обязана прослужить въ немъ кормилицей или прислугой цѣлый годъ для того, чтобы имѣть право, уходя, оставить при немъ своего ребенка. Очевидно, такой женщинѣ стоитъ лишь отказаться отъ тайны—весьма притомъ плохо соблюдаемой—своего пребыванія въ пріютѣ и письменно отречься отъ своего ребенка, чтобъ открыть ему доступъ если не въ этотъ Infant Asylum, то въ муниципальный пріютъ, который помѣщается на Randall Island.

Что же касается до подкидышей и найденышей, доставляемыхъ въ пріютъ полиціей и другими путями, то примѣты и условія нахожденія ихъ пріютскій совѣтъ (состоящій изъ 17 членовъ) публикуетъ въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ", и если ихъ родителей или родственниковъ не окажется, или если они и объявятся, но не будутъ утверждены въ правахъ мировымъ судьею, то такія дѣти поступаютъ въ полное распоряженіе пріюта. Не мѣшаетъ отмѣтить то, что родные каждаго ребенка, по достиженіи имъ трехъ-лѣтняго возраста, могутъ ходатайствовать въ пріютѣ объ выдачѣ имъ этого ребенка, представя, конечно, доказательства своихъ правъ на него. Эти просьбы постановлено уважать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда родные ребенка, по справкамъ, оказываются людьми, которымъ довѣрить ребенка не опасно

и которые способны за нимъ присмотрѣть; за время содержанія такого ребенка въ пріютѣ совѣтъ постановляетъ взыскать съ родителей, родственниковъ или другихъ его опекуновъ вознагражденіе въ тѣхъ размѣрахъ, которые совѣту представятся соотвѣтствующими. Подростающихъ дѣтей начальство пріюта отдаетъ въ услуженіе или на выучку какому-нибудь ремеслу, на томъ уговорѣ, чтобы хозяева не смѣли передавать ученика на выучку никому другому и доставляли бы въ пріютъ каждые полгода письменное сообщеніе о томъ, какъ довѣренный имъ ребенокъ преуспѣваетъ, какъ себя ведетъ, посѣщаетъ ли школу, и проч.

Конечно, пріютъ оставляетъ за собою право брать своего питомца отъ хозяевъ, плохо съ ними обращающихся: лишь только отъ кого-либо поступаетъ въ пріютъ жалоба на плохое обращеніе хозяина съ питомцемъ, дѣло не медля разслѣдуется и отдается на рѣшеніе мирового судьи, если хозяинъ не соглашается добромъ отпустить ввѣреннаго ему ребенка.

Вообще говоря (за исключеніемъ оговорки насчетъ недопущенія въ пріютъ женщинъ, имѣвшихъ уже до того незаконныхъ дѣтей), вступленіе въ этотъ пріютъ такъ же свободно отъ формализма, какъ и вообще вступленіе во всѣ учрежденія того же характера въ странѣ. Первое правило допущенія въ пріютъ постановляетъ, что въ него допускаются лишь жительницы города или графства Нью-Іорка; изъ другихъ графствъ того же штата женщины допускаются лишь со спеціальнаго разрѣшенія совѣта, а изъ другихъ штатовъ не допускаются вовсе. Конечно, несмотря на установленную провѣрку показаній являющихся женщинъ, имъ иногда удается обманомъ вступать въ учрежденіе, пріѣзжая и изъ другихъ мѣстъ, но обманы такъ немногочисленны, что ихъ не стоитъ почти принимать въ разсчетъ. Пріютскій совѣтъ имѣетъ право допускать уклоненіе отъ правилъ, установленныхъ для вступленія въ пріютъ, и онъ широко пользуется этимъ правомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда есть свободныя мѣста, что̀, впрочемъ, случается рѣдко. Ничто, какъ мнѣ представляется, не мѣшаетъ и женщинамъ, не подходящимъ подъ рубрику тѣхъ, для кого предназначается пріютъ, вступать въ него, если только онѣ рѣшатся покривить совѣстью и заявить, что прижили ожидаемаго ими второго или третьяго ребенка въ законномъ бракѣ, но принуждены, за бѣдностью и отсутствіемъ мужа, ушедшаго на заработки, прибѣгать подъ кровъ пріюта. И въ чемъ собственно разница между такими женщинами и тѣми, которыя сочетаются „законнымъ“ бракомъ послѣ полудюжины столь же „законныхъ“ разводовъ?

II.

Болѣе посчастливилось мнѣ при осмотрѣ муниципальныхъ дѣтскихъ учрежденій расположенныхъ на Randall Island, что на Исть-Риверѣ, противъ сто-двадцатой и выше лежащихъ улицъ города: на пароходѣ, перевозящемъ пассажировъ отъ дока 23-ой улицы къ острову, я сошлась съ однимъ благотворительнымъ дамскимъ протестантскимъ кружкомъ—членами St. Elisabeth Guild; задачей себѣ это общество поставляетъ то, чтобы навѣщать заключенныхъ въ тюрьмахъ, больныхъ въ госпиталяхъ, стариковъ и дѣтей въ пріютахъ и при этомъ привозить имъ съ собою угощеніе. Въ этомъ случаѣ около дюжины членовъ общества—и пожилыя женщины, и молоденькія дѣвушки—отправлялись угощать дѣтей, слабоумныхъ и идіотовъ, помѣщающихся на Рандаль-Айландъ, пославъ туда напередъ коробá съ припасами черезъ одну изъ компаній по перевозкѣ кладей. На этотъ островъ члены общества ѣздятъ раза по три въ годъ и потому могли дать мнѣ касательно его много разъясненій; главное же удобство для меня оказалось въ томъ, что я могла обходить многочисленныя учрежденія, разбросанныя на обширномъ пространствѣ этого большого острова, въ обществѣ этихъ дамъ и приглядываться ко всему, не привлекая на себя вниманія служащихъ. Конечно, въ то учрежденіе, которое меня главнымъ образомъ интересовало—въ Infant Hospital and Foundling Asylum—этимъ посѣтительницамъ острова ходить было не за чѣмъ, такъ какъ находящихся въ немъ дѣтей ниже двухлѣтняго возраста угощать не приходилось; но тамъ мнѣ ихъ общество и не было нужно: самой можно было произвести осмотръ дѣтямъ, разспросить нянекъ и докторовъ.

Доступъ въ благотворительныя и исправительныя городскія учрежденія Нью-Іорка простъ до-нельзя. Кому бы ни вздумалось посѣтить муниципальные тюрьмы, пріюты, рабочіе дома—стоитъ лишь письменно или лично обратиться въ Department of Charities and Correction за разрѣшеніемъ, и билетъ на то выдается безъ всякихъ разспросовъ и разговоровъ: даже перевозъ туда производится на счетъ города. Два раза въ день отъ дока на 23-ей улицѣ и Истъ-Риверъ отходитъ муниципальный пароходъ Thomas Brennan, приставая ко всѣмъ островамъ этой рѣки, на которыхъ расположены почти всѣ учрежденія, состоящія въ вѣденіи „Департамента Общественнаго Призрѣнія и Исправленія“. До какой степени широка дѣятельность этого департамента, видно изъ того, что подъ его вѣденіемъ находится большинство тѣхъ четырнад-

и тысячъ дѣтей, содержаніе которыхъ всецѣло оплачивается одскими суммами. Конечно, такое огромное число дѣтей на зрѣніи города объясняется тѣмъ, что „городскихъ суммъ" то не жалѣетъ, и множество судей и другихъ оффиціальныхъ ь то-и-дѣло присуждаютъ дѣтей къ отправкѣ въ городскія ежденія, тогда какъ никто почти не считаетъ обязанностью ей ходатайствовать о выпискѣ такихъ дѣтей изъ этихъ учрежій, гдѣ онѣ являются подчасъ только предлогомъ для содерія толпы политическихъ дармоѣдовъ на хорошемъ жалованьѣ. клинъ, насчитывающій чуть ли не двѣ трети населенія, косе причисляется къ Нью-Іорку, при лучшей системѣ городо хозяйства, имѣетъ всего 1.200 дѣтей на своемъ содержаніи. На Рандаль Айландъ отправляются дѣти-бродяги, дѣти поныхъ родителей, не заботящихся о нихъ, дѣти пьяницъ, преинковъ, малолѣтніе преступники, уроды и слабоумные изъ ь семей, которыя по бѣдности не могутъ держать такихъ дныхъ членовъ семьи у себя дома. Всѣ эти дѣти распредѣя по различныхъ зданіямъ, разбросаннымъ среди садовъ, повающихъ этотъ островъ, какъ и всѣ другіе живописные острова Истъ-Риверѣ, которые такимъ образомъ, по странной игрѣ бы, вмѣсто того, чтобы служить на пользу и веселіе трудяося законолюбиваго городского люда, служатъ помѣщеніемъ подонковъ населенія въ моральномъ и физическомъ отноіи.

Въ началѣ перехода островомъ, слѣдуя въ обществѣ дамъ дiи Св. Елизаветы, я наблюдала за тѣмъ, какъ онѣ останавлись при павильонахъ, которые служатъ лѣтнимъ помѣщеніемъ оумнымъ и подросткамъ разныхъ подраздѣленій. Меня зании, признаться, немного интересовало слѣдить за тѣмъ, какъ одушно встрѣчалось появленіе этой благотворительной толпы, бы она ни заходила. Служащіе въ каждомъ павильонѣ быстро нашемъ появленіи разставляли на каждомъ столѣ тарелки для ъ, не вдаваясь ни въ какіе разговоры, тогда какъ сами члены дiи такъ же быстро и методично рѣзали торты, клали на дую тарелку по куску пирога, по ломтику мороженаго и по палочки леденцовъ и, едва взглянувъ на дѣтей, спѣшили ше. Это мнѣ представлялось легко разъяснимымъ: члены Гильспѣшили обойти всѣ учрежденія, чтобы успѣть раздать дѣтямъ щеніе до отхода послѣдней лодки и парохода въ городъ; трудъ имъ привычный, сантиментальность въ нихъ давно притуось, а искренняго отношенія къ предметамъ ихъ заботъ, за нностью, не выработалось; каждая изъ нихъ брала на себя

этотъ трудъ, тратила деньги на услажденіе досуга заключенныхъ единственно для очищенія совѣсти или въ видѣ вклада въ тотъ капиталъ, съ котораго имъ обѣщались ихъ пасторами дивиденды на томъ свѣтѣ. Прислуга же также къ такимъ посѣщеніямъ привыкла и притомъ не долюбливала этого рода посѣтительницъ: такъ, по крайней мѣрѣ, эти послѣднія сами мнѣ говорили, поясняя эту непріязнь тѣмъ, что онѣ при посѣщеніяхъ своихъ (учрежденія городскія въ извѣстные часы дня открыты для всѣхъ желающихъ ихъ посѣтить) замѣчаютъ многія упущенія, которыя ставятъ на видъ служащимъ, а тѣ этого не любятъ; прислуга же въ этихъ учрежденіяхъ, по словамъ этихъ дамъ, набирается изъ сосланныхъ на островъ бродягъ и бѣдняковъ, преимущественно изъ невѣжественныхъ католическихъ слоевъ населенія, порабощенныхъ вліяніемъ патеровъ, и она естественнымъ образомъ враждебна представителямъ протестантскихъ благотворительныхъ обществъ...

Но чего не могла я себѣ объяснить, такъ это того, почему дѣти, за исключеніемъ чрезмѣрно уже развязныхъ въ „слабоумномъ отдѣленіи“, такъ равнодушно—многія даже безучастно—относятся къ появленію въ ихъ средѣ членовъ Гильдіи Св. Елизаветы, которыя по настоящему должны бы имъ представляться чѣмъ-то въ родѣ добрыхъ фей. Лишь на немногихъ дѣтскихъ лицахъ выражалось удовольствіе; большинство тупо смотрѣло на вещи, слѣдя за приготовленіями къ угощенію, и смирно сидѣло въ ожиданіи его на стульяхъ; въ тѣхъ же палатахъ, гдѣ угощеніе было истреблено дѣтьми или еще не появлялось, дѣти—это было послѣ полудня—машинально кружились хороводами, сцѣпясь за руки, и вяло напѣвали дѣтскія пѣсни. Публичныя школы на островѣ были уже закрыты—всѣ дѣти были на-лицо; малыя дѣти всѣ были выстрижены подъ гребенку; тѣ, которыя могли сами чесаться, носили волоса какъ хотѣли; одежда была на всѣхъ чистая и не-форменная, но всѣ были какія-то вялыя, даже глаза у нихъ были какіе-то тусклые—не такъ, какъ бываютъ у живыхъ дѣтей, которыя притихли лишь на время, въ присутствіи посѣтителей, чтобъ потомъ наверстать потерянное время усиленными шалостями. Невольно приходилъ на умъ вопросъ: неужели же дѣйствительно скученность дѣтей неизмѣнно производитъ въ нихъ дурныя слѣдствія, сказывающіяся слабостью тѣла и вялостью ума, недоразвитостью духовной и моральной натуры? Притомъ удручающее дѣйствіе производила то-и-дѣло попадавшаяся намъ прислуга этихъ учрежденій—грубая, распущенная, во многихъ случаяхъ изуродованная болѣзнью, оставившею неизгладимые слѣды. Я,

однако, не видала, чтобы дѣти приходили въ прямое соприкосновеніе съ прислугой учрежденій, грубый смѣхъ и шутки которой оглашали прачешныя и кухни: въ дѣтскихъ палатахъ распоряжались смѣтливыя и расторопныя нанятыя матроны. Съ большимъ облегченіемъ перешла я въ дѣтскій госпиталь и домъ пріемышей, духъ питомцевъ котораго не могъ еще быть подавленъ тяжелымъ ярмомъ, налагаемымъ на живыхъ людей общественною и частною благотворительностью.

И дѣйствительно тамъ дышалось легче: вся атмосфера была переполнена избыткомъ досуга, притомъ даже и здѣсь отсутствовалъ формализмъ. Захваченное мною рекомендательное письмо отъ одного изъ высшихъ начальниковъ нью-іоркской полиціи сразу разбудило дремавшаго въ конторѣ чиновника, и онъ съ готовностью отвѣчалъ на всѣ мои разспросы касательно пріема дѣтей въ ихъ учрежденія, показавши мнѣ кое-какія книги дневныхъ записей, но общихъ статистическихъ свѣденій не желалъ, а можетъ быть, и не могъ мнѣ сообщить.

Зато на высказанное мною желаніе осмотрѣть палаты дѣтей пріюта отозвались съ полною предупредительностью и вызвались дать провожатаго. Отъ этого послѣдняго я, однакоже, отказалась, такъ какъ не желала производить осмотра подъ эгидою какого бы то ни было „начальства“.

Что дѣло въ городскомъ пріютѣ найденышей поставлено иначе, чѣмъ въ большинствѣ пріютовъ, гдѣ матери, покидающія дѣтей своихъ, почитаются вполнѣ отъ нихъ отрѣзанными, уяснилось мнѣ тотчасъ же по выходѣ за двери конторы зданія. Въ смежной же комнатѣ, отведенной посѣтителямъ, я застала маленькую заморыша-женщину, которая няньчила годовалаго ребенка, тогда какъ стоящая тутъ же старуха въ полосатомъ мундирномъ платьѣ городскихъ исправительныхъ учрежденій что-то причитала, покачивая головой. Оказывалось, что эта, заморенная лишеніями всякаго рода, невзрачная женщина пришла въ пріютъ навѣстить отданнаго туда своего ребенка и теперь, няньчаясь съ нимъ, повѣряла свои горести пріютской нянькѣ изъ тѣхъ женщинъ, которыя ссылаются „на островъ“ мировыми судьями за мелкіе проступки—пьянство или нищенство. Тутъ сочувствіе няньки побуждало мать ребенка сокрушаться о горькой своей участи, но когда на пристани затѣмъ я снова сошлась съ этой женщиной—природной американкой—и завела съ ней разговоръ, оказалось, что слезливый стихъ съ нея уже совершенно сошелъ, и на вопросъ мой о томъ, довольна ли она пріютскимъ уходомъ за ребенкомъ, она отзывалась о всемъ свысока, говоря, что „нанятыя“

сидѣлки зазнаются, но что она своего ребенка ихъ порядкамъ не довѣряетъ, а дала нѣсколько центовъ нянькѣ, чтобы обезпечить спеціальный уходъ за ребенкомъ. И надо было видѣть, съ какою спѣсью это заморенное житейскими невзгодами существо говорило о подачкѣ, данной ею нянькѣ, какъ она судила о порядкахъ пріюта, совершенно притомъ основательно разсуждая, что держится пріютъ налогами съ жителей и что, значитъ, жалованье „служащимъ" при немъ идетъ отчасти и изъ ея кармана, слѣдовательно она въ правѣ и требовать съ нихъ. Враждебный тонъ проявляла эта женщина только по отношенію служащихъ, состоящихъ на платѣ; въ старухѣ же, „отбывающей свой срокъ на островѣ" въ нянькахъ, она относилась снисходительно-довѣрчиво, но слегка свысока, будто сознавая свое высшее положеніе „подавательницы подачекъ", а не получательницы ихъ.

Каждая мать, отдающая ребенка своего въ пріютъ Рандаль-Айландъ, вольна навѣщать его когда хочетъ, пока тотъ ребенокъ не отдавался кому въ пріемыши. Эта встрѣтившаяся мнѣ въ пріютѣ женщина совершенно хладнокровно говорила объ этой перспективѣ, грозящей въ скоромъ времени совершенно раздѣлить ее съ ребенкомъ, разспрашивала няньку, „смотрѣлъ" ли кто ребенка, и строила планы насчетъ того, въ какія бы руки ему лучше попасть.

Странныя черты представлялъ характеръ этой представительницы громадной массы бѣдняковъ громаднаго города—онъ представилъ бы богатый матеріалъ проницательному изслѣдователю человѣческой души, который съумѣлъ бы уразумѣть мотивы и импульсы, руководящіе этой женщиной.

Помимо этихъ матерей, навѣщающихъ своихъ дѣтей на островѣ, на немъ нерѣдко ищутъ временнаго пріюта не имѣющія средствъ прокормиться женщины съ ребенкомъ ниже двухъ-лѣтняго возраста; такихъ безъ всякаго разговора принимаютъ въ то или другое изъ дѣтскихъ учрежденій острова, даютъ матери тутъ же работу, а ребенка держатъ въ пріютѣ. Бываютъ также неимущія матери, которыя, выписываясь изъ муниципальнаго родильнаго дома (Maternity Hospital), что̀ на Blackwell Island, сосѣднемъ островѣ на той же рѣкѣ Исть-Риверъ,—соглашаются оставаться при ребенкѣ своемъ кормилицами и тогда переводятся въ пріютъ найденышей на Рандаль-Айландѣ. Здѣсь имъ поручаютъ, кромѣ своего, также и грудного питомца изъ найденышей.

Десятка два такихъ матерей-кормилицъ попалось мнѣ при обходѣ палатъ пріюта, причемъ огромное большинство ихъ составляли незадолго до того прибывшія въ штаты иностранки, плохо понимавшія англійскій языкъ: попалась даже одна исландка.

Сопровождавшая меня въ обходѣ палатъ сидѣлка-датчанка, дѣвушка весьма разумная и симпатичная, съ немалою гордостью хвалилась тѣмъ, что за пять лѣтъ своего служенія въ пріютѣ сидѣлкой она ни разу не встрѣтила въ немъ соотечественницы. Сидѣлки въ пріютѣ получаютъ по двадцати долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ и соблюдаютъ между собою очередь по денному и ночному дежурству, въ теченіе котораго въ число обязанностей ихъ входитъ приготовленіе молока для патентованныхъ склянокъ, употребляемыхъ въ видѣ подспорнаго кормленія пріютскихъ дѣтей. Каждая сидѣлка является полновластной хозяйкой своей палаты, но все же многія изъ нихъ жаловались мнѣ на то, какъ трудно имъ ладить съ матерями-кормилицами, и всѣ притомъ говорили, что безпокойнѣе всего женщины замужнія, американки и ирландки, почитающія пріютъ чуть ли не своей вотчиной.

Дѣти въ пріютскихъ палатахъ выглядѣли чисто и довольно весело; тѣ, которыя были на ногахъ, играли и возились безпрепятственно; лѣтніе дортуары въ два свѣта были свѣтлы и чисты, но не было того оттѣнка щегольства въ убранствѣ матерей и дѣтей, которое проявлялось затѣмъ на моихъ глазахъ въ пріютѣ сестеръ милосердія; да и сидѣлки относились къ дѣтямъ хотя и ласково, но какъ къ чужимъ: ни одна изъ нихъ не остановила моего вниманія на какомъ-либо облюбленномъ ребенкѣ, ни одна не проявляла и тѣни симпатіи къ женщинамъ, находившимся въ ихъ палатахъ: явно было, что и тѣ, и другія были для нихъ не чѣмъ инымъ какъ входящими и исходящими нумерами...

Изъ пріемышей лишь немногіе могли говорить, несмотря на то, что многіе достигали почти двухъ-лѣтняго предѣла своего положеннаго правилами пребыванія въ пріютѣ; вѣрно судить объ обращеніи съ ними сидѣлокъ было бы невозможно, но что въ иныхъ случаяхъ сидѣлками проявляется весьма раціональная энергія— уяснилось для меня, когда на моихъ глазахъ одинъ ребенокъ укусилъ другого и тотъ заревѣлъ. Сидѣлка, не замѣтивъ этого инцидента, не вдругъ могла сообразить, чтò причинило ревъ; когда же я ей сказала, она обратилась къ таращившему глаза на плачущаго товарища кусакѣ и спросила его, знаетъ ли онъ, какъ непріятно быть укушеннымъ, и тутъ же, взявъ его довѣрчиво протянутую къ ней руку, укусила ее до красноты; маленькій забіяка такъ тому удивился, что еще шире разставилъ глаза, и уже потомъ, сообразивъ обиду, также заревѣлъ благимъ матомъ и этимъ въ свою очередь доставилъ развлеченіе до того плакавшему отъ него товарищу.

Несмотря на царящую во всѣхъ павильонахъ чистоту, новѣй-

шихъ приспособленій для комфорта и гигіены не было замѣтно, кромѣ проведенной въ ванны воды и газоваго освѣщенія; дѣти пользовались большой свободой, проявляли даже значительную смѣтливость, порождаемую раннею независимостью, и осторожность, выработываемую опасеніемъ быстраго возмездія. Формализма и здѣсь не было видно, но съ другой стороны рутина очевидно была весьма сильна, значительно подавляя интересъ служащихъ къ дѣлу.

Очевидно было, что методы веденія дѣтей въ самомъ городскомъ пріютѣ проявляютъ мало чертъ, достойныхъ подражанія, кромѣ принятія родныхъ матерей въ кормилицы ихъ дѣтей, и потому оставалось лишь ознакомиться съ способами распредѣленія дѣтей на кормленіе въ частные дома, въ надеждѣ, что въ этой области по крайней мѣрѣ не станетъ проявляться тотъ духъ мелкаго политическаго партизанства, которое въ Нью-Іоркѣ подтачиваетъ полезность столь многихъ городскихъ заведеній общественнаго призрѣнія и исправленія.

Муниципальное управленіе Нью-Іорка всецѣло находится въ рукахъ профессіональныхъ политикановъ, преимущественно ирландскаго происхожденія, и клевретовъ могучей организаціи Таммани-Голлъ, для которыхъ вся муниципальная дѣятельность сводится къ стараніямъ кормиться самимъ насчетъ города и распредѣлять теплыя мѣстечки между своими пріятелями, благо жизнь уже такъ сложилась въ Нью-Іоркѣ, что просвѣщенные, респектабельные граждане смотрятъ сквозь пальцы на весь грабежъ и упущенія по городскому хозяйству, лишь бы только не тратить дорогого времени на искорененіе хотя бы даже самыхъ вопіющихъ злоупотребленій. Мало у кого въ Нью-Іоркѣ проявляется интересъ къ тому, какъ распоряжаются политиканы на островахъ Истъ-Ривера, занятыхъ тюрьмами, пріютами, госпиталями и исправительными заведеніями; а у тѣхъ, кому случится этимъ заинтересоваться, политиканы живо съумѣютъ отбить охоту къ изслѣдованіямъ. Объ этомъ послѣднемъ я могу засвидѣтельствовать по собственному опыту.

III.

Результаты моего посѣщенія муниципальнаго пріюта найденышей были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположны тому, что̀ я встрѣтила въ пріютѣ 61-ой улицы. Тамъ мнѣ дали подробныя объясненія, прислали отчеты, но дѣтей отказались

показать; здѣсь же мнѣ настежъ открыли двери пріюта, но этимъ и ограничились. Приступила я къ осмотру Infant Hospital и палатъ для безродныхъ и безпріютныхъ младенцевъ на Рандаль-Айландѣ 14-го іюня, и съ той поры въ теченіе шести недѣль настойчиво, но тщетно добивалась оффиціальныхъ статистическихъ отчетовъ о смертности и способахъ распредѣленія этого класса дѣтей. Въ самомъ департаментѣ „Общественнаго Призрѣнія и Исправленія" меня встрѣтили чрезвычайно любезно, открыли мнѣ доступъ во всѣ павильоны Рандаль-Айланда, обѣщали доставить всѣ свѣденія, какихъ бы я ни пожелала. Однакоже впослѣдствіи мнѣ стоило огромныхъ трудовъ добиться какого бы то ни было отчета департамента. Оказывалось, что никакихъ рѣшительно отчетовъ департаментомъ не публиковалось съ 1885 года! Въ отчетѣ же за тотъ годъ я нашла, что принято департаментомъ за 1885 годъ 482 чел., что̀ вмѣстѣ съ прежде числившимися дѣтьми составляло 929 младенцевъ, изъ которыхъ 482 принято было съ матерями; изъ нихъ умерло 329 и изъ этого послѣдняго числа 129 младенцевъ умерло при матеряхъ. Въ томъ самомъ 1885 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, была введена система отдачи малыхъ дѣтей на искусственное вскормленіе женщинамъ на дому, преимущественно въ пригородномъ графствѣ Westchester County. За пять мѣсяцевъ такимъ образомъ помѣщено 64 человѣка и изъ нихъ за тотъ же срокъ умерло 34! Въ отчеты занесено, между прочимъ, число помѣщенныхъ къ частнымъ женщинамъ дѣтей за два послѣдніе мѣсяца года, но отчета о смертности дѣтей за эти два мѣсяца уже не печаталось. Таковы оказывались результаты вскормленія дѣтей по системѣ, направляѐмой присяжными политиканами!

Когда мнѣ случилось подѣлиться моимъ открытіемъ съ однимъ нью-іоркскимъ врачомъ, имѣющимъ обширную практику, онъ мнѣ сказалъ, что это вовсе не исключительная смертность: бывали времена, когда въ департаментѣ дѣти регулярно умирали въ размѣрѣ 83% на годъ. Это сообщеніе заставило меня еще усугубить старанія раздобыться статистикой департамента, и я обратилась однимъ письмомъ къ мэру (ставленнику той же Таммани-Голлъ), а другимъ—въ департаментъ, но имѣла неосторожность присовокупить, что, къ сожалѣнію моему, нахожу въ отчетѣ за 1885 годъ лишь самыя тощія свѣденія касательно питомцевъ, раздаваемыхъ въ частныя руки (farmed out infants), тогда какъ эти-то меня главнымъ образомъ и интересуютъ. И вотъ, наконецъ, мною полученъ былъ отчетъ отъ главнаго медицинскаго инспектора дѣтскихъ учрежденій на Рандаль-Айландѣ. Отчетъ этотъ

составленъ спеціально по наказу начальства для меня и въ немъ свѣденія о дѣтяхъ въ павильонахъ и госпиталяхъ острова отсутствуютъ вполнѣ: мнѣ даются исключительно свѣденія о „farmed out infants“, которыя меня „особенно интересовали“. Приходится довольствоваться этимъ скуднымъ отчетомъ и сопровождающимъ его письмомъ главнаго врачебнаго инспектора, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что у дѣтей, помѣщенныхъ на выкормку въ частныя руки за 1889 годъ, процентъ смертности дошелъ до 60,27%, и это „вполнѣ объясняется тѣмъ фактомъ, что дѣти, поступающія къ намъ, набираются изъ тѣхъ, что̀ подбираются на улицѣ покинутыми ихъ жестокосердыми родителями; что физическое состояніе такихъ дѣтей при вступленіи въ наши учрежденія находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, и дѣти часто проявляютъ на себѣ слѣды наслѣдственныхъ болѣзней... Процентъ смертности за 1889 годъ былъ исключительно великъ. Въ теченіе 1887 годъ смертность исчислялась 33,33% и это является средней цифрою смертности нашихъ дѣтей“.

Число всѣхъ дѣтей, принятыхъ въ Infant Hospital, было 362 и стоимость содержанія составляла круглымъ числомъ до 5.800 дол., или по 40 дол. на ребенка.

Послѣднія цифры сообщенія врачебнаго инспектора очевидно не включаютъ въ себѣ жалованья, платимаго департаментомъ тѣмъ женщинамъ, которыя берутъ изъ него питомцевъ для вскормленія при своемъ собственномъ грудномъ ребенкѣ или же искусственными способами. Этимъ кормилицамъ платятъ двѣнадцать долларовъ въ первый мѣсяцъ поступленія къ нимъ питомца, изъ которыхъ два доллара полагается на добавочную одежду для младенца; а за каждый изъ послѣдующихъ мѣсяцевъ женщина получаетъ по десяти долларовъ за питомца.

Раздаютъ питомцевъ лишь женщинамъ вестчестерскаго графства, въ которомъ постоянно живетъ оффиціальный врачъ департамента, и къ нему первому является женщина, желающая принять къ себѣ питомца. Если это—кормилица, то врачъ свидѣтельствуетъ состояніе ея здоровья и молока и затѣмъ посѣщаетъ ея домъ, а если женщина желаетъ взять младенца на искусственное вскормленіе, то врачъ записываетъ ея адресъ, и если при посѣщеніи найдетъ въ ея домѣ все въ порядкѣ и чистотѣ, достаточно свѣта и воздуха и не слишкомъ много дѣтей, то онъ выдаетъ одобрительное свидѣтельство женщинѣ, съ которымъ она и является въ пріютъ найденышей на Рандаль-Айландъ. Здѣсь ей выдаютъ ребенка и заставляютъ подписать контрактъ, которымъ она обязывается кормить ребенка и держать его подъ личнымъ

мъ надзоромъ въ своемъ домѣ, снабжая его соотвѣтственной енамъ года одеждой, и проч., и проч., за плату по десяти аровъ въ мѣсяцъ. Контрактъ заканчивается инструкціями етъ того, чтобы, „въ случаѣ заболѣванія ребенка немедленно ть о томъ знать врачу департамента, который станетъ лечить нка безплатно. Въ дни выдачи жалованья, когда только воз-ю, приносить съ собою къ мѣсту выдачи жалованья и своего мца". Въ случаѣ небрежнаго ухода за ребенкомъ у жен-ı ребенка отнимаютъ и уже никогда ей другого изъ пріюта оручаютъ. За весьма незначительными и рѣдкими исключе-и, въ одинъ домъ помѣщается всего одинъ питомецъ.

)фиціальный врачъ департамента, живущій въ вестчестерскомъ ствѣ, обязанъ навѣщать каждаго изъ питомцевъ въ пріютив-его семьѣ, по меньшей мѣрѣ, по одному разу на мѣсяцъ. Изъ списка питомцевъ, сданныхъ въ частныя семьи, оказы-ся, что смертность пріемышей (моложе двухъ лѣтъ) равнялась въ 1889 г. 60,27%; но такъ какъ авторитетныя лица рода дѣятельности утверждаютъ на основаніи долголѣтней ности, что даже въ образцовыхъ дѣтскихъ пріютахъ смерт-дѣтей всегда бываетъ выше, чѣмъ въ самыхъ бѣдныхъ ныхъ семьяхъ, то позволительно предполагать, что такъ тща-ю скрываемая цифра смертности въ пріютѣ найденышей и госпиталѣ Рандаль-Айланда и на самомъ дѣлѣ недалека отъ 0 на годъ.

IV.

„Непремѣнно сходите посмотрѣть Римско-католическій пріютъ енышей"!..—совѣтовали мнѣ нѣсколько врачей, съ которыми приходилось говорить о постановкѣ воспитательныхъ домовъ Соединенныхъ Штатахъ, и я непремѣнно предполагала посѣ-этотъ пріютъ, тѣмъ болѣе, что тѣ же доктора увѣряли меня, ничего подобнаго не найду я на всемъ свѣтѣ; а эти врачи олько сами не были католиками, но и вообще были люди религіи индифферентные, а учрежденій монашескихъ они и вно не одобряли.

Это послѣднее утвержденіе приходится, однако, дѣлать съ оркою насчетъ орденовъ сестеръ милосердія, которыя берутъ себя заботу о старыхъ, малыхъ и больныхъ. Часто прихо-сь мнѣ сталкиваться съ врачами за разныя мои похожденія бѣдныхъ кварталахъ Нью-Іорка и въ общественныхъ учрежде-

ніяхъ города, и не было еще случая, чтобы врачъ не замолвилъ добраго слова о католическихъ сестрахъ, которыя избрали своею профессіей уходъ за больными и слабыми, тѣмъ болѣе, что при исполненіи своего дѣла сестры проявляютъ полную индифферентность къ религіи тѣхъ, о комъ пекутся. Мнѣ самой случилось однажды разыскивать въ Нью-Іоркѣ сидѣлку для ребенка, умиравшаго отъ дифтерита: въ данномъ случаѣ я обращалась и въ агентство, и къ епископальнымъ „діакониссамъ“, ордену сестеръ милосердія, недавно учрежденному при различныхъ протестантскихъ церквахъ, и въ больницы, но вездѣ встрѣчала одинъ отвѣтъ, что къ дифтеритному сидѣлка не пойдетъ ни за какія деньги. Не то чтобы зараза слишкомъ ихъ пугала—будь то тифъ или другая заразная болѣзнь, сидѣлки вызывались взять на себя уходъ за больнымъ за плату въ 35 долларовъ *въ недѣлю*, т.-е. по десяти рублей въ день на всемъ готовомъ—но боялись онѣ того, что въ случаѣ заболѣванія дифтеритомъ самой сидѣлкѣ не представится ни малѣйшаго шанса на выздоровленіе, такъ какъ въ такомъ богатомъ городѣ какъ Нью-Іоркъ—какъ это ни странно сказать—до сей поры нѣтъ порядочнаго госпиталя для дифтеритныхъ, и всѣхъ заболѣвающихъ этой болѣзнью и не имѣющихъ средствъ запереться и изолироваться въ своей отдѣльной квартирѣ, административнымъ порядкомъ ссылаютъ на уединенный островъ North Brother Island, что на рѣкѣ Истъ-Риверъ, въ старый, пропитанный міазмами баракъ, гдѣ больному предоставляется помирать, если и не отъ дифтерита, то ужъ, конечно, отъ оспы, которой въ томъ баракѣ можно избѣжать развѣ только чудомъ.

Я уже готова была оставить свои поиски; хотя мнѣ и совѣтовали обратиться къ одному изъ католическихъ орденовъ сестеръ милосердія, я не рѣшалась этого сдѣлать, такъ какъ мать и родные умиравшаго ребенка были строгими протестантами. Однакоже, я обратилась наконецъ и въ указанную мнѣ общину католическихъ сестеръ милосердія, находящуюся, если не ошибаюсь, на 66-ой улицѣ и Лексингтонъ-авеню, рядомъ съ доминиканскимъ монастыремъ.

Тутъ меня ожидалъ полнѣйшій сюрпризъ; вызванная мною настоятельница сообщила мнѣ, что сестры всѣ разобраны; но, услыхавъ, какъ необходимъ больному уходъ, заявила, что сейчасъ же телеграфируетъ одной изъ сестеръ, состоящихъ при выздоравливающемъ больномъ. Я освѣдомилась о цѣнѣ, полагаемой за услуги, на что мнѣ настоятельница отвѣчала, что платы сестрамъ не полагается никакой и бѣдные могутъ ничего не платить; но

отъ достаточныхъ ожидается соотвѣтственный ихъ средствамъ взносъ на пользу общины. Нѣсколько смущенная такою щедростью, я было для очищенія совѣсти заикнулась, что зову сестру къ протестантамъ, но мнѣ настоятельница категорически отвѣтила, что религія людей, прибѣгающихъ къ ихъ помощи, для сестеръ вполнѣ безразлична.

И всѣ врачи, безъ исключенія, говорятъ, что для опасныхъ случаевъ болѣзни католическія сестры являются сидѣлками идеальными; нѣкоторые лишь добавляли при этомъ, что для выздоравливающихъ болѣе полезно имѣть болѣе веселаго вида сидѣлокъ, если они не окружены своими домашними. Въ заключеніе разсказаннаго мною случая добавлю, что мать умиравшаго отъ дифтерита мальчика обрадовалась моей находкѣ, но подоспѣвшіе въ домъ ея родные до того скандализировались тѣмъ, что за ребенкомъ будетъ ходить католичка, что послали начальницѣ общины сказать, что не нуждаются въ услугахъ ея сестеръ милосердія, и оставили умирающаго безъ надлежащаго ухода, пока докторъ, чуть не силой, привезъ въ домъ (за два часа до смерти паціента) больничную сидѣлку, не посмѣвшую его ослушаться.

Такое же предубѣжденіе противъ католическихъ общинъ пришлось мнѣ встрѣтить въ изслѣдованіяхъ моихъ о постановкѣ пріютовъ для незаконныхъ дѣтей и подкидышей въ Нью-Іоркѣ,—но не со стороны мужчинъ-врачей, оффиціальныхъ начальниковъ городскихъ пріютовъ и чиновниковъ муниципальныхъ учрежденій, а со стороны наиболѣе развитыхъ служащихъ въ тѣхъ именно протестантскихъ пріютахъ, которые похваляются тѣмъ, что ихъ учрежденіе, „несмотря на строго христіанскую основу, лишено всякаго духа сектаторства". Когда въ одномъ изъ такихъ пріютовъ я замѣтила въ присутствіи дежурнаго врача о томъ, что надѣюсь собрать также свѣденія и въ католическомъ пріютѣ найденышей, молодая, хорошенькая докторша живо возразила: „Будьте увѣрены, что тамъ вы ничего не добьетесь! они не любятъ, чтобы кто изъ постороннихъ мѣшался въ ихъ дѣла... Къ тому же и смертность у нихъ ужасающая—до 50%... Впрочемъ, это было нѣсколько лѣтъ назадъ; тогда ихъ заставили улучшить санитарныя приспособленія и теперь дѣло у нихъ вѣрно нѣсколько поисправилось".

Но я тѣмъ не менѣе рѣшилась проникнуть въ католическій пріютъ, обѣщая себѣ зорко тамъ ко всему приглядываться, чтобы, по мѣрѣ возможности, проникнуть за тотъ внѣшній лоскъ формализма, который выставляется монахинями на показъ для отвода глазъ отъ интимной постановки дѣла въ ихъ учрежденіи. Ко-

нечно, я собиралась являться къ нимъ не иначе, какъ вооружась двумя-тремя рекомендательными письмами отъ вліятельныхъ и богатыхъ городскихъ католиковъ. Дѣло, однакоже, повернулось совершенно иначе.

Случилось мнѣ заѣхать въ мѣстность, гдѣ находится католическій пріютъ, въ субботу послѣ полудня; при взглядѣ на внушительный фасадъ зданія, съ его многочисленными побочными корпусами и павильонами во внутреннемъ дворѣ, мнѣ захотѣлось воспользоваться случаемъ зайти въ пріютъ, о которомъ я такъ много слышала. Со мной не случилось даже визитной карточки и я на попавшемся въ карманѣ конвертѣ написала нѣсколько строкъ, поясняя цѣль моего посѣщенія, и дала его служанкѣ съ просьбою передать начальницѣ учрежденія, сестрѣ Иринѣ.

Объ этой сестрѣ Иринѣ я много уже слышала, какъ о женщинѣ, замѣчательной по уму и энергіи, трудами и по иниціативѣ которой и возникъ этотъ громадный католическій пріютъ для подкидышей. Я, однакоже, мало надѣялась на то, что сестра Ирина меня приметъ, такъ какъ, по соображеніямъ моимъ, она должна была быть такъ стара и дряхла, что только числится во главѣ созданнаго ею учрежденія, на самомъ же дѣлѣ давно предается вполнѣ заслуженному по годамъ и трудамъ покою.

И въ самомъ дѣлѣ, болѣе двадцати лѣтъ прошло съ той поры, какъ сестра Ирина, возмущенная ежедневно попадавшимися въ мѣстныхъ газетахъ сообщеніями о нахожденіи то тутъ, то тамъ тѣлъ убитыхъ и утопленныхъ новорожденныхъ младенцевъ, добилась разрѣшенія нью-іоркскаго архіепископа на открытіе временнаго убѣжища для подкидышей. Ею нанятъ былъ маленькій домъ на 12-ой улицѣ, подъ № 17 съ восточной стороны, и 11 октября 1869 года она поселилась въ немъ съ двумя-тремя сестрами ордена St. Vincent of Paul, учрежденнаго католиками во имя святого этого имени, жившаго въ XVII столѣтіи и много въ свое время потрудившагося на пользу притѣсненныхъ и страждущихъ дѣтей. Сестры эти, впрочемъ, болѣе извѣстны подъ общимъ именемъ сестеръ милосердія.

Не успѣли онѣ расположиться въ первый разъ на ночлегъ въ новомъ домѣ, какъ уже у двери ихъ позвонили и вручили имъ перваго новорожденнаго ребенка. Тою же ночью, подъ проливнымъ дождемъ, на крыльцѣ ихъ дома оставленъ былъ другой ребенокъ; затѣмъ сестры уже выставляли на ночь за двери корзину съ пуховой подушкой, и въ теченіе мѣсяца у нихъ на рукахъ очутилось цѣлыхъ сорокъ пять человѣкъ подкидышей. А денегъ, за устройствомъ на квартирѣ, у сестеръ оставалось всего пять

ювъ—десять рублей! Но тутъ имъ пришла на помощь мо-
;кая дисциплина и выработываемая въ этого рода учреж-
вѣра въ то, что доброе дѣло никогда не остается безъ
іки. Перебиваясь со дня на день мелкими пожертвованіями
влателей, эти энергичныя женщины всѣ силы употребляли
дъ за дѣтьми и на хлопоты о болѣе прочной постановкѣ
iаго дѣла. Давно подготовляясь къ намѣченной ею дѣятель-
сестра Ирина ранѣе того посѣтила существовавшіе уже тогда
пріюты въ Вашингтонѣ и Балтиморѣ, изучила пріемы ихъ
страціи, а также ознакомилась по печатнымъ иностраннымъ
ъ съ постановкою дѣла въ Европѣ. Вдобавокъ къ тому
е много лѣтъ передъ тѣмъ состояла во главѣ одной миссіи
ордена, расположенной въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ и гряз-
ъ кварталовъ нижней части Нью-Іорка, гдѣ тѣснились
невѣжественные слои пришлаго иностраннаго населенія:
, и съ нуждой, и съ практическими требованіями жизни
овъ сестра Ирина была уже основательно знакома. Много-
ея полезная и самоотверженная дѣятельность на служе-
ному городскому люду создала ей притомъ и связи, ко-
оказались весьма полезными при открытіи новой, избран-
, наконецъ, спеціальности. Какъ женщина умная и прак-
сестра Ирина скоро сообразила, къ чьей помощи обратиться
ставленія капитала, необходимаго на утвержденіе возни-
о пріюта для дѣтей. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со
рытія маленькаго пріюта сестеръ въ Двѣнадцатой улицѣ,
еньги посыпались въ кассу сестеръ. Въ ихъ пользу из-
своимъ краснорѣчіемъ конгресмэнъ С. С. Коксъ, впослѣд-
ывшій посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Турціи и
года два назадъ, далъ публичное чтеніе, сборъ съ ко-
далъ огромную сумму, *десять тысячъ долларовъ*; затѣмъ
ый театральный антрепренеръ, Augustin Daly, далъ два
іхъ представленія, съ которыхъ въ пользу пріюта сестры
очистилось пятнадцать тысячъ долларовъ; балъ по под-
устроенный Денисомъ О'Доногю, далъ 6.500 долларовъ,
акъ нѣсколько другихъ богатыхъ католиковъ стали жертво-
четыре, по пяти и даже по десяти тысячъ долларовъ.
вали на это благое дѣло деньги и протестанты, не зара-
духомъ нетерпимости: въ американскомъ обществѣ вообще
ся твердая вѣра въ то, что деньги, жертвуемыя на дѣло благо-
и, руководимое католическими орденами, никогда не про-
ь и всегда обращаются на тотъ самый предметъ, на ко-
предназначаются: честность католическихъ общинъ, между

прочимъ, объясняется, протестантами тѣмъ, что католическіе патеры и монахини, отрѣшенные отъ всякихъ узъ семейныхъ, менѣе подвержены искушенію по части присвоенія довѣряемыхъ имъ фондовъ.

Самоотверженное служеніе католическихъ монахинь избранной имъ цѣли нашло себѣ подпору въ той настойчивости, съ которою католики вообще стоятъ за разъ начатое ими дѣло. У сестры Ирины были мощные союзники, которые не только помогли ей перевести въ 1870 году учрежденіе ея въ болѣе просторное помѣщеніе на Вашингтонскомъ скверѣ, но еще добились того, что нью-іоркское законодательное собраніе разрѣшило муниципалитету предоставить пріюту сестры Ирины большой участокъ земли въ верхней части города на постройку постояннаго пріюта для дѣтей, и въ то же время назначило 100.000 долл. на это дѣло, на томъ условіи, чтобы собрана была такая же сумма на постройку пріюта по частной подпискѣ.

Рѣшено было устроить гигантскихъ размѣровъ базаръ для собранія денегъ на этотъ предметъ, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, день за днемъ, по улицамъ Нью-Іорка разъѣзжалъ фургонъ съ большимъ колоколомъ, въ который звонили, напоминая жителямъ о томъ, чтобы они не скупились на пожертвованія въ пользу сохраненія жизни бѣднымъ, покинутымъ дѣтямъ. Базаръ, наконецъ, состоялся, и отъ него очистилось 71.500 долларовъ; послѣ такого блестящаго успѣха не представило уже большого труда набрать остальныя деньги путемъ частныхъ пожертвованій со стороны богатыхъ католиковъ.

Несмотря на этотъ успѣхъ, учрежденіе сестры Ирины долгое время находилось въ весьма нетвердомъ финансовомъ положеніи, такъ какъ законодательное собраніе безпрестанно мѣняло размѣры платы, которую оно присуждало пріюту на каждаго ребенка, состоявшаго при этомъ учрежденіи. Бывали такія времена, что сестрѣ Иринѣ—начальницѣ пріюта, для котораго уже возводилось зданіе по смѣтѣ въ двѣсти тысячъ долларовъ—приходилось занимать гроши на проѣздъ омнибусомъ, когда ей случалось спѣшить на какое-нибудь засѣданіе совѣта руководителей этого учрежденія. Въ настоящее время отъ города Нью-Іорка поступаетъ постоянная сумма на этотъ пріютъ, въ 1889 году въ 259.517 долларовъ и 34 цента; дѣтей и матерей перебывало за тотъ же годъ въ учрежденіи 3.479 человѣкъ. Сумма эта не велика, если принять во вниманіе американскія цѣны на припасы и на предметы первой необходимости, но расходы по учрежденію были въ значительной степени сокращены тѣмъ, что 38 сестеръ,

ящихъ учрежденіемъ подъ присмотромъ сестры Ирины,
ь свое дѣло безплатно, пользуясь однимъ содержаніемъ.
ія въ крайне скромной пріемной пріюта, мало соотвѣт-
ей внушительной внѣшности зданія и входу въ него, я
ю припоминала все, что мнѣ извѣстно было о борьбѣ, цѣ-
торой поставлено это учрежденіе на ноги, и не замѣчала,
рошло время, когда услышала обращенный ко мнѣ голосъ
ы маленькаго роста, слегка сгорбленной, въ черномъ клеен-
чепцѣ и черномъ съ пелериною платьѣ сестры милосердія.
ъ говорившей было немногимъ болѣе шестидесяти лѣтъ;
езномъ лицѣ ея выражалось настойчивое вниманіе къ тому,
ворить собесѣдникъ, и виднѣлось притомъ полное равно-
насчетъ того, какое сама она производитъ впечатлѣ-
казалось, это и есть сестра Ирина. Выслушавъ, что я
ей сказать о цѣли моего посѣщенія, о желаніи моемъ по-
иться съ постановкою дѣла въ созданномъ ею пріютѣ, въ
редполагаемаго преобразованія воспитательныхъ домовъ въ
сестра Ирина высказала вполнѣ основательное знакомство съ
вкою дѣла въ нашемъ отечествѣ, говоря, что тамошняя
имѣетъ весьма много хорошихъ сторонъ, и если оказа-
епригодною въ дѣлѣ сохраненія жизни дѣтей, то пріятно
ь, что готовится ея преобразованіе; если же, выработавъ
систему ухода за малыми дѣтьми въ Россіи, къ ней при-
будутъ тѣ же старанія, то же добросовѣстное служеніе
акое преобладало въ большихъ воспитательныхъ домахъ,
ь сомнѣнія, что Россія въ будущемъ достигнетъ на этомъ
дѣ прекрасныхъ результатовъ. „Вы, конечно, извините меня,
теперь же сяду на своего излюбленнаго „конька",—за-
а сестра Ирина, смѣясь:—но я не могу не сказать, что
й залогъ успѣха этого дѣла заключается въ томъ, чтобы
жденныхъ дѣтей по возможности не разлучать съ матерями
ситься къ нимъ, какъ къ живымъ интереснымъ лицамъ, а
ъ во входящимъ и выходящимъ нумерамъ, а этого-то именно
нія и труднѣе всего достигнуть".

просьбу мою показать мнѣ дѣтей, сестра Ирина попро-
мо повременить, говоря, что теперь пріютъ только-что пе-
эпидемію кори и дѣти въ немъ больше все только вы-
ивающія, или еще больныя, а ей бы хотѣлось показать
е болѣе нарядными. Услыхавъ, однако, что мнѣ ждать
она тотчасъ вызвалась провести меня по всему учреж-
прося не осудить, если дѣти, подъ конецъ субботняго дня,
ся не въ особенно чистой одеждѣ.

Поднявшись по великолѣпной дубовой лѣстницѣ, отполированной на славу и освѣщенной на площадкахъ внушительныхъ размѣровъ готическими окнами, мы вошли въ первый дортуаръ, огромныхъ размѣровъ, высокую въ два свѣта палату, гдѣ стояли въ перемежку большія кровати матерей и кровати дѣтскія, нѣсколько поуже, но столь же высокія и длинныя, какъ кровати большихъ; высота дѣтскихъ кроватей разсчитана на то, чтобы женщинѣ не приходилось ночью вставать при уходѣ за ребенкомъ, а вмѣстительность ихъ необходима потому, что большинство женщинъ, кромѣ своего ребенка, кормятъ еще и другого, подъ деннымъ и ночнымъ надзоромъ дежурныхъ сестеръ, которыя строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы одинаковое количество молока доставалось каждому ребенку. Кромѣ того, каждой женщинѣ поручается еще уходъ за ставшимъ на ноги ребенкомъ, года полутора или двухъ: и вотъ, двое питомцевъ женщины спятъ на дѣтской кровати, малый въ головахъ, а побольше въ ногахъ, тогда какъ собственный ребенокъ оставляется при матери у нея на кровати. Конечно, отъ сестеръ требуется не только тщательный надзоръ, но и личная помощь женщинѣ, отъ которой ожидается уходъ за тремя дѣтьми при кормленіи двухъ изъ нихъ; но бдительность сестеръ, говорятъ, никогда не ослабѣваетъ, и мнѣ самой довелось видѣть, съ какой быстротой и искусствомъ подаютъ онѣ помощь тамъ, гдѣ это требуется.

V.

Въ палатахъ, гдѣ помѣщаются дѣти, всѣ двери открыты настежъ, но въ то же время заложены каждая двумя перекладинами, не дозволяющими самовольно перебѣгать изъ одной комнаты въ другую. Не успѣли мы остановиться въ первой изъ этихъ дверей, чтобы полюбоваться на то, какъ въ широкомъ проходѣ между выстроенными по обѣ стороны палаты кроватями играли, бѣгали, падали, карабкались и смѣялись наиболѣе живыя малютки, тогда какъ другія сидѣли глубокомысленно, засунувъ пальцы въ ротъ и наблюдая за забавами сверстниковъ, какъ уже двое-трое самыхъ шустрыхъ бросились въ нашу сторону и съ лепетомъ и мычаньемъ принялись возиться съ перекладинами, силясь ихъ одолѣть. За этими вожаками послѣдовали и другіе; а лишь только сестра Ирина подняла перекладины и вошла въ палату, мелюзга эта обступила ее со всѣхъ сторонъ, каждый силился привлечь на себя ея вниманіе, одинъ дергалъ ее за платье, другой тя-

нулся съ поцѣлуемъ, третій мычалъ, а не то бормоталъ непонятныя слова; ни одинъ еще не могъ понятно говорить, но тѣмъ не менѣе каждый тянулся къ сестрѣ Иринѣ. Ей, впрочемъ, было не до нихъ, хотя она и поднимала то того, то другого за подбородокъ, показывая мнѣ ихъ смазливыя личики, блестящіе плутовскіе глаза: она даже не извинялась за ихъ дѣйствительно грязноватый видъ, да и незачѣмъ было это дѣлать, такъ какъ дѣти были немного „чумазы", какъ всѣ счастливые здоровые ребята, которыхъ не мучатъ ежечасно, готовя ихъ на выставку; тѣ же ребята, которые падали и задирали платьица кверху, неизмѣнно выказывали безукоризненно чистое тѣло и бѣлье.

Я уже успѣла сообщить сестрѣ Иринѣ, что осматривала муниципальный пріютъ для дѣтей на Randall Island, и тутъ, поворачивая ко мнѣ дышащее весельемъ личико одного изъ ребятъ, которые терлись около нея, она замѣтила, указывая на его густыя, заботливо выхоленныя кудри: „ужъ такихъ кудрей, я увѣрена, вамъ не пришлось видѣть на Рандаль-Айландѣ,—тамъ ихъ всѣхъ стригутъ подъ гребенку, боятся лишней работы"... Это было единственной ссылкой на дѣятельность другихъ дѣтскихъ пріютовъ, которую позволила себѣ сестра Ирина, да и та вырвалась у нея по чисто женственному импульсу гордости „своими" дѣтьми, ихъ миловидностью. Впрочемъ, сестра Ирина тѣмъ и привлекала меня, что не скрывала импульсовъ своихъ; безпрестанно въ разговорѣ ея просвѣчивали ея симпатіи и антипатіи: выдержки въ ней не было никакой, да и сужденія ея были слишкомъ прямолинейны, ничѣмъ не напоминали монашескую сдержанность и объ мірскихъ дѣлахъ и искушеніяхъ она высказывалась такъ открыто и рѣзко, съ такимъ негодованіемъ говорила о людскомъ фарисействѣ, о всеобщей нетерпимости къ тѣмъ несчастнымъ женщинамъ, которымъ приходилось затѣмъ искать убѣжища въ созданномъ ею пріютѣ, что видно было, что у нея давно наболѣло сердце мірскими горестями, и что хорошо знаетъ эта монахиня и свѣтъ, и людей и не боится высказывать о нихъ свое мнѣніе. Оттого ли, что она знала, что я не католичка, или уже дѣйствительно была та же евангельская Мароа, но религіозной нотки ни разу не прозвучало въ ея рѣчахъ: ничего не проглядывало въ сужденіяхъ ея, кромѣ глубокой жалости къ пострадавшимъ и негодованія къ условіямъ жизни, принуждающимъ молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ на своихъ плечахъ выносить всю тяжесть ошибокъ, всю отвѣтственность за зло, въ которыхъ другіе повинны гораздо болѣе ихъ самихъ.

— Да и какъ же можно не привязаться къ этому дѣлу всей

душой? Я ужъ не говорю объ однѣхъ малюткахъ: посмотрите вы на эту мать—развѣ это не тотъ же ребенокъ? развѣ она не требуетъ столькихъ же заботъ, если не матеріальныхъ, то нравственныхъ?

Говоря это въ-полголоса, сестра Ирина указывала своими умными, быстрыми глазами на прехорошенькое существо, склонившееся надъ дѣтскою кроватью, то-и-дѣло припадавшее смѣющимся лицомъ то къ шейкѣ, то къ тѣлу лежавшаго на спинѣ ребенка, который, засунувши палецъ въ ротъ, ворковалъ, какъ голубь, что-то про себя и видимо напрашивался на игру, хотя уже досмѣялся до икоты.

— Смотри, ты ужъ до икоты его довела, Пегги! когда же ты мѣру будешь знать?—остановила игравшую съ ребенкомъ дѣвушку сестра Ирина. Что эти слова не производили дѣйствія укора начальницы—видно было уже по тому, что улыбка снова заискрилась ямочками на молоденькомъ лицѣ провинившейся, которое она теперь повернула съ ребенка на сестру Ирину.

— Да какъ же можно удержаться, когда онъ самъ на игру навязывается, сестра Ирина? Вы только послушайте, какъ онъ уморительно заливается, хохочетъ!—и говоря это, она снова припала лицомъ къ барахтавшемуся на спинѣ ребенку. Между тѣмъ голова этой самой расшалившейся дѣвушки была прикрыта кокетливымъ кисейнымъ чепчикомъ—отличіе, по которому меня предупредили узнавать матерей отъ простыхъ нянекъ.

— Не разбуди ты своего-то! тогда опять одна съ обоими не справишься,—замѣтила сестра Ирина и откинула легкое покрывало, которымъ завѣшено было красненькое маленькое личико спавшаго въ головахъ той же кровати двухъ-мѣсячнаго ребенка. —Это ея сынъ,—обратилась ко мнѣ сестра Ирина,—а она вонъ все возится со своимъ питомцемъ.

— Да питомецъ гораздо забавнѣе; вотъ и сестра Гертруда вамъ то же скажетъ, она сама имъ не налюбуется: я сбѣгу, право, сбѣгу, если у меня этого красавчика отнимутъ!—воскликнула пятнадцати-лѣтняя мать-кормилица и, не обращая вниманія на запищавшаго своего ребенка, бросилась за питьемъ, чтобы остановить икоту у своего „красавчика".

Но „сестра Гертруда", блѣдное, полупрозрачное, дышащее добротой лицо которой сверкнуло на меня очками изъ-подъ ободка клеенчатаго форменнаго чепца, уже подошла къ разбуженному ребенку и, похлопывая его по ножкамъ привычнымъ жестомъ руки, снова его усыпляла. „И сколько вотъ такихъ красивыхъ,

молодыхъ созданій перебывало здѣсь на моей памяти!" замѣтила сестра Ирина.

И сестра Ирина принялась мнѣ разсказывать, какъ сестры всѣми средствами стараются такихъ непомѣрно молодыхъ матерей удерживать при пріютѣ по крайней мѣрѣ на годъ; иногда удается ихъ продержать и болѣе того, такъ какъ онѣ, почти безъ исключенія, находятъ для себя достаточно забавы въ занятіяхъ съ дѣтьми, въ направленіи игръ тѣхъ, которыя уже достигли трехъ и четырехъ-лѣтняго возраста и вовсе не стремятся такъ на свободу, какъ женщины, перешедшія за двадцатилѣтній возрастъ. Не приходи онѣ въ соприкосновеніе съ шумною жизнью огромнаго города въ дни своего выхода изъ пріюта, то, можетъ быть, и долѣе жили бы въ немъ, не желая ничего другого. Но сестрамъ, повидимому, и въ голову не приходитъ запрещать матерямъ, находящимся подъ ихъ попеченіемъ, сношенія съ внѣшнимъ міромъ. Каждой изъ женщинъ, живущихъ въ пріютѣ, предоставляется разъ въ недѣлю или въ двѣ выходить на цѣлый день изъ пріюта, если только ребенокъ ея въ этотъ день вполнѣ здоровъ и въ ней особенно не нуждается. „Ну, а что, если отпущенная женщина не вернется ко времени или даже до слѣдующаго дня?" спросила я у сестры Гертруды. „А не явится во-время, такъ я ее затѣмъ недѣли двѣ-три дома продержу; этого онѣ всѣ боятся". „А того не бываетъ, чтобы за такую самовольную отлучку ихъ отказывались принять назадъ въ пріютъ?" спрашиваю я. „Бываетъ, конечно, но очень рѣдко, потому что, знаете ли, чѣмъ легкомысленнѣе такая женщина, тѣмъ больше она, въ сущности, нуждается въ нашей защитѣ и руководствѣ; излишняя строгость — очень дурная система для борьбы съ вѣтренностью и легкомысліемъ. Конечно, дисциплины ради, лучше бываетъ не принимать сюда тѣхъ, которыя не первый уже разъ не возвращаются къ сроку изъ города, но какой же будетъ толкъ? Это послужитъ только къ тому, что озлобитъ женщину, и ребенку повредитъ, и ее поведетъ къ дурному. Съ замужними мы строже, да и ладить съ ними вообще труднѣе, ну, а дѣвушкѣ куда дѣваться?"

Слушая эти практичныя рѣчи, видя это простое, чистосердечное отношеніе къ житейскимъ дѣламъ, этотъ трезвый взглядъ на житейскія искушенія, положительно трудно было помнить, что говоришь съ монахинями, которыхъ мы всѣ привыкли себѣ воображать существами, пугливо сторонящимися отъ всего способнаго натолкнуть ихъ на житейскую опытность. Впрочемъ, и то сказать, въ пріютѣ сестры Ирины рѣдкій день насчитывается менѣе шести или семи сотъ человѣкъ дѣтей и четырехъ сотъ матерей: за ними и

за прислугой тридцати восьми сестрамъ милосердія достаточно дѣла, чтобы уничтожить у нихъ всякую склонность къ жизни созерцательной. Тѣмъ матерямъ, которыя, отбывъ въ пріютѣ постановленный срокъ кормленія своего ребенка и обучившись тѣмъ временемъ шитью и хожденію за дѣтьми, пожелаютъ помѣститься въ частный домъ, сестры пріискиваютъ мѣста въ извѣстныхъ имъ семьяхъ и долгое затѣмъ время слѣдятъ за судьбою этихъ женщинъ, да и тѣ навѣдываются въ пріютъ.

Переходя изъ палаты въ палату, сестра Ирина останавливалась то передъ одной кроваткой, то передъ другой; не было ребенка, въ которомъ она не съумѣла бы указать какого-либо достоинства, и приходилось удивляться памяти ея, дозволявшей ей безошибочно говорить мнѣ, какой ребенокъ у женщины свой и какой—питомецъ, хотя никакого отличія въ одеждѣ ихъ не было, и за этотъ обходъ я успѣла убѣдиться въ той замѣчательной чистотѣ, въ которой содержались всѣ дѣти. Чтобы не возвращаться къ тому же предмету, замѣчу тутъ же, что никакой „мундирной" одежды въ пріютѣ не водится, и сестры не мало гордятся тѣмъ, что толпа дѣтей не похожа на „пріютскихъ"—до того разнообразны цвѣта и покрой ихъ платьицъ, за исключеніемъ однихъ бѣлыхъ передниковъ, не говоря уже о длинныхъ, на славу расчесанныхъ кудряхъ. Разнообразіе одежды должно быть, во-первыхъ, приписано тому, что много дѣтской одежды жертвуется посторонними и перешивается затѣмъ въ пріютѣ для дѣтей, тогда какъ многое выкраивается изъ цѣлыхъ штукъ матерій и остатковъ, жертвуемыхъ городскими магазинами или купленныхъ сестрами по сходной цѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, расходы на платье и башмаки для пріюта ежегодно доходятъ до четырнадцати и болѣе тысячъ долларовъ. Сестра Ирина съ немалою гордостью указала мнѣ гигантской высоты шкафы, которыми обнесены были огромныя комнаты владѣній пріютскихъ кастеляншъ. Всѣ шкафы были полны бѣлья постельнаго и носильнаго, равно какъ и платьевъ всѣхъ цвѣтовъ: за одинъ прошлый годъ изготовлено было въ пріютѣ свыше пятидесяти тысячъ штукъ одежды и бѣлья для однихъ дѣтей, изъ которыхъ на каждаго приходится—въ пріютѣ онъ или у кормилицы—штукъ отъ двѣнадцати до пятнадцати новой одежды въ ноябрѣ мѣсяцѣ—на зиму, и по стольку же въ маѣ—для лѣта. А между тѣмъ все изготовленіе одежды для пріюта обходится даромъ, производится содержащимися въ немъ женщинами и не оплачивается деньгами.

При каждыхъ двухъ палатахъ съ кроватями для матерей и дѣтей устроено по одной ванной, гдѣ вдоль стѣнъ, на высотѣ

веннаго умывальника, находятся маленькія мраморныя съ проведенною въ нихъ горячею и холодною водой, а рридорамъ, внѣ палатъ, попадались намъ при каждой отдушины, отворяя которыя, можно было класть въ нихъ бѣлье и пеленки, и тѣ немедленно спускались этими от-ми въ нижній этажъ и поступали въ стирку, не портя въ палатахъ. Въ санитарныхъ приспособленіяхъ пріюта мѣсто слѣдуетъ отвести прекрасной его системѣ топки иляціи. Устроено и то, и другое согласно съ новѣйшими саніями науки, но системы эти такъ несложны, что съ ю печатнаго руководства, прибитаго на стѣнѣ каждой па-всякая—даже наиболѣе тупая—нянька или кормилица мо-езъ затрудненія постоянно поддерживать предписанную тем-ру. Аппараты для отопленія и вентиляціи вмѣстѣ устроены вальномъ этажѣ, гдѣ, кромѣ того, находятся лишь прачеш-ванны для прислуги. Состоятъ же они изъ слѣдующихъ собленій: холодный свѣжій воздухъ впускается отверстіями ужныхъ углахъ зданія и распредѣляется трубами вдоль стѣнъ подвальнаго этажа; поверхъ этихъ трубъ или, лучше , проходовъ, устроенныхъ для канализаціи воздуха, по-я непроницаемыя для воздуха камеры, а въ нихъ уста-я радіаторы, которые при низкомъ давленіи нагрѣваются , поставляемымъ паровикомъ; въ стѣнахъ дома устроены которыми этотъ грѣтый воздухъ передается изъ радіато-ъ комнаты; каждый радіаторъ снабжаетъ теплотою одну у, въ которой такимъ путемъ обусловленъ постоянный при-редней температуры грѣтаго воздуха, и это вполнѣ незави-тъ температуры другихъ комнатъ; размѣры ввода въ ком-олоднаго воздуха регулируются отдушинами, и стѣны па-едро снабжены воздушными проходами и трубами, такъ представляется, какъ увѣряютъ, ни малѣйшаго затрудне-тому, чтобы во всякое время установлять быструю смѣну ь.

убы для вентиляціи устроены во внутреннихъ стѣнахъ зда-изъ каждой комнаты проведена отдѣльная такая труба на ь, гдѣ всѣ эти трубы соединены въ большія камеры, кото-такой степени подогрѣваются паромъ, что въ трубахъ дится процессъ всасыванія, посредствомъ котораго испор-воздухъ и выгоняется въ широкіе вентиляторы, устроен-крышѣ. Какъ въ вентиляторахъ, такъ и въ согрѣватель-рубахъ устроены заслонки у пола, равно какъ у потолка которымъ они служатъ; заслонки эти ведутъ къ регули-

рованію тяги и дѣйствуютъ такъ исправно, что, открывая тѣ изъ нихъ, которыя находятся при потолкѣ, въ короткое время вытягиваютъ испорченный воздухъ, набирающійся надъ поломъ. Паровые загибы въ трубахъ, служащихъ для вентиляціи, снабжаются теплотою проводами, независимыми отъ согрѣвательнаго аппарата зданія, такъ что вентиляторы приводятся въ дѣйствіе лѣтомъ безъ излишней траты топлива и пара.

Если прибавить къ этому, что за температурой, предписанной для каждой палаты докторами, строго наблюдаютъ методичныя сестры, то можно повѣрить, что отопленіе и вентиляція зданій ихъ мало оставляютъ желать. Къ тому же пріютъ отстоитъ въ пяти минутахъ ходьбы отъ центральнаго парка, куда водятъ гулять дѣтей, которыя способны переправиться туда на своихъ ногахъ, а меньшія и болѣе слабыя выносятся въ хорошую погоду во внутренніе дворы зданія, которые поросли травою и представляютъ собою цѣлый обширный лугъ для малыхъ дѣтей.

Католическій пріютъ найденышей занимаетъ большой прямоугольникъ, окаймленный 68-ой улицей съ южной стороны, 69-ой улицей—съ сѣверной, Третьей авеню—съ востока и Лексингтонъ-авеню—съ запада. Фасадъ находится на 68-ой улицѣ и представляетъ собою собственно пять отдѣльныхъ домовъ, изъ которыхъ средній самый большой, шести-этажный, соединяется крытыми галереями съ сосѣдними двумя четырехъ-этажными домами. Въ центральномъ зданіи помѣщаются пріемныя, контора, аптека, комнаты сестеръ и дортуары болѣе взрослыхъ дѣтей (дѣтей свыше шести лѣтъ въ пріютѣ не держатъ). Четырехъ-этажныя зданія, соединенныя съ главнымъ корпусомъ галереями, имѣютъ 90 футовъ длины при 30 ф. ширины, и къ нимъ сзади пристроены павильоны въ 40 квадр. футовъ каждый, для лѣтнихъ дортуаровъ; при каждомъ изъ этихъ меньшихъ зданій имѣется своя большая гардеробная, свои ванныя и отдѣльная кухня, и служатъ они для помѣщенія найденышей и грудныхъ младенцевъ, состоящихъ при матеряхъ. На углу 68-ой улицы и Лексингтонъ-авеню выстроено большое зданіе въ четыре этажа: это родильный домъ, устроенный той же сестрой Ириной и состоящій подъ ея начальствомъ. Въ немъ, однакоже, дѣйствуютъ ученыя сидѣлки, и сестры туда совсѣмъ не проникаютъ; точно такихъ же размѣровъ зданіе на углу 68-ой улицы и Третьей авеню состоитъ опять подъ руководствомъ сестеръ и служитъ дѣтской больницей. Позади главнаго корпуса фасадомъ уже на 69-ую улицу высится большое зданіе, служащее карантиномъ, гдѣ содержатся всѣ дѣти и матери въ теченіе двухъ недѣль послѣ вступленія своего въ пріютъ. Что касается

аболѣвающихъ изъ числа состоящихъ уже въ пріютѣ людей, то ѣхъ случаяхъ, когда считаютъ за лучшее отдѣлить того или о отъ остальныхъ, его переводятъ на чердакъ, гдѣ устроена расная большая комната посреди кладовыхъ и аппаратовъ для иляціи зданія.

Знутри двора возведена домашняя церковь, посѣщаемая сест-, подростающими дѣтьми и тѣми матерями, которыя като-к по религіи; что же касается до дѣтей, то всѣ они безъ ючения крестятся въ католическую религію по рожденіи или отчасъ по принятіи ихъ въ пріютъ.

VI.

Судя по внѣшнему виду пріюта и его многочисленныхъ кор-въ, очевидно, что благое дѣло, начатое сестрой Ириной въ мномъ домѣ 12-ой улицы, значительно разрослось. Такъ оно ть на самомъ дѣлѣ, хотя принципъ корзинки, выставляемой ремя оно на подъѣздъ дома, и не отмѣненъ; она только за-:на изящною колыбелью, которая стоитъ въ передней ниж-этажа, рядомъ съ конторой и аптекой, которою завѣдуетъ ая, высокая сестра милосердія, отъ которой такъ и вѣетъ гіей, знаніемъ и мощнымъ добродушіемъ. Въ отвѣтъ на зво-, въ переднюю впускается всякій, приносящій ребенка, кото-тутъ же и укладываютъ въ колыбель, если не замѣчается іемъ признаковъ какой-нибудь болѣзни. Условія для пріема нка состоятъ лишь въ томъ, чтобы онъ былъ уроженецъ го-Нью-Іорка (условіе, налагаемое городомъ, не желающимъ ржать дѣтей, рожденныхъ въ иныхъ мѣстахъ) и чтобы мать не имѣла средствъ на его содержаніе при себѣ: по бѣдности по стыду передъ домашними. Ни объ имени, ни о про-жденіи ребенка сестры не справляются, да и насчетъ мѣста рожденія довольствуются показаніемъ принесшаго ребенка вѣка, такъ какъ повѣрять его не имѣютъ средствъ. Тѣхъ мате-которыя сами приносятъ ребенка, сестры всѣми силами убѣж-тъ остаться въ пріютѣ, пока не выкормятъ ребенка; отъ тѣхъ женщинъ, которыя сознаются въ томъ, что, оставляя въ пріютѣ нка, собираются наняться въ кормилицы, сестры ни подъ имъ видомъ ребенка не возьмутъ, считая подобную корысть матери поступкомъ безчеловѣчнымъ.

Въ іюнѣ 1890 г. мнѣ пришлось присутствовать въ пріютѣ пріемѣ 20.648-го младенца со времени основанія учреж-

денія осенью 1869 года. Когда женщина съ ребенкомъ вошла въ переднюю, у меня въ сосѣдней комнатѣ шелъ разговоръ съ сестрой Ириной и сестрой, завѣдующей аптекой. Сестра Ирина пошла встрѣтить прибывшую; за ней двинулись и мы. Случай былъ нѣсколько исключительный. Мать не хотѣла совсѣмъ отказаться отъ ребенка, какъ это дѣлается женщинами, не вступающими съ ребенкомъ въ пріютъ, а между тѣмъ ее нельзя было принять, такъ какъ у нея молоко, по ея собственному сознанію, пропало и она не могла бы вскормить даже своего собственнаго ребенка. Но такъ сильно краснорѣчіе отчаянія, что сестра Ирина не могла передъ нимъ устоять и, вопреки правиламъ, допустила женщину вступить въ карантинъ съ ребенкомъ въ томъ предположеніи, что „если приласкать, успокоить да кормить ее хорошенько—молоко можетъ еще и вернуться“... и положивъ это Соломоновское рѣшеніе, сестра Ирина велѣла внести нумеръ ребенка въ книгу и принялась съ большимъ самодовольствомъ объяснять мнѣ систему, по которой ведутся книги пріюта.

Чуть ли не замѣчательнѣе всего другого въ пріютѣ показалось мнѣ полное отсутствіе въ немъ той казенщины и формальности, которыя я ожидала въ нихъ встрѣтить: сестра Ирина дѣлала исключенія по части пріема матерей; дежурныя въ палатахъ сестры то-и-дѣло приносили ѣду не въ урочное время тѣмъ изъ матерей, которыя того требовали; въ палатахъ, чисто прибранныхъ, дѣтямъ не возбранялось имѣть разнаго рода старыя, растрепанныя, излюбленныя ими игрушки; къ сестрѣ Иринѣ всѣ обращались какъ къ равной; дѣти въ иныхъ случаяхъ ее чуть съ ногъ не валили своими энергическими ласками, а тѣмъ не менѣе порядокъ въ пріютѣ царилъ образцовый; потраченное на „уклоненія отъ дѣла“ время наверстывалось среди всеобщаго оживленія сторицею; матери-кормилицы находили себѣ развлеченіе въ этихъ инцидентахъ дня, болтали, смѣялись и забывали скучать и ссориться.

Въ сущности, можетъ быть, потому дѣятельность пріюта сестры Ирины и сопряжена съ такими успѣхами, что въ рукахъ ея этотъ пріютъ былъ живымъ дѣломъ, которое росло, пополнялось и расширялось постепенно, соотвѣтственно тому, въ чемъ представлялась надобность; иначе говоря, дѣло велось чисто по американскому методу, безъ заранѣе выработанныхъ широкихъ программъ, безъ крупныхъ затратъ на предупрежденіе требованій, которыя могли никогда и не возникнуть.

Мы уже говорили о томъ, какъ сестра Ирина выставляла на ночь на крыльцо перваго дома своего на 12-ой улицѣ скромную

, для того лишь, чтобы сохранить немногія изъ тѣхъ ни въ чемъ неповинныхъ младенцевъ, которые гибли вслѣд-зрадѣнія, а не то и ожесточенія, произведеннаго въ ихъ ъ непомѣрными страданіями, преслѣдованіями и отчаяніемъ. , за какихъ-нибудь двадцать лѣтъ дѣло само собою выросло ихъ размѣровъ, что теперь въ пріютъ приносится отъ че-и до девяти младенцевъ въ день; всего за истекшій годъ въ него 2.800 человѣкъ дѣтей.

чалѣ сестры придерживались искусственнаго кормленія шей, и результаты, несмотря на всѣ ихъ старанія, были неудовлетворительны; притомъ и хлопоты по чисткѣ бу-и поддержкѣ молока постоянно въ той же температурѣ эезвычайно утомительны. Но вотъ случилось какъ-то, что ать, принесшая своего ребенка сестрамъ St. Vincent of этревожила рутину пріемнаго дома: она плакала, убивалась ебенкомъ и не рѣшалась покинуть его у сестеръ, и съ братно унести не соглашалась. Что было дѣлать? Конечно, Ирина принялась съ ней толковать, разспрашивать ее, вать, какъ она всегда это и теперь дѣлаетъ, никогда ая уклоняться отъ личнаго вмѣшательства подъ предлогомъ тка времени. И въ этомъ, кстати сказать, сестра Ирина проявляетъ себя истою дочерью своей страны. Рѣдко я встрѣтить американца, который отказался бы выслушать вопросъ или оказать вамъ услугу подъ предлогомъ недо-времени: въ муниципальныхъ департаментахъ, въ школахъ, рикахъ, въ редакціяхъ газетъ, никто будто не спѣшитъ посмотрѣть, такъ покажется, что не мало народу баклуши а между тѣмъ къ концу дня больше дѣла бываетъ пере-чѣмъ у европейскихъ дѣльцовъ, вѣчно спѣшащихъ какъ аръ и огораживающихъ себя отъ посѣтителей непристу-стѣнами формализма. Такъ было и въ томъ случаѣ съ юй, не хотѣвшей разлучиться съ своимъ ребенкомъ. Ирина дала ей выплакаться, выслушала все, что можно нять изъ ея исторіи, и сообразила, что недурно бы, пожа-взять эту мать въ пріютъ: по крайней мѣрѣ нечего бу-зиться съ искусственнымъ кормленіемъ для ея ребенка, а ржаніе, конечно, оплатится тѣми работами, которыя она справлять. Такъ и было поступлено. Теперь же сами уговариваютъ всѣхъ матерей поступать въ пріютъ на а время кормленія ихъ ребенка, и пріюту это оказывается амъ. Каждой такой матери даютъ для кормленія одного ъ подкидышей, которые покинуты ихъ матерями; такимъ

образомъ каждой матери приходится кормить двухъ младенцевъ, а такъ какъ этого ни на того, ни на другого недостаточно, то въ пріютѣ всѣхъ рѣшительно грудныхъ дѣтей прикармливаютъ по три раза въ день сгущеннымъ молокомъ (condensed milk), разбавленнымъ соотвѣтственно возрасту и здоровью ребенка; эта пища дается дѣтямъ съ ложечки; всякаго рода склянки для искусственнаго вскармливанія дѣтей разъ навсегда изгнаны изъ пріюта, такъ какъ съ ними слишкомъ много возни, да и опасны онѣ при малѣйшемъ за ними недосмотрѣ. За истекшій годъ въ пріютъ сестры Ирины принято было 460 матерей съ младенцами; большинство ихъ, конечно, были незамужнія, хотя не мало попадалось среди нихъ и замужнихъ женщинъ, брошенныхъ мужьями и впадшихъ въ такую бѣдность, что имъ невозможно было прокормиться самимъ при ребенкѣ дома. За тотъ же 1889 годъ сестры пріискали вѣрныя мѣста и убѣжища для 125-ти женщинъ, которыя, поживъ въ пріютѣ кормилицами и швеями, пожелали снова жить на свой собственный заработокъ.

Но и принятіе въ домъ матерей съ дѣтьми оказалось лишь временнымъ облегченіемъ. Дѣти безъ матерей стекались въ пріютъ въ гораздо большей численности, чѣмъ дѣти съ матерями, такъ какъ дѣти доставлялись даже полиціей и различными городскими учрежденіями. Такое быстрое скопленіе дѣтей, которыя никому, повидимому, на свѣтѣ не были нужны, которыхъ даже родители ихъ очевидно считали обузой, такъ какъ покидали ихъ окончательно, естественно наводило на мысль о томъ, что вотъ сколько живетъ, прося въ сущности только воздуха, тепла и пищи, никому ненужныхъ дѣтей, тогда какъ въ томъ же большомъ городѣ, въ близкомъ разстояніи отъ пріюта, множество матерей оплакиваетъ безвременную смерть грудныхъ своихъ дѣтей... Отчего бы не воспользоваться этимъ обстоятельствомъ? Отчего не давать сиротъ на выкормку женщинамъ, живущимъ у себя дома и потерявшимъ собственныхъ дѣтей, женщинамъ, которыя рады будутъ тѣмъ деньгамъ, какія платились бы имъ отъ пріюта за уходъ за питомцемъ?.. И вотъ, мало-по-малу, вошло въ пріютѣ въ обычай отдавать дѣтей на кормленіе грудью городскимъ женщинамъ бѣднаго класса, но *не иначе какъ тѣмъ, которыя утратили своего ребенка* и могутъ представить докторское удостовѣреніе въ собственномъ здоровьѣ.

Городской кормилицѣ пріютъ платитъ по десяти долларовъ въ мѣсяцъ за ребенка, котораго она обязывается кормить грудью, не передавать ни подъ какимъ видомъ на кормленіе другой женщинѣ, чинить и стирать выдаваемое ему два раза въ годъ изъ пріюта бѣлье и платье, приносить его въ пріютъ на осмотръ и,

въ случаѣ болѣзни его, давать немедленно о томъ знать въ пріютъ, начальство котораго тотчасъ направляетъ къ ребенку врача, а иногда даетъ кормилицѣ разрѣшеніе пользоваться совѣтами и леченьемъ другого врача, принимая на себя издержки. При каждой перемѣнѣ квартиры кормилица обязана давать о томъ знать въ пріютъ и не имѣетъ права перевозить ребенка изъ Нью-Іорка дальше Бруклина и другихъ смежныхъ съ столицею городовъ. Жалованье городскимъ кормилицамъ выдается въ первую среду каждаго мѣсяца, и для полученія его кормилица обязана являться лично въ контору и непремѣнно въ сопровожденіи ребенка, если только погода то дозволяетъ. Въ пріютѣ городскія кормилицы выстроиваются вереницею во дворѣ, при помощи двухъ полицейскихъ, и по очереди вступаютъ въ контору пріюта, гдѣ и кормилица, и ребенокъ подвергаются быстрому осмотру со стороны привычныхъ къ тому двухъ сестеръ милосердія и двухъ богатыхъ городскихъ католическихъ дамъ, которыя добровольно отдаютъ одинъ свой день въ каждомъ мѣсяцѣ на это благое дѣло помощи сестрамъ; если ребенокъ оказывается въ порядкѣ и молоко у кормилицы также, то казначей выдаетъ плату и женщина идетъ домой, очищая мѣсто другимъ.

И какихъ только костюмовъ, какихъ типовъ не попадается на этихъ пріютскихъ середахъ! Мнѣ случалось проходить мимо пріюта въ этотъ платный день и я всегда засматривалась на живописныя группы итальянокъ, съ непокрытыми головами, бронзовыми стрѣлами и шпильками въ волосахъ; на аккуратныхъ нѣмокъ въ круглыхъ шляпахъ и широчайшихъ сборчатыхъ юбкахъ, на ирландокъ въ шляпкахъ и пестрыхъ рваныхъ шаляхъ; на венгерокъ, покрытыхъ пестрыми косыночками подъ подбородокъ, точно русская мѣщанка; на негритянокъ, по-бабьи повязанныхъ пестрѣйшими ситцевыми платками. Гулъ какъ отъ улья идетъ на всю улицу отъ ихъ болтовни; большинство очевидно щеголяло своими питомцами, и надо было видѣть, съ какими широкими улыбками на лицахъ выступали изъ конторы тѣ кормилицы, которыя, вдобавокъ къ жалованью, удостоились притомъ и похвалы отъ зоркихъ инспектрисъ!.. Какихъ трудовъ стоитъ этотъ осмотръ— можно судить по тому, что когда въ самомъ пріютѣ числилось на тотъ разъ всего семьсотъ дѣтей ниже пяти- и шести-лѣтняго возраста, городскимъ кормилицамъ роздано было до 1.200 ребятъ мѣньшаго возраста и жалованья этимъ женщинамъ (за 1889 годъ) выплачено пріютомъ 141.312 долларовъ, а въ 1888 г. выплачено на 341 долларъ болѣе этого.

Но какъ ни зорки, какъ ни привычны сестры къ осмотру

кормилицъ и питомцевъ ихъ, все же и онѣ устаютъ и не могутъ основательно всѣхъ осмотрѣть. Впрочемъ, онѣ на однѣхъ себя и не полагаются. Сестры имѣютъ оффиціальнаго сыщика, который навѣщаетъ дома всѣхъ новыхъ кормилицъ въ разныя неожиданныя для тѣхъ времена; затѣмъ въ Нью-Іоркѣ существуетъ большое католическое общество, нѣчто въ родѣ клубной организаціи, называемое Conference of St. Vincent; члены этой конференціи и принимаютъ на себя трудъ навѣщать въ разныя времена квартиры тѣхъ кормилицъ пріютскихъ дѣтей, какія проживаютъ въ церковномъ приходѣ этихъ членовъ. Такимъ образомъ, ни одна кормилица не остается безъ надлежащаго надзора, основательность котораго подтверждается и малымъ процентомъ болѣзненности дѣтей, отдаваемыхъ имъ на руки. Мнѣ случилось выразить свое удивленіе по этомъ поводу сестрѣ Иринѣ: меня удивляло, какъ могутъ дѣти сохранять здоровье въ той средѣ, къ которой въ большомъ городѣ принадлежатъ ихъ кормилицы: я незадолго передъ тѣмъ навѣщала тѣ кварталы и знала, въ какой скученности онѣ живутъ. Но какъ ни гордится сестра Ирина своимъ пріютомъ, но истина ей видимо дороже репутаціи пріюта; она прямо сказала мнѣ, что какъ бы плоха ни была обстановка помѣщенія кормилицы, все-таки ребенокъ лучше уживается въ ней, чѣмъ въ наиболѣе благоустроенномъ большомъ заведеніи, гдѣ дѣти взращаются массами. За послѣдніе года смертность пріютскихъ дѣтей ниже шести-лѣтняго возраста колебалась между восемнадцатью и двадцатью-двумя процентами. Правда, что сестры никогда не довѣряютъ городской кормилицѣ болѣе одного ребенка—и то когда ея собственный умеръ; въ пріютѣ каждой матери, кромѣ своего ребенка, приходится ходить еще за двумя чужими.

Но что̀ же, спрашивается, дѣлается съ дѣтьми по мѣрѣ того, какъ они выростаютъ, накопляясь въ пріютѣ въ размѣрѣ 2.800 и болѣе того на годъ? Мы уже упоминали, что дѣтей свыше шести-лѣтняго возраста сестры въ пріютѣ не держатъ; но неужели же ихъ препровождаютъ въ другія „учрежденія", гдѣ имъ грозитъ опасность всецѣло утрачивать свою индивидуальность, попадая въ стада дѣтей, пополнять тотъ классъ городскихъ пауперовъ, которые составляютъ такое тяжкое бремя на плечахъ трудолюбивыхъ, работящихъ горожанъ. Плохая была бы въ такомъ случаѣ услуга сестеръ по отношенію къ дѣтямъ. Въ сущности онѣ поступаютъ совсѣмъ иначе. Онѣ всѣ старанія прилагаютъ къ тому, чтобы для каждаго изъ питомцевъ своихъ отыскивать пріютъ въ какомъ-нибудь семействѣ, которое бы приняло его съ намѣреніемъ впослѣдствіи его усыновить, если къ нему привя-

жется. Ни одного ребенка не отдаютъ сестры въ другія заведенія иначе какъ въ исключительныхъ случаяхъ—можетъ, одного ребенка изъ тысячи; да въ городскія семейства онѣ не отдаютъ своихъ дѣтей въ пріемыши; даже городскія кормилицы берутъ питомцевъ изъ пріюта на томъ условіи, что имъ ни въ какомъ случаѣ не дозволено будетъ усыновить этихъ питомцевъ, какъ бы онѣ къ нимъ ни привязались.

И каждый пріютскій ребенокъ, не знающій ни матери, ни отца, воспитывается сестрами въ той увѣренности, что въ пріютъ отданъ онъ лишь на время и что, лишь только онъ подростетъ, за нимъ пришлютъ „изъ дома" и онъ уѣдетъ къ своему „папѣ и мамѣ". Эта перспектива нисколько, впрочемъ, не мѣшаетъ всѣмъ безроднымъ дѣтямъ пріюта провозглашать себя дѣтьми сестры Ирины. Конечно, идея эта внушается дѣтямъ сестрами; но забавно видѣть, съ какою гордостью отвѣчаютъ бутузы на подсказанный вамъ сестрою вопросъ: „чей же самъ-то ты мальчикъ?" — „А я мальчикъ сестры Ирины!" отчеканиваетъ онъ и въ видѣ доказательства того стремглавъ бросается уткнуться лицомъ въ платье сестры Ирины, если она случится тутъ, и чуть не сбиваетъ съ ногъ маленькую монахиню. Иногда нападаешь и на другіе отвѣты, свидѣтельствующіе о весьма курьезномъ сумбурѣ, царящемъ въ умахъ пріютскихъ дѣтей насчетъ ихъ родственныхъ связей. Такъ, переходя изъ палаты въ палату, мы добрались съ сестрой Ириной до большой комнаты, въ которой дѣти лѣтъ отъ трехъ до пяти играли въ разныя игры подъ руководствомъ дѣвушки, только еще готовящейся къ поступленію въ орденъ сестеръ милосердія St. Vincent of Paul. Изъ бросившихся къ намъ дѣтей мнѣ показалась особенно привлекательна миніатюрная дѣвочка съ длинными-предлинными темными рѣсницами и на славу выхоленными бѣлокурыми кудрями. На вопросъ мой: „чья она?" она безъ запинки отвѣчала: „Я сестры Ирины дѣвочка"—но затѣмъ, на секунду, будто пріостановясь, добавила: „а сестра Гертруда—та моя дорогая мама!" Сестры Гертруды съ нами въ ту пору не было, да и серьезный тонъ ребенка былъ такъ искрененъ, что не могъ быть подъученнымъ, — и сестра Ирина, разсмѣясь этой выходкѣ, обратила мое вниманіе на замѣчательную красоту ребенка. Странное дѣло: видя передъ собой ежечасные примѣры того, до какого горя, зла и крайности доводитъ подчасъ молодыхъ дѣвушекъ суетное сознаніе своей красоты и податливость на лесть, сестры милосердія не проявляютъ и слѣда тѣхъ узкихъ пуританскихъ побужденій, которыя заставляютъ столь многихъ святошъ проповѣдовать, что красота есть чуть ли не пагубнѣйшій для женщины

даръ, ведущій ее прямо къ погибели; жизнь сестеръ такъ переполнена полезною дѣятельностью, что въ ней будто совершенно заглушается сознаніе своей индивидуальности, чувство зависти къ молодости и красотѣ, столь часто проявляемое пожилыми, одинокими женщинами въ свѣтѣ.

Сестрамъ милосердія ордена St. Vincent of Paul весьма много въ ихъ полезной дѣятельности помогаютъ ихъ связи въ римско-католическомъ мірѣ Соединенныхъ Штатовъ,—связи, крѣпость которыхъ порождаетъ между католиками нѣчто въ родѣ духа масонства. Такъ, напримѣръ, какой-то католическій патеръ западныхъ штатовъ, прослышавъ о томъ, что какое-то бездѣтное семейство въ ихъ мѣстности желаетъ принять къ себѣ и затѣмъ усыновить какого-нибудь ребенка, немедленно даетъ о томъ знать въ пріютъ сестры Ирины; равнымъ образомъ приходятъ къ ней сообщенія такого рода и отъ частныхъ лицъ; кромѣ того, католическіе священники съ церковныхъ сельскихъ каѳедръ оповѣщаютъ о томъ, что желающіе принять на себя воспитаніе безроднаго пріемыша предпринимаютъ богоугодное дѣло и онъ готовъ помочь имъ въ пріисканіи ребенка. Такимъ путемъ въ пріютъ сестры Ирины поступаетъ въ сущности больше требованій на дѣтей, чѣмъ ихъ имѣется въ заведеніи. За послѣднія двѣнадцать лѣтъ такимъ образомъ помѣщены пріемышами въ частныя семьи свыше шести тысячъ дѣтей изъ пріюта. Всѣ эти дѣти вступаютъ въ частныя семьи между тремя и шестью годами, такъ что въ большинствѣ у нихъ удерживается лишь самое смутное воспоминаніе о пріютѣ и они искренно считаютъ себя дѣтьми хозяина дома. Въ штатахъ Огайо и Индіанѣ мнѣ пришлось въ трехъ фермерскихъ и небогатыхъ городскихъ семьяхъ встрѣчать пріемышей изъ того же пріюта сестры Ирины, и я своими глазами видѣла, какими они окружены заботами и любовью: въ двухъ случаяхъ пріемными матерями были пожилыя дѣвушки, которыя на этихъ дѣтяхъ сосредоточили весь свой запасъ любовнаго самоотверженія, на которое до той поры не случилось спроса ни отъ кого въ ихъ жизни и которое все, конечно, было бы обращено на попугаевъ, кошекъ и комнатныхъ собаченокъ, если бы не отвлечено было на полезное дѣло заботъ о покинутомъ родителями ребенкѣ.

Сестры слишкомъ гордятся „своими дѣтьми“, чтобы отправлять ихъ въ частныя семьи прямо отъ ихъ городскихъ невѣжественныхъ кормилицъ; и вообще лишь при крайнемъ недостаткѣ помѣщенія оставляютъ дѣтей у кормилицъ далѣе двухълѣтняго возраста. Дѣтей этого возраста сестры берутъ назадъ въ пріютъ, занимаются ими по Фребелевской системѣ въ своемъ

скомъ саду, снабженномъ всевозможными новѣйшими приспо-
леніями и изящными моделями деревъ и животныхъ—и въ этой
тановкѣ, среди толпы товарищей, самыя тупыя дѣти скоро раз-
тываются; что съ дѣтьми сестры неизмѣнно обращаются ласково
кротко—очевидно уже изъ того, что изъ нѣсколькихъ сотенъ
дѣнныхъ много въ пріютѣ дѣтей мнѣ не встрѣтилось ни одного
гѣнчиваго или надутаго ребенка.

Каждыя пять-шесть недѣль въ пріютѣ дается прощальное
щеніе для дѣтей, отправляющихся въ западные штаты, въ тѣ
ьи, которыя вызвались ихъ усыновить: угощенье при этихъ
чаяхъ поставляется разными щедрыми зажиточными католиче-
ми городскими дамами, которыя, равно какъ и многія проте-
нтки, воспитываются въ твердомъ сознаніи того, что имъ слѣ-
тъ отдавать по крайней мѣрѣ одинъ день въ мѣсяцъ на лич-
посильное служеніе какому-либо доброму дѣлу; привозя уго-
нье для пріютскихъ дѣтей, онѣ сами же и руководятъ праздни-
ъ, обдѣляя дѣтей тортомъ, конфектами и мороженымъ, разгова-
ая съ ними. Сами дѣти обрѣтаются въ полной увѣренности
томъ, что возвращаются каждый къ родителямъ своимъ; къ
у же возбужденіе отъѣзда занимаетъ ихъ; они весело расса-
аются въ каретахъ, которыя должны везти ихъ на вокзалъ
ѣзной дороги; ихъ почти не трогаютъ слезы, проливае-
при разставаньѣ съ ними какой-нибудь привязавшейся къ
ъ няньки или кормилицы. Отправляютъ питомцевъ большими
тіями подъ надзоромъ двухъ-трехъ довѣренныхъ женщинъ—и
да съ вечернимъ поѣздомъ. Едва успѣютъ дѣти размѣститься
вагонахъ и только-что примутся они дивиться на рядъ тун-
ей и мостовъ, подъ которыми проходитъ поѣздъ при выходѣ
Нью-Іорка, какъ уже наступаетъ пора укладываться спать,
ни просыпаются уже на другой день—полныя любопытства,
шатъ наглядѣться изъ оконъ на никогда еще не виданные
сельскіе ландшафты. По прибытіи поѣзда въ Чикаго партію
ей на поѣздѣ встрѣчаютъ мѣстныя католички—извѣстныя се-
мъ добровольныя служительницы доброму дѣлу. Эти дамы
редъ разузнаютъ путемъ переписки съ учрежденіемъ сестры
ны о томъ, куда какія дѣти направляются, и каждая изъ нихъ
ла сообщить своему патеру или мѣстному отдѣленію ордена
Vincent of Paul, въ какую мѣстность ей удобнѣе сопровождать
ей; соотвѣтственно этимъ указаніямъ, прибывшихъ въ Чикаго
ей распредѣляютъ между этими женщинами, которыя и берутся
прямо доставить большею частью на свой счетъ—въ тѣ семьи,
эти питомцы направляются. Иногда имъ приходится ѣхать

съ ними еще часовъ десять-двѣнадцать желѣзной дорогой. Прежде сестры отправляли пріемышей большею частью въ Мэрилэндъ, штатъ близкій и искони католическій; но за послѣднее десятилѣтіе католицизмъ дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи въ западныхъ штатахъ, что нѣтъ почти деревушки, гдѣ бы не имѣлось католическаго священника, способнаго держать общій надзоръ надъ пріютскими дѣтьми. Дѣти помѣщаются, конечно, въ католическія семьи, къ людямъ, которые несомнѣнно воспитаютъ ихъ въ неуклонномъ исполненіи предписаній римской церкви.

Какіе люди выработываются изъ питомцевъ сестры Ирины—трудно еще опредѣлительно сказать, такъ какъ прошло не болѣе двадцати лѣтъ съ той поры, какъ пріютъ вполнѣ выработалъ свою систему дѣятельности. Замѣчательно уже то, впрочемъ, что изъ нѣсколькихъ тысячъ дѣтей, отосланныхъ изъ пріюта въ западные штаты пріемышами, всего трое проявило неискоренимые слѣды преступной наслѣдственности и попало въ исправительныя тюрьмы; на многихъ ли дѣтей поступаютъ въ пріютъ жалобы, и какъ съ ними поступаютъ, мнѣ, къ сожалѣнію, навести справокъ не пришлось. Во всякомъ случаѣ велика заслуга сестеръ, что онѣ такъ много дѣтей поднимаютъ на ноги, отстраняютъ отъ преступныхъ воздѣйствій, столь вредныхъ въ раннемъ періодѣ дѣтства и отрочества.

Сама сестра Ирина замѣтила въ разговорѣ со мною: „невозможно не привязываться всѣмъ сердцемъ къ тому, о комъ приходится заботиться ежечасно". А такъ какъ заботятся сестры не объ однихъ дѣтяхъ, но зачастую и о матеряхъ, то весьма естественно, что той же сестрѣ Иринѣ пришла мысль устроить убѣжище для женщинъ, гдѣ несчастныя находили бы пріютъ въ ту пору, когда боязнь людского остракизма побуждаетъ ихъ часто накладывать руки на самихъ себя или же избавляться преждевременно отъ ребенка—хотя бы цѣною здоровья, которое затѣмъ не можетъ возстановиться цѣлыми годами; нечего и говорить о томъ, какъ многія изъ такихъ—большей частью обманутыхъ женщинъ—все ниже и ниже спускаются по общественной лѣстницѣ, разъ уже близкіе люди повернулись къ нимъ спиною въ такую пору, когда онѣ наиболѣе нуждались въ поддержкѣ.

Какъ судятъ сестры St. Vincent of Paul объ этого рода „падшихъ женщинахъ", лучше всего видно изъ одного отрывка публикуемой ими брошюры, въ которой онѣ объясняютъ, что̀ ихъ побудило открыть при пріютѣ найденышей родильный домъ. „На грѣшницу бременемъ ложится все горе и всѣ страданія, а также (въ глазахъ фарисейскаго свѣта) и весь позоръ, все людское пре-

э. Не такъ смотритъ на нее милосердый Богъ. Тотъ, Кто
ть обвинителямъ блудницы, бросившейся къ Его ногамъ:
изъ васъ безъ грѣха, пусть тотъ первый бросить въ нее
ь—Тотъ и теперь полонъ милости и состраданія къ самымъ
мъ и самымъ грѣшнымъ, когда ихъ посѣщаетъ раскаяніе.
пинство женщинъ, попадающихъ въ пріютъ—жертвы первой
ки: весьма часто паденіе ихъ бываетъ причинено простою
нностью, свойственною ранней молодости, или же является
гвіемъ недостатка надлежащаго надзора за ними и попеченій
ороны ихъ родителей; еще того чаще паденіе ихъ совер-
ся подъ вліяніемъ жестокаго, возмутительнаго обмана со сто-
ихъ обольстителей. Всѣ эти женщины мучаются укорами
ги—на нихъ не трудно бываетъ подѣйствовать примѣромъ и
убѣжденія"... Въ пріютѣ „имъ даютъ убѣжище, подаютъ
помощь; этимъ путемъ въ нихъ воскрешаютъ надежду и
важеніе и въ концѣ концовъ возвращаютъ ихъ въ міръ,
торомъ и имъ предначертана всемилостивымъ Богомъ ихъ
работы и труда"...

а двадцать лѣтъ существованія пріюта такихъ матерей пе-
ало въ пріютѣ свыше пяти тысячъ.

а исключеніемъ сестры Ирины, состоящей начальницей ро-
аго дома, сестры совсѣмъ не соприкасаются съ этимъ учреж-
іъ—оно всецѣло ведется акушерами и спеціальнаго обученія
ками. Безплатныхъ кроватей въ немъ совсѣмъ нѣтъ, такъ
отъ города на содержаніе этого дома никакой субсидіи де-
ій не поступаетъ. Женщины, поступающія въ общія палаты,
тъ 25 долларовъ при вступленіи въ родильный домъ—это
тъ платой за медицинскую помощь, лекарства и пр., и по
оллара въ недѣлю впредь за содержаніе. Послѣ родовъ эти
ины обязательно должны оставаться въ пріютѣ три мѣсяца
дѣтяхъ своихъ кормилицами, и за эти мѣсяцы съ нихъ ни-
платы за содержаніе не полагается.

Женщины болѣе достаточныхъ слоевъ платятъ при вступленіи
дильный домъ 50 долларовъ, получаютъ отдѣльную комнату
нихъ за содержаніе ихъ взимается отъ шести и до пятнад-
долларовъ въ недѣлю. Эти оставаться при пріютѣ корми-
ми не обязаны, но зато и дѣтей своихъ обязаны брать при
ѣ изъ учрежденія съ собою. Конечно, никто имъ не мо-
помѣшать тотчасъ же подкинуть ребенка тѣмъ же пріют-
сестрамъ, отправивъ его въ колыбель пріемнаго покоя; но
ъ случиться и такъ, что ребенокъ попадетъ въ такую пору,
нѣтъ для него въ пріютѣ мѣста—это случается—и его

тогда административнымъ порядкомъ перешлютъ въ муниципальный воспитательный домъ на Рандаль-Айландѣ, а тамъ ребенку далеко не такъ хорошо, какъ у „сестры Ирины“. Замѣчательно уваженіе, какое возбуждаетъ къ себѣ личность этой энергичной, либеральной монахини во всѣхъ лицахъ, имѣющихъ съ нею дѣло. Даже оффиціальныя лица, чиновники муниципалитета, не иначе упоминали въ разговорѣ со мною объ этомъ пріютѣ, какъ о „пріютѣ сестры Ирины“, и это совершенно основательно, такъ какъ учрежденіе это создано ею, развилось по ея идеямъ и ею все держится; неизвѣстно, будетъ ли это дѣло такъ жизненно, когда время отстранитъ отъ него сестру Ирину, вложившую въ него всю свою душу.

VII.

Мнѣ приходилось въ пріютѣ найденышей бывать лѣтомъ, когда все смотритъ наряднѣе и веселѣе, но мои впечатлѣнія только подтверждали тѡ, чтѡ я вообще слышала о жизни въ этомъ учрежденіи отъ разныхъ другихъ частныхъ лицъ.

Дортуары, освѣщенные окнами съ двухъ противоположныхъ стѣнъ, весьма обширны и вмѣщаютъ каждый отъ десяти и до шестнадцати большихъ кроватей для матерей, и такое же число кроватей для дѣтей. Эти послѣднія кровати огорожены высокими желѣзными перилами и заканчиваются въ головахъ и ногахъ желѣзными же, обращенными вверхъ дугами, на которыя накидывается пологъ, предохраняющій дѣтей отъ мухъ и отъ рѣзкихъ приливовъ воздуха. Какъ уже прежде мною объяснено, при каждой кормилицѣ спитъ ея собственный ребенокъ, а на кровати рядомъ помѣщается въ головахъ ея грудной питомецъ, а въ ногахъ —уже умѣющій бѣгать ребенокъ, за которымъ ей приходится также ходить: эти послѣднія дѣти такъ и называются побѣгушками— run arounds. Казалось бы, эти спальни слишкомъ переполнены, чтобъ отвѣчать требованіямъ гигіены; но на самомъ дѣлѣ вышина комнатъ и прекрасныя приспособленія для вентиляціи, за которыми и ночью смотритъ дежурная сидѣлка, помимо обходящихъ иногда и по ночамъ дортуары сестеръ, поддерживаютъ воздухъ и температуру въ требуемомъ видѣ. Къ тому же, между двумя рядами установленныхъ головами къ двумъ внѣшнимъ стѣнамъ кроватей оставленъ большой свободный отъ мебели проходъ, футовъ въ семнадцать шириною, гдѣ малыя дѣти учатся въ машинкахъ ходить, бѣгаютъ и играютъ въ теченіе дня.

въ пріютѣ начинается рано: малые ребята начинають
ю пору ворковать, лишь только защебечуть воробьи на
у оконъ. Въ шесть часовъ поднимаются матери и,
ись сами, приступають подъ руководствомъ сестеръ и
сидѣлокъ къ энергической операціи чистки и омовенія
смежныхъ съ палатами ванныхъ комнатахъ. Вой тутъ
тся, конечно, неимовѣрный: который ребенокъ кричитъ
себѣ, который за компанію, а который и просто отъ
рудныхъ дѣтей купають ежедневно, а „побѣгушекъ"—
въ недѣлю. Звонокъ къ завтраку раздается въ семь—и
, и дѣти, и матери съ грудными ребятами, двигаются въ
а сидѣлки немедля отворяють настежь всѣ окна дор-
за цѣлый часъ времени, или хотя на полчаса, если по-
ія и приходится закрывать отъ дождя ставни-жалюзи.
ѣгушкамъ" полагается на завтракъ молоко и бѣлый хлѣбъ
мъ и сидятъ они рядкомъ за большими низкими столами
ькихъ креслецахъ; дважды въ недѣлю дается имъ притомъ
каша или каша изъ маисовыхъ крупъ. Тѣмъ изъ матерей-
ъ, какія этого требують, сидѣлки подають по чашкѣ
ще въ постелю, а для завтрака матерей усаживають за
й отъ „побѣгушекъ" столъ и подаются имъ яйца, хлѣбъ
мъ, какая-нибудь каша, чай съ молокомъ и сахаромъ,
въ недѣлю дается сверхъ того и мясо. Пока матери
дѣлки и сестры кормятъ съ ложечки сгущеннымъ и раз-
мъ молокомъ грудныхъ ихъ дѣтей.
з завтрака всѣ переходятъ въ комнаты, отведенныя для
з дѣти бѣгають, а сестры и кормилицы за ними исподт-
сматривають, оправляють на дѣтяхъ платья, завивають
въ своимъ пальцами кудри; тутъ же, конечно, между
ми не обходится безъ попрековъ или перебранки, но
стры не дозволяють далеко заходить и скоро всѣхъ снова
ъ въ дортуары. Перестлавъ постели и убравшись съ ком-
меньшими дѣтьми, матери-кормилицы присаживаются
, и тутъ тѣмъ изъ нихъ, которыя желають, сидѣлки по-
чашкѣ шоколада, и время до обѣда проходитъ въ шитьѣ
и на дѣтей или въ играхъ съ малыми питомцами, тогда
бѣгушки" съ самаго завтрака разсыпаются по классамъ,
занимаются по Фребелевской системѣ, а старшихъ учатъ
о звуковой методѣ и писанію. Большія двѣ залы, отве-
одъ „дѣтскій садъ", должны представляться малышамъ
раемъ: бѣлыя стѣны въ нихъ увѣшены блестящими укра-
свернутыми и сплетенными изъ цвѣтной, золотой, сере-

бряной бумаги дѣтскими руками, листами толстой бумаги съ выколотыми на нихъ дѣтьми узорами; на полкахъ стоятъ бумажныя же модели деревьевъ и цвѣтовъ; тутъ же лежатъ большія, аккуратно сложенныя груды миніатюрныхъ кирпичей, изъ которыхъ дѣтямъ предоставляется складывать фигуры и зданія по моделямъ или „изъ своей головы"; когда же на передній планъ выдвигаются модели коровъ, гусей, барановъ и другихъ домашнихъ птицъ и животныхъ—восторгъ малютокъ трудно бываетъ и сдерживать: каждый передъ другими на перегонку силится показать, какъ, по его понятіямъ, мычитъ корова, блеетъ овца или гусь гогочетъ...

Но вотъ наступаетъ полдень и раздается обѣденный звонокъ: оставляются дѣтьми игры и книги, опять матери-кормилицы сходятся съ питомцами своими въ столовой и ѣдятъ почти одно и то же—супъ, жаркое—больше баранину и говядину, картофель, бобы, морковь, тыкву или рѣпу вареную, заканчиваютъ обѣдъ какимъ-нибудь пуддингомъ, и снова всѣ переходятъ, кто за дѣло, кто за игру, а меньшія засыпаютъ по кроватямъ. Въ три часа кормилицамъ снова разносятъ по чашкѣ холоднаго чая или молока.

Послѣ полудня не происходитъ уже никакого ученья, хотя занятія съ дѣтьми не прекращаются весь день: тутъ разбиваютъ „побѣгушекъ" на партіи въ двадцать или въ двадцать пять человѣкъ и затѣваютъ съ ними игры съ бѣганьемъ и прыганьемъ въ большихъ залахъ пріюта, а не то сестры устанавливаютъ дѣтей въ кругъ и начинаютъ имъ разсказывать на особый манеръ сказки, причемъ дѣти косвеннымъ образомъ упражняются въ гимнастикѣ, принимая движеніями участіе въ дѣйствіи сказки; иногда же они разыгрываютъ нѣчто въ родѣ шарадъ. Въ хорошую погоду регулярные классы и игры уступаютъ подчасъ мѣсто гулянью въ центральномъ паркѣ и бѣганью на открытомъ воздухѣ по двору. Какъ бы ни проходилъ день, къ пяти часамъ и дѣти и кормилицы снова голодны и готовы приступить къ ужину, который для дѣтей ограничивается молокомъ и хлѣбомъ съ масломъ вволю, тогда какъ матерямъ подается кромѣ того сыръ, вареный чернословъ, яблочное пюре, фруктовый мармеладъ, а лѣтомъ—свѣжія ягоды или фрукты; послѣ того, давъ дѣтямъ еще съ часокъ побѣгать, ихъ всѣхъ укладываютъ въ постели и затѣмъ матери здоровыхъ дѣтей на нѣкоторое время предоставлены самимъ себѣ. Тутъ уже за ними не установлено никакого надзора, и онѣ проводятъ часъ-другой времени въ чтеніи или болтовнѣ; въ четверть девятаго имъ приказывается готовиться спать, а въ девять уже гасится газъ и оставляются въ дортуарахъ одни ночники.

Читатель, конечно, не преминулъ замѣтить, что кормилицамъ ѣсть даютъ весьма часто; не мало дивилась тому и я, когда, зайдя, въ сопровожденіи сестры Ирины, въ одну изъ кухонь, я увидѣла, какъ много тамъ производится стряпни даже послѣ того, какъ ужинъ былъ поданъ. На самомъ дѣлѣ кормилицамъ ѣда „предлагается“ шесть разъ въ день; въ виду же того, что каждая изъ нихъ кормитъ двухъ дѣтей, сидѣлки приносятъ имъ молоко, жидкій чай и шоколадъ, когда только онѣ того потребуютъ. Американцы и вообще ѣдятъ весьма много, поглощаютъ, въ сущности, по три большихъ обѣда на день. Это требуется какъ климатомъ, такъ и усиленною дѣятельностью, на которую всѣхъ почти наталкиваетъ американскій строй жизни: чтобъ хорошо машина работала, и топлива на нее нечего жалѣть. Сестры же милосердія, какъ и вообще всѣ члены американскихъ монашествующихъ орденовъ, не отказываютъ себѣ въ мясѣ и въ хорошемъ, вкусномъ столѣ, располагая только ѣду согласно предписаніямъ своей церкви; бичеваніе плоти голодомъ у здѣшнихъ католическихъ монаховъ и монахинь не въ модѣ; впрочемъ надо сказать и то, что они здѣсь ведутъ чрезвычайно дѣятельную жизнь, посвящая себя воспитанію дѣтей, уходу за стариками, практическому насажденію трезвости, ученымъ изысканіямъ, серьезной публицистикѣ, миссіямъ въ трущобныхъ кварталахъ, цивилизаціи и просвѣщенію индѣйцевъ далекаго запада и пр. Они неустанно присматриваются къ теченію жизни и никогда не остаются позади вѣка: въ томъ, кажется мнѣ, лежитъ секретъ успѣха католическихъ орденовъ въ Америкѣ, что населеніе сознаетъ нужду въ ихъ практической помощи; даже протестанты сознаютъ пользу, приносимую многими католическими орденами въ странѣ, и если и безпокоятся насчетъ ихъ быстраго роста, то лишь потому, что опасаются, какъ бы католическое духовенство не забрало слишкомъ много воли и не принялось прививать здѣсь инструкціи римской куріи, вмѣшиваться въ политику во вредъ странѣ, какъ это дѣлается духовенствомъ латинскихъ странъ американскаго континента. Трудно браться рѣшать, насколько основательны эти подозрѣнія, но, судя по полезнымъ сферамъ дѣятельности, избираемой здѣсь для себя католическимъ чернымъ духовенствомъ (теперь въ подавляющемъ большинствѣ изъ природныхъ американцевъ), можно думать, что здѣсь и римско-католическая церковь откажется отъ своихъ непопулярныхъ традицій и, подобно отдѣльнымъ людямъ въ здѣшнемъ климатѣ, радикально переработается въ нѣчто, вполнѣ соотвѣтствующее духу времени и требованіямъ американской жизни.

Всѣ расходы на пріютъ доходили въ 1888 г. до 281.159 дол.;

но въ 1889 г., несмотря на большее число содержавшихся въ немъ дѣтей, расходы сокращены были до 277.659 долларовъ.

Изъ этихъ суммъ на жалованье врачамъ и прислугѣ въ пріютѣ пошло въ 1889 г. 11.709 долларовъ 47 центовъ:

на хлѣбъ	7.292	доллара	30	центовъ
на мясо	16.476	„	75	„
на масло.	2.760	„	31	„
на освѣщеніе и отопленіе	7.647	„	27	„
на лекарства и хирургическіе инструменты	3.019	„	72	„
на молоко	6.905	„	43	„
на жалованье городскимъ кормилицамъ	141.312	„	50	„
на расходы по перевозкѣ дѣтей въ другіе штаты	4.726	„	55	„
на писчія принадлежности. . . .	1.661	„	85	„
на одежду	10.145	„	55	„
на обувь	3.153	„	13	„
на постройки и улучшенія зданій .	10.519	„	57	„
на обыкновенныя починки. . . .	5.776	„	35	„
на мебель, кровати и тюфяки . . .	2.111	„	12	„
на похоронныя и всѣ другія издержки	3.118	„	72	„
уплаченъ долгъ, остававшійся при концѣ 1888 года	18.000	„	—	„
Итого истрачено въ 1889 году . .	277.659	долларовъ	59	центовъ.

Что же касается до общихъ чертъ пріютской дѣятельности за послѣдніе два года, то она резюмируется слѣдующими цифрами:

Дѣтская статистика:	за 1888 г.	за 1889 г.
Оставалось къ 1 января	1.593 чел.	1.693 чел.
Принято въ теченіе года	907 „	949 „
Родилось въ самомъ пріютѣ	169 „	166 „
Итого. . . .	2.669 чел.	2.808 чел.
Выбыло въ теченіе года:		
Помѣщено въ частные дома. . . .	326 чел.	352 чел.
Возвращено родителямъ	114 „	136 „
Выбыло иными путями.	2 „	4 „
Умерло	534 „	545 „
Итого . . .	976 чел.	1.037 чел.

Оставалось къ 1 янв. 1889 г. 1.693 чел. а къ 1 янв. 1890 г. 1.771 чел.

Изъ этой таблицы явствуетъ, что смертность дѣтей пріютскихъ въ самомъ учрежденіи и у городскихъ кормилицъ доходила въ 1889 г. болѣе чѣмъ до 19,4 процентовъ.

Мнѣ не удалось, къ сожалѣнію, дознаться, сколько именно дѣтей умерло въ пріютѣ и сколько кормилицъ: сестра Ирина говорила мнѣ только, на основаніи своего опыта, что на частныхъ квартирахъ самыхъ даже бѣдныхъ кормилицъ смертность дѣтей всегда бываетъ ниже, чѣмъ въ наилучшемъ пріютѣ, гдѣ дѣти собраны въ большой численности. Правда, въ пріютѣ оставляются наиболѣе слабыя и болѣзненныя дѣти: но не это имѣла, конечно, въ виду авторитетная въ этомъ вопросѣ монахиня.

Правда, что бѣдный людъ въ Америкѣ вообще живетъ чище и лучше, чѣмъ въ Европѣ, но едва ли это можно сказать о тѣхъ недавно переселившихся изъ Европы итальянкахъ, венгеркахъ и ирландкахъ, изъ которыхъ наберется большинство кормилицъ, берущихъ изъ пріюта дѣтей на домъ. Конечно, дѣтей раздаютъ только тѣмъ женщинамъ, которыя, по донесенію сыщика пріюта и доброхотныхъ надзирателей изъ католиковъ, оказываются трезвыми, чистоплотными и заботливыми по хозяйству.

Что же касается до *неимущихъ матерей*, то таковыхъ:

	1888 г.	1889 г.
Оставалось въ пріютѣ 1 января	205 чел.	209 чел.
Принято въ теченіе года.	242 „	251 „
Итого . .	447 чел.	460 чел.
Выбыло:		
Отправлено на мѣста	177 чел.	191 чел.
Ушло съ дѣтьми	60 „	52 „
Умерло	1 „	2 „
Итого . .	238 чел.	245 чел.
Остается въ пріютѣ къ 1 января 1890 г.	215 чел.	

Въ родильномъ домѣ Maternity числилось	въ 1888 г.	въ 1889 г.
Оставалось къ 1 января.	40 чел.	30 чел.
Принято въ теченіе года	175 „	181 „
Итого . .	215 чел.	211 „
Выбыло	183 чел.	180 чел.
Умерло	2 „	— „
Итого выбыло . .	185 чел.	180 чел.
Остается къ 1 января 1890 г.	30 чел.	

Всего въ пріютѣ числилось дѣтей и матерей за 1888 годъ . . . . 3.331 чел., а за 1889 г. 3.479 чел.

Этими тремя учрежденіями, столь неравными по размѣрамъ и полезности своей дѣятельности: католическимъ пріютомъ сестры Ирины, пріютомъ младенцевъ на 61-ой улицѣ и муниципальнымъ пріютомъ найденышей на Рандаль-Айландѣ, собственно и ограничивается сфера городскихъ заботъ о безродныхъ и нуждаю-

щихся младенцахъ. Случается, что найденыши (въ весьма ограниченномъ числѣ) принимаются нѣкоторыми частными благотворительными учрежденіями; но громадное большинство тайно рождаемыхъ дѣтей остается у разныхъ незавидной репутаціи акушерокъ и женщинъ, содержащихъ такъ-называемыя „фермы дѣтей". Эта профессія, къ стыду Нью-Іорка, ведется, въ сущности, безъ всякаго надзора и регуляціи. Эти „фермы дѣтей" по большей части помѣщаются на тѣсныхъ, душныхъ и темныхъ квартирахъ промышляющихъ дѣтьми женщинъ, которыя открыто „продаютъ" ребенка всякому желающему, не задавая покупщику никакихъ вопросовъ, на какую ему потребность нуженъ новорожденный ребенокъ. Правда, что продажа дѣтей по цѣнѣ отъ пяти и до двадцати долларовъ производится подъ видомъ взиманія законнаго вознагражденія за содержаніе ребенка съ готовыхъ усыновить его добрыхъ и достаточныхъ людей; но на дѣлѣ это та же продажа, столь же безцеремонная, какъ продажа щенка въ частныя руки, и не обставлена она ни малѣйшею формальностью. Конечно, мѣстное общество дѣтской помощи (Childrens Aid Society) старается предупредить подобныя злоупотребленія; но у общества недостаетъ средствъ и агентовъ для того, чтобы многое совершить. Дѣтопромышленницами кишмя кишитъ Нью-Іоркъ, равно какъ и акушерками, которыя, за единовременную плату 30 или 50 долларовъ, берутся ухаживать за роженицею и „пристроить" ребенка такъ, чтобъ о немъ затѣмъ никогда и слуху никакого не было. Департаментъ городского здравія, также находящійся въ рукахъ политикановъ Таммани-Голлъ, выдаетъ патенты на этого рода дѣятельность всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыя могутъ представить хоть одного удостовѣрителя въ своей респектабельности. Что огромное большинство такихъ женщинъ— простыя преступницы самаго низменнаго закала, въ этомъ никто въ Нью-Іоркѣ не сомнѣвается.

Одна газета, наиболѣе распространенная въ Нью-Іоркѣ, помѣстила въ прошломъ году рядъ статей своего репортера, изобличавшаго преступную торговлю дѣтьми, установленную акушерками Нью-Іорка; но таковъ эгоизмъ этого заѣденнаго жаждою быстрой наживы города, что никто и пальцемъ не пошевельнулъ, чтобъ прекратить эту возмутительную торговлю, и притоны этой торговли продолжаютъ держаться въ тѣхъ самыхъ домахъ, адресы которыхъ пропечатаны репортерами той газеты.

VIII.

Осмотрѣвъ пріюты для грудныхъ и малыхъ дѣтей въ Нью-Іоркѣ, я, конечно, не думала ограничиваться этимъ и предполагала воспользоваться наступающимъ лѣтнимъ затишьемъ, чтобъ совершить поѣздки въ важнѣйшіе города Союза и посмотрѣть, какіе методы приняты ими для наилучшаго сбереженія жизни призрѣваемыхъ ими дѣтей и каковы послѣдующія распоряженія о нихъ. Прежде, однако, я письмами обратилась съ запросами о мѣстной постановкѣ этого дѣла къ оффиціальнымъ лицамъ, завѣдующимъ департаментомъ общественной благотворительности въ Чикаго, Филадельфіи и Бостонѣ. Первые два изъ поименованныхъ городовъ считаются вторымъ и третьимъ городомъ Союза по численности населенія; а Бостонъ—эти Аѳины Америки—по высокой степени его цивилизаціи долженъ бы, казалось мнѣ, выработать у себя разумные методы благотворительности, вполнѣ достойные вниманія европейцевъ. Можно, слѣдовательно, представить себѣ мое удивленіе, когда пришли отвѣты на мои запросы,—и отвѣты эти категорично заявляли, что ни въ одномъ изъ этихъ городовъ ничего замѣчательнаго въ данномъ отношеніи не сдѣлано, за исключеніемъ Чикаго, гдѣ опять дѣло ведется по инціативѣ сестеръ милосердія St. Vincent of Paul, являясь подражаніемъ (въ меньшихъ только размѣрахъ) того, что̀ дѣлается ими въ ихъ большомъ нью-іоркскомъ пріютѣ.

Какъ незначительно развитіе дѣла по заботамъ о найденышахъ въ Бостонѣ и вообще въ старомъ штатѣ Массачусетса—явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, извлекаемыхъ мною изъ отчета „Совѣта штата Массачусетса по учрежденіямъ для сумасшедшихъ и неимущихъ“ (State Board on Lunacy and Charity of Massachusetts) за 1890 г.

Подъ графой „О найденышахъ и неимущихъ младенцахъ“ находимъ слѣдующее заявленіе: „Полное число всѣхъ найденышей и неимущихъ младенцевъ, состоящихъ на содержаніи штата, доходило 30-го сентября 1888 года до 79 человѣкъ. Изъ этого числа 21 младенцевъ были содержимы въ Massachusetts Infant Asylum“, а 58 было отдано на воспитаніе женщинамъ, живущимъ у себя на дому, и состояло подъ непосредственнымъ наблюденіемъ департамента of Out Door Poor (завѣдующаго бѣдными внѣ учрежденій). „Къ 30-му сентября 1889 года поступило новыхъ младенцевъ 86 человѣкъ. И такъ, всего за истекшій годъ содержалось штатомъ 165 младенцевъ, изъ которыхъ

40 состояло въ „Пріютѣ для дѣтей“ штата Массачусетса, а 125—на попеченіяхъ департамента of Out Door Poor“. Часть этихъ дѣтей была усыновлена посторонними людьми; въ пріютѣ для дѣтей умеръ за годъ одинъ младенецъ (изъ 40), а изъ тѣхъ 125, чтò отдано, подъ надзоромъ департамента, въ частныя руки, умерло за годъ 14 человѣкъ. Такимъ образомъ, къ 30 сентября 1889 г. на попеченіяхъ штата оставалось всего 93 младенцевъ, расходы по содержанію и одеждѣ которыхъ обошлись штату за годъ въ 12.846 дол. 83 цент. (т.-е. содержаніе каждаго ребенка обходилось за прошлый годъ въ сумму бòльшую чѣмъ 276 рубл. сер.).

Въ штатѣ Массачусетсѣ законъ поощряетъ „babi farming“, т.-е. раздачу младенцевъ на кормленіе въ частныя руки, подъ надзоромъ департамента, агенты котораго имѣютъ право во всякое время входить въ дома, гдѣ содержатся питомцы, и немедленно переводить ихъ въ другія руки, если найдутъ, что уходъ за ними недостаточенъ или, по какой-нибудь другой причинѣ, жизни ребенка угрожаетъ опасность, и тамъ этотъ надзоръ несравненно дѣйствительнѣе надзора департаментскихъ докторовъ въ Нью-Іоркѣ.

Говоря о законодательныхъ постановленіяхъ, относящихся къ разсматриваемой нами ѳбласти общественнаго призрѣнія, любопытно отмѣтить то, какъ достигаетъ Массачусетсъ того, что въ немъ такъ мало попадаетъ дѣтей на попеченіе штата. Тогда какъ сестры милосердія въ Нью-Іоркѣ и Чикаго приглашаютъ всѣхъ и каждаго приносить имъ покинутыхъ младенцевъ, рожденныхъ въ районѣ этихъ двухъ огромныхъ городовъ, штатъ Массачусетсъ постановляетъ что кто бы ни покидалъ (abandon) ребенка моложе двухъ лѣтъ, подкидывая его по близости или внутри какого бы то ни было зданія въ предѣлахъ этого штата, тотъ подвергается за то заключенію въ исправительныхъ домахъ, на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ; если же, вслѣдствіе такого покинутія ребенка, воспослѣдуетъ смерть этого послѣдняго, то тюремное заключеніе виновныхъ можетъ быть продлено на пять лѣтъ. А между тѣмъ Массачусетсъ не озабочивается открытіемъ такого учрежденія, которое бы принимало тѣхъ дѣтей, которымъ угрожаетъ опасность быть покинутыми ихъ ближними. Далѣе, въ отчетѣ того же департамента читаемъ, что въ него постоянно поступаютъ отъ зажиточныхъ семей спросы на дѣтей, которыхъ можно бы было усыновить. Спросъ на дѣтей превосходитъ предложеніе, вслѣдствіе чего департаментъ имѣетъ возможность выбирать для дѣтей наиболѣе подходящія семьи, которыя готовы ихъ усыновить.

Несмотря на малое развитіе дѣла о призрѣніи найденышей въ Массачусетсѣ, Шуртлевъ, делегатъ отъ Бостона на національной конференціи по дѣлу общественнаго призрѣнія, засѣдавшей въ Санъ-Франциско, былъ единственнымъ делегатомъ, который коснулся этого предмета на конференціи. Нью-Іоркъ не озаботился даже отправкою на эту важную конференцію отчета о состояніи тамъ дѣла призрѣнія и исправленія. А между тѣмъ въ штатѣ Нью-Іоркъ насчитывается шесть милліоновъ жителей, и въ него прибываетъ до четырехъ пятыхъ всѣхъ эмигрантовъ, переселяющихся сюда изъ Европы.

Делегатъ отъ Массачусетса, въ рѣчи своей на конференціи, пояснилъ систему, принятую этимъ штатомъ въ заботахъ его о найденышахъ. Въ главныхъ чертахъ исторія развитія дѣла въ Массачусетсѣ и достигнутые тамъ результаты сводятся къ слѣдующему. Штатъ принимаетъ на себя заботу о найденышахъ и о неимущихъ дѣтяхъ, лишенныхъ материнскихъ попеченій, а не ограничивается субсидіей тѣмъ частнымъ учрежденіямъ, которыя принимаютъ найденышей, какъ дѣлается въ Нью-Іоркѣ. Въ прежнія времена всѣ такія дѣти отправлялись въ богадельни, содержимыя штатомъ. Но смертность дѣтей ниже трехъ лѣтъ оказалась въ этихъ богадельняхъ до того громадна, что, наконецъ, въ октябрѣ 1879 г. попечители отказались принимать въ нихъ малыхъ дѣтей безъ матерей. Вслѣдствіе этого отказа законодательное собраніе Массачусетса постановило, въ 1880 г., чтобъ штатъ взялъ на себя заботу по воспитанію всѣхъ покинутыхъ младенцевъ.

Частная корпорація, дѣйствующая подъ названіемъ Massachusetts Infant Asylum уже съ 1867 г., весьма успѣшно воспитывала малыхъ дѣтей, раздавая ихъ въ частныя семьи. Та же система была принята и штатомъ, и съ прекрасными результатами: смертность дѣтей ниже трехъ-лѣтняго возраста, *доходившая въ богадельняхъ до 97%*, въ скоромъ времени сбавлена была до размѣра 50%, въ 1881 году всего 30%, а съ того времени она колеблется между 14 и 20 процентами.

Лишь только надзирателямъ за бостонскими бѣдными представляютъ ребенка, его немедля свидѣтельствуетъ врачъ; если ребенокъ малъ и слабъ, его отправляютъ въ Massachusetts Infant Asylum или въ устроенную недавно Nursery — дѣтскую для слабыхъ дѣтей; когда же они окрѣпнутъ, ихъ раздаютъ въ частныя семьи, преимущественно въ деревняхъ при желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, гдѣ ихъ часто навѣщаютъ медики, состоящіе на службѣ города. Когда въ департаментъ поступаетъ

ребенокъ неизвѣстныхъ родителей, тотчасъ принимаются мѣры къ ихъ разысканію; въ этомъ весьма часто успѣваютъ, и тогда этихъ родителей по закону заставляютъ платить за содержаніе ребенка. Въ семьяхъ, желающихъ получить питомцевъ, никогда нѣтъ недостатка; но въ каждую семью даютъ лишь по одному ребенку — и только въ исключительныхъ случаяхъ по два. Прежде чѣмъ отдавать ребенка въ какой-нибудь частный домъ, его посѣщаетъ оффиціальный санитарный инспекторъ: этотъ послѣдній составляетъ докладную записку касательно числа спаленъ въ домѣ, вентиляціи, дренажа, солнечнаго свѣта, проникающаго въ комнаты, числа собственныхъ дѣтей въ семьѣ; затѣмъ старательно собираются справки объ характерѣ и способностяхъ къ уходу за дѣтьми той женщины, которая проситъ себѣ питомца. Большинство женщинъ предпочитаютъ сами шить на пріемышей, и для того матеріалъ имъ поставляется департаментомъ, который закупаетъ все оптомъ и добротнаго качества, но старательно избѣгаетъ однообразія въ цвѣтахъ и узорахъ, чтобы одежда питомцевъ не походила на форменную, не накладывала на нихъ какой-либо особой печати. Состоящіе на службѣ штата медики навѣщаютъ каждаго изъ питомцевъ въ частныхъ рукахъ по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, отмѣчая здоровье ребенка и оставляя инструкціи насчетъ ухода за нимъ; лишь только ребенокъ заболѣваетъ, женщина, ходящая за нимъ, обязана о томъ тотчасъ телеграфировать тому врачу, въ районѣ котораго ребенокъ находится; въ отвѣтъ на телеграмму медикъ является неотлагательно или извѣщаетъ, чтобы женщина пригласила мѣстнаго врача; плата этимъ послѣднимъ, равно какъ и въ мѣстную аптеку, производится затѣмъ изъ департамента Общественнаго Призрѣнія; бо́льшей же частью лекарства раздаются штатными врачами. Въ книгахъ департамента занесено имя каждаго ребенка, а также и полная исторія хода его роста и заботъ о немъ вплоть до достиженія имъ трехъ-лѣтняго возраста. Тогда его или переводятъ въ какое-нибудь другое публичное учрежденіе, или оставляютъ у женщины, воспитавшей его, пока не найдутся желающіе усыновить этого ребенка. Агенты департамента навѣщаютъ малолѣтнихъ питомцевъ даже въ домахъ ихъ пріемныхъ родителей, многіе изъ которыхъ, живя въ городѣ, нерѣдко приводятъ пріемышей своихъ въ департаментъ, чтобъ испросить касательно ихъ какого-нибудь совѣта.

Процессъ усыновленія питомцевъ департамента производится слѣдующимъ образомъ. Желающіе пріобрѣсти ребенка адресуютъ запросъ на таковаго въ департаментъ и получаютъ оттуда спи-

сокъ адресовъ лицъ, у которыхъ имѣются питомцы штата. Нерѣдко притомъ прилагаются и фотографіи дѣтей. Ищущіе ребенка разъѣзжаютъ по даннымъ имъ адресамъ, пока не найдутъ ребенка, который имъ придется по душѣ. Найдя такого, они даютъ о томъ знать въ департаментъ, откуда тотчасъ наводятся справки о репутаціи и положеніи семьи, желающей ребенка; если справки удовлетворительны и жилище людей тѣхъ не угрожаетъ опасностью здоровью дѣтей, тогда ребенка посылаютъ къ нимъ на пробу; если, по истеченіи извѣстнаго срока, ребенокъ оказывается для семьи удовлетворительнымъ и самъ онъ привязывается къ этимъ новымъ людямъ и здоровье его удовлетворительно, тогда департаментъ разрѣшаетъ тѣмъ людямъ обращаться въ судъ—Probate Court, съ просьбою о законномъ усыновленіи выбраннаго ими питомца.

Судя по отчетамъ массачусетскаго департамента Общественнаго Призрѣнія и по частнымъ сообщеніямъ о ходѣ дѣла, можно съ увѣренностью подтвердить заявленіе, сдѣланное на національной конференціи 1889 года делегатомъ изъ Бостона, а именно, что „не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ огромныхъ преимуществахъ раздачи малыхъ питомцевъ въ частныя семьи въ сравненіи со старинными методами взращенія дѣтей въ пріютахъ. Но для успѣха необходимо поддерживать за тѣми дѣтьми тщательный, неустанный и разумный надзоръ. Тамъ, гдѣ этотъ надзоръ установленъ раціонально, тамъ въ результатѣ явится спасеніе многихъ жизней и большое улучшеніе въ физическомъ и умственномъ положеніи дѣтей“.

IX.

Вообще, система поощренія усыновленія подкидышей и заброшенныхъ дѣтей все болѣе и болѣе укореняется въ Соединенныхъ Штатахъ. Во многихъ городахъ существуютъ благотворительныя общества, избравшія цѣлью своей дѣятельности помѣщеніе такихъ дѣтей въ частныя семьи на пробу, въ видахъ послѣдующаго ихъ усыновленія, если къ тому ребенку успѣютъ въ семьѣ привязаться. Мы уже видѣли, какъ отправляютъ дѣтей въ западные штаты изъ пріюта сестеръ St. Vincent of Paul; эти дѣти разбираются весьма охотно потому, что они прекрасно воспитаны сестрами до шести-лѣтняго возраста и почти никогда затѣмъ не проявляютъ непреодолимой испорченности характера. Но въ послѣднее время изъ западныхъ штатовъ нерѣдко доходятъ жалобы на то, что туда сплавляютъ массы неисправимыхъ, по-

рочныхъ дѣтей изъ исправительныхъ домовъ большихъ городовъ, зараженныхъ язвою пауперизма; и если это будетъ продолжаться, то западные штаты вѣроятно станутъ подобныхъ дѣтей возвращать въ тѣ штаты, изъ которыхъ они прибыли.

Въ связи съ этимъ способомъ рѣшенія вопроса о томъ, какъ распоряжаться дѣтьми, поступающими на общественное призрѣніе, весьма поучителенъ примѣръ одного частнаго филадельфійскаго общества, которое, подъ названіемъ: Children's Hope Society, было организовано одною энергичною, просвѣщенною американкою, миссъ Caroline Pemberton. Задачи этого общества состояли въ томъ, чтобы разыскивать респектабельныя семьи, преимущественно въ сельскихъ мѣстностяхъ, которыя соглашались бы брать къ себѣ по одному ребенку порочныхъ родителей или же малыхъ ребятъ, уже фигурировавшихъ на скамьѣ подсудимыхъ. Дѣйствія этого общества исходятъ изъ того положенія, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нормальномъ развитіи нравственной природы ребенка, самая даже простая, невѣжественная, но честная, трудолюбивая семья предпочтительнѣе наилучше обставленныхъ общественныхъ пріютовъ. Въ былое время ребенокъ, отнятый по суду у его порочныхъ или преступныхъ родителей, отправлялся въ пріютъ, а выходя оттуда на свободу, въ большинствѣ случаевъ попадалъ въ тюрьму и кончалъ рабочимъ домомъ. Общество же „Дѣтской надежды" собирало въ Филадельфіи деньги и ежегодно брало изъ городскихъ богаделенъ (almshouses) отъ 300 до 400 дѣтей, которыхъ и помѣщало въ частныхъ семьяхъ, платя за ихъ содержаніе, пока трудъ этихъ дѣтей не начиналъ окупать ихъ содержанія. Общество никогда не помѣщаетъ двухъ такого рода дѣтей въ семьи, живущія по сосѣдству; за послѣднее время оно учредило отдѣлы во всѣхъ графствахъ штата Пенсильваніи: понятное дѣло, что отъ дѣтей порочныхъ родителей стараются скрывать причину ихъ помѣщенія въ чужую семью,—скрыть это тѣмъ легче, что общество такимъ же образомъ помѣщаетъ дѣтей респектабельныхъ и трудящихся родителей, которые, по бѣдности, не могутъ содержать дѣтей при себѣ въ большихъ городахъ, гдѣ должны жить по своимъ занятіямъ. Такія дѣти, конечно, въ концѣ концовъ возвращаются родителямъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года это частное общество было поглощено старымъ, богатымъ и прочно организованнымъ филадельфійскимъ обществомъ Children's Aid Society, вслѣдствіе чего въ будущемъ его полезная дѣятельность можетъ почитаться вполнѣ упроченною.

Этимъ способомъ распредѣленія покинутыхъ дѣтей и подки-

дышей въ частныя семьи пользуется и муниципалитетъ Филадельфіи. „Департаментъ Общественнаго Призрѣнія и Исправленія" Филадельфіи имѣетъ въ настоящее время одного оффиціальнаго „навѣстителя дѣтей", Милликена, который сообщаетъ въ отчетѣ своемъ, что за 1888 годъ (годъ послѣдняго отчета) онъ навѣстилъ 322 дѣтей, находящихся внѣ заведеній Общественнаго Призрѣнія, и произвелъ въ общей сложности 823 посѣщенія.

Мистеръ Милликенъ вотъ уже семь лѣтъ состоитъ оффиціальнымъ „посѣтителемъ дѣтей" при департаментѣ Общественнаго Призрѣнія въ Филадельфіи; одинъ этотъ фактъ уже достаточно свидѣтельствуетъ объ его опытности на этомъ полѣ дѣятельности. Вслѣдствіе этого я почитаю чрезвычайно счастливою случайностью, что письмо мое съ запросомъ о мѣстной постановкѣ дѣла было передано этимъ филадельфійскимъ департаментомъ г-ну Милликену: за неимѣніемъ готовыхъ оффиціальныхъ отчетовъ за прошлый годъ, онъ съ чисто американскою любезностью немедля отвѣчалъ мнѣ длиннѣйшимъ письмомъ, въ которомъ описываетъ методы, принятые филадельфійскимъ департаментомъ въ дѣлѣ охраненія жизни найденышей и дѣтей, рождающихся въ городскомъ „госпиталѣ Филадельфіи".

Всего за 1888 годъ родилось въ этомъ госпиталѣ 222 ребенка, изъ которыхъ 183 чел. были вполнѣ крѣпки и здоровы, 19—мертворожденныхъ и 20—болѣзненныхъ. Болѣзненные всѣ умерли за исключеніемъ одного, такъ что смертность среди рожденныхъ въ госпиталѣ дѣтей равнялась 20%. Уцѣлѣвшія дѣти, не унесенныя матерями изъ госпиталя, всѣ поступили на вскормленіе въ частные дома.

По сообщенію г. Милликена, всѣ найденыши, подбираемые полиціей и гражданами, отправляются въ „госпиталь Филадельфіи" на Blockley Island, содержимый на городскія суммы. Въ госпиталѣ ихъ отправляютъ въ палату найденышей, на попеченіе ученыхъ сидѣлокъ, которыя кормятъ ихъ посредствомъ патентованныхъ склянокъ, подъ присмотромъ врачей госпиталя.

Въ силу многоразличныхъ причинъ, почти всѣ найденыши, немедленно по вступленіи въ госпиталь, нуждаются въ медицинской помощи. Въ теченіе многихъ лѣтъ смертность найденышей въ госпиталѣ была чрезвычайно велика, и въ особенности за лѣтніе мѣсяцы, немногіе изъ нихъ оставались въ живыхъ.

Въ началѣ 1888 года дамы, принадлежащія къ филадельфійскому обществу вспомоществованія дѣтямъ, вызвались брать найденышей изъ отведенной имъ въ госпиталѣ палаты и помѣщать ихъ на вскормленіе въ частныя семьи, преимущественно

сельскія. Совѣтъ директоровъ госпиталя немедля на то согласился, и на первый разъ отправлено было четырнадцать младенцевъ черезъ членовъ этого общества въ деревенскіе дома: при этомъ ни въ одну семью не давалось болѣе одного питомца, и то лишь въ томъ случаѣ, когда по тщательнымъ справкамъ оказывались удовлетворительными и домъ, и характеръ, и репутація женщины, желавшей взять на себя заботы о пріемышѣ. Плата за содержаніе и одежду питомца, равно какъ и уходъ за нимъ, полагается по два доллара въ недѣлю, что̀ выходитъ приблизительно на долларъ въ мѣсяцъ меньше, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, но зато и жизнь въ Филадельфіи дешевле.

Дѣтей, помѣщенныхъ въ частные дома, правильно навѣщаютъ и члены общества вспомоществованія дѣтямъ, и оффиціальный посѣтитель дѣтей отъ департамента, которые неустанно слѣдятъ за тѣмъ, чтобы за ребенкомъ былъ соотвѣтственный уходъ. Результатъ этого новаго метода такъ удовлетворителенъ, что едва ли муниципалитетъ Филадельфіи когда-либо вернется къ старымъ методамъ, при которыхъ большинство дѣтей умирало въ госпиталѣ, тогда какъ теперь большинство ихъ процвѣтаетъ въ частныхъ семьяхъ. „Что касается до характера женщины, берущейся за возращеніе ребенка, и до ея семейной обстановки, — говоритъ г. Милликенъ,—очевидно, что для нашего дѣла требуются женщины, имѣющія прирожденную, материнскую любовь къ дѣтямъ. Малютку слѣдуетъ отправлять лишь въ такой домъ, гдѣ ему рады, гдѣ ему открыты будутъ сердца; затѣмъ, при помѣщеніи его въ семью, слѣдуетъ старательно освѣдомиться о привычкахъ той семьи и о санитарныхъ условіяхъ и вентиляціи ея дома. Весьма нерѣдко такой безпомощный младенецъ обрѣтаетъ пожизненное убѣжище въ пріютившей его семьѣ, которая такъ къ нему привязывается, что не рѣшается уже затѣмъ и разстаться съ нимъ“.

Какъ человѣкъ, живо интересующійся дѣломъ, г. Милликенъ не ограничивается однимъ отвѣтомъ на мои запросы о томъ, какъ поступаютъ въ Филадельфіи съ младенцами: онъ сообщаетъ мнѣ свѣденія и о тѣхъ дѣтяхъ, какія поступали на попеченіе города за неимѣніемъ родителей и естественныхъ опекуновъ. Такихъ дѣтей, въ силу спеціальнаго закона, проведеннаго законодательствомъ штата Пенсильваніи, не держатъ въ дѣтскомъ отдѣленіи филадельфійскаго госпиталя и въ богадельняхъ болѣе 60 дней по достиженіи ими двухъ-лѣтняго возраста. Проведенъ этотъ законъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не оставлять дѣтей въ соприкосновеніи съ вредными воздѣйствіями какого бы то ни было учрежденія Общественнаго Призрѣнія, гдѣ они рано и незамѣтно под-

ются воздѣйствію пауперовъ. Взявъ ихъ изъ госпиталя ил ельни, ихъ сначала помѣщаютъ за плату въ семьи, гдѣ ре ъ привыкаетъ къ мысли о томъ, что люди должны жить соб нымъ трудомъ; департаментъ главнымъ образомъ старается стить дѣтей къ людямъ, желающимъ принять на себя всѣ жки по возращенію ребенка, усыновить его; находить та людей не представляется затруднительнымъ, когда прихо помѣщать здороваго ребенка. Ребенка отдаютъ пріем родителямъ по контракту, въ которомъ ясно опредѣлены и ислены обязанности семьи по отношенію къ ребенку и право ра, удерживаемаго надъ ребенкомъ департаментомъ черезъ оффиціальныхъ посѣтителей дѣтей. „Этимъ контрактомъ,— тъ г. Милликенъ,—постановляется, что семья имѣетъ право езультаты труда пріемыша, но что она обязывается вклю въ воспитаніе такого ребенка обученіе какому-нибудь по му дѣлу или практическому ремеслу, которымъ онъ могъ бы ѣдствіи заработывать себѣ пропитаніе. Въ случаѣ жестокаго ценія съ питомцемъ, департаментъ имѣетъ право уничтожить актъ и взять ребенка изъ семьи. Хотя случаи жестокости чаются рѣдко, тѣмъ не менѣе для благосостоянія малолѣт питомца вполнѣ необходимо, чтобы оффиціальный посѣти былъ вѣренъ возложенной на него обязанности и бдительно лъ за тѣмъ, какъ къ ребенку въ семьѣ относятся“.

тими сообщеніями мы должны теперь ограничиться,—иначе лось бы перейти къ разсмотрѣнію весьма многочисленныхъ оединенныхъ Штатахъ учрежденій для призрѣнія безродныхъ свыше шести-лѣтняго возраста—предметъ, не входящій въ настоящей статьи, и котораго мы лишь вскользь косну въ связи со свѣденіями о методахъ дѣйствія, принятыхъ ительно безродныхъ или покинутыхъ младенцевъ въ Бостонѣ иладельфіи.

[о численности призираемыхъ новорожденныхъ и дѣтей млад возраста, американскіе пріюты не имѣютъ, какъ видитъ чита большого значенія, но результаты, достигаемые ими при рас леніи питомцевъ небольшими группами, система надзора надъ дѣтьми, которыя отдаются на вскормленіе въ частные дома конецъ, окончательное распредѣленіе безродныхъ дѣтей среди порядочнаго, трудящагося населенія страны, путемъ систе еского поощренія усыновленія, конечно, достойны всякаго нія.

В. Макъ-Гаханъ.

КРАСАВИЦА

(A maiden fair to see).

Повѣсть Филипса и Уильса.

Съ англійскаго.

I.

Чарльзъ Ферхомъ былъ третій и младшій сынъ одного линкольнширскаго ректора, настолько состоятельнаго, что онъ могъ дать сыновьямъ среднее и высшее образованіе. Когда они прошли курсъ гимназіи, а затѣмъ и университетъ, почтенный ректоръ объявилъ по очереди каждому изъ сыновей, что онъ сдѣлалъ для нихъ все, что могъ, а теперь они должны уже сами пробивать себѣ дорогу въ свѣтѣ.

И такъ или иначе, а они пробили себѣ дорогу. Исторія старшаго изъ нихъ, поступившаго въ кавалерійскій полкъ, и младшаго, моряка, до насъ не касается. Чарльзъ Ферхомъ выслушалъ такое наставленіе:—Пробивай себѣ дорогу самъ. Ты учился въ Итонѣ, учился въ коллегіи Христовой церкви, и пользуешься содержаніемъ въ сто фунтовъ стерлинговъ въ годъ, которые уплачиваются тебѣ по третямъ. Чего же тебѣ еще больше?

Съ такой инструкціей юный Ферхомъ вступилъ въ жизнь и какъ ни странно, а съумѣлъ-таки составить карьеру, и всего удивительнѣе при этомъ то, что онъ самъ вначалѣ затруднилъ себѣ путь. Не то, чтобы эти затрудненія были нечестнаго свойства, но на одномъ пикникѣ, данномъ родителями товарища студента, онъ встрѣтилъ лэди Алисію Конвей, младшую дочь лорда Санъ-

Нотса, и по уши въ нее влюбился. Страсть Чарльза Ферхома была взаимная и молодые люди находили много случаевъ для встрѣчъ. Оба понимали отлично совершенную безполезность обращаться къ лорду Санъ-Нотсу за позволеніемъ жениться, а потому рѣшили дѣйствовать самостоятельно. Въ одно прекрасное майское утро они, выражаясь по-американски, „улизнули" и обвѣнчались по всѣмъ правиламъ закона.

Лэди Алисія написала трогательныя письма къ папенькѣ и маменькѣ. Эти письма были немедленно возвращены нераспечатанными и единственное извѣстіе, полученное бѣдняжкой отъ родителей, заключалось въ письмѣ отъ гг. Финчъ, Баджеръ, Тригъ, Джоблингъ и Финчъ, фамильныхъ стряпчихъ, которые извѣщали ее въ краткихъ словахъ, что лордъ и лэди Санъ-Нотсъ отказываются входить отнынѣ съ нею въ какія бы то ни было сношенія.

Ясно, что Ферхому нечего было ждать отъ родственниковъ жены помощи въ борьбѣ за существованіе, пока онъ не выдержитъ адвокатскаго экзамена и не начнетъ заработывать деньги. Однако, что-нибудь надо было предпринять, такъ какъ его скромные рессурсы были почти совсѣмъ истощены, а потому онъ написалъ отцу, прося о пособіи. Черезъ двое сутокъ молодой человѣкъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Ректорство Клаксби, Линкольнширъ.

Іюня 14, 18...

„Дорогой Чарльзъ,—я получилъ твое письмо, извѣщающее о положеніи, въ какое ты попалъ,—положеніи прискорбномъ и которымъ ты обязанъ собственной глупости. Ты знаешь мои обстоятельства, знаешь мои доходы. Я никогда не скрывалъ ни того, ни другого ни отъ кого изъ моихъ сыновей, а потому ты долженъ отлично знать, что я рѣшительно не могу помогать тебѣ или увеличить твое содержаніе; какъ оно ни незначительно, а мнѣ и то трудно его выплачивать. Безполезно упрекать тебя или напоминать тебѣ пословицу: „какъ постелешь, такъ и поспишь", хотя ею говоритъ сама истина.

„Прилагаю при семъ сто фунтовъ стерлинговъ. Пожалуйста пойми какъ слѣдуетъ, что это послѣднія деньги, какія ты получишь отъ меня, кромѣ обычнаго содержанія, разумѣется. Говорю тебѣ откровенно, что посылаю эту сумму только во вниманіе къ твоей несчастной молодой женѣ; что касается тебя, ты ихъ не стоишь. Можешь благодарить небо за то, что директоръ кэсторскаго банка былъ въ хорошемъ расположеніи духа, когда я пріѣхалъ къ нему сегодня утромъ, такъ какъ въ противномъ слу-

чаѣ онъ бы не позволилъ мнѣ забрать больше денегъ, чѣмъ я имѣю право, и я бы не могъ помочь тебѣ. Прошу тебя помнить: больше тебѣ нечего ждать отъ меня, и надѣюсь, если не для себя, то для жены, ты будешь упорно работать и займешь въ возможно скоромъ времени такое положеніе, какое дастъ тебѣ возможность заработывать деньги. Само собой разумѣется, я заплачу гонораръ за твою подготовку къ адвокатурѣ.

„Твой любящій отецъ

„Альджернонъ Ферхомъ".

Чарльзъ Ферхомъ никакъ не разсчитывалъ получить такую крупную сумму какъ сто фунтовъ, а потому онъ написалъ горячее и благодарное письмо старому джентльмену и мужественно принялся за работу, разсчитывая при первой же возможности сдать экзаменъ.

Ферхомы сняли двѣ маленькія комнатки въ Эквити-Кортѣ, у одной изъ прачекъ Темпля—курьезный типъ женщинъ вообще,—которая была имъ полезна во многихъ отношеніяхъ. Эти прачки, исполняющія вообще должность прислуги въ различныхъ отдѣленіяхъ Корта, очень курьезная раса людей и м-съ Чафинчъ не была исключеніемъ. Онѣ образуютъ почти-что особую касту, такую же характерную, какъ, напримѣръ, цыганки. Первоначально онѣ были, надо думать, прачками и стирали бѣлые на юныхъ правовѣдовъ Корта, а потому болѣе или менѣе подходили къ новѣйшимъ blanchisseuses de fin въ Парижѣ.

Но въ настоящее время приходится согласиться съ однимъ авторитетнымъ писателемъ, что старухи, вооруженныя щетками и метлами, которыхъ видишь въ Кортѣ, называются прачками только потому, что питаютъ смертельное отвращеніе къ стиркѣ. Настоящая прачка стараго типа, безъ сомнѣнія, не особенно пріятный образчикъ людей. Она обыкновенно замужняя женщина, живущая по близости отъ Корта, и зорко слѣдитъ за всякой добычей. Она, безъ сомнѣнія, честнѣе цыганки, для которой „добыча" — слово весьма эластическое. Она не считаетъ себя въ правѣ допивать начатую бутылку вина или доѣдать половину жареной курицы. Точно также она не входитъ въ сдѣлки съ молочницей или угольщикомъ, вашими поставщиками. Кража денегъ, книгъ или платья прачками —вещь практически неизвѣстная.

Я сказалъ, что прачки Темпля образуютъ изъ себя чуть не касту. Странно сказать, но это занятіе передается по наслѣдству.

Прачка пріучаетъ дочь помогать себѣ или посылаетъ ее вмѣсто себя, когда ей нельзя придти самой. Дочь смѣняетъ мать, и такъ

идетъ иногда въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Затѣмъ, хотя каждый квартирантъ Темпля можетъ выбрать какую угодно прачку, онъ обыкновенно находитъ удобнѣе нанять ту самую женщину, которая прибираетъ комнаты у сосѣдей по одной съ нимъ лѣстницѣ, такъ что прачки дѣлаются, такъ сказать, adscripti scalis и это положеніе, равно какъ и наслѣдственный его характеръ, придаютъ ему странное сходство съ крѣпостнымъ состояніемъ.

Право, было бы почти невозможно привезти молодую, здоровенную особу изъ Норфолька или Линкольншира и сдѣлать изъ нея прачку. У нея хватило бы силы на вдесятеро труднѣйшее дѣло, но она бы не вынесла этого. Если вы хотите вообще имѣть прачку, то должны довольствоваться традиціоннымъ и общепризнаннымъ элементомъ; а для человѣка дѣлового, уходящаго съ квартиры спозаранку и проводящаго лучшую часть дня въ судѣ, обѣдающаго въ клубѣ и тамъ же проводящаго свой вечеръ, рѣшительно все равно, если его комнаты убираются не съ той аккуратностью, какая была бы вообще желательна.

Было бы притворствомъ утверждать, что прачка Темпля опрятна. Она обыкновенно болѣе или менѣе неспособна къ черной работѣ; но еслибы даже этого и не было, то все же она питаетъ, повидимому, нѣкоторую симпатію къ пыли и грязи, и видитъ въ нихъ признакъ обширной практики и успѣшной карьеры. Многое зависитъ также отъ комнатъ, довѣряемыхъ ея попеченіямъ. Въ Inns of Court есть такіе покои, что никакими трудами, хотя бы геркулесовскими, ихъ не вычистишь и не приберешь. Старыя, избитыя панели, покоробившійся полъ, маленькіе, закопченные камины, вѣчно дымящіе и покрытые сажей, шкафы и столы, отзывающіе гнилью, и общій видъ тлѣнія—все это очевидно.

Есть покои другого рода, гдѣ единственная бѣда заключается въ таинственной смѣси пыли, дыма и сажи, отличающей Лондонъ вообще и спеціально облекающей полки съ книгами. Ничто не спасетъ отъ этого бича какую угодно квартиру въ извѣстномъ разстояніи отъ Сити. Мы сожигаемъ уголь и не можемъ надѣяться спастись отъ копоти. Но въ Темплѣ и въ Линкольнсъ-Иннѣ построены новыя зданія, и въ нихъ покои отличаются тѣмъ достоинствомъ, что ихъ легко содержать въ чистотѣ. Въ нихъ нѣтъ ничего такого, что̀ содѣйствовало бы скопленію пыли: окна изъ плотнаго камня съ металлическими рамами, стѣны оштукатуренныя и выкрашенныя масляной краской. Если полъ паркетный, то это единственная деревянная часть въ комнатѣ.

Подобнаго рода комнаты легко содержать въ чистотѣ. Заведите небольшой коверъ и не прибивайте его къ полу, и его

легко снимать разъ въ недѣлю и вытряхать вмѣстѣ съ половиками. Комнатъ такого рода стало гораздо больше, чѣмъ было прежде, въ особенности въ Темплѣ. И такого-то рода комнаты достались Ферхомамъ.

Онѣ были очень уютны и выходили окнами на набережную, такъ что юная чета могла воображать себя за городомъ. Здѣсь м-съ Чафинчъ не могла быть неопрятной, еслибы даже и захотѣла; вздумай она не прибирать комнатъ, ее можно было бы сейчасъ же въ этомъ уличить. Ничего не было такого, къ чему могла бы льнуть лондонская грязь или куда она могла бы забраться. Она могла покрыть книги и рамки картинъ, но оттуда ее легко было удалить однимъ взмахомъ вѣника, а м-съ Чафинчъ настолько привязалась къ своимъ молодымъ господамъ, что постаралась съ необыкновеннымъ для женщины ея сорта усиліемъ содержать въ чистотѣ и порядкѣ ихъ гнѣздышко.

Больше года прожила молодая чета въ Темплѣ очень счастливо. Если родители лэди Алисіи не хотѣли ее знать, то не всѣ ихъ знакомые отнеслись къ ней такъ же безжалостно, и одна старинная школьная подруга ея лордства, нѣкая миссъ Норбэри, женщина богатая, находила благородное удовольствіе въ томъ, чтобы помогать всячески молодой м-съ Ферхомъ и такъ деликатно, что лэди Алисія могла принять великодушную помощь безъ стѣсненія.

Полтора года спустя послѣ женитьбы молодой Ферхомъ, выдержавъ экзаменъ, поступилъ въ ряды адвокатуры. Старикъ ректоръ сдержалъ слово и уплатилъ немедленно всѣ пошлины, и такимъ образомъ его сынъ выступилъ на поприще самой необезпеченной профессіи въ мірѣ.

II.

Какъ они любили другъ друга, наши молодые супруги! Когда мужъ и жена красивы, добродушны и недавно сочетались бракомъ, имъ не трудно любить другъ друга. Юный Ферхомъ одѣвался щеголемъ и отъ этого женѣ еще легче было его любить. Никто еще никогда не слыхалъ объ Ромео съ продранными локтями. Этотъ отважный юный джентльменъ изъ Вероны носилъ, безъ сомнѣнія, хорошо сшитые бархатные колеты отъ лучшаго туземнаго портного и покупалъ для носового платка духи отъ Аткинсона или Риммеля той эпохи,—иначе Джульетта не полюбила бы его по первому взгляду. А портной Чарльза Ферхома (державшій кстати свой экипажъ и пару лошадей и имѣвшій домъ въ Брайтонѣ)

былъ самымъ довѣрчивымъ, не только-что лучшимъ изъ портныхъ, и никогда не надоѣдалъ своему юному заказчику напоминаніемъ объ уплатѣ. Въ книгахъ же портного послѣ имени Чарльза Ферхома, эсквайра изъ Эквити-Корта, стояли двѣ таинственныхъ буквы красными чернилами С. Н., смыслъ которыхъ въ глазахъ портняжнаго заведенія въ Бондъ-стритѣ значилъ, что заказчикъ считается „совершенно ненадежнымъ".

— Но,—какъ говорилъ м-ръ Снипперъ, главный закройщикъ,—у этого молодца удивительная фигура, а потому если даже такой молодецъ и не заплатитъ за платье, то служитъ какъ бы ходячей вывѣской для насъ. Да что, и испорченное платье на немъ сидитъ какъ вылитое.

И м-ръ Снипперъ заключалъ, конфиденціально обращаясь къ своимъ подчиненнымъ:—Когда молодецъ съ такой фигурой хорошо одѣтъ, да къ тому же красивъ собой, то всѣ пріятели приписываютъ это его портному и всѣ стремятся заказать ему платье.

Итакъ, Ферхомъ могъ имѣть столько сюртуковъ, сколько ему было угодно, а счетами его не безпокоили.

Удивительное право дѣло, какъ многіе люди готовы одолжать безденежнаго адвоката и протянуть ему руку помощи въ его стремленіи пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ! Каждую четверть года, по меньшей мѣрѣ, м-ръ Мельхиседекъ и м-ръ Зоровавель—два крупныхъ и соперничавшихъ ростовщика—посылали ему свои заманчивые циркуляры и предлагали денегъ взаймы подъ его личную отвѣтственность. „Потому что,—говорили они себѣ въ сердцѣ своемъ,—мужъ дочери лорда Сантъ-Нотса такая птица, какую стоитъ заманить въ силки".

Но молодой Ферхомъ бросалъ циркуляры ростовщиковъ въ корзину съ рваной бумагой. Онъ не позволялъ себѣ при этомъ никакихъ лишнихъ расходовъ. Дѣло въ томъ, что Ферхомъ рѣшился пробиться впередъ. Хотя онъ былъ очень молодъ, но отлично зналъ, что, женясь, увозомъ, на своей молодой женѣ, лэди Алисіи, онъ связалъ себя по рукамъ и по ногамъ; онъ отлично зналъ, что въ положеніи нищаго джентльмена то обстоятельство, что жена его—дочь лорда, есть только лишняя препона на его пути; но стоитъ ему только разбогатѣть —и жена, дочь лорда, будетъ служить ему украшеніемъ.

Но когда онъ вспоминалъ, что великіе юристы раньше его увлекались неосторожной женитьбой и тѣмъ не менѣе умѣли сдѣлать карьеру, онъ тоже рѣшалъ, что сдѣлаетъ карьеру.

Развѣ юный Джонъ Скоттъ не убѣжалъ съ хорошенькой Бесси Сортисъ и развѣ это помѣшало ему стать въ концѣ кон-

цовъ лордомъ-канцлеромъ Англіи? И развѣ первая его лекція, прочитанная въ оксфордскомъ университетѣ въ качествѣ помощника профессора законовѣденія, не трактовала о законѣ противъ юношей, увозящихъ невѣстъ?

Въ святая-святыхъ своей души Ферхомъ не видѣлъ причины, почему ему не послѣдовать по стопамъ великаго канцлера, такъ какъ помнилъ утѣшительную китайскую пословицу, что съ терпѣніемъ и временемъ листья шелковицы превращаются въ шолкъ.

Вы подумаете, пожалуй, что Ферхомъ былъ не въ мѣру честолюбивъ; но это не такъ. Сильнѣйшимъ чувствомъ въ немъ была горячая любовь къ красавицѣ-женѣ, этой благовоспитанной и высокорожденной дѣвушкѣ, которая всѣмъ пожертвовала для него, нищаго студента, потому, конечно, что отъ души его полюбила.

И какой краткій, но блаженный сонъ любви пережили они! Что за веселые завтраки въ Эквити-Кортѣ, смѣняемые долгими часами упорной работы, когда перо его быстро бѣгало по линованнымъ листамъ бумаги, и когда ему не хватало вдохновенія, ему стоило только отвести глаза отъ работы и перевести ихъ на прелестный образъ съ золотистыми кудрями, озаренный солнцемъ въ амбразурѣ окна (хотя, впрочемъ, гдѣ бы она ни сидѣла, Чарльзу Ферхому всегда казалось, что тамъ свѣтитъ солнце), и вдохновеніе снисходило вмѣстѣ съ кроткой отвѣтной улыбкой, улыбкой любви и счастья. Они были неизмѣнно счастливы въ тѣ долгіе дни. И молодая жена молча работала, шила и вышивала хорошенькія платьица своими хорошенькими аристократическими ручками.

Она была настоящимъ геніемъ любви и поэзіи, эта молодая красавица-жена, и на ней отдыхали глаза.

Шитье шитью вѣдь рознь! Очень много состраданія, но очень мало поэзіи въ тѣхъ грубыхъ одеждахъ, которыя добрая м-съ Доркасъ шьетъ для бѣдныхъ. Есть что-то несносное въ грубомъ шитьѣ. Слыша, какъ трещитъ иголка и свиститъ нитка, съ трудомъ протискиваемыя въ грубую ткань, какъ будто хочется, чтобы добрая м-съ Доркасъ была добра до конца и отослала сшить эти одежды бѣдной швеѣ, работающей на машинѣ. Стыдно сознаться, но грубое шитье положительно непріятно для мужчинъ.

Лэди Алисію называли „мечтательной блондинкой". Это противная, но очень выразительная фраза. Вѣдь и блондинка блондинкѣ рознь! Есть краснощекая, пышная, буколическая блондинка, розовый бутонъ въ женскомъ образѣ, который позднѣе превращается въ гигантскій цвѣтокъ, напоминающій скорѣе кочанъ капусты. „Роза всего красивѣе, когда въ бутонѣ", говоритъ Скоттъ и совершенно вѣрно.

сть артистическая блондинка, которая всего красивѣе при хъ и красота которой не проходитъ съ годами: ее легко итъ посредствомъ пудры и кольдъ-крема. Врядъ ли стоитъ влять, что эта разновидность женскаго пола всего больше тся юнѣйшимъ представителямъ не-прекраснаго пола.
сть опять эстетическая блондинка, отличающаяся претен-ыми манерами, рыжеватыми волосами и зеленоватымъ цвѣ лица; есть люди, которые восхищаются женщиной-привидѣ, потому что мода бываетъ на все, даже на красоту.
[есть, наконецъ, очаровательная блондинка cendrée и блон-, волоса которой цвѣта желтой охры. Но ни къ одному изъ разрядовъ не принадлежала мечтательная блондинка, мо-жена Чарльза Ферхома.
чень трудно описать спеціальный типъ ея нѣжной красоты. рѣдко встрѣчается иначе, какъ въ мечтахъ.
ысокая, граціозная, тоненькая, но статная, какъ лилія, она алась той особенной тонкой прелестью, которую итальянцы ають morbidezza. Не торопитесь съ выводами: въ женѣ ьза Ферхома не было ничего болѣзненнаго, но въ англійскомъ нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія (за исключеніемъ нена-ой фразы: „томный видъ"), потому, вѣроятно, что самый типъ рѣдко встрѣчается. Вы можете найти его между головками.

[не стану въ подробности описывать ея наружность. Ска-что она была настоящая роза въ дѣвичьемъ цвѣтникѣ—я достаточно и предоставлю докончить портретъ вашему аженію, читатель, если вы молоды, или вашей памяти, если же въ зрѣлыхъ лѣтахъ.
'о были золотые дни для Чарльза Ферхома, счастливые, бла-ые дни, когда онъ проживалъ въ Эквити-Кортѣ. Когда тру-день былъ оконченъ, они гуляли въ тихихъ садахъ Темпля, чего обѣдали en ville, большею частью, въ ресторанѣ Спаньо-гдѣ имъ подавали frittura и котлетку и бутылку добраго аго вина, а вечеръ зачастую проводили они въ театрѣ, на ыхъ мѣстахъ.
[е было на свѣтѣ четы счастливѣе, чѣмъ юный адвокатъ, ьзъ Ферхомъ, и его жена, лэди Алисія. Но увы! скоро, слиш-скоро наступилъ конецъ этимъ золотымъ днямъ.

III.

Въ одинъ ясный сентябрьскій день молодой адвокатъ съ большимъ букетомъ розъ въ рукѣ вбѣжалъ по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступеньки разомъ, но увидѣлъ, что дверь въ его квартиру была приперта, а молотокъ обвернутъ бѣлой лайковой перчаткой.

Молодой человѣкъ помертвѣлъ отъ страха и безпокойства и осторожно постучался.

Послѣ нѣкотораго промежутка времени, дверь отворила м-съ Чафинчъ, прачка.

— Я рада, что вы вернулись, сэръ,—сказала добрая женщина:—милэди спрашивала васъ, сэръ, очень хотѣла васъ видѣть, сэръ; а теперь посидите тихонько, сэръ, прошу васъ.

И м-съ Чафинчъ подняла палецъ въ знакъ предостереженія, впуская Ферхома, блѣднаго какъ смерть.

— Какъ она себя чувствуетъ, м-съ Чафинчъ?—спросилъ онъ взволнованнымъ шопотомъ.

— Ахъ, сэръ, нехорошо! — отвѣчала старуха:—но я знаю свое мѣсто, сэръ, не мнѣ судить объ этомъ. Мы послали, сэръ, за докторомъ Потльбэри изъ Фетеръ-Лена; онъ очень почтенный человѣкъ и старый джентльменъ. О! намъ всѣмъ трудно приходится, м-ръ Ферхомъ, а д-ръ Потльбэри спрашивалъ про васъ, сэръ. Ей очень плохо, сэръ, коли хотите знать.

И тутъ м-съ Чафинчъ залилась слезами и принялась утирать ихъ своимъ профессіональнымъ передникомъ.

— Сядьте сюда, сэръ, въ это кресло, будьте добры, а м-ръ Потльбэри выйдетъ къ вамъ. И постарайтесь мужественно перенести это, м-ръ Ферхомъ!

Чарльзъ Ферхомъ опустился въ кресло, указанное старухой, и въ ужасѣ уставился на нее.

— Прелестная baby, сэръ!—объявила м-съ Чафинчъ.

— Чортъ побери baby!—вскричалъ несчастный отецъ.

Чарльзъ Ферхомъ предчувствовалъ настигающій его ударъ, —ударъ, который долженъ былъ разрушить его счастье и лишить любимой женщины. Онъ былъ вполнѣ безпомощенъ; онъ зналъ, что не въ его силахъ отвратить ударъ судьбы. Холодный потъ выступилъ у него на лбу въ то время, какъ онъ глядѣлъ на двери спальной, затворившейся за м-съ Чафинчъ. Онъ наклонился впередъ и напрягалъ слухъ, стараясь уловить какой-нибудь звукъ, но кругомъ царствовало страшное безмолвіе.

„Можетъ быть, это безмолвіе смерти“, подумалъ молодой)бать и содрогнулся.

Послѣ того онъ пытался молиться, но самыя простыя слова приходили ему на умъ,—ему, оратору по ремеслу, человѣку,)ившему все свое будущее на краснорѣчіи, находчивости и кой рѣчи.

Словъ ему не хватало, говорю я, а такъ какъ онъ былъ мужа, то ему отказано было въ спасительныхъ слезахъ.

Вдругъ онъ услышалъ крикъ, совсѣмъ для себя новый, крикъ, авившій его вздрогнуть, жалобный, почти сердитый вопль)рожденнаго ребенка. И тутъ дверь, на которую онъ глядѣлъ такой тревогой, растворилась внезапно и безшумно и пропуа небольшого, жирнаго старичка, который немедленно заперъ собою дверь, такъ же ловко, какъ и отперъ.

Во всякое другое время Ферхомъ улыбнулся бы надъ стран наружностью старичка, одѣтаго съ головы до ногъ въ черное. извѣстной степени онъ былъ похожъ на сказочнаго домового, таинственное существо, состоящее изъ одной головы, но безъ вища. Прежде всего бросался въ глаза громадный плѣшивый ;пъ, блестѣвшій точно новый, отполированный, билліардный ъ; вокругъ нижней части его облегалъ горизонтальный лоскъ ахъ волосъ, отъ одного виска до другого; пара огромныхъ й съ мясистыми большими мочками походила больше на мон, чѣмъ на уши, а лицо... ну, лицо было неописуемо. То комическая маска. Достаточно было взглянуть на него, чтобы ѣяться, и оно могло бы составить фортуну актера на комиія роли.

Носъ д-ра Потльбэри походилъ на огромный клювъ, а ротъ ь до ушей; обширный подбородокъ и щеки тщательно выбриты.)й головы, какъ у м-ра Потльбэри, никто не видывалъ иначе , на пенковыхъ трубкахъ или на щелкунчикахъ, которыми иваютъ орѣхи.

И къ этому прибавьте еще профессіональный костюмъ стака: большой бѣлый галстухъ, два раза обернутый вокругъ шеи, іный фракъ до пять, большой жилетъ и пару коротенькихъ екъ, похожихъ на двѣ запятыхъ и оканчивавшихся парой ссальныхъ суконныхъ ботинокъ съ кожаными наконечниками. ей съ такой фигурой, какъ у д-ра Потльбэри, не часто встрѣль въ повседневной жизни. Если кто желаетъ видѣть нѣчто бное, то обыкновенно отправляется на выставку, гдѣ показютъ за деньги уродцевъ.

Д-ръ Потльбэри родился въ своей профессіи: отецъ его былъ

извѣстный аптекарь въ Фетеръ-Ленѣ, въ царствованіе Георга III. Нашъ д-ръ Потльбэри былъ его единственный сынъ и мечтою аптекаря, отца, было дождаться, чтобы изъ его сынишки Вильяма вышелъ медикъ.. Потльбэри-отецъ накопилъ денегъ и послалъ сына въ чатерхузское училище. Четырнадцати лѣтъ отъ роду тотъ пересталъ рости и сталъ толстѣть—и такъ продолжалось до двадцати-пяти и привело къ вышеописанному уродливому результату.

Необычайная наружность д-ра Потльбэри всю жизнь мѣшала ему. Онъ отличался успѣхами въ наукахъ въ бытность студентомъ въ коллегіи св. Варѳоломея, и еслибы походилъ на остальныхъ людей, то непремѣнно былъ бы оставленъ ординаторомъ при больницѣ, но, какъ мы знаемъ, онъ вовсе не походилъ на остальныхъ людей и вынужденъ былъ практиковать всю жизнь въ Фетеръ-Ленѣ, въ домѣ, оставленномъ ему отцомъ.

Онъ былъ очень любимъ въ околоткѣ и хотя не гонялся за службой по выборамъ, но былъ единогласно возведенъ на постъ почетнаго лейбъ-медика всѣхъ бѣдныхъ въ околоткѣ, съ которыхъ иногда не требовалъ ни гроша гонорара.

Д-ръ Потльбэри былъ богатъ; д-ръ Потльбэри былъ эксцентрическій человѣкъ; многіе намекали на то, что д-ръ Потльбэри „оригиналъ", а соперники по профессіи говорили, что д-ръ Потльбэри полоумный. Дѣло въ томъ, что, ставъ богатымъ, д-ръ Потльбэри пересталъ вѣрить въ лекарства, и съ досадной настойчивостью продолжалъ дѣятельно практиковать, отказываясь отъ гонорара и сыпля полукронами бѣднякамъ, не разбирая, стоютъ они того или нѣтъ. Въ глазахъ сосѣднихъ докторовъ онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ красный флагъ для быка.

— Мы бросимъ лекарства,—говаривалъ онъ, когда за нимъ посылали:—лекарства вамъ въ прокъ не пойдутъ, мой другъ; попробуйте говядину и пиво.

Паціентъ слѣдовалъ совѣту д-ра Потльбэри и очень скоро выздоравливалъ.

Доктора же по общему приговору рѣшали, что „бѣдному Потльбэри давно бы слѣдовало бросить практику".

— Вы мужъ моей паціентки?—вскричалъ д-ръ Потльбэри, направляясь глиссадами черезъ комнату къ Ферхому съ протянутой рукой, точно онъ участвовалъ въ кадрили.—Очень радъ съ вами познакомиться, сэръ. Я вамъ вполнѣ сочувствую. Хотя я самъ не имѣлъ счастія быть женатымъ, но я вамъ вполнѣ сочувствую. Какой у васъ прекрасный видъ изъ этого окна, дорогой сэръ! Боже мой, какіе вы, юристы, счастливые люди! Маленькая дѣвочка, къ тому же! Боже мой, Боже мой! какое счастіе!

я не родился врачевателемъ тѣла, то былъ бы юри-
жилъ въ Темплѣ и отцомъ... гм! да! маленькой дѣвочки!
холостякъ, сэръ, и въ этихъ радостяхъ мнѣ отказано. А
прекрасная погода! Позвольте мнѣ вамъ отрекомендоваться!
тльбэри, д-ръ Потльбэри изъ Фетеръ-Лена. Очень радъ съ
ознакомиться. Позвольте пожать вашу руку. Могу предло-
амъ понюхать табаку?
онъ протянулъ серебряную табакерку.
Вы не нюхаете табаку? вы меня удивляете... а еще
! вамъ слѣдовало бы нюхать: это проясняетъ мысли, увѣ-
ясъ.
тутъ д-ръ Потльбэри засунулъ въ носъ цѣлую пригоршню
спряталъ свое огромное лицо въ яркій желтый фуля-
носовой платокъ съ бѣлыми крапинами величиной съ круп-
онету и громко высморкался.
та рѣчь доктора записана у насъ со всѣми знаками пре-
і, но выговорилъ онъ ее духомъ, такъ какъ ему нужно
сообщить очень плохія вѣсти бѣдному Чарльзу Ферхому.
ой уже былъ у него оригинальный способъ—онъ называлъ
орожнымъ и осмотрительнымъ—приготовлять слушателя къ
вѣстямъ.
Докторъ,—сказалъ Ферхомъ, съ мучительной тревогой по-
иму руку,—докторъ, неужели нѣтъ никакой надежды?
Надежды! дорогой сэръ!—вскричалъ д-ръ Потльбэри ка-
о чревовѣщательнымъ шопотомъ, который шелъ точно съ
а.—Надежда скрашиваетъ жизнь, какъ вамъ извѣстно. И
сть жизнь, есть и надежда, но...
тутъ докторъ приподнялъ указательный палецъ съ видомъ
тереженія.
Болѣзнь, дорогой сэръ, болѣзнь вообще вещь серьезная.
затѣмъ докторъ сталъ перебирать пальцами: „Pallida mors
pulsat pede pauperum tabernas, regumque turres“.
Великій Боже!—вскричалъ вдругъ д-ръ Потльбэри вполнѣ
ным шопотомъ:—я позабылъ, что онъ образованный чело-
и нечаянно проговорился.
тутъ Чарльзъ Ферхомъ упалъ обратно въ кресло съ та-
видомъ, какъ будто самъ готовился умереть.
ръ Потльбэри бросился въ буфетъ, вернулся съ графи-
і рюмкой и заставилъ Ферхома выпить рюмку вина.
Будьте мужчиной, дорогой сэръ! — ласково промолвилъ
будьте мужчиной и постарайтесь это перенести! Она кон-

чается, быстро кончается, мой бѣдный другъ! — прибавилъ онъ съ чувствомъ.

— Неужели нѣтъ надежды? о, докторъ! неужели нѣтъ никакой надежды?—проговорилъ Ферхомъ со стономъ, сжимая руку старичка.

Докторъ покачалъ головой.

— Пойдемте и проститесь съ нею! — сказалъ онъ мягко.

И не говоря больше ни слова, повелъ дрожащаго мужа въ спальную умирающей жены и затѣмъ, съ глазами полными слезъ, повернулся спиной и представился, что смотритъ въ окно.

— Какой я дуракъ! — проговорилъ д-ръ Потльбэри обычнымъ громкимъ шопотомъ и, повернувшись на каблукахъ, дотронулся до плеча м-съ Чафинчъ, мотнулъ головой по направленію къ двери и послѣ того съ поникшей головой вышелъ вслѣдъ за ней изъ комнаты.

Чарльзъ Ферхомъ глядѣлъ на блѣдное лицо жены и кроткіе голубые глаза, которые онъ такъ любилъ и которые съ нѣжной привязанностью искали его взгляда. Онъ взялъ блѣдную, холодную ручку въ свои руки и поцѣловалъ ее почти такими же безцвѣтными губами.

И тутъ блѣдныя губки зашевелились, и онъ нагнулся, чтобы выслушать слова умирающей.

— Чарли,—сказала она,—я ухожу отъ тебя. Мнѣ грустно это, грустно, мой милый, ради тебя и ради нея. Ты будешь ее любить, ради меня, не правда ли, милый? И когда я умру, ты будешь думать обо мнѣ, иногда... я знаю, что будешь.

Послѣ того наступило молчаніе.

И затѣмъ умирающая снова заговорила:

— Я хочу видѣть, какъ ты ее поцѣлуешь... прежде чѣмъ умереть... Будь добръ къ ней, мой милый!

Несчастный человѣкъ сдѣлалъ что̀ отъ него требовалось и, машинально склонившись надъ новорожденнымъ дитятей, неподвижно лежавшимъ около его жены, раскрылъ ей личико и поцѣловалъ въ лобъ, и въ то время, какъ онъ цѣловалъ дѣвочку, она раскрыла большіе голубые глаза и чувство ужаса прошло по его душѣ—до того они походили на глаза его умирающей жены. Онъ поспѣшно закрылъ маленькое личико и повернулся къ той, которая была ему дороже жизни.

— Поцѣлуй меня, милый! — сказала Алисія съ усиліемъ.

Онъ поцѣловалъ и она отвѣчала на поцѣлуй.

И затѣмъ скончалась.

Онъ стоялъ на колѣняхъ около покойницы, мучась и моля

о помощи, не зная, что она уже покинула его навсегда, е еще сжимая маленькую ручку, становившуюся все холод и холоднѣе, а колокола на сосѣдней церкви весело звонили, э смѣялись надъ его тоской. И тутъ Ферхомъ, поднявъ глаза, вствовалъ, что его молитва не была услышана. Онъ понялъ ю тутъ, что она умерла.

IV.

Тотчасъ послѣ смерти жены Чарльзъ Ферхомъ весь ушелъ аботу, что̀ составляетъ наилучшее средство отъ всякаго горя. ють раны, которыхъ время не въ силахъ исцѣлить, и та рода рана была нанесена молодому адвокату смертью жены.

> Out upon time, which for ever will leave
> Enough of the past for the future to grieve [1]).

Можно сомнѣваться, однако, захотѣлъ ли бы Ферхомъ, чтобы великая печаль вполнѣ разсѣялась. Онъ такъ любилъ лэди ію, что счелъ бы нѣкотораго рода измѣной, еслибы прими съ своей потерей. Но какъ я уже сказалъ, онъ находилъ еніе въ непрестанномъ трудѣ и трудъ помогалъ ему забы печаль, хотя и не могъ заставить забыть женщину, которую такъ нѣжно любилъ.

Чарльзъ Ферхомъ былъ однимъ изъ тѣхъ счастливцевъ, кото удается составить себѣ карьеру въ адвокатурѣ. Въ то а когда онъ въ нее поступилъ, такъ же какъ и теперь, катура была одной изъ самыхъ переполненыхъ профессій въ іи. По истинѣ изумительно, что такое великое множество дыхъ людей поступаетъ въ адвокаты, когда успѣхъ пред яется почти невозможнымъ.

Люди, которымъ удается карьера адвоката, составляютъ два рныхъ разряда: тѣ, которые пробиваются впередъ, благо протекціи, и тѣ, которые обязаны своимъ успѣхомъ лов и трудолюбію, пополамъ съ удачей.

Если вашъ отецъ — партнеръ крупной фирмы стряпчихъ, если -директоръ желѣзной дороги или крупный поставщикъ, или дъ, то само собой разумѣется, что дѣла такъ и потекутъ къ и хотя бы даже косточки, достающіяся на вашу долю, были

---

[1] Чортъ побери время, которое всегда оставляетъ достаточно прошлаго, чтобы чемъ горевать въ будущемъ!

невелики, но мяса на нихъ все же будетъ достаточно. Вы пользуетесь неоцѣненной выгодой выступать на адвокатское поприще съ родственными связями, а родственныя связи для адвоката — все. Долгіе годы адвокатура въ своихъ младшихъ представителяхъ была заполнена молодыми людьми, сыновьями пэровъ, парламентскихъ агентовъ, стряпчихъ, инженеровъ и крупныхъ негоціантовъ. Они стали адвокатами, потому что, благодаря протекціи, могли быть увѣрены, что въ дѣлахъ не будетъ недостатка, а вовсе не потому, чтобы особенно любили законовѣденіе и проявляли къ нему особое дарованіе. М-ръ Смитсонъ, изъ Сусексъ-Корта, былъ всего лишь десять лѣтъ въ адвокатурѣ и пользовался большой практикой въ судѣ адмиралтейства и по крупнымъ торговымъ тяжбамъ, которыя приводятъ къ сношеніямъ съ палатой лордовъ и доставляютъ большіе заработки.

Отецъ его былъ компаньономъ фирмы Гаррисъ, Смитсонъ, Куперъ и Смитсонъ въ Лиденголъ-стритѣ. Дядя его—партнеръ въ банкѣ, и его стряпчіе изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы доставить племяннику практику. Тесть его—желѣзнодорожный подрядчикъ, ежегодно тратящій крупную сумму на тяжбы, считая это неотъемлемой частью расходовъ по своимъ крупнымъ операціямъ.

И вотъ Смитсонъ процвѣтаетъ. Онъ глупый человѣкъ, но будетъ со временемъ судьей.

Въ сущности только двѣ дороги ведутъ къ успѣху въ адвокатурѣ. Одна широка и удобна: глупѣйшіе люди могутъ идти по ней и часто проходятъ далеко. Другая требуетъ трудной комбинаціи удачи вмѣстѣ съ умѣньемъ ею пользоваться.

Третьяго сорта человѣкъ,—тотъ, который ищетъ въ адвокатурѣ куска хлѣба, и верхомъ честолюбія для него представляется стать магистромъ или судьей въ окружномъ судѣ,—долженъ долгіе годы питаться черствымъ хлѣбомъ. Онъ трудится неустанно; не пропускаетъ ни одной сессіи; по цѣлымъ днямъ просиживаетъ въ библіотекѣ своего отдѣленія надъ заключеніемъ, на которомъ заработаетъ гинею. Пріемная его открыта съ половины десятаго утра. Онъ обѣдаетъ въ трактирѣ, возвращается въ пріемную и не покидаетъ ея раньше восьми или девяти часовъ вечера. Онъ остается въ Лондонѣ на все время долгихъ каникулъ; онъ составляетъ объявленія для издателей юридическихъ сочиненій и пишетъ статьи для юридическихъ журналовъ; онъ всегда готовъ отправиться въ окружной судъ за гинею, если дѣло, какъ говорятъ стряпчіе, не дастъ больше, и чувствуетъ себя обезпеченнымъ на всю жизнь, если его сдѣлаютъ ревизоромъ.

Много глупыхъ эпиграммъ выпущено въ свѣтъ насчетъ успѣ-

ховъ въ адвокатурѣ. Одна изъ нихъ гласитъ, что первымъ существеннымъ условіемъ является здоровье и хорошее расположеніе духа; вторымъ условіемъ—опять-таки здоровье и хорошее расположеніе духа, и наконецъ, третьимъ—здоровье и хорошее расположеніе духа; но если вы прибавите къ этому чуточку законовѣденія, то это вамъ не помѣшаетъ.

Затѣмъ намъ говорятъ, что Ѳемида—любовница суровая и требовательная, и что тѣ, которые ухаживаютъ за ней, должны день и ночь неотступно угождать ей. И однако карьера сэра Александра Кокбёрна и м-ра Серджента Балантина у всѣхъ еще въ памяти, да и судья Мауль не вполнѣ забытъ.

Кемпбель говорилъ, что есть четыре пути для снисканія успѣха въ адвокатурѣ: четверныя сессіи, защита исключительныхъ дѣлъ, ухаживаніе за стряпчими и чудеса. Трое изъ этихъ путей были отлично извѣстны его лордству.

Гдѣ-то въ „Конингсби“ [1]) Сидонія говоритъ, что каждый человѣкъ, избирающій своей профессіей адвокатуру, рано или поздно пробьетъ въ ней дорогу. Это ошибка; фактъ тотъ, что дѣло младшихъ членовъ адвокатуры такъ нехитро, что талантливому человѣку нѣтъ возможности проявить на немъ свои дарованія. Тупой, неповоротливый, почтенный Смитсонъ можетъ выполнять всю рутинную часть дѣла такъ же хорошо, какъ еслибы онъ былъ блестящимъ и энергическимъ дѣятелемъ. Человѣкъ не можетъ проявить своего дарованія въ адвокатурѣ, пока не представится для этого случай, а случай этотъ представляется очень рѣдко.

Quando licet Basilo flentem producere matrem?
Quis bene dicentem Basilum ferat...
...rara in tenui facundia panno.

Ювеналъ все пересказалъ намъ объ адвокатурѣ своего времени и каждое его слово можно примѣнить къ англійской адвокатурѣ нашихъ дней.

Дѣло въ томъ, что англійская адвокатура находится въ рукахъ стряпчихъ. Какъ сказалъ лордъ Уэстбэри, „мы—самая заполоненная стряпчими нація въ мірѣ“. Чтобы успѣть въ адвокатурѣ, надо командовать стряпчими или происходить отъ нихъ, или обойти ихъ, или такъ или иначе забрать ихъ въ руки. Это тяжело выслушать молодому человѣку, только-что окончившему, и можетъ быть съ отличіемъ, университетскій курсъ. Но это правда; человѣкъ, поступающій въ адвокатуру безъ связей и не будучи

[1]) Романъ Бульвера-Литтона.

особенно даровитымъ человѣкомъ, хотя бы и знающій и толковый, словомъ, обыкновенный смертный, прошедшій гимназію и университетъ, долженъ считать себя счастливымъ, если къ тому времени какъ ему стукнетъ 35—40 лѣтъ и онъ долженъ подумать о томъ, чтобы дать дѣтямъ образованіе и устроить ихъ въ жизни, онъ можетъ разсчитывать на постоянный доходъ въ 500 ф. стерлинговъ въ годъ отъ небольшого числа скромныхъ, но аккуратно платящихъ кліентовъ.

Между тѣмъ нѣтъ почти такой профессіи, которая бы не дала ему больше, еслибы онъ выбралъ ее, а не адвокатуру.

Во-первыхъ, конкурренція въ адвокатурѣ убійственная. Во-вторыхъ, адвокатъ не можетъ взять себѣ компаньона; онъ обязанъ самъ лично заниматься своимъ дѣломъ безъ перерыва. Заболѣй онъ и прохворай полгода, и это отодвинетъ его дѣло на пять лѣтъ назадъ. Онъ долженъ быть всегда на мѣстѣ, всегда бодръ, всегда здоровъ. Если врачъ или стряпчій пожелаетъ отдохнуть, онъ можетъ найти пріятеля, который замѣнитъ его на время его отсутствія. Въ адвокатурѣ этого нельзя.

Почему же, спрашивается, такое множество молодыхъ людей бросаются въ такую профессію, которая въ крайнемъ случаѣ можетъ дать имъ невѣрный и незначительный заработокъ? Я не стану пытаться разрѣшить этотъ затруднительный вопросъ.

У Чарльза Ферхома не было связей, но ему повезло, а это тоже что-нибудь да значитъ. Онъ въ продолженіе двухъ лѣтъ занимался въ качествѣ ученика въ конторѣ м-ра Боундервеля, у котораго было больше дѣлъ на рукахъ, чѣмъ онъ могъ справиться. Онъ, какъ я уже сказалъ, ушелъ съ головой въ свои занятія и съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ м-ру Боундервелю. Онъ исполнялъ всю черную работу и былъ очень удивленъ, когда ему предложено было выставить на двери свое имя подъ именемъ м-ра Боундервеля. Время созрѣло и м-ръ Боундервель сталъ Боундервель Q. C.

Тогда стряпчіе, желавшіе удержать его, догадались, что м-ръ Боундервель желаетъ, чтобы его молодого пріятеля приглашали вмѣстѣ съ нимъ. И вотъ какимъ образомъ карьера молодого пріятеля была сдѣлана.

V.

Вообще воображаютъ, что дѣло адвоката очень интересно. Это происходитъ отъ того, что публика составляетъ себѣ понятіе о дѣлѣ адвоката, слушая, какъ тотъ тонко аргументируетъ съ

судьями, порою возбуждая взрывы смѣха, а порою исторгая слезы изъ глазъ.

Еслибы у васъ хватило нервовъ присутствовать въ госпиталѣ, когда какой-нибудь знаменитый хирургъ производитъ блестящую операцію, вы бы, вѣроятно, прониклись восторгомъ къ хирургической профессіи. Но леченіе обыкновенныхъ случаевъ—очень скучное дѣло. То же самое и въ юриспруденціи. Главная масса адвокатскаго дѣла совершенно неинтересна даже съ профессіональной точки зрѣнія и въ особенности для младшихъ членовъ адвокатуры, которымъ не поручаютъ важныхъ дѣлъ. Изъ десяти дѣлъ, попадающихъ въ конторы адвоката, цѣлыхъ девять не заключаютъ ни одного пункта, стоющаго вниманія или требующаго серьезной аргументаціи, и лишены абсолютно всякаго интереса для кого-нибудь, кромѣ тяжущихся. Единственнымъ утѣшеніемъ для адвоката въ такихъ случаяхъ является гонораръ.

Что касается случая отличиться, то онъ рѣдко выпадаетъ на долю адвоката, не такъ, какъ въ романахъ. Самое большое, что онъ можетъ выказать здравый дѣловой смыслъ и способность охватывать дѣловыя сдѣлки во всѣхъ подробностяхъ. Стряпчіе всего болѣе цѣнятъ это въ молодомъ адвокатѣ.

Такимъ образомъ долго послѣ того, какъ онъ сталъ адвокатомъ, Ферхомъ занимался весьма прозаическимъ дѣломъ.

По мѣрѣ того какъ положеніе его улучшалось, обстоятельства перемѣнились. Во-первыхъ, отъ него отстали мелкотравчатые стряпчіе съ мелкими и ничтожными, но хлопотливыми дѣлишками, ища другой жертвы, такой же юной и довѣрчивой, какимъ былъ онъ прежде. Гонораръ сталъ онъ получать аккуратно. И дѣла поручались ему болѣе значительныя. Онъ отсталъ отъ четверныхъ сессій и окружныхъ судовъ и другихъ низшихъ инстанцій, и тогда дѣло стало для него очень интересно. Заключенія приходилось тщательно взвѣшивать. Тяжбы были крупныя и требовали много труда. Ему приходилось бороться съ людьми равной силы, а иногда и посильнѣе себя. Всѣ стороны ума были въ сильномъ напряженіи и онъ былъ радъ, когда, наконецъ, наступали долгія каникулы.

Съ теченіемъ времени м-ръ Боундервель Q. C. сталъ судьей Боундервель, а дѣла Боундервеля перешли къ его преемнику самымъ простымъ и естественнымъ образомъ.

Ферхомъ умѣлъ обворожить тѣхъ людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Онъ умѣлъ быть популярнымъ.

На всѣхъ поприщахъ жизни онъ съумѣлъ бы снискать успѣхъ: изъ него вышелъ бы отличный хирургъ, какъ и превосходный

полководецъ. Живи онъ во времена оны, его непремѣнно послали бы управлять какой-нибудь колоніей. Онъ былъ энергиченъ и, что̀ всего важнѣе, очень искрененъ. Благодаря этому, онъ тѣмъ горячѣе отстаивалъ дѣло, которое брался защищать, что твердо вѣрилъ въ его правоту. Можно было бы сказать, что качества его не были высшими въ адвокатурѣ; но зато они были весьма полезными, и если первая обязанность адвоката въ томъ, чтобы выиграть свое дѣло, то они были и самыми успѣшными.

Можно было бы сказать, что, судя съ строго классической точки зрѣнія, м-ра Ферхома нельзя поставить на одну доску съ Скарлетомъ или съ Фоллетомъ. Съ другой стороны, сомнительно, чтобы онъ самъ пожелалъ стать на одну съ ними доску. Безъ сомнѣнія, не было ничего общаго между нимъ и Беррье. Онъ былъ скорѣе въ стилѣ Лашо̀. А всякій человѣкъ, у котораго на картѣ стоитъ жизнь, а не только состояніе или доброе имя, лучше сдѣлаетъ довѣряя Лашо̀, чѣмъ Беррье.

Чарльзъ Ферхомъ былъ чрезвычайно краснорѣчивъ. Голосъ у него былъ звученъ и гибокъ и съ чрезвычайно патетическими нотами. Онъ былъ также мастеромъ насчетъ перекрестныхъ допросовъ. Онъ никогда не впадалъ въ ту ошибку, чтобы довести свидѣтеля противной стороны до отчаянія и дать ему такимъ образомъ поводъ закусить удила.

Какъ выразился объ немъ одинъ извѣстный стряпчій, онъ никогда не сожигалъ своихъ кораблей и чувство собственнаго достоинства и умѣнье наводить грозу на противниковъ были у него таковы, что равнялись тѣмъ же качествамъ покойнаго сержанта Парри, хотя и въ другомъ родѣ.

Въ частной жизни Чарльзъ Ферхомъ былъ великодушенъ и щедръ почти до излишества. Онъ никогда не былъ алченъ и сребролюбивъ и часто давалъ даровые совѣты въ такихъ дѣлахъ, когда онъ считалъ истца жертвой обмана или угнетенія. Очень легко сказать, что онъ былъ обворожителенъ, но трудно описать, въ чемъ именно заключалась его обворожительность. Главное, —въ немъ не было ни малѣйшей аффектаціи. Онъ былъ безусловно искренній человѣкъ.

Успѣхамъ Ферхома въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ его хитроумный клеркъ, м-ръ Ренбушъ. Адвокатскій клеркъ иногда родится, а иногда выработывается. Хотя ему не нужно особенныхъ познаній, но его обязанности чрезвычайно щекотливы и требуютъ громаднаго такта и житейской опытности.

М-ръ Ренбушъ былъ фактотумъ и мажордомъ у своего патрона. Онъ служилъ ему памятной книжкой, тщательно слѣдилъ

за его дѣловыми свиданіями и устроивалъ такъ, чтобы они шли какъ по маслу и другъ дружкѣ не мѣшали. При этомъ онъ былъ его кассиромъ и управителемъ. М-ръ Ренбушъ зналъ наизусть списокъ всѣхъ стряпчихъ, и могъ всегда сказать, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ взяться за веденіе дѣла въ кредитъ и когда надо потребовать гонораръ впередъ.

Онъ умѣлъ также „торговаться" и выгадывать наивысшій размѣръ гонорара. Въ довершеніе къ этому, онъ былъ, такъ сказать, тѣнью своего патрона и всегда готовъ принять на себя самое конфиденціальное порученіе и оказывать всевозможныя услуги. Его занятія, въ сущности, были почти тѣ же, что у завѣдующаго большимъ торговымъ домомъ. Ему приходилось вести всѣ предварительные переговоры, вѣдаться со всѣми кліентами, брать на себя всѣ необходимыя отступленія отъ буквы закона, вести счеты, сводить приходъ съ расходомъ и вообще дѣлать всю черную работу. Это довольно хлопотливо. Но адвокатскій клеркъ, который родился съ естественной склонностью къ этому дѣлу или, по крайней мѣрѣ, началъ карьеру мальчишкой на побѣгушкахъ у какого-нибудь юриста за пять шиллинговъ въ недѣлю и самъ пробился до званія клерка, гордится своими разнообразными занятіями.

Ренбушъ присвоилъ себѣ, такъ сказать, роль партнера своего патрона и говорилъ обыкновенно: „мы". „Мы никогда не возьмемся защищать дѣло меньше, чѣмъ за десять гиней", говорилъ онъ; или: „мы уже законтрактованы противной стороной"; или „намъ потребуется въ этомъ случаѣ спеціальный гонораръ".

И такое притязаніе на партнерство было не совсѣмъ неосновательно. Хорошій клеркъ можетъ оказать сильную матеріальную поддержку своему патрону. Онъ „комми-вояжеръ" фирмы.

Этикетъ запрещаетъ адвокату самому рекламировать о себѣ. Поэтому на обязанности клерка лежитъ пускать рекламы о своемъ патронѣ и превозносить его достоинства передъ клерками стряпчихъ, а иногда и передъ самими стряпчими.

Это, безъ сомнѣнія, требуетъ извѣстныхъ расходовъ, и никакой адвокатъ, если онъ довѣряетъ своему клерку, не будетъ стѣснять его въ этомъ отношеніи. Я не преувеличу, если скажу, что клеркъ, у котораго есть связи между стряпчими Сити, который знаетъ, за какою фирмою ухаживать и какой избѣгать, и понимаетъ mollissima fandi tempora, можетъ, поступивъ въ услуженіе къ толковому молодому адвокату, удвоить его доходы въ какихъ-нибудь два года. Онъ разыгрываетъ роль Бисмарка по отношенію къ императору Вильгельму. Этого рода отношенія часто приводятъ

къ тѣсной дружбѣ между патрономъ и слугой, и такъ и было въ данномъ случаѣ.

Ренбушъ слѣдовалъ по пятамъ за Ферхомомъ и мѣстоименіе „мы" было въ этомъ случаѣ вполнѣ умѣстно.

Шансы адвокатскаго клерка на повышеніе сравнительно такъ же велики, какъ шансы патрона, съ которымъ онъ связалъ свою судьбу. Если патронъ станетъ судьей или получитъ другую хорошую должность, онъ доставитъ соотвѣтственное мѣсто и своему клерку. Если дѣла процвѣтаютъ, клеркъ можетъ отложить столько денегъ, чтобы обезпечить свою старость, но если патронъ скоропостижно умретъ или удалится отъ дѣлъ, то положеніе клерка бываетъ критическимъ. Онъ слишкомъ старъ для всякаго другого дѣла, еслибы даже и имѣлъ возможность за него взяться.

Это рискъ, съ которымъ клерку приходится считаться, а въ послѣднее время адвокатамъ приходилось такъ туго, что Темпль наводненъ дѣльными клерками, пребывающими въ праздности. Многіе изъ этихъ людей очень образованы и въ самомъ дѣлѣ хорошо знакомы съ юриспруденціей. Во Франціи такой человѣкъ, оставшись на мели за смертью патрона, немедленно беретъ разрѣшеніе открыть контору въ качествѣ homme d'affaires или ходатая по мелкимъ дѣламъ. Очень жаль, что въ Англіи такая карьера невозможна для людей безусловно компетентныхъ, добросовѣстныхъ и оставшихся, вслѣдствіе несчастной случайности, безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Но это мрачная сторона картины. Клерки выдающихся адвокатовъ, какъ Ферхомъ, обыкновенно процвѣтаютъ и наживаютъ деньги. Многіе адвокаты, удаляясь отъ дѣлъ, даютъ клерку щедрую награду, откупаясь, такъ сказать, отъ партнерства, существовавшаго между ними молча, безъ всякаго словеснаго уговора.

Вскорѣ послѣ того, какъ Ферхомъ занялъ высшее мѣсто въ адвокатурѣ, онъ переѣхалъ изъ Темпля въ великолѣпный домъ, забравъ съ собой дочку, хорошѣвшую не по днямъ, а по часамъ.

Дѣвочка искренно сокрушалась, разставшись съ Темплемъ и своими старинными друзьями и знакомыми, такъ какъ чувствовала себя гораздо болѣе дома вмѣстѣ съ м-съ Чафинчъ и Рамиджемъ, мальчишкой на побѣгушкахъ въ конторѣ ея отца, нежели съ величественной экономкой и буфетчикомъ въ Южномъ-Кенсингтонѣ.

VI.

Будь у Ферхома замужнія сестры или будь онъ на друженогѣ съ семьей тестя, лорда Санъ-Нотса, весьма сомнио, чтобы раннее дѣтство маленькой Алисы—такъ звали реа—протекло въ Эквити-Кортѣ. Кто-нибудь да занялся бы его ью, она была бы водворена въ чью-нибудь семью, играла ъ дѣтьми своего возраста, посѣщала бы приготовительную у или Kindergarten и вообще получила бы обычное воспи-, и тогда... тогда не была бы героиней, нашей героиней.

Ферхомъ написалъ отцу и сообщилъ о смерти жены и рож дочери; на это викарій отвѣчалъ, что „глубоко сочувствуетъ въ его двойномъ несчастіи и что бѣда никогда не приходна".

Что касается тестя, то Ферхомъ ни о чемъ не сообщалъ ему, тя старый пэръ и узналъ впослѣдствіи о смерти дочери, но одозрѣвалъ о рожденіи внучки.

Д-ръ Потльбэри намекнулъ Ферхому, что нужно было бы надля Алисы няньку, но эта идея была скоро устранена хитм-съ Чафинчъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не вмѣшивалась въ это дѣло,—говорила м-съ Чафинчъ:—я сама воспитаю малютку; поите, пока она подростетъ, м-ръ Ферхомъ. У меня было дечеловѣкъ своихъ ребятъ, и я знаю, какъ съ ними обрася, и къ тому же люблю дѣтей. Я знаю ихъ, сэръ, и всѣ дѣтскія штуки и причуды, а ребенокъ, сэръ, привыкаетъ не сякой женщинѣ. Я стараго покроя женщина, сэръ, и на не видать ни оборочекъ, ни прошивочекъ. Я не расфраная фея, но у меня материнское сердце, сэръ, и я какъ смотрю на вашу сиротку-дочку. И позвольте мнѣ вамъ скасэръ, что дѣвочекъ воспитывать потруднѣе, чѣмъ мальчи и къ тому же ваша дѣвочка слабаго сложенія.

— Но развѣ вы не думаете, что нянька была бы вамъ подй, м-съ Чафинчъ?

— Нисколько, сэръ. И представимъ, что вы наняли няньку; льте спросить васъ, куда вы ее помѣстите? И что вы будѣлать съ ребенкомъ, когда нянька будетъ уходить по веъ и по воскресеньямъ, на что она имѣетъ полное право? не станете же вы сами няньчиться съ бэби? Вы не подуобъ этомъ, сэръ?—выразила она словами ворчливое междо, вырвавшееся у Ферхома.—Конечно, вы объ этомъ не по-

думали, потому что вы джентльменъ. Я вѣдь знаю, каковы эти няньки, сэръ; вѣдь развѣ на нихъ можно положиться; развѣ у ней ребенокъ на умѣ; ей бы только финтить да глазки строить прохожимъ мужчинамъ! Вотъ она и уложитъ въ колясочку бѣднаго, невиннаго младенца и хочетъ, чтобы онъ лежалъ смирно и не кричалъ и не ворочался,—а развѣ это естественно, сэръ, для малаго дитяти? Ну, вотъ она и подольетъ ему усыпительнаго снадобья въ молоко, и лежитъ бѣдный младенецъ въ колясочкѣ, точно въ гробикѣ. Я знаю ихъ, сэръ, да и д-ръ Потльбэри знаетъ ихъ, даромъ, что онѣ на видъ и чистенькія, и нарядныя, точно сейчасъ вышли изъ ванны. Не объ нянькѣ слѣдуетъ думать, сэръ, а объ ребенкѣ.

Но тутъ маленькая Алиса захныкала и м-съ Чафинчъ бросилась къ ней, называя ее „ангелочкомъ" и „душенькой", и принялась маршировать съ нею по комнатѣ, точно солдатъ на парадѣ, и напѣвать пѣсенку.

— Оставьте ее мнѣ, сэръ!—говорила старуха, когда ребенокъ закричалъ громче:—оставьте ее мнѣ, и я буду ей замѣсто матери. Я съумѣю съ ней справиться; небось, своихъ была чуть не дюжина. Намъ не требуется нарядныхъ барышенъ, ни вамъ, ни мнѣ, м-ръ Ферхомъ. Намъ требуется опытная особа, которая будетъ относиться къ ней какъ мать, а яйца не ростутъ на деревьяхъ, вы и сами знаете это, сэръ. Оставьте ее мнѣ!

Но тутъ дитя раскричалось во все горло и отецъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой, а м-съ Чафинчъ тотчасъ же поняла намекъ и удалилась съ младенцемъ. Послѣ того м-ръ Ферхомъ сѣлъ за работу и пересталъ думать о м-съ Чафинчъ и ея питомицѣ.

Дѣло въ томъ, что м-съ Чафинчъ отнюдь не желала уступать кому-нибудь выгодную позицію, какую она заняла въ хозяйствѣ м-ра Ферхома.

М-съ Чафинчъ была очень популярна въ Темплѣ; ей не трудно было справляться съ своими служительскими обязанностями, но мало-по-малу она передала остальную свою clientèle другимъ женщинамъ, а сама всецѣло посвятила себя услугамъ Ферхому и его дочкѣ, которую всегда величала въ разговорѣ съ знакомыми „мой ангелъ-сиротиночка".

Старуха взяла привычку сдавать ее на руки разнымъ своимъ знакомымъ по нѣскольку часовъ въ день и при этомъ дѣлала это такъ, точно оказывала великую милость. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ она совала ребенка на руки одной изъ своихъ безчисленныхъ пріятельницъ.

Когда м-съ Чафинчъ надо было „идти по дѣлу“, миссъ Ферхомъ поступала на попеченіе одной изъ привратницъ или передавалась на руки какой-нибудь другой темпльской прачкѣ, если та въ эту минуту какъ разъ сидѣла у себя дома и мирно распивала чай. Зачастую м-съ Чафинчъ бѣгала къ д-ру Потльбэри въ Фетеръ-Ленъ, подъ предлогомъ посовѣтоваться съ нимъ насчетъ здоровья ребенка; настоящая же причина состояла въ желаніи посплетничать съ его экономкой, которой она показывала свою питомицу и сообщала послѣднія новости или скандалы Темпля, и затѣмъ эта лэди безъ труда получала позволеніе постеречь миссъ Ферхомъ въ то время, какъ ея гувернантка, подобно покойному д-ру Джонсону, шла прогуляться по Флитъ-стриту.

Странно сказать, бэби процвѣтало при такихъ эксцентрическихъ условіяхъ и по мѣрѣ того, какъ дѣвочка полнѣла и хорошѣла и начинала болтать на своемъ дѣтскомъ языкѣ, м-съ Чафинчъ день ото дня все сильнѣе привязывалась къ ребенку и заботливѣе ухаживала за нимъ.

VII.

У маленькой Алисы былъ еще другъ кромѣ м-съ Чафинчъ, въ лицѣ Джона, аптекарскаго помощника д-ра Потльбэри, четырнадцати-лѣтняго мальчика; м-ръ Потльбэри нанималъ аптекаря, и его помощникъ долженъ былъ разносить лекарства въ обычной профессіональной продолговатой корзинкѣ.

За три года передъ тѣмъ, д-ръ Потльбэри явился въ правительственную первоначальную школу и пожелалъ видѣть главнаго надзирателя.

— Я пришелъ просить о милости,—сказалъ д-ръ Потльбэри. —Мнѣ нуженъ хорошій, толковый мальчикъ, мальчикъ трудолюбивый и честный. Я бы далъ ему восемь шиллинговъ въ недѣлю,—прибавилъ д-ръ Потльбэри,—и если онъ умный мальчикъ, то можетъ заработать еще кое-что, знаете. Мой помощникъ, къ сожалѣнію, хоть онъ и давно у меня живетъ, но пьетъ какъ рыба... и... гм! очень многое предоставляетъ въ вѣденіе мальчика на побѣгушкахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сухо отвѣчалъ надзиратель.

— Видите ли, сэръ, толковый мальчикъ у меня можетъ составить карьеру. Онъ можетъ получить кое-какія знанія безплатно; онъ можетъ практически ознакомиться съ свойствами различныхъ лекарствъ; мальчикъ, который поступитъ ко мнѣ, сэръ, можетъ съ задняго крыльца пройти въ профессію, на которой его ожидаетъ независимость, а можетъ быть, и слава. Я ненавижу пере-

мѣны. Я люблю, чтобы около меня были все добропорядочные люди; экономка живетъ у меня уже двадцать лѣтъ, а помощникъ почти столько же; но съ мальчишками мнѣ бѣда; мальчишки въ наше время совсѣмъ не честолюбивы; они поѣдаютъ мои консервы изъ розъ, набиваютъ карманы лакрицей, выпиваютъ сиропы и тинктуру апельсинной корки; но они недостаточно честолюбивы, сэръ, у нихъ совсѣмъ нѣтъ желанія пробиться въ свѣтѣ и всѣ неизмѣнно кончаютъ литературой, потому что литература лучше оплачивается. Помилуйте, я думаю, половина мальчишекъ, продающихъ газеты на Страндѣ, начали свою карьеру у меня въ аптекѣ. Не найдется ли у васъ такого феникса, какъ честолюбивый мальчикъ? мальчикъ, который захотѣлъ бы пройти въ докторскую профессію съ задняго крыльца?

— Что-жъ, д-ръ Потльбэри,—отвѣчалъ надзиратель,—у меня, конечно, есть честолюбивый мальчикъ какъ разъ въ настоящую минуту, умный мальчикъ, забравшій себѣ въ голову стать джентльменомъ. Поговорите съ нимъ, если хотите. Ему только одиннадцать лѣтъ отъ роду, но онъ феноменъ, д-ръ Потльбэри, положительно феноменъ.

— Гм! родители—почтенные люди?

— Дѣло въ томъ, что мальчикъ, кажется, не знаетъ, кто его родители, но онъ чудесный мальчикъ тѣмъ не менѣе, и хотя ему всего лишь одиннадцать лѣтъ, а онъ самъ заработываетъ свое пропитаніе и одежду.

— Заработываетъ свое пропитаніе? Какимъ образомъ?

— Онъ служитъ будильникомъ.

— Это еще что такое?—вскричалъ д-ръ Потльбэри.

— Онъ получаетъ отъ двухъ до трехъ пенсовъ въ недѣлю за то, что приходитъ будить рабочихъ и ремесленниковъ, которымъ надо спозаранку идти на работу. Онъ самъ встаетъ съ пѣтухами,—заключилъ надзиратель, любившій выражаться картинно.

— Многое видалъ я въ жизни, но мальчика, который бы вставалъ съ пѣтухами, еще не доводилось видѣть,—сказалъ д-ръ Потльбэри со вздохомъ.

— Хотите взглянуть на него?

— Это ничему не помѣшаетъ,—отвѣчалъ докторъ.—Онъ вѣдь знаетъ, полагаю, околотокъ?

— Мое личное убѣжденіе, что знаетъ,— таинственно проговорилъ надзиратель:—нѣтъ ничего, чего бы онъ не зналъ.

— Ну, такъ тащите его сюда, а я проэкзаменую его въ географіи.

адзиратель отворялъ дверь, которая вела въ классъ, и громко ъ Грегема.

мѣчательно красивый и хотя бѣдно, но прилично одѣтый икъ вошелъ въ комнату, тщательно притворилъ за собою и остановился, внимательно поглядывая то на того, то на о господина.

Мальчикъ, — сказалъ д-ръ Потльбэри, — гдѣ находится Кортъ?

Сначала взять влѣво, затѣмъ вправо по Фетеръ-Лену; послѣ какъ пройдешь булочника, тутъ и Кортъ, — отвѣтилъ думальчикъ.

А гдѣ нумеръ тридцать-шестой? — продолжалъ докторъ.

Вы шутите,—отвѣчалъ мальчикъ все такъ же серьезно:—тите, гувернеръ. Тридцать-шестого нумера нѣтъ.

Гдѣ Грейсъ-Иннъ-Ленъ?—спросилъ д-ръ Потльбэри.

Вы сами это знаете, — отвѣчалъ мальчикъ сердито.

Грегемъ,—сказалъ надзиратель строго,—такъ не годится ть джентльмену; онъ хочетъ вамъ добра и весьма воз-, что поможетъ вамъ пробиться въ свѣтѣ.

Извините, сэръ,—отвѣчалъ мальчикъ:—я думалъ, онъ дуя.

Вы знаете, кто я?—торжественно спросилъ д-ръ Потльальчика.

Конечно, знаю. Вы—Потльбэри, хирургъ et cætera.

Что значитъ et cætera? — спросилъ д-ръ Потльбэри съ твующимъ взглядомъ.

Et—и; cætera—прочее,—отвѣчалъ мальчикъ.

Эге, эге!—вскричалъ д-ръ Потльбэри:—мальчикъ заблагоно знакомъ съ классиками. А гдѣ вы научились латыни, ный другъ?—спросилъ старый джентльменъ.

Да вотъ, сэръ, я просто разспрашиваю добрыхъ людей; ни знаютъ то, о чемъ ихъ спрашиваешь, то непремѣнно ъ; а не знаютъ, такъ обругаются или дадутъ тычокъ. По-сэръ, — прибавилъ мальчикъ съ добродушной улыбкой:—у можно научиться, разспрашивая направо и налѣво.

Видите, д-ръ Потльбэри,—вмѣшался надзиратель,—Грегемъ къ любознательный. Онъ не застѣнчивъ, какъ видите, и его не знаетъ, то спроситъ, и постоянно все спрашиваетъ. альчикъ любознательный. Подите и принесите вашу тетрадь санія, Грегемъ. У мальчика отличный почеркъ, д-ръ Потльакъ вы сейчасъ убѣдитесь,—продолжалъ онъ: — онъ ни-

когда не забываетъ того, что разъ выучилъ, а въ ариѳметикѣ, можно сказать, онъ просто мастеръ.

Поэтому когда мальчикъ вернулся и принесъ тетрадь, д-ръ Потльбэри сталъ перевертывать страницы съ удивленіемъ. Почеркъ могъ поспорить съ лучшими образцами гравировальнаго искусства.

— Скажите!—произнесъ д-ръ Потльбэри:—прекрасно, прекрасно!—прибавилъ онъ, читая изреченіе: „почитай знанія древнихъ". — Что же это значитъ, мой милый?—спросилъ докторъ, стараясь изобразить изъ себя живое олицетвореніе „Encyclopaedia Britannica". — Что это значитъ? Не торопитесь, мой другъ, подумайте, прежде чѣмъ отвѣчать. Что значитъ: почитать знанія древнихъ?

— Чепуха!—объявилъ мальчикъ.

— Господи!—вскричалъ д-ръ Потльбэри:—что вы хотите сказать? Какъ смѣете вы подшучивать надо мною, сэръ?—прибавилъ онъ, вдругъ весь вспыхнувъ.

— Я совсѣмъ не имѣлъ этого намѣренія,—отвѣчалъ мальчикъ. —Я вовсе не подшучиваю надъ вами. Вы спрашиваете: „что это значитъ?" „Чепуха", отвѣчаю я.

— Грегемъ,—сказалъ надзиратель съ упрекомъ:—объясните сентенцію и объясните, что вы хотите сказать.

— Почтеніе — значитъ снимать шляпу и расшаркиваться; знаніе, поговорки, пословицы и правила древнихъ, то-есть, значитъ, старинныхъ людей. Извините, сэръ,—обратился мальчикъ къ надзирателю,—но въ старину люди меньше знали и память у нихъ была хуже, они мало знали, да и что знали, то скоро забывали. Эта сентенція была написана стариннымъ человѣкомъ—значитъ, въ ней надо относиться съ такимъ же сомнѣніемъ и неувѣренностью. Почитать, то-есть снимать шляпу, расшаркиваться по поводу его поговорокъ, пословицъ и сентенцій, составляющихъ чепуху, какъ уже доказано; мы должны почитать древнихъ не за ихъ пословицы, поговорки и сентенціи, такъ какъ это чепуха, какъ уже доказано, но за то, что они древніе.

И тутъ мальчикъ замолчалъ и лицо его приняло довольное выраженіе.

— Боже, Боже!—сказалъ д-ръ Потльбэри:—у этого мальчика есть зачатки, только зачатки, слабые, но рѣшительные зачатки логической способности. Ему слѣдовало бы поступить въ духовное званіе или избрать своей профессіей политику. Какой агитаторъ вышелъ бы изъ него!

Надзиратель засмѣялся.

— Дѣло въ томъ, д-ръ Потльбэри,—произнесъ онъ, пони-

зивъ голосъ,—что умъ мальчика въ настоящее время представляетъ собой родъ интеллектуальнаго складочнаго мѣста. Если вы возьмете его къ себѣ, то, вѣроятно, изъ него выйдетъ образованный человѣкъ, а если нѣтъ, то ему ничего не останется больше какъ быть счетчикомъ-молніей.

— Господи, сэръ! — закричалъ д-ръ Потльбэри, растерявшись:—это еще что такое?

— Грегемъ, — сказалъ надзиратель,—помножьте четыреста тридцать-семь на триста девяносто-девять.

Не успѣли эти слова выговориться надзирателемъ, какъ мальчикъ отвѣчалъ съ увѣренностью.

— Сто шестьдесятъ тысячъ девятьсотъ девяносто-три.

— Квадратный корень изъ тысяча триста шестьдесятъ-девять, —сказалъ надзиратель.

— Тридцать-семь,—отвѣчалъ мальчикъ почти прежде, чѣмъ надзиратель успѣлъ закрыть ротъ.

Тотъ продолжалъ задавать ему ариѳметическія задачи, все болѣе и болѣе трудныя, но мальчикъ немедленно и безусловно правильно рѣшалъ ихъ.

— Колесо въ шесть ярдовъ въ окружности,—сказалъ надзиратель,—пробѣжало двѣсти-четыре мили; сколько разъ оно обернулось?

Мальчикъ зарычалъ и скорчилъ ужасную гримасу, но затѣмъ отвѣтилъ:

— Пятьдесятъ-девять тысячъ восемьсотъ сорокъ разъ.

— Боже!—повторилъ д-ръ Потльбэри:—Боже мой! Вы правы. Онъ феноменъ. Какой неудобный для воспитанія мальчикъ! Желалъ бы знать, не наслѣдственное ли это у него. Вашъ отецъ любилъ ариѳметику, дружокъ?—спросилъ д-ръ Потльбэри.

— Отецъ умеръ,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Приличную цитату,—сказалъ надзиратель.

„Imperial Cæsar dead and turned to clay,
„Might stop a hole to keep the wind away“.

— Одинъ изъ талантовъ Грегема, — объяснилъ надзиратель, —это, что у него всегда на-готовѣ приличная цитата. Я хорошенько не понимаю приличности настоящей, но, вѣроятно, у него есть хорошія причины, чтобы привести ее; вотъ спросимъ его. Почему вы сравниваете своего отца съ Цезаремъ, дружокъ?

— А вотъ почему, сэръ. Цезарь вѣдь умеръ, не правда ли? И отецъ также умеръ.

— Вы любили отца?—спросилъ д-ръ Потльбэри съ удивленіемъ.

— Никогда не видалъ его,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Но развѣ васъ не интересовало узнать, кто онъ? развѣ вы не разспрашивали о немъ свою матушку или своихъ знакомыхъ?

— Матушкѣ не до того,—отвѣчалъ мальчикъ;—она нездорова,—прибавилъ онъ въ поясненіе;—а м-съ Чафинчъ говоритъ: — не дѣлайте вопросовъ и вы не услышите лжи.

— О! вы знаете м-съ Чафинчъ? вотъ какъ!—сказалъ д-ръ Потльбэри.

— Мы квартируемъ у нея,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Гм! — проговорилъ докторъ, потирая подбородокъ: — это немного, но это кое-что. А хотите ли вы быть докторомъ?

— Я хочу быть джентльменомъ,—сказалъ мальчикъ просто.

— Боже, Боже мой! а что такое по вашему джентльменъ?

— Джентльменъ?—повторилъ мальчикъ и впервые выразилъ колебаніе.—Джентльменъ—такой человѣкъ, передъ которымъ всѣ снимаютъ шляпу и расшаркиваются.

— Пожалуй, что и такъ,—сказалъ д-ръ Потльбэри, съ улыбкой поворачиваясь къ надзирателю.

Въ результатѣ вышло, что д-ръ Потльбэри навелъ справки о Джонѣ Грегемѣ у м-съ Чафинчъ и такъ какъ полученныя свѣденія оказались благопріятными, то мальчикъ былъ водворенъ у доктора въ качествѣ помощника аптекаря. Въ этомъ званіи онъ съ похвальной аккуратностью выдавалъ лекарства и снадобья изъ продолговатой корзинки. А черезъ какихъ-нибудь полгода времени онъ уже помогалъ пьяницѣ-аптекарю въ приготовленіи ихъ. Послѣ того онъ получилъ ключъ отъ докторской библіотеки и, по собственному почину, принялся за изученіе анатоміи посредствомъ учебниковъ, разборнаго скелета, который нашелъ въ шкафу.

Когда ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, онъ уже зарабатывалъ двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю и въ этотъ періодъ времени онъ какъ-разъ познакомился съ маленькой Алисой Ферхомъ; м-съ Чафинчъ, у которой квартировалъ мальчикъ съ своей матерью, взялась въ ту пору выкормить ее на рожкѣ.

Любимымъ отдохновеніемъ, забавой и радостью Джона Грегема, феноменальнаго юноши, желавшаго быть джентльменомъ, было няньчиться съ голубоглазой дочкой м-ра Чарльза Ферхома, и за исключеніемъ ея отца, няньки и д-ра Потльбэри онъ былъ единственнымъ другомъ ранняго дѣтства Алисы.

VIII.

Въ первые годы жизни маленькая дочка Ферхома была чинная старосвѣтская дѣвочка. Ея міръ ограничивался стѣнами Темпля, а раемъ служилъ домъ въ Фетеръ-Ленѣ, гдѣ обиталъ „д-ръ Потльбэри, хирургъ, etc.“

Для маленькой Алисы старый домъ въ Фетеръ-Ленѣ въ самомъ дѣлѣ казался раемъ. Тамъ былъ большой, глубокій и таинственный шкафъ, наполненный разными чудесными вещами: оттуда экономка д-ра Потльбэри доставала инбирь, французскій чернословъ, винныя ягоды, отъ которыхъ у васъ слюнки текли, или обсахаренные фрукты, такіе же красивые, но безконечно вкуснѣе, чѣмъ тѣ, какіе Аладдинъ нашелъ въ погребѣ, куда его провелъ джентльменъ съ большой черной бородой, джентльменъ, пускавшійся въ плясъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, тотъ старый злой джентльменъ, что̀ такъ часто снился намъ въ дѣтскихъ снахъ и такъ настойчиво утверждалъ, что онъ дядя Аладдина, пропавшій безъ вѣсти.

Фрукты, хранившіеся въ шкафу д-ра Потльбэри, были гораздо вкуснѣе, потому что ихъ можно было ѣсть; а такъ какъ миссъ Алисѣ Ферхомъ было всего лишь четыре года отъ роду, то для нея обстоятельство это было немаловажное.

Впрочемъ не однѣ сласти, заключавшіяся въ таинственномъ шкафу, притягивали маленькую Алису, но и возможность поиграть съ Дономъ, аптекарскимъ ученикомъ. Имя Донъ, передѣланное дѣвочкой изъ Джона, было почти первое, которое научились выговаривать дѣтскія губки. Мальчикъ Донъ бывалъ и милымъ Дономъ, и нехорошимъ Дономъ, и забавнымъ Дономъ, смотря по расположенію духа молодой лэди. Дѣти не маскируютъ своихъ чувствъ. Обыкновенно они откровенно высказываютъ то, что̀ думаютъ, а когда перестаютъ это дѣлать, то перестаютъ быть дѣтьми и становятся маленькими мужчинами и женщинами, а слѣдовательно менѣе интересными и ужъ конечно менѣе симпатичными.

Съ другой стороны, единственнымъ удовольствіемъ для аптекарскаго ученика д-ра Потльбэри были его игры съ маленькой Алисой Ферхомъ, которую такъ удачно выкормила на рожкѣ м-съ Чафинчъ. Онъ былъ, какъ намъ уже извѣстно, очень прилежный къ ученію мальчикъ, но книги были для него лишь средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли, путеводной звѣздой въ ту обѣтованную гавань, куда онъ стремился, ни на минуту не теряя ея

изъ виду,—положеніе джентльмена, передъ которымъ „расшаркиваются и снимаютъ шляпу“.

Сначала обязанности Джона Грегема были чисто служительскія; онъ мылъ склянки, чистилъ мѣдную доску, возвѣщавшую міру вообще, что „д-ръ Потльбэри, хирургъ, etc.“ готовъ облегчить его страданія, и доска горѣла какъ жаръ.

Мало-по-малу онъ былъ посвященъ въ тайны приготовленія микстуръ и пилюль и пускался въ путь съ продолговатой корзинкой, содержавшей баночки и скляночки лекарствъ, старательно завернутыхъ въ бумагу, артистически запечатанныхъ и переложенныхъ сѣномъ.

Не разъ, а очень даже часто Джонъ Грегемъ храбро защищалъ содержимое своей корзинки отъ юныхъ уличныхъ кочевниковъ. За эту корзинку онъ дрался и проливалъ свою кровь. Онъ дошелъ до того, что сталъ упражняться, и не безъ успѣха, въ искусствѣ бокса, а потому, въ концѣ концовъ, его оставили въ покоѣ.

Юный Грегемъ былъ не только умный, но и услужливый мальчикъ. Пьяный аптекарь д-ра Потльбэри съ радостью сваливалъ всю работу на него, и, проживя годъ въ Фетеръ-Ленѣ, Джонъ Грегемъ могъ съ точностью и аккуратностью составить шести-унцовую микстуру.

Онъ горѣлъ желаніемъ отличиться на медицинскомъ поприщѣ и уже разъ прописалъ лекарство, но только разъ. М-съ Чафинчъ стала его жертвой, и онъ съ гордостью выслушалъ отъ нея, что отъ лекарства, которое онъ ей далъ, ей стало „куда хуже“. Джонъ Грегемъ всегда съ должнымъ почтеніемъ обращался съ аптекарскими склянками. Tinctura camphoræ composita была для него болеутолительнымъ лекарствомъ, между тѣмъ какъ laudanum былъ tinctura opii, а шесть голодныхъ піявокъ, никогда не пробовавшихъ крови и обитавшихъ въ глиняной кружкѣ съ крышкой, усѣянной дырочками, были тоже поручены заботамъ юнаго Грегема.

Онъ смотрѣлъ на піявокъ какъ на домашнихъ, любимыхъ животныхъ, аккуратно мѣняя имъ воду, и когда одна изъ нихъ скончалась отъ преклоннаго возраста, Джонъ Грегемъ почувствовалъ, что лишился друга.

— Пожалуйста, м-ръ Восперъ, — говорила м-съ Чафинчъ, просовывая голову въ аптеку и обращаясь къ помощнику д-ра Потльбэри, аптекарю:—не можете ли вы отпустить вашего мальчика на часокъ или два? М-съ Паркисъ и я задумали сходить неподалеку отсюда и мы будемъ вамъ очень обязаны, если вы

позволите ему понянчиться съ малюткой,—конечно, если вы можете обойтись безъ него въ эту минуту.

— Я его въ эту минуту не употребляю, м-съ Чафинчъ,— отвѣчалъ вѣжливо м-ръ Восперъ, говоря о мальчикѣ такъ, точно онъ былъ рабочій инструментъ:—у насъ теперь затишье, потому лѣтнее время, знаете — даже докторамъ меньше дѣла лѣтомъ, знаете.

И обращаясь къ мальчику, онъ говорилъ:

— Ступайте, Джонни, и займитесь маленькой миссъ, если только вы расположены, хотя вы единственный мальчикъ, какого я знавалъ въ жизни, который любитъ общество маленькихъ дѣтей.

— Помилуйте, сэръ,—отвѣчалъ юный Грегемъ:—миссъ Ферхомъ не дитя, развѣ только по закону, но вѣдь по закону я и самъ дитя. Право же, м-ръ Восперъ, присмотрѣть за такой молодой лэди, какъ миссъ Ферхомъ, привилегія! помилуйте, сэръ, я зналъ ее еще вотъ эдакую!

И онъ указывалъ на склянку съ ревеннымъ сиропомъ.

— Прекрасно, юноша!—отвѣчалъ м-ръ Восперъ:—у каждаго мальчика свои вкусы; ступайте и занимайтесь своей аристократкой, если вамъ такъ нравится. Но черезъ часъ пусть онъ вернется сюда, м-съ Чафинчъ.

— Часъ-въ-часъ, м-ръ Восперъ,—говорила м-съ Чафинчъ.— Я знаю, что время профессіональныхъ господъ дорого. Въ пять часовъ ровно мы вернемся, сэръ, будьте покойны, и чувствительнѣйше благодарю васъ, сэръ. Милэди сидитъ въ кухнѣ на столѣ и плачетъ, и зоветъ Джонни, а дѣвицу ея возраста не годится дразнить, когда она вопитъ, чтобы позвали Джонни, какъ бы вы сами въ этомъ убѣдились, еслибы были ея отцомъ, чего нѣтъ, и благодарите за это вашу счастливую звѣзду!—прибавила м-съ Чафинчъ, понижая голосъ. — Видите ли, сэръ, мнѣ приходится быть очень разборчивой насчетъ ея общества: ея мать была вѣдь титулованная особа, какъ вамъ извѣстно, такъ намъ приходится съ этимъ считаться.

И послѣ этого Джонъ Грегемъ шелъ за м-съ Чафинчъ въ кухню, гдѣ находилъ м-съ Паркисъ, одѣтую къ выходу, а миссъ Алису Ферхомъ, возсѣдающую на кухонномъ столѣ, съ засунутыми пухленькими кулачками въ закрытые глазки и ревущую изо всей мочи.

— Я знала, что ты придешь, Донъ,—кричало дитя и личико ея вдругъ озарялось улыбкой и она протягивала ему ручки, посылая воздушные поцѣлуи.

— А! ну, не крокодильчикъ ли она послѣ этого?—съ восторгомъ кричала м-съ Чафинчъ.—Ахъ, м-съ Паркисъ! дѣвочки—это такія плутовки, что какъ разъ заберутъ васъ въ руки; съ дѣвочкой-воспитанницей не такъ-то легко справиться, скажу я вамъ. Это не то, что съ роднымъ ребенкомъ, видите; того и щелчкомъ уймешь иной разъ. А вотъ пріемной матери такъ хлопотъ полонъ ротъ, скажу я вамъ. Да что, м'амъ, когда онѣ въ этомъ возрастѣ, да еще хорошенькія, такъ могутъ разжалобить сборщика податей, а у тѣхъ ужъ, вѣдь извѣстно, сердце каменное; такое ужъ ихъ дѣло.

Послѣ того обѣ дамы цѣловали миссъ Ферхомъ и удалялись.

— Надѣюсь, что вы здоровы, миссъ?—говорилъ мальчикъ несмѣло.

— Донъ,—произносила юная лэди торжественно, не отвѣчая на его вопросъ,—ты не поцѣловалъ меня.

— Вы очень добры, миссъ, что безпокоитесь объ этомъ,—отвѣчалъ мальчикъ и старательно вытиралъ мокрыя отъ слезъ щечки юной лэди собственнымъ краснымъ носовымъ платкомъ, который съ этою цѣлью свертывалъ мячикомъ.

— Съ вашего позволенія, — прибавлялъ онъ:—ваши щечки настоящій персикъ, миссъ,—и, тщательно обтеревъ губы, онъ цѣловалъ дѣвочку, которая тоже отвѣчала ему поцѣлуемъ.

— Надѣюсь, что вашъ „па“ здоровъ, миссъ Алиса?—спрашивалъ мальчикъ.

Но дѣвочка не отвѣчала и на этотъ вопросъ.

— Донъ,—говорила она тономъ сильной тревоги:—ну что змѣи?

— Это не змѣи, миссъ, это піявки,—отвѣчалъ мальчикъ,—и одна изъ нихъ околѣла.

— Донъ,—произносила миссъ Ферхомъ съ обольстительной улыбкой:—принеси змѣй.

— Это совсѣмъ не игрушка для молодыхъ лэди, миссъ.

— Мнѣ хочется поиграть съ змѣями; вѣдь ты играешь съ ними, Донъ,—и я хочу поиграть.

— Но онѣ кусаются, миссъ.

— О, Донъ, милый Донъ,—убѣждала трогательно миссъ Ферхомъ:—я хочу на нихъ поглядѣть, я хочу видѣть, какъ онѣ кусаются, Донъ; я буду умница. Я хочу видѣть, какъ онѣ кусаются, Донъ, и у меня есть апельсинъ, Донъ.

Мнѣ могутъ возразить, что четырнадцати-лѣтніе мальчики не играютъ обыкновенно съ четырехъ-лѣтними дѣвочками, и это справедливо; но не слѣдуетъ забывать, что мальчикъ Грегемъ нянь-

чился съ дѣвочкой, когда она была еще малюткой. Ему нравилось сначала, что безсловесное дитя радостно улыбалось при видѣ его. Онъ привыкъ носить ее на рукахъ; онъ смотрѣлъ на Алису почти какъ на родную и когда первое слово, какое научилось говорить дитя, было „Донъ", мальчикъ былъ польщенъ столько же, сколько и обрадованъ.

Такимъ образомъ, съ младенческихъ лѣтъ миссъ Ферхомъ привыкла глядѣть на Джонни Грегема какъ на товарища игръ и покровителя. При этомъ у мальчика явилось какое-то чувство собственности надъ ребенкомъ.

— Мы съ м-съ Чафинчъ выростили ее,—говаривалъ онъ и ощущалъ такое же удовлетвореніе при этомъ, какое можетъ испытывать мальчикъ, спасшій щенка отъ гибели.

— Дайте намъ вашъ апельсинъ, миссъ,—сказалъ мастеръ Грегемъ.

— Ты хочешь съѣсть его, Донъ?—спросило дитя не безъ опасенія.

— Вы еще не подарили мнѣ его, миссъ, а потому я не знаю,—отвѣчалъ мальчикъ загадочно.—Я думалъ, что вы мнѣ его подарите,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Неужели ты хочешь взять весь апельсинъ, Донъ? О, Донъ! какой ты жадный!

— Мальчики всѣ жадные, миссъ,—отвѣчалъ ея покровитель, —и если вы дѣйствительно меня любите, то подарите мнѣ его.

И онъ протянулъ руку.

Онъ усѣлся, скрестивъ ноги на полу, и голова его приходилась какъ разъ на одномъ уровнѣ съ головкой миссъ Ферхомъ, а рука безсовѣстно протягивалась за апельсиномъ.

— Я лучше тебя поцѣлую, Джонъ,—предложила молодая особа.

Но Джонъ покачалъ головой.

Тогда она неохотно подвинулась къ мальчику и положила апельсинъ въ его протянутую руку.

— Донъ,—сказала она,—покажи мнѣ, какъ тебя кусаютъ змѣи.

И послѣ того со вздохомъ разсталась со своимъ сокровищемъ.

Мальчикъ не отвѣчалъ; онъ медленно поднесъ руку ко рту, который раскрылъ точно людоѣдъ, и, повернувъ лицо въ профиль къ ребенку, представился, что засунулъ апельсинъ въ ротъ, надулъ щеки и закрылъ ротъ. Потомъ съ большимъ какъ будто усиліемъ проглотилъ его цѣликомъ, точно гигантскую пилюлю, а дитя внезапно топнуло ногой съ удивленнымъ негодованіемъ и закричало:

— О, Донъ! ты нехорошій мальчикъ, ты жадный и еслибы ты не былъ Донъ, я бы тебя разлюбила!

Еще секунда и она залилась бы слезами, но апельсинъ вдругъ вновь появился, а юный волшебникъ превратился въ жонглера. Онъ подбрасывалъ апельсинъ высоко въ воздухѣ и ловилъ его то одной, то другой рукой, а дитя прыгало и визжало отъ восхищенія его искусствомъ. Когда же представленіе кончилось, она замѣтила съ одобрительной улыбкой:

— О, Донъ! ты умный мальчикъ, и ты совсѣмъ не жадный, и я люблю тебя, Донъ, и—жалобнымъ тономъ—я буду умница.

— Неужто вы хотите отнять у меня апельсинъ?—закричалъ мальчикъ, притворяясь обиженнымъ.

— О, Донъ! Я люблю тебя, Донъ, право, люблю, но... я такъ люблю апельсины!

Они сидѣли другъ противъ друга на полу и маленькая лэди тревожными глазами слѣдила за всѣми движеніями мальчика.

— Представьте, миссъ,—помните, я говорю только: представьте,—что мы его очистимъ, да подумаемъ, какъ потомъ быть.

— Милый Донъ!—сказало дитя, хлопая въ ладоши.

Послѣ того мальчикъ вынулъ изъ кармана ножикъ и въ одно мгновеніе ока апельсинъ былъ очищенъ, раздѣленъ на дольки, а мальчикъ сказалъ:

— Смотрите же, миссъ, не глотайте зернышекъ, а то это вредно для здоровья. Что̀ скажутъ обѣ дамы, если вы будете глотать зернышки, миссъ Алиса!

Ротъ ребенка былъ биткомъ-набитъ апельсиномъ, но она покорно кивнула головой въ знакъ согласія. Послѣ того, такъ какъ апельсинъ былъ весь съѣденъ, дитя поднялось съ полу и съ благодарной улыбкой объявило:

— О! какой ты добрый, милый мальчикъ, Донъ! съѣшь зернышки! Няня за это не разсердится, я знаю. Но только, Донъ,—говорила она съ тревогой,—ты не скажешь, что я съѣла весь апельсинъ? милый Донъ, пожалуйста, не говори! Не скажешь, милый Донъ?

Миссъ Ферхомъ выказала при этомъ несебялюбивую природу своего пола.

Какъ водится, женщина, какъ бы она ни была юна, всегда цѣнитъ самоотверженіе въ своихъ поклонникахъ и, мало того, готова вознаградить его великодушно, разрѣшивъ поклоннику съѣсть зернышки, горькія зернышки. Но такова именно естественная благодарность женщины.

IX.

Познакомимся теперь съ миссъ Марджорибанкъ. Трудно представить себѣ, какъ ухищрялась миссъ Марджорибанкъ казаться всегда нарядной, но какъ бы то ни было, а такъ оно было.

Есть мужчины, которые, если даже облекутся въ платье отъ первѣйшаго портного, тѣмъ не менѣе похожи на лакеевъ.

Есть женщины, даже дѣвушки, которыя въ костюмѣ отъ Ворта смахиваютъ на горничныхъ.

Ну вотъ миссъ Марджорибанкъ была прямой противоположностью этого сорта людей. Какъ бы она ни одѣлась, она всегда имѣла видъ grande dame—лицо, о которомъ мы такъ много слышимъ и которое такъ рѣдко видимъ.

Кромѣ того, какое бы платье ни надѣла миссъ Марджорибанкъ, она всегда казалась нарядной и, какъ говорятъ французы: tirée à quatre épingles.

Still to be neat, still to be dressed
As you were going to a feast! [1])

Но хотя она очень рѣдко ѣздила на парадные обѣды, миссъ Марджорибанкъ была всегда прилична и нарядна и тутъ уже не платье красило человѣка, а человѣкъ красилъ платье.

Небольшая шляпка сидѣла на ней такъ, какъ еслибы вышла изъ рукъ первѣйшей модистки и стоила по меньшей мѣрѣ три съ половиной гинеи. А между тѣмъ соломка куплена была миссъ Марджорибанкъ всего лишь за четыре шиллинга шесть пенни и миссъ Марджорибанкъ сама отдѣлала ее лентами и цвѣтами, за которые заплатила всего пять шиллинговъ.

Миссъ Марджорибанкъ была очень требовательна насчетъ перчатокъ и ботинокъ. То была ея единственная роскошь, но хорошо сшитыя ботинки и перчатки по рукѣ скрашиваютъ весь нарядъ.

Миссъ Марджорибанкъ не нуждалась, потому что у нея было доходу сто фунтовъ стерлинговъ въ годъ; правда, этого дохода она могла лишиться каждую минуту, такъ какъ обязана была имъ щедрости одной родственницы.

Довольно странно, что миссъ Марджорибанкъ не вышла замужъ. Конечно, это не потому, чтобы не было случая. Случаевъ представлялось достаточно, но она всѣмъ рѣшительно поклонникамъ сама отказала. Какъ бы то ни было, а тридцати-пяти лѣтъ

---

[1]) Всегда быть приличной и нарядной, точно ѣдешь на парадный обѣдъ.

отъ роду она все еще была свободна и дѣвственница. Миссъ Марджорибанкъ была въ душѣ сантиментальна и этимъ все объясняется.

А затѣмъ она встрѣтила юнаго Чарльза Ферхома, который былъ на десять лѣтъ моложе ея, два раза протанцовала съ нимъ и по уши влюбилась въ молодого адвоката.

Что касается Ферхома, то на другой же день послѣ бала онъ совсѣмъ позабылъ о ея существованіи. Не то было съ миссъ Марджорибанкъ. Она никогда до сихъ поръ не любила, а любовь, какъ и всѣ обязательныя болѣзни: корь, коклюшъ и т. д., тѣмъ опаснѣе, чѣмъ позже приходятъ.

Не шутка, еслибы лордъ главный судья заболѣлъ корью, или архіепископъ кентерберійскій схватилъ краснуху. Не шуткой было и для Гоноріи Марджорибанкъ, когда тридцати-пяти лѣтъ отъ роду она безъ памяти влюбилась въ Чарльза Ферхома и хотя она больше не встрѣчалась съ нимъ и не слыхала про него въ продолженіе десяти долгихъ лѣтъ, а онъ, какъ уже сказано, забылъ даже, что она существуетъ на свѣтѣ, она продолжала его любить безнадежно, тайно и пламенно.

И вотъ, по странной случайности, она увидѣла въ „Times“ объявленіе о томъ, что требуется гувернантка къ четырехъ-лѣтней дѣвочкѣ. Но не это обстоятельство поразило вниманіе миссъ Марджорибанкъ; ее поразило имя, стоявшее въ концѣ объявленія и отъ котораго сердце ея забилось, а щеки вспыхнули, хотя ей было сорокъ-пять лѣтъ. Это было имя Чарльза Ферхома, и указанный адресъ: Эквити-Кортъ, Темпль.

Миссъ Марджорибанкъ тотчасъ же отправилась къ м-ру Ферхому. Она не пыталась напомнить ему о себѣ, а онъ весьма прозаически изложилъ, въ чемъ дѣло.

— Моя дѣвочка—еще дитя,—сказалъ онъ,—но я боюсь, что воспитаніе ея было запущено. Видите ли, я очень занятъ и мнѣ некогда присматривать за нею. Мнѣ нужна особа, которая была бы для нея больше, чѣмъ простая гувернантка. Мнѣ нужна особа, которой я могъ бы безусловно довѣриться, такъ какъ на практикѣ я ей передамъ дочь съ рукъ на руки. Пора изъять дѣвочку изъ общества выростившей ее женщины—я разумѣю мою темпльскую прачку, очень достойную, впрочемъ, особу, и мальчишку, который обыкновенно играетъ съ моей дѣвочкой. Въ послѣднее время она стала употреблять Богъ знаетъ какія выраженія, и это неудивительно, такъ какъ товарищемъ игръ у нея уличный лондонскій мальчишка. У моей дочки нѣтъ матери, видите ли,—и

онъ вздохнулъ, проговоривъ это,—и мнѣ нужно, чтобы кто-нибудь занялъ ея мѣсто.

Это было неловко выражено и миссъ Марджорибанкъ покраснѣла подъ вуалемъ, но выразила готовность взяться за дѣло.

Справедливость требуетъ, чтобы мы сразу заявили, что миссъ Марджорибанкъ не питала никакихъ заднихъ мыслей. Она отнюдь не разсчитывала подцѣпить м-ра Ферхома и женить его на себѣ и не съ этою цѣлью взялась быть гувернанткой его дочери. Свиданіе не прикрывало собою романа. Условія были высказаны и тѣмъ дѣло и кончилось.

— Хотите видѣть мою дочку, миссъ Марджорибанкъ, прежде чѣмъ дать окончательный отвѣтъ?

— Очень хочу.

Ферхомъ позвонилъ и появился м-ръ Ренбушъ.

— Ренбушъ, велите м-съ Чафинчъ привести бэби.

Ферхомъ все еще называлъ дочь бэби.

М-ръ Ренбушъ вышелъ изъ комнаты и черезъ минуту или двѣ вернулся, ведя миссъ Ферхомъ за руку. Дитя держало подъ мышкой безобразную куклу, съ громадной деревянной головой, грубо раскрашенной. У куклы не было туловища, но вокругъ ея горла обвернутъ былъ кусокъ пестраго ситца, изображавшій, вѣроятно, платье, а на головѣ красовался чепчикъ изъ розоваго каленкора.

— Я не хочу гостью!—кричало дитя.—Я играла въ королей и королевъ съ Дономъ, когда вы пришли въ гости и помѣшали мнѣ, и я васъ не люблю, и совсѣмъ мнѣ не надо никакихъ лэди, и она совсѣмъ не хорошенькая, какъ сказалъ Ренбушъ; милый папа, я не хочу, чтобы мнѣ заплетали волосы въ косу; милый папа, отпустите меня играть въ королей и королевъ!

М-ръ Ренбушъ дипломатично вышелъ изъ гостиной, не говоря ни слова, оставивъ ребенка у дверей съ ея чудовищной куклой.

— Вотъ наша молодая лэди, миссъ Марджорибанкъ,—сказалъ Ферхомъ немного грустно.

— Я вовсе не лэди, я королева!—отвѣчало дитя съ негодованіемъ:—позвольте мнѣ идти назадъ къ Дону!

— А гдѣ ты взяла эту ужасную игрушку, бэби?—спросилъ Ферхомъ не безъ любопытства.

— Донъ подарилъ мнѣ, и сегодня его рожденіе, пустите меня къ нему. Донъ смотритъ за мной,—прибавило дитя наивно,—а Чафинчъ ушла по дѣлу. Прощайте, милый папа! прощайте, лэди!—сказала дѣвочка, повернулась къ двери и, пославъ обоимъ поцѣлуй, вышла изъ комнаты.

— Ну, какъ вы ее находите?—спросилъ Ферхомъ.

— Съ ней нужна большая твердость характера,—отвѣчала миссъ Марджорибанкъ.

— Твердость характера—не мое качество, по крайней мѣрѣ въ томъ, что до нея касается,—проговорилъ Ферхомъ со вздохомъ.— Дитя такъ похоже на свою мать,—продолжалъ онъ,—и она вертитъ мной, какъ ей угодно.—Ея мать умерла, — прибавилъ онъ глухимъ голосомъ.—Она умерла, когда родилась Алиса.

И тутъ онъ безцѣльно сталъ рыться въ бумагахъ, чтобы скрыть свое волненіе.

Миссъ Марджорибанкъ не знала, что̀ отвѣтить, а потому, чтобы сказать что-нибудь, проговорила:

— Она очень похожа на васъ, м-ръ Ферхомъ, очень похожа.

— Похожа на меня! похожа на меня!—чуть не съ негодованіемъ вскричалъ адвокатъ.—Она—настоящій портретъ своей матери!

Миссъ Марджорибанкъ ничего не отвѣчала. Ей привидѣлись глаза человѣка, котораго она любила и потеряла, глаза самого Чарльза Ферхома, въ хорошенькомъ личикѣ заброшеннаго ребенка.

Еслибы она еще хоть сколько-нибудь колебалась принять званіе гувернантки, то эти глаза побѣдили бы ея нерѣшительность. Она согласилась взять Алису на свое попеченіе.

Когда миссъ Марджорибанкъ ушла, Ферхомъ спросилъ своего клерка:

— Что этотъ мальчикъ Грегемъ все еще торчитъ здѣсь?

— Онъ няньчится съ бэби, сэръ,—отвѣчалъ м-ръ Ренбушъ.

— Позовите его сюда и велите ему захватить съ собой эту мерзкую куклу.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась и Джонъ Грегемъ вошелъ въ комнату съ куклой въ рукахъ и съ очень удивленнымъ видомъ.

— Мальчикъ,—сказалъ Ферхомъ, довольно ласково впрочемъ:—у васъ, кажется, много свободнаго времени и вы его проводите здѣсь, сколько мнѣ кажется?

— Да, сэръ,—отвѣчалъ мальчикъ съ гордой улыбкой.—Я прихожу играть, когда мнѣ можно, съ миссъ. Видите ли, сэръ, я знаю ее съ рожденія.

— Такъ, такъ,—замѣтилъ Ферхомъ:—но вѣдь есть же у васъ другія обязанности, полагаю, не правда ли?

— О, да, сэръ,—отвѣчалъ юный Грегемъ.—Я служу у д-ра Потльбэри и онъ обѣщалъ вывести меня въ доктора.

— Онъ, вѣроятно, привязался къ вамъ!

— Да, сэръ, благодарю васъ, сэръ, я буду джентльменомъ, ь, право буду.

— А что вы дѣлаете здѣсь сегодня утромъ?

— Мы играемъ, сэръ, въ королей и королевъ, и я принесъ куклу миссъ, потому что сегодня день моего рожденія, сэръ, иссъ весела какъ „Пончъ".

— А! сегодня ваше рожденіе, вотъ какъ! Ну такъ, Грегемъ, і сегодня ваше рожденіе, то вотъ вамъ полсоверена. А теперь лушайте меня: я не хочу, чтобы вы больше приходили ко на квартиру и будьте такъ добры, возьмите обратно эту куклу.

Но мальчикъ только глядѣлъ на куклу. Тогда адвокатъ взялъ лу, раскрылъ окно и съ бранью выбросилъ подарокъ Джона гема своей маленькой дочери.

— Можете идти,—прибавилъ онъ, усаживаясь обратно въ сло и принимаясь за перо.

— Извините, сэръ, могу я проститься съ миссъ Алисой?— осилъ мальчикъ тревожно.

— Конечно, если хотите.

— Благодарю васъ, сэръ.

И Джонъ Грегемъ повернулся, чтобы выйти изъ комнаты.

— Мальчикъ!—позвалъ Ферхомъ съ удивленіемъ:—вы забыли і полсоверенъ.

— Благодарю васъ, сэръ, я не возьму вашихъ денегъ,—отилъ мальчикъ твердо.

Ферхомъ съ удивленіемъ уставился на него, а мальчикъ поился и исчезъ.

— Какой необыкновенный мальчикъ!—пробормоталъ отецъ сы, принимаясь за работу.—Совсѣмъ необыкновенный мальчикъ! Адвокату не приходило до сихъ поръ въ голову, что и у няковъ и безродныхъ можетъ быть сердце.

X.

Чарльзъ Ферхомъ пробился въ свѣтѣ и трудно сказать, чего онъ не могъ достигнуть въ концѣ такой успѣшной карьеры. ыя высшія судебныя должности были для него вполнѣ доıны. Но всѣ его планы рухнули и всѣ ожиданія разсѣялись, ь дымъ.

И все это случилось совсѣмъ нелѣпо, хотя, пожалуй, и очень сто.

Разъ вечеромъ Ферхомъ обѣдалъ въ Голлѣ и только-что со-

бирался идти домой, какъ одинъ товарищъ-адвокатъ, по имени Биванъ, съ которымъ онъ былъ друженъ еще со студенческой скамьи, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Вы заняты сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Ферхомъ,—ничего особеннаго мнѣ не предстоитъ.

— Если такъ, то пойдемте со мной въ „Фениксъ". Вы сами не играете, я знаю, но я увѣренъ, что и вамъ будетъ нескучно. Тамъ играютъ въ баккара́, вы знаете.

— Да, слышалъ, но, любезный другъ, какъ вы сами замѣтили, я не играю, и мнѣ, конечно, будетъ скучно.

— Нисколько; глядѣть на игру почти такъ же весело, какъ и самому играть.

— Хорошо, я пойду съ вами. Если соскучусь, то вѣдь могу и уйти.

„Фениксъ"—клубъ, въ которомъ играютъ въ баккара́, какъ сейчасъ объяснилъ Биванъ. Способъ, какимъ онъ основался—сама простота. Одинъ капиталистъ, еврейскаго происхожденія, сомнительной репутаціи стряпчій и двое или трое эксъ-военныхъ офицеровъ столкнулись и образовали изъ себя комитетъ. Слѣдующимъ шагомъ было нанять домъ, а затѣмъ выбрать членовъ. Избраніе въ члены клуба происходило, повидимому, bona fide. Платили за входъ и вносили ежегодную подписку... нѣсколько фунтовъ, сущіе пустяки для профессіональнаго игрока.

Но клубъ былъ одна лишь вывѣска. Кто вступилъ бы въ него, воображая, что это настоящій клубъ, и пришелъ туда обѣдать, тотъ увидѣлъ бы, что нѣтъ ни супа, ни рыбы, ни зелени. Баранью котлетку или бифштексъ достать было возможно, да еще водки, разумѣется; но вотъ и все.

Кто ходилъ туда, тотъ приходилъ, чтобы играть, и ни за чѣмъ больше. И каковы бы ни были дальнѣйшіе планы, но извѣстный процентъ съ игры за вечеръ постоянно поступалъ въ карманы владѣльцевъ и этотъ процентъ часто доходилъ до ста фунтовъ въ вечеръ.

Существовали разные способы извлекать такую большую выгоду. Иногда взимался дисконтъ за то, чтобы размѣнять чеки, и довольно значительный дисконтъ. Другой способъ заключался въ томъ, чтобы взимать плату за каждую игру картъ, собираемую лакеемъ. Плату взимали даже и съ банкомета всякій разъ, какъ онъ мѣнялъ; эти деньги составляли доходъ клуба, а не тѣ, что ему платили за бараньи котлеты и красное вино.

Короче говоря, этотъ клубъ былъ не что иное какъ возрожден-

вертепъ былыхъ временъ. Всегда будутъ игроки и всегда бу- › пьяницы. Оба эти порока практически неискоренимы и вы ю также не удержите иныхъ людей отъ картъ и вина, какъ ‹ихъ отъ драки.

Но изъ всѣхъ формъ картежной игры самая невыгодная во къ отношеніяхъ, кромѣ какъ для владѣльцевъ клуба, есть бак- à; эта игра обыкновенно и ведется въ „Фениксѣ".

Когда Ферхомъ съ пріятелемъ пришли въ клубъ, онъ былъ :и пустъ.

— Мы начнемъ не раньше двѣнадцати или половины,—отвѣ- › секретарь въ отвѣтъ на вопросъ Бивана, когда начнется ь.

— Вотъ какъ! а я думалъ, что сегодня ранній вечеръ.

— Нѣтъ, по вторникамъ и по четвергамъ бываютъ ранніе ра. Приходите въ двѣнадцать и гуверверъ, пожалуй, заложитъ къ, но не думаю, чтобы кто изъ крупныхъ понтеровъ при- ъ раньше часу.

Подъ „гуверверомъ" секретарь подразумѣвалъ м-ра Іезекіиля, нтльмена, который исправлялъ должность пристава шерифа продолженіе двадцати лѣтъ, къ удовольствію всѣхъ шерифовъ длсекса и—врядъ ли стоитъ прибавлять—съ выгодой для самого ; а въ настоящее время покинулъ на вѣки „fi fas" и „ca sas" реобразился въ владѣтеля клуба.

— Ну, надо какъ-нибудь убить время,—сказалъ Биванъ.— аете ли вы когда въ концертахъ, Ферхомъ?

— Давно уже не былъ. Сказать по правдѣ, я не особенно лю музыку.

— Хорошо, ну такъ пойдемте въ Пандемоніумъ. Пантомима нется черезъ четверть часа. Она очень хороша. Я былъ тамъ недѣли тому назадъ, но готовъ смотрѣть хоть каждый ве- ь.

Оба адвоката отправились въ Пандемоніумъ и по окончаніи орого Синдбада" взяли извозчика и вернулись въ „Фениксъ". часа спустя игра была въ полномъ разгарѣ.

Тамъ были юные гвардейцы, ставившіе на карту годовое жа- нье и всѣ карманныя деньги, получаемыя отъ родителей.

Тамъ былъ министръ кабинета, который проигралъ огромную iу прежде, чѣмъ вечеръ окончился.

Тамъ былъ несчастный гусаръ изъ Ольдершота, который, про- ꙇвъ привезенные съ собой двѣсти фунтовъ, тщетно искалъ за- › пятьдесятъ „или хотя бы пять фунтовъ", чтобы отыграться.

Тамъ былъ и индійскій раджа, спокойный и величественный,

для котораго проиграть нѣсколько тысячъ ровно ничего не значило, и которому, вѣроятно, потому везло необыкновенно и онъ съ великолѣпнымъ равнодушіемъ набивалъ карманы банкнотами.

Это было любопытное зрѣлище и оказывало странное обаяніе на Чарльза Ферхома, никогда раньше не видѣвшаго ничего подобнаго.

М-ръ Биванъ игралъ маленькими ставками и съ перемѣннымъ счастіемъ и спустя полчаса находился въ финансовомъ отношеніи въ томъ же почти положеніи, какъ и пришелъ.

Ферхомъ только глядѣлъ, но наконецъ рискнулъ нѣсколькими совеpенами; какъ и всѣмъ новичкамъ, ему повезло и когда онъ съ пріятелемъ уходилъ изъ „Феникса", то оказался въ выигрышѣ на четыреста фунтовъ.

— Какой вы счастливецъ,—сказалъ Биванъ,—и какъ вы мастерски играли! Сказать по правдѣ, я этого отъ васъ не ожидалъ.

— Да и я самъ также,—отвѣчалъ Ферхомъ.

И прибавилъ въ простотѣ сердечной:

— И какъ это легко въ сущности, если только не терять хладнокровія. Сама простота.

— Разумѣется, просто,—отвѣчалъ Биванъ. — Надѣюсь, что вы еще со мной отправитесь въ „Фениксъ" и будете играть съ тѣмъ же искусствомъ.

— Я не могу туда ѣздить, не будучи членомъ.

— О, вы уже членъ! — отвѣчалъ Биванъ. — Еслибы вы не были членомъ, вамъ бы не позволили играть; но когда мы въ первый разъ пріѣхали въ клубъ, я условился съ секретаремъ, что васъ предложатъ въ члены и выберутъ, и теперь вы можете ѣздить туда, когда вамъ вздумается. Что-жъ, сегодня вы не даромъ съѣздили, дружище; вы, должно быть, выиграли четыреста или пятьсотъ фунтовъ. Это выгоднѣе адвокатуры, не правда ли?

— Гораздо выгоднѣе, — отвѣчалъ Ферхомъ и пожелалъ покойной ночи пріятелю.

Онъ вернулся домой, однако, не совсѣмъ довольный.

— Не по себѣ мнѣ что-то, — думалъ онъ. — Право, я совсѣмъ не радъ, что выигралъ эти деньги.

И его предчувствіе оправдалось; деньги эти не пошли ему въ прокъ и онъ могъ бы сказать, что онѣ стоили ему дороже, чѣмъ всѣ усилія и весь тяжкій трудъ, потраченный имъ въ началѣ своей карьеры, когда работа его оплачивалась такъ плохо, если даже и оплачивалась, а это бывало далеко не всегда.

XI.

ѣсколько дней спустя м-ръ Ферхомъ опять поѣхалъ въ „Фе-" и хотя велъ игру не такъ счастливо, какъ въ предъидущій однако, вернулся домой съ выигрышемъ въ сто фунтовъ. трасть къ игрѣ проснулась въ немъ и захватила его. Онъ отчаяннымъ игрокомъ. Исторія старая. Вскорѣ онъ, конечно, ялъ выигранныя деньги, и кромѣ того еще и свои въ при-Всѣ обязанности жизни были принесены въ жертву страш-демону игры, и роковымъ, но естественнымъ результатомъ ось небрежное отношеніе къ занятіямъ. Довольно скоро онъ лся въ денежномъ отношеніи.

утя онъ проигралъ нѣсколько тысячъ въ „Фениксѣ" и рѣши- не имѣлъ причины вѣрить долѣе въ богиню Фортуну, но наступили краткія зимнія каникулы, онъ далъ уговорить себя амъ по клубу увязаться за негодной обманщицей въ Монте-.

ъ двухъ золъ, можетъ быть, это—наименьшее; публичное открыто только въ опредѣленные часы дня и, когда вы яете всѣ имѣющіяся у васъ деньги, оно гораздо лучше го игорнаго дома, гдѣ вамъ позволяютъ играть въ кредитъ сиживать всю ночь въ вредной атмосферѣ табачнаго дыма, хъ паровъ и страстнаго возбужденія. Очевидно, игроки сами ходятъ, или же страсть къ игрѣ сильно развивается, потому ждые два или три года казино въ Монте-Карло должно ряться, чтобы удовлетворить требованіямъ громадной толпы, щейся туда.

ногіе посѣтители Монте-Карло положительно считаютъ игру ъ, а между тѣмъ не стѣсняются пользоваться даровыми ками по великолѣпнымъ садамъ администраціи—быть мо-самымъ великолѣпнымъ въ мірѣ изъ всѣхъ частныхъ садовъ—ми концертами и всякой другой роскошью, за которую съ нихъ не беретъ ни гроша.

либы владѣльцы возвели крѣпкую ограду вокругъ своего бнаго царства и взимали бы двадцать франковъ за входъ, шелся ли бы такой экономистъ или моралистъ, который бы пожаловался?

онечно, всякая игра дурна, но если уже допускать ее, то ихъ учрежденіяхъ, гдѣ не дозволяются ставки свыше извѣст-ифры. Правда, что человѣкъ можетъ войти въ маленькое ство богачемъ, а выйти изъ него нищимъ; но никто не

проигрываетъ своего состоянія за одинъ присѣстъ. Съ другой стороны, если онъ такъ счастливъ, что сорветъ банкъ, то хотя бы и желалъ онъ въ своемъ безуміи рискнуть выигрышемъ тутъ же, онъ не можетъ этого сдѣлать. Преемники г. Блана осторожны, если даже ихъ антагонисты и не добродѣтельны. Они рано запираютъ двери и даютъ своимъ кліентамъ время одуматься за ночь — преимущество, какого не имѣютъ счастливые игроки въ карточныхъ клубахъ Пелль-Меля или Пиккадилли. Чарльзъ Ферхомъ по собственному опыту узналъ, что счастливый игрокъ въ этихъ заведеніяхъ обязывается честью „не бѣжать съ выигрышемъ“, а играть, пока не оставитъ его на зеленомъ полѣ.

Какъ бы то ни было, а многіе проигрываются и въ Монте-Карло, и Чарльзъ Ферхомъ былъ въ томъ числѣ. Сначала, какъ и въ „Фениксѣ“, онъ выигралъ. Но такъ же, какъ и тамъ, счастіе не продолжалось, и въ какихъ-нибудь двѣ недѣли онъ проигралъ всѣ деньги, какія привезъ съ собой, и тысячу фунтовъ, которую занялъ.

Исторія „паденія и развращенія“ Чарльза Ферхома—печальная, хотя довольно обыкновенная. Черезъ годъ послѣ его перваго визита въ „Фениксъ“ онъ былъ погибшій человѣкъ духомъ, тѣломъ и карманомъ. Адвокатская практика мало-по-малу измѣняла ему и наконецъ совсѣмъ прекратилась. Стряпчіе, убѣдившись въ его небрежности, обратились къ другимъ адвокатамъ. Многіе сдѣлали это неохотно, такъ какъ Чарльзъ Ферхомъ былъ не только прекрасный адвокатъ, но и обворожительный человѣкъ; однако стряпчіе, хотя и хорошіе люди, вовсе не филантропы и такимъ образомъ не по ихъ винѣ, а чисто по своей Чарльзъ Ферхомъ остался безъ всякой практики.

Онъ сдѣлалъ то, что̀ дѣлаетъ девять человѣкъ изъ десяти при такихъ обстоятельствахъ: сталъ пить. А затѣмъ наступилъ и конецъ,—быть можетъ, къ счастію для него,—и нищій, съ погибшей репутаціей, онъ сошелъ въ могилу, оставивъ маленькую Алису безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Но женщина, обожавшая Ферхома, не могла допустить, чтобы его ребенокъ пошелъ по міру, и вотъ какимъ образомъ миссъ Марджорибанкъ взяла свою маленькую воспитанницу вмѣсто дочери и окружила ее всѣми попеченіями искренно любящаго сердца. Право, будь она родной матерью дѣвочки, она не могла бы съ бо̀льшей преданностью ухаживать за ней.

А. Э.

ЗАКОНЪ ЖИЗНИ

По поводу нѣкоторыхъ произведеній гр. Л. Толстого.

I.

Усиленное исканіе правды въ жизни, стремленіе согласовать поступки съ основными теоретическими принципами составляетъ, какъ уже давно было замѣчено, одну изъ характернѣйшихъ чертъ русскаго духа. На низшихъ ступеняхъ она выражается въ своеобразномъ отношеніи къ религіозному ученію, особенно въ столь разнообразномъ и распространенномъ сектантствѣ; на высшихъ стадіяхъ она проявляется въ видѣ философскихъ ученій, носящихъ явно практическій характеръ. Хотя обыкновенно эти ученія переносятся къ намъ съ Запада болѣе или менѣе готовыми, однакоже нельзя не замѣтить своеобразнаго отношенія къ нимъ русскихъ мыслящихъ людей, выражающагося главнымъ образомъ въ стремленіи какъ можно цѣльнѣе и быстрѣе провести теоретическіе принципы на практикѣ.

Наблюдая русскую крестьянскую жизнь, вамъ бросается въ глаза та важная роль, какую въ ней играетъ толкованіе св. писанія. Въ этомъ легко убѣдиться, слушая разговоры великорусскихъ крестьянъ, случайно собравшихся гдѣ-нибудь безъ дѣла, напр. на палубѣ парохода, плывущаго по Волгѣ. Бесѣды на самыя разнообразныя темы скоро переходятъ у нихъ въ оживленныя пренія по вопросамъ религіознаго свойства, причемъ обнаруживается и богатство познаній по этой части, и тонкая діалектика.

О чемъ бы ни зашелъ разговоръ среди учащейся молодежи и вообще въ болѣе образованныхъ кружкахъ, онъ быстрыми скач-

ками переходить отъ частныхъ вопросовъ къ самымъ общимъ и считается прѣснымъ и неинтереснымъ, если въ немъ не затрогиваютъ основные принципы человѣческихъ поступковъ и ихъ цѣльное проведеніе въ жизнь. То же отражается въ литературѣ и въ наукѣ. Самыя выдающіяся беллетристическія произведенія выставляютъ передовыхъ дѣятелей, развивающихъ свои взгляды на эти темы. Со стороны цѣнителей громко заявляется требованіе, чтобы въ современномъ романѣ, въ популярной статьѣ или на публичной лекціи было выставлено воззрѣніе автора на основные вопросы: что̀ дѣлать и какъ согласовать поведеніе съ принципами правды?

Неудивительно, что при такомъ спросѣ все мыслящее русское общество отнеслось съ особеннымъ интересомъ къ повѣствованіямъ гр. Л. Толстого объ исканіи правды героями его геніальныхъ романовъ и разсказовъ. Интересъ этотъ еще болѣе усилился, когда оказалось, что за этими героями скрывается самъ авторъ, и когда послѣдній обстоятельно и откровенно раскрылъ передъ читателями исторію своихъ собственныхъ попытокъ разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ, представляющихся для человѣческаго ума.

Впечатлѣніе и вліяніе, произведенныя проповѣдями гр. Л. Толстого, оказались тѣмъ сильнѣе, что въ ученіяхъ его была особенно выдвинута прикладная сторона и прямо сказано, какъ нужно устроить поведеніе во всѣхъ главныхъ случаяхъ жизни. Искатели правды не только зачитывались гр. Толстымъ, обсуждали и отстаивали положенія его ученій, но и проводили послѣднія въ жизнь, основывая особыя общежитія и братства. Увлеченіе доходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того, что молодые ученые бросали науку, жгли приготовленныя диссертаціи и вступали въ общины для обновленной жизни въ сферѣ почти исключительнаго физическаго труда.

II.

Несмотря на трудность задачи — въ виду разбросанности, нервнаго характера изложенія и частыхъ противорѣчій гр. Л. Толстого—попытаемся найти коренную сущность его воззрѣній, родъ ключа, при помощи котораго можно бы было раскрыть это сложное построеніе.

Я только потому и рѣшился заговорить объ ученіяхъ гр. Л. Толстого, что въ основу ихъ положенъ имъ чисто раціоналисти-

кій, естественно-историческій принципъ: человѣкъ есть живот- машина, своеобразно устроенная и пригодная для совершенно ›едѣленныхъ дѣйствій. Если послѣднія строго соотвѣтствуютъ ханизму этой машины, то въ результатѣ получается счастіе, а стѣ съ нимъ чувство довольства и удовлетворенія; если же ого соотвѣтствія нѣтъ и отправленіе не достаточно отвѣчаетъ ройству механизма, то получается несчастіе, сопровождающееся остными ощущеніями. Принципъ этотъ возводится на чисто логической почвѣ и подкрѣпляется гр. Л. Толстымъ примѣрами животнаго міра. „Птица, — говоритъ онъ, — такъ устроена, ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива—тогда птица. Точно также и человѣкъ, когда онъ ходитъ, воро- тъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ пальцами, глазами, ушами, комъ, мозгомъ, тогда только онъ удовлетворенъ, тогда только — человѣкъ" (Сочиненія, изд. 1887. Ч. XII, стр. 442).

Л. Толстой много разъ повторяетъ тѣ же основы и прямо вляетъ, что „исполнять *законъ жизни*—дѣлать то, что *свой- зенно* не только человѣку, но и животному" (стр. 436), т.-е. ›отному въ смыслѣ сложно-устроеннаго механизма. Даже въ омъ изъ новѣйшихъ произведеній своихъ—„Крейцеровой со- ѣ"—гдѣ гр. Толстой въ столь многомъ отступаетъ отъ своихъ жнихъ воззрѣній, онъ не разъ мѣряетъ разбираемые имъ по- пки тѣмъ же масштабомъ „естественности".

Гр. Л. Толстой пришелъ къ формулированному имъ прин- пу путемъ продолжительнаго умственнаго труда и, разъ оста- вившись на немъ, предположилъ, что открылъ новый и при- ъ очень ясно выраженный законъ, какъ это видно, между чимъ, изъ слѣдующаго мѣста: „И когда я ясно понялъ все , мнѣ стало смѣшно. Я цѣлымъ рядомъ сомнѣній, исканій, нымъ ходомъ мысли пришелъ въ той необыкновенной истинѣ, если у человѣка есть глаза, то затѣмъ, чтобы смотрѣть ими, ши, чтобы слышать, и ноги, чтобы ходить, и руки, и спина, бы работать. И что если человѣкъ не будетъ употреблять ъ членовъ на то, на что они предназначены, то ему будетъ ке" (XII, 436).

Найдя этотъ основной принципъ и утвердившись на немъ, ъ на аксіомѣ, гр. Толстому не трудно было вывести изъ него ъ руководящихъ правилъ практической жизни.

Прежде всего онъ убѣдился въ естественно-исторической не- одимости значительнаго физическаго труда, какъ одного изъ овныхъ элементовъ счастія. То, что сказано въ библіи „какъ

законъ человѣка: въ потѣ лица снѣси хлѣбъ", нашло себѣ явное подтвержденіе въ опредѣленномъ имъ принципѣ.

Уже одно выведеніе на первый планъ физическаго труда, какъ естественно-исторически необходимаго залога счастія, значительно измѣняетъ взгляды и поступки людей изъ такъ-называемаго интеллигентнаго круга, односторонне увлекшагося умственнымъ трудомъ. Оно сразу, и притомъ въ значительной степени, уменьшаетъ раздѣленіе труда между людьми и тѣмъ устраняетъ одну изъ главныхъ причинъ несправедливости и несчастія. Когда люди послѣдуютъ за гр. Толстымъ, „тогда только уничтожится то ложное раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, и установится то справедливое раздѣленіе труда, которое не нарушаетъ счастія человѣка" (XII, 441).

Вездѣ, гдѣ только гр. Толстой касается вопроса о трудѣ, онъ каждый разъ возвращается къ тому же основному принципу и выводитъ изъ него тѣ же практическіе результаты.

Въ вопросѣ о назначеніи и поведеніи женщины онъ слѣдуетъ тѣмъ же путемъ. Изъ естественно-историческаго закона, по которому женщина есть животный механизмъ, приспособленный къ рожденію дѣтей, вытекаетъ, что вся ея дѣятельность должна быть направлена къ этой цѣли. „Женщина,—говоритъ гр. Толстой,—*по строенію своему* призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, которое одно исключено изъ области служенія мужчинъ" (XII, 467). Это основное положеніе, опирающееся на анатомическихъ данныхъ, повторяется имъ много разъ и развивается въ рядъ дальнѣйшихъ выводовъ. „Идеальная женщина,—по мнѣнію гр. Толстого,—будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе того времени, въ которомъ она живетъ, отдается своему женскому, *непреодолимо вложенному въ нее призванію*,—родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ей міросозерцанію. Для того же, чтобы усвоить себѣ высшее міросозерцаніе, мнѣ кажется, нѣтъ надобности посѣщать курсы, а нужно только прочесть евангеліе и не закрывать глазъ, ушей и, главное, сердца" (XII, 470).

Хотя при отысканіи руководящаго правила въ сношеніяхъ съ людьми гр. Л. Толстой болѣе слѣдовалъ непосредственному чувству, тѣмъ не менѣе и тутъ мы видимъ стремленіе подвести это правило подъ основную формулу его раціоналистической этики. Такъ, онъ считаетъ неподлежащимъ спору, „что не то что мучить или убивать человѣка, но мучить собаку или убить курицу и теленка *противно и мучительно природѣ человѣка*" („Въ чемъ моя вѣра", стр. 37).

бы, что, придя къ воззрѣніямъ, опирающимся на торическія данныя, гр. Л. Толстому слѣдовало бы очную науку и ея выводы какъ на истинное осно- человѣческихъ поступкахъ. Поэтому съ перваго ь показаться очень непослѣдовательнымъ и стран- трицательное и притомъ въ высшей степени страст- его къ современному положительному знанію. Изъ воихъ нападеніяхъ гр. Толстой какъ будто выгора- „истинную науку и истинное искусство", которыя димы для людей, какъ пища, и питье, и одежда, мѣе" (XII, 408), можно, пожалуй, подумать, что направлено исключительно противъ цеховой науки кусства, которыя столь часто дѣйствительно тормо- ніе этихъ высшихъ отраслей человѣческой дѣятель- ижайшее знакомство съ полемикой гр. Толстого томъ, что онъ нападаетъ на самую настоящую й такъ долго и такъ упорно пришлось отстаивать именно противъ цеховой науки. Такъ напр., онъ нѣвомъ противъ теоріи, теперь, наконецъ, обще- постепенномъ происхожденіи органическихъ видовъ ленія и укрѣпленія мелкихъ отличій (XII, 382) и асмѣхается надъ ученіемъ о клѣточкѣ и протоплазмѣ , 399 и т. д.), которое получило въ современной анизмахъ первенствующую роль. Третируя такимъ я выдающіяся и наиболѣе прочно установленныя ременной біологіи, гр. Толстой не находитъ доста- ныхъ словъ, чтобы выразить свое презрѣніе и къ работамъ, какъ, напр., къ изслѣдованію глистовъ ъ (XII, 399, 414 и пр.). По его мнѣнію, истин- жетъ быть признана такою только въ томъ случаѣ, ставитъ и рѣшаетъ вопросъ, „въ чемъ состоитъ лаго всѣхъ людей"; а такъ какъ для этого нѣтъ ности (гр. Толстой забываетъ, что его собственный ципъ поведенія основанъ именно на сравненіи съ животныхъ) въ изученіи насѣкомыхъ, глистовъ, про- р., то занятія этими предметами онъ и признаетъ вредной забавой" (XII, 411).

немъ приводить здѣсь подробнѣе нападенія гр. Тол- у, такъ какъ всѣ онѣ представляютъ развитіе того положенія; съ аргументаціей же автора намъ при- трѣтиться неоднократно. Скажемъ только вообще, себя на прочной почвѣ „закона жизни", установ-

леннаго на раціоналистическомъ основаніи, гр. Толстой выработалъ себѣ до подробностей кодексъ правилъ поведенія, а замѣтивъ разладъ послѣднихъ съ нѣкоторыми положеніями науки и вообще современной культуры, ополчился и сталъ проповѣдовать крестовый походъ противъ этихъ послѣднихъ.

III.

Опредѣливъ, насколько было возможно, основной характеръ принципа практической философіи гр. Толстого и нѣкоторыхъ извлеченныхъ имъ изъ него выводовъ, попытаемся взглянуть нѣсколько ближе на это ученіе, примѣнивъ при этомъ методу и пріемы точнаго естествознанія. Въ случаяхъ, когда послѣднее встрѣчается съ сложной задачей, оно всегда старается упростить ея рѣшеніе, прослѣдивъ историческій ходъ изучаемаго явленія.

Съ тѣхъ поръ какъ возникли попытки возведенія началъ человѣческой нравственности на раціоналистическомъ основаніи, ихъ постоянно старались вывести изъ свойствъ человѣческой природы. Такъ было въ древней Греціи, гдѣ философы проповѣдовали, что „счастіе заключается въ выполненіи всѣхъ естественныхъ дѣйствій и состояній", и гдѣ развилось метріопатическое ученіе о сообразованіи нравственной жизни съ природою человѣка.

Болѣе тринадцати лѣтъ назадъ я напечаталъ (Вѣстн. Европы 1877, апрѣль) „Очеркъ воззрѣній на человѣческую природу", въ которомъ читатель можетъ найти краткое изложеніе нравственныхъ ученій, основанныхъ на естественной природѣ человѣка. Тамъ же было указано на столь распространенное у грековъ и перешедшее въ новыя времена воззрѣніе на гармоническое развитіе всѣхъ естественныхъ человѣческихъ способностей, какъ на цѣль истинно нравственнаго поведенія. Рядомъ съ ученіемъ о природныхъ свойствахъ человѣка, какъ источникахъ нравственныхъ обязанностей, возникла и теорія о „естественномъ правѣ". Связь эта сознавалась уже давно, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго отрывка, заимствованнаго Боклемъ у Гётчисона: „Такъ какъ въ сущности всѣ наши естественныя желанія и стремленія, даже и низшаго разряда, даны намъ на благо, то справедливо удовлетворять имъ настолько, чтобы онѣ не мѣшали болѣе благороднымъ наслажденіямъ и достаточно имъ подчинялись; со всѣми ними какъ будто сопряжено естественное понятіе о *правѣ*" (Бокль, II, прим. 28 къ стр. 372).

Писатели новѣйшаго времени и, между прочимъ, натуралисты,

тря на обвиненіе ихъ гр. Толстымъ въ томъ, что они вовсе нимаются вопросомъ о назначеніи и благѣ человѣка, нератно пытались рѣшить его и притомъ въ томъ же духѣ, и у древнихъ философовъ. Въ своей вышеупомянутой статьѣ жду прочимъ, привелъ воззрѣнія ревностнаго дарвиниста, твоиспытателя Георга Зейдлица, который въ 1875 году выть слѣдующее положеніе: „Въ удовлетвореніи всѣхъ отправтѣла въ должной степени и взаимномъ отношеніи другъ къ заключается раціональная и нравственная жизнь". Отъ этого го принципа до основы, развиваемой гр. Л. Толстымъ, одинъ , и если изъ него и нельзя сдѣлать прямого вывода о такомъ едѣленіи физическаго и умственнаго труда, которое предлагр. Л. Толстой, то во всякомъ случаѣ изъ него ясно вытъ необходимость болѣе или менѣе равномѣрнаго упражненія обоихъ видовъ отправленій.

Хотя гр. Толстой очевидно не сообразовался ни съ этими дами новѣйшихъ писателей, ни съ ученіями греческихъ фиювъ и раціоналистовъ семнадцатаго и восемнадцатаго вѣковъ, я до своего рѣшенія болѣе самостоятельнымъ путемъ, не менѣе связь его основъ съ этими ученіями не можетъ жать сомнѣнію. Эта связь еще болѣе доказывается тѣмъ, озраженія противъ послѣднихъ могутъ быть съ одинаковымъ мъ выдвинуты и противъ воззрѣній гр. Толстого. Прежде нужно замѣтить, что всѣ эти основы и теоріи задѣваютъ съ лишь съ поверхности и къ тому же страдаютъ черезъбольшой неопредѣленностью. Такъ напр., при обсужденіи женія Зейдлица бросается въ глаза отсутствіе признаковъ той жной степени", въ которой должны удовлетворяться отправчеловѣческаго тѣла. А относительно того, что „свойственно" одѣ человѣка, мнѣнія могутъ до того расходиться, что изъ принципа можно придти къ самымъ противоположнымъ дамъ. Такъ это и было во всѣ времена. Греческія школы, сныя въ томъ, что нужно жить сообразно съ природою чеа, были совершенно противоположнаго мнѣнія о естественнаслажденія. Эпикурейцы считали послѣднее за естественное , то-есть сообразное съ природою и удовлетворяющее собою аніе каждаго существа, между тѣмъ какъ стоики учили разъ наоборотъ.

ъ настоящее время положительное знаніе настолько подвиь впередъ, что и въ вопросъ о „жизни, сообразной съ при)", можетъ и должно быть внесено гораздо больше опредѣсти и ясности. Оно уже не можетъ удовлетворяться тѣмъ

поверхностнымъ порханіемъ мысли, которое казалось достаточнымъ прежде. И гр. Толстой въ своей главной аргументаціи лишь слегка затрогиваетъ основной вопросъ. Желая утвердить принципъ нравственнаго поведенія на раціоналистической почвѣ, онъ говоритъ: „Птица такъ устроена, что ей необходимо летать, ходить, клевать, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, счастлива, тогда она—птица". Это вѣрно лишь съ перваго самаго бѣглаго взгляда. Не нужно быть зоологомъ для того, чтобы знать, что можно быть птицей и вовсе не летать. Таковы страусы, казуары, пингвины. Но, скажутъ, это крайности, такъ какъ у этихъ исключительныхъ птицъ крылья недостаточно развиты. Поэтому не мѣшаетъ вспомнить многочисленныхъ представителей куриныхъ птицъ, которыя, несмотря на присутствіе достаточно развитыхъ крыльевъ, предпочитаютъ пользоваться ногами и летаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Особенно поучителенъ слѣдующій примѣръ. Южно-американская головастая утка, несмотря на присутствіе развитыхъ крыльевъ, пользуется ими только для того, чтобы перелетать надъ поверхностью воды. Доказательствомъ того, что она утратила способность настоящаго полета, служитъ фактъ, что въ молодости эта порода утокъ летаетъ такъ же хорошо, какъ и другіе представители утиныхъ.

Нерѣдко полное пользованіе крыльями, доставляя животному нѣкоторое преходящее „удовлетвореніе", ведетъ, однакоже, къ гибельнымъ для него послѣдствіямъ, вслѣдствіе чего такое животное не можетъ быть „счастливо". Подобные примѣры мы встрѣчаемъ особенно у насѣкомыхъ. Ученые были поражены фактомъ, что между жуками океаническихъ острововъ очень многіе лишены крыльевъ, несмотря на то, что ихъ материковые родичи снабжены ими вполнѣ. Фактъ этотъ объясняется, по теоріи Дарвина, предположеніемъ, что насѣкомыя, летавшія вблизи океана, часто заносились въ море и погибали въ немъ и что поэтому на океаническихъ островахъ должны были вымирать жуки, сохранившіе способность полета, а выжили главнымъ образомъ такіе, которые, по словамъ Дарвина, „либо отъ малѣйшаго недостатка въ развитіи крыльевъ, либо отъ *прирожденной лѣни*, подвергались въ меньшей мѣрѣ опасности быть занесенными въ море" („Происх. видовъ", русск. переводъ, 1873, стр. 108).

Предположимъ для удобства, что жуки океанскихъ острововъ могли разсуждать о своихъ поступкахъ такъ же, какъ люди. Еслибы между ними находились послѣдователи ученія гр. Толстого, то они должны бы были рѣшить, что такъ какъ у нихъ есть крылья и они, слѣдовательно, „такъ устроены, что имъ необходимо ле-

, то „неестественно" воздерживаться отъ воздушныхъ стран-
аній и нужно предпринимать ихъ безъ всякаго дальнѣйшаго
шпленія. Въ результатѣ большинство этихъ послѣдователей
бы занесено въ море, а болѣе счастливыми оказались бы
, находившіеся въ оппозиціи и рѣшившіе, что, несмотря на
природное устройство, имъ нужно какъ можно менѣе поль-
ься своими крыльями. Уоллестонъ, наблюдавшій образъ жизни
омыхъ на Мадейрѣ, отмѣтилъ фактъ, что тамошніе крыла-
куки большей частью скрываются, пока не засвѣтитъ солнце
утихнетъ вѣтеръ, т.-е. что они развили въ себѣ особенную
ожность въ употребленіи крыльевъ, благодаря которой они
гли удержаться, несмотря на близость океана.

Все это не случайно выхваченные примѣры для того, чтобы
зать несостоятельность зоологической аргументаціи гр. Тол-
, а лишь иллюстрація самаго общаго положенія, что орга-
ь животнаго не есть нѣчто прочное, данное разъ навсегда,
напротивъ, нѣчто весьма измѣнчивое и притомъ измѣнчивое
вліяніемъ привычекъ, идущихъ иногда даже въ разрѣзъ съ
мическимъ устройствомъ. Разъ же организмъ измѣнчивъ, то
. что „свойственно" ему, также непостоянно.

Примѣнимъ эти выводы къ человѣку. По мнѣнію гр. Тол-
, подобно тому, какъ птица счастлива только тогда, когда
упражняетъ всѣ свои органы, „точно также и человѣкъ,
, онъ ходитъ, ворочаетъ, поднимаетъ, таскаетъ, работаетъ
ками, глазами, ушами, языкомъ, мозгомъ, тогда только онъ
етворенъ, тогда только онъ—человѣкъ". Это нужно пони-
именно въ смыслѣ ученія о гармоническомъ отправленіи
ь органовъ, какъ прочныхъ основъ, составляющихъ постоян-
и неотъемлемое свойство человѣческой природы. Посмотримъ
чему учитъ наука о человѣкѣ. Оказывается, что человѣкъ,
ись результатомъ очень длиннаго и притомъ односторонняго
ическаго процесса, имѣетъ цѣлую сумму органовъ, уже утра-
ихъ свое значеніе, и не мало такихъ, которые хотя и мо-
совершать свое отправленіе, но видимо идутъ къ полному
ку. Органы эти вдвойнѣ интересны, такъ какъ съ одной сто-
они показываютъ неосновательность преклоненія предъ дан-
организаціей и черпанія изъ нея основъ поведенія, а съ дру-
стороны они являются неопровержимыми доказательствами
схожденія человѣка отъ другихъ, болѣе низкихъ организмовъ.
У ребенка, еще не выучившагося ходить, ступня и пальцы
способны къ гораздо болѣе разнообразнымъ движеніямъ, чѣмъ
рослаго человѣка; сгибательныя движенія стопы и хвататель-

ныя—пальцевъ ноги—у него совершаются легко. Въ основѣ этихъ движеній заложены мускулы, которые могутъ быть развиты посредствомъ упражненія, какъ мы и видимъ это у тѣхъ безрукихъ, которые выучиваются писать и рисовать кистью ноги. У нѣкоторыхъ „дикарей", ноги которыхъ никогда не бываютъ стѣснены обувью, движенія ступней и пальцевъ ногъ гораздо свободнѣе. Вообще же нога взрослаго человѣка, становясь органомъ поддержанія тѣла въ вертикальномъ положеніи и передвиженія его, постепенно теряетъ разнообразныя движенія стопы и пальцевъ, причемъ утрачиваются (въ болѣе или менѣе полной степени) и нѣкоторые мускулы.

Съ точки зрѣнія ученія гр. Л. Толстого слѣдуетъ развивать и рукообразныя движенія стопы, такъ какъ они составляютъ прирожденное „свойство" человѣческаго организма и поэтому совершенно „естественны". Обувь же, которая сковываетъ стопу, *мѣшая* движенію ея частей, является такимъ образомъ противоестественнымъ изобрѣтеніемъ культуры, которое необходимо устранить. (Знаменитые сапоги, о которыхъ такъ часто говорилось по поводу сапожной дѣятельности гр. Л. Толстого, должны быть безусловно забракованы, на основаніи его же собственнаго ученія).

Анатомическое устройство и развитіе человѣческой ноги ясно указываютъ на то, что она развилась изъ конечности, подобной рукѣ, т.-е. что предки человѣка могли ступнею обхватывать разные предметы и двигали пальцами ногъ приблизительно такъ же, какъ многія обезьяны. Эти сложныя и разнообразныя движенія утрачивались постепенно, причемъ ступня, все болѣе и болѣе упрощаясь, превратилась въ цѣльный малоподвижный органъ. Несмотря на сохранившіеся еще задатки болѣе сложнаго развитія ступни, не представляется ни малѣйшей надобности развивать ее, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, когда, за неимѣніемъ рукъ, человѣкъ упражняетъ свою ступню, да и то не ради удовлетворенія непосредственной потребности въ дѣйствіи существующимъ органомъ, а ради стремленія наполнить жизнь сложной механической работой (писать, шить, рисовать).

Не только ступни и нижнія конечности вообще, но и весь организмъ человѣка переполненъ органами, которые хотя и могутъ еще дѣйствовать, тѣмъ не менѣе клонятся къ явному упадку, а также—и притомъ въ еще бóльшей степени—органами уже совершенно заглохшими, такъ-называемыми остаточными или рудиментарными. Извѣстный анатомъ Видерсгеймъ собралъ въ очень интересномъ очеркѣ [1]) всѣ данныя, относящіяся къ этому пред-

---

[1]) Der Bau des Menschen. Freiburg, 1887.

Изъ приложеннаго имъ перечня оказывается, что на *девят*
ювъ, представляющихъ у человѣка явные слѣды прогресси-
развитія (головной мозгъ, мускулы рукъ и лица, сѣдалищ-
мышцы, расширеніе крестца и входа въ тазъ, а также ло-
ъ), приходится *двѣнадцать* органовъ, идущихъ въ упадку,
и способныхъ еще совершать свои отправленія (упрощеніе му-
въ ноги и ступни, а также пирамидальной мышцы, 11 и
ары реберъ, обонятельные бугры и носовыя раковины, слѣ-
кишка, клыки и пр.) и *семьдесятъ восемь* рудиментарныхъ
ювъ, или вовсе недѣятельныхъ, или же способныхъ къ от-
ленію только въ очень слабой степени. Органы этой послѣд-
категоріи, представляющіе остатки животныхъ предковъ раз-
іхъ степеней, разсѣяны почти по всѣмъ органическимъ си-
мъ человѣка. Тутъ мы находимъ остатки и хвоста съ его
лами, и нѣсколько лишнихъ паръ реберъ, а также ушныхъ
ылочныхъ мышцъ и нервовъ, червеобразный отростокъ слѣ-
кишки, зубы мудрости и придаточные зубы, остатки шерсти
, и пр. Однимъ словомъ, эти многочисленные органы ясно
тельствуютъ, что въ человѣческомъ тѣлѣ заключается оста-
цѣлаго ряда чисто животныхъ предковъ, нѣкоторое наслѣ-
оторыхъ еще и теперь не окончательно угасло и даетъ себя
вовать въ той или другой формѣ.

ютъ что такое, слѣдовательно, человѣческая природа, которую
тъ въ основу нравственной жизни. Низшее животное сидитъ
мъ еще далеко не заглушеннымъ, а способнымъ, напро-
вырваться наружу. Предоставьте ему только свободно раз-
ься на томъ основаніи, что оно составляетъ „естественное
тво“ нашего организма, и оно не замедлитъ вырваться.

еловѣческая природа, такая, какою ее раскрываетъ предъ
наука, не указываетъ также и на существованіе особаго
а гармоническаго развитія отдѣльныхъ частей. Рядомъ съ
ессивнымъ развитіемъ лишь немногихъ органовъ совершается
ссъ въ области гораздо бо̀льшаго количества аппаратовъ. Че-
ъ явился въ результатѣ односторонняго, а не всесторонняго
ршенствованія организма и примыкаетъ онъ не столько къ
ымъ обезьянамъ, сколько къ неравномѣрно развитымъ ихъ
ышамъ. Съ точки зрѣнія чисто естественно-исторической, че-
а можно бы было признать за обезьяньяго „урода“ съ не-
рно развитымъ мозгомъ, лицомъ и кистями рукъ.

Іе обнаруживая слѣдовъ равномѣрнаго развитія всѣхъ системъ
овъ, человѣческая природа не представляетъ намъ и доста-
й гармоніи съ нашими стремленіями и требованіями отъ нея.

Положеніе это, развитое мною въ нѣсколькихъ статьяхъ [1]), всего лучше иллюстрируется примѣрами изъ области органовъ размноженія, какъ одной изъ наиболѣе сложныхъ органическихъ системъ. Различные аппараты, входящіе въ эту систему, развиваются не рука объ руку, какъ это бы слѣдовало съ точки зрѣнія человѣческихъ стремленій и интересовъ. Чувствительная часть аппарата развивается гораздо раньше и сохраняется часто гораздо дольше, чѣмъ самые существенные изъ этой системы органовъ. Отсюда широкій разладъ между отдѣлами механизма, который бы долженъ былъ дѣйствовать въ строгомъ согласіи, и источникъ многочисленныхъ страданій и такъ-называемыхъ „неестественныхъ" дѣйствій.

Изученіе другихъ органовъ человѣка также убѣждаетъ въ томъ, какъ далеко ихъ устройство отъ того идеала, который можетъ формулировать наука. Въ одной изъ моихъ цитированныхъ статей я уже приводилъ мнѣнія І. Мюллера и Гельмгольца о несовершенствѣ нашего глаза, при устройствѣ котораго „природа какъ бы нарочно скопила противорѣчія для того, чтобы устранить всѣ основанія теоріи предсуществующей гармоніи между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ".

Однимъ изъ основныхъ источниковъ разлада и дисгармоніи является то, что человѣкъ, происшедши отъ животныхъ, жившихъ въ одиночку или небольшими стадами, долженъ былъ развиться въ существо съ самой широкой общественностью. Въ этомъ пунктѣ и заключается самое больное мѣсто его природы, которая въ этомъ-то направленіи и подлежитъ самой капитальной передѣлкѣ.

Въ результатѣ всего этого ряда соображеній получается выводъ, что зоологическій принципъ, по которому устройство организма должно служить критеріумомъ поведенія, не можетъ быть признанъ за пригодную къ руководству основу нравственной жизни. Дѣйствуя всей суммой готовыхъ, способныхъ къ отправленію органовъ, мы тѣмъ самымъ санкціонируемъ *консервативный* принципъ, не взирая на могущія произойти отсюда невзгоды. Таково, напр., летаніе, въ случаяхъ когда развиты крылья, но когда это движеніе приводитъ къ бѣдѣ. Развивая же всѣ „естественныя, прирожденныя свойства", даже такія, которыя уже клонятся къ упадку, мы можемъ вызвать *возвратное развитіе*, т.-е. вернуться къ такимъ животнымъ свойствамъ, которыя уже были болѣе или менѣе устранены. Такимъ образомъ, человѣкъ могъ бы вернуться на степень четырерукаго животнаго, еслибы сталъ усиленно развивать „естественно свойственные" ему задатки мышцъ стопы.

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1871, I; 1874, I; 1877, II.

IV.

Для того, чтобы лучше уяснить значеніе вышеприведенной яви, попытаемся примѣнить ее къ частнымъ положеніямъ ія гр. Толстого.

Одно изъ основныхъ положеній этого ученія заключается въ повѣди физическаго труда, которому всякій человѣкъ долженъ аваться въ усиленной степени, для того чтобы, повинуясь ственно разумному и вѣрному „закону жизни", идти по пути истинному счастію. Руки и ноги должны служить для физиаго труда, т.-е. для того, на что онѣ „даны", „а не на то, ы онѣ атрофировались" (XII, 450). Слѣдуя этому правилу, Толстой рѣшилъ, что человѣкъ, вполнѣ способный къ умствен' труду, долженъ прежде всего собственными руками дѣлать работу, необходимую для удовлетворенія его физическихъ потностей. Поэтому „на вопросъ, что̀ нужно дѣлать — явился й несомнѣнный отвѣтъ: прежде всего, что̀ мнѣ самому нужно ой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда—все, что̀ я самъ сдѣлать" (XII, 432). Въ результатѣ получилось такое редѣленіе времени, что изъ шестнадцати часовъ ежедневнаго ствованія, гр. Толстой сталъ употреблять восемь на физиче трудъ (4 на ремесло, 4 другіе на болѣе грубую работу), ре—на умственный трудъ и столько же на общеніе съ людьми. дствіемъ такого измѣненія образа жизни, введшаго правильчередованіе разныхъ родовъ труда, явилось ощущеніе неиснаго до той поры благополучія и довольства, отразившихся, нѣнію гр. Толстого, и на качествѣ произведеній его умствентруда.

Если всѣ люди послѣдуютъ этому примѣру и станутъ жить разно съ „закономъ жизни", то тогда „уничтожится то лож раздѣленіе труда, которое существуетъ въ нашемъ обществѣ, тановится то справедливое раздѣленіе труда, которое не наетъ счастія человѣка" (XII, 441). Противоположное мнѣніе й науки доказываетъ только, что послѣдніе идутъ по совер ю ложному пути, подъ вліяніемъ желанія освободить себя всякаго дѣла и оправдать неестественное и несправедливое ощеніе чужого труда. Наука вообще, такая, какой она больчастью является въ наше время, не заслуживаетъ никакого анія и уваженія, такъ какъ она, прилѣпившись къ сильнымъ сего, идетъ наперекоръ здравому смыслу и ищетъ лишь вданія тунеядства и праздности.

Хотя многіе органы человѣка и животныхъ „даны" именно „на то, чтобы они атрофировались", т.-е., другими словами, что человѣкъ и животныя унаслѣдовали отъ своихъ предковъ, между прочимъ, такіе органы, которые для ихъ же благополучія должны были или должны будутъ атрофироваться, и хотя у человѣка такія атрофическія явленія и произошли въ значительной степени въ ногахъ (какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ), тѣмъ не менѣе никто не станетъ серьезно утверждать, чтобы переднія и нижнія конечности должны были цѣликомъ или въ значительной степени атрофироваться. Но отъ этого до необходимости для людей, способныхъ къ умственному труду, упражнять ихъ въ теченіе восьми часовъ ежедневно—цѣлая пропасть. Многіе виды умственной работы сами по себѣ уже требуютъ мускульнаго труда. Такимъ образомъ именно занятіе большей частью естественныхъ наукъ сопряжено часто съ значительнымъ упражненіемъ мускуловъ конечностей, особенно рукъ. Лабораторная техника со всѣми ея усложненіями и усовершенствованіями сама по себѣ уже обезпечиваетъ ученаго отъ излишняго ослабленія мышечной системы. Если на это скажутъ, что занятія многими науками не представляютъ подобной гарантіи, то можно возразить, что если ужъ слѣдуетъ отдавать часть времени на упражненіе мускуловъ, то пусть такіе ученые займутся лучше физикой, химіей или біологіей, такъ какъ эти спеціальности, сопряженныя съ физическимъ трудомъ, будутъ для нихъ гораздо полезнѣе, чѣмъ умѣнье ставить самовары, тачать сапоги и т. п. занятія.

Отнюдь не сомнѣваясь въ томъ, что нѣкоторая физическая работа очень желательна, а иногда просто необходима для людей умственнаго труда, слѣдуетъ однакоже признать преувеличенными часто повторяющіеся отзывы о несовмѣстимости серьезнаго и упорнаго умственнаго труда съ бездѣятельностью мускульной системы. Между большими полушаріями головного мозга и мышцами вовсе не существуетъ такой тѣсной зависимости, чтобы недоразвитіе или болѣзнь одного изъ этихъ органовъ необходимо вызывали соотвѣтствующее измѣненіе и въ другихъ. Между этими органами нѣтъ и подобія такого соотношенія, какъ, напр., между половыми органами и волосами на лицѣ, когда недоразвитіе первыхъ обязательно вліяетъ на развитіе бороды и усовъ. Между нервной и мускульной системами иногда замѣчается даже обратное отношеніе, т.-е. усиленное развитіе одной рядомъ съ слабостью другой, подобно тому, какъ нерѣдко недоразвитые или вовсе атрофированные органы замѣняются въ своемъ отправленіи другими. Это наблюдается именно въ мышечной и железистой

системахъ; такъ, здоровая почка усиленно развивается, принимая на себя роль больного òргана.

Пораженіе òргана умственной дѣятельности, ведущее къ полной потерѣ разсудка, нерѣдко совмѣщается съ очень значительнымъ развитіемъ мышечной системы и вообще съ цвѣтущимъ физическимъ состояніемъ. И наоборотъ, самая интенсивная умственная работа вяжется съ слабымъ здоровьемъ вообще и болѣзненностью нервной и мускульной системъ въ частности. Какъ извѣстно, самый геніальный изъ біологовъ нашего вѣка, Дарвинъ, отличался почти всю свою жизнь разстроеннымъ здоровьемъ и это не помѣшало ему быть первымъ по качеству и интенсивности умственнаго труда. Такъ какъ этотъ аргументъ можетъ показаться безсильнымъ именно въ глазахъ гр. Толстого, который считаетъ Дарвина ученымъ, стоящимъ ниже всякой критики, то я попробую привести другой примѣръ.

По мнѣнію гр. Толстого, только тотъ можетъ быть признанъ настоящимъ ученымъ, кто трудится „для пользы народа" и направляетъ свою дѣятельность на „участіе въ борьбѣ съ природою за свою жизнь и жизнь другихъ людей". Этимъ требованіямъ можетъ вполнѣ удовлетворить самый геніальный изъ нынѣ живущихъ біологовъ, Пастёръ. Хотя онъ въ глазахъ гр. Толстого и грѣшенъ тѣмъ, что много занимался вопросомъ о произвольномъ зарожденіи (который отнесенъ у гр. Толстого—XII, стр. 393—къ числу праздныхъ вопросовъ), но зато онъ научилъ, какъ избавиться отъ болѣзни шелковичныхъ червей, разорившей многихъ французскихъ и итальянскихъ крестьянъ, нашелъ способъ предохранять домашнихъ животныхъ отъ сибирской язвы и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, и наконецъ придумалъ предохранительное леченіе отъ бѣшенства, спасительное по преимуществу для бѣдныхъ людей вообще (которые больше подвергаются укушеніямъ бѣшеныхъ животныхъ) и для крестьянъ, даже русскихъ крестьянъ въ частности. При томъ же это леченіе, пригодное не только для „тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ" и „которые все могутъ достать себѣ" (т. XII, стр. 401), такъ какъ оно производится безплатно, придумано ученымъ, не принадлежащимъ къ врачебному сословію и нерѣдко находящимся въ оппозиціи съ послѣднимъ, чтò тоже должно увеличить его вѣсъ въ глазахъ гр. Толстого. И что же? Пастеръ произвелъ бòльшую часть этихъ геніальныхъ открытій, даже не имѣя возможности самому выполнять лабораторную работу, такъ какъ болѣе двадцати-двухъ лѣтъ у него парализована цѣлая половина (лѣвая) тѣла. Механическая его дѣятельность вообще сводилась лишь къ

прогулкамъ съ цѣлью отдохновенія и изрѣдка къ игрѣ на билліардѣ. Несмотря на свою физическую немощь, Пастёръ однакоже рѣшилъ много существеннѣйшихъ вопросовъ науки теоретической и прикладной, и притомъ рѣшилъ не одной способностью къ геніальной интуиціи, а упорнымъ, неутомимымъ умственнымъ трудомъ. Съ нимъ не случилось того, что разсказываетъ гр. Л. Толстой о наиболѣе образованномъ членѣ одной знакомой ему общины, членѣ, который долженъ былъ готовиться днемъ къ вечернимъ лекціямъ. „Онъ дѣлалъ это съ радостью, чувствуя, что онъ полезенъ другимъ и дѣлаетъ дѣло хорошее. Но онъ усталъ отъ исключительно умственной работы и здоровье его стало хуже. Члены общины пожалѣли его и попросили идти работать въ поле" (XII, 444).

Помимо сказаннаго, многочисленные примѣры людей съ параличомъ ногъ, продолжающихъ работать мозгомъ и руками, а также безрукіе, работающіе ногами и достигающіе значительнаго умственнаго развитія, убѣждаютъ въ томъ, что ученіе о необходимости усиленнаго физическаго труда для умственной дѣятельности должно быть ограничено. Сошлюсь, для примѣра, на одинъ частный случай, представляющій намъ крайнее недоразвитіе тѣла [1]). Нѣсколько лѣтъ назадъ на показъ публики была выставлена старая дѣвица лѣтъ 50—60, имѣвшая росту не болѣе полъ-аршина, причемъ голова, нормальныхъ размѣровъ, занимала около половины длины всего тѣла. На ничтожномъ искривленномъ туловищѣ были прикрѣплены маленькія руки, изъ которыхъ правая не могла совершать движеній безъ помощи лѣвой; ноги, въ сильной степени атрофированныя, оставались въ горизонтальномъ положеніи и были совершенно неподвижны. Несмотря на поразительное недоразвитіе костной и мышечной системъ, у описываемаго субъекта „всѣ чувства, равно какъ и умственныя способности, память и способность сужденія были превосходно развиты". Необходимо также имѣть въ виду, что съ другой стороны и требованія серьезнаго умственнаго труда не допускаютъ траты значительнаго количества времени на мышечную работу. Достиженіе тѣхъ, практически столь важныхъ, результатовъ Пастёра и его лабораторіи, о которыхъ я только-что упоминалъ, было мыслимо лишь благодаря упорному и непрерывному труду, продолжавшемуся часто по двѣнадцати часовъ въ день. Ученые, преслѣдующіе какую-нибудь серьезную задачу, въ лучшемъ случаѣ могутъ совершать неболь-

[1]) См. статью проф. А. Брандта въ Archiv für pathologische Anatomie, 1886, іюнь, стр. 540.

шую прогулку въ видѣ отдыха и часто не успѣваютъ отвѣчать на всѣ дѣлаемые имъ запросы. Какая же при этомъ возможность ограничивать умственный трудъ четырьмя часами въ день, отдавая восемь часовъ на физическій трудъ и еще четыре часа на общеніе съ людьми? Немыслима даже съ перваго взгляда менѣе трудная комбинація, предлагаемая нѣкоторыми другими реформаторами общественной жизни, которые требуютъ, чтобы каждый человѣкъ „ежедневно посвящалъ четыре или пять часовъ на производительный трудъ", т.-е. „на производство необходимыхъ принадлежностей жизни, доставку сырого матеріала и обученіе", тѣмъ болѣе, что и сами авторы такого проекта признаютъ, что „при подобныхъ условіяхъ мы, быть можетъ, будемъ имѣть менѣе Дарвиновъ, т.-е. менѣе тѣхъ геніевъ, которые трудами, составляющими плодъ тридцатилѣтней работы, производятъ переворотъ въ наукѣ и создаютъ новыя отрасли знанія". Ихъ и теперь черезъ-чуръ мало, этихъ геніевъ, а что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ осуществится проектируемая реформа?

Я близко знаю одного русскаго ученаго, который, будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, въ шестидесятыхъ годахъ (слѣдовательно, задолго до проповѣдей гр. Л. Толстого), задумалъ соединить занятія естественными науками съ образомъ жизни, основаннымъ на теоріи „гармоническаго отправленія частей для блага цѣлаго". Съ этой цѣлью онъ сталъ жить одинъ, безъ прислуги, стараясь по возможности самому удовлетворять своимъ потребностямъ, совершенно въ родѣ того, какъ впослѣдствіи гр. Л. Толстой, когда онъ рѣшилъ, что онъ долженъ дѣлать все, что ему „самому нужно—мой самоваръ, моя печка, моя вода, моя одежда" (XII, 432). Только мой ученый обходился вовсе безъ самовара и старался елико возможно упростить жизненный обиходъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ чистя платье и сапоги, прибирая комнату и пр. Несмотря на то, что уже вскорѣ стали сказываться очень чувствительныя неудобства отъ такого „соединенія труда", тѣмъ не менѣе молодой естествоиспытатель оставался вѣрнымъ принципу и крѣпился сколько было силъ. Но однажды, глубокой осенью, онъ серьезно захворалъ и, находясь въ безпомощномъ состояніи, былъ перевезенъ друзьями въ ихъ квартиру и принятъ на ихъ доброе попеченіе. Съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался къ „естественному" и „гармоническому" образу жизни.

Свой выводъ о возможности сократить умственный трудъ до четырехъ часовъ въ день гр. Л. Толстой основываетъ, очевидно, на невѣрныхъ данныхъ. Такъ, напр., онъ говоритъ о „свободныхъ у *каждаго умственнаго работника* десяти часахъ въ день"

(XII, 454) и утверждаетъ, что „служитель науки, т.-е. служитель и учитель истины, заставляя другихъ людей дѣлать для себя то, что онъ самъ можетъ сдѣлать, половину своего времени проводитъ въ сладкой ѣдѣ, куреніи, болтовнѣ, либеральныхъ сплетняхъ, чтеніи газетъ, романовъ и посѣщеніи театровъ“ (XII, 395). Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что гр. Л. Толстой взялъ эти примѣры изъ дѣйствительной жизни, такъ какъ и мнѣ самому извѣстны подобные случаи (причемъ „болтовня“ и „сплетни“ носятъ нерѣдко и совсѣмъ не-либеральный характеръ), но я рѣшительно не признаю возможнымъ основывать на нихъ оцѣнку людей, серьезно занимающихся наукой и двигающихъ ее впередъ. Достаточно сколько-нибудь близкое знакомство со многими русскими и западно-европейскими учеными для того, чтобы рѣшительно утверждать, что въ подобной праздности они ни мало неповинны и что ихъ образъ жизни отнюдь не мирится съ исключеніемъ ежедневно восьми часовъ въ день на мускульный трудъ и четырехъ—на общеніе съ людьми. Случаи же, дѣйствительно поразительные, на которыхъ гр. Толстой основалъ свое неправильное заключеніе, доказываютъ лишь то, что есть люди, которые совершенно напрасно и несправедливо пристроились къ наукѣ и относительно которыхъ было бы очень желательно, чтобы они даже и четырехъ часовъ въ день не посвящали умственному труду, а занимались бы исключительно физическимъ. Бѣда только въ томъ, что такіе люди всегда останутся глухи къ проповѣдямъ гр. Толстого и что ихъ совѣсть вообще ничѣмъ расшевелить невозможно.

Говоря о необходимости продолжительнаго физическаго труда, гр. Л. Толстой часто ссылается на свой собственный примѣръ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что гр. Толстой—геніальный беллетристъ, который доставилъ людямъ неисчислимое благо, но именно его-то примѣръ и не можетъ служить аргументомъ въ пользу его воззрѣнія. Писательство большей частью не требуетъ такого продолжительнаго и разнообразнаго труда, какъ другіе виды умственной дѣятельности и особенно научныя занятія. Хотя гр. Толстой и говоритъ, что онъ „занимался всю свою жизнь умственнымъ трудомъ“ (XII, 441), но изъ его же собственныхъ признаній видно, что онъ „половину дня прежде проводилъ въ тяжелыхъ усиліяхъ борьбы со скукою“ (XII, 433) и что самыя дорогія требованія его отъ жизни, „именно требованія тщеславія и разсѣянія отъ скуки, происходили прямо отъ праздной жизни“ (XII, 435). При такихъ условіяхъ, разумѣется, очень хорошо, что гр. Толстой обратился къ усиленному физическому труду, хотя нельзя не пожалѣть, что, принимаясь за публицистическіе и фило-

софскіе трактаты, онъ не удѣлилъ больше четырехъ часовъ въ день на умственную работу. Черезъ-чуръ продолжительное упражненіе мышечной системы, очевидно, не оставило ему достаточно времени, чтобы ознакомиться со многими научными вопросами, относительно которыхъ онъ часто высказываетъ очень рѣзкія и совершенно невѣрныя сужденія (напр., о дарвинизмѣ, о безполезности изслѣдованій, о протоплазмѣ и о мн. др.).

Предлагаемый гр. Толстымъ проектъ ограниченія раздѣленія труда не можетъ быть принятъ, какъ по шаткости его естественно-исторической основы (необходимости развивать всѣ свойственныя организму части), такъ равно и по невозможности ограничить требованія серьезнаго умственнаго труда. Изъ того, однакоже, что раздѣленіе труда между людьми не можетъ быть устранено, еще не слѣдуетъ, чтобы человѣческая совѣсть не возмущалась несправедливостью черезъ-чуръ усиленнаго раздѣленія труда и не искала способовъ помочь бѣдѣ. Рѣшеніе этой задачи, составляющее идеалъ, къ которому стремятся многіе люди, будетъ правильно только подъ условіемъ, если отъ него не пострадаютъ самые существенные интересы умственнаго труда, необходимаго для борьбы съ природою вообще и съ отрицательными сторонами человѣческой природы въ частности.

V.

Ссылка на свойства женской природы, какъ на доказательство того, что вся дѣятельность женщины должна исключительно сосредоточиваться около рожденія, кормленія и воспитанія дѣтей и что поэтому занятія науками для нея представляютъ нѣчто неестественное и нежелательное, сдѣлалось до того избитымъ мѣстомъ, что ее повторяютъ вездѣ и всюду, у насъ и на западѣ Европы, ученые и неученые люди. На ту же точку зрѣнія сталъ и гр. Л. Толстой со свойственной ему страстностью. Я уже приводилъ нѣкоторыя выдержки изъ его статей, которыя цѣликомъ посвящены развитію этой темы. Уже въ библіи сказано, что женщинѣ данъ законъ рожденія дѣтей, всякое отступленіе отъ котораго неестественно и преступно. Для этой цѣли нѣтъ надобности въ занятіи науками, которое, подъ предлогомъ развитія, ведетъ къ „одурѣнію“ и къ тому же препятствуетъ рожденію дѣтей (XII, 462). „Женщина, проводящая бо̀льшую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ рожденія, кормленія и возращенія дѣтей, будетъ чувствовать, что она дѣлаетъ то, что

должно, и будетъ возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что исполняетъ то, *что предназначено ей по природѣ*" (468).

Я не знаю, какъ смотритъ теперь на все это гр. Толстой, послѣ того какъ онъ написалъ „Крейцерову сонату" и „Послѣсловіе" къ ней, но я тѣмъ охотнѣе останавливаюсь на приложеніи метріопатическаго воззрѣнія къ женскому вопросу, что здѣсь, повидимому, представляется самое серьезное затрудненіе для взглядовъ, которые я провожу въ своихъ очеркахъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ отрицать, что женская природа спеціально приспособлена къ произведенію и воспитанію дѣтей, а не къ выполненію высшихъ формъ умственной работы. Всѣ попытки доказать противное, какъ, напр., въ извѣстномъ трактатѣ Дж. С. Милля о женщинахъ, обнаруживаютъ лишь съ большею силою справедливость этого положенія.

Недостатокъ иниціативы, качества, столь существеннаго для занятія высшими родами человѣческой дѣятельности, какъ наука и искусство, составляетъ одну изъ выдающихся особенностей женскаго склада. Это видно даже въ такой области, какъ музыка, гдѣ, несмотря на отличную и продолжительную школу, женщина не могла пойти дальше виртуозности. Врядъ ли будетъ ошибочно предположить, что женщины вообще учатся музыкѣ гораздо больше и дольше, чѣмъ мужчины, несмотря на что изъ нихъ не вышло ни одной хотя бы второстепенной композиторши. Даже въ сферахъ кулинарнаго и швейнаго искусствъ женщины обнаружили несравненно менѣе таланта, чѣмъ мужчины. И самый организмъ ихъ представляетъ родъ остановки въ развитіи, какъ въ этомъ можно убѣдиться при сравненіи женскаго и мужского череповъ и цѣлаго ряда другихъ признаковъ [1]).

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, что чисто женская дѣятельность для поддержанія потомства можетъ быть безъ труда совмѣщена съ серьезнымъ занятіемъ какой-нибудь отраслью науки или искусства; немногія исключенія, на которыя ссылаются въ подобныхъ случаяхъ, не могутъ быть возведены въ общее правило. Примѣры же изъ крестьянской жизни, гдѣ женщина согласуетъ произведеніе часто многочисленнаго потомства съ усиленнымъ физическимъ трудомъ, еще менѣе доказательны, такъ какъ тутъ, во-первыхъ, идетъ рѣчь о физическомъ, а не умственномъ трудѣ, несравненно болѣе прихотливомъ, а главное, отъ этого совмѣщенія получается крайне небрежное выращиваніе

[1]) См. очеркъ вступленія въ бракъ, „Вѣстн. Европы", 1874, I.

и воспитаніе дѣтей, сопряженное съ значительной смертностью послѣднихъ.

Если съ одной стороны нельзя не признать, что женская природа, приспособленная болѣе спеціально для цѣлей размноженія, стоитъ ниже мужской по отношенію къ высшимъ проявленіямъ умственнаго труда, то съ другой стороны нельзя не видѣть, что уже съ довольно давнихъ поръ среди женщинъ назрѣло серьезное и твердое стремленіе къ самымъ высшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности. Это стремленіе очень многимъ казалось неестественнымъ, незрѣлымъ и смѣшнымъ, простой погоней за какой-то модой; но непреложные факты показали противное. Разумѣется, между многими женщинами, пожелавшими проникнуть въ эту новую и трудную для нихъ область, оказалось не мало и такихъ, у которыхъ эти стремленія были недостаточно серьезны и прочны и которыя поэтому должны были остановиться или попятиться назадъ; но нашлись и такія, которыя остались вѣрны своему идеалу.

Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что во всемъ этомъ заключено какое-то основное противорѣчіе; но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла предположеніе это падаетъ. Очевидно, что въ такъ-называемомъ женскомъ вопросѣ обнаруживается сильное внутреннее, какъ бы инстинктивное стремленіе опередить природу, перешагнуть узкія рамки, наложенныя „естественными свойствами" женскаго организма. И въ этомъ нѣтъ ничего особенно парадоксальнаго, такъ какъ сходныя явленія совершались и теперь совершаются въ животномъ мірѣ.

Такъ какъ высшія животныя, т.-е. позвоночныя, не представляютъ намъ случаевъ столь развитой общественности, какъ человѣкъ, то намъ по-неволѣ придется спуститься въ область болѣе низшихъ животныхъ. Къ счастію, насѣкомыя, являющія намъ примѣры очень сложной общественной жизни, оказываются высоко одаренными и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Среди нихъ наиболѣе развитыя общества наблюдаются у термитовъ, муравьевъ и пчелъ. Хотя послѣднія двѣ группы насѣкомыхъ и относятся къ одному и тому же отряду (перепончатокрылыхъ), тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что общественность развилась у нихъ вполнѣ независимо другъ отъ друга. О совершенно же самородномъ происхожденіи общественныхъ формъ термитовъ не можетъ быть и вопроса, такъ какъ эти насѣкомыя принадлежатъ къ другому отряду—прямокрылыхъ. Что же мы наблюдаемъ у нихъ? Оказывается, что во всѣхъ этихъ наиболѣе сплоченныхъ и сложныхъ животныхъ обществахъ, рядомъ съ раздѣ-

леніемъ труда между различными особями, установилось безплодіе значительнаго количества индивидуумовъ и притомъ гораздо больше среди женскихъ особей. Безплодные самцы развились только у термитовъ. Эти безплодныя насѣкомыя выполняютъ всѣ общественныя работы, а нѣкоторыя изъ нихъ играютъ роль воиновъ, защищая гнѣзда отъ нападеній и, въ свою очередь, нападая на другихъ животныхъ.

Тотъ фактъ, что при столь тѣсномъ общественномъ сплоченіи обязательно и независимо другъ отъ друга (т.-е. помимо наслѣдственной передачи) развилось безплодіе большинства особей, уже самъ по себѣ указываетъ на крайне важное значеніе этого явленія для благополучія, счастія цѣлой общины.

При разсмотрѣніи вопросовъ человѣческой жизни съ естественно-исторической точки зрѣнія, обыкновенно встрѣчается то важное неудобство, что у людей мы находимъ еще незаконченныя, часто только зачинающіяся явленія, тогда какъ у животныхъ, которыхъ мы беремъ для сравненія, процессы представляются въ ихъ готовой, окончательной формѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Въ то время какъ у людей замѣчаются лишь первые шаги на пути къ безплодію, у общественныхъ насѣкомыхъ, какъ у муравьевъ, пчелъ и термитовъ, уже вполнѣ установилось такое раздѣленіе отправленій, при которомъ лишь немногіе члены общины служатъ для размноженія, огромное же большинство ихъ, негодное для производства потомства (за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ), выполняетъ всѣ работы и охраняетъ безопасность общины. Было бы поэтому очень интересно, еслибы можно было подыскать примѣръ болѣе подходящій, т.-е. найти такой случай, который бы позволилъ намъ нѣсколько ближе проникнуть въ самый процессъ возникновенія безплодія у самокъ общественныхъ насѣкомыхъ.

Обратимся съ этой цѣлью къ одному виду осы, водящемуся во Франціи и южной Германіи, извѣстному подъ названіемъ „галльской осы“ (Polistes gallica) и превосходно изученному покойнымъ зоологомъ Зибольдомъ [1]). У этой осы еще не произошло такого глубокаго раздѣленія особей, какъ у пчелъ, муравьевъ и термитовъ. Кромѣ самцовъ, у нея встрѣчаются самки, различающіяся между собою по величинѣ: болѣе крупныя и болѣе мелкія самки. У этихъ обѣихъ формъ ѳрганы размноженія развиты вполнѣ и мелкія самки имѣютъ, также какъ и большія, все, что̀ необходимо для оплодотворенія и кладки яицъ. Въ этомъ отношеніи

[1]) Beiträge zur Parthenogenesis des Arthropoden. Leipzig, 1871.

онѣ отличаются отъ работницъ-пчелъ, такъ какъ у послѣднихъ аппаратъ размноженія недоразвитъ и онѣ лишены органовъ, дѣлающихъ возможнымъ оплодотвореніе.

Но между бо́льшими и ме́ньшими самками галльской осы уже установились значительныя различія въ образѣ жизни и инстинктахъ. Перезимовываютъ только бо́льшія самки и онѣ же кладутъ начало общины. Обыкновенно въ началѣ весны одна такая самка устроиваетъ сама небольшое гнѣздо изъ пережеванной древесины, изъ которой она приготовляетъ массу въ родѣ папье-маше. Вскорѣ она кладетъ въ каждую ячейку гнѣзда́ по яйцу, изъ котораго выходятъ безпомощныя червеобразныя личинки. „Дальнѣйшее развитіе этихъ личинокъ,—говоритъ Зибольдъ, — совершается медленно, такъ какъ самка-царица, принужденная единолично заботиться о цѣломъ гнѣздѣ, не въ состояніи доставить достаточное количество корма для ея голодныхъ личинокъ“ (стр. 18). Въ іюнѣ изъ такихъ недокормленныхъ личинокъ вылупляется цѣлый маленькій рой осъ, которыя и оказываются вышеупомянутыми мелкими самками. Эти послѣднія тотчасъ же принимаются за работу, увеличиваютъ гнѣздо и доставляютъ новому поколѣнію личинокъ обильную пищу, вслѣдствіе чего „личинки ростутъ быстрѣе, становятся больше и превращаются, наконецъ, въ болѣе крупныхъ осъ, которыя размѣрами не уступаютъ самкѣ-царицѣ“ (21). Благодаря полезной работѣ мелкихъ самокъ, гнѣзда тщательно охраняются отъ многочисленныхъ ночныхъ враговъ (какъ, напр., пауковъ, уховертокъ, мокрицъ и пр.), которые нерѣдко уничтожаютъ всѣхъ личинокъ въ то время, когда мелкія самки еще не вылупились, а самка-царица спокойно спитъ, не заботясь о судьбѣ своего потомства.

Столь дѣятельныя въ работѣ для обезпеченія общаго блага колоніи мелкія самки оказываются очень безчувственными въ любовномъ отношеніи. На ухаживаніе вылупившихся и созрѣвшихъ въ теченіе лѣта самцовъ „мелкія самки не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Онѣ слишкомъ заняты уходомъ за личинками и обыкновенно прогоняютъ вонъ назойливыхъ ухаживателей“ (стр. 41). Эти самки, однакоже, сохраняютъ способность, въ случаѣ нужды, класть неоплодотворенныя яйца, изъ которыхъ могутъ вылупляться только самцы.

Въ этомъ примѣрѣ мы, такимъ образомъ, видимъ одинъ изъ первыхъ шаговъ раздѣленія труда между самками и пріобрѣтенія безплодія среди общественныхъ животныхъ. Самка-царица еще выполняетъ работу, но она уже не можетъ справиться сама со всѣмъ потомствомъ, и цѣлой общинѣ грозитъ бѣда, если не

являются своевременно мелкія самки, занятыя главнымъ образомъ работою для „общаго блага". Природа этихъ самокъ устроена такъ [1]), что онѣ легко могли бы вступать въ супружество. Съ метріопатической точки зрѣнія такъ бы и слѣдовало. Поклонники сообразованія съ „природными свойствами" должны бы были возмутиться и возстать противъ „неестественнаго" поступка мелкихъ самокъ, отвергающихъ жениховъ, предпочитающихъ оставаться въ дѣвственности цѣлую жизнь и посвящать послѣднюю ухаживанію за чужими дѣтьми. Тѣ же проповѣдники должны бы были не менѣе возмутиться и поведеніемъ самки-царицы, плодящей множество дѣтей, которыхъ сама не въ состояніи охранить и прокормить, а передаетъ для этого въ чужія руки. Еслибы обѣ формы самокъ послушались голоса такихъ моралистовъ и перестали слѣдовать своимъ стремленіямъ, то, какъ легко предвидѣть, община бы распалась и отдѣльные члены ея пострадали. Повиновеніе же такимъ инстинктивнымъ побужденіямъ, несмотря на кажущуюся неестественность, привело къ развитой общественной жизни, какую мы видимъ, напр., у пчелъ.

Вся эта исторія галльской осы убѣждаетъ въ томъ, что *измѣненія инстинктивныя, функціональныя, могутъ идти впереди измѣненій органовъ и показывать имъ путь.* Можно предсказать, что если дальнѣйшее развитіе общественности у этой осы пойдетъ по тому же направленію, то оно приведетъ къ измѣненію въ устройствѣ органовъ размноженія у мелкихъ самокъ и къ установленію двухъ рѣзко отличныхъ формъ: работницъ и царицъ, подобно тому какъ это встрѣчается у пчелъ.

Если мы приложимъ добытыя данныя къ женскому вопросу, то должны будемъ прежде всего замѣтить, что природныя свойства женскаго организма, приспособленнаго къ дѣторожденію, не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ къ удовлетворенію стремленія нѣкоторыхъ женщинъ посвятить себя высшимъ сферамъ умственнаго труда. Для этого даже нѣтъ надобности, чтобы у такихъ женщинъ было такое же равнодушіе къ браку, какъ у дѣвственныхъ галльскихъ осъ, хотя и извѣстны многочисленные примѣры отвращенія женщинъ къ брачной жизни. Это и многія другія, вообще довольно частыя въ человѣческомъ родѣ, отклоненія половыхъ инстинктовъ указываютъ на то, что первый шагъ на пути къ безплодію уже сдѣланъ. Весьма возможно, что съ этого начался процессъ обособленія въ человѣческихъ обще-

[1]) Зибольдъ нѣсколько разъ (стр. 17, 20, 56) съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на томъ, что въ анатомическомъ отношеніи мелкія самки устроены такъ же точно, какъ и крупныя, и имѣютъ все устройство, необходимое для брачной жизни.

ствахъ, сходный съ тѣмъ, который гораздо далѣе подвинулся у насѣкомыхъ, и что со временемъ установится, хотя и не столь рѣзкое, раздѣленіе людей на наиболѣе и наименѣе плодовитыхъ или даже и вовсе безплодныхъ. Послѣдніе, имѣя возможность посвятить себя исключительно высшимъ сферамъ человѣческой дѣятельности, будутъ служить обществу главнымъ образомъ умственнымъ трудомъ.

Боязнь, что при такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи размноженія, люди, высшіе въ умственномъ отношеніи, не оставятъ прямого потомства, которое бы могло поддерживать и развивать наиболѣе драгоцѣнныя для общества качества, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи несостоятельной. Примѣръ насѣкомыхъ съ крайнимъ обособленіемъ безплодія и раздѣленіемъ труда въ общинахъ доказываетъ вполнѣ, что недѣятельные и неразвитые родители (царица и трутень у пчелъ) могутъ производить гораздо болѣе способныхъ и трудолюбивыхъ потомковъ (пчелъ-работницъ) и что измѣненія, наблюдаемыя у этихъ безплодныхъ насѣкомыхъ, могутъ повторяться и совершенствоваться въ цѣломъ рядѣ поколѣній. Это можетъ быть объяснено такимъ образомъ. Самка производитъ массу яицъ, въ которыя вложены самые различные задатки; въ то время какъ въ однихъ зародышахъ вполнѣ развились только одни изъ этихъ задатковъ, у остальныхъ развились совершенно другіе. Пчела-царица съ слабо-развитымъ мозгомъ, произведшая работницъ съ очень совершенной нервной системой, сама могла имѣть неразвившіеся впослѣдствіи задатки очень высоко одареннаго мозга. Дарвинъ приводитъ еще слѣдующій примѣръ. Есть породы озимаго левкоя съ махровыми, слѣдовательно безплодными, и простыми, дающими сѣмена, цвѣтами. Послѣдніе будутъ соотвѣтствовать царицамъ у пчелъ, а махровые цвѣты— безплоднымъ работницамъ. Левкои эти размножаются исключительно сѣменами, изъ которыхъ происходятъ, однакоже, бо̀льшей частью махровые цвѣты и только въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ простые, сѣменоносные. Здѣсь махровость передается посредствомъ немахровыхъ, простыхъ цвѣтовъ. Въ приложеніи къ человѣку это ведетъ къ предположенію, что плодовитые люди будутъ передавать по наслѣдству признаки своихъ высоко одаренныхъ безплодныхъ родичей. Эти послѣдніе, какъ нужно думать, оказались выдающимися лишь вслѣдствіе того, что въ нихъ совершилось полное развитіе задатковъ, которые были получены ими непосредственно отъ ихъ плодовитыхъ родителей. Положимъ, что въ какой-нибудь семьѣ есть ясно выдающійся, но безплодный дѣятель. Самъ онъ не можетъ передать своихъ признаковъ потомству, но

сходный талантъ можетъ обнаружиться у какого-нибудь другого члена семьи, напр. у племянника, сестры или брата. Предположенія эти, равно какъ и факты унаслѣдованія у общественныхъ насѣкомыхъ и озимыхъ левкоевъ, вполнѣ вяжутся съ современными представленіями о наслѣдственности, по которымъ признаки, пріобрѣтенные послѣ рожденія, никогда не передаются потомству. Послѣднее же получаетъ лишь задатки, которые могутъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе и—развиваться обильно, или глохнуть.

Боязнь, что установленіе частнаго безплодія поведетъ къ общему вымиранію, тоже не должна быть признана основательной, такъ какъ при процессѣ дальнѣйшаго обособленія, рядомъ съ безплодіемъ однихъ индивидуумовъ, должна или, по крайней мѣрѣ, можетъ усилиться плодовитость другихъ, подобно тому, какъ это совершилось въ мірѣ общественныхъ насѣкомыхъ. Уже и теперь мы видимъ, что въ семьѣ, въ которой есть нѣсколько дѣтей, не составляетъ существеннаго отягощенія имѣть ихъ еще двое или трое, между тѣмъ какъ жизнь бездѣтнаго супружества сразу измѣняется самымъ кореннымъ образомъ съ той минутой, какъ въ ней рождается ребенокъ. Необходимо также имѣть въ виду, что съ успѣхами культуры и главнымъ образомъ научной медицины смертность вообще и въ дѣтскомъ возрастѣ въ особенности, уже и теперь значительно уменьшившаяся, будетъ со временемъ становиться все меньше и меньше. Возможно даже, что вызванное этимъ увеличеніе народонаселенія обусловитъ необходимость позаботиться объ уменьшеніи числа рожденій, и тогда подготовленное развитіемъ частное безплодіе обнаружитъ всю свою полезность.

Примѣръ постепеннаго пониженія процента увеличенія народонаселенія во Франціи, о которомъ теперь, послѣ доклада Ланьô, идетъ такъ много толковъ, ничего не доказываетъ въ нашемъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о пагубномъ вліяніи женскаго научнаго образованія, такъ какъ оно почти цѣликомъ отсутствуетъ у французскихъ женщинъ. Уже скорѣе какъ разъ наоборотъ. Распространеніе среди нихъ серьезнаго образованія, способнаго только искоренять вкусы къ роскоши и пустымъ утѣхамъ въ жизни вообще, можетъ содѣйствовать поддержанію необходимаго уровня размноженія.

Не забѣгая далеко впередъ, можно и теперь убѣдиться въ пользѣ посѣщенія высшихъ курсовъ и вообще участія женщинъ въ высшемъ умственномъ трудѣ. Не говоря о тѣхъ изъ нихъ, которыя остаются вѣрными своей спеціальности и идутъ по разъ избранному пути, даже тѣ женщины, которыя потомъ покидаютъ

высшія сферы дѣятельности, сохраняютъ все-таки вкусъ къ нимъ и поддерживаютъ его въ близкихъ имъ людяхъ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать развитію и потворствовать стремленіямъ къ пустой и праздной жизни. Хотя, какъ выше было сказано, женщины въ музыкальномъ отношеніи стоятъ значительно ниже мужчинъ, но сколько пользы принесли онѣ успѣхамъ музыки тѣмъ, что развивали и поддерживали вкусъ къ ней въ дѣтяхъ и вообще близкихъ имъ! Кому не извѣстенъ въ этомъ отношеніи примѣръ матери нашего геніальнаго композитора и виртуоза А. Рубинштейна, игравшей такую роль въ развитіи музыкальнаго таланта своихъ дѣтей? То же самое приложимо и къ научной области.

Мы получаемъ въ результатѣ этого разсмотрѣнія женскаго вопроса съ біологической точки зрѣнія, что и тутъ, какъ во многомъ другомъ, самые интересы развитія не вяжутся съ преклоненіемъ предъ готовыми и несовершенными формами, данными природнымъ устройствомъ человѣческаго организма, а напротивъ, требуютъ чуткаго и внимательнаго отношенія къ проявляемымъ стремленіямъ къ идеалу, который упорно пробивается наружу, несмотря на всякія оказываемыя со всѣхъ сторонъ и, между прочимъ, со стороны гр. Л. Толстого, препятствія.

VI.

При разсмотрѣніи женскаго вопроса намъ пришлось цѣликомъ разойтись съ воззрѣніемъ гр. Л. Толстого, который въ данномъ случаѣ послѣдовательно стоитъ на принципѣ преклоненія предъ готовыми формами человѣческой природы и во имя его попираетъ идеалъ, ясно выразившійся. Въ вопросѣ объ умственномъ и мускульномъ трудѣ мы также были вынуждены возражать графу Толстому; только тутъ мы выдѣлили исповѣдуемый имъ идеалъ—проповѣдь противъ роскоши и стремленіе помѣшать превращенію человѣка въ безсмысленную машину—отъ попытки доказать, что необходимо отодвинуть научную дѣятельность на задній планъ и обратиться къ усиленному мышечному труду.

Нельзя не сочувствовать гр. Л. Толстому въ его проповѣди гуманности и мягкаго обращенія съ людьми и животными, но не потому, чтобы мучить и убивать людей и животныхъ было „противно и мучительно природѣ человѣка“ а несмотря на то, что мучить людей и животныхъ очень свойственно человѣческой природѣ. Подобно тому, какъ дѣтеныши хищныхъ животныхъ играютъ

въ травлю, а взрослыя животныя наслаждаются мученіемъ своихъ жертвъ, такъ и дѣти находятъ большей частью величайшее удовольствіе въ мученіи и убійствѣ животныхъ. Столь распространенная страсть къ охотѣ у дѣтей и у взрослыхъ, воинственныя наклонности и звѣрство, обнаруживаемое во всѣхъ случаяхъ, когда дѣлается возможнымъ свободное проявленіе инстинктовъ, служатъ явными опроверженіями мнѣнія гр. Л. Толстого.

Можно предположить, что наклонности зоологическихъ прародителей человѣка были очень свирѣпы и что эти предки характеромъ своимъ скорѣе напоминали гориллу, чѣмъ шимпанзе. Отъ нихъ-то должны были унаслѣдоваться тѣ звѣрскія привычки, которыя такъ часто даютъ себя чувствовать въ человѣческомъ мірѣ.

Несмотря на все это, нельзя не желать, чтобы въ борьбѣ со зломъ, возникающимъ изъ дурныхъ сторонъ человѣческой природы, употребляемы были сколь возможно мягкія мѣры. Разумѣется, невозможно согласиться съ гр. Л. Толстымъ, когда онъ допускаетъ насиліе только по „отношенію къ ребенку и только для избавленія его отъ предстоящаго ему тотчасъ же зла" („Въ чемъ моя вѣра", стр. 195), такъ какъ въ дѣйствительности должно быть признано несравненно большее число исключеній, въ которыхъ необходимо прибѣгнуть къ насилію. Но тутъ различіе не принципіальное, а чисто количественное, разъ самъ гр. Толстой признаетъ, что правило: „не противься злу насиліемъ", не можетъ быть примѣнено во всей его послѣдовательности. Съ другой стороны, нельзя не пожелать распространенія его на пріемы литературной критики и полемики, такъ какъ черезъ-чуръ запальчивая рѣчь съ пѣной у рта, клейменіе противниковъ позорными эпитетами и приписываніе имъ самыхъ низкихъ побужденій („оглупѣніе" противниковъ, „одурѣніе" противницъ, „дармоѣды" ученые и художники, жрецы науки и искусства, „самые дрянные обманщики", и многое другое, чѣмъ пересыпаны статьи гр. Л. Толстого) можетъ только повредить дѣлу, заставивъ, пожалуй, подумать, что такіе пріемы служатъ лишь для прикрытія слабости основной аргументаціи.

Въ какую сторону мы бы ни обратили вниманіе во всѣхъ этихъ жизненныхъ вопросахъ, вездѣ мы увидимъ болѣе или менѣе рѣзкое раздвоеніе. Съ одной стороны унаслѣдованная отъ животныхъ предковъ природа со всѣми ея отрицательными сторонами, съ другой—сильное, непреодолимое стремленіе къ идеалу, къ лучшему будущему. Это послѣднее выражается то въ формѣ вѣрованій въ такое состояніе, когда люди предстанутъ въ иномъ

образѣ и воцарится справедливость, то въ формѣ мечтаній о золотомъ вѣкѣ, который осуществится на землѣ, то въ видѣ вѣры въ прогрессъ и историческую справедливость. Хотя критикѣ удается разрушить эти иллюзіи, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ все же всплываетъ иногда лучъ надежды на то, что положеніе, быть можетъ, еще не такъ отчаянно. При этомъ необходимо всегда имѣть въ виду, что многіе вопросы, которые прежде казались неразрѣшимыми, уступили человѣческому уму и энергіи и что, успѣшно борясь съ природою, человѣку удалось многое измѣнить если не въ своей собственной природѣ, то въ природѣ окружающихъ его существъ.

Процессъ, посредствомъ котораго совершалось развитіе и измѣненіе формъ въ органическомъ мірѣ, сводится въ концѣ концовъ къ естественному подбору, т.-е. къ переживанію существъ, наиболѣе одаренныхъ въ борьбѣ за существованіе, рядомъ съ вымираніемъ наименѣе приспособленныхъ организмовъ. Въ результатѣ этого процесса получилось множество органическихъ видовъ, носящихъ на себѣ явные признаки цѣлесообразности въ устройствѣ ихъ тѣла. Нужно думать, что и человѣкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ той же силѣ естественнаго подбора, проявившей свое дѣйствіе на какомъ-нибудь зоологическомъ человѣкообразномъ прародителѣ.

Воззрѣніе это, составляющее сущность дарвиновскаго ученія, въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати-лѣтней борьбы выдержавшаго самую тяжелую пробу, въ настоящее время составляетъ краеугольный камень всей біологіи, да и не одной только біологіи, а и другихъ, соприкасающихся съ ней, отраслей знанія. Правда, гр. Л. Толстой считаетъ его результатомъ „праздныхъ играній мысли людей такъ-называемой науки“ (XII, 382) и думаетъ, что отъ него можно отдѣлаться двумя, тремя шуточками (напр., въ родѣ приписыванія дарвинизму нелѣпости, будто „изъ роя пчелъ можетъ сдѣлаться одно животное“) и возраженіемъ, „что никто никогда не видалъ, какъ дѣлаются одни организмы изъ другихъ“ (тамъ же), точно будто наука можетъ ограничиваться только тѣмъ, что̀ можно видѣть непосредственно глазами! Я не стану здѣсь останавливаться долѣе на этой „критикѣ“, такъ какъ она не заключаетъ въ себѣ ни одного признака таковой, и считаю себя тѣмъ болѣе въ правѣ сдѣлать это, что мною былъ напечатанъ цѣлый рядъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876 годъ, въ которыхъ я старался изложить въ популярно-научной формѣ все значеніе дарвиновскаго ученія, не скрывая, разумѣется, и его недостатковъ.

Въ человѣческомъ мірѣ, рядомъ съ развитіемъ сознательности, „естественное“ стало уступать мѣсто „искусственному“ и естественный подборъ сталъ перерождаться въ искусственный. Произошло это потому, что „искусство“ значительно ускорило процессъ развитія, оказавшись, слѣдовательно, вообще очень полезнымъ. Пояснимъ это послѣднее положеніе примѣромъ. Перемѣна климата застала и человѣка, и животныхъ недостаточно приспособленными къ низкой температурѣ; но въ то время какъ у послѣднихъ это приспособленіе могло совершиться лишь съ помощью развитія обильнаго волосяного покрова и отложенія подкожнаго жира, у человѣка оно произошло благодаря искусству одѣваться. Къ счастію, наши предки не остановились предъ тѣмъ, что такъ какъ природа создала ихъ голыми, то они не должны были прикрываться „неестественной“ одеждой; они послѣдовали своему непосредственному чувству, побуждавшему ихъ согрѣться, и въ результатѣ оказались побѣдителями надъ природою.

Захватывая все бóльшую и бóльшую область, искусство стало мѣнять и обликъ организмовъ, окружавшихъ человѣка. При этомъ съ очень давнихъ поръ выступилъ на сцену искусственный подборъ, посредствомъ котораго удалось въ относительно короткое время отобрать и упрочить путемъ наслѣдственности множество драгоцѣнныхъ для человѣка свойствъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда такой подборъ совершается вполнѣ сознательно, люди, посвятившіе себя этой спеціальности, начинаютъ съ того, что намѣчаютъ прежде всего цѣль, къ которой они должны стремиться. Дарвинъ, резюмируя данныя о подборѣ голубей, выражается такъ: „Подборъ производится методически въ томъ случаѣ, когда заводчикъ старается улучшить или измѣнить породу, согласно предвзятому *идеалу*“ [1]. Установленіе послѣдняго не есть дѣло простой фантазіи или прихоти; для того, чтобы намѣтить идеалъ, который бы былъ осуществимъ, необходимо точное знаніе природы организма и достаточная доля иниціативы. Идеалъ этотъ никогда не будетъ простой копіей съ дѣйствительности, а всегда результатомъ синтеза послѣдней съ человѣческимъ воображеніемъ и мышленіемъ. Вотъ почему даже въ такой узкой и опредѣленной области, какъ искусственный подборъ домашнихъ животныхъ, требуется такъ много данныхъ отъ намѣчающаго путь „идеалиста“. Многочисленные любители животныхъ и растеній устроиваютъ собранія, на которыхъ они, послѣ долгаго обсужденія,

---

[1]) Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Русск. пер., I, стр. 227.

намѣчаютъ идеалъ, къ которому должно стремиться, и выражаютъ его въ программѣ, за осуществленіе которой полагается призъ.

Этотъ процессъ подбора можетъ служить образцомъ того, какъ должно сложиться „искусство" въ болѣе высокомъ и широкомъ смыслѣ слова, т.-е. и какъ изящное искусство, и какъ житейское искусство, или практическая философія. Въ обоихъ на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ идеалъ, какъ продуктъ синтеза внутренняго и внѣшняго міра. Изящное искусство не должно быть реалистическимъ, въ смыслѣ рабскаго подражанія дѣйствительности; оно можетъ и должно переходить за предѣлы послѣдней. Когда любитель-садоводъ или животноводъ вызываетъ созданный имъ идеалъ на рисункѣ, то послѣдній изображаетъ животное или растеніе не такими, каковы они въ дѣйствительности, а такими, какими они должны быть впослѣдствіи. Только если онъ—серьезный „идеалистъ", то въ своемъ идеалѣ онъ будетъ сообразоваться съ природою и ея законами, которыхъ нельзя обойти.

Тоже и въ житейскомъ искусствѣ или этикѣ. Моралистъ не долженъ останавливаться рабски передъ готовыми формами, какъ бы „естественны" или „свойственны природѣ" онѣ ни казались. Онъ долженъ стараться перешагнуть чрезъ эти границы, чтобы идти по направленію къ идеалу, намѣченному опять-таки на основаніи всѣхъ данныхъ дѣйствительности.

Во всей этой обширной области искусства требуется, слѣдовательно, идеализмъ, основанный на точномъ и всестороннемъ знаніи. Еслибы кому-нибудь вздумалось намѣтить идеаломъ пріобрѣтеніе крыльевъ, согласно представленію о воздушныхъ ангелахъ и другихъ подобныхъ существахъ, то такая цѣль должна была бы быть отвергнута на основаніи закона, по которому развитіе летательной перепонки или настоящихъ крыльевъ стѣсняетъ движенія конечностей, столь важныя для человѣка, и еще на основаніи того, что ближе къ цѣли можно придти усовершенствованіемъ воздухоплаванія. Если же идеаломъ является, напр., измѣненіе нѣкоторыхъ природныхъ свойствъ, мѣшающихъ женщинѣ удовлетворить непреложное стремленіе въ высшія сферы человѣческой дѣятельности, то я не вижу причины, почему бы нельзя было направить искусство къ достиженію такой цѣли.

Безспорно, что переходъ отъ естественнаго подбора къ сознательному, искусственному въ приложеніи къ человѣку долженъ составить критическій и поэтому крайне трудный періодъ въ жизни человѣчества. Онъ требуетъ съ одной стороны свобод-

наго развитія идеальныхъ стремленій для опредѣленія того разумнаго идеала, къ которому можно направить дѣятельность; съ другой стороны онъ немыслимъ безъ значительныхъ успѣховъ положительнаго знанія. Такъ какъ оба эти условія касаются самыхъ деликатныхъ и нѣжныхъ отпрысковъ человѣческой дѣятельности, которые легко глохнутъ отъ слишкомъ грубаго прикосновенія дѣйствительности, то неудивительно, что по временамъ можетъ явиться сомнѣніе въ успѣшности дальнѣйшаго развитія и самый мрачный взглядъ на будущность.

Выводъ, сдѣланный болѣе тридцати лѣтъ назадъ Боклемъ въ результатѣ обзора пути, пройденнаго человѣчествомъ, подтверждается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Самые прочные успѣхи, добытые людьми, это именно тѣ, которые совершены при помощи положительнаго знанія. Самыя серьезныя надежды, которыя можно лелѣять, должны быть возложены на дальнѣйшіе успѣхи въ той же области. Отсюда ясно, что непосредственной нашей цѣлью должно быть все то, что̀ можетъ въ наибольшей степени содѣйствовать этимъ успѣхамъ.

Противъ науки и развивающейся подъ ея вліяніемъ культуры уже не разъ раздавались самые страстные протесты. Остановить ея движенія они, однакоже, были не въ силахъ. Не менѣе талантливая, чѣмъ полемика гр. Л. Толстого, проповѣдь Ж.-Ж. Руссо, дѣйствовавшая притомъ въ такое время, когда знаніе еще пустило далеко мѐньшіе корни, и та не была въ состояніи хоть сколько-нибудь замѣтно затормозить успѣхи его. Нужно надѣяться, что и новая проповѣдь автора статьи „о назначеніи науки и искусства“ не окажетъ большого вліянія.

Правда, у насъ существуютъ, повидимому, какія-то особенныя условія, благопріятствующія всему, что̀ враждебно наукѣ и культурѣ. Замѣчательно, что при той склонности къ исканію идеала, о которой было упомянуто въ началѣ этой статьи, у насъ въ то же время пользуются особенной симпатіей ученія, идущія противъ науки. Стремленіе въ народъ, возвращеніе къ физической работѣ, „упрощеніе жизни“ и пр., все это только различныя формы, въ которыя облеклась потребность разорвать связь съ серьезнымъ научнымъ трудомъ. Не объясняется ли это явленіе до нѣкоторой степени примѣромъ изъ жизни той общины, о которой говоритъ гр. Л. Толстой и наиболѣе образованный членъ которой, послѣ приготовленія къ вечернимъ работамъ, „*усталъ* отъ исключительно умственной работы“ (XII, 444)? Быть можетъ, наши

мозги, лишь съ недавняго времени направле
трудъ, просто не выдерживаютъ того упо
напряженія, которое необходимо для серьез
и инстинктивно влекутъ насъ назадъ. Нѣкот
явленію представляютъ примѣры изъ жизни
людей, которые, несмотря на обширныя п
и на легкость, съ какой они усвоиваютъ е
и науку, по истеченіи извѣстнаго времени р
этимъ и успокоиваются только тогда, когд
своему прежнему образу жизни. Если это
ведливо, то бѣдѣ можно помочь правильн...
ченія и постепеннымъ пріученіемъ къ упорной мозговой работѣ.
Въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что неутомимый научн
трудъ, соединенный съ непреодолимымъ стремленіемъ къ идеал
не замедлитъ принести обильные плоды.

Ил. Мечниковъ.

С. Поповка, кіевск. губ.
4 сентября, 1890.

ЭПИЗОДЫ

ИЗЪ ИСТОРІИ XVIII-го ВѢКА

— *Д. А. Корсаковъ*. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII-го вѣка. Казань, 1891.

Г. Корсаковъ занялъ видное мѣсто между нашими историками извѣстной книгой о воцареніи импер. Анны Ивановны. Съ тѣхъ поръ онъ много работалъ по исторіи XVIII-го вѣка, и въ настоящей книгѣ собралъ рядъ своихъ статей, посвященныхъ этой исторіи и напечатанныхъ раньше въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ. „Всѣ эти монографіи и замѣтки,—говоритъ авторъ въ предисловіи, — относятся преимущественно ко времени отъ кончины „перваго русскаго императора“ Петра Великаго до воцаренія Екатерины II, времени, между прочимъ, памятнаго знаменательной борьбой потомковъ старинной московской знати съ нѣмцами, все болѣе и болѣе оттѣснявшими ихъ отъ кормила государственнаго правленія. Эта борьба составляетъ главное содержаніе большей части монографій, входящихъ въ составъ предлагаемаго сборника“. Такимъ образомъ книга представляетъ нѣчто цѣльное по ея главнымъ сюжетамъ.

Въ сборникѣ г. Корсакова находятся слѣдующія статьи: о родѣ Кудрявцевыхъ, которые были мѣстными дѣятелями казанскаго края; Кн. И. А. Долгорукій, фаворитъ имп. Петра II; Княгиня Н. Б. Долгорукая (1714—1771); Кн. С. Г. Долгорукій и его семья въ ссылкѣ, въ Раненбургѣ, въ 1730 — 35 годахъ; Ссылка кн. В. Л. Долгорукаго въ с. Знаменское въ 1730 г.; Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ, въ 1736—37 г.; А. П. Во-

лынскій и его конфиденты (1689—1740); В. Н. Татищевъ; Нѣкоторые изъ сторонниковъ воцаренія Екатерины II. Наконецъ помѣщены здѣсь рецензіи сочиненій г. Семевскаго: „Царица Прасковья“ и „Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Вилимъ Монсъ“, и книги г. Кобеко „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“.

Извѣстно, какіе успѣхи сдѣлала наша исторіографія въ последнее время вообще, и въ частности исторіографія XVIII-го вѣка: явилась въ свѣтъ огромная масса историческаго матеріала, извлекаемаго изъ государственныхъ архивовъ и частныхъ собраній, и все возростаетъ почти съ каждымъ днемъ; но нельзя сказать, чтобы возростанію матеріала соотвѣтствовала его разработка. Участвуетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что для какой-либо крупной исторической темы все еще требуется большее количество данныхъ, чѣмъ имѣется на-лицо, и историкъ пугается тѣхъ пробѣловъ, какіе поэтому были бы неизбѣжны въ его работѣ; но съ другой стороны есть, кажется, и другія причины, мѣшающія желательному развитію историческихъ изысканій. Не говоря о внѣшнихъ условіяхъ, которыя задерживаютъ исполненіе подобныхъ работъ и значеніе которыхъ весьма существенно, какъ можно судить по нѣкоторымъ извѣстнымъ примѣрамъ, есть и причина внутренняя — недостатокъ у большинства нашихъ историческихъ трудолюбцевъ широкаго научнаго взгляда, который указывалъ бы задачу изслѣдованія не въ одной разработкѣ деталей или отдѣльныхъ эпизодовъ исторической жизни, но въ цѣльномъ пониманіи ея широкаго движенія, ставилъ бы цѣлью не фактическія частности, а именно историческое развитіе явленій въ судьбѣ государства и общества. Послѣ С. М. Соловьева (и частью Костомарова) въ нашей литературѣ нѣтъ писателя, для котораго основной идеей труда являлось бы это общее движеніе исторической жизни. Говорятъ, что достиженіе этой общей точки зрѣнія невозможно безъ предварительнаго обслѣдованія отдѣльныхъ эпохъ или отдѣльныхъ біографій,—но это въ сущности несправедливо: разработкѣ частностей нѣтъ предѣла; она можетъ длиться до безконечности, но пристрастія, свойственныя обыкновенно каждому тѣсному спеціалисту, не устраняютъ общаго историческаго вопроса. Великіе европейскіе историки въ произведеніяхъ, составляющихъ славу исторической литературы и дающихъ богатыя поученія для уразумѣнія происшедшихъ судебъ старыхъ и новѣйшихъ временъ, эти историки не владѣли, каждый для своего труда, такимъ обширнымъ запасомъ фактическихъ данныхъ,

какой могъ бы быть, напримѣръ, въ распоряженіи нашего историка для XVII—XIX вѣка; но это не мѣшало имъ угадывать характеры эпохъ, обществъ и господствующихъ историческихъ лицъ. Историческая проницательность, воспитанная въ школѣ научной критики, руководимая яснымъ сознаніемъ идеаловъ общественнаго развитія и просвѣщенія, помогала имъ возсоздавать эпохи и характеры по основнымъ чертамъ и не запутываться въ массѣ подробностей, — которыхъ однократность нерѣдко дѣлаетъ ихъ даже совсѣмъ ненужными для этого общаго опредѣленія, или которыя, напротивъ, своей многократностью должны быть объединены въ одно общее явленіе. Широкое историческое пониманіе и заключается въ томъ, чтобы изъ массы частностей выдѣлить ихъ существенныя черты, которыя и будутъ чертами историческими; численное количество этихъ подробностей будетъ для историка безразлично, потому что въ самомъ дѣлѣ кромѣ подробностей, зарегистрованныхъ въ документахъ, бываетъ обыкновенно и множество такихъ, которыя въ документахъ не записаны, а на дѣлѣ могли быть еще болѣе характерны.

Наша исторіографія въ большинствѣ случаевъ находится еще на очень невысокомъ уровнѣ научнаго пониманія. Съ тѣхъ поръ какъ двери литературы открыты были для изображенія болѣе близкаго прошлаго (это случилось не такъ давно), на исторію набросилось, кромѣ немногихъ спеціалистовъ, и множество любителей. Это было совершенно понятно по естественному историческому любопытству, для котораго прежде совсѣмъ не было мѣста. Эта масса любителей, какъ извѣстно, въ первое время принялась усердно разработывать именно внѣшнюю анекдотическую сторону исторіи въ тѣхъ ея эпизодахъ, которые прежде бывали только предметомъ устныхъ пересказовъ или изрѣдка могли быть прочитаны въ литературѣ рукописной и въ иностранныхъ книгахъ (обыкновенно запрещенныхъ). Въ ряду анекдотовъ появлялись однако отъ времени до времени историческіе документы и изслѣдованія, исполненные живѣйшаго интереса, которые поддерживали и развивали историческую любознательность, а также поощряли любителей въ новыхъ поискахъ за какими-либо фактами и преданіями старины. Сообщеніе подробностей о томъ или иномъ событіи, писемъ или какихъ-нибудь иныхъ бумагъ извѣстнаго лица и т. п. считалось уже трудомъ на пользу исторіи, — но накоплявшійся матеріалъ всего чаще оставался безъ историческаго освѣщенія. Эти историки, собиравшіе матеріалъ, обыкновенно не задавались подобной задачей, считая, что она уже рѣшена тѣмъ патріотическимъ интересомъ, какой имѣли они къ предмету своихъ

сообщеній. На дѣлѣ эта задача еще предстояла и предстоитъ исторіографіи.

Мы упомянули выше о томъ, какъ недостаточна до сихъ поръ постановка общихъ вопросовъ нашей исторіи за послѣдніе два вѣка. Мы только изрѣдка встрѣчаемся съ этими вопросами въ собственно историческихъ изслѣдованіяхъ; между тѣмъ эти вопросы—совершенно естественные для общества, желающаго выяснить свое настоящее при помощи уразумѣнія прошедшаго—безпрестанно рѣшаются на другомъ поприщѣ, именно публицистическомъ. Какъ извѣстно, мы уже давно, и въ послѣднее время опять весьма настойчиво, ставимъ вопросы объ особенностяхъ русской жизни, о томъ, можетъ ли она идти въ своемъ развитіи общимъ путемъ другихъ культурныхъ народовъ, и напротивъ, не было ли сдѣлано крупной ошибки, когда съ конца XVII-го вѣка она была направлена на этотъ путь. Для многихъ представилось несомнѣннымъ, что особенности русской жизни дѣйствительно таковы, что для нихъ не только не слѣдуетъ искать какой-либо параллели въ жизни другихъ народовъ, но напротивъ, такая параллель должна быть отвергнута; возможность упомянутой ошибки была подтверждена, и для здраваго теченія русской жизни было найдено необходимымъ возвращеніе назадъ, „домой". Повидимому такое рѣшительное положеніе могло бы быть извлечено именно только изъ обстоятельнаго историческаго изслѣдованія, но оно доказывалось не столько фактами, сколько публицистическими разсужденіями и лирическими воззваніями.

Такимъ образомъ историческое изученіе являлось бы существенно необходимымъ не только въ общемъ научномъ интересѣ, но и для выясненія тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые волнуютъ насъ въ настоящую минуту, и надо жалѣть, что наша исторіографія, направляясь на подробности и эпизоды, не ставитъ тѣхъ вопросовъ, на какіе наводитъ современная публицистика, то-есть современное общественное мнѣніе. Присмотрѣвшись къ различнымъ проявленіямъ тѣхъ взглядовъ, которые желаютъ возвращенія назадъ, не трудно видѣть, что эти взгляды въ своемъ практическомъ исполненіи оказываютъ уже теперь весьма существенное вліяніе на нѣкоторыя стороны современной общественной жизни, какъ напримѣръ, на вопросы просвѣщенія,—и въ этомъ могло бы найтись достаточное побужденіе изслѣдовать дѣло со строгой исторической точки зрѣнія. Восемнадцатый вѣкъ, который стоитъ на перепутьѣ между московской Россіей и Россіей нынѣшней, представляетъ особенный интересъ въ изученіи того

процесса, какимъ создалось современное государство, общественная жизнь, жизнь народная, просвѣщеніе и литература.

Историческая школа, которая установляется у насъ особливо съ сороковыхъ годовъ, впервые начала смотрѣть на исторію какъ на органическое развитіе, гдѣ не бываетъ явленій безпричинныхъ и гдѣ, въ особенности въ крупныхъ событіяхъ національной жизни, нѣтъ мѣста личному произволу, а напротивъ, дѣйствуютъ глубокіе внутренніе мотивы. Эта школа между прочимъ объясняла и восемнадцатый вѣкъ какъ послѣдовательное развитіе тѣхъ основаній, которыя сказывались еще въ XVII-мъ вѣкѣ. Такимъ образомъ самая реформа Петра, на которую обрушивалось негодованіе славянофиловъ, какъ на насильственный, противонародный переворотъ, объяснялась какъ вполнѣ естественный выводъ изъ предъидущей исторіи. Дальнѣйшія изслѣдованія подтверждали это положеніе, указывая, какъ въ самомъ дѣлѣ еще задолго до „переворота“ въ средѣ русскихъ людей XVII-го вѣка, или даже раньше, обнаруживалось стремленіе усвоивать начатки западнаго просвѣщенія; указывая также, какъ, несмотря на предполагаемую противонародность реформы и оторванность высшихъ классовъ отъ народа, въ массѣ общества сохранялись цѣлы и невредимы обычаи и преданія старины, которые только очень медленно уступали новымъ вліяніямъ. Иностранные обычаи (даже бритье бороды) начинали проникать къ намъ еще въ самомъ разгарѣ XVII-го вѣка, принимаемаго теперь за желанный идеалъ, и дальнѣйшее распространеніе чужихъ обычаевъ въ теченіе XVIII-го вѣка могло бы повидимому произойти даже безъ особеннаго толчка, само собою, изъ тѣхъ начатковъ, какіе мы уже находимъ въ XVII столѣтіи. Въ самомъ дѣлѣ, реформа могла дѣйствовать только въ извѣстномъ ограниченномъ кругу, въ области службы, не касаясь внутренняго домашняго быта, который могъ сохраняться неизмѣннымъ; и если онъ измѣнялся, это въ большой мѣрѣ должно было происходить по естественному историческому процессу, по собственной иниціативѣ самого общества. Требовалась служба и извѣстная доля школьнаго образованія; но затѣмъ предоставлялось доброй волѣ общества устроивать свой внутренній бытъ такъ или иначе. Если извѣстная доля общества, то-есть высшій классъ, имѣвшій возможность бо́льшаго образованія и большій матеріальный достатокъ, принимала новые обычаи, получала вкусъ къ просвѣщенію, пріучалась къ новымъ удобствамъ жизни, и если все это оставалось чуждо народной массѣ,—очевидно, что это происходило не потому, что кто-нибудь намѣренно отрывалъ отъ народа высшіе классы, а просто потому, что бывала привле-

кательность въ самомъ новомъ образованіи, въ большей утонченности новыхъ обычаевъ, которые дѣйствовали сами собой, безъ всякаго приказа; однимъ словомъ, происходило обыкновенное явленіе, когда культура первобытная встрѣчалась съ болѣе развитою. Винить тутъ некого, и если хотятъ непремѣнно видѣть здѣсь вину, то едва ли она не должна пасть на тотъ бытъ, который въ прежнее время давалъ такъ мало этой культуры, дѣлалъ общество падкимъ на новизну и безоружнымъ противъ того, что̀ могло быть въ новыхъ вліяніяхъ нежелательнаго или прямо дурного. Чѣмъ болѣе внимательны становятся изслѣдованія о бытѣ и нравахъ XVIII-го вѣка, тѣмъ больше приходится убѣждаться, что этотъ вѣкъ представляетъ множество пунктовъ сродства съ XVII вѣкомъ, какъ въ быту административномъ, такъ и въ быту домашнемъ и въ нравахъ. Та бюрократія, которая считается порожденіемъ реформы, подъ своей новой внѣшностью сохраняла старинную приказную сущность. Та необезпеченность лица въ виду произвола администраціи была унаслѣдована XVIII-мъ вѣкомъ отъ московской старины; подъ формами новомоднаго общественнаго быта пряталась прежняя грубоватая простота нравовъ, и складъ отношеній высшихъ классовъ къ народу опредѣлялся гораздо меньше какими-либо западными бытовыми вліяніями, чѣмъ опять унаслѣдованнымъ отъ старины крѣпостнымъ правомъ.

Книга г. Корсакова въ разныхъ отношеніяхъ интересна для исторіи XVIII-го вѣка. Какъ выше указано, статьи, собранныя въ ней, относятся преимущественно ко времени отъ кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II, и особливо къ событіямъ „знаменательной борьбы потомковъ старинной московской знати съ нѣмцами, все болѣе и болѣе оттѣснявшими ихъ отъ кормила государственнаго правленія". Кромѣ того первая статья сборника заключаетъ въ себѣ исторію мѣстной казанской фамиліи Кудрявцевыхъ, игравшихъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ роль въ мѣстной администраціи и общественной жизни. Эти мѣстныя и родословныя исторіи у насъ еще немногочисленны, но, безъ сомнѣнія, имѣютъ большую важность, оживляя мѣстными и личными чертами отвлеченную исторію учрежденій и массовыхъ группъ народа и общества.

То явленіе, которое г. Корсаковъ опредѣляетъ какъ борьбу потомковъ старинной московской знати съ нѣмцами, составляетъ дѣйствительно одну изъ характерныхъ чертъ нашего XVIII-го вѣка, хотя, можетъ быть, это явленіе слѣдовало бы назвать иначе. Остановимся изъ ряда изображаемыхъ имъ лицъ на двухъ, наи-

болѣе замѣчательныхъ: это князь Дм. Мих. Голицынъ и А. П. Волынскій.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ — едва ли не самый замѣчательный изъ тѣхъ верховниковъ, которые при воцареніи импер. Анны Ивановны стремились къ ограниченію самодержавія и къ установленію аристократической или старой боярской олигархіи—уцѣлѣлъ въ то время, когда этотъ проектъ извѣстнымъ образомъ рушился, но тѣмъ не менѣе онъ погибъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1737 году, когда его привлекли къ суду совсѣмъ по другому и ничтожному поводу и присудили къ смертной казни, замѣненной пожизненнымъ заключеніемъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ онъ и умеръ уже черезъ три мѣсяца своего заточенія. Нашъ историкъ характеризуетъ этого историческаго дѣятеля слѣдующимъ образомъ:

„Князь Голицынъ (1663—1737)—не карьеристъ и не случайный человѣкъ (въ родѣ названныхъ передъ тѣмъ Меншикова, Миниха, Остермана и Бирона); онъ, прежде всего, „человѣкъ родословный", съ тѣмъ значеніемъ, какое придавалось этимъ людямъ въ до-Петровской, московской Руси. Голицынъ—„бояринъ", „мужъ ума и совѣта", царскій думецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Голицынъ не чуждъ западно-европейской образованности. Онъ является достойнымъ примѣромъ того, что многіе изъ представителей московскаго боярства могли уживаться съ европейскими политическими воззрѣніями XVI-го и XVII-го вв., сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ свою самобытность. На князѣ Голицынѣ можемъ мы изучить, какіе плоды способно было принести намъ общеніе съ Западомъ, еслибы оно шло у насъ постепенно и послѣдовательно, а не было бы такъ круто и рѣзко привито къ намъ, какъ то сдѣлалъ Петръ Великій, и тѣмъ болѣе не было бы такъ узко и односторонне понято, какъ понималось оно нашими правителями и людьми, власть имѣющими, во всѣ царствованія преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—двулицый Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи—московской и европейской. Однимъ лицомъ своимъ онъ вдумчиво глядитъ въ былое Руси, другимъ—самонадѣянно привѣтствуетъ ея грядущее. Принадлежа къ поколѣнію старшему, чѣмъ поколѣніе А. П. Волынскаго, князь Голицынъ былъ застигнутъ реформою Петра въ зрѣлые годы жизни, когда вполнѣ опредѣляются характеръ и міровоззрѣніе человѣка. Поэтому мы не видимъ въ немъ ни двойственности, ни разрыва между мыслью и практикою, ни противорѣчія между словомъ и дѣломъ въ той степени, въ какой эти качества отличаютъ поко-

лѣніе Волынскаго. Князь Д. М. Голицынъ былъ человѣкъ сильнаго характера, но и онъ не представлялъ натуры вполнѣ цѣльной, свободной отъ противорѣчій. Время, въ которое онъ жилъ, время крутого перелома русской жизни и мысли, не могло не оставить слѣда и на этой сильной личности. Стойко и смѣло проводя свои общественныя воззрѣнія, Голицынъ не разъ долженъ былъ уступать „злобѣ дня", не разъ входилъ онъ въ компромиссы, не разъ ставилъ частные свои интересы выше интересовъ общественныхъ. Онъ былъ чрезмѣрно гордъ и надмененъ, обожалъ власть болѣе всего на свѣтѣ и не переносилъ противорѣчія; этими чертами своего нрава онъ приближался къ нраву двухъ московскихъ государей, Іоанна III и его внука и соименника—грознаго царя. Князь Голицынъ обладалъ обширнымъ умомъ и большимъ образованіемъ, но умъ его отличался сухостью и излишнею теоретичностью, не былъ согрѣтъ теплотою чувства; поэтому отрицательное отношеніе Голицына къ окружавшей его дѣйствительности и отзывается дидактизмомъ и ригоризмомъ. Онъ, какъ и большинство московскихъ бояръ, не любилъ нѣмцевъ, но очень хорошо сознавалъ неизбѣжную необходимость для Россіи въ европейской цивилизаціи. Знакомый съ нѣсколькими европейскими языками, онъ много читалъ и въ своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, собралъ обширную библіотеку, въ которой было болѣе 6.000 томовъ историческихъ и политическихъ сочиненій. Въ ней находились русскіе лѣтописцы, хронографы, синопсисы и сборники, на ряду съ переводами на русскій языкъ корифеевъ европейской мысли XVI-го и XVII-го в., Макіавелли, Томазія, Гуго-Гроція, Локка, Пуффендорфа и другихъ. „Въ своей частной жизни,—говоритъ о немъ князь П. В. Долгорукій въ своихъ „Mémoires",—онъ сохранилъ многіе старинные русскіе обычаи, которые уже при немъ выходили изъ употребленія. Такъ, напримѣръ, его младшіе братья, одинъ—фельдмаршалъ, а другой—сенаторъ, не садились въ его присутствіи иначе, какъ по его личному приглашенію; не только его племянники, но и племянницы, дочери и невѣстки его братьевъ и сестеръ, цѣловали его руку".

„Князь Голицынъ былъ врагъ скороспѣлыхъ нововведеній, безъ особой надобности заносимыхъ къ намъ изъ-за моря. Поэтому онъ не могъ раздѣлять всѣхъ принциповъ преобразовательной программы Петра Великаго. По словамъ испанскаго посла дюка де-Лиріа, Голицынъ любилъ говорить: „Къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и пред-

писывали намъ новые законы". Въ реформѣ Петра Великаго Голицыну болѣе всего были антипатичны стремленія царя измѣнить нравы и благочестивые обычаи старины. Семейныя отношенія царя возмущали Голицына. Его гордый нравъ не могъ мириться съ насиліемъ Петра въ отношеніи къ сестрамъ и сыну, царевичу Алексѣю. Голицынъ не могъ простить царю его развода съ Лопухиной и сближенія (а затѣмъ и брака) съ маріенбургскою плѣнницею Мартою Скавронскою. Онъ не скрываетъ своихъ симпатій къ злосчастному царевичу Алексѣю Петровичу и къ его сыну, Петру Алексѣевичу, впослѣдствіи императору Петру II. Въ отцѣ и сынѣ чтитъ онъ „благородную отрасль благороднаго корня", какъ выражались наши древніе лѣтописцы о потомствѣ Мономаха. Зато съ какимъ высокомѣріемъ, доходящимъ почти до презрѣнія, относится князь къ Мартѣ Скавронской, воцарившейся подъ именемъ Екатерины I, и къ дочерямъ ея, Аннѣ и Елизаветѣ! Несмотря на такія воззрѣнія князя Голицына, Петръ Великій не только щадилъ, но и высоко цѣнилъ его. Царь-преобразователь умѣлъ хорошо отличать своихъ порицателей Голицыныхъ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ и фанатиковъ-пустосвятовъ" [1]).

Нашъ историкъ объясняетъ далѣе, что политическія идеи князя Голицына заключались въ томъ, что единственный благотворный для Россіи режимъ есть аристократическій; его идеалъ было государственное устройство Швеціи. Введеніе этого аристократическаго правленія было тою цѣлью, къ которой Голицынъ стремился при воцареніи Анны Ивановны, и когда дѣло не удалось, онъ сказалъ въ день провозглашенія ея самодержицею слѣдующія слова: „Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть, пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается жить; но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать болѣе моего!"

Нашъ авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Пророческія слова князя Голицына сбылись. Вскорѣ началась такъ-называемая „Бироновщина", и Русь утратила свою недавнюю еще внутреннюю силу, очутившись съ нѣмецкимъ тріумвиратомъ изъ Остермана, Миниха и Бирона—во главѣ государства. Русь была унижена этимъ владычествомъ и самъ Голицынъ вскорѣ палъ его жертвою.

„Судъ надъ княземъ Д. М. Голицынымъ есть одно изъ возмутительнѣйшихъ дѣяній нѣмецкаго правительства Анны Іоан-

[1]) Стр. 222—224.

новны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ характеристическимъ выраженіемъ тогдашняго общественнаго склада русской жизни. Несправедливое осужденіе и гибель этого по истинѣ даровитѣйшаго изъ русскихъ людей, завѣщанныхъ московскою Русью Руси Петровской,—является однимъ изъ ужасныхъ эпизодовъ безправія русскаго человѣка и циническаго попиранія его нѣмцами въ десяти-лѣтнее мрачное царствованіе Анны Іоанновны. Въ судѣ надъ княземъ Голицынымъ, какъ и въ другихъ политическихъ процессахъ, а равно и въ разныхъ государственныхъ мѣропріятіяхъ этого царствованія, нѣмцы ловко спрятались за русскихъ людей и, направляя потайныя пружины ихъ дѣйствій, умывали руки въ гибели удачно и хитро закланной ими жертвы. Голицынъ былъ осужденъ русскими людьми, также какъ и Долгорукіе, какъ и Волынскій" [1]).

Какъ далѣе скажемъ, въ характерѣ и дѣятельности князя Голицына были свои весьма сочувственныя стороны, но въ приведенныхъ сейчасъ словахъ нашего историка есть поводъ къ недоразумѣніямъ. Не совершенно ясно, какъ „Русь утратила свою внутреннюю силу", какъ она „была унижена", когда, очевидно, эта Русь сама дѣлала возможнымъ тріумвиратъ, который, по словамъ автора, былъ для нея унизителенъ. Съ общей исторической точки зрѣнія нѣмецкій тріумвиратъ былъ только частнымъ эпизодомъ, возможность котораго обусловливалась цѣлымъ порядкомъ вещей. Самъ авторъ замѣчаетъ, что судъ надъ княземъ Голицынымъ, возмутительное дѣяніе нѣмецкаго правительства, служитъ также „характеристическимъ выраженіемъ тогдашняго общественнаго склада *русской* жизни" и, далѣе, „однимъ изъ ужасныхъ эпизодовъ *безправія* русскаго человѣка". Именно это „безправіе" и составляло главную почву тѣхъ событій, какія приводятъ нашего историка въ негодованіе. Слѣдовательно, главное дѣло было въ общественномъ складѣ, а не въ нѣмцахъ. Тѣ жестокіе нравы, которые дѣлали возможнымъ такой судъ, какой былъ произведенъ надъ княземъ Голицынымъ, созданы были раньше, чѣмъ явились нѣмцы, и едва ли эти нравы созданы были въ XVIII-мъ вѣкѣ, а не въ XVII-мъ, или еще ранѣе, и дошли къ XVIII-му вѣку готовыми. Авторъ находитъ, что въ этомъ процессѣ нѣмцы „ловко спрятались за русскихъ людей": слѣдовательно, сами же русскіе люди и выполняли то, что̀ было ужаснымъ эпизодомъ и униженіемъ, и эти русскіе не были только какія-нибудь ничтожества, готовыя быть чьимъ угодно орудіемъ и для ка-

---

[1]) Стр. 226.

кого угодно дѣла. Чрезвычайно характерно и прискорбно, что въ числѣ этихъ русскихъ людей находился и прославляемый теперь патріотъ первой половины XVIII-го вѣка, Волынскій, который самъ былъ величайшимъ ненавистникомъ „нѣмцевъ" и черезъ три года, въ свою очередь, сдѣлался ихъ жертвою.

Называя князя Голицына двулицымъ Янусомъ, человѣкомъ, стоящимъ на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи, московской и европейской, нашъ авторъ, кажется намъ, недостаточно указалъ, что̀ собственно составляло сочувственную для него сторону характера князя Голицына, которая была наслѣдіемъ московской старины и представлялась бы невозможной въ петербургскомъ періодѣ. Надо предполагать, что главнымъ изъ этихъ качествъ было старинное благочестіе и родовыя добродѣтели князя Голицына, когда, наоборотъ, въ дѣяніяхъ Петра видятъ мало этихъ добродѣтелей и особливо мало благочестія и даже приписываютъ ему прямо протестантскія наклонности. Не вдаваясь здѣсь въ разборъ этого послѣдняго, сложнаго вопроса, замѣтимъ, что если, кромѣ политическаго несочувствія Петра къ извѣстнымъ формамъ церковно-административной жизни (каково было, напр., отмѣненное имъ, наконецъ, патріаршество), было у него несочувствіе и къ обще-распространенному складу религіозныхъ понятій (напримѣръ, оффиціальное заявленіе вѣротерпимости наперекоръ обычной крайней нетерпимости старыхъ московскихъ людей), то эта черта въ концѣ концовъ была не исключительнымъ свойствомъ Петра и не была также совершеннымъ нововведеніемъ. Въ религіозномъ броженіи, какое издавна начиналось въ старой Россіи, несмотря на ея строгую религіозную исключительность и привязанность къ неподвижному преданію, уже находили мѣсто идеи если не протестантскаго, то раціоналистическаго характера. Наши историки до сихъ поръ не доискались настоящаго источника этихъ раціоналистическихъ понятій (хотя въ иныхъ случаяхъ можно угадывать случайно заходившія западныя вліянія), но возможно представить, что подобныя идеи могли возникать сами собою при извѣстной пытливости: нѣкоторая работа мысли и особливо нѣкоторая степень образованія могли естественно вести къ болѣе или менѣе осмысленному или элементарному сомнѣнію въ тѣхъ или другихъ формахъ существующаго религіознаго обычая или даже догматическаго вѣроученія. Если случилось что-либо подобное съ Петромъ Великимъ, онъ несомнѣнно имѣлъ здѣсь предшественниковъ еще въ старой московской Россіи, и съ другой стороны старая церковная жизнь не только въ народныхъ массахъ, но и въ извѣстной долѣ самого духовнаго сословія представляла

недостатки, вызывавшіе осужденіе отъ оффиціальной церковной власти, какъ это было, напримѣръ, въ Никоновскомъ исправленіи церковныхъ книгъ. Подобные недостатки въ популярныхъ формахъ благочестія Петръ могъ достаточно видѣть въ расколѣ, а затѣмъ и во многихъ другихъ проявленіяхъ быта не-раскольничьяго,— напримѣръ, въ той массѣ грубыхъ суевѣрій, которыя стали считаться за самую вѣру и противъ которыхъ онъ вооружался наконецъ оффиціальными мѣрами (примѣры—въ „Духовномъ Регламентѣ"). Въ этихъ взглядахъ, какъ извѣстно, за-одно съ Петромъ шли и просвѣщеннѣйшіе люди духовенства,—напримѣръ, прошедшіе ученую школу въ южной и западной Россіи. Такимъ образомъ съ этой стороны Петръ только болѣе опредѣленно выражалъ не единоличныя, а давно возникавшія стремленія возвыситься надъ грубыми суевѣріями массы и хотѣлъ проложить путь къ болѣе широкому религіозному пониманію: это была потребность, не подлежавшая сомнѣнію, и въ этомъ смыслѣ, насколько было возможно, дѣйствовало все послѣдующее просвѣщеніе и литература. Остаются тѣ извѣстныя личныя необузданности, которыя повидимому особливо внушались Петру политическою враждою къ реакціонному направленію послѣдняго патріаршества и которыя могли справедливо возмущать приверженцевъ старины; но характеръ этихъ необузданностей едва ли былъ „европейскій", а всего скорѣе унаслѣдованный московскій. Что самъ Петръ несмотря на все это оставался человѣкомъ религіознымъ, это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Сколько было у него въ нормальную спокойную минуту деликатнаго чувства въ этомъ отношеніи, можно видѣть изъ разсказа, приводимаго г. Корсаковымъ. „Петръ Великій, говоритъ преданіе, любилъ часто захаживать по утрамъ къ князю Дмитрію Михайловичу, чтобы сообщить ему свои новыя предпріятія или выслушать его мнѣнія. Князь Дмитрій Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе никого не принимать къ себѣ, не кончивъ утренней молитвы; нерѣдко случалось, что прибытіе высокаго посѣтителя было ранѣе срочнаго часа, но, не любя нарушать заведеннаго порядка, Петръ Великій не прерывалъ благочестиваго уединенія князя. „Узнай, Николушка, когда старикъ кончитъ свои дѣла?" говорилъ государь родственнику князя Дмитрія Михайловича, мальчику князю Голицыну, жившему у него въ домѣ, и терпѣливо ждалъ выхода стараго князя" [1]).

Что князь Голицынъ не одобрялъ семейныхъ отношеній Петра, это было понятно, но и здѣсь опять трудно было бы видѣть не

---

[1]) Стр. 224—225.

премѣнно „европейское". Это опять была личная необузданность съ большою примѣсью чисто политическихъ соображеній и, какъ дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ, въ семейныхъ дѣлахъ и политическихъ соображеніяхъ, въ старой Москвѣ, объ этомъ можно получить понятіе, вспомнивши хотя бы времена Ивана Грознаго.

Однимъ изъ самыхъ характерныхъ проявленій собственно политическаго образа мыслей князя Голицына остается, конечно, его участіе въ проектѣ верховниковъ при воцареніи Анны Ивановны. Какъ выше упомянуто, онъ полагалъ, что для Россіи необходимъ аристократическій режимъ, именно монархія, ограниченная участіемъ въ правленіи знатнѣйшихъ (старыхъ боярскихъ) фамилій. Здѣсь князь Голицынъ былъ, пожалуй, дѣйствительно отголоскомъ московской Россіи, но не знаемъ—насколько въ выгодѣ нашего внутренняго политическаго быта: факты „безправія русскаго человѣка", на которое указываетъ г. Корсаковъ по поводу нѣмецкаго тріумвирата, были, безъ сомнѣнія, крайне прискорбны; но едва ли бы оно уничтожилось, еслибы вмѣсто нѣмецкаго тріумвирата дѣлами правила боярская олигархія. Старинное русское боярство не пріобрѣло славы безкорыстнаго служенія обще-народнымъ интересамъ и, напротивъ, издавна отличалось чисто-эгоистическими интересами, столь узкими, что они не выросли даже въ прочное сословное единство. Можно было бы думать, что при всеобщемъ отсутствіи политическихъ правъ первымъ шагомъ къ ихъ пріобрѣтенію могла бы быть организація высшаго сословія, владѣвшаго если не этими правами, то по крайней мѣрѣ богатствомъ и извѣстною долею образованія; но неудача плана верховниковъ, вызванная между прочимъ оппозиціей мелкаго дворянства, указываетъ, что верховники и тогда уже не внушали довѣрія: олигархія не казалась политическимъ обезпеченіемъ. Трудно сказать, чтобы оппозиція ошибалась (какъ повидимому думаетъ это нашъ историкъ); во всякомъ случаѣ вся масса высшаго сословія въ то время далеко не была приготовлена къ тому, чтобы успѣшно дѣйствовать въ томъ „шведскомъ" государственномъ строѣ, еслибы онъ какимъ-нибудь образомъ былъ достигнутъ. Самое стремленіе къ „шведскому" порядку вещей является нѣкоторымъ противорѣчіемъ тому, что князь Голицынъ изображается какъ хранитель лучшихъ преданій московской старины. Правда, онъ, какъ родословный человѣкъ, стоялъ противъ иноземцевъ, которые со временъ Петра стали играть небывалую прежде роль въ русскихъ дѣлахъ, но ему столь же непріятны были и тѣ русскіе люди, которые получали теперь значеніе, не только не принадлежа хотя бы къ какой-либо скромной дворянской фамиліи, но

выходя просто изъ низшей народной среды, какъ Меншиковъ. Можно было бы очень усомниться въ томъ, чтобы такая точка зрѣнія могла считаться національной; она была именно только родословная.

Похожа была на это политическая роль другого историческаго человѣка первой половины прошлаго столѣтія, Волынскаго. Въ послѣднее время имя его стало пріобрѣтать новую популярность съ тѣхъ поръ, какъ стала забываться прежняя популярность, которую дали ему нѣкогда Рылѣевъ и Лажечниковъ. Являлась наклонность идеализировать его, сдѣлавши его защитникомъ русскаго національнаго достоинства, униженнаго нѣмцами въ царствованіе императрицы Анны. Поводъ къ идеализаціи дѣйствительно представлялся. Ужасный процессъ, котораго онъ сталъ жертвою, свирѣпая казнь невольно привлекали сочувствіе къ страдальцу, преслѣдователи котораго были бездушные авантюристы, чуждые Россіи; его вражда къ этимъ нѣмцамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Биронъ, дѣлала его представителемъ національныхъ началъ противъ чужеземцевъ, господство которыхъ представлялось настоящимъ игомъ; если извѣстно было, что Волынскій былъ человѣкъ не безупречный и по личному характеру, и по своей служебной дѣятельности, эти недостатки почти прощались ему въ виду его національнаго патріотизма. Нашъ историкъ видитъ не только достоинства, но и недостатки Волынскаго, но, кажется, также склоненъ придавать ему болѣе крупное значеніе, чѣмъ, можетъ быть, слѣдуетъ.

Тѣсный кругъ „конфидентовъ“, который собирался около Волынскаго, представляетъ, безъ сомнѣнія, весьма любопытное явленіе для исторіи русскаго общества въ прошломъ столѣтіи. Этотъ кружокъ его друзей составляли: морской офицеръ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, придворный архитекторъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ и горные инженеры—Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ и Василій Никитичъ Татищевъ, впослѣдствіи извѣстный русскій историкъ. „Все это были люди выдающихся умственныхъ способностей и возросшіе въ тяжелой школѣ государственныхъ преобразованій Петра Великаго. Кромѣ того, трое изъ нихъ—Еропкинъ, Татищевъ и Хрущовъ—принадлежали къ весьма древнимъ, хотя „захудалымъ“ русскимъ фамиліямъ. Татищевъ и Еропкинъ происходили отъ удѣльныхъ князей смоленскихъ, а Хрущовъ велъ свой родъ отъ князей литовскихъ; всѣ они утратили свое княжеское достоинство отъ раздробленности удѣльныхъ владѣній ихъ предковъ. Это обстоятельство играло весьма важную роль въ сближеніи съ ними Волынскаго, который придавалъ большое значеніе „родословности“. Соймоновъ, потомокъ старинныхъ слу-

жилыхъ людей средняго чина, находился въ родствѣ съ Нарышкиными и Головкиными и подъ надзоромъ своего отца, небогатаго помѣщика, получилъ очень солидное образованіе. Съ нимъ Волынскій былъ знакомъ еще въ Астрахани, когда Соймоновъ, по порученію Петра Великаго, описывалъ Каспійское море и составилъ карту этого моря. Хрущовъ по Нарышкинымъ состоялъ въ родствѣ съ Волынскимъ. Около этого времени Волынскій сблизился съ Еропкинымъ настолько, что женился на его сестрѣ (первая жена Волынскаго, Александра Львовна, рожденная Нарышкина, умерла въ Казани въ 1730 г.). Всѣ названныя лица, за исключеніемъ Татищева, докончили свое образованіе за границей, куда были отправлены Петромъ Великимъ; всѣ они и самъ Волынскій имѣли библіотеки, наполненныя историческими и политическими иностранными сочиненіями и старинными русскими рукописными лѣтописями и хронографами, и большею частію принимали дѣятельное участіе въ политическихъ шляхетскихъ замыслахъ при воцареніи Анны Іоанновны. Въ этихъ замыслахъ особенно была замѣтна роль Татищева, представившаго верховному тайному совѣту записку о государственномъ устройствѣ Россіи. Весьма ловко обходя вопросъ о самодержавіи Анны Іоанновны, Татищевъ излагалъ въ своей запискѣ проектъ шляхетскаго политическаго представительства съ двумя палатами—верхней и нижней. Съ этими людьми Волынскій говорилъ откровенно, входилъ съ ними, какъ выражались въ то время, въ „конфиденціи" о политическомъ положеніи русскаго государства и въ разговорахъ съ ними любилъ проводить параллель между современными событіями и аналогичными изъ минувшихъ вѣковъ русской исторіи" [1]).

Къ концу 1730-хъ годовъ кружокъ близкихъ довѣренныхъ людей Волынскаго еще разроссся: въ немъ были чиновники разныхъ вѣдомствъ, даже архіереи, наконецъ былъ Лестокъ, имѣвшій потомъ извѣстное участіе въ восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны. Разговоры нерѣдко заходили о современныхъ лицахъ и отношеніяхъ, и разговоры очень неосторожные.

„Конфиденты Волынскаго часто собирались у него въ его домѣ на Мойкѣ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, длившихся далеко за полночь, высказывались мечты о будущемъ, сообщались разныя соображенія и планы объ улучшеніи государственныхъ порядковъ; обсуждались и осуждались разныя правительственныя мѣропріятія, дѣйствія правительственныхъ лицъ и самой императрицы.

„Въ этихъ разговорахъ дѣлалась рѣзкая характеристика пра-

[1]) Стр. 301—302.

вителей нѣмцевъ, а въ особенности Бирона и Остермана, изливалась желчь на родовитыхъ русскихъ людей, исполнявшихъ роль шутовъ при дворѣ Анны Іоанновны, и критически разсматривалась безурядица государственнаго управленія.

„— Ой, система, система!—восклицалъ Волынскій.

„— Государыня у насъ д...,—говорилъ онъ Хрущову,—и резолюціи отъ нея никакой не добьешься, и нынѣ у насъ герцогъ (Биронъ) что̀ захочетъ, то̀ и дѣлаетъ.

„— Нынѣ житье наше пришло хуже собачьяго,—жаловался Артемій Петровичъ Еропкину.

„Волынскій „желалъ перемѣны Бирону и предавалъ его суду Божію“.—„Долго ли еще Богъ потерпитъ!“ восклицаетъ онъ“ [1]).

Едва ли сомнительно, что у Волынскаго былъ планъ возвести на престолъ Елизавету Петровну.

Волынскій не зналъ иностранныхъ языковъ и его друзья переводили ему изъ Макіавеля и Юста Липсія; самъ онъ изучалъ русскую исторію, конечно, при содѣйствіи Татищева, усердно работавшаго надъ своей Россійской Исторіей.

Если эти политическіе и историческіе интересы Волынскаго, его негодованіе противъ безобразнаго положенія вещей, господствовавшаго тогда во всемъ ходѣ тогдашняго правленія, его ревность къ поднятію національнаго достоинства заслуживали сочувствія и объясняли его популярность въ потомствѣ, то должно сказать, что другія стороны его характера, поступковъ и самыхъ идеаловъ способны сильно поколебать это сочувствіе. Извѣстно, что это былъ характеръ тяжелый и необузданный: въ своихъ служебныхъ дѣлахъ онъ былъ уличаемъ во взяткахъ и казнокрадствѣ еще во времена Петра, который выражалъ свое неудовольствіе по этому случаю весьма для Волынскаго чувствительно; страшно высокомѣрный и даже жестокій съ подчиненными, онъ унижался передъ высшими, отъ кого могла зависѣть его личная карьера и, напримѣръ, какъ мы выше упоминали, былъ дѣятельнымъ участникомъ въ процессѣ противъ князя Голицына и т. д. Все это можно было бы счесть чисто личнымъ недостаткомъ, который могъ бы не мѣшать высокому значенію его основныхъ политическихъ стремленій; но дѣло въ томъ, что здѣсь была черта, которая даже въ лучшихъ обстоятельствахъ могла бы испортить его дѣло. Личное себялюбіе отражалось такимъ свойствомъ, которое неминуемо вредило бы всякому сложному плану политической дѣятельности: это было отсутствіе солидарности. Въ тѣхъ

---

[1]) Стр. 804.

условіяхъ, въ какихъ находилось русское общество, политическая цѣль, къ какой стремился Волынскій, могла быть достигнута только при извѣстномъ нравственномъ уровнѣ руководителя и при твердомъ единодушіи массы людей, которые могли бы стать ея исполнителями. Этими свойствами едва ли была обставлена дѣятельность Волынскаго. При удачѣ онъ, по всей вѣроятности, могъ бы стать только обыкновеннымъ самовластнымъ временщикомъ, какіе возбуждали къ себѣ ненависть именно тѣмъ, что на первомъ планѣ ставили свой корыстный произволъ и честолюбіе и всего меньше думали объ общемъ благѣ и справедливости.

Въ чемъ же состояли политическія идеи Волынскаго? Занимаясь политическими предметами въ кругу своихъ друзей, Волынскій, при участіи упомянутыхъ выше Соймонова, Еропкина и Хрущова, самъ составлялъ политическія разсужденія и въ особенности придавалъ значеніе своему „Генеральному проекту о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ", который онъ писалъ давно при помощи Еропкина и Хрущова. Подлинный „Генеральный проектъ" не сохранился; онъ былъ сожженъ Волынскимъ еще до его ареста и нѣкоторыя подробности его содержанія сохранились только въ слѣдственномъ дѣлѣ тайной канцеляріи, въ отрывочныхъ и неточныхъ показаніяхъ самого Волынскаго, его конфидентовъ и чиновниковъ, переписывавшихъ проектъ. Въ предисловіи къ проекту Волынскій обращался къ высшимъ русскимъ сановникамъ „какъ бы въ республикѣ" (по выраженію слѣдственнаго дѣла), хотя высказывался за самодержавную форму правленія въ Россіи и порицалъ замыслы верховниковъ объ ограниченіи самодержавія Анны Ивановны. За предисловіемъ слѣдовалъ обзоръ русской исторіи отъ Владиміра Святого до новѣйшихъ временъ, причемъ Ивана Грознаго Волынскій называлъ тираномъ, о Петрѣ и Аннѣ Ивановнѣ говорилъ кратко и „съ неудовольствіемъ". Высшими правительственными учрежденіями являлись у него кабинетъ министровъ и сенатъ.

„Правленіе въ Россійскомъ государствѣ, —говоритъ г. Корсаковъ,—по воззрѣнію Волынскаго, должно было быть монархическое съ широкимъ участіемъ въ правительствѣ шляхетства въ томъ именно смыслѣ, какъ то выражали многія шляхетскія заявленія при воцареніи Анны Іоанновны, т.-е. чтобы шляхетство не было подавлено олигархіей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ фамилій, а имѣло бы представителей отъ всего своего „корпуса", какъ тогда выражались, т.-е. всего сословія. Сенатъ являлся во главѣ высшихъ правительственныхъ учрежденій и долженъ былъ состоять изъ „фамильныхъ", родословныхъ людей; а за сенатомъ,

по всей вѣроятности, слѣдовало, какъ въ проектѣ Татищева, „нижнее правительство", состоящее также изъ представителей отъ средняго и низшаго шляхетства. Различныя отрасли государственнаго управленія должны находиться въ завѣдываніи отдѣльныхъ министровъ. Правительство на Руси должно состоять изъ русскихъ людей, потому что „отъ иноземцевъ государство всегда находится въ худомъ состояніи, отъ чего вредъ государству и государю быть можетъ". Министры должны быть, по выраженію Волынскаго, „свои природные" и притомъ изъ знатнаго шляхетства, для чего нужно посылать молодыхъ людей знатныхъ фамилій въ иностранныя западно-европейскія государства для обученія разнымъ наукамъ, въ особенности политическимъ.

„Шляхетство является первенствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Изъ него должны выходить не только высшіе государственные сановники и офицеры, но и приказные, какъ это заведено въ европейскихъ государствахъ. По примѣру этихъ же государствъ слѣдуетъ ввести шляхетство и въ духовный чинъ" [1]) и т. д.

Любопытно, что эти мысли о желательномъ политическомъ значеніи шляхетства были навѣяны примѣромъ польскимъ. „Возрѣнія Волынскаго на значеніе сената,—говоритъ г. Корсаковъ,—сложились подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ". „Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ,—говаривалъ онъ не разъ своимъ конфидентамъ,—ни на что не смотрятъ, все имъ даромъ! Польскому шляхтичу не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся". Онъ думалъ преобразовать сенатъ по примѣру высшихъ представительныхъ учрежденій Польши и Швеціи и, по словамъ обвинительнаго акта, въ главѣ о сенатѣ написалъ „многія острыя (т.-е. рѣзкія) рѣчи о несамодержавіи въ Польшѣ и въ Швеціи и другія излишества".

Къ сожалѣнію, благія пожеланія Волынскаго къ установленію извѣстныхъ политическихъ правъ, хотя бы для одного верхняго слоя общества, подкапывались самимъ даннымъ положеніемъ шляхетскаго сословія. Очевидно, что эти пожеланія могли бы быть выполнены только путемъ политической борьбы или настойчивыхъ домогательствъ, для которыхъ нужна была бы прежде всего извѣстная солидарность сословія; но ея не было до такой степени, что самъ авторъ „Генеральнаго проекта", партизанъ родословнаго шляхетства и ненавистникъ нѣмцевъ, не усомнился принять дѣятельную роль въ процессѣ князя Голицына въ угоду этимъ самымъ нѣмцамъ и въ еще большее подкрѣпленіе ихъ господства.

---

[1]) Стр. 309—310.

Нашъ историкъ полагаетъ, что сомнительные пути, которыми Волынскій создавалъ свое положеніе у кормила правленія, должны были служить для иной высокой цѣли. ...„Излукавившійся царедворецъ преслѣдовалъ не однѣ только внѣшнія цѣли почестей и отличія. Всѣ неблаговидныя средства для личнаго возвышенія были лишь орудіемъ для серьезной политической борьбы, которую онъ предпринималъ, „перелетѣвъ чрезъ великій порогъ" (т.-е. вступивъ въ кабинетъ министровъ). Въ душѣ онъ презиралъ тѣхъ людей, передъ которыми преклонялся и которымъ угождалъ; его богатая фантазія увлекала его далеко въ мечтахъ о политическомъ благѣ Россіи. „Онъ мнилъ спасти страну родную",—какъ выразился о немъ его поэтъ-панегиристъ, и горделиво услаждался мыслію о томъ значеніи, какое будетъ имѣть онъ, Волынскій, и среди современниковъ, и у потомства, онъ—творецъ ея лучшаго будущаго" [1]).

То отсутствіе солидарности, вслѣдствіе котораго Волынскій *вмѣстѣ* съ „нѣмцами" явился губителемъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей своей же братьи, этого самаго „шляхетства", было впередъ дурнымъ предзнаменованіемъ для „лучшаго будущаго", если бы оно могло состояться. Не говоря о томъ, что это отсутствіе солидарности обѣщало бы въ самомъ Волынскомъ, вмѣстѣ съ другими проявленіями его характера, деспотическаго честолюбца, оно было неблагопріятнымъ свидѣтельствомъ вообще объ отсутствіи этого чувства солидарности въ цѣломъ сословіи. Этого чувства въ самомъ дѣлѣ не было—въ томъ направленіи, какого желалъ Волынскій. Шляхетство дорожило своими выгодными привилегіями, несло нерѣдко весьма усердно свою службу, но едва ли мечтало о какой-либо политической иниціативѣ; въ громадномъ большинствѣ оно безъ сомнѣнія не развилось до самой мысли о возможности такой иниціативы. Идеи „Генеральнаго проекта", еслибы даже разъ осуществились, могли бы при первомъ удобномъ случаѣ потерпѣть такую же неудачу, какъ планы верховниковъ: „представительство" не могло быть прочно безъ извѣстнаго политическаго сознанія, которое, однако, ничѣмъ не было раньше воспитано въ смыслѣ подобной политической самостоятельности. Положеніе дѣла весьма характеризуется тѣмъ, что реформаторы, какъ князь Голицынъ и Волынскій, не находятъ другого средства къ достиженію желаемой цѣли, какъ перенесеніе къ намъ готовыхъ *чужихъ* порядковъ,—ими увлекается даже кн. Голицынъ, котораго изображаютъ именно какъ охранителя

[1]) Стр. 300.

московской старины. Очевидно, что въ смыслѣ политическаго воспитанія положеніе сословія было безпомощное. Увлеченіе именно польскими порядками (у Волынскаго) опять обѣщало очень мало добра: исполненіе „Генеральнаго проекта" въ польскомъ направленіи повлекло бы, если бы было осуществимо, только къ еще большему порабощенію народной массы, которое не могло бы быть благомъ для государства; но исполненіе и не было осуществимо. Долго спустя, при Екатеринѣ II, расширеніе правъ нашего шляхетства, какъ извѣстно, не увеличило его политическаго значенія: оно не умѣло воспользоваться тѣми правами, какія были ему предоставлены.

Къ положенію „шляхетства" въ прошломъ столѣтіи мы еще возвратимся.

Названные реформаторы, какъ мы видѣли, не были совсѣмъ одиноки. И у кн. Голицына, и еще больше у Волынскаго, были друзья, раздѣлявшіе ихъ мысли и стремленія; но во всякомъ случаѣ это были только тѣсные кружки, весьма незначительное меньшинство шляхетства. Ихъ приступы къ политическому вопросу были, очевидно, первыми опытами политическаго образованія и самосознанія. За отсутствіемъ всякой возможности практической постановки политическаго вопроса, хотя бы въ самомъ скромномъ объемѣ, оставалось его изученіе теоретическое, книжное, и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны извѣстія, сохранившіяся о библіотекѣ князя Голицына. Выше мы приводили указаніе, что его библіотека, заключавшая и старыя русскія рукописи и множество русскихъ переводовъ замѣчательнѣйшихъ европейскихъ писателей XVI и XVII вѣка, достигала до 6.000 томовъ [1]). Это былъ съ одной стороны одинъ изъ первыхъ примѣ-

[1]) При Петрѣ, Голицынъ былъ, между прочимъ, губернаторомъ въ Кіевѣ. „Все, что было интеллигентнаго въ Кіевѣ и Малороссіи вообще,—говоритъ г. Корсаковъ,—группировалось около просвѣщеннаго губернатора. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями малорусскаго духовенства, сохранивъ со многими изъ нихъ тѣ же отношенія и по отъѣздѣ изъ Кіева. Онъ былъ въ тѣсномъ общеніи съ кіевскою академіею, и вокругъ него группировалась цѣлая школа переводчиковъ изъ студентовъ академіи. Они переводили ему съ языковъ латинскаго и польскаго политическія и историческія сочиненія. Эти переводы послужили основаніемъ его „Архангельской библіотеки" (стр. 229).

Г. Корсаковъ упоминаетъ дальше: „Извѣстный любитель и знатокъ русской старины, графъ Ѳ. А. Толстой, купилъ случайные клочки этой библіотеки, до 200 томовъ, послѣ московскаго пожара 1812 года. Толстовское собраніе, пріобрѣтенное М. П. Погодинымъ, перешло со временемъ въ Императорскую Публичную библіотеку и, такимъ образомъ, хотя незначительная часть библіотеки Д. М. Голицына стала достояніемъ государственнаго книгохранилища" (стр. 265—266). Это не точно: Толстовское собраніе вовсе не было въ рукахъ Погодина и прямо перешло въ Публичную Библіотеку, въ томъ числѣ и книги изъ Архангельской библіотеки князя Голицына.

ровъ собиранія нашей письменной старины, съ другой—одинъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ развитія новыхъ научныхъ интересовъ въ обществѣ Петровскаго времени. Естественно предположить, что библіотека служила не одному Голицыну, а также, что были въ то время и другіе любители этой новой, особливо политической литературы. Между прочимъ, въ теченіе процесса, князя Голицына допрашивали и объ его библіотекѣ. Князь Голицынъ говорилъ: „Я собиралъ, покупалъ и списывалъ книги, которыя и дѣтямъ роздалъ, а какія именно, порознь сказать не упомню... И въ прошлыхъ годахъ, государь Петръ первый, императоръ, изволилъ смотрѣть изъ нихъ и взялъ къ себѣ нѣкоторыя"; онъ указывалъ также, что нѣкоторыя книги, именно рукописные переводы Макіавеля и Боккалини, онъ взялъ у покойнаго адмирала Апраксина и Петра Андр. Толстого [1]). На эти двѣ книги особенное вниманіе „генеральнаго собранія", которое судило Голицына, обратилъ извѣстный А. И. Ушаковъ. Понятно, что ни Макіавель, ни Боккалини (итальянскій писатель конца XVI-го и начала XVII-го вѣка, авторъ политическихъ сатиръ, весьма распространенныхъ въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія) не имѣли никакого ближайшаго отношенія къ Россіи, но политическая подозрительность уже съ этого времени начинаетъ распространяться на книги. Эти самыя сочиненія Макіавеля и Боккалини читались тогда же въ пріятельскомъ кругѣ Волынскаго и по поводу одной бумаги Волынскаго императрица Анна выражалась, что онъ „знатно взялъ то изъ книги Макіавелевой" [2]). Самъ Волынскій не зналъ иностранныхъ языковъ, но какъ у него, такъ и у его друзей, были библіотеки такого же состава, какъ у князя Д. М. Голицына.

Возвращаемся къ тогдашнему положенію нашего шляхетства. Любопытные эпизоды къ его исторіи приведены нашимъ историкомъ въ упомянутыхъ разсказахъ о родѣ Кудрявцевыхъ. Одинъ изъ нихъ, Никита Алферовичъ, былъ при Петрѣ вице-губернаторомъ въ Казани и, кромѣ того, спеціально завѣдывалъ корабельными лѣсами и кораблестроеніемъ. Если провинціальные правители тѣхъ временъ по примѣру своихъ предшественниковъ, московскихъ воеводъ, нерѣдко отличались произволомъ и грабительствомъ, то и въ мѣстномъ шляхетствѣ находилось не мало людей, съ которыми администрація не знала что̀ дѣлать—такъ они буйствовали и грабили. На одного изъ такихъ жалуется Кудрявцевъ

[1]) Стр. 256.

[2]) Стр. 302—303, 319.

въ письмѣ къ самому Петру: „Прошу милосердія на сумасброднаго, стараго Молоствова, — пишетъ Кудрявцевъ:—ѣздитъ по деревнямъ татарскимъ и, сбирая татаръ, сказываетъ имъ, что онъ присланъ отъ вашего царскаго величества съ полнымъ указомъ уставить въ мірѣ правду и волю, имѣетъ казнить и вѣшать, какъ и прежде вѣшалъ, такъ и нынѣ можетъ дѣлать самовластно, никого не боясь, и внушаетъ имъ, что отъ податей государство все разорилось; разсказываетъ, какъ древнія государства разорялись и пропали, и наше также разорилось и пропадаетъ" и пр. Въ концѣ концовъ Молоствовъ собирался казнить передъ татарами самого Кудрявцева [1]). Изъ мѣстной исторіи г. Корсаковъ приводитъ разсказы объ одномъ помѣщикѣ казанскаго края—Нармацкомъ (или Нормантскомъ), который довелъ самодурство до правильнаго разбоя.

„Вслѣдъ за прибытіемъ въ Шуранъ (помѣстье въ казанскомъ краѣ), въ 50-хъ годахъ XVIII-го вѣка,—разсказываетъ г. Корсаковъ,—Нармацкій отдалъ приказъ по селу, чтобы не пропускать по Камѣ ни одного паруснаго и гребного судна съ товарами—лѣтомъ, ни одного обоза зимою, безъ принудительнаго взиманія платы за проѣздъ въ пользу шуранскаго помѣщика. Изъ оконъ своего дома онъ лично наблюдалъ за аккуратнымъ взысканіемъ этого произвольнаго налога, который взимался и деньгами, и натурой, и мало-по-малу перешелъ въ открытый грабежъ: изъ своей многочисленной дворни Нармацкій образовалъ отрядъ вооруженныхъ людей, по-просту шайку грабителей, отнимавшихъ деньги и товары насильно у тѣхъ судовщиковъ и обозниковъ, которые отказывались отдавать то и другое добровольно; при этомъ иной разъ дѣло не обходилось безъ взаимныхъ дракъ и даже убійствъ. Такіе поступки шуранскаго барина не только не вызывали протеста со стороны обитателей села Шуранъ, но даже находили въ нихъ одобреніе и сочувствіе,—не потому, что крѣпостные должны были безпрекословно исполнять волю своего барина, а потому, что шуранское населеніе имѣло готовую почву для такихъ поступковъ: Шуранъ издавна заселенъ бѣглыми и всякими подозрительными людьми, а Андрей Петровичъ Нармацкій еще увеличивалъ этотъ элементъ въ своей резиденціи, привлекая въ нее всякій темный сбродъ разными льготами, а въ особенности легкой наживой посредствомъ грабежа. Барину не замедлили подражать добровольцы изъ шуранскихъ дворовыхъ и крестьянъ, и вскорѣ Шуранъ развился въ организованное разбойничье гнѣздо, мимо котораго „не было ни проходу, ни проѣзду", по выраже-

[1]) Стр. 27. Письмо приведено у Соловьева, Ист. Россіи, т. XVI, стр. 300.

нію одного современника. Впрочемъ, жалобы на насилія Нармацкаго и его альгвазиловъ не шли далѣе лаишевской воеводской канцеляріи, которая сама сильно трусила шуранскаго барина, нерѣдко учившаго ее по своему уму-разуму: Андрей Петровичъ производилъ періодическіе набѣги, „конно" и „оружно", на сіе присутственное мѣсто и просто-на-просто разгонялъ подьячихъ и сжигалъ компрометирующія его бумаги" [1]).

Наконецъ однако и его подвиги кончились. Онъ попалъ подъ судъ по доносу сосѣднихъ помѣщиковъ, у которыхъ онъ сманивалъ крестьянъ въ свою шайку. Былъ у него пріятель, владѣвшій имѣніями по сосѣдству, камердинеръ императрицы Екатерины, Сахаровъ, но и его хлопоты не помогли; Нармацкій былъ посаженъ въ тюрьму, въ 1773 году сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ онъ кончилъ жизнь фатальнымъ образомъ,—по преданію онъ былъ утопленъ въ Иртышѣ по приказанію всесильнаго тобольскаго правителя, губернатора Чичерина, на котораго онъ послалъ доносъ, перехваченный Чичеринымъ; опять черта тогдашнихъ административныхъ и шляхетскихъ нравовъ.

Сынъ этого самодура, дошедшаго до разбойничества, отличался совсѣмъ инымъ характеромъ—опять во вкусѣ XVIII-го столѣтія. Этотъ Нармацкій, Петръ, учился въ только-что основанной тогда казанской гимназіи, гдѣ кончилъ курсъ вмѣстѣ съ Державинымъ. Поступивъ по обыкновенію въ военную службу, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ и поселился въ наслѣдственномъ Шуранѣ; не занимаясь хозяйствомъ, онъ поручилъ управленіе имѣніемъ своей теткѣ, княгинѣ Болховской, которая отличалась жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами и по преданію кончила тѣмъ, что была ими убита.

„Петръ Андреевичъ Нармацкій, — разсказываетъ г. Корсаковъ, — отличался необыкновенно тихимъ нравомъ и, имѣя чувствительное сердце, былъ проникнутъ религіозностью, переходившей въ мистицизмъ; онъ зачитывался масонскими и мистическими книгами и любилъ размышлять о суетѣ міра сего: быть можетъ, совѣсть его удручалась поведеніемъ его отца. Любилъ онъ также строить церкви, особенно обращая вниманіе на музыкальность звона церковныхъ колоколовъ. Нѣсколько церквей въ Казани построено имъ, а народъ до сихъ поръ считаетъ „весь колокольный звонъ отъ Шурана до Казани", т.-е. колокола во всѣхъ церквахъ въ селахъ по этому направленію, сооруженнымъ Петромъ Андреевичемъ Нармацкимъ. Но не только построеніемъ церквей и колокольнымъ звономъ былъ онъ занятъ: его религіоз-

[1]) Стр. 58—59.

ныя вѣрованія не могли удовлетворяться одной внѣшней, обрядовой стороной. Петръ Андреевичъ возмущался помѣщичьимъ произволомъ надъ крѣпостными крестьянами, скорбѣлъ за нихъ душою, объяснялъ имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными и мечталъ объ освобожденіи своихъ собственныхъ крестьянъ. Весьма естественно, что такое „умоначертаніе", какъ выражались въ XVIII вѣкѣ, Петра Андреевича Нармацкаго, не только не могло найти сочувствія среди казанскаго дворянства того времени, но почиталось имъ за болѣе вредное, чѣмъ всѣ самодурства и преступленія его отца. Дворяне казанской провинціи подали прошеніе императрицѣ Екатеринѣ II о „сумасбродныхъ" намѣреніяхъ Нармацкаго. Петръ Андреевичъ Нармацкій, по высочайшему повелѣнію, былъ вытребованъ въ Нижній-Новгородъ, какъ нѣсколько лѣтъ до того его отецъ въ Москву. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны подробности слѣдствія и суда надъ Нармацкимъ. Извѣстно только, что Петръ Андреевичъ былъ признанъ сумасшедшимъ и оставленъ на жительствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ и умеръ—но когда неизвѣстно" [1]).

На дѣлѣ Нармацкій могъ вовсе не быть сумасшедшимъ, но онъ со своими идеями о христіанской любви къ ближнему, въ примѣненіи къ крестьянству, долженъ былъ казаться сумасшедшимъ въ эпоху сильнѣйшаго развитія крѣпостного права, и то шляхетство, которому Волынскій хотѣлъ отдать все правленіе, само возстало противъ „сумасбродныхъ" идей Нармацкаго и очевидно, что при такомъ правленіи крѣпостное право продолжалось бы въ нашей жизни гораздо дольше.

Двѣ крайности, какія мы видѣли въ приведенныхъ примѣрахъ, во всякомъ случаѣ рисуютъ весьма первобытную ступень политическаго сознанія или, вѣрнѣе, его полное отсутствіе. Самоуправцы въ родѣ Нармацкаго, какъ извѣстно, были вовсе не рѣдкостью въ XVIII и даже XIX вѣкѣ: ни малѣйшаго представленія о гражданскомъ порядкѣ, одно грубое пользованіе существующей властью надъ крѣпостными и такое злоупотребленіе ею, что терялась даже мысль о возможности законной кары. Съ другой стороны пробужденіе человѣческаго чувства, между прочимъ выражавшееся тогда успѣхомъ масонскихъ ученій, очевидно, не имѣло пока никакой твердой почвы, бросалось въ глаза, какъ подозрительное исключеніе, вызывало или насмѣшки, или доносы и преслѣдованія. За весь XVIII вѣкъ мы не встрѣчаемъ въ шляхетствѣ иного интереса, кромѣ обязательной службы (которая и послѣ уничтоженія обязательности была средствомъ для карьеры) и ревниваго охра-

[1]) Стр. 61—62.

венія крѣпостного права. Правда, въ силу своего матеріальнаго положенія и по служебнымъ надобностямъ дворянство было и наиболѣе образованнымъ классомъ, но стремленія князя Голицына и Волынскаго все-таки представляются не столько истинно государственными, сколько сословными. То обстоятельство, что образчиковъ предположеннаго ими правленія они искали въ Швеціи и Польшѣ, указывало само по себѣ, что въ русской жизни и въ частности въ отношеніяхъ самого шляхетства они не находили элементовъ для своихъ политическихъ построеній. Замѣчательно при этомъ, что даже у князя Голицына, этого представителя московской старины, дорожившаго его преданіями, повидимому не являлось мысли о тѣхъ политическихъ началахъ, о какихъ могла бы напомнить эта старина—о земскихъ соборахъ. Эта группа людей, еще близкихъ къ московскимъ временамъ, любившихъ изучать старину, собиравшихъ лѣтописи и хронографы, начинавшихъ впервые русскую исторіографію (какъ другъ Волынскаго Татищевъ), — эта группа, далеко не оторвавшаяся отъ старины въ такой степени, какъ это случалось потомъ, въ своихъ политическихъ мечтаніяхъ и идеалахъ тѣмъ не менѣе обращалась не къ старинѣ, а къ иностранной политической литературѣ, къ Макіавелю и Юсту Липсію, къ примѣрамъ Польши и Швеціи, — и дѣйствительно, здѣсь эти люди находили опредѣленную систему политическихъ взглядовъ, теоріи о правахъ личныхъ и общественныхъ, отвѣчавшія пробуждавшемуся политическому сознанію. Старина могла доставить имъ только поводъ и матеріалъ къ благочестивому нравоученію, какъ обыкновенно бываетъ съ „добрыми старыми временами“: они ссылались на старину, проповѣдуя о простотѣ патріархальныхъ нравовъ.

Мы остановились только на нѣсколькихъ эпизодахъ изъ книги г. Корсакова; но кромѣ разсказовъ о князѣ Дмитріи Михайловичѣ Голицынѣ и Волынскомъ и разсказовъ изъ исторіи казанскихъ фамилій, читатель, какъ упомянуто выше, найдетъ здѣсь еще цѣлый рядъ эпизодовъ изъ исторіи прошлаго вѣка, изложеніе которыхъ между прочимъ получаетъ особенный интересъ потому, что авторъ воспользовался также нѣкоторыми архивными, еще неизданными матеріалами. Обширная начитанность въ источникахъ и въ новѣйшей исторической литературѣ, здравая критика, простота и наглядность изложенія составляютъ вообще цѣнное качество историческихъ трудовъ г. Корсакова и настоящая книга, доставляя не мало важныхъ указаній и матеріала для исторической науки, можетъ также дать интересное чтеніе для любителей исторіи.

А. Пыпинъ.

Ка
Лѣс
Бла
Съ
Въ
Зам
И
Вле
И
Всѣ
Как
Вдр
Въ
А
Как
Въ

„УЧЕНІЕ ИСТИНЫ“

и

ПРАКТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведенія последнихъ годовъ. Изданіе первое. Москва, 1891.

Идеи графа Л. Н. Толстого, какъ моралиста и проповѣдника, нашли уже не мало истолкователей не только у насъ, но и за границей. И тѣмъ не менѣе существенныя черты его ученія остаются неясными и противорѣчивыми. Главный интересъ новѣйшихъ произведеній нашего знаменитаго писателя заключается, конечно, не въ томъ или иномъ практическомъ рѣшеніи обсуждаемыхъ имъ проблемъ, а въ самомъ возбужденіи вопросовъ высшей морали, при оцѣнкѣ современнаго общественнаго быта. Поднимать извѣстные принципіальные вопросы, слишкомъ часто забываемые и имѣющіе однако первостепенную важность для всей нашей жизни,—это уже само по себѣ заслуга со стороны писателя, обладающаго столь значительнымъ вліяніемъ на умы, какъ гр. Толстой. Силою своего таланта и авторитета онъ заставляетъ людей задумываться надъ предметами, которые обыкновенно обращаютъ на себя мало вниманія; онъ будитъ спящую совѣсть, раскрываетъ общественные недуги, бичуетъ лживыя и условныя формы общежитія. Онъ ставитъ задачи не для того, чтобы рѣшить ихъ; по крайней мѣрѣ его рѣшенія никогда не даютъ прямого отвѣта на возбужденные вопросы, а только обходятъ ихъ, при помощи краснорѣчивыхъ пріемовъ художественнаго творчества.

Разсужденія графа Л. Н. Толстого, вошедшія въ тринадцатую часть его сочиненій, могутъ быть раздѣлены на три группы: одни входятъ всецѣло въ область отвлеченной философіи, какъ напр. главы о жизни и смерти, о любви и страданіяхъ (изъ книги „о жизни“); другія касаются тѣхъ практическихъ путей, которыхъ надо держаться людямъ для улучшенія своего матеріальнаго и нравственнаго существованія (о ручномъ трудѣ и умственной дѣятельности, о трудолюбіи или торжествѣ земледѣльца, о вредѣ пьянства и куренія); третьи имѣютъ своимъ предметомъ положеніе женщины въ семьѣ и отношеніе къ ней мужчины („Крейцерова соната“ и „Послѣсловіе“).

Прежде всего, въ философскихъ разсужденіяхъ автора бросается въ глаза одна особенность, не встрѣчающаяся у другихъ мыслителей: онъ говоритъ о наукѣ, какъ о чемъ-то противоположномъ истинѣ, и противопоставляетъ „ученія міра“ дѣйствительному знанію, которое достигается какимъ-то другимъ способомъ, помимо науки. Съ одной стороны, существуютъ „ложныя ученія міра“, разработываемыя спеціалистами по разнымъ отраслямъ знанія, а съ другой — „ученіе истины“, излагаемое гр. Львомъ Толстымъ и доступное всякому человѣку, безъ особой подготовки. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что авторъ обладаетъ истиною, пока онъ опирается на тексты священнаго писанія; но откуда берется и на чемъ основывается „ученіе истины“, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о вопросахъ практической медицины, объ условіяхъ правильнаго развитія человѣческаго организма, о вредѣ или пользѣ извѣстныхъ привычекъ для здоровья? Казалось бы, что по этимъ предметамъ нельзя имѣть точныхъ свѣденій помимо науки; а между тѣмъ графъ Л. Н. Толстой не признаетъ медицинскихъ наукъ и предлагаетъ свои собственныя „истины“ о нормальныхъ физіологическихъ отправленіяхъ человѣка. Онъ презрительно отзывается о „ложной наукѣ, называемой медициною“ (стр. 373); но вѣдь нѣтъ другой, болѣе истинной науки, которую можно было бы поставить на ея мѣсто. Съ точки зрѣнія автора, личные взгляды, выдаваемые за „ученіе истины“, должны имѣть преимущество передъ результатами положительныхъ изслѣдованій, наблюденій и опытовъ. Наука будто бы не замѣчаетъ того, что̀ понятно каждому; она будто бы отвѣтственна за поведеніе людей, не соблюдающихъ правилъ воздержанія въ извѣстныхъ случаяхъ. „Наука, — говоритъ Позднышевъ въ „Крейцеровой сонатѣ“, — дошла до того, что нашла какихъ-то лейкоцитовъ, которые бѣгаютъ въ крови, и *всякія ненужныя глупости*, а этого не могла понять“ (стр. 305). А онъ, Позднышевъ, знаетъ поло-

жительно, что изученіе состава крови и свойствъ бѣгающихъ въ ней лейкоцитовъ вовсе не нужно для науки; мало того, онъ знаетъ и понимаетъ то, чего наука „не могла понять". Къ сожалѣнію, этотъ источникъ знанія, закрытый для ученыхъ изслѣдователей и легко доступный такимъ малознающимъ людямъ, какъ Позднышевъ, не указанъ авторомъ въ точности и остается поэтому тайною для читателя. Графъ Л. Н. Толстой разсуждаетъ подробно о вредномъ вліяніи табаку и вина на мозгъ; но могъ ли онъ при этомъ обойтись безъ содѣйствія „ложной науки, называемой медициною"? По его словамъ, „постоянное и равномѣрное употребленіе одуряющихъ веществъ производитъ то же физіологическое дѣйствіе, какъ и одновременное неумѣренное", ибо „одурманивающія вещества дѣйствуютъ физіологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потомъ притупляя дѣятельность мозга, будутъ ли они приняты въ большихъ или малыхъ пріемахъ" (стр. 245). Быть можетъ, эти положенія вѣрны; возможно также, что они ошибочны,—но во всякомъ случаѣ они могли быть даны только „ложною наукою міра". Или, напримѣръ, въ числѣ полезныхъ дѣлъ, которыя мы можемъ совершать для другихъ, упоминается перевязка ранъ (стр. 3); но чтобы „перевязать рану", надо прежде всего знать, какъ это дѣлать съ пользою для паціента, а для этого приходится по неволѣ руководствоваться указаніями „ложной науки, называемой медициною". Такъ какъ мы не имѣемъ другой болѣе истинной науки, чѣмъ существующая нынѣ, и такъ какъ самъ графъ Л. Н. Толстой заимствуетъ изъ нея весь положительный матеріалъ для своихъ разсужденій, то его нападки на современную „ложную науку" естественно вызываютъ недоумѣніе.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о всеобщей обязательности ручного труда, авторъ устраняетъ возможный упрекъ въ отрицаніи науки. „Истинныя науки и искусства,—замѣчаетъ онъ,—всегда существовали и всегда будутъ существовать, какъ и всѣ другія отрасли человѣческой дѣятельности, и невозможно и безполезно отрицать или защищать ихъ" (стр. 5). Но истинность науки ставится здѣсь въ зависимость не отъ ея содержанія и метода, а отъ совершенно посторонняго обстоятельства—отъ образа жизни ученыхъ. Если человѣкъ живетъ трудомъ своихъ рукъ и посвящаетъ наукѣ часы досуга и отдыха, то онъ произведетъ въ своей области нужное людямъ. „Тотъ же, кто отдѣлывается отъ общечеловѣческой нравственной обязанности (т.-е. отъ физическаго труда) и подъ предлогомъ особаго влеченія къ наукѣ и искусству устроиваетъ себѣ жизнь дармоѣда—такой человѣкъ произведетъ только ложную науку и ложное искусство. Плоды истинной

науки и истиннаго искусства суть плоды жертвы, а не плоды извѣстныхъ матеріальныхъ преимуществъ" (стр. 4). Очевидно, достоинства наукъ опредѣляются вовсе не тѣмъ, какъ устроиваютъ свою жизнь ученые дѣятели; добродѣтельные работники, удѣляющіе часть своего времени научнымъ занятіямъ, могли бы создать весьма плохую науку, а такіе люди, какъ Пастёръ, приносятъ наибольше пользы человѣчеству, когда они имѣютъ возможность посвятить себя всецѣло научнымъ изслѣдованіямъ, безъ постоянныхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ. Для того, чтобы наука была истинною, требуется еще, по мнѣнію автора, другое условіе: она должна указывать людямъ, какъ жить, дѣлая какъ можно меньше зла и какъ можно больше добра. Между тѣмъ этому-то самому главному не учитъ наука; поэтому „то, что̀ въ нашемъ обществѣ называютъ наукою и искусствомъ, есть только огромный мыльный пузырь, суевѣріе, въ которое мы обыкновенно впадаемъ, какъ только освобождаемся отъ другихъ суевѣрій" (стр. 8). Но учить людей добру можетъ только одна наука—этика, которая и должна быть поставлена такъ, чтобы успѣшно исполнять свое назначеніе въ общей системѣ образованія. Мы не говоримъ уже о религіи, имѣющей такую же задачу на почвѣ вѣры. Если этика не занимаетъ подобающаго ей мѣста въ ряду наукъ, а религія сама по себѣ недостаточно вліяетъ на нравственное развитіе людей, то странно нападать изъ-за этого на другія науки, которыя по своему содержанію не имѣютъ ничего общаго съ вопросами практической морали. Почему физіологія или химія становится „ложной наукою", при слабости или несостоятельности этики? Чѣмъ виноваты положительныя науки, если религіозное вѣроученіе разработывается въ духѣ схоластики и не научаетъ людей, какъ жить по-христіански?

Можно было бы думать, что ошибочность отдѣльныхъ теорій или взглядовъ, излагаемыхъ учеными людьми, и даже практическая недобросовѣстность отдѣльныхъ представителей науки (напр., въ медицинѣ) дѣлаютъ всю науку ложною, по мнѣнію графа Л. Н. Толстого. Но мы не рѣшаемся приписывать автору такое странное смѣшеніе понятій, хотя нѣкоторыя его замѣчанія даютъ къ тому достаточный поводъ. Подъ наукою принято разумѣть всю область человѣческаго знанія; никакія ученія не принимаются въ ней на вѣру, и ложь не можетъ держаться долго, подвергаясь анализу и провѣркѣ; заблужденіе уступаетъ мѣсто истинѣ, и господство всегда принадлежитъ тому, что̀ имѣетъ за себя наибольше доказательствъ при данномъ уровнѣ знаній. Всѣ способы, какими располагаетъ человѣческій умъ для достиженія истины, дѣйствуютъ

и примѣняются въ наукѣ, и если дальнѣйшія усилія изслѣдователей открываютъ въ ней ошибки и заблужденія, то таковъ ужъ человѣческій умъ: errare humanum est. Отъ этого общаго удѣла не избавленъ, конечно, и графъ Л. Н. Толстой, хотя онъ увѣренъ теперь, что нынѣшніе взгляды его составляютъ „ученіе истины". Когда ему указано было съ разныхъ сторонъ на сбивчивость и неосновательность его разсужденій о наукѣ, то эти указанія приняты были его поклонниками за защиту науки, которая будто бы боится за свое существованіе въ виду грозныхъ ударовъ нашего славнаго романиста. И что̀ удивительнѣе всего, самъ гр. Л. Н. Толстой не отклонилъ этого забавнаго толкованія отзывовъ критики. „Но что за странное дѣло,—говоритъ онъ въ „письмѣ къ французу",—защищать пользу полезнаго? Неужели могутъ быть такіе безумные люди, которые бы отрицали полезность того, что̀ полезно? И неужели есть еще болѣе смѣшные люди, которые считаютъ своею обязанностью отстаивать полезность полезнаго? Есть рабочіе ремесленники, есть рабочіе земледѣльцы. Никто никогда не рѣшался отрицать ихъ полезность. И никогда работникъ не станетъ доказывать полезность своего труда. Онъ производитъ, и его продуктъ необходимъ и есть добро для другихъ. Имъ пользуются, и никто не сомнѣвается въ его полезности. И тѣмъ болѣе никто ее не доказываетъ. Работники искусства и науки въ томъ же положеніи. Почему же находятся люди, которые силятся доказать ихъ полезность? Причина та, что истинные труженики науки и искусства, не обезпечиваютъ себѣ никакихъ правъ; они даютъ произведенія своихъ трудовъ, эти произведенія полезны, и они не нуждаются въ правахъ и ихъ утвержденіи. Но огромное большинство тѣхъ, кто считаютъ себя учеными и художниками, очень хорошо знаютъ, что то, что̀ они производятъ, не стоитъ того, что̀ они потребляютъ. И они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы доказать, что ихъ дѣятельность необходима для блага человѣчества" (стр. 5). Другими словами, многіе ученые злоупотребляютъ именемъ науки и живутъ на счетъ общества, не давая ему ничего взамѣнъ; но изъ этого факта можно сдѣлать только одинъ выводъ, что такихъ неудачныхъ дѣятелей надо устранить и что вопросъ о полезности или безполезности научныхъ работъ долженъ рѣшаться компетентными судьями, а не легковѣрными профанами. То, что̀ незнающему человѣку покажется ненужною глупостью, какъ напр. изученіе свойствъ лейкоцитовъ въ крови или изслѣдованіе какихъ-нибудь бациллъ, можетъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія для людей, произвести поворотъ въ способахъ предупреж-

денія и леченія многихъ болѣзней; и при оцѣнкѣ подобныхъ работъ было бы, разумѣется, безразсудно примѣнять ту же грубую мѣрку непосредственной полезности, какъ при оцѣнкѣ труда сапожника или портного. Можно предлагать какой угодно способъ существованія для ученыхъ; но истинность и полезность науки тутъ рѣшительно ни при чемъ. Что касается матеріальнаго обезпеченія, на которое намекаетъ авторъ, то оно дается вовсе не ученымъ вообще, а только тѣмъ изъ нихъ, на которыхъ возложены какіе-либо спеціальные труды и обязанности, напр. трудъ преподаванія науки въ учебныхъ заведеніяхъ,—точно также какъ и ремесленникъ получаетъ извѣстныя права и матеріальныя преимущества, если онъ приставленъ къ какому-нибудь общеполезному дѣлу или обучаетъ людей ремесламъ въ профессіональной школѣ. Сравнительно скромное матеріальное вознагражденіе, выпадающее на долю ученыхъ дѣятелей, почему-то наиболѣе безпокоитъ нѣкоторыхъ нашихъ реформаторовъ, какъ будто оно особенно бросается въ глаза среди многихъ крупныхъ несправедливостей, окружающихъ нашу жизнь. Этотъ жалкій вопросъ о вознагражденіи и правахъ людей, отдающихъ свое время общественной службѣ въ качествѣ ученыхъ спеціалистовъ, не имѣетъ въ сущности ни малѣйшей связи съ вопросомъ о ложной и истинной наукѣ. Если дѣло идетъ о матеріальныхъ и общественныхъ привилегіяхъ, даже о злоупотребленіяхъ и шарлатанствѣ отдѣльныхъ ученыхъ, то нужно говорить объ этомъ прямо, а не подъ видомъ философскаго разсужденія о полезности или ложности науки вообще.

Мысли графа Л. Н. Толстого о „ложной наукѣ міра", о „ненужныхъ глупостяхъ", которыми занимаются ученые, и объ общедоступной простотѣ того знанія, которое дается его „ученіемъ истины", могли легко найти горячихъ послѣдователей въ той части общества, гдѣ еще слабо чувствуется потребность въ научномъ образованіи; эти мысли могли быть поняты на практикѣ въ смыслѣ поощренія простого невѣжества, чего, конечно, не имѣлъ въ виду самъ авторъ. Самодовольный обскурантизмъ, который и безъ того составляетъ главное зло нашей жизни, получилъ теперь возможность прикрываться громкими словами, опираясь на авторитетъ знаменитаго писателя. Хорошую сторону его ученія—принципъ любви къ людямъ—усвоятъ весьма немногіе, а правило о томъ, что не надо заниматься науками, можетъ быть каждымъ принято къ немедленному руководству и исполненію.

Философская часть „ученія истины" отличается большою темнотою. Человѣкъ долженъ употребить свой разумъ на пониманіе

жизни, а „чтобы познать истинный смыслъ жизни, не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ знаній; нужно имѣть только одно отрицательное качество: нужно не имѣть предразсудковъ. Нужно придти въ состояніе ребенка или Декарта. Нужно сказать себѣ: я ничего не знаю, я не хочу ничего болѣе, какъ только познать истинный смыслъ жизни, той жизни, которую я долженъ прожить. И отвѣтъ данъ съ древнѣйшихъ временъ, и отвѣтъ этотъ ясенъ и простъ“ (стр. 9). А именно: нужно отречься отъ благъ животной личности и проникнуться чувствомъ самоотверженной любви къ другимъ; тогда нѣтъ смерти и страданій. „Основное свойство человѣка болѣе или менѣе любить одно, а не любить другое, не происходитъ отъ пространственныхъ и временныхъ условій; но, напротивъ, пространственныя и временныя условія дѣйствуютъ или не дѣйствуютъ на человѣка только потому, что человѣкъ, входя въ міръ, уже имѣетъ весьма опредѣленное свойство любить одно и не любить другое... То, что̀ соединяетъ въ одно всѣ разрозненныя сознанія, соединяющія въ свою очередь въ одно наше тѣло, есть нѣчто весьма опредѣленное, хотя и независимое отъ пространственныхъ и временныхъ условій, и вносится нами въ міръ изъ области внѣ-пространственной и внѣ-временной; это-то *нѣчто*, состоящее въ моемъ извѣстномъ, исключительномъ отношеніи къ міру, и есть мое настоящее и дѣйствительное *я*“ (стр. 43). „Мое особенное отношеніе къ міру установилось не въ этой жизни и началось не съ моимъ тѣломъ и не съ рядомъ послѣдовательныхъ во времени сознаній. И потому можетъ уничтожиться мое тѣло, связанное въ одно моимъ временнымъ сознаніемъ, можетъ уничтожиться и самое мое временное сознаніе, но не можетъ уничтожиться то мое особенное отношеніе къ міру, составляющее мое особенное *я*, изъ котораго создалось для меня все, что̀ есть“ (стр. 45). Т.-е. я самъ уничтожусь, сознаніе моего *я* исчезнетъ, а мое отношеніе къ міру останется жить; но если предметъ не существуетъ, то можетъ ли быть рѣчь о какомъ-либо отношеніи его къ міру? Сказать, что особое отношеніе къ міру, характеризующее мое *я*, есть именно это самое *я*,—значитъ просто играть словами: отношеніе моей личности къ другимъ есть все-таки только отношеніе, и оно возможно только потому, что самая личность моя существуетъ. Что мы входимъ въ міръ съ готовымъ уже особеннымъ свойствомъ любить одно и не любить другого,—это доказывается авторомъ ссылкою на личное сознаніе каждаго и на соображенія о наслѣдственности. „Разсуждая, на основаніи наблюденія,—говоритъ онъ,—сначала мнѣ представляется, что причины особен-

ности моего *я* находятся въ особенностяхъ моихъ родителей и условій, вліявшихъ на меня и на нихъ; но, разсуждая по этому пути дальше, я не могу не видѣть, что если особенное мое *я* лежитъ въ особенностяхъ моихъ родителей и условій, вліявшихъ на нихъ, то оно лежитъ въ особенностяхъ всѣхъ моихъ предковъ и въ условіяхъ ихъ существованія—до безконечности, т.-е. внѣ времени и внѣ пространства (?), такъ что мое особенное *я* произошло внѣ пространства и внѣ времени, т.-е. то самое, что я и сознаю" (стр. 46). Почему мои предки, хотя и самые отдаленные, очутились „внѣ времени и внѣ пространства", и какъ получилось это удивительное заключеніе,—непонятно. Основываясь, однако, на этомъ заключеніи, „человѣкъ знаетъ, что его истинное *я* живетъ внѣ времени, и что потому проявляющееся для него во времени прекращеніе его сознанія не можетъ нарушить его жизни". Такимъ образомъ исчезаетъ страхъ смерти.

Вся эта аргументація, казалось бы, нисколько не зависитъ отъ усвоенія принципа любви и имѣетъ одинаковую силу для людей вообще, каковы бы ни были ихъ личныя качества и стремленія. Но тутъ дѣло получаетъ совершенно неожиданный оборотъ: то особое отношеніе къ міру, которое есть мое *я*, означаетъ уже только любовное отношеніе, и оно само по себѣ не сохраняется послѣ смерти, если оно не развилось самостоятельно въ духѣ усиленія любви. Откуда получились эти новыя положенія, несогласныя съ предъидущими,—намъ неизвѣстно, и самый переходъ отъ однихъ выводовъ къ другимъ является ничѣмъ не мотивированнымъ. Оказывается, что людямъ вовсе не поможетъ сознаніе, что ихъ „истинное *я* живетъ внѣ времени"; они перестанутъ бояться смерти только тогда, когда уразумѣютъ жизнь. „То неизбѣжное уничтоженіе плотского существованія, которое мы на себѣ видимъ, показываетъ намъ, что отношеніе, въ которомъ мы находимся къ міру, не есть постоянное, но что мы вынуждены устанавливать другое. Установленіе этого новаго отношенія, т.-е. движеніе жизни, и уничтожаетъ представленіе смерти. Смерть представляется только тому человѣку, который, не признавъ свою жизнь въ установленіи разумнаго отношенія къ міру и проявленіи его въ большей и большей любви, остался при томъ отношеніи, т.-е. съ тою степенью любви къ одному и нелюбви къ другому, съ которыми онъ вступилъ въ существованіе. Жизнь есть не перестающее движеніе, а оставаясь въ томъ же отношеніи къ міру, оставаясь на той степени любви, съ которой онъ вступилъ въ жизнь, онъ чувствуетъ остановку ея и ему представляется смерть. Но не то для человѣка, понимающаго жизнь. Такой человѣкъ знаетъ,

что онъ внесъ въ свою теперешнюю жизнь свое особенное отношеніе къ міру, свою любовь къ одному и нелюбовь къ другому, изъ скрытаго для него прошедшаго“ (стр. 49—50). Но вѣдь это же самое можетъ знать всякій, независимо отъ своихъ нравственныхъ принциповъ; каждый вноситъ свое „особенное отношеніе къ міру“, и если оно вообще не кончается со смертью, то нѣтъ причины предполагать въ этомъ случаѣ существованіе какой-то привилегіи въ пользу людей, „понимающихъ жизнь“ въ духѣ гр. Льва Толстого. Задачею нашей жизни признается увеличеніе любви; но наше „я“ есть только „особенное отношеніе къ міру“, и слѣдовательно это „отношеніе“ должно увеличивать въ себѣ любовь! Признаемся, что мы ничего не понимаемъ въ этой своеобразной философіи.

„Человѣкъ умеръ,—разсуждаетъ графъ Л. Н. Толстой,—но его отношеніе къ міру продолжаетъ дѣйствовать на людей даже не такъ, какъ при жизни, а въ огромное число разъ сильнѣе, и дѣйствіе это по мѣрѣ разумности и любовности увеличивается и ростетъ какъ все живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывовъ. Мой братъ умеръ вчера или тысячу лѣтъ тому назадъ, и та самая сила его жизни, которая дѣйствовала при его плотскомъ существованіи, продолжаетъ дѣйствовать во мнѣ и въ сотняхъ, тысячахъ, милліонахъ людей еще сильнѣе, несмотря на то, что видимый мнѣ центръ этой силы его временнаго плотского существованія исчезъ изъ моихъ глазъ“ (стр. 55). Здѣсь мы соприкасаемся уже съ областью чудеснаго. Смерть есть только „странное суевѣріе“. Доказывается эта идея замѣчательно легко. „Я вхожу въ жизнь съ извѣстными готовыми свойствами любви къ міру внѣ меня; плотское мое существованіе—короткое или длинное—проходитъ въ увеличеніи этой любви, внесенной мною въ жизнь, и потому (?) я заключаю несомнѣнно, что я жилъ до своего рожденія и буду жить какъ послѣ того момента настоящаго, въ которомъ я, разсуждая, нахожусь теперь, такъ и послѣ всякаго другого момента времени до или послѣ моей плотской смерти“ (стр. 62—63). „Намъ кажется, что человѣкъ умираетъ, когда этого ему не нужно, а этого не можетъ быть. Умираетъ человѣкъ только тогда, когда это необходимо для его блага (?), точно такъ же какъ ростетъ, мужаетъ человѣкъ только тогда, когда ему это нужно для его блага. Не можетъ прекращаться начатое и неоконченное движеніе жизни человѣка въ этомъ мірѣ отъ того, что у него сдѣлается нарывъ или залетитъ бактерія или въ него выстрѣлятъ изъ пистолета. Человѣкъ умираетъ только отъ того, что въ этомъ мірѣ благо его истинной жизни не мо-

уже увеличиться, а не отъ того, что у него болятъ легкія, у него ракъ, или въ него выстрѣлили" (стр. 64—65). ;акъ же точно и страданія испытываются людьми только іу, что они нужны для ихъ блага; они „суть то, что ди- жизнь, и потому есть то, что и должно быть", и незачѣмъ пивать: за что и для чего страданіе? „Животное не спра- етъ этого. Когда окунь, вслѣдствіе голода, мучаетъ плотву, ь мучаетъ муху, волкъ овцу, они знаютъ, что дѣлаютъ то, должно быть, и совершается то самое, что должно быть; и іу, когда и окунь, и паукъ, и волкъ подпадаютъ такимъ же ніямъ отъ сильнѣйшихъ ихъ, они, убѣгая, отбиваясь, выры- ·, знаютъ, что дѣлаютъ все то, что должно быть, и потому ихъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что съ ними учается то самое, что должно быть. Но человѣкъ, заботящійся иъ, чтобы отбиться и убѣжать отъ волковъ, разрывающихъ послѣ того какъ онъ самъ зарѣзалъ тысячи животныхъ су- въ и съѣлъ, — человѣкъ не можетъ находить, что все это, ющееся съ нимъ, есть то самое, что должно быть. Онъ не тъ признавать случающагося съ нимъ тѣмъ, что должно быть, іу что, подвергшись этимъ страданіямъ, онъ не дѣлалъ всего что должен былъ сдѣлать. Но что же, кромѣ того, чтобы ать и отбиваться отъ волковъ, долженъ дѣлать человѣкъ, ваемый ими? — То, что свойственно дѣлать человѣку, какъ иному существу: сознавать тотъ грѣхъ (?), который произвелъ аніе, каяться въ немъ и познавать истину" (стр. 70—71). ный случай каяться и познавать истину—когда человѣка рывають" волки! Повидимому, грѣхъ, упоминаемый авторомъ, ится къ преступленіямъ противъ животныхъ: волки нападаютъ еловѣка за то, что „онъ самъ зарѣзалъ тысячи животныхъ ествъ и съѣлъ"; а еслибы они знали, что этотъ человѣкъ ве- іанецъ, то они, пожалуй, не тронули бы его? Страданіе есть бы всегда результатъ грѣха, заблужденія; но въ чемъ очаются эти грѣхи и заблужденія—объ этомъ не сказано лова. Многія тысячи крестьянскихъ семействъ подверглись вію неурожая, а богатое купечество благоденствуетъ; значитъ го, что купцы добродѣтельнѣе крестьянъ? Авторъ сознаетъ, существуетъ огромный рядъ страданій, уже ничѣмъ не объяс- ъ. „Человѣка въ лѣсу одного разрываютъ волки, человѣкъ нулъ, замерзъ или сгорѣлъ, или просто одиноко болѣлъ и ь, и никто никогда не узнаетъ о томъ, какъ онъ страдалъ, сячи подобныхъ случаевъ. Кому это принесетъ какую бы то ыло пользу?" И однако, вопреки очевидности, все-таки про-

водится совершенно произвольная теорія жестоваго и безсмысленнаго возмездія. „Для человѣка два выбора,—или, не признавая связи между испытываемыми страданіями и своею жизнью, продолжать нести большинство своихъ страданій, какъ мученія, не имѣющія никакого смысла, или признать то, что мои заблужденія и поступки, совершенные вслѣдствіе ихъ—мои грѣхи, какіе бы они ни были (?), причиною моихъ страданій, какія бы они ни были, и что мои страданія суть избавленіе и искупленіе отъ грѣховъ моихъ и другихъ людей какихъ бы то ни было (?). Страданіе, какое бы то ни было, человѣкъ сознаетъ всегда какъ послѣдствіе своего грѣха, какого бы то ни было, и покаяніе въ своемъ грѣхѣ—какъ избавленіе отъ страданія и достиженіе блага" (стр. 75—76).

Подобныя „истины" едва ли покажутся кому-нибудь вразумительными. „Страданіе для человѣка есть только одно"; это именно „сознаніе противорѣчія между грѣховностью своею и всего міра и не только возможностью, но обязанностью осуществленія не кѣмъ-нибудь, а мной самимъ всей истины въ жизни своей и всего міра" (стр. 81). Защита страданія, какъ возмездія, нужнаго для блага людей, кончается не совсѣмъ послѣдовательно—провозглашеніемъ принципа противодѣйствія страданіямъ и борьбы съ ними. „Дѣятельность, направленная на непосредственное любовное служеніе страдающимъ и на уничтоженіе общихъ причинъ страданія, заблужденій, и есть та единственная радостная работа, которая предстоитъ человѣку и даетъ ему то неотъемлемое благо, въ которомъ состоитъ его жизнь". Это „служеніе страдающимъ" ограничено, впрочемъ, весьма немногимъ и имѣетъ отчасти эгоистическій характеръ, какъ увидимъ ниже. Человѣкъ „волей-неволей" убѣждается, что „въ сознаніи большей и большей своей грѣховности и въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ осуществленіи всей истины въ своей жизни и въ жизни міра и состоитъ и состояло и всегда будетъ состоять дѣло его жизни, неотдѣлимой отъ жизни всего міра. Если не разумное сознаніе, то страданіе, вытекающее изъ заблужденія о смыслѣ своей жизни, волей-неволей загоняетъ человѣка на единственный истинный путь жизни, на которомъ нѣтъ препятствій, нѣтъ зла, а есть одно, ничѣмъ не нарушаемое, никогда не начавшееся и не могущее кончиться, все возростающее благо. Зло въ видѣ смерти и страданій видны человѣку только когда онъ законъ своего плотского животнаго существованія принимаетъ за законъ своей жизни. Только когда онъ, будучи человѣкомъ, спускается на степень животнаго, только тогда онъ видитъ смерть и страданія. Смерть и страданія какъ пугалы со

всѣхъ сторонъ ухаютъ на него и загоняютъ на одну открытую ему дорогу человѣческой жизни, подчиненной своему закону разума и выражающейся въ любви. Смерть и страданія суть только преступленія человѣкомъ своего закона жизни. Для человѣка, живущаго по своему закону, нѣтъ смерти и нѣтъ страданій" (стр. 82—83). Такъ что и любовь является не вслѣдствіе внутренней потребности въ ней, а подъ вліяніемъ необходимости, волей-неволей, для избавленія отъ страха смерти и страданій. Будетъ ли это истинная любовь, если къ ней „загоняютъ" человѣка постороннія соображенія, заботы о своемъ личномъ душевномъ спокойствіи и спасеніи?

Никто лучше графа Л. Н. Толстого не изображаетъ высшаго чувства любви. Истинная любовь, —говоритъ онъ,—всегда имѣетъ въ основѣ своей отреченіе отъ блага личности и возникающее отъ того благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Только такая любовь даетъ истинное благо жизни и разрѣшаетъ кажущееся противорѣчіе разумнаго и животнаго сознанія. „И нѣтъ иной любви, какъ той, чтобы положить душу свою за други своя. Любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собою. Только когда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, когда онъ отдаетъ ему свою жизнь,—только это мы признаемъ всѣ любовью и только въ такой любви мы всѣ находимъ благо, награду любви. И только тѣмъ, что есть такая любовь въ людяхъ, только тѣмъ и стоитъ міръ. Мать, кормящая ребенка, прямо отдаетъ себя, свое тѣло въ пищу дѣтямъ, которыя безъ этого не были бы живы. И это—любовь. Такъ же точно отдаетъ себя, свое тѣло въ пищу другому всякій работникъ для блага другихъ, изнашивающій свое тѣло въ работѣ и приближающій себя къ смерти. И такая любовь возможна только для того человѣка, у котораго между возможностью жертвы собою и тѣми существами, которыхъ онъ любитъ, не стоитъ никакой преграды для жертвы. Мать, отдавшая кормилицѣ своего ребенка, не можетъ любить; человѣкъ, пріобрѣтающій и сохраняющій свои деньги, не можетъ любить. Любовь есть сама жизнь, но не жизнь неразумная, страдальческая и гибнущая, но жизнь блаженная и безконечная. И мы всѣ знаемъ это. Любовь не есть выводъ разума, не есть послѣдствіе извѣстной дѣятельности; а это есть сама радостная дѣятельность жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ и которую мы всѣ знаемъ въ себѣ съ самыхъ первыхъ воспоминаній дѣтства до тѣхъ поръ, пока ложныя ученія міра не засорили ее въ нашей душѣ и не лишили насъ возможности испытывать ее. Кто изъ живыхъ

людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго и чаще всего въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь,—того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобъ всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка“ (стр. 30—2).

При такой силѣ размаха можно ожидать, что и практическое приложеніе принципа любви будетъ обширно и значительно,—что людямъ по меньшей мѣрѣ предложено будетъ отречься отъ личной собственности и раздать свое состояніе неимущимъ. Это—самое меньшее, ибо вообще люди должны любить другихъ больше, чѣмъ самихъ себя (стр. 10 и др.). Но на дѣлѣ намъ предлагается крайне скромная и даже ничтожная программа практической морали, не требующая никакого самоотверженія и предполагающая въ насъ прежде всего заботу о собственномъ внутреннемъ удовлетвореніи и самодовольствѣ. Если люди нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ или прямо умираютъ съ голода, то мы должны предложить имъ свой личный трудъ, который имъ вовсе не нуженъ. Человѣкъ, проникнутый любовью, „будетъ всегда дѣлать то, чего прежде всего требуетъ любовь въ людяхъ,—то, что поддерживаетъ жизнь голодныхъ, холодныхъ и удрученныхъ, а поддерживаетъ жизнь голодныхъ, холодныхъ и удрученныхъ борьба, прямая борьба съ природою“ (стр. 110). Не вѣрнѣе ли будетъ дать голодному реальную пищу и прикрыть холоднаго вещественною одеждою, вмѣсто какой-то отвлеченной „борьбы съ природою“? По мнѣнію автора, „оказать помощь больнымъ, заключеннымъ, голоднымъ и холоднымъ нельзя иначе, какъ своимъ непосредственнымъ, сейчаснымъ трудомъ, потому что больные, голодные и холодные не ждутъ, а умираютъ отъ голода и холода“ (стр. 111). Но развѣ трудъ самъ по себѣ непосредственно насытитъ голоднаго? И умѣстно ли предлагать борьбу съ природою, когда на нашихъ глазахъ гибнутъ люди отъ голода, и когда наши избытки были бы болѣе чѣмъ достаточны для прокормленія ихъ? Правда, никакихъ избытковъ не будетъ, если осуществится соціальная теорія, до которой додумался крестьянинъ Бондаревъ, и всѣ люди признáютъ „священный первородный законъ труда“. Тогда,—объясняетъ гр. Л. Н. Толстой,—„всѣ будутъ работать и

ѣсть хлѣбъ своихъ трудовъ, и хлѣбъ и предметы первой необходимости не будутъ предметами купли и продажи. Что будетъ тогда? Будетъ то, что не будетъ людей, гибнущихъ отъ нужды. Если одинъ человѣкъ, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, не заработаетъ достаточно для своего и своей семьи корму, другой человѣкъ, вслѣдствіе благопріятныхъ условій, пріобрѣтшій лишнее, дастъ неимущему. Дастъ уже потому, что дѣвать ему хлѣба больше некуда, такъ какъ онъ не продается (и мѣны тоже не будетъ?). Будетъ то, что человѣкъ не будетъ имѣть соблазна необходимости хитростью или насиліемъ пріобрѣсть хлѣбъ" (стр. 104—105). А въ случаѣ неурожая всѣ будутъ одинаково голодать безнадежно, такъ какъ „хлѣбъ и предметы первой необходимости не будутъ предметами купли и продажи", и нельзя будетъ пріобрѣтать продукты за деньги изъ чужихъ мѣстъ. Но это только теорія, которую самъ авторъ обсуждаетъ только какъ теорію. Пока есть еще богатые, зажиточные и бѣдные; есть громадные запасы накопленныхъ богатствъ, есть возможность употребить ихъ въ дѣло для дѣйствительнаго облегченія народной нужды, для непосредственной и осязательной помощи бѣдствующимъ массамъ, для прочнаго улучшенія ихъ матеріальнаго быта, для поднятія ихъ умственнаго и нравственнаго уровня.

Какъ благотворно могъ бы дѣйствовать гр. Л. Толстой своею проповѣдью любви въ настоящее время, когда бѣдствія голода разразились надъ значительною частью нашего крестьянства! Онъ разбудилъ бы общество своимъ могучимъ словомъ и заставилъ бы людей принести реальныя жертвы нуждающемуся народу въ той единственной формѣ, какая теперь возможна и необходима. А онъ умѣетъ трогать сердце и овладѣвать душою, какъ никто. Самые черствые эгоисты почувствуютъ въ себѣ неизвѣданные еще человѣческіе порывы, читая, напримѣръ, его простое обращеніе къ уму и сердцу читателя: „Я прошу тебя, читатель, хоть на время останови дѣятельность твоего ума, не спорь, не доказывай, а спроси только свое сердце. Кто бы ты ни былъ, какъ бы ни былъ одаренъ, какъ бы ни былъ добръ къ людямъ, окружающимъ тебя, въ какихъ бы ты ни былъ условіяхъ, можешь ли ты быть спокоенъ за своимъ чаемъ, обѣдомъ, за своимъ государственнымъ, художественнымъ, ученымъ, врачебнымъ, учительскимъ дѣломъ, когда ты слышишь или видишь у своего крыльца голоднаго, холоднаго, больного, измученнаго человѣка? Нѣтъ. А вѣдь они всегда тутъ, не у крыльца, такъ за десять саженъ, за десять верстъ. Они есть, и ты знаешь это. И ты не можешь быть спокоенъ, не можешь имѣть радости, не отравленной этимъ. Чтобы

тебѣ не видать ихъ у крыльца, тебѣ надо отгородиться отъ нихъ, отвадить ихъ отъ себя своею холодностью, или уѣхать куда-нибудь, гдѣ ихъ нѣтъ. Но они вездѣ есть. А если бы и нашлось мѣсто, гдѣ бы ты не видалъ ихъ, то отъ сознанія истины никуда не уѣдешь. Какъ же быть? Ты самъ это знаешь, и ученіе истины говоритъ это тебѣ" (стр. 113). Но „ученіе истины", къ несчастью, говоритъ нѣчто совсѣмъ ненужное, и слишкомъ радикальное для исполняющаго и совершенно безплодное для бѣдствующихъ: „Спустись до низу (до того, что̀ тебѣ кажется низомъ, но что́ есть верхъ), встань рядомъ съ тѣми, которые кормятъ голодныхъ, одѣваютъ холодныхъ; не бойся ничего: хуже не будетъ, а будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Стань въ рядъ, возьмись неумѣлыми, слабыми руками за то первое дѣло, которое кормитъ голодныхъ, одѣваетъ холодныхъ—за хлѣбный трудъ, за борьбу съ природой, и ты почувствуешь въ первый разъ твердую почву подъ ногами, почувствуешь, что ты дома, что тебѣ (а не другимъ?) свободно, прочно, идти больше некуда, и ты испытаешь тѣ цѣльныя неотравленныя радости, которыхъ ты не найдешь нигдѣ, ни за какими дверями, ни за какими гардинами".

Чувство любви къ людямъ, стремленіе помочь имъ, какъ-то уходитъ вдругъ на задній планъ; забываются голодные и удрученные, ищущіе матеріальной поддержки,—какъ будто они фигурировали только для красоты картины, и рѣчь уже прямо идетъ о душевныхъ удовольствіяхъ самого человѣка, слѣдующаго „ученію истины". Будетъ ли сдѣлано что-нибудь для бѣдняковъ, поправится ли ихъ положеніе отъ спустившагося къ нимъ барина или все останется въ прежнемъ видѣ, — объ этомъ уже ничего не говорится, а только ярко изображаются тѣ освѣжающія и здоровыя впечатлѣнія, которыя испытаетъ баринъ при своемъ спускѣ внизъ. „Ты узнаешь радости, какихъ ты не знаешь; ты узнаешь въ первый разъ тѣхъ простыхъ сильныхъ людей, твоихъ братьевъ, которые, вдалекѣ отъ тебя, до сихъ поръ кормили тебя, и ты, къ удивленію своему, увидишь въ нихъ такія доблести, которыхъ ты не зналъ прежде; ты увидишь въ нихъ такую скромность, такую доброту къ тебѣ именно, которыхъ, ты почувствуешь, ты не заслуживаешь. Вмѣсто презрѣнія, насмѣшки, которыхъ ты ожидалъ, ты увидишь такую ласку, такую благодарность, уваженіе къ тебѣ за то, что ты послѣ того, какъ всю свою жизнь жилъ ими и презиралъ ихъ, что ты вдругъ опомнился и неумѣлыми руками хочешь помочь имъ. Ты увидишь, что то, что̀ казалось тебѣ островкомъ, на которомъ ты сидѣлъ, спасаясь отъ заливающаго тебя моря, что этотъ-то островокъ есть болото, въ

которомъ ты потопалъ, а что то море, котораго боялся, что это-то и есть суша, по которой ты пойдешь твердо, спокойно, радостно, какъ и не можетъ быть иначе, потому что изъ обмана, въ который ты не самъ вошелъ, тебя завели, ты выберешься въ истину, отъ уклоненія отъ воли Бога ты перейдешь въ ея исполненіе" (стр. 114). Народу не будетъ, разумѣется, ни тепло, ни холодно отъ этихъ утонченныхъ ощущеній человѣка, бросившаго свое „государственное, художественное, ученое, врачебное, учительское дѣло" и берущагося неумѣлыми руками дѣлать ту самую работу, которою и безъ того заняты многіе милліоны привычныхъ рукъ. Въ рабочихъ земледѣльцахъ у насъ нѣтъ недостатка; напротивъ, множество крестьянъ не имѣетъ куда приложить свой трудъ, по недостатку земли, а графъ Л. Н. Толстой изъ любви къ мужику хочетъ прибавить ему не землю, въ которой тотъ нуждается, а работниковъ изъ интеллигентнаго круга, которые совсѣмъ не нужны крестьянамъ. Краснорѣчивая и сильная проповѣдь морали сводится на дѣлѣ къ чему-то постороннему, къ указанію новыхъ и полезныхъ впечатлѣній для людей „нашего класса", а самоотверженная любовь превращается въ систему какого-то нравственнаго самопоклоненія. „Самое простое и короткое правило нравственности,—говоритъ авторъ,—состоитъ въ томъ, чтобы заставлять служить себѣ другихъ какъ можно меньше и служить другимъ какъ можно больше, — какъ можно меньше требовать отъ другихъ и какъ можно больше давать другимъ" (стр. 2). А такъ какъ всѣ одинаково будутъ стараться обойтись безъ чужой работы, то и служить другимъ не придется, и общество, основанное на подобномъ принципѣ, было бы въ дѣйствительности собраніемъ эгоистовъ, живущихъ только для себя и не желающихъ быть обязанными другимъ. Кто искренно готовъ трудиться для людей и оказывать имъ помощь, тотъ и самъ не будетъ отказываться отъ ихъ услугъ. Человѣкъ, заявляющій заранѣе, что ему не нуженъ чужой трудъ, даетъ этимъ понять, что и другіе не должны разсчитывать на его работу; такое поведеніе будетъ доказательствомъ гордости или самолюбія, а никакъ не любви. „Какъ я могу заниматься такими дѣлами, польза которыхъ весьма сомнительна и для занятія которыми я долженъ еще заставлять работать другихъ,—спрашиваетъ себя гр. Л. Н. Толстой,—когда предо мною, вокругъ меня, безчисленное множество вещей, которыя всѣ несомнѣнно полезны для другихъ, и для производства которыхъ я не нуждаюсь ни въ комъ. Напримѣръ: снести ношу тому, кто утомленъ ею; вспахать поле за больного хозяина, перевязать рану и т. д. Не говоря объ этихъ

тысячахъ вещей, окружающихъ насъ, для производства которыхъ не нужна посторонняя помощь, которыя даютъ немедленное удовлетвореніе тѣмъ, для кого вы ихъ производите, — кромѣ нихъ есть еще множество другихъ дѣлъ, напр., посадить дерево, выходить теленка, вычистить колодезь,—и все это дѣла несомнѣнно полезныя, и нельзя человѣку искреннему не предпочесть ихъ занятіямъ, требующимъ труда другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сомнительнымъ по своей полезности“ (стр. 3). Такого рода мелкія услуги другимъ, на началахъ взаимности, составляютъ обычное явленіе при всякомъ строѣ общежитія, и смѣшно было бы придавать имъ какое-либо значеніе; тѣ полезные труды, которые перечисляетъ авторъ, постоянно дѣлаются въ каждой сельской общинѣ, и крестьяне едва ли чувствуютъ себя счастливыми при обычномъ совершеніи ихъ. Предпринять походъ противъ „ложныхъ ученій міра“, громить науку и ученыхъ, проповѣдовать полное отреченіе отъ благъ животной личности во имя любви къ ближнему, — и все это только для того, чтобы вычистить колодезь, выходить теленка, посадить дерево, т.-е. дѣлать то, чтò и безъ того всегда дѣлается людьми;—не печальное ли это недоразумѣніе?

Широкій и сильный размахъ кончается чѣмъ-то очень маленькимъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ предпринятой крупной задачѣ; затронутые соціальные вопросы оставлены въ томъ положеніи, въ какомъ они были, и только созданъ новый типъ интеллигента, свысока смотрящаго на другихъ людей и полагающаго свою гордость въ томъ, что онъ умѣетъ вспахать поле или вычистить колодезь, почти какъ крестьянинъ. Кому какая польза отъ этихъ неумѣлыхъ работниковъ, сознательно опускающихся въ умственномъ отношеніи до уровня мужика, который съ своей стороны, несмотря на гнетъ нужды, безплодно порывается къ свѣту? Чтò общаго имѣютъ эти безцѣльныя интеллигентныя затѣи съ желаніемъ помочь темному народу и облегчить его положеніе? Не справедливѣе ли, не искреннѣе ли помогать крестьянству въ томъ, чтò ему дѣйствительно нужно и чтò можетъ быть дано ему только образованнымъ классомъ,—въ распространеніи полезныхъ знаній, въ борьбѣ съ кабаками и міроѣдами, съ пьянствомъ и ростовщичествомъ?

Огромное поле спасительной дѣятельности открыто каждому, кто хочетъ серьезно служить народу, и не только на словахъ, не для преклоненія предъ своею нравственною чистотою, не для превознесенія своей истины передъ мірскою ложью. Истинное и любовное служеніе людямъ не предполагаетъ непремѣнной заботы

о нашемъ собственномъ внутреннемъ удовлетвореніи; оно не требуетъ также особенныхъ жертвъ, не требуетъ ни безплоднаго аскетизма, ни отрицанія науки и культуры. Пусть ревнители народнаго блага, имѣющіе связи съ землевладѣніемъ, постараются ослабить господство кабака въ деревнѣ; пусть устроятъ воскресныя чтенія для крестьянъ, небольшія сельскія библіотеки, сберегательныя кассы. Крестьяне не знаютъ законовъ, не знаютъ своихъ правъ и легко становятся жертвами кулачества; организуйте имъ адвокатскую помощь, давайте имъ совѣты, составляйте имъ нужныя прошенія и жалобы. Крестьяне часто вынуждены доставать деньги во что бы то ни стало, для уплаты податей или для неотложныхъ хозяйственныхъ нуждъ; они попадаютъ въ кабалу къ ростовщикамъ и не могутъ уже выпутаться изъ бѣды;—устройте имъ правильный кредитъ, выручайте ихъ, пока есть еще возможность поддержать ихъ падающее хозяйство. Нерѣдко крестьянскій скотъ и прочее имущество продаются съ аукціона за недоимки или за долги; позаботьтесь, чтобы этотъ скотъ и это имущество не были проданы за безцѣнокъ; покупайте сами, если можете, или уговорите денежныхъ людей покупать, чтобы возвратить владѣльцамъ за ту же цѣну, въ кредитъ. Хорошій человѣкъ можетъ, даже съ небольшими средствами, сдѣлаться истиннымъ благодѣтелемъ деревни; онъ можетъ повліять и на внѣшнее устройство нашихъ селъ, чтобы они меньше подвергались опасности отъ пожаровъ; посадка густолиственныхъ деревьевъ между отдѣльными постройками, разведеніе садиковъ и цвѣтниковъ, устраненіе кабацкихъ безобразій не внѣшними физическими мѣрами, а постояннымъ и незамѣтнымъ нравственнымъ воздѣйствіемъ,—все это придало бы другой видъ деревнѣ. Помогайте трудящемуся народу своими матеріальными достатками, своими свѣдѣніями и своимъ вліяніемъ, всѣмъ тѣмъ, что̀ у васъ есть и чего нѣтъ у большинства крестьянъ;—вспахать поле, выходить теленка, очистить колодезь они сами съумѣютъ, безъ вашей помощи, и они съ радостью будутъ дѣлать эти работы и для васъ, если увидятъ вашу готовность спасти ихъ семьи отъ ростовщической кабалы, отъ податного разоренія, отъ послѣдствій неурожая, пьянства, умственной тьмы. Человѣкъ, проникнутый любовью къ людямъ и обладающій возможностью поднять ослабѣвшее крестьянство, не будетъ считать себя удовлетвореннымъ тѣмъ, что онъ самъ работаетъ въ полѣ; онъ знаетъ и чувствуетъ, что отъ него ожидаются другія и болѣе нужныя народу услуги, чѣмъ личный его земледѣльческій трудъ. Кто выдаетъ за любовь къ людямъ простое совершеніе извѣстныхъ работъ, постоянно

исполняемыхъ всѣми, и на этомъ основаніи станетъ смотрѣть безучастно, съ спокойной совѣстью, на дѣйствительныя нужды и бѣдствія, которыя онъ могъ бы облегчить или даже устранить,—тотъ обманываетъ самого себя и другихъ; разговоры о любви и самоотверженіи служатъ ему только удобнымъ прикрытіемъ для обхода тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыми онъ будто бы руководствуется въ жизни. Конечно, устроить что-нибудь полезное для народной массы не такъ легко и просто, какъ выходить теленка или посадить дерево; но соображенія о трудности или легкости дѣла не должны были бы имѣть мѣста въ вопросахъ нравственнаго долга.

Практическая мораль графа Л. Н. Толстого была бы великолѣпна, еслибы выводы соотвѣтствовали посылкамъ, еслибы принципъ любви, провозглашаемый съ такою яркостью и силою, не оставался лишь безплоднымъ украшеніемъ его своеобразной философіи. Такое же противорѣчіе между исходными положеніями и дѣлаемыми изъ нихъ выводами замѣчается и въ его взглядахъ на бракъ и семью. Никто сильнѣе и правдивѣе Л. Н. Толстого не разоблачалъ той нравственной порчи, которая искусственно вносится въ отношенія мужчины къ женщинѣ при обычныхъ общественныхъ условіяхъ; недаромъ „Крейцерова соната" пріобрѣла такую необычайную популярность у насъ и за границею. Такія страницы, какъ описаніе перваго „паденія" юноши-Позднышева въ извѣстномъ домѣ, не забудутся тѣми, кто разъ читалъ ихъ. „Помню,—разсказываетъ Позднышевъ,—мнѣ тотчасъ же, тамъ же, не выходя изъ комнаты, сдѣлалось грустно, грустно такъ, что хотѣлось плакать. Плакать о гибели своей невинности, о на-вѣки погубленномъ отношеніи къ женщинѣ. Да, естественное, простое отношеніе къ женщинѣ было погублено на вѣки. Чистаго отношенія къ женщинѣ уже у меня съ тѣхъ поръ не было и не могло быть. Я сталъ тѣмъ, что называютъ блудникомъ. А быть блудникомъ есть физическое состояніе, подобное состоянію морфиниста, пьяницы, курильщика. Какъ морфинистъ, пьяница, курильщикъ—уже не нормальный человѣкъ, такъ и человѣкъ, познавшій нѣсколькихъ женщинъ для своего удовольствія, уже не нормальный, а испорченый навсегда человѣкъ—блудникъ. Какъ пьяницу и морфиниста можно узнать тотчасъ же по лицу, по пріемамъ, точно также и блудника. Блудникъ можетъ воздерживаться, бороться, но простого, яснаго, чистаго отношенія къ женщинѣ, братскаго, у него уже никогда не будетъ. По тому, какъ онъ взглянетъ, оглядитъ молодую женщину, сейчасъ можно узнать

блудника. И я сталъ блудникомъ и остался такимъ, и это-то и погубило меня" (стр. 282—283). Молодые люди воспитываются какъ бы спеціально для разврата; „наша возбуждающая излишняя пища при совершенной физической праздности есть не что иное, какъ систематическое разжиганіе похоти". Избытокъ питанія идетъ на чувственные эксцессы; „и если идетъ туда, спасительный клапанъ открытъ, все благополучно; но прикройте клапанъ, какъ я прикрывалъ его временно, и тотчасъ же получается возбужденіе, которое, проходя черезъ призму нашей искусственной жизни, выразится влюбленіемъ самой чистой воды, иногда даже платоническимъ". Съ этимъ взглядомъ на женщину, какъ на предметъ физическаго наслажденія, человѣкъ вступаетъ въ бракъ; онъ считаетъ за собою несомнѣнное право на ея тѣло, и въ ней невольно поднимается глухой протестъ оскорбленной человѣческой личности. „Влюбленность истощилась удовлетвореніемъ чувственности, — говоритъ далѣе герой разсказа,—и остались мы другъ противъ друга въ нашемъ дѣйствительномъ отношеніи другъ къ другу, т.-е. два совершенно чуждые другъ другу эгоисты, желающіе получить себѣ какъ можно больше удовольствія одинъ черезъ другого" (стр 301). Отсюда скрытое взаимное озлобленіе, выражающееся въ неожиданныхъ и безпричинныхъ ссорахъ, все болѣе рѣзкихъ и грубыхъ; семейная жизнь становится невыносимой и кончается нерѣдко какою-нибудь катастрофою: мужья, живущіе такъ, „должны или распутничать или разойтись, или убить самихъ себя или своихъ женъ" (стр. 327).

Изъ этого анализа обычныхъ супружескихъ отношеній вытекаетъ, очевидно, та идея, что необходимо кореннымъ образомъ измѣнить отношеніе молодыхъ людей къ женщинамъ, что мужчина долженъ сохранять невинность до брака и смотрѣть на женщину какъ на человѣка, а не какъ на красивое тѣло, относительно котораго мужъ пріобрѣтаетъ какія-то права. Но графъ Л. Н. Толстой идетъ гораздо дальше или, вѣрнѣе, отклоняется куда-то въ сторону и объявляетъ ошибочнымъ самое устройство нашего организма: онъ рѣшительно осуждаетъ важнѣйшую физіологическую функцію человѣка, источникъ страстныхъ увлеченій и порывовъ, великихъ наслажденій и страданій, всего того, что̀ краситъ человѣческую жизнь, что̀ придаетъ ей бодрость и энергію. Эта странная мысль, развиваемая въ „Крейцеровой сонатѣ" Позднышевымъ, могла быть объяснена особою психологіею преступника, который, по обыкновенію, старается придумать какую-то общую философскую теорію для оправданія своей мерзости; но

въ „Послѣсловіи" авторъ объясняетъ прямо, что высказанный взглядъ принадлежитъ ему самому. Принципъ полной дѣвственности выставляется какъ идеалъ, къ которому должны стремиться люди. Чтобы быть способнымъ къ воздержанію, слѣдуетъ „не пить, не объѣдаться, не ѣсть мяса, не избѣгать труда, не допускать и въ мысляхъ своихъ возможности общенія съ чужими женщинами" (стр. 371). Плотская любовь, бракъ „есть служеніе себѣ, и потому есть во всякомъ случаѣ препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому, съ христіанской точки зрѣнія — паденіе, грѣхъ. Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ случаѣ, еслибы вступающіе въ бракъ имѣли цѣлью продолженіе рода человѣческаго" (стр. 380). Людямъ, которые не осилили борьбы и пали, остается „смотрѣть на свое паденіе, не какъ на законное наслажденіе, какъ смотрятъ теперь, когда оно оправдывается обрядомъ брака, ни какъ на случайное удовольствіе, которое можно повторять съ другими, ни какъ на несчастіе, когда паденіе совершается съ неровней и безъ обряда, а смотрѣть на это первое паденіе какъ на единственное, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ". Поддавшись же соблазну и вступивъ въ бракъ, обѣ стороны должны „стремиться вмѣстѣ къ освобожденію отъ соблазна, къ очищенію себя и прекращенію грѣха, замѣною отношеній, препятствующихъ и общему и частному служенію Богу и людямъ, замѣною плотской любви чистыми отношеніями сестры и брата" (стр. 385).

Вѣрнѣйшій путь къ достиженію этого идеала дѣвственности есть скопчество, о которомъ не упоминаетъ графъ Л. Н. Толстой. Изъ-за того, что нынѣшнія отношенія между мужчиною и женщиною иногда неправильны и тягостны, авторъ обрекаетъ на безсиліе и безплодіе самый источникъ жизни;—скачокъ слишкомъ смѣлый и непонятный даже со стороны геніальнаго писателя. Если жизнь Позднышевыхъ безобразна, то все-таки она есть жизнь, доступная улучшеніямъ и облагораживающимъ вліяніямъ; но нравственное скопчество есть отрицаніе жизни, безцѣльное и мрачное уродство, насиліе надъ природою, и оно не можетъ быть идеаломъ для живыхъ людей, желающихъ жить и дѣйствовать. Женщина, говоритъ авторъ, должна считать высшимъ положеніемъ — положеніе дѣвственницы (стр. 309); а нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ признавалъ „идеальною женщиною" ту, которая „родитъ, выкормитъ, воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ею міросозерцанію". „Служеніе человѣчеству,—писалъ онъ тогда,—само собою

дѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существую-
ъ человѣчествѣ, другое — продолженіе самаго человѣчества.
первому призваны преимущественно мужчины, такъ какъ они
ены возможности служить второму. Ко второму призваны пре-
щественно женщины, такъ какъ исключительно онѣ способны
нему. Этого различія нельзя, не должно и грѣшно не по-
ть и стирать. Изъ этого различія вытекають обязанности тѣхъ
ругихъ, обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ
родѣ вещей. Изъ этого же различія вытекаетъ оцѣнка добро-
эли и порока женщины и мужчины, — оцѣнка, существовав-
. во всѣ вѣка и теперь существующая, и никогда не пере-
тущая существовать, пока въ людяхъ былъ, есть и будетъ
умъ". Женщины, у которыхъ нѣтъ дѣтей, которыя не вышли
ужъ, вдовы, „будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участво-
въ мужскомъ многообразномъ трудѣ. Но нельзя будетъ не
ѣть о томъ, что такое драгоцѣнное орудіе, какъ женщина,
илось возможности исполнять ей одной свойственное великое
начение. Тѣмъ болѣе, что всякая женщина, отрожавшись, если
ей есть силы, успѣетъ заняться этой помощью мужчинѣ въ
трудѣ. Помощь женщины въ этомъ трудѣ очень драгоцѣнна,
видѣть молодую женщину, готовую къ дѣторожденію и заня-
мужскимъ трудомъ, всегда будетъ жалко. Видѣть такую жен-
гу—все равно, что видѣть драгоцѣнный черноземъ, засыпан-
щебнемъ для плаца и гулянья. Еще жалче: потому что земля
могла бы родить только хлѣбъ, а женщина могла бы родить
чему не можетъ быть оцѣнки, выше чего ничего нѣтъ,—че-
ѣка. И только она одна можетъ это сдѣлать" [1]).

Оба противоположные взгляда на задачи женщины отличаются
наковою крайностью; но гр. Л. Толстой вообще любитъ крайнія
осуществимыя рѣшенія. Женщина такой же человѣкъ, какъ и
чина; почему же не допустить, что и она раздѣляетъ увле-
ія мужчины, что и она не видитъ въ нихъ ничего унизитель-
для своего человѣческаго достоинства? Если физическая лю-
есть нѣчто низменное, то чѣмъ объяснить то громадное зна-
іе, какое она всегда имѣла въ жизни людей, наиболѣе выдаю-
хся по душевнымъ и умственнымъ качествамъ? Женщины въ
къ отношеніи мало отличаются отъ мужчинъ; вспомнимъ Жоржъ
дъ, Джоржа Элліота или, наконецъ, умнѣйшую изъ женщинъ,

[1]) „Русское Богатство", 1886, кн. 5—6, стр. 289—298: „Трудъ женщинъ и муж-
", Л. Толстого. Ср. Сочиненія, ч. XII, стр. 467—71 (изд. 1886 г.).

игравшихъ роль въ нашей исторіи. Людямъ не будетъ житься легче отъ того, что „паденіе" юноши съ первою попавшеюся женщиною будетъ для него вступленіемъ въ неразрывный бракъ. Повторяемъ: сила и смыслъ проповѣди Льва Толстого—не въ содержаніи тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя онъ предлагаетъ читателямъ, а въ самой постановкѣ общихъ вопросовъ морали. Будемъ благодарны ему уже за то, что онъ ставитъ подобные жизненные вопросы и привлекаетъ къ нимъ общественное вниманіе съ неотразимою силою великаго таланта.

Л. Слонимскій.

шились сообщать современникамъ и потомству архивныя данныя, проливающія свѣтъ на историческое развитіе отечества. Такія изданія пока служатъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Тѣмъ отраднѣе появленіе въ свѣтъ „первой книги“ „Архива князя Ѳ. А. Куракина“, издаваемаго имъ подъ редакціею М. И. Семевскаго. Судя по содержанію перваго тома, это задуманное въ большихъ размѣрахъ научное предпріятіе обѣщаетъ очень многое для изученія исторіи эпохи Петра и слѣдующихъ десятилѣтій до новѣйшаго времени [1]).

Владѣлецъ архива, князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ, родившійся въ Вѣнѣ въ 1842 году и воспитывавшійся въ Пажескомъ корпусѣ, сначала посвятилъ себя военной карьерѣ, но съ 1874 года, вышедши въ отставку, проживаетъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ въ саратовской губерніи, сердобскаго уѣзда. Съ 1887 года онъ состоитъ членомъ саратовской губернской архивной коммиссіи.

Семейный архивъ Куракиныхъ хранится въ имѣніи князя Ѳедора Алексѣевича, селѣ Надеждинѣ, и вмѣщаетъ въ себѣ до 900 томовъ бумагъ, относящихся къ XVIII-му и XIX-му вѣкамъ. Наблюденіе надъ редакціею и надъ печатаніемъ этого архива ввѣрено издателю „Русской Старины“, а въ саратовской губерніи надъ приготовленіемъ въ редакціи бумагъ трудятся вмѣстѣ съ владѣльцемъ архива члены вышеозначенной саратовской коммиссіи В. Н. Смольяниновъ, С. И. Кедровъ и А. О. Лебедевъ, а также, главнымъ образомъ для обзора иностранныхъ документовъ, М. А. Горбунова-Неандеръ.

Г. Семевскій въ предисловіи къ первому тому этого изданія замѣчаетъ, что до печатанія начала изданія весь Куракинскій архивъ былъ приведенъ въ систематическій порядокъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы понимаемъ выраженіе на стр. XXII, что всѣ бумаги описаны и что этотъ обширный трудъ, занимающій болѣе 300 писанныхъ листовъ, „по его окончательной обработкѣ“ составитъ полезный вкладъ въ русскую историческую библіографію. Послѣднее выраженіе намъ кажется несоотвѣтствующимъ предмету. Списокъ архивнымъ бумагамъ не можетъ считаться вкладомъ въ „библіографію“. Предположеніе владѣльца архива напечатать это описаніе бумагъ „въ ряду прочихъ томовъ своего архива“ не можетъ не обрадовать историковъ-спеціалистовъ. Но не было ли бы лучше начать съ того сообщенія общаго каталога бумагамъ, и въ связи съ этимъ указать общій планъ всего пред-

[1]) Недавно вышла и вторая книга „Архива“ кн. Куракина.—*Ред.*

полагаемаго изданія? Можно надѣяться, что такой планъ былъ составленъ.

Дѣло въ томъ, что многія предпріятія такого рода остаются неоконченными, вслѣдствіе отсутствія программы. Мало ли у насъ прекрасныхъ коллекцій архивныхъ матеріаловъ, которыя представляютъ собою фрагментъ. Десять томовъ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній"—отрывокъ; нѣкоторыя изданія Императорскаго историческаго Общества—отрывокъ; не останется ли и „Архивъ князя Воронцова" въ нѣкоторомъ смыслѣ—отрывкомъ? Въ этомъ изданіи г. Бартенева недостатокъ въ задуманной заблаговременно системѣ, полное отсутствіе плана, чисто случайная группировка томовъ и частей томовъ очень дорого обходится историкамъ-спеціалистамъ, встрѣчающимъ необходимость обращаться къ этой коллекціи драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, какъ къ историческому источнику; обѣщанный г. Бартеневымъ ключъ къ „Архиву кн. Воронцова" оказывается необходимымъ, но никто, не исключая, кажется, самого издателя, не знаетъ, когда появится такое пособіе къ пользованію многотомною коллекціею. Никто не знаетъ, сколько томовъ еще будетъ издано. А этотъ вопросъ важенъ уже потому, что не раньше, какъ послѣ окончанія всего изданія можно ожидать систематическаго свода содержанія всей громадной коллекціи. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началось изданіе „Архива князя Воронцова"; двадцать лѣтъ оно еще можетъ продолжаться, а между тѣмъ во множествѣ томовъ царствуетъ хаосъ, и спеціалистъ, интересующійся какимъ-либо вопросомъ, долженъ въ каждомъ данномъ случаѣ обращаться за матеріаломъ ко *всѣмъ* томамъ, причемъ дѣлается открытіе, что не только отдѣльныя письма, но цѣлыя группы документовъ напечатаны *два раза* въ различныхъ томахъ коллекціи и что даже встрѣчаются случаи *троекратнаго* изданія однихъ и тѣхъ же матеріаловъ, что̀, конечно, объясняется отсутствіемъ плана изданія и порядка въ архивѣ.

Вотъ почему мы, съ радостью привѣтствуя появленіе въ свѣтъ „Архива князя Куракина", нетерпѣливо ждемъ сообщенія плана изданія, замѣтки объ ожидаемыхъ размѣрахъ его, о томъ, какъ отнесется число томовъ печатнаго изданія къ девяти стамъ рукописнымъ томамъ архива.

Да будетъ намъ дозволено высказать нѣкоторыя предположенія по вопросу о томъ, чего можно ожидать отъ этого новаго изданія. Эти предположенія, основанныя на томъ, что̀ уже до изданія „Архива" было извѣстно о значеніи Куракиныхъ въ исторіи, могутъ имѣть лишь общій характеръ.

Мы считаемъ вѣроятнымъ, что значительная часть рукописнаго матеріала, хранящагося въ архивѣ въ селѣ Надеждинѣ, окажется неудобною къ изданію, имѣя слишкомъ частный характеръ; семейныя дѣла, управленіе имѣніями, счетоводство—все это можетъ представлять интересъ въ такъ-называемомъ культурно-историческомъ отношеніи, но едва ли окажется нужнымъ изданіе цѣликомъ такихъ бумагъ. Можно будетъ довольствоваться изданіемъ выдержекъ, сообщеніемъ такъ сказать образчиковъ такихъ данныхъ.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что архивныя данныя, изданія которыхъ должно желать въ болѣе полномъ видѣ, относятся, главнымъ образомъ, къ двумъ представителямъ рода Куракиныхъ, а именно къ князю Борису Ивановичу (1676—1727) и къ князю Александру Борисовичу (1752—1818), и что бумаги другихъ членовъ этого семейства представляютъ второстепенный интересъ и отчасти даже лишены обще-историческаго значенія.

Поэтому все изданіе, которое не можетъ не быть многотомнымъ, главнымъ образомъ должно будетъ дѣлиться на *двѣ* части или группироваться около *двухъ* центровъ. Бумаги извѣстнаго дипломата въ Голландіи въ первой половинѣ XVIII-го вѣка будутъ служить драгоцѣннымъ источникомъ при изученіи эпохи Петра Великаго и внѣшней политики во время царствованія Екатерины I. Бумаги извѣстнаго дипломата начала XIX-го вѣка, князя Александра Борисовича окажутся чрезвычайно важнымъ матеріаломъ при изученіи исторіи царствованія Павла и Александра.

Остальные Куракины были сравнительно невидными дѣятелями. Изданіе г. Семевскаго началось съ бумагъ современника Петра. Значитъ, въ Архивѣ не оказалось бумагъ прежнихъ представителей рода Куракиныхъ, и о послѣднихъ, по всей вѣроятности, упомянуто въ первый и въ послѣдній разъ въ родословной таблицѣ, составленной г. Семевскимъ (см. стр. 350—360, I тома). Изъ позднѣйшихъ Куракиныхъ имѣютъ значеніе два родственника вышеназванныхъ главныхъ представителей этой фамиліи, а именно: князь Александръ Борисовичъ, сынъ современника Петра, дипломата въ Голландіи (1697—1749), занимавшій нѣкоторое время постъ русскаго дипломата въ Парижѣ, а затѣмъ сдѣлавшійся сенаторомъ и конференцъ-министромъ, и далѣе братъ вышеназваннаго дипломата эпохи Александра, князь Алексѣй Борисовичъ (1759—1829), занимавшій при Павлѣ мѣсто генералъ-прокурора и бывшій при Александрѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Первые томы изданія будутъ посвящены памяти князя Бориса Ивановича, положившаго начало славѣ рода Куракиныхъ. Можно думать, что бумаги этого дѣятеля, хранящіяся въ архивѣ,

вполнѣ разобраны. О томъ, какъ онѣ будутъ расположены въ печатномъ изданіи, г. Семевскій сообщилъ нѣкоторыя любопытныя данныя въ предисловіи къ первому тому. Тутъ говорится о разныхъ группахъ бумагъ, а именно были найдены: 1) историческіе труды Куракина, 2) протоколы посольствъ его, 3) министерскія дѣла или переписка его съ разными другими русскими дипломатами, 4) „дворовая“ переписка, т.-е. переписка Куракина съ министрами въ Петербургѣ, съ Головкинымъ, Шафировымъ, Меншиковымъ, и пр. 5) семейныя бумаги, т.-е. переписка съ родственниками.

Этой системы можно было бы и придерживаться при изданіи первыхъ томовъ „Архива князя Куракина“, которымъ и было дано особое заглавіе: „Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина“. Однако, только-что перечисленными группами бумагъ не исчерпывается матеріалъ, найденный въ архивѣ Куракиныхъ и предназначенный для помѣщенія въ первыхъ томахъ изданія г. Семевскаго, какъ видно изъ перваго отдѣла перваго тома, гдѣ напечатаны „указы и письма Петра Великаго къ князю Б. И. Куракину, 1711—24 гг.“ Ихъ нельзя отнести ни къ одной изъ вышеназванныхъ группъ бумагъ князя Б. И. Куракина, а къ тому же изъ предисловія (стр. XX) видно, что издатель вообще не намѣренъ придерживаться какого-либо правильнаго распредѣленія матеріала въ различныхъ томахъ изданія. „Письма эти,—говорится здѣсь,—напечатаны съ подлинниковъ, сохранившихся въ особо переплетенномъ сборникѣ“, а затѣмъ издатель продолжаетъ: „Въ архивѣ села Надеждина, уже во время печатанія настоящей книги, найдены разсѣянные въ разныхъ томахъ другіе грамоты, указы и письма того же государя къ князю Борису Ивановичу. Эти послѣдніе документы войдутъ во вторую и слѣдующія книги Архива князя Ѳ. А. Куракина“.

Итакъ, при распредѣленіи матеріала въ разныхъ томахъ коллекціи вообще не будетъ системы и изданіе будетъ имѣть характеръ историческаго журнала, въ которомъ въ болѣе или менѣе случайномъ порядкѣ, безъ впредь назначенной очереди, будутъ помѣщаемы различнаго рода бумаги; правиломъ будетъ служить поговорка: „Variatio delectat“.

Объ этомъ нельзя не сожалѣть въ интересѣ научной пользы, которой должно ожидать отъ столь важнаго и столь богатаго средствами предпріятія. Дѣло въ томъ, что изданіе сырого матеріала не можетъ считаться цѣлью науки, а служить лишь однимъ изъ средствъ для достиженія цѣлей науки. Ради техники дѣла при разработкѣ сырого матеріала, нельзя не желать, чтобы распре-

дѣленіе архивныхъ данныхъ, группировка бумагъ, служащихъ историческими источниками, давали историку возможность безъ труда находить соотвѣтствующія предмету его занятій данныя. Кто нуждается въ письмахъ Петра къ Куракину отъ 1711 до 1724 г. не для занимательнаго чтенія, но для спеціальнаго изученія какого-либо историческаго вопроса, при таковомъ отсутствіи системы долженъ будетъ прибѣгать къ цѣлому ряду томовъ изданія князя Куракина, между тѣмъ какъ соединеніе всѣхъ писемъ Петра къ Куракину въ одномъ томѣ было бы несравненно удобнѣе. И безъ того фрагментарный характеръ такого рода матеріаловъ, афористическое значеніе писемъ вообще, набросковъ, принадлежавшихъ минутѣ и составляющихъ цѣлый рядъ безсвязныхъ эпизодовъ, затрудняетъ эксплуатацію такихъ источниковъ для исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и тѣ письма и указы Петра къ Куракину, которыхъ сообщеніе въ слѣдующихъ томахъ изданія имѣетъ въ виду г. Семевскій, относятся къ этому же времени, къ этимъ же годамъ (1711—1724), т.-е. къ эпохѣ пребыванія Куракина въ Голландіи. Если бы у насъ издателямъ архивныхъ бумагъ самимъ чаще приходилось для истинно-научныхъ цѣлей пользоваться коллекціями матеріаловъ, они бы, конечно, болѣе серьезно относились къ техникѣ дѣла, къ вопросамъ о группировкѣ данныхъ въ потребностяхъ спеціалистовъ. Испытавъ во множествѣ случаевъ страшныя неудобства при разработкѣ данныхъ, заключающихся, напр., въ „Архивѣ князя Воронцова“, мы считаемъ себя въ правѣ въ интересѣ науки ожидать, что издатель „Архива князя Куракина“ обратитъ вниманіе на эту сторону дѣла и не столько будетъ думать о доставленіи занимательнаго чтенія дилеттантамъ, сколько объ утилизаціи въ будущемъ сырыхъ матеріаловъ историками, о пользѣ науки.

Отчего главнымъ образомъ происходитъ разбросанность однороднаго матеріала, несистематичность изданія архивныхъ данныхъ въ таковыхъ коллекціяхъ? Прежде всего оттого, что издатели до печатанія матеріала недостаточно знакомы со всѣми запасами предназначеннаго къ изданію матеріала. Поэтому г. Семевскій совершенно справедливо требуетъ (на стр. XXII, I тома), чтобы изданіе фамильнаго архива происходило не раньше, какъ послѣ описанія его, т.-е. послѣ приведенія въ систематическій порядокъ всѣхъ бумагъ фамильнаго архива. „До сихъ поръ,—пишетъ издатель „Архива князя Куракина“,—фамильные архивы, по крайней мѣрѣ въ Россіи, если и давали матеріалъ для отдѣльныхъ сборниковъ, появлялись иногда во многихъ даже томахъ, но мы не припомнимъ, чтобы хотя одинъ изъ таковыхъ частныхъ архивовъ

былъ бы у насъ описанъ; между тѣмъ, таковое описаніе должно, по возможности, предшествовать изданію бумагъ каждаго архива".

Это замѣчаніе можно отнести особенно къ архиву Воронцовыхъ и къ изданію г. Бартенева, въ которомъ, благодаря незнакомству со всѣмъ запасомъ издаваемаго матеріала, происходили случаи въ родѣ слѣдующаго. Въ XIV томѣ „Архива князя Воронцова" напечатано болѣе ста писемъ Кочубея къ Воронцову. Скоро послѣ этого были найдены въ этомъ же архивѣ многія другія письма Кочубея же къ Воронцову же, и эти письма (опять болѣе ста), относящіяся къ тѣмъ самымъ годамъ, какъ и предъидущія, были помѣщены въ XVIII томѣ этого же изданія. Понятно, что пользованіе двумя параллельными рядами однородныхъ писемъ представляетъ большое неудобство, которое имѣетъ причиною неисполненіе справедливаго требованія г. Семевскаго насчетъ описанія архива *до изданія его*.

Но, къ сожалѣнію, это же правило, какъ видно, не соблюдалось при изданіи „Архива князя Куракина". Г. Семевскій пишетъ: „Было приступлено, прежде всего, къ подробному описанію бумагъ Петровской эпохи архива кн. Ѳ. А. Куракина, и ко времени выхода въ свѣтъ настоящей книги всѣ эти бумаги были описаны". Кромѣ того: „Въ архивѣ села Надеждина, *уже во время печатанія настоящей книги*, найдены разсѣянные въ разныхъ томахъ другіе грамоты, указы и письма", и пр. Едва ли мы ошибаемся, считая образъ дѣйствія издателя нарушеніемъ имъ самимъ требуемаго правила объ очереди занятій издателя. Для историка то обстоятельство, что письма Петра къ Куракину въ Надеждинскомъ архивѣ разбросаны въ разныхъ томахъ, совершенно безразлично,—онъ можетъ требовать группировки матеріала. Повтореніе хаоса рукописнаго архива въ печатномъ изданіи вовсе не желательно.

Изданіе столь драгоцѣнныхъ и объемистыхъ, до того неизвѣстныхъ матеріаловъ сопряжено съ особенною отвѣтственностью и въ другихъ отношеніяхъ. Нельзя не требовать отъ издателя архивныхъ данныхъ нѣкотораго знакомства съ литературою тѣхъ предметовъ, къ которымъ относится новый матеріалъ. Нужно имѣть возможность хотя бы лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить отношеніе ново-открытыхъ данныхъ къ соотвѣтствующимъ свѣдѣніямъ въ печати.

Такъ и здѣсь мы были въ правѣ ожидать указанія на то, чтò было уже печатано о Куракиныхъ и не были ли изданы уже нѣкоторыя бумаги, хранящіяся въ Куракинскомъ Архивѣ? Г. издатель того не сдѣлалъ, несмотря на то, что въ „Русской

Старинѣ" неоднократно была рѣчь о Куракиныхъ, а именно о двухъ извѣстнѣйшихъ представителяхъ этого семейства, о современникѣ Петра Великаго, князѣ Борисѣ Ивановичѣ и о государственномъ дѣятелѣ эпохи Павла и Александра, князѣ Александрѣ Борисовичѣ.

Что касается до послѣдняго, то переписка его съ графомъ Н. П. Панинымъ въ 1797—98 годахъ была издана въ IX и X томахъ „Русской Старины". Изданіе этой, отчасти чрезвычайно важной, переписки, почему-то прекратилось въ этомъ журналѣ, и насколько это было возможно, я въ своемъ изданіи „Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина" продолжалъ издавать эти письма. Можно ожидать, что матеріалъ, помѣщенный когда-то въ „Русской Старинѣ", въ изданіи „Архива князя Куракина" будетъ помѣщенъ уже болѣе не въ видѣ фрагмента, а въ полномъ видѣ [1]), и тогда, вѣроятно, будетъ указано на IX и X томы „Русской Старины".

Зато въ первой книгѣ „Архива кн. Куракина", гдѣ помѣщены замѣтки и записки о путешествіяхъ, предпринятыхъ княземъ Борисомъ Ивановичемъ за границу въ 1697 г., не сказано о томъ, что объ этомъ предметѣ была уже рѣчь въ XXV и XXVI томахъ „Русской Старины". Умалчивать объ этомъ при изданіи путевыхъ замѣтокъ Куракина не слѣдовало уже потому, что новыми матеріалами, изданными въ настоящее время г. Семевскимъ, устраняется довольно крупное недоразумѣніе, возникшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ именно по этому вопросу. Мы позволяемъ себѣ вкратцѣ указать на этотъ эпизодъ, прямо относящійся къ предмету, занимающему видное мѣсто въ первой книгѣ новаго изданія.

Въ 1788 году была напечатана: „Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина россійскаго посольства въ 1697 и 98 годахъ"; эти же замѣтки, впрочемъ съ пропусками, были изданы Погодинымъ по списку, хранившемуся въ фамильномъ архивѣ гг. Кикиныхъ, въ „Московскомъ Вѣстникѣ" (1830 г. ч. VI) и въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1846 г. № 8 [2]). Имени автора этого чрезвы-

---

[1]) Въ каждомъ томѣ нашего изданія о Панинѣ помѣщено довольно значительное число писемъ Куракина къ Панину. Особенно любопытными оказываются данныя, относящіяся къ сотрудничеству обоихъ государственныхъ дѣятелей при Александрѣ I. Они будутъ помѣщены въ VI томѣ нашего изданія.

[2]) См. соч. Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", I, 145 и далѣе мое сочиненіе „Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII столѣтіи" (Оттиски изъ „Русскаго Вѣстника", марта, апрѣля и іюля 1877 г.), стр. 21—22 и 41—43.

чайно любопытнаго памятника никто не зналъ. Онъ присоединился въ Голландіи къ посольству Лефорта, Головина и Возницына и разсказываетъ о церемоніяхъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать въ свитѣ пословъ, и въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что онъ былъ „приставомъ", однажды ѣхалъ въ одной каретѣ съ княземъ Алексѣемъ Голицынымъ, и пр. Изъ Голландіи, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, „неизвѣстный", какъ я его называлъ постоянно въ своей монографіи о „туристахъ-дипломатахъ", поѣхалъ въ Италію, пробылъ въ Римѣ, Ливорнѣ, Генуѣ, Миланѣ, и затѣмъ чрезъ Тироль и Германію отправился въ Голландію, откуда онъ чрезъ Бременъ и Гамбургъ поѣхалъ въ Берлинъ. Вопросъ о томъ, кто былъ авторъ этихъ путевыхъ замѣтокъ, намъ казался довольно важнымъ, но мы не имѣли возможности разъяснить его.

Въ „Русской Старинѣ" (т. XXV, стр. 104), при изданіи этого же журнала путешествія И. Ѳ. Горбуновымъ было высказано предположеніе, что авторомъ этого памятника былъ не кто иной какъ именно князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Это предположеніе было высказано весьма осторожно, въ видѣ вопроса, при чемъ было указано и на другихъ лицъ, которыя могли быть сочинителями этого дневника. Указывая нѣсколько позже въ „Русской Старинѣ" (т. XXVI, стр. 160) на это предположеніе, высказанное г. Горбуновымъ, князь Н. Н. Голицынъ замѣчаетъ: „Я имѣлъ въ рукахъ собственноручный дневникъ князя Куракина, веденный имъ впослѣдствіи въ Парижѣ, въ бытность его тамъ русскимъ посломъ, и вполнѣ раздѣляю это мнѣніе. Можно признать даже одинаковый *слогъ* и систему изложенія" [1]).

Увѣренность, съ которою было высказано мнѣніе объ авторствѣ Куракина, заставила меня въ моемъ сочиненіи „Die Europäisirung Russlands" [2]) назвать, хотя не безъ оговорки и не безъ

---

[1]) При этомъ случаѣ мы узнаемъ чрезъ замѣтки князя Н. Голицына подъ страницею, что этотъ журналъ пребыванія Куракина въ Парижѣ „посломъ" находится въ архивѣ Куракиныхъ. Значитъ, можно ожидать помѣщенія и этого памятника въ новомъ изданіи г-на Семевскаго. Зачѣмъ, однако, этотъ журналъ пребыванія Куракина въ Парижѣ не былъ помѣщенъ въ первой книгѣ изданія, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, по характеру и содержанію соотвѣтствуетъ „Дневнику и путевымъ замѣткамъ князя Б. И. Куракина 1705—8 гг.", помѣщеннымъ въ первой книгѣ (на стр. 101—240). Когда же Куракинъ былъ „посломъ" въ Парижѣ? Въ 1717 году онъ находился тамъ вмѣстѣ съ Петромъ, а немного позже русскимъ дипломатомъ въ Парижѣ былъ сынъ князя Бориса Ивановича. Онъ пріѣзжалъ въ Парижъ и позже, но, сколько мы знаемъ, не надолго.

[2]) Gotha, 1888, стр. 474.

указанія на замѣчанія Горбунова и Голицына, Куракина авторомъ этого журнала путешествія.

Узнавъ о выходѣ въ свѣтъ „Архива кн. Куракина", я тотчасъ же ожидалъ, что вопросъ объ авторствѣ Куракина окончательно будетъ приведенъ въ ясность; но результатъ является отрицательнымъ.

Изъ автобіографической записки князя Бориса Ивановича Куракина, помѣщенной въ первой книгѣ (см. стр. 254—256), видно, что онъ не могъ быть тѣмъ лицомъ, которое совершило и описало вышеупомянутое путешествіе. Куракинъ тогда не поѣхалъ въ Голландію, а находился въ числѣ тѣхъ стольниковъ, которые были отправлены прямо въ Италію. Между тѣмъ какъ „неизвѣстный" выѣхалъ изъ Москвы 11-го мая 1697 г. въ Голландію, гдѣ онъ пробылъ до 1-го апрѣля 1698 года, Б. И. Куракинъ выѣхалъ изъ Москвы въ мартѣ 1697 г. и прямо чрезъ Варшаву и Вѣну поѣхалъ въ Италію, гдѣ онъ пробылъ до осени этого же года, совершивъ два раза путешествія по Адріатическому морю. Въ февралѣ 1698 г. Куракинъ возвратился въ Москву, между тѣмъ какъ „неизвѣстный" только послѣ этого успѣлъ съѣздить въ Италію, гдѣ онъ пребывалъ не для обученія морской наукѣ, какъ Куракинъ, а въ качествѣ туриста для своего удовольствія.

Мы думаемъ, что объ этомъ обстоятельствѣ, о разъясненіи вопроса, о неудачѣ гипотезы гг. Горбунова и Голицына слѣдовало сообщить въ первой книгѣ „Архива князя Куракина", тѣмъ болѣе, что издатель этого архива затронулъ этотъ вопросъ въ „Р. Старинѣ".

При сообщенія бумагъ, относящихся къ дипломатической дѣятельности Куракина и которыхъ можно ожидать въ изобиліи, какъ намъ кажется, нужно будетъ указать на архивный матеріалъ, вошедшій въ сочиненія объ этой эпохѣ вообще. Такъ напр., въ разныхъ томахъ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева очень часто упоминается о донесеніяхъ Куракина Петру Великому. Эти донесенія заимствованы изъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, и характеромъ и содержаніемъ не отличаются отъ кое-какихъ бумагъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ Куракиныхъ. Мы думаемъ, что при сообщеніи новыхъ, пока неизвѣстныхъ данныхъ такого рода слѣдуетъ принимать въ соображеніе уже находящійся въ распоряженіи историковъ запасъ подобныхъ свѣденій. Къ сожалѣнію, издатель не обратилъ вниманія на такія печатныя данныя.

На стр. 329—348 сообщены найденныя въ архивѣ села Надеждина двѣ записки Куракина: первая—„объ отношеніяхъ

лавъ въ Россіи и о прочихъ дѣлахъ политическихъ" (3-го бря 1718), вторая — „о войнѣ и мирѣ съ Швеціею" (1720 г.). ь сомнѣнія, что подобныя записки Куракина должны нахося въ московскомъ архивѣ, такъ какъ онѣ имѣли чисто оффиный характеръ и были адресованы къ Петру. Ограничиваясь ніемъ исключительно бумагъ села Надеждина и не имѣя въ печатанія бумагъ Куракина вообще—въ чемъ никто не сталупрекать издателя,—г. Семевскій могъ бы при изданіи тазаписокъ упомянуть о томъ, что сходныя съ этими бумадонесенія Куракина къ Петру уже были извѣстны. Такъ ., довольно обширная записка о положеніи дѣлъ, относися къ 1719 году, помѣщена въ XVII томѣ „Исторіи Россіи" вьева (стр. 318—320).

Однимъ словомъ, издатель не считалъ нужнымъ снабдить иземыя имъ бумаги какимъ-либо комментаріемъ. Такимъ же статкомъ невыгодно отличаются многія изданія, вышедшія вѣтъ въ послѣднее время, въ томъ числѣ и „Архивъ князя нцова", и объ этомъ нельзя не сожалѣть въ интересѣ науки. Во многихъ случаяхъ текстъ издаваемыхъ бумагъ требуетъ сненій, поправокъ. Такого рода замѣтки въ небольшомъ коствѣ встрѣчаются почти исключительно подъ страницами истоскаго труда Куракина отъ 1682 до 1694 года (стр. 42—75). ругихъ мѣстахъ изданія комментарія нѣтъ, между тѣмъ какъ торыя объясненія могли бы быть очень полезными и въ нѣькихъ случаяхъ оказываются даже необходимыми. Такъ напр., кинъ (на стр. 140) пишетъ по поводу разсказа о пребывавъ Роттердамѣ: „при площади той сдѣланъ мужикъ, вылитый, ый, съ книгою, на знакъ тому, который былъ человѣкъ, здо ученой и часто людей училъ и тому на знакъ то сдѣ". Тутъ не мѣшало бы примѣтить, что рѣчь идетъ о статуѣ ма Роттердамскаго. На стр. 265, при разсказѣ о военныхъ тіяхъ 1703 года Куракинъ пишетъ: „И потомъ изъ Шлюсурга пошли подъ Нотебургъ—нынѣ сдѣланъ пониже Санктърбургъ". Тутъ очевидно описка: вмѣсто „Нѣтеборгъ" слѣдобы сказать „Ніеншанцъ"; объ этомъ слѣдовало бы сказать текстѣ, потому что не всѣмъ читателямъ извѣстно, что Нѣтеь и Шлюссельбургъ одно и то же. На стр. 132, Куракинъ казываетъ о состояніи и правахъ представителей разныхъ вѣданій въ Голландіи и, говоря о нѣкоторой группѣ католи, замѣчаетъ: „Министенъ въ домахъ, а не церковь". При ѣ „министенъ" замѣчено подъ страницею „Минимы?" Мы наемъ, какъ понимаетъ г. издатель это слово, и не имѣлъ

ли онъ въ виду миноритовъ или францисканскихъ монаховъ (Fratres minores). Намъ кажется, что тутъ идетъ рѣчь не о чемъ иномъ, какъ о богослуженіи: слово „ministerium" употреблялось въ этомъ смыслѣ, обозначая буквально „службу", отправлять которую было дозволено католикамъ, не признававшимъ папу, не иначе какъ въ частныхъ домахъ.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что объясненіе текста бумагъ, комментарій къ нему, иногда оказывается необходимымъ особенно для менѣе свѣдущихъ читателей. Чѣмъ менѣе равнодушно издатель на этотъ счетъ относится къ издаваемымъ имъ бумагамъ въ частностяхъ, тѣмъ полезнѣе окажется его изданіе не только для публики вообще, но и для спеціалистовъ-историковъ.

Мы вполнѣ умѣемъ цѣнить громадный и кропотливый трудъ переписчиковъ и издателя при разборѣ текста Куракинскихъ бумагъ. Намъ извѣстно, въ какой мѣрѣ неразборчиво писали и самъ Петръ, и его современники. Изъ нѣкоторыхъ факсимиле, присоединенныхъ къ первой книгѣ „Архива кн. Куракина", видно, съ какими затрудненіями сопряжено дешифрированіе рукописей начала XVIII-го вѣка. При разборѣ именъ и техническихъ выраженій во многихъ случаяхъ издателямъ можетъ помочь главнымъ образомъ знаніе языковъ, знакомство съ исторіею, свѣденія вообще. Все это можетъ содѣйствовать исправности и ясности изданія. Понятно, что не всѣ недоумѣнія могутъ быть разъясняемы. Многое должно оставаться вопросомъ: неясность, иногда даже запутанность текста происходитъ отъ неправильной орѳографіи писавшаго, отъ того, что онъ не умѣлъ прислушаться, какъ слѣдуетъ, къ звукамъ чужихъ словъ и именъ, отъ неумѣнія писателей прежнихъ временъ ставить знаки препинанія, отъ смѣшенія языковъ и пр. Въ запискахъ Куракина имена лицъ, городовъ, разныхъ мѣстностей, названія разныхъ предметовъ въ чужихъ языкахъ, голландскомъ, французскомъ, итальянскомъ представляютъ для правильнаго воспроизведенія въ печатномъ изданіи безконечныя затрудненія. Къ тому же князь Борисъ Ивановичъ, находившись и учившись въ Италіи въ 1697 году, въ такой мѣрѣ успѣлъ привыкнуть къ итальянскому языку, что его слогъ мѣстами оказывается смѣсью русскаго языка съ итальянскимъ и что даже встрѣчается множество случаевъ, въ которыхъ итальянскія слова и фразы писаны русскимъ шрифтомъ, а русскія слова и фразы— итальянскимъ или латинскимъ. Отсюда происходитъ нигдѣ въ такой мѣрѣ не встрѣчаемая пестрота издаваемаго текста; отсюда возникаютъ для издателя самыя сложныя—если такъ можно выразиться— палеографическія задачи. Нельзя не отдать полной справедливости

г. Семевскому и его сотрудникамъ въ дѣлѣ изданія Куракина, что они чрезвычайно добросовѣстно и въ большей части успѣшно боролись съ этими затрудненіями и что благодаря этому текстъ воспроизведенъ вообще довольно правильно. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ фактами исторіи начала XVIII-го вѣка и съ итальянскимъ языкомъ можно бы было избѣгнуть нѣкоторыхъ погрѣшностей, оставшихся въ текстѣ изданія, привести въ ясность нѣкоторыя недоумѣнія и болѣе точно придерживаться оригинала Куракинскихъ бумагъ.

Мы позволяемъ себѣ указать на нѣкоторые примѣры погрѣшностей при воспроизведеніи Куракинскихъ рукописей и на нѣкоторые случаи, гдѣ издатель не совсѣмъ удачно боролся съ затрудненіями, сопряженными съ изданіемъ этихъ бумагъ.

Начнемъ съ именъ лицъ и географическихъ мѣстностей, обращая вниманіе на такіе случаи, гдѣ погрѣшности могутъ быть приписываемы не столько Куракину, сколько издателю.

На стр. 89, въ общемъ оглавленіи задуманнаго Куракинымъ обширнаго историческаго сочиненія сказано (подъ № 259), будто Петръ послѣ свиданія съ датскимъ королемъ въ Гамбургѣ поѣхалъ чрезъ Ганноверъ „въ Пирмзитъ". Тутъ г. Семевскій поставилъ вопросительный знакъ. Рѣчь идетъ о *Пирмонтѣ*, гдѣ Петръ неоднократно бывалъ для леченія минеральными водами и куда онъ отправился послѣ пребыванія въ Альтонѣ въ 1716 году, откуда онъ неоднократно писалъ къ Екатеринѣ, гдѣ онъ имѣлъ свиданіе съ Лейбницемъ и гдѣ происходили между Петромъ и разными дипломатами переговоры объ условіяхъ мира съ Швеціею. Нѣтъ сомнѣнія, что Куракинъ не могъ написать: „Пирмзитъ".

Въ этомъ же общемъ оглавленіи историческаго труда Куракина (подъ № 275) сказано: „О начатіи тройного алліанса и пріѣздѣ первомъ Абедебую", при чемъ и издатель, недоумѣвая, о комъ идетъ рѣчь, въ скобкахъ пишетъ: „Аввé де-Буръ? де-Буа? де-Бусъ". Не можетъ быть сомнѣнія, что Куракинъ писалъ объ извѣстномъ Дюбуа (Dubois), руководившемъ во время малолѣтства Людовика XV при регентѣ, герцогѣ Орлеанскомъ, иностранною политикою Франціи.

Едва ли Куракинъ писалъ объ извѣстномъ врачѣ Петра Великаго, докторѣ Эрскинѣ (Areskin): „Аретинъ", какъ напечатано на стр. 89, или „Аренинъ", на стр. 97? Куракинъ, лично знакомый съ этимъ приверженцемъ якобитовъ, съ этимъ завзятымъ роялистомъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ пребывалъ въ Парижѣ и который участвовалъ въ кое-какихъ—безъ сомнѣнія, извѣстныхъ Куракину—

закулисныхъ дипломатическихъ переговорахъ, вѣроятно писалъ, какъ многіе другіе современники, имя доктора: „Арескинъ".

Вмѣсто „Спофаціусъ" въ спискѣ „о нужныхъ именахъ исторіи" (на стр. 97) Куракинъ, вѣроятно, писалъ „Спофаріусъ", такъ какъ очевидно тутъ упомянутъ молдавскій бояринъ Спафарій или Спафари, бывшій политическимъ дѣятелемъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и во время регентства Софьи и Голицына, совершившій въ качествѣ дипломата путешествіе въ Китай, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ разными иностранцами, и пр.

Въ спискѣ именъ историческихъ лицъ Куракинъ пишетъ: „Андрей Вандергустъ, разыденъ Голанской". Вѣроятно, воспроизведеніе написаннаго Куракинымъ совершенно правильно; не точна, однако, поправка издателя въ скобкахъ: „Ванъ-деръ-Густъ", такъ какъ резидента нидерландскаго звали „van der Hulst". О немъ часто идетъ рѣчь въ сочиненіи Устрялова о Петрѣ и въ другихъ сочиненіяхъ.

На стр. 98 говорится о переговорахъ съ Франціею (подъ № 310) и „о Шлейцѣ", участвовавшемъ въ этихъ переговорахъ. Если такъ писалъ Куракинъ, то это явно описка, которую слѣдовало исправить. Куракинъ не могъ не знать, что этого дипломата звали *Шлейницомъ*, тѣмъ болѣе, что сынъ Куракина былъ соперникомъ Шлейница, какъ извѣстно, между прочимъ, изъ недавно изданныхъ донесеній Кампредона.

Что касается до чужихъ словъ, оставшихся непонятными для издателя Куракинскихъ бумагъ, то, напр., на стр. 88 сказано: „О баталіи подъ Прутомъ и учиненіи миру съ Портою и объ отдачѣ етажевъ (?) Шафирова и Шереметева". Вопросительный знакъ оказался бы лишнимъ, еслибы издатель вспомнилъ о французскомъ словѣ „otages" и о томъ, что Шафировъ и Шереметевъ въ качествѣ заложниковъ по случаю заключенія прутскаго мира въ 1711 г. должны были оставаться въ рукахъ турокъ. Едва ли Петръ писалъ къ Куракину (стр. 31) въ 1724 г.: „Я говорилъ тебѣ о тешенѣ отъ фортификаціи Бергъ Онъ сумъ" и пр., такъ какъ голландское слово о рисункѣ или планѣ въ другихъ случаяхъ въ письмахъ Петра же совершенно правильно пишется „текенъ", и т. под.

Обращая вниманіе на такія, какъ видно, неважныя погрѣшности, мы повторяемъ, что при сложности задачи издателя оказывается невозможнымъ избѣгнуть ихъ совершенно. Но можно пожалѣть, что издатель не обращался къ знатокамъ итальянскаго языка для избѣжанія многихъ ошибокъ, которыхъ уже никакъ нельзя приписать Куракину, отлично владѣвшему этимъ языкомъ.

Такъ, напр., на стр. 151 нужно читать вмѣсто „ocomprato“ и „opagato“ — „ho comprato“ (купилъ), „ho pagato“ (заплатилъ)[1]. На стр. 177 вмѣсто „финкціоне“ нужно читать „функціоне“ („funzione“, исполненіе обязанности, обряда, богослуженіе), на стр. 315 неправильно „catatalco“ вмѣсто „catafalco“, въ другомъ мѣстѣ „nolta“ вмѣсто „volta“, и пр., и пр. Мы допускаемъ, что неряшливость правописанія на итальянскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ, у Куракина, ужасамъ русской орѳографіи того времени, и что этимъ иногда затемняется смыслъ итальянскаго текста въ бумагахъ Куракина. Тѣмъ болѣе издатель долженъ былъ стараться по возможности разъяснить ошибки написанія.

Внѣшній видъ изданія соотвѣтствуетъ значенію содержанія его. Портретъ князя Бориса Ивановича, приложенный въ первой книгѣ, исполненъ великолѣпно; на обложкѣ красуется тщательно гравированный гербъ Куракиныхъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о самомъ изданіи и техникѣ дѣла, мы вкратцѣ укажемъ на содержаніе первой книги „Архива князя Ѳ. А. Куракина“, стараясь отвѣтить на вопросъ: сколько важнаго и новаго для исторіи Россіи заключается въ этомъ томѣ?

Оказывается, что новое изданіе имѣетъ значеніе, потому что служитъ источникомъ для изученія спеціальныхъ историческихъ вопросовъ въ трехъ отношеніяхъ:

во-первыхъ, тутъ встрѣчаются новыя данныя для *политической исторіи въ эпоху Петра Великаго*;

во-вторыхъ, мы здѣсь находимъ характеристическія черты для изученія *вліянія западно-европейской культуры* на Россію въ эпоху преобразованія вообще;

въ-третьихъ, этотъ первый томъ новаго изданія представляетъ собою множество совсѣмъ новыхъ данныхъ для біографіи князя Б. И. Куракина.

Что касается до данныхъ для политической исторіи, то мы ихъ находимъ въ разныхъ матеріалахъ, напечатанныхъ въ этомъ томѣ, а именно сюда относятся: 1) Указы и письма Петра Великаго къ князю Б. И. Куракину; 2) „Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людяхъ 1682 — 1694 гг.“; 3) „Вѣдѣніе о главахъ въ Гисторіи“ и приложеніе „о нужныхъ именахъ въ Гисторіи“; 4) Русско-шведская война 1701—1710, и наконецъ 5) Записки Куракина о положеніи дѣлъ въ 1718 и въ 1720 гг.

---

[1]) Неправильно тамъ же русскій текстъ латинскимъ шрифтомъ напечатанъ: „Po semu rehonu“ (По сему резону).

Что касается до политическихъ записокъ, составленныхъ Куракинымъ въ то время, когда онъ былъ дипломатомъ въ Нидерландахъ, то онѣ, пожалуй, проливаютъ свѣтъ на состояніе Европы въ послѣднее время Сѣверной войны и на отношенія разныхъ державъ къ Россіи до заключенія Ништатскаго мира. Но, во-первыхъ, эти записки имѣютъ лишь характеръ отрывковъ, значеніе которыхъ должно быть разсмотрѣно въ связи съ другими матеріалами такого же рода, а именно съ другими донесеніями и записками Куракина, отчасти уже напечатанными въ трудѣ Соловьева; а во-вторыхъ, о политическомъ состояніи Россіи и Европы наканунѣ окончанія Сѣверной войны столько извѣстно, что едва ли окажется возможнымъ найти въ этихъ запискахъ Куракина что-либо существенное.

Изложеніе событій шведской войны отъ 1700 до 1710 г. не заключаетъ въ себѣ особенно важныхъ данныхъ. Перечень военныхъ событій, указанія на имена офицеровъ, топографическія данныя и пр.,—все это довольно безцвѣтно и сухо и развѣ только мѣстами встрѣчаются замѣчанія, освѣщающія событія Сѣверной войны и значеніе нѣкоторыхъ эпизодовъ. Такъ напр., по поводу взятія Нарвы въ 1704 году Куракинъ пишетъ: „По взятьи того города всѣмъ дарованъ животъ, которое дѣло славное и дивное въ свѣтѣ сдѣлалось, что николи того слыхать было, которыхъ обычайно взявъ, шпагою всѣхъ колютъ" (стр. 297). Любопытна слѣдующая, заключающая въ себѣ обобщеніе, замѣтка: „Сонѳини [1]) государства: россійское, польское, шведское, имѣютъ межъ собою согласіе и контру, какъ въ согласьѣ приходятъ вмѣстѣ, такъ и въ контру подымаются вмѣстѣ. Николи такого случая могло быть, чтобъ шведу имѣть войну съ Россіею, а полякамъ бы того же времени не имѣть войны или съ шведомъ или съ Россіею. Такъ и противнымъ способомъ шведы съ поляки, а Россіи не имѣть бы войну съ шведы или съ поляки невозможно. Такой лиянсъ (alliance) между собою тѣ три провинціи (sic) имѣютъ: одинъ безъ другого, третьяго, не воюютъ" (стр. 299). Какъ видно, у Куракина есть обще-историческія, обще-политическія понятія. Онъ интересуется исторіею. Говоря о Нарвѣ, онъ сообщаетъ вкратцѣ исторію этого города. Однако, болѣе рельефныя черты при изложеніи событій встрѣчаются развѣ только въ видѣ исключенія. Напр., о Шереметевѣ, по поводу краткой замѣтки о нанесенномъ ему шведами пораженіи при Гемауертсгофѣ, сказано: „Самъ фельдмаршалъ въ дисперацiи

---

[1]) Отъ итальянскаго слова „confini" границы, т.-е. смежныя государства".

былъ“ [1]). Какъ извѣстно, немного позже Шереметевъ былъ отправленъ на юго-востокъ Россіи для укрощенія казацкаго бунта около Астрахани; къ этому времени относится любопытный анекдотъ, разсказанный Куракинымъ: „При одномъ погребѣ солдатовъ Царское Величество спрашивалъ, у кого хотятъ быть подъ командою, которые единогласно кричали, чтобъ послать по Бориса Шереметева, и кромѣ его ни подъ чьею командою быть не хотятъ. И вскорѣ былъ посланъ курьеръ въ Астрахань для фельдмаршала Шереметева, и привезенъ чрезъ почту“ (стр. 305—306). Не лишены интереса выраженія въ родѣ слѣдующихъ, что „фельдмаршалъ Огильвей малтъ контентъ (malcontent) и съ непріязнью отпущенъ въ свой край“, что по случаю заключенія альтранштатскаго мира Карлъ XII „всѣхъ алеатовъ (союзниковъ) помѣшалъ“ и „вся Германія въ конфузіи“ и „какъ наши, такъ и поляки, всѣ были въ великой конфузіи“ (стр. 308). Упомянувъ объ измѣнѣ Мазепы, а затѣмъ и кошевого Кости, Куракинъ пишетъ: „Сія другая измѣна въ немалую конфузію дворъ Его Величества привела; однакоже, при помощи Божеской обратилась въ ничто“. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя данныя о событіяхъ въ Малороссіи, которыя могутъ служить дополненіемъ того, что̀ извѣстно изъ другихъ источниковъ о состояніи края въ это время. Полтавская битва, въ которой Куракинъ самъ участвовалъ, разсказана очень кратко и замѣчаній о громадномъ значеніи этого событія при этомъ случаѣ не сдѣлано.

Куракинымъ было задумано большое историческое сочиненіе, программа котораго напечатана на стр. 79—94. Въ Гагѣ онъ въ 1723 году написалъ что-то въ родѣ предисловія къ этому труду: „вѣденіе заглавій книги сей начатой, которая имѣетъ быть учинена къ пользѣ и славѣ народу Всероссійской Имперіи. Здѣсь топерь, при помощи Божеской, начинаемъ писать, откуль что собрать матерій въ сію книгу, съ отмѣтками на сторонахъ, а потомъ начнемъ книгу писать формально при помощи Вышняго, въ надѣяніи Его святой протекціи“, и пр. Перечень „о матеріяхъ“ представляетъ 344 нумеровъ или главъ историческаго сочиненія отъ самаго начала исторіи славянъ до послѣдняго времени царствованія Петра Великаго. Нѣкоторыя главы или, лучше сказать, надписи надъ главами обнаруживаютъ умѣнье замѣчать болѣе или менѣе важные моменты въ исторіи культурнаго развитія Россіи. Такъ, напримѣръ: „о Романовѣ, который началъ

---

[1]) Что̀, впрочемъ, было извѣстно. См. письмо Петра къ Шереметеву послѣ битвы, въ которомъ государь утѣшаетъ его, у Голикова X. 215 (Соловьевъ, XV. 170).

платье нѣмецкое носить“; „объ охотахъ а-ля-шасъ“ (à la chasse). „о перемѣнѣ платья и начатіи платья польскаго“ (при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ) и т. п. Достойно вниманія выраженіе „о *избраніи* царя Ѳеодора Алексѣевича“. Куракинъ умѣлъ цѣнить и значеніе исторіи хозяйства, какъ видно, напримѣръ, изъ заглавій: „о начатіи ветошу [1]) и поташу“ или „о начатіи комерціи съ чужестранными“ или „о сборахъ казны или ѳинаціи“ (финансы). Если бы Куракинъ успѣлъ написать этотъ обширный историческій трудъ, то нѣкоторыя части послѣдняго, безъ сомнѣнія, имѣли бы характеръ мемуаровъ, какъ видно, напр., изъ заглавій, относящихся къ событіямъ 1717 года: „о назначеніи меня посылки къ цесарскому двору и для призванія царевича; все сіе было въ Парижѣ; а въ Шпа по пріѣздѣ Румянцева чрезъ интриги Толстова и Шафирова премѣнилось, и отправленъ Толстой, и объ его отправленіи и инструкціяхъ“; или: „объ моемъ отправленіи въ Голандію на предь для конференціи съ Понятовскимъ и Спрекомъ и въ тоже время дана была мнѣ коммиссія уговаривать въ метресъ дочь генерала-маіора Порталя, чтобы выдать замужъ за Татищева въ Мастрихтѣ и прочее“, или: „о свободѣ Герца изъ аресту, и о конференціяхъ его со мною въ Лоі (Loo) и о его отправленіи подъ нашими пашпорты и чрезъ Ригу и Ревель, о проѣздѣ къ королю швецкому“ и т. под.

Куракинъ составилъ проектъ своего обширнаго историческаго сочиненія, судя по вышеупомянутому предисловію, въ 1723 году. Осенью 1727 года онъ скончался. Какъ кажется, онъ въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ не успѣлъ написать всего сочиненія. Зато сохранилась часть этого труда. Изложеніе событій 1682—94 г., т.-е. разработка главъ 93—128, заключается въ трудѣ Куракина, которому г. Семевскій далъ заглавіе: „Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“. На рукописи этого сочиненія показано число: „7/18 мая 1727“; значитъ, Куракинъ составилъ этотъ трудъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины. Изъ этого отрывка цѣлаго сочиненія видно, какое множество новыхъ и важныхъ данныхъ заключало бы въ себѣ это изложеніе событій всего царствованія Петра, разработка котораго не состоялась. Судя по изложенію событій 1682—94 гг., весь трудъ Куракина, если бы онъ успѣлъ написать его, могъ бы служить важнѣйшимъ источникомъ исторіи этой эпохи, главнымъ образомъ въ отношеніи къ исторіи дипломатіи. Можно прямо сказать, что эта часть

---

[1]) Отъ нѣмецкаго слова: „Weidasche“.

первой книги „Архива князя Куракина“ должна считаться важнѣйшею изъ всего тома.

Куракинъ былъ отрокомъ и юношею въ то время, къ которому относится его разсказъ о событіяхъ первыхъ двѣнадцати лѣтъ номинальнаго царствованія Петра. Благодаря выдающемуся общественному положенію молодого человѣка, онъ могъ особенно подробно знать обо всемъ происходившемъ въ центрѣ государства и составить себѣ точное понятіе о значеніи совершившихся на его глазахъ переворотовъ, о качествахъ важнѣйшихъ дѣятелей этой эпохи и о нѣкоторыхъ фактахъ, происходившихъ, такъ сказать, за кулисами придворной и оффиціальной жизни.

Что касается до оцѣнки важнѣйшихъ фактовъ, то самыя характеристическія замѣчанія относятся къ 1689—93 годамъ. Куракинъ называетъ это время эпохою „правленія царицы Наталіи Кириловны“ (стр. 62). Когда она скончалась (въ январѣ 1694), „весь говерноментъ перемѣнился“, какъ пишетъ Куракинъ. Перемѣна заключалась въ томъ, что при Натальѣ Кириловнѣ главными дѣятелями были Левъ Нарышкинъ и Борисъ Голицынъ, и что затѣмъ эти министры лишились всякаго значенія. Вотъ чтò на этотъ счетъ сказано въ сочиненіи Куракина: „По смерти ея (царицы) вступилъ въ правленіе Его Величество царь Петръ Алексѣевичъ самъ... Сія смерть причинила паденіе Льва Нарышкина, понеже онъ отъ Его царскаго Величества всегда былъ мепризированъ и принятъ за человѣка глупаго... и хотя Его Величество самъ вступилъ или понужденъ былъ вступить въ правленіе, однакожъ, труда того не хотѣлъ понести и оставилъ все своего государства правленіе министрамъ своимъ. ...Во всѣ дѣла внутреннія Его Величество положился и далъ управлять на Тихона Стрешнева, хотя котораго внутренно и не любилъ ниже эстимовалъ“. Къ этому приписано авторомъ на полѣ: „NB для того не любилъ, что ему, Стрешневу, причиталъ свою женитьбу въ родѣ Лопухиныхъ“.

Довольно любопытны характеристики важнѣйшихъ лицъ этой эпохи. Укажемъ на нѣкоторые примѣры.

О царевнѣ Софьѣ: „великаго ума и великой политики“.

О первой супругѣ Петра: „Царица Евдокія Өедоровна была принцесса лицомъ изрядная, токмо ума посредняго и нравомъ несходная къ своему супругу, отчего все свое счастіе потеряла и весь свой родъ сгубила“.

О Натальѣ Кириловнѣ: „Принцесса добраго темпераменту, добродѣтельнаго, токмо не была ни прилежная, и не искусная въ дѣлахъ и ума легкаго“.

О братѣ царицы: „Помянутаго Нарышкина кратко характеръ можно описать, а именно: „что былъ человѣкъ гораздо посредняго ума и невоздержной къ питью, также человѣкъ гордой, и хотя не злодѣй, токмо не склончивой и добро многимъ дѣлалъ безъ резону, но по бизаріи своего гумору".

О Стрешневѣ: „Человѣкъ лукавой и злаго нраву, а ума гораздо средняго... интригантъ дворовой".

О Борисѣ Голицынѣ: „Былъ человѣкъ ума великаго, а особливо остроты, но къ дѣламъ не прилежный, понеже любилъ забавы, а особливо склоненъ былъ къ питію".

О Ѳедорѣ Юрьевичѣ Ромодановскомъ: „Сей князь характеру партикулярнаго; собою видомъ какъ монстра; нравомъ злой тиранъ; превеликой нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но Его Величеству вѣрной такъ былъ, какъ никто другой".

О Лефортѣ: „Человѣкъ забавной и роскошной или назвать дебошанъ французской. Въ дѣлахъ силъ не имѣлъ и не мѣшался и правленія никакого не имѣлъ. И понеже человѣкъ слабаго ума и не капабель всѣхъ тѣхъ дѣлъ править по своимъ чинамъ, то все управляли другіе вмѣсто его. Онъ денно и нощно былъ въ забавахъ, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебошъ съ дамами и питье непрестанное, оттого и умеръ", и пр.

О Меншиковѣ: „Характеръ сего князя описать кратко: что былъ ума гораздо средняго и человѣкъ неученый, ниже писать что могъ, кромѣ свое имя токмо выучилъ подписывать".

Характеристики князя Василья Васильевича Голицына нѣтъ, но о значеніи его дѣятельности, о вліяніи его либерализма, его склонности къ прогрессу, можно судить по слѣдующей, какъ намъ кажется, чрезвычайно любопытной характеристикѣ времени правленія Софьи.

„Правленіе царевны Софьи Алексѣевны началось со всякою прилежностью и правосудіемъ всѣмъ, и ко удовольству народному, такъ что никогда такого мудраго правленія въ россійскомъ государствѣ не было. И все государство пришло во время ея правленія, чрезъ семь лѣтъ, въ цвѣтъ великаго богатства. Также умножилась коммерція и всякія ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политесъ [1]) востановлена была въ великомъ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ манеру польскаго—и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и уборахъ, и въ столахъ. И торжествовала тогда довольность народная, такъ что всякой легко могъ видѣть, когда

[1]) Politesse—утонченность нравовъ.

праздничной день въ лѣтѣ, то всѣ мѣста кругомъ Москвы за городомъ, сходныя къ забавамъ, какъ Марьины рощи, Дѣвичье поле и протчее, наполнены были народомъ, которые въ великихъ забавахъ и играхъ бывали, изъ чего можно было видѣть довольность житія ихъ".

Этотъ общій и чрезвычайно благопріятный отзывъ о правленіи Софьи и Голицына заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ другихъ русскихъ источникахъ такой выгодной характеристики этой эпохи мы не встрѣчаемъ. Хвалить Софью и Голицына скоро послѣ ихъ удаленія отъ дѣлъ, т.-е. скоро послѣ 1689 года, могло казаться дѣломъ отважнымъ, опаснымъ. И сестра Петра, и ея министръ считались государственными преступниками. Вспоминать о ихъ заслугахъ, говорить о томъ, какъ хорошо чувствовало себя общество при Софьѣ и Голицынѣ, могло считаться чуть ли не государственнымъ преступленіемъ, и развѣ только гораздо позже, три-четыре десятилѣтія спустя, въ то время, когда ни Василья Васильевича Голицына, ни царевны Софьи не было болѣе въ живыхъ, можно было отваживаться на панегирикъ тѣмъ лицамъ, которыя были когда-то противниками Петра. Куракинъ, живя за границею, составляя свой историческій трудъ въ той странѣ, гдѣ свобода слова была болѣе всего обезпечена и къ тому же, вѣроятно, не намѣреваясь публиковать свой трудъ, не стѣснялся, восхваляя царевну и ея министра. Впрочемъ, его выгодный отзывъ о положеніи Россіи въ 1682—89 г. заключалъ въ себѣ не столько сравненіе съ царствованіемъ Петра, сколько сравненіе съ царствованіями предшественниковъ Софьи и ея фаворита.

Нельзя не спросить объ источникѣ, на основаніи котораго Куракинъ могъ составить себѣ столь благопріятное понятіе о времени правленія Софьи. Ему было шесть лѣтъ, когда началась эта эпоха, и тринадцать, когда она кончилась; поэтому можно думать, что Куракинъ руководствовался при своемъ разсказѣ, пожалуй, отчасти собственными воспоминаніями и взглядами. Можно далѣе считать вѣроятнымъ, что благопріятные отзывы объ удачныхъ дѣйствіяхъ правительства въ восьмидесятыхъ годахъ Куракинъ слышалъ въ той средѣ, гдѣ онъ воспитывался, отъ родственниковъ и знакомыхъ, бывшихъ старше его и скорѣе, чѣмъ самъ онъ, имѣвшихъ право считаться современниками Софьи и Голицына въ точномъ смыслѣ. Наконецъ, нельзя не допустить возможности, что отзывъ Куракина о характерѣ управленія дѣлами царевны и Голицына основывался на литературѣ предмета, на кое-какихъ историческихъ трудахъ, вышедшихъ за границею скоро послѣ переворота 1689 года и заключавшихъ въ себѣ общую и благо-

пріятную характеристику этой эпохи. Если это предположеніе не лишено основанія, то тутъ можно принять въ соображеніе отзывы двухъ авторовъ, а именно французско-польскаго дипломатическаго агента Невилля и саксонскаго авантюриста-писателя Шлейзинга.

Шлейзингъ пробылъ въ Россіи около трехъ лѣтъ (1684—87) и публиковалъ не менѣе трехъ сочиненій о Россіи, появившихся въ 1688—1693 гг. [1]). Въ его сочиненіяхъ нѣтъ общей характеристики правленія Софьи; но онъ хвалитъ ея умъ и говоритъ о нѣкоторомъ вліяніи западной цивилизаціи на нравы высшихъ классовъ русскаго общества. Такъ напр., онъ пишетъ: „Die Kleidung ist schon geändert, nicht mehr plump, sondern polnisch", или въ другомъ мѣстѣ о русскихъ вельможахъ: „Die grossen Herren sind nunmehr durch die Deutschen klüger worden", и наконецъ: „Sie haben von den Deutschen gelernt in Karossen fahren und sich magnifice tractiren". Быть можетъ, выраженія въ разсказѣ Куракина о „политесѣ", о „манерѣ польской", объ „экипажахъ", о „домовомъ строеніи" [2]) и о „столахъ" заимствованы изъ сочиненія Шлейзинга.

Однако, въ сочиненіяхъ этого писателя мы не встрѣчаемъ ни общихъ, ни выгодныхъ отзывовъ о дѣятельности Софьи и Голицына. Зато въ сочиненіи „Relation nouvelle et curieuse de la Moscovie" Нёвилля мы находимъ самые восторженные отзывы о Голицынѣ, о его либерализмѣ, о его способностяхъ, о его реформахъ. Такъ какъ, однако, гораздо болѣе говорится о планахъ и проектахъ Голицына, который, очевидно, очень ловко умѣлъ бесѣдовать объ этихъ предметахъ, между тѣмъ какъ собственно о результатахъ дѣятельности князя, о прямомъ вліяніи его на публику говорится гораздо менѣе, едва ли можно считать особенно вѣроятнымъ, чтобы характеристика эпохи отъ 1682 до 1689 года у Куракина состояла въ связи съ этимъ сочиненіемъ, которое, впрочемъ, легко могло быть извѣстнымъ князю Борису Ивановичу, такъ какъ оно въ нѣсколькихъ изданіяхъ и на разныхъ языкахъ явилось въ Гагѣ, въ Парижѣ, Лондонѣ и Утрехтѣ въ 1698—1707 годахъ [3]).

---

[1]) См. подробныя біографическія и библіографическія данныя объ этомъ писателѣ въ соч. Минцлофа: „Pierre le Grand dans la littérature étrangère". S.-Pétersbourg, 1872, стр. 111—117.

[2]) О строившемся при Софьѣ и Голицынѣ зданіи для посольскаго приказа сказано: „ein schönes Gebäude, an dem noch gebauet wird".

[3]) По поводу паденія Голицына въ 1689 году Нёвилль, находившійся какъ разъ въ это время въ Москвѣ, горько жаловался на страшную потерю, замѣчая о князѣ: „Il voulait peupler des déserts, enrichir des gueux, de sauvages en faire des

Хотя нѣкоторыя данныя о кое-какихъ частностяхъ могли быть написаны Куракинымъ подъ вліяніемъ писателей въ родѣ Шлейзинга и Нёвилля, все-таки послѣднее и очень важное замѣчаніе о возможности для московской публики предаваться увеселеніямъ, не боясь никого, не стѣсняясь ничѣмъ, устроивать гулянья въ окрестностяхъ столицы, и пр., производитъ на насъ впечатлѣніе воспоминаній о самолично пережитомъ, о видѣнномъ самимъ авторомъ. Тутъ, пожалуй, проглядываетъ контрастъ между мягкимъ, безмятежнымъ правленіемъ Софьи и Голицына, съ одной стороны, и суровымъ, строгимъ царствованіемъ Петра, съ другой. Казни стрѣльцовъ, страшное напряженіе силъ и средствъ государства и народа во время Сѣверной войны представляли собою противоположность къ сравнительно спокойному и менѣе мрачному времени восьмидесятыхъ годовъ. Русскіе люди, у себя дома подвергавшіеся въ то время вообще разнымъ опасностямъ, благодаря произволу администраціи, крутости суда, варварству чиновнаго люда, насилію полицейскихъ властей, въ западной Европѣ удивлялись болѣе гуманному обращенію съ публикою и восхваляли пріемы правительствъ, дозволявшіе веселость и невинныя удовольствія. Современники Куракина, напр. Толстой и Матвѣевъ, въ своихъ разсказахъ о пребываніи въ Польшѣ, Германіи, Франціи, Италіи обращаютъ вниманіе на такія черты общественнаго быта, состоявшія въ самой тѣсной связи съ болѣе культурнымъ государственнымъ строемъ. Такъ напр. Толстой пишетъ, что многіе туристы отправляются „для гулянья“ въ Венецію, что въ Италіи всѣ могутъ веселиться „безъ страху“, что тамъ царствуетъ „вольность“, что всѣ живутъ „безъ обиды“ и „безъ тягостныхъ податей“, что въ судѣ „говорятъ чинно, съ великою учтивостью, а не крикомъ“, и пр. Матвѣевъ разсказываетъ, что во Франціи „не властвуетъ зависть“, что тамъ никто не можетъ безнаказанно нанести другому обиду, что и король не дѣлаетъ никому „насилованія“, что вельможи не причиняютъ народу „тѣсноты“; а далѣе онъ же въ тонѣ похвалы разсказываетъ, что въ западной Европѣ женщины не ставятъ себѣ въ „зазоръ во всѣхъ честныхъ поведеніяхъ обращаться“, что происходятъ бесѣды между дамами и кавалерами „со всякимъ сладкимъ и человѣколюбивымъ пріемствомъ и учтивостью“ [1]) и пр. Самъ Куракинъ, восхвалявшій эпоху Софьи и Голицына за то, что публика въ это время

---

hommes, de poltrons des braves, et d'habitations de pastres des palais de pierre“. Стр. 175 и слѣд.

[1]) См. записки Толстого въ журналѣ „Атеней“ 1859 и записки Матвѣева въ „Современникѣ“, 1856.

устроивала гулянья въ Марьиной рощѣ и на Дѣвичьемъ полѣ, разсказывая о своихъ путешествіяхъ въ Голландіи, Италіи и Германіи, особенно подробно говоритъ о „плезирѣ" людей въ западной Европѣ, о томъ, какъ въ Теплицѣ по воскресеньямъ бываютъ увеселенія для горожанъ, какъ въ Амстердамѣ въ большихъ улицахъ „плезиръ и гулянье людямъ великое", какъ устроиваются „пикеники" въ Гагѣ, каковъ „корзо" съ „ринфрешками, конверсаціони и серенадами" въ Римѣ [1]) и т. под.

Разсказъ Куракина объ исторіи Россіи отъ 1682 до 1692 г. богатъ и другими чертами, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ источникахъ этого времени. Совершенно новымъ оказывается извѣстіе, относящееся къ событіямъ наканунѣ стрѣлецкаго бунта весною 1682 г.: „И одна авантура курьезная сдѣлалась: помянутый Артамонъ Матвѣевъ посылалъ одного изъ своихъ знакомцевъ къ Ивану Милославскому говорить, чтобъ возвратилъ его добрыи [2]) конфискованныя. А ежели добродѣтельно не возвратитъ, что можетъ произойтить оттого ему, Милославскому, непріятнаго" (стр. 45) и пр. Достоинъ вниманія разсказъ о слухѣ въ 1682 г., будто Андрей Ивановичъ Хованскій „хочетъ жениться силою на царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ и сѣсть на царство" (стр. 47); любопытны замѣтки объ „амурныхъ интригахъ" Софьи и ея сестеръ. О послѣднихъ сказано: „Софья для своихъ плезировъ завела пѣвчихъ изъ поляковъ, изъ черкасъ, также и сестры ея по комнатамъ, какъ царевны: Екатерина, Мареа и другія, между которыми пѣвчими избирали своихъ галантовъ и оныхъ набогащали, которые явно отъ всѣхъ признаны были". О Шакловитомъ сказано, что онъ во время отсутствія Голицына въ Крымскомъ походѣ „весьма въ амурѣ при царевнѣ Софьѣ профитовалъ и уже въ тѣхъ плезирахъ ночныхъ былъ въ бо̀льшей конфиденціи при ней, нежели князь Голицынъ, хотя не такъ явно". А затѣмъ Куракинъ продолжаетъ: „И предусматривали всѣ, что ежели бы правленіе царевны Софьи еще продолжалося, конечно бы князю Голицыну было отъ нея паденіе или бъ содержанъ былъ для фигуры за перваго правителя, но въ самой силѣ и дѣлѣхъ бы былъ помянутой Щегловитой". Какъ видно, тогдашняя „chronique scandaleuse" изобиловала данными.

Вообще воспроизведеніе слуховъ, пересказъ сплетней въ сочиненіи Куракина требуетъ крайней осторожности при пользованіи этимъ источникомъ. Вотъ, напр., записка, относящаяся къ

[1]) Арх. кн. Куракина, I, 120, 131, 156, 201.

[2]) Очевидно, французское слово „bien"—имѣніе.

1682 году: „Въ бытность въ Воздвиженскомъ дворецъ сгорѣлъ, гдѣ царь Петръ Алексѣевичъ былъ боленъ огневою; и едва въ ночи отъ того пожару могли унести изъ хоромъ; и причитали, что тотъ пожаръ нарочно учиненъ отъ царевны Софіи Алексѣевны, дабы брата своего, царя Петра Алексѣевича, умертвить и сѣсть ей на царство“ (стр. 50). Объ отношеніяхъ Софьи къ Голицыну сказано: „Она начала планъ свой дѣлать, чтобъ ей самой корону получить и выйти бъ замужъ за князя В. В. Голицына. О семъ упомянуто токмо какъ разглашеніе было народное, но въ самомъ дѣлѣ сомнѣваюсь, ежели такое намѣреніе было справедливо“. А въ другомъ мѣстѣ сказано: „Что принадлежитъ до женитьбы съ княземъ В. Голицынымъ, то понимали все для того, что оной князь Голицынъ былъ ее весьма голантъ; и все то государство вѣдало и потому чаяло, что прямое супружество будетъ учинено“ (стр. 54). Объ умыслахъ Софьи въ 1682 г. Куракинъ пишетъ: „Царевна, собравъ полки стрѣлецкіе въ Кремль, съ которыми хотѣла послать Щегловитаго въ Преображенское, дабы оное шато [1]) зажечь и царя Петра Алексѣевича и мать его убить, и весь дворъ побить, и себя деклеровать на царство“ (стр. 58).

Куракинъ прямо и ясно относитъ упадокъ значенія и вліянія бояръ къ эпохѣ правленія Натальи Кириловны и къ той роли, которую играли въ то время Левъ Нарышкинъ и Борисъ Голицынъ. Его отзывъ важенъ, какъ отголосокъ бояръ вообще. „Прочіе же бояре первыхъ домовъ были отчасти судьями и воеводами, однако-жъ, безъ всякаго повоіре (pouvoir) въ консиліи или въ палатѣ токмо были спектакулеми (spectateurs). И въ томъ правленіи наибольшее начало паденія первыхъ фамилей, а особливо имя князей было смертельно возненавидѣно и уничтожено, какъ отъ Его Царскаго Величества, такъ и отъ персонъ тѣхъ правительствующихъ, которыя кругомъ его были для того, что всѣ оные господа, какъ Нарышкины, Стрешневы, Головкинъ, были домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали съ молодыхъ лѣтъ противу великихъ фамилей. Къ тому-жъ и самъ Его Величество склоннымъ являлся, дабы уничтоживаніемъ оныхъ отнять у нихъ повоіръ весь и учинить бы себя наибольшимъ сувреномъ“.

Быть можетъ, это значеніе людей изъ низкаго шляхетства тотчасъ послѣ переворота 1689 года заставило *князя* Куракина особенно невыгодно отзываться о томъ времени вообще, въ противоположность къ особенно благопріятной характеристикѣ прав-

[1]) Chateau,—о Преображенскомъ!

ленія Софьи и Голицына. Онъ пишетъ: „Правленіе оной царицы Натальи Кириловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И въ то время началось неправое правленіе отъ судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которая донынѣ продолжается съ умноженіемъ, и вывесть ту язву трудно“ (стр. 64).

Чрезвычайно рѣзко Куракинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ эпохи 1682—1694 годовъ отзывается о порчѣ нравовъ, происходившей, по его мнѣнію, въ то время. На этотъ счетъ онъ напоминаетъ Щербатова, который нѣсколько десятилѣтій позже составилъ свой извѣстный трудъ „О поврежденіи нравовъ“, обвиняя при этомъ случаѣ, также какъ и Куракинъ, не столько самого Петра, сколько людей, его окружавшихъ. Куракинъ пишетъ: „Въ домѣ Лефорта началось дебошство, пьянство такъ великое, что невозможно описать, что по три дня запершись въ томъ домѣ бывали пьяны, и что многимъ случалось оттого умирать. И отъ того времени и по сіе число и донынѣ [1]) пьянство продолжается, и между великими дамами въ моду пришло“. О Лефортѣ Куракинъ разсказываетъ, что онъ „отъ пьянства скончался“ (стр. 66). Довольно подробно Куракинъ затѣмъ въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ о разныхъ „потѣхахъ“ Петра, особливо о церемоніи избранія „потѣшнаго патріарха“ и такихъ же архіереевъ и дьяконовъ. Тутъ, напр., сказано: „А вмѣсто Евангелія была сдѣлана книга, въ которой нѣсколько стклянокъ съ водкою. И все состояло тамъ въ церемоніяхъ празднество Бахусово“. Изложивъ нѣкоторыя частности этихъ обрядовъ и разсказавъ о томъ, какъ „шутошной патріархъ былъ возимъ на верблюдѣ въ садъ набережной къ погребу фряжскому“, Куракинъ замѣчаетъ: „И тамъ, довольно напившись, разъѣзжались по домамъ“. И о подробно изложенномъ обрядѣ „славленія“ сказано: „И разъѣзжались всегда весело“, а къ этому прибавлено: „Сіе славленіе многимъ было безчастное и къ наказанію отъ шутокъ не малому: многіе отъ дураковъ были биваны, облиты и обруганы“.

Придворнымъ шутамъ Куракинъ приписываетъ нѣкоторое политическое значеніе. О князѣ Шаховскомъ сказано: „который былъ ума не малаго и читатель книгъ, токмо самой злой сосудъ и пьяной, и всѣмъ злодѣйство дѣлалъ, съ перваго до послѣдняго. И то проповѣдовалъ за всѣми министры ихъ дѣлъ, и потомъ за столомъ, при его Величествѣ, явно изъ нихъ каждаго лаевалъ и попрекалъ всѣми тѣми ихъ дѣлами, чрезъ которой каналъ Его

---

[1]) Писано въ 1727 г.

Величество все вѣдалъ". И дальше: „Шаховской и другіе протчіе были употреблены для наказанія многимъ знатнымъ персонамъ и министрамъ, будто во пьянствѣ и отъ ихъ самаго произволенія. И когда Его Величеству на котораго министра было досадно и чтобъ онаго пообругать, то при обѣдахъ и другихъ банкетахъ онымъ дуракамъ было приказано котораго министра или которую знатную персону напоить, и побить, и побранить, то тотчасъ чинили, и на оныхъ никому обороны даваны не было". Особенно подробно описаны „святошныя забавы", которыхъ виновникомъ Куракинъ называетъ спальника В. А. Соковнина. Сего послѣдняго называли „пророкомъ" и „былъ злой и всякихъ пакостей наполненъ". „И въ тѣхъ святкахъ", продолжаетъ Куракинъ, „что происходило, то великою книгою не описать". Затѣмъ слѣдуютъ частности, воспроизведеніе которыхъ оказывается невозможнымъ, а въ заключеніе сказано: „И сія потѣха святковъ такъ происходила трудная, что многіе къ тѣмъ днямъ пріуготовливалися, какъ бы къ смерти. И сіе продолжалося до ѣзды заморской въ Голландію" (стр. 73—74).

Эти данныя не могутъ считаться совсѣмъ новыми. Зато нельзя не обратить вниманія на тонъ раздраженія, въ которомъ Куракинъ говоритъ объ этихъ шуткахъ и забавахъ Петра, и далѣе на то обстоятельство, что самые безобразные случаи такихъ забавъ совпадаютъ, какъ кажется, съ тѣмъ временемъ, когда Петръ до путешествія за границу не занимался дѣлами. О позднѣйшихъ забавахъ, продолжавшихся до послѣдней болѣзни Петра, писали главнымъ образомъ иностранцы, какъ-то Штраленбергъ, Фокеродтъ и пр. И эти разсказы производятъ тяжелое впечатлѣніе, представляя собою нѣкоторымъ образомъ психологическую загадку и напоминая нѣкоторыя черты страшнаго времени Грознаго.

Въ трудѣ о Петрѣ Великомъ мною было указано на перемѣну въ придворномъ церемоніалѣ. „Характеръ державной власти государя,—сказано тамъ,—до тѣхъ поръ въ значительной степени духовный, напоминавшій нѣкоторымъ образомъ роль жреца, калифа, измѣнился совершенно. Прежніе цари участвовали въ процессіяхъ, отчасти даже прислуживали патріархамъ. Петръ, въ офицерскомъ мундирѣ, былъ лишь скромнымъ зрителемъ духовнаго дѣйствія. Онъ, какъ представитель власти, служилъ государству. Во всемъ этомъ проявлялся процессъ секуляризаціи Россіи, заключался протестъ противъ византійскихъ началъ, господствовавшихъ до того въ жизни московскаго государства" [1]).

[1]) Исторія Петра Великаго, стр. 247.

На этотъ счетъ достойно вниманія изложеніе Куракина. Разсказавъ о рожденіи въ 1690 и 1691 гг. царевичей Алексѣя и Александра, Куракинъ замѣчаетъ: „И при тѣхъ рожденіяхъ послѣдніи церемоніи дворовыя отправлялися, какъ обыкновенно: патріархъ и бояре и всѣ стольники, гости и слободы были съ приносомъ и пр. Что же касается до церемоній придворныхъ, уже въ то время начало самое настало имъ изсякнуть. А наивпервыхъ выходы въ соборную церковь отставлены были, и единъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ началъ ходить; также одѣяніе царское отставлено и въ простомъ платьѣ ходить. Также публичныя авдіенціи многимъ отставлены, какъ были даваны авдіенціи пріѣзжимъ архіереямъ, посланникамъ гетманскимъ, для которыхъ бывали выходы парадные, но уже онымъ даваны были авдіенціи при выходахъ просто" (стр. 68).

Разсказывая очень подробно о маневрахъ, происходившихъ въ это время въ окрестностяхъ Москвы, Куракинъ обращаетъ вниманіе на довольно важную черту въ этихъ событіяхъ, замѣчая: „Многіе изъ ребятъ молодыхъ, народу простаго пришли въ милость къ Его Величеству... и отъ того времени простаго народу во всѣ комнатныя службы вошли, а знатныя персоны отдалены" (стр. 68—69).

Таковъ характеръ сочиненія Куракина объ исторіи эпохи отъ 1682 до 1694 г. Нельзя отрицать, что заключающіяся въ немъ замѣчанія о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ явленіяхъ служатъ дополненіемъ къ запасу свѣденій, которымъ мы располагаемъ для изученія начала царствованія Петра. Такъ напр., мы не помнимъ, чтобы гдѣ-либо было сказано о Натальѣ Кириловнѣ, что она во время правленія Софьи тайно получала деньги отъ патріарха Іоакима и митрополита Іоны, что она же „возненавидѣла" невѣстку свою, царицу Евдокію, и „желала больше видѣть съ мужемъ ее въ несогласіи, нежели въ любви", или чтобы Кревету принадлежала особенно важная роль въ исторіи введенія новаго платья [1]) и т. д.

На содержаніи указовъ и писемъ Петра къ Куракину (стр. 1—38) мы не намѣрены останавливаться. Эти матеріалы безспорно заключаютъ въ себѣ множество данныхъ для характеристики Петра. Но послѣ того какъ было издано уже прежде гро-

[1]) На стр. 69 сказано: „Также и первое начало къ ношенію платья нѣмецкаго въ тое время началося, *понеже* былъ одинъ аглечанинъ торговой Андрей Креветъ, который всякія вещи Его Величеству закупалъ, изъ-за моря выписывалъ и допущонъ былъ ко двору".

мадное число такихъ же бумагъ, между прочимъ, въ XI томѣ Сборника Историческаго Общества, тутъ развѣ только въ нѣкоторыхъ мелочахъ можно будетъ найти данныя, значительно дополняющія тѣ свѣденія, которыя мы имѣемъ для составленія себѣ понятія о характерѣ занятій государя, о томъ, что его интересовало, какія порученія онъ давалъ находившимся за границею русскимъ дипломатамъ и другимъ агентамъ. Къ тому же, какъ уже выше сказано, въ слѣдующихъ томахъ „Архива князя Ѳ. А. Куракина" будутъ помѣщены еще другія письма Петра къ Куракину, и поэтому можно отложить разборъ этой части до появленія другихъ матеріаловъ этого же рода.

Въ культурно-историческомъ отношеніи очень важенъ разсказъ Куракина о своихъ путешествіяхъ за границею между 1705 и 1708 годами (стр. 101—240). Разборъ этого драгоцѣннаго матеріала придалъ бы настоящему очерку слишкомъ большіе размѣры и поэтому мы до поры до времени ограничиваемся замѣчаніемъ, что путевыя замѣтки Куракина ничѣмъ не уступаютъ значеніемъ журналамъ другихъ путешественниковъ этого времени, какъ-то Шереметева, Неплюева, Матвѣева, Толстого, и пр. Въ монографіи о туристахъ-дипломатахъ въ Италіи въ XVII вѣкѣ я указалъ на значеніе такихъ источниковъ для изученія вопроса о вліяніи западно-европейской цивилизаціи на русскихъ людей въ до-Петровское время. Статейные списки Чемоданова, Лихачева, Желябужскаго и пр., пожалуй, еще важнѣе повѣствованій такого рода нѣсколько позднѣйшаго времени, потому что въ разсказахъ москвитянъ до эпохи Петра мы встрѣчаемъ первые симптомы того вліянія, которое имѣло соприкосновеніе съ западною Европою для прогресса въ Россіи вообще. Къ тому же, какъ уже выше было сказано, можно ожидать изданія другого труда Куракина, вѣроятно очень похожаго на журналы его путешествій въ 1705—1708 годахъ, а именно журнала, веденнаго имъ во время пребыванія въ Парижѣ. Тогда можно будетъ указать на эти труды Куракина вмѣстѣ.

Также было бы преждевременнымъ сдѣлать сводъ тѣмъ даннымъ, которыя въ первой книгѣ „Архива князя Ѳ. А. Куракина" относятся къ біографіи князя Бориса Ивановича. Эти данныя заключаются главнымъ образомъ въ автобіографіи князя, доведенной до 1709 г. (стр. 241—287) и въ прошеніи къ Петру, поданномъ въ 1723 г. (стр. 288—290). Впрочемъ, всѣ труды Куракина, письма къ нему Петра и вообще содержаніе первой книги новаго изданія могутъ служить матеріаломъ для его жизнеопи-

санія; оцѣнку всего этого можно отложить до окончанія той части изданія, которая посвящена бумагамъ этого важнѣйшаго представителя рода Куракиныхъ. Но именно въ виду научнаго значенія, которое могла бы имѣть біографія Б. И. Куракина для исторіи Россіи въ эпоху преобразованія, мы позволяемъ себѣ повторить просьбу о сообщеніи хотя бы лишь приблизительныхъ данныхъ о размѣрахъ и о планѣ изданія.

А. Брикнеръ.

* * *

Пусть тучи темныя грозящею толпою
Лазурь заволокли,—
Я вижу лунный блескъ: онъ ихъ тяжелой мглою
Не отнятъ у земли.

Пусть тьма житейскихъ золъ насъ снова разлучила,
И снова счастья нѣтъ,—
Сквозь тьму, издалека таинственная сила
Мнѣ шлетъ твой тихій свѣтъ.

Края разбитыхъ тучъ сокрытыми лучами
Ужъ мѣсяцъ серебритъ...
Еще одинъ лишь мигъ,—и ликъ его надъ нами
Въ лазури заблеститъ.

Владиміръ Соловьевъ.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ 1891 году.

Пятнадцатаго іюля нынѣшняго года, черезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Лермонтова, право изданія его произведеній должно было стать всеобщимъ достояніемъ. Странно было бы называть такіе сроки юбилеями, особливо когда жизнь писателя прервалась на самомъ расцвѣтѣ его творческихъ силъ безсмысленной случайностью; но, какъ было недавно съ произведеніями Пушкина, есть извѣстное удовлетвореніе общественнаго чувства, когда творенія великаго писателя перестаютъ быть собственностью негоціанта, всего чаще видящаго въ нихъ только статью выгодной эксплуатаціи, и дѣлаются доступными для каждаго. Какъ мы видѣли на Пушкинѣ, это прекращеніе торговой привилегіи сопровождается тотчасъ появленіемъ вдругъ нѣсколькихъ новыхъ изданій, удешевленныхъ до послѣдней возможности; вмѣстѣ съ тѣмъ приготовленіе этихъ изданій вызываетъ новые розыски о самыхъ произведеніяхъ, особливо по полнотѣ и правильности ихъ текста, а также по истолкованію ихъ содержанія: издатели начинаютъ считать необходимымъ прибавлять комментарій, въ томъ или другомъ размѣрѣ. Съ точки зрѣнія распространенія писателя въ читающей массѣ, пріобрѣтеніе бываетъ несомнѣнно: особливо въ первые дни расходъ новыхъ изданій былъ (для Пушкина) по обыкновеннымъ размѣрамъ нашей книжной торговли—громадный; публика съ небывалымъ нетерпѣніемъ бросалась покупать новое дешевое изданіе, какъ будто не вѣря, что эта дешевизна станетъ обыкновеннымъ дѣломъ, какъ будто думая, что ей дѣлаютъ какой-то необыкновенный подарокъ. Въ концѣ концовъ произведенія писателя дѣйствительно становятся общимъ достояніемъ, расходясь

вдругъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, попадая въ библіотечки людей съ самыми скромными средствами. Надо думать, что подобное происходитъ теперь и съ сочиненіями Лермонтова; мы слышали уже о большомъ успѣхѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изданій.

Распространеніе произведеній великаго писателя въ большой читающей публикѣ есть несомнѣнно пріобрѣтеніе въ общемъ запасѣ образованности; какъ мы сказали, она сопровождается и лучшимъ изученіемъ, то-есть уразумѣніемъ писателя. Собирается по возможности все, что̀ только вышло изъ-подъ пера писателя; конкурренція заставляетъ искать приманки въ обѣщаніи, что изданіе будетъ „полное"—объ этой приманкѣ заботится издатель, но къ полнотѣ желаетъ стремиться и редакторъ, который берется за приготовленіе текста. Наконецъ, изданія конкуррируютъ и въ полнотѣ комментарія, — и это можетъ быть только полезно въ историко-литературномъ отношеніи.

Заботливость о болѣе обстоятельномъ изданіи писателя развилась у насъ, впрочемъ, гораздо ранѣе этой конкурренціи. Таковы были уже изданія Пушкина, приготовленныя г. Ефремовымъ до 1887 года, и Лермонтова до 1891. Первый примѣръ внимательнаго изученія текстовъ и комментарія къ произведеніямъ данъ былъ Анненковымъ въ изданіи Пушкина 1855-1856, и потомъ въ изданіи Державина, гдѣ изученіе текста и комментарій были доведены г. Гротомъ до исчерпывающей полноты, почти до излишества. По этимъ первымъ примѣрамъ, у насъ для серьезнаго изданія сложилась извѣстная программа требованій, выполненіе которыхъ является чрезвычайно важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи литературы. Недавно мы привѣтствовали такое пріобрѣтеніе въ замѣчательномъ изданіи Гоголя, въ редакціи г. Тихонравова.

Къ 15 іюля нынѣшняго года ожидалось нѣсколько изданій Лермонтова, въ которыхъ можно было ожидать упомянутой заботливости о текстѣ и о комментаріи. Дѣйствительно, нѣсколько новыхъ изданій вдругъ назвали себя полными. Нѣчто новое, въ самомъ дѣлѣ, явилось въ этихъ полныхъ изданіяхъ—нѣкоторыя пьесы или новые варіанты извѣстныхъ пьесъ, поправки прежнихъ неправильныхъ чтеній, новыя объясненія по содержанію произведеній, наконецъ біографическія изслѣдованія. Мы не будемъ останавливаться на этихъ вопросахъ текста: здѣсь, какъ и по поводу Пушкина, поднялись уже споры о правильности того или другого чтенія; не прошло недѣли по выходѣ въ свѣтъ изданій Лермонтова, какъ началась уже въ газетахъ полемика между

лицами, которымъ принадлежала въ разныхъ изданіяхъ редакція текста, гдѣ, какъ обыкновенно, каждый изъ споривших въ одномъ былъ правъ, въ другомъ неправъ. Входить въ эти подробности въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности. Эта полемика, мало интересная, послужитъ только нѣсколькими указаніями для будущихъ улучшеній текста.

Понятно, что каждое изъ лицъ, редактировавшихъ новыя изданія, желало исполнять свое дѣло наиболѣе цѣлесообразно. Редакторы одного, другого, третьяго изданія принялись за чтеніе Лермонтовскихъ рукописей съ цѣлью достигнуть „полноты"; чтеніе очень часто становилось трудной дешифровкой неразборчиваго почерка, возстановленіемъ зачеркнутыхъ, то-есть брошенныхъ самимъ поэтомъ словъ, стиховъ и цѣлыхъ строфъ; на основаніи почерка и иныхъ подробностей дѣлались попытки возстановить хронологію тѣхъ или другихъ произведеній и т. д.; все это было, безъ сомнѣнія, необходимо для точнаго изученія писателя,—но приходится почти сожалѣть, что новыя изданія сдѣланы были въ этой, а не иной формѣ.

Собственно говоря, вопросъ объ изданіи долженъ бы быть поставленъ иначе. Еслибы дѣло не было запутано издательской конкурренціей и принимались въ соображеніе именно только потребности, во-первыхъ, читающаго круга, а во-вторыхъ, историко-литературнаго изученія, изданія должны были бы получить такой характеръ: необходимо было бы дѣйствительно полное изданіе писателя, гдѣ были бы собраны тексты съ ихъ варіантами, черновыми и т. п., какъ матеріалъ для изученія пріемовъ творчества; эти подробности писательской работы нерѣдко бываютъ и немаловажными чертами для самой біографіи; но, затѣмъ, нужно было бы изданіе совсѣмъ иного рода, предназначаемое для большинства. Изданіе перваго рода могло бы включать, пожалуй, все до послѣдней строки, оставленной писателемъ — въ качествѣ этого матеріала для изслѣдованія его творчества и его біографіи; но эти подробности были бы совершенно излишни, нецѣлесообразны, даже вредны въ изданіи, имѣющемъ въ виду вовсе не спеціалистовъ, а большинство публики: обыкновеннаго читателя могли бы только смущать и приводить въ недоумѣніе эти варіанты, обрывающіе его вниманіе въ прекрасномъ художественномъ произведеніи, ставящіе на немъ совсѣмъ ненужную кляксу. Замѣтимъ притомъ, что у писателей, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, сберег-лись отъ ихъ юности произведенія (даже не малочисленныя), которыхъ, конечно, они сами не только не пожелали бы видѣть въ печати, но вѣроятно впередъ (еслибы это подозрѣвали) помя-

нули бы недобрымъ словомъ того, кто по ихъ смерти провелъ бы въ печать эти произведенія. Вопросъ о произведеніяхъ такого рода болѣе серьезенъ, чѣмъ обыкновенно полагается. Большинство издателей думаютъ, что „намъ дорога каждая строка, вышедшая изъ-подъ пера великаго писателя", разыскиваютъ эти строки и вставляютъ ихъ въ свои изданія, хотя самъ писатель, какъ мы замѣтили, нимало не назначалъ ихъ для печати. Но рукописи подобныхъ сочиненій существуютъ; писатель былъ все-таки ихъ авторомъ; сохранившись въ семейныхъ, а потомъ и въ публичныхъ архивахъ, эти произведенія (если даже раньше онѣ не ходили по рукамъ въ спискахъ) становятся предметомъ изученія—гдѣ же предѣлъ, которымъ должно быть ограничено ихъ появленіе въ печати, въ какихъ условіяхъ онѣ могутъ войти или не войти въ изданіе писателя для большой публики? Руководиться тѣмъ, что̀ было напечатано самимъ писателемъ при его жизни, очевидно невозможно: самъ писатель могъ просто не успѣть напечатать того, что̀ осталось потомъ въ его рукописяхъ, и въ самомъ дѣлѣ, многія изъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкина и Лермонтова появились въ печати только послѣ ихъ кончины. Что касается до произведеній, особливо юношескихъ, не предназначавшихся для печати и по своимъ качествамъ не содѣйствующихъ славѣ писателя, на позднѣйшихъ издателяхъ очевидно ложится серьезная отвѣтственность. Быть можетъ, иной разъ имъ слѣдовало бы оставить эти произведенія лежать въ архивахъ, гдѣ они могли бы храниться для справокъ спеціалистамъ литературной исторіи,—но обыкновенно этого не бываетъ; праздное любопытство, издательская конкурренція и подобные мотивы выводятъ эти произведенія въ печать подъ предлогомъ „полноты", лишь съ болѣе или менѣе обширными многоточіями тамъ, гдѣ печать рѣшительно отказывается передать необычную фразеологію. Если уже невозможно предотвратить этого „нарушенія воли", нужно было бы по крайней мѣрѣ, чтобы обычай литературной деликатности отобралъ произведенія подобнаго рода для спеціальныхъ изданій писателя, предназначенныхъ для чисто научнаго изслѣдованія писателя и его біографіи. Помѣщеніе такихъ произведеній въ изданіяхъ обыкновенныхъ, служащихъ для большой публики, представляется намъ ошибкой вкуса. Въ одномъ изъ послѣднихъ изданій помѣщены въ facsimile стихи изъ пьесы Лермонтова: „Журналистъ, читатель и писатель" (съ варіантомъ противъ обыкновеннаго текста).

„Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь?

Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?..
Чтобъ ядъ пылающей страницы
Нарушилъ сонъ отроковицы
И сердце юноши увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?—
О, нѣтъ! — преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю".

Конечно, литература существуетъ не для однихъ отроковицъ, но нѣтъ никакой надобности дѣлать совсѣмъ невозможнымъ для нихъ изданіе произведеній великаго національнаго поэта, наполняя его тѣмъ, что̀ самъ поэтъ никогда не счелъ бы достойнымъ изданія. Пусть эти произведенія остаются въ спеціальномъ критическомъ изданіи, какъ матеріалъ для исторіи развитія самого поэта, какъ свидѣтельство о его юношеской порѣ, связанной съ блужданіями мысли и таланта, но пусть въ большинствѣ господствують другія изданія, гдѣ писатель явится въ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ исполненіе своего великаго призванія, въ которыхъ онъ хотѣлъ быть не только поэтомъ, но пророкомъ. Такого раздѣленія изданій до сихъ поръ не дѣлалось отчасти по винѣ издателей, но отчасти и по винѣ всего состоянія нашей литературы, гдѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ книги едва поддерживаютъ свое существованіе, и роскошь подобныхъ различныхъ изданій едва извѣстна: по крайней мѣрѣ прежніе издатели находили, что юношескія произведенія должны быть выдѣляемы въ особую рубрику, гдѣ онѣ рѣзко отличены отъ тѣхъ зрѣлыхъ произведеній, которыя составляютъ историческую славу писателя. Въ новѣйшихъ изданіяхъ, являющихся теперь, мы только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ это различеніе; большинство хлопочетъ о полнотѣ, при которой смѣшивается въ одну массу важное и неважное, зрѣлое и незрѣлое, законченныя изящныя произведенія и недоконченные наброски, даже брошенные и перечеркнутые отрывки. Это смѣшеніе во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ о вкусѣ редакторовъ.

Наиболѣе полнымъ изъ новѣйшихъ изданій представляется московское изданіе подъ редакціей г. Висковатова [1]). Преди-

---

[1]) Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Первое полное изданіе В. Ѳ. Рихтера подъ редакціею Пав. Ал. Висковатова. Москва, 1891. Шесть томиковъ, 18°, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Томъ I: Лирическія стихотворенія (1828—1841).

словіе г. Висковатова при первомъ томѣ подписано ноябремъ 1888 года, и выпуская изданіе въ 1891, гг. издатель и редакторъ не догадались сдѣлать въ этомъ предисловіи маленькой перемѣны: дѣло въ томъ, что предисловіе обѣщаетъ пять томовъ изданія (вмѣстѣ съ біографіей), а на дѣлѣ ихъ вышло шесть; точно также не догадались они выставить счетъ томовъ на корешкѣ изданія. Книга напечатана убористымъ, довольно мелкимъ, но, впрочемъ, свѣжимъ шрифтомъ.

Г. Висковатовъ давно уже, около десяти лѣтъ назадъ, предпринялъ изученіе Лермонтова. Онъ уже раньше печаталъ въ журналахъ неизданныя произведенія Лермонтова и эпизоды изъ его біографіи, и собралъ свои труды въ настоящемъ изданіи. „Читатель,—говоритъ онъ,—найдетъ въ предлагаемомъ изданіи многое, что̀ не вошло въ прежнія собранія сочиненій Лермонтова или же вошло искаженнымъ и въ отрывкахъ. Сомнительно, чтобы нашлось еще какое-либо неизвѣстное крупное сочиненіе, за исключеніемъ, конечно, писемъ. Хотя въ нынѣшнемъ изданіи и прибавилось ихъ больше противъ прежняго, но надо полагать, что найдутся и еще въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, хотя врядъ ли дадутъ онѣ много новаго... Быть можетъ, отыщется еще то или другое лирическое стихотвореніе, поэтъ ихъ разбрасывалъ, записывалъ на клочкахъ бумаги, столахъ, стѣнахъ—гдѣ попало; но и тутъ многаго ожидать нельзя“. Это довольно вѣроятно.

Предвидя упомянутыя сомнѣнія и возраженія относительно печатанія тѣхъ произведеній, которыя не были самимъ писателемъ назначаемы къ печати, и произведеній юношескихъ, г. Висковатовъ говоритъ: „Безъ сомнѣнія, окажутся люди, готовые упрекнуть меня за то, что я печатаю каждую почти строчку, писанную поэтомъ, каждое несовершенное произведеніе юноши, которое самъ писатель не предалъ бы гласности. Но въ отвѣтъ на это я замѣчу: Кто же можетъ взять на себя смѣлость сдѣлать выборку? Положимъ, можно сказать, что̀ прямо хорошо и что̀ плохо, но сколько произведеній занимаютъ середину между этими крайностями и кто здѣсь судья? Самъ поэтъ—скажутъ мнѣ. Печатайте, что̀ самъ онъ призналъ достойнымъ печати. Но поэтъ, въ изданіи, вышедшемъ при жизни его въ 1840 году, помѣстилъ лишь 28 своихъ стихотвореній, да затѣмъ еще нѣсколько въ періодическихъ

Т. II: Поэмы (1828—1841).
Т. III: Поэмы и библіографія (1828—1841).
Т. IV: Драматическія произведенія (1828—1841).
Т. V: Проза (1828—1841).
Т. VI: Біографія, составленная П. А. Висковатовымъ (1828—1841).

изданіяхъ. Большинство произведеній вышло въ свѣтъ послѣ смерти его, и тутъ дѣлали выборку весьма произвольно и часто исправляли текстъ, не всегда къ выгодѣ произведенія. Если, слѣдовательно, останавливаться только на томъ, что̀ печатано было при жизни поэта, то не должно выпускать въ свѣтъ такихъ вещей какъ, напримѣръ: Парусъ (Бѣлѣетъ парусъ одинокій),—На свѣтскія цѣпи...—Валерикъ,—Слышу ли голосъ твой,—На сѣверѣ дальнемъ,—Любовь мертвеца и т. д. Не слѣдовало бы печатать: Демона,—Боярина Оршу,—Измаила бея,—Маскарада и пр., и пр. Зачѣмъ же въ прежнихъ изданіяхъ печаталось все это и многое другое въ отрывкахъ и съ искаженіями, что̀ вмѣстѣ составляло два увѣсистыхъ тома? Кто судьи, дерзающіе такъ безцеремонно распоряжаться наслѣдіемъ великаго поэта? Когда разъ публикѣ все, что̀ оставлено имъ, будетъ предложено во всей полнотѣ, и наука, и искусство будутъ имѣть возможность располагать для своихъ цѣлей всѣмъ матеріаломъ, тогда только мыслимо взяться за изданіе избранныхъ сочиненій Лермонтова и каждому будетъ дана возможность выбирать между ними, сообразуясь съ личнымъ вкусомъ".

Этимъ, однако, не устраняются приведенныя выше сомнѣнія. „Кто судьи, дерзающіе" и пр., спрашиваетъ г. Висковатовъ. Такимъ судьей можетъ быть каждый литературно-образованный человѣкъ, не совсѣмъ лишенный вкуса. Онъ можетъ увидѣть разницу, какая есть, напримѣръ, между „Демономъ", „Бояриномъ Оршей" и пр., и такими произведеніями, какъ „Уланша", „Петергофскій праздникъ" и т. п., и пойметъ, что поставить ихъ рядомъ не пожелалъ бы ни въ какомъ случаѣ и самъ поэтъ, который, безъ сомнѣнія, рѣзко отличалъ свои задушевныя произведенія отъ безшабашной шутки, писанной для потѣхи веселой компаніи. Произведенія послѣдняго рода, какъ мы говорили, останутся біографическимъ матеріаломъ и его не слѣдуетъ миновать при изученіи поэта, которое обязано имѣть въ виду не только незрѣлыя, но и патологическія проявленія его характера и таланта; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ тѣ произведенія, въ которыхъ нашла свое выраженіе самая глубокая сущность геніальнаго дарованія, подмѣшивались тутъ же рядомъ другія, совсѣмъ иного свойства, съ какими поэтъ никогда не желалъ выступать въ литературѣ, особливо при томъ высокомъ понятіи, какое самъ онъ имѣлъ о своемъ поэтическомъ пророческомъ призваніи. Мы говорили, что абсолютно полное изданіе должно бы быть изданіе чисто спеціальное, обставленное всѣмъ критическимъ аппаратомъ и не предназначаемое для большой публики; по крайней

мѣрѣ при „полномъ" изданіи, какія являются теперь, произведенія юношескія, незрѣлыя, прямо скабрёзныя, брошенныя, должны бы быть выдѣлены въ особое приложеніе, гдѣ за ними осталось бы значеніе историческаго матеріала. Системой настоящаго изданія принятъ чисто хронологическій порядокъ, и въ первомъ томикѣ, гдѣ собраны лирическія стихотворенія, рядомъ съ прелестнѣйшими перлами Лермонтовской поэзіи и всей русской литературы стоятъ пьесы, которымъ тутъ было бы вовсе не мѣсто (какъ, напр., той Парашѣ, которая фигурируетъ въ стихотвореніи на страницѣ 176). То же самое въ другихъ томахъ, гдѣ, еслибы г. Висковатовъ рискнулъ раскрыть всѣ вынужденныя многоточія, вѣроятно, онъ самъ былъ бы нѣсколько пораженъ открывающейся параллелью.

Въ концѣ томовъ помѣщаются обыкновенно разнаго рода примѣчанія, въ которыхъ редакторъ собираетъ свои критическія замѣтки и соображенія, чтобы не прерывать ими читателя въ самомъ текстѣ; но подобныя примѣчанія разсѣяны и въ срединѣ книги—нужно было бы что-нибудь одно.

Большое преимущество изданія г. Висковатова заключается въ біографіи Лермонтова, составляющей вмѣстѣ съ тѣмъ и комментарій къ его произведеніямъ. Г. Висковатовъ давно уже началъ собираніе матеріаловъ: онъ разыскалъ, сколько лишь могъ, всѣхъ нынѣ живущихъ лицъ, которыя знавали Лермонтова, какъ родственники, пріятели или пріятельницы, сослуживцы, и которыя могли сообщить о немъ какія-либо свѣденія; собралъ и изучилъ все, что̀ сохранялось изъ Лермонтовскихъ рукописей,—и имѣлъ, напримѣръ, возможность дать въ настоящемъ изданіи неизданную прежде послѣднюю обработку „Демона", а раньше напечатать нѣсколько другихъ неизданныхъ произведеній, которыя становятся теперь необходимой принадлежностью изданій Лермонтова; онъ посѣтилъ мѣста, связанныя съ біографіей поэта, былъ на Кавказѣ, въ Тарханахъ и пр.; внимательно изучилъ существующую литературу о Лермонтовѣ; вообще собралъ множество данныхъ, которыя до сихъ поръ никѣмъ не были собраны въ такомъ обиліи. Біографія наполнила цѣлый томъ изданія, самый большой изъ всѣхъ. Это—біографія главнымъ образомъ внѣшняя, фактическая; внутреннее развитіе поэта, содержаніе его идей, его поэтическія стремленія, интимная связь съ жизнью и вѣкомъ, эти вопросы еще потребуютъ изслѣдованій; внутренняя борьба, въ которой Лермонтовъ провелъ всю свою сознательную жизнь, до сихъ поръ была мало разъяснена—новая біографія доставляетъ по крайней мѣрѣ не мало внѣшнихъ фактовъ, которые иногда могутъ служить точками опоры для этой внутренней исторіи. Между прочимъ

г. Висковатовъ настаиваетъ на тѣсно-автобіографическомъ значеніи большинства, даже всѣхъ безъ исключенія юношескихъ произведеній Лермонтова и, напримѣръ, прямо пользуется текстомъ юношескихъ драмъ какъ фактами біографіи.

Трудъ г. Висковатова послужитъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ біографическихъ изслѣдованій, которымъ предстоитъ точнѣе опредѣлить психологическое развитіе поэта и то соотношеніе, въ какомъ его идеи и идеалы стояли съ содержаніемъ той эпохи. Въ изложеніи г. Висковатова въ замѣнъ того мы встрѣчаемъ не столько объективныя изслѣдованія, сколько выраженіе его личныхъ взглядовъ и лирическіе эпизоды, отчасти и не идущіе къ дѣлу. Напримѣръ, по поводу изображенія двѣнадцатаго года у Лермонтова, біографъ (стр. 30—35) даетъ мѣсто лирическимъ изліяніямъ, которыя смѣло могли бы отсутствовать [1]). Литературныя сужденія біографа не всегда точны. Отзывъ о „почтенномъ графѣ Сологубѣ" (стр. 74) нѣсколько неясенъ. О славянофилахъ и западникахъ авторъ имѣетъ такое представленіе: „Первые видѣли спасеніе Россіи въ томъ, чтобы повернуть назадъ, къ Руси до-петровской, и вступить на путь естественнаго, органически связаннаго съ народомъ развитія; а вторые требовали совершеннаго отчужденія отъ всего русскаго и народнаго и полнѣйшаго слитія съ Западомъ" (стр. 123),—извѣстно, что западники никогда такой несуразицы не требовали. Слишкомъ рискованно сказано въ другомъ мѣстѣ (стр. 223), что въ то время, когда Лермонтовъ изучалъ стихотворенія Кирши Данилова и задумывалъ пѣсню про молодого опричника и купца Калашникова, Бѣлинскій будто бы „глумится надъ всею народною русскою поэзіею, не признаетъ ее", и еще болѣе рискованно то, что

---

[1]) Въ такомъ родѣ: „То было на Руси время удивительное—эти годы послѣ отечественной войны. Давно Россія на землѣ своей не видала враговъ. Долгій и крѣпкій сонъ, которымъ спала особенно провинція, былъ нарушенъ. Очнувшійся богатырь разомъ почувствовалъ свою мощь, позналъ любовь свою къ роднѣ...

„Весь существовавшій до той поры порядокъ былъ нарушенъ (?). Соціальный строй общества измѣнился. Понятія *мое* и *твое* перестали существовать: всѣ были поглощены заботами объ общемъ достояніи народа. Въ общественномъ понятіи воцарились равенство и братство (?), а за достиженіе свободы всѣ равно бились и умирали. Въ Россіи заговорили тѣ же поднимающія духъ истины, которыя электризовали французскій народъ въ эпоху великой революціи (?)"...

„Пошелъ великанъ чужой земли на русскаго великана, пошелъ на дерзкій бой съ невѣдомою ему силой. Да и самъ-то русскій великанъ сознавалъ ли свою силу, зналъ ли, гдѣ она у него таилась? Можетъ быть, вслѣдствіе этого незнанія и были такъ дерзки притязанія рокового витязя чужой намъ земли. Сошлись витязи" и т. п.

Тутъ же, безъ всякой видимой надобности, авторъ старается доказать, что русскій патріотизмъ гораздо лучше нѣмецкаго.

будто бы: „на берегахъ Невы томившимъ его вопросамъ Лермонтовъ не только не могъ найти разъясненія, но и сочувствія“: біографъ забылъ, что не только Бѣлинскій находилъ въ народныхъ пѣсняхъ настоящую поэзію, но и встрѣчалъ съ величайшимъ сочувствіемъ въ современной литературѣ произведенія, навѣянныя истиннымъ духомъ народной поэзіи, какъ, напримѣръ, стихотворенія Кольцова и „Пѣсня“ Лермонтова; наконецъ, „на берегахъ Невы“, можетъ быть, скорѣе чѣмъ гдѣ-нибудь Лермонтовъ могъ бы, еслибы захотѣлъ, найти людей способныхъ сочувствовать его идеальнымъ стремленіямъ. Такія сужденія съ плеча не подобали бы спеціалисту по исторіи русской литературы, въ числѣ которыхъ біографъ состоитъ.

Не совсѣмъ мотивированнымъ кажется намъ слѣдующее соображеніе: „Картины революціи, возстанія и кровавыхъ порывовъ къ достиженію всеобщей свободы и личной независимости побуждаютъ Лермонтова написать въ этомъ же году повѣсть, оставшуюся впрочемъ неоконченною, въ которой описывается начало кровавыхъ неурядицъ въ Россіи, гдѣ между прочимъ казакъ поетъ пѣсню, еще раньше встрѣчающуюся въ тетрадяхъ поэта подъ заглавіемъ „Воля“ (стр. 120)“.

Въ числѣ другихъ фактовъ біографіи г. Висковатовъ внимательно собралъ извѣстія о разныхъ житейскихъ и служебныхъ столкновеніяхъ Лермонтова, между прочимъ, о его дуэляхъ, особливо о послѣдней. Біографъ настойчиво повторяетъ утвержденіе, что на послѣдней дуэли Лермонтовъ сталъ жертвою такой же интриги, какая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ закончилась смертью Пушкина. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ онъ,— что г. Мартынова подстрекали со стороны лица, давно желавшія вызвать столкновеніе между поэтомъ и кѣмъ-либо изъ не въ мѣру щекотливыхъ или малоразвитыхъ личностей. Полагали, что „обузданіе“ тѣмъ или другимъ способомъ „неудобнаго“ юноши-писателя будетъ принято не безъ тайнаго удовольствія нѣкоторыми вліятельными сферами въ Петербургѣ. Мы находимъ много общаго между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обѣ интриги никогда разъяснены не будутъ, потому что велись потаенными средствами, но ихъ главная пружина кроется въ условіяхъ жизни и дѣятеляхъ характера графа Бенкендорфа, о чемъ говорено выше и что̀ констатировано столькими описаніями того времени“ (стр. 418—419).

Когда нужно было хоронить Лермонтова, мѣстный протоіерей Александровскій не рѣшался предать тѣло землѣ по христіанскому обряду. Біографъ приводитъ слова современника Мартья-

нова: „Нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили Лермонтова за его не щадившій никого юморъ, старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху *ядовитаго покойника*, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли— тотъ же самоубійца и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно". Г. Висковатовъ прибавляетъ, что „противъ этихъ *интригъ* стали дѣйствовать друзья поэта: они уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе; но онъ колебался" и т. д. (стр. 431). Но по всей вѣроятности комендантъ Пятигорска былъ по этому случаю въ большой тревогѣ не вслѣдствіе какихъ-нибудь интригъ, а просто потому, что въ тѣ строгія времена всѣ боялись поступить невпопадъ, не зная, какъ посмотритъ на эти вещи начальство. Дальше и самъ біографъ проговаривается, что въ данной обстановкѣ на Лермонтова смотрѣли какъ на обыкновеннаго офицера, только съ задорнымъ характеромъ; но затѣмъ біографъ опять говоритъ объ интригѣ (на этотъ разъ „мелкой", хотя передъ тѣмъ онъ намекалъ на интригу весьма крупную) и о какой-то невозможности для Лермонтова даже существовать въ тогдашнихъ условіяхъ русской жизни. „...Большинство,—говоритъ г. Висковатовъ,—видѣло въ Лермонтовѣ не великаго поэта, а молодого офицера, о коемъ судили и рядили такъ же, какъ о любомъ изъ товарищей, съ которыми его встрѣчали. Поэтому винить Мартынова больше другихъ *непосредственныхъ* участниковъ въ дѣлѣ несчастной дуэли—несправедливо. Онъ виноватъ не болѣе, какъ Дантесъ въ смерти Пушкина. Оба были орудіями если не злой, то мелкой интриги дрянныхъ людей. Сами они мало понимали, что̀ творили... Право, не рѣшаемся обвинить его и невольно удивляемся попыткамъ уличить г. Мартынова въ убійствѣ Лермонтова, какъ и попыткамъ защитить его и всю отвѣтственность взвалить на славнаго нашего поэта. Стараясь разъяснить причину дуэли, писатели постоянно кружили около второстепенныхъ фактовъ, смѣшавъ, какъ это часто бываетъ, причину съ поводомъ. Поэтому мы встрѣчаемся съ разсказами и догадками разнаго, чисто личнаго свойства, тогда какъ причина здѣсь, какъ и въ Пушкинской дуэли, лежала въ условіяхъ тогдашней соціальной жизни нашей, неизбѣжно долженствовавшей давить такія избранныя натуры, какими были Пушкинъ и Лермонтовъ. Они задыхались

въ этой атмосферѣ и въ безвыходной борьбѣ должны были разбиться или заглохнуть. Да, дѣйствительно, не Мартыновъ, такъ другой явился бы орудіемъ неизбѣжно долженствовавшаго случиться" (стр. 439—440). Эти слова оставляютъ насъ въ окончательномъ недоумѣніи, что̀ собственно думаетъ біографъ объ обстоятельствахъ смерти Лермонтова, какъ не вполнѣ понятно и общее заключеніе о характерѣ и значеніи Лермонтова на послѣднихъ страницахъ біографіи.

Во внѣшнемъ распредѣленіи изданія допущена неловкость, которой не трудно было бы избѣжать. Въ середину Лермонтовскаго текста вставлена „Библіографія", а именно въ заглавіи третьяго тома значится: „Поэмы и библіографія (1828—1841)", какъ будто послѣдняя также была произведеніемъ Лермонтова. Въ дѣйствительности она составлена г. Буковскимъ и гораздо удобнѣе могла бы быть поставлена гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, хотя бы, напримѣръ, въ концѣ пятаго тома. Здѣсь же, въ концѣ *третьяго* тома помѣщенъ указатель ко всѣмъ *шести томамъ*: ему здѣсь, конечно, уже совсѣмъ не мѣсто. При біографіи въ шестомъ томѣ опять указаны года 1828 — 1841, совсѣмъ некстати. Къ изданію приложено нѣсколько портретовъ Лермонтова въ разные періоды его жизни, его матери и бабушки, нѣсколько факсимиле и рисунокъ дома, гдѣ онъ жилъ въ Пятигорскѣ.

Другое изданіе, ставившее себѣ цѣлью полноту и провѣрку текста по рукописямъ, исполнено подъ редакціей г. Болдакова [1]).

Планъ этого изданія мы не совсѣмъ понимаемъ. Оно начинается въ упоръ „Героемъ нашего времени", за которымъ слѣдуютъ двѣ неоконченныя повѣсти и сказка „Ашикъ Керибъ", и затѣмъ письма. Въ слѣдующихъ томахъ помѣщены лирическія стихотворенія, поэмы, драматическія произведенія, потомъ опять лирическія и эпическія произведенія первыхъ лѣтъ и въ заключеніе еще разъ юношескія произведенія. При первомъ томѣ находится предисловіе, въ которомъ читатель ожидалъ бы встрѣтить

---

[1]) Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Провѣренное по рукописямъ изданіе съ портретомъ автора, подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова, библіотекаря Императорской Публичной библіотеки. Изданіе Елизаветы Гербекъ. Москва, 1891 г. 18°. Пять томовъ, 18°.

Распредѣленіе содержанія слѣдующее:

Томъ I: Произведенія въ прозѣ, письма и примѣчанія.

Т. II: Лирическія стихотворенія, поэмы и примѣчанія.

Т. III: Драматическія произведенія и примѣчанія.

Т. IV: Лирическія и эпическія произведенія первыхъ лѣтъ (1828—36 г.) и примѣчанія.

Т. V: Юношескія произведенія, повѣсти, стихотворенія и біографія.

объясненіе системы изданія, но предисловіе относится только къ „Герою нашего времени"—какой текстъ принять въ основаніе, какъ подводились варіанты изъ другихъ печатныхъ текстовъ и рукописей, затѣмъ относительно цѣлаго изданія находимъ слѣдующія слова: „Мы здѣсь ограничиваемся настоящею краткой замѣткой, предоставляя себѣ въ послѣднемъ томѣ подробнѣе объясниться относительно критическихъ пріемовъ, которыхъ мы держались при редактированіи настоящаго изданія въ его цѣломъ, а также и спеціально по отношенію къ стихотворному отдѣлу сочиненій Лермонтова, въ которомъ текстъ во многихъ случаяхъ также только въ нашемъ изданіи въ первый разъ появляется въ надлежащемъ, исправленномъ видѣ. Текстъ всего остального въ этомъ и слѣдующихъ томахъ провѣренъ при помощи сличенія или съ впервые напечатаннымъ текстомъ, или же рукописнымъ, когда онъ былъ намъ доступенъ". Но въ послѣднемъ томѣ мы не находимъ этого объясненія. Примѣчанія, которыми сопровождается изданіе, посвящены собиранію варіантовъ изъ рукописей, а также объясненію тѣхъ или другихъ подробностей самаго содержанія произведеній Лермонтова. При томѣ четвертомъ, примѣчаній, означенныхъ въ заглавіи, совсѣмъ нѣтъ, если не считать нѣсколькихъ подстрочныхъ замѣтокъ къ самому тексту. Біографія, приложенная въ концѣ пятаго тома, ограничивается самыми краткими свѣдѣніями о жизни Лермонтова и не принадлежитъ г. Болдакову.

Что нѣсколько редакторовъ Лермонтовскихъ изданій принялись теперь за чтеніе рукописей, это, безъ сомнѣнія, имѣетъ свою пользу, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ нужно, наконецъ, чтобы рукописи были прочитаны. Уже прежняя редакція г. Ефремова устранила нѣкоторыя грубыя ошибки, и дальше мы укажемъ образчики, сколько новыхъ ошибокъ позволяютъ устранить на будущее время эти новые опыты чтенія рукописей, а на этотъ разъ укажемъ одно мѣсто, какъ оно было прочитано гг. Висковатовымъ и Болдаковымъ. Рѣчь идетъ объ одномъ эпизодѣ въ „Сказкѣ для дѣтей".

„Въ черновомъ спискѣ,—говоритъ г. Болдаковъ,—за первой строфой слѣдуетъ, въ крайне неудобочитаемомъ видѣ, благодаря множеству зачеркнутыхъ строкъ и весьма убористому письму, вторая строфа въ первомъ ея наброскѣ, и то уже на половину передѣланная. Если не ошибаемся, пока еще никто не давалъ себѣ труда разобрать ее; намъ удалось ее прочесть". И г. Болдаковъ читаетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

Мы женщинъ презираемъ, потому
Что нѣкогда намъ волноваться страстью;
Науки были-бъ нашему уму
Доступны... но онѣ вредили-бъ счастью;
Служить, конечно, должно—да къ чему?
Безъ насъ найдутся ревностные слуги,
Къ тому же рано тайные недуги
Тревожатъ насъ и мы таки должны
Себя беречь для будущей жены,
Которая, воспитана хоть просто,
Приданаго получить [1]) тысячъ до ста,
А ужъ сводить [2]) приходы и расходы—
Нѣтъ, это слишкомъ! что мы за уроды?
Оброкъ не худо также намъ собрать бы,
Чтобъ на воды уѣхать намъ [3]) послѣ свадьбы.
Межъ тѣмъ о благѣ міра, чуждыхъ странъ
Заботимся, хлопочемъ мы не въ мѣру,—
Съ Египтомъ новымъ сладить ли султанъ?
Что Тьеръ сказалъ? И что сказали Тьеру?
На всѣхъ набрелъ политики туманъ,
Въ журналахъ тонемъ хуже англичанъ...
А воютъ всѣ—а можно-бъ насъ исправить,
Лишь только бы стихи читать заставить,
И потому рѣшился я писать
(Хоть для всего, что̀ надо лишь сказать,
Размѣръ ея немного будетъ тѣсенъ)
Короткую поэмку въ сорокъ пѣсенъ [4]).

У г. Висковатова—нѣкоторые стихи прочитаны такъ же, какъ здѣсь; но въ другихъ случаяхъ есть немалыя разнорѣчія:

Служить, конечно, *долга дань* (?)... Къ чему?
. . . .
Тревожатъ *нашъ покой*, и мы таки должны
Себя беречь для будущей жены [5])...
. . . . . Оброкъ не худо также намъ собрать бы...
Съ Египтомъ *новый* сладить ли султанъ?
. . . . . а *можно* насъ исправить, и т. д.

Итакъ, на нѣсколькихъ строкахъ цѣлый рядъ разнорѣчій, которыя на той или другой сторонѣ являются ошибками, иногда очень грубыми. Изъ этого примѣра (а онъ не единственный)

---

[1]) Г. Болдаковъ при всей внимательности допустилъ здѣсь ошибку: у него напечатано „получитъ".

[2]) У г. Болдакова опять ошибка: „сводитъ".

[3]) „Намъ" должно быть лишнее.

[4]) Томъ II, стр. 430—431.

[5]) Вмѣсто этихъ точекъ въ текстѣ г. Болдакова цѣлыхъ четыре стиха, которые, повидимому, г. Висковатымъ совсѣмъ не были разобраны.

можно видѣть, что впредь еще понадобится окончательное изученіе Лермонтовскаго текста, гдѣ чтеніе рукописей будетъ исполнено со всѣмъ необходимымъ вниманіемъ: черновыя рукописи Лермонтова весьма нечетки, и редакторъ, который беретъ на себя задачу изданія, очевидно, долженъ хорошо подготовиться къ чтенію его рукописей.

Особенную заботу о правильности чтенія показываетъ г. Введенскій, редактировавшій изданіе г. Маркса, при журналѣ „Нива" [1]).

Это изданіе—опять „полное". „Настоящее изданіе,—читаемъ въ предисловіи,—представляетъ собою *первое полное* собраніе сочиненій Лермонтова: въ него вошло все, чтò до сихъ поръ извѣстно въ рукописяхъ или въ печатномъ текстѣ. Въ то же время оно есть въ настоящемъ значеніи слова изданіе *исправленное*, тщательно свѣренное съ рукописями или съ печатнымъ текстомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда обязателенъ былъ этотъ послѣдній, какъ установленный самимъ авторомъ". Относительно распредѣленія сочиненій редакція этого изданія поступила болѣе цѣлесообразно, чѣмъ другія нынѣшнія изданія: „Въ распредѣленіи матеріала мы не рѣшились измѣнить—по нашему мнѣнію, справедливому—принципу, примѣнявшемуся въ прежнихъ изданіяхъ. Дѣля сочиненія Лермонтова на 4 тома (стихотворенія, поэмы, проза, драмы), мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣлили томы на части, помѣщая въ первыхъ частяхъ то, чтò составляетъ въ сочиненіяхъ Лермонтова истинное достояніе русской литературы и относя ко вторымъ то, чтò имѣетъ значеніе второстепенное. Стихотворенія расположены нами въ каждой части въ хронологическомъ порядкѣ, по времени написанія. Внося въ наше изданіе все написанное Лермонтовымъ, мы не хотѣли выбросить немногія дѣйствительно слабыя, въ полномъ смыслѣ слова, произведенія. Вѣдь и въ прежнихъ изданіяхъ было помѣщено не мало слабаго, въ то время, какъ пропускались стихотворенія прекрасныя и значительныя. Исключить что-либо въ *полномъ* изданіи значило бы вырвать страницу изъ книги,

[1]) Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей Арс. И. Введенскаго. Въ 4-хъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, факсимиле и портретомъ Лермонтова, гравированнымъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Безплатное приложеніе къ журналу „Нива" 1891 г. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. 1891 (четыре тома составляютъ двѣ книги).

Содержаніе распредѣлено такъ:

Томъ I: Стихотворенія.

Томъ II: Поэмы.

Томъ III: Проза.

Томъ IV: Драмы.

къ явному нарушенію цѣлости послѣдней". Быть можетъ, удобнѣе было бы отдѣлить эти юношескія и слабыя произведенія болѣе рѣзко отъ остальныхъ.

Въ Петербургѣ, для изученія рукописей поэта, богатый и единственный въ своемъ родѣ источникъ представляетъ извѣстный Лермонтовскій музей, основанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, всего болѣе заботами бывшаго начальника этого училища, А. А. Бильдерлинга. Музей стремился собрать все, въ чемъ только сохранилась память о Лермонтовѣ: его рукописи, рисунки, портреты его и близкихъ ему людей, копіи его рукописей, принадлежащихъ другимъ собраніямъ, и т. д. Прекрасная мысль такой коллекціи была въ особенности плодотворна въ примѣненіи къ Лермонтову: жизнь поэта была такъ кратковременна, біографія такъ мало выяснена, поэтическая дѣятельность такъ рано прервана, весь характеръ писателя такъ своеобразенъ, что несмотря на относительную близость времени историческое уразумѣніе этой личности и этой поэзіи представляло особенныя трудности и нужно было, по крайней мѣрѣ, объединить все то, что могло бы служить для разъясненія писателя, занявшаго такое высокое мѣсто въ исторіи нашей литературы. Едва ли какому-нибудь частному лицу и единичному изслѣдователю удалось бы собрать все то, что сосредоточено теперь въ Лермонтовскомъ музеѣ, и новѣйшіе издатели, болѣе серьезно относившіеся къ своей задачѣ, указываютъ, сколько они обязаны этому хранилищу. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говорится въ предисловіи къ изданію „Нивы",—что усилія наши были бы тщетны, еслибы не существовало еще „Лермонтовскаго Музея", въ которомъ собрано почти все, что написано Лермонтовымъ, въ подлинныхъ рукописяхъ или въ точныхъ копіяхъ, и если бы передъ нами не было уже результатовъ плодотворной дѣятельности такихъ библіографовъ какъ Дудышкинъ, П. А. Ефремовъ и др. Но еще менѣе сомнѣнія въ томъ, что полное исправленіе текста такого писателя, какъ Лермонтовъ, едва ли доступно было одному, двумъ лицамъ, посвящавшимъ себя этому дѣлу. И трудъ, предпринятый нами, былъ въ высшей степени необходимъ. Лермонтовскій текстъ, какъ въ собр. соч., такъ и въ журналахъ, мы нашли настолько мало установленнымъ, что даже „Герой нашего времени" и другія подобныя, при жизни автора печатавшіяся, произведенія оказались искаженными. Что касается до произведеній Лермонтова, оставшихся въ рукописяхъ, то онѣ были прочтены далеко не съ желательною точностью".

Въ примѣчаніяхъ къ 3—4 тому г. Введенскій приводитъ нѣсколько снимковъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ рукописей Лермонтова, неправильно прочитанныхъ въ прежнихъ изданіяхъ, съ указаніемъ, какъ онѣ должны читаться. Многія ошибки прежняго чтенія совершенно очевидны. Въ нѣсколькихъ газетныхъ статьяхъ [1]) г. Введенскій пересматриваетъ новыя изданія Лермонтова и указываетъ массу ошибокъ, отчасти повторяющихъ прежнія, которыя бывали уже исправлены; по поводу одного изданія, которое также ссылается на рукописи Лермонтовскаго музея, Публичной библіотеки и частныхъ лицъ [2]), г. Введенскій категорически утверждаетъ, что это изданіе есть „голая перепечатка прежнихъ, причемъ свято сохранены всѣ не только ошибки и „исправленія", но даже простыя опечатки", и что Лермонтовскія рукописи здѣсь совершенно не при чемъ. Приводя изъ этого и другихъ изданій примѣры ошибокъ, г. Введенскій объясняетъ, какъ при этомъ страдалъ самый смыслъ Лермонтовскихъ текстовъ, какъ терялись тонкіе оттѣнки, и изложеніе, иногда отъ однѣхъ ошибокъ пунктуаціи, становилось грубымъ и аляповатымъ.

„Въ „Измаилъ-беѣ",—говоритъ г. Введенскій,—есть такое мѣсто. Измаилъ, дѣлая распоряженія къ опасному набѣгу на русскихъ, невольно вспоминаетъ о молодомъ Селимѣ (Зарѣ переодѣтой), невольно впадаетъ въ мрачное раздумье и говоритъ; „Но въ цвѣтѣ жизни умирать"... (и рядъ точекъ), т.-е. *но вѣдь трудно и жалко умирать въ ранней молодости*; и затѣмъ, обращаясь къ Селиму, онъ отдаетъ приказаніе: „Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!" Но вотъ, одинъ „редакторъ" остроумно распорядился уничтожить между двумя приведенными стихами рядъ точекъ и поставить запятую. И мысль автора—пропала; раздумье Измаила изчезло, и осталось долговязое, неестественное приказаніе Селиму, съ неловкимъ изъясненіемъ причинъ его: „Селимъ, *ты не поѣдешь* съ нами *умирать въ цвѣтѣ лѣтъ*". Такъ вотъ, если по нѣскольку „исправленій" подобнаго сорта „редакторъ" внесетъ въ текстъ Лермонтовскихъ сочиненій, такъ отъ Лермонтова немного останется".

Подобнаго рода ошибки, нарушающія подлинный смыслъ произведеній Лермонтова, г. Введенскій указываетъ и въ изданіи г. Быкова (въ особенномъ изобиліи), и Висковатова, и Павлен-

---

[1]) „Новое Время", іюль и августъ.

[2]) „Сочиненія М. Ю. Лермонтова подъ редакціей П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова, съ иллюстраціями и виньетками". Томъ первый. Приложеніе къ журналу „Живописное Обозрѣніе" за іюль 1891 года. Спб., 1891.

кова, и даже Кушнерева, о которомъ скажемъ далѣе. При сложности работы надъ текстомъ г. Введенскій не ручается, что не окажется недосмотровъ и въ томъ изданіи, которое онъ самъ редактировалъ.

Судя по разбору г. Введенскаго, не отличается точностью текста и изданіе г. Павленкова [1]); рисунки разсчитаны на неприхотливаго читателя, но по внѣшности изданіе исполнено довольно хорошо и даетъ весьма обстоятельную біографическую статью г. Скабичевскаго.

Не будемъ входить въ подробности о другихъ изданіяхъ; назовемъ только еще: петербургское „Собраніе сочиненій", съ обширной біографіей и примѣчаніями подъ редакціей Д. П. Сильчевскаго; изданіе при газетѣ „Свѣтъ", при нѣкоторыхъ журналахъ; московское изданіе въ „Дешевой семейной библіотекѣ"; „Полное собраніе сочиненій", съ біографіей и примѣчаніями, Анскаго; кіевское „Собраніе сочиненій" (книгопродавца и издателя Іогансона), съ біографической статьей К. И. Арабажина; наконецъ, небольшое изданіе „Для школъ и народа", сдѣланное одесской коммиссіей народныхъ чтеній при Славянскомъ благотворительномъ Обществѣ; кромѣ того, вышло нѣсколько изданій отдѣльныхъ произведеній Лермонтова. Всѣ эти изданія отличаются очень умѣренной цѣной; наиболѣе дорогое изданіе г. Висковатова въ шести томикахъ—три рубля, изданіе г-жи Гербекъ (Болдакова) въ пяти томикахъ—два рубля; изданіе г. Павленкова въ одномъ томѣ или четырехъ томикахъ—одинъ рубль; дешевой библіотеки, въ трехъ томахъ—75 коп.; Анскаго—одинъ рубль 25 коп.; Сильчевскаго—80 коп.; кіевское Іогансона—60 коп.; для школъ и народа—20 коп.

Особнякомъ отъ этихъ изданій стоитъ московское иллюстрированное изданіе гг. Кушнерева и Прянишникова [2]). Относительно текста въ предисловіи къ изданію говорится:

---

[1]) Сочиненія Лермонтова. Полное собраніе въ четырехъ томахъ, изданіе подъ редакціей А. Скабичевскаго. Съ портретомъ Лермонтова, его біографіей и 115 рисунками художника М. Е. Малышева. Спб. 1891.

Томъ I: Поэмы, баллади и легенды. Повѣсти изъ современной жизни.

Томъ II: Лирическія и драматическія произведенія.

Томъ III: Проза: Романы и повѣсти.

Томъ IV: Проза: Драматическія произведенія. Письма. Біографія поэта.

Это изданіе, 16°, повторено въ одномъ томѣ, больш. 8°, въ два столбца.

[2]) М. Ю. Лермонтовъ. Сочиненія. Рисунки художниковъ: И. К. Айвазовскаго, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Е. Е. Волкова, Н. Н. Дубовскаго, С. В. Иванова, К. А. Коровина, В. К. Менка, В. Е. Маковскаго, В. Д. Поленова, Л. О. Пастернака, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго, В. А. Сѣрова, К. А. Трутовскаго,

„Текстъ, благодаря любезнымъ указаніямъ нашего извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова, вновь провѣренъ и исправленъ по рукописямъ поэта Н. Н. Буковскимъ (однимъ изъ основателей Лермонтовскаго музея; Н. Н. посвятилъ много времени на изученіе рукописей поэта)“. Но главную особенность изданія составляетъ его художественная сторона. Издатели говорятъ, что хотѣли сдѣлать изданіе „по возможности характернымъ и самостоятельнымъ въ художественномъ отношеніи“. „Съ одной стороны, у насъ нѣтъ спеціалистовъ иллюстраторовъ, каковы, наприм., Доре, Каульбахъ, Лизенмайеръ и другія европейскія знаменитости въ этомъ родѣ; съ другой, мы не желали украшать наше изданіе такими рисунками, какіе встрѣчаются въ большинствѣ иллюстрированныхъ изданій, — рисунками, которые, отличаясь приличіями техники, дѣлаются какъ бы для того, чтобы, остановивъ на минуту праздный глазъ зрителя, заставить тотчасъ забыть ихъ. Мы искали въ рисункахъ не шаблонныхъ иллюстрацій по заказу, по большей части сухихъ, однообразныхъ и скучныхъ, а искали въ нихъ характера, жизни,—словомъ, сколько-нибудь художественнаго произведенія. Поставивъ себѣ такую задачу, мы считали невозможнымъ поручить иллюстраціи сочиненій Лермонтова одному художнику, полагая, что разнообразіе мотивовъ Лермонтовской поэзіи, быть можетъ, даетъ слишкомъ обильный и разнообразный матеріалъ для живописи. Поэтому мы обратились къ нашимъ лучшимъ художественнымъ силамъ, прося ихъ принять участіе въ этомъ изданіи. Какъ видятъ читатели, наше предпріятіе было встрѣчено ими съ полнымъ сочувствіемъ, которое заслуживаетъ тѣмъ большей благодарности, что изданіе подобнаго характера является у насъ впервые“.

Мысль издателей заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полнаго сочувствія. Лермонтовскія темы могутъ дать богатый матеріалъ для фантазіи художника, матеріалъ чрезвычайно разнообразный; но должно сказать, что задача для художника представляется до чрезвычайности трудная: рисунокъ долженъ отвѣчать стихотворенію, обыкновенно чрезвычайно изящному, тонко отдѣланному и глубокому, и если иллюстрація не выдерживаетъ этой параллели, то она—мало сказать, не удовлетворяетъ, она становится непріятна. Издатели замѣчаютъ, что у насъ нѣтъ художниковъ-спеціалистовъ по иллюстраціи, и это чувствуется въ настоящемъ изданіи, при всѣхъ достоинствахъ отдѣльныхъ произведеній.

И. И. Шишкина. Художественное изданіе т-ва И. Н. Кушнерева и К° и книжнаго магазина П. К. Прянишникова. Два тома, больш. 8°. Москва, 1891. Цѣна—5 рублей.

Многіе изъ рисунковъ могли бы быть темою прекрасныхъ картинъ, но могутъ не удовлетворять какъ иллюстрація; во многихъ другихъ, которые могутъ быть только иллюстраціей, поражаетъ чрезвычайная неловкость, неумѣніе справиться съ сюжетомъ. Изъ числа удачныхъ рисунковъ мы назвали бы, наприм., нѣкоторые рисунки Вл. Маковскаго („Бородино"), Пастернака („Дума", „Маскарадъ", „Мцыри", „Хаджи-Абрекъ"), Полѣнова („Три пальмы", „Споръ"), Шишкина („Сосна" съ извѣстной картины на одной изъ послѣднихъ выставокъ), Савицкаго („Морская царевна", „Фаталистъ"), Сѣрова („Бэла", „Княжна Мери"). Г. Рѣпинъ взялъ одну изъ труднѣйшихъ темъ — „Пророка": какъ всегда у этого художника, рисунокъ очень сильный, хотя незаконченный въ смыслѣ иллюстраціи и, кромѣ того, самый типъ пророка, намъ кажется, взятъ слишкомъ исключительно. Это — пророкъ слишкомъ демократическій, въ томъ родѣ, какъ слишкомъ демократическаго или слишкомъ реальнаго Христа изображаетъ постоянно г. Ге: мы не отвергаемъ вообще возможности трактовать этотъ сюжетъ подобнымъ образомъ, но едва ли это идетъ въ настоящемъ случаѣ. Пророкъ Лермонтова есть самое общее представленіе вдохновеннаго проповѣдника и вдохновеннаго поэта,—къ послѣднему постоянно и примѣняется у насъ поэтическое изображеніе Лермонтова; реалистическій пророкъ у нашего художника, быть можетъ, напомнитъ скорѣе фанатическаго сектанта и такое впечатлѣніе едва ли отвѣтило бы тону стихотворенія. Не будемъ останавливаться на другихъ иллюстраціяхъ: не одну изъ нихъ надо назвать неудачной. Намъ, наприм., непонятны виньетки къ „Демону" и картинки къ страницамъ 8-й и 17-й (т. II); картинка къ „Еврейской мелодіи" съ трудомъ можетъ быть понята—можетъ быть, вслѣдствіе недостатковъ типографскаго исполненія. Рисунокъ къ „Умирающему гладіатору" (г. Пастéрнака) можетъ быть очеркомъ прекрасной картины, но едва ли онъ идетъ какъ иллюстрація къ данному стихотворенію: у Байрона, какъ и здѣсь, имѣется въ виду знаменитая античная статуя и самой естественной иллюстраціей къ стихотворенію могла бы быть простая фотографія этой статуи. Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ иллюстрирована двумя художниками, и едва ли не напрасно изображены два эшафота и два разныхъ палача. „Воздушный корабль" изображенъ на воздухѣ; но онъ „воздушный" только потому, что это—тѣнь, неосязаемое видѣніе, а вовсе не потому, что онъ носится въ воздухѣ: стихотвореніе начинается съ того, что онъ несется „по синимъ волнамъ океана", а дальше корабль, какъ и всякій другой, пристаетъ къ берегу.

Попытка изобразить самого Лермонтова (т. I, стр. 20) весьма удачна, но едва ли можно это сказать о картинкѣ, гдѣ изображенъ „Журналистъ, читатель и писатель". Рисунокъ къ „Сосѣдкѣ" (т. I, стр. 49)—очень некрасивая женщина (у Лермонтова: „милая сосѣдка"), прячущаяся за угломъ на улицѣ,—совсѣмъ не отвѣчаетъ самимъ стихамъ:

„У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ *окошечко* стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка" и т. д.

Ничего этого на рисункѣ нѣтъ, а именно эти стихи и доставляютъ единственный мотивъ для иллюстраціи. При стихотвореніи „Графинѣ Ростопчиной" (т. I, стр. 44)—какъ указывалъ г. Введенскій—помѣщенъ портретъ совсѣмъ не ея, а графини Мусиной-Пушкиной.

Во всякомъ случаѣ, это иллюстрированное изданіе, прекрасно исполненное въ типографскомъ отношеніи, является единственнымъ въ своемъ родѣ и замѣчательнымъ опытомъ изданія художественнаго.

Если такимъ образомъ для Лермонтова понадобится еще изданіе съ окончательно выправленнымъ текстомъ и обстоятельнымъ комментаріемъ, то состояніе критики Лермонтова въ настоящую минуту указываетъ необходимость и новаго историко-литературнаго изслѣдованія. Кромѣ множества изданій, пятидесяти-лѣтняя годовщина кончины Лермонтова вызвала цѣлый рядъ статей въ его память, представляющихъ опредѣленія его значенія художественнаго, историко-литературнаго, національнаго. Не перечисляя всей массы статей, посвященныхъ этому предмету, укажемъ главнѣйшія. Такъ въ „Русской Мысли" находимъ статью г. К., гдѣ намъ вспомнилась оригинальная манера извѣстнаго историка, который нѣсколько лѣтъ назадъ объяснялъ съ исторической точки зрѣнія героевъ Пушкина; въ „Недѣлѣ"—статью г. Морозова; въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ"—статью г. Тр.; въ „Русскомъ Вѣстникѣ"—Ю. Елагина; при изданіяхъ сочиненій—біографическія изслѣдованія г. Висковатова, г. Скабичевскаго, г. Ив. Иванова, книжку г. Острогорскаго и т. д. Опредѣленія Лермонтова здѣсь такъ разнообразны, что въ этомъ длинномъ рядѣ статей, который могъ бы быть еще умноженъ, мы не найдемъ двухъ сходныхъ мнѣній.

Само собою разумѣется, что извѣстныя темы повторятся неизмѣнно: всѣмъ писавшимъ, дѣятельность Лермонтова представится неполной, его развитіе недоконченнымъ, прерваннымъ на пути къ чему-то новому, вѣроятно болѣе совершенному, и всѣмъ одинаково представится тѣмъ не менѣе великое значеніе Лермонтова, какъ поэта національнаго. Очевидно, что загадочный вопросъ о томъ, чѣмъ былъ бы Лермонтовъ въ полномъ развитіи своихъ силъ, со всѣмъ досказаннымъ содержаніемъ его поэзіи, невольно представлялся каждому изъ его историковъ и вліялъ на его общее представленіе. Но и безъ того тѣ произведенія, какія были созданы Лермонтовымъ, вызывали весьма различныя впечатлѣнія. Пересматривая то, что было теперь сказано, мы невольно приходимъ къ заключенію, что Лермонтовъ все еще остается загадкой: насъ увлекаютъ въ высокой степени изящныя, глубокія созданія его поэзіи, но насъ останавливаютъ также тѣ разнорѣчивые порывы, какимъ отдавалась его рефлексія и въ концѣ концовъ мы недоумѣваемъ, какое послѣднее слово сказала бы эта могущественная поэзія, съ ея настойчивыми запросами отъ жизни.

Лермонтовъ остается неясенъ и современные критики не могли не сознать этого. „На первый взглядъ,—говоритъ одинъ изъ біографовъ, г. Скабичевскій, — Лермонтовъ, по сравненію со всѣми прочими русскими писателями, жившими въ его время и послѣ, производитъ странное впечатлѣніе чего-то совершенно какъ бы изолированнаго, стоящаго внѣ звеньевъ неразрывной цѣпи постепеннаго развитія и усовершенствованія русской литературы. Когда говорятъ объ этомъ развитіи, то ставятъ обыкновенно на видъ, какъ Жуковскій и Батюшковъ взамѣнъ отжившаго псевдо-классицизма насаждали у насъ романтизмъ; какъ затѣмъ Пушкинъ, начавши свою литературную дѣятельность на почвѣ романтизма, къ концу ея постепенно перевелъ русскую литературу на реальную почву, и прямымъ его продолжателемъ, утвердителемъ литературы на этой самой реальной почвѣ является Гоголь. Лермонтовъ же остается какъ бы совершенно въ сторонѣ отъ этой преемственности. Онъ представляется словно какимъ-то непредвидѣннымъ метеоромъ, внезапно пронесшимся по небу яркою звѣздою, неизвѣстно откуда взявшеюся и исчезнувшею безъ слѣда. Можно подумать даже, что правильный ходъ развитія литературы ни мало не измѣнился бы, не потерпѣлъ бы, еслибы Лермонтова совсѣмъ не было. Представляется даже такъ, какъ будто Лермонтовъ въ своей литературной дѣятельности сдѣлалъ шагъ назадъ, такъ какъ въ то самое время, какъ Гоголь продолжалъ работу Пушкина на почвѣ реализма и устремлялъ литературу на плодо-

творный трудъ изображенія обыденной жизни, Лермонтовъ снова воскресилъ романтическіе эффекты и байронизмъ, отъ котораго Пушкинъ успѣлъ отрѣшиться уже въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Если же заводятъ рѣчь о ходѣ развитія различныхъ идей въ обществѣ, философскихъ, политическихъ и т. п., то Лермонтовъ тѣмъ болѣе остается въ сторонѣ, о немъ совсѣмъ и не упоминаютъ при этомъ, потому что какія же идеи выражалъ Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ, къ какому лагерю принадлежалъ, какое ученіе проповѣдовалъ? Не былъ онъ ни славянофиломъ, ни западникомъ, ни либераломъ, ни консерваторомъ, ни прогрессистомъ, ни обскурантомъ. Вслѣдствіе всего этого у большинства русскихъ людей, не исключая и самыхъ горячихъ поклонниковъ его поэзіи, мы видимъ крайне смутное представленіе о роли и значеніи Лермонтова въ русской литературѣ, равно и о преобладающемъ характерѣ его произведеній".

У г. К., въ „Русской Мысли", встрѣчаемъ иначе выраженныя недоумѣнія:

„Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Лермонтовъ. Воспоминаніе о смерти поэта, безъ сомнѣнія, напомнитъ намъ и его поэзію. Да, напомнитъ, потому что мы успѣли уже забыть ее. Образцовыя стихотворенія Лермонтова съ разрѣшенія учебнаго начальства держатся еще въ педагогическомъ оборотѣ, и, благодаря тому, многіе знаютъ наизусть и *Бородино*, и *Вѣтку Палестины*, и даже *Пророка*. Но поэзія Лермонтова—только наше школьное воспоминаніе: въ нашемъ текущемъ житейскомъ настроеніи, кажется, не уцѣлѣло ни одной Лермонтовской струны, ни одного Лермонтовскаго аккорда. Жалѣть ли объ этомъ? Можетъ быть—да, а можетъ быть—и нѣтъ. Отвѣтъ зависитъ отъ этой давно затихшей пѣсни и отъ того, запалъ ли въ насъ отъ нея какой-нибудь отзвукъ—лучше сказать, была ли она сама отзвукомъ какого-нибудь цѣннаго общечеловѣческаго или, по крайней мѣрѣ, національнаго мотива, или въ ней прозвучало чисто индивидуальное настроеніе, которое сложилось подъ вліяніемъ капризныхъ случайностей личной жизни и вмѣстѣ съ ней замерло, обогативъ только запасъ рѣдкихъ психологическихъ возможностей. Въ послѣднемъ случаѣ поэзію Лермонтова едва ли стоитъ вызывать съ тихаго кладбища учебной христоматіи.

„Педагогическій успѣхъ поэзіи Лермонтова можетъ показаться неожиданнымъ. Принято думать, что Лермонтовъ—поэтъ байроновскаго направленія, пѣвецъ разочарованія, а разочарованіе—настроеніе мало приличествующее школьному возрасту и совсѣмъ неудобное для педагога, какъ воспитательное средство. Между

тѣмъ, послѣ старика Крылова, кажется, никто изъ русскихъ поэтовъ не оставилъ послѣ себя столько превосходныхъ вещей, доступныхъ воображенію и сердцу учебнаго возраста безъ преждевременныхъ возбужденій, и притомъ не въ наивной формѣ басни, а въ видѣ баллады, легенды, историческаго разсказа, молитвы или простого лирическаго момента. Неожиданно и то, что русскій поэтъ первой половины нашего вѣка сталъ пѣвцомъ разочарованія. Настроеніе, которое въ поэзіи обозначается именемъ великаго англійскаго поэта, сложилось изъ идеаловъ, съ какими западно-европейское общество переступило черезъ рубежъ XVIII вѣка, и изъ фактовъ, какіе оно пережило въ началѣ XIX вѣка,—изъ идеаловъ, подававшихъ надежду на невозможность подобныхъ фактовъ, и изъ фактовъ, показавшихъ полную несбыточность этихъ идеаловъ. Байронизмъ—это поэзія развалинъ, пѣснь о кораблекрушеніи. На какихъ развалинахъ сидѣлъ Лермонтовъ? Какой разрушенный Іерусалимъ онъ оплакивалъ? Ни на какихъ и никакого. Въ тѣ годы у насъ бывали несчастія и потрясенія, но ни одного изъ нихъ нельзя назвать крушеніемъ идеаловъ. Старыя вѣрованія, исторически сложившіяся и укрѣпившіяся въ общественномъ сознаніи, уцѣлѣли, а новыя идеи еще не успѣли дозрѣть до общественныхъ идеаловъ и свѣялись, какъ мечты отдѣльныхъ умовъ, неосторожно отважившихся забѣжать впередъ своего общества. Намъ не приходилось сидѣть на рѣкахъ вавилонскихъ, оплакивая родныя разрушенныя святыни, и даже о пожарѣ Москвы мы вспоминали неохотно, когда вѣжливою и сострадательною рукой брали Парижъ".

Характеръ этихъ недоумѣній таковъ, что, очевидно, предполагаетъ крайнее разнорѣчіе существующихъ до сей минуты представленій о Лермонтовѣ, отсутствіе какого бы то ни было положительнаго вывода о значеніи его дѣятельности. Едва ли сомнительно, что Лермонтовъ былъ неясенъ и для самихъ современниковъ, восхищавшихся его поэзіей, неясенъ по основамъ своего міровоззрѣнія. Бѣлинскій, который ставилъ его такъ высоко, видимо недоумѣвалъ относительно нѣкоторыхъ сторонъ этого міровоззрѣнія, и старался выяснять ихъ въ благопріятную для его собственнаго взгляда сторону, быть можетъ, не всегда вѣрно. Въ послѣдующее время этотъ вопросъ былъ нѣсколько забытъ и когда теперь онъ снова сталъ на очередь съ обновившеюся по внѣшнему поводу памятью Лермонтова, въ этихъ новѣйшихъ поминкахъ сказалось все разногласіе, даже противорѣчіе мнѣній, существовавшихъ до сихъ поръ въ скрытомъ состояніи. Въ тѣхъ статьяхъ о Лермонтовѣ и въ біографіяхъ, какія явились въ настоящую

минуту, нельзя почти найти двухъ однородныхъ взглядовъ: даже тѣ, которые стоятъ на одной почвѣ, расходятся весьма значительными оттѣнками. Правда, нѣкоторыя частности выяснились почти одинаково для всѣхъ, именно значеніе біографическихъ условій, но затѣмъ мы встрѣчаемся съ выводами чрезвычайно несходными. Опредѣляя путь, пройденный Лермонтовымъ, и загадывая о томъ, что предстояло бы ему совершить далѣе (такъ какъ несомнѣнно онъ погибъ на полъ-дорогѣ своего поприща), его историки видѣли въ немъ то поэта, который въ свое время далъ сильное выраженіе внутреннему разладу, овладѣвавшему лучшими людьми просвѣщеннаго круга, и являлся несомнѣннымъ представителемъ прогрессивныхъ идей; то напротивъ отрицателя цивилизаціи или будущаго славянофила; то писателя, на послѣдней ступени своего развитія близко подошедшаго къ національно-религіозному настроенію народа, „которому пришлось стоять между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ, и досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрой“; то поэта, который въ пору молодости увлекался отрицательнымъ направленіемъ, но, наконецъ, несомнѣнно долженъ былъ вступить на путь благоразумнаго консерватизма.

Едва ли сомнительно, что значительная доля этого разнорѣчія останется навсегда: поэтъ не сказалъ своего послѣдняго слова; каждая изъ противоположныхъ сторонъ общественныхъ понятій будетъ естественно стараться привлечь въ свои единомышленники поэта, владѣвшаго такимъ волшебнымъ словомъ,—его пожелаютъ считать своимъ и прогрессисты и консерваторы, быть можетъ, даже настоящіе ретрограды. Но извѣстная доля противорѣчія вѣроятно будетъ устранена путемъ историко-литературнаго изученія, какого до послѣдняго времени сдѣлано не было. Съ другой стороны могла бы стать любопытнымъ предметомъ для изученія самая литературная судьба Лермонтова, исторія того дѣйствія, какое производилъ онъ на русское общество, съ той поры, когда его имя въ первый разъ пріобрѣло широкую славу послѣ стихотворенія на смерть Пушкина, и до нашихъ дней, когда „потомство“, прославляя великаго писателя, все еще не найдетъ его настоящаго мѣста на нашемъ Олимпѣ. Эта исторія была бы характерной страницей въ исторіи нашихъ литературныхъ и общественныхъ идей.

А. В—нъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1891 г.

Возвращеніе Наслѣдника Цесаревича. — Личный составъ новыхъ учрежденій въ губерніяхъ третьей очереди, только-что подведенныхъ подъ дѣйствіе положеній 12-го іюля 1889 года. — Циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ и съѣзды земскихъ начальниковъ.—Вопросы о мѣстоименіяхъ и о сниманіи шапокъ.—Сообщенія изъ московскаго уѣзда.—Новыя законодательныя мѣры.

4-го августа Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ благополучно закончилъ свое путешествіе, продолжавшееся болѣе девяти мѣсяцевъ (съ 23-го октября прошедшаго года) и обнявшее собою почти тридцать пять тысячъ верстъ. „Если на долгихъ путяхъ своихъ внѣ Россіи,—говоритъ, по этому поводу, „Правительственный Вѣстникъ, — Наслѣдникъ знакомился съ Востокомъ, и передъ нимъ, одни вслѣдъ за другими, являлись крупныя данныя для наблюденій, то путь его по Россіи былъ, кромѣ того, связанъ съ воплощеніемъ мѣропріятій, отнынѣ долженствующихъ органически связать Сибирь съ европейскою половиною Имперіи. Наслѣдникъ присутствовалъ, во Владивостокѣ, при открытіи работъ сибирской желѣзной дороги, свезъ на полотно ея тачку земли и проѣхалъ въ поѣздѣ по построенному трехверстному участку; при Его Высочествѣ произведена закладка владивостокскаго дока, и этимъ положены безконечно плодоносныя сѣмена, послѣдствій произростанія которыхъ, даже приблизительно, опредѣлить нельзя. Въ тѣ же дни важныхъ начинаній на долю Наслѣдника выпало почтить дорогую память тѣхъ настойчивыхъ работниковъ, которые положили свои силы на объединеніе Сибири съ Европейской Россіей — Цесаревичъ присутствовалъ при закладкѣ памятника адмиралу Невельскому, во Владивостокѣ, и при торжественномъ открытіи, въ Хабаровкѣ, памятника Муравьеву-Амурскому... Если рельсовый путь, со временемъ, послужитъ металлическою связью Сибири съ Европейской Россіей, то связью духовною, не меньшей цѣны и значенія, и уже сказавшеюся, является

переѣздъ вдоль всей Сибири Наслѣдника Цесаревича, связью, прочность которой гораздо болѣе сильна потому, что она — связь духовная, не подчиняющаяся преходящимъ условіямъ времени и мѣста. Однимъ изъ звеньевъ этой духовной связи является благодатная милость Именнаго Высочайшаго указа, отъ 17-го апрѣля текущаго года, смягчившая и сократившая наказанія, отбываемыя въ Сибири,—милость, явленная Государемъ Императоромъ въ ознаменованіе посѣщенія Сибири любезнѣйшимъ сыномъ Его".

Мы упоминали уже, въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, о новомъ распространеніи круга дѣйствій судебно-административныхъ учрежденій, созданныхъ закономъ 12-го іюля 1889 г.; остановимся теперь на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой мѣры. Первоначально, какъ извѣстно, предполагалось имѣть во всѣхъ городахъ, губернскихъ и уѣздныхъ (кромѣ тѣхъ немногихъ, гдѣ остаются въ силѣ судебно-мировыя учрежденія), особыхъ городскихъ судей; впослѣдствіи признано было возможнымъ включить нѣкоторые города, изъ категоріи небольшихъ и малонаселенныхъ, въ составъ земскихъ участковъ, т.-е. подчинить возникающія здѣсь маловажныя судебныя дѣла вѣдомству участковыхъ земскихъ начальниковъ. Число такихъ исключеній отнюдь нельзя считать безразличнымъ. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, институтъ городскихъ судей имѣетъ существенныя преимущества передъ институтомъ земскихъ начальниковъ. Городской судья—*только* судья, и ничего болѣе; предназначаемый единственно къ судебной дѣятельности, онъ долженъ быть къ ней подготовленъ, долженъ соотвѣтствовать именно ея требованіямъ, а не какимъ-либо инымъ. Ему нѣтъ надобности переходить отъ функцій одного рода къ другимъ, существенно-различнымъ или прямо противоположнымъ. Населеніе его участка ему *подсудно*, но не *подчинено*; оно составляетъ, въ его глазахъ, одно цѣлое, не раздѣленное на подвластныхъ и неподвластныхъ. Въ составѣ уѣзднаго съѣзда городской судья является, вмѣстѣ съ уѣзднымъ членомъ окружного суда, естественнымъ оберегателемъ судебныхъ преданій, судебныхъ пріемовъ, во многомъ не сходныхъ съ тенденціями административной юстиціи. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что число уѣздныхъ городовъ, остающихся безъ городскихъ судей, въ губерніяхъ третьей очереди, относительно почти столь же велико, какъ и въ губерніяхъ второй очереди. Въ мѣстностяхъ, подведенныхъ, минувшимъ лѣтомъ, подъ дѣйствіе положеній 12-го іюля 1889 г., уѣздныхъ городовъ числится всего *сто девять*; изъ нихъ *тридцать одинъ*, т.-е. болѣе одной четвертой части, под-

чиняются вѣденію земскихъ начальниковъ [1]). Между губерніями эти города распредѣляются весьма неравномѣрно. Въ губерніяхъ самарской и саратовской уѣздныхъ городовъ безъ городскихъ судей нѣтъ вовсе; въ губерніяхъ вятской, с.-петербургской и тамбовской ихъ только по *одному* (Малмыжъ, Гдовъ, Елатьма); въ губерніяхъ орловской и тверской—по *два* (Малоархангельскъ, Кромы, Зубцовъ, Старица); въ вологодской губерніи—*три* (Вельскъ, Грязовецъ, Кадниковъ); въ губерніяхъ воронежской и ярославской—по *четыре* (Валуйки, Землянскъ, Коротоякъ, Нижнедѣвицкъ—Любимъ, Молога, Мышкинъ, Пошехонье); въ пензенской губерніи—*пять* (Городище, Инсаръ, Керенскъ, Краснослободскъ, Наровчатъ); въ казанской губерніи, наконецъ — цѣлыхъ *восемь* (Лаишевъ, Мамадышъ, Свіяжскъ, Спасскъ, Тетюши, Царевококшайскъ, Цывильскъ, Ядринскъ). Надѣлены городскими судьями остальные 78 уѣздныхъ городовъ, 9 губернскихъ городовъ (въ С.-Петербургѣ, Казани и Саратовѣ сохранены, какъ извѣстно, судебно-мировыя учрежденія), два безъуѣздные города (Гатчино и Кронштадтъ) и шесть поселеній, которыя, не будучи городами поименно, соединяютъ въ себѣ всѣ характеристичныя черты городской жизни (посадъ Колпино—въ петербургской, посадъ Дубовка—въ саратовской, село Балаково и слобода Покровская—въ самарской, заводы Ижевскій и Воткинскій—въ вятской губерніи). Общее число городскихъ судей, въ губерніяхъ третьей очереди, доходитъ до ста двадцати двухъ; въ девяти губернскихъ городахъ и еще въ десяти другихъ, особенно населенныхъ, обязанности городского судьи раздѣлены между нѣсколькими лицами (отъ двухъ до четырехъ). Значительное большинство вновь назначенныхъ городскихъ судей (83)—бывшіе выборные мировые судьи [2]); это позволяетъ ожидать отъ нихъ самостоятельнаго, независимаго образа дѣйствій, насколько онъ совмѣстенъ съ положеніемъ городского судьи—и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ похвальнымъ надгробнымъ словомъ судебно-мировому институту, созданному уставами 1864 г. Менѣе подходящей подготовкой къ должности городского судьи кажется намъ служба въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ. Секретарь или помощникъ секретаря рѣдко принимаетъ участіе въ рѣшеніи дѣлъ по существу и является, большею частью, только исполнителемъ чужихъ приказаній. Даже въ тѣхъ слу-

---

[1]) Въ десяти губерніяхъ второй очереди такихъ городовъ двадцать шесть, въ шести губерніяхъ первой очереди — только два (см. Внутр. Обозр. въ № 9 „В. Е." 1890 г.).

[2]) Въ губерніяхъ второй очереди городскими судьями было назначено 55 бывшихъ мировыхъ судей; городскихъ судей другихъ категорій насчитывалось тамъ 50. Процентное отношеніе измѣнилось, слѣдовательно, въ пользу мировыхъ судей; вмѣсто 52½ оно составляетъ уже 68%.

чаяхъ, когда онъ вынесъ изъ своихъ прежнихъ занятій достаточный запасъ опытности и знаній, ему будетъ недоставать авторитета, столь важнаго для городского судьи, какъ члена уѣзднаго съѣзда. Между тѣмъ изъ числа секретарей и помощниковъ секретарей назначено въ губерніяхъ третьей очереди *шестнадцать* городскихъ судей. Еще больше недоумѣній возбуждаетъ назначеніе въ городскіе судьи кандидата на военно-морскія судебныя должности, уѣзднаго врача, почетнаго смотрителя уѣзднаго училища, уѣзднаго исправника, письмоводителя уѣзднаго предводителя дворянства.

Между вновь назначенными уѣздными членами окружныхъ судовъ мы насчитали (по девяти губерніямъ) всего больше товарищей прокурора (29) и судебныхъ слѣдователей (27); выборныхъ мировыхъ судей только четырнадцать, мировыхъ судей по назначенію отъ правительства девять. Наиболѣе подходящими кандидатами на должность уѣзднаго члена представляются, съ нашей точки зрѣнія, члены окружного суда, и притомъ изъ числа старшихъ, опытнѣйшихъ, наиболѣе способныхъ руководить товарищами, мало свѣдущими въ области права. Между тѣмъ членовъ окружного суда, переименованныхъ въ уѣздные члены, оказывается на этотъ разъ (если не считать переведенныхъ изъ одного уѣзда въ другой) только *семь* [1]). Шестеро изъ нихъ опредѣлены уѣздными членами въ тотъ городъ, гдѣ находится окружной судъ. Отсюда можно заключить, что одна изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ назначенію членовъ окружного суда на должность уѣзднаго члена—это нежеланіе ихъ мѣнять губернскій или сравнительно большой уѣздный городъ на провинціальную глушь, какою является бо̀льшая часть нашихъ уѣздныхъ городовъ. Противовѣсомъ этому нежеланію, во многихъ отношеніяхъ весьма понятному, могло бы служить предоставленіе уѣзднымъ членамъ окружного суда добавочныхъ служебныхъ преимуществъ. Уѣздный членъ и теперь получаетъ жалованье нѣсколько высшее, чѣмъ обыкновенный членъ окружного суда (вмѣсто 2.200 рублей—2.500); но это, очевидно, недостаточно для уравновѣшенія неудобствъ, сопряженныхъ съ пребываніемъ въ небольшомъ городѣ и съ возможностью непріятныхъ столкновеній, въ уѣздномъ съѣздѣ гораздо большею, чѣмъ въ окружномъ судѣ... Непосредственно за членами окружного суда должны быть поставлены, въ качествѣ подходящихъ кандидатовъ на должность уѣзднаго члена, судебные слѣдователи, *утвержденные въ должности*, т.-е. имѣвшіе возможность привыкнуть къ самостоятельной судебной дѣятельности. Къ сожалѣнію, *такихъ* слѣдователей у насъ все еще слишкомъ мало; они составляютъ меньшинство (13 изъ 27) и между слѣ-

[1]) Въ губерніяхъ второй очереди ихъ было больше: 18 (изъ 112).

дователями, попавшими, лѣтомъ нынѣшняго года, въ число уѣздныхъ членовъ окружного суда. Положеніе исправляющаго должность судебнаго слѣдователя—слишкомъ зависимое, чтобы можно было признать его вполнѣ цѣлесообразной подготовкой къ званію уѣзднаго члена. Еще въ большей степени это замѣчаніе примѣнимо къ положенію товарища прокурора.

Переходимъ къ земскимъ начальникамъ. Мы видѣли, въ свое время, что въ губерніяхъ второй очереди земскихъ участковъ учреждено сравнительно больше, чѣмъ въ губерніяхъ первой очереди. Въ губерніяхъ третьей очереди они еще многочисленнѣе. Максимальное ихъ число (для одного уѣзда) повысилось съ восьми и одиннадцати до *тринадцати*. Эта послѣдняя цифра, притомъ, не составляетъ единичнаго исключенія; она встрѣчается въ трехъ уѣздахъ (глазовскомъ —вятской губерніи, бугурусланскомъ и бузулукскомъ—самарской губерніи). По двѣнадцати участковъ числится въ двухъ уѣздахъ, по одиннадцати—также въ двухъ, по десяти—въ семи, по девяти—въ восьми уѣздахъ, по восьми—въ девяти уѣздахъ. Итакъ, больше чѣмъ семь участковъ — въ *тридцати одномъ* уѣздѣ, между тѣмъ какъ въ губерніяхъ первой очереди цифра *семь* была превзойдена только въ *одномъ* уѣздѣ, въ губерніяхъ второй очереди—только въ *трехъ*. Взяло верхъ, очевидно, то мнѣніе, противъ котораго мы нѣсколько разъ возражали—мнѣніе, домогавшееся возможно-бо́льшаго увеличенія числа земскихъ участковъ. Минимальной цифрой участковъ остается три, но она встрѣчается очень рѣдко (только въ петербургскомъ уѣздѣ, значительная часть котораго сохраняетъ судебно-мировыя учрежденія, въ одномъ уѣздѣ казанской и въ трехъ уѣздахъ ярославской губерніи). Въ губерніяхъ второй очереди самымъ обычнымъ числомъ земскихъ участковъ было 5 или 4; въ губерніяхъ третьей очереди эти цифры превзойдены больше чѣмъ въ половинѣ всѣхъ уѣздовъ, и средняя цифра земскихъ участковъ приближается къ $6^1/_2$ (749 участковъ въ 121 уѣздѣ).

Земскіе начальники либо *утверждаются*, либо *назначаются* министромъ внутреннихъ дѣлъ. *Утверждаются*, за силою ст. 14 положенія о земскихъ начальникахъ, тѣ лица, кандидатура которыхъ, намѣченная губернаторомъ или предводителями дворянства (губернскимъ или уѣзднымъ), соотвѣтствуетъ требованіямъ ст. 6 или 7 того же положенія [1]). *Назначаются* земскіе начальники, за силою ст. 16, въ губерніяхъ или уѣздахъ, гдѣ вовсе или почти вовсе нѣтъ дво-

[1]) Статья 6-я установляетъ для земскихъ начальниковъ цензъ сословный, имущественный и образовательный (или служебный); статья 7-я допускаетъ значительныя отступленія отъ двухъ послѣднихъ цензовъ, не опредѣляя, съ точностью, условій, при которыхъ такое отступленіе становится возможнымъ.

рянства (сюда относятся изъ числа мѣстностей третьей очереди, губернія вятская и два уѣзда—вельскій и тотемскій—вологодской губерніи), а за силою ст. 15—и въ другихъ мѣстахъ, когда, за недостаткомъ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ, имѣющихъ право быть земскими начальниками, или за отказомъ избранныхъ кандидатовъ, или *по другимъ причинамъ*, оказывается невозможнымъ замѣстить, на общемъ основаніи, всѣ положенныя по штату должности земскихъ начальниковъ. Разсмотримъ сначала категорію земскихъ начальниковъ, назначаемыхъ на основаніи ст. 16-й. Ихъ насчитывается, въ приказахъ 25-го іюня и 19-го іюля, всего *сто-одинъ*: девяносто—по вятской губерніи, и одиннадцать—по вельскому и тотемскому уѣздамъ—вологодской губерніи. Гражданскихъ чиновниковъ между ними *восемьдесять-одинъ*, офицеровъ—*девять*, дворянъ—*пять*, не имѣющихъ чина—*шесть*. Назначены, сверхъ того (на основаніи ст. 78 положенія 12-го іюля 1889 г.), предсѣдатели уѣздныхъ съѣздовъ въ двухъ уѣздахъ вологодской и всѣхъ одиннадцати уѣздахъ вятской губерніи; за исключеніемъ одного (отставного поручика), это все гражданскіе чиновники. Относительно земскихъ начальниковъ вятской губерніи мы находимъ весьма интересныя свѣденія въ вятской корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 183). Изъ числа 71 лица, о которыхъ корреспонденту удалось собрать точныя данныя, высшее образованіе получили 16 (8—въ университетахъ, 4—въ духовныхъ академіяхъ, 2—въ Петровско-Разумовской сельско-хозяйственной академіи, по одному—въ лѣсномъ и ветеринарномъ институтахъ). Шестнадцать лицъ окончили курсъ въ вятской духовной семинаріи, семь вышли изъ низшихъ ея классовъ. Полный гимназическій курсъ окончили двое; изъ низшихъ и среднихъ классовъ гимназіи и реальнаго училища вышли шестеро. Пять лицъ обучались въ спеціальныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ (классы землемѣро-таксаторскіе и межевыхъ топографовъ), восемь—въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (преимущественно въ юнкерскихъ училищахъ), восемь—въ уѣздныхъ училищахъ, трое—въ существовавшемъ въ Вяткѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, училищѣ для дѣтей канцелярскихъ чиновниковъ. Итакъ, законченное высшее образованіе получили 21,9°/о, среднее —42,4°/о; остальные 35,7°/о приходятся на неокончившихъ курса въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на обучавшихся въ низшихъ училищахъ. Картина — далеко не блестящая, тѣмъ болѣе, что къ числу закончившихъ среднее образованіе отнесены здѣсь учившіеся въ юнкерскихъ и топографскихъ школахъ. Относительно служебнаго ценза корреспондентъ сообщаетъ свѣденія о 78 земскихъ начальникахъ: 25 лицъ были участковыми судьями, 11—непремѣнными членами уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій, 2 — судебными приста-

вами, 5—секретарями земскихъ управъ и мировыхъ съѣздовъ, 2—уѣздными исправниками, 7—помощниками исправника, 2—чиновниками особыхъ порученій, 2—дѣлопроизводителями губернскаго правленія, 1—лѣсничимъ, 3—лѣсными кондукторами, 5—производителями работъ по выдачѣ владѣнныхъ записей, 2—частными повѣренными, 5—учителями (всѣ, за исключеніемъ одного—въ духовной семинаріи или духовномъ училищѣ); шестеро находились въ военной службѣ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ должностей настоящую подготовку къ дѣятельности земскаго начальника могли дать только двѣ: должность мирового судьи и непремѣннаго члена—а ихъ занимали только 36 лицъ изъ числа 78.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ третьей очереди, которыя не подходятъ подъ дѣйствіе ст. 16 положенія о земскихъ начальникахъ (т.-е. обладаютъ достаточнымъ числомъ дворянъ и имѣютъ дворянскихъ предводителей), утверждено земскихъ начальниковъ, двумя вышеупомянутыми приказами, *четыреста-девять*, назначено—*сто-восемьдесятъ-четыре*. Лица назначенныя составляютъ здѣсь, слѣдовательно, почти одну треть (31%)—больше, чѣмъ въ губерніяхъ второй очереди, гдѣ назначено было около 23½% общаго числа земскихъ начальниковъ. Всего меньше, относительно, число назначеній въ губерніяхъ: с.-петербургской (4 изъ 35, т.-е. менѣе 11½%), орловской (9 изъ 62, т.-е. около 14½%) и воронежской (10 изъ 66, т.-е. съ небольшимъ 15%). Болѣе крупнымъ оно является въ губерніяхъ пензенской (10 изъ 46, т.-е. слишкомъ 21½%), тамбовской (19 изъ 72, т.-е. почти 26½%) и тверской (15 изъ 55, т.-е. болѣе 27%), а самыхъ значительныхъ размѣровъ достигаетъ въ трехъ дворянскихъ уѣздахъ вологодской губерніи (вологодскомъ, грязовецкомъ и кадниковскомъ: 7 изъ 18, т.-е. почти 39%) и въ губерніяхъ: саратовской (30 изъ 70, т.-е. почти 43%), ярославской (18 изъ 40, т.-е. 45%), самарской (32 изъ 69, т.-е. около 46½%) и казанской (30 изъ 60, т.-е. 50%). Чтобы выяснить различіе между земскими начальниками утвержденными и назначенными, приведемъ мнѣніе „достовѣрнаго", съ извѣстной точки зрѣнія, свидѣтеля—„стараго предводителя", помѣщающаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" длинный рядъ писемъ о новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. „Мы думаемъ,—говоритъ онъ,—что утвержденному земскому начальнику достигнуть близости къ народу легко, а назначенному—трудно. Народъ нашъ смиренъ, уступчивъ, но недовѣрчивъ. Человѣку, давно живущему въ данной мѣстности, имѣвшему съ крестьянами дѣловыя отношенія, отецъ котораго, дѣдъ жили на томъ же мѣстѣ—такому человѣку легко сдѣлаться близкимъ начальникомъ народу, хотя бы онъ и не имѣлъ полнаго образовательнаго ценза. Пришлому же человѣку, назначенному земскому на-

чальнику, будь онъ хотя магистръ самыхъ подходящихъ для крестьянскаго управленія наукъ, долго придется давать приглядываться къ себѣ, пока онъ пріобрѣтетъ довѣріе. Много надо труда, ума, изученія народнаго характера и мѣстныхъ обычаевъ, чтобы для начальника назначеннаго, *не нашего*, отверзлись такъ сердца, какъ они расположены, по традиціямъ, отверзаться для *нашего*. Пришлому, назначенному начальнику всякое лыко будетъ ставиться въ строку. Единственное для него средство улучшить свое положеніе, это—быть осторожнымъ, не спѣшить, всматриваться въ народъ и деревенскую жизнь, задаться для начала цѣлью: *не учить, а учиться*". Само собою разумѣется, что во всемъ этомъ много преувеличеннаго и прямо ошибочнаго. Ошибочно мнѣніе о второстепенномъ значеніи образовательнаго ценза, вполнѣ естественное, впрочемъ, со стороны сотрудника реакціонной газеты; преувеличена оцѣнка преимуществъ, сопряженныхъ съ наслѣдственностью владѣнія и продолжительностью пребыванія въ средѣ мѣстнаго населенія. Вѣдь если „дѣловыя отношенія" помѣщика къ крестьянамъ внушаютъ, *иногда*, послѣднимъ довѣріе и расположеніе къ первому, то столь же возможенъ и результатъ противоположный. Бываетъ и такъ,—намъ лично извѣстны случаи этого рода, — что крестьянамъ ненавистно самое *имя*, носители котораго, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, были бичами своихъ сосѣдей. Потомку, унаслѣдовавшему только фамилію, но не качества предковъ, приходится „долго давать приглядываться къ себѣ", чтобы изгладить представленія, связанныя съ именемъ. Быть уроженцемъ-старожиломъ данной мѣстности и считаться для нея *своимъ*—это, безъ сомнѣнія, далеко не одно и то же. Нельзя отрицать, однако, что положеніе *утвержденнаго* земскаго начальника, *въ большинствѣ случаевъ*, легче и благопріятнѣе, чѣмъ положеніе земскаго начальника *назначеннаго*. Первый, говоря вообще, лучше знаетъ людей и мѣстность, лучше, съ меньшими и затратами, и затрудненіями, можетъ приспособиться къ своему новому положенію. Жалованье земскаго начальника, вполнѣ достаточное для мѣстнаго землевладѣльца, продолжающаго жить въ своей усадьбѣ, можетъ не удовлетворить пришлаго человѣка, которому все нужно нанимать и вновь устроивать. Не лишено значенія и то, что пришлый человѣкъ меньше заинтересованъ въ пріобрѣтеніи и сохраненіи добрыхъ чувствъ мѣстнаго населенія. Сегодня онъ здѣсь, завтра—тамъ; какую память онъ по себѣ оставитъ—это для него, очевидно, не такъ важно, какъ для мѣстнаго жителя, связь котораго съ сосѣдями не порвется и послѣ оставленія имъ должности земскаго начальника. Вотъ почему высокій процентъ назначенныхъ земскихъ начальниковъ кажется и намъ

обстоятельствомъ далеко не безразличнымъ для дальнѣйшей судьбы новаго учрежденія [1]).

Между 409 утвержденными земскими начальниками мы насчитали 183 гражданскихъ чиновника (около 44³/₄%), 174 офицера (около 42¹/₂%), 51 дворянина (около 12¹/₂%); въ губерніяхъ второй очереди соотвѣтствующими процентными цифрами были 42%, 40% и 18%. Сверхъ того утвержденъ земскимъ начальникомъ одинъ не имѣющій чина ветеринарный врачъ. Всего больше, относительно, гражданскихъ чиновниковъ утверждено земскими начальниками въ трехъ дворянскихъ уѣздахъ вологодской губерніи (болѣе 63¹/₂%) и въ губерніяхъ ярославской (около 54¹/₂%), самарской (около 51¹/₂%), саратовской и казанской (по 50%); меньше всего—въ губерніяхъ воронежской (около 37%) и орловской (почти 34%). Средину занимаютъ губерніи с.-петербургская (48¹/₂%), пензенская (47¹/₄%), тверская (42¹/₂%) и тамбовская (41¹/₂%). Офицеровъ всего больше утверждено земскими начальниками въ губерніяхъ воронежской (около 55¹/₂%), орловской (около 49%), тверской (около 47¹/₂%), тамбовской (болѣе 45%), пензенской (около 44¹/₂%) и саратовской (40%); меньше всего —въ казанской губерніи (менѣе 23¹/₂%); средину занимаютъ губерніи самарская (около 32¹/₂%) и ярославская (около 27¹/₂%) и дворянскіе уѣзды вологодской губерніи (около 27%). Дворянъ (т.-е. лицъ, не имѣющихъ ни гражданскаго, ни военнаго чина) утверждено земскими начальниками всего больше въ губерніяхъ казанской (почти 24%), ярославской (болѣе 18%), орловской (около 17%) и самарской (около 16%), всего меньше—въ губерніяхъ пензенской (около 8%), воронежской (около 7%) и с.-петербургской (около 6¹/₂%); въ трехъ дворянскихъ уѣздахъ вологодской губерніи эта категорія земскихъ начальниковъ не встрѣчается вовсе, а въ губерніяхъ саратовской, тамбовской и тверской процентное отношеніе ея къ общему числу утвержденныхъ земскихъ начальниковъ колеблется между 10 и 13¹/₂%. Между земскими начальниками *назначенными* (по ст. 15 положенія) гражданскихъ чиновниковъ, относительно, почти столько же, какъ и между земскими начальниками утвержденными: 82 изъ 184, т.-е. нѣсколько болѣе 44¹/₂%. Значительно меньше здѣсь процентное отношеніе офицеровъ (65 изъ 184, т.-е. около 35¹/₂%), значительно больше—отношеніе дворянъ (34 изъ 184, т.-е. почти 18¹/₂%); трое изъ числа назначенныхъ земскихъ начальниковъ показаны просто

[1]) Не всѣ, конечно, „назначенные" земскіе начальники принадлежатъ къ категоріи людей „пришлыхъ"; нѣкоторые изъ нихъ не могли быть „утверждены" за отсутствіемъ или недостаткомъ ценза—но, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что между назначенными земскими начальниками людей пришлыхъ больше, чѣмъ между утвержденными.

„не имѣющими чина" [1]). Въ различныхъ губерніяхъ различные разряды назначенныхъ земскихъ начальниковъ представлены весьма неравномѣрно. Гражданскихъ чиновниковъ между назначенными земскими начальниками особенно много въ губерніяхъ казанской (почти 57%) и самарской (около 53%), особенно мало—въ губерніяхъ орловской (около 28%), ярославской (приблизительно столько же) и тверской (20%). Офицеровъ всего больше въ губерніяхъ орловской (до 72%), ярославской (болѣе 61%) и тверской (болѣе 46%), всего меньше—въ саратовской губерніи (4 изъ 30—около 13½%). Дворянъ (не имѣющихъ чина) много только въ саратовской губерніи (12 изъ 30—40%), очень мало въ губерніяхъ воронежской и пензенской, вовсе нѣтъ въ орловской губерніи. Значеніе всѣхъ этихъ цифръ могло бы выясниться вполнѣ въ такомъ лишь случаѣ, еслибы имѣлись на-лицо свѣденія объ образовательномъ и служебномъ цензѣ утвержденныхъ и назначенныхъ земскихъ начальниковъ. Само собою разумѣется, что офицеръ, окончившій курсъ въ одной изъ военныхъ академій или долго занимавшій должность участковаго мирового судьи, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія, предсѣдателя или члена земской управы, имѣетъ гораздо больше шансовъ сдѣлаться хорошимъ земскимъ начальникомъ, чѣмъ гражданскій чиновникъ, прошедшій только черезъ уѣздное училище или черезъ низшіе классы средне-учебнаго заведенія и не выходившій, затѣмъ, изъ стѣнъ столичной или губернской канцеляріи; но столь же несомнѣнно и то, что *при равныхъ условіяхъ* гражданская служба лучше военной подготовляетъ къ дѣятельности земскаго начальника. Земскій начальникъ, по отношенію къ лицамъ ему подвластнымъ, долженъ быть не отцомъ-командиромъ, а судьею, примѣняющимъ законъ, и администраторомъ, дѣйствующимъ въ предѣлахъ и на основаніи закона. По отношенію къ начальству онъ долженъ быть не безгласнымъ исполнителемъ приказаній, а дѣятелемъ по возможности самостоятельнымъ, особенно въ судебной сферѣ. Правилами военной дисциплины онъ не долженъ руководствоваться ни тогда, когда смотритъ наверхъ, ни тогда, когда смотритъ внизъ, между тѣмъ какъ въ военной службѣ они одинаково обязательны и въ томъ, и въ другомъ направленіи. Весьма важно, поэтому, было бы опредѣлить, чѣмъ обусловливается избраніе и назначеніе земскими начальниками столь многихъ военныхъ—предположеніемъ ли, что они особенно пригодны для этихъ функцій, или просто случайнымъ преобладаніемъ военнаго элемента между дворянами-землевладѣльцами данной мѣстности, и въ особен-

[1]) Въ губерніяхъ второй очереди между назначенными земскими начальниками первое мѣсто занимали офицеры (почти 50%); гражданскихъ чиновниковъ было около 31%, дворянъ—около 19%.

ности между ея прежними должностными лицами. Судя по нѣкоторымъ уѣздамъ, близко намъ знакомымъ, не маловажную роль играетъ именно это послѣднее условіе. Такъ например, въ одномъ изъ уѣздовъ петербургской губерніи отставныхъ военныхъ, между семью земскими начальниками, насчитывается пять; но двое изъ нихъ были прежде непремѣнными членами крестьянскаго присутствія, одинъ—участковымъ мировымъ судьею. Нельзя не замѣтить, однако, что для мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ навыки и взгляды, вынесенные изъ военной службы, имѣли гораздо меньшее значеніе, чѣмъ они будутъ имѣть для земскихъ начальниковъ. Мировой судья вовсе не обладалъ распорядительною властью, непремѣнный членъ обладалъ ею лишь въ весьма умѣренной степени; обстановка обѣихъ должностей, въ особенности первой—не способствовала сохраненію и развитію привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ военной службѣ. Совершенно иначе поставлены земскіе начальники. Буквою закона они не призваны къ командованію, но силою вещей весьма легко могутъ къ нему склоняться, и съ этой точки зрѣнія пріемы, выработанные прежней дѣятельностью, пріобрѣтаютъ не малую важность.

Мы видѣли уже, что рядомъ съ офицерами и гражданскими чиновниками существуетъ, какъ между утвержденными, такъ и между назначенными земскими начальниками, еще третья группа: группа *дворянъ*. Этимъ именемъ означаются въ приказахъ, очевидно, лица, не имѣющія ни чина, ни ученой степени (немногихъ земскихъ начальниковъ, названныхъ кандидатами правъ, кандидатами богословія, дѣйствительными студентами, инженеръ-технологами и т. п., мы отнесли къ группѣ гражданскихъ чиновниковъ, потому что они имѣютъ право на гражданскій чинъ). Что такія лица встрѣчаются между *назначенными* земскими начальниками—это неудивительно. По статьямъ 15 и 16 положенія 12-го іюля 1889 г. *назначаемы* земскими начальниками могутъ быть только лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній имперіи или выдержавшія соотвѣтственное испытаніе (и, слѣдовательно, имѣющія право на полученіе чина); но эти статьи, еще до введенія ихъ въ дѣйствіе, были измѣнены закономъ 29-го декабря 1889 г., предоставившимъ министру внутреннихъ дѣлъ, *временно*, назначать земскими начальниками лицъ, не соотвѣтствующихъ вышеозначенному требованію, если они, „по имѣющимся у министра свѣдѣніямъ, оказываются достойными занять должность земскаго начальника и обладаютъ достаточными познаніями для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей“. Подходящимъ подъ дѣйствіе столь широкаго и неопредѣленнаго правила можетъ быть признанъ, конечно, и дворянинъ, нигдѣ не учившійся и никогда не служившій. Менѣе понятно, какимъ обра-

зомъ просто „дворяне" могутъ попадать въ число *утвержденныхъ* земскихъ начальниковъ. Для того, чтобы быть утвержденнымъ въ должности земскаго начальника, требуется, по ст. 6 и 7 положенія 12-го іюля, *либо* окончаніе курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, *либо* окончаніе курса въ среднемъ учебномъ заведеніи и полученіе военнаго или гражданскаго классная чина, *либо* служба въ должности предводителя дворянства, мирового посредника, мирового судьи или непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія. Лица первой категоріи почти всѣ имѣютъ чины, а если не имѣютъ, то именуются въ приказахъ званіями, на которыя полученное ими образованіе даетъ имъ право; для лицъ второй категоріи чинъ безусловно обязателенъ; между лицами третьей категоріи очень мало не имѣющихъ чина, и притомъ ничто не мѣшало бы означать ихъ въ приказахъ „бывшими" предводителями, мировыми судьями и т. д. Въ чемъ заключаются права „дворянъ", утвержденныхъ земскими начальниками, на занятіе этой должности—съ точностью, такимъ образомъ, опредѣлить нельзя. Что касается до *дворянъ, назначенныхъ* земскими начальниками, то между ними, очевидно, не мало людей неопытныхъ, ничѣмъ еще не доказавшихъ, что недостатокъ школьнаго образованія уравновѣшенъ свѣдѣніями, пріобрѣтенными на поприщѣ практической дѣятельности. Это явствуетъ изъ того, что весьма многіе „дворяне" (26 изъ 39) назначены „исправляющими должность" земскихъ начальниковъ, наравнѣ съ девятью лицами (большею частью, вѣроятно, не-дворянами), отнесенными къ категоріи „не имѣющихъ чина". Назначеніе *исправляющимъ должность* земскаго начальника вовсе не предусмотрѣно закономъ и допущено, безъ сомнѣнія, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда всего труднѣе было составить себѣ понятіе о степени пригодности назначаемыхъ. Не даромъ же между „назначенными" изъ числа офицеровъ „исправляющихъ должность" не встрѣчается вовсе, а между „назначенными" изъ числа гражданскихъ чиновниковъ—ихъ только два (оба—коллежскіе регистраторы). Нѣчто аналогичное мы видѣли и въ губерніяхъ второй очереди, гдѣ на долю „дворянъ" приходилось четыре пятыхъ (20 изъ 25) назначенныхъ „исправляющими должность" земскаго начальника.

Кандидатовъ къ земскимъ начальникамъ *утверждено*, приказами 25-го іюня и 19-го іюля, всего 33 (въ 10 уѣздахъ воронежской, 9 уѣздахъ тамбовской, 4 уѣздахъ орловской и 3 уѣздахъ тверской губерніи), *назначено*—шесть (въ 5 уѣздахъ вятской губерніи). Гражданскихъ чиновниковъ между ними 19, офицеровъ—14, дворянъ—6. Незначительное число кандидатовъ объясняется, по всей вѣроятности, недостаткомъ потомственныхъ дворянъ, соединяющихъ въ себѣ законныя условія опредѣленія на должность земскаго начальника и

удовлетворяющихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, требованіямъ и взглядамъ мѣстной административной власти и министерства внутреннихъ дѣлъ.

Изъ числа губерній, въ которыхъ рѣшено ввести положенія 12-го іюля 1889 г., не подведенными еще подъ ихъ дѣйствіе остаются теперь только восемь: астраханская, бессарабская, олонецкая, оренбургская, пермская, таврическая, уфимская и херсонская. Въ шести губерніяхъ первой очереди новыя учрежденія существуютъ уже полтора года, въ десяти губерніяхъ второй очереди — около года; но фактическихъ, точныхъ свѣденій о ихъ дѣятельности въ печать проникаетъ, по прежнему, весьма мало. Объясняется это, между прочимъ, стѣсненнымъ положеніемъ провинціальныхъ газетъ, которымъ всего удобнѣе было бы слѣдить за мѣстной жизнью, но которыя далеко не всегда имѣютъ къ тому возможность. Тѣ изъ столичныхъ газетъ, которыя наиболѣе заинтересованы новыми учрежденіями, чаще разсуждаютъ о нихъ или по поводу ихъ, чѣмъ сообщаютъ ихъ распоряженія и рѣшенія. Разъясненія высшей административной власти, имѣющія цѣлью установить, въ новыхъ учрежденіяхъ, единообразное примѣненіе закона, рѣдко получаютъ широкую гласность. По словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, одно изъ такихъ разъясненій касается вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ рекомендуетъ земскимъ начальникамъ „строго различать правонарушенія, возникающія исключительно вслѣдствіе злой воли виновнаго, отъ правонарушеній, являющихся послѣдствіемъ существовавшихъ обычаевъ. Первыя должны быть караемы со всею строгостью, исключающею мысль о какомъ бы то ни было послабленіи; ко вторымъ можно относиться снисходительно, обращая главнымъ образомъ вниманіе на корень зла, на прекращеніе обычаевъ и безпорядковъ, влекущихъ за собою правонарушенія. Къ приговорамъ волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи земскіе начальники должны относиться вообще съ большою осторожностью, наблюдать, чтобы они не являлись слѣдствіемъ пристрастнаго отношенія къ виновному и т. д. Исполнителями такихъ приговоровъ не должны являться молодые люди, на которыхъ подобная операція производитъ развращающее впечатлѣніе. Необходимо строго наблюдать, чтобы исполненіе означенныхъ приговоровъ не являлось потѣхой или зрѣлищемъ для праздной толпы, а особенно малолѣтнихъ. Возможно близкое вниканіе во всѣ дѣла и нужды деревни, а также частное вліятельное нравственное воздѣйствіе земскихъ начальниковъ можетъ совершенно устранить надобность въ крайнихъ мѣрахъ“. Признавая цѣлесообразность этого разъясненія, мы не можемъ не пожалѣть, что оно оказалось необходимымъ. Все высказанное въ немъ разумѣется, собственно говоря, само собою, все принадлежитъ къ разряду про-

стѣйшихъ, элементарныхъ понятій. Когда вводились судебно-мировыя учрежденія, никто не считалъ нужнымъ объяснять мировымъ судьямъ значеніе обычая и преданія, какъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину и наказаніе—и однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мировые судьи сознавали это различіе и принимали его во вниманіе при постановленіи рѣшеній. Скажемъ болѣе: они знали и понимали, что далеко не всѣ проступки, совершенные внѣ вліянія „обычаевъ и порядковъ", вслѣдствіе одной только такъ-называемой „злой воли", заслуживаютъ „строгой" кары, „исключающей всякую мысль о послабленіи". Они знали и помнили, что великая формула: „правда и *милость* да царствуютъ въ судахъ" примѣнима не къ одной только категоріи проступковъ, а ко всѣмъ, и что мѣра снисходительности или строгости обусловливается не какою-либо предвзятою, извнѣ данною схемой, а обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая... Что касается до второй части разъясненія, то мировые судьи, къ счастію для нихъ, ни въ чемъ подобномъ не нуждались. Имъ не приходилось регулировать порядокъ и обстановку исполненія тѣлеснаго наказанія, потому что въ ихъ сферѣ дѣйствій это наказаніе вовсе не существовало. „Операція", признаваемая „развращающею" по отношенію къ однимъ, не можетъ не имѣть вредныхъ послѣдствій для всѣхъ другихъ, такъ или иначе къ ней прикосновенныхъ. Никакая регламентація тѣлеснаго наказанія не можетъ устранить свойствъ, неизбѣжно ему присущихъ. Подчиненіе волостныхъ судовъ общей судебной власти было необходимо; но сохранить, при томъ, неприкосновеннымъ прежнее значеніе этой власти можно было только путемъ исключенія розогъ изъ числа наказаній, назначаемыхъ приговорами волостного суда.

Другое циркулярное предписаніе, о которомъ мы узнаемъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей", относится къ вопросу объ обжалованіи мірскихъ приговоровъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ объяснило земскимъ начальникамъ, что они не должны давать ходъ *каждой* жалобѣ на рѣшеніе сельскаго схода; они обязаны только наблюдать, чтобы мірскіе приговоры являлись результатомъ сознательно выраженной воли большинства членовъ схода и чтобы они не посягали на *права* отдѣльныхъ личностей. Другими словами, приговоры сельскихъ сходовъ, за немногими исключеніями, признаются и въ настоящее время неподлежащими обжалованію по существу. „Постоянное вмѣшательство въ общественные распорядки крестьянъ,—замѣчаютъ, по этому поводу, „Русскія Вѣдомости",—можетъ оказать лишь вредное вліяніе на мірское управленіе и обычную форму поземельныхъ отношеній. Поэтому приходится пожалѣть, что возможность такихъ результатовъ ограниченія самостоятельности сельскихъ схо-

довъ не была предусмотрѣна при изданіи новаго закона, и что разборъ, по существу, общественныхъ приговоровъ административными крестьянскими учрежденіями не былъ поставленъ въ болѣе тѣсные предѣлы". Совершенно раздѣляя это мнѣніе, мы сочувствуемъ, наравнѣ съ „Русскими Вѣдомостями", стремленію министерства внутреннихъ дѣлъ положить конецъ избытку усердія, несовмѣстному съ сохраненіемъ и свободнымъ развитіемъ своеобразныхъ формъ крестьянскаго хозяйственнаго быта.

Помимо общихъ указаній, исходящихъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, дѣятельность земскихъ начальниковъ, въ каждой отдѣльной губерніи, регулируется распоряженіями губернатора, а иногда и постановленіями съѣзда земскихъ начальниковъ. Цѣль подобныхъ съѣздовъ заключается, повидимому, въ томъ, чтобы достигнуть возможно бо́льшаго единообразія въ способѣ дѣйствій земскихъ начальниковъ. На отсутствіе такого единообразія указывалъ, напримѣръ, нижегородскій губернаторъ, открывая лѣтомъ нынѣшняго года съѣздъ земскихъ начальниковъ своей губерніи. „Разнообразіе взглядовъ,—замѣтилъ генералъ Барановъ, — проявляется даже въ дѣятельности земскихъ начальниковъ одного и того же уѣзда; что̀ въ одной деревнѣ оказывается возможнымъ, то признается невозможнымъ въ другой, иногда сосѣдней. Очень ярко, напримѣръ, разнообразіе взглядовъ выразилось въ замѣнѣ тѣлеснаго наказанія штрафомъ или арестомъ". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, судя по циркуляру генерала Баранова, цитированному нами въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обозрѣній (№ 11)—заключался, по всей вѣроятности, намекъ на неразборчивость, съ которою нѣкоторые земскіе начальники разрѣшали или даже предписывали исполненіе тѣлесныхъ наказаній, опредѣленныхъ приговорами волостныхъ судовъ. Какъ бы то ни было, смыслъ замѣчанія совершенно ясенъ. Странно было бы, въ самомъ дѣлѣ, еслибы одинъ земскій начальникъ широко пользовался правомъ замѣны, а его сосѣдъ, *при однородныхъ условіяхъ*, не пользовался имъ вовсе или почти вовсе. Не такъ смотритъ на дѣло „старый предводитель", пишущій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Слова нижегородскаго губернатора кажутся ему не совсѣмъ понятными; онъ старается доказать, что различіе въ образѣ дѣйствій не свидѣтельствуетъ еще непремѣнно о различіи взглядовъ, такъ какъ оно можетъ зависѣть отъ несходства обстоятельствъ. За неумѣньемъ понять, не скрывается ли здѣсь нежеланіе одобрить? Намѣреніе генерала Баранова клонилось, въ данномъ случаѣ, къ ограниченію тѣлесныхъ наказаній, а намѣренія реакціонной печати склоняются, какъ извѣстно, въ противоположную сторону.

Что сдѣлалъ нижегородскій съѣздъ земскихъ начальниковъ для

предупрежденія только-что указаннаго неудобства—этого мы не знаемъ. Правильность заключеній, къ которымъ пришелъ съѣздъ по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, кажется намъ по меньшей мѣрѣ спорною. По ст. 61 положенія 12-го іюля 1889 г., въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, земскій начальникъ въ правѣ подвергнуть виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей. Ст. 62 предоставляетъ земскому начальнику такую же дисциплинарную власть, только въ нѣсколько иныхъ размѣрахъ (арестъ до семи дней, штрафъ до пяти рублей), по отношенію къ должностнымъ лицамъ сельскаго и волостного управленія. Обсуждая примѣненіе этихъ статей, нижегородскій съѣздъ остановился на слѣдующихъ вопросахъ: 1) подлежатъ ли взысканію по статьѣ 61 лица, не явившіяся на сельскій сходъ? 2) подходятъ ли подъ нее крестьяне, позволяющіе себѣ пить на сходѣ водку? 3) по этой ли статьѣ караются нарушители общественной тишины и спокойствія? 4) тою же ли статьею предусмотрѣны лица, не исполнившія требованій земскаго начальника во время судебнаго разбирательства? На четвертый вопросъ съѣздъ отвѣчалъ утвердительно, на первый—также, но съ оговоркой: если сходъ созванъ земскимъ начальникомъ. Вопросъ третій, послѣ продолжительныхъ споровъ, остался открытымъ. Второй вопросъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что крестьяне, пьющіе водку на сельскомъ сходѣ, подлежатъ наказанію не по 61, а по 62 статьѣ положенія. Всего болѣе страннымъ кажется намъ рѣшеніе съѣзда по четвертому вопросу. Во время судебнаго разбирательства распоряженія и требованія земскаго начальника могутъ быть направлены только къ одному—къ соблюденію присутствующими правилъ благопристойности, порядка и тишины; а неисполненіе этихъ требованій прямо предусмотрѣно статьею 4 процессуальныхъ правилъ 29-го декабря 1889 г. (высшая мѣра взысканія—трехрублевый денежный штрафъ). О примѣненіи ст. 61 здѣсь не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи; оно повело бы къ явно-несправедливому различію между крестьянами и мѣщанами, которыхъ земскій начальникъ за нарушеніе порядка при судоговореніи могъ бы арестовать на три дня, и лицами другихъ сословій, которыхъ онъ, при тѣхъ же условіяхъ, могъ бы только оштрафовать тремя рублями. Непонятны для насъ, далѣе, сомнѣнія, возбужденныя третьимъ вопросомъ; онъ прямо разрѣшается ст. 17 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ и ст. 38 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. По буквальному смыслу этихъ постановленій, нарушеніе общественной тишины составляетъ проступокъ sui generis, подсудный волостному суду и не подходящій, по этому самому, подъ дѣйствіе ст. 61

положенія о земскихъ начальникахъ. Ст. 61 обнимаетъ собою, очевидно, только такіе проступки, которые, при отсутствіи спеціально къ нимъ относящагося правила, подошли бы подъ дѣйствіе ст. 29 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Что касается до первыхъ двухъ вопросовъ, то въ разрѣшеніи ихъ насъ поражаетъ, прежде всего, внутреннее противорѣчіе. Отвѣчая на первый вопросъ, нижегородскій съѣздъ считаетъ членовъ сельскаго схода *частными лицами*; отвѣчая на второй вопросъ, онъ уравниваетъ ихъ съ *должностными лицами* крестьянскаго управленія. Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что должностнымъ лицомъ членъ сельскаго схода признается, съ точки зрѣнія нижегородскихъ земскихъ начальниковъ, лишь съ момента явки его на сходъ. Юридическихъ основаній для такой точки зрѣнія мы никакихъ не видимъ. Если членъ сельскаго схода—должностное лицо, то и неявка его на сходъ, созванный земскимъ начальникомъ, составляетъ (конечно—при отсутствіи законныхъ причинъ неявки), проступокъ *по должности*, подходящій подъ дѣйствіе не 61, а 62 статьи положенія. Можно ли, однако, относить членовъ сельскаго схода къ числу должностныхъ лицъ сельскаго управленія? Мы думаемъ, что нѣтъ. По смыслу ст. 26, 28 и 29 положенія 12-го іюля 1889 г., должностными лицами сельскаго и волостного управленія можно считать только *избранныхъ* и *назначенныхъ* на должности (волостныхъ старшинъ, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ, волостныхъ и сельскихъ писарей и т. п.), а отнюдь не всѣхъ крестьянъ-домохозяевъ, входящихъ, безъ всякаго избранія или назначенія, въ составъ сельскаго схода. Это подтверждается и текстомъ ст. 62, предоставляющей земскому начальнику временно устранять отъ должности всѣхъ означенныхъ въ ней должностныхъ лицъ, между тѣмъ какъ устранить полноправнаго домохозяина отъ участія въ сельскомъ сходѣ земскій начальникъ, безъ сомнѣнія, не можетъ. Если члены схода—не должностныя лица, то за питье водки на сходѣ, разъ что оно было запрещено земскимъ начальникомъ, они могутъ отвѣчать лишь по ст. 61, какъ за неисполненіе требованія земскаго начальника—а за неявку на сходъ, хотя бы и созванный земскимъ начальникомъ, не могутъ отвѣчать вовсе. Созывъ схода есть требованіе, обращенное къ сельскому старостѣ, а не къ каждому домохозяину отдѣльно. Пока нѣтъ закона, назначающаго (какъ это сдѣлано новымъ земскимъ положеніемъ по отношенію къ земскимъ собраніямъ) взысканіе за безпричинную неявку на сходъ, до тѣхъ поръ такая неявка можетъ быть разсматриваема только какъ непользованіе правомъ, не влекущее за собою никакой отвѣтственности.

Кромѣ Нижняго-Новгорода, съѣзды земскихъ начальниковъ происходили еще въ Воронежѣ. Здѣсь новые порядки только-что вводятся, и потому не могло быть и рѣчи о разрѣшеніи недоумѣній,

возникшихъ на практикѣ; предметомъ обсужденія были преимущественно вопросы формальные и организаціонные—объ отпускахъ земскихъ начальниковъ, объ одеждѣ, которую имъ слѣдуетъ носить во время разъѣздовъ, и т. п. Заслуживаетъ вниманія—и сочувствія—только одно заключеніе съѣзда, направленное противъ назначенія волостныхъ старшинъ предсѣдателями волостныхъ судовъ. Законъ 12-го іюля разрѣшаетъ такое совмѣстительство—но воронежскіе земскіе начальники совершенно правильно признали его нежелательнымъ. Волостной старшина безъ того уже обремененъ дѣломъ и облеченъ весьма обширною властью; нѣтъ причины еще больше усложнять его занятія и расширять вліяніе его на населеніе. Заходила, на воронежскомъ съѣздѣ, рѣчь и о томъ, какъ обращаться земскому начальнику къ крестьянамъ—на *ты* или на *вы*. Что̀ постановлено по этому вопросу—мы не знаемъ; но „старому предводителю", пишущему въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", чрезвычайно не по душѣ самое его возбужденіе, „не соотвѣтствующее дѣльности и практичности" другихъ вопросовъ, поднятыхъ на съѣздѣ. „А какъ же иначе можно говорить, какъ не *ты*?"—спрашиваетъ онъ съ большимъ жаромъ. Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на раньше разсказанный имъ анекдотъ о старикѣ-крестьянинѣ, обратившемся къ мѣстному предводителю дворянства съ такою рѣчью: „я къ тебѣ *подумать* пришелъ". „Неужели начальнику можно было отвѣтить: а, *вы* подумать пришли. Очень радъ. Что̀ же *вамъ* угодно, дѣдъ?.. Какимъ бы холодомъ повѣяло на бѣднаго старика отъ этого формальнаго отношенія къ нему человѣка, котораго онъ считалъ своимъ, а который оказался бы, по выраженію Достоевскаго, блуднымъ сыномъ, двѣсти лѣтъ не бывшимъ дома" (!)? Въ подкрѣпленіе трогательнаго анекдота приводятся два дополнительныхъ аргумента: еще анекдотъ о деньщикѣ, заподозрившемъ „подлинность" офицера, потому что тотъ обратился къ нему на *вы* —и случаи упорнаго молчанія крестьянъ, когда ихъ спрашивалъ предсѣдательствующій на судѣ: что *вы* знаете по этому дѣлу? Слабъ, однако, долженъ быть тезисъ, если для его поддержки приходится прибѣгать къ подобнымъ доказательствамъ. Безспорно, лѣтъ двадцать пять тому назадъ обращеніе на *вы* было чѣмъ-то непривычнымъ для огромнаго большинства крестьянъ и мѣщанъ; весьма возможно и даже вѣроятно, что въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ и положенія о земскихъ учрежденіяхъ мѣстоименіе *вы*, обращенное къ крестьянину-гласному, присяжному или свидѣтелю, казалось ему чѣмъ-то удивительнымъ и страннымъ. Но вѣдь съ тѣхъ поръ утекло много воды; новые обычаи хотя и не вытѣснили старыхъ, но завоевали мѣсто рядомъ съ ними. Примѣръ, поданный мировыми судьями, предсѣдателями окружныхъ судовъ и гласными изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ, не остался безъ по-

слѣдователей. Далеко не всѣ, но многіе помѣщики перестали сообразовать форму рѣчи съ происхожденіемъ или общественнымъ положеніемъ собесѣдника; они нашли, что гораздо удобнѣе и проще говорить всѣмъ *вы*, чѣмъ переходить отъ одного мѣстоименія къ другому, путаясь и затрудняясь въ пограничной между ними области. Быть можетъ, есть еще и теперь глухія мѣстности, въ которыхъ крестьянинъ, слыша мѣстоименіе *вы*, предполагаетъ его обращеннымъ непремѣнно къ нѣсколькимъ лицамъ; но такихъ мѣстностей, во всякомъ случаѣ, не много—столь же не много, какъ и крестьянъ, искренно причисляющихъ себя къ „низшему роду людей". Ошибка деньщика могла бы, пожалуй, повториться и въ наше время, потому что для офицера, въ сношеніяхъ съ солдатами, мѣстоименіе *ты* признается безусловно обязательнымъ; но мы имѣли уже случай замѣтить, что къ отношеніямъ между земскимъ начальникомъ и крестьянами непримѣнимы правила военной дисциплины. Вопросъ о мѣстоименіи теряетъ всякое значеніе, когда онъ разрѣшается по душѣ, добровольно, независимо отъ начальственныхъ прерогативъ и другихъ формальныхъ условій. Въ устахъ предводителя, *думавшаго* вмѣстѣ съ старикомъ-крестьяниномъ, мѣстоименіе *ты* было совершенно естественно, потому что его же употреблялъ, обращаясь къ предводителю, и крестьянинъ. Не говоримъ, чтобы оно было *необходимо*; важно не слово—важенъ духъ, которымъ оно проникнуто. „Обдать холодомъ" можетъ и *ты*, звучащее повелительно, сухо и оффиціально; согрѣть и ободрить можетъ и *вы*, привѣтливое и ласковое. „Старый предводитель" и его единомышленники не станутъ, конечно, утверждать, что крестьяне должны или могутъ обращаться къ земскому начальнику на *ты*. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, приводить примѣры, почерпнутые изъ совершенно другой, патріархальной сферы?.. Мы далеки отъ мысли, чтобы земскимъ начальникамъ слѣдовало вмѣнить въ обязанность обращеніе къ крестьянамъ не иначе какъ на *вы*. Многія изъ вновь назначенныхъ должностныхъ лицъ никогда не употребляли, въ сношеніяхъ съ сосѣдями крестьянами, никакого другого мѣстоименія кромѣ *ты*; съ ихъ стороны оно никого не удивитъ, никого не обидитъ и нѣтъ никакой надобности настаивать на измѣненіи усвоенной имъ привычки. Мы возражаемъ только противъ другой крайности—противъ обязательнаго, par ordre, обращенія на *ты*. Если земскій начальникъ, до своего назначенія, говорилъ всѣмъ или многимъ крестьянамъ *вы*, то къ чему же требовать отъ него другой формы рѣчи, въ его устахъ жесткой уже потому, что она ему чужда и необычна? Демаркаціонная черта между „низшими" сословіями и „высшими" безъ того уже проведена, въ новыхъ узаконеніяхъ, довольно рѣзко; къ чему усиливать ее, установляя *обязатель-*

ное различіе между привилегированными и непривилегированными мѣстоименіями?

Другой вопросъ, аналогичный съ только-что разсмотрѣннымъ нами, можетъ быть названъ вопросомъ о шапкоснимaніи. Весьма вѣроятно, что онъ поднятъ во многихъ уѣздахъ и вездѣ разрѣшенъ въ одномъ и томъ же смыслѣ; но достовѣрныя свѣденія о немъ мы находимъ, пока, только въ вступительной рѣчи одного изъ земскихъ начальниковъ лужскаго уѣзда, — рѣчи, in extenso напечатанной въ „Новостяхъ" (№ 201). Указавъ на „все болѣе и болѣе развивающіеся въ деревенской молодежи пороки: безшабашность (?), страсть къ безобразному разгулу, лѣнь, презрительное и неуважительное отношеніе къ старшимъ", и замѣтивъ, что причина этого послѣдняго явленія „заключается отчасти въ забвеніи бывшей въ прежнихъ обычаяхъ вѣжливости", — земскій начальникъ продолжалъ такъ: „отнынѣ при встрѣчѣ съ господами дворянами, духовенствомъ и лицами начальствующими снимайте шапку—и, конечно, всякій будетъ радушно отвѣчать вамъ на вашъ поклонъ. Крестьянинъ, снимающій шапку, свидѣтельствуетъ тѣмъ, что въ умѣ у него нѣтъ ничего дурного, дерзкаго". Прежде всего желательно было бы знать, что̀ заключается въ этихъ словахъ—совѣтъ или приказаніе? Мы думаемъ, что послѣднее; на это прямо указываетъ повелительная форма рѣчи (*снимайте* шапку). Неисполненіе приказанія земскаго начальника влечетъ за собою дисциплинарную отвѣтственность по ст. 61 положенія, приведенной нами въ другомъ мѣстѣ обозрѣнія; не снявшій шапку передъ дворяниномъ можетъ, слѣдовательно, быть подвергнутъ аресту или денежному штрафу. Конечно, въ ст. 61 идетъ рѣчь о *законныхъ* требованіяхъ земскаго начальника — а указать законъ, на которомъ, прямо или косвенно, основывался бы приказъ о сниманіи шапокъ, едва ли представляется возможнымъ; но дисциплинарныя взысканія, налагаемыя за силою ст. 61, вовсе не подлежатъ обжалованію (см. ст. 64 положенія), и земскій начальникъ является единственнымъ, безапелляціоннымъ судьею „законности" своихъ требованій. Въ участкѣ земскаго начальника, установившаго правило о сниманіи шапокъ, крестьяне должны будутъ, прежде всего, навести точныя справки о происхожденіи или службѣ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, чтобы отличить дворянъ, имѣющихъ право на внѣшніе знаки почтенія, отъ не-дворянъ, этого права не имѣющихъ; но такъ какъ подобныя справки затруднительны, и такъ какъ, въ добавокъ, къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ пріѣзжаютъ въ гости дворяне, лично крестьянамъ неизвѣстные, то на практикѣ, по всей вѣроятности, установится обычай сниманія шапокъ передъ всякимъ одѣтымъ въ „нѣмецкое платье" и ѣдущимъ въ господскомъ экипажѣ. Не ду-

маемъ, чтобы это могло способствовать развитію въ народѣ истинной вѣжливости и смягченію нравовъ. Сниманіе шапокъ процвѣтало въ крѣпостныя времена такъ, какъ едва ли процвѣтетъ въ наше время—но воспитательное его вліяніе было равно нулю. Одно дѣло — быть благорасположеннымъ ко всѣмъ и каждому и выражать это расположеніе въ какихъ-либо общепринятыхъ внѣшнихъ формахъ; другое дѣло — быть запуганнымъ и постоянно помнить свою зависимость и подчиненность. Въ душѣ крѣпостного крестьянина, снимавшаго шапку еще за сто шаговъ до встрѣчи съ „господиномъ", своимъ или чужимъ, чаще таилось, по отношенію къ этому самому господину, нѣчто „дерзкое" или „дурное", чѣмъ въ душѣ крестьянина семидесятыхъ или восьмидесятыхъ годовъ, не всегда кланявшагося „барину"... И хорошо еще, еслибы поклоны всегда были обоюдные, одинаково радушные; но гдѣ ручательство въ томъ, что это такъ будетъ на самомъ дѣлѣ? Дворянамъ земскій начальникъ вѣдь не можетъ приказать отвѣчать на поклоны крестьянъ. Къ поклонамъ вполнѣ примѣнимо то, что̀ мы раньше говорили о мѣстоименіяхъ; они имѣютъ цѣну только подъ условіемъ взаимности и непринужденности. До сихъ поръ землевладѣлецъ-дворянинъ, встрѣчая кланяющагося ему крестьянина, могъ испытывать нѣкоторое удовольствіе, потому что могъ видѣть въ этомъ поклонѣ свободное выраженіе добраго мнѣнія или добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Наоборотъ, при существованіи приказа насчетъ сниманія шапокъ, поклонъ крестьянина потеряетъ всякое значеніе. Относясь не къ лицу, а къ званію или общественному положенію, онъ обратится въ формальность, за которою одинаково легко можетъ скрываться уваженіе и неуваженіе, симпатія и враждебное чувство.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появились недавно два письма изъ московскаго уѣзда, съ повтореніемъ старыхъ жалобъ на „бездѣйствіе" власти и „распущенность" народа. На вопросъ корреспондента, что же дѣлаютъ земскіе начальники, его собесѣдникъ, старикъ-причетникъ (въ корреспонденціяхъ извѣстнаго пошиба „старикъ" —alias „дѣдъ"—такая же необходимая принадлежность, какою были confidents въ французской псевдо-классической трагедіи) далъ такой отвѣтъ: „Земскихъ начальниковъ у насъ перемѣнилось чуть не полдюжины; все народъ молодой, неопытный, не наши мѣстные помѣщики, а все пришлые изъ другихъ губерній. Только жалость беретъ на нихъ смотрѣть, какъ они нашимъ-то *вы* да *пожалуйста*. А наши смекнули, что *господа-то* не настоящіе, и давай крутить да мутить пуще прежняго. Мировые-то хоть тоже не очень-то за начальство признавались, а все-таки нашихъ хорошо знали, и эти ихъ побаивались"... „Послѣ введенія новыхъ порядковъ,—продолжаетъ корреспондентъ уже отъ себя, — стало хуже, такъ какъ мирового судью,

мѣстнаго жителя, замѣнилъ земскій начальникъ, только-что соскочившій со школьной скамейки и нашей губерніи никогда не видавшій, а на должность свою смотрящій какъ на переходную ступень". Корреспондентъ жалуется на неосторожность крестьянъ, безпрестанно причиняющую пожары, на пьянство, вслѣдствіе котораго тушеніе пожара обращается въ разрушеніе спасаемаго имущества, на кражи, разбои и грабежи, дѣлающіе небезопасным проживаніе или проѣздъ въ окрестностяхъ Москвы, на жестокое избіеніе крестьянъ, отказывающихся пить водку и угощать своихъ односельцевъ. Въ концѣ концовъ разсказывается слѣдующій случай: проходя по своему лѣсу, корреспондентъ видитъ собственными глазами мужика, рубившаго и увозившаго хворостъ. Онъ жалуется на это земскому начальнику, прося спросить его подъ присягой. И у земскаго начальника, и на съѣздѣ жалоба оставляется безъ послѣдствій; присяга „мѣстнаго помѣщика, дворянина и офицера" признается недостаточною, такъ какъ не было другихъ свидѣтелей самой порубки. „Мужики теперь увѣрены,—таково заключеніе корреспондента,—что они могутъ воровать при хозяинѣ, лишь бы не было другихъ свидѣтелей". Замѣтимъ, прежде всего, что этотъ разсказъ не отличается достаточною точностью. Въ чемъ было отказано жалующемуся—въ спросѣ его вообще или въ спросѣ его подъ присягой? Если въ послѣднемъ, то, при существованіи отвода со стороны обвиняемаго, это представляется совершенно согласнымъ съ ст. 190 правилъ 29-го декабря 1889 г.; если въ первомъ, то это, конечно, неправильно, потому что потерпѣвшій отъ преступленія не можетъ быть устраняемъ изъ числа свидѣтелей. Неправильнымъ представляется и самый отказъ въ жалобѣ, если онъ основанъ *только* на отсутствіи другихъ свидѣтелей порубки. Въ дѣлахъ уголовныхъ формальная система доказательствъ упразднена у насъ еще судебными уставами, повтореніемъ которыхъ, въ этомъ отношеніи — какъ и почти во всѣхъ другихъ — являются правила 29-го декабря 1889 г. *Одного* свидѣтельскаго показанія, хотя бы и безприсяжнаго, вполнѣ достаточно для установленія факта преступленія, если только оно обладаетъ внутренней убѣдительной силой — и наоборотъ, никакой цѣны не имѣютъ показанія неубѣдительныя, недостовѣрныя, сколько бы ихъ ни было и кѣмъ бы они ни были даны. *Званіе* свидѣтеля столь же безразлично для новыхъ учрежденій, какъ и для судовъ и судей, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. Напрасно, поэтому, корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" налегаетъ на то, что жаловался *онъ*—мѣстный помѣщикъ, дворянинъ и офицеръ: вопросъ вовсе не въ этомъ, а только въ *мотивахъ*, по которымъ не уважена его жалоба. Нарушеніе закона несомнѣнно, если земскій начальникъ и

уѣздный съѣздъ не выслушали жалующагося, какъ свидѣтеля, или, выслушавъ его, отвергли показаніе его только потому, что оно не подтверждено ничѣмъ другимъ; наоборотъ, о нарушеніи закона не можетъ быть и рѣчи, если показаніе жалующагося было выслушано, разсмотрѣно по существу и признано, затѣмъ, недостаточнымъ доказательствомъ противъ обвиняемаго... Всѣ остальныя сѣтованія корреспондента интересуютъ насъ лишь настолько, насколько они направлены противъ земскихъ начальниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, бьютъ мимо цѣли. Если и допустить, что за послѣднее время въ московскомъ уѣздѣ увеличилось число кражъ, грабежей и разбоевъ, то при чемъ же тутъ земскіе начальники, которымъ бо̀льшая часть этихъ преступленій даже не подсудна? Это, очевидно, вина полиціи—или результатъ какихъ-либо общихъ условій, устранить которыя не можетъ, да еще въ столь короткій срокъ, никакая судебно-административная власть. На земскихъ начальниковъ возлагались явно-преувеличенныя ожиданія, всегда и вездѣ ведущія къ разочарованію.

Любопытно было бы знать, въ какой степени справедливо сообщеніе корреспондента о быстрой смѣнѣ земскихъ начальниковъ въ московскомъ уѣздѣ и о личномъ ихъ составѣ?.. Чѣмъ вызывается иногда отставка земскихъ начальниковъ — объ этомъ можно судить по слѣдующему извѣстію изъ Мглина, недавно напечатанному въ „Недѣлѣ" (№ 32): „въ минувшемъ маѣ у насъ была произведена первая ревизія дѣятельности земскихъ начальниковъ. Ревизія эта, по слухамъ, оказалась не въ пользу земскихъ начальниковъ; особенно сильное впечатлѣніе произвело личное обращеніе съ ними со стороны ревизовавшаго ихъ вице-губернатора, — обращеніе, показавшее, что на земскихъ начальниковъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на обыкновенныхъ чиновниковъ, вполнѣ зависимыхъ отъ губернской власти. Впечатлѣніе это изгладилось, однако, съ прибытіемъ въ уѣздъ одного столичнаго сановника, имѣющаго важное значеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; сдѣланные этимъ лицомъ визиты нѣкоторымъ земскимъ начальникамъ возстановили ихъ самостоятельное значеніе и возбудили въ нихъ охоту къ продолженію невольно прерванной ими дѣятельности, такъ что и самый слухъ объ удаленіи нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ или о производствѣ надъ ними слѣдствія оказался неосновательнымъ". Столь во̀-время „сановникъ" появляется не вездѣ, и удаленіе земскаго начальника, вольное или невольное, не вездѣ, поэтому, остается à l'état de projet. Никакіе визиты, впрочемъ, не могутъ устранить того безспорнаго факта, что земскіе начальники—„обыкновенные чиновники, зависимые отъ губернской власти". Именно такъ поставилъ ихъ законъ, въ прямую противоположность прежнимъ выборнымъ общественнымъ дѣятелямъ—

мировымъ судьямъ и непремѣннымъ членамъ крестьянскихъ присутствій.

Между законодательными мѣрами, прошедшими черезъ государственный совѣтъ въ концѣ минувшей сессіи и обнародованными въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, наиболѣе важными представляется, безъ сомнѣнія, новый таможенный тарифъ и законъ объ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства по векселямъ, долговымъ обязательствамъ и наемнымъ договорамъ. Отлагая подробное разсмотрѣніе ихъ до другого раза, упомянемъ теперь только о небольшомъ узаконеніи, прошедшемъ совершенно незамѣченнымъ, но, какъ намъ кажется, не лишенномъ интереса. Это—Высочайше утвержденное 21-го мая мнѣніе государственнаго совѣта, измѣняющее число гласныхъ крестецкаго (новгородской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія. Новое земское положеніе, утвержденное 12-го іюня прошлаго года и кое-гдѣ (между прочимъ—въ новгородской губерніи) вводимое, но нигдѣ еще окончательно не введенное въ дѣйствіе, установило для крестецкаго уѣзда слѣдующее число гласныхъ: *шесть*—отъ перваго (дворянскаго) избирательнаго собранія, *четыре*—отъ второго, *пять*—отъ сельскихъ обществъ, а всего—*пятнадцать*. Теперь эти цифры замѣнены слѣдующими: отъ перваго избирательнаго собранія — *двѣнадцать* гласныхъ, отъ второго — *четыре*, отъ сельскихъ обществъ — *шесть*, а всего—*двадцать два*. Трудно угадать, что̀ могло побудить къ столь значительному измѣненію отношеній между различными категоріями гласныхъ. Первоначально предполагалось, что гласныхъ отъ не-дворянъ и крестьянъ будетъ въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ гласныхъ отъ дворянъ—а теперь первыхъ оказывается на $^1/_6$ меньше, чѣмъ послѣднихъ. Не можетъ быть, чтобы открылась ошибка въ опредѣленіи числа дворянъ, владѣющихъ недвижимою собственностью въ крестецкомъ уѣздѣ, или въ опредѣленіи размѣра и цѣнности ихъ имуществъ—ошибка настолько крупная, чтобы объяснить разницу между пропорціями нынѣшней и прежней; вѣдь составленію росписанія, установившаго число гласныхъ, предшествовало, безъ сомнѣнія, собираніе точныхъ свѣденій о всемъ томъ, отъ чего это число зависитъ. Въ основаніи перемѣны лежатъ, очевидно, какія-либо другія обстоятельства. Еслибы они были извѣстны, то, быть можетъ, многія земства получили бы возможность ходатайствовать объ измѣненіи опредѣленнаго для нихъ числа гласныхъ, бо̀льшею частью весьма недостаточнаго: уѣздовъ, въ которыхъ, по новому положенію, только пятнадцать гласныхъ, насчитывается теперь (за вычетомъ крестецкаго) *сорокъ семь*.

ПО ПОВОДУ ГОЛОДА.

Какъ рѣзко измѣнилось въ короткое время наше экономическое положеніе! Годъ тому назадъ мы все жаловались на упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ и даже слышались негодованія на слишкомъ быстрое повышеніе курса кредитнаго рубля. Хлѣба дѣвать некуда, заграничный спросъ на него ничтоженъ, подъемъ курса еще болѣе сокращаетъ требованія иностранцевъ на русскій хлѣбъ и оттого доходы имѣній падаютъ, жить становится нечѣмъ—вотъ что̀ намъ приходилось постоянно выслушивать. А теперь куда дѣлись эти жалобы? На мѣсто ихъ выступили другія, совершенно противоположныя: хлѣба нѣтъ, страшная дороговизна, заграничный спросъ сдѣлался опасенъ до того, что пришлось запрещать вывозъ, а курсъ съ каждымъ днемъ спускается все книзу.

И всю эту радикальную перемѣну произвели два-три мѣсяца весенней засухи. Наши экономическіе устои оказались до того слабыми, что мы отъ одной крайности въ нѣсколько мѣсяцевъ переходимъ къ совершенно противоположной. Таковы условія страны—почти исключительно земледѣльческой. Будь у насъ сколько-нибудь развиты другія отрасли производства—бѣды было бы гораздо меньше; въ недостаткѣ хлѣбнаго заработка выручали бы другіе, а упадокъ ку̀рса, проявляющійся теперь помимо всякихъ политическихъ вліяній, прежде бывшихъ почти исключительною причиною курсовыхъ пертурбацій, составлялъ бы еще полъ-бѣды. Теперь же приходится главнымъ образомъ сосредоточиваться на заботѣ о возможности прокормиться въ теченіе длиннаго двѣнадцати-мѣсячнаго періода, когда будетъ существовать общая нужда въ пищѣ, но не будетъ никакого хлѣбнаго производства, при истощеніи старыхъ запасовъ, совершившемся подъ вліяніемъ особенныхъ заботъ о возможно большемъ хлѣбномъ вывозѣ. Есть у населенія важный элементъ производства—рабочія руки, но этимъ рукамъ приходится оставаться вовсе безъ дѣла. Около хлѣба дѣлать имъ нечего, фабрики почти бездѣйствуютъ, протекціонная система не увеличиваетъ производства и какъ будто даже усыпляетъ его, въ результатѣ безработица и безхлѣбье, голодные рты и бездѣйствующія руки. И правительство, и земство, изыскиваютъ способы къ занятію населенія производительнымъ трудомъ, но задача эта разрѣшается съ большими трудностями, и теперь даже мудрено предугадать, въ какомъ размѣрѣ осуществятся общественныя работы, точно

также какъ трудно предугадывать, до какихъ формъ выраженія дойдетъ нужда наступающаго года.

Нынѣшній неурожай застигъ насъ врасплохъ, и оттого-то особенно серьезными представляются его послѣдствія. Правда, съ такою силою онъ не являлся уже очень давно, однако значительная часть нашихъ затрудненій происходитъ отъ того, что мы въ послѣдніе годы какъ будто забыли о возможности такого положенія. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ о голодахъ говорилось и думалось много, а въ послѣдніе годы объ этомъ вопросѣ почти вовсе и рѣчи не было; казалось, подобныя опасности почти уже совсѣмъ миновали. Неурожаи случались, но бо́льшею частію мѣстные, а пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, представляясь серьезнымъ коррективомъ ихъ, совсѣмъ отодвинуло на задній планъ мысль о продовольственныхъ затрудненіяхъ, и разговоры шли только о томъ, какъ бы намъ добиться, чтобы хлѣбъ сталъ дороже и можно было вывозить его какъ можно больше за границу, поменьше оставляя въ своей странѣ. И вотъ теперь, когда неожиданно стукнулъ тяжелый часъ, оказалось, что у землевладѣльцевъ и торговцевъ запасы истощились, въ общественныхъ магазинахъ бо́льшею частію пусто, государственный продовольственный капиталъ невеликъ и на половину состоитъ въ долгахъ, а промышленность, слѣдуя старой традиціи, выбивается изъ силъ, чтобы успѣть вывезти изъ страны возможно бо́льшую часть остатка пищевыхъ средствъ, вмѣсто того, чтобы направлять его внутрь нуждающихся мѣстностей. Система обезпеченія народнаго продовольствія, бывшая и прежде недоконченною, оказывается разваливающеюся, и, конечно, для выручки изъ бѣды придется коснуться не однихъ спеціальныхъ, но и общихъ средствъ. Люди съ короткою памятью заговариваютъ о достоинствѣ старой, николаевской системы, якобы обезпечивавшей продовольствіе магазинами; но знавшимъ на опытѣ старую систему хорошо извѣстно, что тогда хлѣбные запасы хотя и существовали, но собственно на бумагѣ, а не въ магазинахъ. Писались магазинные книги, отчеты; существовали попечители запасныхъ магазиновъ,—и только. Дѣйствительное заполненіе магазиновъ началось только въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, вслѣдъ за крестьянскою реформою, но оно не было доведено до конца; при этомъ стали появляться увѣренія, что хлѣбный запасъ—непрактиченъ, что коммерческая дѣятельность и денежное хозяйство при желѣзныхъ дорогахъ дадутъ больше пользы. Но и въ этомъ отношеніи ограничились одними толками.

Часть общественныхъ запасовъ исчезла потому, что въ пользѣ поддержанія ихъ сомнѣвались, прилагая къ чисто земледѣльческой странѣ мѣрку, пригодную для болѣе развитыхъ странъ; другая же часть была замѣнена деньгами, въ томъ предположеніи, что деньги

приносятъ проценты, тогда какъ сложенный хлѣбъ процентовъ не даетъ, а способенъ портиться и растрачиваться. Но такое соображеніе можетъ быть не совсѣмъ вѣрнымъ: необходимо имѣть также въ виду, что при замѣнѣ хлѣбнаго запаса деньгами продавать хлѣбъ приходится въ дни изобилія, слѣдовательно дешево, а покупать въ дни нужды, когда онъ дорогъ. Деньги, пролежавъ лѣтъ пять, принесутъ роста около 25°/о, а при наступленіи голода хлѣбная цѣна выростетъ въ полтора раза или даже больше. Думали, что при развитіи быстрыхъ сообщеній рѣзкій подъемъ цѣнъ невозможенъ и мѣстность изобильная сейчасъ доставитъ голодающей свой хлѣбъ не дорого; но нынѣшній годъ, къ сожалѣнію, опровергъ это предположеніе. Нынѣшнія цѣны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вдвое и даже почти втрое выше прошлогоднихъ, а чтó будетъ еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ! Стало быть, взамѣнъ каждой, проданной въ силу денежной системы, четверти, въ дни голода получается полъ-четверти или даже меньше. И все это потому, что желѣзныя дороги не совсѣмъ оправдывали возлагавшіяся на нихъ надежды, такъ какъ онѣ, много сдѣлавъ для вывоза, т.-е. истощенія запасовъ страны, гораздо меньше помогли его привозу въ голодающія мѣстности. При этомъ, будь на-лицо даже узаконенная норма запаса—существовало бы не малое подспорье. Эта норма составляла полторы четверти на ревизскую душу, а ревизскихъ душъ считается около тридцати милліоновъ; къ нынѣшнему голоду было бы у насъ въ однихъ магазинахъ около 350 милліоновъ пудовъ хлѣба, —конечно, еслибы это было опять не на бумагѣ.

Кромѣ натуральныхъ хлѣбныхъ запасовъ установленъ еще государственный продовольственный капиталъ, изъ котораго выдаются ссуды нуждающимся мѣстностямъ. Но капиталъ этотъ поставленъ въ такія условія, что бóльшая часть его существуетъ только номинально. Выплачивать большія ссуды только-что вышедшему изъ состоянія голода населенію не легко; многіе недоимщики даже вовсе не въ состояніи расплатиться и потому возвратъ идетъ очень туго; значительная часть долга совсѣмъ безнадежна. Напр., самарская губернія, запутавшись въ продовольственномъ долгѣ еще въ 1873 году, до сихъ поръ не выпуталась и состоитъ въ очень крупномъ долгу; часть этого долга уже несомнѣнно безнадежна, а между тѣмъ нынѣшній неурожай вызвалъ новое самарское ходатайство о помощи слишкомъ въ 8 милліоновъ рублей. При такихъ условіяхъ, продовольственный капиталъ, разумѣется, способенъ таять; это бы еще не бѣда, еслибы одновременно съ таяніемъ онъ способенъ былъ пополняться изъ постояннаго источника, помимо наращенія процентовъ на существующую наличность; но этого-то и нѣтъ. Таяніе идетъ, а пополняться не откуда. Номинальная сумма капитала почти неподвижна, а дѣйствительная

цѣнность его, конечно, уменьшается. Къ нынѣшнему году весь номинальный продовольственный капиталъ составлялъ около 24 милліоновъ рублей, а наличный—лишь около десяти милліоновъ, остальное —въ долгахъ. И это состояніе не исключительное, потому что такое же или худшее бывало и въ прежніе годы. Сдѣлаемъ цифровую справку. Въ 1873 году номинальный капиталъ былъ 19 милліоновъ, а на-лицо только $4^3/_4$ милліона; въ 1878 году номинальный 23 милліона, а на-лицо 10 милліоновъ; къ 1880 году номинальный 21 милліонъ, а наличный 6 милліоновъ. Больше 10 милліоновъ никогда не бывало на-лицо и въ семидесятыхъ годахъ; а много ли можно сдѣлать хотя бы на всю наличность, бывшую къ началу нынѣшняго года? На нее можно купить по теперешней цѣнѣ меньше 10 милліоновъ пудовъ хлѣба—количество, совершенно незначительное противъ общаго размѣра требуемой помощи, когда отдѣльныя губерніи требуютъ по нѣскольку милліоновъ. Пусть ихъ ходатайства считаются преувеличенными, уменьшите просимую помощь вдвое—и тогда выйдетъ, что наличныя спеціальныя средства далеко не достаточны для оказанія необходимой помощи. Иное дѣло, еслибы спеціальный капиталъ имѣлъ постоянное приращеніе, еслибы былъ источникъ, изъ котораго дѣлались въ этотъ капиталъ отчисленія, хотя бы небольшія. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что система обезпеченія народнаго продовольствія существуетъ больше на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ. Капиталы числятся, магазины значатся, долги переписываются, счетоводство дѣйствуетъ, но пришелъ выдающійся жуткій моментъ—и явилось громадное затрудненіе къ выходу изъ бѣды. Правительственныя и общественныя силы горячо взялись за дѣло помощи, но задача слишкомъ трудна для рѣшенія.

Кромѣ недостатка запасныхъ средствъ, неудовлетворителенъ самый способъ исходатайствованія и распредѣленія ссудъ. Правила по этому предмету заключаютъ въ себѣ много лишней формалистики; для опредѣленія размѣра помощи предварительно составляются списки нуждающихся, тогда какъ число послѣднихъ и вообще размѣръ нужды скоро измѣняется и т. п. Еслибы всякій разъ исполнялась пунктуально вся эта процедура, то дѣло бы страшно затягивалось и бóльшая часть производимой работы исполнялась напрасно. Необходимость сдѣлать эти правила практичнѣе чувствуется уже давно и только забвеніе продовольственнаго вопроса вообще оставляло эту потребность безъ удовлетворенія.

Задача помощи осложняется тѣмъ, что предъ нами не одно только вліяніе неурожая нынѣшняго года. Грозный часъ засталъ состоятельность сельскаго населенія уже значительно расшатанною. Въ предъидущіе годы уже сказывались признаки такого положенія. Оно вы-

ражалось между прочимъ и въ развившемся скитаніи крестьянъ, бредущихъ врозь съ каждымъ годомъ все въ бо̀льшемъ количествѣ. Ближайшіе наблюдатели сельскаго быта давно говорятъ, что народъ бѣднѣетъ. При такихъ условіяхъ трудно перенести даже не особенно сильные неурожаи, а нынѣшній вышелъ таковъ, какихъ не бывало по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать. Надобно чутко прислушиваться къ сказывающимся нуждамъ и удовлетворять ихъ во̀-время, потому что иначе каждая невзгода встрѣтитъ населеніе обезсиленнымъ къ борьбѣ. Если населеніе можетъ бороться съ бѣдою само — его выручитъ и ограниченная помощь; а когда, при всей готовности трудиться, приходится сидѣть сложа руки, потому что внѣ-земледѣльческихъ занятій нѣтъ, а при земледѣльческихъ надо тѣсниться на земельныхъ клочкахъ, дѣло доходитъ до того, что хоть просто бери значительную часть населенія на казенный и общественный прокормъ.

Въ настоящую минуту, конечно, не до общихъ разсужденій. Злоба дня требуетъ скорѣйшей помощи, въ тѣхъ или другихъ формахъ; безъ сомнѣнія, и явятся на помощь не одни только спеціальныя средства, и выводъ изъ жуткаго положенія признанъ будетъ государственнымъ дѣломъ не меньшей важности, чѣмъ другія дорого стоющія государству дѣла. Но слѣдуетъ видѣть въ наступившемъ теперь положеніи вѣское напоминаніе о необходимости общаго и безотлагательнаго пересмотра системы обезпеченія народнаго продовольствія. Не слѣдуетъ оставлять среди сомнѣній и нерѣшительности вопросъ — чѣмъ именно фактически должно обезпечиваться народное продовольствіе. Если нужны запасы, то они должны быть въ состояніи выполнять свою задачу, чтобы бумага не рознила съ практикою; если есть капиталы, то надо считать ихъ дѣйствительную стоимость, не успокоивая себя смѣшеніемъ безнадежныхъ долговъ съ реальными цѣнностями. Если капиталы малы и таютъ—надо опредѣлить постоянный источникъ ихъ пополненія; гдѣ должники не въ состояніи выплачивать долга, тамъ надобно на ряду со ссудами выдавать и прямыя пособія, потому что зачѣмъ же обманывать себя, будто даемъ въ долгъ, когда счетъ этого долга сводится не столько къ уплатѣ, сколько къ періодическимъ чувствительнымъ, но безплоднымъ экспериментамъ взысканія? Говоря о пособіяхъ, мы вполнѣ сознаемъ неудобства разсчетовъ на государственную благотворительность,—однако если предъ нами голодные не по своей винѣ, приходится вспомнить старое изреченіе, что по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ. Порядокъ испрошенія и оказанія помощи необходимо упростить. Если могутъ быть придуманы другія средства—надо ихъ опредѣлить. А вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ помнить, что продовольственный вопросъ находится въ связи съ общимъ вопросомъ объ улучшеніи положенія

сельскаго населенія, который заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, теперь сошедшихъ съ очереди. Когда населеніе будетъ въ состояніи само себѣ помогать, а желаніе работать соединено съ возможностью работать—не будутъ у насъ голодать сложа руки и не будутъ такъ страшны невзгоды, подобныя переживаемой теперь.

Ѳ. Ѳ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1891.

Военныя и политическія манифестаціи новѣйшаго времени. — Возможные суррогаты войны. — Франко-русскія фантазіи. — Французскіе патріоты и Англія. — Внутреннія дѣла Франціи.—Англійская политика.—Славянскія дѣла.

До новѣйшаго времени господствовало въ Европѣ убѣжденіе, что постоянныя вооруженія великихъ державъ опасны для общаго мира и рано или поздно приведутъ къ кровавой развязкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, военныя усилія и затраты не могутъ продолжаться безконечно; милліонныя арміи и усовершенствованное оружіе какъ будто ждутъ практическаго примѣненія; новыя изобрѣтенія, въ родѣ мелинита или бездымнаго пороха, доставляютъ временное преимущество тому или другому государству, но затѣмъ становятся общимъ достояніемъ, и погоня за полною боевою готовностью получаетъ характеръ какихъ-то хроническихъ скачекъ съ препятствіями, безъ опредѣленной цѣли и смысла. Повидимому, чѣмъ больше и лучше народы приготовились къ борьбѣ, тѣмъ скорѣе можно ожидать рокового момента катастрофы. Такъ думало большинство, и всѣмъ казалось вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ постоянное ожиданіе войны.

Не напрасны ли однако эти предположенія и опасенія? Многіе факты указываютъ на то, что прочный международный миръ не нарушается и не колеблется вооруженіями и что для военнаго соперничества между державами найдутся болѣе легкіе способы удовлетворенія, чѣмъ дѣйствительная война. Въ послѣдніе годы все чаще повторяются военно-политическія празднества, которыя наполняютъ сердца патріотовъ восторгомъ и могутъ служить достаточною замѣною военныхъ побѣдъ. Маневры цѣлыхъ корпусовъ и армій доведены теперь до такой степени совершенства, что представляютъ полное подобіе настоящихъ военныхъ дѣйствій: примѣрныя нападенія, штурмы,

обходныя движенія и кавалерійскія аттаки даютъ возможность честолюбивымъ командирамъ выказать свои знанія и энергію, а многочисленные критики-спеціалисты выясняютъ публикѣ превосходство сдѣланныхъ движеній, недостатки и ошибки отдѣльныхъ частей, причемъ для полноты иллюзіи приходится упоминать и о раненыхъ и иногда даже объ убитыхъ. Присутствіе представителей иностранныхъ армій дѣлаетъ эти военныя упражненія вполнѣ международными: успѣхи каждой страны въ военномъ дѣлѣ подвергаются публичной оцѣнкѣ, и патріоты могутъ гордиться преимуществами и достоинствами національныхъ войскъ, обнаруженными наглядно предъ глазами иноземныхъ соперниковъ. Такое же значеніе имѣютъ разъѣзды морскихъ эскадръ, торжественные осмотры новыхъ броненосцевъ, маневры и передвиженія военнаго флота. Наконецъ подобную же роль играютъ дипломатическія комбинаціи и союзы, путешествія и свиданія монарховъ, заявленія министровъ и дипломатовъ. Нѣмецкая печать привѣтствовала, какъ побѣду, оффиціальное возобновленіе и укрѣпленіе союза съ Италіею; побѣдою было для нѣмцевъ и сближеніе съ Англіею, послѣ поѣздки Вильгельма II въ Лондонъ. Присоединеніе англійскаго правительства къ континентальной лигѣ мира было бы великимъ торжествомъ для Германіи; оно считалось уже почти достигнутымъ, насколько можно было судить по уклончивымъ отвѣтамъ англійскихъ министровъ и по отзывамъ компетентныхъ газетъ. Военныя и политическія демонстраціи, устроиваемыя германскимъ императоромъ, вполнѣ удовлетворяли національное самолюбіе нѣмецкаго общества и устраняли всякую мысль о войнѣ. Зачѣмъ рисковать войною и губить многія тысячи человѣческихъ жизней, когда можно одерживать политическія побѣды посредствомъ военныхъ маневровъ, политическихъ свиданій и союзовъ, знаменательныхъ рѣчей и тостовъ?

Побѣдоносныя дѣйствія Германіи были однако прерваны на короткое время неожиданными удачами Франціи, обратившими на себя общее вниманіе Европы. Оказывается, что французы одержали блестящую, хотя и безкровную побѣду, благодаря шумной и праздничной встрѣчѣ, устроенной адмиралу Жерве и его спутникамъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ. Тройственный союзъ потерпѣлъ какъ будто пораженіе, размѣры котораго опредѣлить трудно; несомнѣнно только, что французы торжествуютъ и что нѣмецкіе патріоты недовольны. Очевидно, политическое равновѣсіе возстановилось въ пользу Франціи, вслѣдствіе пребыванія французской эскадры въ водахъ финскаго залива; самые воинственные публицисты и политическіе дѣятели Парижа признаютъ себя не только удовлетворенными, но счастливыми. Извѣстная проповѣдница идеи возмездія, г-жа Жюльетта Аданъ, объ-

являетъ въ своей „Nouvelle Revue“, что она дождалась, наконецъ, награды за двадцатилѣтнюю неуклонную борьбу; она не знаетъ какъ благодарить русское правительство за „благословенные дни“ франкофильскихъ демонстрацій; она благодаритъ французскихъ министровъ и особенно президента Карно, выставляя себя при этомъ „первой руссофилкою“, указывавшею на спасительную помощь Россіи еще во время осады Парижа нѣмецкими войсками. „И оно пришло черезъ Россію, это возрожденіе, — говоритъ г-жа Аданъ, — послѣ двадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ меня не щадили клеветы, разочарованія, обиды, подозрѣнія и насмѣшки. Я вспоминаю рѣзкое слово, сказанное мнѣ еще недавно однимъ выдающимся журналистомъ по поводу того, что я будто бы наиболѣе старалась внушить французамъ вкусъ и симпатіи къ казакамъ. Еще за годъ до берлинскаго конгресса Гамбетта писалъ мнѣ, что нужно быть слишкомъ наглымъ, чтобы мечтать о русскомъ союзѣ“. А теперь остается лишь сорвать готовые плоды усилій за „святое дѣло“: Германія чувствуетъ себя побѣжденною и ея императоръ долженъ убѣдиться теперь, что „Богъ любитъ преклонять головы гордыхъ и наказывать надменныхъ“ („Nouvelle Revue“, 15 Août, стр. 857—860). Можно было бы подумать, что французы уже разгромили Германію и получили обратно Эльзасъ и Лотарингію!

Въ томъ же радостномъ духѣ побѣды высказываются многія патріотическія газеты во Франціи; такія же восторженныя чувства выражаются французскимъ населеніемъ въ Шербургѣ, при встрѣчѣ русскихъ моряковъ, и повсюду, гдѣ представляется случай играть русскій народный гимнъ наряду съ марсельезою. Русскіе въ настоящее время почти столь же популярны между французами, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ были буланжисты. Если непримиримые французскіе патріоты, подобные Деруледу и Жюльеттѣ Аданъ, заявляютъ теперь полное свое удовольствіе и такъ шумно торжествуютъ побѣду, безъ всякихъ внѣшнихъ столкновеній и безъ малѣйшихъ реальныхъ успѣховъ относительно Германіи, то не слѣдуетъ ли заключить, что дѣйствительная война вовсе не входитъ въ программу даже горячихъ сторонниковъ „реванша“, и что военно-политическіе тріумфы могутъ легко обходиться безъ кровавыхъ жертвъ? Эта готовность французовъ довольствоваться фикціею и принимать свои предположенія за совершившіеся факты должна радовать нѣмцевъ, освобождая ихъ отъ напрасныхъ опасеній войны. И миролюбивые, разсчетливые французы,—а ихъ вѣроятно большинство,—должны быть рады тому, что ихъ наиболѣе воинственные сограждане приходятъ въ восторгъ отъ простыхъ демонстрацій, свидѣтельствующихъ о политической дружбѣ съ наиболѣе консервативнымъ государствомъ Европы.

Насколько французскіе патріоты чувствуютъ себя побѣдителями, можно видѣть уже изъ того высокомѣрія, съ какимъ встрѣчено было ими извѣстіе объ оффиціально заявленномъ желаніи королевы Викторіи относительно посѣщенія Англіи эскадрою адмирала Жерве. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ такое приглашеніе, исходящее отъ англійскаго правительства, могло бы только считаться признакомъ дружескаго вниманія, на которое нельзя отвѣтить иначе какъ сочувственно; теперь же, послѣ недавняго визита Вильгельма II и вызванныхъ этимъ событіемъ комментаріевъ, сдѣланный лордомъ Сольсбери шагъ есть не просто актъ вѣжливости, а имѣетъ серьезное политическое значеніе, вполнѣ благопріятное для Франціи. Англичане желали фактически опровергнуть предположеніе о солидарности съ тройственнымъ союзомъ и доказать свою готовность сохранить дружескія отношенія съ сосѣднею націею, безъ ущерба для своихъ интересовъ, —и этотъ значительный шагъ Англіи долженъ былъ бы, по мнѣнію французскихъ патріотовъ, встрѣтить молчаливый отпоръ со стороны французскаго правительства. Эти патріоты называютъ „непростительною слабостью“ согласіе парижскаго кабинета послать въ Портсмутъ эскадру, которую пожелала видѣть королева Викторія. Французскіе министры поступили будто бы безтактно и оказались скрытыми англоманами, такъ какъ они не отвергли приглашенія, переданнаго отъ имени англійской королевы, и рѣшились показать свои броненосцы англичанамъ послѣ кронштадтскихъ овацій; но какъ могли они отклонить подобное прямое приглашеніе и какой смыслъ имѣлъ бы этотъ грубый отказъ, для котораго нельзя было бы даже подыскать правдоподобные мотивы? Въ былое время французы мечтали о сближеніи и союзѣ съ Англіею, и теперь для нихъ чрезвычайно важно отвлечь англійскую дипломатію отъ одностороннихъ и слишкомъ тѣсныхъ связей съ политикою Германіи и ея союзниковъ, а между тѣмъ находятся еще французскіе публицисты, предлагающіе отвѣчать оскорбительнымъ молчаніемъ на авансы, дѣлаемые англичанами.

Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на желаніе англійскаго правительства привѣтствовать французскихъ моряковъ въ Портсмутѣ, оно во всякомъ случаѣ исключало возможность отказа со стороны Франціи; но громкіе и рѣзкіе протесты французскихъ патріотическихъ газетъ противъ естественнаго акта вѣжливости относительно англичанъ служатъ печальными симптомами настроенія, овладѣвшаго нѣкоторою частью парижской журналистики. Французы опасались, что посѣщеніе Портсмута ослабитъ впечатлѣніе кронштадтской встрѣчи; они почему-то полагаютъ, что желанный союзъ съ Россіею обязываетъ ихъ сторониться отъ Англіи и избѣгать даже наружнаго сближенія съ англичанами,—какъ будто этотъ союзъ имѣетъ скрытыя

цѣли, несовмѣстимыя съ англійскою дружбою. Франко-русское соглашеніе есть только оборонительный противовѣсъ той системѣ союзовъ, которая усвоена Германіею, и въ этомъ смыслѣ оно направлено противъ средне-европейской лиги мира, претендующей на исключительное господство въ Европѣ. Англія стоитъ внѣ этой континентальной лиги, хотя и склоняется къ ней своими симпатіями и интересами, и нѣтъ, конечно, никакого разсчета зачислять англичанъ въ лагерь противниковъ, если они сами предпочитаютъ остаться нейтральными и сохранить свою свободу дѣйствій. Французы могутъ приписывать русской дружбѣ болѣе положительное и опредѣленное значеніе, чѣмъ она имѣетъ въ дѣйствительности; они могутъ видѣть въ ней нѣчто въ родѣ наступательнаго союза, враждебнаго не только Германіи, но и Англіи. Было бы весьма желательно, чтобы такія недоразумѣнія устранялись своевременно и чтобы истинный смыслъ франко-русскаго сближенія былъ разъясненъ оффиціально, для избѣжанія ложныхъ толкованій и произвольныхъ выводовъ. Если дружба, столь торжественно скрѣпленная недавними манифестаціями, имѣетъ мирный, оборонительный характеръ, то внезапная предупредительность англичанъ должна была быть принята съ удовольствіемъ, и французскіе протесты были бы совершенно неумѣстны и непонятны. Очевидно, единомышленники Деруледа и Жюльетты Аданъ понимаютъ состоявшееся сближеніе совсѣмъ иначе, чѣмъ понимаютъ его у насъ, и это различіе взглядовъ можетъ вредно отразиться и на практической политикѣ.

Какъ бы то ни было, французская эскадра была въ Портсмутѣ, была осмотрѣна королевою Викторіею близь Осборна, удостоилась шумныхъ привѣтствій, банкетовъ и тостовъ, служила предметомъ многочисленныхъ газетныхъ обсужденій и, наконецъ, отправилась дальше, по направленію къ Франціи. Англичане имѣли случай ознакомиться мирно съ нѣкоторыми французскими броненосцами новѣйшаго типа, изучить ихъ недостатки и достоинства, провести параллель съ своимъ собственнымъ военнымъ флотомъ и сдѣлать соотвѣтственные выводы. Не проще ли посылать военные корабли въ гости къ возможнымъ соперникамъ, чѣмъ ожидать другихъ способовъ взаимнаго ознакомленія между морскими силами и военными дѣятелями обѣихъ странъ? Этотъ новый обычай международныхъ военныхъ смотровъ и празднествъ принесетъ, безъ сомнѣнія, громадную пользу интересамъ общаго мира. Факты, которые кажутся теперь мелкими и второстепенными, могутъ незамѣтно привести къ важнымъ и благотворнымъ послѣдствіямъ, все болѣе отнимая почву у милитаризма, какъ активной силы. Съ теченіемъ времени выработаются извѣстные суррогаты войны, которые съ успѣхомъ будутъ выполнять ея роль,

и въ доказательство возможности такого порядка вещей можно сослаться на тѣ безкровныя и отчасти фиктивныя побѣды, которыми удовлетворяется самый требовательный патріотизмъ наиболѣе воинственныхъ народовъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Франко-русское соглашеніе имѣетъ само по себѣ довольно странную судьбу: оно съ особенною горячностью привѣтствуется буланжистами и шовинистами съ одной стороны, и реакціонерами и націоналистами—съ другой. Серьезные и вліятельные органы французскаго общественнаго мнѣнія, какъ „Temps", „Journal des Débats", „Revue des deux Mondes", соблюдаютъ большую сдержанность, а наиболѣе увлекаются журналы, прославлявшіе Ашинова у насъ и во Франціи. Нынѣшніе патріотическіе восторги французовъ, по формамъ и способамъ своего выраженія, сильно напоминаютъ буланжизмъ,— только пѣсня „En revenant de la revue" уступила мѣсто нашему народному гимну. Будетъ ли это движеніе столь же непрочно и скоропреходяще, какъ и увлеченіе буланжизмомъ? Нѣтъ сомнѣнія, что жаръ любви къ Россіи и ко всему русскому не продержится долго среди французовъ; онъ остынетъ и пройдетъ, какъ все модное, но при болѣе трезвомъ взглядѣ на вещи союзъ можетъ утвердиться и окрѣпнуть на основахъ взаимности, если не измѣнятся политическія обстоятельства въ Европѣ. Мотивы франко-русской дружбы, пока она не выходитъ изъ области мирнаго дипломатическаго согласія, зависятъ не отъ временнаго настроенія патріотовъ, а отъ положительныхъ условій современнаго международнаго положенія. Союзъ можетъ косвенно вліять и на внутреннія дѣла Франціи; онъ отнимаетъ у противниковъ республики послѣднее оружіе, какимъ они располагали,—возможность ссылаться на исключительную способность монархическихъ партій доставить необходимыя внѣшнія связи и завоевать странѣ законное мѣсто въ совѣтѣ великихъ державъ. Поклонники Буланже постоянно доказывали, что авторитетный и популярный генералъ, облеченный званіемъ президента, можетъ скорѣе разсчитывать на заключеніе союза, чѣмъ слабое правительство, подчиненное парламенту; это былъ однимъ изъ любимыхъ и наиболѣе дѣйствительныхъ аргументовъ въ буланжистской борьбѣ. Теперь никто уже не сомнѣвается въ томъ, что французская республика, обладающая милліонною арміею и могущественнымъ флотомъ, способна имѣть сильныхъ союзниковъ и при президентѣ Карно; а такое сознаніе, подкрѣпленное краснорѣчивымъ и безспорнымъ фактомъ, должно способствовать укрѣпленію республиканскаго режима. Республика можетъ выиграть отъ того, что во Франціи раздаются звуки русскаго народнаго гимна, а у насъ — марсельеза. Какъ это ни странно, но это

такъ: нашъ народный гимнъ играетъ извѣстную роль въ упроченіи нынѣшнихъ, т.-е. республиканскихъ порядковъ во Франціи.

Конечно, республика и безъ того водворилась прочно во Франціи и не нуждается уже въ оффиціальномъ признаніи со стороны сосѣднихъ и отдаленныхъ государствъ; она имѣетъ за собою двадцатилѣтнюю исторію, пережила трудные кризисы, справилась съ попытками легитимистовъ и анархистовъ, и ея притягательная сила все болѣе привлекаетъ къ себѣ разрозненныя оппозиціонныя группы, клерикальныя и консервативныя. Католическое духовенство, въ лицѣ своихъ высшихъ представителей, отрекается отъ старыхъ реакціонныхъ тенденцій и окончательно мирится съ республикою; приверженцы монархіи, давно потерявшіе почву, переходятъ постепенно въ лагерь умѣренныхъ республиканцевъ, въ качествѣ охранителей существующаго соціальнаго строя. Энергичное и осторожное министерство Фрейсинэ-Констана съумѣло заслужить уваженіе всѣхъ партій; оно твердо охраняетъ внутренній порядокъ и законность; при полной свободѣ народной жизни, оно предприняло рядъ полезныхъ экономическихъ и финансовыхъ реформъ, взяло въ свои руки устройство пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ, заставило даже отчасти забыть о кабинетныхъ кризисахъ и возбудило довѣріе къ своей долговѣчности. Оффиціальное сближеніе съ Россіею будетъ также занесено въ активъ министерства Фрейсинэ и президентства Карно; этотъ внѣшній успѣхъ республики даетъ какъ бы международную санкцію внутреннимъ ея успѣхамъ, ея свободному росту и процвѣтанію за послѣдніе годы. Сколько бы ни шумѣли буланжисты и наши ашиновцы по поводу франко-русскаго союза, они останутся тутъ совершенно не при чемъ: союзъ, формальный или неформальный, можетъ имѣть цѣлью ограничить одностороннее господство средне-европейской лиги мира, но онъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми воинственными задачами и надеждами, какія связываютъ съ нимъ увлекающіеся патріоты обѣихъ странъ.

Нельзя отрицать, что внезапно обнаруженная возможность дѣйствительнаго союза между Россіею и Франціею оказала нѣкоторое вліяніе на политику Англіи. Маркизъ Сольсбери, склонявшійся уже къ положительному соглашенію съ державами тройственнаго союза, отступилъ своевременно и оставилъ за собою свободу дѣйствій, въ виду перспективы новаго союза, почти равносильнаго: обѣ политическія группы настолько внушительны, что высказываться заранѣе противъ одной изъ нихъ было бы неблагоразумно. Англійскій премьеръ выразилъ свой взглядъ съ обычною откровенностью еще за три недѣли до прибытія французской эскадры въ Портсмутъ; затѣмъ воззрѣнія правительства еще болѣе измѣнились, какъ можно видѣть

изъ статей „Times'a" и другихъ выдающихся консервативныхъ газетъ.

Въ рѣчи 29-го іюля (н. ст.), на банкетѣ у лондонскаго лорда-мэра, маркизъ Сольсбери иронически отозвался о секретныхъ союзахъ и трактатахъ, которымъ публика придаетъ такое преувеличенное значеніе. „Я не знаю,—говорилъ онъ въ игривомъ тонѣ,—что содержатъ въ себѣ эти трактаты; я всегда старательно воздерживался отъ разспросовъ по этому предмету, и я не думаю, что получилъ бы нужныя свѣденія, еслибы спрашивалъ объ этомъ. Но я увѣренъ, что мы слишкомъ преувеличиваемъ важность и значеніе договоровъ. Въ нашъ вѣкъ, при томъ страшномъ рискѣ, который соединяется съ каждымъ нарушеніемъ мира, не слѣдуетъ приписывать большую силу обязательствамъ и условіямъ, скрѣпленнымъ подписями на клочкѣ бумаги. Если народы будутъ дѣйствовать совмѣстно при наступленіи великаго кризиса, то они будутъ руководствоваться при этомъ единствомъ и согласіемъ своихъ интересовъ, а не существованіемъ протоколовъ, которыми они связаны между собою. Не обращайте поэтому слишкомъ много вниманія на эти толки о союзахъ и трактатахъ. Что касается насъ, то мы имѣемъ простое правило: наши союзники суть всѣ тѣ, кто желаетъ сохранить территоріальное распредѣленіе, какъ оно есть, не рискуя опасностями войны; наши союзники—всѣ, желающіе мирныхъ и добрыхъ отношеній между народами". Какъ на гарантіи мира на востокѣ, лордъ Сольсбери указалъ почему-то на возростающее благосостояніе двухъ странъ—Египта и Болгаріи, заключающихъ въ себѣ, по его словамъ, надежные задатки единственно правильнаго и разумнаго рѣшенія восточнаго вопроса. „Болгарія, — замѣтилъ первый министръ Англіи, — миновала всѣ стадіи политическаго младенчества, чрезъ которыя должны проходить народы, поставленные въ менѣе счастливыя условія; она сразу выступила въ свѣтъ съ тѣмъ знаніемъ, опытностью и благоразуміемъ, которыя выработываются только исторіею и практическою дѣятельностью, и въ результатѣ мы видимъ, что болгары, при выказанныхъ ими качествахъ и съ тѣми правителями, какихъ они себѣ избрали, являются вѣрнѣйшею гарантіею того, что восточный вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ въ духѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ интересамъ цивилизаціи и прогресса". Упомянувъ въ подобающихъ выраженіяхъ о недавнемъ пріемѣ германскаго императора въ Лондонѣ, лордъ Сольсбери выразился слѣдующимъ образомъ относительно Франціи: „Черезъ нѣсколько недѣль мы будемъ, надѣюсь, привѣтствовать въ нашихъ предѣлахъ и въ важнѣйшей нашей гавани флотъ французской республики. Въ этомъ событіи мы видимъ новое и самое пріятное обезпеченіе мира между народами и дружбы между двумя

великими націями, флоты которыхъ встрѣтятся здѣсь". Премьеръ съ одной стороны ясно указалъ на свою рѣшимость противодѣйствовать Россіи на востокѣ, причемъ превознесъ болгарскихъ дѣятелей очевидно лишь для того, чтобы задѣть больное мѣсто нашей дипломатіи; въ то же время онъ отдалъ справедливость миролюбивымъ усиліямъ Германіи, старался ослабить значеніе союзовъ, на которые она опирается, и допустилъ возможность не только мира, но и дружбы съ Франціею. Насмѣшливыя замѣчанія о трактатахъ и союзахъ, которыми обставила себя Германія, служатъ какъ бы предисловіемъ къ перемѣнѣ фронта, къ уклоненію отъ солидарности съ тройственнымъ союзомъ и къ окончательному принятію болѣе удобнаго принципа свободы дѣйствій.

Эта политическая программа выражается съ наибольшею опредѣленностью позднѣе въ разсужденіяхъ газетъ, близко стоящихъ къ министерству. Наканунѣ прибытія французской эскадры въ Портсмутъ, 19-го августа (н. ст.), лондонскій „Times" уже категорически отрицалъ то важное политическое значеніе, какое придавалось послѣдней поѣздкѣ Вильгельма II въ Англію. Англійская печать стала отзываться о французахъ и Франціи съ величайшимъ сочувствіемъ. „Мы не можемъ претендовать на то,—пишетъ „Times",—чтобы встрѣтить нашихъ сосѣдей съ такимъ истерическимъ энтузіазмомъ, какъ ихъ новые друзья въ Россіи. Французы не будутъ, однако, имѣть поводъ сомнѣваться на этомъ основаніи въ искренности и серьезности нашихъ чувствъ. Они знаютъ, что во время нашихъ долгихъ и упорныхъ столкновеній съ Франціею мы всегда отдавали полную справедливость храбрости и искусству французскихъ солдатъ и моряковъ. Мы будемъ привѣтствовать французскихъ моряковъ, какъ потомковъ самыхъ страшныхъ враговъ, какихъ мы когда-либо встрѣчали на моряхъ. И при удаленіи ихъ отъ нашихъ береговъ мы не станемъ убѣждать себя или другихъ, что ихъ визитъ измѣнилъ въ чемъ-нибудь политическія отношенія между обоими народами. Только въ одномъ отношеніи можетъ быть приписано событіямъ этихъ дней извѣстное политическое значеніе. Они покажутъ наглядно, что многія странныя предположенія, основанныя на пріѣздѣ германскаго императора въ нашу страну, равно какъ и толки, вызванные пребываніемъ французской эскадры въ Кронштадтѣ, лишены реальнаго основанія. Англичанамъ должно казаться невѣроятнымъ, что наши сосѣди могли серьезно вообразить, будто мы имѣемъ въ виду отречься отъ нашей традиціонной политики и связать себя узами континентальнаго союза; мы не можемъ повѣрить, чтобы столь странное заблужденіе раздѣлялось здравомыслящею частью французскаго общества. Мы будемъ очень рады, если это праздное и упорное подозрѣніе разсѣется на-

конецъ подъ вліяніемъ дружескаго обмѣна международныхъ вѣжливостей". Другія газеты говорили прямо о пользѣ соглашенія и союза съ Франціею, какъ державою, обладающею сильнѣйшимъ флотомъ послѣ Англіи. Англичане довольны ловкостью своего премьера, который одновременно сблизился съ Германіею, не связавъ себя ничѣмъ, и подготовилъ путь къ компромиссу съ Франціею, на случай надобности.

При такомъ благопріятномъ политическомъ положеніи закрылась сессія англійскаго парламента (5-го августа н. ст.). Вопросы внѣшней политики сильно занимали умы англичанъ въ послѣднее время, но не отвлекали обычнаго общественнаго вниманія отъ текущихъ внутреннихъ дѣлъ. Правительство успѣшно закончило двѣ сложныя и трудныя задачи—провело законы о покупкѣ поземельныхъ участковъ въ Ирландіи и о даровомъ народномъ обученіи, при содѣйствіи государственнаго казначейства; сверхъ того, осуществлены нѣкоторыя второстепенныя реформы, касающіяся регулированія рабочаго труда на фабрикахъ, облегченія способовъ взиманія податей и др. Расколъ въ средѣ ирландской партіи значительно облегчилъ дѣятельность министерства относительно Ирландіи. Парнелль не перестаетъ бороться за власть и авторитетъ, въ ущербъ тому національному дѣлу, которому онъ прежде служилъ съ такою энергіею и искусствомъ; онъ лишился самыхъ видныхъ приверженцевъ и союзниковъ, возстановилъ противъ себя мѣстное духовенство и все еще надѣется удержать за собою хоть подобіе руководящей роли, утраченной имъ на дѣлѣ безповоротно. Ирландскіе патріоты, столь бодро и единодушно дѣйствовавшіе для достиженія общихъ цѣлей, употребляютъ теперь свои силы на взаимные пререканія и споры, которыми правительство пользуется для безпрепятственнаго проведенія законодательныхъ мѣръ, способныхъ въ нѣкоторой мѣрѣ распутать поземельную неурядицу въ странѣ. Предпринимаемыя реформы не отличаются широтою взглядовъ и затрогиваютъ лишь внѣшнія стороны крупныхъ соціальныхъ вопросовъ, давно уже стоящихъ на очереди, такъ что останется еще много работы для передовыхъ либераловъ и прогрессистовъ, когда власть перейдетъ въ ихъ руки. А этотъ переходъ возможенъ въ близкомъ будущемъ, такъ какъ въ 1892 году предстоятъ общіе парламентскіе выборы; отдѣльныя избранія новыхъ членовъ парламента, происходящія при открытіи вакансій въ различныхъ мѣстахъ, выпадаютъ все чаще въ пользу партіи Гладстона.

На ряду съ укрѣпленіемъ идеи о франко-русскомъ союзѣ замѣчается въ Европѣ оживленіе въ области славянства. Торжество младочеховъ не улучшило положенія Чехіи относительно австрійскаго правительства, а напротивъ, усилило вліяніе нѣмецкой партіи и со-

здало политическій кризисъ, изъ котораго не видно еще правильнаго выхода; но чешская національность чувствуетъ въ себѣ особенный подъемъ духа, выражающійся въ политическихъ манифестаціяхъ по поводу выставки въ Прагѣ, въ торжественныхъ встрѣчахъ славянскихъ и русскихъ гостей. Эти манифестаціи едва ли имѣютъ въ своей основѣ какую-нибудь опредѣленную програму; если вѣрить газетнымъ отчетамъ, чешское населеніе съ одинаковымъ восторгомъ привѣтствуетъ вѣнскихъ нѣмцевъ, всегдашнихъ враговъ славянства, выдающихъ себя за анти-семитовъ,—какъ и кіевлянъ, одѣтыхъ почему-то въ бѣлыя фуражки. Чехи волнуются, но въ ихъ волненіяхъ нѣтъ сознательнаго плана; быть можетъ, они, вмѣстѣ съ своими нынѣшними политическими вождями, ищутъ еще новыхъ путей и невольно повторяютъ прежнія стадіи чешскаго движенія, выражая съ шумомъ старыя симпатіи къ Россіи и къ идеѣ славянскаго единства. Въ празднествахъ и пріемахъ, оживляющихъ теперь Прагу, приняли участіе и болгарскіе представители, оффиціально посланные изъ Софіи какъ бы для подтвержденія правъ Болгаріи на видную роль въ дѣлахъ славянства. Пестрая картина этого движенія не даетъ еще никакихъ указаній относительно вѣроятнаго дальнѣйшаго хода чешскаго кризиса. Умудренный многолѣтнимъ опытомъ лавированія между разнообразными національными теченіями, графъ Таафе выжидаетъ, пока улягутся страсти, и его хладнокровіе дѣйствуетъ успокоительно на многочисленныхъ противниковъ чешской народности въ Цислейтаніи.

Что касается путешествія юнаго сербскаго короля Александра, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время, то оно не можетъ имѣть большого политическаго значенія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, сербскій король не достигъ еще совершеннолѣтія, и его теперешнія впечатлѣнія не могутъ вліять на его будущую политику, и во-вторыхъ, за поѣздкою въ Россію, гдѣ онъ пробылъ больше двухъ недѣль (12—28 іюня), слѣдовала поѣздка въ Австрію, въ Ишль, гдѣ его принялъ самымъ любезнымъ образомъ императоръ Францъ-Іосифъ, послѣ чего молодой король переданъ былъ своему отцу, Милану Обреновичу, при которомъ и остался,—а анти-русскія воззрѣнія бывшаго короля Сербіи всѣмъ извѣстны.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го сентября 1891.

— *А. Шаховъ. Гёте и его время.* Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы XVIII-го вѣка, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. М. 1891.

Мы говорили недавно о томъ, какимъ важнымъ путемъ къ расширенію образовательнаго содержанія литературы служитъ усвоеніе, въ самостоятельно обработанныхъ переводахъ, величайшихъ произведеній всемірной литературы. Столько же важнымъ средствомъ для этой цѣли является болѣе или менѣе самостоятельное историческое изученіе чужихъ литературъ,—особливо, конечно, тѣхъ, которыя оказывали вліяніе на развитіе нашего образованія. Таковы особенно были литературы: французская, нѣмецкая, англійская. Нельзя сказать, чтобы изученія этого рода были у насъ очень распространены. Интересъ къ нимъ несомнѣнно есть, и у насъ для любознательнаго читателя найдутся книги, гдѣ онъ можетъ прочесть о разныхъ великихъ писателяхъ европейской литературы и цѣлыхъ ея періодахъ; но большинство такихъ книгъ—простые переводы иностранныхъ сочиненій. Большой толчокъ къ распространенію этихъ изученій дало основаніе, университетскимъ уставомъ 1863 года, особой каѳедры по исторіи европейскихъ литературъ: это несомнѣнно отвѣчало дѣйствительной потребности нашей науки и образованія, и многіе труды, по литературѣ средневѣковой и новѣйшей, успѣли оказать немаловажное вліяніе на развитіе нашихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, и въ частности на объясненіе нашей собственной средневѣковой литературной старины. Рядъ переводовъ новѣйшихъ замѣчательныхъ книгъ по исторіи литературы, общихъ и частныхъ, какъ переводы Шерра, Геттнера, Тикнора, Лекки, Буркгардта и т. д., доставилъ нашему читателю не мало полезнаго образовательнаго чтенія, а наконецъ, изданіе всеобщей исторіи литературы, въ трудахъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, начатое покойнымъ В. Ѳ. Кор-

немъ и приводимое теперь къ концу А. И. Кирпичниковымъ, является замѣчательнымъ опытомъ широкаго и самостоятельнаго приступа къ работамъ въ этой области.

Къ такимъ самостоятельнымъ изученіямъ европейской литературы принадлежитъ и названная книга. Появленіе ея напоминаетъ безвременную и прискорбную потерю для русской науки. Ея авторъ, Александръ Александровичъ Шаховъ (1850—1877), умеръ совсѣмъ молодымъ, успѣвъ заявить себя чрезвычайно талантливыми работами. Питомецъ московскаго университета, онъ выбралъ своей спеціальностью литературу западной Европы, работалъ за границей, и въ 1873 году былъ уже приглашенъ для чтенія лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ, основанныхъ профессоромъ Герье. Предметомъ своихъ чтеній Шаховъ выбралъ нѣмецкую литературу конца XVIII-го вѣка; въ слѣдующемъ курсѣ онъ читалъ о французской литературѣ XIX-го столѣтія, остановившись въ особенности на Жоржъ-Зандѣ. Лекціи его имѣли у слушательницъ чрезвычайный успѣхъ. Къ сожалѣнію, его некрѣпкое здоровье пошатнулось отъ усиленныхъ занятій; лѣтомъ 1875 г. онъ уѣхалъ за границу, защитивъ передъ тѣмъ въ университетѣ диссертацію pro venia legendi, о французской литературѣ въ первые годы XIX-го столѣтія. „Обширная начитанность, замѣчательная способность обобщенія и рѣшительный литературный талантъ, высказавшійся какъ въ мѣткихъ характеристикахъ, такъ и въ необыкновенномъ изяществѣ изложенія, составляютъ достоинства этой книги, написанной такъ живо и занимательно, какъ рѣдко пишутся ученыя разсужденія. Какъ литературный критикъ, Шаховъ принадлежалъ къ той новой исторической школѣ критики, лучшими представителями которой на западѣ служатъ Тэнъ и Брандесъ. Живыми и яркими чертами онъ рисовалъ ту общественную почву, изъ которой выработались изучаемые имъ литературные типы, тщательно слѣдилъ за характеромъ отражавшагося въ нихъ общественнаго настроенія". Таковъ былъ отзывъ компетентнаго судьи, Н. И. Стороженка, въ некрологѣ Шахова. За границей Шаховъ не столько лечился, сколько опять работалъ надъ новымъ курсомъ по исторіи новѣйшей французской литературы, который онъ открылъ въ московскомъ университетѣ съ осени 1876 года. Его университетскія лекціи имѣли такой же успѣхъ. „Аудиторія, гдѣ читалъ Шаховъ,—говоритъ г. Стороженко,—была всегда полна и притомъ не только студентами историко-филологическаго факультета, но и другихъ факультетовъ. Глубоко западало въ молодыя души живое, прочувствованное, а подчасъ и рѣзкое слово талантливаго преподавателя, много надеждъ возлагали они на него. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться". Въ 1877 году онъ умеръ отъ

чахотки. О личномъ характерѣ Шахова г. Стороженко замѣчаетъ: „онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ цѣльныхъ натуръ, которыя, къ сожалѣнію, все рѣже становятся на Руси. Слово у него никогда не расходилось съ дѣломъ; человѣкъ принципа прежде всего, Шаховъ не былъ способенъ ни на какія сдѣлки съ тѣмъ, что̀ онъ признавалъ зломъ и ложью. Онъ могъ переломиться, но не согнуться".

Первая книга Шахова встрѣчена была въ нашей печати съ большими сочувствіями; такихъ сочувствій заслуживаютъ и изданныя теперь лекціи о Гёте и его времени: онѣ вполнѣ оправдываютъ ту характеристику, какую даетъ г. Стороженко его литературному дарованію. Не многія книги въ нашей научной литературѣ оставляютъ столь привлекательное впечатлѣніе. Не говоря о внимательномъ изученіи предмета, гдѣ авторъ, съумѣвши остаться свободнымъ отъ мелочностей спеціальнаго трактата, схватываетъ существенныя черты вѣка и своего героя, изложеніе отличается рѣдкою живостью и простотой; авторъ съ большимъ искусствомъ собираетъ разнородныя явленія умственной, поэтической и общественной жизни въ цѣльныя картины и умѣетъ въ доступной формѣ передать самыя отвлеченныя положенія философіи. Книга начинается съ общихъ объясненій о задачѣ и методѣ исторіи литературы, и затѣмъ, послѣ обзора литературнаго періода, предшествовавшаго времени Гёте, авторъ излагаетъ литературную исторію Гёте въ связи съ одновременными явленіями въ поэзіи и наукѣ, съ объясненіемъ ихъ историческаго происхожденія и ихъ результата для литературы послѣдующей: въ концѣ концовъ передъ читателемъ проходитъ оживленная картина цѣлаго великаго періода нѣмецкой литературы.

Книга издана по рукописи самого автора, который имѣлъ обыкновеніе писать каждую лекцію передъ ея чтеніемъ. Издатели сообщаютъ, что если вышедшая теперь книга встрѣтитъ сочувствіе въ нашей публикѣ, то предполагается издать и курсъ, читанный Шаховымъ въ 1874-75 годахъ: „Общій очеркъ литературнаго движенія въ первую половину XIX-го вѣка". Надо думать, что публика съумѣетъ оцѣнить прекрасный трудъ Шахова, и изданіе его курса новѣйшей литературы во всякомъ случаѣ было бы очень желательно.

— *Всеобщая исторія литературы.* Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. Ѳ. *Корша,* продолжается подъ редакціей проф. А. И. *Кирпичникова.* Выпускъ XXVI. Очеркъ исторіи литературы XIX столѣтія. А. И. Кирпичникова. Изданіе К. Риккера. Спб. 1891.

Давно начатое предпріятіе г. Риккера и покойнаго В. Ѳ. Корша повидимому близится къ завершенію. Едва ли надо говорить о пользѣ этого замѣчательнаго предпріятія, которое дало уже столько интересныхъ трудовъ по исторіи всеобщей литературы, гдѣ между прочимъ появлялись трактаты, совершенно новые на русскомъ языкѣ, какъ, напр., трактаты о литературахъ восточныхъ народовъ. Исполненіе предпріятія именно русскими силами даетъ ему особую цѣнность: хотя бы (въ большинствѣ случаевъ) изложеніе и не было трудомъ вполнѣ самостоятельнымъ и опиралось на массѣ готовыхъ изслѣдованій западно-европейскихъ ученыхъ,—какъ это и естественно по всему положенію дѣла, — во всякомъ случаѣ такая работа предпочтительнѣе простого перевода чужой книги. Русская обработка всегда, сознательно и безсознательно, будетъ лучше служить потребностямъ и условіямъ русской литературы, съ которыми будетъ такъ или иначе связана.

Съ настоящаго выпуска г. Кирпичниковъ началъ свою работу о литературѣ XIX-го столѣтія—предметъ, которому посвящена была и упомянутая выше, еще неизданная работа Шахова. Въ XXVI выпускѣ помѣщены первыя главы его сочиненія: 1) Революція и реакція во Франціи; время консульства и имперіи; 2) Англійская литература въ началѣ XIX-го вѣка: В. Скоттъ, Байронъ и Шелли; 3) Нѣмецкая литература въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка. Мы постараемся возвратиться къ этому интересному труду по его окончаніи.

— *Сельская школа.* Сборникъ статей С. А. *Рачинскаго.* Съ предисловіемъ Н. Горбова. М. 1891.

Эта книжка, безъ сомнѣнія, привлечетъ вниманіе всѣхъ, кому близокъ вопросъ нашей народной школы. Г. Рачинскій давно извѣстенъ своею дѣятельностью на этомъ поприщѣ, въ бѣльскомъ уѣздѣ смоленской губерніи, ближе, впрочемъ, къ тверскому Ржеву; но, кажется, въ первый разъ является такая картина его школьной дѣятельности, какую даетъ г. Горбовъ въ предисловіи. Читателямъ „Вѣстн. Европы" извѣстно имя г. Горбова и его идеи о народной школѣ; настоящее изданіе дало ему случай изобразить тотъ идеалъ

народной школы, изъ котораго, кажется, і
ленія объ этомъ предметѣ. Онъ называетъ
скаго и съ горячими сочувствіями рисует
селѣ Татевѣ, и ея филіаціи въ другихъ о

Г. Рачинскій, нѣкогда профессоръ і
около шестидесятыхъ годовъ много работа
вивъ потомъ профессуру, поселился въ
1875 года посвятилъ себя исключительно
имѣнія. „Принадлежа по рожденію къ лу
части русскаго общества, племянникъ по
славянофиловъ, — разсказываетъ г. Горбов
научной подготовки дома и за границей б
соромъ ботаники въ московскомъ университ
внесъ всю широту взгляда, всю разносторо
ченныя какъ по воспитанію, такъ и по обс
жизни и дѣятельности". Г. Рачинскій—„
народу".

Въ „прекрасномъ родовомъ Татевѣ" Ра
ствовала обыкновенная школа съ обыкн
семинаристовъ. Г. Рачинскій изрѣдка за
нецъ, обратилъ вниманіе на то, какъ ску
дило преподаваніе ариѳметики по тогда...
Евтушевскаго. „С. А. попробовалъ дать нѣсколько уроковъ, и они имѣли столь явный успѣхъ, что ими опредѣлилась вся его дальнѣйшая дѣятельность. Онъ увидалъ, что народная школа страдаетъ какимъ-то кореннымъ недостаткомъ, который надо открыть и исправить. На первыхъ порахъ онъ думалъ, однако, лишь объ улучшеніи пріемовъ преподаванія. Но частныя поправки такъ и остались частными; всякій другой учитель могъ предложить свои измѣненія, и школа все-таки не имѣла бы твердаго фундамента. И вотъ тогда-то и была открыта тайна: народная школа должна быть построена на началахъ народной жизни, и во главѣ угла ея должно лежать національное воспитаніе".

„Увидавъ это, Рачинскій уже не могъ ограничиться одними уроками. Прошло немного времени, и въ Татевѣ было новое превосходное школьное зданіе, и С. А., покинувъ всѣ свои привычки, все удобство и покой цивилизованной жизни въ кругу родныхъ, переселился изъ барскаго дома въ школу и началъ жить одною жизнью со своими учениками. Кромѣ дѣтей, съ самаго начала его окружали уже и юноши крестьянскіе, которыхъ онъ началъ готовить къ учительской дѣятельности" (стр. II—III). Потомъ у него были помощ-

ники изъ его же выучениковъ, а также и изъ образованныхъ педагоговъ, какъ г. Горбовъ, воспринявшихъ его взгляды.

„Тайна“ заключалась въ томъ, что народная школа должна имѣть религіозный, церковный характеръ. Онъ полагается всею силою вещей, какъ объясняется въ самыхъ статьяхъ г. Рачинскаго (стр. 7—8 и д.): онъ есть древнее преданіе, онъ отвѣчаетъ народной потребности въ поученіи и церковной поэзіи; наконецъ, „для грамотнаго крестьянина не существуетъ иного постояннаго упражненія въ грамотности, кромѣ чтенія псалтири по покойникамъ и участія въ богослуженіи“.

Такъ и сложилась школа г. Рачинскаго, и затѣмъ нѣсколько другихъ школъ устроились по ея образцу. Основными, кажется, единственными предметами обученія стали чтеніе и письмо, церковно-славянскій языкъ, законъ Божій и ариѳметика (особливо умственный счетъ). Такъ какъ большинство учениковъ было изъ сосѣднихъ деревень, то при школѣ было устроено общежитіе, гдѣ и помѣщались эти пришлые ученики: школа давала помѣщеніе и нанимала кухарку, которая готовила ребятамъ обыкновенную (хорошую) крестьянскую ѣду изъ принесенныхъ ими припасовъ. Послѣ учебныхъ часовъ, ученики, жившіе въ школѣ, все остальное время были также заняты и чѣмъ-нибудь серьезнымъ, и игрой, и, наконецъ, общей молитвой, довольно продолжительной, причемъ сами ученики пѣли церковныя пѣснопѣнія; по субботамъ самъ г. Рачинскій читалъ евангеліе по церковно-славянски и по-русски, съ краткими объясненіями.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Горбовъ въ первый разъ познакомился со школой С. А. Рачинскаго и сталъ съ тѣхъ поръ его ученикомъ и послѣдователемъ. Школа представляла нѣчто невиданное: это была дружная, тѣсно сплоченная семья, гдѣ господствовали трудъ, взаимная любовь и довѣріе, и—молитва; не одни крестьяне, но иные помѣщики, совсѣмъ не расположенные къ заботамъ о деревенскихъ мальчишкахъ, бывали тронуты, когда видѣли этотъ школьный бытъ. Школа не отрывалась отъ народной жизни; мальчики приносили домой добропорядочность, твердую грамоту и счетъ, полезные въ деревенскомъ обиходѣ, знали много церковнаго; школьниками они пѣли уже на крылосѣ; школьные праздники были и сельскіе праздники; въ особливо торжественныхъ случаяхъ въ Татево собирались на общій праздникъ школьники изъ сосѣднихъ селъ... Какое-нибудь сомнѣніе, недовѣріе къ школѣ со стороны крестьянъ становилось немыслимо.

Разсказъ г. Горбова объ учебныхъ порядкахъ и нравахъ школъ С. А. Рачинскаго, занимающій все предисловіе, есть сплошная идиллія, и понятно, что какъ г. Рачинскій стремился выработать такую форму школы, которая была бы истинно народной, такъ и г. Гор-

бовъ нашелъ здѣсь высшій идеалъ школьнаго устройства въ народной средѣ. Мы не сомнѣваемся въ достигаемыхъ результатахъ, видимъ въ дѣятельности г. Рачинскаго великую заслугу для народной школы; но затѣмъ остается рядъ вопросовъ, которые, какъ намъ кажется, все еще не разрѣшены трудомъ г. Рачинскаго. Этотъ трудъ есть подвижничество, о какомъ мы имѣли случай говорить по поводу книги г. Пругавина. Какъ всякое подвижничество для народнаго блага, этотъ трудъ заслуживаетъ высокаго уваженія; но намъ казалась несбыточной надежда, чтобы этимъ путемъ могла быть обозначена судьба народной школы вообще. Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою соединеніе условій, частое повтореніе которыхъ просто невозможно — по крайней мѣрѣ, надолго невозможно при нынѣшнемъ складѣ русской жизни. Руководителемъ сельской школы является высоко образованный человѣкъ, бывшій профессоръ университета, человѣкъ проникнутый искреннимъ и стойкимъ желаніемъ служить народному благу, и въ довершеніе человѣкъ богатый и вліятельный въ своемъ краѣ. Исключительность этого примѣра бросается въ глаза; другого мы и не знаемъ. Въ обыкновенномъ порядкѣ масса народныхъ школъ совершенно лишена подобныхъ условій и, слѣдовательно, можетъ разсчитывать только на тѣ данныя, матеріальныя и нравственныя, какія имѣются на-лицо. Между прочимъ, такое учебно-воспитательное руководство, какого требуетъ и примѣръ котораго даетъ г. Рачинскій, въ обыкновенныхъ условіяхъ, должно было бы брать на себя сельское духовенство; на нѣчто подобное вѣроятно и разсчитывало учрежденіе церковно-приходскихъ школъ,—извѣстно, къ сожалѣнію, что на дѣлѣ эта цѣль далеко не достигается названными школами. Въ самой книжкѣ мы видимъ, что и г. Рачинскому извѣстенъ фактъ весьма холоднаго отношенія сельскаго духовенства къ народной школѣ.

Г. Рачинскій (какъ нѣкогда гр. Л. Толстой, но болѣе сознательно) высказывается противъ той постановки народно-школьнаго вопроса, какая дѣлалась у насъ съ 60-хъ годовъ и отчасти выполнялась на практикѣ. „Читая наши педагогическія руководства,—говоритъ г. Рачинскій,—прислушиваясь къ толкамъ печати, бесѣдуя о школахъ съ представителями нашей интеллигенціи, постоянно чувствуешь, что рѣчь идетъ не о той сельской школѣ, въ которой приходится намъ трудиться, но о сельской школѣ вообще, о какой-то схемѣ, заимствованной изъ наблюденій надъ школами иностранными, преимущественно нѣмецкими. Но та школа, которая возникаетъ на нашихъ глазахъ, среди народа, глубоко отличающагося отъ всѣхъ прочихъ своимъ прошлымъ, своимъ религіознымъ и племеннымъ характеромъ, своимъ общественнымъ составомъ,—среди обстоятельствъ,

безпримѣрныхъ въ исторіи,—съ этою схемою имѣетъ очень мало общаго... Въ противоположность школамъ западнымъ, наша сельская школа возникаетъ при весьма слабомъ участіи духовенства, при глубокомъ равнодушіи образованныхъ классовъ и правительственныхъ органовъ, изъ потребности *безграмотнаго* населенія дать своимъ дѣтямъ извѣстное образованіе. Въ этомъ ея слабость, въ этомъ и ея сила, въ этомъ ключъ къ объясненію всѣхъ прискорбныхъ и отрадныхъ явленій въ жизни нашихъ сельскихъ школъ".

Нѣсколько бо̀льшая точность не помѣшала бы правильности этого разсужденія. Начать съ того, что совершенно невозможно сказать, чтобы наша сельская школа возникла „при глубокомъ равнодушіи общественныхъ классовъ". Напротивъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ нашей литературѣ (которая и была выраженіемъ мнѣній общественныхъ классовъ) начались оживленные толки о народѣ по поводу готовившагося, а потомъ происходившаго освобожденія крестьянъ, одною изъ главнѣйшихъ темъ стала забота о народномъ образованіи или, скромнѣе, о народной грамотности и слѣдовательно, о народной школѣ. Еще съ 60-хъ годовъ начинается и практическое основаніе сельскихъ школъ людьми (прежними помѣщиками), преданными народному дѣлу, какъ въ то же время въ городахъ основывались воскресныя и безплатныя школы для того же, только городского, народа. Извѣстно, что это было дѣло раньше небывалое; немудрено поэтому, что при этомъ могли быть ошибки, которыя и могли бы исправиться на дѣлѣ, когда на нихъ должна была указать самая практика; но никакъ нельзя сказать, чтобы общественные классы оставались равнодушными къ этому дѣлу. Нѣтъ сомнѣнія, что эти толки о народной школѣ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, выяснявшіе ея необходимость, отразились потомъ на томъ успѣхѣ, какой имѣло школьное дѣло въ дѣятельности земствъ и городскихъ управленій. Школы земскія и городскія несомнѣнно были дѣломъ общественныхъ классовъ и главный контингентъ ихъ воспитанниковъ доставлялся, конечно, народомъ или сельскимъ, или городскимъ. Г. Рачинскій возстаетъ противъ „иностранной схемы", по которой будто бы устроивались наши школы: дѣйствительно, съ тѣхъ по̀ръ, какъ вопросы педагогіи и школы (съ тѣхъ же 60-хъ годовъ) стали въ первый разъ вопросомъ общественнымъ и когда нужно было ознакомиться съ наилучшими пріемами дидактики, иностранные образцы, за скудостью собственныхъ, получили у насъ немалое распространеніе, и если здѣсь также могли бывать ошибки и преувеличенія, то невозможно отвергать въ цѣломъ великой пользы, принесенной этимъ движеніемъ. Если г. Рачинскій говоритъ, что сельская школа должна была развиться изъ самой народной среды, то на первый

разъ это можно было сказать только о школѣ первоначальной,—той, которая можетъ ограничиться закономъ Божіимъ, грамотой и счетомъ; народная среда не давала указаній о томъ, какъ могла бы быть устроена школа болѣе высокаго уровня, а нѣтъ сомнѣнія, что для народа желательна и нужна послѣ элементарной и такая школа съ бо́льшимъ объемомъ преподаванія. Для этой послѣдней и не безполезно было обращаться къ опыту другихъ народовъ, у которыхъ школьное дѣло доведено до большого развитія. Нѣтъ сомнѣнія, что у каждаго народа есть свои особенности, которыя должны отразиться на школѣ: вездѣ прошла своя особенная исторія, результатомъ которой и является современный бытъ; въ разныхъ условіяхъ этого быта складываются различнымъ образомъ и образовательныя потребности народа, но затѣмъ въ вопросахъ обученія есть своя общечеловѣческая сторона, общія свойства ума и воображенія, и съ этой стороны не было никакой опасности руководиться примѣрами иностранной школы.

Исторія нашей народной школы за послѣднее время, вѣроятно, еще не скоро будетъ написана; но людямъ, близко стоящимъ къ этому дѣлу и по собственной иниціативѣ работающимъ надъ школой, нужно было бы не забывать, въ какихъ условіяхъ могли дѣйствовать на этомъ поприщѣ общественные классы; а съ другой стороны по извѣстной формѣ сельской школой, какую идеализируетъ С. А. Рачинскій и за нимъ г. Горбовъ, едва-ли еще можно опредѣлить типъ нашей народной школы вообще, не остающейся на этой элементарной ступени.—А. П.

Въ теченіе августа мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Антисарматикусъ (псевдонимъ). Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ и обратно. Отвѣтъ воинствующимъ тевтонамъ-руссофобамъ. Съ двумя картами. Елисаветградъ, 1891. Стр. 146. Ц. 1 р. 20 к.

Арнольдъ, Ѳ. К. Русскій Лѣсъ. Т. III. Съ 2-мя картами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1891. 8°. XI, 239 и 151 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.

Варзаръ, В. Е. Какой кредитъ намъ нуженъ? Черниговъ, 1891. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника“ Черниговской губ. 38 стр. Ц. 40 к.

В. Н. Витевскій. И. И. Неплюевъ, вѣрный слуга своего отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургскаго края. Біографическо-историческій очеркъ, съ приложеніемъ портрета Неплюева и родословной его потомковъ по прямой линіи. Къ 300 л. юбилею существованія Уральскаго Казачьяго войска. Казань, 1891. 8°. IX, 230 и IV стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Клаусенъ, Э. К., главный садовникъ и преподаватель садоводства въ Импер. Никитскомъ саду, близь Ялты, на южномъ берегу Крыма. Краткій учебникъ огородничества, размноженія растеній и плодоводства, особенно для юга Россіи. Часть III. Плодоводство. Съ 100 рисунками въ текстѣ. Спб. 1891. 8°. 103 стр. Ц. 30 коп.

Коршъ-Кирпичниковъ. Всеобщая исторія литературы. Составлена по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ при участіи русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Начата подъ редакціей В. Θ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXVI. Очеркъ исторіи литературы XIX столѣтія, А. И. Кирпичникова. Спб. 1891. 8°. Стр. 555—714.

Котляревскій, Н. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историко-литературной оцѣнки. Спб. 1891. 8°. II, 295 стр. Ц. 2 руб.

Леонтьевъ, А., народный учитель. Истощеніе почвы и о томъ, какъ поправить ее хорошей обработкой и удобреніемъ. Чтеніе для народа. Спб. 1891. 8°. 32 стр. Ц. ?

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Первое полное изданіе В. Θ. Рихтера подъ редакціею Пав. Ал. Висковатова. Шесть томовъ. 18°. М. 1891. Ц. 3 руб.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. (Приложеніе романовъ къ газетѣ „Свѣтъ", іюль). Спб. 1891. 8°. III и 447 стр.

Надеждинъ, П. П. Опытъ географіи Кавказскаго края. Тула, 1891. Стр. 282, IV и XII. Ц. 2 р.

Посторонній Наблюдатель. Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Нынѣшнее политическое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго. Историко-политическій очеркъ. Изданіе Георгія Фрасера. Спб. 1891. XXIV и 192 стр. Ц. 1 р.

Рачинскій, С. А. Сельская школа. Сборникъ статей, съ предисловіемъ. Н. Горбова. Москва, 1891. XXII и 217 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Салтыковъ, М. Е. (Н. Щедринъ). Полное собраніе сочиненій, т. III. Помпадуры и помпадурши (1863—1873 г.). Невинные разсказы (1857—1863 г.). Изданіе наслѣдниковъ автора. Спб. 1891. 8°. 574 стр. Цѣна по подпискѣ на 12 томовъ—20 р., съ перес. 22 р. 50 к. Каждый томъ—2 р., съ перес. 2 руб. 20 коп.

Семевскій, М. И. Архивъ князя Θ. А. Куракина, издаваемый имъ подъ редакціею М. И. С. Книга вторая. Спб. 1891. 8° XXVIII и 451 стр. Ц. 3 р., а на веленевой бумагѣ 4 р.

Соловьевъ, Владиміръ. Національный вопросъ въ Россіи. Выпускъ второй. Спб. 1891. 8° VII и 393 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Харузинъ, Алексѣй. Библіографическій указатель статей, касающихся этнографіи Киргизовъ и Каракиргизовъ съ 1734 по 1891 г. (Оттискъ изъ 8-й кн. „Этнографическаго Обозрѣнія"). М. 1891. 8°. 68 стр.

Харузинъ, Алексѣй. Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнографическій очеркъ). Выпускъ второй. Часть первая. (Извѣстія Импер. Общества любителей Естеств., Антропологіи и Этнографіи, при Московск. университетѣ. Томъ LXXII. Труды Антроп. отдѣла. Томъ XIV, выпускъ 1-й). М. 1891. 4°. II, III, II стр.; 824 столбца, LII и 20 столб. съ картами и рисунками. Ц. 4 р.

Шершеневичъ, Г. Ф. Авторское право на литературныя произведенія. Казань, 1891. 8°. 313 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Шустеръ. Когда сифилитики могутъ вступить въ бракъ? Д-ра Schuster'a въ Аахенѣ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія 1890 года. Доктора медицины А. М. Гольберга, ординатора Спб. Калинкинской больницы. Спб. 1891. 8°. 30 стр. Ц. 30 к.

Ясенскій, П. П. Учебникъ зоологіи. Часть I. Позвоночныя. Съ 190 рисунками въ текстѣ. Изд. 4-ое. Спб., 1891. Стр. 224. Ц. 1 р. 25 к.

— Виды на урожай въ Полтавской губ. въ 1891 г. (въ іюнѣ). По сообщеніямъ корреспондентовъ Полтавскаго статистическаго бюро. Полтава. 1891. вып. 36.

— Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности. 1891 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ I. Спб. 1891. 8°. XIV и 101 стр.

— Дѣло объ отравленіи потомственнаго почетнаго гражданина Максименко. Спб. 1891. Мал. 8°. 294 стр. Ц. 80 коп.

— Жива Старина. Етнографическо (фолклорно) изучвание на видинско, кулско, бѣлоградчишко, ломско, берковско, орѣховско и врачанско. Книга пьрва. Вѣрванията или суевѣрията на народа. Отъ Д. Мариновъ. Руссе, 1891. 8°. XX, 189 стр. Цѣна 2 лева.

— Народное образованіе въ Одессѣ, въ вѣденіи городского общественнаго управленія (1873—1889 г.). Составлено Статистическимъ бюро при Одесской городской управѣ. Изданіе Одесскаго Городскаго Общественнаго Управленія. Одесса, 1891. 8°. 88 стр., съ планомъ города и таблицами.

— Наши законы о крушеніяхъ и о помощи на водахъ. Спб. 1891. 8°. VI и 167 стр.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1890 г. по сообщеніямъ корреспондентовъ. Полтава. 1891 г., стр. 385+XIV.

— Сборникъ статистическихъ свѣденій по Тамбовской губ. Т. XVI. Частное землевладѣніе Кирсановскаго уѣзда. Изд. Тамбовск. Губерн. Земства. Тамбовъ. 1891. с. 304+366.

— Сборникъ Херсонскаго Земства 1891 г. № 5. Херсонъ. 1891 г., стр. 38+114+48.

— Статистическое бюро Рязанскаго губерн. земства. Рязанская губернія въ сельско-хозяйств. отношеніи по свѣденіямъ, полученнымъ отъ корреспондентовъ за 1891 г. Вып. 1, весенній обзоръ. Рязань, 1891 г., стр. 70+VI.

— Отчетъ совѣта Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1890 годъ. Томскъ, 1891. 16°. 69 и 34 стр.

— Труды четвертаго Археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани, съ 31 іюля по 18 августа 1877 года. Томъ второй. Казань, 1891. 4°. XII, 300, 20, 24, 6, 18, 4, 73 стр. Цѣна, съ атласомъ, 10 руб.; за оба тома, съ атласомъ, 12 руб.

— Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ, 1891. 8°. 34, 182 и 227 стр. Ц. 2 р. 50 к., за пересылку прилагается 25 к.

— Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. Moscou, 1891. 12°. V и 51 стр. Ц. 40 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

La philosophie du siècle. Criticisme—Positivisme—Evolutionisme. Par *E. de Roberty.* Paris, 1891. Стр. 234.

Г-нъ Евг. де-Роберти принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ писателей, которые работаютъ больше для европейской литературы, чѣмъ для русской: его труды по соціологіи и философіи доставили ему почетную извѣстность между заграничными учеными, но подвергались иногда рѣзкой критикѣ у насъ. Съ особенною непріязненностью относится къ нему почему-то г. В. Лесевичъ, который въ недавнемъ своемъ трактатѣ о научной философіи нападаетъ на его литературную дѣятельность въ выраженіяхъ, далеко переходящихъ за предѣлы обыкновеннаго теоретическаго спора. Содержаніе трудовъ г. де-Роберти не даетъ ни малѣйшаго повода къ подобной полемикѣ: оно касается вопросовъ вполнѣ отвлеченныхъ, отличается объективнымъ спокойствіемъ тона и свидѣтельствуетъ о большой любви къ дѣлу, о добросовѣстномъ стремленіи найти истину среди разнообразныхъ философскихъ теорій. Книга г. де-Роберти преслѣдуетъ ту же цѣль, какъ и сочиненіе г. Лесевича: оба автора поставили себѣ задачей опредѣлить, что̀ такое научная философія и чѣмъ она должна быть; оба они признаютъ несостоятельность или недостаточность ученій Огюста Конта и Герберта Спенсера; оба находятъ, что господствующая нынѣ эволюціонная доктрина имѣетъ метафизическій характеръ (даже „мистическій“, какъ полагаетъ г. Лесевичъ); наконецъ, оба даютъ лишь неясное представленіе о томъ, чѣмъ должна быть философія и каковы ея задачи въ будущемъ. Г. Лесевичъ придаетъ большое значеніе взглядамъ новыхъ нѣмецкихъ мыслителей, отчасти второстепенныхъ и мало извѣстныхъ; г. де-Роберти не обращаетъ вниманія на эту спеціальную нѣмецкую литературу и довольствуется общею характеристикою и оцѣнкою трехъ главныхъ философскихъ школъ настоящаго столѣтія—критической, позитивной и эволюціонной. Г. Лесевичъ подробно знакомитъ читателя съ современнымъ движеніемъ и состояніемъ философской литературы, особенно въ Германіи; г. де-Роберти интересуется лишь главными чертами спорныхъ проблемъ въ томъ видѣ, какъ онѣ разработаны Кантомъ, Огюстомъ Контомъ

и Спенсеромъ. Самый предметъ охваченъ шире у г. де-Роберти, чѣмъ у г. Лесевича; но въ общихъ воззрѣніяхъ ихъ нѣтъ принципіальной разницы.

Сочиненіе г. де-Роберти о „философіи нашего вѣка" имѣетъ тѣсную связь съ двумя предшествовавшими его работами—о „прошедшемъ философіи" и о „непознаваемомъ" („L'ancienne et la nouvelle philosophie" и „L'inconnaissable, sa métaphysique, sa psychologie"). Авторъ старается объяснить ходъ развитія философскихъ системъ въ связи съ общимъ умственнымъ движеніемъ человѣческихъ обществъ; онъ указываетъ на отдаленные корни современныхъ доктринъ и выставляетъ на видъ внутреннее ихъ родство, несмотря на кажущіяся противоположности. Критическая философія Канта, позитивное міросозерцаніе Огюста Конта и доктрина эволюціи Спенсера образовались изъ тѣхъ же элементовъ—изъ старыхъ теорій идеализма, матеріализма и сенсуализма; всякая метафизика, по мнѣнію автора, проходитъ одинаково три фазиса развитія, обозначаемые этими тремя терминами. Такая послѣдовательность замѣчается и въ умственныхъ движеніяхъ нашего вѣка. „Девятнадцатое столѣтіе открылось философіею Канта и сопутствовавшими ей системами германскаго идеализма; затѣмъ является позитивизмъ, рожденный во Франціи подъ непосредственнымъ вліяніемъ отрицательныхъ доктринъ прошлаго вѣка, и одновременно съ нимъ получаетъ господство откровенный матеріализмъ мыслителей-натуралистовъ, которые большею частью, особенно въ Германіи, просто повторяютъ руководящія идеи XVIII-го столѣтія. Наконецъ, выступаетъ на сцену философія, примиряющая обѣ предшествующія системы,—эволюціонизмъ Дарвина и Спенсера, опирающійся на біологическія основы и имѣющій своимъ исходнымъ пунктомъ сенсуализмъ". Авторъ обстоятельно разбираетъ существенныя особенности каждой изъ этихъ трехъ философскихъ системъ, отмѣчая ихъ внутреннія противорѣчія и ошибки. Критическія замѣтки и разсужденія г. де-Роберти вообще интересны и поучительны. Оригинальную сторону взглядовъ автора составляетъ рѣшительное отрицаніе того принципа, что человѣческому уму поставлены предѣлы, за которыми лежитъ область „непознаваемаго". Авторъ не признаетъ этихъ предѣловъ и видитъ въ нихъ только вредный остатокъ метафизическихъ заблужденій; онъ вѣритъ въ неограниченныя силы человѣческой мысли, которая постепенно раздвигаетъ и расширяетъ кругъ наблюденія и обобщенія, устраняя преграды, считавшіяся въ прежнее время неодолимыми. „Будемъ искать истину,—говоритъ г. де-Роберти,—и она разорветъ завѣсу и нанесетъ окончательный ударъ этой догмѣ необходимаго незнанія, неподвижнаго и абсолютнаго. Эта истина уже показывается на горизонтѣ, она отно-

сится къ недостаточно изученному еще кругу фактовъ и принадлежитъ наукѣ, трудные роды которой занимаютъ теперь всѣхъ мыслителей... Успѣхи точной психологіи приведутъ насъ постепенно къ тому, что̀ въ глазахъ многихъ современныхъ умовъ кажется логическою и нравственною невозможностью".

Философія, по мнѣнію автора, должна существовать и развиваться рядомъ съ наукою, какъ особый и самостоятельный видъ знанія; она опирается на науку и связана съ нею, составляя какъ бы высшую ея форму, но она не должна смѣшиваться съ нею. Философія должна имѣть также свой особый методъ и свои пріемы разсужденія и доказательства; но чѣмъ будутъ отличаться эти особые пріемы отъ господствующихъ нынѣ и будутъ ли они имѣть такія гарантіи истинности, какъ способы изслѣдованія положительныхъ наукъ,—объ этомъ авторъ говоритъ еще только намеками. Быть можетъ, болѣе точныя и подробныя разъясненія по этому важному предмету будутъ сдѣланы въ дальнѣйшихъ трудахъ автора, когда дѣло дойдетъ до разработки положительной части той философской программы, которую, повидимому, составилъ себѣ г. де-Роберти. „Способности человѣка,— замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—не могутъ быть отдѣлены одна отъ другой. Когда онѣ имѣютъ непосредственно въ виду полезное дѣйствіе, господство надъ природою, онѣ производятъ науку. Когда онѣ косвенно преслѣдуютъ ту же цѣль, подчиненную ихъ свободному вліянію и развитію, то онѣ порождаютъ искусство. Наконецъ, когда онѣ ставятъ себѣ задачею нѣчто среднее между непосредственною пользою науки и косвенною пользою искусства, участвующее въ обоихъ родахъ дѣятельности и облегчающее переходъ отъ одной къ другой, или, однимъ словомъ, когда онѣ распредѣляютъ и объединяютъ данныя науки,—онѣ создаютъ философію". Въ этихъ и подобныхъ замѣчаніяхъ, конечно, не обрисовывается еще съ достаточною ясностью назначеніе философіи, какъ самостоятельной отрасли человѣческаго знанія.

II.

Les idées morales du temps présent, par *Edouard Rod*. Paris, 1891. Стр. 318.

Въ книгѣ Эдуарда Рода собраны критическіе этюды о писателяхъ, представляющихъ собою различныя нравственныя теченія въ современной Франціи; къ числу этихъ писателей отнесенъ и нашъ гр. Л. Н. Толстой. По мнѣнію автора, упадокъ старыхъ традицій и торжество односторонняго индивидуализма, въ связи съ безусловной вѣрой въ прогрессъ, привели къ нравственному разладу и пессимизму; умы

раздѣлились, — одни дѣйствовали отрицательно, разрушая прежнія основы жизни, а другіе пытались создавать нѣчто положительное. Во главѣ первыхъ поставленъ Ренанъ, лучшій выразитель утонченнаго скептицизма, имѣвшій громадное вліяніе на французскую интеллигенцію, начиная съ пятидесятыхъ годовъ; къ этому скептическому направленію примыкаетъ другое—пессимистическое, получившее популярность подъ именемъ философіи Шопенгауэра, хотя послѣдняя понималась большей частью въ извращенномъ видѣ. Поверхностная вѣра въ науку породила натурализмъ въ беллетристикѣ, съ его глашатаемъ Эмилемъ Зола̀. Противъ этихъ отрицательныхъ направленій возникла реакція, которой отчасти способствовали русскіе романисты, пріобрѣвшіе большой успѣхъ во Франціи. „Если романы Тургенева, Достоевскаго и Толстого— говоритъ авторъ—нашли неожиданно сочувственный пріемъ среди читателей Гонкура и Зола̀; если авторы ихъ сдѣлались руководителями новаго поколѣнія, наравнѣ съ національными писателями; если эти книги съ странными заглавіями и съ варварскими именами пріобрѣли себѣ мѣсто въ нашей литературѣ, то только потому, что русскіе явились въ свое время, что они отвѣчали глубокой потребности французскихъ читателей, которая не сознавалась или оставлялась безъ вниманія нашими модными беллетристами“.

Авторъ весьма высоко ставитъ не только художественныя произведенія графа Л. Н. Толстого, но и его нравственныя и философскія теоріи; онъ находитъ въ нихъ строгую логическую послѣдовательность и убѣдительную силу, причемъ имѣетъ однако въ виду только общія начала его проповѣди, не вдаваясь въ разборъ его практической морали. Большинство французскихъ почитателей Льва Толстого, какъ романиста, считаетъ его проповѣдническую дѣятельность простою эксцентричностью или продуктомъ личной наклонности къ мистицизму; но такой взглядъ отвергается Эдуардомъ Родомъ, какъ совершенно произвольный и несправедливый. Въ качествѣ моралиста, гр. Толстой съ одной стороны наблюдаетъ, указываетъ на существующее зло въ обществѣ и въ жизни отдѣльныхъ лицъ; съ другой стороны, онъ отыскиваетъ и предлагаетъ способы борьбы со зломъ. При оцѣнкѣ этихъ попытокъ авторъ повидимому руководствовался только нѣкоторыми изъ произведеній гр. Л. Н. Толстого, такъ что и характеристика вышла неполная. Болѣе интересны этюды о Полѣ Буржѐ и Жюлѣ Леметрѣ, отражающихъ въ себѣ неопредѣленное, переходное нравственное состояніе французскаго общества; остальные этюды посвящены Ренану, Шопенгауэру, Эмилю Зола̀, Эдмонду Шереру, Дюма-сыну, Брюнетьеру и виконту де-Вогюэ.—Л. С.

ЗАМѢТКА.

По поводу новаго изданія, въ нѣмецкомъ переводѣ, полнаго собранія сочиненій гр. Л. Н. Толстого, въ XIII томахъ.

Въ нѣмецкой литературѣ давно уже появлялись переводы отдѣльныхъ сочиненій гр. Л. Н. Толстого, но всѣ они представляютъ важный недостатокъ для иностраннаго читателя: они дѣлались при очевидномъ посредствѣ французскихъ переводовъ и совершенно произвольно сокращались самими переводчиками. Одна изъ крупныхъ книгопродавческихъ фирмъ Берлина предприняла въ настоящее время изданіе полнаго собранія сочиненій (Leo N. Tolstoj's Gesammelte Werke, vom Verfasser genehmigte Ausgabe, v. Raphael Löwenfeld, in 95 Liefer. oder in 13 Bänden), по послѣднему русскому изданію, и поручила это дѣло лицу хорошо знакомому съ языкомъ подлинника. Для насъ такое предпріятіе имѣетъ только то значеніе, что, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ сочиненій гр. Л. Толстого, появится въ свѣтъ обширная біографія автора, какой до сихъ поръ не было и у насъ, подъ заглавіемъ: „Leo N. Tolstoj. Sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung",—составленная переводчикомъ. Судя по объявленіямъ, въ скоромъ времени должна выйти въ свѣтъ первая часть этой біографіи. Но нѣкоторое понятіе объ ея содержаніи и внутреннемъ значеніи можно имѣть уже теперь, благодаря тому обстоятельству, что біографъ познакомилъ будущихъ своихъ читателей съ тѣми приготовленіями къ предпринимаемому имъ труду, какія онъ сдѣлалъ прежде, нежели приступилъ къ самому изданію. Такой пріемъ біографа придастъ, конечно, чрезвычайно важное значеніе всему его труду. Окончивъ біографію по тѣмъ книжнымъ источникамъ, какіе можно было найти въ русскихъ журнальныхъ статьяхъ, замѣткахъ, воспоминаніяхъ, письмахъ, наконецъ—въ самихъ произведеніяхъ гр. Толстого, гдѣ встрѣчаются факты изъ жизни автора,—біографъ предпринялъ путешествіе въ Ясную Поляну, съ цѣлью провѣрить свой трудъ и дополнить его самымъ компетентнымъ образомъ. Очерки этого путешествія появились въ печати еще весною нынѣшняго года, подъ заглавіемъ: „Gespräche über und mit Tolstoj", v. R. Löwenfeld (Berl. 1891, стр. 122), и благодаря имъ, читатель уже теперь можетъ знать о степени фактической достовѣрности, какую должна представить имѣющая вскорѣ явиться на нѣмецкомъ языкѣ біографія

одного изъ первоклассныхъ нашихъ писателей. Во многихъ случаяхъ она, оказывается, можетъ имѣть все значеніе автобіографіи.

Какъ видно изъ этихъ очерковъ путешествія въ Ясную Поляну, авторъ не упустилъ случая, еще при проѣздѣ чрезъ Москву, сблизиться и побесѣдовать въ Москвѣ съ лицами, хорошо знакомыми съ гр. Л. Толстымъ; такъ, онъ многое узналъ отъ г. В., большого почитателя гр. Толстого и связаннаго съ нимъ дружбою; отъ него же онъ получилъ и рекомендацію въ Ясную Поляну. На обратномъ пути г. Лёвенфельдъ посѣтилъ московскій домъ, гдѣ въ послѣднее время гр. Толстой проводилъ зиму,—чтобы видѣть домашнюю обстановку его городской жизни.

Вотъ какъ описываетъ г. Лёвенфельдъ свой пріѣздъ въ Ясную Поляну:

„Графъ Толстой сидѣлъ на верандѣ, когда я подъѣхалъ къ дому въ моей телѣжкѣ. Предъ нимъ стоялъ на простомъ столѣ гигантскій самоваръ. Съ графомъ сидѣлъ какой-то господинъ, съ которымъ я послѣ познакомился; это былъ генералъ Стаховичъ. Безъ всякихъ формальностей, но весьма любезно привѣтствовалъ меня хозяинъ и усадилъ подлѣ себя слѣва.

„— Вы намѣрены у насъ погостить,—сказалъ онъ:—г. В. предупредилъ насъ о томъ, и мы очень рады вашему посѣщенію. У насъ бываетъ много иностранцевъ,—прибавилъ онъ, нисколько не ударяя на томъ и безъ всякаго намѣренія намекнуть, что все это—его почитатели. Нашъ разговоръ очень скоро перешелъ затѣмъ на то, что̀ составляло настоящую цѣль моего путешествія.

„— Итакъ, вы желаете имѣть нѣкоторыя свѣденія изъ моей біографіи! Я отношусь ко всему этому довольно безразлично. Но моя жена и мои дѣти сообщатъ вамъ все, что̀ вы потребуете... А что̀ это у васъ такое съ собой?—Я показалъ графу толстѣйшую рукопись, которую привезъ съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ дополнить ее и въ случаѣ надобности исправить“...

Эта рукопись и была та черновая біографіи гр. Л. Н. Толстого, о которой мы упомянули выше.

Авторъ брошюры провелъ нѣсколько дней въ гостяхъ у гр. Толстого; нѣкоторыя черты изъ личныхъ бесѣдъ съ самимъ хозяиномъ и членами его семьи, а также замѣтки о всемъ, что̀ удалось ему видѣть или услышать—внесены въ текстъ брошюры и, вѣроятно, послужатъ впослѣдствіи канвою для болѣе подробнаго развитія ихъ въ біографіи, а потому мы здѣсь ограничимся только тѣмъ, что̀ можетъ объяснить отношеніе самого біографа къ избранной имъ задачѣ. Ему, какъ мы видѣли, надобно было провѣрить фактическую сторону исполненнаго уже имъ труда,—и надобно сказать, что судьба была къ нему особенно благо-

склонна: рѣдко біографъ имѣетъ возможность найти для себя такую надежную опору, какую авторъ брошюры нашелъ въ дневникѣ, веденномъ графинею Софьей Андреевной за много лѣтъ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ о томъ.

„Утромъ въ четвергъ графиня вышла раньше обыкновеннаго. Она явилась за своимъ столомъ, подъ большимъ деревомъ, съ толстыми тетрадями въ рукахъ; прикоснуться къ нимъ она не позволяетъ никому. Графиня выразила желаніе, насколько то возможно, сама прочесть мнѣ все отъ перваго до послѣдняго слова... Семь часовъ мы просидѣли надъ дневникомъ, и только колоколъ, призывавшій къ обѣду, прервалъ нашу работу“...

Въ брошюрѣ авторъ останавливается только на одномъ обстоятельствѣ, которое особенно и вмѣстѣ пріятно удивило его. Онъ зналъ, что въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ графъ Толстой сдѣлалъ большое заграничное путешествіе, но нигдѣ не могъ найти никакихъ подробностей о немъ; а именно это-то онъ и услышалъ при чтеніи дневника. 27-го мая ст. ст., графъ Л. Н. Толстой выѣхалъ за границу изъ Петербурга на Штеттинъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ онъ слушалъ лекціи историка Дройзена и Дюбуа-Реймонда; главнымъ предметомъ его вниманія служили мѣста заключенія въ Моабитѣ, близь Берлина, и рабочіе „ферейны“ съ чтеніями на нихъ самыхъ разнообразныхъ лекцій, имѣвшихъ цѣлью народное просвѣщеніе. Графъ познакомился тамъ же съ извѣстнымъ педагогомъ Дистервегомъ, но остался имъ недоволенъ. Въ Дрезденѣ онъ посѣщалъ преимущественно народныя школы и встрѣтился съ Ауэрбахомъ, произведенія котораго особенно любилъ, такъ какъ они имѣли своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, народную жизнь. Затѣмъ послѣдовала экскурсія въ Гарцъ и посѣщеніе Эйзенаха и Вартбурга. По поводу послѣдняго въ дневникѣ стоитъ характерная и столь же лаконическая отмѣтка— всего три слова: „Лютеръ—великій человѣкъ!“ Въ іюлѣ онъ прибылъ въ Киссингенъ, конечно, съ гигіеническою цѣлью, но и тутъ случай свелъ его съ лицомъ, которое могло представить ему особый интересъ—онъ познакомился съ другимъ педагогомъ, Фрёбелемъ. Осень графъ провелъ, путешествуя по Швейцаріи, Италіи, и чрезъ Марсель отправился въ Парижъ; былъ потомъ въ Лондонѣ и Брюсселѣ, гдѣ видѣлся съ Прудономъ и Лелевелемъ. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ явился снова въ Германію и направился въ Веймаръ и Іену, гдѣ его вниманіе обращено было особенно на „дѣтскіе сады“ и физическое воспитаніе дѣтей младшаго возраста.

Въ дневникѣ, 1877 и 1878 годы выдѣлены, какъ время перелома въ жизни нашего великаго писателя и составляютъ особый ея періодъ съ особымъ заглавіемъ. Авторъ брошюры ограничился помѣ-

щеніемъ въ ней только одного устнаго объясненія, какое онъ получитъ, по поводу этого новаго періода, отъ самой гр. Софьи Андреевны, и, конечно, оно будетъ повторено послѣ и въ самой біографіи, а потому теперь было бы неумѣстно приводить такое объясненіе къ фактическому изложенію дѣла, не вошедшему въ текстъ брошюры.

Мы, впрочемъ, остановились здѣсь вообще только на томъ, что въ упомянутой брошюрѣ можетъ характеризовать отношеніе біографа гр. Л. Н. Толстого къ лицу, жизнь котораго онъ взялъ на себя изложить намъ. Еще разъ повторимъ, въ заключеніе, что рѣдко на долю біографа выпадаетъ такой счастливый случай, какой выпалъ на долю переводчика на нѣмецкій языкъ полнаго собранія сочиненій гр. Л. Н. Толстого; онъ, можно сказать по его же словамъ, былъ поставленъ совершенно въ исключительное положеніе, но это только возлагаетъ на него и исключительныя обязанности, между которыми мы поставили бы на первое мѣсто—объективность: она легко избавитъ его отъ возможныхъ преувеличеній, въ которыхъ, впрочемъ, и не нуждается жизнь такого лица, какъ гр. Л. Н. Толстой, чтобы вызвать всеобщее вниманіе къ первому, болѣе подробному и обстоятельному его жизнеописанію.

Такія „преувеличенія" мы успѣли уже замѣтить и въ самой брошюрѣ, гдѣ послѣднія двѣ-три страницы авторъ посвящаетъ оцѣнкѣ (съ своей стороны) дѣятельности гр. Толстого и опредѣленію существеннаго ея значенія. Правда, онъ говоритъ, что это значеніе нельзя „ни взвѣсить, ни оцѣнить" (seine Bedeutung ist eine unwägbare und unschätzbare); но тѣмъ не менѣе онъ попытался однако сдѣлать и то, и другое; только, къ сожалѣнію, ему удалось все это не иначе, какъ при помощи имъ же созданныхъ взглядовъ на общій ходъ и современное состояніе нашей культуры, нерѣдко, впрочемъ, повторяемое иностранными писателями о Россіи: „одна часть умственной аристократіи въ странѣ,—говоритъ онъ,—хотя и проникнута серьезнымъ чувствомъ національности, но совершенно оторвана (?) отъ національнаго міровоззрѣнія (въ чемъ оно состоитъ, по понятіямъ автора —это неизвѣстно), вслѣдствіе вліянія на нее западно-европейскаго образованія; для нея русскія преданія (какія?) не имѣютъ, на какомъ бы то ни было поприщѣ жизни, никакого значенія. Другая часть умственной аристократіи съ задорнымъ упорствомъ (mit chauvinistischer Halsstarrigkeit) вовсе отрицаетъ значеніе западно-европейской образованности и держится безъ всякой критики за старину"... Народныя же массы, по представленію автора брошюры, пребываютъ еще во мракѣ, безъ всякаго просвѣта. Опроверженіе послѣдняго положенія авторъ можетъ найти безъ труда въ собственной же брошюрѣ; а иначе онъ въ своемъ трудѣ никакъ не выйдетъ изъ того

необъяснимаго противорѣчія, въ какое онъ впалъ уже въ своихъ заключительныхъ словахъ: съ одной стороны, по мнѣнію автора, все общественное значеніе дѣятельности гр. Толстого и состоитъ въ томъ, что онъ „первый" (der Erste) понялъ необходимость внести свѣтъ въ умственную темноту народныхъ массъ, а съ другой стороны—онъ же считаетъ необходимымъ учиться у этихъ самыхъ народныхъ массъ. Что же касается до раздѣленія авторомъ только на двѣ группы нашей „умственной аристократіи", то авторъ, повидимому, даже не сознаетъ того, что онъ говоритъ о какихъ-то крайностяхъ, и повторяетъ о нихъ только то, какъ сами эти крайности могутъ отзываться другъ о другѣ, при чемъ авторъ, конечно, воображаетъ, что онъ исчерпываетъ нашу интеллигенцію вполнѣ.

М. Ш.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1891.

Новыя мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія.—Сравненія между прошедшимъ и настоящимъ.—Удары, мимоходомъ наносимые земству.—Границы правительственной помощи.—Необходимость расширенія общественной помощи голодающимъ.—Земскія новости.—Два курьезныхъ „прожекта".

Продовольственный вопросъ все больше и больше обращаетъ на себя общее вниманіе, и это не можетъ быть иначе, потому что давно уже бѣдствія, сопряженныя съ недородомъ хлѣба, не разражались надъ Россіей въ такихъ размѣрахъ, какихъ они достигли въ нынѣшнемъ году. Въ 1867, въ 1874, въ 1880 гг. районъ неурожая не былъ такъ великъ, не захватывалъ такъ много черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній. Интенсивность зла была, быть можетъ, не менѣе значительна, но оно было заключено въ болѣе тѣсные предѣлы. Отсюда усиленная, сравнительно съ прежними неурожайными годами, энергія мѣръ, принимаемыхъ центральною властью—энергія, выразившаяся, между прочимъ, въ временномъ запрещеніи вывоза за границу ржи въ зернѣ, ржаной муки и отрубей всякаго рода. Въ какой степени это запрещеніе достигнетъ цѣли—опредѣлить съ точностью еще нельзя. Непосредственнымъ его послѣдствіемъ было не пониженіе, а повышеніе цѣнъ на рожь, въ Одессѣ, напримѣръ, дошедшее почти до 50% (съ 1 руб. 20 коп. цѣнность пуда ржи поднялась, въ первыхъ числахъ августа, до 1 руб. 75 коп.). Есть, однако, основаніе надѣяться, что за повышеніемъ цѣнъ наступитъ обратное движеніе и что увеличеніе количества ржи, остающейся въ предѣлахъ государства [1]), повлечетъ за собою, въ концѣ концовъ, нѣкоторое ея удешевленіе. Тому же результату будетъ способствовать, безъ сомнѣнія, и совокупность распоряженій, имѣющихъ цѣлью облегчить и удешевить подвозъ ржи и ея суррогатовъ въ мѣстности, пострадавшія отъ неурожая. Не въ этомъ, однако, заключается центръ тяжести вопроса. На сколько бы ни понизилась цѣнность ржи (а очень значительнымъ пониженіе едва ли будетъ), она оста-

---

[1]) По приблизительному разсчету профессора Исаева („Новости", № 223), это увеличеніе можетъ составить до десяти милліоновъ четвертей—цифра не особенно большая въ сравненіи съ количествомъ ржи, потребнымъ для продовольствія и обсѣмененія. Оно опредѣляется оффиціально, для 50 губерній европейской Россіи, почти въ 1.000 милліоновъ пудовъ, т.-е. болѣе чѣмъ въ сто милліоновъ четвертей.

нется слишкомъ высокой для массы нуждающагося. населенія. Во многихъ губерніяхъ чрезвычайныя земскія собранія опредѣлили уже размѣръ пособій, необходимыхъ для обсѣмененія и продовольствія. Цифра этихъ пособій значительно превышаетъ сумму наличныхъ продовольственныхъ капиталовъ, мѣстныхъ и общеимперскаго. Помощь отчасти обѣщанная, отчасти уже оказанная, далеко не достигнетъ предѣловъ, намѣченныхъ земскими ходатайствами, если только къ обыкновеннымъ ея источникамъ не будутъ присоединены чрезвычайные, отчасти въ видѣ общественныхъ работъ, уже теперь проектируемыхъ администраціей и земствами, отчасти въ видѣ отсрочки и разсрочки государственныхъ сборовъ, отчасти, наконецъ, въ видѣ займа, спеціально предназначеннаго на удовлетвореніе нуждъ населенія. Затрудненія, встрѣчаемыя земскими ходатайствами, коренятся именно въ недостаткѣ средствъ, которыми располагаетъ правительство. Изъ числа категорій и группъ, въ пользу которыхъ испрашивается пособіе, исключаются такія, для которыхъ оно безусловно необходимо. Такъ, напримѣръ, по саратовской губерніи разрѣшено выдавать пособіе только на обсѣмененіе надѣльныхъ земель, а не земель арендуемыхъ. Эта оговорка, по справедливому замѣчанію саратовскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", отзовется чрезвычайно тяжело на крестьянахъ, владѣющихъ такъ называемыми нищенскими (даровыми) надѣлами и пополняющихъ недостатокъ собственной земли наймомъ полей у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Трудно будетъ настоять до конца на другомъ ограниченіи, также встрѣчающемся въ отвѣтахъ на земскія ходатайства—на устраненіи изъ числа получающихъ пособіе всего рабочаго (по возрасту) населенія нуждающихся мѣстностей. Рабочая плата въ этихъ мѣстностяхъ уже теперь упала весьма низко; общественныя работы, какъ бы широко онѣ ни были организованы, не обезпечатъ всѣхъ сидящихъ безъ хлѣба. Рано или поздно придется расширить рамки, установляемыя въ настоящую минуту, и неизбѣжность такого расширенія лучше признать заблаговременно, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ постоянно увеличивающеюся нуждою.

Найти средства для устраненія голода и правильно распредѣлить ихъ между губерніями, которымъ онъ угрожаетъ—это первая задача, зависящая преимущественно отъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій. Затѣмъ наступаетъ вторая, не менѣе трудная,—это правильное распредѣленіе пособій между отдѣльными мѣстностями и отдѣльными лицами. Опытъ прежнихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ о томъ, что успѣшному исполненію этого дѣла препятствуетъ недостатокъ лицъ, настолько близкихъ къ населенію, чтобы знать каждую деревню, каждую семью, каждаго домохозяина, и настолько добросо-

вѣстныхъ и развитыхъ, чтобы честно и умѣло пользоваться своимъ знаніемъ. Устраненъ ли этотъ недостатокъ теперь въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскіе начальники? По мнѣнію „Гражданина" и его единомышленниковъ—устраненъ безусловно: земскій начальникъ все разъяснитъ, все сдѣлаетъ или все прикажетъ сдѣлать. Мы не раздѣляемъ этой увѣренности. Близко присмотрѣвшись къ продовольственному дѣлу въ одной изъ юго-восточныхъ губерній, во время неурожая 1880 г., мы пришли къ убѣжденію, что одному лицу, да еще обремененному множествомъ другихъ обязанностей, невозможно справиться какъ слѣдуетъ съ райономъ сколько-нибудь обширнымъ—напримѣръ, съ нѣсколькими волостями. Организація помощи не оставляла желать ничего лучшаго только тамъ, гдѣ земская управа располагала значительнымъ числомъ помощниковъ, непосредственно соприкасающихся съ населеніемъ. Безспорно, земскій начальникъ, дѣйствуя въ союзѣ и единеніи съ земствомъ, можетъ оказать ему существенно-важныя услуги, но онъ не можетъ знать одинаково хорошо всѣ мѣстности, входящія въ составъ его участка, не можетъ слѣдить съ одинаковымъ вниманіемъ за деревнями, расположенными вокругъ его имѣнія, и деревнями, отстоящими отъ него верстъ на пятьдесятъ и болѣе. Возьмемъ для примѣра хвалынскій и вольскій уѣзды саратовской губерніи. Въ первомъ изъ нихъ 23 волости, во второмъ—27; земскихъ участковъ и тамъ, и тутъ по шести. На каждаго земскаго начальника приходится, слѣдовательно, по четыре волости или даже больше, а разстоянія между поселеніями довольно велики; самыя поселенія обширны и многолюдны. Не ясно ли, что земскій начальникъ, даже самый усердный, не можетъ быть для каждой волости тѣмъ, чѣмъ былъ бы для нея избранный ею, при участіи всѣхъ сословій, волостной старшина, человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова *свой*, каждому въ волости знакомый и каждаго знающій? [1]) Значеніе всесословной волости становится особенно очевиднымъ именно въ эпоху общественнаго бѣдствія, когда усиливается потребность въ попеченіи о народѣ, въ посредникахъ между крестьянской массой и органами управленія и самоуправленія.

У насъ въ послѣднее время сильно развивается наклонность хвалить настоящее въ ущербъ недалекому прошлому—или, что все равно, хулить это прошлое ad majorem gloriam настоящаго. Матеріаломъ для такихъ параллелей служатъ, между прочимъ, и правительственныя распоряженія по продовольственному вопросу. Конечно, опытъ

[1]) Въ хвалынскомъ уѣздѣ трое изъ числа земскихъ начальниковъ утверждены, трое—назначены; въ вольскомъ уѣздѣ утвержденъ одинъ, назначено трое (двѣ вакансіи къ 1 августа не были еще замѣщены). О различіи между утвержденными и назначенными земскими начальниками см. выше—Внутреннее Обозрѣніе.

многихъ лѣтъ развиваетъ предусмотрительность, уменьшаетъ шансы ошибокъ; конечно, усовершенствованные, съ легкой руки земства, пріемы собиранія статистическихъ данныхъ позволяютъ раньше сигнализировать опасность и точнѣе разсчитать средства борьбы и самозащиты; конечно, предубѣжденіе противъ гласности въ вопросахъ „нейтральныхъ", т.-е. не имѣющихъ никакого отношенія къ „политикѣ", потеряло часть своей старинной силы; но изъ всего этого еще не слѣдуетъ, чтобы отъ сравненія между прежними неурожайными годами и нынѣшнимъ получалось — какъ выражается одна газета — „впечатлѣніе огромной разницы въ пользу нашего времени со стороны энергіи и развитія государственной и общественной дѣятельности". Мы видѣли уже, чѣмъ обусловливается энергія нынѣшнихъ правительственныхъ и земскихъ мѣропріятій. Что касается до общественной дѣятельности, то ей предстоитъ еще заявить о себѣ; до сихъ поръ пробивались наружу только слабые ея начатки. Съ другой стороны, не мало было сдѣлано и правительствомъ, и обществомъ въ тяжелыя годины трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Въ 1867 г. правительственная помощь запоздала, потому что не были своевременно раскрыты размѣры бѣдствія—но когда оно обнаружилось вполнѣ, борьба велась рѣшительно и успѣшно, при горячемъ участіи общества. То же самое слѣдуетъ сказать и о такъ называемомъ самарскомъ голодѣ (1873—74 г.), а въ 1880 г., при гр. Лорисъ-Меликовѣ, не было ни потери времени, ни полу-мѣръ, ни колебаній. Какъ ни тяжело было тогдашнее положеніе дѣлъ, оно не отвлекло вниманія правительства и общества отъ приволжскаго неурожая. Были каждый разъ печальные эпизоды, были попытки „нагрѣть руки" около народной бѣды—но вѣдь и нынѣшнимъ лѣтомъ мы читали о нижегородскомъ купцѣ, скупавшемъ хлѣбъ яко бы для земства, а на самомъ дѣлѣ для своего личнаго обогащенія. Повторятся ли подобныя явленія —это покажетъ время. Laudatores temporis praesentis едва ли станутъ утверждать, что „хищенія" и злоупотребленія всякаго рода составляютъ исключительную принадлежность temporis acti. Не измѣнилось существенно даже отношеніе къ нимъ со стороны окружающихъ. Припомнимъ, напримѣръ, снисходительность нижегородскаго дворянства къ растратамъ, совершеннымъ нижегородскимъ уѣзднымъ предводителемъ и однимъ изъ директоровъ нижегородскаго александровскаго дворянскаго банка (недавно поступившаго въ казенное управленіе). Аналогичную исторію мы находимъ въ письмѣ изъ Бѣлаго (смоленской губерніи), напечатанномъ въ № 32 „Недѣли". Дѣлопроизводитель бѣльскаго предводителя, дворянинъ и землевладѣлецъ К., растратилъ 18 тысячъ дворянскихъ денегъ, растратилъ ихъ постепенно, при трехъ предводителяхъ, и былъ уличенъ только четвертымъ, послѣ

чего покончилъ съ собою самоубійствомъ. „Хоро
корреспондентъ,—съ большимъ почетомъ; на погр
вали видные бѣльскіе дворяне, исключая предв
такая невнимательность къ останкамъ К. была дво
въ вину". Въ экстренномъ дворянскомъ собран
поводу растраты, предложено было обсуждать дѣ
дверяхъ, „чтобы не отдавать на поруганіе тол
дворянина". Предложеніе это было отвергнуто тол
шающему голосу предводителя (В. О. Лутковскаго
вопросъ, какимъ образомъ пополнить растраченну
сказано мнѣніе, что всего справедливѣе дать дѣ
т.-е. привлечь, въ качествѣ отвѣтчиковъ, бывши
членовъ ревизіонныхъ коммиссій, наслѣдниковъ К.
новенныхъ лицъ. Большинствомъ 18 голосовъ проти
однако, разложить 16.300 руб. между всѣми бѣл
(1.700 руб. обязался внести В. О. Лутковскій, пот
была растрачена въ бытность его предводителемъ
вполнѣ достойный „добраго стараго времени"; вся
что тогда вѣсть о растратѣ не проникла бы въ пе
было бы вынесено ни одной соринки.

Есть еще одинъ модный способъ тенденціозной
довольственнаго вопроса: это—обращеніе его въ ор
ства. Мы видѣли уже въ прошедшій разъ, что зе
вину пустота запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, при
съ одной стороны ненадежность, въ виду измѣнивш
гарантіи противъ голода [1]), съ другой стороны—от
исполнительной власти, съ помощью которой оно м
на аккуратномъ пополненіи запасовъ. Теперь то
связи съ огульнымъ приговоромъ надъ дѣятельност
ряется „Московскими Вѣдомостями". „Занявшись по
медицинскимъ дѣломъ и училищнымъ — *хотя, бо*
достигнувъ благопріятныхъ результатовъ — русск
забывали одну изъ своихъ главныхъ задачъ: продово
Такъ разсуждаетъ г. Аплечеевъ, забывая самую эл
ведливость и даже не задаваясь вопросомъ, на
лежитъ отвѣтственность за неполноту хлѣбныхъ запа
идетъ одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ моск
дакторъ отдѣла: „Дневникъ печати"), предлагающ

---

[1]) Одна изъ нѣмецкихъ газетъ (Berliner Tageblatt) вся
что наибольшія колебанія цѣнъ на хлѣбъ и наибольшія бѣдст
впадаютъ, въ Германіи, съ эпохой наибольшаго процвѣтанія св
нихъ магазиновъ.

мощью мѣстностямъ, пораженнымъ неурожаемъ, назначить спеціальную ревизію земскихъ дѣлъ этихъ мѣстностей" (!). Не нравится „Московскимъ Вѣдомостямъ", что земства слишкомъ высоко будто бы опредѣляютъ сумму пособій, испрашиваемыхъ отъ правительства—но доказательство преувеличенія приводится только одно: уменьшеніе правительствомъ просимой суммы. При этомъ, очевидно, упускается изъ виду различіе точекъ зрѣнія, неминуемо приводящее къ различію результатовъ. Земство говоритъ только о томъ, что̀ знаетъ—о размѣрахъ мѣстной нужды; правительство руководствуется въ своемъ отвѣтѣ свѣденіями о потребностяхъ другихъ губерній и о наличныхъ средствахъ къ ихъ удовлетворенію. Всего больше возмущаются „Московскія Вѣдомости" всякой попыткой земскихъ собраній раздвинуть рамки продовольственнаго вопроса. „Неурожай на хлѣбъ,—читаемъ мы все въ томъ же „Дневникѣ печати",—всегда производитъ урожай либеральнаго пустословія. Эта болтовня находитъ себѣ мѣсто и на земскихъ собраніяхъ". Въ примѣръ болтовни приводится предложеніе, сдѣланное гласнымъ Остафьевымъ въ нижегородскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи — предложеніе просить правительство объ отсрочкѣ сбора повинностей и о назначеніи коммиссіи изъ земскихъ гласныхъ для изслѣдованія на мѣстѣ коренныхъ причинъ упадка сельскаго хозяйства и хронической нужды. Гласному Остафьеву возражалъ гласный Гацискій, выразившій увѣренность, что правительство и безъ просьбы земства догадается разсрочить платежи, а на просьбу о назначеніи коммиссіи отвѣтитъ улыбкой, потому что такая коммиссія можетъ быть выбрана земствомъ и безъ разрѣшенія свыше. Во время дальнѣйшихъ преній гласный Остафьевъ замѣтилъ, что безъ широкихъ полномочій коммиссія не будетъ имѣть возможности собрать всѣ необходимыя свѣденія, а гл. Гацискій находилъ, что гл. Остафьеву, изучившему, въ качествѣ агента земскаго страхованія, положеніе мѣстныхъ крестьянъ, слѣдовало бы представить о немъ записку лично отъ себя, не ожидая назначенія коммиссіи. Заканчивается изложеніе дѣла восклицаніемъ автора „Дневника", по меньшей мѣрѣ неожиданнымъ: „и это—наши земцы! и г. Остафьевъ тоже подаетъ свой голосъ!" Въ самомъ дѣлѣ какая ужасная дерзость—о чемъ-то просить правительство, что-то хотѣть хорошенько изслѣдовать! Ни въ чемъ другомъ гласный Остафьевъ неповиненъ. Нужно особое умѣнье читать между строками, чтобы усмотрѣть въ его предложеніи что-либо „либеральное". Объ отсрочкѣ или разсрочкѣ платежей ходатайствовали и ходатайствуютъ многія земства, не подвергаясь за то ни малѣйшему упреку со стороны правительства; просило объ этомъ, напримѣръ, самарское земство и получило отвѣтъ не безусловно-отрицательный (см. № 221 „Русскихъ Вѣдомостей"). Совпаденіе между

мнѣніями земства и намѣреніями правительства
земство не знаетъ заранѣе, существуетъ ли тако
номъ случаѣ, по данному вопросу, и уже по то
молчать, успокаивая себя, вмѣстѣ съ г. Гацски
дѣленною надеждой. Еще меньше „либералы
мысль объ изслѣдованіи причинъ того или друг
и черезъ посредство мѣстныхъ земскихъ дѣятеле
не произведено, нельзя предвидѣть, въ чью
результаты—въ пользу „либеральныхъ" или не-
леній; нельзя даже опредѣлить, дастъ ли оно
способный получить „политическую" окраску.
Остафьева одинаково легко могло быть сдѣлано
серваторомъ, и реакціонеромъ; въ томъ видѣ,
дено „Московскими Вѣдомостями", оно не с
малѣйшаго намека на побужденія, его вызвавш
можетъ быть признано политически-безразличны
валъ г. Гацискій, предвѣщая ему насмѣшливы
правительства. Конечно, коммиссія, избранная
ціативѣ земства, и коммиссія, назначенная имъ
съ согласія правительства—это не совсѣмъ одно
послѣдней, по справедливому замѣчанію г. Ост
быть даны болѣе широкіе размѣры, но этимъ
ни способъ дѣйствій коммиссіи, ни ея „напра
себѣ, что въ концѣ концовъ земская коммиссія
ность крестьянъ „безначалію", еще недавно г
ихъ средѣ; кто привѣтствовалъ бы подобное закл
Вѣдомости" или ненавистные имъ „либералы"?..
рымъ реакціонная печать относится ко всякому
ванію", мы можемъ объяснить только однимъ: с
стинктивною боязнью свѣта.

Въ прежніе неурожайные годы, если насъ
мять, вовсе не возникалъ вопросъ о пособіи лич
цамъ не-крестьянамъ (за исключеніемъ, конечно,
обработывая землю или съ трудомъ пропитывая
щественно не отличались отъ массы нуждающ
вопросъ поставленъ въ печати и поставленъ ве
Тамбовскій землевладѣлецъ В. Бланкъ жалуетс
Вѣдомостяхъ", что „старшая братія"—дворяне, купцы и другіе землевладѣльцы—„предоставлены самимъ себѣ, отданы на произволъ судьбы, между тѣмъ какъ о крестьянахъ думаетъ и правительство, и земство. Заботясь объ одномъ, не слѣдуетъ забывать другихъ, ибо для правительства всѣ граждане должны быть равны" (ого!). Не въ ссудахъ

на обсѣмененіе или прокормленіе, — поучаетъ далѣе г. Бланкъ, — должна заключаться помощь землевладѣльцамъ, а въ льготахъ по уплатѣ повинностей и банковыхъ процентовъ... Разсрочить уплату за нынѣшній годъ государственныхъ и другихъ повинностей слѣдовало бы по крайней мѣрѣ на три года, проценты же по залогамъ въ дворянскомъ земельномъ банкѣ причислить къ капиталу, увеличивъ, если нужно, сроки ссуды; то же самое можно было бы предложить сдѣлать и частнымъ банкамъ относительно тѣхъ лицъ, чьи имѣнія у нихъ заложены". Этого мало; можно было бы еще „облегчить, *хотя* временно (намъ очень нравится это *хотя*), выдачи ссудъ изъ государственнаго банка подъ соло-векселя, *устранивъ все стѣсняющее эти выдачи въ настоящее время*" (т.-е. всякія справки о кредитоспособности векселедателя!). Статья г. Бланка оканчивается выраженіемъ увѣренности, что голосъ его, совпадающій съ „плачемъ громаднаго числа землевладѣльцевъ, не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Мы держимся противоположнаго убѣжденія, основываясь, между прочимъ, на одномъ изъ аргументовъ самого г. Бланка. Помощь землевладѣльцамъ, по его словамъ, *должна заключаться не въ ссудахъ на обсѣмененіе или прокормленіе*—а между тѣмъ именно эта форма помощи представляется, въ данномъ случаѣ, *нормальной, основной*, обусловливающей собою всѣ остальныя. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ нуждаться въ ссудѣ на обсѣмененіе или прокормленіе? Это значитъ находиться подъ угрозою голода въ настоящемъ и будущемъ: въ настоящемъ — за неимѣніемъ хлѣба (въ буквальномъ смыслѣ слова) и недостаткомъ средствъ къ его пріобрѣтенію, въ будущемъ—за невозможностью подготовить урожай слѣдующаго года. Къ *такой* нуждѣ государство не можетъ оставаться равнодушнымъ, какъ въ силу лежащей на немъ обязанности охранять жизнь и здоровье своихъ гражданъ, такъ и въ интересахъ государственной казны, на которой слишкомъ чувствительно отозвалось бы разореніе массы плательщиковъ. Разсрочка, отсрочка или сложеніе платежей является, съ этой точки зрѣнія, лишь вспомогательнымъ средствомъ къ достиженію главной цѣли; непослѣдовательно было бы давать только для того, чтобы немедленно взять обратно. Въ высшей степени важно, наконецъ, и то обстоятельство, что помощь, оказываемая массѣ населенія, заимствуется, собственно говоря — по крайней мѣрѣ при господствующей у насъ финансовой системѣ—изъ средствъ, ею уже данныхъ. Совершенно инымъ представляется положеніе группы, за которую ходатайствуетъ г. Бланкъ. Въ ссудѣ на прокормленіе и обсѣмененіе она не нуждается; другими словами, *существованіе* ея обезпечено, опасность грозитъ только ея *благосостоянію*. *Необходимое* для жизни она сохранитъ—а только о необ-

ходимомъ и можетъ заботиться государство. Пополненіе потерь, падающихъ на избытокъ средствъ, не входитъ въ число задачъ правительственной власти, въ особенности когда потерпѣвшее меньшинство можетъ быть вознаграждено не иначе, какъ на счетъ еще болѣе пострадавшаго большинства. Убытки, отъ случайныхъ причинъ, приходится нести всѣмъ сословіямъ, всѣмъ профессіямъ, всѣмъ классамъ населенія; возмѣщать одни и не возмѣщать другіе нѣтъ никакого разумнаго основанія. Льготы, о которыхъ мечтаетъ г. Бланкъ, имѣли бы, безъ сомнѣнія, общій, а не частный характеръ; онѣ были бы пріурочены къ цѣлымъ мѣстностямъ, а не къ отдѣльнымъ лицамъ. Воспользовались бы ими, слѣдовательно, и такіе землевладѣльцы, которымъ неурожай не принесъ никакого вреда или даже принесъ значительную выгоду (повысивъ цѣну на хлѣбъ, находившійся у нихъ въ запасѣ)... Неосуществимость надежды, одушевляющей г. Бланка, сдѣлается еще болѣе очевидной, если припомнимъ отвѣтъ, данный правительствомъ на ходатайство самарскаго земства о разсрочкѣ платежа государственныхъ сборовъ. Отсрочка (а не разсрочка) платежей, до урожая слѣдующаго года, допускается, по опредѣленію губернскаго присутствія, лишь для тѣхъ селеній, которыя получатъ отъ земства ссуду на продовольствіе или обсѣмененіе (здѣсь ярко выступаетъ на видъ взаимная связь между формами помощи, указанная нами выше). Отсрочивается сначала недоимка, затѣмъ, если окажется необходимымъ, текущій выкупной платежъ, и въ крайнемъ случаѣ—поземельный налогъ. Отсрочка не имѣетъ огульнаго характера; крестьяне, имѣвшіе хорошій урожай и занимающіеся побочнымъ промысломъ, ни въ какомъ случаѣ не пользуются правомъ отсрочки. Что касается до *частныхъ землевладѣльцевъ, то только мелкимъ изъ нихъ и въ силу крайней необходимости можетъ быть сдѣлано послабленіе во взиманіи платежей.* Этими послѣдними словами заранѣе данъ категорическій и вполнѣ справедливый отвѣтъ на требованія г. Бланка.

Въ такихъ бѣдствіяхъ, какъ настоящее, къ помощи государственной и земской всегда присоединялась помощь частныхъ лицъ, необходимая не только въ виду громадныхъ размѣровъ нужды, но и въ виду безконечно-различныхъ формъ и степеней ея, требующихъ разнообразія и въ формахъ содѣйствія и попеченія. Кое-гдѣ образовались уже небольшія благотворительныя общества, пріурочивающія свою дѣятельность къ опредѣленной мѣстности. Объ одномъ изъ такихъ обществъ, учрежденномъ въ козловскомъ уѣздѣ (тамбовской губерніи), мы узнаемъ изъ письма М. М. Любощинскаго, напечатаннаго въ „Московскихъ" и „Русскихъ Вѣдомостяхъ". „У многихъ

крестьянъ", говоритъ г. Любощинскій, „новаго хлѣба хватило только на недѣлю. Приходится уже теперь покупать хлѣбъ, цѣна котораго на базарахъ достигла до 1 р. 40 к. за пудъ. Между тѣмъ денегъ и работы у крестьянина нѣтъ. Въ самое горячее время, нѣсколько недѣль назадъ, заработать имъ ничего не пришлось, такъ какъ цѣны на работу были очень низки. Уже теперь для покупки хлѣба приходится прибѣгать къ средствамъ, разстроивающимъ крестьянское хозяйство. Спѣшно молотятъ овесъ и распродаютъ его, теряя въ цѣнѣ, и не могутъ даже оставить запаса для ярового посѣва будущаго года. Однако и такая продажа, вслѣдствіе плохого урожая овса, позволитъ продержать семью недолго, едва ли до октября. У самыхъ же бѣдныхъ, надѣлъ которыхъ невеликъ, овесъ уже давно весь проданъ и деньги проѣдены; приходится продавать скотину, цѣны на которую въ виду безкормицы и нужды крестьянъ страшно пали. По уѣзду ѣздятъ скупщики, которые знаютъ, что имъ волей-неволей крестьяне должны продавать скотину; за овцу даютъ 1 р., за лошадь, которая прежде стоила 30 р.—9 р. Послѣ продажи лошади крестьянинъ ищетъ желающаго снять у него надѣлъ; цѣны на такую землю, понятно, чрезвычайно низки и въ виду бездождія все понижаются. Мы теперь только при началѣ бѣды, а страшно и подумать о положеніи крестьянъ зимой, а тѣмъ болѣе весной и лѣтомъ будущаго года, вплоть до урожая, до полученія новаго хлѣба. Земство въ состояніи помочь только на обсѣмененіе по 7 пуд. ржи на десятину, и то далеко не всѣмъ; а о помощи для продовольствія ходятъ теперь только одни слухи. На частную мѣстную помощь разсчитывать нечего. Многіе крестьяне, ушедшіе побираться, возвращаются, такъ какъ никто ничего не даетъ, всякій сдерживается въ виду дороговизны и голода. Помощи болѣе состоятельныхъ мѣстныхъ лицъ, помѣщиковъ, не хватитъ: это капля въ морѣ въ виду размѣровъ бѣдствія. Въ нѣкоторыхъ селахъ (какъ напр., село Спасское) народъ начинаетъ разбѣгаться, не зная самъ куда. Остается единственная надежда на помощь извнѣ, изъ тѣхъ мѣстъ Россіи, куда голодъ не проникъ, на помощь тѣхъ людей, которымъ близка народная бѣда и понятно народное горе". Къ такимъ людямъ обращается г. Любощинскій—и нужно надѣяться, что его обращеніе не пройдетъ безслѣдно [1]); весьма вѣроятно также, что общества въ родѣ того, отъ имени котораго говоритъ г. Любощинскій, появятся въ губерніяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, повсемѣстно. Доставить имъ необходимыя средства можетъ только организація, обнимающая собою съ

[1]) Пожертвованія могутъ быть высылаемы М. М. Любощинскому по слѣдующему адресу: Рязанско-козловская желѣзная дорога, станція Богоявленскъ.

одной стороны сборъ пожертвованій, съ другой—ихъ распредѣленіе. О такой организаціи пока не слышно, и вотъ почему мы считали себя въ правѣ сказать, что общественная дѣятельность на пользу пострадавшихъ отъ неурожая существуетъ еще только въ слабыхъ начаткахъ.

Въ нѣсколькихъ губерніяхъ идутъ, въ настоящее время, приготовленія къ введенію въ дѣйствіе новаго земскаго положенія: созываются избирательныя собранія, совершается выборъ гласныхъ, повѣряется правильность выборовъ. Повѣрка выборовъ, прежде принадлежавшая самимъ земскимъ собраніямъ, перешла теперь, какъ извѣстно, въ руки новыхъ учрежденій губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій. Любопытно посмотрѣть, какъ они пользуются своими полномочіями. Въ череповецкомъ уѣздѣ (новгородской губерніи) былъ недавно слѣдующій случай. На 19 мая было назначено первое (дворянское) избирательное собраніе. Къ 12 ч. дня прибыло четырнадцать избирателей; но собраніе не могло быть открыто за болѣзнью предводителя дворянства и за невыясненностью правъ его замѣстителя (засѣдателя дворянской опеки). Для разрѣшенія этого вопроса наличные избиратели послали телеграмму губернатору, порѣшивъ собраться вновь вечеромъ, когда придетъ отвѣтъ изъ губернскаго города. Отвѣтъ, признавшій права засѣдателя, былъ полученъ около 9 ч. вечера; собраніе, въ составѣ тѣхъ же избирателей — за исключеніемъ двухъ, уѣхавшихъ по своимъ неотложнымъ дѣламъ,—было немедленно открыто, и выборы состоялись. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе нашло, что за силою ст. 45 новаго земскаго положенія, предѣльнымъ временемъ для открытія избирательнаго собранія слѣдуетъ считать три часа дня; при невозможности открыть его къ этому сроку нужно было или отложить его до слѣдующаго дня, согласно ст. 41 положенія, или же извѣстить всѣхъ собравшихся избирателей особыми повѣстками о времени назначенія выборовъ. Между тѣмъ выборы были произведены около десяти часовъ вечера, а особыхъ о томъ повѣстокъ разослано не было. Руководствуясь этими соображеніями, губернское присутствіе отмѣнило выборы перваго череповецкаго избирательнаго собранія. Обращаясь къ тексту новаго закона, мы видимъ, что по ст. 41 избирательныя собранія продолжаются не долѣе двухъ дней, а по ст. 45, при неявкѣ, къ 3 часамъ назначеннаго для избирательнаго собранія дня, такого числа избирателей, которое равнялось бы по меньшей мѣрѣ двумъ третямъ подлежащихъ избранію гласныхъ, гласными признаются всѣ лица, явившіяся въ собраніе. Къ занимающему насъ вопросу обѣ эти статьи, очевидно, вовсе непримѣнимы. Первая опредѣляетъ продолжитель-

ность выборовъ, начавшихся въ назначенный для нихъ день, но не окончившихся въ теченіе этого дня; вторая предусматриваетъ исключительно случай явки избирателей въ числѣ меньшемъ, нежели то, которое необходимо для производства выборовъ. Въ Череповцѣ выборы по первому избирательному собранію, назначенные на 19 мая, въ этотъ же день и окончились; избирателей уже къ 12 часамъ дня явилось гораздо больше, чѣмъ было нужно для дѣйствительности выборовъ [1]). *Три часа дня*, при такомъ положеніи дѣла, были срокомъ совершенно безразличнымъ. Къ выборамъ не было приступлено раньше этого времени не потому, чтобы не было на-лицо достаточнаго числа избирателей, а только потому, что существовало недоумѣніе относительно предсѣдательства въ собраніи. Понятно, что прежде разрѣшенія этого недоумѣнія выборы не могли начаться—а послѣ его разрѣшенія могли начаться и вечеромъ, развѣ что открытіе собранія было отложено до полученія, въ тотъ же день, отвѣтной телеграммы. Въ разсылкѣ повѣстокъ, закономъ не установленной, не было и фактической надобности, потому что насчетъ отсрочки выборовъ и ея условій состоялось соглашеніе избирателей. Первый опытъ примѣненія новаго закона нельзя такимъ образомъ признать удачнымъ... На выборахъ 27-го іюля, произведенныхъ вслѣдствіе отмѣны прежнихъ, составъ избирателей (или ихъ настроеніе?) оказался совершенно инымъ; въ гласные выбраны другія лица, а прежде выбранныя всѣ забаллотированы, кромѣ одного, попавшаго въ кандидаты. Замѣчательно, что и этимъ выборамъ угрожаетъ кассація: между избирателями оказался одинъ не-дворянинъ, не имѣвшій права участвовать въ собраніи.

Пока новое земское положеніе не введено въ дѣйствіе, отношенія администраціи къ земству должны оставаться прежнія. Для насъ не совсѣмъ ясно, поэтому, слѣдующее коротенькое извѣстіе, прочитанное нами въ „Недѣлѣ“: „кролевецкое земство (черниговской губерніи), *по предписанію губернатора*, прекратило недавно взысканіе пятачковъ за лекарства, и такимъ образомъ земская медицина въ кролевецкомъ уѣздѣ стала на прежній, истинный путь—безплатной выдачи лекарства, по рецептамъ врачей и фельдшеровъ, всѣмъ жителямъ, въ немъ нуждающимся“. Мы также принадлежимъ къ числу сторонниковъ безплатной земской медицинской помощи — но мы вовсе не знаемъ, на чемъ основано *предписаніе* губернатора, упоминаемое „Недѣлей“? Взиманіе платы за лекарства не заключаетъ въ себѣ, кажется, ничего противозаконнаго; оно практиковалось во многихъ мѣ-

[1]) Первое избирательное собраніе въ Череповцѣ избираетъ *пять* гласныхъ; для дѣйствительности выборовъ достаточно, слѣдовательно, *четырехъ* наличныхъ избирателей.

стахъ и, вѣроятно, практикуется кое-гдѣ и въ настоящее время, не встрѣчая никакихъ возраженій со стороны администраціи. За него стоятъ нѣкоторые изъ числа лучшихъ земскихъ дѣятелей, признавая его единственнымъ средствомъ къ расширенію круга дѣйствій земской медицины. Земскіе сборы—такъ разсуждаютъ они — не допускаютъ, въ большинствѣ случаевъ, дальнѣйшаго увеличенія, а врачей, фельдшеровъ, больницъ все еще слишкомъ мало; нужно ближе придвинуть ихъ къ населенію, а для этого необходимо, чтобы часть расходовъ по земской медицинѣ оплачивалась непосредственно самими нуждающимися въ медицинской помощи. Этому доводу можно противопоставить другіе, по нашему мнѣнію, болѣе сильные, но рѣшеніе спора должно было бы принадлежать самому земству, а не посторонней силѣ. Хорошо было бы, еслибы кролевецкій корреспондентъ „Недѣли" сообщилъ болѣе подробныя свѣденія о ходѣ и исходѣ пререканія, вызваннаго установленіемъ платы за лекарства.

У насъ въ Россіи памятники воздвигались до сихъ поръ, за немногими исключеніями, въ честь царственныхъ особъ и полководцевъ или въ ознаменованіе побѣдъ надъ внѣшними врагами. Только въ послѣднее время начались рѣдкія, впрочемъ, исключенія изъ этого правила. Бюсты или статуи писателей и художниковъ ютятся, бо́льшею частью, въ общественныхъ садахъ или скверахъ, въ дворахъ публичныхъ зданій (Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ въ Петербургѣ, Ломоносовъ въ Москвѣ) или ставятся гдѣ-нибудь вдали отъ столицъ, на мѣстѣ рожденія, воспитанія или смерти чествуемаго лица (Карамзинъ — въ Симбирскѣ, Глинка — въ Смоленскѣ, Гоголь—въ Нѣжинѣ, Лермонтовъ — въ Пятигорскѣ). Изъ событій нашей не-военной исторіи не почтено памятникомъ даже величайшее освобожденіе крестьянъ. Чрезвычайно странными, поэтому, показались намъ два „прожекта", появившіеся, почти въ одно время, въ различныхъ концахъ нашего газетнаго міра. Одинъ изъ нихъ относится всецѣло къ области комическаго: это — предложеніе „одного изъ читателей" „Новостей" увѣковѣчить памятникомъ недавнюю встрѣчу французской эскадры, посѣтившей Кронштадтъ и Петербургъ. Франція и Россія—мечтаетъ новѣйшій Маниловъ—могли бы быть „представлены аллегорически въ видѣ двухъ женщинъ при мечахъ и съ оливковыми вѣтвями, пожимающихъ другъ другу руки. Если подобный памятникъ трудно было бы поставить у насъ, въ Россіи, то, по всей вѣроятности, его могли бы поставить во Франціи (ну, нѣтъ, это вовсе не вѣроятно). Средства были бы собраны скоро при теперешнемъ торжественномъ настроеніи". Въ томъ-то и дѣло, что „настроеніе"

даже теперь, черезъ мѣсяцъ послѣ ухода французской эскадры, едва ли, при первой серьезной пробѣ, оказалось бы особенно „торжественнымъ". Въ іюльскихъ восторгахъ было слишкомъ много мимолетнаго, преувеличеннаго, напускного, чтобы можно было серьезно думать о ихъ „увѣковѣченіи". Памятникъ понятенъ и умѣстенъ только тогда, когда совершилось *дѣло* — дѣло прочное, крупное, великое по своему значенію и своимъ результатамъ. Демонстраціи, даже самыя шумныя и самыя искреннія, не составляютъ дѣла, не составляютъ даже приступа къ нему; онѣ могутъ служить основой только для ожиданій—но вѣдь ожиданія оправдываются далеко не всегда. Не оправдается, конечно, и ожиданіе наивнаго „читателя", вѣрующаго въ успѣхъ своей „смѣлой фантазіи".

Много комическаго представляетъ и другой проэктъ, принадлежащій г. А. Шевелеву и напечатанный въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 198), но это комизмъ совершенно другого рода, мрачный, тяжеловѣсный, полный недоброжелательства и злобы. Статья г. Шевелева начинается такъ: „Въ нынѣшнемъ году дано Высочайшее соизволеніе на сооруженіе памятника Михаилу Николаевичу Муравьеву-Виленскому и на открытіе на сей предметъ повсемѣстнаго сбора пожертвованій. Отличное дѣло. Но о памятникѣ Михаилу Никифоровичу Каткову ничего пока не слышно. Правильно ли это? Избави насъ Боже умалять заслуги покойнаго М. Н. Муравьева-Виленскаго. Мы принадлежимъ къ горячимъ почитателямъ этого великаго и незабвеннаго дѣятеля по усмиренію польской смуты. Но признавая вполнѣ великую заслугу предъ Русью покойнаго Муравьева-Виленскаго, вполнѣ сочувствуя идеѣ постановки ему памятника, мы, съ грустью въ сердцѣ, съ болью душевною, переносимся мыслью къ другому дѣятелю, выступившему въ ту же эпоху, къ незабвенному и незамѣнимому Михаилу Никифоровичу Каткову. Неужели до сихъ поръ не была сознана необходимость увѣковѣчить его имя, его заслугу предъ Царемъ и, что̀ то же, предъ народомъ русскимъ, какимъ-нибудь нагляднымъ, яркимъ, блестящимъ образомъ?..." „Заслуга Каткова—читаемъ мы дальше—состоитъ не въ одномъ только пробужденіи дремавшаго чувства патріотизма во время смуты польской". Она состоитъ въ особенности въ томъ, что онъ „объявилъ упорную, безъ перемирій, безъ отдыха, войну тайному нигилизму, проще сказать — нашему лже-либерализму... За меньшую заслугу предъ отечествомъ римляне дали Цицерону титулъ: pater patriae". Напомнивъ, что К. Н. Леонтьевъ предлагалъ поставить Каткову памятникъ еще при его жизни, и выразивъ сожалѣніе, что на это „не хватило у насъ ни смѣлости, ни благородства, ни умственнаго творчества", г. Шевелевъ настаиваетъ на немедленномъ исправленіи тог-

дашней ошибки. Монументъ Каткову долж
20-му іюля будущаго года, на Страстном
дакціи „Московскихъ Вѣдомостей". Дѣло по
„должно быть дѣломъ всенароднымъ"; памя
двигнуть „на трудовую народную копѣйк
чаться „классическою простотою". „Колов
Каткова. У подножія — издыхающая, съ с
съ надписью: *измѣна*". На памятникѣ д
извѣстныя слова Каткова о „русской конститу
такъ заключаетъ г. Шевелевъ, — съ чисты
мятники Гоголю, Островскому и другимъ .
тическимъ дѣятелямъ нашимъ, пока не б
никъ М. Н. Каткову". Лучшій судъ надъ
изнесъ самъ г. Шевелевъ, когда предложи
Каткову на Страстномъ бульварѣ, въ непо
съ памятникомъ Пушкину. Пушкинъ „люб
„пробуждалъ лирой добрыя чувства и пр
шимъ". И насъ хотятъ увѣрить, что рядо
мѣсто для писателя, безжалостнаго къ по
посвятившаго возбужденію враждебныхъ чув
скаго общества противъ другой, въ русских
скаго, въ приверженцахъ извѣстныхъ взг
„несогласно-мыслящихъ"...

Издатель и редакторъ: М

НОВЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ

ВЪ НАУКѢ

УГОЛОВНАГО ПРАВА.

I *).

ИТАЛЬЯНСКАЯ ШКОЛА АНТРОПОЛОГОВЪ-ПОЗИТИВИСТОВЪ.

Беру на себя нелегкую задачу представить въ сжатомъ очеркѣ перемѣны, происшедшія въ послѣднее время въ наукѣ уголовнаго права, новыя вѣянія, обрисовывающійся новый фазисъ—пока только въ одной наукѣ; но извѣстно, что коль скоро ученые станутъ что-нибудь въ одинъ голосъ повторять, то оно перейдетъ и въ законы, и въ практику. Понятно, что для характеристики новаго я долженъ сопоставить его со старымъ, а старое лично для меня—тѣ, чтѣ существовало лѣтъ 25 тому назадъ, въ 1864 году, когда я сошелъ съ преподавательской каѳедры. Я бы тогда не повѣрилъ, что раздадутся на западѣ и найдутъ послѣдователей и у насъ сужденія совсѣмъ противоположныя тому, чтѣ было принято считать непререкаемыми аксіомами и прямыми выраженіями человѣчности и христіанскаго духа. Я бы не повѣрилъ, что станутъ проповѣдо-ть:—Не надо толковать всякое сомнѣніе въ пользу подсудимаго (... dubio pro reo); слишкомъ жалѣли злодѣя—надобно пожалѣть общество. Долой въ судѣ неумѣстную милость; никакая власть въ правѣ водворять въ общество его отбросы и всякія другія

*) Изъ чтеній въ Педагогическомъ Музеѣ, въ апрѣлѣ и мартѣ 1891 г.

отложенія. Нѣжныя чувства къ павшему человѣку годились сто лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Беккаріи, когда надо было освобождаться отъ варварской жестокости среднихъ вѣковъ. Нынѣ функціи общественной гигіены должны быть отправляемы безъ сантиментальности и безъ гнѣва, съ устраненіемъ всякихъ эмоціональныхъ и эстетическихъ элементовъ, съ отрѣшеніемъ отъ драматизма для широкой борьбы между обвиненіемъ и защитою. Повязка должна быть снята съ глазъ Ѳемиды, но и мечъ ея долженъ быть отнятъ отъ присяжныхъ, судящихъ не умомъ, а только сердцемъ, и отъ сухихъ теологовъ-юристовъ, которые привыкли возиться съ отвлеченными преступленіями и судить пустое дѣяніе, изъ котораго выпущено живое лицо преступника. Сама задача уголовнаго суда должна быть радикально видоизмѣнена. Старая школа юристовъ судила извѣстное дѣяніе извѣстнаго человѣка, какъ произведеніе его свободной воли; но съ этою вольною волей счеты покончены; она—предразсудокъ и самообольщеніе сознанія, происходящее отъ того, что наше самонаблюденіе не простирается на выработку въ безсознательномъ состояніи мотивовъ дѣйствія, существующихъ въ скрытомъ видѣ, а начинается съ момента, когда эти мотивы вступаютъ между собою въ борьбу, въ которой несомнѣнно верхъ одерживаетъ сильнѣйшій. Такъ какъ вольной воли нѣтъ, то не можетъ быть и нравственной отвѣтственности за дѣйствіе, то-есть той вины, по которой отмѣривалось и отсчитывалось наказаніе. Та особенность, которою мы гордились, какъ превосходствомъ современности передъ средними вѣками, а именно, что сумасшедшаго не судятъ, его отпускаютъ безъ суда,—пропадаетъ; сумасшедшіе одинаково опасны, какъ и психически здоровые люди, и если они опасны, то подлежатъ изъятію изъ общежитія. Пріемы и методы суда, равно какъ и личный его составъ должны измѣниться. Въ судьи годятся не случайные понятые изъ народа, безъ толку волнующіеся, и не казуисты, производящіе операціи на искусственно вырѣзанномъ изъ жизни дѣяніи, отвлеченно разсматриваемомъ, но антропологи и по возможности психологи и псиxіатры, которыхъ работа клонится къ тому, чтобы, изучивъ статику и динамику субъекта, его сложеніе и привычки, помѣстить его въ подходящій классъ преступниковъ, подлежащихъ либо изъятію изъ общежитія, либо меньшимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Изнѣжившись, мы напрасно ослабили нашу карательную систему. Въ борьбѣ за существованіе между обществомъ и злодѣями корень системы—*искорененіе*; а если по состоянію нервовъ общества нельзя къ сожалѣнію практиковать въ надлежащей мѣрѣ смертную казнь, то возможно оградить себя и безъ нея посред-

ствомъ эквивалентовъ,—правда, дорогихъ и сложныхъ, но все-таки дѣйствительныхъ.

Таковы были голоса, нарушившіе своими диссонансами рутину, утвердившуюся въ области криминалистики. Замѣчательно, что они выходили изъ Италіи—на глазахъ нашихъ превратившейся изъ „географическаго названія", какимъ ее считалъ Меттернихъ, въ новое почтенныхъ размѣровъ государство, съ конституціею съ иголочки, съ либеральными учрежденіями, позаимствованными и не имѣющими корней, между тѣмъ какъ въ самомъ народѣ кишатъ средневѣковыя привычки, и самый народъ — живой, нервный, страстный, склонный къ преступленіямъ противъ личности, готовый еще и нынѣ выдѣлять изъ себя разбойничьи шайки въ родѣ неаполитанской каморры или сицильянской маффіи. Судъ присяжныхъ въ Италіи нерѣдко боится убійцъ, которыхъ судитъ, и до сихъ поръ не сдѣлался популярнымъ. Народъ итальянскій— весьма даровитый, талантливый, въ особенности въ области практическаго дѣла. Потомки древнихъ римлянъ, итальянцы произвели множество великихъ папъ, Макіавелли и великихъ кондотьеровъ, къ числу которыхъ Тэнъ отнесъ и Наполеона. Они—прирожденные политики, слѣдовательно и криминалисты. Беккарія (Dei delitti e delle pene, 1764) былъ у нихъ глашатаемъ уголовной реформы, увлекшей всю Европу. Имъ же достался и починъ въ дѣлѣ отставленія отъ службы старой Беккаріевской классической школы и созданія новой, болѣе суровой, соотвѣтствующей научному духу изслѣдованія, свойственному нашему вѣку. Эти соображенія не уясняютъ, однако, почему итальянскія ученія нашли отголосокъ и послѣдователей внѣ Италіи. Они распространились и въ западной Европѣ, именно потому, что и въ ней насталъ вѣкъ желѣзный, господство грубой силы, торжествующей съ цинизмомъ. Но такое очерствленіе и одичаніе, которое мы испытываемъ, есть въ свою очередь только результатъ и рефлексъ измѣнившагося міросозерцанія. Тѣ проповѣдники просвѣтительной философіи XVIII вѣка и начала XIX-го, будь она теисты или даже атеисты, все же были проникнуты христіанскимъ духомъ, любовью ко всему ощущающему и страдающему. Міръ имъ казался единымъ цѣлымъ, солидарнымъ во всѣхъ частяхъ. Этому міросозерцанію нынѣ противопоставлены—природа съ ея роковыми и нещадными законами, міръ какъ совокупность борющихся силъ, торжество сильнѣйшаго и гибель слабѣйшаго, какъ орудіе прогресса. Приведу слѣдующія слова Тарда (Philosophie pénale, 526): „Распространеніе Дарвиновой теоріи, въ послѣдніе годы, было прямымъ возвращеніемъ къ языческому духу. Религія или философія, которыя въ миѳологической или научной

формѣ берутъ за исходную точку врожденный безпорядокъ, первичный конфликтъ, и усматриваютъ въ гармоніи только побѣду послѣ сраженія, должны привести къ оправданію завоевателя и героя. Несомнѣнно, что успѣхъ Дарвинизма содѣйствовалъ ужасающему возрожденію милитаризма и затормазилъ движеніе противъ смертной казни, столь сильное въ предшествующую эпоху". Я далекъ отъ мысли полемизировать съ однимъ изъ величайшихъ геніевъ XIX столѣтія, но и его ученіе есть только одинъ изъ фазисовъ въ эволюціи идей. Я хотѣлъ указать только на стволъ дерева, изъ котораго выросли въ видѣ вѣтокъ капитальныя произведенія итальянской школы криминалистовъ; это—Дарвинъ и Гербертъ Спенсеръ. Школа имѣетъ нынѣ трехъ видныхъ представителей: Ломброзо, Ферри и Гарофало.

Основатель школы, Цезарь *Ломброзо*, еврей по происхожденію, медикъ по профессіи, родился въ 1836 г., управлялъ заведеніемъ для сумасшедшихъ въ Пезаро, потомъ занялъ каѳедру судебной медицины и клинической психіатріи въ Туринѣ, гдѣ и прославился своими наблюденіями надъ преступниками. Его капитальное произведеніе: Uomo delinquente, 1878—имѣло множество изданій, изъ которыхъ четвертое переведено на французскій языкъ (L'homme criminel. 1887). Громкая, европейская его извѣстность началась съ 1885 года, когда въ Римѣ одновременно засѣдали два конгресса, занимавшіеся одними и тѣми же вопросами: пенитенціарный и антропологическій.

Ломброзо—не юристъ и нисколько не соціологъ; онъ только естественникъ, притомъ человѣкъ не только односторонній, но и однопредметный или, лучше сказать, одноидейный. Въ свою одну идею онъ внесъ всѣ способности весьма кипучаго ума, онъ переворачивалъ ее и развивалъ по всевозможнымъ направленіямъ, изобрѣтая, производя опыты и неутомимо роясь въ исторіи. У него живое воображеніе, страсть къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, но и большая готовность отступать отъ своихъ выводовъ и ихъ вычеркивать. Коренная его идея та, что въ родѣ человѣческомъ есть особый видъ, отличающійся характерными признаками: человѣкъ-преступникъ. Признаковъ этихъ Ломброзо открылъ большое количество. Сначала онъ ихъ искалъ въ тѣлосложеніи субъектовъ, работалъ надъ составленіемъ чего-то въ родѣ анатомическаго атласа виднѣйшихъ экземпляровъ типа. Потомъ онъ находилъ ихъ въ отправленіяхъ физіологическихъ и психологическихъ. Человѣкъ-преступникъ обыкновенно дюжъ и тяжелъ, съ меньшею чѣмъ у другихъ вмѣстимостью черепа, съ низкимъ и подающимся лбомъ, со складками на лбу, выдающимися бровяными сводами и скулами съ несимметриче-

скимъ расположеніемъ правыхъ и лѣвыхъ частей черепа и лица, глубокими глазными впадинами, кривымъ или вздернутымъ носомъ. Преступники страдаютъ часто дальтонизмомъ, косоглазы, лѣвши, волосаты, но съ рѣдкими бородами. Они мало чувствительны къ физическимъ страданіямъ, рѣдко краснѣютъ, непомѣрно тщеславны, любятъ татуироваться и тому подобное. Для отнесенія субъекта къ типу преступника необходимо, чтобы онъ вмѣщалъ въ себѣ многіе признаки. Хотя большинство преступниковъ не подойдетъ подъ типъ, но въ цѣлой арміи разрушителей общественнаго порядка главный корпусъ составляютъ лица, роковымъ образомъ по своей организаціи созданныя для преступленія, такъ-называемые прирожденные преступники (delinquenti nati); ихъ бываетъ, по разсчету Ломброзо, до 40% въ общемъ итогѣ присуждаемыхъ къ наказаніямъ.

Еслибы и было доказано, что мысль Ломброзо вѣрна, и что есть въ родѣ человѣческомъ прирожденные преступники, то какой слѣдуетъ сдѣлать практическій выводъ изъ этого положенія? Ломброзо его не дѣлаетъ, о немъ и не думаетъ; онъ озабоченъ дачею объясненія причинъ этого непрекращающагося комплектованія класса звѣрей въ образѣ человѣческомъ, лишенныхъ всякихъ альтруистическихъ чувствъ. Объясненіе дается въ смыслѣ Дарвиновой теоріи и философіи Герберта Спенсера; оно основано на наслѣдственности, на атавизмѣ—въ томъ, что послѣ длиннаго ряда поколѣній дрессированныхъ и цивилизованныхъ можетъ родиться правнукъ съ характерными чертами отдаленнѣйшихъ предковъ, вполнѣ похожій на тѣхъ праотцевъ пещернаго періода, когда убійство, грабежъ и то, что мы называемъ преступленіемъ, были всеобщими правилами дѣйствій. Путемъ этой наслѣдственности въ каждомъ дитяти проявляется пережитое прошлое, задатки преступности: гнѣвъ, мстительность, жестокость, лживость, эгоизмъ. Эти сѣмена зла исчезаютъ потомъ при воспитаніи, подъ вліяніемъ общежитія; но есть извѣстный процентъ особей съ превратными наклонностями, которыя остаются таковыми всю жизнь.

Ломброзо не могъ, однако, остановиться на объясненіи посредствомъ одного атавизма просто потому, что хотя многіе острожники схожи анатомически съ дикарями—людьми вообще здоровыми, между которыми вообще не бываетъ сумасшедшихъ, то въ большинствѣ осуждаемыхъ нельзя, однако, отрицать присутствія признаковъ болѣзненной нервности, патологическихъ состояній, неврастеніи. Вообще и медики-алíенисты, и публика, расположены даже смотрѣть на преступниковъ какъ на психически больныхъ, какъ на пребывающихъ въ состояніи невмѣняемости. Считаясь съ

этимъ взглядомъ, но не отказываясь и отъ прежняго, Ломброзо оба несовмѣстимыя объясненія совокупилъ такимъ образомъ, что въ преступникѣ совмѣщаются и дикарь, и больной, такъ какъ къ атавизму часто приводятъ дурное питаніе мозга, нервность, эпилепсія. Между преступниками случайными и несомнѣнно сумасшедшими становятся „прирожденные преступники", въ числѣ которыхъ на ряду съ сумасшедшими помѣщаются одержимые такъ-называемымъ нравственнымъ сумасшествіемъ, то-есть люди, разсуждающіе здраво и дѣйствующіе цѣлесообразно, но безусловно неспособные различать нравственное добро и зло (moral insanity, folie morale). Новѣйшіе психіатры пріурочиваютъ этотъ видъ сумасшествія къ болѣзнямъ нервныхъ центровъ. Ломброзо идетъ дальше и кладетъ какъ подъ этотъ классъ, такъ и вообще подъ всѣхъ прирожденныхъ преступниковъ общее основаніе, а именно дѣлаетъ предположеніе, что всѣ они нервно больные, эпилептики, страдающіе либо явными припадками падучей болѣзни, либо, по крайней мѣрѣ, скрытою эпилепсіею (épilepsie larvée), иными словами, они имѣютъ эпилептическій темпераментъ, вслѣдствіе чего всѣ „прирожденные преступники" получаютъ психопатическую окраску и разсматриваются якобы сумасшедшіе (не matti, а mattoïdi). Такимъ образомъ, изъ сомнительныхъ предположеній дѣлаются и выводы совсѣмъ невѣрные. Подъ понятіемъ преступниковъ по атавизму разумѣлись запоздалые уроды, являющіеся нынѣ какъ бы по ошибкѣ, когда имъ слѣдовало бы жить назадъ тому нѣсколько вѣковъ, но не выродки, родившіеся нормальными людьми и потомъ свихнувшіеся или даже сошедшіе съ ума, люди, отличающіеся признаками не органическими, а патологическими. Любопытно, что ученикъ Ломброзо — Марро — взялся повѣрить теорію учителя и произвелъ хотя меньшее количество наблюденій, но зато съ необычайною точностью и при помощи всѣхъ средствъ психофизики,—надъ арестантами и несудившимися людьми въ одной сѣверной Италіи, причемъ пришелъ къ заключеніямъ совсѣмъ не согласнымъ съ теоріею своего учителя. Марро подраздѣляетъ усмотрѣнныя имъ ненормальности на три разряда: *атавическія*, когда онѣ соотвѣтствуютъ физическимъ чертамъ организаціи предковъ; *атипическія*, когда онѣ произошли въ зародышномъ еще состояніи субъекта (уродливое строеніе черепа, страбизмъ, асимметрія, золотуха); и *патологическія*, напримѣръ, рубцы, параличъ, затруднительное кровеобращеніе, увѣчья, послѣдствія алкоголизма. Перваго рода ненормальности весьма рѣдки; вторыя—въ одинаковой пропорціи свойственны и преступникамъ, и несудившимся лицамъ; ненормальностями третьяго рода

одержимы преступники въ несравненно большемъ количествѣ и степени, нежели честные люди. Значитъ, преступникъ въ бо́льшей части случаевъ—больной, расшатанный человѣкъ, часто психопатъ, часто страдающій отъ недостаточнаго прилива крови къ мозгу. Бѣдность, нищета—вотъ неразлагаемый осадокъ преступнаго типа. Прибавимъ къ тому невѣжество и не біологическій атавизмъ, а тотъ общеизвѣстный историческій фактъ, что разные слои одного и того же общества, въ одно и то же время, по своимъ идеямъ и нравамъ живутъ въ разныхъ вѣкахъ исторіи: передовые классы—въ XIX, а аріергардъ, темныя массы, можетъ быть, въ XI или X столѣтіяхъ.

Тутъ я разстаюсь съ Ломброзо и перехожу къ тѣмъ его послѣдователямъ, въ рукахъ которыхъ проповѣдуемая имъ уголовная антропологія получила правовое и философское значеніе вслѣдствіе того, что они къ даннымъ біологіи и экспериментальной психологіи присоединили изысканія статистики. Они ее и переименовали изъ *антропологической* школы въ *положительную* (scuola positiva del diritto criminale).

Статистическія наблюденія надъ ходомъ преступности имѣли вездѣ тотъ результатъ, что они озадачивали общество и ставили на очереди жгучій вопросъ о спѣшномъ сооруженіи плотинъ противъ быстраго прибоя преступности, противъ возростанія непропорціонально приращенію населенія—числа преступленій вообще и рецидивовъ въ особенности. Я не буду останавливаться вообще на этихъ изслѣдованіяхъ и на классическомъ по своему методу и размѣрамъ оффиціальномъ французскомъ отчетѣ за 1880 (работа Ивернеса), изображающемъ движеніе преступности во Франціи за цѣлые полвѣка (съ 1830 по 1880 г.),—ни на успокоительной, но парадоксальной теоріи *Полетти* (1882, Di una legge empirica della criminalità), по которой увеличеніе числа преступленій, непропорціональное приращенію населенія, не обозначаетъ усиленія порчи нравовъ, если при этомъ быстро возросли и обращеніе богатствъ, и количество мѣновыхъ сдѣлокъ. Я счелъ необходимымъ затронуть статистику только съ одною цѣлью—указать, что какъ только статистическія изысканія присоединились къ антропологическимъ, занимавшимся одними конкретными преступниками и ихъ преступленіями,—то сама криминологія тотчасъ же преобразилась, содержаніе ея обобщилось, индивидуальная личность стушевалась, и мы стали имѣть дѣло съ коллективнымъ стремленіемъ къ преступности, проявляющимся съ различнымъ напряженіемъ въ связи со всѣми условіями общественнаго быта. Сама наука изъ той смѣси біологіи, зоологіи, антропологіи, какою она являлась у

Ломброзо, превратилась въ часть соціологіи, въ государственную науку, въ политику. Трудъ такого пополненія антропологіи статистикою, сопряженнаго съ опытомъ перевода науки на соціологическую почву, совершилъ Энрико *Ферри*, мантуанецъ, родившійся въ 1856 г., преподававшій уголовное право въ Туринѣ, а потомъ въ Сіенѣ, и промѣнявшій въ 1886 г. профессуру на званіе члена итальянскаго парламента. Самое блистательное его произведеніе, дающее наилучшее представленіе о всей итальянской школѣ, озаглавлено: „I nuovi orrizonti del diritto e della procedura penale“ (2 изд. 1884).

Ферри кладетъ въ основаніе своего ученія три *первоосновы*. Первая, общая всѣмъ представителямъ школы, есть несуществованіе свободной воли, а слѣдовательно и нравственной отвѣтственности, съ превращеніемъ уголовнаго права въ простую самооборону обществъ отъ преступниковъ. Вторая основа—идея Ферри, заимствованная отъ Ломброзо, а именно, что преступникъ есть разновидность рода человѣческаго, существо ненормальное, на другихъ особей иныхъ видовъ непохожее. Третья основа—наказанія сами по себѣ мало вліяютъ на уменьшеніе или приростъ преступности. Всякій психическій процессъ, а слѣдовательно и волевой, происходитъ по общему типу нервнаго рефлекса, осложненнаго только тѣмъ, что между вызвавшимъ его внѣшнимъ дѣйствіемъ и конечнымъ воздѣйствіемъ имѣется промежуточный фазисъ психическій, сопровождаемый обманнымъ чувствомъ, якобы, свободы произвола, а въ сущности это есть одно сознаніе того, что, откликаясь на раздраженіе извнѣ, лицо становится хотя и невольною, но дѣйствительною причиною перемѣнъ, производимыхъ имъ въ мірѣ внѣшнемъ, что̀ и составляетъ основаніе вмѣненія ему этихъ перемѣнъ. Карательная дѣятельность есть такой же рефлексъ, самозащита организма личнаго или коллективнаго въ его борьбѣ за существованіе. Она бываетъ либо немедленная, либо отлагаемая до болѣе удобнаго случая (месть), либо военная, либо судебная, либо исправляемая главою государства, либо его министрами и слугами. Она была первоначально совершаема безъ всякаго вывода противъ караемаго, противъ какой бы то ни было его вины, и подобный характеръ она имѣетъ и нынѣ въ международныхъ войнахъ. Однако, вскорѣ карательная функція перешла къ жрецамъ, въ рукахъ которыхъ она получила мистическій характеръ оскорбленія божества, требующаго очищенія. Этотъ мистицизмъ до того со временемъ прилѣпился къ понятію преступленія, что и послѣ выхода изъ религіознаго періода законодательство и классическая уголовная школа не перестаютъ возиться съ виною, соразмѣряя съ нею наказаніе на от-

влеченнѣйшихъ вѣсахъ. Обусловленная виною юстиція стала воздаяніемъ. Она была кровная месть, государственная месть, божеская месть, или, наконецъ, жертвоприношеніе какой-то заоблачной идеѣ правды и справедливости. Наши законы еще не раздѣлались съ первымъ религіознымъ фазисомъ, классическая криминологія пребываетъ и до сихъ поръ во второмъ фазисѣ юстиціи воздаятельной и исправляющей, но пора вступить въ третій фазисъ юстиціи чисто правовой, задающейся только цѣлью охраны общества и закона, но не болѣе,—юстиціи, для которой безразличны степени вины. Изъемля личность изъ тисковъ средневѣкового государства, индивидуалисты-классики выдавали преступника государству головою для отмщенія ему—только при доказанности моральной его вины. Теперь задача измѣняется. Общество не караетъ, а только предохраняетъ себя отъ злодѣевъ, либо ассимилируя все то, что̀ еще годно къ ассимиляціи, или извергая все негодное,—и это оно дѣлаетъ хладнокровно, безъ эмоціи. Такъ какъ дѣянія людей въ общежитіи, смотря по ихъ хорошимъ или вреднымъ для общества послѣдствіямъ, должны быть относимы на счетъ дѣятелей, то общество и дѣлаетъ сихъ послѣднихъ отвѣтственными, не нравственно, а только легально, за ихъ противозаконныя дѣйствія, вслѣдствіе одного того факта, что они состояли въ общежитіи,—не добираясь до сокровенной вины. Воздѣйствіе общества на преступниковъ заключается и въ порицаніи ихъ поступковъ общественнымъ мнѣніемъ, и въ мѣрахъ предупрежденія, и въ гражданскихъ взысканіяхъ. На самомъ краю этой системы стоятъ мѣры уголовнаго укрощенія и изъятія изъ общежитія особей наиболѣе опасныхъ. Критеріумъ при опредѣленіи степени наказуемости не вина, а только la temibilita del delinquente,—выраженіе, изобрѣтенное Гарофало и усвоенное школою; оно выражаетъ *боязнь, внушаемую субъектомъ*, зависящую отъ важности посягательствъ на благо лица или общества съ объективной его стороны и отъ вѣроятности повторенія. При этомъ критеріумѣ преступленія дѣлятся на: 1) легкія, совершаемыя непривычными къ преступленію людьми (мѣры исправительныя); 2) средней важности преступленія, но совершаемыя непривычными людьми (кары, способныя отбить охоту и у другихъ то же дѣлать); 3) преступленія либо легкія, либо среднія, но совершаемыя людьми, занимающимися ими какъ ремесломъ, профессіонально (мѣры, клонящіяся къ тому, чтобы сдѣлать повтореніе мало-вѣроятнымъ); наконецъ, 4) выходящія изъ ряда злодѣянія (мѣры, пресѣкающія всякую возможность повторенія).

По *второй* изъ своихъ первоосновъ, Ферри слѣдуетъ почти по пятамъ Ломброзо, придерживаясь притомъ его первональ-

наго объясненія, по которому преступникъ прежде всего не психопатъ, а дикарь. По мнѣнію Ферри, преступникъ есть представитель первобытныхъ дикарей, у которыхъ нравственныя идеи и чувства существуютъ лишь въ зачаткахъ. Дѣленіе преступниковъ по системѣ Ферри замѣчательно тѣмъ, что оно было принято въ 1885 г. антропологическимъ конгрессомъ въ Римѣ и состоитъ изъ слѣдующихъ классовъ: 1) преступники-сумасшедшіе; 2) неисправимые или прирожденные; 3) привычные, дѣйствующіе по ремеслу (увеличивающійся грозный корпусъ рецидивистовъ); 4) преступники по страстному аффекту или импетики по темпераменту; 5) наконецъ, преступники случайные, вовлеченные въ преступленіе вліяніями среды или внѣшними связями. Опасныхъ сумасшедшихъ нельзя отпускать безъ осужденія; они должны быть помѣщены безсрочно или до выздоровленія въ такъ-называемыя manicomia или арестантскія больницы для помѣшанныхъ. Въ судѣ должны засѣдать въ числѣ судей и эксперты изъ психіатровъ. Къ сумасшедшимъ должны быть относимы и mattoïdi, одержимые нравственнымъ сумасшествіемъ. Настоящая расправа съ прирожденными и неисправимыми преступниками была бы смертная казнь, но не такая, какая существуетъ нынѣ въ видѣ пугала для воробьевъ, всего по нѣскольку головъ въ годъ. На одну Италію полезно было бы казнить въ годъ до 1.500 человѣкъ. Такъ какъ смертная казнь дѣлается невозможною по состоянію нравовъ, то лучше упразднить ее, но завести для неисправимыхъ заключеніе навсегда, со ссылкою куда-нибудь подальше, съ употребленіемъ на полевыя работы въ болотахъ, въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуетъ malaria, съ прибавкою для строптивыхъ тѣлеснаго наказанія, приспособленнаго къ нашему вѣку, не въ видѣ розогъ, но въ видѣ окачиваній холодною водою или электрическихъ разряженій, боль причиняющихъ, но безъ слѣдовъ. Для привычныхъ преступниковъ мѐньшаго калибра—воровъ, хищниковъ, заключеніе должно быть продолжительное, увеличивающееся по числу рецидивовъ до зачисленія въ неисправимые, то-есть до безсрочнаго заключенія. Относительно случайныхъ преступниковъ желательно поменьше тюремнаго ареста, побольше взысканія убытковъ, для молодыхъ—школа, для взрослыхъ—ирландскій способъ срочныхъ условныхъ отпусковъ. Тюрьма не должна быть комфортабельна, работы въ ней безусловно обязательны по началу: chi non lavora non mangia. Если преступники по страстному порыву не психопаты, то, сверхъ вознагражденія убытковъ, они должны быть подвергаемы особому заключенію срочному, не подлежащему сокращенію посредствомъ досрочнаго отпуска.

Что касается до *третьей* первоосновы Ферри, а именно, слабаго вліянія уголовныхъ каръ на преступность вообще, то предметъ этотъ находится въ ближайшей связи съ вопросомъ о *факторахъ* преступности, которыхъ Ферри насчитываетъ три рода: 1) *антропологическіе*, присущіе лицу преступника; 2) *физическіе*, состоящіе изъ совокупности условій окружающей преступника среды; 3) *общественные*, къ которымъ относятся нравы, религія, производительность и экономическое устройство, администрація, судъ, законодательство. Съузивъ область общественныхъ факторовъ, Ферри неправильно отнесъ въ антропологическіе—гражданское состояніе, занятіе и степень образованія лица. Факторы физическіе одинаково вліяютъ на всѣ классы преступниковъ; антропологическіе—преобладаютъ въ классахъ сумасшедшихъ, прирожденныхъ и импетиковъ; соціальные—въ классѣ случайныхъ преступниковъ. Факторы физическіе и антропологическіе состоятъ внѣ власти законодателя, дѣйствуютъ по извѣстному ритму; результатами ихъ являются изъ ряда вонъ выходящія крупныя злодѣянія, численно почти одинаковыя изъ года въ годъ. Зато страшная подвижность господствуетъ въ меньшихъ преступленіяхъ противъ лицъ, противъ общественной организаціи и въ особенности противъ имуществъ. Цифры колеблются, будучи въ постоянной зависимости отъ мѣняющихся условій общественной среды по неизмѣнному, усматриваемому Ферри, закону *уголовнаго насыщенія*. Подобно тому какъ по началамъ химіи при извѣстной температурѣ распускается въ водѣ только извѣстное количество соли или иного подобнаго вещества, а остальное пребываетъ въ видѣ нерастворённаго осадка, но слѣдуетъ только повысить температуру, и способность воды насыщенія ея солью тотчасъ увеличивается,—такъ точно и при кризисахъ финансовыхъ, земледѣльческихъ, политическихъ, насыщаемость уголовная вдругъ ростетъ, число преступленій, а слѣдовательно, и осужденій на наказанія увеличивается, причемъ, однако, возникаетъ вопросъ: способствуютъ ли эти наказанія хотя бы только къ заторможенію надлежащимъ образомъ усиливающейся склонности къ преступленіямъ. Тутъ Ферри большой скептикъ. Въ обществѣ есть высшіе интеллигентные классы, которые могли бы обходиться и безъ каръ, по одной унаслѣдованной привычкѣ честно дѣйствовать. Есть затѣмъ подонки общества, люди необразованные и нечестные, всецѣло преданные звѣрской борьбѣ за существованіе. На этотъ классъ, доставляющій наибольшее число преступниковъ, наказанія не дѣйствуютъ. Наконецъ, есть колеблющіеся, умѣренно-честные, на которыхъ угроза наказанія дѣйствуетъ въ смыслѣ психологиче-

скаго мотива, употребленнаго когда всѣ другія лекарства оказались недѣйствительными. Здѣсь въ помощь уголовному праву является выстроенная Ферри заманчивая система замѣстителей наказанія, такъ-называемыхъ sostitutivi penali—свободная мѣна, свобода выселенія, податная реформа, избирательная реформа, либеральное управленіе и такъ дальше, словомъ, рай земной, воображаемый идеальный общественный порядокъ, какимъ только можетъ его себѣ представить современный прогрессистъ,—программа на нѣсколько сотъ лѣтъ впередъ, которая не можетъ не измѣняться радикально прежде, нежели будутъ еще осуществлены самыя коренныя изъ ея предначертаній.

Послѣ всего сказаннаго мною о книгѣ Ферри, я могу довольствоваться немногими словами, посвященными третьему представителю итальянской школы, вице-президенту трибунала въ Неаполѣ—Гарофало и его криминологіи (1885 г., 2-е изданіе во французскомъ переводѣ 1890 г.). Онъ изобрѣлъ указанный уже мною критеріумъ наказуемости—la temibilita del delinquente. Его дѣленіе не-случайныхъ преступниковъ на три разряда: смертоубійцъ, насилователей и воровъ, одобрено въ 1889 г. антропологическимъ конгрессомъ въ Парижѣ. Оно основано на понятіи Гарофало о преступленіяхъ *естественныхъ*, заключающемся въ томъ, что если изъ преступности выдѣлить преступленія религіозныя, политическія и такія, которыя только по положительному закону квалифицированы преступными, то всѣ остальныя сводятся къ отсутствію въ дѣятелѣ либо одного, либо обоихъ коренныхъ альтруистическихъ чувствъ: чувства состраданія или чувства честности. Гарофало—утонченный логикъ, озабоченный проведеніемъ идей школы въ законодательство и въ практику. Онъ порицаетъ нынѣшнее уголовное право за то, что наказанія утратили свой элиминативный характеръ; они допускаютъ преслѣдованіе по частному обвиненію, уголовную давность и помилованіе, пользуются судомъ присяжныхъ и избираютъ типическимъ наказаніемъ заточеніе въ тюрьмѣ въ размѣрѣ, опредѣленномъ напередъ.

На долю не Гарофало, а Ферри досталась нелегкая задача—защищать идеи новой школы въ итальянскомъ парламентѣ при преніяхъ о новомъ кодексѣ, утвержденномъ 1-го декабря 1889 г. и введенномъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1890 г. Ферри произнесъ рѣчь безъ увлеченія, зная, что она не найдетъ въ сеймовомъ собраніи поддержки,—до того преобладаютъ въ немъ еще идеи классиковъ-беккаріанцевъ. Позитивисты никогда не разсчитывали на ближайшіе успѣхи. Еще на антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ, въ ноябрѣ 1885 года, по предложенію Моле-

шотта, они приняли слѣдующее заключеніе: „признавая, что только достаточно созрѣвшія идеи могутъ проникнуть въ практическую жизнь и осуществиться однимъ дѣйствіемъ собственныхъ силъ, конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы будущія законодательства въ ихъ прогрессивной эволюціи сообразовались съ началами уголовной антропологіи".

Хотя итальянскій уголовный кодексъ, задуманный еще въ 1875 г. при Манчини и осуществленный только нынѣ при Занарделли, пошелъ по иному пути, нежели тотъ, какой предлагали позитивисты, но и въ немъ имѣются кой-какіе слѣды позитивизма, на которые я долженъ указать. Кодексъ весьма сжатъ (498 статей); онъ исключилъ изъ употребительнаго трехъ-членнаго дѣленія уголовныхъ правонарушеній—на crimes, délits et contraventions—первый членъ, то-есть преступленія, crimes, и усвоилъ себѣ только *проступки* и *нарушенія*. Смертная казнь въ немъ отмѣнена; ее замѣняетъ ergastolo, вѣчная каторга съ одиночнымъ заключеніемъ въ первыя 7 лѣтъ и съ работами потомъ въ общихъ помѣщеніяхъ, но съ обязательнымъ молчаніемъ (§ 12). При наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ, вмѣсто ergastolo полагается reclusione на 30 лѣтъ. Срочное заключеніе въ двухъ видахъ, reclusione и detentione, длится до 24 лѣтъ, первое съ одиночнымъ заключеніемъ, но оба съ обязательными работами. Невмѣняемость существуетъ для дитяти до 9 лѣтъ, съ 9 до 14 лѣтъ ставится вопросъ о разумѣніи, и во всякомъ случаѣ до 21 г. наказаніе смягчается (§§ 53—56). Въ § 45 сказано: никто не можетъ быть наказанъ за проступокъ, если онъ не желалъ дѣйствія, составляющаго проступокъ, за исключеніемъ случаевъ, когда законъ распорядился иначе, отнеся дѣйствіе на счетъ обвиняемаго, какъ послѣдствіе его дѣянія или его упущенія. По § 46 ненаказуемо лицо, которое въ моментъ совершенія факта находилось въ состояніи слабоумія, способнаго лишить его сознанія или *свободы* его дѣйствій. Слѣдующія затѣмъ слова этого же § даютъ нѣкоторое удовлетвореніе позитивистамъ относительно ихъ manicomia для сумасшедшихъ: однако, если судья сочтетъ опаснымъ освобожденіе обвиняемаго, объявленнаго состоящимъ въ невмѣняемости, то онъ распорядится о передачѣ таковаго подлежащей власти для поступленія съ нимъ по закону. Въ § 47 положено громадное пониженіе наказанія для признававшагося уже и прежде итальянцами, но недопускаемаго другими законодательствами состоянія полупомѣшательства, то-есть „для лицъ, которыхъ умственное состояніе таково, что могло значительно уменьшить отвѣтственность, не исключая ее однако".

Итальянскіе позитивисты не признають своимъ дѣтищемъ новый кодексъ. Побѣда для нихъ только впереди; но возникаетъ вопросъ: достанется ли она имъ и въ будущемъ? Вносятъ ли они въ уголовное дѣло новыя идеи, вѣрныя основанія, настоящія истины? Для разрѣшенія этого вопроса необходимо произвести критическую оцѣнку коренныхъ основаній новой школы.

Ея краеугольный камень—преступникъ, какъ разновидность рода человѣческаго—есть мечта воображенія, несуществующій предметъ. Можно ли признать существованіе вида, когда его признаки оказываются только у 40% особей, относимыхъ къ этому виду; и притомъ признаковъ этихъ весьма много и они составляютъ характеристику только тогда, когда совмѣщаются въ лицѣ въ весьма большомъ числѣ. Эти признаки столь часты и у несудившихся людей, что надо было прибѣгнуть къ гипотезѣ *скрытаго преступника* (delinquente latente), который не имѣлъ еще случая заявить свое предрасположеніе къ преступленію. Не только всѣ признаки вида спорны, но даже и объясненіе, даваемое школою происхожденію и непрекращающемуся комплектованію вида, оказывается весьма сомнительнымъ и даже фантастическимъ. Не доказано, что изначала, въ до-историческія времена, нормальнымъ типомъ былъ человѣкъ-преступникъ, разучившійся только злодѣйствовать подъ вліяніемъ цивилизаціи. Данныя исторіи, восходящія до отдаленнѣйшихъ временъ, обнаруживаютъ признаки доброты, мягкости и простоты семейной жизни у племенъ пребывающихъ въ до-государственномъ состояніи. Потомъ, вслѣдствіе роковой необходимости защищаться, воевать, наступило одичаніе, которое навсегда было регрессомъ къ первичной старинѣ. Общество можетъ одичать, взятое въ цѣлой своей совокупности,—могутъ вырождаться и портиться отдѣльныя особи также и вслѣдствіе *подбора наоборотъ*, о которомъ говорилъ Гарофало, то-есть полового совокупленія лицъ хилыхъ и слабыхъ, и вслѣдствіе того, что эти особи оказались шаткими, не устояли противъ искушеній, превратились въ нечистоплотныхъ животныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что между уродами нравственными, которые таковыми уже родились, и уродами, которые таковыми сдѣлались, есть поразительныя общія черты сходства, такъ что можно изъ этихъ признаковъ составить общій типъ *острожный* или *уголовный*, но онъ не разновидность рода человѣческаго, а только доказательство, что пребываніе въ извѣстной средѣ, напримѣръ, въ острогѣ, или даже занятіе преступленіемъ, какъ ремесломъ, налагаютъ на человѣка извѣстную печать. Въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“, воспроизводимыхъ въ главныхъ чертахъ почти всѣми

итальянскими антропологами-криминалистами, Достоевскій изобразилъ наблюденный имъ типъ острожниковъ сибирскихъ. Независимо отъ тюремнаго отпечатка, занятіе однимъ трудомъ, усиленное упражненіе однихъ органовъ и слабое развитіе другихъ, неработающихъ—дѣлаютъ то, что по одной наружности мы можемъ опознать военнаго, священника, учителя или кузнеца. И занятія избираютъ себѣ люди наиболѣе подходящія къ ихъ сложенію. Привычки у людей бываютъ мускульныя и нервныя, которыя легко подмѣтить. Вслѣдствіе скрещиванія и смѣшенія народа въ громадныхъ государствахъ расовые типы стушевываются, но зато тѣмъ сильнѣе обрисовываются профессіональные, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ уголовный типъ или въ особенности типъ закоренѣлаго и неисправимаго рецидивиста. Это и есть единственный типъ преступный, уловимый съ внѣшней стороны. Классъ преступниковъ-сумасшедшихъ основанъ на логическомъ противорѣчіи: кто сумасшедшій, тотъ не преступникъ, хотя бы даже его и держали въ заключеніи. Вѣроятно, наука значительно расширитъ въ будущемъ кругъ лицъ психически больныхъ, находящихся въ состояніи невмѣняемости, такъ что въ этотъ кругъ войдутъ и многіе прирожденные преступники, насколько они своей преступности не сознавали. Преступниковъ по страстному порыву немного (около 5%); если страсть получила сознаніе, то она можетъ быть разсматриваема какъ моментальное сумасшествіе. Остальные два подраздѣленія преступниковъ: случайные и привычные—едвали могутъ быть разграничены, потому что всякій привычный преступникъ началъ съ того, что былъ преступникомъ по случаю, пока наклонность къ преступленію, вслѣдствіе повторенія, не сдѣлалась для него привычкою.

Итальянская школа слишкомъ долго и усидчиво занималась только зоологіею, антропометріею, подробностями тѣлосложенія, такъ что ей не хватило времени на психологическія наблюденія, а соціологія хотя и входила въ ея намѣренія, но осталась ей на дѣлѣ чужда. Еслибы вмѣсто того, чтобы ограничиваться изученіемъ съ небывалою до сихъ поръ подробностью—атавизма, эпилепсіи, алкоголизма, вліянія временъ года и проч., позитивисты занялись столь же прилежно взвѣшиваніемъ соціальныхъ факторовъ: религій, богатства, образовъ правленія, свойствъ переживаемаго историческаго момента,—то оказалось бы, что многое изъ относимаго на счетъ природы должно бы было быть поставлено на счетъ обществу и его плохому устройству. При такой перестановкѣ вопроса произошелъ бы неизбѣжно расколъ въ лагерѣ позитивистовъ по поводу соціальныхъ факторовъ, которыхъ до сихъ поръ они не

разбирали. Въ этомъ лагерѣ естественники, занимающіеся уголовнымъ правомъ, какъ наукою описательною, перессорились бы съ соціалистами, своего рода метафизиками, которые, доискиваясь первопричинъ зла и не обрѣтая ихъ въ свободной волѣ, влекутъ на судбище само общество, и разрушаютъ его мысленно съ тѣмъ, чтобы потомъ зáново отстроить. Мы уже коснулись этихъ соціалистическихъ утопій въ sostitutivi penali у Ферри. Какъ бы ни были велики и всесторонни усовершенствованія законодательныя, они устранятъ только одни поводы къ тому, чтобы грѣшить и преступать законъ, но не превратятъ людей въ добрыхъ и честныхъ, не уменьшатъ числа такъ-называемыхъ „сокрытыхъ преступниковъ". Законы и учрежденія—это только оболочка и кора общества, а сердцевина, отъ которой именно все и зависитъ, это—тѣ культурно-выращенныя чувства человѣколюбія и честности, которыхъ недостатокъ, по ученію Гарофало, служитъ показателемъ естественной преступности дѣятеля. Когда эти чувства перестаютъ быть живучими,—одна шлифовка и оттачиваніе внѣшнихъ формъ быта весьма мало поможетъ.

При критической оцѣнкѣ коренныхъ началъ позитивной школы итальянской мельчаетъ и постепенно стушевывается то безусловно *роковое*, на которомъ она построена. Роковое въ природѣ—*атавизмъ*—растаяло и изъ психическаго уродства превратилось въ предрасположеніе. Роковое *соціологическое*—отвѣтственность за дѣйствія человѣка одной среды и законовъ общежитія—есть предположеніе весьма сомнительное, рискованная теорія. Остается роковое въ *мотивахъ воли*, тотъ детерминизмъ, отрицающій всякую нравственную отвѣтственность и видоизмѣняющій—юридическую. Къ разбору его я и долженъ приступить.

Такимъ образомъ, оказывается, что итальянская школа не дала положительныхъ результатовъ, однако отрицательные ея результаты значительны. Она обнаружила полную несостоятельность и безрезультатность нынѣшней системы наказаній, легкомысленную торопливость, съ которою разбираютъ на судѣ по эмоціямъ, а не па основаніи научныхъ пріемовъ—не самого человѣка, а искусственно отдѣленное отъ его личности его дѣяніе, послѣ чего судимый человѣкъ для юстиціи исчезаетъ, и о дальнѣйшихъ его судьбахъ она перестаетъ заботиться. Такова несомнѣнная польза, которую принесла эта школа.

II.

Вопросъ о свободѣ воли.—Законы подражательности Тарда.

Итальянская положительная школа антропологовъ-криминалистовъ беретъ за исходную точку ученіе, распространившееся особенно сильно съ пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія, о несвободѣ воли, какъ вслѣдствіе подчиненія этой воли всеобщему закону причинности, такъ и вслѣдствіе того, что дѣйствію предшествуетъ рѣшимость, рѣшимость же немыслима безъ мотивовъ, а мотивы эти дѣйствуютъ роковымъ образомъ и непреодолимо. Если нѣтъ свободы воли, то нѣтъ вины и нѣтъ отвѣтственности, ни нравственной, ни юридической, и нѣтъ наказанія за вину, а только самозащита общества отъ нарушителей его законовъ. Не вхожу пока въ разборъ правильности такого вывода изъ посылокъ; замѣчу только, что есть много детерминистовъ или „нецессаріанцевъ", которые, отрицая свободу воли, признаютъ за обществомъ право создавать противодѣйствующіе преступленію психическіе мотивы, то-есть грозить наказаніемъ, а затѣмъ, для поддержанія дѣйствительности этой угрозы и наказывать. Я только констатирую, что мы стали теперь передъ вопросомъ о свободѣ воли, который необходимо либо разрѣшить, либо какимъ бы то ни было образомъ обойти.

Вопросъ глубокъ и безбреженъ какъ море. Сначала онъ явился въ богословской формѣ предопредѣленія къ добру дѣйствіемъ божеской благодати (у св. Августина). Св. Ѳома Аквинатъ допускалъ ограниченную свободу воли у человѣка. Лютеръ возвратился къ предопредѣленію по идеѣ св. Августина. Потомъ, когда „служанка богословія", философія, освободилась, ей достался на рѣшеніе головоломный вопросъ. Она не обладала данными естествознанія, методами точнаго наблюденія явленій, въ мірѣ происходящихъ, имѣла въ своемъ распоряженіи только скудный запасъ наблюденій, доставляемыхъ внутреннимъ опытомъ, самосознаніемъ, и воспроизводила мысленно вселенную по этимъ даннымъ психологіи при помощи воображенія. Она была притомъ полу-религіозная, склонялась къ тому, чтобы созерцать вселенную съ точки зрѣнія абсолюта, какъ Бога-природу Спинозы, какъ саморазвившуюся идею Гегеля, какъ міровую волю Шопенгауера,—либо въ наиболѣе узкомъ смыслѣ раціоналистическая, сводящая всю психическую дѣятельность къ уму, анализирующему явленіе, и не подозрѣвающая, что сознаваемой дѣятельности ума предшествуютъ сложные процессы чисто-психическаго свойства въ безсознательномъ. То

были еще продолжающіеся средніе вѣка. На границѣ ихъ и нашей современности, ознаменованной небывалыми успѣхами естествознанія, у самаго входа въ нашу эпоху, сталъ геніальнѣйшій изъ геніальныхъ философъ Иммануилъ Кантъ, родоначальникъ новой философіи, которая движется сообщеннымъ имъ толчкомъ ей, поминутно къ нему возвращаясь, несмотря на недостаточность и незаконченность открытыхъ имъ положеній. Кантъ опредѣлилъ непереступаемыя границы нашему опытному знанію, которое имѣетъ дѣло только съ относительнымъ и феноменальнымъ и скользитъ по улавливаемой впечатлѣніемъ поверхности бытія, между тѣмъ какъ существо вещей, какимъ онѣ есть сами въ себѣ, и ихъ причинность для ума безусловно недоступны. Кантъ сразу подсѣкъ трансцендентную метафизику прошедшаго, населявшаго міръ если не живыми человѣкообразными существами, то фантастическими отвлеченностями въ родѣ субстанцій, теоріи, силы, способностей, причинъ. Оказалось, что условные знаки изображаютъ невѣдомую подкладку извѣстныхъ серій явленій. Кантъ и есть основатель новѣйшаго агностицизма, то-есть того непознаваемаго, которое составляетъ темный фонъ нашего мышленія. Затѣмъ въ области волевой, практической, Кантъ рѣшительно отдѣляется отъ сенсуалистовъ, отъ людей, выводящихъ мораль изъ эгоизма, изъ прирожденнаго стремленія къ удовольствію, къ счастію, и заключающихъ изъ того, какъ дѣйствуетъ человѣкъ, о томъ, какъ ему слѣдуетъ дѣйствовать. Руководящими для воли началами Кантъ ставитъ сверхчувственную, наблюденію не подлежащую, душѣ, какъ „ноумену", то-есть вещи самой въ себѣ, присущую и непосредственно созерцаемую идею долга. Эта суровая, строгая, независимая отъ чувственности апріорическая мораль является въ видѣ *категорическаго императива*, то-есть прямого велѣнія.

Не буду подвергать критикѣ это ученіе Канта, философски неудовлетворительное, вслѣдствіе того, что оно совсѣмъ мистическое; я указываю только на главные этапы философіи. Такимъ этапомъ послѣ Канта былъ позитивизмъ Огюста Конта, выбросившій за бортъ, вслѣдъ за богословіемъ, и всю метафизику, и задумавшій строить безъ нея настоящую науку. Умъ долженъ отказаться отъ погони за первоосновами, первопричинами и конечными цѣлями бытія; онъ долженъ ограничиться изученіемъ однихъ постоянныхъ отношеній между вещами, основанныхъ на сходствѣ и послѣдовательности явленій, то-есть открытіемъ законовъ жизни. Но и позитивизмъ кончается,—онъ былъ переходнымъ фазисомъ въ развитіи философіи. Метафизика воскресла,—не прежняя, но преобразованная; она признается законнорожденнымъ дѣтищемъ ума,

необходимымъ дополненіемъ положительнаго знанія, имѣющимъ свои особыя задачи.

Единственнымъ орудіемъ знанія служитъ опытъ, либо внутренній надъ своею душою, либо внѣшній. Матеріаломъ служатъ явленія, наблюдаемыя чувствами. Пріемы, необходимые для успѣховъ знанія, суть съ одной стороны спеціализація наблюденій, съ другой—перенесеніе, по аналогіи, выведенныхъ изъ наблюденій законовъ изъ однѣхъ спеціальныхъ областей знанія на другія. Никакая спеціальная наука не въ состояніи дать окончательнаго обобщенія всѣхъ знаній. Каждая выражаетъ своими положеніями, точно алгебраическими условными знаками, извѣстный уголокъ, частицу цѣлаго. Знаки эти передаютъ понятія якобы извѣстныя, а между тѣмъ весьма мало извѣстныя и неопредѣленныя; нѣкоторыя изъ этихъ понятій суть концентрированныя наблюденія, а нѣкоторыя можетъ быть формы нашего мышленія. Эти данныя, каковы теперь: сила, пространство, число, время и тому подобныя, предполагаются сопровождающими всякое движеніе и потому не поясняются. Умъ нашъ способенъ сдѣлать предметомъ изслѣдованія эти высшія отвлеченія, отдѣленныя отъ своего базиса, подвергнуть ихъ критикѣ для точнаго опредѣленія ихъ содержанія (теорія познанія, гноѳологія) и завершить знаніе куполомъ, построить міросозерцаніе, воспроизводящее въ субъективномъ, правда, образѣ всю вселенную, всю природу, всю міровую жизнь согласно состоянію въ тотъ моментъ положительныхъ наукъ. Этотъ отраженный образъ вселенной можетъ и не претендовать на воспроизведеніе ея—точное; вселенная въ этомъ образѣ окрашена въ цвѣтъ личнаго темперамента созерцателя; она—вселенная въ томъ только видѣ, въ какомъ ее мыслитъ, чувствуетъ и желаетъ имѣть созерцатель. По выраженію Фулье (Avenir de la métaphisique. 1889) она есть метафизика *имманентная*, въ предѣлахъ настоящаго бытія, въ противоположеніи бывшей въ ходу въ прежнія времена —трансцендентной. Она не поэзія идеала, какъ ее себѣ представляли Ланге и Ренанъ, потому что не изобрѣтаетъ небывальщинъ, фикцій, а доискивается настоящаго смысла жизни, хотя и сознаетъ, что не можетъ его вполнѣ раскрыть. Метафизика опирается, конечно, на результатахъ положительныхъ наукъ, но она состоитъ главнымъ образомъ изъ сужденій ипотетическихъ, то-есть, по даннымъ опыта частичнаго растягиваемыхъ и обобщаемыхъ; она весь міръ пытается представить въ видѣ цѣлаго, приведеннаго къ одному началу. Нѣтъ науки, могущей обойтись безъ ипотезъ. Многіе дошли до результатовъ только тѣмъ, что смѣло ставили ипотезы, потомъ блистательно оправдавшіяся. Ипотеза

есть сильнѣйшее оружіе въ борьбѣ съ непознаваемымъ и даже съ незнаемымъ; часто случалось, что непознаваемое оказывалось только незнаемымъ и даже неизвѣстнымъ. Въ этой борьбѣ знанія метафизика была и есть передовой застрѣльщикъ. Ея участіе въ области морали незамѣнимо ничѣмъ, такъ какъ этика есть наука насквозь метафизическая, ставящая неразрѣшимыя посредствомъ прямого наблюденія задачи и не дающая никакихъ рѣшеній, кромѣ ипотетическихъ, а слѣдовательно, не окончательныхъ, — объ удовольствіи, счастіи, добрѣ, идеалѣ дѣйствія, долгѣ, свободѣ воли. Не приступая къ рѣшенію послѣдняго изъ этихъ вопросовъ, я долженъ нѣсколькими чертами обозначить нынѣшній его фазисъ съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить, склоняются ли нынѣ мнѣнія къ тому рѣшенію, которое ему давали детерминисты и въ томъ числѣ итальянскіе антропологи-позитивисты.

Прежде всего я долженъ устранить всѣ ученія о свободѣ воли, трансцендентной волѣ человѣка, предполагаемой, міровой. Съ 1887 г. по 1889 г., вопросъ о свободѣ воли разбирался въ московскомъ Психологическомъ обществѣ, отдѣльные рефераты изданы въ особой книжкѣ 1889 г. „О свободѣ воли". Въ одномъ изъ рефератовъ профессоръ Н. Гротъ говоритъ: „воля личности есть обособившійся элементъ всеединой вселенской воли" (92). Я становлюсь на точку зрѣнія одного изъ московскихъ референтовъ, врача Кирсанова, и предполагаю волю только тамъ, гдѣ есть душа, слѣдовательно въ человѣкѣ. Начну съ того, что уму человѣка присуще понятіе причинности — плодъ внутренняго наблюденія, обобщеннаго въ законъ, распространенное потомъ на весь міръ, хотя внѣ своего сознанія человѣкъ не наблюдалъ его и найти бы не могъ. „Хочу что-нибудь сдѣлать" (дѣйствіе потенціальное); „дѣйствую" (возможность, превратившаяся въ актъ); „я сдѣлалъ и узнаю себя въ произведеніи". Этотъ психологическій опытъ надъ самосознаніемъ, перенесенный во внѣшнюю природу, является у дикаря въ грубой формѣ антропоморфизма или фетишизма: весь міръ по его понятіямъ населенъ богами, духами, живыми существами, прихотливыми и своенравными. Съ ходомъ развитія законъ причинности преображается и пріобрѣтаетъ колоссальное значеніе. Весь міръ упорядоченъ, нѣтъ случайныхъ явленій, все сущее превращено въ густую сѣтку причинъ и слѣдствій, и явилась возможность предусматривать будущее,—чего бы не могло быть, еслибы нельзя было по предшествующему и обусловливающему предвидѣть наступленіе неизбѣжно за нимъ слѣдующаго обусловливаемаго. Эта новая причинность есть только подобіе первоначальной психоло-

гической; она чисто *механическая*. Каждое послѣдующее сводится къ своему непосредственно предшествовавшему, какъ къ своему основанію, это послѣднее—къ своему предъидущему и такъ далѣе до невѣдомаго перваго. Въ математикѣ и механикѣ дѣлаются попытки изгнать само метафизическое представленіе причинности, предполагающее связь, подобную рождаемости, между предъидущимъ и послѣдующимъ, и превратить ее въ простыя метаморфозы движенія, при сохраненіи той же энергіи или силы. Съ помощью закона причинности на механической подкладкѣ естествознаніе сдѣлало громадные успѣхи,—сдѣлало потомъ вторженіе въ міръ самосознанія, изобрѣло опытную физіологію и психофизику, обнаружило корни и зачатки всѣхъ сознательныхъ процессовъ души въ безсознательномъ, чѣмъ довело до великой степени правдоподобія предположеніе о тождествѣ параллельно совершающихся процессовъ: физическаго—въ нервахъ, и психологическаго—въ душѣ, не превращающихся однако никогда одинъ въ другой. Тогда неизбѣжно должна была произойти попытка завоевать и подчинить естествознанію единственную оставшуюся независимою отъ него область дѣяній человѣческихъ, то-есть морали, водворить и въ ней законъ механической причинности, уже господствующій въ естествознаніи, замѣнивъ этою механическою причинностью другую непосредственную, психологическую, удостовѣряемую внутреннимъ чувствомъ. Можетъ кто-либо воображать себя свободно самоопредѣляющимся въ своихъ дѣйствіяхъ, но его увѣрятъ въ самообольщеніи, въ томъ, что онъ дѣйствуетъ по такой же необходимости, съ какою камень падаетъ и вода течетъ. Этотъ выводъ дѣлается при помощи слѣдующихъ соображеній.

Всякое дѣйствіе человѣка есть, выражаясь языкомъ физіологіи, рефлекторный актъ. Всякое сознательное дѣйствіе или дѣяніе представляется сознанію какъ особаго рода психическій волевой процессъ, сопровождающій и осложняющій процессъ въ нервахъ. Та перемѣна, которую человѣкъ произвелъ дѣяніемъ въ мірѣ внѣшнемъ (послѣдствія дѣянія), скована съ дѣяніемъ по закону простой физической причинности; но само движеніе въ мірѣ внѣшнемъ было только однимъ изъ звеньевъ психологическаго процесса; ему предшествовало хотѣніе, консолидировавшееся до степени рѣшенія. Какъ только состоялась рѣшимость — осуществлявшее его движеніе стало явленіемъ необходимымъ и роковымъ. Но самой рѣшимости неизбѣжно предшествовало представленіе въ умѣ о послѣдствіяхъ дѣянія, какъ о цѣлевой или конечной причинѣ (causa finalis), ради которой движеніе совершалось. Отъ другихъ присущихъ сознанію представленій это представленіе

отличается тѣмъ, что другія воспроизводятъ мысленно отношенія вещей, какія есть, а оно—творческое, съ новою группировкою условій возможности будущаго, становящагося предметомъ *воли* и *рѣшимости*. Это представленіе, цѣлевое, или *телеологическое*, давъ толчокъ волевому движенію, стало двигателемъ или *мотивомъ* дѣйствія. Образованіе такихъ цѣлевыхъ представленій можетъ быть и непроизвольное (по внезапному вдохновенію), но обусловленное мотивомъ волевое явленіе всегда сопровождается усиліемъ, расходомъ энергіи. Самъ толчокъ кажется намъ исходящимъ отъ нашей же воли, то-есть отъ нашего *я*, а потому спрашивается: не былъ ли онъ необходимъ, какъ все, что въ природѣ происходитъ? Тутъ-то и ставилось поборниками вольной воли произвольное и нелѣпое представленіе о волѣ, какъ о способности выбирать одно изъ противоположныхъ направленій, рѣшаться по произволу, то-есть по неосмысленному случаю, на одно или противное ему другое, подбирая по прихоти тотъ или другой мотивъ. Такъ-называемая *свобода безразличія* есть небывальщина, пустая отвлеченность, которую можно измыслить, но не наблюдать, и которая получится только тогда, когда мы волю возьмемъ какъ нѣчто формальное и вычтемъ, такъ сказать, изъ нея все ея содержаніе, то-есть когда она уже не будетъ воля, а нуль или ничто (хотѣніе, чтобы ничего не хотѣть). Мотивъ не избирается нами, но самъ навязывается намъ и заполоняетъ нашу волю съ бо́льшею или меньшею силою, такъ что онъ бываетъ не только импульсивнымъ, то-есть толкающимъ насъ на дѣйствіе, но иногда, по выраженію Канта, и категорически императивнымъ, то-есть непреодолимымъ, и превозмогаетъ всякіе другіе мотивы, какіе только мыслимы. Если мотивъ непроизволенъ, если въ душѣ происходитъ между идейными представленіями-мотивами борьба за существованіе,—причемъ имѣющійся въ наличности сильнѣйшій всегда побѣдитъ и увлечетъ человѣка,—то какое же мѣсто можетъ быть отведено въ первой части рефлекторнаго процесса такъ-называемой свободѣ воли? Если обратнымъ ходомъ будемъ восходить къ первопричинамъ дѣйствій, то натолкнемся на два антецедента, устраняющіе свободу воли: во-первыхъ, на сложившійся характеръ лица, на совокупность привычекъ откликаться почти автоматически на внѣшнія раздраженія, впечатлѣнія, а затѣмъ на то самое нервное раздраженіе или возбужденіе, съ котораго рефлекторный актъ начался. Такимъ образомъ, воля есть специфическое ощущеніе, сопровождающее заключительную двигательную часть рефлекторнаго акта. Сама она дѣйствій не опредѣляетъ; дѣйствія

эти запечатлѣны характеромъ необходимости; автономія воли есть чистый призракъ, представленіе, лишенное всякой реальности.

Этотъ выводъ односторонемъ и ошибоченъ, потому что смѣшиваетъ феноменальную физическую причинность съ психологическою причинностью идей-мотивовъ, созерцаемыхъ непосредственно внутреннимъ чувствомъ. Если мы станемъ изучать дѣяніе какъ рефлекторный актъ, то уже въ началѣ его, въ воспріятіи ощущенія найдемъ, что пресѣкается возможность связать по закону причинности внѣшній толчокъ съ тѣми послѣдствіями, которыя онъ можетъ произвести въ душѣ. Внѣшній міръ не входитъ ни въ малѣйшей долѣ внутрь насъ, въ ощущенія, а происходитъ только въ доходящемъ до мозга вибрированіи нервовъ реакція внутренней энергіи мозговыхъ клѣтокъ. Эти вибраціи ощущаются душою какъ символически только воспроизводящія свойства и отношенія міра внѣшняго. Самъ рефлексъ необычайно сложенъ; чувственное раздраженіе не всегда тотчасъ переходитъ въ волевое; иногда задержка его длится мѣсяцы и годы, такъ что отъ этихъ задержаній въ центральной части рефлекторнаго снаряда происходитъ большое накопленіе свободной энергіи. Иногда сильный даже толчокъ безслѣдно поглощается центромъ, а иногда и малый достаточенъ для разрѣженія накопившейся энергіи сильнымъ взрывомъ. Самъ резервуаръ энергіи колоссаленъ; это настоящій microcosmus, совокупность идей, чувствованій, воспоминаній даннаго лица, въ скрытомъ состояніи въ немъ пребывающихъ, но отъ всякаго толчка могущихъ проявиться и вихремъ пронестись. Внѣшній толчокъ, то-есть предъидущее, не можетъ быть разсматриваемъ какъ достаточное основаніе послѣдующаго, то-есть разряженія накопившейся энергіи; подобно тому невозможно доказать не только то, что вливающіяся въ Черное море воды Днѣпра, Дуная и другихъ рѣкъ суть причина того морского теченія, несущаго воды Чернаго моря чрезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Средиземное море, но еще большее, а именно, что только изъ однѣхъ рѣчныхъ водъ, вливающихся въ Черное море, образуется морское теченіе чрезъ проливъ. Прибавка припасенной энергіи къ движенію, вызванному слабымъ стимуломъ, ощущается какъ несвязанная по необходимости съ этимъ стимуломъ и какъ автономія самосознанія, проявляющаяся въ волевомъ дѣйствіи.

Точно такимъ же образомъ падаетъ и другой доводъ феноменальной необходимости, заключающійся въ сложившемся постоянствѣ характера дѣйствующаго лица. Конечно, всякая человѣческая особь со всѣми унаслѣдованными физическими свойствами и психическими предрасположеніями, подъ вліяніемъ среды въ

теченіе долгаго опыта жизни пріобрѣтаетъ навыкъ откликаться извѣстнымъ образомъ, почти автоматически, на возбужденія извнѣ, такъ что, зная эти привычки, мы съ нѣкоторою вѣроятностью можемъ предугадывать, какъ это лицо въ данномъ случаѣ и положеніи поступитъ. Нельзя отрицать причинности этихъ привычекъ, зависимости отъ нихъ всякихъ психическихъ процессовъ мышленія, чувствованія и воли. Онѣ подобны рельсамъ, по которымъ совершаются жизненныя психическія отправленія съ неимовѣрною быстротою; но, *во-первыхъ*, онѣ были сначала волевые рефлексы, пока не сдѣлались автоматическими—значитъ, характеръ есть окончательный результатъ нѣсколькихъ факторовъ, въ числѣ которыхъ имѣется и настроеніе воли самого лица; притомъ, *во-вторыхъ*, онѣ составляютъ одинъ, не дѣлящійся на части, нравственный обликъ лица. Сказать, что дѣйствія человѣка зависятъ отъ его характера, а не отъ случайно присущаго въ его сознаніи въ данный моментъ мотива, приведеннаго въ дѣйствіе по ассоціаціи идей, значитъ опять пресѣчь феноменальную причинную связь предъидущаго съ послѣдующимъ, потому что коль скоро мы заговорили о характерѣ, то мы вступили въ отдѣльный бассейнъ моря умственности извѣстнаго лица. Въ этой области конкретнаго характера нельзя различить, что̀ свободно и что̀ необходимо; обусловливающее не имѣетъ вовсе рокового характера непреложной необходимости; детерминизмъ и свобода сливаются и существуютъ, не враждуя между собою. Въ этой области конкретнаго человѣческаго характера на первомъ планѣ стоитъ объединяющее и все къ себѣ, какъ къ центру, притягивающее самосознаніе, то-есть человѣческое *я*, автономное, въ себѣ усматривающее живую, а не механическую причину расточаемой по всѣмъ направленіямъ энергіи. Детерминисты, объясняющіе проявленія мотивовъ простою ассоціаціею идей, не отводятъ никакого мѣста элементу самосознанія; они его смѣшиваютъ съ сознаніемъ. Сознанія не лишенъ и сумасшедшій; даже и мотивы дѣйствія не чужды ни сумасшедшему, ни дѣйствовавшему по гипнозу человѣку, который хотя явно дѣйствовалъ по чужой, внушенной ему волѣ, но придумываетъ ложные мотивы для объясненія самому себѣ—непонятныхъ безъ такихъ мотивовъ—своихъ же поступковъ. Коренная ошибка психологовъ, изучающихъ явленія воли по методамъ естествознанія, заключается въ томъ, что они наблюдаемое въ сознаніи внутреннимъ чувствомъ искажаютъ, переиначиваютъ и представляютъ себѣ въ видѣ совсѣмъ превратномъ, не соотвѣтствующемъ дѣйствительности. Процессъ самосознанія, взаимныхъ превращеній хотѣній, идей, эмоціи и движеній воли разлагается мысленно аналити-

чески на состоянія души, располагаемыя вереницами въ видѣ явленій предъидущихъ и послѣдующихъ, обусловливающихъ и обусловливаемыхъ, по логическому закону причинности. Всѣ эти мысленно отдѣляемыя одни отъ другихъ состоянія сознанія получаютъ видъ самостоятельныхъ особей, точно тѣла небесныя, тяготѣющія одни къ другимъ во времени и въ пространствѣ. То *я* самосознанія, которое ихъ проникало и одушевляло, превращается въ чисто формальную связь, въ тонкую ниточку, на которую всѣ они нанизаны. Психическій микрокосмосъ, разсматриваемый чрезъ такое стекло, является чѣмъ-то безжизненнымъ, чистѣйшимъ механизмомъ, движущимся какъ заведенные часы. Этотъ взглядъ съ замѣчательною ясностью изложенъ у Бергсона въ книжкѣ: Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1889, въ которой авторъ представляетъ именно возможность созерцать себя какъ вещь—совершенно внѣшнюю, неодушевленную.

Въ заключеніе нашихъ соображеній о причинности замѣчу, что одно и то же слово: причина—прикрываетъ иногда совершенно различные предметы. Еще Аристотель различалъ четыре рода причинъ: *матеріальную*, *формальную*, *дѣятельную* (causa efficiens) и цѣлевую или *конечную* (causa finalis). Допустимъ, что строится домъ. Вещественную причину составляетъ матеріалъ, дерево или камень, изъ котораго онъ выстроенъ; формальную — самая идея произведенія: домъ, а не иное сооруженіе; дѣятельная причина заключается въ лицѣ создателя, который былъ предпринимателемъ постройки; наконецъ, конечная—въ цѣли и назначеніи постройки, напримѣръ, для жилья. Нынѣ два первые рода причинъ вышли изъ употребленія; подъ словомъ: причина—разумѣются данныя, обусловившія происшедшую перемѣну въ порядкѣ вещей или отношеній. Два послѣдніе рода причинъ сохранили свое значеніе; они отвѣчаютъ на два разные вопроса: отчего и зачѣмъ?—Совершено убійство. Отчего оно произошло? Оттого, что X., рѣшившись совершить его, взялъ ружье, прицѣлился въ М., выстрѣлилъ, и пуля попала въ цѣль.—Зачѣмъ оно совершено?—затѣмъ, чтобы отмстить М. или ограбить его. Первымъ отвѣтомъ опредѣлялась causa efficiens, вторымъ—causa finalis. Волевые мотивы принадлежатъ всецѣло къ разряду конечныхъ или цѣлевыхъ. Наша воля участвуетъ лишь въ малой долѣ въ мышленіи; результаты мышленія, то-есть сочетанія идей въ умѣ, въ значительной степени непроизвольны: въ числѣ ихъ есть и настоящія предвосхищенія будущаго, то-есть предвидѣнія послѣдующаго, еслибы явились предъидущія въ образѣ цѣлесообразно дѣйствующаго лица; безчисленныя этого рода предвидѣнія мелькаютъ въ сознаніи и, западая въ него, хранятся въ

памяти въ скрытомъ состояніи, пока которое-нибудь изъ нихъ не обратилось въ активную силу, въ волю. Здѣсь-то и возгарается споръ между индетерминистами и детерминистами. Одни говорятъ: лицо выбрало мотивъ дѣйствія по произволу; другіе говорятъ: оно было увлечено къ дѣйствію мотивомъ. Свобода,—говорятъ одни, разумѣя безсодержательный произволъ,—это нелѣпо. Другіе говорятъ: неволя, что тоже невѣрно, потому что идея-мотивъ, прежде чѣмъ заполонила волю, не могла не вызвать по ассоціаціи всѣ родственные ей противоположные мотивы. Зависимость отъ всѣхъ мыслимыхъ идей-мотивовъ въ совокупности есть уже свобода, точно такъ какъ и въ обществѣ свобода отдѣльнаго лица заключается не въ томъ, чтобы онъ ни отъ кого не зависѣлъ, но чтобы онъ отъ всѣхъ въ совокупности зависѣлъ по нормѣ закона. Въ большинствѣ случаевъ даже неуловимъ внѣшній толчокъ, начинающій волевое движеніе, такъ что *я* является единственно сознаваемою самопричиною послѣдствій дѣянія, потому что предвидѣніе послѣдствій дѣянія уже существовало въ немъ до начала волевого акта и усвоено имъ, когда это идейное будущее стало его добровольнымъ хотѣніемъ, то-есть хотѣніемъ какъ своего добра; наконецъ, потому что въ содѣянномъ оно можетъ не признать себя, какъ механическую его причину. Такимъ образомъ, можно пріискать логически столько же доводовъ за, сколько и противъ идеи свободы воли; они подобны стеклу одинаковой толщины, выпуклому на одной, вогнутому на другой его поверхности. Главный камень претквовенія въ этомъ вопросѣ—тотъ, что если мы пойдемъ слишкомъ рѣзко противъ метода естественныхъ наукъ, выразившагося въ ученіи детерминистовъ, то мы разойдемся съ истиною, потому что во многихъ отношеніяхъ дѣятельность нашего *я* въ волевыхъ актахъ далеко не свободна,—на что и постараюсь указать.

То *я* самосознанія, которое, дѣйствуя цѣлесообразно, объясняетъ себѣ свои дѣйствія и несетъ за нихъ и нравственную, и юридическую отвѣтственность,—есть понятіе крайне сложное и по содержанію своему по крайней мѣрѣ двойственное. Долго психологія вращалась только въ области сознаваемаго; нынѣ она изучаетъ глубокіе корни сознаваемыхъ процессовъ въ несознаваемомъ, въ физическихъ основахъ организма; она превратилась въ психофизику. Сознаваемое превратилось въ залитую солнцемъ горную вершину, между тѣмъ какъ среднія части горы въ полутѣни, а подножіе въ полномъ мракѣ. Если при свѣтѣ этого различія станемъ изучать наше *я*, то оно окажется двойное. Чаще всего, когда мы о немъ помышляемъ, оно есть *я* психологическое, разумное,

самоуправляющее и дѣйствующее только цѣлесообразно по конечнымъ причинамъ. Это и есть *я*, которое Бергсонъ называетъ наружнымъ. Оно *я* идеальное, воображаемое, какимъ оно должно быть; когда же оно таковымъ не бываетъ, то мы страдаемъ, испытывая такъ-называемые укоры совѣсти. Но есть еще другое *я*—реальное, назовемъ его психофизическимъ: это—ветхій человѣкъ, котораго нельзя съ себя совлечь, *я* глубокое и темное. Новѣйшая психологія допускаетъ существованіе въ одномъ и томъ же субъектѣ нѣсколькихъ такихъ зачаточныхъ сознаній, децентрализацію личности на нѣсколько разныхъ *я*. Источники сознанія бываютъ всегда мутные: кровь, раса, физическіе и даже психическіе недостатки предковъ, необъяснимыя эмоціи и взрывы чувства, слѣпые импульсы, съ которыми не легко совладать, и для осмысленія коихъ мы выдумываемъ post factum небывалые мотивы, оказывающіеся только предлогами, броженіе враждующихъ элементовъ, неясныя, похожія на бредъ промежуточныя состоянія, вторгающіяся въ область сознательнаго, разстроивающія наши постановленія и заставляющія насъ дѣйствовать нецѣлесообразно, то-есть неразумно. Эти буря и потрясенія, влекущія за собою сходъ съ рельсовъ волевой самоопредѣляемости, отличаются тѣмъ именно, что они безмотивны; они—практическіе примѣры индетерминизма, психической безпричинности, но именно потому-то они уничтожаютъ или ослабляютъ отвѣтственность, какъ дѣянія лица, находившагося въ состояніи невмѣняемости.

Итакъ, споръ о свободѣ воли допускаетъ одинаковую возможность противоположныхъ рѣшеній,—споръ, вытекающій изъ недоразумѣнія, который надо предоставить метафизикѣ. Чурающіеся всякой метафизики, итальянскіе криминалисты напрасно надъ нимъ засиживались, напрасно вносили безусловное отрицаніе свободы воли въ свое уголовное право. Праздность этого отрицанія подмѣтилъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ (1872) Альфредъ Фулье (La liberté et le déterminisme), основавшій свою теорію свободы воли на томъ, что еслибы и было установлено, что она—самообольщеніе, то люди не могутъ однако не дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ этого самообольщенія и по предположенію, что они свободны; а всякая идея есть, по мнѣнію Фулье, *идея-сила*, т.-е. содержитъ въ себѣ развивающійся зачатокъ осуществляющагося движенія. Пуритане, янсенисты, были сильнѣйшими противниками свободы воли. Чистѣйшій кантіанецъ Леви-Брюль (1884. L'idée de la responsabilité), глубоко убѣжденный въ существованіи и свободы воли, и нравственной отвѣтственности, но въ существованіи

недоступномъ познанію [1]), разграничилъ отвѣтственность нравственную и уголовную, призналъ существованіе первой изъ нихъ, но лишенной всякой санкціи, такъ какъ таковою не могутъ быть укоры совѣсти—случайные и притупляющіеся отъ повторенія, и ограничилъ вторую только механическимъ воздѣйствіемъ государства, лишеннымъ нравственнаго элемента, слѣдовательно, разрѣшилъ уголовный вопросъ совершенно такъ, какъ итальянцы. Съ другой стороны, прямой детерминистъ, Н. С. Таганцевъ (Курсъ общей части угол. права, 33), раздѣляющій убѣжденія итальянцевъ о полной несвободѣ воли, убѣжденный въ томъ, что охватывающій вселенную законъ міровой причинности царитъ въ жизни человѣка и общества,—не затрудняется признать вмѣненіе и уголовную отвѣтственность, какъ признаютъ ее криминалисты-классики, потому что всѣ поступки людей подчинены закону достаточной причины, а слѣдовательно, хотя при извѣстной суммѣ причинъ и условій дѣйствіе человѣка неизбѣжно, но самые факторы, вызывающіе это дѣйствіе, несомнѣнно подлежатъ измѣненію, ихъ можетъ измѣнять и само общество; въ числѣ ихъ имѣется наказаніе.

Итакъ, вопросъ объ отвѣтственности стоитъ прочно даже и при отрицаніи свободы воли. Это приводитъ насъ къ теоріи отвѣтственности по новымъ сочиненіямъ, появившимся уже послѣ трудовъ итальянскихъ антропологовъ. Между ними я особенно отличаю сочиненіе Ж. Тарда о философіи уголовнаго права. Тардъ—археологъ, экономистъ и криминалистъ-соціологъ. Онъ былъ судебнымъ слѣдователемъ во Франціи, много лѣтъ сотрудничалъ въ издаваемомъ Рибо журналѣ „Revue philosophique“, участвовалъ въ антропологическомъ конгрессѣ въ Римѣ въ 1885 г., издалъ въ 1886 г. прекрасный этюдъ: La criminalité comparée, а въ 1890 г.—два капитальныя, тѣсно связанныя одно съ другимъ, произведенія: Les lois de l'imitation и La philosophie pénale. Остановлюсь я пока только на первомъ изъ нихъ.

Тардъ имѣетъ то преимущество передъ классиками,—напримѣръ, передъ нѣмецкими криминалистами,—что онъ учился, можно сказать, у итальянцевъ, работалъ съ итальянцами въ одной лабораторіи. Ломброзо призналъ печатно, что критика у Тарда его труда Uomo delinquente есть самая ловкая и самая глубокая изъ всѣхъ появившихся въ печати. Тардъ тоже, какъ и итальянцы, детерминистъ, но онъ не фанатикъ. Для него не существенно,

[1]) Croyant au dévoir nous croirons aussi à la possibilité de la réalité du libre arbitre et de la responsabilité morale... Nous n'essayerons pas de les prouver ni de les démontrer, puisque les conditions del'intelligibilité pour nous y opposent un obstacle invincible.

свободна ли воля человѣка или несвободна, а существенно то, существуютъ ли особи или онѣ—воплощенія отвлеченностей, какъ единственныхъ реальностей,—старый споръ между номиналистами и реалистами, восходящій къ XII вѣку. Посредствомъ отвлеченія можно себѣ представить вселенную въ образѣ проявляющихся однообразными и, такъ сказать, прямолинейными движеніями стихійныхъ силъ, производящихъ каждый разъ совершенно одинаковыя повторенія одного и того же, причемъ произволъ отнесенъ только въ міровую волю; онъ существуетъ въ первопричинѣ сущаго, устроившей вселенную. Но можно созерцать вселенную и съ другого конца. Прямолинейное движеніе—такая же небывальщина, какъ математическая точка или линія. Нѣтъ въ живыхъ организмахъ, начиная съ растенія, такихъ, которые бы жили только повторяясь. Каждая особь имѣетъ хотя бы крошечное своеобразіе и вибрируетъ не такъ, какъ другія. Эта элементарная подфеноменальная произвольность несомнѣнно воздѣйствуетъ и на деспотизмъ регламента, и на законъ, предопредѣляющій явленіе. Эту свободу произвола Тардъ допускаетъ, но онъ ею надѣляетъ всѣ живущія органическія существа.

Другая, еще болѣе крупная особенность Тарда заключается въ томъ, что онъ не по имени только, а и въ дѣйствительности *соціологъ*. Извѣстна позитивистическая классификація наукъ, основанная на постепенно увеличивающейся сложности міровыхъ явленій и на уменьшающейся всеобщности, господствующей въ каждой спеціальной области жизни законовъ. Есть міръ физическій, управляемый законами физики, химіи, механики; господствующее здѣсь явленіе волнообразное, вибрированіе атомовъ, молекулъ всякаго тѣла. Есть, затѣмъ, міръ органическихъ веществъ, съ законами біологическими, распространяющимися и на человѣка (антропологія). Свойственное этой области бытія повторительное движеніе есть наслѣдственность,—воспроизведеніе особями другихъ особей, созданныхъ по тому же типу. Есть, наконецъ, міръ общественный, въ которомъ господствуетъ особая форма движенія — подражательность, спорадическая или эпидемическая, медленно видоизмѣняемая нововведеніями—геніальными изобрѣтеніями ума человѣческаго, новыми сочетаніями уже существующихъ вѣрованій, желаній, обрядовъ, формъ и учрежденій. Бывъ повторены подражательно милліоны разъ милліонами людей, эти изобрѣтенія могутъ видоизмѣнить обликъ народа и человѣчества. Всѣ подражанія сводятся въ сущности къ двумъ только статьямъ: вѣрованія или желанія, иными словами: идеи и потребности, соотвѣтствующія тому, что̀ въ физикѣ изображаютъ матерія и сила,

а въ біологіи—органы и функціи, или статика и динамика. Когда выяснится значеніе подражательности, какъ главнаго фактора исторіи, то вся исторія сведена будетъ къ слѣдующимъ явленіямъ: 1) появленіе на дальнихъ разстояніяхъ и съ громадными промежутками времени нововведеній, геніальныхъ идей, новыхъ сознанныхъ потребностей; 2) ихъ интерференцій или скрещиваній, причемъ они или нейтрализуютъ, или страшно потенцируютъ, дѣйствуя — вѣра на вѣру, стремленіе на стремленіе, вѣра на стремленіе или стремленіе на вѣру; 3) ихъ подражательное размноженіе, если оно можетъ совершаться безпрепятственно,—и оно можетъ быть наблюдаемо посредствомъ двухъ наукъ, посвященныхъ исторіи культуры: археологіи и статистики. Повторенія нововведеній не представляютъ ничего загадочнаго, но нововведеніе бываетъ всегда внезапно, нечаянно и совершается въ силу того, что̀ называется у сочинителей вдохновеніемъ. Новый взглядъ на исторію повлечетъ за собою и новое пониманіе человѣческаго общества. Оно было опредѣляемо донынѣ либо экономически, какъ совокупность людей, соединенныхъ взаимностью услугъ, либо юридически, какъ совокупность людей, обязательно подчиненныхъ господствующей надъ ними власти. Исторически, юридическое опредѣленіе ближе къ дѣйствительности. Насиліе было первороднымъ грѣхомъ всѣхъ вновь образующихся обществъ, и только со временемъ механически сплоченные атомы ассимилировались подражательно (par une imitation contagieuse), и такимъ образомъ организовались. Всѣ полубоги начинающихся цивилизацій были деспоты, люди властные и жестокіе, но пользующіеся необыкновеннымъ престижемъ; ихъ не только боялись, но ихъ любили и имъ подражали бо̀льшею частью безсознательно. Мыслить и чувствовать самостоятельно труднѣе, нежели мыслить и чувствовать по чужому внушенію. Жизнь общественная вездѣ имѣетъ видъ коллективнаго гипноза. Общество вообще есть союзъ людей извѣстнымъ образомъ подражающихъ. Быть общительнымъ человѣкомъ значитъ попадать сразу въ тонъ каждой общественной среды, подражать другимъ особямъ той же среды и по идеямъ, и по эмоціямъ, и по наружному виду. Своеобразенъ и геніаленъ только тотъ человѣкъ, который имѣетъ рѣдкую способность уединяться.

Во всѣхъ великихъ областяхъ бытія—религіи, морали, искусствѣ—людей толкаютъ впередъ ихъ потребности, ихъ желанія, а стремятся люди—къ спокойствію вѣрованій и твердыхъ убѣжденій. Совершенствуется организація цѣлаго, но настолько же слабѣютъ страстные порывы желаній, такъ что конечная цѣль культуры заключается въ томъ, чтобы съ наименьшею тратою силъ и энергіи

осуществить наибольшее количество добра [1]). Культура есть единеніе, наиболѣе глубокое и обширное въ общемъ идеалѣ,—будь это иллюзія, и что̀ всего важнѣе—состоитъ въ общемъ стремленіи къ осуществленію этого идеала, которое отъ одного своего безконечнаго повторенія изъ импульсивнаго мотива превращается въ категорическій императивъ, въ долгъ совѣсти, въ нѣчто такое, что̀ одержимый этимъ мотивомъ человѣкъ исполняетъ какъ не свою а высшую волю (morale heteronome). Эта высшая воля и есть мораль общественная. Такое общественное происхожденіе морали изображено Тардомъ весьма сильно и убѣдительно. Возьмемъ дикаря; онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: хочу убить врага (первая посылка—цѣль); могу его убить отравленною стрѣлою (вторая посылка — средство); я долженъ его убить (выводъ). Этотъ силлогизмъ вытекаетъ изъ личнаго мотива причины конечной, но его можно построить и на не-личномъ мотивѣ, напримѣръ: государь или жрецъ приказалъ; благо колѣна или слава и господство Аѳинъ или Рима того требуютъ; самъ Богъ велитъ. Тогда эта большая посылка становится страшно авторитетна, безусловно императивна; отъ частаго повторенія логическія предпосылки вывода отпадаютъ, требованіе становится абсолютнымъ, безапелляціоннымъ, божескимъ, но вся причина конечная такого дѣянія заключается только въ цѣли, достигаемой общими силами, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, по одной только заразительности подражательнаго увлеченія. Такимъ образомъ, по теоріи Тарда къ двумъ силамъ, которымъ подчиняется воля по ученію детерминистовъ—внѣшнее раздраженіе и окостенѣлость характера,—присовокупляется третье, можетъ быть еще болѣе крупное: стадное чувство, подражательность, непреодолимое влеченіе къ тому, чтобы дѣлать то же, что̀ дѣлаютъ другіе.

Эволюція подражательности имѣетъ свои фазисы. Первый ея фазисъ—подражательность патріархальная, обычай, обожаніе стариннаго, колѣнопреклоненіе предъ стариною. Nihil mihi antiquius est,—говорилъ Цицеронъ (древнѣе для меня ничего нѣтъ, вмѣсто того, чтобы сказать: дороже для меня ничего нѣтъ). Наступаетъ, однако, время, когда надъ подражаніемъ старинѣ беретъ верхъ подражаніе иностранному. Обычай изгоняется модою, распространяющеюся тоже подражательно (tout nouveau — tout beau). Послѣ этого втораго фазиса наступаетъ обыкновенно третій: образованіе изъ разнообразныхъ элементовъ—своихъ собствен-

[1]) Le véritable et final objet du désir, c'est la croyance; la seule raison d'être des mouvements du coeur, c'est la formation des hautes certitudes. Plus une société a progressé, plus on trouve en elle des convictions fortes et des passions mortes.

ныхъ и усвоенныхъ иностранныхъ — своеобразной національной цивилизаціи, послѣ чего идутъ опять фазисы обычая и моды, и такъ далѣе до безконечности.

Изъ этого краткаго очерка усматривается, насколько сочиненіе Тарда о законахъ подражательности богато содержаніемъ для соціологіи вообще и въ особенности для уголовнаго права. Преступность распространяется въ обществѣ преимущественно подъ вліяніемъ присущей человѣку склонности его къ подражанію, но и сдерживать можно эту подражательность примѣрными наказаніями или острасткою.

III.

Уголовная теорія Тарда. — Отвѣтственность, невмѣняемость, преступники, преступленіе.

По мнѣнію Тарда, уголовная теорія котораго подлежитъ теперь разбору — настоящій вѣкъ для уголовнаго права и его науки есть именно тотъ золотой вѣкъ, который мы теперь переживаемъ, — вѣкъ уменьшившейся преступности и значительнаго смягченія нравовъ, а не вѣкъ варварства и не вѣкъ законченной, устоявшейся и успокоившейся въ тихомъ и едва замѣтномъ движеніи цивилизаціи. Въ періодѣ варварства немыслима сама идея карательнаго права, и существуетъ одна обязанность карать жестоко и внушительно, чтобы установить какой-либо матеріальный порядокъ и искоренить разбойничество, свирѣпствующее и въ одиночку, и въ особенности шайками. Когда прекратился разливъ преступности и она вошла уже въ свое русло, наполняя его по края и только изрѣдка и моментально выступая изъ своихъ береговъ, тогда она становится самымъ удобнымъ предметомъ для изслѣдованій и для опытовъ. Станетъ опять усиливаться преступность—тогда и общество займется укрощеніемъ ея, кое-что измѣнитъ въ наказаніяхъ, умножитъ и упорядочитъ тюрьмы и совладаетъ, въ концѣ концовъ, съ преступностью. Вся трудность задачи нынѣ не въ приращеніи преступности, а въ томъ, что она совпадаетъ съ кризисомъ въ морали. Мораль измѣняется, модернизируется, старые ея устои: — такъ Богъ велѣлъ, того отечество требуетъ, того отъ меня требуетъ долгъ совѣсти — расшатаны. Вѣру замѣнилъ еще въ XVIII столѣтіи разумъ; для образованнаго человѣка вездѣ, гдѣ онъ ни поселится, можетъ быть отечество; соціализмъ давно проповѣдуетъ бытіе безъ оте-

чества. Наконецъ, долгъ совѣсти или категорическій императивъ становится остаткомъ миѳологіи и проваливается со всѣми апріористическими идеями, исчезающими какъ призраки предъ философіею эволюціи. Идеалисты высокаго полета, въ родѣ Гюйо, пытались выстроить мораль sans obligation ni sanction, но эта затѣя не удалась. Утилитарная англійская мораль не удовлетворяетъ никого. Эволюціонная мораль Герберта Спенсера, заложенная, по словамъ Тарда, въ видѣ пирамиды, вышла чѣмъ-то въ родѣ наклонной башни въ Пизѣ и въ концѣ концовъ нынѣ рушится;—печальнѣе же всего то, что подъ знаменемъ научнаго детерминизма ученые принялись дружно и съ разныхъ сторонъ подрывать и принижать человѣческое „я", приводить его къ нулю, отнимать у него энергію дѣйствія, увѣренность въ самомъ существованіи опредѣляющейся къ дѣйствію воли и объявлять это „я" несостоятельнымъ передъ лицомъ природы, или передъ лицомъ общества или государствъ, и передъ роковыми, управляющими тою или другою громадою, законами. Тардъ сознаетъ необходимость укрѣпить это „я", низводимое на одну степень съ явленіями физической природы. Тардъ соглашается съ детерминистами, что суть вопроса заключается въ причинности, примѣняемой къ дѣйствіямъ человѣка, но онъ полагаетъ, что вопросъ дурно поставленъ. Причина дѣйствія не есть вольная воля личности, пустой пузырь безъ содержанія, а сама личность съ ея воспоминаніями съ одной—и желаніями и надеждами съ другой стороны. Споръ не о томъ, есть ли у этого *я* вольная воля, то-есть можетъ ли оно не-хотя хотѣть, но есть ли само это *я* нѣчто *реальное*, тождественно ли оно само съ собою въ различные моменты своего существованія, въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, *я*, которое и вспоминаетъ, и рѣшаетъ, въ которомъ сплавляются всевозможныя состоянія души, не выдѣлимыя изъ него въ дѣйствительности и только искусственно изъ него вырѣзываемыя, когда мы принимаемся его анатомировать, *я*—непрерывное, котораго начало въ прошедшемъ и конецъ въ будущемъ—для него неизвѣстны, но которое—пока существуетъ, преобразуясь—увѣрено, что оно то же самое, которое существовало и будетъ существовать до и послѣ этихъ преобразованій. „Тождество или постоянство лица,—говоритъ Тардъ,—это—личность, разсматриваемая какъ нѣчто длящееся, совокупность состояній сознанія и полусознанія (subconscience), внѣшняго и внутренняго чувствъ, влеченій и похотей".

Тождественностью личности въ разные моменты ея существованія объясняется причинность дѣйствій, но не объясняется еще отвѣтственность за эти дѣйствія, для вывода которой Тардъ при-

бѣгаетъ къ понятію общительности человѣка, основанной на однообразномъ вибрированіи людей, сложившихся въ общество, и на необходимо устанавливающейся заразительной подражательности другъ другу, вслѣдствіе которой всѣ люди—солидарныя частицы и ôрганы высшаго собирательнаго цѣлаго, у нихъ есть общая коллективная душа, коллективное недѣлимое „я“, налагающее на каждую особь свою печать. Только при установленіи факта существованія этой собирательной личности высшаго порядка рождается возможность оцѣнивать событія внѣшнія и съ точки зрѣнія личной, и съ точки зрѣнія общественной, выработывать понятія добра и зла, идею *долга*, въ высшей степени соціальную и даже, можно сказать, исключительно соціальную, и установить отвѣтственность. Собирательное „я“ представляетъ завершеніе цѣлаго процесса объединенія, интеграціи, сплоченія отдѣльныхъ частицъ въ одно живое цѣлое. Первообразъ и корень такой интеграціи представляетъ собою нашъ организмъ физическій, упорядоченный составъ тканей, клѣтокъ, ôргановъ, снабженныхъ нѣкоторымъ самочувствіемъ и согласованныхъ въ служеніи однихъ другимъ, въ поддерживаніи себя взаимно и въ питаніи,—такъ сказать, пожертвовавшихъ собою, чтобы существовать только въ цѣломъ. Не буду останавливаться на этомъ тезисѣ, блистательно развитомъ у Эспинаса (Des colonies animales, 1877 г.). Отмѣчу только, что, опираясь на идею Эспинаса, Тардъ пускаетъ ядовитую стрѣлу въ Дарвинизмъ: „невѣрно то, якобы борьба за жизнь, коренная вражда существъ и ихъ элементовъ—составляли первое и основное начало вселенной. Она была и можетъ быть только одною изъ таковыхъ первооснов. Первая заключается въ сочетаніи жизни рода, въ солидарности частицъ внутри всякаго бытія, которое представляется воюющимъ только съ внѣшней стороны“. Что касается до порядка послѣдовательности въ этой серіи различаемыхъ степеней самосознанія, то первую степень образуетъ *я психофизическое*, конкретное, самое настоящее, и его милліоны ощущеній безъ названія и безъ очертаній, переливающихся одно въ другое, какъ тоны въ музыкѣ, безконечное множество душевныхъ состояній, проникающихся взаимно и себя окрашивающихъ, множество неизъяснимыхъ и самимъ намъ непонятныхъ порывовъ, увлекающихъ насъ и заставляющихъ совершать тô, чего и въ умѣ никогда не было. Затѣмъ другое „я“, которое Бергсонъ называетъ наружнымъ (superficiel), есть то „я“, которое мы прежде назвали *психологическимъ*. Оно, такъ сказать, отчеканено для общежитія, приспособлено къ требованіямъ общежитія, *соціологическое*, по теоріи Тарда, разумное или по крайней мѣрѣ резонирующее. Оно слагается такимъ образомъ, что,

относясь аналитически къ явленіямъ жизни души, мы ее мысленно разсѣкаемъ на душевныя состоянія, раскладываемъ ихъ въ пространствѣ, давая имъ условныя клички, и обращаемъ ихъ въ готовый матеріалъ для логическихъ выводовъ. Совокупность этихъ искусственныхъ препаратовъ, наслоенныхъ въ сознаніи, образуетъ наружную нашу личность, состоящую изъ данныхъ сознанія, уже до извѣстной степени обезличенныхъ, расположенныхъ по извѣстной ассоціаціи идей и упорядоченныхъ въ одно извѣстное міросозерцаніе. Вслѣдствіе фиксированія въ нашей памяти извѣстныхъ идей, чувствъ и ощущеній, одинаковыя внѣшнія раздраженія вызываютъ въ насъ одинаковыя реакціи, будутъ ли то сознательныя или безсознательныя, которыя очень похожи на автоматизмъ, на простые рефлексы. Вторженіе нашего „я", конкретнаго или психофизическаго, въ ходъ жизни, въ которой распорядителемъ сдѣлалось второе „я", психологическое, разумное или по крайней мѣрѣ резонирующее,—становится рѣже и рѣже и случается только въ минуты или подъема надъ уровнемъ обыденнаго, либо бунта противъ общепринятаго условнаго. Но съ другой стороны общежитіе только и сдѣлалось возможнымъ вслѣдствіе того, что второе „я", наружное, выдвинулось на первый планъ, что всѣ люди стали обмѣниваться символами воображаемыхъ вещей—словами, что они стали другъ другу сочувствовать, обмѣниваясь знаками, изображающими настоящія чувствованія, общепринятыми ихъ выраженіями. Всякое общество есть связь не между лицами, какъ организмами, но между лицами, какъ *личностями*, которыя соприкасаются другъ съ другомъ только наружными сторонами, только поверхностями, носящими одинаковые отпечатки общей чеканки однимъ и тѣмъ же штемпелемъ—колѣна, города, націи, отечества. Въ далекомъ прошедшемъ отпечатокъ былъ сильнѣе, глубже, и существовала такая соціальная солидарность частицъ, о которой мы нынѣ едва можемъ составить себѣ надлежащее понятіе, такъ какъ современный типъ государства есть многомилліонный агломератъ, въ которомъ слиты и перемѣшаны экземпляры разныхъ расъ, съ унаслѣдованными отъ предковъ чертами, и разныхъ общественныхъ обстановокъ, которыя ихъ окружали; всѣ мы, современники, въ большей или меньшей степени—космополиты. Но надо брать общежитіе въ его первичныхъ формахъ, въ малыхъ кружкахъ, одушевленныхъ тѣмъ, что̀ Гумпловичъ (Der Rassenkampf, 1883) называетъ singenismus, то-есть, альтруистическое братское чувство только въ предѣлахъ своего стада, своего кружка, внѣ коего—одни враги, одна ненависть и война. Въ тѣ дальнія времена человѣческая личность не цѣнилась и не признавалась, а существовала только собира-

тельная. Зло сдѣлалъ инородецъ, иноплеменникъ; виновато было и отвѣчало все колѣно, весь городъ—коллективно; ихъ не судили, съ ними только воевали. Настоящая личная отвѣтственность и настоящая—не война, а кара обрѣталась только внутри малаго кружка, въ предѣлахъ той другъ другу подражательности въ вѣрованіяхъ и пожеланіяхъ, которая связывала во-едино малый кружокъ. Вслѣдствіе—не войны съ внѣшними врагами, а сожительства и братства въ одной средѣ, человѣкъ пріучился различать общія, согласованныя удовольствія, пріобрѣтаемыя не на счетъ чужихъ страданій, и общія страданія всей среды, любить и ненавидѣть сообща по логикѣ соціальной, откликаться дружно на общее добро и зло, имѣть общія и общественныя вѣрованія и влеченія. Снаровка согласоваться въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ ведетъ съ одной стороны къ тому, что верхъ берутъ желанія согласованныя и общія, превращающіяся вслѣдствіе этой общности въ обязанности общественныя (начало идеи добра); съ другой же стороны, никакія желанія не должны переходить за извѣстныя границы, за которыми они сталкивались бы съ одинаково вѣскими и уважительными желаніями другихъ лицъ (начало идеи справедливости). Идеалъ преуспѣвающаго общества, по мнѣнію Тарда,—это сильныя схожія убѣжденія и слабыя несхожія самолюбія, большіе порывы на общее дѣло и малыя стремленія къ личнымъ, частнымъ пользованіямъ. Представимъ себѣ среди такого общества особь, дѣйствующую вопреки всѣмъ кореннымъ убѣжденіямъ общества и стремящуюся къ удовлетворенію своихъ разнузданныхъ страстей въ ущербъ узаконеннымъ наслажденіямъ другихъ своихъ соотчичей. „Il se desassimile et il s'aliène",—говоритъ Тардъ; онъ дѣлается несхожимъ и отчуждается, онъ хуже врага, онъ бунтовщикъ, а можетъ быть, и предатель. Во всякомъ случаѣ онъ осквернилъ свое гнѣздо и терпимъ быть не можетъ не только по утилитарнымъ, а и по нравственнымъ соображеніямъ, по причинѣ негодованія, которое онъ возбуждаетъ какъ свой человѣкъ: „измите злаго отъ васъ самихъ" — таковъ мотивъ, „повторяющійся безконечное число разъ во Второзаконіи. Эта коллективная реакція поражаетъ тою же коллективностью всю группу, въ которой состоитъ осквернитель, его семью, и жену, и дѣтей, и домочадцевъ. Въ сравнительно позднее время уже довольно долго эволюціонировавшей уголовщины мерцаетъ сознаніе, выраженное въ XXIV,16, Второзаконія: „да не умрутъ отцы за сыны и сынове да не умрутъ за отцы, кійждо за свой грѣхъ да умретъ". Законодательство цивилизуется, но античныя воззрѣнія на общность наказанія продолжаютъ еще жить въ простонародіи. По свидѣтельству Ферри,

еще недавно одинъ простолюдинъ-итальянецъ закололъ солдата потому только, что онъ былъ оскорбленъ также солдатомъ.

Мнѣ кажется, что Тардъ правильно установилъ коренное различіе между войною и наказаніемъ. Война есть повальное истребленіе всего и всѣхъ (Второзаконіе, III, 6,7: „и потребихомъ вся грады въ купѣ, и жены ихъ, и чада, и вся скоты, и корысти градныя плѣнихомъ себѣ"). Казнь имѣетъ иныя задачи и цѣли, которыя, впрочемъ, видоизмѣняются, эволюціонируютъ. Сначала казнь бываетъ патріархальная, домашняя, по суду родоначальника или главы клана, надъ провинившимися родичами. Цѣль ея—очистить общество отъ мерзости, которая—такъ какъ преступникъ свой человѣкъ—есть общая всѣмъ и должна быть тѣмъ или инымъ образомъ смыта: покаяніемъ ли, доблестными дѣлами со стороны прощаемаго преступника или отсѣченіемъ его отъ общества, анаѳематствованіемъ. Этотъ характеръ очищенія сообщили наказанію вовсе не жрецы, и онъ—въ связи съ міровоззрѣніями первобытнаго общества, по которымъ все безусловно, безотносительно и вѣчно: вѣченъ Богъ, вѣчна душа у супостата, вѣчно государство, а вѣра въ тождество лица и его воли доведена до вѣры въ его безсмертіе. Между тѣмъ общество развивается, появляются соціальные агломераты, объединяющіе малыя родовыя колѣнныя группы. На первый планъ выдвигается царь—онъ же военачальникъ и судья. Въ юстицію вносится военный духъ, жестокіе пріемы, казни и пытки, чтобы вывѣдать въ преступленіи настоящую истину. Цѣлью наказанія становится ея примѣрность, острастка. Съ теченіемъ времени изъ національныхъ государствъ образуются громадныя державы, происходятъ невообразимыя до того скрещенія породъ, эпидемически распространяются космополитическія религіозныя вѣроученія, совершается утрамбовка общества, подъ которою нельзя уже добраться до того, какъ вылѣпилось отдѣльное лицо,—такъ перепутаны въ немъ черты атавистическія, предрасполагающія его къ извѣстному дѣйствованію, съ чертами среды, въ которой живя—лицо по непреодолимому влеченію подражательно воспроизводитъ ее. Въ громадинѣ современнаго государства человѣкъ такая крошка, такая эфемерида, что о вѣчности и его существованія, и его наказанія, нельзя и думать. Успѣхи антропологіи и психіатріи обнаруживаютъ съ большею и большею ясностью, что во многихъ дѣйствіяхъ субъекта проявлялось не самосознательное „я" человѣка, а неразгаданныя силы, нѣчто подымающееся изъ бездонной и непрозрачной глубины его психофизическаго нутра, въ немъ дѣйствовали его болѣзни и уродства. Другое условіе наказуе-

мости—требованіе сходства лица по подражательности со средою, требованіе того, чтобы наказуемый былъ свой человѣкъ,—безмѣрно расплылось вслѣдствіе міровыхъ международныхъ отношеній, обхватывающихъ шаръ земной и дѣлающихъ сингенизмъ исключеніемъ. Нынѣ всякій человѣкъ—свой, потому только, что онъ—человѣкъ. Въ карательныхъ мѣрахъ сквозитъ новая цѣль—исправленіе. Это направленіе доводимо было до крайностей, до отрицанія неисправимости въ людяхъ. Какъ бы то ни было, ученіе итальянскихъ криминалистовъ, клонящееся къ тому, чтобы расправляться съ преступниками по обычаю войны и упраздняющее отвѣтственность, а съ нею и уголовное право, есть идея невозможная, не имѣющая будущности и настолько несогласная съ нравами, что эти же криминалисты были принуждены, въ концѣ концовъ, подписаться за полную отмѣну смертной казни. Таковъ очеркъ теоріи отвѣтственности у Тарда. Слѣдуетъ ее подвергнуть перекрестной повѣркѣ въ составляющемъ ея оборотную сторону ученіи о безотвѣтственности, то-есть о невмѣняемости и о невмѣненіи.

Пробный оселокъ по вопросу о безотвѣтственности заключается въ томъ: что̀ дѣлать съ человѣкомъ, который дѣйствовалъ будучи не въ своемъ умѣ, иными словами: какъ поступать съ *сумасшедшимъ*? По Тарду, сумасшествіе отчуждаетъ человѣка отъ его „я“. Новѣйшія изслѣдованія (Ribot, Maladies de la personnalité, 1884; Azam, Hypnotisme, double personnalité, 1887) доказываютъ, что большинство психологическихъ, загадочныхъ случаевъ сумасшествія сводятся къ болѣзнямъ самосознанія, къ развитію личности, къ раскольническому замѣщенію настоящаго „я“, умозаключающаго связно съ другимъ его двойникомъ, отличнымъ отъ перваго по воспоминаніямъ, ощущеніямъ и даже характеру и дѣйствующему также связно и цѣлесообразно, но такимъ образомъ, что первое „я“, когда очнется, логическихъ операцій второго не сознаетъ и не признаетъ. Измѣненіе и замѣщеніе личности можетъ быть внезапное, но можетъ быть и постепенное. По мѣрѣ того, какъ личность нормальная и общительная замѣняется экстравагантною, совершается и дезассимиляція, то-есть человѣкъ по отношенію къ обществу становится чужимъ.

Принципъ поставленъ вѣрно и правильно выведены изъ него Тардомъ два послѣдствія: 1) энергическій протестъ автора противъ предлагаемаго итальянцами manicomio criminale, въ которомъ бы содержались и потерявшіе свое нормальное „я“ сумасшедшіе, и mattoïdi — прирожденные злодѣи самаго сквернѣйшаго свойства; 2) но будучи рѣшительнымъ противникомъ прямолинейной логики, допускающей либо полную вмѣняемость, либо

таковую же невмѣняемость, Тардъ допускаетъ частичную или ослабленную вмѣняемость, которую нельзя не допустить, когда сумасшествіе приходитъ постепенно и нѣтъ точнаго момента во времени, когда второе „я“, анти-общественное, вытѣснило первое „я“, разумное, и водворилось вмѣсто него безъ борьбы или послѣ упорной борьбы. Окончательному сумасшествію предшествуютъ большія смуты въ сознаніи, рѣзкія измѣненія въ характерѣ, гипертрофія самомнѣнія, уныніе, доходящее до отчаянія. Большія затрудненія при анализѣ представляетъ *мономанія*, умопомѣшательство на одномъ пунктѣ, когда въ одномъ лицѣ вмѣщаются одновременно и не чередуясь двѣ личности,—болѣзнь—хуже общаго умопомѣшательства, такъ какъ обыкновенно она неизлечима.

Необычайно трудно держать балансъ въ этихъ казуистическихъ вопросахъ, идя, такъ сказать, по натянутому канату. Можно усомниться, всегда ли, какъ слѣдуетъ, хранилъ равновѣсіе Тардъ, напримѣръ, когда онъ устанавливалъ капитальное различіе между случаемъ, когда сумасшествіе водворялось въ совершенно здоровомъ организмѣ, или когда оно было только патологическимъ усиленіемъ (гипертрофіею) извѣстной прирожденной дурной наклонности. Извѣстный субъектъ былъ сухъ и грубъ, а потомъ сталъ жестокъ; былъ раздражителенъ, а сдѣлался бѣшенымъ; былъ эгоистомъ, а сдѣлался отчаяннымъ себялюбцемъ. „Очевидно,—говоритъ Тардъ,—что когда сумасшествіе не сталкиваетъ насъ въ пропасть по сторонѣ, съ которой мы уже были склонны къ паденію, то тогда отчужденіе бываетъ не столь глубокое и не столь безотвѣтственное, какъ то, когда мы падаемъ съ противоположной стороны“. Едва ли это справедливо. Едва ли можно сугубо взыскивать съ лица, которое сошло съ рельсовъ нормальнаго порядка и морали, потому что имѣло уже задатки зла въ своей организаціи. Чѣмъ же виновато оно, что уже родилось съ этими задатками, вслѣдствіе которыхъ оно роковымъ образомъ сдѣлалось потомъ изъ сухого жестокимъ, изъ раздражительнаго бѣшенымъ? Чѣмъ такое лицо хуже того, который сошелъ съ ума, вслѣдствіе несчастнаго случая удара, или болѣзни, личность его видоизмѣнившей?

Еще сомнительнѣе выводы Тарда, относящіеся къ труднымъ и рѣдкимъ случаямъ moral insanity, помѣшательства только нравственнаго, атрофіи одного только нравственнаго чувства человѣчности при полной ясности разсудка. По мнѣнію Тарда, нравственное чувство выражается брезгливостью и невольнымъ отвращеніемъ отъ дѣйствій нехорошихъ, общевредныхъ. Оно—родъ тор-

маза. Иногда въ смутныя времена все общество увлечено въ вакханалію безчинства, въ пароксизмъ каннибализма (напр., періодъ террора въ французской революціи XVIII-го вѣка). Общее увлеченіе сильнѣе тормаза; агнцы на время этой эпидеміи становятся отъ внѣшняго толчка лютыми волками. Иногда толчокъ сообщается человѣку изнутри, вслѣдствіе болѣзненнаго припадка, моментально поражающаго мозгъ (падучая болѣзнь, истерія, delirium tremens отъ алкоголизма). Иногда все остается нормальнымъ въ психическихъ отправленіяхъ, а только безъ внѣшняго толчка тормазъ сломанъ, одни нравственныя понятія разрушились. По даннымъ медицины такіе случаи возможны. Иногда это и бываетъ стадія, предшествующая общему параличу и затѣмъ—слабоумію. Но бываетъ также, что человѣкъ уменъ, ловокъ, сообразителенъ,—только отродясь не имѣлъ альтруистическихъ чувствъ, не откликался сочувственно на чужія страданія, не различалъ ихъ, какъ дальтонистъ не различаетъ цвѣтовъ, однимъ словомъ, былъ безнравственъ отъ самаго рожденія. У него есть безспорно первое условіе его отвѣтственности: тождественность его „я" во всѣ періоды своего бытія, но нѣтъ второго условія, нѣтъ сходства съ другими людьми, нѣтъ органа гуманности, состраданія, онъ не человѣкъ, хотя по внѣшности имѣетъ видъ человѣка. Такія лица появлялись на историческихъ подмосткахъ—вспомнимъ только XVI вѣкъ и итальянскій ренессансъ. Даже и нынѣ появленіе ихъ возможно въ моменты разнузданности похотей, когда талантъ и умъ берутъ верхъ надъ сердцемъ и характеромъ. Такіе люди отродясь анти-соціальны, не схожи съ другими; слѣдовательно, можно бы сказать, что они безотвѣтственны, съ чѣмъ, однако, Тардъ не можетъ помириться, во-первыхъ, потому что устойчивость у нихъ самосознанія діаметрально противоположна сумасшествію, во-вторыхъ, потому, что имъ присуща хотя бы малая толика нравственнаго чувства, такъ что и отвѣтственность ихъ можетъ быть уменьшенная, но не нулевая. Такого прирожденнаго злодѣя нельзя, по мнѣнію Тарда, ни лечить, ни исправлять, но нельзя его разить, какъ дикаго звѣря, къ намъ случайно забѣжавшаго. Онъ все-таки, хотя наружно, членъ общества, за него намъ стыдно, не только-что страшно. Его надо исключить со всѣми обрядами соціальнаго анаѳематствованія, то-есть уголовнаго суда. Такой выводъ можетъ быть не совсѣмъ ладенъ логически,—потому что если, напримѣръ, кто слѣпъ, то съ него нельзя взыскивать за то, что онъ цвѣтовъ не различаетъ,—но практически этотъ выводъ удовлетворителенъ и совпадаетъ съ заключеніями какъ свободовольцевъ, такъ и детерминистовъ, изъ которыхъ послѣдніе разсуждаютъ такимъ образомъ: этотъ чело-

вѣкъ не чувствуетъ, чтò добро и чтò зло, но онъ уменъ и способенъ понять, что не слѣдуетъ дѣлать зла, чтобы не подвергнуться наказанію. Къ нему прикрѣпляется уголовный противовѣсъ похотямъ — угроза наказанія, затѣмъ само наказаніе примѣняется съ тою только цѣлью, чтобы угроза не утратила своей дѣйствительности и внушительности.

Въ ближайшей связи съ сумасшествіемъ состоитъ *эпилепсія*, падучая болѣзнь, выражающаяся въ безпокойствѣ передъ припадкомъ, въ судорогахъ и потерѣ сознанія, сопровождаемая маніакальною идеею, галлюцинаціею и непреодолимымъ затѣмъ порывомъ къ какому-либо насилію. Тардъ любилъ объяснять явленія психическія посредствомъ соціологическихъ наблюденій (la sociologie est le microscope solaire de la psychologie). Онъ сравниваетъ эпилепсію со смутами, которыя встрѣчаются въ жизни каждаго народа. Сначала жгучая неясная потребность, сказывающаяся въ подражательномъ распространеніи вѣрованія или желанія революціоннаго свойства, затѣмъ судороги—междоусобная война, переходящая въ маніакальное экстравагантное обожаніе идеи или лица (напр., недавній буланжизмъ), наконецъ, какая-нибудь ненужная внѣшняя война, разражающаяся безъ повода, чтобы дать какой-нибудь исходъ междоусобію.

Совершеніе преступленія въ пьяномъ видѣ не представляетъ значительныхъ затрудненій. Если преступленіе совершено въ пьяномъ до безсознательности состояніи, то въ преступникѣ дѣйствовало его другое „я“, о которомъ онъ, протрезвившись, можетъ не имѣть никакого понятія. Важно то, былъ ли онъ случайно приведенъ въ это состояніе, или вошелъ въ него сознательно, зная, что, напившись, онъ способенъ буянить и дѣлается опаснымъ. Его отвѣтственность похожа на гражданскую отвѣтственность отца или хозяина, отвѣчающихъ за своихъ дѣтей и слугъ, причинившихъ кому-нибудь вредъ.

Гипнозъ близко подходитъ къ сумасшествію. Онъ состоитъ въ отчужденіи себя и своего „я“ либо по волѣ гипнотизирующаго, либо по соглашенію съ нимъ, при прекращеніи вообще функцій умственной жизни. Посредствомъ этого необыкновеннаго и страннаго состоянія можно повѣрять всѣ формы помѣшательства, самое состояніе и даже функціи нашего умствованія въ ихъ наипростѣйшихъ элементахъ. Гипнозъ есть превращеніе сознанія и усыпленіе его, но неполное, въ которомъ субъектъ воспринимаетъ только то, чтò дѣлаетъ и чѣмъ на него дѣйствуетъ гипнотизеръ. Ничего другого онъ не ощущаетъ, кромѣ подсказываемаго и внушаемаго ему гипнотизеромъ. Гипнотизируемый мыслитъ и чув-

ствуетъ только то и рѣшается только на то, чтò ему подсказано гипнотизеромъ. Подсказываніе дѣлается выразительными жестами, символическими знаками, словами. Эти знаки пробуждаютъ связанныя съ ними въ умѣ гипнотизируемаго понятія и представленія, по закону—надъ разработкою котораго потрудились особенно англійскіе психологи—*ассоціаціи представленій*. Бредъ продолжается еще и наяву, по пробужденіи субъекта, который совершаетъ тогда то, чтò ему было приказано совершить, когда онъ былъ въ бреду. Субъектъ исполняетъ приказанное сознательно; онъ убѣжденъ, что поступилъ такъ по доброй волѣ и не помнитъ, какъ возникла рѣшимость. Онъ дѣлаетъ страшныя усилія для измышленія post factum мотива поступка и изобрѣтаетъ ложные мотивы, но искренно считаетъ ихъ дѣйствительными, такъ какъ дѣйствіе безмотивное немыслимо и субъектъ долженъ самъ себѣ эти мотивы разъяснить, чтобы быть съ собою въ порядкѣ. Гипнотизированный—не автоматъ. Изучавшіе гипнотизмъ, Бинэ, Фере и другіе, утверждаютъ, что въ дѣйствованіяхъ лица, находившагося въ гипнотическомъ снѣ, проявляется опредѣленная личность, отличная по наклонностямъ и отвращеніямъ отъ личности субъекта въ его нормальномъ состояніи наяву. Гипнотизированный и не пробуетъ уклоняться отъ отвѣтственности за сдѣланное,—онъ его хотѣлъ сдѣлать. Суть дѣла только въ томъ, что хотѣлъ дѣло сдѣлать другой „я“, сомнамбулическій; этимъ же другимъ руководила чужая воля гипнотизера, отъ которой гипнотизированный былъ въ зависимости, а потому въ томъ, чтò имъ сдѣлано, не имѣется перваго условія отвѣтственности, а именно тождественности личности субъекта. Но въ томъ-то и весь спорный вопросъ: какова эта зависимость—безусловная, рабская, или неполная? дѣйствуетъ ли и во время гипноза нравственный тормазъ, который не допуститъ субъекта (какъ утверждалъ экспертъ Льежуа по дѣлу Бомпаръ и Эйро, убившихъ Гуффе, 1890) совершить то, чтò подсказано гипнотизеромъ, но чтò противно его нравственнымъ началамъ, такъ что онъ скорѣе очнется, нежели исполнитъ подсказываемое?

Не вдаваясь въ подробный разборъ всего отдѣла о безотвѣтственности у Тарда, замѣчу, что онъ ставитъ любопытный вопросъ объ отвѣтственности людей, нравственно возродившихся къ добру, къ свѣту, къ истинѣ. Тождество личности для нихъ существуетъ, и то дурное, чтò они совершили въ прошедшемъ, сознается какъ еще болѣе отвратительное и мерзкое, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ они его понимали до своего возрожденія, а между тѣмъ казнить ихъ было бы несправедливо, и тогда не-

минуемо ставится вопросъ о помилованіи. Весьма оригинально рѣшается Тардомъ вопросъ объ отвѣтственности великихъ и геніальныхъ людей. Геніальный человѣкъ по своей натурѣ не подражатель, а творецъ; онъ стоитъ на границѣ съ природою, которой законы онъ открываетъ, и рода человѣческаго, выдѣляющаго безчисленное множество подражателей генію. Геніальный человѣкъ похожъ на гипнотизера, поддающаго людямъ свои идеи, свою волю; онъ долженъ если не юридически, то нравственно отвѣчать за излишества и преступленія той арміи обезьянъ въ образѣ человѣческомъ, которою онъ командуетъ. Такъ какъ Тардъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ по стезямъ итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ и такъ какъ его теорія является только систематическимъ опровергеніемъ или дополненіемъ ихъ ученій, то и расположеніе предметовъ въ его теоріи соотвѣтствуетъ ихъ системѣ, въ которой эти предметы располагаются такимъ образомъ: преступникъ, преступленіе, наказаніе и судъ.

Существуетъ ли особый типъ преступника? какова должна быть классификація преступниковъ? Прежде всего преступникъ есть извѣстное злокачественное, ядовитое и заразительное отложеніе общества, которое общество выдѣляетъ изъ себя, чтобы самому жить. Преступникъ есть въ наивысшей степени соціальный продуктъ, а юстиція есть функція общества *санитарная*.

Бываютъ физическія болѣзни,—напримѣръ, сахарная,—когда организмъ выдѣляетъ изъ себя элементы, безъ которыхъ ему жить нельзя, и вслѣдствіе того истощается. Нѣчто подобное тому бываетъ и въ жизни соціальной. Франція при Людовикѣ XIV изгоняла протестантовъ, французская революція во время террора истребляла аристократовъ, Испанія преслѣдовала мавровъ. Самъ типъ уголовный, вслѣдствіе нераціональности преслѣдованій, не одинъ и тотъ же въ разные вѣка,—напр., при Петрѣ В., Екатеринѣ II и теперь. Бывали эпохи, когда общества извергали изъ себя лучшихъ людей своихъ, а худшіе и наиболѣе испорченные были въ почетѣ и властвовали,—напримѣръ, Италія со своими principi во время ренессанса (Tarde: „le crime a eu sa place et sa place d'honneur dans cette magnifique floraison de tous les arts").

Итакъ, преступленіе есть неустойчивое понятіе,—преступность мѣняется. Неустойчивы и *естественныя* преступленія по теоріи Гарофало. Нѣтъ никакихъ точно опредѣленныхъ признаковъ, которые могли бы служить для характеристики типа человѣка-преступника, отыскиваемаго съ такимъ трудомъ и такъ упорно школою. Преступникъ не есть запоздавшій появленіемъ дикарь, не есть

также сумасшедшій, не есть также скрытый эпилептикъ или, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, имѣющій эпилептическій темпераментъ. Есть, однако, нѣкоторая доля правды въ положеніи, которое Ломброзо отстаиваетъ съ такою настойчивостью. Многіе преступники принадлежатъ къ числу нервныхъ натуръ, къ числу темпераментовъ экстравагантныхъ, склонныхъ къ излишествамъ, и эти излишества происходятъ и въ особяхъ, и въ обществахъ, періодически, по извѣстному ритму; они повторяются такимъ образомъ, что моментъ повторенія можно предугадать и подмѣтить. Опытный тюремщикъ сразу подмѣтитъ, что арестантъ переживаетъ недобрый день или часъ, когда съ нимъ надо быть особенно на-сторожѣ. При изученіи преступныхъ типовъ признаки физіологическіе и динамическіе важнѣе анатомическихъ и статическихъ. Преступникъ узнается не столько по глазу, сколько по взору, не столько по формѣ рта, сколько по улыбкѣ, не столько по росту, сколько по походкѣ, вообще по цѣльному выраженію лица. Весьма оригиналенъ взглядъ Тарда на криминалистическіе признаки измѣненія характера. Гарофало ввелъ понятіе о такъ-называемыхъ естественныхъ преступленіяхъ, которыя онъ приписывалъ предшествовавшему преступленію коренному недостатку чувствъ альтруистическихъ, честности или человѣколюбія. Тардъ дѣлаетъ обратный выводъ и предполагаетъ, что во многихъ случаяхъ чудовищный эгоизмъ и адская гордыня преступника были не причиною, но естественнымъ послѣдствіемъ преступленія. Предъ совершеніемъ преступленія онъ колебался, боролся, но разъ оно имъ совершено, онъ сознаетъ, что между нимъ и обществомъ образовалась пропасть. То негодованіе, которое его ждетъ за преступленіе, онъ самъ въ себѣ ощущалъ; если онъ энергиченъ, то чрезъ преступленіе онъ въ своей злости еще болѣе утвердился, закалился, сдѣлался еще злѣе и опаснѣе, и это чувство погубило его еще больше, нежели само преступленіе. Онъ расплачивается съ обществомъ въ злобѣ своей, усиливаясь превзойти себя въ злодѣяніи. Чѣмъ больше его злодѣяніе, тѣмъ меньше общаго между нимъ и мелкими воришками и мошенниками, которые постепенно и незамѣтно, безъ сильнаго моральнаго кризиса, дошли до своего паденія. Онъ—сложный продуктъ—и своего злодѣянія, и настоящаго или ожидаемаго воздѣйствія на него общества за его преступленіе. Здѣсь является опять факторъ преступности не антропологическій, но соціальный. Такъ какъ люди въ обществѣ похожи на мягкую глину, изъ которой лѣпятся личности и характеры по образцу и подобію общества, то несомнѣнно, что дѣленіе преступниковъ должно быть дѣлаемо по общественнымъ

группамъ, по классамъ, занятіямъ и кружковымъ различіямъ среды. Вездѣ и всегда встрѣчается объективное, неизмѣнное дѣленіе—на преступленія противъ личности (насилователи, въ томъ числѣ и убійцы) и на преступленія противъ собственности (воры), но тотчасъ же оба главныя теченія развѣтвляются на сельскій людъ съ земледѣльческими занятіями и городской—съ фабричными и меркантильными. Въ одномъ преобладаетъ наслѣдственность съ подражаніемъ-обычаемъ, въ формахъ скотскихъ и грубыхъ; въ другомъ—вліяніе среды съ подражаніемъ-модою, съ страстью къ новизнѣ и утонченною испорченностью. При дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ и развѣтвленіяхъ оказывается, что есть преступники, для которыхъ преступленіе только добавочный источникъ существованія, а главный — трудъ, и есть такіе, которыхъ главное и спеціальное занятіе есть хищеніе. Одни дѣйствуютъ въ одиночку, другіе привыкли дѣйствовать организованными шайками. И въ этихъ шайкахъ есть громадныя различія между бандитизмомъ, юначествомъ, казачествомъ, открытымъ бунтомъ элементовъ, не укладывающихся въ рамки государственнаго порядка, щеголяющихъ тѣмъ, что оно—юначество, и между сбродомъ всякой всячины, городскими ворами, соединяющимися для убійствъ, грабежей и самыхъ утонченныхъ хищеній. Съ теченіемъ времени село и деревня становятся порядочнѣе, очищаются отъ бандитизма и даже конокрадства; зато всю скверню всасываютъ въ себя и поглощаютъ города, въ которыхъ въ наше время преступность прогрессируетъ, процвѣтаетъ, и изъ которыхъ она подражательно распространяется въ широкомъ районѣ на окрестности. Къ преступленіямъ противъ личности и противъ собственности присовокупляются, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи и непомѣрнаго роста большихъ центровъ населенія—городовъ,—половыя излишества. Преступность въ городахъ дѣлается утонченнѣе и сладострастнѣе, и въ такомъ видѣ растекается и проливается на деревни. Вмѣсто дѣленія преступниковъ на случайныхъ и привычныхъ, лучше бы дѣлить преступность на сельскую и городскую, и на первичную и прогрессивную или утонченную. Таковы мысли, брошенныя Тардомъ, какъ жалоны для будущихъ изслѣдователей, — мысли, которымъ нельзя отказать ни въ основательности, ни въ оригинальности.

Переходя отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ преступниковъ къ преступленію, изучаемому главнымъ образомъ по даннымъ статистики, Тардъ вполнѣ одобряетъ мастерское, по его словамъ, дѣленіе факторовъ преступленія на антропологическіе, физическіе и соціальные,—дѣленіе, заимствованное, по его мнѣнію, у

Тэна (la race, le milieu et le moment); но онъ находитъ, что соціологическіе факторы едва намѣчены у итальянцевъ и далеко не по достоинству оцѣнены, между тѣмъ какъ ихъ необходимо уяснять изъ присущей человѣку и составляющей основу его общежительности—подражательности. Заразительность примѣра въ самоубійствахъ, поджогахъ—не подлежитъ сомнѣнію. Пріемы убійства и грабежа душеніемъ, съ разсѣканіемъ трупа на части или распарываніемъ животовъ, повторяются съ замѣчательнымъ однообразіемъ. Въ 1875 г. парижанка Гроссъ брызнула своему невѣрному любовнику сѣрною кислотою въ лицо и была оправдана, послѣ чего этотъ способъ женской мести нашелъ безчисленныхъ послѣдовательницъ даже и внѣ Франціи. Въ Италіи въ обычаѣ coltellata, въ Корсикѣ—кровная месть. Въ pendant къ французской сѣрной кислотѣ въ Неаполѣ донынѣ въ обычаѣ freggio, заключающееся въ томъ, что влюбившійся въ дѣвушку, если она отказывается выйти за него замужъ, разсѣкаетъ ей бритвою щеку, вслѣдствіе чего дѣвушки изъ боязни выходятъ иногда замужъ за отъявленныхъ негодяевъ. Подражательность бываетъ и при дѣйствіяхъ въ одиночку, но она особенно поразительна при дѣйствіяхъ массами. Подражательность бываетъ двоякая: обмѣнъ другъ у друга неимѣвшихся у заимствующихъ вѣрованій, вкусовъ, стремленій и взаимное другъ другомъ подстреканіе къ имѣющемуся уже у всѣхъ убѣжденію или стремленію, то-есть не аккордъ, а unisono, причемъ дѣйствіе присущаго всѣмъ единицамъ общаго фактора было бы равносильно не сложенію, а умноженію или возведенію его въ степень, то-есть образованію изъ него страшной силы. Въ такой массѣ, хотя бы она состояла изъ разнороднѣйшихъ и никогда не сочетавшихся элементовъ, происходитъ нѣчто въ родѣ самозарожденія дѣйствія; толпа превращается въ одного собирательнаго звѣря, бѣшено устремляющагося на добычу съ неудержимою цѣлесообразностью и увлекаемаго бредомъ разрушенія или смертоубійства. Всякая революція исполнена такихъ массовыхъ разряженій импульсивности въ массѣ, одушевленной однимъ чувствомъ. Она мгновенно организируется и сразу, безъ сговора, получаетъ готовыхъ вожаковъ. Вотъ почему опасно засиживаться и мыслителю въ своемъ маломъ кружкѣ, въ которомъ выработывается незамѣтно нѣчто похожее на дѣйствіе массою, а именно: *сектантство.* Общественная организація въ ея зародышахъ представляетъ слѣдующія двѣ основныя формы: семья и толпа, подражаніе старѣйшимъ или подражаніе коноводамъ-агитаторамъ; послѣднее особенно развито въ большихъ городскихъ центрахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ. Эти взрывы, эти

насилія толпою, вслѣдствіе которыхъ люди въ массѣ совершаютъ иногда мерзости, на которыя никто въ одиночку неспособенъ, составляютъ, однако, признакъ прогресса въ цивилизаціи. Люди своекорыстны; они борются за существованіе, но, такъ или иначе, они спѣлись и согласовались, и препираются они, не насильствуя другъ друга; зато весь запасъ дикой энергіи, проявлявшійся въ личныхъ междоусобіяхъ, разряжается въ сравнительно рѣдкіе моменты вспышекъ собирательной энергіи. Произведенъ родъ дренажа, вода изъ болота проведена трубами и каналами; коллективное проявленіе энергіи облагорожено присущею дѣйствіямъ массы идеею общаго добра. Величавое осуществленіе этого отвода, этой эвакуаціи бурныхъ и дикихъ порывовъ и страстей, представляютъ войны, грандіозныя, организованныя смертоубійства, злодѣянія, взаимныя истребленія, освѣщаемыя ореоломъ подвига, патріотизма, почти возводимыя въ добродѣтель. Жестокость, ненависть и жадность, осуждаемыя въ индивидуальной формѣ, въ отношеніяхъ особей другъ къ другу утилизированы цѣлесообразно, смотря по морали извѣстнаго историческаго момента въ образѣ милитаризма и международной войны. По словамъ Тарда: la guerre est la plus haute et la plus complète expression du crime mutualisé, т.-е. война есть высшее выраженіе злодѣянія, изъ первичной односторонней индивидуальной формы преобразившагося въ форму двустороннюю, взаимно обоюдную.

Тардъ излагаетъ подробно, приводя въ видѣ иллюстраціи множество примѣровъ изъ исторіи, какими путями и въ какихъ формахъ совершается эволюція подражательности въ предѣлахъ уголовнаго права въ области преступности. Вездѣ и всегда владыка-господинъ навязывалъ себя покореннымъ народамъ какъ образецъ для подражанія и требовалъ, чтобы сіи послѣдніе уподоблялись побѣдителямъ, воспроизводили ихъ типъ. Такимъ образомъ прививалось насильственно и хорошее, и дурное, распространяясь сверху внизъ. Разсадниками идей и цвѣтниками художествъ была сначала аристократія. Нынѣ, въ нашъ демократическій вѣкъ, эта роль досталась на долю столицъ и вообще большихъ городскихъ центровъ. Обираніе проѣзжихъ, хищничество на большихъ дорогахъ было любимымъ промысломъ средневѣковыхъ феодаловъ; дворянство сильно пьянствовало; отравленіемъ занимались съ увлеченіемъ знатныя особы; убійство по найму было долгое время весьма употребительно въ политикѣ правительствъ. Нынѣ зараза преступности распространяется главнымъ образомъ изъ столицъ. Тардъ не опасается особенно и не озабоченъ чрезъ мѣру этимъ лучеиспусканіемъ преступности изъ городскихъ центровъ. Правда, ро-

стутъ еще нынѣ города, но близко то время, когда послѣдуетъ отливъ изъ нихъ населенія. Всякая аристократія тяжела только въ фазисѣ своемъ прибывающемъ, восходящемъ; разъ она перешла свой апогей и клонится книзу, она тотчасъ дѣлается мягче, скромнѣе, безвреднѣе и полезнѣе. За нею остается гегемонія искусства, вкуса, утонченной вѣжливости, чувства чести, всего того, что̀ обозначается непереводимымъ словомъ: urbanitas. Таковы были послѣ своего паденія Аѳины, Римъ, нынѣшніе итальянскіе города, многіе нѣмецкіе и фламандскіе.

Всякая новая и цѣльная теорія уголовнаго права задѣваетъ, подвергаетъ пересмотру и видоизмѣняетъ крупные отдѣлы общей части уголовнаго права. Изъ нихъ въ книгѣ Тарда затронуты и разобраны три: въ ученіи объ умыслѣ—понятіе предумышленія, теорія покушенія и цѣлый отдѣлъ соучастія многихъ лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи.

Одинъ изъ недавнихъ посѣтителей С.-Петербурга во время пенитенціарнаго конгресса 1885 г., профессоръ неаполитанскаго университета, *Бернардино Алимена*, написалъ недавно обширную книгу: La premeditatione in rapporto alla psychologia e al diritto. 1887. Самъ онъ не позитивистъ и выбралъ тему, которая была уже обработываема криминалистомъ-классикомъ *Гольцендорфомъ*, о томъ, что нераціонально и ни съ чѣмъ несообразно громадное значеніе, которое донынѣ придаютъ въ области одного только главнаго преступленія противъ личности—смертоубійства—факта обдуманнаго заранѣе намѣренія или *предумышленія* (praemeditatio). Смотря по наличности или отсутствію этого факта, само преступленіе подраздѣляется на—murder, Mord, assasinat предумышленное и на качественно отъ него отличаемое простое: meurtre, Todtschlag, morslaughter. Это дѣленіе есть безсмысленный остатокъ изъ римскаго права, занесенный въ европейскіе кодексы и повторяемый съ робкою подражательностью по рутинѣ. Очевидная его несостоятельность доказывается прежде всего тѣмъ, что предумышленность не предполагаетъ вовсе хладнокровія и не противопоставляется аффекту. И по внезапному побужденію можетъ преступникъ зарѣзать человѣка хладнокровно, но смертоубійство возможно также и по вполнѣ обдуманному намѣренію — въ порывѣ сильной страсти, иногда неблагородной, а иногда и очень извинительной. Не степень обдуманности, а свойство побужденій или цѣлевыхъ мотивовъ составляетъ въ смертоубійствѣ главное. Гольцендорфъ приводитъ три преобладающіе мотива этого преступленія: жадность, сладострастіе, осложняемое половою похотью, и ненависть съ местью. Только въ связи съ

первымъ изъ этихъ мотивовъ преступленіе становится особенно позорнымъ, мерзкимъ и опаснымъ. Статистика обнаружила, что вообще смертоубійство изъ-за матеріальныхъ выгодъ втрое чаще бываетъ предумышленное, нежели просто умышленное, между тѣмъ какъ въ убійствѣ по ненависти или мести вдвое болѣе непредумышленныхъ убійствъ, нежели умышленныхъ, а въ случаяхъ смертоубійства по половой похоти оба вида почти уравновѣшиваются. Курьезно то, что прикладывается предумышленіе только къ убійству, но никто его не примѣняетъ къ воровству, зажигательству или инымъ преступленіямъ. Общественное мнѣніе въ лицѣ присяжныхъ высказывается весьма рѣшительно противъ такого порядка, предумышленіе обыкновенно отвергается, но отстаиваютъ его цѣпко и крѣпко только юристы-техники. Предумышленіе, какъ самостоятельный признакъ, должно быть исключено, потому что оно—остатокъ осуждаемаго нынѣ съ полною основательностью пріема отвлекать отъ живого лица его дѣйствіе и судить это дѣйствіе, а не живое дѣйствующее лицо. Наказаніе должно быть разсчитываемо не по величинѣ времени, протекшаго между первоначальнымъ замысломъ и исполненіемъ, а по цѣлямъ преступника, по тому, какую страсть стремился онъ удовлетворить.

Въ своихъ заключеніяхъ относительно *покушенія*, и итальянскіе криминалисты, и Тардъ, идутъ уже прямо противъ привычекъ, укоренившихся и въ публикѣ, и во взглядахъ на преступленіе присяжныхъ засѣдателей. Итальянцы и Тардъ не признаютъ никакого основанія пониженія наказанія за преступленіе неудавшееся или даже за покушеніе, остановленное по зависимымъ отъ преступника обстоятельствамъ. Это отрицаніе смягченія наказанія вполнѣ съ ихъ стороны логично, такъ какъ они вообще исключаютъ изъ уголовнаго суда и наказанія всякій элементъ частнаго вреда и частнаго обвиненія и судятъ преступника только за анти-соціальныя качества его личности по мѣрѣ опасности, несомнѣнно грозящей обществу отъ человѣка, уже вполнѣ обнаружившаго свои намѣренія и цѣли.

Всякому занимавшемуся уголовнымъ правомъ извѣстно, какую запутанную и неудобопримѣнимую часть этого права составляютъ законы о наказуемости *соучастниковъ* въ преступленіи. Преступленіе совершено, положимъ, сообща многими лицами. Они, можетъ быть, даже и не сговаривались, а сгруппировались внезапно. Если они сговаривались,—одни изъ нихъ науськивали или только совѣтовали, другіе не отказали въ доставленіи средствъ или въ обѣщаніи помощи на всякій случай, которая даже отъ нихъ и не потребовалась; иные помогали косвенно, можетъ быть, не въ са-

мый моментъ дѣйствія, а раньше или позже. По старой, но глубоко укоренившейся рутинѣ—судить не живыхъ людей а отвлеченное дѣло, состоящее изъ отдѣльныхъ поступковъ всѣхъ дѣятелей,—эта увѣсистая масса взваливалась потомъ на каждаго изъ дѣятелей по-одиночкѣ, якобы какъ общая вина, между тѣмъ какъ у каждаго была своя вина, совсѣмъ особая, между тѣмъ какъ въ сущности и дѣла-то у нихъ общаго, можетъ быть, не было. Правда, что наказуемость каждаго сообразована съ мѣрою его личнаго участія, но все-таки за общее дѣло,—между тѣмъ какъ это общее дѣло выведено искусственно и каждый преслѣдовалъ въ немъ свои особенныя цѣли. Все представленіе о соучастіи должно быть въ сущности упразднено: quot delinquentes tot delicta. Нѣтъ никакой надобности образовать изъ всѣхъ соучастниковъ одну общую кучу. Всѣ тѣ результаты, которые достигаются нынѣ посредствомъ ученія о соучастіи, могутъ быть прямѣе и лучше достигнуты по упраздненіи его. И нынѣ вездѣ въ другихъ, кромѣ нашего, законодательствахъ отлетѣло понятіе прикосновенности, вмѣщающее въ себѣ укрывательство, попустительство, недонесеніе. Это самостоятельные проступки, которымъ должно быть отведено мѣсто въ особой части кодекса. Подстрекатель не есть зачинщикъ или соучастникъ, а есть настоящій интеллектуальный виновникъ, совершившій преступленіе не собственными правда руками, а при посредствѣ другихъ лицъ, которыми онъ пользовался какъ орудіями своей воли. Физическіе виновники и теперь отвѣчаютъ за дѣяніе какъ за свою вину, и нѣтъ между ними разницы отъ того, дѣйствовали ли они порознь, или сообща. Есть пособники, доставлявшіе средства къ преступленію, но не пріобщавшіеся къ цѣли, руководившей настоящими дѣятелями преступленія. Ихъ дѣйствія могутъ быть предусмотрѣны въ особой части кодекса [1]). Разборъ ученія о преступленіи по книгѣ Тарда мною конченъ,—мнѣ остается изложить его мысли и соображенія о наказаніяхъ и о судѣ надъ преступниками.

IV.

Система наказаній.—Виды на реформу суда.

Разбирая итальянскихъ криминалистовъ, я уже отмѣтилъ, что они допускаютъ правосудіе какъ самозащиту, спокойную, хладно-

[1]) Та же мысль развита въ статьѣ проф. Фойницкаго въ январьской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ за 1891 годъ.

кровную, лишенную чувствъ негодованія или мести и чуждающуюся всякихъ эмоцій. Они бы предпочитали истреблять злодѣевъ, но они мирятся по необходимости на томъ, чтобы иначе ихъ удалять; что же касается до субъектовъ менѣе испорченныхъ, не подходящихъ подъ элиминацію, то они мало заботятся объ организаціи наказаній для этого рода людей и предпочитаютъ, какъ то дѣлаетъ Ферри, провозгласить, что они не приписываютъ этимъ наказаніямъ никакой полезности ни по отношенію къ наказываемымъ, ни по отношенію къ обществу. Еслибы эти наказанія и не были исполняемы, то это обстоятельство не принесло бы ни прибытка, ни убытка; оно не повліяло бы существенно на усиленіе преступности. Это ученіе вполнѣ согласно съ кореннымъ основаніемъ системы, по которой извѣстный процентъ населенія роковымъ образомъ обращается въ преступниковъ, причемъ настоящая причина ихъ преступности—не они, а ихъ предки.

Такъ какъ Тардъ стоитъ не на антропологической, а на соціологической точкѣ зрѣнія, то онъ прямо противоположнаго мнѣнія—и доказываетъ, что ничѣмъ незамѣнима и страшно дѣйствительна для пресѣченія заразительной преступности острастка, своевременно и въ надлежащей мѣрѣ употребленная. Бунтъ, революцію можно почти всегда подавить или отсрочить посредствомъ немногихъ экзекуцій. Энергическое преслѣдованіе разбойничества искоренило его совсѣмъ въ Римѣ въ XVI в. при Сикстѣ V, во Франціи въ 1775 г., въ Сициліи въ 1877 г. Распустите немного дисциплину въ войскѣ—оно превратится въ толпу хищниковъ, въ мародеровъ (наполеоновская армія въ Россіи въ 1812 г.). Дайте поблажку городской полиціи—нельзя будетъ ходить по вечерамъ по улицамъ. При продолжающейся гдѣ-нибудь анархіи, злодѣянія плодятся неимовѣрно. При энергическомъ образѣ дѣйствія всякое правительство справится со своими заговорщиками и даже съ вольнодумцами. Правда, что послѣ этого преслѣдованія умственная жизнь можетъ пострадать и вмѣстѣ съ новшествомъ общество можетъ потерять и творчество, сдѣлаться національно безплоднымъ, омертвѣть, какъ омертвѣла Испанія послѣ того, какъ въ два столѣтія, начиная съ половины XVI-го, погибло отъ инквизиціи до 300 тысячъ человѣкъ. Не только уголовные, но и гражданскіе законы вліяютъ на численность такъ-называемыхъ произвольныхъ поступковъ. Наполеоновъ кодексъ установилъ начало: la recherche de la paternité est interdite. Статистически доказано, что въ тѣхъ частяхъ Германіи, которыя пользуются наполеоновскимъ кодексомъ, число незаконнорожденныхъ бываетъ вдвое или втрое меньше, нежели въ

другихъ, значитъ—самъ пылъ любовной страсти умѣряется вслѣдствіе простого разсудочнаго соображенія, что нельзя будетъ судомъ заставить любовника, чтобы онъ расходовался на содержаніе ребенка.

Острастка соціально полезна и необходима, что̀ упускаетъ изъ виду итальянская школа, а забываетъ она о томъ потому, что все свела въ человѣкѣ и въ обществѣ къ чистѣйшему механизму; систематически и принципіально она исключила изъ юстиціи всякое чувство и всякую красоту, превратила судью въ хирурга, разрѣшающаго дѣла безъ эмоціи, потому что эмоція только мѣшала бы ему исполнять извѣстную чисто научную задачу. Юстиція не была и никогда не будетъ столь безучастна къ судьбѣ своего паціента,—это противно ея общественному назначенію и функціи общества награждать добрыхъ и карать злыхъ (échange des services, échange des préjudices), канализировать и утилизировать чувства одобренія и чувства негодованія—живыя и могучія силы общественнаго организма. Фазисовъ эволюціи юстиціи бываетъ больше, чѣмъ ихъ насчитываетъ Тардъ. Въ каждомъ дѣятельно участвуетъ эта своего рода эмоція, постепенно усиливаясь и облагораживаясь. У своего источника наказаніе есть простѣйшій рефлексъ—отплата зломъ за зло, зломъ таліона за безпричинное преступленіе. Сдѣлавшись изъ личной отместки коллективною, наказаніе вступило въ фазисъ очищенія, въ періодъ мистическій. Самъ ли преступникъ приносился въ жертву богамъ, или онъ умилостивлялъ ихъ богатыми дарами, во всякомъ случаѣ это богослужебное искупленіе совершаемо было по религіозному чувству, по высочайшей, къ какой только способенъ человѣкъ, эмоціи. Затѣмъ слѣдовалъ новый, ненамѣченный Тардомъ, фазисъ, рядъ попытокъ ума нормировать мѣну и услугъ, и взглядовъ, и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ. Устанавливались цѣны и таксы на продукты и работы, вкусы и композиціи, за убійство, пораненіе, насиліе или хищеніе, причемъ принимались въ разсчетъ знатность пострадавшаго и знатность обидчика; выводъ уравненія имѣлъ видъ частной сдѣлки. Затѣмъ сдѣланъ новый шагъ впередъ—слагается государство съ большими потугами, сопровождаемыми насиліемъ. Это громадное событіе отличается условіемъ солидарности всѣхъ частей объединяемой громады и соотвѣтствующимъ тому чувствомъ *негодованія* противъ преступниковъ, негодованія уже безличнаго, уже сдѣлавшагося общенароднымъ, но на первыхъ порахъ столь же безусловнаго, какимъ оно было, когда наказаніе имѣло характеръ очищенія. Карающая власть сни-

маетъ съ себя религіозный нарядъ и облекается въ мундиръ, дѣйствіе ея становится прямо политическимъ, все относящимъ къ государю, карающимъ прежде всего за нарушеніе государева мира, за оскорбленіе величества. Логическіе пріемы въ сущности тѣ же, какими были прежде—уравненіе зла дѣянія со зломъ наказанія, убійства, воровства, кражи съ извѣстными лишеніями, страданіями, но самъ корень разсчета измѣнился, такса на преступленіе безмѣрно повышена, основаніе разсчета стало идеальнѣе. Преслѣдуется не вредитель, а лихой человѣкъ и озорникъ. Онъ расплачивается не состояніемъ своимъ, а головою или членами тѣла, которое подвергаетъ сѣченію, полосованію, искалѣченію, причемъ изумительнымъ становится изобрѣтательность изыскиваемыхъ средствъ и орудій мученія. Власть свирѣпствовала, дѣйствовала не по праву карать, а по неоспариваемой никѣмъ обязанности карать и пользуясь услугами многочисленныхъ, болѣе усердныхъ, нежели разборчивыхъ исполнителей, отъ которыхъ и не требовались чувство, убѣжденіе, совѣстливость.

Когда была исполнена задача централизаціи, когда матеріальный порядокъ былъ водворенъ, то-есть когда была установлена законность по государственному закону, тогда наступило смягченіе нравовъ, быстрое уменьшеніе проявленія дикихъ страстей и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабленіе наказаній, соотвѣтствующее превращенію каранія изъ долга государства въ его право, изъ неограниченнаго въ ограниченное. Произошло громадное, быстрое, заходящее даже за нормальные предѣлы, пониженіе уголовной таксы. Система измѣнилась: она была террористическая—она превратилась въ исправительную. Злоупотребленія острасткою подорвали вѣру въ дѣйствительность этой острастки. Ограниченіе права карать повело къ тому, что на казнь государству выдаваемы были только субъекты, изобличенные надлежащимъ образомъ въ извѣстномъ законопротивномъ дѣяніи. Отмѣнены предустановленные признаки преступности, при наличности которыхъ судьи примѣняли наказаніе чисто механически, и осужденіе возложено на совѣсть судей—людей, мало способныхъ вообще къ выполненію этой именно задачи, потому что они вносятъ въ эту работу весь формализмъ и всѣ тонкости казуистики, къ которой они приноровились въ гражданскомъ правѣ, и привыкли анализировать само дѣяніе, отсѣченное отъ личности дѣйствовавшаго человѣка. Привожу мѣткія выраженія Тарда (484): „когда законъ оставилъ судей безъ компаса, безъ возможности оріентироваться, сказавъ имъ только: судите по совѣсти,—то они стали заботиться только о томъ, чтобы искупить безграничнымъ снисхож-

деніемъ свое полновластіе, лишенное направленія, вслѣдствіе чего этотъ полновластный судъ сдѣлался крайне слабымъ". Когда нашли, что правительственные судьи плохо дѣйствуютъ и передали сужденіе о винѣ присяжнымъ засѣдателямъ, вышло караніе еще слабѣе прежняго, потому что присяжные рѣшаютъ только по эмоціямъ; съ одной стороны, негодованіе, съ другой—жалость къ имѣющему быть наказанному, и послѣднее чувство во многихъ случаяхъ беретъ рѣшительно перевѣсъ. Благодушіе присяжныхъ вошло въ пословицу, и необходимость заставляетъ нынѣ озаботиться усиленіемъ наказаній. По мнѣнію Тарда, открывается въ перспективѣ новый фазисъ наказанія, юстиція—не исправительная, а просто санитарная. Окончательная черта ея—усиленіе строгости. Какъ усилить строгость? укрѣпивъ чувство негодованія въ судьяхъ? Каковъ бы судъ ни былъ, осужденіе опорочиваетъ подсудимаго; оно есть выраженіе порицанія, соединяющаго всѣхъ честныхъ людей въ государствѣ въ дружномъ ихъ моральномъ и матеріальномъ противодѣйствіи преступленію,—противодѣйствіи, которое становится плотиною, защищающею общество отъ преступниковъ и ихъ единомышленниковъ, которыхъ много. Оно, по словамъ Тарда, *сгущенный утилитаризмъ всего человѣческаго рода, совокупность нажитыхъ достовѣрностей*, сдѣлавшихся автоматическими выводами изъ безчисленныхъ опытовъ надъ общевреднымъ, сопровождаемыхъ такими же опытами надъ общеполезнымъ, совокупность выработанныхъ категорическихъ императивовъ. Въ этомъ негодованіи нѣтъ ничего предвзятаго, страстнаго, излишняго. При усиливающемся пониманіи отношеній и вслѣдствіе того при извиненіи многаго, весьма многіе уголовные случаи будутъ разрѣшаемы оправдательными приговорами, по чувству тоже не безотчетному, но логически обоснованному—состраданію къ лицу, совершившему гадкое дѣло по нуждѣ, по дурному питанію мозга, по скрытой эпилепсіи; но какова бы ни была снисходительность, она не дойдетъ никогда до принципіальнаго всеизвиненія и всепрощенія. „Видѣть въ преступникѣ,—говоритъ Тардъ,—только опасное существо, а не виновнаго человѣка, значитъ требовать, чтобы криминалисты, а вслѣдъ за ними и публика судили о преступленіи и наказаніи только интеллектуально, отрѣшась отъ всякой эмоціи и всякаго порицанія. Когда перестанутъ ненавидѣть и порицать злодѣя, злодѣянія расплодятся". Тардъ отвергаетъ ледяной и безсердечный коллективизмъ, безъ негодованія и милосердія,—которому приказываютъ работать, какъ работаетъ мясникъ, и которому запрещаютъ энергически заклеймить порицаніемъ то, что̀ подлежитъ отсѣченію и извер-

женію. Тардъ усматриваетъ въ этой системѣ безсердечія итальянской школы остатокъ экономической теоріи, основанной на началѣ чистаго эгоизма, которая внушила Дарвину его основную идею борьбы за существованіе. Нынѣшняя политическая экономія ищетъ другихъ началъ, кромѣ борьбы на жизнь и смерть, и соціологія будетъ искать тоже иныхъ, кромѣ права силы, права кулачнаго. Общество не можетъ не утилизировать негодованія, возбуждаемаго нравственнымъ зломъ, какъ не можетъ не утилизировать чувства состраданія, то-есть оно должно организовать и осуществить родъ государственнаго соціализма въ пользу падшихъ людей, преступниковъ.

Такимъ образомъ, вопреки итальянцамъ, возстановляются въ уголовномъ правѣ, хотя осуществляющемъ утилитарныя цѣли, невыдѣлимыя изъ дѣйствованія человѣческаго,—каково бы оно ни было,—элементы этическіе и эстетическіе: нравственнаго добра и красоты. При возстановленіи уже существовавшихъ и продолжающихъ существовать началъ *либерализма* и *гуманизма*, спрашивается, въ чемъ будетъ заключаться характеристика грядущаго, усматриваемаго Тардомъ, новаго четвертаго періода, санитарнаго, послѣ трехъ предъидущихъ: очищенія, острастки и исправленія? Каждый изъ трехъ завершившихся періодовъ имѣлъ своеобразную систему наказаній, соотвѣтствующую особенному воззрѣнію на преступленіе. Первому свойственны были жертвоприношенія, виры, окупы, анаѳемы; второму—колесованіе, отсѣченіе головы и членовъ, кнутованіе и тому подобныя кровавыя экзекуціи; третьему—ссылка и срочныя лишенія свободы. Оказывается, что все исчерпано, что ничего нельзя придумать новаго, а есть кой-какія измѣненія уже существующаго, которое можно дополнить и въ нѣкоторыхъ частяхъ усовершенствовать. Такимъ образомъ, въ лицѣ Тарда, мы получаемъ постепеннаго и раціональнаго реформатора, а не радикалиста-революціонера. Идеи его о реформахъ, въ смыслѣ наказанія, сводятся къ нижеслѣдующему.

Мы пережили религіозный вѣкъ, наказаніе не содержитъ въ себѣ ничего мистическаго. Съ другой стороны, общество наше изъ военнаго преображается въ промышленное; наши современники имѣютъ утонченные нравы и слабые, весьма чувствительные нервы; всякая мысль о тѣлесныхъ наказаніяхъ и о смертной казни имъ невыносима и противна. Въ распоряженіи законодателя оставались только два средства: ссылка и тюрьма, но ссылка видимо убываетъ и исчезаетъ, и остается одна тюрьма. Если она сама по себѣ не въ надлежащей степени внушительна—удлинняйте ее, доводите до безсрочности. Если она неисправительна—постарай-

тесь дѣлать ее болѣе исправительною. Эта послѣдняя цѣль достигается не однѣми механическими мѣрами, но педагогическою и этическою пропагандою, активною любовью, проникающею, въ концѣ концовъ, и заражающею даже закоренѣлыхъ злодѣевъ,—конечно, не всѣхъ, но многихъ. Государство не успѣетъ исполнить свою задачу, если оно не озаботится подобрать подходящій персоналъ и преданныхъ тюремному дѣлу людей и если оно не заручится активнѣйшимъ содѣйствіемъ самого общества, организующихся въ немъ патронатствъ и посвящающихъ себя тюремному дѣлу добровольцевъ изъ частныхъ лицъ.

Это не ново; — каковы же другія предложенія? Сумасшедшихъ необходимо выдѣлить и содержать ихъ не въ предлагаемыхъ итальянскою школою *маникоміяхъ*, а въ настоящихъ психіатрическихъ клиникахъ, занимающихъ средину между больницею и тюрьмою, пріютахъ для лицъ, находящихся въ состояніи невмѣняемости, неспособныхъ по своей опасности къ гражданскому общежитію. Затѣмъ необходима еще другая сортировка. Слѣдуетъ изъ общей массы вынуть людей, случайно впавшихъ въ преступленіе, и даже рецидивистовъ еще не хроническихъ, но только по слабости характера. Тардъ не былъ бы противенъ содержанію и въ общихъ камерахъ съ заключеніемъ одиночнымъ только по ночамъ; онъ бы не требовалъ даже строгаго и безусловнаго отдѣленія мужчинъ и женщинъ при дневныхъ работахъ. Но онъ сильно стоитъ за отдѣленіе горожанъ и сельчанъ и за устроеніе для сельскихъ преступниковъ спеціально-земледѣльческихъ работъ, а не городскихъ ремесленныхъ, которыя содѣйствуютъ только столь пагубному нынѣ переходу выпускаемыхъ изъ тюремъ въ большіе городскіе центры, гдѣ они обыкновенно увеличиваютъ только численность городскихъ мазуриковъ и проститутокъ. Для хроническихъ рецидивистовъ мѣньшаго калибра Тардъ предполагаетъ устроивать особыя отдѣленія. Что касается до болѣе тяжкихъ, то XIX вѣкъ усовершенствовалъ два средства: уголовную колонизацію (Австралія) и келейное заключеніе—сколокъ съ монастырскаго. Бывали и попытки совокупленія обѣихъ мѣръ, либо ссылая послѣ келейнаго заключенія, либо предназначая келейное заключеніе для мелкихъ, а ссылку для крупныхъ преступниковъ. Одолѣло келейное заключеніе, ссылка нынѣ регрессируетъ. Нельзя создать колонію изъ однихъ преступниковъ; коль скоро же въ колоніи имѣется ядро свободнаго, не-уголовнаго населенія, то оно не можетъ не противиться всячески дальнѣйшей эвакуаціи въ колонію сквернѣйшихъ заразныхъ отложеній метрополіи. Притомъ для колонизаціи годились бы только одни ссыльные изъ кре-

стьянъ. Притомъ ссылка не устрашительна. Мало-мальски колонія успѣваетъ,—уже разыгрывается воображеніе у попавшихся подъ судъ преступниковъ, и они порываются, какъ бы попасть въ эту ссылку. Келейное, одиночное заключеніе, которое осталось побѣдителемъ, можетъ быть сдѣлано суррогатомъ смерти, почти одинаково съ нею страшнымъ. Если смертная казнь отмѣнена, то необходимо оставить безсрочную тюрьму съ келейнымъ заключеніемъ на большое число лѣтъ. Для лицъ, подающихъ хотя бы слабую надежду на исправленіе, одиночное заключеніе должно быть умѣренное по времени, съ извѣстнымъ періодомъ для испытанія, при посѣщеніяхъ со стороны сердобольныхъ членовъ тюремныхъ патронатствъ. Тардъ совѣтуетъ вербовать въ эти патронатства побольше небогатыхъ людей, потому что богатые въ тюрьмы обыкновенно не идутъ, а дожидаются, пока къ нимъ не обратятся за помощью освобожденные, и участіе ихъ болѣе денежное, нежели сердечное. Заключеніе можетъ быть значительно сокращено замѣною части его, по мѣрѣ поведенія арестанта, досрочнымъ, условнымъ отпускомъ на волю, который, въ связи съ дѣятельностью пріискивающихъ отпускаемымъ работу патронатствъ, содѣйствуетъ обратному водворенію въ обществѣ наказаннаго человѣка на болѣе благопріятныхъ для него, нежели до совершенія преступленія внѣшнихъ условіяхъ быта. Сначала въ Бельгіи, а потомъ, въ 1890 г., во Франціи установлена для менѣе важныхъ проступковъ система условныхъ освобожденій отъ наказанія для впервые провинившихся осужденныхъ, если они не попадутся вторично въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Объ этомъ нововведеніи, которому посвящено было столько времени на пенитенціарномъ конгрессѣ 1890 г. въ С.-Петербургѣ, нѣтъ еще ни слова въ книгѣ Тарда; оно пошло въ ходъ, когда книга издавалась.

Изъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ системою наказаній, выдѣляется у Тарда одинъ, поставленный особо, вопросъ самый заѣзженный, можетъ быть, и избитый — *о смертной казни*, затормазившійся въ послѣднее время, вслѣдствіе возврата европейскаго общества къ милитаризму, къ ожесточенію въ нравахъ. Онъ стоитъ нынѣ, такъ сказать, на точкѣ замерзанія. Для насъ вопросъ этотъ имѣетъ интересъ, какъ говорятъ, чисто академическій, то-есть лишенный практическаго значенія. Онъ притомъ имѣетъ у насъ обратную, по сравненію съ положеніемъ его въ Европѣ, постановку. У насъ смертная казнь есть и будетъ долгое время нормальнымъ наказаніемъ за главнѣйшія политическія преступленія; тамъ вообще за политическія преступленія она отмѣнена и оставлена лишь за общія или, лучше сказать, за одно смерто-

убійство, между тѣмъ какъ съ 1754 г., то-есть въ теченіе полутораста лѣтъ, Россія по принципу обходится безъ смертной казни въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства (т.-е. не въ военныхъ судахъ) для обыкновенныхъ преступленій и не предвидится возможности возврата къ примѣненію ея за эти преступленія. Самъ вопросъ о смертной казни не есть вопросъ логическій, разрѣшаемый на основаніи убѣждающихъ разумъ доводовъ, а только вопросъ для чувства. Логически всѣ доводы противъ смертной казни весьма бѣдны и неудовлетворительны. Говорятъ, что она неотмѣнима, недѣлима, что дѣлаетъ рекламу убійцамъ и развиваетъ подражательность въ стекающихся наблюдать ее зрителяхъ, что она драматизируетъ событіе, которое надлежало бы покрыть забвеніемъ. Корень отвращенія отъ этой казни иной—эмоціональный, чисто физіологическій. Онъ заключается въ ужасѣ, который внушаетъ само воображаемое представленіе о качающемся въ судорогахъ на висѣлицѣ и о томъ, которому отрубаютъ голову. Возмущаетъ насъ притомъ не сама воображаемая жестокая мука, а связанная съ нею идея. Видъ тысячи тѣлъ, изуродованныхъ, покрывающихъ поле битвы, видъ хирургическихъ операцій, самоубійцъ, даже представленіе о принимающемъ ядъ Сократѣ или о какомъ-нибудь римлянинѣ, которому императоръ предоставилъ избрать родъ смерти, не производятъ на насъ подобнаго впечатлѣнія. Насъ раздражаетъ то, что смертная казнь подобна кнутованію, бичеванію, вообще тѣлеснымъ казнямъ, что она—ненужное истязаніе и поруганіе тѣла человѣческаго, котораго не выносятъ нервы людей въ обществѣ, дошедшемъ до извѣстной степени цивилизаціи, безъ предварительнаго убѣжденія, достаточными резонами въ томъ, что эти истязанія неизбѣжны и необходимы. Сильное, лѣтъ тридцать тому назадъ, движеніе въ пользу отмѣны смертной казни остановилось. Въ жизни остановка движенія бываетъ почти всегда началомъ обратнаго движенія, началомъ регресса. Еслибы была неопровержимо установлена логическая необходимость лишать жизни ежегодно нѣсколько десятковъ злодѣевъ и еслибы былъ изобрѣтенъ способъ убивать ихъ мгновенно безъ страданій и безъ разсѣченія на части или уродованія посредствомъ сильнѣйшихъ ядовъ или электричества, то неизбѣжно возникла бы мысль объ элиминированіи такимъ образомъ отчаянныхъ злодѣевъ, которыхъ исправленіе невозможно, и мысль эту усвоило бы себѣ законодательство. Возможенъ ли возвратъ къ суровости, къ возстановленію смертной казни тамъ, гдѣ она уже была законодательнымъ порядкомъ отмѣнена? Тардъ полагаетъ, что онъ возможенъ. Мы переживаемъ критическій моментъ вне-

запнаго подъема милитаризма, смертная казнь — родная сестра войны. Если мы не только не возмущаемся, когда десятки тысячъ людей гибнутъ разомъ въ жестокихъ мукахъ на полѣ битвы, но прославляемъ эту рѣзню и несемъ охотно на алтарь отечества свои собственныя жизни, то чтò въ сравненіи съ тѣмъ нѣсколько сотенъ нашихъ собратьевъ, болѣе похожихъ на звѣрей, чѣмъ на людей, которыхъ бы пришлось для общественной безопасности извести? Притомъ наша чувствительность во многихъ отношеніяхъ фальшивая, наше кровеотвращеніе напускное и искусственное. Обыкновенно сочувствуютъ человѣку, который мститъ за свою опороченную честь револьверомъ, женщинѣ, которая расправляется съ покинувшимъ ее любовникомъ сѣрною кислотою, мужу, убивающему на мѣстѣ невѣрную жену или сообщника ея, прелюбодѣя. Въ воскрешеніи и возростаніи считавшейся отжившею смертной казни виноватъ, впрочемъ, не милитаризмъ. Причина глубже, Тардъ ее прямо указываетъ. Она—въ господствѣ Дарвинизма, въ ученіи, которое возводитъ въ законъ природы борьбу за существованіе и внушаетъ всякому существу слабѣйшему: умри и пропадай. Вся философія Тарда есть сплошной протестъ противъ Дарвинизма; она—краснорѣчивое исповѣданіе вѣры въ то, что возвратъ къ языческому духу не будетъ длиться, что побѣдитъ его другое міросозерцаніе, какъ бы его ни называли: гуманизмъ, соціализмъ, въ сущности воспрянувшій опять христіанскій духъ въ его чистѣйшей квинтъ-эссенціи. Этотъ соціалистическій духъ общественности совершаетъ медленно свою невидимую подземную работу. Когда онъ такимъ образомъ растянетъ на далекое разстояніе свою ткань сходствъ и тождествъ, идейныхъ и эмоціонныхъ подражаній, тогда и появится религія или философія, соединяющая людей въ одномъ общемъ религіозномъ или даже и не-религіозномъ идеалѣ. Это начинающееся широкое космополитическое братство одолѣетъ въ будущемъ даже и самую войну, не по сознанной общечеловѣческой солидарности матеріальныхъ интересовъ, но по развитію и усиленію симпатичныхъ чувствъ, вслѣдствіе дѣлающагося все болѣе и болѣе крѣпкимъ международнаго общенія. Тардъ убѣжденъ въ успѣшности этой невидимой работы. Она сопровождается двумя отрицательными признаками, которыхъ однако не надобно пугаться: ослабленіемъ догматическихъ вѣрованій и недовольствомъ жизнью или пессимизмомъ. Сумма вѣрованій и желаній у человѣка, можно сказать, одна и та же; но чѣмъ кто образованнѣе, тѣмъ у него больше количество идей, между которыми распредѣляется его бюджетъ вѣрованій; онъ размѣненъ на малые атомы — человѣкъ становится скептикомъ.

Съ другой стороны, и бюджетъ желаній израсходованъ на безчисленное множество потребностей, изъ коихъ ни одна не увлекаетъ его страстно; онъ скучаетъ и тяготится жизнью. Мы всѣ заражены этою болѣзнью вѣка. Тардъ превосходно объясняетъ, какъ при этихъ двухъ недугахъ, скептицизмѣ и пессимизмѣ, изъ нихъ же вытекаетъ то разрѣшеніе вопроса о смертной казни, котораго добиваются аболиціонисты. Эта страница (554) столь краснорѣчива, что я привожу ее цѣликомъ: „Сдѣлавшись скептикомъ и—что̀ еще хуже—пессимистомъ, общество обязано дать созрѣть красивѣйшему нравственному плоду, отъ этихъ настроеній исходящему, а именно милосердію (pitié). Преступникъ не въ правѣ его требовать—вотъ почему я и не утверждаю, чтобы общество обязано было давать ему жизнь по какому-то метафизическому праву. Оно дѣлаетъ это только по великодушію (générosité, clémence), вполнѣ сознавая возвышенность своего мотива. Не надо ему внушать, что оно дѣлаетъ хорошій разсчетъ, когда слѣдуетъ влеченію своего сердца. Оно рискуетъ, но обязано нести послѣдствія этого риска. Идеалъ утилитаріанцевъ—безстрашное общество, разящее людей безъ мести и прощенія,—несбыточенъ. Какъ бы ни втолковывали безсердечіе, общество будетъ продолжать прощать и мстить, но его месть будетъ не мужественная и его прощеніе не будетъ доброе,—то и другое будетъ нѣсколько подловатое (lâche) и въ его перемежающихся отместкахъ, а еще болѣе въ амнистіяхъ. Боязнь зла, почетъ злу, удивленіе злу — это все подлости, существующія съ-поконъ вѣка. Нынѣшнему обществу подобаетъ не родить, но развить менѣе опасное и болѣе благородное чувство снисхожденія къ злу". Это снисхожденіе, даруя жизнь, должно однако обречь злодѣя на достойную его участь. Иными словами, необходимо одно изъ двухъ: либо оставить и даже расширить смертную казнь, смягчая ее до безболѣзненнаго и неуродующаго тѣла лишенія жизни, либо замѣнить ее тяжелою и трудовою жизнью, откровеннымъ, а не притворнымъ и стыдящимся возвратомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, насколько ихъ будетъ требовать тюремная дисциплина.

Итакъ, и въ ученіи о преступленіи, и въ ученіи о наказаніи, побивая побѣдоносно итальянскихъ криминалистовъ, Тардъ не является вовсе новаторомъ. Онъ одерживаетъ эту побѣду старыми средствами, которыми уже пользовались криминалисты-классики. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ послѣдній отдѣлъ его теоріи, посвященный суду и рѣшенію. Здѣсь онъ круто поворачиваетъ, переходитъ на сторону противниковъ, соединяется съ ними въ энергическомъ порицаніи суда присяжныхъ, не по причинѣ тѣхъ

или другихъ подробностей, но по самой коренной идеѣ учрежденія, и склоняется къ передачѣ судейской функціи совершенно инымъ лицамъ,— не тѣмъ, которыя засѣдали до-нынѣ за судейскимъ столомъ или на скамьѣ присяжныхъ, но тѣмъ, которымъ надлежало бы предпочтительнѣе предъ ними поручить исправленіе судейскихъ обязанностей по духу нашего, наукѣ поклоняющагося, времени.

Судъ есть своего рода изслѣдователь истины. Дѣятельность его направлена къ тому, чтобы установить съ наибольшимъ правдоподобіемъ, какъ бы тому ни противились заинтересованныя въ дѣлѣ стороны: *во-первыхъ*: кто совершилъ предполагаемое въ данномъ случаѣ преступленіе; *во-вторыхъ*: какая въ этомъ дѣлѣ степень его вины и отвѣтственности. Доказательства, посредствомъ какихъ судья доходитъ до истины, суть общія логическія основанія убѣж-деній въ истинѣ. Такимъ образомъ вопросъ о доказательствѣ не есть юридическій вопросъ, а логическій, разрѣшенный посредствомъ и методомъ знанія и философіи извѣстной эпохи. Исторія судебныхъ доказательствъ есть исторія самой познавательной дѣятельности нашего ума. Главные характерные фазисы этой исторіи были слѣдующіе.

Былъ въ судопроизводствѣ періодъ миѳическій, мистическій, оотвѣтствующій состоянію ума дѣтскому, отличающемуся невоз-ожностью додуматься до истины. Человѣкъ мнилъ себя окружен-ымъ богами, духами, вѣрилъ имъ и сообщался съ ними; для азрѣшенія же неразрѣшимыхъ по его познаніямъ споровъ при-ѣгалъ къ этимъ богамъ, къ оракулу, къ жребію, къ ордаліямъ, га-алъ объ истинѣ посредствомъ раскаленнаго желѣза, кипятка, единка. Онъ вооружалъ спорщиковъ дубинами или мечами и ставлялъ ихъ выходить на поле, биться. Кто побѣждалъ, за тѣмъ ла и правда Божія. Наступилъ затѣмъ фазисъ судопроизводства угой. Мѣсто суевѣрія занялъ раціонализмъ сухой и грубый, силованіе истины исторганіемъ ея изъ лживыхъ устъ запираю-гося обвиняемаго, постоянное прибѣганіе къ особой экспертизѣ, которой экспертомъ былъ заплечныхъ дѣлъ мастеръ или па-чъ. Слагалось между тѣмъ государство; оно искореняло лихихъ дей, оно возлагало за нихъ отвѣтственность на общины, оно ало повальные обыски о лихихъ людяхъ, вызывало въ Англіи едставителей общинъ ad vere dicendum, кто въ данномъ пре-пленіи виноватъ,—таково начало англійскаго *джюри* (jurata), которому въ Англіи перешли прямо отъ ордалій. На материкѣ ропы ходъ развитія былъ иной. Вытащено римское право, тиція перешла въ руки ученыхъ романистовъ и судъ былъ по-оенъ на весьма грубомъ, хотя и не лишенномъ нѣкоторой

логики основаніи, что осужденіе недостовѣрно, пока самъ подсудимый не признался, и что человѣкъ вообще правдолюбивъ; если же онъ запирается и лжетъ, то онъ это дѣлаетъ не безъ особаго волевого усилія, такъ что посредствомъ физическаго его истязанія можно уничтожить этотъ нравственный тормазъ и добыть самую истину изъ устъ, раскрываемыхъ мукою. Ужасно было только то, на что закрывали глаза,—что на мученіе могъ быть взятъ и совсѣмъ невиновный человѣкъ, который, бывъ истязуемъ, могъ взвести на себя всякія небылицы. Этотъ такъ-называемый *инквизиціонный* процессъ просуществовалъ до половины XVIII-го в., до Беккаріи (1764. Dei delitti e delle pene). Когда отъ него отсѣкли пытку, то юстиція явилась выхолощенною, беззубою. Законники-рутинисты, по лишеніи ихъ пытки, не могли уже справиться съ своимъ дѣломъ посредствомъ остальныхъ своихъ доказательствъ; они не съумѣли даже выработать достовѣрность по совокупности уликъ, то-есть по мотивированному убѣжденію, какъ рѣшаютъ вопросы научные изслѣдователи истины.

Тогда-то и насталъ новый періодъ, объяснимый только подражательностью. Изъ Англіи заимствованъ былъ сдѣлавшійся моднымъ институтъ джюри, дурно понятый и перенапряженный, и онъ съ неимовѣрною быстротою распространился и обошелъ кругомъ весь шаръ земной. Распространеніе этого института совпадаетъ съ другими родственными ему явленіями современности, изъ одного съ нимъ источника происходящими, съ souveraineté du peuple, всеобщею подачею голосовъ, съ либеральными и конституціонными учрежденіями, съ романтизмомъ. Основаніе заимствованія заключалось тоже въ суевѣріи, хотя иного рода, въ мистической вѣрѣ въ здравый человѣческій смыслъ, однимъ чутьемъ, по слѣпому инстинкту открывающій сразу то, чего записные изслѣдователи-законники не откроютъ по своей близорукости, и въ абсолютную безошибочность общественнаго мнѣнія толпы. Подъ вліяніемъ увлеченія институтъ разросся не въ мѣру и облекся въ уродливыя формы. На родинѣ, въ Англіи, онъ былъ только доказательствомъ посредствомъ вердикта присяжныхъ и не употреблялся, когда подсудимый дѣлалъ признаніе (pleaded guilty). На материкѣ присяжные стали судьями факта, хотя бы признаніе существовало полное, судьями полной вины,—слѣдовательно, косвенно они и рѣшители наказанія. Вслѣдствіе принципіальнаго возложенія участи обвиняемаго на ихъ совѣсть, безъ требованія отъ нея какого-либо отчета, они пріобрѣли фактически власть помилованія, во владѣніе и пользованіе коимъ имъ помогли войти услужливые куртизаны, заискивающіе у всякихъ власть имущихъ. Итальянскіе позитивисты

издѣваются надъ институтомъ (Гарофало называетъ его дикимъ — institution baroque du jury). Тардъ присоединяется къ этому осужденію, обвиняетъ присяжныхъ въ невѣжествѣ, непослѣдовательности, перемѣнчивости убѣжденій, трусости, неспособности быть самостоятельными по отношенію къ общественному мнѣнію. Выборъ ихъ совершается безсмысленнымъ образомъ по жребію; всѣ лица, которыя поэнергичнѣе или посмышленѣе, отводятся сторонами; выбаллотировываются такимъ образомъ однѣ посредственности. Эта малая толика воды, зачерпнутой, такъ сказать, ладонью изъ воды морской, не выражаетъ даже и общественнаго мнѣнія, потому что она была изолирована искусственно и заворожена вкрадчивыми рѣчами искусителей—обвинителей или защитниковъ. „Никто изъ мошенниковъ не боится присяжныхъ, но никто изъ честныхъ людей ихъ не уважаетъ. Недовѣріе къ нимъ полное, конецъ ихъ близится". Введеніе института было во время оно прогрессомъ, его существованіе нынѣ равносильно застою. Нѣтъ учрежденія коснѣе присяжныхъ; никогда нельзя на нихъ разсчитывать, когда для общества необходимо быть построже, подтянуть или приструнить—вотъ почему вездѣ прибѣгаютъ къ такъ-называемой correctionalisation des délits, къ изъятію изъ ихъ вѣденія менѣе тяжкихъ преступленій. По мнѣнію Тарда, самъ институтъ обреченъ на сломку; весь вопросъ въ томъ, чѣмъ замѣстить присяжныхъ.

На этотъ вопросъ отвѣтъ готовъ у итальянцевъ, по мнѣнію которыхъ судьи нужны собственно только для разрѣшенія вопроса, совершено ли извѣстнымъ лицомъ дѣяніе, обнаруживающее опасность для общества со стороны его виновника. Затѣмъ наказанія собственно и нѣтъ, а необходимъ только классификаторъ, который бы, зная антропологію и психологію, пощупалъ, измѣрилъ и наблюлъ виновника, да отнесъ бы въ одинъ изъ предустановленныхъ разрядовъ: прирожденныхъ, профессіональныхъ или случайныхъ преступниковъ, послѣ чего виновный и нашелъ бы подобающее ему мѣсто въ пенитенціарномъ звѣринцѣ. Вѣдь онъ и судится не за свое дѣяніе, а только за свою semibilità. Но Тардъ не сошелся съ итальянцами; онъ—настоящій криминалистъ, онъ судитъ лицъ, которымъ вмѣняются ихъ поступки, лицъ отвѣтственныхъ. Онъ высказывается рѣшительно противъ перехода членовъ по очереди изъ гражданскихъ отдѣленій суда въ уголовные и, наоборотъ, полагаетъ, что будущіе уголовные судьи должны быть спеціалисты-аліенисты, изучавшіе физіологію, психологію и соціологію, напрактиковавшіеся изучать арестантовъ, посѣщая ихъ въ тюрьмахъ во время своего стажа или кандидатуры. Тардъ настаиваетъ на пользѣ предлагаемаго имъ и позаимствованнаго у

Бентама способа голосованія судей баллами о виновности, выражающими степень увѣренности судей въ виновности субъекта. Полной увѣренности въ виновности почти никогда не бываетъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ полнаго признанія, совпадающаго съ обстоятельствами дѣла; но какъ хирургъ рѣшается на рискованную операцію не потому, чтобы онъ отрицалъ возможность леченія и безъ операціи, но потому, что временить и колебаться было бы опасно, такъ и судья не можетъ задерживать дѣйствія правосудія, хотя не всѣ сомнѣнія очистились, и подвергать риску общественную безопасность. Онъ бы предложилъ, какъ на экзаменахъ, баллотированіе баллами отъ 1 до 5, съ достаточными для осужденія 3 въ среднемъ выводѣ. Онъ бы желалъ,—если бы первое предложеніе не было принято,—чтобы судъ могъ, какъ въ Римѣ, произнести non liquet или, какъ въ шотландскомъ процессѣ: not proven, вмѣсто not guilty—невиновенъ. Простые случаи будутъ рѣшаться безъ экспертовъ; во всѣхъ дѣлахъ съ загадочнымъ пунктомъ, съ вопросами, требующими великаго знанія, глубокой науки, судьямъ должны помогать будущіе замѣстители нынѣшняго джюри, ученые эксперты. Тардъ выражается довольно неопредѣленно, что онъ не желаетъ превращенія экспертовъ въ судей, что заключеніе экспертовъ должно быть только высшимъ средствомъ разъясненія (moyen supérieur d'information mis à la disposition de la justice); но съ другой стороны онъ полагаетъ, что заключеніе этого ученаго jury будетъ чѣмъ-то въ родѣ *законнаго* доказательства,—значитъ, доказательства, обязательнаго для суда. Изъ этихъ словъ я заключаю, что роль экспертовъ измѣнится, что изъ простыхъ орудій наблюденія, которыми судъ можетъ по произволу пользоваться или не пользоваться въ трудныхъ вопросахъ, выходящихъ за предѣлы судейскаго знанія, комплектъ ученыхъ спеціалистовъ явится окончательно рѣшителемъ спорнаго и только наукѣ доступнаго факта, и что единогласное рѣшеніе ихъ будетъ нормою для судьи.

Таковы идеи Тарда о будущемъ судоустройствѣ, идеи болѣе блестящія, нежели солидныя; въ нихъ меньше послѣдовательности, нежели у итальянскихъ позитивистовъ, можно сказать, что онѣ—мечты воображенія. Устранимъ прежде всего неудачную попытку связать джюри съ экспертизою и представить ученую экспертизу какъ преемника и замѣстителя джюри. Эти два предмета не сочетаются, не имѣютъ ничего общаго. Наши законы, давая и сторонамъ, и суду, какъ уголовному, такъ и гражданскому, черпать матеріалы для рѣшенія изъ сокровищницы науки, не признаютъ однако экспертизы доказательствомъ; она—только повѣрка доказа-

тельствъ. Судьямъ дано на волю уважать экспертизу или не уважать и, отклонивъ отъ себя эти результаты глубокаго, можетъ быть, знанія, вопреки имъ постановлять рѣшеніе. Надо признать, что можно бы всякую научную экспертизу (не только судебно-медицинскую) въ обоихъ процессахъ, и гражданскомъ, и уголовномъ, поставить иначе, организовать постоянныя коллегіи экспертовъ, опредѣлить ихъ составъ, потребовать, чтобы судъ очертилъ въ каждомъ данномъ случаѣ предѣлы области, внутри которыхъ, не будучи компетентнымъ по недостаточности своего знанія, онъ требуетъ не заключенія, а приговора экспертовъ. Единогласнымъ и категорическимъ изреченіямъ экспертовъ законодательство могло бы сообщить значеніе непререкаемыхъ доказательствъ, которыми судьи коронные обязаны были бы руководствоваться. Для присяжныхъ такое отношеніе къ экспертизѣ невозможно, такъ какъ законы ничѣмъ не ограничиваютъ ихъ при рѣшеніи о виновности и даже о событіи преступленія, но само собою разумѣется, что въ своей заключительной рѣчи предсѣдатель обязанъ былъ бы преподать взглядъ законодателя на экспертизу какъ на выводъ, сдѣланный знатоками дѣла и по закону пользующійся неопровержимымъ авторитетомъ. Не вхожу въ разборъ того, наступитъ ли когда-либо такое преобразованіе, или даже того, желательно ли оно или нежелательно; я хотѣлъ только установить то положеніе, что оно можетъ быть произведено безъ того, чтобы пришлось тронуть или уничтожить присяжныхъ.

Итакъ, вопросъ не въ спеціалистахъ-техникахъ и не въ мѣстѣ, ими занимаемомъ. Они оказываютъ нынѣ услуги, а въ будущемъ могутъ оказывать еще бо̀льшія. Вопросъ и не въ судьяхъ, какъ бы высоко ни подымать ихъ образовательный цензъ, хотя бы ихъ совсѣмъ воспретили брать изъ состава гражданскихъ отдѣленій, хотя бы ихъ заставили держать экзамены изъ тюрьмовѣденія, психологіи и психіатріи. То будутъ второстепенныя качества и квалификаціи, а главная функція судьи та же: —онъ блюститель и истолкователь закона, на то поставленный, чтобы растягивать и выпрямлять этотъ законъ дедуктивно и казуистически,—а это становится возможнымъ только тогда, когда самыя явленія жизни онъ будетъ разсматривать абстрактно, перенося эти явленія въ область безцвѣтныхъ и лишенныхъ живого, конкретнаго содержанія законодательныхъ предусмотрѣній, то-есть чистѣйшихъ отвлеченностей. Тардъ думаетъ, что судьи потому бываютъ такіе формалисты и византійцы, что въ школѣ зубрили римское право, которое потомъ примѣняли и въ судѣ. Я утверждаю противное. Посадите на судейское кресло не романиста, а

психолога или натуралиста, но заставьте его продѣлывать много лѣтъ судейскую работу—и, въ силу своихъ постоянныхъ занятій, онъ сдѣлается казуистомъ и законникомъ. Безъ законниковъ не можетъ быть суда. Отъ правительства поставленный на то, чтобы судить, законникъ—будь онъ даже несмѣняемый—имѣетъ неминуемо слѣдующія—не скажу недостатки, но односторонности: прежде всего онъ отвлеченный человѣкъ, отъ міра сего отошедшій и витающій въ заоблачныхъ абстракціяхъ; во-вторыхъ, такъ какъ онъ правительствомъ поставленъ судить, то во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ государство находится по своимъ интересамъ въ коллизіи съ интересами гражданскаго общества, съ правами гражданъ, онъ—не безпристрастный рѣшитель и будетъ тянуть въ сторону государства. Наконецъ, въ-третьихъ, не ждите отъ него надлежащаго проявленія чувствъ негодованія и состраданія по отношенію къ подсудимому, которыми, по мнѣнію не итальянцевъ, а Тарда, долженъ быть одушевленъ судъ, возстановляющій господство правды и закона. Судъ изъ техниковъ-законниковъ надлежало усилить введеніемъ въ него народныхъ элементовъ. Какимъ образомъ и въ какой формѣ надлежало вводить эти элементы? Въ формѣ ли выборныхъ или въ формѣ присяжныхъ? Только и были на-лицо эти двѣ формы; но первая изъ нихъ оказалась невозможною въ обществѣ пока не модернизированномъ, имѣющемъ еще старинныя сословныя перегородки и живо помнящемъ всѣ неудачные опыты судебныхъ засѣдателей въ судахъ по законодательству Екатерины II. Тогда и придумали ввести общегражданскую судейскую повинность, брать понятыхъ изъ народа для рѣшенія вопросовъ, фактически относящихся къ преступленію, какъ оно практикуется уже съ успѣхомъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ. Этотъ судъ принесъ и продолжаетъ доставлять громадной важности и ничѣмъ незамѣнимыя удобства. Онъ сразу отсѣкъ и упразднилъ теорію законныхъ доказательствъ, заставивъ судить только по убѣжденію совѣсти. Когда людей, не умѣющихъ плавать, бросятъ въ глубокую воду, они будутъ барахтаться, пока не приноровятся къ тому, какъ держать себя на водѣ. Нѣчто подобное произошло съ присяжными. Только судъ присяжныхъ и поддерживаетъ устность судопроизводства. Возьмемъ гласный судъ, какъ онъ практикуется въ областяхъ, гдѣ присяжныхъ нѣтъ, а есть суды съ двумя инстанціями; сила вещей возстановляетъ на практикѣ во второй инстанціи безжизненное бумажное производство. Учрежденіе присяжныхъ сдѣлало изъ судебной функціи живой общественный органъ, свободно обсуждающій и наставительный, имѣющій для общества воспитательное значеніе. Институтъ присяжныхъ

имѣетъ много недостатковъ, больше, можетъ быть, чѣмъ сколько ихъ насчитано у Тарда, но извѣстно, что всякое новое колесо скрипитъ; недостатокъ можетъ быть и неприсущъ институту по самой его идеѣ, а только по его формѣ. Есть безчисленное множество измѣненій, посредствомъ которыхъ можно бы институтъ усовершенствовать. Одного нельзя только требовать отъ присяжныхъ, а именно, чтобы они свои рѣшенія мотивировали; но я сильно сомнѣваюсь, есть ли патентованное лекарство противъ плохихъ судейскихъ рѣшеній. Дѣло и въ коронномъ судѣ рѣшается по общему впечатлѣнію и по совѣсти, а не механически. Мотивы подбираются и придѣлываются потомъ, они похожи на тѣ объясненія post factum, къ которымъ человѣкъ приходитъ заднимъ умомъ, но которыхъ, можетъ быть, у него не было, когда онъ дѣйствовалъ. Сопоставьте судъ изъ техниковъ двустепенный и судъ присяжныхъ—кому дать предпочтеніе? Я отвѣчаю по опыту—несомнѣнно присяжнымъ. Нѣтъ вполнѣ совершенныхъ учрежденій; институтъ присяжныхъ имѣетъ многіе недостатки; несомнѣнно, что въ будущемъ найдены будутъ формы болѣе цѣлесообразныя и лучшія, но это будущее весьма далеко, и то, что̀ предлагаютъ взамѣнъ присяжныхъ, совсѣмъ неудовлетворительно. Часть сочиненія Тарда, относящаяся къ процессу, есть самая слабая, и его возраженія противъ суда присяжныхъ не пошатнули нисколько этого института, —хотя вызываютъ на размышленіе по его поводу.

Кончаю разборъ философіи уголовнаго права Тарда. Эта книга и предшествовавшіе ей труды итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, которые она опровергаетъ и на которые она представляетъ остроумные и своеобразные отвѣты, даетъ въ совокупности нѣкоторое понятіе о томъ могучемъ броженіи и движеніи, которыя закипаютъ въ уголовномъ правѣ, пребывавшемъ многіе годы въ застоѣ. Открываются новые горизонты, расшатываются основныя положенія, считавшіяся очевидными истинами. Можетъ быть, не все то̀ пройдетъ и сбудется, о чемъ мечтаютъ храбрые радикальные реформаторы, но несомнѣнно, что въ не очень продолжительномъ времени вся область уголовнаго права и процесса явится въ совсѣмъ отличномъ отъ настоящаго и до неузнаваемости новомъ видѣ.

В. Спасовичъ.

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *).

I.

Весна была ранняя и еще съ первыхъ же дней апрѣля снѣгъ повсюду стаялъ. Нева прошла; на деревьяхъ и кустахъ, въ которыхъ чирикали стаи воробьевъ, вздулись сочныя, смолистыя почки.

Воспользовавшись теплыми днями, Оленины переѣхали на свою дачу въ началѣ мая; милліоны желтыхъ одуванчиковъ уже усѣяли свѣжую, молодую траву, а березы, еще совсѣмъ прозрачныя, только-что стали распускаться ярко-зелеными, мелкими листочками.

Елену Николаевну весной всегда тянуло въ ея милыя Сосновки, которыя она въ силу привычки предпочитала даже роскошному помѣстью мужа; но Аркадій Петровичъ только въ три года разъ могъ пользоваться продолжительнымъ отпускомъ, и чтобы не разлучаться съ нимъ, Елена Николаевна, хотя-нехотя, проводила лѣто большей частью на собственной дачѣ, по финляндской желѣзной дорогѣ, откуда Аркадію Петровичу было удобнѣе ѣздить на службу.

Дача эта, прозванная „виллой Лелей“, въ честь маленькой Лели, родившейся здѣсь въ первый годъ постройки ея, была невелика, но очень удобна и красива. Она раскинулась на горѣ, крутымъ обрывомъ сбѣгавшей прямо къ большому круглому озеру,

---

*) См. выше: сент., 5 стр.

и тонула въ темной зелени вѣковыхъ сосенъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ ее.

Аркадій Петровичъ очень любилъ эту дачу. Онъ самъ присмотрѣлъ для нея мѣсто, самъ чертилъ и возился съ ея планами, и въ душѣ рѣшительно предпочиталъ ее всякой деревнѣ, но скрывалъ это почему-то, притворяясь, что живетъ на ней только ужъ такъ, по-неволѣ, а душой рвется будто бы къ себѣ въ имѣніе.

Онъ не то чтобы вовсе не любилъ деревни, но жизнь въ ней скоро надоѣдала и утомляла его. Онъ признавалъ возможность нѣсколько болѣе продолжительнаго житья тамъ, но только при условіи очень большой семьи, или даже нѣсколькихъ семей вмѣстѣ, и непремѣнно при томъ—пріятнаго, многочисленнаго сосѣдства вокругъ.

Любилъ онъ, впрочемъ, деревню иногда и зимой, или осенью, когда наѣзжалъ туда на недѣльку поохотиться и освѣжиться немножко отъ городской жизни. Тогда она ему даже очень нравилась, и онъ съ удовольствіемъ, и искренно воображая въ то же время, что будто страстно любитъ вообще природу и деревню, проводилъ тамъ нѣсколько деньковъ. Но въ сущности выживать тамъ по цѣлому лѣту въ обществѣ только жены, дѣтей да Зины, ему было очень трудно, и, скучая въ душѣ, онъ приневоливалъ себя только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе женѣ, а жена очень любила деревню.

На дачѣ же было совсѣмъ иное дѣло. Тутъ и сосѣдство всегда находилось, а съ сосѣдями иногда вечеркомъ можно было съ удовольствіемъ повинтить на чистомъ воздухѣ; тутъ и музыка, и прочія развлеченія въ родѣ „Аркадій“ и „Ливадій“, посѣщать которыя время отъ времени Аркадій Петровичъ очень любилъ,—все это было не далеко.

Нынѣшній разъ ему и партнеръ достался очень пріятный. Илья Егоровичъ съ семействомъ нанялъ дачу рядомъ съ Олениными, палисадникъ въ палисадникъ, и оба семейства были этимъ чрезвычайно довольны.

Дамы и дѣвицы очень дружили между собой, а мужья при подобныхъ условіяхъ чувствовали себя гораздо удобнѣе и свободнѣе.

Илья Егорычъ даже именно въ видахъ такого соображенія и подговорилъ жену взять эту дачу, хотя она и не была для нихъ вполнѣ удобна.

Илья Егоровичъ былъ очень хорошій мужъ и очень любилъ свою Раису Константиновну, но лѣто онъ всегда предпочиталъ проводить безъ нея. Только это ему рѣдко удавалось, потому что на бѣду Раиса Константиновна совсѣмъ не любила де-

ревни, и „устроивать себѣ каникулы“ Ильѣ Егоровичу удавалось только въ случаѣ отъѣзда жены куда-нибудь на̀-воды, за границу, отъ чего Раиса Константиновна была всегда не прочь, но что̀ немножечко кусалось, благодаря ея барскимъ замашкамъ, а поэтому не всегда оказывалось желательнымъ для Ильи Егоровича.

Илья Егоровичъ перевозилъ семью на дачу, а самъ начиналъ усердно заниматься. Занятій этихъ лѣтомъ почему-то всегда прибавлялось чуть не втрое, такъ что иногда бѣдному Ильѣ Егоровичу даже и по вечерамъ не удавалось попасть изъ города на дачу, и волей-неволей приходилось довольствоваться „Аркадіей“ или „Ливадіей“, куда его постоянно тянуло.

У Ильи Егоровича была маленькая любовь къ француженкамъ, особенно изъ оперетки. Раиса Константиновна сначала очень сердилась на это, и между супругами прежде происходили даже не совсѣмъ пріятныя объясненія, а разъ какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Раиса Константиновна чуть и совсѣмъ было не переѣхала обратно къ мамашѣ. Но съ годами она успокоилась и не только примирилась съ этой маленькой слабостью своего добродушнаго супруга, но, убѣдившись, что привязанность его къ ней и къ семьѣ совсѣмъ отъ этого не страдаетъ и даже даетъ ей значительный перевѣсъ и власть надъ нимъ во всемъ остальномъ,—махнула на это рукой и заботилась только о томъ, чтобы все это не обходилось слишкомъ дорого. Впрочемъ, средства у нихъ были хорошія, а Илья Егоровичъ, какъ бы изъ благодарности за то, что жена смотритъ сквозь пальцы на его маленькія похожденія, велъ себя всегда очень благоразумно и не шелъ дальше небольшого ужина въ веселой компаніи товарищей и „этихъ дамъ“, да изрѣдка—букета на бенефисъ которой нибудь изъ его „слабостей“.

Всѣ его увлеченія по этой части были большей частью самаго платоническаго и невиннаго характера, и теперь, успокоившись совсѣмъ, Раиса Константиновна любила иногда даже подтрунить надъ своимъ супругомъ и даже интересовалась отчасти его похожденіями.

— Ну что твоя Сюзанша? — спрашивала она его иногда полу-шутя, полу-презрительно, но не безъ нѣкотораго любопытства.

Добродушное лицо Ильи Егоровича расплывалось въ пріятную улыбку и глаза начинали сладко щуриться.

— Ничего,—говорилъ онъ, даже вздыхая отъ полноты удовольствія при одномъ воспоминаніи о прелестной Сюзаншѣ.— Все такъ же божественна!

Раиса Константиновна презрительно усмѣхалась и пожимала плечами.

— Воображаю! Худа какъ щепка, говорятъ? Что же ты,—познакомился?

— Нѣтъ,—говорилъ съ сокрушеніемъ Илья Егоровичъ:—не познакомился... кусается...

— Значитъ, все таешь?

— Все таю!

— Господи,—говорила, опять презрительно пожимая плечами, Раиса Константиновна:—и когда тебѣ это, наконецъ, надоѣстъ!

Но и она, и самъ Илья Егоровичъ, чувствовали, что это ужъ такъ до самой смерти, вѣрно, не надоѣстъ ему.

Аркадію же Петровичу всякія „француженки" были строго воспрещены. Елена Николаевна даже и представить себѣ не могла бы, чтобы ея Аркадій вдругъ сталъ бы „таять", какъ говорила Раиса Константиновна о своемъ супругѣ, по какой-нибудь изъ этихъ дамъ, или вздумалъ бы подносить имъ букеты и устроивать съ ними пріятные ужины. Если же бы что-нибудь подобное случилось, то Елена Николаевна навѣрное приняла бы это такъ серьезно, что и Аркадій Петровичъ, вѣроятно, отказался бы послѣ того на всю жизнь отъ всякихъ ужиновъ и букетовъ, и сама бы она долго и горько страдала.

Аркадій Петровичъ прекрасно зналъ все это и не мечталъ ни о чемъ подобномъ; онъ только любилъ время отъ времени съ удовольствіемъ провести вечерокъ съ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей въ одномъ изъ загородныхъ театровъ и хоть издали полюбоваться на этихъ строго воспрещенныхъ ему интересныхъ дамъ.

Илья Егоровичъ для такихъ случаевъ былъ самый подходящій товарищъ. Онъ всѣхъ и все зналъ, самъ всѣмъ интересовался, а главное былъ очень скрытенъ на этотъ счетъ и никогда не проговаривался, если бы даже и случился какой-нибудь ужинъ или букетъ.

Такимъ образомъ все сложилось къ общему удовольствію, и лѣто обѣщало выйти очень пріятнымъ. Главное, молодежь была довольна. У Ильи Егоровича были двѣ дочери и сынъ, лихой, красивый малый, воспитывавшійся въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Всѣ его дѣти были замѣчательно красивая, хорошо сложенная, рослая молодежь; въ дѣтяхъ они съ женой души не чаяли. Раиса Константиновна смолоду была очень хороша собой и не только передала свою красоту дѣтямъ, но и сама, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, удержала ее, и до сихъ поръ была все еще очень интересная, изящная женщина. Въ домѣ ихъ послѣднее время было особенно весело и оживленно, во-первыхъ, потому, что старшая дочь ихъ Рая выходила замужъ за

)дого, артиллерійскаго полковника генеральнаго штаба, и это
ітіе, конечно, вносило то пріятное, радостное возбужденіе,
)е всегда бываетъ въ домѣ, гдѣ есть невѣста; а во-вторыхъ,
ихъ еще съ зимы поселился ихъ двоюродный братъ Алеша,
ь родного брата Ильи Егоровича, поступившій въ петербург-
университетъ. Илья Егоровичъ и слышать не хотѣлъ, чтобы
ıянникъ поселился гдѣ-нибудь помимо его семьи; онъ съ
тва былъ его любимецъ и вдобавокъ еще крестникъ, а Раиса
стантиновна шутя увѣряла даже, что онъ племянника любитъ
ıше, чѣмъ сына родного, что, конечно, было вовсе не такъ,
)му что оба они души не чаяли въ своемъ красавцѣ Николаѣ.
Алеша былъ совсѣмъ юный студентъ, еще застѣнчивый и
о конфузившійся съ посторонними, но веселый и забавный
домашними. Ему едва минуло двадцать лѣтъ, и онъ смотрѣлъ
совсѣмъ мальчикомъ съ своимъ розовымъ, симпатичнымъ
икомъ, съ свѣтлыми вьющимися волосами и какимъ-то еще
:кимъ, любопытно-веселымъ выраженіемъ ясныхъ, добрыхъ
ъ. Алеша еще поминутно смѣялся, дурачился и бѣгалъ, какъ
іесть лѣтъ тому назадъ и, пожалуй, даже больше, потому что
рь сбросилъ съ себя ту важную солидность, которую часто
ускаютъ на себя 14-лѣтніе мальчики.
Это былъ не чахлый, съ дѣтства уже разрушенный, организмъ
рбургской молодежи, а здоровый, сильный, нормальный, вы-
шій на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ, на просторѣ привольн-
:ъ полей и лѣсовъ, гдѣ онъ родился.
Семья его всегда жила въ своемъ помѣстьѣ, самарской гу-
ніи, на берегу Волги, къ которой, вѣроятно, именно вслѣдствіе
о у него развилось какое-то безотчетное обожаніе, и безъ ко-
)й онъ сильно скучалъ въ Петербургѣ.
— Ну, что ваша Нева! — говорилъ онъ часто кузинамъ,
а тѣ увѣряли его, что Нева ничуть не хуже его Волги:—
какая-то забинтованная, точно въ корсетѣ! Ни простора ей,
раздолья,—ей даже и разбушеваться-то какъ слѣдуетъ негдѣ!
:акъ наша-то Волга разольется весной да разгуляется, такъ
е смотрѣть жутко на нее станетъ.
Алеша не любилъ Петербурга и рѣшился поступить въ здѣшній
верситетъ только потому, что отецъ его хотѣлъ того, и онъ,
зпя сердце, уступилъ ему; зато онъ не скрывалъ, что тот-
› же по окончаніи курса уѣдетъ обратно къ себѣ.
— Развѣ это жизнь!—говорилъ онъ:—жизнь-то настоящая
асъ, тамъ, а у васъ—тáкъ себѣ что-то, въ родѣ чего-то!..
Это былъ вѣчный спорный пунктикъ между нимъ и теткой

съ кузинами, которыя не признавали жизни нигдѣ помимо Петербурга и сердились, когда Алеша начиналъ бранить его.

Во всемъ остальномъ онѣ очень скоро сошлись и полюбили своего родственника, находя только, что онъ немножечко дикарь, и что его слѣдуетъ перевоспитать; въ общемъ же онъ имъ очень нравился, онѣ были очень рады, что Алеша и на лѣто остался у нихъ.

Почему онъ остался—это казалось маленькой загадкой; при его любви къ своей родинѣ и семьѣ, всѣ ожидали, что онъ чуть не съ первыми же пароходами улетитъ къ себѣ. Но Алеша съѣздилъ домой только весной, пробылъ тамъ всего двѣ недѣли и опять вернулся къ дядѣ, рѣшивъ лѣто провести у него. Барышни увѣряли, что тутъ виновата Зина, потому что оба они конфузятся и краснѣютъ, когда встрѣчаются или говорятъ другъ объ другѣ. Но серьезной вѣры этому, конечно, никто не придавалъ, и только всѣ любили подтрунивать на этотъ счетъ, чѣмъ дѣйствительно очень конфузили и даже сердили Алешу.

Зина, правда, очень часто, гораздо чаще чѣмъ прежде, бывала теперь у нихъ, но это потому, что съ объявленіемъ старшей дочери невѣстою и съ водвореніемъ Алеши—въ домѣ Савельевыхъ стало очень весело, всегда что-нибудь устроивалось и затѣвалось, и Зину невольно тянуло къ нимъ.

Зато у Олениныхъ было какъ-то грустнѣе обыкновеннаго,—все точно чего-то не хватало у нихъ. И причина того заключалась не въ одномъ только томъ, что Чемезовъ сталъ рѣже бывать у нихъ, и что отношенія его съ старшей сестрой замѣтно охладѣли,—но и въ настроеніи самой Елены Николаевны.

Прошло уже почти пять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ она впервые узнала о связи своего брата съ Леонтьевой, но она все еще не могла примириться съ этимъ фактомъ. Мысль ея при каждомъ случаѣ и предлогѣ возвращалась на то снова, и снова это невольно дѣйствовало на ея общее настроеніе.

Она слишкомъ любила брата и слишкомъ давно уже привыкла считать его самымъ близкимъ и дорогимъ для себя другомъ, чтобы ихъ охлажденіе не угнетало ее, тѣмъ болѣе, что она не надѣялась уже больше на то, чтобы все это могло опять перемѣниться. Она прекрасно сознавала, какъ эта женщина съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ надъ нимъ все бо́льшую власть и силу, а она съ каждымъ днемъ все больше и больше теряетъ.

Никогда бы Елена Николаевна не повѣрила прежде, что можно ревновать родного брата, а между тѣмъ она сама не-

вольно чувствовала, какъ ревнуетъ его, потому что, кромѣ страха за его будущность, прибавилось и еще другое, болѣе жгучее чувство. Она не могла теперь равнодушно слышать имени этой женщины, и при каждомъ случайномъ упоминовеніи ея имени къ груди ея приливала какая-то страстная, озлобленная ненависть, которую она особенно сильно почувствовала разъ, когда вдругъ встрѣтилась съ Ольгой.

Это случилось еще въ городѣ весной; она заѣзжала на минуту къ брату, чтобы позвать его обѣдать, и, уже спускаясь съ лѣстницы, вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась на одной площадкѣ съ Ольгой, которая поднималась наверхъ. Онѣ обѣ сразу узнали другъ друга, хотя до сихъ поръ Ольга видѣла сестеръ Чемезова только на портретахъ, а Елена Николаевна ее—только на сценѣ, въ гримировкѣ и костюмахъ; но какое-то внутреннее чутье подсказало имъ другъ о другѣ, и это было такъ неожиданно и внезапно, что обѣ онѣ невольно отшатнулись. Все это мелькнуло однимъ мгновеніемъ, но взглядъ, который онѣ успѣли бросить другъ на друга, былъ полонъ такой враждебности и вмѣстѣ съ тѣмъ такого недобраго, вызывающаго любопытства, что онъ надолго остался у нихъ обѣихъ въ памяти, и онѣ не могли забыть и простить его другъ другу. И съ тѣхъ поръ каждый разъ уже, когда онѣ встрѣчались, онѣ невольно обѣ блѣднѣли, и съ каждымъ разомъ въ нихъ все усиливалось выраженіе ненависти и сдержаннаго озлобленія.

Только взглядъ Ольги былъ болѣе упорный и пристальный, а главное—торжествующій. Она словно чувствовала безсильную, но страстную ненависть своей соперницы и, отплачивая ей тѣмъ же, еще внутренно смѣялась и торжествовала надъ ней.

И встрѣчи эти были ужасны для Елены Николаевны, а между тѣмъ онѣ случались довольно часто. Леонтьевы также переѣхали въ Озерки, и Елена Николаевна не могла простить этого брату. Она находила, что онъ изъ уваженія къ семьѣ своей не долженъ былъ имъ позволять того, или самъ не долженъ былъ бы жить тамъ это лѣто.

А между тѣмъ Чемезовъ, какъ всегда, поселился на той самой дачѣ, на которой уже жилъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, и Леонтьевы наняли дачу недалеко отъ него. Елену Николаевну поражало, какъ такой чуткій и деликатный человѣкъ, какимъ былъ всегда ея братъ, могъ на этотъ разъ не чувствовать и не понимать всего этого. Правда, они жили довольно далеко отъ нихъ, но все же не настолько, чтобы не подвергаться не-

пріятности неловкихъ и унизительныхъ, какъ казалось Еленѣ Николаевнѣ, встрѣчъ.

Лично брату она, конечно, ничего не говорила и даже не намекала. У нея было рѣдкое свойство замыкаться въ себѣ и никогда не говорить о томъ, о чемъ, въ сущности, ей хотѣлось бы говорить, но о чемъ было говорить непріятно.

На поверхностный взглядъ ихъ отношенія почти не измѣнились. Чемезовъ по прежнему являлся къ нимъ обѣдать по два раза въ недѣлю, по прежнему возился съ дѣтьми и дразнилъ Зину, по прежнему даже былъ ласковъ и внимателенъ къ самой Еленѣ Николаевнѣ,—словомъ, казалось, все было какъ всегда, но Елена Николаевна, быть можетъ, одна сознавала, что это уже совсѣмъ не то. Она чувствовала, что онъ, или, вѣрнѣе, она для него стала какъ бы совсѣмъ чужою. Онъ избѣгалъ оставаться съ ней вдвоемъ, а если ужъ по-неволѣ приходилось такъ, то онъ вдругъ какъ-то замыкался въ себѣ, и въ выраженіи лица его появлялось что-то сдержанное и холодное; все это невольно оскорбляло и раздражало сестру.

Разъ, незадолго уже до переѣзда ихъ на дачу, они остались какъ-то вдвоемъ, и Елена Николаевна замѣтила вдругъ въ глазахъ брата что-то прежнее, нѣжное, чтò когда-то такъ крѣпко и сильно сближало ихъ, и свойственная ей сдержанность невольно покинула ее; ей страстно захотѣлось заговорить съ нимъ о томъ, чтò такъ давно наболѣло у нея на сердцѣ, страстно захотѣлось помириться съ нимъ и добиться наконецъ того, чтобы ихъ отношенія стали опять совсѣмъ, совсѣмъ такими же, какъ были прежде. Но они оба такъ долго и упорно молчали до сихъ поръ, что теперь ей уже трудно было заговорить о томъ, и она предчувствовала, что не съумѣетъ высказаться такъ, какъ того ей страстно и мучительно хотѣлось въ душѣ... Но все же она сдѣлала попытку.

— Послушай, Юрій!..—заговорила она, вдругъ блѣднѣя отъ волненія и нерѣшительно кладя свою руку на его руку; но онъ понялъ уже по одному ея лицу, о чемъ она хочетъ говорить, и глаза его, еще за минуту смотрѣвшіе ласково и мягко, сразу стали холодны и сумрачны, и онъ сухо освободилъ свою руку изъ-подъ ея руки.

— Нѣтъ, пожалуйста,—прервалъ онъ, нетерпѣливо нахмуриваясь:—не будемъ ужъ объясняться... довольно ужъ объяснялись!

Елена Николаевна вспыхнула и тоже разсердилась.

— Я совсѣмъ не о томъ хотѣла объясняться... о чемъ ты думаешь,—сказала она, еще сдерживая обиду, но уже утративъ

тотъ порывъ глубокой нѣжности и расположенія къ нему, который такъ сильно за минуту предъ тѣмъ вспыхнулъ въ душѣ ея.

— Я хотѣла говорить только лично о нашихъ съ тобой отношеніяхъ!—договорила она уже холодно, снова уходя въ себя, и при этомъ нарочно подчеркнула слова: „только о нашихъ съ тобой“.

— И лично о нашихъ—совсѣмъ излишнее, — сказалъ онъ все такъ же сухо и, чтобы не дать ей продолжать, поднялся и вышелъ.

Съ тѣхъ поръ уже сама Елена Николаевна никогда больше не хотѣла говорить объ этомъ. Она не могла забыть и простить брату того рѣзкаго движенія, которымъ онъ сбросилъ ея руку со своей, и его сумрачно-холоднаго взгляда,—едва она тогда заговорила только. Помириться вполнѣ имъ теперь было уже гораздо труднѣе, потому что теперь оскорблены были уже оба, и Елена Николаевна невольно еще сильнѣе возненавидѣла ту женщину, которая отняла у нея брата.

Но она затаивала все это въ себѣ и даже съ мужемъ избѣгала говорить о томъ; послѣ ихъ первой ссоры по поводу этого вопроса, и онъ держался уже всегда на-сторѡжѣ, едва разговоръ заходилъ въ эту сторону, хотя по прежнему онъ не придавалъ этому роману никакого серьезнаго значенія; но въ обществѣ о немъ съ каждымъ днемъ начинали говорить все больше.

— А нашъ-то Юрій Николаевичъ! А! Каковъ?—сказалъ ему какъ-то разъ Илья Егоровичъ, лукаво подмигивая глазомъ.

— А, да, да! а вы знаете?—воскликнулъ, оживляясь и съ какимъ-то даже удовольствіемъ, Аркадій Петровичъ.

— Да чего же тутъ, батюшка, не знать, весь городъ говоритъ; они оба—персоны замѣтныя, ну, вотъ ими и занимаются отъ бездѣлья!..

— Да, да,—сказалъ Аркадій Петровичъ, все съ тѣмъ же оживленнымъ удовольствіемъ смотря на Илью Егоровича, и они оба вдругъ чему-то весело разсмѣялись.

— А Елена-то Николаевна, кажется, не товѡ, не одобряетъ; я какъ-то вскользь упомянулъ *ея* фамилію, такъ ее даже передернуло всю, и она сейчасъ же о другомъ заговорила.

— Да вотъ подите же!—сказалъ съ видимымъ недоумѣніемъ Аркадій Петровичъ:—ну, чего бы ей-то кажется! Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы у человѣка ни одной интриги въ жизни не было.

— Женщина!—замѣтилъ, вздыхая, Илья Егоровичъ:—у нихъ на этотъ счетъ товѡ... свои взгляды...

У Аркадія Петровича на этотъ счетъ были тоже свои взгляды, которые онъ, впрочемъ, никогда не рѣшался высказывать женѣ; но въ душѣ, съ тѣхъ поръ, какъ этотъ романъ завязался, онъ рѣшительно сталъ чувствовать къ Чемезову гораздо большее уваженіе. Какъ бы тамъ ни было, думалось ему, а Леонтьевыхъ на свѣтѣ совсѣмъ ужъ не такъ много, и завести интересную интригу съ такой госпожей тоже что-нибудь да значитъ. Что касается его, онъ самъ ничуть не прочь былъ съ ней познакомиться и даже готовъ былъ употребить для этого нѣкоторое стараніе; но Чемезовъ, очевидно, совсѣмъ не былъ къ тому склоненъ и дѣлалъ видъ, что не понимаетъ его прозрачныхъ намековъ. Аркадій Петровичъ всегда чувствовалъ въ душѣ къ своему шурину въ родѣ не то чтобы легкаго страха, но достаточное почтеніе. Отчасти это было слѣдствіемъ той быстрой, блестящей карьеры, которую сдѣлалъ себѣ Чемезовъ, но главное—благодаря характеру Чемезова, который Аркадій Петровичъ находилъ мудренымъ и даже неодобрительнымъ, потому что не допускалъ излишней фамиліарности и распущенной безцеремонности отношеній. Благодаря этому же чувству невольнаго подчиненія, Аркадій Петровичъ въ душѣ не долюбливалъ Чемезова, только ни за что не признался бы въ этомъ другимъ и скрывалъ это даже и отъ самого себя. Вотъ почему заговорить съ нимъ и прямо высказать ему свое интимное желаніе Аркадій Петровичъ не рѣшался, хотя разъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ уже близокъ къ тому.

Аркадій Петровичъ зашелъ какъ-то вечеркомъ къ Чемезову и по нѣкоторымъ признакамъ почувствовалъ вдругъ, что Леонтьева въ эту минуту непремѣнно находится тутъ.

На одномъ изъ креселъ валялась какая-то тетрадка, очевидно, ея роль, а дверь въ столовую была плотно притворена, и за ней явно слышался какой-то легкій шорохъ, точно шорохъ шолковой юбки.

Любопытство Аркадія Петровича сильно разгорѣлось, и ему страстно захотѣлось увидѣть эту Леонтьеву вблизи и именно тутъ, и посмотрѣть, какъ они съ Юріемъ станутъ держать себя при этомъ. Разсказывая что-то Чемезову, Аркадій Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и проходя мимо таинственной, притягивавшей его къ себѣ двери, онъ каждый разъ замедлялъ нарочно шаги и ощущалъ страстное желаніе взять и отворить дверь какъ будто случайно.

Но лицо хозяина было слишкомъ хмуро и непривѣтливо, онъ видимо тяготился своимъ гостемъ, и Аркадій Петровичъ такъ и ушелъ, не только не отворивъ двери и не увидѣвъ Ольги, но

даже и не рѣшившись намекнуть Чемезову на ея присутствіе, какъ ему того очень хотѣлось.—Отвратительный характеръ!—сказалъ Аркадій Петровичъ съ неудовольствіемъ, выходя на улицу:—и чего они прячутся? Въ этомъ Юріѣ всегда была какая-то недоброжелательная скрытность, какая-то страсть окружать себя таинственностью! Удивительный человѣкъ!

Аркадій Петровичъ былъ рѣшительно недоволенъ, и неудовлетворенное любопытство его разгорѣлось еще больше.

II.

Леонтьевы поселились на дачѣ по близости къ Чемезову, потому что Ольга непремѣнно хотѣла жить поближе къ нему; но изъ этого вышло то, что и Милочка въ свою очередь захотѣла жить по близости Леонтьевыхъ, а Ардальонъ Михайловичъ—по близости Милочки, и вотъ вся ихъ шумная компанія очутилась такимъ образомъ по сосѣдству съ Чемезовымъ, что̀ ему совсѣмъ не улыбалось.

Милочка даже и дачу наняла сообща съ Леонтьевыми.

Чемезову это вовсе не нравилось, но протестовать ему тоже не хотѣлось. Онъ прекрасно видѣлъ, какъ Пелагея Семеновна и безъ того дѣлается къ нему все холоднѣе, а отговорить Ольгу поселиться вмѣстѣ съ сестрой, какъ того очень хотѣлось Пелагеѣ Семеновнѣ—значило еще больше вооружить ее противъ себя, и онъ, скрѣпя сердце, покорился ихъ плану, рѣшивъ только какъ можно рѣже бывать у нихъ, а по возможности и Ольгу отстранять оттуда. Его удивляло, какъ сама она не чувствуетъ и не понимаетъ всей неловкости того двусмысленнаго тона, который вносила въ ихъ семью Милочка со своей компаніей. Но Ольга или ужъ такъ сжилась со всѣмъ этимъ, что дѣйствительно ничего не замѣчала, или же волей-неволей притворялась, что ничего не замѣчаетъ и не понимаетъ. Только каждый разъ, какъ о томъ заходилъ разговоръ, она хмурилась и даже обижалась. Разъ по поводу этого между ними вышло даже довольно горячее объясненіе.

— Ты забываешь,—нетерпѣливо сказала она ему какъ-то, когда онъ опять заговорилъ о томъ:—вѣдь она мнѣ родная сестра! И притомъ я вовсе не считаю ее плохой, безнравственной и чуть ли даже не вовсе погибшей женщиной, какою, кажется, воображаешь ее ты! Она очень добрая и хорошая женщина, только немножко легкомысленна; да и, наконецъ, что̀

такое я сама, чтобы мнѣ дѣлать брезгливыя гримасы на чужіе грѣхи! Слава Богу, у меня и своихъ достаточно; знаешь, я въ этихъ случаяхъ всегда придерживаюсь извѣстнаго выраженія и думаю, что нужно прежде всего вынуть бревно изъ собственнаго глаза... Вовсе я не желаю корчить изъ себя какой-то лицемѣрной добродѣтели! Къ чему это? не будемъ лучше никогда объ этомъ говорить!

— Нѣтъ, будемъ,—сказалъ онъ настойчиво и твердо:—я надѣюсь, что рано или поздно, но ты и сама согласишься со мной, что Милочка тебѣ совсѣмъ не пара, и что тебѣ отъ нея слѣдуетъ держаться подальше!

— Никогда не соглашусь!—воскликнула она горячо:—я тебѣ готова уступать во всемъ, что касается лично меня, жертвовать всѣмъ...

— Однако, кромѣ Милочки,—насмѣшливо вставилъ онъ.

— Да, кромѣ Милочки, — повторила она горячо:—потому что, понятно, я не могу соглашаться съ тѣмъ, что общество родной сестры можетъ меня компрометтировать.

— Ну, сестра сестрѣ рознь,—сказалъ онъ опять насмѣшливо.

Она вспыхнула, и глаза ея гнѣвно блеснули, но она уже стала подъ его вліяніемъ пріучаться все больше и больше сдерживать себя, и видимо пересилила себя и сдержалась.

— А хоть бы и такъ даже,—заговорила она чрезъ минуту какимъ-то страннымъ голосомъ:—такъ что-жъ изъ этого? Мнѣ вѣдь не замужъ выходить; это молоденькая дѣвушка, ищущая себѣ жениховъ, должна всего остерегаться и опасаться, а я—женщина свободная и независимая, слава Богу! Какъ бы тамъ ни было, но все же это мои родные, съ которыми я прожила всю жизнь свою, которыхъ люблю, и которыхъ даже и тебѣ не позволю никогда какъ-нибудь оскорблять и задѣвать! Мало ли что̀ кому не нравится,—прибавила она, немного помолчавъ, опять тѣмъ же страннымъ, точно слегка вызывающимъ голосомъ:—я вотъ, напримѣръ, никогда ничего не говорю тебѣ противъ твоихъ сестеръ и вообще молчу о родныхъ твоихъ, вкупѣ съ нянюшкой, Архипычемъ и такъ далѣе, а можетъ быть, они мнѣ тоже не совсѣмъ нравятся! Однако я молчу, потому что знаю, что они тебѣ дороги, а мнѣ дороги—мои... Кажется, это естественно!

— Да что̀ же бы ты могла имѣть противъ моихъ родныхъ, а тѣмъ болѣе противъ сестеръ?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, не понимая, отчего она вдругъ заговорила о нихъ.

Она молчала, но потемнѣвшіе глаза ея блестѣли недобрымъ, враждебнымъ огонькомъ.

— Многое,—сказала она наконецъ какъ-то неопредѣленно, но и многозначительно въ то же время.

— Но я не хочу говорить!—прибавила она и вдругъ встала и, подойдя къ нему, обняла его и пошла рядомъ съ нимъ, лаская его одной рукой, въ то время какъ лицо ея было еще блѣдно и нахмурено. Она нарочно ласкала его, чтобы успокоить себя и не дать разразиться той бурѣ, которую она уже чувствовала въ душѣ своей, и которую ей не разъ удавалось побѣдить въ себѣ лаской къ нему, всегда невольно смягчавшей ея бурные порывы. Чемезовъ пожалъ плечами и ничего не сказалъ. Онъ уже нѣсколько разъ замѣчалъ въ Ольгѣ какую странную затаенную враждебность къ его сестрамъ, и главное—къ Еленѣ; о ней она всегда говорила какимъ-то совершенно особеннымъ тономъ. Это и удивляло, и невольно огорчало его, потому что тѣмъ еще больше укрѣплялась та стѣна между двумя дорогими ему женщинами, основаніе которой положила еще сама Елена своею такою же странной и непреодолимой почти антипатіей къ Ольгѣ.

Они не стали больше въ тотъ разъ продолжать своего разговора, потому что Чемезовъ видѣлъ, что Ольга и безъ того уже раздражена; ему не хотѣлось еще сильнѣе раздражать ее и идти прямо на ссору. Но разговоры эти, открытые и явные, по поводу Милочки, и какіе-то недоговоренные, выражаемые больше полунамеками и недоконченными словами, по поводу его сестеръ,—еще нѣсколько разъ возобновлялись между ними, потому что, несмотря на неудовольствіе и даже гнѣвъ Ольги, онъ все-таки настойчиво шелъ къ своей цѣли—желанію разъединить ее съ Милочкой.

Ему было очень непріятно, что она всюду показывается въ обществѣ Милочки, и это тѣмъ болѣе кидалось въ глаза, что Милочка, всегда хорошенькая, нарядная и веселая, невольно обращала на себя всеобщее вниманіе своею прелестною головкою и восхитительными туалетами, на что не жалѣла ни денегъ, ни воображенія, ни времени.

Туалеты эти ничуть не были эксцентричные или вызывающіе,—напротивъ, у нея дѣйствительно было много вкусу, любви къ этому дѣлу, а главное, того изящнаго шика, который дается очень немногимъ. Она всегда инстинктивно угадывала, что̀ больше всего идетъ къ ея кошачьей, граціозной фигуркѣ, и, выбирая себѣ какую-нибудь вещицу, заботилась, главное, о томъ, чтобы она гармонировала съ общимъ видомъ всего цѣлаго. У нея былъ даже свой особенный стиль, который она поддерживала очень тщательно, и которымъ не мало гордилась въ душѣ, видя, какъ

другія женщины безуспѣшно стремятся копировать ее. Для лѣта она всегда предпочитала самый простой, но строго выдержанный англійскій стиль, который всегда особенно шелъ къ ней. Даже и въ этихъ гладкихъ, на первый взглядъ совсѣмъ простыхъ и даже скромныхъ, но обрисовывающихъ всѣ изгибы фигуры, платьяхъ съ свободными кофточками, и въ маленькихъ, полу-мужскихъ соломенныхъ шляпочкахъ, съ небольшими круглыми полями, она все-таки же невольно бросалась всѣмъ въ глаза той особенной, только ей присущей, какой-то вызывающей, дерзкой прелестью, а это особенно плѣняло въ ней мужчинъ.

Милочка всегда была окружена своими поклонниками, всюду, что она такъ любила, сопровождавшими ее; у нея былъ цѣлый ихъ штатъ, и постоянныхъ, и временныхъ, и чѣмъ больше— тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ являлась она, окруженная ими всюду, гдѣ былъ народъ. Ее нисколько не стѣсняло любопытное и непріязненное оглядыванье женщинъ (въ душѣ завидовавшихъ ей, но притворявшихся шокируемыми ею), ни восхищенные взгляды мужчинъ, повсюду преслѣдовавшихъ ее. Напротивъ, ей очень нравилось, чтобы на нее всѣ оборачивались и оглядывали ее. По этому она даже судила, насколько ея туалетъ удаченъ, и насколько вообще сама она интересна въ тотъ день или часъ.

Милочка была рѣшительно самая выдающаяся и хорошенькая женщина этого сезона.

Всюду, гдѣ только собиралась публика, являлась и она, всегда съ маленькимъ хлыстикомъ подъ мышкой, который для чего-то повсюду таскала за собой; заложивъ обтянутыя рыжими шведскими перчатками ручки въ карманы своей распахнутой кофточки, она весело смѣялась и дурачилась, точно дразня кого-то, со своими многочисленными поклонниками и знакомыми.

Всѣ спѣшили съ ней познакомиться, на-перебой ухаживали за нею и видимо щеголяли другъ предъ другомъ знакомствомъ съ ней. Это сдѣлалось чуть не обязательно для каждаго желавшаго слыть человѣкомъ порядочнымъ и съ тонкимъ, острымъ вкусомъ, въ кругу модной молодежи.

Милочка прекрасно сознавала свой успѣхъ и пользовалась имъ съ какимъ-то головокружительнымъ, опьяняющимъ наслажденіемъ. Ардальону Михайловичу это тоже очень нравилось; онъ вообще любилъ, чтобы общество на его подругу обращало вниманіе. Это льстило его самолюбію, а между тѣмъ, зная благоразуміе Милочки, онъ могъ вполнѣ оставаться спокойнымъ по отношенію всѣхъ этихъ бѣгавшихъ за ней господъ.

Теперь на дачѣ Леонтьевыхъ стало еще многолюднѣе и шумнѣе, чѣмъ бывало даже въ Москвѣ. Чуть не съ каждымъ поѣздомъ пріѣзжали разные гости, которые нерѣдко не только оставались у нихъ ночевать, но и проводили даже по нѣскольку дней сряду; а Барсуковъ—тотъ почти совсѣмъ уже жилъ у нихъ, хотя у него была нанята своя дача въ Павловскѣ, но ее онъ почему-то совсѣмъ забросилъ.

На лѣто пріѣхалъ и Павля, такъ что недоставало только одного Сергѣя, оставшагося на лѣтній сезонъ въ Казани. Онъ давно уже ничего не писалъ своимъ послѣ нѣсколькихъ писемъ подъ-рядъ, отправленныхъ сгоряча, когда онъ впервые узналъ объ ихъ рѣшеніи переѣхать въ Петербургъ. Онъ былъ этимъ страшно пораженъ и возмущенъ и не скрывалъ этого отъ семьи и особенно отъ Ольги, которую умолялъ во-время одуматься и не дѣлать такого рискованнаго шага. Ольга тогда же подробно и откровенно написала ему обо всемъ. Но онъ отвѣчалъ ей такимъ же страстнымъ и негодующимъ письмомъ, полнымъ упрековъ и вразумленій и ей, и матери,—и даже имя Чемезова, съ которымъ они когда-то были большіе друзья, не смягчило, а скорѣе только еще больше раздражило его. Онъ былъ ярый, кровный москвичъ и глядѣлъ на переходъ оттуда Ольги и на переѣздъ вслѣдъ за нею всей семьи въ Петербургъ почти какъ на преступленіе, котораго не могъ ни оправдать, ни простить. Послѣ этого уже послѣдняго письма онъ не писалъ больше ничего, и Ольга по одному этому могла судить, какъ онъ недоволенъ всѣми ими и особенно, конечно, ею, Ольгой, всѣхъ на то подбившей. И это мучило и огорчало ее, но со свойственною ей безпечностью она старалась не думать о томъ и подлѣ Чемезова дѣйствительно искренно забывала все, что могло смущать и мучить ее и отравлять ихъ покой и счастье.

Ихъ отношенія другъ съ другомъ дѣлались все ближе и лучше. Это уже не былъ безумный порывъ бурной страсти, захватившій ихъ въ первое время, но чувство глубокое, нѣжное, почти трогательное въ своей нѣжности и глубинѣ.

Даже экзальтированные порывы Ольги смягчились и приняли иной, болѣе ровный и спокойный характеръ, хотя и не могли еще исчезнуть въ ней совсѣмъ.

Большую часть времени она проводила теперь у Чемезова; она приходила къ нему все чаще, оставалась у него все дольше и постепенно дошла до того, что стала жить скорѣе у него, чѣмъ дома.

Съ ея новымъ настроеніемъ, нѣжнымъ и вдумчивымъ, не

гармонировало шумное оживленіе ихъ дома; оно невольно утомляло ее, и она почти безотчетно предпочитала теперь спокойную тишину Чемезовской квартиры, гдѣ никто имъ не мѣшалъ, и гдѣ они еще сильнѣе любили другъ друга.

Этимъ были очень недовольны и Архипычъ съ няней, и домашніе самой Ольги, особенно же Пелагея Семеновна, которая все еще никакъ не могла примириться съ новыми порядками. Дочь еще впервые любила у нея на глазахъ и любила такъ страстно; къ тому же и Пелагея Семеновна невольно чувствовала себя обиженной и даже какъ бы обокраденной при этомъ. Съ каждымъ днемъ она все сильнѣе ревновала Ольгу къ Чемезову, не прощая ему того, что онъ всецѣло поглотилъ мысли и чувства ея дѣтища, совсѣмъ забросившаго всѣхъ ихъ ради одного его. Не могла она ему простить все еще и ихъ переѣзда сюда, но болѣе всего возстановляла ее противъ него та худо скрываемая имъ антипатія къ Милочкѣ, которую сердце матери особенно сильно чувствовало. Это оскорбляло Пелагею Семеновну за дочь, раздражало—и былой симпатіи ея къ Чемезову и того чистаго, сердечнаго радушія, съ которымъ она встрѣтила его сначала, какъ не бывало.

Она держала себя съ нимъ сдержанно (невольно почему-то боясь его слегка), холодно и приняла на себя не только по отношенію его, но и по отношенію также самой Ольги, тотъ молчаливо страдающій видъ покорной жертвы, который женщины вообще любятъ принимать на себя въ различныхъ случаяхъ.

Однако этотъ покорный видъ не мѣшалъ ей при каждомъ удобномъ случаѣ жаловаться, плакать и упрекать дочь,—и теперь всегда, когда ее спрашивали объ Ольгѣ, она отвѣчала не иначе какъ съ глубокимъ скорбнымъ вздохомъ.

— Что-жъ Олечка! — говорила она печально, но не безъ ѣдкости, которой прежде совсѣмъ не было въ ней:—она теперь ломоть отрѣзанный!

Милочка же относилась къ дѣлу спокойнѣе и благоразумнѣе, хотя ей тоже не совсѣмъ нравилось, что Ольга такъ отстала отъ дома и все сидитъ у своего „возлюбленнаго“, какъ Милочка въ насмѣшку прозвала Чемезова.

— Погодите,—утѣшала она мать:—это у нея скоро пройдетъ! Не можетъ же это въ самомъ дѣлѣ вѣчно такъ продолжаться!

Но Пелагея Семеновна, видя, какъ дочь съ каждымъ днемъ все больше подпадаетъ подъ вліяніе Чемезова и даже при этомъ какъ-то вся мѣняется подъ этимъ вліяніемъ, уже почти не вѣрила больше, что это можетъ когда-нибудь кончиться.

— Да и не женится онъ на ней,—чуетъ мое сердце, что не женится!—говорила она печально, притворяясь, что будто бы желаетъ этого, хотя въ душѣ совсѣмъ не желала почему-то.

— И-и, матушка!—восклицала Настасья чуть не съ ужасомъ,—да вы и не желайте этого никогда! Вѣдь тогда наша-то Ольга Львовна совсѣмъ пропала; развѣ онъ допуститъ ее на сценѣ тогда оставаться!

— Такъ-то, такъ, да все-таки какъ будто получше какъ-то, все-таки хоть въ законѣ тогда по крайней мѣрѣ будетъ жить!

Но Настасья только пренебрежительно пожимала плечами.

— Да на что ей законъ-то этотъ?—съ горячимъ убѣжденіемъ возражала она.—Ольгѣ Львовнѣ объ театрѣ надо думать, а не объ законѣ! А вотъ дайте-ка я, матушка, лучше всего къ ворожеѣ сбѣгаю. Тутъ одна недалече живетъ, на гущу гадаетъ,—такъ, разсказываютъ, гадаетъ-то, что просто даже удивительно!—Пелагея Семеновна, по простотѣ душевной, очень склонна была къ вѣрѣ во всякихъ ворожей, колдуновъ, заговоры и т. п., но только совѣстилась признаваться въ томъ и притворялась, боясь насмѣшекъ, что ни во что подобное не вѣруетъ.

— Ахъ, Настя, да глупости вѣдь все это, ворожеи эти всѣ да все такое,—чему онѣ помогутъ!—говорила она нерѣшительно, но въ душѣ ей очень эта мысль нравилась.

— И-и, матушка, этого не скажите! да и что за бѣда коли и глупости,—попытка не пытка, спросъ не бѣда!

— Еще худа какого не сдѣлала бы!

— Ну, вотъ, зачѣмъ ей худо дѣлать! Вѣдь мы только изъ любопытства спросимъ, не предскажетъ ли чего, а дѣлать ничего не будемъ. А вы поглядите-ка, какъ она Матрениной кумѣ все вѣрно угадала,—ну, просто слово въ слово все потомъ оправдалось.

— Ну, ну, сходи пожалуй!—соглашалась наконецъ очень довольная про себя Пелагея Семеновна:—да только ты, Настюша, смотри, не проболтайся, не дай Богъ Оленька узнаетъ. Меня маменька-покойница учила, бывало, отъ глаза-то сквозь уголекъ спрыснуть... Да мнѣ такъ думается, что тутъ и уголекъ не поможетъ... Обошелъ онъ ее, совсѣмъ какъ есть обошелъ!

И такимъ образомъ Настасья отправилась къ ворожеѣ, а Пелагея Семеновна осталась дома, съ тревогой и любопытствомъ поджидая ее. Объ этой ихъ выдумкѣ она даже и Милочкѣ не призналась, боясь, что та потомъ засмѣетъ ее. Милочка вообще была большимъ скептикомъ, и Пелагея Семеновна сама не разъ съ тоской и ужасомъ говорила про дочь, что Милочка не только въ чорта, но даже и въ Бога, кажись, не вѣритъ.

Настасья вернулась отъ ворожеи въ полномъ восторгѣ. Ворожея ей очень понравилась, и она съ ней не только поотвела сердечко, но даже и кофейку у нея напилась.

— И гòда, матушка, не минетъ, какъ ужъ все кончится! —увѣряла она съ торжествомъ:—такъ сама прямо и сказала: ждите-молъ перемѣны къ Рождеству!

— Ахъ, дай-то Богъ, дай-то Богъ! — сказала съ радостной надеждой Пелагея Семеновна и даже со слезами на глазахъ перекрестилась на образъ.

Настасья была единственнымъ членомъ Леонтьевскаго дома (кромѣ Ольги, конечно), которая была въ квартирѣ Чемезова. Ольга часто посылала ее туда съ чѣмъ-нибудь, и это всегда служило потомъ длинной и таинственной темой разговоровъ между Настасьей и Пелагеей Семеновной, которая сильно интересовалась теперь всѣмъ, чтò такъ или иначе относилось къ Чемезову.

Она интересовалась и тѣмъ, какая у него квартира, и какая мебель, и какiе люди, но больше всего интересовалась почему-то все-таки его нянькой. Настасья уже двадцать разъ видѣла все это и могла какъ нельзя лучше удовлетворять ея любопытство. Только Настасьѣ ничто у Чемезова не нравилось, ни квартира, ни мебель, ни люди, а пуще всего не нравился Архипычъ. Съ тѣмъ она завела настоящую войну и даже называла его не иначе, какъ „старымъ хрычемъ“, вмѣсто—Архипычемъ.

Они рѣшительно не переваривали другъ друга. Архипычъ вымещалъ на ней всю ту злобу и негодованiе, которыя возбуждала въ немъ ея барышня, и чтò онъ не осмѣливался особенно рѣзко высказывать той.

Настасья приходила то за ролью, то за книгой, то съ запиской, и въ ожиданiи отвѣта усаживалась всегда въ кухнѣ, принимаясь болтать съ няней о томъ, о семъ, какъ она говорила, но нарочно при этомъ задѣвая и дразня какъ-нибудь „стараго хрыча“. Съ няней же онѣ, напротивъ, скорѣе даже ладили. Настасья любила поговорить, знала пропасть всякихъ случаевъ, исторiй, сплетенъ и, понатершись за кулисами между актерами, умѣла и сама теперь уже мастерски все это поразсказать, особенно же за чашкой кофе, до котораго была смертельная охотница. Няня же любила послушать и посмѣяться иногда надъ чѣмъ-нибудь забавнымъ и потому волей-неволей заслушивалась ловкую и умную Настасью, пользовавшуюся этимъ какъ средствомъ войти къ старухѣ въ довѣрiе, съ цѣлью выпытать отъ нея все, чтò ей нужно было.

Сначала няня разговаривала съ Настасьей, держа ее на почтительномъ отъ себя разстояніи и стараясь особенно сильно сохранять предъ ней свое достоинство, но, невольно все больше привыкая къ ней и заинтересовываясь ея разсказами, стала вступать съ ней въ разговоръ охотнѣе, дѣлалась все любезнѣе и подъ конецъ начала даже заваривать для нея кофе. Больше всего поладили онѣ съ тѣхъ поръ, какъ Настасья разъ на сдержанные вздохи и сѣтованія нянюшки по поводу намековъ о своемъ вскормленникѣ вдругъ сказала ей:

— Эхъ, Наталья Кириловна, матушка, вы плачетесь, да и мы не радуемся! Чтò грѣха таить,—не пара они другъ другу; горшокъ чугуну, милая, какъ говорится, не товарищъ. Вашему бы не такую нужно, да и нашей-то вашъ тоже не подъ стать подошелъ! Вы думаете, легко намъ развѣ было на старости лѣтъ все бросать, свое гнѣздо насиженное въ разоръ разорять и невѣсть съ чего сюда вдругъ нестись!

— Кто говоритъ!—сказала сочувственно няня, невольно соглашаясь съ тѣмъ, что это дѣйствительно не легко.

— Старуха-то наша вѣдь извелась здѣсь съ тоски совсѣмъ! Дѣти тоже всѣ, какъ неприкаянныя какія, отъ всѣхъ дѣлъ и знакомыхъ своихъ пооторвались. Про себя-то я ужъ и не говорю,—я въ Москвѣ, матушка, и родилась, и выросла, и состарѣлась, у меня по ней вся душенька изныла; храни Богъ, здѣсь помереть доведется, такъ, кажется, всѣ косточки мои въ чужой землѣ заболятъ; иной разъ, вѣрите ли, таково придется, что, кажется, взялъ бы все—да и охъ только! Только всѣ вѣдь и живемъ тѣмъ, что думаемъ, когда ужъ все это покончится!

— Ну! — воскликнула няня въ изумленіи, почти не смѣя и вѣрить такому счастью и боясь, не обманываетъ ли ее только Настасья,—а сами-то они всѣ, можетъ быть, только о томъ и думаютъ, какъ бы ихняго Юрія Николаевича женить скорѣе да прибрать его всего къ рукамъ покрѣпче.

Но Настасья, у которой дѣйствительно все сердце, какъ она говорила, наболѣло по своей Москвѣ, говорила совсѣмъ искренно, и няня невольно это сознавала и вѣрила ей.

Съ этихъ поръ онѣ окончательно почувствовали—не враговъ, а скорѣе союзницъ другъ въ другѣ, и теперь уже всегда самымъ нѣжнымъ образомъ цѣловались при встрѣчахъ и прощаніяхъ и приглашали другъ друга „на кофеекъ".

Архипычъ только сумрачно глядѣлъ на нихъ, и едва Настенька уходила, онъ тотчасъ же немедленно и съ какимъ-то точно ожесточеніемъ открывалъ повсюду фортки и окна.

— Ишь накурила чортова дѣвка! О, чтобъ ей! — говорилъ онъ, сердито отплевываясь, и еще угрюмѣе становился послѣ того. Онъ вообще почти совсѣмъ уже перестал теперь разговаривать, и даже Наталью Кириловну, на которую сердился за то, что она свела дружбу съ „актеркиной дѣвкой“, не попрекалъ больше за то, что она когда-то не пошла за него замужъ, какъ любилъ дѣлать это прежде. Онъ даже и въ комнаты избѣгалъ входить, особенно если тамъ бывала Ольга, и почти по цѣлымъ днямъ угрюмо сидѣлъ у себя въ каморкѣ, напяливъ на носъ огромныя роговыя, перевязанныя на переносьѣ грязной ниткой, очки, и читалъ священное писаніе и житіе разныхъ святыхъ отцовъ. Только когда приходила Настасья, старикъ оживлялся, сѣрые, старые глазки его сердито изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей загорались, и съ выраженіемъ затаенной, но и злорадствующей какой-то злобы на лицѣ, онъ непремѣнно каждый разъ выходилъ къ ней, дѣлая однако при этомъ видъ, что онъ нисколько тѣмъ не интересуется и даже вполнѣ пренебрегаетъ ея присутствіемъ, а вышелъ такъ просто—по своей какой-нибудь надобности.

Но въ сущности онъ этимъ очень интересовался—и успокоивался, какъ бы насытивъ свою ненависть, только послѣ перестрѣлки, немедленно завязывавшейся между нимъ и Настенькой.

Больше всего его раздражало въ Настасьѣ то, что она не хотѣла признавать Чемезова за настоящаго генерала.

— И-и, батюшка!—съ добродушнымъ презрѣніемъ говорила она: — стрюцкій генералъ что̀ ужъ за генералъ! Такъ только прозвище одно для ихняго утѣшенія дается, а за настоящихъ-то генераловъ ихъ даже и не почитаетъ никто!

— Какъ-съ никто, какъ-съ не почитаютъ?—съ негодованіемъ восклицалъ Архипычъ, наступая на Настасью:—одни, можно сказать, такіе необразованные и непонимающіе дѣла люди, какъ глупыя женщины, развѣ-что не понимаютъ! Да и то не всѣ, а самыя, самыя, можно сказать, наипослѣднія изъ нихъ бабы того не понимаютъ и не почитаютъ-съ! Да-съ!

— Ну, пускай я буду послѣдняя баба,—спокойно возражала Настасья: — но только и генералы ваши, стрюцкіе, батюшка, тоже послѣдніе изъ генераловъ.

— Какъ-съ такъ послѣдніе? Какъ-съ такъ? Всѣ генералы промежду собой равны! А вы знаете ли, сударыня моя, что очень даже за такія слова ваши отвѣтить можете! развѣ только къ безсмыслію вашему женскому снизойдутъ! А то вдругъ титулы и званіе, самимъ государемъ императоромъ всероссійскимъ за вѣрную и усердную службу, какъ знакъ отличія, отъ другихъ-про-

чихъ пожалованные, вы вдругъ, глупая женщина, ни во что ставите! Отвѣтить, сударыня, можете, очень отвѣтить! Да-съ, и по дѣломъ будетъ, вполнѣ, можно сказать, заслужено-съ будетъ! Вотъ что-съ!—кричалъ Архипычъ, даже задыхаясь отъ волненія и грозно, точно призывая свыше кого-то въ судьи и каратели, поднималъ кверху руку и, жестоко тряся ею въ воздухѣ, злобно сверкалъ при этомъ на Настасью своими маленькими, но старчески выцвѣвшими глазками. Настасья, видимо нарочно поддразнивая его своимъ хладнокровіемъ и усмѣшками, еще больше приводившими старика въ изступленіе, нисколько, конечно, его угрозами не устрашалась.

— И-и, батюшка,—съ спокойнымъ пренебреженіемъ возражала она,—кому мнѣ отвѣчать! Я, слава те, Господи, человѣкъ не подневольный, на нашъ-то языкъ запрету еще не кладено! А это вотъ, батюшка, какъ вы настоящихъ-то генераловъ почесть-что и не видали, такъ и каждый въ диковинку кажется; а ужъ мы-то на нихъ-то, слава Богу, наглядѣлись достаточно! У насъ, можетъ, что ни день, то два, три генерала побываютъ, да еще какіе! у другого-то вся грудь отъ орденовъ-то да звѣздъ огнемъ горитъ, да и то—къ нашей-то барынѣ пріѣдетъ, такъ и ручки-то еще безъ позволенія поцѣловать не смѣетъ,—такъ ужъ насъ-то ими не удивишь! А по нашему-то, батюшка, можетъ, слыхали, какъ говорится-то, прапорщикъ не офицеръ, а курица не птица! А вы-то сами такихъ, можетъ, и не видывали еще...

Но при этихъ словахъ Архипычъ, окончательно выведенный изъ себя, совсѣмъ уже вскакивалъ отъ негодованія.

— Какъ же это мы такъ никогда настоящихъ генераловъ не видали! А почему вы такъ полагать осмѣливаетесь? Да самъ покойникъ ихъ высокопревосходительство Николай Алексѣевичъ, отецъ нашего Юрія Николаевича, генералъ-лейтенантомъ изволили въ отставку выйти! Они, сударыня моя, три кампаніи сдѣлали, такъ у нихъ-то орденовъ, можетъ, побольше, чѣмъ у всякаго другого было,—а не то что не видѣли!.. А, да что съ вами толковать! съ бабьемъ свяжешься—не обрадуешься!..

И сердито плюнувъ отъ досады, Архипычъ уходилъ въ свою каморку, но чрезъ минуту-другую, видимо все еще не успокоившись и желая вновь сцѣпиться съ врагомъ своимъ, снова выходилъ назадъ, только уже съ другимъ, какимъ-то хитро затаеннымъ выраженіемъ на лицѣ, какъ бы приготовивъ врагу новый неожиданный ударъ и заранѣе уже наслаждаясь и торжествуя тѣмъ.

— А я вамъ вотъ что̀ доложу,—начиналъ онъ какъ будто

совсѣмъ спокойно, набивая свою трубочку и слегка даже посмѣиваясь:—коли по вашему выходитъ, что ихъ превосходительство, господинъ нашъ Юрій Николаевичъ, не настоящій генералъ, такъ по нашему выйдетъ, что барыня ваша, госпожа Леонтьева—не настоящая барыня!

— Какъ же это такъ выйдетъ?—спросила съ нѣкоторымъ удивленіемъ Настасья.

— А такъ-съ! Курица значитъ не птица, статскій генералъ—не генералъ, а актриса—не барыня!

Но тутъ въ свою очередь Настасья вспыхивала отъ негодованія за свою барыню.

— И говорить бы съ вами не стоило послѣ такихъ глупыхъ словъ вашихъ, батюшка!—сказала она сердито и, видимо, не на шутку задѣтая на этотъ разъ злорадно подсмѣивающимся теперь Архипычемъ:—вотъ вы такъ дѣйствительно за такія слова отвѣтить можете! Потому я-то еще неизвѣстно предъ кѣмъ отвѣчать буду, а вамъ, батюшка, за отвѣтомъ и ходить далеко не придется,—за нашу-то Ольгу Львовну заступники всегда найдутся; только свисни—въ лучшемъ видѣ отдѣлаютъ!

— То-то много у васъ ихъ, кажись, больно что-то! Правда-то, видно, глаза заколола, а вы такъ, не для ссоры, а для справедливости сами возьмите да мозгами-то и раскиньте—ну и увидите, чья правда-то выйдетъ. Нашего-то Юрія Николаевича батюшка, какъ сейчасъ я вамъ уже докладывалъ, генералъ-лейтенантъ были—разъ!—И Архипычъ, для большей убѣдительности закладывалъ даже палецъ, ведя этотъ торжественный счетъ.—Дѣдушка ихній 12 лѣтъ подъ-рядъ предводителемъ дворянства быть изволили и первымъ, можно сказать, помѣщикомъ и бариномъ во всемъ спасскомъ уѣздѣ почитались—это два! Прадѣдъ же самой великой государыней Екатериной Алексѣевной въ генералъ-аншефы пожалованы были—это три-съ; а ужъ про другихъ прочихъ и перебирать не будемъ, потому каждый по своему времени большимъ господиномъ былъ! А вашей г-жи Леонтьевой, позвольте освѣдомиться, въ какихъ такихъ чинахъ дѣдъ и прадѣды состояли? Ась?—И Архипычъ на мгновеніе даже замолкалъ, съ злораднымъ торжествомъ уставляясь на Настасью.

— Про маменьку съ папенькой ихняго достаточно извѣстно, что въ актерахъ служили,—продолжалъ онъ, съ удовольствіемъ посмѣиваясь,—а про дѣда съ бабкой, кажись, и сами никогда не слыхали!

— Да что намъ дѣдовъ съ бабками считать!—спова, слегка успокоившись, перебивала его пренебрежительно Настасья:—мы,

слава тебѣ Господи, сами собой держимся! Папеньку-то ихняго вонъ вся Москва, какъ померъ-то, на рукахъ несла, а сама-то Ольга Львовна наша кровью-то, можетъ быть, поважнѣе да поделикатнѣе всякихъ вельможъ будетъ, потому ужъ коли дѣдовъ-то считать, такъ ейный дѣдъ не то что генералъ-аншефъ такъ какой, а прямо князь былъ!

— Это какъ-же такъ?—воскликнулъ пораженный Архипычъ, думая, что Настасья нарочно только сейчасъ на зло ему это придумала.

— Да такъ же; по закону-то онъ можетъ и не считается, а по крови-то все одно выйдетъ.

— Э, э, такъ это значитъ съ лѣвой стороны, такъ сказать!—засмѣялся Архипычъ еще злораднѣе:—ну, это въ честныхъ фамиліяхъ дѣйствительно не за честь, а за стыдъ только почитается.

— И-и, батюшка, никакого тутъ стыда нѣтъ; это ужъ отъ Бога положено, кому отъ кого родиться, да я только про кровь говорю: кровь-то все одна будетъ, что по закону, что не по закону, а ее ужъ все равно не выльешь да другой не нальешь. Да и не очень-то онѣ тѣмъ и гордятся,—онѣ на это даже и вниманія не обращаютъ; бабка-то у нихъ вонъ простая дворовая баба была, да и то онѣ того никогда не скрывали и не стыдились, потому онѣ сами себѣ цѣну заслужили, такъ имъ за дѣдовъ-то да бабокъ и тянуться не для чего. А наша Ольга Львовна даромъ что не барыня, какъ вы говорите, а почету-то ей отъ всѣхъ больше, чѣмъ всякой самой первой барынѣ. Нашего-то вонъ знакомства всѣ графы и князья и всякіе вельможи какъ особой чести добиваются; наша-то Ольга Львовна и папенька ихній покойный и самому царю-батюшкѣ лично извѣстны, и отвсюду ей только одинъ почетъ да уваженіе.

— Знаемъ мы это уваженіе!—ядовито подмигивая глазомъ и ничему не вѣря и не желая вѣрить, замѣчалъ Архипычъ, но разгорячившаяся Настасья не слушала его, страстно желая только доказать глупому старому хрычу все величіе своей дорогой Ольги Львовны.

— Теперь вотъ хоть бы къ слову сказать,—стремительно продолжала она:—изъ иностранныхъ ли принцевъ или царей какихъ кто пріѣдетъ, сейчасъ спектакль первымъ дѣломъ съ нашей Ольгой Львовной назначаютъ, потому что каждому пріятно такую артистку посмотрѣть, да и нашимъ-то лестно показать ее, —знайте, дескать, какія у насъ актрисы есть! Наша-то Ольга Львовна и по всей Европѣ даже извѣстна: сама своими глазами

портреты ея по разнымъ тамошнимъ журналамъ видѣла. Сейчасъ это, значитъ, его тамъ отпечатаютъ и сейчасъ же намъ и номеръ тотъ пришлютъ. Вотъ, значитъ, слава ваша какова! Вонъ когда-то принцъ пріѣзжалъ,—Ольга Львовна наша Катерину въ „Грозѣ" тогда играла,—и что же бы вы думали, сейчасъ же закъ антрактъ, приходитъ онъ къ намъ въ уборную,—самъ генералъ-губернаторъ-то и привелъ его, а онъ у насъ страсть Ольгу Львовну любитъ, все дочкой зоветъ; ну, вотъ привелъ онъ принца-то и объясняетъ, что, дескать, познакомиться пожелалъ; тотъ сейчасъ низко, низко поклонился ей и къ ручкѣ ей: „позвольте, значитъ, сударыня, за высокое удовольствіе, которое намъ своей игрой доставили, къ ручкѣ вашей приложиться!" И весь антрактъ у насъ въ уборной просидѣлъ, а на слѣдующій день дивный букетъ прислалъ, и карточка его визитная въ немъ воткнута. Значитъ, хотѣлъ доказать тѣмъ,—чувствуйте, дескать, сколь велико мое уваженіе къ вамъ! То-то вотъ и есть, батюшка,—такъ ужъ что намъ послѣ того генералы разные или тамъ дѣды да бабки какіе-то! Небось, этого добра-то довольно у каждаго человѣка навѣрняка было; безъ дѣда да бабки никто не родился, у каждаго свои были, да что въ нихъ за толкъ, коли ужъ ихъ всѣхъ давно черви поѣли! А всякъ человѣкъ самъ собой заслужи, самъ собой и держись, а дѣдовъ да бабокъ что считать, коли не только ихъ, а поди и тѣхъ червей-то, что вашихъ генералъ-аншефовъ кушали, не осталось больше! А наша-то Ольга Львовна хоть и помри, а слава по ней все-же-таки останется, вонъ какъ и по батюшкѣ ея покойнику нашему Льву Егоровичу, даромъ что бабка-то простая мужичка была! А объ вашихъ генералъ-аншефахъ кто теперь помнитъ? развѣ холопы вѣрные еще вспомянутъ когда о прежнихъ господахъ, а теперешнимъ-то другимъ людямъ и дѣла до нихъ нѣтъ,—поди, какъ и звать позабыли, а не то что чего бы другого-прочаго ожидать! То-то вотъ, батюшка, и есть; вотъ ты теперь, глупый человѣкъ, и чувствуй, кому отъ кого чести больше: нашей ли Ольгѣ Львовнѣ отъ вашего барина или вашему барину отъ нашей Ольги Львовны.

И торжествуя въ свою очередь, Настасья наконецъ замолчала, а Архипычъ, опять сердито плюнувъ только отъ негодованія и презрѣнія и къ ней, и ко всѣмъ ея господамъ, снова уходилъ въ свою каморку, или же наоборотъ еще горячѣе сцѣплялся съ ней, стараясь всячески еще больше унизить и задѣть и ее, и всѣхъ ея господъ, которыхъ ненавидѣлъ и презиралъ уже за одно то, что они звались Леонтьевы и приходились родней ихней актеркѣ.

III.

И Чемезовъ, и Ольга, оба прекрасно знали все про эту вѣчную войну своихъ людей и подтрунивали надъ этимъ. Ольга относилась къ ненависти Архипыча съ свойственнымъ ей добродушнымъ юморомъ, и Чемезовъ, котораго сначала это огорчало и раздражало, мало-по-малу тоже началъ глядѣть на это съ точки зрѣнія самой Ольги и подсмѣивался вмѣстѣ съ ней надъ всѣмъ, что̀ Архипыча особенно оскорбляло. Какъ всегда это случается между очень близкими и любящими другъ друга людьми, Чемезовъ съ Ольгой, все больше сживаясь, все больше и заимствовали отъ взглядовъ, вкусовъ и привычекъ другъ друга. Но Чемезовъ, какъ натура болѣе твердая и устойчивая, подчинялъ своему вліянію Ольгу замѣтнѣе, чѣмъ подчинялся ей самъ. Относительно себя онъ даже совсѣмъ не сознавалъ и не замѣчалъ этого. Но онъ замѣчалъ другое—какъ мѣнялась въ рукахъ его Ольга, хотя и долженъ былъ сознаться себѣ, что перемѣна эта въ ней, несмотря на ея страстную любовь къ нему и на видимую мягкость характера ея, граничившую почти съ безхарактерностью,—происходила все-таки гораздо медленнѣе и труднѣе, чѣмъ того можно было бы ожидать. Всѣ родовыя качества Леонтьевской семьи, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, такъ привились къ ней и проникли до самой глубины ея натуры, что бороться съ ними было очень трудно даже и Чемезову, человѣку съ спокойной и твердой волей и горячо желавшему совсѣмъ перевоспитать свою Ольгу. Въ огромномъ большинствѣ взглядовъ, привычекъ и убѣжденій они расходились такъ сильно, что то, что̀ казалось бѣлымъ ей, представлялось ему почти чернымъ—и наоборотъ.

Изъ-за этого у нихъ часто выходили споры, среди которыхъ Ольга всегда горячилась, споря пристрастно, нелогично и несправедливо, невольно раздражая и возмущая его своими оригинальными для него смѣлыми мнѣніями, и такимъ образомъ дѣло доходило нерѣдко даже до ссоръ.

Она оскорблялась не только когда онъ задѣвалъ Милочку или Бориса, но даже Гонецъ-Донского или Барсукова и вообще кого-нибудь изъ ея друзей и знакомыхъ, не нравившихся ему. Она любила весь этотъ міръ, въ которомъ родилась, и весь тотъ складъ жизни и людей, среди которыхъ выросла, и всѣми силами отстаивала все это отъ его нападокъ.

— Боже мой, до чего мы съ тобой разные люди!—невольно

воскливцала она послѣ подобныхъ споровъ:—мы съ тобой точно антиподы, выросшіе на двухъ разныхъ полушаріяхъ!

— Да такъ и должно быть!—сказалъ онъ разъ ей на это:—еслибы мы съ тобой были одинаковыя натуры, то, по всей вѣроятности, никогда и не полюбили бы другъ друга. Знаешь пословицу: les extrémités se touchent!—французы это очень вѣрно подмѣтили! Но то, чтò хорошо для начала, чтобы заинтересовать только другъ друга, совсѣмъ уже не годится для дальнѣйшихъ близкихъ отношеній. Чѣмъ ближе мы подойдемъ впослѣдствіи другъ къ другу во всѣхъ взглядахъ, привычкахъ и вкусахъ, тѣмъ дружнѣе и лучше сложиться можетъ и наша жизнь, и наши отношенія.

— Да,—сказала она:—я понимаю это для мужа съ женой, потому что то, чтò хорошо для любовниковъ, большей частью плохо для супруговъ; но зачѣмъ это намъ съ тобой?

— Потому что я гляжу на тебя не какъ на любовницу,—только поэтому, Ольга!

Она вспыхнула и замолчала на минуту, но по лицу ея было видно, что такое замѣчаніе его почему-то очень задѣло ее.

— Ты, я вижу, принимаешь это слово,—заговорила она вдругъ съ вспыхнувшимъ огонькомъ въ глазахъ, — только въ оскорбительномъ и пошломъ смыслѣ для женщины! Ты въ сущности одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ уважать вполнѣ только жену свою, а къ любовницѣ, какого бы та уваженія въ дѣйствительности ни заслуживала, у нихъ всегда остается хоть крохотная доля презрѣнія!.. Нѣтъ, нѣтъ, не возражай!—горячо воскликнула она, видя, что онъ хочетъ перебить ее.—Если не презрѣніе, то во всякомъ случаѣ—неуваженіе! Поэтому-то ты и стараешься приподнять меня, хотя немного, въ своихъ же собственныхъ глазахъ и увѣряешь самого себя, что я для тебя не любовница только, а еще что-то такое другое! Но что же? Вѣдь не жена же во всякомъ случаѣ?—спросила она его вдругъ рѣзко и прямо смотря ему въ глаза.

— Нѣтъ,—спокойно отвѣтилъ онъ:—не жена!

— Ага! вотъ видишь! Значитъ, опять-таки же только любовница! Такъ какое же ты имѣешь право говорить мнѣ, что не смотришь на меня какъ на любовницу, т.-е. какъ-разъ именно на то, чтò я и есть для тебя въ дѣйствительности! Пожалуйста, не говори мнѣ больше этого никогда,—я отнюдь это не принимаю за комплиментъ и удовольствіе,—а лучше научись меня больше уважать именно какъ свою любовницу и помни, что женщина не всегда дѣлается ею для любимаго человѣка только потому,

что недостойна стать его женой! Я, напримѣръ, всегда останусь любовницей, потому что не желаю дѣлаться ничьей женой!—докончила она, вставая и окидывая его гордымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— И потомъ, — заговорила она опять сейчасъ же, но уже смѣясь: — пожалуйста, помни, что слово „любовница" произошло отъ слова „любовь", а вовсе не отъ слова „презрѣніе"! Почти вся поэзія міра посвящена любовникамъ, а не добродѣтельнымъ супругамъ, и почти всѣхъ великихъ поэтовъ и художниковъ вдохновляли всегда опять-таки же любовницы, а совсѣмъ не жены, которыя или благополучно варили въ это время супъ на кухнѣ, или же ихъ вовсе не имѣлось,—развѣ ужъ за самымъ малымъ числомъ исключеній! Но исключенія вѣдь еще не правило, и я, напримѣръ, вовсе не стыжусь и не чувствую себя униженной и обезчещенной только отъ того, что я, не выходя еще ни разу замужъ, любила уже нѣсколькихъ людей! Развѣ я этимъ кого-нибудь обманывала, обворовывала, безчестила? Жена не имѣетъ права—если хочетъ оставаться честной, достойной уваженія женщиной и предъ самой собой, и предъ своимъ мужемъ—дѣлаться въ то же время любовницей другого человѣка и обманывать съ нимъ своего мужа, потому что она носитъ его имя, живетъ въ его домѣ, его трудомъ, быть можетъ,—каждый ея поступокъ падаетъ позоромъ на мужа ея, который имѣетъ полное право опеки надъ ней! Но мы, свободныя женщины, мы ни отъ кого не зависимъ, никого не обманываемъ и не безчестимъ этимъ, и отвѣчаемъ только предъ собственною совѣстью. И я чиста и спокойна предъ своей—несмотря на то, что всю жизнь была только любовницей: я любила, но не обманывала, бросала, но не измѣняла подло и низко,—а потому не хочу, чтобы мнѣ говорили, что смотрятъ на меня не какъ на любовницу, тогда какъ я именно любовница; но и любовница, милый другъ, можетъ быть честной и нравственной женщиной!

— Надѣюсь,—сказалъ Чемезовъ, никакъ не ожидавшій, что Ольга такъ оскорбится и взволнуется его словами:—и я ничего подобнаго и не предполагалъ, когда говорилъ тебѣ это...

— Ахъ, нѣтъ, оставимъ это! — нетерпѣливо, съ болью въ лицѣ прервала она: — все равно, мы не сойдемся взглядами на этотъ счетъ! Только не старайся передѣлывать меня, Юрій! — сказала она вдругъ, тоскливо припадая къ нему: — право, если я передѣлаюсь какъ-то на твой ладъ, какъ тебѣ этого хочется, ты самъ, быть можетъ, разлюбишь меня, потому что я тогда

буду уже не я, а что-то другое, новое, и Богъ-вѣсть еще— лучшее ли...

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя и привлекая ее къ себѣ: — не передѣлывать тебя я хочу, а только... только немножко пообчистить все то наносное, что въ сущности совсѣмъ даже и не твое, а скорѣе только привитое къ тебѣ всѣми этими Милочками, Гонецъ-Донскими и tutti quanti!

— Вотъ,—сказала она съ какимъ-то печальнымъ упрекомъ: — я въ твоихъ рукахъ точно какой-то несчастный махровый цвѣтокъ, у котораго, тебѣ все кажется, лепестки выросли безпорядочно и некрасиво, и ты, для того, чтобы сдѣлать его ровненькимъ и гладенькимъ, вырываешь ему лепестокъ за лепесткомъ! А вѣдь ему это больно и даже очень больно, а ты объ этомъ не думаешь!

— Нѣтъ,—сказалъ онъ:—очень думаю; но что же дѣлать, если безъ маленькой боли нельзя обойтись!

Она замолчала съ утомленіемъ и грустью и не стала больше спорить, хотя эти споры между ними стали почти обязательными и періодически поднимались снова и снова. Она каждый разъ спорила горячо и упорно, а между тѣмъ въ ней было такъ много искренняго желанія угодить ему, что она невольно все больше поддавалась и уступала ему.

Но несмотря и на это видимое подпаденіе ея подъ его власть и вліяніе, Чемезовъ прекрасно сознавалъ, какъ мало она въ сущности еще состоитъ въ этой власти! Она была одною изъ тѣхъ натуръ, которыя могли работы многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ разрушить вдругъ, въ силу какого-нибудь толчка, въ одинъ день. Даже въ моментъ самаго сильнаго ея подчиненія нельзя было поручиться за то, что она завтра же все это не сброситъ съ себя опять и не вырвется на свободу.

Въ ней была какая-то удивительная смѣсь своеволія съ рабствомъ.

Она была раба для него, но раба свободная и гордая, которая могла доходить почти до идолопоклонства, но могла также не только уйти каждую минуту отъ этого добровольнаго рабства, но и разбить въ прахъ даже того самаго идола, предъ которымъ только-что такъ смиренно молилась.

А между тѣмъ въ ея натурѣ не было въ сущности ничего изломаннаго, изнервничавшагося,—это была нормальная и здоровая душой и тѣломъ женщина, которой дано было только слишкомъ много кипучей силы и огня, невольно доводившихъ ее порой до необузданныхъ, страстныхъ и экзальтированныхъ поры-

вовъ. Но если бы они исчезли въ ней совсѣмъ, она, быть можетъ, перестала бы уже быть такой истинной и прекрасной артисткой, какою была теперь. Они были нужны ей для того подъема духа, который зовется вдохновеніемъ и создаетъ артиста. Все, что она ни дѣлала, она дѣлала съ увлеченіемъ и даже въ самую любовь свою она невольно и безсознательно для себя вносила то же вдохновеніе, вслѣдствіе котораго любовь поднималась въ ней порой до какого-то страстнаго экстаза обожанія.

Тогда она готова была дѣлать все, что онъ хотѣлъ, ловить его желанія въ намекахъ, угадывать по глазамъ, и съ какимъ-то головокружительнымъ чувствомъ сладкаго рабства исполнять ихъ. Когда такія минуты находили на нее, она, рыдая, цѣловала его руки, пораженная сама этой силой охватившей ее любви, въ которой восторгъ доходилъ почти уже до страданія и сливался съ мукой—мукой болѣзненной, но сладкой для нея.

И самъ Чемезовъ почти не былъ виновенъ ни въ томъ восторгѣ, ни въ тѣхъ мукахъ, которыя рождались въ ней иногда.

Въ это время всѣ ея чувства утончались до такой болѣзненной чуткости, что каждая мелочь, даже не сознаваемая имъ, какое-нибудь одно нечаянное слово, одинъ поцѣлуй или улыбка—могли поднять въ ней страстный неописанный восторгъ, точно также какъ одно же какое-нибудь слово или даже взглядъ могъ сбросить ее въ пропасть и причинить болѣзненное, мучительное страданіе.

Эти порывы и пугали Чемезова, и невольно трогали его, какъ свидѣтельство огромной любви ея къ нему. Но въ то же время онъ прекрасно понималъ, что не онъ собственно вызываетъ въ ней это экзальтированное обожаніе, а просто сама натура ея, уже по природѣ склонная къ тому, ищетъ въ немъ случая излиться тѣмъ бушующимъ силамъ, которыя кипѣли въ ней. Точно такой же восторгъ и обожаніе могла бы испытывать она и по отношенію какого-нибудь другого, совсѣмъ противоположнаго ему, человѣка, который встрѣтился бы ей въ періодъ потребности въ ней сильной любви.

— Вотъ если бы тебѣ пришлось жить во времена перваго христіанства,—сказалъ онъ ей какъ-то, когда ее опять обхватилъ подобный порывъ, и она съ блистающими глазами, стоя на колѣняхъ у ногъ его, рыдая, цѣловала его руки:—изъ тебя навѣрное вышла бы одна изъ мученицъ, и ты съ восторгомъ пошла бы на муки и дала бы сжечь себя или растерзать почти съ наслажденіемъ...

— О, да, да!—воскликнула она радостно и умиленно:—да,

да, знаешь, порой мнѣ даже кажется, что все это уже было со мной когда-то далеко, страшно далеко, но было!.. Вѣдь это то же вдохновеніе, тотъ же восторгъ, быть можетъ! И даже теперь, порой, вдругъ что-то поднимается въ груди, какой-то такой мучительный сладкій восторгъ обхватитъ всю, что, кажется, на всякую муку пошелъ бы, на всякій подвигъ и бичеваніе, во имя чего-то и кого-то, и всего себя отдать бы радъ былъ, чтобы всю избичевали... И кажется, Богъ знаетъ, что готовъ бы былъ совершить, что могъ бы сдѣлать!.. А пройдетъ минута—и ничего не сдѣлаешь... ничего не совершишь и даже не отдашь ничего!—воскликнула она съ болью и стыдомъ, закрывая руками лицо.

— Это все избытокъ силъ и воображенія играетъ въ тебѣ... но, въ сущности,—замѣтилъ онъ задумчиво:—всѣ подобные порывы—нѣчто въ родѣ бенгальскаго огня, который ярко горитъ, но чрезъ минуту потухаетъ!

— Да, да... и отъ котораго, кромѣ гари и копоти, ничего не остается,—сказала она съ тоской:—и даже темнѣе еще потомъ дѣлается; но, Господи, Господи! — воскликнула она, порывисто вдругъ вскакивая съ какимъ-то страстнымъ вдохновеніемъ въ лицѣ:—столько силы въ груди чувствую, столько силы?! и куда, куда дѣть ее, на что направить!..

— Вотъ буду любить тебя и на тебя растрачу ее!—сказала она чрезъ минуту и, взявъ голову его въ свои руки, съ задушевной и нѣжной грустью взглянула въ глаза его.

— Любить—люби, — сказалъ онъ, ласково прижимая ее къ себѣ,—а силы на это, Богъ дастъ, и не растратишь; она тебѣ и на другое еще пригодится...

Она все молчала и, не отнимая рукъ своихъ отъ его лица, все съ той же задушевной, строгой нѣжностью, глубокимъ, пытливымъ, точно читающимъ въ душѣ его, взглядомъ, всматривалась въ глаза его.

— Весь міръ въ одномъ человѣкѣ!..—сказала она тихо, съ какой-то и радостью, и страхомъ въ голосѣ, и вдругъ невольно содрогнулась, но онъ засмѣялся и взялъ ея руки, цѣлуя ихъ.

— Это только такъ тебѣ въ эту минуту кажется,—сказалъ онъ, спокойно улыбаясь ей:—а я увѣренъ, что если бы мы съ тобой разошлись, то міръ этотъ только на самое первое время потерялъ бы для тебя всю свою прелесть и радость, а чрезъ полгода, если только не раньше еще, и даже навѣрное гораздо раньше, онъ снова началъ бы тебѣ казаться такимъ же широкимъ и прекраснымъ, какъ и раньше, даже еще лучше, послѣ минутнаго охлажденія къ нему! Ты не можешь жить безъ того,

чтобы не чувствовать его красоты и прелести, и если утратишь ихъ въ одномъ въ чемъ-нибудь, то непремѣнно, хотя, быть можетъ, и безсознательно для себя, отыщешь ихъ въ другомъ... Ты слишкомъ для того любишь жизнь, слишкомъ чувствуешь прелесть ея...

— А вотъ въ тебѣ,—прервала она, слегка отстраняясь отъ него:—слишкомъ много анализа и благоразумія! И знаешь, какъ ты отравляешь ими все! Порой мнѣ кажется, что ты никогда и ни въ чемъ не создавалъ себѣ иллюзій, никогда не требовалъ ни отъ жизни, ни отъ людей, болѣе того, что̀ они могутъ дать! А вѣдь между тѣмъ это же скучно—вѣчно жить въ строго, разъ навсегда разграниченныхъ рамкахъ „дѣйствительности"! Вѣдь захочется же, ну, хоть когда-нибудь, хоть изрѣдка, хоть мысленно, мечтой просто перелетѣть чрезъ нихъ! По моему, это даже необходимо для человѣка; пускай онъ знаетъ, что обманываетъ себя, что ничего подобнаго не будетъ, но пускай все-таки мечтаетъ! Ахъ, это все твоя служба сдѣлала!—оборвала она вдругъ саму себя съ недовольнымъ и нетерпѣливымъ выраженіемъ:—потому что всѣ эти твои бумаги, доклады, министры, обсужденія, коммиссіи и комитеты разные—какой просторъ могутъ дать они фантазіи! въ концѣ концовъ они непремѣнно должны высушивать и съуживать всякое воображеніе и порывы къ нему!

— Ну, на этотъ счетъ мы съ тобой уже не разъ говорили, —сказалъ Чемезовъ тоже вдругъ холодно и непріязненно:—и тоже, очевидно, не пришли еще къ общему взгляду на этотъ вопросъ!

— И никогда, никогда не придемъ!—воскликнула она горячо: —я не понимаю,—заговорила она, волнуясь и едва сдерживая внутреннее, видимо давно уже накопившееся въ ней раздраженіе: —какъ можно убивать на дѣла все время, всѣ силы и видѣть въ нихъ чуть не единственный смыслъ и интересъ жизни! Даже я, даже любовь ко мнѣ становится ради нихъ на второстепенное мѣсто! Все, все въ жертву ей, этой дурацкой службѣ!

Чемезовъ ничего не отвѣтилъ и не сталъ больше возражать Ольгѣ; онъ ушелъ въ себя, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда между ними поднимался подобный разговоръ. Онъ не любилъ этихъ безконечныхъ и безцѣльныхъ, ничему не помогающихъ споровъ все на одну и ту же тему, въ которой они никакъ не могли поладить между собой, и на которой только всегда даромъ раздражались.

И онъ молчалъ съ выраженіемъ хмураго и холоднаго утомленія на лицѣ, въ то время, какъ Ольга, разъ коснувшись своего

больного мѣста, уже не могла скоро успокоиться и говорила все больше и больше горячась,—и горячась тѣмъ больше и раздраженнѣе, чѣмъ онъ упорнѣе молчалъ.

Чемезова чрезвычайно удивляло и огорчало, что Ольга не только не сочувствуетъ и не интересуется его любимымъ, дорогимъ ему дѣломъ, но и упрямо, съ какой-то странной, ревнивой почти враждебностью отказывается понимать, что оно можетъ и должно быть ему дорого.

То-есть отчасти, она интересовалась имъ, пожалуй, но какъ-то чисто по-женски, поверхностно и непостоянно. Ее интересовала одна общая идея дѣла, его отношенія къ сослуживцамъ, къ министру, къ посторонней публикѣ, иногда (но довольно рѣдко)—какой-нибудь новый проектъ Чемезова или маленькая борьба съ кѣмъ-нибудь изъ противниковъ по какому-нибудь вопросу, проводимому имъ, но зато къ самымъ занятіямъ, на которыя онъ, по ея мнѣнію, тратилъ слишкомъ много времени, она рѣшительно ревновала его.

Когда они сошлись, Чемезовъ думалъ, что женщина, у которой у самой было любимое дѣло, которая сама работала и страстно отдавалась дѣлу, скорѣе пойметъ и его, сильнѣе будетъ сочувствовать и его дѣлу, и работѣ, и станетъ для него отчасти даже товарищемъ, быть можетъ, въ этомъ отношеніи. Но Ольга не только не стала его товарищемъ, но просто даже мѣшала ему работать, и особенно это выяснилось для него теперь, лѣтомъ, когда сама она была вполнѣ свободна и желала проводить съ нимъ какъ можно больше времени вмѣстѣ, говоря, что она для этого собственно и перешла въ Петербургъ.

Вотъ почему ее раздражало, когда ему приходилось (а приходилось это часто) особенно усиленно заниматься по цѣлому дню, а то даже и нѣсколькимъ днямъ подъ-рядъ какой-нибудь спѣшной и важной работой. И какъ всегда съ нимъ уже случалось, въ такіе дни онъ весь уходилъ въ свою работу и, увлекаясь ею, дѣйствительно почти не интересовался въ то время уже ничѣмъ другимъ помимо работы, и какъ бы охладѣвалъ даже и къ самой Ольгѣ, которая мѣшала ему сосредоточиться вполнѣ.

Онъ даже старался въ тѣ дни рѣже видѣться съ ней, а иногда просилъ ее не приходить совсѣмъ и думалъ, что она пойметъ его и не разсердится за это. А она между тѣмъ оскорблялась всѣмъ этимъ въ душѣ, и хотя, по врожденной въ ней деликатности, не рѣшалась прямо высказывать ему это тогда, но зато ея раздраженіе, затаиваемое ею столь непривычно внутри себя, росло и накипало въ ней все больше. Иногда, въ какой-нибудь прелест-

ный, яркій солнечный день, любовь къ нему съ особенно-радостною силой обхватывала ее, она спѣшила къ нему вся радостная и оживленная, мечтая уйти съ нимъ куда-нибудь далеко въ лѣсъ или поле, куда они оба любили ходить гулять,—а придя, вдругъ заставала его озабоченнымъ, холоднымъ, среди его спѣшныхъ бумагъ, встрѣчающимъ ее почти неудовольствіемъ, и вся радость жизнью и любовью, которыя только-что такъ ликовали въ душѣ ея, невольно блекли подъ его озабоченнымъ, холоднымъ взглядомъ, и вмѣсто того являлась обида на него и враждебность къ его дѣлу, отнимавшему его у нея. Въ такія минуты все это дѣло его и служба казались ей еще суше и непріятнѣе,—они только портили и мѣшали ихъ счастью.

— А знаешь, Ольга,—съ улыбкой замѣтила разъ скептическая Милочка:—мнѣ кажется, что ты и любишь его такъ сильно только потому, что онъ не балуетъ тебя своей любовью. Право, еслибы онъ цѣлыми днями сидѣлъ у твоихъ ногъ, смотрѣлся бы въ твои прекрасные глаза и шепталъ бы тебѣ, какъ какой-нибудь влюбленный рыцарь, о своей любви, ты очень скоро охладѣла бы къ нему! А у него на тебя всегда есть узда и хлыстъ, и этимъ онъ и держитъ тебя такъ крѣпко!

Ольга вспыхнула сначала и разсердилась, но послѣ нѣсколькихъ горячихъ опроверженій—вдругъ замолчала и задумалась.

— А впрочемъ, можетъ быть, ты и права!—сказала она сумрачно:—можетъ быть, я и дѣйствительно одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ надо бить, для того, чтобы онѣ крѣпче любили!

— Вотъ я вѣрно оттого никогда и не любила никого, что меня еще никто никогда не билъ!—сказала Милочка, смѣясь:—право, это счастливая идея! Надо дать ее кому-нибудь изъ моихъ поклонниковъ, поинтереснѣе другихъ! Право, пускай поколотятъ; авось тогда и я по крайней мѣрѣ узнаю всѣ эти разные „восторги любви“, а то они у меня всѣ только на шляпки да на платья выходятъ!

IV.

Былъ жаркій іюльскій полдень. Чемезовъ пришелъ за Ольгой и позвалъ ее гулять. Онъ любилъ въ свободные дни уѣзжать или уходить вдвоемъ съ Ольгой куда-нибудь за нѣсколько верстъ, въ какой-нибудь дальній лѣсъ или деревушку, куда они заходили отдохнуть и напиться молока.

Они пошли не по дорогѣ, а прямо чрезъ небольшой лѣсокъ,

пробираясь по кочкамъ его мягкой, покрытой кудрявымъ мхомъ земли.

На Ольгѣ было свѣтлое лѣтнее платье, яркимъ свѣтло-голубымъ пятномъ мелькавшее среди темной зелени лѣса, и бѣлый легкій шарфъ на головѣ, которымъ она вмѣсто зонтика прикрывалась отъ солнца. День былъ чудный и воздухъ,—влажный и теплый, напоенный запахомъ смолистыхъ сосенъ и только-что скошеннаго на лужайкѣ свѣжаго сѣна,—точно струился весь въ прозрачной чистотѣ. Всѣ листья на деревьяхъ и кустарникахъ, казалось, застыли въ какой-то нѣгѣ и истомѣ этого полуденнаго іюльскаго зноя. Только ручей, берегомъ котораго они шли, быстрый и прозрачный, тихо журчалъ, струясь между небольшими камнями булыжника, да масса зеленыхъ и голубыхъ стрекозъ и бѣлыхъ бабочекъ носились повсюду, рѣя надъ кустами яркихъ незабудокъ, усѣявшихъ его берега. Вся трава стрекотала кузнечиками, гдѣ-то невидимо притаившимися въ ней, но птицы примолкли, и только вдали лѣниво куковала кукушка.

Дорожка по ручью бѣжала такой узкой тропинкой, что имъ нельзя было идти рядомъ; вѣтви деревьевъ и кустовъ поминутно задѣвали ихъ по платью и лицу, заграждая имъ дорогу, и они молча шли другъ за другомъ, цѣпляясь за нихъ и отстраняя ихъ руками.

— Вотъ,—сказалъ Чемезовъ, оборачиваясь къ Ольгѣ:—сейчасъ дойдемъ до этой вонъ лужайки и отдохнемъ тамъ на сѣнѣ.

Она, молча, съ улыбкой кивнула ему изъ-подъ своего бѣлаго шарфа, тѣнь котораго падала ей до бровей.

Ольга немножко устала, и лицо ея, казавшееся смуглымъ отъ загара, разгорѣлось влажнымъ яркимъ румянцемъ вслѣдствіе зноя и ходьбы.

Дорожка стала пошире, и Чемезовъ остановился на секунду, поджидая ее.

— Ну,—сказалъ онъ, показывая на одинъ изъ стоговъ сѣна: —вонъ къ тому стогу,—скорѣй!

Она засмѣялась какъ-то нерѣшительно и насмѣшливо, точно ей показалось смѣшнымъ бѣгать такъ на-перегонку, въ ихъ годы, отъ чего она уже такъ давно отвыкла. Но увидѣвъ, что онъ побѣжалъ, тоже невольно побѣжала вслѣдъ за нимъ, и легкость и быстрота дѣвушки какъ будто снова вернулись къ ней, и ей нравилось бѣжать такъ, не чувствуя шаговъ своихъ, на встрѣчу теплому, чуть поднимаемому ею вѣтру, который жужжалъ въ ушахъ и обвѣвалъ ей горячія щеки.

Чемезовъ далеко обогналъ ее, и когда она добѣжала и, слегка

хавшись и смѣясь, бросилась на сѣно, Чемезовъ уже развлся, даясь ее.

— Что,—сказалъ онъ, цѣлуя ея влажную шею:—отвыкла, хлалась?.. забыла, какъ, бывало, дѣвчонкой въ Кунцовѣ бѣгала?

— Жарко!—сказала она съ лѣнивой истомой, все еще дыша юго тяжело и порывисто послѣ своего бѣга. Она закинула за шею, и молча, съ какой-то блаженной улыбкой полуза- а глаза. Легкій шарфъ сползъ съ ея головы, и волосы, за- енные въ толстую косу и заложенные низко на затылкѣ, рас- ались и прилипли отдѣльными вьющимися прядочками къ ной кожѣ ея на лбу и на вискахъ.

Расположившись на сѣнѣ, они оба молча смотрѣли на темно- ю, яркую до боли высь небесъ, разстилавшуюся надъ ихъ го- ми. Легкія, перистыя облачка медленно плыли и таяли въ и все кругомъ было залито солнцемъ.

— Вотъ это лучше, чѣмъ въ вокзалѣ на музыкѣ!—сказалъ езовъ, съ наслажденіемъ всею грудью вдыхая въ себя свѣжій хъ только-что скошеннаго сѣна.

Ему особенно были противны эти вѣчныя прогулки на вок- и на музыку, куда Милочка безпрестанно тянула Ольгу. И ция, прежде чѣмъ дать имъ уйти, она все уговаривала ихъ и лучше завтракать въ садъ, гдѣ по случаю какого-то празд- играла съ утра музыка.

Ольга улыбнулась, угадывая, почему Чемезовъ заговорилъ, но ничего не отвѣтила. По ней точно разлилась какая-то кая, лѣнивая истома, и ей не хотѣлось ни говорить, ни думать; только молча, съ застывшей на лицѣ ея улыбкой, смотрѣла омъ и прислушивалась, какъ въ травѣ стрекотали тысячи куз- ковъ, тоже наполняя воздухъ своей своеобразной музыкой.

Чемезовъ взялъ ея открытую до локтя руку и положилъ къ на грудь. Онъ смотрѣлъ на ея раскинувшуюся въ безсозна- ной граціи, молодую, сильную фигуру, на ея темныя брови и ицы, изъ-подъ которыхъ слабо тлѣвшимъ огонькомъ мер- прекрасные глаза ея, на ея пышный, алый, полуоткрытый —и невольно любовался этой свѣжей, такъ пышно распустив- ся теперь красотой.

Она молча, съ блуждающей улыбкой, переводила глаза съ неба него и съ него на даль, и улыбалась точно и ему, и небу, ой дали, и всему, что ловилъ ея взоръ.

— Знаешь,—заговорила она, приподнимаясь слегка:—меня й охватываетъ вдругъ такое чудное, такое жизнерадостное тво! Я вдругъ чувствую, что живу! Случалось тебѣ когда-

нибудь внезапно понять, сознать это хоть на мгновеніе? Нельзя этого чувствовать постоянно; обыкновенно живешь и не думаешь объ этомъ, не замѣчаешь этого даже совсѣмъ, но зато иногда такъ ясно, такъ сильно всѣмъ существомъ своимъ поймешь это, вдругъ что-то точно налетитъ, что-то обхватитъ все, какъ просвѣтленіе какое-то, что—да, да, вотъ это я, сама я, живая, сильная—и я живу, живу! И такой восторгъ, такая радость тебя наполнитъ, и откуда-то вдругъ такую силу, такую мощь въ груди почувствуешь, что, кажется, горы сдвинулъ бы, поднялся бы куда-то высоко, высоко! Точно весь міръ вдругъ солнцемъ зальется! И все, все тогда, и этотъ міръ, и это солнце, и люди, и счастье, и все, все—мое, каждая былинка—моя! Господи, да если бы мнѣ была обѣщана цѣлая вѣчность блаженства, я бы не промѣняла ее на сорокъ лѣтъ такой живой, страдающей жизни! О, жизнь, жизнь!—воскликнула она,—что̀ лучше тебя!?—И она вскочила, съ ярко блистающими глазами, во весь ростъ и, широко протянувъ предъ собой руки, жадно вдыхала всей своей сильной, молодой, горячей грудью воздухъ жизни, словно наслаждаясь тѣмъ, что дышетъ имъ, и желая объять весь этотъ міръ, который такъ любила и который разстилался предъ ней теперь, дѣйствительно весь залитый солнцемъ, жизнью и радостью.

— Это доказываетъ только, какъ въ тебѣ самой еще много жизни и молодости!—невольно любуясь ею, сказалъ Чемезовъ.— „Ты вся отражаешь въ себѣ то впечатлѣніе, которое въ данную минуту дѣйствуетъ на тебя, и въ этомъ-то и есть, быть можетъ, сила твоего таланта и твоего очарованія!“ — прибавилъ онъ мысленно, но не сказалъ ей, какъ вообще не любилъ говорить никогда ничего такого, что̀ казалось ему смѣшными и ненужными никому комплиментами.—Но въ мои годы этого почти уже не бываетъ,—продолжалъ онъ задумчиво:—хотя, по моему мнѣнію, тутъ не годы важны; такую радость отъ сознанія собственнаго бытія можетъ давать только или молодость, или природа, или исключительно одаренная натура. А въ этихъ большихъ городахъ жизнь всегда складывается такъ противоестественно, что природы мы почти не видимъ, а молодость—съ нею и сила, и воспріимчивость чувствъ и впечатлѣній—притупляется гораздо скорѣе, чѣмъ у людей, живущихъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ этой природой. Къ тому же у всѣхъ у насъ жизнь идетъ слишкомъ нервно и страшно быстро; въ то же время она такъ наполнена безконечными различными мелочами и искусственными развлеченіями и занятіями, что смыслъ цѣлаго почти совсѣмъ исчезаетъ въ нихъ, и мы теряемъ о немъ всякое впечатлѣніе, а впечатлѣнія дробятся, извра-

щаются и, наконецъ, почти вовсе исчезаетъ къ нимъ и самая способность. Да, чѣмъ дальше отходишь отъ природы, тѣмъ сила ощущеній несомнѣнно все больше мельчаетъ и притупляется!

— О, да, ты правъ, я сама это замѣчала! Бывало, случалось мнѣ живать въ деревнѣ или въ горахъ на Кавказѣ, или гдѣ-нибудь подлѣ моря—и какъ-то совсѣмъ иначе начинаешь жить и чувствовать и думать! Бывало, помню, въ Крыму, выйдешь иногда ночью на балконъ къ морю и стоишь! И такая тишина кругомъ, только волны тихо плещутся, и небо темное, глубокое, и миріады звѣздъ въ немъ горятъ... И такое странное чувство поднимается въ душѣ—не восторгъ, не жизнерадостность, что сейчасъ у меня была, а что-то другое, торжественное и спокойное такое, точно къ чему-то великому и таинственному приближаешься, точно что-то постигать начинаешь... А пріѣдешь въ Москву, начнется опять та же жизнь въ стѣнахъ да на улицахъ и разныя репетиціи, объясненія, исторіи, визиты, сплетни, портнихи, ссоры, тройки,—и ничего уже таинственнаго не постигаешь, ни къ чему великому не приближаешься, а думаешь только о томъ, какъ бы портниха платье не испортила да Веригиной—моей роли не отдали бы. О, Боже мой, Боже мой! если только послѣ смерти остается сознаніе прожитой жизни, то сколько изъ насъ будутъ каяться на томъ свѣтѣ въ безплодныхъ сожалѣніяхъ о томъ, что такъ уродовали свою жизнь здѣсь!

— Вотъ видишь,—сказалъ Чемезовъ:—до чего ты непослѣдовательна, и до чего быстро, почти независимо отъ тебя самой, смѣняются въ тебѣ всѣ впечатлѣнія! Не ты ли, пять минутъ назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, радовалась и восхищалась этой самой жизнью, а теперь ты говоришь о ней уже почти съ горечью и разочарованіемъ!

— О, нѣтъ!—сказала она быстро:—разочарованіе не жизнью, а тѣми условіями, неправильными и ненормальными, въ которыя она большею частію ставится. Сама по себѣ жизнь всегда прекрасна, хотя бы уже потому, что она есть часть чего-то великаго, божественнаго и вѣчнаго! Жизнь—да вѣдь это же мы сами и весь міръ, и все человѣчество, и вотъ это небо и земля, и это солнце, и ты, и я, и наша любовь, и вонъ та пѣсня, что доносится оттуда,—все, все это—жизнь, одна, общая, великая, прекрасная и безконечная жизнь! И въ то же время все это я сама, потому что пока я тутъ, въ этомъ мірѣ, все во мнѣ и для меня, и я во всемъ, и порой все это такъ сливается съ моимъ собственнымъ существованіемъ, что, право, невозможно разграничить, гдѣ кончаюсь „я“ и начинается міръ! И тогда мнѣ кажется

немыслимымъ и невозможнымъ, чтобы все это могло существовать и безъ меня, когда-то послѣ, когда меня уже не будетъ, точно также какъ кажется немыслимымъ и существованіе меня самой гдѣ-то потомъ, помимо всего этого и безъ этого! О, ужасно, ужасно!..—прошептала она, блѣднѣя, и, вся содрогнувшись, закрыла руками лицо, точно почувствовавъ уже на себѣ этотъ страшный, непостижимый, все уничтожающій смертельный холодъ...

А Чемезовъ смотрѣлъ на ея полную прелести и жизни фигуру, на стога только-что скошеннаго сѣна, разбросаннаго по залитой солнцемъ лужайкѣ, на молоденькій лѣсокъ березъ и сосенъ, окружавшій ихъ, на мелкія бѣлыя облачка, таявшія въ свѣтлой лазури небесъ, на быструю, узкую рѣчку, отъ которой тянуло свѣжимъ запахомъ воды,—и во всемъ этомъ казалось столько безконечной жизни, и въ эту минуту такъ все это дѣйствительно и до того сливалось съ ними, съ ихъ жизнью и съ ихъ любовью, въ одну общую природу, что и ему самому стало казаться невозможнымъ продолженіе всего этого, въ такой вѣчной, спокойной красотѣ, когда сами они уже исчезнутъ куда-то, куда еще не могъ проникнуть ни ихъ разумъ, ни залетѣть воображеніе...

— И пусть у гробового входа
Младая жизнь будетъ играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!..

—сказалъ онъ тихо, невольно вспоминая эти прекрасные стихи...

И оба они нѣсколько минутъ просидѣли молча, каждый думая про себя о томъ неизбѣжномъ и загадочномъ, чтò, несмотря на всю радость, счастье и жизнь, окружавшую ихъ теперь, все-таки неумолимо предстояло имъ гдѣ-то въ будущемъ... И гдѣ? Когда?.. быть можетъ, въ минуту большого счастья и любви къ этой жизни...

V.

Чрезъ нѣсколько минутъ лицо Ольги опять оживилось, порозовѣло и глаза ея вспыхнули и засмѣялись.

— Вѣдь вотъ, напримѣръ, нашъ Петръ Георгіевичъ Обуховъ!—заговорила она, совсѣмъ неожиданно переходя мыслью отъ великаго вопроса о жизни къ Обухову:—вѣдь вотъ я увѣрена, что онъ не только собственной жизни, но право даже и солнца никогда не замѣчалъ! То-есть онъ, конечно, замѣчаетъ, когда тепло или холодно, когда идетъ дождь или ясно, но ровно

настолько, чтобы подумать о томъ, какое пальто надѣть: теплое или холодное! Право я увѣрена, что ему даже и въ голову никогда не пришло: а что, вѣдь я живу, живу! И еще менѣе того онъ приходилъ въ растроганный восторгъ отъ подобнаго сознанія! Да не только не приходилъ въ восторгъ, но счелъ бы это страннымъ и неприличнымъ, а быть можетъ даже и неблаговиднымъ до нѣкоторой степени! У него и на радости и на горести причина всегда законная и уважительная! Не долюбливаю я этихъ людей, у которыхъ на все законная причина; я увѣрена, онъ даже и думаетъ только о вполнѣ законныхъ и уважительныхъ вещахъ—о службѣ, о семьѣ, о докладахъ своему министру, о наградахъ, о своихъ почкахъ, о новомъ платьѣ для жены, о желанной звѣздѣ на бортъ фрака, о винтѣ и изрѣдка, въ видѣ особо пріятнаго исключенія, о поѣздкѣ за границу на казенный счетъ, или объ вечерѣ съ его высокопревосходительствомъ!.. А если бы его спросили, въ чемъ онъ полагаетъ истинный смыслъ, долгъ и радость жизни—онъ навѣрное подумалъ бы про себя: быть дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ къ пятидесяти, а если можно, то и еще лучше къ сорока-пяти годамъ и получать тысячъ двѣнадцать оклада и казенную квартиру,—хотя вслухъ онъ развилъ бы свою мысль, вѣроятно, болѣе пространно и сложно и наговорилъ бы разныхъ туманныхъ, но громкихъ фразъ о долгѣ предъ государствомъ и правительствомъ, о сознаніи правильно и добросовѣстно исполненныхъ возложенныхъ на него обязанностей et cetera, et cetera...

— Бѣдный Петръ Георгіевичъ!—засмѣялся Чемезовъ:—за что онъ вдругъ къ тебѣ на зубокъ попался?

— Да и сколько такихъ Петровъ Георгіевичей—и особенно у васъ въ Петербургѣ!

Чемезовъ уже не разъ замѣчалъ, что Ольга въ душѣ почему-то сильно не любитъ Петербурга, и это не мало огорчало его, потому что если самъ онъ и не сильно любилъ его, то во всякомъ случаѣ намѣревался, благодаря службѣ, жить здѣсь всегда.

— У тебя къ Петербургу рѣшительно врожденное предубѣжденіе москвички,—сказалъ онъ:—а между тѣмъ до сихъ поръ ты отъ него ничего кромѣ самаго хорошаго не видала. Принимаютъ тебя здѣсь, каждый разъ, что ты играешь, чуть ли не лучше еще, чѣмъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ же и мы съ тобой встрѣтились, а ты все его не любишь и бранишь за что-то!

— О, что касается насъ съ тобой,—воскликнула она убѣжденно:—то мы съ тобой все равно встрѣтились бы, здѣсь ли, въ Москвѣ ли, въ Козмодемьянскѣ ли, или Парижѣ, — но это все

равно случилось бы, потому что должно было случиться! Это—судьба!..

— Ну, вставай, судьба моя!—сказалъ онъ, засмѣявшись, и поднялъ ее за руки съ сѣна, отряхнувъ приставшія къ ея платью и волосамъ сухія травинки.

Въ воздухѣ стало еще жарче, почти пàрило, и съ горизонта наползали густыя, бѣлыя, похожія на огромные клубы взбитаго мыла, облака; дышать становилось все труднѣй, и только съ рѣчки тянуло еще свѣжей влагой. Имъ обоимъ захотѣлось пить; они спустились къ ручью, который въ этомъ мѣстѣ расширялся и полу-круглой лентой огибалъ ту самую поляну, на которой они только-что отдыхали; наклонившись надъ водой, они руками черпали студеную, пріятно леденившую воду и съ жадностью пили ее.

Ольга вымыла себѣ лицо и, обтеревъ его своимъ шолковымъ мягкимъ шарфомъ, опустила руки въ воду и играла ею, любуясь, какъ она быстро прорывается сквозь ея пальцы. Она нарвала себѣ незабудокъ и приколола ихъ на грудь и въ волосы; съ этой освѣженной водою кожей на лицѣ, съ букетами этихъ нѣжныхъ голубыхъ цвѣтовъ, она казалась совсѣмъ еще молодой дѣвушкой. На нее вдругъ напала шаловливость, и когда Чемезовъ, рвавшій для нея желтыя кувшинки и незабудки, подошелъ къ ней, она быстро зачерпнула воды и обрызнула его всего холодными, ярко блеснувшими на солнцѣ, каплями ея.

— А!—крикнулъ онъ, схватывая ее за руки и крѣпко сжимая ихъ:—такъ ты тàкъ! ну хорошо же!—и онъ, держа ее одной рукой, хотѣлъ тоже обрызгать ее, но она съ хохотомъ вырвалась отъ него и спрятала свое лицо. Холодная, освѣжающая вода, которой они только-что умылись, невольно согнала съ нихъ лѣнивую истому, и имъ обоимъ хотѣлось какъ-то дурачиться, бѣгать и возиться; стоя на колѣняхъ одинъ противъ другого, они съ увлеченіемъ и смѣхомъ боролись другъ съ другомъ, брызгались водой, и хотя онъ былъ вдвое сильнѣе ея, но ему трудно было совладать съ ней, потому что она чисто по-женски извивалась вся въ его рукахъ и выскальзывала отъ него внезапно въ ту самую минуту, когда онъ думалъ, что уже одолѣлъ ее.

Но наконецъ ему удалось схватить ее такъ, что она не могла уже больше ни двигаться, ни вырываться и только смѣялась, безпомощно упавъ предъ нимъ на землю, вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся отъ борьбы. Волосы ея растрепались, незабудки разсыпались, но она ничего не замѣчала и только смѣялась; все лицо ея пылало жаркимъ румянцемъ, глаза блистали

во всей въ ней было столько жизни и страсти, что Чемезовъ вольно выпустилъ ея руки и жарко поцѣловалъ ее въ алыя, рячія губы.

VI.

На обратномъ пути, дойдя до озера, они взяли лодку и переали на ней къ противоположному берегу, гдѣ у маленькой истани расположилось какое-то общество, видимо тоже поджившее лодокъ, и на солнцѣ платья стоявшихъ тамъ дѣвушекъ стрѣли яркими, красными, бѣлыми и синими пятнами, а звонкіе, лодые голоса ихъ разносились далеко по озеру.

Чемезовъ работалъ веслами и потому сидѣлъ спиной къ той оронѣ, но, невольно обернувшись на знакомые голоса, онъ сразуналъ тамъ молодежь—Савельевыхъ и Зину. Въ первую минуту ъ хотѣлъ-было обогнуть озеро стороной, чтобы не встрѣчаться ними, но потомъ передумалъ и направилъ лодку къ пристани.

„Отчего мы вѣчно должны прятаться!"—раздраженно скалъ онъ себѣ, сердясь и на эту встрѣчу, и на то, что хотѣлъло свернуть въ сторону,—кажется, онъ могъ гулять, гдѣ хотѣлъ съ кѣмъ хотѣлъ...

Ольга тоже замѣтила ихъ и слегка какъ бы смутилась.

— Можно будетъ повернуть?..—спросила она, нерѣшительно редвигая веревку руля.

— Къ чему!—сказалъ онъ раздраженно:—съ какой стати!—рдито нахмурясь, чувствуя, что недоволенъ собой, онъ подъалъ прямо къ пристани.

— Ну, вотъ и лодка!—съ удовольствіемъ привѣтствовалъ ихъ иколай Савельевъ, щегольски обтянутый весь своимъ красимъ мундиромъ, которымъ онъ, видимо, слегка рисовался предъ рышнями.

— Ахъ, Юрій, это ты!—радостно воскликнула Зина, но, увивъ Ольгу, вдругъ сконфузилась, и вмѣстѣ съ ней сконфузились замѣтно смѣшались и всѣ другіе.

— Да, я,—сказалъ Чемезовъ, выходя изъ лодки и притвоясь равнодушнымъ:—а вы кататься собираетесь?

Мери также была здѣсь, и встрѣча эта вслѣдствіе этого была емезову еще непріятнѣе.

— Да вотъ все лодокъ нѣтъ!—сказалъ какъ-то тупо, какъ казалось Чемезову, но улыбаясь, женихъ старшей барышни Сальевыхъ, молодой артиллерійскій полковникъ въ очкахъ.

Чемезовъ помогъ Ольгѣ выйти и сдѣлалъ это нарочно осо-

бенно внимательно и предупредительно, точно желая показать всей этой сконфуженной, но любопытно оглядывавшей ихъ молодежи, какъ глубоко уважаетъ онъ свою спутницу.

„Отчего мнѣ стыдно?“ — съ удивленіемъ и почти сердясь спросила себя Ольга, первая проходя чрезъ пристань, въ то время, какъ Чемезовъ задержался тамъ еще на минуту, здороваясь. Стыдиться ей, думала она, было, кажется, нечего, а между тѣмъ она несомнѣнно чувствовала, что ей неловко, и что она невольно даже краснѣетъ, проходя подъ этимъ строемъ любопытныхъ глазъ. Она замѣтила, какъ всѣ инстинктивно и какъ-то поспѣшно разступились предъ ней, не то давая ей дорогу, не то словно боясь почему-то даже коснуться ея.

Она замѣтила также, хоть и не смотрѣла, какъ Зина, въ яркомъ, красномъ, лѣтнемъ платьѣ и въ большой бѣлой шляпѣ съ цвѣтами, молча, съ какимъ-то милымъ, застѣнчивымъ и смущеннымъ выраженіемъ глядѣла на нее все время, пока она проходила мимо. Но больше всего Ольгѣ запомнилось чье-то новое, не встрѣчавшееся ей еще вмѣстѣ съ Олениными, лицо высокой, стройной дѣвушки, проводившей ее долгимъ, пытливымъ взглядомъ своихъ прелестныхъ синихъ, темныхъ глазъ.

Эти глаза почему-то поразили Ольгу. Она чувствовала, что во взглядѣ ихъ было не одно пустое любопытство остальной молодежи, но что-то еще и другое, болѣе глубокое и печальное.

— Кто эта дѣвушка въ бѣломъ?—спросила она у Чемезова, когда онъ догналъ ее.

Онъ слегка смутился, и Ольгу удивило это еще больше, чѣмъ печальный взглядъ той дѣвушки.

— Это,—отвѣчалъ онъ неохотно:—подруга Зины.

Ольга замолчала и нѣсколько минутъ шла такъ, думая о чемъ-то, и только нѣсколько разъ пытливо взглянула на него съ боку.

— Послушай,—начала она вдругъ:—тутъ что-то есть между тобой и этой барышней... сознайся!

— Что такое можетъ быть! — съ неудовольствіемъ сказалъ Чемезовъ, но въ то же время невольно удивляясь этой прихоти въ Ольгѣ, благодаря которой она иногда по одному какому-нибудь взгляду или слову угадывала отношенія людей.—Ничего особеннаго не было!—прибавилъ онъ спокойнѣе, чувствуя, что выдаетъ себя ей своимъ недовольнымъ тономъ.

— А неособенное, значитъ, было?—спросила она, пытливо и настойчиво смотря на него.

— Ну, если бы даже и было, то что же изъ этого!—сказалъ онъ рѣзко. Ему были непріятны эти разспросы, казавшіеся ему не-

деликатными и безтактными со стороны Ольги. Встрѣча съ своими привела его въ дурное настроеніе духа, а разъ съ нимъ это случилось—онъ уже легко раздражался потомъ еще сильнѣе. Во всякомъ случаѣ онъ не считалъ себя въ правѣ выдавать (хотя бы даже и Ольгѣ) Мери и ея милую любовь къ нему, которая невольно все-таки трогала его какимъ-то благодарно-виноватымъ чувствомъ предъ ней даже и теперь, когда онъ уже зналъ, что больше никогда и ничего не можетъ быть между ними—и теперь даже болѣе, чѣмъ въ то время, когда онъ думалъ, что она, а вмѣстѣ съ ней и всѣ другіе ждутъ отъ него ей предложенія и считаютъ его чуть не обязаннымъ даже сдѣлать такое предложеніе.

— Ну, не говори ничего, если не хочешь!—сказала Ольга грустно, съ упрекомъ.—Я теперь и сама все знаю! Ужъ потому знаю, что ты не захотѣлъ мнѣ ничего отвѣчать и разсердился, когда я все-таки стала тебя разспрашивать. Если бы ничего не было, ты не разсердился бы и отвѣчалъ... Эта дѣвушка навѣрное была влюблена въ тебя, только не знаю ка̀къ, сильно или только такъ, слегка; судя по ея лицу и глазамъ, скорѣе сильно, чѣмъ слабо; и тебѣ она навѣрное тоже нравилась, ну хоть немного; а разъ, что она подруга твоей сестры—тебѣ навѣрное прочили ее въ невѣсты! Видишь, видишь, какъ я все угадала! Не кивай головой такъ насмѣшливо—я все равно не повѣрю! А ты встрѣтился со мной и сталъ моимъ!—сказала она, радостно прижимая къ себѣ его руку, на которую опиралась.

— О! насъ, женщинъ, въ этомъ не обманешь!—прибавила она лукаво, видимо очень довольная тѣмъ, что по одному взгляду этой барышни и по его сердитому виду угадала ихъ маленькую тайну:—Мы это чутьемъ чуемъ!

VII.

Круглое озеро, все облитое солнцемъ, было такъ тихо, что ярко-голубое, съ воздушными облаками, небо и береговыя дачи, тонувшія въ зелени, отражались въ немъ какъ въ опрокинутомъ зеркалѣ. Только легкій вѣтерокъ, порой точно ласкаясь, пробѣгалъ по немъ легкой зыбью, рябя его зеркальную гладь и мягко шелестя въ прибрежныхъ камышахъ.

Молодежь размѣстилась въ двухъ лодкахъ и перегоняла другъ друга, соперничая въ искусствѣ грести, въ которомъ особенно отличались Алеша и Николай Савельевъ.

Они сидѣли вмѣстѣ, въ одной лодкѣ съ Зиной и Мери, и

Николай забавлялся тѣмъ, что „изводилъ“, какъ онъ выражался самъ, барышенъ.

За послѣднее время Алеша съ Зиной всегда дѣлались въ присутствіи другъ друга немножко застѣнчивы и молчаливы, точно боялись выдать ту любовь, которую инстинктивно угадывали другъ въ другѣ, хотя до сихъ поръ еще не только объ этой любви, но даже и о совсѣмъ посторонних вещахъ рѣдко рѣшались они разговаривать. Эта любовь и радовала, и пугала ихъ, особенно Зину, которая съ тѣхъ поръ, какъ стала замѣчать, что вспыхиваетъ при имени Алеши и при встрѣчахъ съ нимъ, замѣтно чувствовала на душѣ какой-то стыдъ и страхъ, точно все ожидала, что ее за что-то накажутъ. Она не только не рѣшалась говорить съ нимъ или объ немъ, но стыдилась даже и думать, а потому и теперь, боясь какъ-нибудь выдать себя, она притворялась, что нисколько не интересуется имъ и почти не замѣчаетъ даже его присутствія, нарочно смѣялась съ Мери и Николаемъ, въ то время, какъ глаза ея, еще дѣтски ясные и правдивые, невольно взглядывали все на молча улыбающагося ей Алешу; зато Николай дурачился на всѣ лады; онъ отлично умѣлъ грести и, зная это, придумывалъ всевозможныя, самыя неожиданныя и смѣлыя шутки, чтобы еще больше поразить барышенъ своимъ удальствомъ и искусствомъ. Онъ то вертѣлъ лодку, почти на одномъ мѣстѣ, на разстояніи малаго круга, заставляя ее, какъ онъ выражался, „вальсъ танцовать“, то быстрой стрѣлой пускалъ ее на-перерѣзъ другой, гдѣ сидѣли его сестры съ женихомъ и его товарищемъ, и пролетѣлъ такъ близко отъ нихъ, что, казалось, вотъ-вотъ они столкнутся; бѣдныя барышни начинали уже трусить и кричать, но онъ съ побѣдоноснымъ видомъ героя, гордо пролеталъ мимо, всего въ какомъ-нибудь аршинѣ, даже не коснувшись ихъ.

— Ура!—кричалъ онъ имъ вслѣдъ, махая своей фуражкой: —наша взяла! ужъ куда вамъ за нами угнаться!

— Зинаида Николаевна,—предлагалъ онъ чрезъ минуту Зинѣ, съ самомъ серьезнымъ лицомъ:—хотите, я переверну лодку? Вы не бойтесь, мы съ Алексѣемъ отлично плаваемъ; живо васъ подхватимъ, онъ—васъ, я—Мери Сергѣевну, и мигомъ доплывемъ съ вами до берега, вы даже ножекъ не замочите! Хотите? вы хоть попробуйте только, ну что вамъ стоитъ попробовать!

Зина и смѣялась, и трусила въ душѣ, какъ бы этотъ сумасшедшій Николай и въ самомъ дѣлѣ не выкинулъ такой штуки.

— Ахъ, Николай, да перестаньте! — уговаривала она его своимъ тоненькимъ, всегда смѣющимся голоскомъ:—да не качайте же такъ лодку!

— А вамъ это развѣ не нравится? смотрите, точно въ люлькѣ! Вы закройте глазки и воображайте, что вы снова маленькая, малюсенькая, и что это не лодка, а люлька, и я не я, а ваша старая нянюшка, а для довершенія сходства я буду вамъ напѣвать: „Спи, дитя мое, засни, сладкій сонъ къ себѣ мани!..“

Но Зина не хотѣла ни пробовать, ни воображать ничего подобнаго и, уже не въ шутку труся, кричала и цѣплялась за борта лодки, къ полному восторгу школьничавшаго Николая, который нарочно еще сильнѣе раскачивалъ лодку.

— Да полно тебѣ, Николай! — крикнулъ, наконецъ, Алеша, боясь, что тотъ слишкомъ напугаетъ Зину:—вѣдь ты и вправду, чего добраго, лодку перевернешь!

— Да вѣдь если Зинаида Николаевна меня о томъ проситъ, не могу же я не послушаться!

— Неправда, неправда, совсѣмъ я васъ ни о чемъ не прошу, пожалуйста перестаньте!

— А! не просите, значитъ боитесь! Ну, такъ скажите мнѣ: Коленька, миленькій мой, душечка, перестаньте лодку качать и меня пугать! Скажите, тогда я, можетъ быть, и перестану!

— Мери!—кричала Зина съ отчаяніемъ, но все еще смѣясь, потому что Николай строилъ такія уморительныя гримасы:— запрети хоть ты ему дурачиться! можетъ быть, онъ хоть тебя-то послушаетъ!

— А вотъ кто мнѣ скажетъ: Коленька, миленькій, перестань лодку качать и меня пугать, того и послушаюсь!

— Ну, такъ Коленька, миленькій, перестань лодку качать... —началъ, смѣясь, Алеша, и всѣ расхохотались, а Николай обрызгалъ его за то всего водой.

— Э, нѣтъ, братъ!—крикнулъ онъ:—шалишь! не про тебя писано! Я отъ барышенъ хочу это услышать!

— Коленька, миленькій, перестаньте, душечка, такъ шалить!— съ улыбкой проговорила тогда ко всеобщему удивленію Мери, и Николай при этомъ пришелъ въ такой восторгъ, что чуть и дѣйствительно не перевернулъ всей лодки.

— Какъ!—кричалъ онъ въ восхищеніи:—сама Мери Сергѣевна! Вотъ это я понимаю! вотъ это такъ пріятный, можно выразиться, сюрпризъ!

Онъ совсѣмъ не ожидалъ отъ Мери такой „прыти“ и, какъ бы вполнѣ удовлетворившись этимъ, торжественно, но спокойно, наконецъ, усѣлся на своемъ мѣстѣ, чѣмъ всѣ остались очень довольны.

Зина тоже никакъ не ожидала, чтобы именно Мери рѣшилась

исполнить глупую фантазію Николая и сказать эти слова. Вообще Мери немножко удивляла ее сегодня; обыкновенно всегда сдержанная и молчаливая, она сегодня была сравнительно очень оживлена и разговорчива. Она смѣялась выходкамъ Николая и сама даже шутила съ нимъ, только смѣхъ ея звучалъ нѣсколько нервно и лицо было очень блѣдно; неопытная и довѣрчивая Зина не умѣла еще различать всѣхъ этихъ тонкостей и искренно радовалась, что Мери осталась такъ весела и спокойна послѣ этой встрѣчи съ Юріемъ и Леонтьевой, случившейся такъ неожиданно. А она именно боялась, что встрѣча эта повліяетъ на Мери очень грустно.

Мери никогда не признавалась Зинѣ въ своей любви къ ея брату, и Елена Николаевна никогда не говорила ей, что прочила Мери въ жены ему, но Зина, чутьемъ женщины, сама угадала это, также какъ чутьемъ же отгадала и отношенія Чемезова къ Ольгѣ, хотя объ этомъ ей не только уже никогда не говорили, а прямо даже скрывали отъ нея, стараясь въ присутствіи ея не произносить даже имени Леонтьевой. Но только у Зины была одна большая задушевная подруга, которой никто не подозрѣвалъ, и съ которой она объ этомъ вела длинные и таинственные разговоры шопотомъ. Этой подругой была ея собственная молоденькая горничная Дуняша, нянина племянница и крестница, съ самаго дѣтства еще приставленная къ Зинѣ. Она первая открыла ей о любви Юрія Николаевича и г-жи Леонтьевой и съ тѣхъ поръ продолжала ей сообщать о нихъ безконечныя маленькія новости, сильно интересовавшія Зину, которая такимъ образомъ знала чуть ли не больше еще Елены Николаевны, не желавшей ни слушать, ни говорить о томъ. Открытіе это и поразило, и восхитило Зину, и съ тѣхъ поръ оно стало излюбленной темой ея таинственныхъ разговоровъ „шопотомъ“ съ Дуняшей.

Еще съ того вечера, какъ она впервые увидѣла Леонтьеву въ „Маріи Стюартъ“, въ ней вспыхнуло по отношенію ея чувство какого-то влюбленнаго обожанія, нерѣдко свойственнаго молодымъ дѣвушкамъ къ старшимъ, чѣмъ-нибудь интересующимъ и нравящимся имъ женщинамъ. Она бережно сохраняла тотъ цвѣтокъ, который бросила ей тогда Ольга на вокзалѣ, и накупила всевозможныхъ ея карточекъ во всѣхъ роляхъ и позахъ. Ольга стала для нея чѣмъ-то въ родѣ блестящаго, прекраснаго божества и недоступнаго идеала, предъ которымъ—въ силу той странной, безотчетной, но горячей симпатіи, лежавшей въ ней,—она всегда робко и радостно готова была преклоняться. И вдругъ это-то прекрасное, недоступное божество, полюбило ея брата и стало

о (смутно еще для представленія Зины) близко ему. Это
льше усилило въ ней влеченіе къ ней и самую Ольгу
) какъ-то еще таинственнѣе для Зины, загадочнѣе, инте-
, и еще больше она волновала ея молодое воображеніе.
на и къ самому Чемезову относилась теперь еще съ боль-
почтеніемъ, и часто онъ ловилъ на себѣ ея пытливо
вавшійся въ него любопытный взглядъ, точно силившійся
ть по лицу его какую-то загадку.
ему, ни сестрѣ, ни кому бы то ни было другому, кромѣ
Дуняши, не рѣшалась признаться она, хотя бы намекомъ
кимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, что знаетъ эту такъ
ьно скрываемую отъ нея тайну. Но зато, глядя иногда
та, она думала про себя съ какимъ-то застѣнчиво-лукавымъ
мъ: —„а я знаю, я знаю!..“
азать это вслухъ она не рѣшилась бы никогда и ни за
а свѣтѣ; она, безпрестанно говорившая одно время объ
Леонтьевой, теперь даже имени ея не произносила, и са-
арточки ея прятала подальше, любуясь ими только наединѣ
ляшей. Все тѣмъ же инстинктомъ, который теперь лучше
) такта руководилъ ея поступками, а отчасти и чрезъ Ду-
она узнала, что вся эта любовь Юрія съ Леонтьевой не
ся почему-то Еленѣ, которая даже сердится на нихъ за
ано также какъ и Архипычъ. И Зину это очень удивило
чило; она рѣшительно не понимала, за что тутъ можно
ься и чѣмъ можно быть недовольной. По ея мнѣнію это
совсѣмъ хорошо; ужъ не говоря о томъ обожаніи, кото-
пытывала къ своему прекрасному идеалу, Зина невольно
ушой откликалась на любовь Ольги своими жизнерадостными,
отзывчивыми семнадцатью годами, которые сами были
грезъ о любви. Единственно, что только омрачало нѣ-
о ея радость въ этомъ открытіи, это—была Мери, ко-
она знала, тоже любила Юрія. Зина искренно радова-
і, еслибы Мери вышла за него, но мысль, что сама Ольга
ева, это прекрасное божество ея, любитъ Юрія, восхищала
больше, и она безсознательно для самой себя измѣняла
подругѣ въ пользу своего божества.
Мери онѣ никогда не говорили ни о Чемезовѣ, ни о
евой; Зина чувствовала, что Мери также какъ и она знаетъ
-то всю эту исторію, и потому, когда онѣ только-что
ались на плоту, Зина невольно испугалась, сознавая, какъ
гно это должно быть Мери. Но когда та осталась совсѣмъ
ной, и даже какъ будто оживилась и повеселѣла послѣ

того больше, Зина обрадовалась, подумавъ, что все обошлось благополучно, и что можетъ быть... можетъ быть, Мери уже и разлюбила теперь Юрія.

Молодежь вдоволь накаталась и вернулась домой только къ самому обѣду. На берегу ихъ уже ждали Елена Николаевна и Савельева, вышедшія къ нимъ на встрѣчу. День былъ воскресный, и потому всѣ обѣдали, какъ давно уже было заведено—у Олениныхъ. Столъ былъ приготовленъ на некрытой большой верандѣ, защищенной отъ солнца бѣлыми маркизами съ красными фестонами, съ которой открывался прелестный видъ на озеро. Поджидали только Аркадія Петровича и Илью Егоровича, которые пошли немножко прогуляться передъ обѣдомъ.

— Боже мой, въ какомъ ты видѣ! — сказала сестрѣ Елена Николаевна, смотря съ любующейся улыбкой на ея раскраснѣвшееся, миловидное личико.

— Да, мы всѣ хороши!—замѣтила старшая Савельева, показывая на свое, все обрызганное водой, платье:—ужасно возились! Это, мама, все твой любимчикъ, противный Николай, надѣлалъ!

Раиса Константиновна съ нѣжной, почти влюбленной улыбкой потрепала сына по щекѣ и посовѣтовала дочерямъ пойти немного поправиться предъ обѣдомъ.

— И мнѣ тоже это не мѣшаетъ, я пройду къ себѣ!—сказала Мери; когда лѣтомъ она гостила у Олениныхъ, въ ея распоряженіе всегда предоставлялась свободная комната.

Зина также хотѣла уйти, послѣдуя примѣру старшихъ барышенъ, но осталась еще на минутку, со смѣхомъ быстро разсказывая сестрѣ, какъ Николай страшно дурачился все время и такъ ужасно качалъ лодку, что они чуть-чуть-чуть не перевернулись всѣ.

— Ну, иди, иди, причешись!—сказала ей Елена Николаевна и, ласково повернувъ ее за плечи, вытолкнула ее, наконецъ, въ калитку. Зина перескочила чрезъ порогъ и побѣжала; ей было такъ радостно и весело бѣжать, чувствуя, какъ хорошо жить на свѣтѣ и какъ всѣ ее любятъ: и Елена, и Юрій, и няня, и... и даже Алеша!.. И такіе всѣ хорошіе и счастливые... И она быстро, улыбаясь всѣми своими милыми ямочками на свѣжемъ пухленькомъ лицѣ, вбѣжала наверхъ, по деревянной, узенькой лѣстницѣ, и распахнула дверь Мериной комнаты.

Но она невольно, съ изумленіемъ, остановилась на порогѣ.

Мери стояла посреди комнаты, спиной къ дверямъ, закрывъ

лицо руками, и плакала, содрогаясь въ плечахъ отъ глухихъ, сдерживаемыхъ рыданій.

— Мери, Мери! — воскликнула Зина горестно и вдругъ только теперь поняла, что Мери притворялась всѣ эти полтора часа и ждала только той минуты, когда останется одна!

— Мери... Мери...—жалобно, чувствуя, что сейчасъ расплачется сама, повторяла она, протягивая къ ней руки.

Мери быстро повернулась къ ней съ какимъ-то гнѣвнымъ и укоряющимъ выраженіемъ въ лицѣ, которое было все въ слезахъ. Она видимо хотѣла что-то сказать ей, но вмѣсто словъ у нея вырвалось только опять одно рыданіе, и она слабо, какъ бы умоляя ее уйти, махнула ей рукой. Но Зина не ушла, а заплакавъ сама, стремительно бросилась къ ней, крѣпко обняла ее, прижала ее къ себѣ и осыпала поцѣлуями все ея лицо, волосы и руки.

И Мери молча, не отстраняя ее уже больше, рыдала подъ ея поцѣлуями, глухими, сдерживаемыми и надрывающими рыданіями.

— Господи! — воскликнула Зина, съ отчаяніемъ смотря въ ея лицо:—ты такъ любишь его!

— Молчи, молчи!—проговорила Мери съ усиліемъ и какъ бы съ стыдомъ и ужасомъ поспѣшно закрыла себѣ опять лицо.

Зина съ глубокой жалостью смотрѣла на нее, не зная что̀ ей сказать и чѣмъ утѣшить свою несчастную подругу, которую никогда въ жизни еще не видѣла плачущей.

Но что̀ могла она сказать? чѣмъ могла утѣшить? Она чувствовала себя въ эту минуту такой ничтожной и глупой, что не умѣла никакъ придумать, чѣмъ тутъ можно помочь.

— Меричка,—сказала она робко, готовая, кажется, умереть, лишь только хоть сколько-нибудь облегчить ее: — Меричка, не плачь... это пройдетъ у нихъ... ты увидишь, скоро пройдетъ...

— Молчи, молчи!.. — съ болью крикнула Мери и вдругъ снова рѣзко оттолкнула отъ себя Зину и зарыдала еще сильнѣе.

Господи! — горько думала Зина, съ тоской смотря на рыдающую подругу;—только что ей казалось, что всѣ такъ счастливы кругомъ нея, и вотъ уже Мери несчастна; Елена тоже хоть и не несчастна, но страдаетъ; няня все плачетъ, а у ихъ сосѣдки, на-дняхъ, умеръ маленькій сынъ, такой хорошенькій, славный мальчикъ, и вдругъ умеръ... Зачѣмъ такъ сдѣлано, что люди должны умирать, страдать, болѣть, терпѣть нужду и горе? Развѣ не лучше бы было, еслибы всѣ всегда были счастливы и здоровы?.. И неужели же всѣ, всѣ люди, должны, хоть разъ,

быть несчастны!? О, еслибы она была святая, она молилась бы тысячу лѣтъ и вымолила бы у Бога, чтобы Онъ всѣхъ, всѣхъ, рѣшительно всѣхъ людей сдѣлалъ счастливыми, и чтобы на землѣ не было бы больше ни несчастныхъ, ни больныхъ, ни бѣдныхъ... Но теперь она была не святая, а глупая, жалкая дѣвочка, которая не только не могла бы вымолить всеобщаго счастья для людей, но даже не умѣла утѣшить подругу! И она робко и безпомощно стояла подлѣ нея, уже не пытаясь больше ни утѣшать, ни успокаивать Мери, тѣмъ болѣе, что почти и сама уже не вѣрила своимъ утѣшеніямъ.

Рыданія Мери между тѣмъ становились все тише и тише и, наконецъ, затихли совсѣмъ, но она все еще стояла молча, о чемъ-то глубоко задумавшись, и, приложивъ платокъ къ губамъ, печальными глазами смотрѣла на блестящую, спокойную гладь прелестнаго озера, серебрившагося на солнцѣ. И Зина машинально смотрѣла туда же и не безпокоила ее.

Наконецъ, Мери глубоко о чемъ-то вздохнула, отвернулась отъ окна и сама уже крѣпко обняла и поцѣловала Зину, которая вся вспыхнула, обрадовавшись, что первый сильный порывъ горя и слезъ Мери прошелъ, и что она снова теперь понемногу успокоится.

— Зина,—сказала Мери тихо и какъ-то стыдливо: — не говори со мной объ этомъ никогда!

— Не буду!—воскликнула Зина стремительно:—никогда не буду! Я знаю, знаю,—конфузясь и краснѣя, прибавила она поспѣшно:—какъ это тяжело тебѣ,—никогда не буду!..

Мери грустно улыбнулась ей, и не то благодаря ее, не то прося молча, одной лаской, простить ей недавнюю рѣзкость, съ которой оттолкнула ее въ первую минуту, опять крѣпко и нѣжно поцѣловала ее.

Лицо ея было еще заплакано, но уже спокойно и безстрастно, какъ всегда.

Она тщательно и долго мылась потомъ холодной водой, видимо боясь, чтобы слѣды слезъ не остались и не выдали бы ее. Зина усердно помогала ей, подставляя то воду, то мыло и полотенце.

Наконецъ, слѣды слезъ почти совсѣмъ исчезли съ лица Мери, только глаза ея, чуть-чуть покраснѣвшіе, блестѣли какимъ-то мягкимъ, несвойственнымъ имъ блескомъ. Она причесалась и поправилась еще немного предъ зеркаломъ, а въ это время снизу раздался голосъ горничной, звавшій барышенъ „къ столу“.

Барышни сошли; Зина поблѣднѣла и испугалась, увидѣвъ

вдругъ въ числѣ другихъ и Юрія, пришедшаго обѣдать къ Олениннымъ, какъ всегда то бывало по воскресеньямъ; а Зинѣ почему-то казалось, что никакъ это не можетъ быть сегодня.

Она съ испугомъ взглянула на Мери, но Мери съ спокойной улыбкой подала руку Чемезову и поздоровалась съ Ильей Егоровичемъ, котораго еще не видала.

— Ну, какъ же вы катались?—спросилъ ее Чемезовъ, больше для того, чтобы вообще сказать ей что-нибудь; послѣ того вечера, когда онъ чуть-чуть не сдѣлалъ ей предложеніе, говорить съ нею всегда нѣсколько затрудняло его.

— Отлично,—отвѣтила любезно Мери, улыбаясь ему своей холодной, оффиціальной, ничего не говорящей улыбкой:—Николай Ильичъ предлагалъ намъ потопить насъ, но мы отказались.

— Потопить!—засмѣялся Чемезовъ:—это что-то ужъ очень страшно; вѣроятно, дѣло было уже на берегу?

— Нѣтъ,—сказала Мери, тоже смѣясь:—это было посреди озера; онъ, впрочемъ, предлагалъ только попробовать.

— Прошу садиться, господа!—обратилась Елена Николаевна къ своимъ гостямъ.

Всѣ садились кто гдѣ хотѣлъ; Чемезовъ сѣлъ подлѣ Мери. Онъ самъ не могъ бы отдать себѣ отчетъ, почему вдругъ сдѣлалъ это. Съ того знаменательнаго вечера онъ вообще невольно избѣгалъ оставаться вдвоемъ съ Мери или сидѣть рядомъ съ ней за обѣдомъ. Да кажется, съ тѣхъ поръ ему и не приходилось даже обѣдать вмѣстѣ съ ней; сегодня же, послѣ ихъ встрѣчи на плоту, его какъ будто интересовало въ ней что-то и невольно влекло.

Мери, повидимому, спокойно кушала, спокойно отвѣчала на его вопросы и еще болѣе спокойно выдерживала его взглядъ, говоря съ нимъ. Все въ ней было спокойно той ровною, свѣтскою любезностью, подъ прикрытіемъ которой скрывается полное равнодушіе и къ тому, съ кѣмъ говорятъ, и къ тому, о чемъ говорятъ; врядъ ли бы, глядя теперь на Мери, могло придти кому-нибудь въ голову, какая тяжелая драма только-что разыгралась въ душѣ ея.

„Нѣтъ,—сказалъ себѣ Чемезовъ, нѣсколько разъ пытливо вглядывавшійся въ ея безстрастное, красивое лицо:—въ сущности у нея никогда не было ко мнѣ серьезнаго чувства; если бы было, то такъ скоро не прошло бы. Ну, что-жъ, это и лучше, конечно, слава Богу“.

Но говоря себѣ такъ, онъ вдругъ сталъ какъ-то грустенъ,—словно жаль сдѣлалось ему какой-то тихой, но безсознательно милой мечты, которую не хотѣлось терять.

И Зина тоже исподтишка тревожно слѣдила за ними и изумлялась, какъ это Мери можетъ такъ спокойно ѣсть, говорить и улыбаться съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, изъ-за котораго только-что такъ мучительно рыдала.

„Господи, — думала она,—зачѣмъ она такъ ломаетъ себя, а потомъ, какъ останется опять одна, навѣрное снова будетъ мучиться и плакать; да она и теперь мучается, навѣрное мучается и только нарочно, чтобы не замѣтилъ никто ничего, улыбается и разговариваетъ такъ спокойно! Ахъ, бѣдная, бѣдная!“... И Зина сама такъ волновалась за свою подругу, что не могла ни ѣсть ничего, ни говорить ни о чемъ, и на лицѣ ея было такое смущенное, виноватое и мучительное выраженіе, что Елена Николаевна, не понимавшая, что̀ съ ней, уже нѣсколько разъ тревожно взглядывала на сестру.

VIII.

Подходила ужъ осень, наша ранняя, петербургская осень, въ которой уже съ середины августа начинаютъ упорно литъ дожди, сыпаться листья, и небо изъ прозрачнаго и голубого превращается въ какое-то мутно-сѣрое, мокрое, тяжело нависшее надъ размоченной отъ дождей землею.

— Господи ты, Боже мой!—печально смотря въ окошечко, говорила Пелагея Семеновна:—у насъ-то въ Москвѣ теперь самое что ни на есть распрекрасное лѣто, бабье лѣто, а въ этомъ тошномъ Петербургѣ все не такъ, какъ у добрыхъ людей! Хоть бы въ городъ что-ли ужъ скорѣе переѣзжать—и что за радость на этихъ дачахъ лѣтнихъ жить!

Настасья тоже вполнѣ сочувствовала тому, и ей дача омерзѣла, да и перспектива петербургской жизни вовсе не улыбалась. Она никакъ не могла забыть Москвы и въ душѣ всегда рвалась туда.

— Эхъ, кабы теперь да въ Москвѣ-то матушкѣ хоть недѣльку бы пожить!—говорила она иногда, въ минуты особенной тоски по ней, съ какой-то отчаянной удалью.—Сейчасъ бы это я теперь всѣхъ дружковъ-пріятелей своихъ, кумушекъ и крестничковъ повидала! Поди, плачутъ теперь безъ меня да вспоминаютъ, гдѣ-то тамъ наша Настасья Алексѣевна задѣвалась, какъ-то поживаетъ тамъ, горемычная!

— Ахъ, да не надрывай ты моего сердца, Настя, и то, право, только больше тоску нагоняешь!—съ неудовольствіемъ прерывала ее Пелагея Семеновна, которая и сама не хуже Настеньки со-

скучилась по всѣмъ своимъ многочисленнымъ московскимъ пріятелямъ, которыхъ такъ сильно не хватало ей здѣсь. Вообще въ домѣ Леонтьевыхъ, вопреки обычаю, настало какое-то затишье и уныніе. Даже Милочка скучала изъ-за этихъ несносныхъ дождей, не перестававшихъ лить по цѣлымъ днямъ; она уже не могла показываться такъ часто, какъ прежде, на разныхъ гуляньяхъ, вокзалахъ и музыкахъ, поражая всѣхъ своими туалетами и поклонниками. Да и поклонники-то всѣ куда-то разбѣжались: кто уѣхалъ въ Крымъ, кто за границу, кто на какіе-то глупые маневры; даже Ардальонъ Михайловичъ уѣхалъ въ Нижній на ярмарку, гдѣ у него всегда устроивались большія дѣла. Борисъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ по разнымъ новымъ пріятелямъ; Варя надоѣдала всѣмъ своими безконечными какъ дожди экзерсисами; Ольга домой почти не показывалась и бѣдная Милочка даже одѣваться бросила. Да и зачѣмъ, когда все равно некому было показываться и некого плѣнять! И она по цѣлымъ днямъ апатично валялась по кушеткамъ, неодѣтая, непричесанная, и отъ скуки принялась даже читать разные переводные французскіе романы. Въ довершеніе всего ея дѣвочка схватила гриппъ, которымъ заразила и Сережу, и дѣти тоже хныкали и капризничали и только хуже еще раздражали мамашу.

— Господи! хоть бы ужъ въ городъ что-ли дѣйствительно переѣзжали!—говорила она, зѣвая отъ тоски и рѣшительно не зная, что̀ бы такое дѣлать и чѣмъ бы себя занять, теперь, когда не надо было ни одѣваться, ни гулять, ни кокетничать.

Но въ городъ тѣмъ не менѣе не переѣзжали, хотя всѣ давно уже рвались туда. Чемезовъ имѣлъ обыкновеніе жить на дачѣ очень долго, и Ольга ко всеобщему негодованію и огорченію рѣшила жить тоже очень долго. Когда Милочка объ этомъ узнала, то она такъ разсердилась, какъ это съ ней даже не случалось.

— Ну, это совсѣмъ ужъ ни на что не похоже!—съ негодованіемъ воскликнула она, когда мать сказала ей о томъ.—Да какое намъ дѣло до того, что онъ не желаетъ переѣзжать! Что мы безъ него не можемъ, что-ли, переѣхать! Да онъ тутъ, пожалуй, и на зиму съ волками пожелаетъ оставаться, такъ и мы должны! Ей Богу, мы у него точно въ крѣпостной зависимости какой-то обрѣтаемся! Кажется, вѣдь мы-то въ пріятныхъ съ нимъ отношеніяхъ не состоимъ, а влюблена въ него покамѣстъ вѣдь только Ольга одна; такъ съ какой же стати мы-то всѣ должны такъ глупо подчиняться ему! Ну, хочетъ Ольга, пускай и дуритъ одна, а намъ-то къ чему же! Ей Богу, такихъ дураковъ, какъ мы, поискать еще только!

— Ахъ, Милочка, да вѣдь не одной же ей здѣсь съ нимъ оставаться!—безпомощно только разводя руками, отвѣчала Пелагея Семеновна; она сама не знала, какъ ей быть между этихъ двухъ огней.—Ольга и то было-предлагала: „вы, говоритъ, переѣзжайте, а я пока къ нему переѣду!“ Такъ развѣ я могу на то согласиться, чтобы мнѣ родное дитя на срамъ выставлять; что̀ добрые-то люди скажутъ?

— Ахъ, полноте, пожалуйста! ваши „добрые люди“ и безъ того все равно достаточно ужъ говорятъ! Право, все это такъ глупо и нелѣпо и такъ все мнѣ надоѣло, что въ одинъ прекрасный день возьму да и переѣду одна, а вы тутъ живите съ дворниками да собаками, благо охота есть!

— Вѣдь надо же, Милушка, и ее пожалѣть; ну, въ другое время я бы и сама настояла, а теперь, сама знаешь, какъ она все разстроена: и въ театрѣ-то дѣло не ладится, и съ нимъ-то часто что-то ссориться начали.

— Ахъ, полноте, пожалуйста!—обрывала безжалостно Милочка, вымещая на матери свое неудовольствіе:—не утѣшайте вы себя этимъ вздоромъ; ничуть они не ссорятся, а если даже и ссорятся, то тѣмъ хуже только для васъ, потому что она послѣ каждой ссоры еще больше только влюбляется въ него!

Пелагея Семеновна на это только печально вздыхала и умолкала. Она дѣйствительно отъ каждой новой ссоры Ольги съ Чемезовымъ ожидала желаннаго конца ихъ отношеніямъ. Впрочемъ, Ольга ни ей, ни кому другому изъ своихъ домашнихъ по чувству внутренней гордости никогда не разсказывала объ этихъ ссорахъ, и Пелагея Семеновна съ Настасьей и Милочкой сами, уже по ея лицу и расположенію, угадывали, а Пелагея Семеновна предполагала эти ссоры (именно въ видѣ утѣшенія и надежды себѣ, какъ совершенно вѣрно подмѣтила Милочка) даже и тогда, когда ихъ и не было. Каждый разъ, что у Ольги было лицо хмурое и озабоченное, она съ какимъ-то радостнымъ лукавствомъ тихонько шептала Настасьѣ: „видно, опять поссорились!“—хотя прекрасно знала, что озабоченность Ольги могла происходить и отъ совершенно другихъ причинъ; съ началомъ репетицій у нея почти не прекращались разныя непріятности по театру.

Непріятности эти пока были еще въ сущности мелкія, но она, уже отвыкшая отъ нихъ за послѣдніе годы въ Москвѣ, гдѣ всѣ любили и баловали ее, невольно огорчалась ими сильнѣе, чѣмъ они того, быть можетъ, заслуживали; уже по самому началу ихъ она предвидѣла, что̀ предстоитъ ей въ будущемъ.

До сихъ поръ она являлась на петербургской сценѣ только

изрѣдка, въ „гастроляхъ“, какъ московская знаменитость, за которой всѣ считали долгомъ ухаживать, съ которою любезничало начальство, товарищи у нея заискивали, и вслѣдствіе этого она могла смѣло и рѣшительно, почти не опасаясь отказа, заявлять свои условія и требованія. Теперь же положеніе нѣсколько измѣнилось. Она была уже не гостьей, а просто только одной изъ главныхъ актрисъ петербургской сцены; ее перевели сюда, къ тому же, не по усиленнымъ предложеніямъ здѣшней дирекціи (которая прежде не разъ предлагала ей это и всегда получала отъ нея рѣшительный отказъ), а по своему собственному ходатайству. Не она снизошла, наконецъ, до согласія, а только ей сдѣлали въ сущности любезность, поспѣшивъ исполнить ея внезапный капризъ. Но при этомъ не забыли своихъ прежнихъ просьбъ и ея отказовъ и время отъ времени намекали ей о томъ, ставя на видъ, что когда ея просили, такъ она капризничала и отказывалась, а когда она попросилась, то съ ней совсѣмъ не капризничали и охотно приняли ее, но зато и роли ихъ теперь не тѣ, и права ея нѣсколько уменьшились.

Правда, съ ней всѣ еще были очень любезны, но любезность эта была уже не такая стремительная, какую она встрѣчала здѣсь прежде, когда пріѣзжала на два, на три спектакля.

На словахъ ей говорили, что она своимъ переходомъ осчастливила петербургскую сцену; что теперь на нее одну возлагаются всѣ надежды и ожиданія; что она вновь подниметъ, наконецъ, эту, такъ жалко падающую за послѣднія двадцать лѣтъ, бѣдную сцену, столь блестящую когда-то прежде; что у нея всѣ они станутъ учиться и т. д. Но на дѣлѣ ей ставили препятствія почти во всемъ; изъ десяти предложенныхъ ею пьесъ приняли только три, и то такія, какъ „Марія Стюартъ“, „Гроза“ и „Dame aux camélias“, —все старыя и уже игранныя ею въ прежніе ея пріѣзды сюда.

— Вѣдь мы душой бы рады,—говорили ей, словно утѣшая ее:—и отлично понимаемъ, какъ это подняло бы, наконецъ, нашъ репертуаръ, который такъ давно уже нуждается въ томъ! Но помилуйте, вѣдь вы желаете въ сущности нѣчто почти невозможное! Вы предлагаете все такія пьесы, какъ „Клеопатра“, „Жанна д'Аркъ“, „Ромео и Джульетта“, „Шейлокъ“, „Коварство и Любовь“, „Медея“; но вѣдь, помилуйте, на обстановку каждой подобной пьесы, если ставить ее хорошо, достойно столичной сцены и самой пьесы, потребуется по нѣскольку десятковъ тысячъ! Тутъ никакіе сборы не окупятъ расходовъ, которые мы на нихъ затратимъ; да и наконецъ, и это главное-съ, у насъ подобныя пьесы даже и играть-

то некому! Прямо, актеровъ на нихъ нѣтъ! Одна ласточка, дорогая Ольга Львовна, весны еще не дѣлаетъ!

— Какъ нѣтъ? — изумилась Ольга, прекрасно знавшая, сколько талантливыхъ артистовъ находится въ распоряженіи дирекціи.

— Да такъ, нѣтъ!—спокойно, только какъ бы съ прискорбіемъ разводя руками, повторяли ей.—Наши къ подобному репертуару не привыкли; у насъ всѣ эти пятнадцать лѣтъ шли пьесы совсѣмъ иного рода, и на нихъ уже выработались свои исполнители! А вѣдь тутъ придется не только новыя роли учить, но и прямо такъ-таки переучиваться, какъ ходить, какъ говорить, какъ держаться даже на сценѣ! Вѣдь въ Шекспировскомъ „Отелло", напримѣръ, не станешь такъ расхаживать и разговаривать, какъ это можно въ пьесахъ нынѣшняго репертуара! Тутъ совсѣмъ иного рода требуется и юморъ, и манеры; наши прямо этого не могутъ, да никто изъ нихъ еще и не захочетъ снова всему переучиваться!

— Богъ знаетъ, что̀ вы говорите!—сказала разогорченная Ольга:—да какъ же у насъ-то въ Москвѣ?

— Да у васъ въ Москвѣ совсѣмъ другое дѣло! Въ Москвѣ есть все-таки извѣстная школа и традиціи; въ Москвѣ артисты стремятся поставить свою сцену на уровень лучшихъ европейскихъ театровъ и держатся опять-таки больше именно этого общеевропейскаго репертуара, на которомъ они учатся, развиваютъ таланты и идутъ впередъ, а въ Петербургѣ этого не желаютъ! Да что актеры! и сама публика-то отъ этого ужъ отвыкла; ее на Шекспира-то, пожалуй, еще и не заманишь даже!

— Да вѣдь не можетъ же быть, чтобы у васъ въ Петербургѣ не было людей образованныхъ, понимающихъ искусство, съ развитымъ вкусомъ.

— Да такіе къ намъ, Ольга Львовна, почти и не ходятъ! У насъ въ Александринкѣ своя публика; ей свои авторы и пріятнѣе, и понятнѣе всѣхъ этихъ Шекспировъ и Мольеровъ разныхъ. Надо вѣдь тоже сообразоваться и съ вкусами толпы!

— Господи!—воскликнула съ изумленіемъ Ольга:—да вѣдь не для однихъ же апраксинцевъ вашъ театръ существуетъ! Перемѣните репертуаръ, заставьте работать вашихъ артистовъ и добейтесь, наконецъ, того, чтобы къ вамъ пошла бы та другая часть публики, которая, какъ вы сами говорите, перестала теперь ходить къ вамъ!

— Трудно это теперь уже будетъ; и артистовъ-то сразу не отъучишь отъ прежнихъ замашекъ, да и публику-то не скоро пріучишь теперь! Публика намъ больше ужъ не довѣряетъ; про-

бовали и мы, было, ставить какъ-то эти классическія пьесы—и пусто! Уже на второмъ, на третьемъ спектаклѣ совсѣмъ чуть не при пустомъ театрѣ играть приходится! Наша-то, постоянная, на нихъ не идетъ, а та придетъ, посмотритъ и уходитъ, совсѣмъ, можно сказать, неудовлетворенная. Нѣкоторые такъ прямо и говорятъ даже: „нѣтъ ужъ, играйте лучше своихъ Сидоровыхъ да Карповыхъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, ваши актеры хоть на мѣстѣ, а здѣсь вѣдь на нихъ смотрѣть просто жалко!"

— Ужасно, ужасно!—сказала Ольга, представляя себѣ ту печальную перспективу, которая предстояла ей и ея таланту.— Ну, обратимся, въ такомъ случаѣ, хоть къ Островскому,—предложила она потомъ:—я его очень люблю, и мнѣ всегда онъ очень удавался.

— И Островскій неудобенъ!

— Какъ, и Островскій даже! Островскій-то чѣмъ же неудобенъ?

— Многимъ, и прежде всего опять-таки отъ него отвыкли! Выдохся, знаете, обаяніе новизны уже утрачено! Нынче публика все новенькое любитъ и предпочитаетъ лучше качествомъ похуже, но количествомъ побольше новенькихъ пьесъ! Какъ новую пьесу какую-нибудь даемъ, такъ обязательно всѣ первыя пять-шесть представленій полные сборы беремъ; ну, а самому себѣ кто же врагъ! Мы тоже вѣдь и объ интересахъ казны приставлены печись! А Островскаго мы все больше по праздникамъ да на масляной даемъ. Тогда, дѣйствительно, ничего, смотрится довольно охотно. Да и актеры опять-таки его недолюбливаютъ!

— Да что же, наконецъ, любятъ эти ваши актеры?—рѣзко спросила Ольга, едва сдерживая давно уже закипавшее въ ней негодованіе.

— Любятъ вотъ именно свой репертуаръ: легкую драму и комедію; эти и смотрятся съ удовольствіемъ, и играются легко.

— Ну, еще бы!—замѣтила Ольга съ горькой насмѣшкой:— тутъ ни задумываться, ни работать надъ ролью не надо! Да, пожалуй, даже и играть-то не нужно,—просто, выйди себѣ и говори.

— Вотъ, вы сердитесь, а между тѣмъ они по-своему тоже вѣдь правы! Теперь такое время, что бо́льшаго и не требуется! Нынче публика въ театръ идетъ не наслаждаться, „не лицезрѣть великіе таланты", какъ въ старину говаривали, а просто такъ себѣ поразвлечься немножко, посмѣяться и отдохнуть, а барыни такъ тѣ просто больше для того, чтобы посмотрѣть новые туалеты у актрисъ и свои за-одно, коли есть, показать! Такъ серьезнымъ-то репертуаромъ ее, пожалуй, только хуже отвадишь!

Нынче и легкую-то драму, а не только ужъ трагедію, не долюбливаютъ; помилуйте, говорятъ, что же это такое, и въ жизни драма, и на сценѣ опять драма,—дайте духъ перевести! Да-съ, вотъ вы перемѣните публику и актеровъ, а мы тогда и репертуаръ съ удовольствіемъ перемѣнимъ!

— Перемѣните сначала репертуаръ, а публика и актеры перемѣнятся сами собой! Артисты создаютъ репертуаръ, а не репертуаръ создаетъ артистовъ. Никакіе таланты, какъ бы они сильны и свѣжи ни были, не могутъ развиться и двинуться дальше на этихъ вашихъ тетенькахъ, баловняхъ да фофанахъ разныхъ, которыми вы ихъ въ угоду кому-то пичкаете! Ну, я, пожалуй, понимаю, что перейти сразу отъ фофана и тетеньки къ Шекспиру и Мольеру или Гюго—трудно; но если ужъ и свой родной Островскій оказывается не подъ силу и не въ фаворѣ, то я дѣйствительно послѣ этого, право, ужъ не понимаю, что же это, наконецъ, за актеры, и что̀ же они могутъ, что̀ любятъ!

— Нынѣшній актеръ,—отвѣтили ей,—прежде всего актеръ чисто современный. Онъ чувствуетъ и понимаетъ только обыкновенныхъ людей современной ему эпохи и тутъ уже чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ и иногда доходитъ въ изображеніи этихъ подобныхъ ему людей даже до нѣкоторой художественной виртуозности въ своемъ родѣ. Но ни историческіе, ни даже какіе-нибудь современные, но очень сильные, выдающіеся и исключительные характеры ему просто не по плечу, какъ говоритъ поговорка. Онъ въ нихъ невольно теряется и не попадаетъ даже въ тонъ. Его уже прежде всего стѣсняетъ непривычный ему костюмъ. Нынѣшній актеръ, за самымъ малымъ исключеніемъ, прямо не умѣетъ носить ни костюма, ни тулупа—онъ можетъ играть только въ...

— „Въ спинжакѣ“, какъ говоритъ кто-то!—съ злымъ смѣхомъ подсказала Ольга.

— Да, вотъ именно въ пиджакѣ или во фракѣ, въ сюртукѣ, въ халатѣ, словомъ, во всемъ томъ, что̀ онъ и въ жизни привыкъ носить. Тутъ его ничто не связываетъ, ничто не мѣшаетъ, а въ костюмѣ какого-нибудь Донъ-Карлоса или Ромео,—да помилуйте, у него и руки, и ноги будутъ связаны, всѣ жесты неестественны, онъ прямо вѣрнаго тона взять не съумѣетъ!

— Хорошъ актеръ, который даже костюма носить не умѣетъ! Да вѣдь для подобныхъ актеровъ въ такомъ случаѣ надо, значитъ, имѣть прямо своихъ спеціальныхъ авторовъ, которые, какъ сапожники по колодкѣ, будутъ выкраивать для нихъ „спеціальныя роли“.

— Мы такъ и дѣлаемъ.

— Съ чѣмъ васъ и вашихъ актеровъ и поздравляю! Значитъ, у васъ авторъ, начиная пьесу, не идеей какой-нибудь задается, не характеры, не типы создаетъ, а прямо строчитъ роль для г-жи такой-то и г-на такого-то, а потомъ скрѣпляетъ все на живую руку бѣлыми нитками—и художественное произведеніе готово?

— Да, въ этомъ нѣсколько родѣ.

— И творецъ доволенъ, и исполнители въ восторгѣ, и даже публика удовлетворена! Прекрасно!

— Что же дѣлать, Ольга Львовна, такія ужъ времена!—сказали ей съ снисходительной усмѣшкой, разводя руками.

— Ахъ, полноте, пожалуйста, всегда и всѣ и все привыкли сваливать почему-то на времена. Отчего же въ Москвѣ можно, а здѣсь нельзя? При чемъ тутъ времена! Всегда, когда кто-нибудь чего-нибудь не хочетъ, всегда ссылаются на всякія постороннія, не существующія въ сущности невозможности!

Ей было такъ противно и горько, и больно все это, что хотѣлось бросить все и летѣть снова въ свою милую, потерянную уже для нея, Москву, отъ которой добровольно бѣжала. Сознаніе собственнаго безсилія и безвластія надъ самой собой возмущало и терзало ее тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше сознавала она, что никуда не уйдетъ, ничего не броситъ и долго, цѣлые годы, если не всю даже жизнь, ей придется бороться съ самой собой и мучиться между этихъ двухъ сжигающихъ ее съ одинаковою силой огней.

— Чтò дѣлать, чтò дѣлать!—отвѣтили ей съ какой-то странной улыбочкой:—мы не въ Москвѣ, надо сообразоваться съ Петербургомъ.

Ольга отлично поняла, что ей только любезно приводятъ пословицу: „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ".

Все это раздражало и мучило ее, а между тѣмъ она не могла не сознавать, что и они по своему все-таки правы. Конечно, они всѣ не пожелаютъ передѣлываться для нея одной и ждутъ вполнѣ естественно, что она одна должна скорѣе передѣлаться для нихъ всѣхъ. Сила и власть теперь на ихъ сторонѣ; еслибы она перешла сюда тогда, когда ее такъ просили объ этомъ, она могла бы предъявлять свои условія и требовать, чтобы ихъ исполняли. Но теперь она сама превратилась въ просительницу и потеряла тѣмъ свое независимое положеніе. Кажется, ни талантъ ея отъ того не уменьшился, ни интересъ къ ней публики не ослабѣлъ, а между тѣмъ акціи

ея все-таки понизились, и ей ясно давали то чувствовать. Въ сущности вѣдь ей говорили: „тутъ распоряжаемся мы, а не вы, и мы будемъ уже приказывать, а вы должны только (потому что сами того захотѣли) повиноваться намъ“. Но Ольгу трудно было побороть сразу; она твердо рѣшила не поддаваться. Какъ бы тамъ ни было и что̀ бы они ни говорили, а за ней все-таки есть не малыя права и заслуги, и она ихъ дешево не отдастъ.

Мар. Крестовская.

ЕЙ.

) естествен-
его на от-
, присущія
и психиче-
ювія жизни,
на то, что
ь считаться
енть людей
ліонъ живу-
ь и свыше

ги окруженъ
піяній, какъ
, какъ имъ
и,—что до-
омъ самыхъ
еніе условій
сть прожить
ной оцѣнки
овій на про-

должительность жизни людей вообще и средняго человѣка въ частности.

Изъ того, что одна страна представляетъ на милліонъ жителей большее число столѣтнихъ старцевъ, или изъ того, что въ бѣдномъ или даже нищенствующемъ классѣ встрѣчается больше вѣковыхъ старцевъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы данная страна со всѣми своими природными и соціальными условіями, или бѣдственныя экономическія условія жизни непремѣнно благопріятствовали долговѣчности человѣческой жизни вообще.

Мы уже видѣли, что въ долговѣчности человѣка громадную роль играютъ расовыя отличія различныхъ народовъ и въ особенности законъ наслѣдственности, т.-е. два фактора, которые, вопреки всѣмъ остальнымъ неблагопріятнымъ для большинства людей условіямъ жизни, могутъ давать все же бо́льшій процентъ вѣковыхъ старцевъ, чѣмъ это наблюдается, напр., у другихъ народовъ, стоящихъ даже въ болѣе благопріятныхъ для всѣхъ условіяхъ существованія.

Изъ того, что лишенія, свойственныя бѣдности и нищетѣ и невольно обязывающія на крайнюю умѣренность въ жизни, ведутъ къ сохраненію у нѣкоторыхъ лицъ долговѣчной жизни, столь рѣдкой въ классѣ достаточномъ, вовсе не слѣдуетъ, конечно, чтобы сами по себѣ лишенія, голодъ, холодъ благопріятствовали вообще продолжительности жизни бѣдныхъ и нищенствующихъ классовъ. Изъ преобладанія столѣтнихъ старцевъ въ бѣдномъ классѣ, на которое особенно указываютъ новѣйшія статистическія данныя, слѣдуетъ только то, что въ условіяхъ существованія бѣдныхъ классовъ есть нѣчто—и это нѣчто составляютъ вынужденная умѣренность, отсутствіе излишествъ, мѐньшая изнѣженность,—все это благопріятствуетъ нѣкоторымъ привилегированнымъ отъ природы лицамъ достиженію столѣтняго возраста. Но о томъ, какъ вліяютъ всѣ остальные неблагопріятные спутники бѣдности на жизнь цѣлыхъ массъ населенія, на срокъ жизни большинства бѣдняковъ, мы, конечно, не въ состояніи составить себѣ представленія только по числу находимыхъ между ними вѣковыхъ старцевъ; для этого требуются массовыя наблюденія надъ продолжительностью жизни всѣхъ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ бѣднаго класса, въ отличіе отъ другихъ, болѣе обезпеченныхъ классовъ общества.

Итакъ, только массовыя наблюденія надъ продолжительностью жизни одновременно живущихъ лицъ цѣлаго народа или отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ его, группъ, могутъ дать точное представленіе о вліяніи тѣхъ или другихъ природныхъ или

общественныхъ условій на человѣческую жизнь. Вѣковые же старцы, эти рѣдкіе образцы долговѣчности, которыми мы заняты были до сихъ поръ, имѣли для насъ болѣе естественно-историческій, біологическій интересъ, такъ какъ въ нихъ мы имѣли мѣру естественной предѣльности человѣческой жизни, ускользнувшей, по счастливому стеченію обстоятельствъ, отъ цѣлой массы вредныхъ разрушительныхъ вліяній. Въ жизни цѣлаго народа такія рѣдкія верхушки долговѣчности имѣютъ значеніе лишь частныхъ случаевъ или исключеній, которыми, конечно, нельзя измѣрять степень вредности или полезности условій, окружающихъ цѣлыя человѣческія массы.

Эти случаи крайней долговѣчности человѣка имѣли для насъ ту поучительную сторону, что анализами ихъ мы выяснили въ вопросѣ о продолжительности человѣческой жизни значеніе расовыхъ отличій, наслѣдственности, пола, физическаго и психическаго склада человѣка, образа жизни человѣка и нѣкоторыхъ внѣшнихъ природныхъ условій климата, почвы и т. д. Но всѣ эти факторы, опредѣляющіе естественную предѣльность человѣческой жизни, протекающей при сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, стираются передъ всемогуществомъ цѣлаго ряда другихъ, быть можетъ, и менѣе видныхъ, но зато болѣе многочисленныхъ и осаждающихъ со всѣхъ сторонъ человѣка обстоятельствъ, данныхъ условіями среды, въ которой ему суждено жить.

Говоря о продолжительности жизни человѣка, мы имѣли въ виду до сихъ поръ людей, проходящихъ свой жизненный путь безъ нужды, безъ болѣзней, подрывающихъ преждевременно ихъ жизнь—и оканчивающихъ ее въ преклонномъ возрастѣ, вслѣдствіе естественныхъ старческихъ измѣненій тѣла и органовъ. Мы уже видѣли, что жизнь лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ протекаетъ этимъ путемъ; большинству же приходится гибнуть преждевременно въ борьбѣ съ тѣми разрушительными вліяніями, какъ природными, такъ и соціальными, которыми обставлена жизнь человѣка въ различныхъ государствахъ.

Число столѣтнихъ старцевъ въ странѣ этихъ великановъ долговѣчности вовсе не можетъ поэтому служить показателемъ долговѣчности большинства остального населенія, т.-е. того возраста, до котораго обыкновенно доживаетъ большинство изъ остальныхъ членовъ общества; столѣтніе старцы являются лишь идеалами долговѣчности, къ которымъ должны стремиться остальные члены общества; что же касается жизни большинства населенія, то она со стороны своей продолжительности находится въ

зависимости отъ безчисленной массы какъ природныхъ, такъ и соціальныхъ условій и болѣзнетворныхъ вліяній, дѣйствующихъ болѣе или менѣе разрушительно на человѣческій организмъ и сильно сокращающихъ продолжительность его жизни.

Только по продолжительности жизни всей суммы лицъ, входящихъ въ составъ общества или отдѣльныхъ группъ его, лучше всего можно судить о вредномъ или благотворномъ вліяніи тѣхъ или другихъ природныхъ или общественныхъ вліяній на человѣческій организмъ. Чѣмъ выше будетъ число, выражающее совокупность всѣхъ жизней одновременно живущихъ людей въ данномъ народѣ или въ данномъ обществѣ, тѣмъ благопріятнѣе должны быть и условія существованія—и наоборотъ.

Эта сторона дѣла представляетъ, конечно, несравненно болѣе важный общественный интересъ, нежели статистика тѣхъ рѣдкихъ столѣтнихъ старцевъ, которые въ видѣ рѣдкихъ оазисовъ встрѣчаются въ различныхъ классахъ общества и при самыхъ повидимому разнообразныхъ условіяхъ. Каждый народъ, каждое государство представляетъ въ сущности отдѣльный сложный организмъ, различныя функціи котораго должны быть направлены какъ къ поддержанію его цѣлости, такъ и къ дальнѣйшему его развитію. Активными факторами этихъ функцій являются отдѣльные человѣческіе организмы, и чѣмъ болѣе обезпечиваются общимъ строемъ жизни нормальныя условія существованія отдѣльныхъ дѣйствующихъ единицъ, тѣмъ крѣпче и устойчивѣе будетъ и все сложное зданіе общественнаго организма. Съ этой цѣлью отдѣльныя, входящія въ составъ послѣдняго, единицы должны обладать извѣстными физическими и психическими свойствами, извѣстной продолжительностью жизни, опредѣленной степенью плодовитости и т. д.

Но свойства эти представляютъ весьма колеблющіяся величины, зависящія отъ цѣлой массы разнообразныхъ вліяній какъ самой природы и общественнаго строя на человѣка, такъ и послѣдняго, какъ разумно-нравственнаго существа, на окружающую его среду. Въ этомъ взаимодѣйствіи различныхъ факторовъ, дѣйствующихъ въ общественномъ организмѣ, несмотря на ихъ кажущееся непостоянство и произвольность, наблюдается все же извѣстная правильность и закономѣрность, благодаря которой возможно изслѣдованіе причинной связи явленій.

Все, что̀ совершается въ обществѣ во всей его совокупности, т.-е. его строеніе, складъ и всѣ жизненныя отправленія, все это составляетъ предметъ демографіи, посвященной изученію человѣческихъ массъ. Главнымъ же орудіемъ изслѣдованія служитъ

статистика. Статистическій методъ есть методъ численный, употребляемый нерѣдко не только въ наблюдательныхъ, но и въ опытныхъ наукахъ. Имъ опредѣляется повторяемость того или другого сложнаго общественнаго явленія при опредѣленныхъ условіяхъ существованія и, слѣдовательно, правильность или закономѣрность его теченія въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ факторовъ общественной жизни. И эта связь явленій, стоящихъ другъ къ другу въ отношеніи причины къ дѣйствію, укрѣпляется и устанавливается еще болѣе при помощи метода сопутствующихъ измѣненій, основывающагося на томъ, что съ количественнымъ увеличеніемъ причины должно увеличиваться и дѣйствіе. Числовымъ выраженіемъ этой зависимости еще болѣе укрѣпляется убѣжденіе въ томъ, что данное явленіе представляетъ причину другого.

Въ числѣ причинъ, дѣйствующихъ въ общественномъ организмѣ, слѣдуетъ различать такія, которыя носятъ характеръ постоянный, и другія—болѣе случайный, колеблющійся. Поэтому и въ явленіяхъ должны сказываться типическія дѣйствія и случайныя индивидуальныя колебанія, затемняющія на видъ правильность и закономѣрность явленій общественной жизни. Статистическій пріемъ примѣненія большихъ чиселъ къ изученію того или другого явленія общественной жизни имѣетъ то драгоцѣнное свойство, что, обнимая собою большое число однородныхъ случаевъ, онъ по необходимости выключаетъ эффекты случайныхъ колеблющихся причинъ, дѣйствующихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, взаимно нейтрализирующихся, и такимъ образомъ въ осадкѣ остается типическое среднее дѣйствіе, указывающее на равнодѣйствующую иногда цѣлаго ряда общественныхъ вліяній.

Благодаря этому, демографія могла, пользуясь статистикой, установить правильность и закономѣрность въ области не только матеріальныхъ явленій, протекающихъ въ людскихъ массахъ, но и въ области ихъ интеллектуальной и моральной жизни.

Такъ, ею уже выяснена закономѣрность не только въ явленіяхъ смертности, рожденій, и т. д., въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ природныхъ и гражданскихъ условій, но и въ явленіяхъ, носящихъ характеръ большого произвола, каковы, напр., браки, убійства, самоубійства, различныя преступленія, напр. воровства, и даже закономѣрность съ виду совсѣмъ какъ бы случайнаго явленія—это числа писемъ, на которыхъ не выставлено адресовъ. Оказывается, что всѣ эти явленія съ количественной стороны подчиняются извѣстной правильности, повторяющейся изъ года въ годъ, а уклоненія имѣютъ свои опредѣленныя причины.

Сводя, такимъ образомъ, мало-по-малу, явленія общественной жизни къ опредѣленной правильности и закономѣрности, демографія при помощи статистики и приводитъ къ тому общему заключенію, что и дѣйствія человѣческія порождаются предшествующими явленіями, существующими въ человѣческомъ духѣ или во внѣшней природѣ, и въ гражданскихъ условіяхъ существованія человѣческихъ массъ. И если человѣческія дѣйствія опредѣляются извѣстными условіями существованія, то уже тѣмъ болѣе и всѣ физическія и физіологическія явленія, полемъ которыхъ служатъ человѣческіе организмы, должны протекать съ извѣстной правильностью при опредѣленныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ существованія.

На демографіи и лежитъ прямая обязанность опредѣленія причинной связи явленій, протекающихъ въ сложномъ общественномъ организмѣ. Первыя научныя основы демографіи были положены извѣстнымъ Кетлé, который въ своей „Physique Sociale" доказалъ, что демографія есть въ сущности физіологія общественнаго организма.

Благодаря точнымъ способамъ собиранія данныхъ, свода ихъ и выводовъ, основанныхъ на математическомъ анализѣ и теоріи вѣроятностей, которыхъ придерживается статистика послѣднихъ 2-хъ десятилѣтій, демографія, можно сказать, обратилась уже въ настоящую науку, о которой уже нельзя говорить, что ею можно доказывать все, чтò угодно. Конечно, это бываетъ такъ, если не придерживаться точныхъ методовъ изслѣдованія и уклоняться отъ правильныхъ требованій ея. Демографія и орудіе ея—статистика—имѣютъ въ настоящее время полныя основанія на довѣріе къ ней общества какъ къ наукѣ, отъ успѣховъ которой зависитъ открытіе причинъ разнообразныхъ явленій общественной жизни, столь близко связанныхъ съ благосостояніемъ общества, съ самыми животрепещущими вопросами жизни.

Успѣхи этой науки находятся, однако, въ тѣсной зависимости отъ членовъ самого общества, отъ правдивости отвѣтовъ частныхъ лицъ, даваемыхъ на запросы статистики; отъ отвѣтовъ этихъ будетъ зависѣть вѣрность статистическихъ выводовъ, столь близко касающихся какъ общественной, такъ и частной жизни лицъ, входящихъ въ составъ общества. Каждое укрывательство какой-либо заразной болѣзни въ сéмьѣ, своего гражданскаго состоянія, каждое невѣрное показаніе возраста, профессій и т. д., все это вноситъ ошибки въ статистическія таблицы, а слѣдовательно, и въ выводы изъ нихъ, которые только въ случаѣ ихъ вѣрности могли бы оказать намъ услуги, указывая на источники,

причиняющіе намъ вредъ, сокращающіе нашу жизнь, и безъ того въ сущности не длинную, а слѣдовательно, и на средства, которыми слѣдуетъ бороться со зломъ. Статистика есть числовой формулярный списокъ, числовой curriculum vitae цѣлаго общественнаго организма, безъ существованія котораго немыслимо его благоденствіе и дальнѣйшее развитіе.

Изъ нижеслѣдующаго изложенія мы увидимъ, какъ могутъ быть драгоцѣнны не только для жизни общественной, но и частной, многія указанія статистики.

Такъ какъ статистика есть численное выраженіе всѣхъ явленій, протекающихъ въ человѣческихъ массахъ, то понятно, что она обхватываетъ всѣ стороны людской жизни. Намъ же, согласно съ предметомъ нашего труда, слѣдуетъ обратиться къ изученію матеріала, даваемаго статистикой касательно средней продолжительности человѣческой жизни въ различныхъ странахъ и при различныхъ условіяхъ.

Спрашивается: что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ средней продолжительностью жизни? Для полученія дѣйствительной средней продолжительности жизни слѣдуетъ узнать, сколько въ среднемъ лѣтъ каждый изъ 1.000, положимъ, родившихся одновременно дѣтей выживаетъ вплоть до своей смерти. Для этого слѣдуетъ подобрать, положимъ, 1.000 родившихся въ одинъ и тотъ же день дѣтей и прослѣдить ихъ вымираніе годъ за годомъ по скорбнымъ листкамъ, вплоть до смерти послѣдняго. Сумму пережитыхъ всѣми этими субъектами лѣтъ слѣдуетъ равномѣрно распредѣлить на все число первоначально взятыхъ дѣтей, т.-е. раздѣлить на все число ихъ (взять среднюю ариѳметическую); полученное число и будетъ выражать среднюю продолжительность жизни, т.-е. число лѣтъ, которое каждый бы прожилъ, еслибы жизнь была равномѣрно распредѣлена между всѣми. Положимъ, сумма лѣтъ, прожитыхъ 1.000 одновременно родившимися субъектами, была бы равна 30.000 годамъ, слѣдовательно, средняя жизнь была бы равна $\frac{30.000}{1.000} = 30$ годамъ. Этимъ самымъ составилась бы таблица вымиранія этихъ 1.000 субъектовъ, т.-е. какое количество ихъ вымираетъ изъ году въ годъ и какое переживаетъ вплоть до смерти послѣдняго.

Способъ этотъ, какъ длительный и требующій цѣлаго ряда лѣтъ для выполненія, иногда ожиданія въ цѣлый вѣкъ (пока умретъ послѣдній изъ тысячи), рѣдко употребляется,—по понятной причинѣ. Кромѣ того, числа средней продолжительности жизни, получаемыя этимъ путемъ, по необходимости относятся къ поколѣнію далеко отстоящему отъ настоящаго, и поэтому представ-

ляютъ болѣе историческій интересъ. Но методъ этотъ можно съ успѣхомъ замѣнить другимъ, близко стоящимъ къ нему, и въ которомъ, зная величину выживанія, даваемую лицами различнаго возраста въ извѣстный періодъ времени, легко вычислить и среднюю продолжительность жизни.

Таблица выживанія составляется такъ: берется опредѣленное число новорожденныхъ, напр. 1 милліонъ, и опредѣляется какъ онъ убываетъ послѣдовательно изъ года въ годъ путемъ вымиранія.

Для каждаго возраста, начиная съ рожденія, опредѣляется отдѣльными наблюденіями опасность смерти, соотвѣтствующая данному возрасту и выводимая изъ отношенія числа смертей въ годъ къ опредѣленному числу живыхъ этого возраста. Это отношеніе всегда выражается дробью,—напр., для перваго года жизни 0,1891. Эта опасность, помноженная на милліонъ новорожденныхъ, даетъ уже 189,100. Это число, на которое убываютъ они численно, будучи вычтено изъ первоначальнаго, даетъ къ началу второго года жизни всего въ живыхъ изъ милліона—810,900. Зная опасность смерти въ теченіе второго года жизни, на основаніи того же принципа легко высчитать, сколько останется живыхъ дѣтей къ началу третьяго года, и т. д. Такимъ образомъ, составляется таблица, въ которой противу чиселъ, выражающихъ возрастъ отъ 0—1, отъ 1 до 2, и т. д., выставляются числа переживающихъ изъ первоначальнаго милліона людей, и такъ вплоть до изсяканія этого милліона. Если теперь перемножить число выживающихъ на число прожитыхъ каждымъ изъ людей лѣтъ, стоящее противъ каждаго изъ нихъ, и сложимъ всѣ эти произведенія вмѣстѣ, то получимъ все число лѣтъ, прожитыхъ первоначально взятымъ милліономъ лицъ; распредѣляя всѣ эти года равномѣрно на милліонъ лицъ, т.-е. раздѣляя на милліонъ, мы получимъ среднюю продолжительность жизни.

Легко вычислить среднюю продолжительность жизни, зная возрастный составъ живого населенія въ извѣстное время по точной переписи. Допустимъ, что намъ извѣстно количество населенія одно-двухъ-трехъ-лѣтняго и т. д. возраста, вплоть до преклонныхъ старцевъ. Перемножая числа населенія различныхъ возрастовъ на число прожитыхъ каждымъ изъ нихъ лѣтъ и сложивъ всѣ эти произведенія, мы получимъ общую сумму лѣтъ, выпадающую на долю всего населенія; дѣля ее на число всѣхъ жителей, мы получимъ среднюю жизнь.

Чаще всего средняя жизнь населенія опредѣлялась на основаніи таблицъ смертности. Складываютъ вмѣстѣ числа лѣтъ, про-

житыхъ каждымъ умершимъ въ извѣстный годъ (или ихъ возрастъ при смерти) и дѣлятъ эту сумму на число умершихъ или смертныхъ случаевъ. Частное и выражаетъ приблизительно среднюю продолжительность жизни для выбывшаго населенія, т.-е. число лѣтъ, которое бы прожилъ каждый, если бы жизнь была равномѣрно распредѣлена по всѣмъ. Такъ, если бы сумма лѣтъ, прожитыхъ 1.000 умершими, была равна 28.000 годамъ, то средняя жизнь была бы равна $\frac{28.000}{1.000} = 28$ годамъ. Но это—приблизительное вычисленіе, такъ какъ обыкновенно статистическія указанія о возрастахъ даются по періодамъ 5-лѣтней продолжительности.

Средняя жизнь вычисляется также путемъ подраздѣленія опредѣленной группы живого населенія на число всѣхъ померших въ данный годъ изъ той же группы. Если изъ 1.000 живыхъ умираетъ ежегодно 25, то средняя жизнь равна 40 годамъ. Т.-е. эти люди, вмѣстѣ взятые, жили бы всего 40.000 лѣтъ и на каждаго изъ нихъ въ среднемъ выпало бы 40 лѣтъ.

Часто прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему: принимаютъ среднее число между числомъ рожденій и смертей въ извѣстномъ населеніи за выраженіе средней жизни, такъ какъ послѣдняя лежитъ между ними. Такъ, напр., въ Саксоніи 1 рожденіе приходится на 24,82—а смертей 1 на 34,12 жителя. Среднее изъ обоихъ чиселъ $\frac{24.82 + 34.12}{2} = 29,47$.

Такимъ образомъ было вычислено, что средняя продолжительность жизни была въ 50-хъ годахъ, исключая мертворожденныхъ: въ Пруссіи равна 31,10 годамъ; въ Австріи—28,19; въ Англіи—36,92; въ Норвегіи—43,64; въ Швеціи—40,66; во Франціи—40,34.

Эти поразительныя различія объясняются, конечно, неодинаковостью факторовъ, изъ которыхъ складывается средняя жизнь въ различныхъ странахъ, а именно: различіемъ въ рождаемости и смертности дѣтей, разнымъ отношеніемъ дѣтскаго населенія къ взрослому и т. д.

Понятно, что средняя жизнь есть представленіе фиктивное, а не реальное; величина ея неодинакова, зависитъ отъ способа ея вычисленія и стоитъ всегда въ обратномъ отношеніи къ смертности населенія. Чѣмъ выше послѣдняя, тѣмъ ниже средняя жизнь—и наоборотъ, чѣмъ ниже смертность, тѣмъ выше должна быть средняя жизнь. Такъ какъ усиленная смертность, однако, служитъ всегда выраженіемъ существованія какихъ-нибудь вредныхъ общественныхъ вліяній и болѣзней, то средняя жизнь, бывающая всегда обратной смертности, можетъ служить удобнымъ

показателемъ или благосостоянія народонаселенія, или, наоборотъ, крайне неудовлетворительныхъ условій его существованія. Первому случаю соотвѣтствуетъ высокая средняя жизнь, второму же—низкая средняя жизнь.

Таблицы смертности даютъ возможность опредѣлять не только среднюю продолжительность жизни, но еще и другія данныя крайней важности, а именно, вѣроятность жизни или смерти для каждаго возраста или года жизни, т.-е. въ сущности безопасность жизни. Для этого только нужно знать по скорбнымъ листкамъ число смертныхъ случаевъ по различнымъ возрастамъ и возрастный составъ населенія. Такъ, если изъ 1.000 родившихся въ теченіе перваго года умираетъ 200, то вѣроятность смерти равна для каждаго въ теченіе перваго года $\frac{200}{1.000} = \frac{1}{5}$, тогда какъ вообще вѣроятность жизни $\frac{800}{1.000} = \frac{4}{5}$. Вѣроятность жизни и есть безопасность жизни—и въ таблицахъ смертности выставляется, изъ сколькихъ живыхъ въ извѣстномъ возрастѣ умираетъ одинъ въ слѣдующемъ году жизни. Такъ, въ нашемъ случаѣ изъ 1.000 новорожденныхъ въ теченіе перваго года умираетъ 200; слѣдовательно, $\frac{1.000}{200} = \frac{5}{1}$ т.-е. 1 умираетъ изъ 5.

Наконецъ, изъ той же таблицы вычисляется и вѣроятная продолжительность жизни для каждаго года жизни, т.-е. число лѣтъ, для прожитія или непрожитія которыхъ имѣется равная вѣроятность, т.-е. возрастъ, до наступленіи котораго вымираетъ ровно половина лицъ извѣстной возрастной группы.

Примѣръ: положимъ, что изъ 1.800 родившихся въ томъ же году черезъ 20 лѣтъ остались лишь 900, т.-е. половина, то вѣроятная продолжительность жизни для новорожденныхъ этой группы будетъ равна 20 годамъ.

Итакъ, изъ 1.000 живущихъ любой возрастной группы каждый имѣетъ вѣроятность прожить столько лѣтъ, сколько нужно для вымиранія половины всѣхъ ихъ, т.-е. 500 человѣкъ; если, слѣдовательно, изъ 1.000 помираетъ ежегодно 20 человѣкъ, то для вымиранія 500 потребуется 25 лѣтъ. Это число и составляетъ вѣроятную продолжительность жизни для данной возрастной группы. Вѣроятность жизни, высчитанная такимъ образомъ, конечно, бываетъ различна для группъ различныхъ возрастовъ, такъ какъ смертность сильнѣе въ первые годы жизни, чѣмъ впослѣдствіи, и сильнѣе въ старости, нежели въ взросломъ возрастѣ.

Таблицы, въ которыхъ сопоставлены нѣкоторыя или всѣ эти численныя выраженія, опредѣляющія безопасность и вѣроятную продолжительность жизни въ различныхъ возрастахъ, носятъ на-

званіе таблицъ смертности и имѣютъ важное практическое значеніе какъ въ санитарномъ, такъ и въ житейскомъ отношеніи, ложась въ основу организаціи обществъ страхованія жизни, эмеритальныхъ, вдовьихъ и другихъ кассъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что всѣ явленія, касающіяся продолжительности жизни,—а именно средняя жизнь, безопасность жизни и вѣроятная продолжительность жизни въ различныхъ возрастахъ — находятся въ ближайшей связи съ смертностью всего населенія и различныхъ возрастныхъ группъ его, и чѣмъ ниже будетъ смертность, тѣмъ выше будутъ и средняя, и вѣроятная продолжительность жизни, а равнымъ образомъ и то, что̀ разумѣется подъ безопасностью жизни. Слѣдовательно, изученіе вопроса о средней жизни сводится въ корнѣ къ изученію смертности населенія и разнообразнѣйшихъ условій, вліяющихъ на нее. Такъ какъ, однако, изученіе смертности неразрывно связано съ составомъ населенія по полу его, по возрастамъ и по племенамъ, то мы и должны прежде всего остановиться на вопросахъ этого рода.

Что касается состава по полу, то прежде всего бросается въ глаза то, что въ большинствѣ европейскихъ государствъ число женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, если брать такія значительныя группы населенія, какія даны цѣлыми государствами. И это тѣмъ болѣе поразительно, что родится мужчинъ вездѣ почти больше, чѣмъ женщинъ. По переписи въ Европѣ въ началѣ XIX-го столѣтія и вплоть до 80-хъ годовъ этотъ фактъ всегда подтверждался. По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ оказывается, напр., что на 1.000 женщинъ приходится среднимъ числомъ: во Франціи—996 мужчинъ, въ Германіи—962, въ Австріи—967, въ Норвегіи—954, въ Англіи—955, въ Россіи—973. Такимъ образомъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ женщины превышаютъ по численности мужчинъ, начиная отъ 0,7 до 9,5%, и этотъ перевѣсъ, какъ показали переписи, не остается постояннымъ, а колеблется въ довольно широкихъ предѣлахъ.

Въ 1870 году въ Европейской Россіи считалось на 35.465.345 мужчинъ 36.265.635 женщинъ. Слѣдовательно, имѣлось на 800.290 женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Прежде полагали, что это преобладаніе женщинъ вообще обусловливается пертурбаціонными причинами—войнами, эмиграціями и т. д., уносящими изъ страны больше мужчинъ, нежели женщинъ. Однако длинная серія наблюденій въ теченіе цѣлаго столѣтія показала, что соотношеніе численности половъ представляетъ большую устойчивость, какъ для большинства странъ съ преобладающимъ женскимъ, такъ и для тѣхъ немногихъ, въ которыхъ преобладаютъ мужчины. Войны,

голодъ, эпидемія—только временно нарушаютъ установившіяся соотношенія между числомъ мужчинъ и женщинъ и, конечно, въ ущербъ мужчинъ, но за тѣмъ наступаетъ компенсація, благодаря которой возстановляются прежде бывшія соотношенія. Этотъ законъ компенсаціи происходитъ путемъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ причинъ, а именно: чѣмъ болѣе начинаютъ преобладать женщины, тѣмъ болѣе получается мужскихъ рожденій, и чѣмъ меньше мужчинъ въ населеніи, тѣмъ смертность ихъ бываетъ слабѣе. Этотъ выводъ сдѣланъ Эттингеномъ на основаніи статистическихъ данныхъ одной Франціи.

Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что въ основѣ такого преобладанія женскаго населенія надъ мужскимъ лежатъ глубокія біологическія причины меньшей жизнеупорности мужского организма и большей—женскаго, благодаря которымъ женщины обыкновенно переживаютъ мужчинъ. И въ самомъ дѣлѣ, статистическія данныя безспорно указываютъ на бо́льшую смертность мужского населенія сравнительно съ женскимъ, и не даромъ природа обставила дѣло такъ, что мальчиковъ рождается всегда больше, чѣмъ дѣвочекъ. Въ виду большого вымиранія мужчинъ на жизненномъ пути необходимо было, чтобы мальчиковъ рождалось больше, чѣмъ дѣвочекъ, для пополненія усиленной убыли мужчинъ впослѣдствіи. Несмотря на это, все же перевѣсъ въ рожденіи мальчиковъ не настолько великъ, чтобы вполнѣ компенсировать усиленную убыль мужчинъ, а отсюда и вытекаетъ преобладаніе женскаго населенія въ большинствѣ европейскихъ странъ.

О томъ, насколько сильно стремленіе природы къ поддержанію извѣстнаго соотношенія между численностью мужского и женскаго населенія, видно, между прочимъ, изъ того, что послѣ народныхъ бѣдствій—войнъ, эпидемій, голода и т. д., уносящихъ массу мужскихъ жизней и нарушающихъ нормальныя соотношенія между числомъ мужчинъ и женщинъ, усиленно начинаютъ рождаться мальчики, какъ бы съ цѣлью покрыть усиленную передъ тѣмъ убыль мужского населенія. Это явленіе, замѣченное послѣ большихъ войнъ этого столѣтія, принято называть реставраціей мужчинъ,—и оно представляетъ глубокій біологическій интересъ, въ качествѣ примѣра приспособленія организма къ опредѣленнымъ требованіямъ, обезпечивающимъ сохраненіе рода. Съ этой же точки зрѣнія понятно и преобладаніе въ большинствѣ случаевъ женскаго населенія, такъ какъ, съ той же біологической точки зрѣнія, сохраненіе рода обезпечивается несравненно вѣрнѣе преобладаніемъ женскаго, нежели мужского населенія. Естественныя причины этого преобладанія кроются, какъ намъ ка-

жется, въ томъ принципѣ, съ которымъ мы уже встрѣчались раньше, и которымъ опредѣляется и бо́льшая продолжительность жизни женщинъ.

Тѣмъ не менѣе есть страны, въ которыхъ замѣчено преобладаніе мужского населенія надъ женскимъ. Такъ, на 1.000 женщинъ приходится: въ Греціи 1.003 мужчины, въ Италіи—1.006, въ Сербіи—1.045, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—1.035, въ Канадѣ—1.025, въ Австраліи—1.185. Что касается послѣднихъ трехъ странъ, то дѣло объясняется просто эмиграціями мужского населенія изъ Европы, увеличивающими процентное содержаніе въ нихъ мужского населенія.

Относительно же Греціи, Италіи и Сербіи, строго говоря, нельзя ясно опредѣлить причины ихъ уклоненія отъ общаго закона перевѣса женскаго населенія надъ мужскимъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы. Очевидно, что во внѣшнихъ условіяхъ существованія, или въ условіяхъ самого быта заключаются причины, или перевѣшивающія природную наклонность женскаго организма къ переживанію мужчинъ, или обусловливающія большее количество мужскихъ рожденій. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и кроется вѣроятнѣе всего причина преобладанія мужского населенія надъ женскимъ въ нѣкоторыхъ изъ европейскихъ государствъ. Такъ обыкновенно въ большинствѣ государствъ Европы на 105,5 мальчиковъ рождается 100 дѣвочекъ. Въ Сербіи же и Греціи пропорція рождающихся мальчиковъ особенно высока и способна не только компенсировать усиленную смертность мужчинъ, сравнительно съ женщинами, но и обусловливать нѣкоторый численный перевѣсъ первыхъ надъ вторыми.

Въ этомъ рожденіи мальчиковъ можетъ играть роль и сила наслѣдственности, такъ какъ извѣстны, напр., семейства, въ которыхъ рождаются или исключительно мальчики, или исключительно дѣвочки, и такъ изъ рода въ родъ. Кромѣ того, кажется весьма вѣроятнымъ, что въ извѣстномъ возрастѣ родителей въ первыхъ рожденіяхъ преобладаютъ всегда мальчики, въ послѣдующихъ же дѣвочки. Интересна въ этомъ отношеніи аналогія между животными и человѣкомъ. Такъ Аристотель указалъ, что и у голубей первыя положенныя яйца даютъ самцовъ-голубей, слѣдующія же—голубицъ. Кромѣ того, Бюффонъ показалъ, что у различныхъ видовъ животныхъ замѣчается преобладаніе самцовъ надъ самками, и это преобладаніе тѣмъ сильнѣе сказывается, чѣмъ смѣшаннѣе виды. Обыкновенно же и въ животномъ царствѣ преобладаютъ, повидимому, самки, судя по тому, что въ коллекціяхъ, посылаемыхъ натуралистами въ музеи, обыкновенно гораздо больше

самокъ, нежели самцовъ (Бюффонъ). Мы видимъ, такимъ образомъ, что преобладаніе женскаго взрослаго населенія надъ мужскимъ, выясненное статистикой, является фактомъ не единичнымъ, исключительно присущимъ человѣческому роду, но, вѣроятно, и всему животному царству, и эта аналогія распространяется даже и на детали этого явленія, т.-е. на то, что и тамъ, и тутъ рождается больше индивидовъ мужского рода; что въ первыхъ рожденіяхъ преобладаютъ мужскіе индивиды, которые, вымирая больше, чѣмъ женскіе, уступаютъ потому по численности мѣсто вторымъ. Обратимся теперь къ возрастному составу населенія.

Для этого прежде всего подраздѣлимъ возрасты на періоды, придавъ имъ опредѣленныя названія. Отъ 0 до 15 лѣтъ и свыше 70 лѣтъ возрасты называются непроизводительными; отъ 15 до 20 лѣтъ и отъ 60 до 70 лѣтъ—полупроизводительными, а отъ 20 до 60 лѣтъ—производительными, разумѣя подъ этимъ возрастъ, во время котораго люди производятъ работу, полезную для общества.

Въ Россіи на 46% производительнаго населенія—14% полупроизводительнаго и около 40% непроизводительнаго, тогда какъ въ западной Европѣ на 50% производительнаго—14% второго и только 36% непроизводительнаго. Большой процентъ дѣтскаго населенія и малый—рабочаго, въ связи съ малымъ же процентомъ старческаго населенія, обусловливаются у насъ болѣе быстрымъ вымираніемъ людей по мѣрѣ теченія лѣтъ. Въ то время, какъ въ западной Европѣ къ 60-му году жизни изъ 100 лицъ отъ 0—5-лѣтняго возраста остается еще 30 человѣкъ, у насъ ихъ остается всего 21 человѣкъ, а къ концу жизни, начиная съ 80 лѣтъ, возрастныя группы западно-европейскаго населенія вдвое и втрое многочисленнѣе, чѣмъ у насъ. Особенно быстро это вымираніе идетъ не только между 25-мъ и 60-мъ годомъ жизни, но въ особенности въ младенческомъ возрастѣ; такъ, изъ 1.000 живорожденныхъ до пяти-лѣтняго возраста умираетъ у насъ 423 человѣка, тогда какъ въ Норвегіи, напримѣръ, всего 179. Итакъ, Россія занимаетъ первое мѣсто по величинѣ смертности своихъ младенцевъ. Терять изъ 1.000 лишнихъ 244 младенца сравнительно съ Норвегіей—дѣло дѣйствительно серьезное и наводитъ на грустныя размышленія.

Какъ же не уменьшаться быстро возрастнымъ группамъ при такой страшной смертности, если въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ вымираетъ почти половина новорожденныхъ дѣтей!

Эти указанія, касающіяся Россіи, относятся къ 1867 — 1878 годамъ. Несмотря, однако, на такое страшное вымираніе,

нѣтъ другой страны въ Европѣ, въ которой наростаніе населенія шло бы такъ быстро, какъ у насъ въ Россіи.

Такой сильный ростъ населенія никакъ нельзя объяснить только расширеніемъ русскихъ владѣній; онъ обусловливается сильной плодовитостью русскаго народа, выражающейся высокой цифрой рожденій. И въ самомъ дѣлѣ, статистическія данныя совершенно подтверждаютъ это предположеніе. Процентъ рожденій въ Россіи равенъ 5%, тогда какъ въ Пруссіи онъ равенъ 4,03, во Франціи—всего 2,58; на одинъ бракъ приходится въ Россіи въ среднемъ 5 рожденій, въ Пруссіи—4,03, во Франціи —3,1, въ Англіи—4,3 и т. д.

Изъ представленныхъ данныхъ съ очевидностью вытекаетъ, что усиленная плодовитость, а слѣдовательно, и рождаемость есть тотъ факторъ, который съ излишкомъ компенсируетъ убыль русскаго населенія, вслѣдствіе его страшнаго вымиранія, и компенсируетъ ее съ такимъ успѣхомъ, что ставитъ Россію во главѣ всѣхъ европейскихъ государствъ въ дѣлѣ прироста населенія.

И въ самомъ дѣлѣ, основываясь на коэффиціентѣ годичнаго прироста населенія и допуская, что онъ будетъ оставаться приблизительно таковымъ же и въ теченіе послѣдующаго ряда лѣтъ, легко вычислить періоды удвоенія населенія, хотя въ сущности такое вычисленіе не имѣетъ особеннаго практическаго значенія и не ведетъ къ точному предсказанію наростанія населенія въ будущемъ, такъ какъ коэффиціентъ прироста представляетъ довольно рѣзкія колебанія изъ года въ годъ, и въ особенности въ годы народныхъ бѣдствій—войнъ, голодовокъ, эпидемій и т. д.

Для вычисленія примѣрнаго періода удвоенія населенія слѣдуетъ только раздѣлить цифру населенія даннаго года на средній годичный естественный приростъ населенія (даваемый разницей между количествомъ рожденій и смертей).

Принимая въ разсчетъ данныя, приведенныя въ таблицахъ Бодіо, касательно прироста населенія въ различныхъ странахъ, мы увидимъ, что удвоеніе населенія во Франціи можетъ совершиться чрезъ 236 лѣтъ, въ Италіи чрезъ 202 года, въ Австріи чрезъ 135 лѣтъ, въ Пруссіи чрезъ 98 лѣтъ; въ Россіи же при естественномъ приростѣ населенія въ среднемъ на 1,5% въ годъ удвоеніе наступаетъ чрезъ 65—66 лѣтъ.

Мы не можемъ не остановиться здѣсь на одномъ соображеніи, которое невольно представляется уму, а именно, разбирая естественную продолжительность индивидуальной жизни человѣка, мы пришли къ тому существенному заключенію, что *долговѣчность индивидуальная* находится въ связи съ *высокими воспро-*

изводительными силами организма; эти черты организаціи являлись вообще удѣломъ столѣтнихъ старцевъ. Неудивительно поэтому, что народъ наиболѣе плодовитый, какъ русскій, и содержитъ, какъ мы это видѣли раньше, несмотря на всѣ условія, благопріятствующія его вымиранію, наибольшее относительно число столѣтнихъ старцевъ среди всѣхъ остальныхъ государствъ Европы.

Ознакомившись съ составомъ населенія по поламъ и возрастамъ и съ условіями, опредѣляющими ихъ, обратимся къ прямому изученію вопроса о *смертности*, въ зависимости отъ которой и стоитъ уровень *средней и вѣроятной* жизни людей, входящихъ въ составъ того или другого народа.

Подъ смертностью разумѣютъ отношеніе годового числа смертныхъ случаевъ въ данномъ населеніи къ количеству всего этого населенія. Это будетъ общая смертность; частная же смертность относится лишь къ извѣстнымъ группамъ населенія, располагаемымъ по возрасту, полу, гражданскому состоянію, занятіямъ и т. д. Причемъ и тутъ опредѣляется число смертей, приходящихся въ годъ на все число живущихъ данной взятой группы людей. Такъ опредѣляется смертность дѣтская, старческая, мужская, женская и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ опредѣляютъ, сколько смертныхъ случаевъ приходится на 1.000 лицъ даннаго населенія или данной группы.

Займемся сначала общей сравнительной смертностью населенія въ европейскихъ государствахъ и у насъ.

Изъ сравнительныхъ данныхъ, относящихся къ 1885 году и представленныхъ д-ромъ Эккомъ, легко видѣть, что Россія по смертности своего населенія занимаетъ послѣ Венгріи первое мѣсто въ Европѣ, такъ какъ общая смертность въ Россіи выражается 35 смертями на 1.000 въ годъ. Такимъ образомъ изъ каждой тысячи населенія смерть уноситъ въ Россіи 10-ю человѣками болѣе, чѣмъ въ Германіи, 15-ю больше, чѣмъ во Франціи, 16-ю больше, чѣмъ въ Англіи и почти 20-ю больше, чѣмъ въ Норвегіи. И это въ то время, какъ русскій народъ уже пользуется заслуженной репутаціей наибольшей живучести и жизнестойкости!

Очевидно, что не въ природной слабости русскаго населенія кроются причины высокой его смертности, а во внѣшнихъ природныхъ или соціальныхъ и анти-санитарныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ его существованія, порождающихъ массу болѣзней, лишеній и всякаго рода бѣдствій, преждевременно сокращающихъ жизнь. Изслѣдованіе д-ра Экка показало, что эта усиленная

смертность въ Россіи не обусловливается только высокой рождаемостью населенія, такъ какъ смертность въ Россіи во всѣхъ возрастахъ выше, наприм., чѣмъ въ Англіи, и показанія расходятся только по отношенію къ возрастамъ старше 65 лѣтъ.

Спрашивается теперь: одинакова ли смертность между мужчинами и женщинами? Изъ вышеуказаннаго положенія о большей живучести женщинъ сравнительно съ мужчинами мы уже a priori могли бы предсказать, что общая смертность ихъ должна быть меньше, нежели у мужчинъ. И это положеніе дѣйствительно подтверждается соотвѣтствующими статистическими данными. Изъ матеріаловъ, собранныхъ проф. Янсономъ, съ отчетливостью видимъ, во-первыхъ, что смертность женская ниже мужской, и это безъ исключенія наблюдается почти во всѣхъ странахъ Европы; такъ, смертность мужская выражается въ Россіи, по Янсону, 38,4, а женская—36,2 на 100. Въ Пруссіи мужская—28,5, женская—25,5; во Франціи мужская—23,0, а женская—21,8; въ Англіи мужская—23,4, а женская—21,0 и т. д.

Смертность, разсматриваемая по возрастамъ, представляетъ вездѣ и всегда одно и то же явленіе: отъ извѣстнаго возраста (около 15-лѣтняго) она возрастаетъ въ обѣ стороны, достигая наибольшей величины въ дѣтскомъ и старческомъ возрастахъ. Графическое изображеніе смертности въ различные годы жизни представляетъ кривую линію, оба конца которой загнуты болѣе или менѣе сильно кверху.

Самая сильная смертность приходится на первые возрасты отъ 0 до 1 года или отъ 1 до 5 лѣтъ. И въ этихъ-то именно группахъ смертность представляетъ наибольшія различія при сравненіи однихъ государствъ съ другими. Затѣмъ она понижается до 10—15 лѣтъ и съ 30 лѣтъ ростетъ все болѣе и болѣе до самаго конца жизни.

Въ возрастѣ до 1 года вездѣ смертность мужчины сильнѣе смертности женщинъ на 10,7 — 22,8%. Затѣмъ она иногда остается сильнѣе во все продолженіе жизни, иногда же въ нѣкоторыхъ возрастныхъ группахъ перевѣшиваетъ смертность женщины. Отсюда понятно, какъ сильно вліяетъ на общій коэффиціентъ смертности возрастной составъ населенія и степень смертности въ разныхъ возрастахъ.

Наибольшее вліяніе на смертность общую и въ особенности на относительную смертность мужчины оказываетъ смертность въ дѣтскомъ возрастѣ отъ 0 до 5 лѣтъ, во-первыхъ, потому, что смертность этой возрастной группы бываетъ гораздо выше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ, и во-вторыхъ, отъ численности этой группы

зависитъ число доживающихъ до того возраста, гдѣ смертность бываетъ наименьшая, т.-е. между 10—20 годами. Поэтому дѣтская смертность представляетъ особый интересъ, и такъ какъ нѣжный дѣтскій организмъ всего болѣе чувствителенъ ко всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ климата, питанія, занятій, нравовъ, обычаевъ, бѣдности и т. д., среди которыхъ живетъ человѣкъ, то дѣтская смертность и можетъ служить лучшимъ показателемъ благосостоянія всего населенія.

Уже изъ вышеуказанныхъ данныхъ легко можно видѣть, какъ преобладаетъ дѣтская смертность въ Россіи, въ сравненіи съ европейскими государствами, за исключеніемъ развѣ одной только Австріи, включающей въ себѣ Венгрію, эту убійственную для дѣтскаго возраста страну. До 1 года жизни изъ 1.000 живорожденныхъ у насъ помираетъ 260, въ то время какъ въ Англіи всего 140,—слѣдовательно, 120 дѣтьми болѣе. Изъ таблицы вымиранія 1.000 живорожденныхъ въ разныхъ государствахъ Европы мы знаемъ, напр., что въ то время какъ Англія, Норвегія теряютъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ 249 и 179 дѣтей, Россія теряетъ ихъ 422,9. Число по истинѣ колоссальное, и это не зависитъ отъ усиленной рождаемости, а отъ многихъ неблагопріятныхъ природныхъ или соціальныхъ условій существованія, какъ это несомнѣнно доказано статистиками. Всего этого достаточно, чтобы имѣть право сказать, что Россія занимаетъ (кромѣ Австріи) между европейскими государствами первое мѣсто по смертности своихъ дѣтей; въ Англіи дѣтская смертность вплоть до 1 года жизни меньше, чѣмъ въ Россіи, на 86%, во Франціи на 59%, въ Пруссіи на 52%, въ Италіи на 43% и даже въ Испаніи на 34%.

Но эта дѣтская смертность, подобно всѣмъ другимъ соціальнымъ явленіямъ, конечно, распредѣлена неодинаково по различнымъ частямъ Европейской Россіи. Укажемъ только на то, что общая смертность среди не-православнаго населенія Россіи меньше, чѣмъ у православнаго: у магометанъ она равна 29,1, у евреевъ 23,1; она слабѣе и у протестантовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта сравнительно слабая смертность зависитъ отъ меньшей дѣтской смертности, въ особенности среди еврейскаго населенія, живущаго даже при самой негигіенической обстановкѣ. Эта же особенность еврейскаго населенія замѣчена также и по отношенію къ христіанамъ западной Европы, чтò объясняется одними —умѣреннымъ образомъ жизни евреевъ, другими—отвращеніемъ къ тяжелымъ работамъ, большею степенью благосостоянія и, наконецъ, расовыми особенностями семитовъ.

Полагаемъ, что послѣднее вѣроятнѣе всего. И съ этимъ вполнѣ согласуются наблюденія проф. Боткина о большей жизнестойкости и выносливости евреевъ въ дѣлѣ борьбы съ болѣзнями вообще и въ частности съ такимъ бичомъ, напримѣръ, какъ чахотка. Вѣроятно этимъ объясняется и болѣе высокая средняя жизнь евреевъ сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ во Франкфуртѣ, указанная Нёфвиллемъ; такъ, у евреевъ она равна 48 годамъ 9 мѣсяцамъ, а у христіанъ—всего 36 годамъ 11 мѣсяцамъ.

Причины страшной дѣтской смертности у насъ въ Россіи слѣдуетъ искать несомнѣнно въ неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, въ невѣжествѣ народныхъ массъ, въ ихъ бѣдности, не позволяющей имѣть обстановку, обезпечивающую жизнь дѣтей, хорошее жилье, одежду и питаніе и т. д.

Между тѣмъ выростить новорожденнаго ребенка—дѣло не шуточное. Изъ таблицъ выживанія намъ извѣстно, что для новорожденнаго ребенка вѣроятность наступленія смерти въ теченіе перваго года жизни приблизительно та же, что и для старца 80 лѣтъ, съ тою только разницею, что для старца съ теченіемъ времени эта вѣроятность смерти все болѣе и болѣе увеличивается, тогда какъ для младенца она съ часу на часъ падаетъ и шансы на жизнь увеличиваются.

Изъ изслѣдованій Берга оказывается, что опасность перваго дня жизни превосходитъ всѣ остальные. Смертность въ первую недѣлю *вдвое* больше, нежели во вторую, и затѣмъ постепенно падаетъ. На второмъ мѣсяцѣ жизни смертность втрое меньше, нежели въ первомъ, и уже на шестомъ мѣсяцѣ она въ 7 разъ меньше, нежели на первомъ и т. д.

Чтобы иллюстрировать всю хрупкость жизни появляющихся на свѣтъ младенцевъ и зависимость ихъ хотя бы отъ способа питанія, укажемъ на слѣдующіе въ высшей степени поучительные результаты относительно зависимости смертности грудныхъ младенцевъ отъ способа ихъ питанія; они наблюдались докторомъ Бергомъ въ Берлинѣ въ 1885 году.

Изъ 1.000 новорожденныхъ въ теченіе перваго мѣсяца при кормленіи грудью умираетъ 20 младенцевъ, при кормленіи коровьимъ молокомъ—108, а при искусственномъ кормленіи различными суррогатами молока—229.

Легко понять послѣ этого, какъ сильно должны повышать дѣтскую смертность анормальныя условія существованія, связанныя обыкновенно съ недостаточностью населенія, каковы: дурное, недостаточное питаніе, спертыя жилища и скученность въ нихъ населенія, недостатокъ одежды, мало ограждающей отъ

непогодъ, и т. д. И въ самомъ дѣлѣ, дѣтская смертность неравномѣрно распредѣлена между недостаточнымъ и достаточнымъ классами населенія, будучи несравненно выше у первыхъ, нежели у вторыхъ. Статистическія данныя нѣкоторыхъ городовъ Германіи, напр. Лейпцига, вполнѣ подтверждаютъ это положеніе. Смертность вообще бѣднѣйшаго населенія была въ 1871 году болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе смертности богатаго; въ 1872 году на 66% болѣе, а смертность дѣтей между бѣдными была сильнѣе, чѣмъ у богатыхъ, въ 1871 г., на 91%, а въ 1872 г.—на 90%. И такъ почти вездѣ, что̀ и весьма понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Высокая дѣтская смертность и обусловливаетъ, главнымъ образомъ, высокую общую смертность всего русскаго населенія сравнительно со всѣми остальными государствами Европы, и слѣдовательно, она представляетъ бытовое явленіе высокой важности, представляющее одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей соціальной жизни, куда прежде всего должны быть направлены усилія всего общества, въ видахъ пониженія общей смертности всего русскаго населенія и повышенія его средней жизни.

Нигдѣ дѣти до 5-лѣтняго возраста не вымираютъ такъ, какъ у насъ. Къ этому сроку мы теряемъ безъ малаго половину всѣхъ новорожденныхъ, тогда какъ другія государства Европы теряютъ всего лишь отъ $^1/_3$ до $^1/_5$.

Въ дальнѣйшихъ возрастахъ жизни, начиная отъ 5 лѣтъ, если смерть и похищаетъ у насъ больше индивидовъ изъ 1.000, чѣмъ въ западной Европѣ, то эти разницы уже далеко не такъ велики и сводятся, максимумъ, на̀ 5 человѣкъ на 1.000 не въ нашу пользу.

Высокая дѣтская смертность въ Россіи и есть факторъ, обусловливающій, главнымъ образомъ, высокую цифру общей смертности населенія сравнительно съ европейскими странами; поэтому усилія къ пониженію ея являются вопросомъ первой государственной важности.

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствуютъ на смертность различныя гражданскія состоянія, и прежде всего, какова смертность въ холостомъ, брачномъ и вдовьемъ состояніи. По этому вопросу мы имѣемъ совершенно согласныя указанія и точный статистическій матеріалъ по отношенію къ тремъ государствамъ—это Франція, Бельгія и Голландія. Изъ собранныхъ данныхъ несомнѣнно вытекаетъ, что холостяки, начиная съ 20—25-лѣтняго возраста, во всѣхъ дальнѣйшихъ возрастахъ жизни представляютъ бо̀льшую

смертность, чѣмъ люди женатые того же возраста, а вдовцы даютъ бо̀льшую смертность, чѣмъ холостяки того же возраста.

Слѣдовательно, располагая эти гражданскія состоянія въ порядкѣ убывающей для мужчины безопасности жизни, мы будемъ имѣть: брачное состояніе, какъ наиболѣе выгодное, за нимъ идетъ холостое и самое невыгодное, это—вдовствующее состояніе.

Разведенные мужья представляютъ въ случаѣ ихъ одинокаго житья ту же высокую смертность, какъ и вдовцы.

Ранніе же браки мужчинъ въ 15—20 лѣтъ значительно усиливаютъ ихъ смертность; во всѣхъ трехъ странахъ смертность холостыхъ мужчинъ въ этомъ возрастѣ гораздо ниже смертности женатыхъ (на 86%—46%, 47%), тогда какъ смертность вдовцовъ въ этомъ раннемъ возрастѣ представляетъ громадный перевѣсъ надъ смертностью женатыхъ и холостыхъ.

Что касается женскаго населенія, то зависимость смертности отъ гражданскаго состоянія рѣзко измѣняется въ теченіе всего періода дѣторожденія. А именно, смертность замужнихъ женщинъ сильнѣе въ теченіе этого періода смертности незамужнихъ; но съ 30 лѣтъ во Франціи, съ 45 лѣтъ въ Бельгіи и Голландіи, смертность замужнихъ женщинъ становится ниже смертности незамужнихъ, хотя перевѣсъ смертности незамужнихъ надъ замужними бываетъ несравненно меньше, чѣмъ это наблюдается между холостыми и женатыми мужчинами. Зато ранніе браки между 15—20 годами оказываются для женщинъ весьма неблагопріятными, сильно повышая ихъ смертность. Смертность же вдовъ слѣдуетъ тому же закону, что и вдовцовъ; она всегда превосходитъ смертность замужнихъ женщинъ и даже дѣвушекъ.

Такіе результаты, полученные для трехъ странъ, могутъ быть и для всѣхъ странъ, безъ всякаго сомнѣнія, возведены въ общій законъ, выражающій зависимость смертности отъ брачнаго, холостого или вдовствующаго состоянія, но, къ сожалѣнію, въ другихъ странахъ недостаетъ подходящихъ статистическихъ данныхъ для провѣрки этого положенія. Итакъ, жизнь въ бракѣ, начиная съ 20-лѣтняго возраста, представляетъ болѣе благопріятныя условія для поддержанія жизни, даетъ бо̀льшую безопасность жизни, чѣмъ жизнь внѣ брака. Въ чемъ же причины этого явленія?

Существуетъ рядъ попытокъ къ объясненію этого положенія, хотя при всемъ томъ вопросъ этотъ едва ли можетъ считаться выясненнымъ. Можно было бы думать, что въ бракъ обыкновенно вступаютъ особи болѣе жизнестойкія,—и видѣть въ бракѣ осуществленіе подбора; но противъ этого безусловно говоритъ то, что

эти же особи, будучи разведены или овдовѣвъ, попадаютъ въ категорію людей съ повышенной смертностью, слѣдовательно, не жизнеупорныхъ. Во-вторыхъ, полагали, что въ бракъ вступаютъ лица болѣе обезпеченныя и, слѣдовательно, съ бо̀льшимъ комфортомъ жизни; но и это едва ли выдерживаетъ критику, такъ какъ кому же не извѣстно, что въ массѣ бѣднаго рабочаго населенія семейная жизнь, связанная съ наплывомъ дѣтей, въ большинствѣ случаевъ ухудшаетъ матеріальную обстановку и ведетъ нерѣдко къ большей нуждѣ и лишеніямъ, нежели въ холостомъ состояніи.

Оставалось, наконецъ, предположить, что самая жизнь въ бракѣ создаетъ такую обстановку, при которой уменьшается смертность. Но это было сказано черезъ-чуръ неопредѣленно; Бертильонъ, въ статьѣ, вышедшей не такъ давно, сводитъ благопріятное вліяніе брачной жизни на обусловливаемую ею правильность и регулярность жизни, неусыпно и взаимно контролируемой ревнивымъ окомъ брачныхъ паръ.

Мысль эта, конечно, естественна, если вспомнить, какъ благотворно вліяетъ умѣренная, регулярная жизнь на продолжительность жизни, устраняя излишній расходъ силъ организма. Но надобно думать, что этимъ не исчерпываются благопріятныя условія брачной жизни. Причины должны лежать еще глубже въ физіологическихъ условіяхъ самого организма, и на это предположеніе наводитъ насъ слѣдующее извѣстное наблюденіе надъ кроликами. Если посадить на голоданіе самцовъ-кроликовъ такъ, чтобы одинъ сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, другой же съ самкой, то послѣдній еще продолжаетъ жить въ то время, какъ другой, безъ самки, уже оказывается погибшимъ отъ голода. Всегда самцы, сидящіе съ самками, при голоданіи переживаютъ тѣхъ, которые сидятъ въ одиночку.

Въ чемъ тутъ дѣло, трудно пока сказать; очевидно только, что вопросъ не въ одной только внѣшней обстановкѣ, а и во внутреннихъ біологическихъ условіяхъ, доставляемыхъ сожительствомъ брачныхъ паръ и обезпечивающихъ имъ бо̀льшую жизнестойкость. Вопросъ этотъ по своему особому интересу заслуживаетъ тщательной разработки.

Что касается смертности горожанъ и поселянъ, т.-е. обитателей городовъ и деревень, то матеріалы, относящіеся къ этому вопросу, приводятъ къ слѣдующему заключенію: смертность городского населенія въ западной Европѣ обыкновенно выше смертности сельскаго; но смертность городовъ не всегда находится въ прямомъ отношеніи къ величинѣ городовъ, такъ какъ Лон-

донъ и Парижъ, напримѣръ, при всемъ громадномъ скопленіи населенія представляютъ мѣньшую смертность, чѣмъ многіе города съ гораздо мѣньшимъ населеніемъ.

Такъ, въ то время, какъ Прага съ населеніемъ въ 160.000 жителей имѣетъ смертность 42,6 на 1.000, а Неаполь съ 451.000 представляетъ смертность въ 43 на 1.000, Парижъ давалъ всего въ 1874 году 21,5 на 1.000, также какъ и Лондонъ (въ 1872 г.).

Очевидно, что тутъ дѣло не въ скученіи и скопленіи народа, какъ въ условіи, опредѣляющемъ высокую смертность,—а въ недостаточности санитарнаго состоянія, дающей просторъ всевозможнаго рода болѣзнямъ, уносящимъ массу лишнихъ жертвъ.

Д-ръ Фарръ справедливо замѣчаетъ, что смертность болѣе 17 на 1.000 есть такой коэффиціентъ, который не зависитъ отъ природы человѣка и долженъ быть приписанъ причинамъ случайнымъ, противъ которыхъ можно бороться и которыя могутъ быть побѣждены средствами правильной народной гигіены.

Это замѣчаніе Фарра должно быть, однако, исправлено въ томъ отношеніи, что нисшій предѣлъ смертности въ 17 на 1.000, далѣе котораго людямъ будто бы приходится помирать въ силу природной необходимости, еще далеко не вѣренъ, такъ какъ мы уже теперь имѣемъ въ Норвегіи смертность въ 16 на 1.000; слѣдовательно, разумной гигіеной и благопріятными условіями существованія уже теперь удалось вырывать изъ рукъ смерти однимъ человѣкомъ болѣе съ 1.000, чѣмъ это полагалъ возможнымъ д-ръ Фарръ, и потому ничего не будетъ удивительнаго въ томъ, что дальнѣйшимъ развитіемъ общественной жизни будетъ подготовлена такая эра существованія человѣческихъ обществъ, когда они будутъ уступать смерти всего лишь десять человѣкъ съ 1.000 въ годъ, и тогда каждая тысяча людей будетъ уже вымирать въ среднемъ чрезъ 100 лѣтъ. Средняя жизнь въ такой тысячѣ совпадетъ тогда съ естественнымъ предѣломъ жизни человѣка въ 100 лѣтъ,—но тогда будетъ, можно сказать, достигнутъ идеалъ того общественнаго и экономическаго строя, который наиболѣе всего гарантируетъ продолжительность жизни отдѣльныхъ лицъ.

Конечно, это только мечта, долженствующая однако служить намъ стимуломъ къ дальнѣйшимъ заботамъ объ улучшеніи условій общественной жизни.

Ив. Тархановъ.

НИЧТОЖНЫЯ ПРИЧИНЫ

РАЗСКАЗЪ.

Мы жили въ Силламягахъ, въ этомъ уютномъ мѣстечкѣ на берегу Балтійскаго моря, гдѣ сѣверная природа соединила въ одно цѣлое всѣ лучшія красы свои, чтобы заманить къ себѣ на лѣтнее время случайнаго гостя, дачнаго жителя.

Кто ищетъ живительнаго воздуха, открытаго горизонта, безбрежнаго моря, тѣнистыхъ прогулокъ, прекрасныхъ картинъ природы — то спокойныхъ, то бурныхъ; кто цѣнитъ капризную нестройность холмистой мѣстности; кто можетъ восхищаться безоблачной лазурью прозрачнаго неба и его свинцовыми тучами, свирѣпой грозой, разражающейся надъ темной бездной водъ—тотъ пусть ѣдетъ взглянуть на Силламяги. Но свѣтскій человѣкъ, для котораго непремѣннымъ условіемъ дачной жизни должна быть роскошная обстановка, затѣйливый павильонъ съ оркестромъ музыки, модные изящные туалеты дамъ, пикники, рауты,—тотъ пусть не утруждаетъ себя напрасной поѣздкой. Гористый берегъ, на которомъ въ тѣни лѣсовъ тамъ и сямъ разбросаны домишки изъ бревенъ, съ покривившимися балкончиками, покажется ему жалкимъ, бѣднымъ, дикимъ. А простенькіе наряды барышенъ, незнакомыхъ со всѣми тонкостями моды, вѣроятно, вызовутъ улыбку сожалѣнія.

Зато художникъ не напрасно постранствуетъ по закоулкамъ „Чухонской Швейцаріи". Поэтъ набросаетъ нѣсколько лирическихъ пѣсенъ. Писатель, быть можетъ, украситъ произведеніе своей фантазіи граціозной рамкой. Ученый забудетъ свои фоліанты и свободно вдохнетъ въ усталую грудь струю свѣжаго воздуха. Человѣкъ промышленный съ чувствомъ облегченія прислушается

къ плеску волнъ и съ радостью посидитъ сложа руки на песчаномъ берегу, отдыхая отъ вѣчнаго шума и пыльной духоты мануфактуры. А просто усталый отъ однообразнаго труда или жизненной борьбы человѣкъ найдетъ отрадное успокоеніе въ общемъ покоѣ тихаго вечера, упитаннаго ароматомъ морской свѣжести.

Среди простой обстановки и люди дѣлаются проще, доступнѣе. Семейства не чуждаются другъ друга и какъ-то сами собой знакомятся, встрѣчаясь каждый день на прогулкахъ, въ ваннѣ, на берегу моря. Устроиваются общія катанья, танцы. Раздается звонкій смѣхъ юности; подъ открытымъ небомъ иногда слышатся звуки вальса, и молодежь танцуетъ и веселится на площадкѣ горы надъ моремъ, съ которой во всѣ стороны разстилается величавый видъ дальнихъ береговъ съ ихъ утесами, выступами, мысами и изгибами. Танцуютъ преимущественно подъ вечеръ; импровизированные балы обыкновенно кончаются съ послѣдними лучами сперва золотого, потомъ огненнаго солнца.

Былъ чудный день. Мы собрались на площадкѣ, носящей громкое названіе: „Belle-vue". Маленькій оркестръ воодушевленно игралъ кадриль. Молодежь танцовала на самомъ неудобномъ паркетѣ—на довольно песчаномъ грунтѣ. Мы, старшіе, сидѣли на скамейкахъ и вели между собой мирныя бесѣды, добродушно подшучивая надъ нашими ревностными танцорами и разгорѣвшимися танцорками. Я смотрѣла на своихъ молоденькихъ племянницъ, на ихъ беззаботныя лица, на ихъ блестящіе глазки, и моя собственная молодость невольно припоминалась мнѣ. Вся моя жизнь, и странная, и полная случайностей, проходила картинами въ моей памяти. Мало-по-малу неотвязный вопросъ сталъ все назойливѣе и назойливѣе вертѣться у меня въ головѣ. Я спрашивала себя: неужели въ жизни всѣхъ людей, какъ и въ моей собственной, малыя, ничтожныя причины влекутъ за собой важныя, часто даже скорбныя, послѣдствія? Неужели и на долю моихъ молоденькихъ родственницъ выпадетъ та же роковая необходимость ломать и коверкать свой внутренній міръ изъ-за какого-нибудь ничтожнѣйшаго вздора? Эта, много разъ повторявшаяся на моихъ глазахъ, несоразмѣрность ничтожества причинъ съ важностью послѣдствій всегда очень смущала меня, и я много раздумывала о тѣхъ бѣдахъ и несчастіяхъ, которыя, какъ морская гидра, быстро разростаются на тощей почвѣ ничтожнѣйшихъ причинъ.

Неопредѣленно блуждая, глаза мои упали на дальнюю скамейку. На ней сидѣлъ незнакомый мнѣ господинъ. Я мысленно перебрала всѣхъ нашихъ „дачниковъ" и рѣшила, что это былъ

человѣкъ чужой, пріѣхавшій навѣстить родныхъ или знакомыхъ. Но онъ долго просидѣлъ на концѣ скамейки, и однако никто не подошелъ къ нему, никто не заговорилъ съ нимъ. Грустное выраженіе его лица, какъ будто мнѣ кого-то напоминавшаго, и серьезность, съ которою онъ осматривалъ окрестность, заставили меня предположить, что онъ не въ первый разъ посѣтилъ эту мѣстность. По временамъ мнѣ даже казалось, что печаль пробѣгала по его спокойному лицу; по временамъ онъ какъ будто съ сожалѣніемъ устремлялъ взглядъ на золотящуюся даль горизонта. Этотъ оттѣнокъ печали, среди беззаботно-веселящейся юности, вызывалъ къ незнакомцу невольную симпатію. Наружность его тоже располагала въ его пользу. Хотя и не выдающаяся, она была привѣтлива, и я замѣтила, что не одна пара быстрыхъ дѣвичьихъ глазъ скользнула по его смугловатому лицу и стройному стану. Высокій лобъ, тонкая дуга бровей, задумчивый взглядъ и довольно расплывчатый носъ какъ будто не были мнѣ незнакомы, но темная, густая бородка и серьезная складка между бровями совершенно ускользали изъ моей памяти. Мой взглядъ нѣсколько разъ встрѣчался съ его взглядомъ. Наконецъ, незнакомецъ всталъ, еще разъ пристально посмотрѣлъ на меня, улыбнулся и пошелъ по направленію ко мнѣ. Подойдя, онъ снялъ шляпу.

— Александра Яковлевна Рѣчкина, если не ошибаюсь? — проговорилъ онъ.

Я утвердительно кивнула головой.

— Я слышалъ, какое васъ постигло несчастіе: вы лишились мужа.

— Да.

— И остались однѣ. У васъ нѣтъ дѣтей?

— Нѣтъ.

— Вы здѣсь съ родственниками?

— Да. Но позвольте спросить...

Онъ не далъ мнѣ докончить.

— Неужели не узнаете?—воскликнулъ онъ.—Михаилъ Брусиловъ, буйный Миша, котораго вы такъ часто и журили, и баловали въ былое время!

— Возможно ли!—воскликнула я, протянула ему руку и съ любопытствомъ стала разглядывать своего бывшаго друга.

Я была уже взрослою дѣвушкой, а Брусиловъ еще совсѣмъ мальчикомъ, когда онъ осиротѣлъ и семейство мое взяло его подъ свое покровительство. Живя цѣлую недѣлю въ гимназіи, Миша ходилъ къ намъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ

и считался у насъ чѣмъ-то въ родѣ близкаго родственника. Когда я вышла замужъ, оставила родительскій домъ и начала жить своей личной жизнью, судьба занесла меня далеко отъ родного гнѣзда, и я совершенно потеряла Брусилова изъ виду. Я глядѣла на него (теперь уже не Мишу, а Михаила Платоновича, человѣка лѣтъ подъ тридцать, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица) и совершенно не могла отыскать въ немъ прежняго, рѣзваго юношу.

— Возможно ли?.. возможно ли?—повторяла я.

— Все возможно!—отозвался онъ съ улыбкой:—даже, повидимому, самое невозможное—и то возможно.

— Напримѣръ?

— А хотя бы наша встрѣча здѣсь, въ этомъ укромномъ мѣстечкѣ, послѣ стольких лѣтъ разлуки!

Зашла рѣчь обо мнѣ. Михаилъ Платоновичъ хотѣлъ, чтобы я разсказала ему, какъ мнѣ жилось за всѣ эти двѣнадцать лѣтъ нашей разлуки. Я разсказывала; время летѣло незамѣтно, танцы кончились. Я представила его племянницамъ, но онѣ, кажется, мало заинтересовались имъ. Разговоръ какъ-то не клеился. Я замѣтила, что мой „старый другъ“ и до сихъ поръ не научился быть любезнымъ съ барышнями. Онъ только улыбнулся.

— Привыкну къ барышнямъ—буду любезенъ. А пока—пусть онѣ простятъ мнѣ.

Барышни только лукаво переглянулись, усмѣхнулись и убѣжали къ болѣе пріятнымъ кавалерамъ.

Мы стали спускаться подъ гору.

— Куда вы меня ведете?—спросилъ Брусиловъ.

— На берегъ моря,—отозвалась я.—Пройдемтесь; а потомъ къ намъ чай пить. Хотите?

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, Михаилъ Платоновичъ, до сихъ поръ мы говорили только обо мнѣ; теперь разскажите, какъ сложилась ваша жизнь?

— Очень и очень обыкновенно.

— Вы инженеръ?

— Да, инженеръ путей сообщенія, или скорѣе строитель желѣзныхъ дорогъ. Только, прошу васъ, не смѣшивайте понятій: я дѣйствительно *строю*, то-есть нахожусь на линіи желѣзной дороги, гдѣ производятся работы, и получаю за это извѣстное вознагражденіе, но я не строитель въ смыслѣ концессіонера.

— И вы довольны?

— Говорятъ, что я долженъ быть доволенъ. Я никогда не бываю безъ дѣла и могу располагать порядочнымъ заработкомъ. Скажу вамъ подъ большимъ секретомъ,—прибавилъ онъ шутливо,

—что нѣкоторыя маменьки считаютъ меня даже весьма приличнымъ женихомъ, принимая, конечно, во вниманіе—настоящее „*безженишье*".

— И мнѣ не мѣшало бы подумать объ этомъ,—пошутила я въ отвѣтъ:—и у меня есть двѣ племянницы.

— Прекрасно, прекрасно!—смѣялся онъ.—На которой изъ двухъ прикажете жениться? Я хоть сейчасъ готовъ.

— Великодушно предоставляю вамъ самимъ выборъ невѣсты. Но для выбора нуженъ срокъ: сколько времени думаете вы здѣсь остаться?

— Я ѣду съ ночнымъ поѣздомъ.

— А пріѣхали?

— Съ утреннимъ.

— Такъ, сами по себѣ, не зная здѣсь ни души?

— Вамъ это кажется страннымъ?

— Очень страннымъ!

— Да, да; у людей иногда бываютъ престранныя фантазіи; вотъ и мнѣ пришла фантазія взглянуть на Силламяги.

— Вы о нихъ слышали?

— Да, слышалъ. Въ сущности, у меня были два свободныхъ дня, между двумя дѣлами. Что̀ было дѣлать?—оставаться въ пустомъ Петербургѣ не хотѣлось. Каждый вечеръ отправляться на пыльные Острова казалось ужъ слишкомъ скучнымъ. Я сѣлъ въ поѣздъ и пріѣхалъ сюда. День я провелъ довольно однообразно, но зато вечеръ искупаетъ скучноватый день. Я очень радъ, что встрѣтился съ вами!

— Я тоже очень рада. Пойдемте домой, побесѣдуемъ, напьемся чаю...

— То-есть, начнемъ осмотръ невѣстъ?.. Нельзя ли еще помедлить?

— Какъ хотите. Обыкновенно я пью чай и обѣдаю съ семействомъ сестры, но живу отдѣльно. Если боитесь невѣстъ, я велю подать чай къ себѣ. Выбирайте.

— Такъ ужъ отложимъ осмотръ до другого благопріятнаго случая.

— Ахъ вы бука, бука! Какой были, такимъ и остались!

Брусиловъ развелъ руками.

— Что̀ прикажете дѣлать!..

— Ну хорошо, хорошо. Въ одинъ часъ васъ не исправишь! Подождите меня на балконѣ, я пойду распоряжусь.

Я пошла освѣдомиться, какимъ ужиномъ могу угостить дорогого гостя.

— Послать вамъ къ холодному мясу и картофельнаго салата? —спросила сестра.

— Сегодня картофельный салатъ? возможно ли!—воскликнула я:—вотъ странное совпаденіе случайностей! пріѣздъ „Буки" и картофельный салатъ!.. Вѣдь это его любимое кушанье, помнишь?

— Какъ же, помню! Каждое воскресенье мы припасали для него цѣлую тарелку этого салата, и онъ съѣдалъ ее съ жадностью акулы! А вѣдь въ самомъ дѣлѣ престранно, что именно сегодня, въ день его пріѣзда, у насъ картофельный салатъ, котораго мы не дѣлали въ продолженіе всего лѣта!

Я было-ушла, но снова вернулась.

— Не забудь велѣть покрошить въ салатъ немного луку.— Безъ лука онъ не имѣлъ для Миши никакой прелести.

Между тѣмъ „Бука" уже немножко привыкъ къ новымъ лицамъ и вступилъ въ какой-то споръ съ одной изъ моихъ племянницъ, живой и острой дѣвушкой. Она не давала ему спуска и мало-по-малу все общество приняло участіе въ перекрестномъ огнѣ ихъ шутокъ и остротъ.

Раздался звонокъ, приглашающій къ ужину.

— Вамъ весело, останемтесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, пойдемте къ вамъ.

— Какъ хотите!

Мой гость поспѣшно пошелъ за мною.

— Васъ ожидаетъ нѣчто очень пріятное,—сказала я, приглашая его сѣсть за столъ, на которомъ стояла закуска и кипѣлъ самоваръ.

— Съ нетерпѣніемъ буду ждать этого пріятнаго,—сказалъ онъ, развертывая салфетку.

— Оно сейчасъ явится, оно уже здѣсь,—отвѣтила я, видя, что дѣвушка вноситъ подносъ.

Дѣвушка поставила на столъ блюдо съ мясомъ и салатникъ. Пахучей струйкой распространился въ воздухѣ запахъ лука. Я съ торжествомъ посмотрѣла на Михаила Платоновича. Онъ кинулъ взглядъ на салатникъ, привсталъ и снова тяжело опустился на мѣсто, какъ человѣкъ, пораженный неожиданнымъ ударомъ. Растерянно уставился онъ на меня глазами; углы рта его слегка дрогнули.

Дѣвушка вышла.

— Это... это... и есть то пріятное?—едва слышно произнесъ онъ, указывая на салатникъ.

— Я думала... Я помнила, что прежде вы...—въ замѣшательствѣ и недоумѣніи начала-было я.

— Да, да, *прежде*...—перебилъ онъ, и по всему лицу его пробѣжало выраженіе какого-то страданія.—Прежде, когда я былъ еще мальчишкой, и въ мою глупую голову не приходила мысль, что немножко накрошеннаго лука можетъ разбить мечты, надежды, привязанности!..

Брусиловъ не могъ договорить, голосъ его сорвался. Слезы очевидно подступили къ горлу. Онъ поникъ головой. Я поспѣшила убрать со стола ничтожную причину, доставившую моему старому другу очень тяжелую минуту. Нѣкоторое время я не могла найти что̀ сказать ему, чтобы вывести его изъ печальнаго раздумья.

— Мнѣ жаль,—наконецъ замѣтила я,—что я невольно доставила вамъ непріятность.

Онъ тихо поднялъ на меня глаза.

— Есть вещи,—сказалъ онъ какъ-то особенно задушевно,— которыхъ никогда нельзя забыть и съ которыми нельзя примириться!

И все же, при всей очевидной печали Брусилова, положеніе наше было довольно комичное: блюдо картофельнаго салата—и какая-то тяжелая утрата. Внутренно мнѣ было такъ же смѣшно, какъ и жалко Михаила Платоновича.

— По старой дружбѣ,—сказала я:—разъясните мнѣ загадку. Во всей этой маленькой случайности я рѣшительно ничего не понимаю!

— И понять трудно. Въ сущности—

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

—кончилъ онъ словами Лермонтова, очень часто приводимыми въ подобныхъ случаяхъ.—Смѣшно и грустно,—продолжалъ онъ,—но тутъ задѣта вся моя жизнь, моя душевная жизнь, хочу я сказать, мой внутренній міръ, мои сокровенныя чувства... Слушайте, я, пожалуй, разскажу вамъ, что̀ случилось со мной здѣсь, въ Силламягахъ, годъ тому назадъ...

— И вотъ разгадка вашего пріѣзда?—воскликнула я.

— Вотъ разгадка! Я хотѣлъ еще разъ взглянуть на мѣстечко, въ которомъ пережилъ всѣ волненія любви и всю горечь разбившихся надеждъ...

— Мой бѣдный Миша!.. Я васъ слушаю!

— Во всемъ этомъ главную роль, конечно, играетъ женщина. Я встрѣтился съ *нею* въ Петербургѣ у общихъ знакомыхъ. Она была вдова, молодая вдова, нѣсколькими годами моложе меня.

Замужемъ она была недолго—всего года два. Но чтò это была за прелестная женщина! Я не встрѣчалъ ей равной ни прежде, ни послѣ! Особенной красотой она не поражала, но къ ней влекла какая-то оригинальность, ей одной присущая. Она казалась мнѣ воплощеніемъ благородства и изящества, и при этомъ она была очень проста и искренна въ обращеніи. Она и говорила, и смѣялась, и подходила къ людямъ какъ-то не такъ, какъ другія. Было столько доброжелательства въ рѣшительномъ пожатіи ея руки, столько правдивости въ ея прямомъ взглядѣ, столько естественности въ ея веселомъ смѣхѣ!

— Однако вы и до сихъ поръ еще сильно затронуты вашимъ „предметомъ"?

Михаилъ Платоновичъ махнулъ рукой.

— Чтò теперь!—теперь я ужъ успокоился. Но Вѣра Константиновна—такъ звали ее—дѣйствительно обворожила меня съ перваго знакомства. Мнѣ было хорошо, когда я встрѣчался съ нею, когда могъ говорить, глядѣть на нее. Когда же она уходила, мнѣ казалось, что она уноситъ съ собой все очарованіе, весь интересъ собравшагося общества.

— Какое же общественное положеніе занимала ваша Вѣра Константиновна?

— Очень опредѣленное. Она была вдовой архитектора, принадлежала къ среднему кругу и имѣла достаточныя средства, чтобы жить безбѣдно. Роскоши позволять себѣ она не могла; впрочемъ, она и не гналась за роскошью. Это была натура серьезная, сосредоточенная, одаренная художественнымъ талантомъ. Она занималась живописью. Было что-то смѣлое, сильное, почти мужское, въ размахахъ ея кисти. Интересы ея не ограничивались одной живописью. Она постоянно слѣдила за всѣми текущими событіями человѣческой жизни. Скоро я долженъ былъ самъ предъ собой сознаться, что Вѣра Константиновна совершенно вскружила мнѣ голову. Я, какъ лунатикъ, жилъ въ мірѣ мечтаній и самыхъ несбыточныхъ плановъ.

Между тѣмъ время шло, и зима незамѣтно подходила къ концу. Весной должны были начаться мои усиленныя занятія, и я приготовлялся оставить Петербургъ, чтобы ѣхать на постройку новой линіи. Чего мнѣ стоили сборы—я вамъ и сказать не могу, а не ѣхать было немыслимо. Этимъ я сразу погубилъ бы все свое будущее. Мнѣ въ первый разъ довѣряли отвѣтственную работу, и моя поѣздка имѣла рѣшающее значеніе для всей моей дальнѣйшей карьеры. Я уѣхалъ.

Разлука пробудила въ моемъ сердцѣ еще новое чувство: я

сталъ ежеминутно страстно желать хотя бы только взглянуть на Вѣру Константиновну. Она не выходила у меня изъ головы. Сто разъ я былъ готовъ бросить все и уѣхать къ ней. Только серьезная отвѣтственность, которую я принялъ на себя, да усиленный трудъ помогли мнѣ кое-какъ дотянуть до срока. Но разъ срокъ кончился—все было забыто. Въ какомъ-то чаду счастья бросился я въ Петербургъ.

Былъ конецъ іюля. Какъ я тотчасъ же узналъ, Вѣра Константиновна уже давно переѣхала на дачу. Она присоединилась къ знакомому семейству и поселилась здѣсь въ Силламягахъ. Не думая долго, я рѣшилъ воспользоваться тремя свободными недѣлями и тоже пріѣхалъ сюда. Свиданіе наше было самое радостное. Я какъ теперь его помню!.. Я пріѣхалъ ночью и съ восходомъ солнца вышелъ къ морю. Нетерпѣніе увидѣть поскорѣе Вѣру Константиновну не давало мнѣ покоя, я не могъ сомкнуть глазъ. Утро было дивное. Солнце выплывало изъ-за предѣловъ моря и бросало на всю окрестность радостный, розовый свѣтъ. Все какъ будто просыпалось, оживало!.. Море дышало своею мощной грудью, равномѣрно и медленно вздымаясь. Легкіе пары клубились, играли и таяли подъ теплыми лучами огненнаго солнца. Алый воздухъ дрожалъ отъ дуновенія легкаго вѣтерка. Морскія чайки, какъ розовые аисты, плыли въ этомъ аломъ воздухѣ низко надъ моремъ своимъ широкимъ, лѣнивымъ полетомъ. Старыя сосны, едва замѣтно склоняясь, шептали другъ другу о счастіи своего бытія... И я былъ счастливъ своимъ бытіемъ!..

Я случайно бросилъ взглядъ вдаль и увидѣлъ большой парусинный зонтикъ, а подъ нимъ часть свѣтленькаго платья. Сердце мое забилось, замерло,—я былъ увѣренъ, что это она—Вѣра Константиновна! Я не ошибся. Она сидѣла, наклонившись надъ альбомомъ, и набрасывала эскизъ. Она такъ углубилась въ работу, что даже не подняла головы, когда я подошелъ. Только при звукѣ моего голоса, Вѣра Константиновна вздрогнула и внезапно поднялась. Она позабыла и рисунокъ, и кисти, и краски—все полетѣло на прибрежный песокъ. Лицо ея загорѣлось какъ яркая заря восхода, она рванулась ко мнѣ, протянула мнѣ обѣ руки — и тутъ только опомнилась. Должно быть, ее заставило придти въ себя ужъ слишкомъ блаженное выраженіе моего лица.

—Михаилъ Платоновичъ!.. Какими судьбами! — только сказала она и стала подбирать разсыпавшіяся вещи. Я ревностно помогалъ ей. Я былъ счастливъ... безмѣрно... безпредѣльно счастливъ!

Здѣшніе простые обычаи позволили намъ видѣться каждый день. Иногда мы встрѣчались случайно, иногда отправлялись на

заранѣе условленную прогулку. Каждое мѣстечко, каждый уголокъ скоро стали мнѣ близки и дороги и соединились съ воспоминаніемъ о прелестномъ образѣ Вѣры Константиновны. Разговаривая съ ней часто и въ особенности наблюдая за ея отношеніями къ окружающимъ людямъ я не могъ не замѣтить, что отличительною чертою ея характера была доброта. Она смотрѣла сквозь пальцы на людскія слабости и недостатки, всегда стараясь отыскать въ людяхъ добрыя и симпатичныя черты. Найдя ихъ, она выставляла ихъ на видъ, оставляя въ тѣни всякія несовершенства. Она дѣлала это вполнѣ естественно, изъ глубины своего добраго, теплаго сердца, и потому доброта ея была вполнѣ лишена той напускной слащавости и іезуитизма, которые такъ непріятно поражаютъ въ искусственно-снисходительныхъ людяхъ.

Вѣра Константиновна не могла не догадаться, что вселила мнѣ большую привязанность къ себѣ. Съ каждымъ днемъ привязанность эта дѣлалась все сильнѣе и сильнѣе, но я долженъ отдать Вѣрѣ Константиновнѣ справедливость, что она ничѣмъ не старалась завлекать меня и подзадоривать. Напротивъ, чѣмъ я дѣлался смѣлѣе, тѣмъ она становилась сдержаннѣе. Скоро она даже стала избѣгать меня, а когда мы случайно встрѣчались, то не позволяла себѣ ни малѣйшей со мною короткости. Было очевидно, что ей жаль оттолкнуть меня, но въ то же время она не хотѣла бы услышать отъ меня признанія. И все же мнѣ казалось, что я ей нравлюсь.

Я нравился ей даже больше, чѣмъ думалъ. Это выяснилось какъ-то внезапно, неожиданно. Мы сидѣли однажды на берегу моря, недалеко отъ купаленъ, гдѣ обыкновенно по вечерамъ коротаютъ время дачники. Было воскресенье; вся дачная публика находилась въ „Вокзалѣ“, гдѣ шли танцы. Мы направлялись туда же; но прежде чѣмъ промѣнять свѣжій вечерній воздухъ на душную атмосферу освѣщенной залы, Вѣра Константиновна хотѣла посидѣть у моря. Все вокругъ насъ было какъ-то особенно тихо и торжественно въ тотъ вечеръ. Вѣра Константиновна сидѣла на скамейкѣ, я стоялъ противъ нея, и вдругъ, самъ не знаю какъ, обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ груди. Она не сопротивлялась, пристально посмотрѣла на меня своимъ глубокимъ взглядомъ и конфузливо потупилась.—Михаилъ Платоновичъ,—прошептала она,—все это можно было предвидѣть, но мнѣ жаль, очень жаль, что такъ вышло...—Значитъ вы нисколько не любите меня?—воскликнулъ я и почувствовалъ, какъ кровь жаркимъ потокомъ прихлынула къ моему лицу. Вѣра Константиновна помолчала.

— Вы ставите меня въ очень затруднительное положеніе,—наконецъ, сказала она: — я не знаю, какъ всего лучше передать вамъ мою мысль...

— Всего лучше сказать правду, — отвѣтилъ я.

Вѣра Константиновна улыбнулась.

— Конечно, конечно,—отозвалась она: — было бы странно, еслибы мы другъ друга обманывали. Вы очень симпатичны мнѣ, Михаилъ Платоновичъ,—продолжала она: — кажется, вы и сами объ этомъ давно догадались; но все же я не могу утаить отъ васъ, что со времени моего супружества я стала очень недовѣрчива къ людямъ. Быть можетъ, потому, что я не была счастлива въ супружествѣ. Я боюсь мелочныхъ столкновеній ежедневной жизни, Михаилъ Платоновичъ. Все мое супружество было какимъ-то рядомъ безконечныхъ мелочныхъ столкновеній, гнѣздившихся въ совершенной противоположности нашихъ привычекъ и вкусовъ. Я не знаю, была ли бы я теперь способна еще разъ начать передѣлывать себя и подчинять свои привычки и вкусы привычкамъ и вкусамъ другого. Это часто заставляетъ меня задумываться, могу ли я, *должна ли* я принимать новыя обязательства, когда я не довѣряю себѣ и боюсь, что съ собою во второй разъ не совладаю?

Я былъ разочарованъ. Это ли та самая порывистая и увлекающаяся, но только наружно сдержанная Вѣра Константиновна? Въ такую минуту она могла разумно разсуждать о какихъ-то будничныхъ привычкахъ и неподходящихъ вкусахъ!

Она замѣтила, что я былъ непріятно озадаченъ.

— Вамъ теперь, вѣроятно, кажется, что у меня мелкая, узкая натура, не правда ли, Михаилъ Платоновичъ?—сказала она спокойно.—Но какъ же не думать о мелочахъ, когда мы видимъ каждый день, что высокое и прекрасное чаще всего разбивается о мелочи и дрянность будничныхъ столкновеній? Мель губитъ и большіе корабли! Она опаснѣе подводныхъ камней!

Недовольный, даже возмущенный, я съ досадой взглянулъ на Вѣру Константиновну; но глаза мои встрѣтили взглядъ, полный слезъ. Вмѣсто упрека, я бросился къ ея ногамъ и, цѣлуя ея руки, склонился къ ней головой. Опять она не оттолкнула меня. Горячая ручка ея крѣпко сжала мою руку...

Всю послѣдующую недѣлю я провелъ въ какомъ-то чаду восторга. Подобнаго счастья я никогда еще не знавалъ, да, вѣроятно, больше и не узнаю!.. Я весь погрузился въ наслажденье настоящимъ. Я жилъ данной минутой, не думая о томъ, что̀ было прежде, что̀ будетъ послѣ. Вѣра Константиновна обраща-

лась со мною какъ съ близкимъ человѣкомъ. Она ужъ не опасалась попасть въ ложное положеніе. Она знала, что я только и мечтаю о томъ, какъ бы назвать ее своей женою. И она, очевидно, хотѣла познакомить меня съ собой какъ можно короче, выказать себя въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Узнавъ ее ближе, я еще сильнѣе полюбилъ ее. Вы и представить себѣ не можете, какая это была прелестная женщина! Какъ привлекательна она была своимъ какимъ-то ласкающимъ подходомъ къ людямъ! Какъ проста! какъ привѣтлива! И несмотря на свою прямоту и радушіе—какъ разумна! Никому и въ голову не могло бы придти забыться передъ нею!

Счастливые дни летѣли, и я сталъ замѣчать, что на ясное чело Вѣры Константиновны набѣгаютъ тучки.

— Вѣра Константиновна,—сказалъ я ей однажды:—вы обѣщали дать мнѣ отвѣтъ...

— Да, Михаилъ Платоновичъ,—перебила она:—обѣщала и сдержу слово...

— Но срокъ подходитъ къ концу, а вы...

— Я все еще не могу рѣшиться окончательно.

— Васъ все безпокоитъ вопросъ о мелочахъ будничной жизни? —посмѣялся я.

— Да, да, все тотъ же несносный вопросъ, — подтвердила она.—Ну, возьмите, напримѣръ, хоть самую мельчайшую изъ мелочей: за это время я имѣла случай замѣтить, что вы очень любите лукъ, а я терпѣть не могу этого отвратительнаго зелья!

Я расхохотался и махнулъ рукой.

— Когда я сижу около человѣка, отъ котораго пахнетъ лукомъ,—весело смѣясь, продолжала Вѣра Константиновна:—то, несмотря на всѣ мои самоувѣщеванья, въ душѣ моей накипаетъ досада. А между тѣмъ вы часто приносите съ собой этотъ ненавистный мнѣ запахъ, и я должна дѣлать надъ собою усилія, чтобы превозмочь свое отвращеніе.

Я опять отъ души расхохотался, и Вѣра Константиновна послѣдовала моему примѣру.

— Ну, ужъ это такая „мельчайшая мелочь", — воскликнулъ я, весь сіяя отъ радости,—что даже и словъ-то на нее тратить не стоитъ! Вы никогда больше не почувствуете отъ меня противнаго вамъ запаха!

— Никогда!.. въ самомъ дѣлѣ?..—спросила она съ лукавой улыбкой.

— Никогда!—увѣренно отозвался я.

— Посмотримъ!—недовѣрчиво воскликнула она.

Увы! не прошло и двухъ дней, и Вѣра Константиновна уже уличила меня въ измѣнѣ данному обѣщанію!

— Вотъ ваше *никогда?*—пошутила она.

— Когда же наконецъ отвѣтъ?—страстно воскликнулъ я:— не томите меня, Вѣра Константиновна, скажите мнѣ сейчасъ: *да* или *нѣтъ?* Выведите меня изъ нестерпимой неопредѣленности!

— Въ субботу,—возразила она, несмотря на мои нетерпѣливыя просьбы: — въ субботу я скажу вамъ свое окончательное рѣшеніе. До тѣхъ поръ мы останемся по прежнему только друзьями.

Я не зналъ. какъ доживу до субботы (была только среда), какъ дотяну до такой счастливой минуты, когда она скажетъ мнѣ желанное слово. Я былъ почему-то увѣренъ, что она непремѣнно скажетъ: *да.* Дожить до великаго дня кое-какъ помогли мнѣ солнце, море, звѣзды, добрые люди и сама Вѣра Константиновна.

Наконецъ, блаженный день насталъ. Миновало утро, миновалъ и знойный полдень. Вечерѣло. Вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ росло и мое волненіе. Въ тотъ вечеръ я остался къ чаю въ семействѣ, гдѣ жила Вѣра Константиновна. Сѣли за столъ. Мнѣ передали какое-то блюдо, потомъ салатникъ. Мое обоняніе какъ-то безотчетно пріятно защекоталъ вкусный запахъ. Мечтая о близкомъ счастіи, я машинально положилъ себѣ чего-то на тарелку и машинально съѣлъ. У меня въ мысляхъ все вертѣлась счастливая картина, какъ горячо я обойму Вѣру Константиновну, какъ крѣпко расцѣлую всѣ милыя черты ея разгорѣвшагося личика!..

Солнце зашло... Мы подходили къ той самой скамейкѣ, на которой я засталъ ее по пріѣздѣ. Я тѣсно подсѣлъ къ ней. Вѣра Константиновна вздрогнула и инстинктивно отвернула голову.

— Что же это?.. что же!—воскликнулъ. я въ недоумѣніи.

Она чуть-чуть отстранилась отъ меня. Во всей ея манерѣ проявилось какое-то смущеніе. Она сильно покраснѣла.

— Я все больше и больше убѣждаюсь, — печально произнесла она,—что человѣку всего труднѣе отказываться отъ самыхъ ничтожныхъ, самыхъ пустыхъ привычекъ! Въ порывѣ увлеченія всякій наобѣщаетъ золотыя горы, но глядишь—и онъ не можетъ отказаться отъ сущаго вздора!

— Къ чему вы все это говорите!—воскликнулъ я подъ впечатлѣніемъ какого-то непріятнаго чувства.

— Слушайте, что̀ я вамъ разскажу,—перебила она,—и тогда обсудимъ, ка̀къ намъ поступить. Дѣло коснется моего покойнаго мужа. Мужъ мой имѣлъ привычку играть въ карты, и это было мнѣ извѣстно еще до свадьбы. Когда онъ посватался, я сказала

ему, что мнѣ страшно принять его предложеніе потому, что я слышала, что онъ любитъ карточную игру. Онъ расхохотался и прозвалъ мои опасенія „ребячествомъ". Не дать человѣку счастья изъ-за пустѣйшей привычки, отъ которой ровно ничего не стоитъ отказаться! Да онъ сей же часъ броситъ карточную игру и никогда въ руки картъ больше не возьметъ! Онъ называлъ меня ребенкомъ, дѣвочкою. Стыдилъ меня мелочностью... Бракъ нашъ состоялся. Прошелъ мѣсяцъ; на вопросъ знакомыхъ, почему мужъ никогда больше не играетъ въ карты, онъ, улыбаясь, говорилъ: „бросилъ, господа, бросилъ, жена не позволяетъ!" Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Мужъ уже сталъ морщиться: „и желалъ бы поиграть, да нельзя, жена не велитъ!"—говорилъ онъ. Въ исходѣ полугода, онъ уже часто бывалъ не въ духѣ, зѣвалъ, слушая какое-нибудь чтеніе вслухъ, или просто слонялся изъ угла въ уголъ, барабанилъ пальцами то по столу, то по стеклу окна. Односложно и рѣзко отвѣчалъ на мои вопросы, называлъ все, что я говорила, „чепухой" и видимо скучалъ. На уговоры добрыхъ пріятелей сыграть пульку мужъ отрывисто отвѣчалъ: „благодарю-съ, бросилъ, совершенно бросилъ съ того дня какъ женился". Прошло еще немного времени, мужъ сталъ раздражителенъ. Два-три раза онъ вспылилъ изъ-за пустяковъ и каждый разъ обзывалъ меня эгоисткой, думающей только о себѣ, а другихъ лишающей *всего*. „До сихъ поръ ты отказался для меня только отъ игры въ карты",—замѣтила я. „Только, только!.. очень легко сказать: *только*!.. я привыкъ отдыхать за картами отъ занятій и теперь лишенъ своего отдыха. Что-жъ тутъ такого преступнаго поиграть въ карты? Развѣ я записной картежникъ или шулеръ? Я играю по маленькой, для своего удовольствія". Мужъ махнулъ рукой, вышелъ и хлопнулъ дверью. Мое рѣшеніе было принято. Я не хотѣла дольше досаждать ему въ сущности мелочнымъ запретомъ.

Когда онъ вернулся, я сказала ему, что не буду больше удерживать его отъ любимаго отдыха. Мужъ остался очень много доволенъ; похвалилъ меня за то, что я наконецъ бросила „дурацкія причуды", и поспѣшилъ воспользоваться моимъ разрѣшеніемъ. Онъ пригласилъ своихъ дѣловыхъ пріятелей и устроилъ вечеринку съ пуншемъ и картами. Съ того дня сначала робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе карточная игра водворялась въ самыя нѣдра нашего супружескаго союза. Наше согласіе и доброе отношеніе ко мнѣ мужа зависѣли отъ карточнаго выигрыша или проигрыша. Я больше не вооружалась, не протестовала. Я выносила эту вѣчную игру, какъ одно изъ неизбѣжныхъ золъ своей

ежедневной жизни, котораго я не могла ни устранить, ни отвратить. Съ наступленіемъ вечера къ намъ являлись такъ-называемые *друзья*, люди, съ которыми мужъ имѣлъ дѣловыя отношенія. Игра въ карты, по словамъ мужа, была обязательна для успѣшнаго хода его дѣлъ. Если же никто не приходилъ, то я уже заранѣе знала, что мнѣ придется коротать вечерокъ одной. Отдохнувши послѣ обѣда и походивъ взадъ и впередъ по кабинету, мужъ поспѣшно брался за шляпу. „Девятый часъ, — говорилъ онъ, — а я обѣщалъ быть ровно въ восемь! Прощай, Вѣрочка. Не жди меня, другъ мой; ложись спать,—можетъ, мнѣ придется засидѣться. Мнѣ это вѣчное козырянье ужъ вонъ гдѣ сидитъ— а нельзя: за картишками всего легче обдѣлываются дѣлишки". Въ брачномъ союзѣ я стала жить одиноко. Интересы наши съ каждымъ днемъ все больше и больше расходились. Мужъ сталъ втягиваться въ какую-то непонятную для меня и несимпатичную мнѣ жизнь. Все утро онъ проводилъ внѣ дома; какъ архитекторъ, ѣздилъ на постройки, заключалъ контракты и подряды, „обдѣлывалъ свои дѣлишки", какъ онъ говорилъ. Вечеръ и полъ-ночи онъ отдыхалъ отъ суеты мірской за картами. Отъ моей особы онъ требовалъ только удобствъ житейскихъ и при каждомъ упущеніи, смѣясь, называлъ меня „артисткой". Приглядываясь къ нашему брачному союзу, я съ грустью стала сознавать, что знакомство мужа со мной и пора его влюбленности въ меня искусственно навѣяли на него такіе интересы, къ которымъ въ сущности онъ не привыкъ и къ которымъ относился равнодушно. На короткое время его заинтересовали—литература, музыка, художество и отдалили отъ сложившихся привычекъ. Но время взяло свое. Навѣенное чужое все болѣе и болѣе блѣднѣло и какъ бы испарялось, по мѣрѣ того, какъ проходило мое очарованіе и какъ любовь обращалась во что-то обыденное. Когда чадъ любви улегся, высказалось ясно все несходство нашихъ вкусовъ и привычекъ.

— „Что это?.. что-жъ это наконецъ такое?"—думалъ я, слушая длинный разсказъ Вѣры Константиновны:—„неужели я для того цѣлыхъ двѣ недѣли томился, ожидалъ, страдалъ и мечталъ, чтобы надо мной насмѣялась кокетка?"

Мое положеніе вдругъ показалось мнѣ комичнымъ, даже водевильнымъ. Что-жъ это со стороны Вѣры Константиновны?.. желаніе подурачить влюбленнаго, зло подшутить надъ нимъ, посмѣяться? Вся кровь бросилась мнѣ въ лицо отъ этихъ предположеній.

— Вѣра Константиновна!—воскликнулъ я подъ впечатлѣніемъ

очень непріятнаго чувства:—я ожидалъ отъ васъ иного, признаюсь, совершенно иного!.. Не могу понять, къ чему вы разсказываете мнѣ всю эту длинную-предлинную исторію.

— А вы ожидали отъ меня признанія?

Опять мнѣ показалось, что въ тонѣ ея слышится насмѣшка.

— Да-съ, я ожидалъ признанья!.. А главное—я ожидалъ рѣшительнаго отвѣта. Вмѣсто этого вы нашли нужнымъ подробно расписывать мнѣ о дурныхъ свойствахъ и неделикатныхъ привычкахъ вашего покойнаго мужа. Изъ вашего разсказа я могу вывести только то заключеніе, что мужъ не любилъ васъ, если, удовлетворяя своимъ привычкамъ, доставлялъ вамъ неудовольствіе. Забудьте это несчастное обстоятельство вашего перваго супружества. Все это уже прошло и никогда больше не вернется. Простите покойному его небрежное отношеніе къ вашимъ вкусамъ!

Къ концу рѣчи минутный гнѣвъ мой миновалъ, я опять глядѣлъ съ нѣжностью на поникшую головку Вѣры Константиновны. Я видѣлъ, что досада заставила меня ошибочно понять ея слова. Въ Вѣрѣ Константиновнѣ не было и тѣни насмѣшки. Напротивъ, въ чертахъ ея лица проглядывала грусть.

— Я люблю васъ, Вѣра Константиновна!—опять ужъ говорилъ я съ увлеченіемъ: — я страстно люблю васъ! Дайте мнѣ руку, скажите мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ... порадуйте меня согласіемъ!

Я наклонился къ самому лицу ея; знакомый мнѣ трепетъ пробѣжалъ еще разъ по всему ея существу. Но я, въ порывѣ увлеченія, не давалъ себѣ ни въ чемъ отчета! Я не далъ и ей ускользнуть отъ моего поцѣлуя. Она тихонько отодвинулась отъ меня.

— Михаилъ Платоновичъ!—почти съ отчаяніемъ воскликнула она:—и что это у васъ за страсть къ этому противному луку!

Я остолбенѣлъ отъ ужаса, меня всего обдало холодомъ. Тутъ только я припомнилъ, какъ заманчиво раздражалъ мнѣ аппетитъ какой-то знакомый запахъ. Тутъ только я понялъ, чего я наѣлся за часъ до свиданья, отъ котораго зависѣла вся дальнѣйшая судьба моя!

— Вѣра Константиновна, я ничего не замѣтилъ! Вы мнѣ вѣрите?

— Вѣрю...—уныло сказала она.

— Ахъ, Вѣра Константиновна, — сказалъ я съ упрекомъ качая головой,—изъ-за какихъ пустяковъ...

— Вся наша жизнь соткана изъ пустяковъ,—перебила она: —какой-нибудь ничтожнѣйшій поводъ доводитъ часто до размолвки,

часто до непоправимаго несчастія. Люди ищутъ всегда великаго, грандіознаго, а гибнутъ изъ-за мелочей, которымъ пріучили себя не придавать никакого значенія.

Внутренно я досадовалъ на себя, но не хотѣлъ показать Вѣрѣ Константиновнѣ своей досады, а потому и напустилъ на себя презрительный тонъ. Я холодно всталъ, поправилъ жилетъ, снялъ шляпу и церемонно поклонился.

— Вашъ окончательный отвѣтъ?—спросилъ я.

— Дайте мнѣ подумать еще сутки,—прошептала она.

Меня это снова взбѣсило. Въ глазахъ у меня потемнѣло. Мнѣ хотѣлось что-нибудь скомкать, сокрушить, изломать.

— Вы, кажется, имѣли довольно времени все обдумать и на что-нибудь рѣшиться! Ваши колебанія переходятъ въ какую-то игру...

— Михаилъ Платоновичъ!—воскликнула она съ испугомъ.

Но я, какъ говорится, закусилъ удила.

— Да, да,—упрямо продолжалъ я:—въ какую-то неблаговидную игру, просто въ кокетство.

— Михаилъ Платоновичъ! прошу васъ, подумайте о томъ что̀ вы говорите!

— Мнѣ нечего думать, я теперь все понимаю—вы ищете предлога, чтобы благовидно отдѣлаться отъ меня. Этого вовсе не нужно, Вѣра Константиновна. Зачѣмъ прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и уверткамъ, когда можно сказать просто, чтобы я убирался. Прощайте.

Я рѣзко повернулся и ушелъ. Я слышалъ, какъ Вѣра Константиновна окликнула меня, и не одинъ разъ окликнула, но я былъ такъ взбѣшонъ, что не хотѣлъ даже оборачиваться. И знаете ли, что̀ главнымъ образомъ бѣсило меня? сознаніе, что въ минуту пламеннаго признанія я обдавалъ ее этимъ противнымъ ей запахомъ! Еслибы я могъ уничтожить его, я бы вернулся къ Вѣрѣ Константиновнѣ, просилъ бы, убѣждалъ, вѣроятно, бросился бы передъ ней на колѣни. Но мой ужасный и неразлучный спутникъ погубилъ меня! Я бѣжалъ отъ женщины, которую любилъ, какъ можно дальше; слезы душили меня. Наконецъ я не выдержалъ, бросился на траву и заплакалъ.

Я провелъ худую, безсонную ночь. Всѣ чувства мои были взволнованы и безпорядочно бушевали. И, Боже мой, сколько я уловилъ въ сердцѣ своемъ противорѣчивыхъ порывовъ! Сколько мелкаго, сколько ребяческаго, сколько злобнаго!.. Добрыя чувства какъ-то увязли въ цѣломъ болотѣ мелочныхъ, дрянныхъ ощущеній. Только къ утру я немного успокоился и образумился. Я

привелъ въ нѣкоторый порядокъ свои мысли, но идти къ Вѣрѣ Константиновнѣ все же не рѣшался, хотя я и сознавалъ, что идти къ ней необходимо. Наконецъ, я превозмогъ въ себѣ томительный, ложный стыдъ и собрался съ духомъ.

Я засталъ Вѣру Константиновну за рисункомъ, но она была очень блѣдна и разстроена. На глаза ея то-и-дѣло навертывались слезы.

— Отчего вы не вернулись вчера?—встрѣтила она меня упрекомъ:—я звала васъ, много разъ звала.

— Я ничего не слышалъ, я не могъ предположить...—началъ-было я, но она перебила меня.

— Зачѣмъ говорить неправду!—сказала она:—вы не могли не слышать, я звала васъ довольно громко.

Она поникла головой, губы ея задрожали.

— Невозможно, чтобы вы не слышали,—повторила она:—но вы сочли себя оскорбленнымъ и хотѣли показать мнѣ, что вы человѣкъ съ характеромъ... Я долго, долго ждала васъ... до глубокой ночи... Мнѣ все казалось, что вы вернетесь, что вы не можете не одуматься и не вернуться... Но я ошиблась... вы не вернулись.

Слезы тихо покатились по ея щечкамъ, а я все стоялъ неподвижно, какъ истуканъ, съ понившей головой. Не знаю и до сихъ поръ понять не могу, какая вражья сила сковала всѣ мои движенія, отняла у меня голосъ.

— Вы и теперь еще сердитесь,—добавила она:—вы злопамятны и упрямы, Михаилъ Платоновичъ; какъ же я могу довѣрить вамъ дальнѣйшую судьбу свою!

Тутъ только я опомнился. Мгновенно на меня налетѣлъ какой-то бурный порывъ страсти. Я бросился къ ней, схватилъ ее въ объятія, покрывалъ все лицо ея поцѣлуями, безсмысленно повторяя: „моя, моя“... Я слышалъ, что Вѣра Константиновна что-то говорила мнѣ, но ничего не понималъ. Я цѣловалъ ее и только цѣловалъ!.. Когда я, наконецъ, понялъ, что̀ я дѣлаю, Вѣра Константиновна стояла блѣдная, неподвижная, холодная. Только взглядъ ея горѣлъ и искрился.

— Вы просто человѣкъ, не умѣющій владѣть своими чувствами,—сказала она:—отъ упрямой досады, которою вы мучите любящую васъ женщину, вы переходите къ слѣпому увлеченію. Вы для меня молоды, Михаилъ Платоновичъ, и я положительно боюсь ввѣрить вамъ свое будущее,—безпокойно добавила она.

Она долго сидѣла молча, съ тоской устремивъ глаза на одну

точку, а я опять не могъ найти ничего, что бы сказать въ свое оправданіе.

— Лучше разъ навсегда отречься отъ счастья быть любимой, — какъ-то задумчиво проговорила она: — но удержать за собой свободу.

Она встала и протянула мнѣ руку.

— Прощайте,—сказала она и тихо ушла въ боковую дверь. Я хотѣлъ бѣжать за нею, но въ эту минуту на балконѣ появилась цѣлая веселая компанія. Меня окликнули и удержали. Пустые разговоры, смѣхъ, шутки были мнѣ не подъ силу. При первой возможности я откланялся и пошелъ бродить безъ цѣли въ надеждѣ встрѣтить Вѣру Константиновну. Но я ее не встрѣтилъ ни въ этотъ день, ни на слѣдующій. Я, наконецъ, не выдержалъ и рѣшился пойти къ ней. Когда я пришелъ, мнѣ сказали, что Вѣра Константиновна по какому-то дѣлу должна была внезапно уѣхать въ Петербургъ...

Михаилъ Платоновичъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ.

— Эта Вѣра Константиновна въ сущности вовсе не любила васъ,—замѣтила я, наконецъ, желая сказать Брусилову хоть что-нибудь въ утѣшеніе.

— И близкій другъ, которому я повѣрилъ тогда печальную исторію моей любви, сказалъ мнѣ то же самое,—возразилъ онъ: — но это невѣрно. Вѣра Константиновна была натура прямая и честная. Она полюбила меня, но вслѣдствіе моего же глупаго поведенія усомнилась во мнѣ. А сомнѣваться и все же любить— она не могла. Такимъ натурамъ какъ Вѣра Константиновна это не дается.

Брусиловъ опять вздохнулъ и облокотился головою на руку.

— Да, да, вотъ такъ-то и случилось,—добавилъ онъ съ горькой усмѣшкой:—что я держалъ счастье въ рукахъ и легкомысленно упустилъ его. И знаете ли, что я больше всего на свѣтѣ возненавидѣлъ?

— Что такое?

— Картофельный салатъ! Одинъ запахъ его поднимаетъ въ душѣ моей злобное чувство. Я кляну ничѣмъ неповинное зелье, считаю его личнымъ и непримиримымъ врагомъ своимъ. Я ненавижу его за то, что когда-то оно казалось мнѣ вкуснымъ и, какъ предатель, сразило меня своимъ незримымъ оружіемъ въ самую блаженную минуту моей жизни!

— И Вѣра Константиновна всего этого не знаетъ?—воскликнула я.

— Откуда же ей знать?.. Она скоро оставила Петербургъ уѣхала на югъ.

— И вы не надѣетесь увидѣться съ нею?

— Какъ бы вамъ сказать... я человѣкъ, зависящій отъ своего заботка. Я не имѣю другихъ средствъ къ существованію кромѣ тѣхъ, которыя добываю себѣ трудомъ. Я не воленъ ѣхать куда мнѣ вздумается, отлучаться на какой срокъ мнѣ захочется.

— Вы съ нею не въ перепискѣ?

— Теперь нѣтъ. Сначала я писалъ ей, но она отвѣчала мнѣ такъ учтиво и обдуманно, что этого нельзя было и назвать перепиской. Отъ этихъ писемъ такъ и вѣяло холодомъ.

— Значитъ, вы переписку бросили?

— Бросилъ. Она слишкомъ огорчала меня.

— Воля ваша,—повторила я,—но Вѣра Константиновна не любила васъ!

— Не любила?.. вы думаете, что не любила?.. Постойте, я покажу вамъ два портрета!..

Михаилъ Платоновичъ вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ.

— Вотъ Вѣра Константиновна два года тому назадъ, когда я только-что познакомился съ нею,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ карточку молодой женщины съ веселымъ, открытымъ лицомъ, смѣющимся взглядомъ и хорошо округленнымъ оваломъ лица;—не правда ли, очаровательна?.. не такъ ли?.. А вотъ эту карточку недавно привезъ мнѣ хорошій знакомый, который встрѣтился съ Вѣрой Константиновной на берегу Крыма.

Тѣ же черты, но грустное, почти страдальческое выраженіе. Глубокій, задумчивый взглядъ; удлиненный овалъ исхудалаго личика.

— Очень можетъ быть, что Вѣра Константиновна и не любила меня,—прошепталъ Брусиловъ:—но все же, если сравнить эти два портрета, то странно... не правда ли, странно?..

Часы что-то пробили.

— Ахъ батюшки, который же это часъ?—воскликнулъ Михаилъ Платоновичъ, пряча портреты:—Боже мой, уже два часа! только-только что успѣю добраться до поѣзда!..

— Куда же вамъ торопиться? оставайтесь ночевать! Завтра уѣдете.

— Нельзя, нельзя, невозможно! мнѣ необходимо уѣхать сегодня же. Завтра у меня важное засѣданіе, отъ котораго зависитъ мое будущее. Завтра мнѣ могутъ поручить такую работу, при исполненіи которой я буду имѣть и время, и деньги, чтобы съѣхаться на южный берегъ Крыма.

— Въ добрый часъ, Михаилъ Платоновичъ! отъ души говорю вамъ—въ добрый часъ!

Брусиловъ крѣпко пожалъ мои протянутыя руки.

— Я радъ, что мы встрѣтились,—сказалъ онъ на прощанье: —вы всегда были для меня какимъ-то добрымъ геніемъ. Я радъ, что мы случайно сошлись именно здѣсь, въ Силламягахъ, куда я ѣхалъ, чтобы пропѣть лебединую пѣснь своей сокрушенной любви. И вдругъ, вмѣсто заупокойной пѣсни, я излилъ передъ старымъ другомъ все то, что за этотъ годъ наболѣло у меня на сердцѣ. Я уѣзжаю облегченный, съ воскресшей вѣрой въ возможность...

Онъ не договорилъ, засуетился, заторопился. Времени оставалось немного.

Я проводила своего бѣднаго сироту-Мишу до перваго поворота. Онъ быстро пошелъ по песчаной дорогѣ, нѣсколько разъ оборачиваясь и кивая мнѣ головой. Я смотрѣла ему вслѣдъ, и казался онъ мнѣ такимъ же безпріютнымъ сиротой, какимъ я знавала его въ былыя времена, только сиротство-то его было теперь еще безпріютнѣе.

Онъ мелькалъ сливающейся тѣнью въ полумракѣ лѣтней ночи, а я все стояла и смотрѣла ему вслѣдъ, машинально прислушиваясь къ звуку его замирающихъ шаговъ. Жалость сжимала мнѣ грудь,—жалость передъ этой новой жертвой глубокой сердечной драмы, разросшейся на тощей почвѣ ничтожнѣйшихъ причинъ.

Н. Т.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

IX *).

Въ началѣ апрѣля 1841 г. мы оставили Римъ и отправились въ Москву черезъ Вѣну, Варшаву, Брестъ и Смоленскъ. Мы спѣшили, и потому, чтобы не терять времени, позволяли себѣ дѣлать только самыя короткія остановки, дня на два, много на три, а то и на одинъ день, даже въ такихъ городахъ Италіи, какъ Флоренція, Болонья, Падуа, Венеція,—такъ что еще въ послѣднихъ числахъ того же апрѣля мы были уже на границѣ Россіи. Смутно помню этотъ возвратный путь по Италіи, будто тяжелый сонъ съ мгновенными проблесками радости, какъ это бываетъ, когда только-что встрѣтишь любимаго человѣка и тотчасъ же съ нимъ прощаешься на вѣчную разлуку: вмѣстѣ и радостно, и горько. Должно быть, глубоко и сильно отъ того времени залегло въ мою душу тревожное ощущеніе неудовлетворенной жажды того счастья, которымъ я не успѣлъ и не могъ вполнѣ насладиться. И долго потомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, даже когда я былъ уже профессоромъ, мнѣ иной разъ снилось, будто я тотчасъ же навсегда уѣзжаю изъ Рима или Флоренціи, а мнѣ еще остается такъ много видѣть, чего я не видалъ, что мнѣ надобно проститься съ тѣмъ, что̀ я такъ горячо люблю, и будто какая враждебная власть насильно вырываетъ меня изъ объятій дорогого друга: мнѣ томительно и грустно, и я съ радостью просыпаюсь отъ мучительнаго кошмара.

Когда, наконецъ, перестали раздаваться въ моихъ ушахъ бойкіе и звучные голоса рѣзвой итальянской рѣчи, на меня напало

*) См. выше: іюнь, 563 стр.

уныніе и какое-то отупѣніе, и это удрученное состояніе духа не покидало меня въ продолженіе всего возвратнаго пути. Даже Вѣна не могла пробудить во мнѣ ни малѣйшаго интереса; впрочемъ, мы и пробыли въ ней такъ недолго, что я не успѣлъ и оглянуться, какъ попали мы въ Краковъ. Въ немъ, хорошо помню, пробыли мы цѣлый день, потому что я долго ходилъ по книжнымъ магазинамъ, отыскивая себѣ собраніе стихотвореній Мицкевича. Благо Краковъ — городъ вольный: гдѣ же, какъ не здѣсь, добыть мнѣ эту запрещенную диковинку? Въ какой магазинъ ни зайду, на мой вопросъ отвѣчаютъ нѐ-хотя, озираются какъ-то опасливо и грубо отнѣкиваются: такихъ, дескать, книгъ у нихъ нѣтъ, не было и никогда не будетъ. Надобно думать, что меня сочли за соглядатая, и я, конечно, не сталъ бы себя позорить своими напрасными поисками, еслибы зналъ впередъ, что благосостояніе вольнаго города Кракова надежно охраняется подъ тройною опекою Австріи, Россіи и Турціи.

Какъ разъ на русской границѣ было получено отъ графа Сергѣя Григорьевича увѣдомленіе, что мы должны прибыть въ Москву не ранѣе половины іюня, потому что до тѣхъ поръ предполагаются въ Москвѣ празднованія и торжества по случаю прибытія въ нее царской фамиліи съ многочисленною свитою придворныхъ особъ и другихъ высокопоставленныхъ фамилій, а для пріема петербургскихъ гостей, которые непремѣнно будутъ дѣлать визиты графинѣ, только-что нанятый домъ не можетъ быть приготовленъ какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ, намъ суждено было цѣлыхъ полтора мѣсяца тащиться на долгихъ по длинному, предлинному пути, до-нельзя однообразному и безотрадно томительному, съ привалами для отдыха въ грязныхъ и дрянныхъ городишкахъ, а въ большихъ городахъ, какъ Радомъ, Варшава, Минскъ, Смоленскъ, даже Вязьма, мы останавливались на нѣсколько дней, скучая и досадуя, что даромъ теряемъ время, которое съ такою пользою и удовольствіемъ могли бы мы провести въ городахъ Италіи, промелькнувшихъ для насъ съ обидною быстротою.

Впрочемъ, сквозь смутныя потемки, охватившіе меня на этомъ долгомъ пути, выступаютъ въ моей памяти нѣсколько подробностей, которыя и теперь живо рисуются передо мною, какъ скудные оазисы на песчаной степи.

Въ Радомѣ, гдѣ мы пробыли около недѣли, я почему-то понравился тамошнему губернатору Бехтееву, о которомъ и теперь вспоминаю съ благодарностью за его ласковую готовность коротать мое время довольно пріятными развлеченіями, которыя до-

ступны въ такомъ захолустьѣ, какъ Радомъ. Между прочимъ, зная мою любовь къ искусствамъ, онъ повезъ меня съ собою недалеко за̀-городъ къ одному престарѣлому поляку, у котораго въ его деревянномъ домѣ была хорошая галерея съ произведеніями итальянскихъ и фламандскихъ живописцевъ, а также и небольшое собраніе античныхъ статуй, бюстовъ и барельефовъ. Радушный хозяинъ угостилъ насъ за завтракомъ столѣтнимъ рейнвейномъ, а потомъ показывалъ и объяснялъ свои рѣдкости, которыя достались ему по наслѣдству и частію дополнены имъ самимъ. Гдѣ теперь всѣ эти драгоцѣнности? Что̀ съ ними сталось?

Въ Варшавѣ мы прожили цѣлыхъ двѣ недѣли. Изъ нихъ осталось въ моей памяти всего два часа, которые я провелъ у Линде, знаменитаго ученаго, составившаго громадный словарь польскаго языка. Этотъ ласковый старичокъ благосклонно обошелся со мною и, желая быть мнѣ полезнымъ, ознакомилъ меня съ методомъ и пріемами его многосложной работы надъ приведеніемъ въ систему громаднаго матеріала, входящаго въ составъ словаря. Тогда онъ готовилъ новое изданіе своего польскаго лексикона. Разрозненныя замѣтки съ исправленіями и дополненіями на отдѣльныхъ осьмушкахъ листа онъ приводилъ въ порядокъ, размѣщая ихъ по содержанію въ перегородки ящиковъ. Впослѣдствіи я съ благодарностью вспоминалъ о варшавскомъ Линде, когда въ пятидесятыхъ годахъ, слѣдуя его примѣру, собиралъ разнокалиберный матеріалъ для своей большой грамматики, изданной въ двухъ частяхъ.

Странное дѣло—и до сихъ поръ Лермонтовъ соединяется въ моихъ мысляхъ съ Вязьмою, гдѣ мы пробыли дня три. Этотъ поэтъ прославился именно въ тѣ два года, когда мы жили далеко отъ своего отечества. Хотя мы получали „Сѣверную Пчелу", но я ее не читалъ, и потому былъ въ полномъ невѣденіи о томъ, что̀ дѣлалось на Руси. Въ вяземской гостинницѣ, гдѣ мы остановились, я нашелъ нумеръ Пушкинскаго „Современника", издаваемый тогда Плетневымъ, и именно въ этомъ самомъ нумерѣ изъ критической статьи, кажется, профессора Никитенка, я впервые узналъ о существованіи Лермонтова и о высокихъ качествахъ его поэтическихъ дарованій. При этомъ—живо помню—особенно заинтересовало меня въ той статьѣ кокетливое сравненіе поэзіи съ барышней, а критики—съ ея модисткой, которая примѣриваетъ и улаживаетъ ея нарядъ, урѣзывая ткань гдѣ слѣдуетъ, пришивая или отпарывая, гдѣ нужно, то бантикъ, то ленточку. Въ этомъ сравненіи отвлеченныя понятія поэзіи и критики олицетворялись для меня въ реальныхъ фигурахъ Лермонтова и Ники-

тенка, которыхъ я рисовалъ себѣ по своему, не зная въ лицо ни того, ни другого. Съ тѣхъ поръ этой книжки „Современника“ ни разу не случилось мнѣ видѣть, и я теперь въ недоумѣніи, не во снѣ ли мнѣ привидѣлась барышня, поэзія, съ ея модисткою, критикою; но я сообщаю вамъ свои воспоминанія — почему же бы не внести въ нихъ и мое сновидѣнье? Во всякомъ случаѣ оно относится ко времени моего пребыванія въ Вязьмѣ.

До сихъ поръ не могу понять, почему безподобная панорама Москвы, открывшаяся передъ нами съ Поклонной горы, по которой тогда мы спускались къ Дорогомиловской заставѣ, не оставила по себѣ въ моей памяти ни малѣйшаго слѣда. Рѣшительно не помню также и того, какъ проѣзжали мы по московскимъ улицамъ до Тверской заставы, какъ мимо Петровскаго парка и села Покровскаго, прибыли на дачу въ Братцево, верстъ за пятнадцать отъ Москвы, и какъ очутился я, наконецъ, въ своей комнатѣ одноэтажнаго павильона съ террасою налѣво отъ большого дома, въ которомъ помѣстился графъ со своимъ семействомъ. Помню только одно, какъ изъ этой безсознательной, дремотной пустоты я мгновенно очнулся, будучи пораженъ страшнымъ бѣдствіемъ.

Однажды, воротясь съ ранней прогулки къ утреннему кофе, я не засталъ ни Тромпеллера, ни обоихъ нашихъ учениковъ, которые помѣстились въ томъ же павильонѣ. „Они побѣжали туда въ домъ“,—кто-то сказалъ мнѣ: „сейчасъ привезли графа на линейкѣ, онъ сломалъ себѣ ногу“. Вотъ какъ это случилось. Графъ служилъ въ кавалеріи и былъ отличный ѣздокъ. Часовъ въ восемь утра онъ отправился верхомъ на бойкомъ конѣ, который смѣло скакалъ черезъ барьеры; но передъ одной канавой почему-то заартачился, взвился на дыбы и, опрокинувшись назадъ, повалился на̀ земь. Въ самое мгновеніе грозившей опасности графъ, какъ опытный ѣздокъ, успѣлъ высвободить обѣ ноги изъ стремянъ и ринулся съ коня на правую сторону; онъ непремѣнно избѣгнулъ бы опасности, еслибы упалъ на землю только одною четвертью аршина дальше отъ повалившаго коня; но грянувшееся ѐ-земь животное зацѣпило своимъ натискомъ ступню его лѣвой ноги и размозжило ее въ суставѣ.

Немедленно были вызваны изъ Москвы хирурги. Ихъ было четверо: Поль, Пеликанъ, Иноземцевъ и Оверъ, а для непрестаннаго наблюденія за раной—только-что кончившій курсъ лучшій студентъ медицинскаго факультета, Скворцовъ. Медики пріѣзжали въ Братцево каждый день и подолгу совѣщались, пока больной находился въ опасномъ положеніи. Чтобы спасти его

жизнь, трое изъ нихъ настаивали на ампутаціи ноги, и только одинъ Оверъ не соглашался съ ихъ заключеніемъ. Такое разногласіе, роковое—на жизнь или смерть, предоставлено было рѣшить самому графу. Онъ согласился съ Оверомъ и вмѣстѣ съ жизнью спасена была и нога.

Зная мою безграничную преданность и любовь къ графу, вы поймете, въ какомъ удрученномъ, невыносимо бѣдственномъ состояніи проводилъ я гибельные дни и минуты, пока отупѣлое отчаяніе не прояснилось первыми проблесками надежды.

Страшное событіе совсѣмъ отшибло мнѣ память. Рѣшительно не могу теперь припомнить, что̀ ему предшествовало и что̀ потомъ было—ни того, какъ, пріѣхавъ въ Братцево, я встрѣтился съ графомъ послѣ долгой разлуки, ни даже того, случилось ли мнѣ хоть взглянуть на него, пока онъ, немножко оправившись, не переѣхалъ въ Москву. Тупое уныніе заволокло непроглядною тучею эту злосчастную годину моей жизни.

Мы поселились на Знаменкѣ въ домѣ князя Гагарина (нынѣ Бутурлиныхъ), противъ самой церкви. Моя комната была наверху, окнами на дворъ. Графъ оставилъ меня при себѣ, поручивъ мнѣ давать уроки обѣимъ его дочерямъ и младшему изъ моихъ учениковъ, Григорію Сергѣевичу, такъ какъ Павелъ Сергѣевичъ, выдержавъ экзаменъ, поступилъ въ московскій университетъ по юридическому факультету. Кромѣ того, я опредѣленъ былъ учителемъ въ третью московскую гимназію, что̀ на Лубянкѣ, называвшуюся тогда реальною. На домашніе и гимназическіе уроки приходилось на каждый день не больше трехъ часовъ, и мнѣ оставалось много времени для моихъ собственныхъ занятій.

Какъ за границею графъ постоянно руководствовалъ меня своими указаніями и совѣтами, такъ и теперь, когда я принялъ на себя оффиціальную обязанность учительства, онъ призналъ нужнымъ и необходимымъ, чтобы я ознакомился съ педагогическою и дидактическою литературою, изъ которой все лучшее было собрано въ его библіотекѣ. Хотя я и пріобрѣлъ на практикѣ нѣкоторый навыкъ въ преподаваніи русскаго языка и словесности, но, какъ самоучка, не умѣлъ давать себѣ яснаго отчета въ выборѣ дидактическихъ пріемовъ и особенно затруднялся, какъ слѣдуетъ вести дѣло съ многолюднымъ классомъ учебнаго заведенія. Мнѣ недоставало теоріи, которая расширила бы мой кругозоръ. На первый разъ графъ далъ мнѣ сочиненія Дистервега и швейцарца Мàгера (Mager), который по французскому произношенію назывался также Мажé. Первый былъ наставителенъ для меня своею основательностью, а второй—широкими взглядами и разма-

шистыми планами, которые хотя и не всегда могли быть оправданы на дѣлѣ, но давали однако новыя точки зрѣнія и наводили на разные вопросы.

Когда мало-по-малу я втянулся въ эту неизвѣстную мнѣ до тѣхъ поръ дидактическую область и, наконецъ, сильно ею заинтересовался, тогда графъ, удостовѣрившись въ частыхъ бесѣдахъ со мною о моихъ быстрыхъ успѣхахъ, сталъ давать мнѣ разныя порученія, имѣвшія своимъ предметомъ распространеніе и водвореніе надлежащаго метода въ обученіи русскому языку и словесности въ училищахъ и гимназіяхъ московскаго учебнаго округа. Я долженъ былъ составлять по этому дѣлу краткіе циркуляры, а иногда и цѣлыя статьи, которыя въ печатныхъ брошюрахъ разсылались по всему учебному округу. Послѣ студенческихъ работъ, о которыхъ я уже говорилъ вамъ, это были мои первые самостоятельные опыты, удостоившіеся печати. Изъ нихъ помню два—оба относятся къ 1841 году.

Одна брошюра имѣетъ своимъ предметомъ обученіе азбукѣ по звуковому методу, который графъ пожелалъ ввести въ первоначальныхъ школахъ всего московскаго учебнаго округа. Онъ лично зналъ одного учителя въ приходской школѣ за Москвою-рѣкою, который уже успѣшно пользовался этимъ методомъ. То былъ нѣкто Гликé, родомъ грекъ, человѣкъ средняго роста, полный и смуглый, черноволосый и съ крупными чертами лица,—говорилъ басомъ. Хорошо его помню потому, что по приказанію графа нѣсколько разъ просиживалъ я по цѣлому часу у него на урокахъ, чтобы какъ слѣдуетъ, вполнѣ ознакомиться съ его пріемами въ постепенномъ порядкѣ преподаванія. Скрѣпивъ наглядною практикою уже знакомыя мнѣ изъ книгъ теоретическія правила, я изготовилъ краткое наставленіе, какъ обучать дѣтей грамотѣ по звуковому методу.

Другая брошюра касается преподаванія элементарной грамматики и содержитъ въ себѣ критическія замѣчанія на руководство: „Русская грамматика для русскихъ", составленное Половцевымъ. По рекомендаціи графа, онъ часто бывалъ у меня наверху въ моей комнатѣ, когда пріѣзжалъ въ Москву. Служилъ онъ инспекторомъ въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Его руководство графъ распространилъ по приходскимъ и уѣзднымъ училищамъ своего округа. Моя критика была напечатана съ вѣдома и даже по желанію самого Половцева, потому что была направлена не къ порицанію, а къ выгодѣ самой книги, содержа въ себѣ нѣкоторыя дополненія, замѣтки и объясненія,

какъ удобнѣе и легче было бы ею пользоваться въ школьномъ преподаваніи.

Такія работы были приложеніемъ къ оффиціальнымъ занятіямъ моей учительской карьеры, дополняя и завершая мои служебныя обязанности. Ими однѣми, разумѣется, я не могъ довольствоваться, да и вообще педагогія и дидактика не могли удовлетворять моимъ интересамъ, направленнымъ въ теченіе предшествовавшихъ двухъ лѣтъ совершенно въ другую сторону. Обаятельныя воспоминанія манили меня назадъ, въ обѣтованную страну искусства, а недовольство дѣйствительностью съ удвоенною силою напрягало мою энергію стремиться въ неопредѣленную туманную даль моихъ замысловъ, новыхъ предпріятій и надеждъ.

Чтобы дать вамъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи моего духа, привожу вамъ еще одно изъ моихъ писемъ къ милому моему ученику, барону Михаилу Львовичу Боде, который былъ тогда въ пажескомъ корпусѣ въ Петербургѣ; оно писано 26-го октября 1841 года.

„Что касается до моихъ настоящихъ занятій,—писалъ я,—то готовъ откровенно пересказать вамъ мои планы и предначинанія, если только и теперь они займутъ васъ такъ же, какъ прежде. Какая-то странная судьба поставила меня къ самому себѣ въ особенное, хотя довольно любопытное, но непонятное для меня самого отношеніе. Я здѣсь не разумѣю должности и дѣлъ по службѣ, которыя для ученаго должны быть только внѣшнимъ дополненіемъ къ его дѣятельности. Что̀ я могу и что̀ я долженъ дѣлать для нашей литературы? Найду ли въ читателяхъ сочувствіе въ тѣхъ мысляхъ, которыми наполняются теперь всѣ мои думы? Вотъ вопросъ, который и занимаетъ, и спутываетъ меня! Пишутъ же въ нашихъ журналахъ для кого-нибудь философскую галиматью, немилосердно коверкая прусскую философію Гегеля! Образъ моихъ воззрѣній, по крайней мѣрѣ, могъ бы быть животворнѣе для нравственнаго чувства и ближе къ душѣ. Не почтите словъ моихъ высокомѣрною мечтою: если во мнѣ что-нибудь есть, то всѣмъ этимъ я обязанъ тѣмъ великимъ геніямъ, произведеніями которыхъ я если не вдохновлялся, то, по крайней мѣрѣ, приходилъ въ возвышавшее меня нравственное созерцаніе. Вы догадались уже, вѣроятно, что рѣчь моя клонится не къ грамматикѣ, которою я теперь хотя и занимаюсь столько же, какъ и прежде, но, разумѣется, почитаю святотатственнымъ заглушать ею въ своей душѣ предметы, одна память о которыхъ просвѣтляетъ во мнѣ весь мракъ тускло мелькающей передо мною будущей моей дѣятельности, для которой да подкрѣпитъ меня высшая Сила! Съ дру-

гой стороны, не хочу я выдавать въ свѣтъ и своихъ путевыхъ записокъ, какъ дѣлаетъ у насъ всякій, только-что показавшій свой носъ за границу, думая, что онъ въ правѣ писать о себѣ, какъ о великомъ человѣкѣ, каждая минута жизни котораго должна обезсмертиться въ исторіи образованія. Кому какой интересъ въ томъ, что̀ я когда дѣлалъ и что̀ говорилъ, гдѣ былъ и куда ѣздилъ? Не думайте, однакожъ, чтобы я рѣшительно коснѣлъ въ бездѣйствіи. Нѣтъ, я соображаю, думаю, пишу, хотя, признаюсь, и не столько, сколько бы хотѣлъ. Моя суетливая жизнь отнимаетъ у меня пропасть времени. Однако, не въ доказательство своей дѣятельности—потому что тогда доказательство было бы очень неполновѣсно,—а въ знакъ моей преданности къ вамъ, какъ прилежному и внимательному къ моимъ классамъ ученику, посылаю приложенную при письмѣ маленькую брошюрку. Я почелъ обязанностью сообщить вамъ ее потому именно, что въ ней говорю нѣсколько словъ о той наукѣ, которою нѣкогда занимался съ вами. Краткость ея объясняется тѣмъ, что она принята по всему учебному округу, какъ правило, отъ котораго не должны отступать учителя въ преподаваніи по грамматикѣ Половцева, на которую и написаны мною эти замѣчанія. Собственно говоря, это маленькое сочиненіе есть не что̀ иное, какъ критика, но я старался возвести эту критику на степень оффиціальнаго правила, удержавшись такимъ образомъ отъ всякой пристрастной и не идущей къ дѣлу полемики. Для меня особенно пріятно, что сочиненіе такого рода въ нашемъ быту еще никому не приходило въ голову“...

Письмо это, сбереженное отъ того далекаго времени барономъ Михаиломъ Львовичемъ въ его Колычевскомъ архивѣ, достаточно характеризуетъ вамъ смутное, еще неустановившееся броженіе моихъ идей, намѣреній и плановъ въ раздвоеніи ученыхъ интересовъ и досужихъ мечтаній, между такими противоположными крайностями, какъ искусство и филологія съ лингвистикою. Міръ изящнаго былъ уже позади меня, и мнѣ оставалось только разбираться въ своихъ драгоцѣнныхъ воспоминаніяхъ и приводить ихъ въ порядокъ, какъ результатъ прошедшаго. Основательное, вполнѣ научное изслѣдованіе элементовъ и формъ языка по лингвистическому сравнительному методу представлялось завидною цѣлью намѣченнаго мною пути; но чтобы безпрепятственно вступить на него, надобно было освободиться отъ тормазовъ педагогики и дидактики. Обѣ эти дисциплинарныя науки имѣли для меня только временное, преходящее значеніе. Онѣ должны были

придавать нѣкоторый интересъ моему учительству въ гимназіи, которое было мнѣ и тягостно, и скучно.

Въ то самое время, когда по порученію графа я писалъ наставленія, какъ учить грамотѣ по звуковому методу и какъ преподавать школьную грамматику по учебнику Половцева, счастливый случай привелъ мнѣ отвести душу на такомъ занятіи, которое больше всѣхъ другихъ было по сердцу. Мой дорогой наставникъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ, всегдашній поощритель и возбудитель молодежи къ литературнымъ работамъ, предложилъ мнѣ изготовить для его „Москвитянина" какую-нибудь статейку объ Италіи, которую я хорошо знаю и такъ люблю. Я выбралъ себѣ темою „Храмъ Св. Петра въ Римѣ" и въ 1842 году напечаталъ въ этомъ журналѣ ту бездѣлицу, о которой я уже упоминалъ вамъ по случаю моего „римскаго сновидѣнія". Когда я писалъ эту статью, я вовсе не разсчитывалъ на вниманіе къ ней публики; мнѣ хотѣлось только предъявить моимъ университетскимъ наставникамъ, Погодину и Шевыреву, кое-что объ успѣшныхъ результатахъ моихъ занятій въ Италіи. Я старался какъ можно больше набрать фактовъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ ними о своихъ свѣденіяхъ и начитанности, будто студентъ на экзаменѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ я чувствовалъ потребность дать отчетъ о моихъ познаніяхъ по классической археологіи профессору римской литературы и древностей—Дмитрію Львовичу Крюкову, который и напутствовалъ меня за-границу, какъ вы уже знаете, самымъ полезнымъ для меня указаніемъ книги Отфрида Мюллера, служившей мнѣ ежедневнымъ руководствомъ въ изученіи памятниковъ античнаго искусства. Горячо любимый мною, Дмитрій Львовичъ съ сочувственнымъ одобреніемъ выслушивалъ мои восторженныя впечатлѣнія, когда я разсказывалъ ему о мюнхенскихъ Эгинетахъ, и барберинскомъ Фавнѣ, о флорентійскихъ Борцахъ и Точильщикѣ, о бюстѣ Юноны и группѣ Арія и Петы въ виллѣ Людовизи, о геркуланскомъ бронзовомъ Меркуріѣ въ неаполитанскомъ музеѣ и о многомъ другомъ. Тогда же было рѣшено между нами, что я составлю небольшую монографію объ античномъ пластическомъ стилѣ и о типахъ греческихъ божествъ. Я благоговѣлъ передъ Винкельманомъ и вполнѣ сочувствовалъ его взглядамъ и вкусамъ; потому мнѣ легко было выполнить взятую на себя задачу. Къ сожалѣнію, мнѣ суждено было довести ее до конца не раньше какъ въ 1851 году, когда моего незабвеннаго наставника не было уже въ живыхъ.

X.

Другія настоятельныя дѣла и спѣшныя работы отвлекали мое вниманіе отъ досужихъ занятій по археологіи и исторіи искусства. Графъ совѣтовалъ мнѣ немедленно готовиться къ магистерскому экзамену и вмѣстѣ съ тѣмъ привести въ порядокъ мои свѣденія по дидактикѣ и педагогіи въ ихъ спеціальномъ примѣненіи къ школьному преподаванію роднаго языка, стилистики и литературы. Чтобы уэкономить время и не раздвоять своихъ силъ между учеными и учебными интересами, я рѣшилъ сначала покончить съ экзаменомъ, а потомъ написать книгу педагогическаго и дидактическаго содержанія для преподавателей русскаго языка и словесности.

Я готовился къ своему магистерству по предварительному взаимному соглашенію съ экзаменаторами. Они хорошо знали о моихъ успѣшныхъ занятіяхъ за границею и отнеслись ко мнѣ благодушно и снисходительно, не въ примѣръ другимъ, можетъ быть, отчасти и изъ уваженія къ графу, который меня любилъ и жаловалъ, заботясь о моемъ образованіи. Ихъ было четверо: деканъ факультета, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, долженъ былъ экзаменовать меня изъ теоріи словесности и языка (изъ такъ-называемой общей грамматики); Степанъ Петровичъ Шевыревъ — изъ исторіи иностранной и русской литературы; Осипъ Максимовичъ Бодянскій—изъ славянскихъ нарѣчій, и Дмитрій Львовичъ Крюковъ — изъ философіи, такъ какъ спеціальнаго профессора по этому предмету въ московскомъ университетѣ тогда не было.

Явиться съ отвѣтомъ на судъ передъ Давыдовымъ и Шевыревымъ я чувствовалъ себя вполнѣ готовымъ. Но философія была для меня темнымъ лѣсомъ. Никогда не любилъ я отвлеченностей, не люблю и теперь. Крюковъ пощадилъ меня и назначилъ для экзамена изъ головоломной философіи Гегеля только эстетику и этимъ однимъ ограничилъ свои требованія. Главное затрудненіе представляли мнѣ славянскія нарѣчія, такъ какъ въ мое время они въ московскомъ университетѣ еще не преподавались. Бодянскій сталъ ихъ читать съ каѳедры, когда я только что возвратился изъ за-границы. Я прослушалъ у него нѣсколько лекцій и по его указанію запасся славянскими древностями и славянскою этнографіею Шафарика, изданіями суда Любуши, краледворской рукописи и сборниковъ пѣсенъ сербскихъ, чешскихъ, хорватскихъ и другихъ.

Мнѣ легко было сладить съ славянскими нарѣчіями, потому

что съ самымъ труднымъ изъ нихъ, съ польскимъ, я порядочно ознакомился, еще будучи студентомъ, отъ своихъ товарищей поляковъ. Сверхъ того, когда я готовился къ магистерскому экзамену, по счастливой случайности, я близко сошелся съ однимъ болгариномъ, молодымъ человѣкомъ моихъ лѣтъ, который изъ своихъ соплеменниковъ, кажется, былъ первымъ ихъ предшественникомъ между студентами московскаго университета. У заграничныхъ славянъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ прославился тогда и чествовался, какъ ихъ всеобщій покровитель и заступникъ; потому и этотъ болгаринъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву явился именно къ нему, былъ имъ принятъ съ распростертыми объятіями и немедленно водворенъ въ его домѣ на Дѣвичьемъ Полѣ. Этотъ молодой человѣкъ, по фамиліи Бусилинъ, ни слова не умѣлъ сказать по-русски и, чтобы обучить его нашему языку, Погодинъ рекомендовалъ его мнѣ. Бусилинъ приходилъ ко мнѣ на Знаменку раза два или три въ недѣлю, и мы взаимно обучали другъ друга: я его—русскому языку, а онъ меня—болгарскому и сербскому, на которомъ онъ свободно говорилъ. Для чтенія на болгарскомъ языкѣ у насъ не было подъ руками ни одной печатной книги. Приходилось довольствоваться тѣмъ, что̀ Бусилинъ напишетъ мнѣ по памяти; а такъ какъ я интересовался народной словесностью, то онъ писалъ для меня пѣсни своего родного племени, которыя особенно дороги были мнѣ потому, что ни одного сборника болгарскихъ пѣсенъ не было еще тогда въ печати. Въ 1843 году въ моей магистерской диссертаціи, со словъ Бусилина, я привелъ цитату изъ болгарской народной поэзіи о какихъ-то вѣщихъ дѣвахъ, соединяющихъ въ своемъ типѣ сербскихъ вилъ съ малорусскими русалками.

Для практики въ русскомъ разговорномъ языкѣ я заставлялъ Бусилина разсказывать мнѣ о его соплеменникахъ, о ихъ образѣ жизни, о нравахъ и обычаяхъ, объ ихъ отношеніяхъ къ турецкимъ властямъ и къ высшимъ чинамъ духовной іерархіи, состоящей изъ грековъ.

Особенно живо сохранился въ моей памяти одинъ изъ его разсказовъ. Было тогда въ обычаѣ у турецкихъ вельможъ брать къ себѣ поваровъ изъ болгаръ, которые предпочитались грекамъ въ кухмистерскомъ искусствѣ. Пріятель Бусилина, молодой болгаринъ красивой наружности, былъ поваромъ у одного паши въ Константинополѣ. Кухня его выходила на задворокъ, примыкавшій къ обширному внутреннему саду, который былъ окруженъ задними сторонами дворца, построеннаго на планѣ четвероуголь-

ника. Въ этотъ садъ иногда выходили прогуливаться жены того паши съ ихъ дочерьми.

По словамъ Бусилина, въ ту пору въ турецкихъ гаремахъ стала замѣтно распространяться европейская цивилизація, которую вносили въ нихъ съ собою сыновья и братья гаремныхъ затворницъ, возвращавшіеся домой изъ Парижа, куда были посылаемы ихъ родителями для образованія. Мало-по-малу стали оглашаться заповѣдные покои гаремовъ бойкою французскою рѣчью и веселою бальною музыкою, подъ которую щеголеватые братцы со своими сестрицами танцовали вальсы, кадрили и мазурки, а втихомолку западали въ юныя души и сердца новыя идеи, новые помыслы и новыя стремленія къ чему-то лучшему, манящему въ даль, вносящему въ жизнь невѣдомыя дотолѣ радости и надежды. Въ гаремѣ повѣяло предвѣстіемъ христіанскаго просвѣщенія. Женщина почуяла свое высокое призваніе въ благотворной семейной средѣ христіанскаго бракосочетанія.

Однажды самая любимая пашею изъ всѣхъ его взрослыхъ дочерей за ея красоту и благодушный нравъ, прогуливаясь по саду, замѣтила въ отворенномъ окнѣ кухни молодого человѣка и плѣнилась его наружностью. То былъ болгарскій поваръ, пріятель Бусилина. Будучи мечтательна по природѣ, она любила уединеніе, и теперь никому и въ голову не приходило слѣдить за нею, когда она одна-одинехонька каждый день проходила по аллеямъ, тянущимся вдоль внутреннихъ стѣнъ гарема, надѣясь взглянуть на обожаемаго ею человѣка, которому она съ перваго взгляда отдала свое сердце. Ея сестры и подруги толпились и играли въ разныя игры обыкновенно по серединѣ сада у бесѣдокъ съ фонтанами. Болгаринъ сначала дичился и робѣлъ и всякій разъ прятался, когда она, проходя мимо, остановится и броситъ на него свой любящій взглядъ, но потомъ немножко попривыкъ и пересталъ отъ нея скрываться. Чтобы покончить дѣло однимъ разомъ, она смѣло отважилась на рѣшительныя мѣры и въ глухую полночь явилась въ его комнатѣ, бросилась къ нему на шею и требовала, чтобы онъ сейчасъ же бѣжалъ съ нею: она приметъ христіанскую вѣру и выйдетъ за него замужъ; она все обдумала и взяла съ собою много денегъ и всякихъ драгоцѣнностей. Болгаринъ окаменѣлъ отъ ужаса и, когда могъ вымолвить слово, наотрѣзъ отказался исполнить ея безумный планъ. Она умоляла его, плакала и терзалась; онъ былъ непреклоненъ и стоялъ на своемъ. Тогда она схватила кухонный ножъ и вонзила его себѣ въ горло. Впослѣдствіи на допросѣ оказалось, что онъ второпяхъ розрялъ по частямъ трупъ злосчастной дѣвушки, сложилъ ихъ въ

большую и высокую плетеную корзину, которую онъ каждое утро бралъ съ собою для покупки провизіи на базарѣ, находившемся на небольшомъ островѣ верстахъ въ двухъ отъ берега. Корзину поставилъ онъ на ручную телѣжку, спозаранку до восхода солнца подвезъ ее къ берегу и перенесъ на свою лодку, стоявшую между другими, принадлежавшими тоже разнымъ поварамъ и хозяевамъ. Никого еще не было въ эту раннюю пору и онъ одинъ-одинехонекъ отплылъ къ острову; на половинѣ пути, озираясь кругомъ, понемножку сталъ опрастывать корзину отъ кровавой клади. Море бурлило, и высоко вздымавшіяся волны заслоняли отъ постороннихъ глазъ его святотатственное дѣло. На базарѣ купилъ онъ что̀ нужно и въ той же корзинѣ привезъ домой. Но въ гаремѣ давно уже поднялась тревога, повсюду шумъ и гвалтъ. Любимая дочь паши пропала безъ вѣсти, и только-что появился болгаринъ—тотчасъ же былъ схваченъ. Улики были несомнѣнны: полъ въ его жильѣ политъ кровью, тамъ и сямъ попадаются драгоцѣнныя вещицы, принадлежавшія пропавшей красавицѣ, и окровавленные клочки ея одежды. Паша былъ въ изступленіи отъ гнѣва и ярости, когда привели къ нему болгарина еле живого, онѣмѣлаго отъ страха и ужаса. Паша накинулся на него какъ бѣшеный, билъ его и проклиналъ, ругалъ тупоумнымъ трусомъ, подлымъ злодѣемъ, безчеловѣчнымъ извергомъ, а вмѣстѣ плакалъ и рыдалъ, трогательно внушая ему горькіе упреки и жалостливыя завѣренія, что онъ простилъ бы и его, и свою дочь, если бы они открылись ему въ своей любви, смилостивился бы надъ ними, благословилъ бы ихъ супружество и щедро бы наградилъ. Само собою разумѣется, пріятель Бусилина немедленно былъ казненъ.

Бусилинъ былъ средняго роста, незначительной наружности и слабаго, хрупкаго сложенія. Нашъ суровый климатъ былъ не по немъ, особенно когда наступали зимніе морозы. Онъ прихварывалъ и видимо чахнулъ. На него напало уныніе; тяжелыя думы чаще и чаще стали омрачать его смиренный нравъ, и безъ того меланхолическій. Къ болѣзненному состоянію, очевидно, что-то прибавилось другое и угнетало его пуще хвори. Мое сердечное участіе вызвало его на откровенность. Оказалось, что и онъ, также какъ его константинопольскій пріятель, былъ трусливаго десятка. Онъ боялся оставаться въ Москвѣ, чтобы не умереть отъ болѣзни, и еще сильнѣе страшился воротиться на родину, гдѣ онъ неминуемо подвергнется смертной казни, если будетъ оклеветанъ передъ турецкими властями въ государственной измѣнѣ, что̀ случалось нерѣдко съ турецкими подданными

изъ славянъ, возвращавшимися изъ Россіи домой. Онъ былъ убѣжденъ, что можетъ спастись отъ угрожавшей ему бѣды не иначе, какъ принявъ русское подданство,—тогда не посмѣютъ наложить на него руку. Погодинъ много хлопоталъ за него въ этомъ дѣлѣ, но получилъ рѣшительный отказъ, потому что вслѣдствіе какихъ-то дипломатическихъ постановленій строжайше воспрещено было охранять русскимъ подданствомъ балканскихъ славянъ отъ турецкаго деспотизма. Я съ своей стороны обратился къ графу Сергѣю Григорьевичу съ просьбою о ходатайствѣ за горемычнаго Бусилина, но онъ далъ мнѣ тотъ же неблагопріятный отвѣтъ. И такъ ничего не оставалось моему бѣдному болгарину, какъ умереть далеко отъ своей родины. Онъ прожилъ въ Москвѣ года два и скончался въ студенческой больницѣ.

Отъ этого эпизода возвращаюсь къ прерванному разсказу о томъ, какъ готовился я къ магистерскому экзамену. Наконецъ онъ наступилъ. Это было въ 1843 году, въ залѣ правленія и совѣта, въ старомъ зданіи университета, подъ тою аудиторіею, вамъ уже извѣстною, въ которой въ 1834 году я держалъ вступительный экзаменъ въ студенты. Теперь рѣшительно не помню, какіе именно вопросы предлагались мнѣ Давыдовымъ, Шевыревымъ, Крюковымъ и Бодянскимъ, и что̀ и какъ отвѣчалъ я имъ; живо и ярко помню только одно—это самый конецъ моего экзамена, точнѣе сказать—завершеніе его настоящею драматическою сценою, которая къ великой моей радости дала мнѣ знать, что выдержалъ я испытаніе на степень магистра съ рѣшительнымъ успѣхомъ. Когда экзаменаторы и прочіе члены факультета встали изъ-за стола, чтобы разойтись по домамъ, въ ихъ толпѣ послышались мнѣ голоса Крюкова и Шевырева, которые о чемъ-то между собою спорили. Оказалось, что дѣло шло обо мнѣ, кому изъ обоихъ я больше обязанъ своимъ образованіемъ. Шевыревъ по свойственной ему пылкости горячился и выходилъ изъ себя; Крюковъ съ обычною его нраву сдержанностью отвѣчалъ ему хладнокровно и мягко, но съ остроумными подковырками, хотя и въ безукоризненно-вѣжливой формѣ. Это бѣсило Шевырева, и онъ наконецъ дошелъ до того, что сталъ придираться къ своему сопернику и упрекать его въ невѣріи и безнравственности, такъ что я перепугался, чтобы меня самого не потащили на расправу, и стремглавъ бросился вонъ.

Для объясненія этой сцены я долженъ припомнить вамъ, что тогда уже обострились непріязненныя отношенія между прежними профессорами и прибывшими изъ-за границы, а также и между славянофилами и западниками. Крюковъ былъ западникъ

гегелевской школы, и потому казался Шевыреву анархистомъ и атеистомъ.

Вы уже знаете, что одновременно съ приготовленіемъ къ магистерству я работалъ надъ сочиненіемъ „О преподаваніи отечественнаго языка". Оно вышло въ свѣтъ въ 1844 году, въ двухъ частяхъ. Первая содержитъ въ себѣ дидактическіе правила и пріемы, какъ преподавать этотъ предметъ, собранные мною по указанію графа въ матеріалахъ и пособіяхъ его богатой библіотеки, а вторая—мои изслѣдованія по русскому языку и стилистикѣ во множествѣ болѣе или менѣе объемистыхъ замѣтокъ, накопившихся у меня по мѣрѣ того, какъ я готовился къ магистерскому экзамену. Вмѣстѣ съ капитальнымъ изслѣдованіемъ Вильгельма Гумбольдта о сродствѣ и различіи индо-германскихъ языковъ, я изучалъ тогда сравнительную грамматику Боппа и умѣлъ уже довольно бойко читать санскритскую грамоту, которой обучилъ меня университетскій товарищъ мой, Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ,—въ Москвѣ только онъ одинъ и зналъ этотъ языкъ, до возвращенія извѣстнаго санскритолога Петрова изъ-за границы. Но особенно увлекся я сочиненіями Якова Гримма и съ пылкой восторженностью молодыхъ силъ читалъ и зачитывался его исторической грамматикою нѣмецкихъ нарѣчій, его нѣмецкою миѳологіею, его нѣмецкими юридическими древностями. Этотъ великій ученый былъ мнѣ вполнѣ по душѣ. Для своихъ неясныхъ, смутныхъ помысловъ, для исканія ощупью и для загадочныхъ ожиданій я нашелъ въ его произведеніяхъ настоящее откровеніе. Меня никогда не удовлетворяла безжизненная буква: я чуялъ въ ней музыкальный звукъ, который отдавался въ сердцѣ, живописалъ воображенію и вразумлялъ своею точною, опредѣленною мыслью въ ея обособленной, конкретной формѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ германской старины Гриммъ постоянно пользуется грамматическимъ анализомъ встрѣчающихся ему почти на каждомъ шагу различныхъ терминовъ глубокой древности, которые въ настоящее время уже потеряли свое первоначальное значеніе, но оставили по себѣ и въ современномъ языкѣ производныя формы, болѣе или менѣе уклонившіяся отъ своего ранняго первообраза, столько же по этимологическому составу, какъ и по смыслу. Сравнительная грамматика Боппа и изслѣдованія Гримма привели меня къ тому убѣжденію, что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатлѣніе и потомъ уже перешло къ условному знаку отвлеченнаго понятія, какъ монета, которая отъ многолѣтняго оборота, переходя изъ

рукъ въ руки, утратила свой чеканный рельефъ и сохранила только номинальный смыслъ цѣнности.

Вотъ какимъ путемъ я наконецъ открылъ себѣ жизненную, потайную связь между двумя такими противоположными областями моихъ научныхъ интересовъ, какъ исторія искусства съ классическими древностями и грамматика русскаго языка. Въ Италіи я изучалъ художественные стили—пластическій, живописный, орнаментальный, античный, византійскій, романскій, готическій, ренессансъ, рококо, барокко; теперь я уяснялъ себѣ отличіе литературнаго стиля отъ слога: первый отнесъ къ общей группѣ художественнаго разряда, а второй подчинилъ грамматическому анализу, какъ живописецъ подчиняетъ своему стилю техническую разработку рисунка, колорита, свѣтотѣни и разныхъ подробностей въ исполненіи. Такъ, напримѣръ, постоянные эпитеты, тождесловіе, длинное сравненіе—я отнесъ къ слогу, которымъ пользуется эпическій стиль Гомера или нашей народной поэзіи. Языкъ въ теперешнемъ его составѣ представлялся мнѣ результатомъ многовѣковой переработки, которая старое мѣняла на новый ладъ, первоначальное и правильное искажала и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своеземное вносила новыя формы изъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ весь составъ русскаго языка представлялся мнѣ громаднымъ зданіемъ, которое слагалось, передѣлывалось и завершалось разными перестройками въ теченіе тысячелѣтія, въ родѣ, напримѣръ, римскаго собора Маріи Великой (Maria Maggiore), въ которомъ раннія части восходятъ къ пятому вѣку, а позднѣйшія относятся къ нашему времени. Гуляя по берегамъ Байскаго залива, я любилъ реставрировать въ своемъ воображеніи развалины античныхъ храмовъ и другихъ зданій; теперь съ такимъ же любопытствомъ я реставрировалъ себѣ переиначенныя временемъ формы русскаго языка. Современная книжная рѣчь была главнымъ предметомъ моихъ наблюденій. Въ ней видѣлъ я итогъ постепеннаго историческаго развитія русскаго народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и центральный пунктъ, окруженный необозримой массою областныхъ говоровъ. Карамзинъ и Пушкинъ были мнѣ авторитетными руководителями въ моихъ грамматическихъ соображеніяхъ. Первый щедрою рукою бралъ въ свою прозу мѣткія слова и выраженія изъ старинныхъ документовъ, а второй украшалъ свой стихъ народными формами изъ сказокъ, былинъ и пѣсенъ. Этотъ великій поэтъ всегда ратовалъ за разумную свободу русской рѣчи противъ безпощаднаго деспотизма, противъ условныхъ, ни на чемъ не основанныхъ предписаній и правилъ грамматики Греча, которая тогда повсе-

мѣстно господствовала. Еще на студенческой скамейкѣ изъ лекцій профессора Шевырева я оцѣнилъ и усвоилъ себѣ это завѣтное убѣжденіе Пушкина и старался сколько могъ провести его въ своихъ разрозненныхъ изслѣдованіяхъ о языкѣ и слогѣ, помѣщенныхъ во второй части моего сочиненія „О преподаваніи отечественнаго языка".

Несмотря на мою неопытность въ книжномъ дѣлѣ, сочиненіе это имѣло рѣшительный успѣхъ, потому что тотчасъ же какъ только появилось въ печати было замѣчено критикою. Одни меня хвалили, другіе ругали до-нельзя и всячески надо мною издѣвались. Прошу васъ припомнить, что въ моихъ воспоминаніяхъ я ни разу не привелъ вамъ ни одной цитаты изъ какой-нибудь печатной статьи или книги. Теперь, чтобы вы сами могли судить о моемъ успѣхѣ, привожу вамъ выдержку изъ „Библіотеки для Чтенія", барона Брамбеуса, за 1844 годъ.

„Имя одного изъ Буслаевыхъ давно уже извѣстно въ лѣтописяхъ русской литературы. Онъ былъ духовнаго званія, дьякономъ при московскомъ успенскомъ соборѣ. Овдовѣвши, оставилъ онъ свое званіе и находился при частныхъ дѣлахъ у богатаго барона Григорія Дмитріевича Строганова. Кончина добродѣтельной супруги благодѣтеля, баронессы Маріи Яковлевны, внушила Буслаеву мысль увѣковѣчить память ея огромною поэмою, которая была напечатана въ 1734 году, въ Москвѣ въ двухъ большихъ квартантахъ, подъ заглавіемъ: *„Умозрительство душевное, описанное стихами, о переселеніи въ вѣчную жизнь превосходительной баронессы Маріи Яковлевны Строгановой"*. Въ концѣ поэмы были приложены два длинныя стиховныя надгробія. Буслаевъ писалъ силлабическимъ размѣромъ съ риѳмами, какъ писаны сатиры Кантемира. Тредіаковскій приходилъ въ восторгъ отъ стиховъ Буслаева. Приводя нѣсколько строкъ его въ своемъ „Разсужденіи о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотворствѣ", онъ чистосердечно восклицаетъ: *„Что̀ выше сего выговорить человѣкъ возможетъ, что̀ сладостнѣе и вымышленнѣе? Еслибы въ сихъ стихахъ паденіе стопъ было возвышающихся и понижающихся, по опредѣленнымъ разстояніямъ, то что̀ сихъ стиховъ могло бы быть глаже и плавнѣе?"*

„Авторъ предлежащей книги „О преподаваніи отечественнаго языка", соплеменникъ, а можетъ быть, и потомокъ поэта, которому такъ удивлялся Тредіаковскій, счелъ нужнымъ сочинить съ своей стороны также *умозрительство*. По *умозрительству* господина Буслаева, нашего современника, выучиться отечественному языку—дѣло весьма легкое. „Изученіе родного языка *раскры-*

ваетъ всѣ нравственныя силы учащагося, даетъ ему *истинно гуманическое образованіе*, заставляетъ *вникать въ ничтожныя безжизненныя мелочи и открываетъ въ нихъ глубокую жизнь во всей неисчерпаемой полнотѣ ея...* Послѣ Закона Божія нѣтъ ни одного предмета, въ которомъ бы *такъ тѣсно и гармонически совокуплялось преподаваніе съ воспитаніемъ*. Постепенное раскрытіе родного дара слова должно быть *раскрытіемъ всѣхъ нравственныхъ силъ учащагося потому, что родной* языкъ есть *неистощимая сокровищница всего духовнаго бытія человѣческаго*; а кто понялъ сравнительное языкознаніе, для того уже не существуетъ *непроходимаго средостѣнія между русскимъ и чужеземнымъ языкомъ*. Истинный *гуманизмъ* вездѣ видитъ человѣка и сознаетъ, что въ необъятной *махинѣ* созданія *не пропадаетъ ни единаго волоса съ головы человѣческой*. Неправы тѣ, которые полагаютъ, будто *изслѣдованіе буквы* убиваетъ всякое сочувствіе къ живой идеѣ. Буква есть *самая дробная стихія человѣческаго слова. Философія языка* только тогда будетъ невыблема, когда глубоко укоренится на *изученіи буквы*. Кто съ надлежащей точки смотритъ на *букву*, тотъ понимаетъ *языкъ* во всей его *осязательности, изобразительности и жизненной полнотѣ*. Главное дѣло тутъ—*метода*: она имѣетъ цѣлью *подчинить человѣческій духъ, какъ существо, учащееся* буквѣ, *извѣстнымъ законамъ*, и психологически вникаетъ въ познавательную способность этого существа"...

„На такихъ-то истинахъ „умозрительства" воздвигнуты два тома господина Буслаева. Кто, прочитавъ ихъ, вооружится истинною *философіей*, тотъ пройдетъ самымъ *гуманнымъ* образомъ всякое *непроходимое средостѣніе* и проглотитъ всѣ *дробныя стихіи языка*. Познавательная сила человѣческаго духа, какъ *существа учащагося* буквѣ, подвергается здѣсь ученію не только по толковымъ образцамъ, но даже и по безсмыслицѣ.

. . . .

„Такимъ образомъ, piano pianissimo вы достигнете совершенства въ языкѣ и начнете чувствовать гомерическія красоты слога „Мертвыхъ душъ", который уже есть высшая, недостижимая степень идеальности русскаго слова. Господинъ Буслаевъ не берется обучать черезъ безсмыслицу до такой превосходной степени и благоговѣйно выписываетъ для назиданія нижеслѣдующій примѣръ недосягаемаго гомеризма: „Будетъ, будетъ все поле съ *облогами* и дорогами покрыто ихъ бѣлыми, *торчащими* костями, *щедро обмывшись* козацкою *ихъ* кровью и покрывшись *разбитыми* возами, *расколотыми* саблями и копьями *и запекшимися въ крови чубами и опущенными книзу* усами; будутъ орлы, налетѣвъ, вы-

дирать и выдергивать изъ нихъ *козацкія очи*. Но добро великое въ такомъ широко и вольно *разметавшемся смертномъ ночлегѣ*! Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ *малая порошинка* съ ружейнаго дула, *козацкая слава*... И пойдетъ *дыбомъ* по всему свѣту *о нихъ* слава"...

„Донынѣ вы добродушно полагали, что весь этотъ гомеризмъ —чепуха по мысли, чудовище по выраженію, галиматья, которой безъ смѣху и сожалѣнія читать нельзя; *щедрое мытье кровью, расколотыя сабли, разбросанные по полю чубаны, вольно разметавшійся смертный ночлегъ и козацкая слава*, которая *ходитъ по свѣту дыбомъ*, принадлежатъ къ языку бѣлой горячки, а не русскому и подлежатъ болѣе сужденію медицины, чѣмъ литературной критики. О, заблужденіе! о, отсутствіе всякой гуманности! Вы доселѣ—

„*Въ невѣжествѣ коснѣя, утопая*", не знали *философіи букв*! Прочитайте „умозрительство" г. Буслаева, „О преподаваніи отечественнаго языка", раскройте *познавательность* своего духа *черезъ безсмыслицу*—и вы поймете, что „выше сего, сладостнѣе и вымышленнѣе выговорить человѣкъ не возможетъ".

Къ этому похвальному аттестату, данному мнѣ въ журналѣ барона Брамбеуса, не замедлила приложить свою руку и „Сѣверная Пчела" Булгарина и Греча въ коротенькой замѣткѣ въ самомъ концѣ статьи, гдѣ критикъ называетъ поименно разныя плохія сочиненія и „странную книгу о томъ, какъ *разучиться* писать по-русски—г. Буслаева".

Не думаю, чтобы писатель, даже самый апатичный, былъ одинаково равнодушенъ и къ ругательству, и къ похваламъ, которыми критика встрѣчаетъ его произведенія; мнѣ было стыдно и жутко читать не только вслухъ, но и про себя, какъ передъ цѣлымъ свѣтомъ окатили мое до сихъ поръ никому неизвѣстное имя помоями и топтали его въ грязь. Но я вполнѣ утѣшился и ободрился сочувственными мнѣ отзывами въ „Русскомъ Инвалидѣ" и въ Пушкинскомъ „Современникѣ", которые отнеслись ко мнѣ не только вѣжливо, но и ласково и вполнѣ одобрительно. Впрочемъ, данный мнѣ нагоняй оказался небезполезнымъ и пошелъ мнѣ впрокъ. Только-что я очутился первый разъ на толкучемъ рынкѣ разноголосной критики, тотчасъ же принялъ неизмѣнное рѣшеніе никогда не вступать въ журнальную полемику и сдержалъ его въ теченіе всей моей жизни до глубокой старости. Я всегда думалъ такъ: когда мое писанье ругаютъ за дѣло, то было бы глупо отвѣчать на критику, которая, въ сущности, желаетъ

мнѣ добра въ исправленіи моихъ ошибокъ, а если лаются сдуру, то Богъ съ ними, пусть себѣ тѣшатся: брань на вороту не виснетъ.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о діаконѣ Буслаевѣ и о его „умозрительствѣ душевномъ“, посвященномъ памяти баронессы М. Я. Строгановой. Эта давняя старина, выдвинутая на первый планъ въ самомъ началѣ критики и дающая ей основной тонъ, навела меня на очень вѣроятную догадку, которая много забавляла меня и радовала. Половцевъ пользовался расположеніемъ графа Сергѣя Григорьевича, который, какъ вы уже знаете, при моемъ содѣйствіи распространилъ его русскую грамматику по всему московскому учебному округу. Это могло быть извѣстно Гречу или кому другому изъ его многочисленныхъ почитателей отъ самого Половцева, который жилъ и былъ на службѣ въ Петербургѣ. Если какъ-нибудь тамъ узнали, что именно графъ Строгановъ мнѣ поручилъ составить руководство для обученія въ гимназіяхъ русскому языку и слогу, то баронессою Строгановой, покровительницею діакона Буслаева, очевидно, намекалось на графа Сергѣя Григорьевича. Наскоро и въ великихъ попыхахъ просмотрѣвъ критику, я тотчасъ же понесъ ее къ графу. По его желанію я долженъ былъ ее прочитать ему всю сполна. Онъ много смѣялся и, утѣшая меня, говорилъ: „успокойтесь и ободритесь,—не васъ однихъ тутъ отдѣлали; немножко зацѣпили и меня“. А надобно вамъ знать, что онъ былъ съ родни той баронессѣ Маріи Яковлевнѣ, потому что такъ-называемые „именитые люди Строгановы“ сначала возведены были въ баронское достоинство, а потомъ получили графскій титулъ.

Въ заключеніе моего разсказа о трехъ годахъ по возвращеніи въ Москву я долженъ привести вамъ здѣсь письмо графа Сергѣя Григорьевича ко мнѣ изъ Петербурга, 1843 года, чтобы вы сами могли видѣть, какъ доброжелательно, откровенно и вполнѣ по-дружески въ то далекое время могъ относиться попечитель московскаго университета къ молодому учителю одной изъ гимназій его учебнаго округа.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приложенный здѣсь списокъ пѣсни о полку Игоревѣ подложный и, вѣроятно, работы покойнаго Бардина; но при всемъ томъ оный очень любопытенъ потому, что переписчикъ имѣлъ передъ глазами не только извѣстный Пушкинскій экземпляръ, но еще какой-то другой, который служилъ ему къ объясненію нѣкоторыхъ словъ. Коркуновъ обѣщалъ мнѣ доставить замѣчанія его объ этомъ спискѣ, которыя я вамъ привезу. Имѣя возможность переслать вамъ, Ѳедоръ Ивановичъ, согласно желанію вашему, самый списокъ, не могу упу-

стить благопріятнаго случая познакомить васъ съ произведеніями нашихъ искусниковъ. Прошу васъ покорнѣйше возвратить оный черезъ недѣлю.

„Вы не можете представить себѣ, какъ петербургская жизнь отвлекаетъ отъ литературныхъ занятій! Видно, что даже Академія —подъ вліяніемъ общей разсѣянности, ежели не вся, то, конечно, ея высшіе представители Русскаго Отдѣленія. Я былъ на торжественномъ засѣданіи Академіи на прошлой недѣлѣ, слышалъ отчетъ, слышалъ, какъ, между прочимъ, говорилось о трудахъ Отдѣленія надъ разборомъ грамматики Половцева, какъ оно занимается составленіемъ программы русской грамматики для уѣздныхъ училищъ, какъ Отдѣленіе съ благодарностью приняло указанія И. И. Давыдова насчетъ будущихъ занятій своихъ и, наконецъ, познакомилось съ грамматикою Гримма, какъ С. П. Шевыревъ мало дѣлалъ въ прошедшемъ году, потому что былъ боленъ, а М. П. Погодинъ—потому, что ѣздилъ за границу; слышалъ о томъ, какъ М. Т. Каченовскій въ Свѣтлое Воскресенье въ день смерти своей „сѣлъ въ свои *ученыя кресла*", и какъ г. Гульяновъ переписывался съ г. Уваровымъ о своей болѣзни. Однимъ словомъ, къ стыду русской публики Отдѣленіе осрамилось: отчетъ окончился подлою лестью г. министру народнаго просвѣщенія, восхваляя его за милостивое прочтеніе всѣхъ протоколовъ засѣданій Русскаго Отдѣла. Надобно вамъ прочесть гдѣнибудь эту рѣчь, чтобы имѣть понятіе о томъ, что можно говорить публично, не боясь журнальной критики. Весьма странно было отсутствіе И. Крылова, Любимова, Данилевскаго, Остроградскаго и другихъ знаменитостей, но объ этомъ въ другой разъ.

„Третьяго былъ я въ Академіи Художествъ и наслаждался пріобрѣтенными копіями Ватиканскихъ фресокъ. Стоитъ изъ-за одного этого пріѣхать въ Петербургъ.

„Прощайте, Өедоръ Ивановичъ! Богъ съ вами! Желаю вамъ добраго здоровья и счастья. Вамъ преданный—графъ Строгановъ".

XI.

Мнѣ совѣтовали представить въ словесный факультетъ вторую часть моего сочиненія „О преподаваніи отечественнаго языка" въ видѣ диссертаціи на степень магистра. Съ этимъ я никакъ не могъ согласиться. Къ какой стати совать въ университетъ работу учительскую, писанную для гимназіи въ пособіе преподава-

телямъ, а не ученое изслѣдованіе, достойное вниманія профессоровъ. То была посильная дань моему гимназическому учительству; теперь надо подумать о чемъ-нибудь болѣе основательномъ, то-есть вполнѣ спеціальномъ, какъ пишутся ученыя монографіи. Графъ былъ моего же мнѣнія и торопилъ меня, чтобы я не медля принялся за магистерскую диссертацію. Но для нея гдѣ было мнѣ взять новаго матеріала? какой я себѣ накопилъ прежде, почти весь безразсчетно былъ израсходованъ на только-что изданную мною объемистую работу. Чтò выбрать для диссертаціи? какъ назвать ее? Не съ вѣтру берется для нея тема, а какъ результатъ или итогъ извлекается изъ массы накопленныхъ свѣденій. Я сталъ въ тупикъ и не зналъ чтò дѣлать и кàкъ мнѣ быть. Чтобы помочь бѣдѣ, ничего другого не оставалось, какъ выкинуть изъ головы всякія диссертаціи, темы и планы и вновь продолжать начатое прежде, а именно изучать разнообразныя сочиненія Якова Гримма и его брата Вильгельма, ихъ изданія памятниковъ древнегерманской и народной литературы, заниматься сравнительною грамматикою по руководству Боппа, по словарю Потта и читать санскритскіе тексты, учиться скандинавскому языку по пѣснямъ Древней Эдды въ изданіи Якова Гримма, а также и готскому по переводу Библіи, составленному въ IV-мъ вѣкѣ Ульфилою въ изданіи Габеленца и Лобе. Послѣднее занятіе получило для меня новый интересъ, когда я сталъ изучать Остромирово евангеліе, надъ которымъ такъ много трудился Востоковъ и, наконецъ, издалъ въ 1843 году.

Ко всему сказанному выше надо прибавить, что первые три года по возвращеніи въ Россію я такъ ревностно и усидчиво работалъ, не освѣжая своихъ силъ развлеченіями, что, наконецъ, изнемогъ и видимо сталъ худѣть. Нашъ домашній докторъ совѣтовалъ мнѣ не истощать себя непосильнымъ трудомъ, по вечерамъ между часами занятій прогуливаться на свѣжемъ воздухѣ и посѣщать своихъ знакомыхъ, а не сидѣть сиднемъ въ своей комнатѣ надъ книгами. Хорошо было ему говорить о знакомыхъ, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Кромѣ семейства барона Боде, никого другихъ у меня не было. Мои друзья и товарищи по казенному общежительству въ студенческихъ нумерахъ разбрелись изъ Москвы по разнымъ городамъ учительствовать въ гимназіяхъ, за исключеніемъ Коссовича, который, какъ вамъ извѣстно, не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей быть собесѣдникомъ. Съ нимъ я только учился по-санскритски; какое же тутъ развлеченіе? Класовскій возвратился въ Москву уже гораздо позже.

Къ моему счастью въ это тяжелое для меня время я слу-

чайно столкнулся съ двумя молодыми людьми, которые были своекоштными студентами, когда я жилъ въ казенныхъ нумерахъ. Одинъ былъ на словесномъ факультетѣ, извѣстный уже вамъ Василій Ивановичъ Пановъ, съ которымъ я подружился въ Римѣ, а другой—юридическаго факультета, Александръ Николаевичъ Поповъ; съ нимъ я прежде не былъ знакомъ. Оба они были въ университетѣ товарищами старшему сыну графа, Александру Сергѣевичу, и вмѣстѣ съ нимъ кончили курсъ. Изъ своего полка, стоявшаго гдѣ-то около Петербурга, онъ часто пріѣзжалъ къ намъ въ Москву въ отпускъ и оставался съ нами по цѣлому мѣсяцу, а иногда и больше. Онъ былъ человѣкъ веселый и милый, добрый товарищъ и остроумный собесѣдникъ. Вечера, когда онъ былъ свободенъ отъ общественныхъ развлеченій, проводилъ въ дружескихъ бесѣдахъ по-студенчески съ ними обоими и со мною. Искусство и классическія древности, Римъ и берега Средиземнаго моря, „Русская Правда", о которой Поповъ писалъ тогда свою магистерскую диссертацію, Гоголь, котораго такъ любовно чествовалъ Пановъ, сравнительная грамматика и филологія съ Боппомъ, Поттомъ и Гриммомъ, изслѣдованіями которыхъ биткомъ набита была моя голова, дорогія воспоминанія о часахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ въ аудиторіяхъ московскаго университета, съ забавными анекдотами о нашихъ профессорахъ и товарищахъ—вотъ, сколько мнѣ помнится, были главные предметы нашихъ бесѣдъ и нескончаемыхъ споровъ, въ перемежку съ веселымъ хохотомъ и остротами, въ которыхъ Поповъ не уступалъ графу Александру Сергѣевичу, а по игривой способности отчеканивать ихъ риѳмами и превосходилъ его. Василій Ивановичъ Пановъ по деликатной чувствительности своего мягкаго нрава вносилъ минорныя нотки въ нашъ общій хоръ, а мое отъявленное педантство было постоянною мишенью, въ которую А. Н. Поповъ мѣтко направлялъ свои стрѣлы, оперенныя риѳмами. Вотъ вамъ образчикъ его смѣхотворныхъ эпиграммъ въ торжественномъ стилѣ Ломоносовскихъ одъ:

А.

„О, ты, которому послушны
„Всѣ буквы, слоги и слова,
„Письмо и говоръ простодушный;
„Сама свободная молва
„Твоимъ законамъ покорилась,
„Тебѣ подвластна, какъ раба.

Б.

„Законъ твой грозно управляетъ
„Всей громогласицею словъ;

„Онъ ихъ спрягаетъ и склоняетъ,
„То ссоритъ ихъ, то примиряетъ,
„То закуетъ, то изъ оковъ
„По волѣ вновь освобождаетъ.

В.

„Захочешь ты, чтобъ *Азъ* державный
„Преобразился вдругъ въ *Ѳиту*,
„И волю прихоти забавной
„Исполнитъ онъ: и долю ту
„Другія буквы исполняютъ
„И робко прихоти внимаютъ.

Г.

„Захочешь ты—и Ъ безгласный
„Заговоритъ и запоетъ;
„Захочешь ты—и безобразный
„*Глаголь* вдругъ въ *Буки* перейдетъ,
„И *Буки* станутъ тѣ *Глаголемъ*,
„*Землей*, пожалуй, или моремъ.

Д.

„Взойдя на верхъ горы высокой,
„Что зрю я: тронъ, на тронѣ ты!
„Блестящій *Онъ* и одноокой
„Короной на тебѣ, а съ точкой *I* (і)
„Какъ скипетръ, *Ѳита*-жъ держава,
„Краса всей азбуки и слава.

Е.

„Вдали стоятъ курчавый Гриммъ,
„И толстый Боппъ, и Поттъ сухой;
„Ты улыбнулся сладко имъ,
„Кивнувъ привѣтливо главой;
„Они заплакали и въ мигъ
„Запѣли всѣ заздравный стихъ:

Ж.

„И Санскритъ, и Пракритъ,
„И святой языкъ Ирана,
„И ихъ синклитъ тебѣ гласитъ
„Отъ Гинду-Ку и до Балкана,
„Отъ Готтентотовъ до Малаевъ:
„Слава, слава нашъ Буслаевъ!“

Такіе увеселительные стишки, всегда рѣзвые и задорные, но никому не обидные, Поповъ наскоро чертилъ на клочкѣ бумаги въ самомъ разгарѣ нашихъ шутливыхъ бесѣдъ, лишь только нахлынетъ на него смѣхотворное вдохновеніе. Тотчасъ же прочтетъ намъ свою новинку самымъ серьезнымъ тономъ, будто излагаетъ что важное и дѣловое, и тѣмъ только пуще поддаетъ пару кипу-

чему веселью нашего студенческаго разгула. Если стихи годятся для музыки, Александръ Сергѣевичъ садится за фортепіано и прилаживаетъ къ нимъ французскую шансонетку, хоровую пѣсню нѣмецкихъ студентовъ или поволжскихъ бурлаковъ, а то итальянскую арію или квартетъ изъ какой-нибудь оперы, и разноголосица нашихъ ученыхъ диспутовъ превращается въ стройный хоръ музыкальной капеллы или цыганскаго табора.

Оба наши милые товарищи, Александръ Николаевичъ и Василій Ивановичъ, были славянофилы. Они ввели меня въ этотъ интересный, высокообразованный кружокъ тогдашняго московскаго общества. Благодаря имъ, я познакомился съ Алексѣемъ Степановичемъ Хомяковымъ, Константиномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, съ Кирѣевскими, Свербѣевыми, Васильчиковыми, съ поэтомъ Языковымъ и его племянникомъ Валуевымъ, который приходился также племянникомъ и Хомякову, женатому на сестрѣ Языкова. Къ этому же кружку принадлежали мои милые профессора Погодинъ и Шевыревъ, хотя не въ одинаковой степени раздѣляли его убѣжденія, первый — меньше, второй—вполнѣ, а также и незабвенный товарищъ по университету Юрій Өедоровичъ Самаринъ. Какими-то судьбами сюда же примкнулся самый равнодушнѣйшій ко всевозможнымъ партіямъ и сектамъ дорогой мой товарищъ по студенческому общежитію, безподобный чудакъ Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ—надобно думать потому, что давалъ уроки классическихъ языковъ племяннику Хомякова Валуеву и былъ несказанно осчастливленъ тѣмъ, что Хомяковъ подарилъ ему очень дорогой санскритскій словарь Вильсона, напечатанный въ Калькуттѣ.

Говорить вообще о славянофильствѣ я, разумѣется, не буду. Оно давно уже заняло надлежащее себѣ мѣсто въ исторіи умственнаго, нравственнаго и политическаго развитія русской жизни. Когда очутишься въ средѣ самого движенія, не оглянешь всей толпы, а сталкиваешься лишь съ отдѣльными лицами. На мое счастье это были люди передовые тогдашняго общественнаго движенія. Но и объ историческомъ значеніи ихъ говорить нечего; оно болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно. Разскажу вамъ только о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Будучи равнодушенъ къ ихъ славянофильскимъ убѣжденіямъ и идеямъ, я высоко цѣнилъ ихъ нравственныя достоинства, безукоризненную чистоту ихъ помысловъ, гордую независимость духа, соединенную съ милымъ простодушіемъ, иногда доходящимъ до дѣтской наивности. Я любилъ ихъ сердечно и вмѣстѣ уважалъ глубоко, какъ недосягаемые для меня образцы высшаго совер-

шенства, какое человѣку доступно. Таковы были для меня Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ и Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Тутъ же къ нимъ прибавлю еще двоихъ, но изъ другой, не-славянофильской среды, моихъ незабвенныхъ товарищей, профессоровъ Сергѣя Дмитріевича Шестакова и Тимоѳея Николаевича Грановскаго.

Кирѣевскій жилъ на Остоженкѣ, по лѣвую руку, если идти отъ Пречистенскихъ Воротъ, въ своемъ собственномъ домѣ близъ церкви Воскресенья. Домъ былъ каменный, двухъ-этажный, старинный, съ желѣзной наружной дверью и съ желѣзными рѣшетками у оконъ нижняго этажа, какъ есть крѣпость. Уцѣлѣвъ въ такомъ видѣ отъ московскаго пожара 1812 года, онъ стоялъ въ тѣнистомъ саду, запущенномъ, безъ дорожекъ. На улицу выходила эта усадьба только сплошнымъ заборомъ съ воротами. Кажется, домъ этотъ существуетъ и теперь, но уже въ обновленномъ видѣ. Петръ Васильевичъ занималъ верхній этажъ и жилъ, сколько мнѣ извѣстно, одинъ-одинехонекъ; женатъ онъ не былъ. Большая комната изъ передней, въ родѣ залы, была и пріемной для гостей, и рабочимъ для него кабинетомъ, съ неровнымъ, щелистымъ и протоптаннымъ поломъ. Мебели всего было—ветхій диванъ у глухой стѣны, придвинутый къ окну, а противъ него у другого окна большая деревенская коробья, запертая висячимъ замкомъ; у стѣны противъ оконъ дубовый шкафъ съ книгами; у дивана большой четвероугольный столъ и въ добавокъ ко всему до полудюжины разнокалиберныхъ стульевъ и креселъ.

Меня очень интересовала эта бабья коробья подъ замкомъ, и когда я ближе познакомился съ Петромъ Васильевичемъ, рѣшился удовлетворить своему любопытству и спросилъ его, какое сокровище хранитъ онъ такъ бережно взаперти и всегда передъ своими глазами. „Такъ я вамъ не говорилъ?—сказалъ онъ въ отвѣтъ:—а здѣсь хранятся народныя пѣсни, былины и духовные стихи, которые много лѣтъ я собиралъ повсюду, гдѣ случалось бывать. Между ними много и такихъ пѣсенъ, которыя записаны моими друзьями и знакомыми. Вотъ эту пачку далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: „когда-нибудь отъ нечего-дѣлать разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ“. И сколько ни старался я разгадать эту загадку,—продолжалъ Кирѣевскій,—никакъ не могъ сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя“.

По различію въ наклонностяхъ и занятіяхъ московскіе славянофилы дѣлили свои ученые интересы по спеціальностямъ съ осо-

бымъ представителемъ для каждой. Хомяковъ взялъ себѣ всеобщую исторію и богословіе; онъ былъ великій діалектикъ и отличался бойкостью и силою доводовъ въ диспутахъ съ раскольниками, которые его очень уважали. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій былъ философъ; энергичность его философскихъ взглядовъ оцѣнила сама цензура строгими запрещеніями. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ блистательно заявилъ свою спеціальность въ образцовыхъ работахъ о государственномъ, политическомъ и экономическомъ строѣ русской земли съ ея окрайнами. Ученою спеціальностью Константина Сергѣевича Аксакова былъ русскій языкъ и его грамматика, которой онъ хотѣлъ дать своеобразный видъ соотвѣтственно неисчерпаемой глубинѣ народнаго духа. Степанъ Петровичъ Шевыревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ былъ для славянофиловъ представителемъ по исторіи русской литературы.

На долю Петра Васильевича Кирѣевскаго, кромѣ народной поэзіи, выпала русская исторія, которою въ теченіе всей своей жизни онъ усердно занимался, но, сколько мнѣ извѣстно, очень немногое успѣлъ напечатать. Въ этомъ дѣлѣ онъ вполнѣ удовлетворялъ славянофиловъ, потому что не жаловалъ Петра Великаго. Только въ этомъ смыслѣ и могла годиться для нихъ исторія русскаго народа. Представьте себѣ, какая злополучная судьба постигла этого благодушнаго врага преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ! Кирѣевскій никогда не могъ примириться съ тяжелою, досадливою мыслью, зачѣмъ нарекли также и его при крещеніи Петромъ, а не какимъ-нибудь другимъ именемъ. И онъ не на шутку горевалъ, какъ Тристрамъ Шенди, отецъ котораго столько же ненавидѣлъ это имя, какъ если бы назвали его сына Іудою въ честь предателя Искаріота.

Значеніе Константина Сергѣевича Аксакова въ средѣ московскихъ славянофиловъ далеко не ограничивалось спеціальными предѣлами русской грамматики. Онъ былъ вдохновенный ораторъ и рьяный поборникъ эмансипацій въ тяжелыя времена суроваго режима. Нравомъ былъ онъ столько же кротокъ и незлобивъ, какъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій, но отличался отъ него неукротимою пылкостью, которая даетъ великую силу страстно любить друзей и презрительно ненавидѣть враговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ такъ благодушенъ и сострадателенъ, что не только человѣка, и мухи не обидитъ. Врагами его были не сами люди, а ихъ принципы, помыслы и дѣла. Я увѣренъ, что для воплощенія своихъ идей онъ не задумался бы принести себя въ жертву и радостно пошелъ бы на любое мѣсто, чтобы, сгарая на кострѣ, предъявить міру свое исповѣданіе, какъ христіанскіе

мученики временъ Нерона. Онъ могъ достигнуть такого нравственнаго совершенства въ своемъ незлобіи къ вражескимъ силамъ, потому что былъ чистъ и невмѣняемъ, какъ младенецъ. Не даромъ товарищи и друзья называли его не Константиномъ Сергѣевичемъ, а ласкательно, какъ малаго ребенка: „Кôнста“.

Въ то время я безусловно предпочиталъ славянофильское общество западникамъ, которые, впрочемъ, и не составляли тогда такого замкнутаго кружка и множились въ-разсыпную. Да они и мало были мнѣ извѣстны. Многіе изъ нихъ стали знамениты уже впослѣдствіи. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Тургеневъ не думалъ, не гадалъ, что судьба рѣшила быть ему великимъ писателемъ и послѣ Пушкина первымъ мастеромъ русскаго слова. Станкевичъ въ 1840 году умеръ въ Италіи и унесъ съ собою всѣ надежды и упованія, которыя на него возлагались. Бѣлинскій еще не успѣлъ заявить тогда геніальныхъ способностей критика, который насквозь былъ проникнутъ врожденнымъ ему эстетическимъ вкусомъ и тонкимъ чутьемъ отгадывать на первыхъ порахъ только-что зачинающееся литературное дарованіе.

Впрочемъ, московскіе славянофилы были не такъ брезгливы, чтобы не допускать въ свой интимный кружокъ кое-кого изъ западниковъ. Они дружески и довѣрчиво относились къ Тимоѳею Николаевичу Грановскому, къ Герцену, даже къ Чаадаеву, котораго величали католическимъ аббатикомъ. Двухъ послѣднихъ я впервые увидалъ на вечерѣ въ одномъ славянофильскомъ семействѣ. Это было—какъ сейчасъ вижу—въ угольной комнатѣ, довольно просторной, съ двумя окнами на улицу и съ одной дверью въ гостиную. У глухой стѣны противъ двери на диванѣ съ двумя или тремя дамами сидѣла молодая и красивая хозяйка и курила сигару,—папиросы тогда еще не вошли въ общее употребленіе. Ея мужъ переходилъ изъ одной комнаты въ другую, занимая одинокихъ гостей или прислушиваясь къ бесѣдамъ говорящихъ между собой. Противъ хозяйки отъ двери къ заднему углу у стѣны былъ тоже диванъ; на диванѣ сидятъ рядышкомъ Чаадаевъ съ Хомяковымъ и горячо о чемъ-то между собою разсуждаютъ; первый въ спокойной позѣ, а другой вертится изъ стороны въ сторону и дополняетъ свою скороговорку жестами обѣихъ рукъ. Для Алексѣя Степановича Хомякова разговаривать значило вести диспутъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ неукротимый боецъ; свои состязанія ловко и задорливо умѣлъ тянуть до безконечности. Когда же противникъ начиналъ съ нимъ соглашаться, онъ придерется къ какому-нибудь его словечку или обмолвкѣ, бросится въ сторону и является передъ нимъ съ новымъ запасомъ вооруженія,

даетъ другой оборотъ спору и другую обстановку и повторяетъ такую атаку до тѣхъ поръ, пока тотъ не выбьется изъ силъ.

У окна въ углу, близъ дивана съ дамами, въ креслѣ сидѣлъ неизвѣстный мнѣ господинъ, лѣтъ тридцати, средняго роста, плотнаго сложенія, съ коротко остриженными волосами; круглое и полное лицо безъ бакенбардъ и усовъ, въ темносинемъ фракѣ съ металлическими, позолоченными пуговицами, гладкими, безъ гербовъ. Онъ былъ спокоенъ и медлителенъ въ движеніяхъ и неразговорчивъ, лишь изрѣдка перемолвится съ хозяйкою или дастъ короткій отвѣтъ престарѣлому Александру Ивановичу Тургеневу, который, наклонивъ голову и сложивъ руки за спиною, шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, останавливаясь тамъ и самъ, прислушивался къ говорящимъ. Легкій гулъ оживленной бесѣды время отъ времени покрывался зычными возгласами Константина Сергѣевича Аксакова, который пылко ораторствовалъ въ сосѣдней комнатѣ. Меня очень заинтересовалъ господинъ въ синемъ фракѣ съ позолоченными пуговицами. Какъ и зачѣмъ попалъ сюда, думалось мнѣ, этотъ петербургскій чиновникъ, такой приформленный и этикетный? Къ моему крайнему удивленію мнѣ сказали, что это Герценъ. Онъ только-что воротился изъ Вятки, куда былъ сосланъ.

Обстоятельства такъ счастливо для меня сложились, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мнѣ привелось раза по два и по три въ недѣлю видѣться съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ, коротко съ нимъ сблизиться и сердечно полюбить его. Намъ удобно было заходить другъ къ другу, потому что мы жили въ сосѣдствѣ: я на Знаменкѣ у графа, а онъ въ одномъ изъ переулковъ между этой улицей и площадью храма Спасителя. Это было въ концѣ зимы и въ началѣ весны 1845 года. На это время Погодинъ уѣзжалъ куда-то изъ Москвы и за него издавалъ „Москвитянина“ Кирѣевскій, а въ помощь себѣ и въ сотрудничество пригласилъ меня. Я работалъ у него для библіографіи и критики; подъ мелкими статьями своего имени не подписывалъ, за исключеніемъ одной, которую означилъ иниціалами, о чемъ скажу вамъ сейчасъ. Изъ библіографическихъ отзывовъ помнятся мнѣ теперь только два. Одинъ былъ серьезнаго тона и вполнѣ одобрительный о книгѣ графа Сперанскаго, содержащей въ себѣ лекціи о краснорѣчіи, которыя читалъ онъ, еще будучи молодымъ профессоромъ духовной академіи. Другой отзывъ о какомъ-то ученомъ сочиненіи Греча по литературѣ и по русскому языку я покусился настрочить въ занозливомъ и балагурномъ стилѣ барона Брамбеуса и „Сѣверной Пчелы“, съ разными глумливыми подковыр-

ками, а подъ статьею съ мальчишескою замашкою подписалъ Ѳ. Б.: пускай дескать читатели подумаютъ и обрадуются, что Ѳаддей Булгаринъ поссорился наконецъ съ своимъ закадычнымъ другомъ Гречемъ и печатно обругалъ его.

Изъ крупныхъ рецензій помѣстилъ я тогда въ „Москвитянинѣ" всего двѣ. Одна была объ изданіи „Слова о полку Игоревѣ" съ обширными примѣчаніями Дубенскаго. На основаніи строгаго филологическаго метода братьевъ Гриммовъ я довольно жестко нападалъ на толкованія издателя и предлагалъ свои, которыя давали тексту новый смыслъ, болѣе значительный и жизненный, соотвѣтственно старинному быту, преданіямъ и народной поэзіи. Въ другой я критически разбиралъ главу о мѣстоименіяхъ изъ общей или философской грамматики, которую составлялъ тогда для Академіи Наукъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ. Будучи вооруженъ достаточными свѣденіями по сравнительной грамматикѣ Боппа и по исторіи русскаго и другихъ славянскихъ нарѣчій, я легко открылъ въ этой статьѣ значительные промахи. Этимъ, конечно, я не оскорбилъ бы своего наставника и профессора, которому былъ во многомъ обязанъ, если бы выразился спокойно и прилично, а не запальчиво и насмѣшливо. Сверхъ того угораздило меня задѣть его личность довольно прозрачными намеками, которые кое-гдѣ я вставилъ въ видѣ примѣровъ, какъ употребляются мѣстоименія синтаксически въ цѣломъ предложеніи. Цензоръ не замѣтилъ этихъ непристойныхъ выходокъ и пропустилъ статью цѣликомъ; когда же были онѣ обнаружены и подхвачены злословіемъ, Иванъ Ивановичъ не на шутку разсердился и обзывалъ меня молокососомъ и нахаломъ; впрочемъ, къ великой моей радости, впослѣдствіи смилостивился ко мнѣ, какъ вы увидите изъ его переписки со мной, о которой будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Итакъ, въ средѣ московскихъ славянофиловъ я узналъ и полюбилъ безподобныхъ людей, а не ихъ славянофильство. Мнѣ и въ голову не приходило задаваться мыслью, въ чемъ и какъ отличаетъ себя эта партія отъ западниковъ. Это меня нисколько не интересовало. Потому и о себѣ самомъ я не могъ догадываться, кто я таковъ, славянофилъ или западникъ. На этотъ вопросъ натолкнулъ меня одинъ случай, который живо выступаетъ въ моей памяти.

Это было въ Кунцевѣ, гдѣ каждое лѣто проводилъ графъ со своимъ семействомъ до конца пятидесятыхъ годовъ, когда возвратился онъ изъ Москвы въ Петербургъ. Дачъ было тогда въ Кунцевѣ на-перечетъ, около полудюжины. Графъ и графиня съ дѣтьми

помѣщались въ большомъ двухъ-этажномъ домѣ, гдѣ теперь живетъ лѣтомъ владѣлецъ усадьбы Солдатенковъ; мнѣ отведены были двѣ комнаты въ каменномъ флигелѣ, направо отъ дома. Другой такой же флигель насупротивъ этого, а также и по обѣимъ сторонамъ два одноэтажныхъ дома отдавались въ наймы другимъ дачникамъ. Кромѣ того было еще три дачи: одна въ саду, передѣланная изъ бани, такъ и слыла „банею"; другая за липовой рощей называлась „Гусарево" и третья на дорогѣ къ Проклятому Мѣсту—„Монастырка", получившая это прозвище отъ того, что здѣсь когда-то жила княгиня Голицына, выбывшая изъ монастыря. На этомъ мѣстѣ теперь одна изъ дачъ Солодовникова. Утрамбованныхъ широкихъ дорожекъ по ту сторону тогда не было и мы пробирались по узенькой тропинкѣ, протоптанной по обрыву вдоль крутыхъ береговъ Москвы-рѣки мужиками и бабами изъ Крылатскаго и Татарова. Чтобы отдохнуть, бывало, присядешь на гладкое мѣстечко той тропинки, а ноги спустишь въ обрывъ, передъ безподобною панорамою, разстилающеюся далеко внизу по ту сторону рѣки; налѣво Хорошово съ садами и огородами, а направо—широкая равнина на нѣсколько верстъ вплоть до горизонта, по которому тянутся длинною полосою дачи Петровскаго парка съ царскимъ дворцомъ. Привольно было тогда разгуливать по Кунцеву. Повсюду тишь и гладь да божья благодать. Не то что теперь.

Однажды на закатѣ солнца пришли ко мнѣ Дмитрій Львовичъ Крюковъ, который жилъ тогда близь Кунцева въ Давыдковѣ, и гостившій у него Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Они хотѣли захватить меня съ собой на прогулку. Кромѣ того у Крюкова была и другая цѣль. Онъ работалъ тогда надъ переводомъ Тацитовыхъ Анналъ и для выработки своего слога усердно изучалъ памятники русской литературы старинной и народной. Чтобы взять у меня кое-что по этому предмету, оба они принялись пересматривать мои книги, разставленныя на полкахъ, и не мало дивились разнообразному ихъ содержанію. Тутъ стояли рядомъ: „Іоаннъ Екзархъ Болгарскій" Калайдовича и „Нѣмецкая Миѳологія" Якова Гримма, Остромирово Евангеліе и Библія на готскомъ языкѣ въ переводѣ Ульфилы, памятники русской литературы XII-го столѣтія и сравнительная грамматика Боппа съ его же санскритскимъ словаремъ, Судъ Любуши и отрывки древне-чешскаго перевода Евангелія, изданные вмѣстѣ въ одной книгѣ Шафарикомъ и Палацкимъ, а рядомъ „Дорійцы", Отфрида Миллера, русскія былины и пѣсни Кирши Данилова, Краледворская рукопись и чешскія „Старобылыя Складанья" (т.-е. стихотворенья) въ изданіяхъ Ганки,

сербскія пѣсни Вука Караджича, въ перемежку съ томами Божественной Комедіи Данта, которая всегда была при мнѣ неотлучно, и Сервантесовъ Донъ-Кихотъ, на чтеніи котораго я учился тогда испанскому языку, и многое другое, чего теперь не припомню; но названныя книги, безъ всякаго сомнѣнія, находились тогда въ моемъ кунцевскомъ кабинетѣ, потому что настоятельно были мнѣ нужны для моихъ ученыхъ работъ, предпринятыхъ именно въ то самое время.

Крюковъ и Грановскій полагали меня настоящимъ славянофиломъ и теперь приходили въ недоумѣніе при видѣ такой разнокалиберной смѣси моихъ ученыхъ интересовъ, которые широко и далеко выступали изъ узкихъ предѣловъ славянофильской программы. „Что же вы такое?“—спрашивали они меня:—„славянофилъ или западникъ?“—„Да и самъ не разберу“,—имъ отвѣчалъ я. Именно съ этихъ поръ сталъ занимать меня этотъ вопросъ, но нисколько не безпокоить, потому что я не придавалъ ему большого значенія. Теперь не могу припомнить, скоро ли сложилось мое убѣжденіе по этому предмету, но въ главныхъ пунктахъ было оно, кажется, вотъ какое.

Несмотря на мою любовь къ Италіи и на благоговѣніе къ ученымъ трудамъ Якова Гримма, назвать себя западникомъ я рѣшительно не могъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ это прозвище прилагается къ Чаадаеву или къ Бѣлинскому. Не стану же я, думалось мнѣ, вмѣстѣ съ Чаадаевымъ поклоняться римскому папѣ и въ качествѣ московскаго аббатика прислуживать ему за обѣднею, хотя бы даже и въ Сикстинской капеллѣ: я давно зналъ, что не боги обжигаютъ такіе скудельные горшки; не стану вмѣстѣ съ нимъ же позорить Византію, потому что знаю высокое ея призваніе въ средневѣковой исторіи просвѣщенія не только въ Россіи, но и въ остальной Европѣ, потому что восхищаюсь великими произведеніями византійскаго художества, базиликами временъ Юстиніана въ Равеннѣ, Палатинскою капеллою въ Палермо, соборомъ апостола Марка въ Венеціи и такъ далѣе до безконечности. Я не презиралъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“, какъ онъ самъ выразился о „Трехъ Портретахъ“ Тургенева; напротивъ того, я посвящалъ себя на прилежное изученіе именно русскихъ преданій и ихъ глубокой старины; я не глумился и не издѣвался вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ надъ нашими богатырскими былинами и пѣснями, а относился къ нимъ съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ поэмамъ Гомера или къ скандинавской Эддѣ. Послѣ всего этого, думалось мнѣ,—какой же я западникъ?

По стольку же не могъ я назвать себя и славянофиломъ. Не меньше Константина Сергѣевича Аксакова я любилъ русскій языкъ, но изучалъ его не по методу мечтательныхъ умозрѣній за-одно съ нимъ, а всегда пользовался точнымъ микроскопическимъ анализомъ сравнительной и исторической грамматики. Въ нашихъ преданіяхъ, въ стародавнихъ обычаяхъ, въ былинахъ, пѣсняхъ и сказкахъ славянофилы видѣли завѣтные тайники народныхъ сокровищъ доморощенной мудрости, равныхъ которымъ по ихъ глубинѣ не было и нѣтъ во всемъ мірѣ; для меня же все это служило интереснымъ и цѣннымъ матеріаломъ, къ которому я старательно подбиралъ сходные, а иногда и почти одинаковые факты изъ другихъ народностей, преимущественно изъ родственныхъ по происхожденію, то-есть индо-европейскихъ. Славянофилы восхищались образцовымъ строемъ русской семьи, русской общины и земщины, русскимъ третейскимъ судомъ и другими особенностями такъ-называемаго обычнаго права. Мнѣ гораздо интереснѣе было анализировать только терминологію семейныхъ отношеній, именно самыя слова: отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, свекровь, сноха, и на основаніи законовъ сравнительной грамматики возводить ихъ къ санскритскому языку для очевиднаго доказательства, что наши предки въ незапамятныя времена вмѣстѣ съ собою вынесли изъ своей азіатской прародины уже вполнѣ благоустроенную семью. По географической картѣ Шафарика и московскіе славянофилы, увлеченные панславизмомъ, мечтали объ изгнаніи нѣмцевъ изъ Австріи, чтобы совокупить чеховъ, лужичанъ, словаковъ, сербовъ, поляковъ и другихъ ихъ соплеменниковъ въ одно великое панславянское государство, между тѣмъ какъ я, начинивъ свою голову параграфами нѣмецкой миѳологіи Якова Гримма, представлялъ себѣ умилительную картину примиренія германцевъ съ славянами въ идеальной апотеозѣ Асовъ и Вановъ, изъ которыхъ сложилось дружественное и родственное сонмище скандинавскаго Олимпа.

Но довольно объ этомъ. Больше не стану утомлять васъ разными подробностями о занимавшемъ меня вопросѣ. На моихъ глазахъ зачиналась междоусобная война славянофиловъ съ западниками, и я, не думая, не гадая, очутился между двумя враждебными лагерями, но, сыскавъ себѣ укромное мѣстечко, спрятался въ своей маленькой крѣпостцѣ до поры до времени отъ выстрѣловъ того и другого.

XII.

Теперь я долженъ разсказать вамъ кое-что о моихъ обязательныхъ занятіяхъ. Кромѣ учительства въ третьей гимназіи и исполненія разныхъ порученій графа вмѣстѣ съ уроками его дѣтямъ, у меня было еще одно оффиціальное дѣло. Я былъ тогда прикомандированъ въ качествѣ помощника или, такъ сказать, чиновника особыхъ порученій по каѳедрѣ русской литературы къ Степану Петровичу Шевыреву. Я долженъ былъ прочитывать и оцѣнивать задаваемыя имъ сочиненія и другія письменныя работы студентамъ перваго курса словеснаго, юридическаго и математическаго отдѣленій и сверхъ того сообщать имъ разныя его распоряженія, когда онъ почему-либо не являлся на лекцію. Для образчика этихъ моихъ обязанностей привожу вамъ слѣдующую записку Степана Петровича:

„Прошу васъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, объявить студентамъ:

„1) 1-го отдѣленія философскаго факультета, чтобы они возвратили мнѣ всѣ листы книги французской „Histoire de l'Ecole d'Alexandrie“. Поручите г-ну Новикову [1]) мнѣ ихъ доставить сегодня“.

„2) Студентамъ юридическаго факультета, переводившимъ съ нѣмецкаго, чтобы возвратили подлинникъ Ранке. Поручите это г. Гаврилову мнѣ его доставить сегодня“.

„3) Студентамъ юридическаго факультета, переводившимъ съ французскаго, чтобы невозвратившіе возвратили листы подлинника, у нихъ находящіеся. Сихъ послѣднихъ прилагается списокъ“.

„Списокъ, при семъ приложенный, прошу васъ мнѣ возвратить“.

Въ 1846 году мои учебныя занятія съ графомъ Григоріемъ Сергѣевичемъ приходили къ концу. Въ августѣ онъ долженъ былъ держать вступительный экзаменъ на юридическій факультетъ московскаго университета. По этому поводу вотъ что писалъ ко мнѣ графъ Сергій Григорьевичъ изъ Петербурга отъ 21-го апрѣля того года.

„Ѳедоръ Ивановичъ!

Сдѣлайте мнѣ одолженіе спросить у Бодянскаго подробную записку и, ежели возможно, на французскомъ языкѣ, о той

---

[1]) Впослѣдствіи русскій посолъ въ Вѣнѣ и въ Константинополѣ.

справкѣ, которую онъ ожидалъ изъ парижской королевской библіотеки для своего Изборника Святославова [1]); я поручу это дѣло Тромпелеру [2]) и желалъ бы воспользоваться его пребываніемъ во Франціи. Прошу васъ покорнѣйше не откладывать съ исполненіемъ порученія моего, потому что я здѣсь остаюсь не болѣе двухъ недѣль. Вѣроятно, черезъ нѣсколько дней вы навѣстите съ Гришею 1-ю гимназію. Не забудьте, что я желаю, чтобы онъ самъ оцѣнилъ умственное развитіе воспитанниковъ 7-го класса и понялъ бы, чего я въ правѣ и отъ него самого ожидать. Это убѣжденіе мнѣ нужно для рѣшительнаго приговора моего насчетъ вступленія или невступленія его въ нынѣшнемъ году въ университетъ. Не скрывайте отъ него это письмо, ежели онъ узнаетъ о полученіи его. Онъ довольно любопытенъ и будетъ себѣ голову ломать понапрасну, а можетъ быть, и подумаетъ, что между нами есть какой-то заговоръ.

„Прощайте. Съ полнымъ довѣріемъ къ вашему опытному усердію остаюсь вамъ преданнымъ—Сергій Строгановъ.

Теперь поразскажу вамъ кое-что о моемъ учительствѣ въ третьей гимназіи. Она называлась тогда реальною, потому что въ старшихъ классахъ раздѣлялась на два отдѣленія—на реальное и классическое, младшіе же были общими тому и другому. Первые три года я училъ въ младшихъ классахъ, а потомъ два года въ реальныхъ. Пока я изготовлялъ свое сочиненіе „О преподаваніи отечественнаго языка“, гимназія была для меня сущій кладъ. Съ живѣйшимъ увлеченіемъ, усердно и старательно примѣнялъ я на дѣлѣ въ широкихъ размѣрахъ и провѣрялъ свои идеи и планы, чтобы внести ихъ потомъ въ это сочиненіе. Въ обученіи грамматики я пользовался методомъ практическимъ и больше всего заботился о правописаніи: постоянно диктовалъ, давалъ заучивать басни Крылова, сказки, стихотворенія Пушкина и кое-что другое, понятное для дѣтей, но не иначе какъ предварительно разобравши грамматически каждое слово въ задаваемой пьесѣ. Когда ученики говорили мнѣ ее наизусть, они обязаны были давать мнѣ отчетъ, гдѣ въ ней стоитъ какой знакъ препинанія и какъ пишется то или другое слово. Повторяемое нѣсколько разъ одно и то же правило въ употребленіи разныхъ формъ и ихъ сочетаніи укоренялось въ умѣ и памяти учащихся,

[1]) Дѣло идетъ о греческомъ текстѣ Коаленевой рукописи, съ котораго въ Болгаріи былъ переведенъ этотъ Изборникъ на славянскій языкъ.

[2]) Онъ тогда жилъ за границею, покончивъ свое гувернерство при сыновьяхъ графа.

и они прочно и быстро успѣвали. Руководствъ Востокова и Половцева, принятыхъ тогда въ гимназіяхъ, намъ вовсе не было нужно. Дѣло, казалось бы, налажено, какъ быть должно, но именно съ этого-то пункта и началась разладица между мною и директоромъ Погорѣльскимъ. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы я принялъ указанный начальствомъ учебникъ и по его параграфамъ въ послѣдовательномъ порядкѣ располагалъ свои уроки. Я на-отрѣзъ отказался и продолжалъ идти своимъ путемъ. Съ тѣхъ поръ Погорѣльскій сталъ меня преслѣдовать и допекать. Бывало придетъ ко мнѣ въ классъ и остается до самаго конца урока; усядется гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, а самъ чертитъ что-то карандашемъ въ своей записной книжкѣ, взглянетъ на меня и покачаетъ головой, а то руками разведетъ. Послѣ урока позоветъ съ собой въ учительскую комнату и во время смѣны, при другихъ учителяхъ, примется давать мнѣ нагоняй по пунктамъ, которые онъ настрочилъ у меня въ классѣ. Я отстаиваю себя, препираюсь съ нимъ зубъ за зубъ и не уступаю ему ни на волосъ. Я потѣшался и злорадствовалъ всякій разъ, когда приводилось мнѣ при свидѣтеляхъ немножко поглумиться надъ ихъ принципаломъ, котораго они такъ боялись, и чѣмъ больше онъ горячился, тѣмъ сдержаннѣе и вѣжливѣе я издѣвался. Когда напечаталъ я свою работу о преподаваніи русскаго языка и слога, казенная служба потеряла для меня всякій интересъ. А мой директоръ все не унимался и пуще прежняго сталъ нападать на меня, оскорбляя въ моей, ненавистной ему, особѣ не просто своего подчиненнаго, но и злосчастнаго автора безполезной книги, переполненной никому ненужною всякою всячиной. Мнѣ стало наконецъ невтерпёжъ. Третья гимназія надоѣла мнѣ и опротивѣла до-нельзя. Я завидовалъ даже извозчику, который подвозилъ меня къ ея крыльцу: онъ поѣдетъ прочь на вольную волю, а меня запрутъ въ застѣнокъ, гдѣ будутъ пытать разными пытками.

Извините, что разсказываю вамъ о такихъ дрязгахъ. Я вовсе не желаю свидѣтельствовать о своей безукоризненной правотѣ; безъ сомнѣнія, во многомъ былъ виноватъ и я. Мнѣ хотѣлось только дать вамъ знать, какой былъ я тогда дрянной чиновникъ и строптивый рабъ начальства.

Высоко цѣня достоинства Погорѣльскаго и всегда относясь къ нему благосклонно, графъ Сергій Григорьевичъ, разумѣется, зналъ отъ него самого о моихъ съ нимъ пререканіяхъ и ссорахъ и не разъ полушутливо журилъ меня, внушая мнѣ быть почтительнѣе къ старшимъ и не раздражать болѣзненнаго человѣка, который и безъ того страдаетъ припадками желчи. Я

отдѣлаться отъ нея. Конечно, не мое дѣло пускаться въ соображенія по этому поводу и вмѣшиваться въ чужія дѣла или шпіонить за постояльцами. Но дѣвочка вѣдь ей не дочь; это ясно какъ Божій день, хотя она и любитъ ее какъ дочь... по крайней мѣрѣ прикидывается, что любитъ. И знаете, что̀ я вамъ скажу, м'амъ, мнѣ какъ разъ это-то и подозрительно, и къ тому же въ миссъ Марджорибанкъ нѣтъ никакой откровенности.—Гдѣ вы жили передъ тѣмъ, какъ переѣхали ко мнѣ, миссъ?—спрашиваю я какъ-то ее затѣмъ, чтобы поддержать разговоръ.—Мы жили на другомъ концѣ Лондона, — отвѣчаетъ милэди высокомѣрно. На другомъ концѣ Лондона, скажите! О! она скрытна, какъ могила.

— Развѣ она не въ своемъ правѣ?—отвѣчала м-съ Чафинчъ.— Вѣдь она платитъ вамъ за квартиру? А лэди, которая платитъ за квартиру, въ правѣ быть скрытною, какъ могила, если того пожелаетъ. И быть высокомѣрной—также, если ей такъ угодно.

Послѣ того хозяйка стала упрашивать м-съ Чафинчъ зайти къ ней въ комнату и отдохнуть; она принялась даже угощать м-съ Чафинчъ чѣмъ-то изъ лекарственной стклянки, хотя она увѣряла, что это хересъ. Но миссъ Чафинчъ не дала себя выпытывать.

— Вы получаете свои деньги аккуратно, м'амъ, и дѣла квартирантовъ до васъ не касаются. Зачѣмъ вамъ знать, чье это дитя?

— Но я не знаю даже, какъ ее зовутъ! —сказала хозяйка.

— Не знаете, какъ ее зовутъ? Ее зовутъ Алиса; хорошенькое имя, не правда ли? Что касается фамиліи, то все равно, ей придется ее перемѣнить, когда она выйдетъ замужъ. А такая красавица не засидится въ дѣвушкахъ. Ахъ! она, какъ двѣ капли воды, похожа на свою мать.

— О! вы знали ея мать, м'амъ?

— Можетъ, знала, можетъ, нѣтъ,—загадочно отвѣчала м-съ Чафинчъ.—Я вѣдь могла видѣть ея портретъ или слышать о ней отъ добрыхъ людей. Будьте спокойны, м'амъ, я не разболтаю того, что̀ знаю. Мало ли что̀ я знаю! Я могла бы вамъ поразсказать исторіи, отъ которыхъ у васъ волосы бы стали дыбомъ.

И послѣ такого таинственнаго заявленія, м-съ Чафинчъ пожелала хозяйкѣ добраго утра и ушла.

Когда ребенокъ лишенъ удовольствія играть съ другими дѣтьми, онъ становится преждевременнымъ старикомъ Розовыя очки, сквозь которыя дѣти обыкновенно глядятъ на Божій міръ, ему недоступны. Такой ребенокъ не знаетъ радостей волшебнаго міра; онъ никогда не дрожалъ при мысли, что вотъ-вотъ встрѣтитъ лѣшаго

или великана въ семимильныхъ сапогахъ; волшебницы и чудесное чуждо такому ребенку; никогда не уносится онъ въ золотой міръ фантазіи. Такія дѣти жалки и ихъ нельзя не пожалѣть. Имъ приходится съ первыхъ же шаговъ въ жизни глядѣть въ лицо жестокой и грубой дѣйствительности.

Маленькая миссъ Ферхомъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду была въ извѣстномъ смыслѣ прекрасно воспитана. Въ томъ, что касается „книжныхъ занятій“, она бы заткнула за поясъ пятнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ.

Она прекрасно играла на фортепіано и читала ноты безъ запинки; превосходно работала, шила и вышивала и горѣла желаніемъ самой сшить себѣ шляпку; но этого миссъ Марджорибанкъ не хотѣла позволить ей, такъ какъ, за исключеніемъ ботинокъ, чулокъ и перчатокъ, все, что̀ было надѣто на дѣвочкѣ, было сшито самой миссъ Марджорибанкъ.

Ребенка не морили надъ занятіями, но причину, почему она такъ ушла впередъ, искать не далеко. Съ тѣхъ поръ, какъ она играла съ Джонни Грегемъ въ королей и королевъ, Алиса никогда больше не „играла“. Музыка была ея единственной забавой, а когда ей хотѣлось отдохнуть, она мѣняла одно занятіе на другое.

„Играть“, то-есть забавляться съ игрушками, не приходитъ дѣтямъ въ голову само собой. Ихъ надо этому учить, развивать эту способность для того, чтобы новѣйшій продуктъ цивилизаціи, игрушечный фабрикантъ, могъ существовать, потому что дитя природы, котораго не учили искусству „играть“, забавляется апельсиномъ или яблокомъ, а не то простыми камушками, съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и дорогой пятидесятирублевой куклой, и ѣздитъ на палочкѣ такъ же охотно, какъ и на игрушечномъ локомотивѣ съ настоящимъ паровикомъ на спиртовой лампѣ, посредствомъ котораго можетъ обвариться или сгорѣть самымъ научнымъ образомъ.

Первой заботой миссъ Марджорибанкъ, когда она принялась за воспитаніе маленькой дочери бѣднаго Чарльза Ферхома, было отъучить ее отъ „ужаснаго“, какъ она выражалась, языка и привычки къ низшему обществу; и дѣйствительно, приходится сознаться волей-неволей, что разговоръ Алисы мало чѣмъ отличался отъ разговора уличнаго ребенка.

Оно и неудивительно, если мы примемъ во вниманіе, что общество Алисы состояло изъ м-съ Чафинчъ съ ея знакомыми и мальчика Грегема.

Между тѣмъ въ глазахъ миссъ Марджорибанкъ вульгарность

была однимъ изъ смертныхъ грѣховъ, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибы эта лэди не появилась на горизонтѣ Алисы, эта послѣдняя превратилась бы въ очень вульгарную особу. Но, какъ выражалась миссъ Марджорибанкъ, она „спасла" ребенка отъ ея низменныхъ друзей, и теперь, когда ей минуло двѣнадцать лѣтъ, у Алисы не осталось слѣда никакой вульгарности. Единственное звено между нею и старинной жизнью въ Эквити-Кортѣ была м-съ Чафинчъ, но визиты этой лэди были нечасты и непродолжительны.

Умъ ребенка былъ очень развитъ, а выраженія и разсужденія —совсѣмъ не двѣнадцатилѣтней дѣвочки. Она стала прилична и сдержанна въ обществѣ миссъ Марджорибанкъ, но физически была голубоглазымъ, бѣлокурымъ ребенкомъ съ особенной аристократической складкой въ наружности, граціозными, хотя и чопорными манерами и здоровымъ сложеніемъ, которое бы сдѣлало честь дочери фермера.

Хотя она могла бы по пальцамъ перечесть всѣхъ королей и королевъ Англіи и своими познаніями перещеголяла бы пятнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, но въ воспитаніи ея былъ одинъ важный пробѣлъ. У нея совсѣмъ не было религіи. Отецъ миссъ Марджорибанкъ былъ то, что въ его время называлось философомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые говорили: „Нѣтъ Бога, и Кантъ его пророкъ".

Само собой разумѣется, что миссъ Марджорибанкъ сама не получила никакого религіознаго воспитанія. Но ее учили, что совѣсть—то-есть, другими словами, ея личное понятіе о добрѣ—должна руководить ею; что она не должна дѣлать ничего безчестнаго; что всѣ поступки ея должны быть справедливы, и нѣтъ хуже преступленія, какъ сдѣлать какую-нибудь низость; что никакая благовоспитанная особа никогда не нарушитъ законовъ общественной благопристойности, тѣмъ менѣе совершитъ преступленіе. Отецъ миссъ Марджорибанкъ не давалъ себѣ труда задумываться надъ многимъ. Есть будущая жизнь или нѣтъ ея—это его нисколько не тревожило. „Мнѣ и на землѣ хорошо,—говаривалъ онъ:—съ меня довольно и здѣшней жизни, и я постараюсь какъ можно лучше прожить ее для себя и для другихъ. Я надѣюсь, что моя дочь хорошо выйдетъ замужъ; это единственная вещь, которая меня заботитъ, и надо думать, что она не останется въ дѣвушкахъ, потому что недурна собой и вдобавокъ добра.

Но миссъ Марджорибанкъ не вышла замужъ, благодаря глупой дѣвической любви къ Чарльзу Ферхому, и, такимъ образомъ,

ей пришлось самой пробиваться въ жизни; она существовала уроками да тою сотней фунтовъ, которые, какъ мы знаемъ, получала отъ богатой родственницы.

Безъ сомнѣнія,—и это курьезная вещь, особа, воспитанная какъ свободный мыслитель и въ то же время не располагавшая большими средствами, навязала себѣ лишнія хлопоты и заботы, взявъ пріемыша безъ всякаго разсчета на какое-либо вознагражденіе. Это было поступкомъ не философа,—а миссъ Марджорибанкъ была философомъ; впрочемъ, причины поступковъ у женщинъ, вообще говоря, неуловимы. Одно несомнѣнно, что какъ ни была вольнодумна миссъ Марджорибанкъ, а это не мѣшало ей быть въ извѣстной мѣрѣ фантазеркой.

Слишкомъ десять лѣтъ обожала она Чарльза Ферхома или, вѣрнѣе сказать, его тѣнь, съ той необыкновенной, безкорыстной, самоотверженной, собачьей привязанностью, какую умѣютъ внушить нѣкоторые мужчины нѣкоторымъ женщинамъ.

Гонорія Марджорибанкъ отлично знала, что никогда не выйдетъ замужъ за любимаго человѣка; она съ самаго начала поняла, что онъ любитъ другую, и не питала никакихъ надеждъ съ этой стороны.

Видѣла ли она въ немъ „сочувственное ей существо“, какъ выражаются спиритуалисты, или же воображала существованіе между ними призрачнаго психическаго союза—кто знаетъ! Фактъ тотъ, что она безгранично любила его, хотя по врожденной скромности умерла бы отъ стыда, еслибы чѣмъ-нибудь это выдала.

Когда Чарльзъ Ферхомъ умеръ, Гонорія Марджорибанкъ почувствовала себя какъ бы вдовой, а въ ребенкѣ его увидѣла живую связь между нею и человѣкомъ, на-вѣки овладѣвшимъ ея дѣвической мечтой.

И она любила дѣвочку материнской любовью, какъ живое воплощеніе умершаго человѣка; любила ее пылкой, безразсудной, ревнивой любовью.

И хотя Ферхомъ говорилъ: „маленькая Алиса—вылитая мать“, тѣмъ не менѣе, миссъ Марджорибанкъ считала ее живымъ портретомъ отца, и она не видѣла на ней слѣда женщины, которую совсѣмъ не знала, и которая отняла у нея любимаго человѣка.

XIII.

Когда маленькой Алисѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, миссъ Марджорибанкъ поселилась въ Уиллоу-Уокъ въ Гампстедѣ. Это совсѣмъ забытый уголокъ; домики въ немъ небольшіе и старомодные, стоятъ особнякомъ и различаются по размѣрамъ; каждый изъ нихъ окруженъ садомъ.

Уиллоу-Уокъ пользуется симпатіями художниковъ: воздухъ Гампстеда особенно чистъ и ясенъ, а потому во многихъ домахъ устроены въ садахъ мастерскія.

Садъ дома ближайшаго отъ того, въ которомъ поселилась миссъ Марджорибанкъ съ своей питомицей, былъ весь почти занятъ таинственнымъ зданіемъ, походившимъ на одну изъ тѣхъ временныхъ церквей, которыя часто видишь въ бѣдныхъ кварталахъ. На дѣлѣ же это была мастерская живописца, и компетентные люди сразу угадали бы это по громадному окну съ сѣверной стороны.

Въ этой мастерской жилъ м-ръ Парджитеръ, хорошо извѣстный портретистъ расцвѣтающей красоты. Онъ жилъ въ своей мастерской, и говоря такъ, мы нисколько не преувеличиваемъ. Въ этой мастерской м-ръ Парджитеръ провелъ послѣднія десять лѣтъ своей жизни; онъ былъ холостякъ, мало водился съ людьми, хотя уже пользовался извѣстностью въ артистическомъ мірѣ. Художникъ былъ богатъ, потому что торговцы картинами охотно покупали его произведенія. Въ самомъ дѣлѣ, никакая коллекція не считалась полною, если въ ней не было картины Парджитера, а какъ живописецъ хорошенькихъ дѣтей, онъ не имѣлъ себѣ равнаго. Еслибы только м-ръ Парджитеръ согласился бывать въ обществѣ, еслибы онъ согласился писать портреты, то могъ бы стать очень богатымъ человѣкомъ. Но онъ не хотѣлъ этого, потому что, говоря правду, былъ эксцентрическій человѣкъ.

— Я воспроизвожу природу, — говаривалъ онъ: — я жизнь свою провожу въ томъ, что стараюсь уловить природу. Могу сказать, что большею частью мнѣ не удается уловить природы, но я не такой дуракъ, чтобы пытаться прикрасить природу, и не стараюсь ей польстить.

Лэди Томкинсъ насильно проникла въ его мастерскую и объявила ему, что желаетъ, чтобы онъ написалъ портретъ ея дочери Белинды, а за цѣной она не постоитъ.

— Но портретъ долженъ быть очень хорошенькій, м-ръ Парджитеръ.

Художникъ не набросился на это предложеніе.

— А дѣвица хороша собой?—спросилъ онъ съ обычной грубой откровенностью.

— Белинда—само здоровье,—отвѣчала лэди Томкинсъ:—она похожа на *меня*, м-ръ Парджитеръ.

И лэди Томкинсъ стала охорашиваться: она разглаживала яркія ленты своей шляпки, точно гигантская горлица, приглаживающая свои перышки.

— Дѣло въ томъ,—продолжала она,—что я хочу, чтобы вы ее немножко смягчили. Белинда полна, немножко слишкомъ полна. Белинда краснощекая, немножко слишкомъ краснощекая. Ее надо немножко идеализировать. Она, быть можетъ, недостаточно поэтична. Хотите взглянуть на нее, м-ръ Парджитеръ? Она сидитъ въ каретѣ.

— Я боюсь,—сказалъ м-ръ Парджитеръ,—что это не мое дѣло.

— Могу я спросить, что же вы дѣлаете?—не безъ строгости произнесла лэди Томкинсъ.

— Извольте, я вамъ скажу охотно. Я беру хорошенькаго ребенка, приказываю его вымыть, одѣть какъ слѣдуетъ, ставлю его на приличномъ фонѣ, стараюсь заставить его улыбнуться и затѣмъ передаю, какъ умѣю, красоту этого ребенка. Послѣ того заказываю приличную раму и придумываю соотвѣтствующую надпись: „Мальчикъ съ пальчикъ“, или „Мамина Кукла“. А затѣмъ торговцы картинами бываютъ такъ добры, что приходятъ и покупаютъ мою картину. Я пишу то, что̀ вижу. Если дитя не красиво, я не стану его писать. Мнѣ очень нуженъ въ настоящую минуту красивый ребенокъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой людоѣда;—чортъ возьми! я вѣчно нуждаюсь въ хорошенькихъ дѣтяхъ, м'амъ!

И взглянувъ на Белинду Томкинсъ, десятилѣтнюю дѣвочку, онъ отказался писать ея портретъ, и лэди Томкинсъ заказала его Гламмеру, импрессіонисту. Она и альдерменъ, сэръ Джонъ Томкинсъ, остались очень довольны портретомъ, а лэди Томкинсъ послѣ своего визита къ м-ру Парджитеру всегда выражалась такъ: „этотъ не въ мѣру превознесенный Парджитеръ“.

Когда м-ръ Парджитеръ не писалъ—а онъ писалъ съ утренней зари до вечерней,—то курилъ трубку или бродилъ по саду. Онъ рѣдко выходилъ изъ дому. Вставалъ, какъ мы уже сказали, на разсвѣтѣ, выпивалъ большую кружку café au lait, и это вмѣстѣ съ кусочкомъ жаренаго хлѣба служило ему неизмѣннымъ завтракомъ.

Послѣ того онъ писалъ бо̀льшую часть дня, а вечеромъ шелъ

въ Сого и обѣдалъ въ небольшомъ ресторанѣ съ нѣсколькими такими же старыми чудаками, какъ и онъ самъ. Къ десяти часамъ вечера онъ обыкновенно былъ уже дома, привѣшивалъ свой гамакъ (въ буквальномъ, а не метафорическомъ смыслѣ) и курилъ, пока не засыпалъ.

Именно потому, что у Парджитера было мало потребностей и не было пороковъ, и потому что онъ велъ такую простую, однообразную жизнь, а также потому, что много работалъ, онъ и былъ сравнительно богатый человѣкъ.

Окончивъ свой трудовой день, м-ръ Парджитеръ копался въ саду; онъ прибивалъ плющъ. Это занятіе представляетъ много преимуществъ; во-первыхъ, ему нѣтъ конца (если у васъ много плюща); во-вторыхъ, это очень веселое занятіе, такъ какъ задача состоитъ въ томъ, чтобы, вбивая гвозди, не попадать молоткомъ себѣ по пальцамъ. Когда же это случается, то по общему правилу человѣкъ начинаетъ ругаться.

М-ръ Парджитеръ, сидя на стѣнѣ, отдѣлявшей его садъ отъ сада миссъ Марджорибанкъ, только-что хлопнулъ себя по пальцамъ и громко возопилъ:—О! Gemini!—хотя, говоря мимоходомъ, онъ вовсе не былъ знакомъ съ классиками, а потому и не подозрѣвалъ, что призываетъ въ помощь Кастора и Поллукса. М-ръ Парджитеръ повторилъ возгласъ, поднесъ ушибленные пальцы ко рту и при этомъ обронилъ мѣшокъ съ гвоздями въ сосѣдній садъ.

— Ну, какъ я теперь достану ихъ?—подумалъ м-ръ Парджитеръ.—Конечно, спуститься по стѣнѣ не хитро, но подняться обратно на стѣну будетъ похитрѣе. Надо идти кругомъ и попросить достать гвозди.

Но тутъ нѣчто привлекло взглядъ м-ра Парджитера.

Это нѣчто была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, крѣпко спавшая въ плетеномъ креслѣ. Ей должно быть снились пріятные сны, потому что милая улыбка играла на ея хорошенькомъ, аристократическомъ личикѣ, и отъ нея ямочки появились на круглыхъ щечкахъ, точно легкая рябь на водѣ, взволнованной слабымъ дуновеніемъ вѣтерка.

Полныя красныя губки были полуоткрыты и обнаруживали бѣлые, здоровые зубы. Золотистые волосы, цвѣта спѣлой пшеницы, разсыпались по плечамъ.

Дѣвочка была одѣта въ простое платьице изъ французской кисеи, а рядомъ лежала соломенная шляпа, очевидно вывалившаяся изъ руки, повисшей вдоль кресла.

— О! боги и небожители!—вскричалъ м-ръ Парджитеръ:—

вотъ находка! Еслибы только она не пошевелилась... Господи! еслибы только она не пошевелилась!

И тутъ м-ръ Парджитеръ усѣлся плотнѣе на стѣнѣ и вынулъ изъ большого кармана своей старой бархатной жакетки тетрадь съ эскизами и принялся набрасывать эскизъ дѣвочки.

— Вотъ чудесный сюжетъ для картины!—говорилъ самому себѣ Парджитеръ.—„Спящая Красавица", или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вотъ такъ удача, спору нѣтъ. Должно быть, она плотно покушала за обѣдомъ, а мнѣ это и на руку. Лишь бы подольше поспала, голубушка!

М-ръ Парджитеръ работалъ изо всѣхъ силъ. Въ продолженіе добрыхъ трехъ-четвертей часа его привычная рука воспроизводила Алису Ферхомъ. Онъ набросалъ три эскиза ея позы, два эскиза лица и отъ времени до времени въ волненіи ерошилъ рукой волосы, пока не сталъ похожъ на какаду.

Внезапно, хотя медленно темныя ея рѣсницы приподнялись, а голубые глаза съ удивленіемъ уставились на необыкновенную фигуру, какую представлялъ изъ себя м-ръ Парджитеръ. Въ первое мгновеніе Алисѣ казалось, что она еще не проснулась и м-ръ Парджитеръ пригрезился ей. Но вотъ онъ заговорилъ, и маленькая лэди убѣдилась, что больше не спитъ.

— Не шевелитесь, Христа ради не шевелитесь, душа моя, не шевелитесь! Одну только минутку не шевелитесь, дорогая лэди, иначе вы все испортите!—кричалъ м-ръ Парджитеръ, вытянувъ указательный палецъ.

При такомъ торжественномъ заклинаніи, миссъ Ферхомъ не пошевелилась, но пожелала объясненія.

— Почему мнѣ не шевелиться? развѣ вы фотографъ?

— Нѣтъ, душа моя, я не имѣю этой привилегіи. Я... я Humpty-Dumpty [1]). Вы слыхали про Humpty-Dumpty?

— Нѣтъ, я не слыхала про васъ, м-ръ Dumpty,—отвѣчала дѣвочка.

— Небо и земля!—возопилъ м-ръ Парджитеръ.—Неужели вы не слыхали про Humpty-Dumpty? Ваше образованіе очень запущено, мое дитя. Я въ своемъ родѣ загадка, знаете;—меня зовутъ Humpty-Dumpty, но я только яйцо. Не шевелитесь.

Когда молодая лэди, проснувшись, увидитъ незнакомаго джентльмена, сидящаго на стѣнѣ передъ ней и заклинающаго ее не шевелиться и въ то же время весьма серьезно увѣряющаго ее, что онъ только яйцо, совершенно понятно, если она смутится.

---

[1]) Лицо изъ извѣстной народной сказки.

— Я очень сожалѣю, что ничего не слыхала про васъ, м-ръ Думпти. Можетъ быть, я еще не дошла до васъ. Мы изучаемъ теперь періодъ Reform-Bill, и вы, конечно, не участвуете въ „Mangnall's Questions",—извинялась миссъ Ферхомъ.

— Вы ужасно прозаичны, душа моя,—замѣтилъ м-ръ Парджитеръ.

— Да, м-ръ Думпти,—торжественно отвѣтила миссъ Ферхомъ. —Мы не начнемъ поэзіи раньше будущаго года. Миссъ Марджорибанкъ говоритъ, что время для поэзіи настанетъ, когда я еще подросту. Но мы начали уже, знаете, Эвклида—прибавила молодая лэди съ улыбкой:—и не то что долбимъ его наизусть, какъ дѣлаютъ невѣжественные люди, но изучаемъ его раціонально.

„Вотъ странный ребенокъ, право, странный! — думалъ м-ръ Парджитеръ.—Физически она просто очаровательна, но умственно какой-то синій чулокъ; говоритъ точно инспекторъ училищнаго совѣта. Чортъ побери, если она вздумаетъ экзаменовать меня! —слуга покорный".

— Алиса, милая Алиса!—закричалъ чей-то голосъ.

Дитя повернуло голову.

— Не шевелитесь, ради самого неба, не шевелитесь, моя душа!—завопилъ м-ръ Парджитеръ такимъ умоляющимъ голосомъ, что тронулъ бы камень:—это ваша матушка, полагаю, зоветъ васъ, душа моя. Не слушайте голоса природы, мое дорогое дитя; будьте глухи къ нему, умоляю васъ, въ интересахъ искусства. Не бойтесь; я погрызусь съ нею; я ее угомоню. Предоставьте мнѣ вѣдаться съ нею. Если только вы будете сидѣть смирно, душа моя, какъ говорится въ мелодрамахъ, все уладится.

— Но это не мать моя, м-ръ Думпти, это миссъ Марджорибанкъ, и я надѣюсь, что вы не будете съ нею грызться. Я не знаю хорошенько, что̀ это значитъ, но навѣрное ей это не понравится. Она не любитъ безцеремоннаго обращенія.

— Марджорибанкъ?—вскричалъ м-ръ Парджитеръ.—Никогда въ жизни не знавалъ никакой Марджорибанкъ!

Но тутъ миссъ Марджорибанкъ, подойдя, увидѣла м-ра Парджитера на стѣнѣ.

— Послушайте,—обратилась она къ нему съ удивленіемъ и негодованіемъ:—что вы дѣлаете тутъ на стѣнѣ?

— Я не могу пошевелиться,—сказала миссъ Ферхомъ:—потому что онъ умоляетъ меня этого не дѣлать. М-ръ Думпти,— формально произнесла дѣвочка въ видѣ рекомендаціи:—это миссъ Марджорибанкъ.

М-ръ Парджитеръ приложилъ руку къ сердцу, на манеръ

балетнаго танцора, и закивалъ головой, нельзя сказать, чтобы особенно граціозно; но этимъ дѣло не ограничилось и м-ръ Парджитеръ послалъ три воздушныхъ поцѣлуя миссъ Марджорибанкъ и замѣтилъ тономъ восторга:

— Я очарованъ вами, м'амъ.

Но миссъ Марджорибанкъ нисколько не смягчилась отъ подобныхъ заискиваній м-ръ Парджитера.

— Что вы дѣлаете?—прошу васъ сойти немедленно!

— Я уронилъ мѣшокъ съ гвоздями въ вашъ садъ и увидѣлъ эту юную лэди; она спала, а я въ интересахъ искусства долженъ былъ снять съ нея нѣсколько эскизовъ. Вы спрашиваете меня, зачѣмъ я сижу здѣсь на стѣнѣ. Отвѣчаю вамъ: въ интересахъ искусства. Позвольте мнѣ удостовѣрить васъ, что я не питаю никакихъ воровскихъ намѣреній; я въ высшей степени почтенный и безобидный человѣкъ.

— Онъ говоритъ, что знаетъ васъ,—замѣтила Алиса:—и что его зовутъ Гумпти-Думпти.

— Такъ какъ этотъ господинъ не хочетъ слѣзть со стѣны, когда его о томъ просятъ, то мы сами уйдемъ. Пойдемъ!—строго сказала миссъ Марджорибанкъ.

— М'амъ, дорогая м'амъ, безцѣнная м'амъ,—началъ м-ръ Парджитеръ:—позвольте удостовѣрить васъ честнымъ словомъ, что у меня нѣтъ обычая сидѣть на стѣнѣ, на подобіе кота. Вѣдь на стѣнахъ бываютъ—я не говорю, что есть, но бываютъ—осколки стекла. Я сейчасъ слѣзу, если вы этого желаете, но, дорогая м'амъ, умоляю васъ въ интересахъ искусства дозволить мнѣ докончить мой эскизъ. Уйти теперь или, какъ вы выражаетесь, сойти со стѣны, не такъ-то легко въ мои годы: вѣдь я уже не молодъ—фактъ, о которомъ мой другъ д-ръ Потльбэри постоянно твердитъ мнѣ.

— Онъ знаетъ д-ра Потльбэри!—вскричала миссъ Ферхомъ и захлопала въ ладоши.

— Сэръ, — произнесла миссъ Марджорибанкъ: — названный вами джентльменъ нашъ докторъ, болѣе того—нашъ личный другъ, нашъ единственный добрый другъ,—прибавила она съ легкимъ вздохомъ.

— Если такъ, то во имя Потльбэри заклинаю васъ, дорогая м'амъ, дайте мнѣ окончить этотъ эскизъ! Послѣ того, даю вамъ мое честное слово, я немедленно удалюсь. Потльбэри —чудесный человѣкъ, и я съ нимъ давно уже знакомъ. Не считайте меня за нахала. Думайте обо мнѣ, заклинаю васъ, какъ о другѣ д-ра

Потльбэри, и не ожесточайте сердца своего противъ искусства вообще и вашего покорнаго слуги въ частности!

Миссъ Марджорибанкъ улыбнулась. Она могла оставаться глухой къ мольбамъ неизвѣстнаго „нахала“, забравшагося на стѣну, но готова была почтить друга д-ра Потльбэри.

Миссъ Марджорибанкъ, какъ и всѣ женщины вообще, была нѣсколько подозрительна.

— Могу я спросить васъ, сэръ, объ одномъ ли и томъ же лицѣ мы говоримъ? другими словами, о какомъ д-рѣ Потльбэри вы упоминали?

— Еслибы я говорилъ о Микель-Анжело, то вы не могли бы сомнѣваться, какого Микель-Анжело я разумѣю; но также какъ и Микель-Анжело существуетъ только одинъ Потльбэри. Д-ръ Потльбэри, о которомъ я упомянулъ, живетъ въ Фетеръ-Ленѣ.

Послѣ того м-ру Парджитеру дозволили окончить эскизъ.

И вотъ ка̀къ случилось, что м-ръ Парджитеръ познакомился съ миссъ Марджорибанкъ и маленькой дѣвочкой, ея пріемной дочерью. Онъ послѣ этого нѣсколько разъ пилъ чай вмѣстѣ съ двумя лэди и скоро успѣлъ убѣдить миссъ Марджорибанкъ въ интересахъ искусства дозволить маленькой Алисѣ позировать передъ нимъ.

XIV.

Въ академіи художествъ открылась первая выставка картинъ сезона. Всякій, претендующій на какое-нибудь значеніе въ мірѣ искусства, литературы или моды, запасся билетомъ. Для крупныхъ покупщиковъ доступъ открытъ, само собой разумѣется, а также и для журнальныхъ критиковъ. Профессіональныя красавицы явились на выставку, а также и жены художниковъ, стараясь какъ можно болѣе походить на профессіональныхъ красавицъ.

Излишне говорить, что дамы-писательницы всѣ въ сборѣ. Онѣ, по общему правилу, имѣютъ мало общаго съ профессіональными красавицами. Онѣ приходятъ глядѣть не на картины; ихъ дѣло описывать туалеты. Онѣ разскажутъ намъ, что „м-съ Голитли была облечена чудесной симфоніей голубыхъ цвѣтовъ съ серебромъ“ и откроютъ міру, что этотъ „удивительный костюмъ создала m-me Добсъ“. И что „лэди Крегсъ и ея двѣ прелестныхъ дочери были и т. д., и т. д. Дамы-писательницы—неотъемлемая принадлежность выставки, но, конечно, ихъ можно пройти безъ вниманія. Само собой разумѣется, что тутъ же находятся

сотрудники „Эстетическаго Магазина“ и другихъ художественныхъ журналовъ. Вся ихъ надменная голодная клика на-лицо, и художники до того боятся ихъ, что не смѣютъ не пустить на выставку. Крупные торговцы тоже на-лицо. Они пришли не глядѣть на картины,—вовсе нѣтъ: они пришли слѣдить за покупателями и навязывать имъ своихъ protégés.

Завидѣвъ богатаго м-ра Шертинга изъ Манчестера, остановившагося передъ прелестной картиной какого-нибудь злосчастнаго независимаго художника, стоящаго внѣ всякихъ котерій, такой продавецъ устремляется немедленно къ нему.

— Пришли взглянуть на насъ, м-ръ Шертингъ,—говоритъ онъ покровительственнымъ тономъ.—Видѣли ли вы новаго Гропера? —прибавляетъ онъ таинственнымъ шопотомъ, мало-по-малу протискиваясь между м-ромъ Шертингомъ и картиной, обратившей на себя его вниманіе.—Когда я увидѣлъ новаго Гропера, я сказалъ себѣ: вотъ картина, которая рано или поздно попадетъ въ коллекцію м-ра Шертинга. Мой уважаемый кліентъ, м-ръ Шертингъ, еще не имѣетъ Гропера въ своей коллекціи,—а что-жъ эта за коллекція безъ Гропера? И картина-то недорога совсѣмъ. Художникъ проситъ всего триста фунтовъ, а она стоитъ вѣрныхъ пятьсотъ. Я говорю вамъ объ этомъ, м-ръ Шертингъ, потому, что вы мой старинный покупатель. Но картина Гропера, лѣтъ этакъ черезъ пять, навѣрное будетъ стоить тысячу фунтовъ, попомните мое слово, м-ръ Шертингъ. Чудный день, не правда ли? и какая толпа народа! Надѣюсь, что вы заглянете ко мнѣ въ магазинъ, м-ръ Шертингъ; Гропера вы найдете въ залѣ, нумеръ седьмой. Добраго утра, м-ръ Шертингъ... Вотъ лордъ Бенбо. Какъ ваше здоровье, милордъ?

И нашъ торговецъ, м-ръ Мефибошитъ, съ шляпой въ рукѣ и сіяющей физіономіей, направляется къ лорду Бенбо.

Немудрено, если м-ръ Шертингъ, который ровно ничего не смыслитъ въ искусствѣ, направляется прямо къ картинѣ Гропера въ залу подъ нумеромъ седьмымъ и нѣсколько минутъ спустя становится обладателемъ картины.

Мефибошитъ заработалъ свои тридцать фунтовъ коммиссіонныхъ довольно легко, но безъ посредника не обойдешься даже въ искусствѣ. Гроперу также не придетъ въ голову отказать въ этихъ тридцати фунтахъ, какъ въ уплатѣ королевскихъ податей.

Другой продавецъ, м-ръ Шимай, завладѣлъ м-ромъ Макъ-Алистеромъ изъ Глазго.

Излишне говорить, что этотъ джентльменъ, подобно большинству людей его національности, человѣкъ очень трезвыхъ понятій.

Причина, почему онъ сталъ коллекторомъ, заключается въ томъ, что онъ смотритъ на искусство, какъ на выгодный гешефтъ. Что касается художниковъ, то онъ считаетъ ихъ, говоря его собственными словами, „жалкими, безпутными, чванными существами“. Для самого м-ра Макъ-Алистера изъ Глазго видъ его коллекціи не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія. Картины для него—„размалеванное полотно“, и единственныя радости, извлекаемыя м-ромъ Макъ-Алистеромъ изъ собственной коллекціи, сродни удовольствію, съ какимъ скупецъ считаетъ свои деньги. Въ искусствѣ м-ръ Макъ-Алистеръ никогда не полагается на свое собственное сужденіе.

Какъ разсудительный человѣкъ, онъ прибѣгаетъ къ посредству частнаго агента-эксперта. Хотя онъ очень любитъ, чтобы его считали знатокомъ, однако никогда не раскрываетъ кошелька, не посовѣтовавшись съ м-ромъ Шимаемъ.

— Послушайте-ка,—обращается онъ къ Шимаю, указывая на картину академика прежней школы:—четыреста фунтовъ стерлинговъ не слишкомъ ли жирно будетъ?

— Ошибаетесь, сэръ,—отвѣчаетъ хитрый торговецъ:—развѣ вы не слышали, что̀ случилось съ Скумблемъ?

И Шимай наклоняется къ уху своего собесѣдника, какъ будто то, что̀ онъ хочетъ ему сообщить, совершенно конфиденціальнаго характера.

— Я не всякому это скажу,—продолжаетъ онъ:—у Скумбля былъ ударъ. Онъ больше никогда не напишетъ картины, а вѣдь онъ и прежде былъ неплодовитъ. Скоро въ продажѣ совсѣмъ не будетъ его картинъ, онѣ станутъ рѣдкостью. Не трудно раздобыться картиной сэра Джошуа или Тёрнера: они были плодовиты и ихъ всегда найдешь въ продажѣ, но картины Скумбля всѣ наперечетъ. Онъ писалъ ихъ двѣ въ годъ, не больше, м-ръ Макъ-Алистеръ. Онъ называетъ себя добросовѣстнымъ художникомъ,—прибавляетъ Шимай со смѣхомъ:—и если онъ недоволенъ своей работой, то протыкаетъ ножемъ картину. Вотъ почему онѣ держатся въ цѣнѣ. А эта къ тому же послѣдняя картина, какую онъ написалъ,—голову прозакладываю.

— Но четыреста фунтовъ стерлинговъ, м-ръ Шимай, четыреста золотыхъ совереновъ,—и человѣкъ можетъ поправиться, вопреки велѣніямъ Провидѣнія.

— Да, четыреста фунтовъ большія деньги,—отвѣчаетъ соблазнитель:—да кромѣ того эта картина уже продана; мнѣ случайно извѣстно, что эта картина—дубликатъ; оригиналъ ея не выставленъ, сэръ.

М-ръ Макъ-Алистеръ вздрогнулъ, точно его ужалила змѣя.

— Слушайте-ка, я не часто ошибаюсь,—сказалъ онъ:—но разъ ошибся, и купилъ дубликатъ картины „Маратъ въ ваннѣ“. Я купилъ этотъ дубликатъ за полъ-цѣны противъ оригинала, да и то по особой милости. И что-жъ! какого-то негоднаго фабриканта мыла угораздило пріобрѣсти оригиналъ и право воспроизведенія его хромолитографіей. И что̀-жъ онъ сдѣлалъ! На всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ и во всѣхъ аптекарскихъ провинціальныхъ магазинахъ выставилъ эти снимки въ видѣ объявленія о своемъ мылѣ, съ дурацкой подписью: „Еслибы Маратъ употреблялъ санитарное мыло Боу, то дѣла сложились бы, можетъ быть, совсѣмъ иначе“. Нѣтъ, нѣтъ, м-ръ Шимай, упаси меня Богъ отъ дубликатовъ!

— Но въ настоящемъ случаѣ, дорогой сэръ, я вамъ предлагаю оригиналъ. То, что̀ мы теперь видимъ—дубликатъ. Скумбль—человѣкъ методическій. На оборотной сторонѣ всѣхъ его картинъ выставлено, какого числа онъ началъ и окончилъ картину, и ея названіе. Онъ не хотѣлъ продавать оригинала, бѣдняга, да ударъ подкосилъ его, и онъ долженъ волей-неволей продать. Понимаете, м-ръ Макъ-Алистеръ?—и Шимай таинственно похлопалъ себя по громадному носу:—цѣна четыреста фунтовъ, ни одного пенни меньше; онъ возьметъ съ васъ вексель, а картина удвоится въ цѣнѣ, только-что онъ отдастъ Богу душу.

— Что-жъ, это крайняя цѣна—четыреста фунтовъ?

— Мефибошитъ предлагалъ ему триста-семьдесятъ-пять,—отвѣчалъ сухо м-ръ Шимай.

— Другъ мой, кончайте съ нимъ, дѣлать нечего; я дамъ ему вексель срокомъ на шесть мѣсяцевъ,—сказалъ м-ръ Макъ-Алистеръ, глубоко вздыхая.

И затѣмъ простился съ м-ромъ Шимаемъ, радуясь тому, что ограбитъ вдову и сиротъ въ непродолжительномъ времени.

Лэди Лидія Гардинеръ была на академической выставкѣ. Каждый знаетъ ея лордство, и она—общая любимица.

Въ своей молодости лэди Лидія была очень красивая женщина, и когда вышла замужъ за богача, но чудака, сэра Джона Гардинера, всѣ были этимъ довольны.

Что касается сэра Джона, то онъ готовъ былъ цѣловать слѣды ея ногъ. Ей было теперь тридцать два-года, и она все еще была очень хороша собой въ томъ наилучшемъ стилѣ британской матроны, которая, какъ намъ извѣстно, похожа на Клеопатру.

„Age cannot wither her, nor custom stale
„Her infinite variety“ [1]).

Быть можетъ, единственное лицо, не вполнѣ оцѣнявшее безусловно аристократическій и британскій стиль красоты лэди Лидіи, была сама лэди Лидія. По крайней мѣрѣ, дочь лорда Нотса совсѣмъ не ожидала, когда вѣнчалась въ Плезансѣ, въ графствѣ Кентъ, съ сэромъ Джономъ Гардинеромъ, богатѣйшимъ человѣкомъ въ Англіи,—она никакъ не ожидала, какую сенсацію произведетъ ея представленіе ко двору, и что она станетъ царицей красоты въ высшемъ лондонскомъ свѣтѣ.

А между тѣмъ такъ случилось. Она и недѣли не пробыла въ Лондонѣ, какъ ее уже окрестили „la Belle Jardinière“.

Голова лэди Лидіи нисколько не закружилась отъ всѣхъ этихъ оваций. Она вышла замужъ за Джона Гардинера въ угоду отцу. Лордъ Сантъ-Нотсъ былъ, какъ намъ извѣстно, бѣденъ какъ церковная крыса. Лэди Лидія была прямодушная, честная, англійская дѣвушка, и когда выходила за сэра Джона, то дала себѣ слово быть ему вѣрной и преданной женой, и выполнила это. До своей женитьбы сэръ Джонъ считался немного смѣшнымъ и довольно безцвѣтнымъ человѣкомъ, но жена обратила его домъ въ одинъ изъ популярнѣйшихъ въ Лондонѣ. Сэру Джону было пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ женился на лэди Лидіи, и, какъ я уже сказалъ, онъ многимъ казался смѣшнымъ.

Онъ одѣвался богато, но въ старомодномъ вкусѣ. Во-первыхъ, упорно носилъ веллингтоновскіе сапоги; во-вторыхъ, не разставался съ бархатными воротниками и открытыми жилетами. Волосы у него были длинные, почти бѣлые, съ зеленовато-желтымъ оттѣнкомъ и завитые на концахъ на манеръ саксонскихъ джентльменовъ одиннадцатаго столѣтія. Онъ носилъ бакенбарды въ видѣ телячьихъ котлетъ, небольшіе усы и эспаньолку, и все это было окрашено въ черный цвѣтъ съ краснымъ отливомъ.

Онъ носилъ въ рукахъ трость съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ, ходилъ съ вывернутыми ногами, какъ у танцмейстера, и той гибкой и волнующейся походкой, которую приписываютъ всѣмъ испанскимъ женщинамъ вообще, а уроженкамъ Андалузіи въ частности.

Вначалѣ всѣ донъ-жуаны принялись увиваться вокругъ лэди Лидіи, но вскорѣ убѣдились, что даромъ тратятъ порохъ. Лэди Лидія выслушивала комплименты, потому что была свѣтская женщина, но одного она не переносила: чтобы легко отзывались

---

[1]) Она не блекнетъ отъ времени и не приглядывается.

объ ея мужѣ или подшучивали надъ нимъ. Профессіональные донъ-жуаны, какъ намъ извѣстно, имѣютъ привычку, ухаживая за женами, изощрять свое остроуміе надъ отсутствующими мужьями. Нѣкій герцогъ, желавшій особенно понравиться лэди Лидіи, замѣтилъ съ усмѣшечкой:—онъ „боится, что его дорогой другъ сэръ Джонъ смахиваетъ немного на ископаемое животное". Но тутъ лэди Лидіи въ первый разъ въ жизни вышла изъ себя и, гордо обмахиваясь вѣеромъ, замѣтила съ рѣдкимъ хладнокровіемъ:

— Герцогъ, кто неуважительно отзывается о моемъ мужѣ, тотъ сразу и навсегда становится непріятнымъ для меня человѣкомъ.

Послѣ того она встала и повернулась спиной къ виновному.

Безъ сомнѣнія, это было очень грубо и неделикатно со стороны лэди Лидіи; мы всегда должны быть снисходительны къ маленькимъ слабостямъ ближнихъ и въ особенности когда они выше насъ поставлены. Исторія эта попала въ великосвѣтскіе журналы, и всѣ заговорили, что лэди Лидія нелѣпо щепетильна.

Можетъ быть, оно и такъ, но тѣмъ не менѣе жена сэра Джона Гардинера стала очень популярна, а черезъ нее и самъ сэръ Джонъ сдѣлался извѣстенъ, и люди вскорѣ перестали смѣяться надъ нимъ.

Сэръ Джонъ щедро тратилъ деньги, хотя и не бросалъ ихъ за окошко. Онъ не имѣлъ обыкновенія украшать лѣстницу своего великолѣпнаго дома въ Гросвеноръ-скверѣ срѣзанными орхидеями и затѣмъ посылать уплаченный за нихъ счетъ издателю моднаго журнала, для обычной рекламы; но у него былъ поваръ, которому онъ платилъ въ годъ четыреста фунтовъ стерлинговъ, и сэръ Джонъ давалъ лучшіе обѣды въ Лондонѣ, а когда лэди Лидія принимала у себя гостей—это было нерѣдко,—онъ угощалъ ихъ по-царски.

Сэръ Джонъ и лэди Лидія, какъ водится, были очень окружены на выставкѣ. Оба покровительствовали искусствамъ, а потому находилось много людей, которымъ желательно было расхвалить имъ ту или другую картину. Лэди Лидія обращала мало вниманія на чужія похвалы. Она любила сама открывать таланты и руководствоваться собственнымъ мнѣніемъ. Но была одна картина, про которую такъ кричали, что она по-неволѣ должна была на нее взглянуть. То была картина Парджитера „Корни ученія", всѣми признанная за совершенство. Картина изображала дѣвочку, сидѣвшую въ саду съ открытой книгой на колѣняхъ; она уставилась въ нее такъ, какъ будто бы вниманіе

ея было привлечено непонятнымъ мѣстомъ, которое она старалась осилить. Для этой картины позировала Алиса Ферхомъ.

Лэди Лидія подошла наконецъ къ картинѣ и была сразу очарована ею. Выраженіе задумчивости на лицѣ ребенка было удивительно передано, и колоритъ отличался необыкновеннымъ изяществомъ и художественностью.

Но не это все приковало вниманіе лэди Лидіи къ картинѣ. Сначала ее поразила граціозность, ensemble, но по мѣрѣ того какъ она вглядывалась въ картину, лицо ребенка оживило въ ея памяти другое—давно забытое.

Мало-по-малу, изучая черты красавицы-дѣвочки, она замѣтила сильное, неоспоримое сходство съ покойной своей сестрой лэди Алисой. Сначала она рѣшила, что это—случайное сходство, удивительное совпаденіе обстоятельствъ; притомъ, красивыя лица всегда схожи между собой: разъ черты лица строго правильны, было бы даже странно, еслибы не было нѣкотораго сходства между ними.

Но въ лицѣ этого ребенка было еще нѣчто, кромѣ обычной красоты. Изгибъ рта напоминалъ изгибъ рта бѣдной Алисы, а глаза и волосы были того самаго цвѣта, какъ и у нея. Чѣмъ больше глядѣла на картину лэди Лидія, тѣмъ сильнѣе убѣждалась, что сходство не случайное. Она подозвала сэра Джона и сообщила ему о сдѣланномъ открытіи. Сначала онъ посмѣялся надъ ней, говоря, что легко найти сходство въ картинѣ съ живымъ лицомъ; но лэди Лидія настаивала; она утверждала, что портретъ снятъ съ лица, такъ или иначе близкаго ея сестрѣ. И когда пришлось наконецъ отойти отъ картины Парджитера,—она сдѣлала это весьма неохотно; впечатлѣніе не разсѣялось, и лэди Лидія весь день оставалась молчалива и озабочена.

— Я поѣду и еще разъ погляжу на картину,—объявила она мужу:—я рѣшила изслѣдовать тайну этого сходства.

— Смотри сколько тебѣ угодно,—отвѣчалъ добродушно сэръ Джонъ:—но я думаю, что тайна существуетъ только въ твоемъ воображеніи.

Ему надоѣли картины вообще, и лэди Лидіи никакъ не удалось возбудить въ немъ интереса къ этой картинѣ.

XV.

Лэди Лидія совсѣмъ влюбилась въ картину. Нѣкоторые изъ ея знакомыхъ говорили даже, что она становится смѣшна со своимъ пристрастіемъ. Въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль, какъ была открыта выставка въ академіи, она пять разъ ѣздила туда.

— Лидія,—сказалъ однажды сэръ Джонъ:—увѣряю тебя, что картина не убѣжитъ изъ рамы, и сказать по правдѣ, я усталъ таскаться на выставку. Повѣрь мнѣ, что она не уйдетъ изъ рамы.

— Но это самое какъ разъ и случилось, Джонъ; она переселилась изъ рамы въ мое сердце. О, Джонъ! представь только себѣ, что дочь бѣдной Алисы попала въ одинъ изъ лондонскихъ вертеповъ. Вѣдь подобное случалось. Чѣмъ больше гляжу я на эту картину, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что это не идеальное лицо; это живой портретъ Алисы. Я помню ее именно такою. Я убѣждена, что это не случайное сходство. Я бы желала познакомиться съ этимъ м-ромъ Парджитеромъ. Что, это трудно сдѣлать?

— Нѣтъ, собственно говоря, вовсе не трудно. Я заѣду къ нему, если хочешь, и приглашу его къ намъ,—отвѣчалъ мужъ.

Иные сочтутъ сэра Джона Гардинера ужаснымъ демократомъ за то, что онъ смотрѣлъ на м-ра Парджитера какъ на равнаго. М-ръ Шертингъ, напримѣръ, былъ бы совсѣмъ противнаго мнѣнія. Онъ смотрѣлъ на художниковъ какъ на искусныхъ ремесленниковъ, заставлявшихъ м-ра Шертинга платить себѣ бѣшеную заработную плату. Еслибы онъ захотѣлъ видѣть м-ра Парджитера, то призвалъ бы этого ремесленника къ себѣ, а м-ръ Макъ-Алистеръ изъ Глазго прислалъ бы ему попросту безъ затѣй родъ королевскаго приказа, которымъ бы м-ръ Парджитеръ приглашался въ третьемъ лицѣ „навѣдаться“ къ нему въ такомъ-то часу.

Между тѣмъ м-ръ Парджитеръ, будучи вполнѣ независимымъ человѣкомъ, нимало не почиталъ разныхъ Шертинговъ и Макъ-Алистеровъ. Для него они были просто профаны и принадлежали къ тому классу людей, которыхъ въ аристократическомъ кругу принято характеризовать словомъ „дурни“. Не то чтобы онъ считалъ этихъ людей грязью, которую топчетъ ногами, но какъ бы рудоносной землей, изъ которой онъ самъ отъ времени до времени извлекаетъ драгоцѣнный металлъ. Онъ бы отвѣтилъ м-ру Шертингу, что хотя гора не пошла къ Магомету, но онъ, будучи горой, ничего не имѣетъ противъ посѣщенія Магометомъ его дома... *если только это будетъ дѣловой визитъ.* Что касается приказа м-ра Макъ-Алистера, то по всей вѣроятности онъ закурилъ бы имъ свою трубку.

Сэръ Джонъ Гардинеръ поѣхалъ къ м-ру Парджитеру на извозчикѣ. Ему не трудно было узнать его адресъ: онъ прочиталъ его въ академическомъ каталогѣ.

Сэръ Джонъ постучался въ дверь маленькаго домика и спро-

силъ м-ра Парджитера. Встрѣча была не изъ радушныхъ. Дверь чуть-чуть пріотворилась, и сердитая старуха отвѣтила ворчливымъ тономъ:

— Онъ занятъ. Если вы модель или вамъ назначенъ часъ, то я доложу про васъ, и, можетъ быть, онъ васъ приметъ, но все-таки не скажетъ спасибо за то, что я ему помѣшала.

— Мнѣ часа не назначено и я не модель,—отвѣчалъ сэръ Джонъ смиренно:—но я пріѣхалъ...

— Онъ не принимаетъ посѣтителей, — перебила сердитая старуха:—и если вамъ нужно что̀, лучше напишите.

И хотѣла запереть дверь подъ носомъ у сэра Джона, но это оказалось невозможнымъ, потому что старый джентльменъ уперся почти въ дверь.

— Милая моя,—началъ онъ,—скажите ему, что сэръ Джонъ Гардинеръ желаетъ его видѣть.

— Я вамъ не „милая", — ворчливо отвѣчала старуха:—и не пойду докладывать ему вздора. Онъ не станетъ подписываться на иллюстрированную Библію и снимать фотографій ему тоже не нужно,—онъ самъ артистъ. А если вы отъ газопроводчика, то мы жжемъ свѣчи; а если отъ старьевщика, то мы не продаемъ стараго платья; а теперь я все сказала и пустите запереть дверь.

— Милая моя,—вскричалъ сэръ Джонъ,—вотъ вамъ шиллингъ.

Тутъ цѣпь была вдругъ снята съ двери, и она широко распахнулась.

— Покорнѣйше прошу извинить меня, сэръ,—сказала старуха съ низкимъ поклономъ.—Вы сбили меня съ толку тѣмъ, что придержали ногой дверь; я подумала, что вы бродяга. Пожалуйте сюда, сэръ, я доложу м-ру Парджитеру, и онъ приметъ васъ, потому что онъ очень добрый джентльменъ.

И она провела сэра Джона черезъ сѣни въ садикъ, въ концѣ котораго стояла мастерская—обычное мѣстопребываніе художника.

Старуха постучалась въ дверь, и на этотъ стукъ черезъ нѣсколько секундъ появился м-ръ Парджитеръ самъ своей персоной. Художникъ держалъ въ рукѣ палитру и кисть.

— Я бы желалъ, чтобы вы оставили меня въ покоѣ, м-съ Мандерсъ,—раздражительно проговорилъ онъ.

— Меня зовутъ Гардинеръ,—началъ сэръ Джонъ, отвѣшивая художнику поклонъ, достойный его величества короля Георга Четвертаго.

— Не сомнѣваюсь, — отвѣчалъ художникъ: — но не имѣю чести васъ знать, Гардинеръ, и былъ бы очень вамъ обязанъ,

еслибы вы ушли теперь. Черезъ часъ стемнѣетъ, и тогда приходите, Гардинеръ,—я охотно васъ выслушаю.

— М-ръ Парджитеръ,—началъ сэръ Джонъ,—я только-что купилъ вашу картину и пришелъ съ вами объясниться по поводу ея.

— Господи! такъ вы сэръ Джонъ Гардинеръ! Извините, пожалуйста. Я думалъ, вы просто зѣвака, изъ тѣхъ, что таскаются по мастерскимъ. Очень радъ васъ видѣть, сэръ Джонъ. Войдите, войдите, пожалуйста. Чѣмъ могу служить вамъ?

— Если вы будете продолжать ваши занятія,—сказалъ сэръ Джонъ, входя за м-ромъ Парджитеромъ въ мастерскую,—то очень обяжете меня. Вы будете работать, а я буду говорить. У васъ, помните, всего лишь одинъ только часъ до сумерекъ,—помните, а мнѣ надо многое сказать.

— Вы очень добры, сэръ Джонъ. И я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ; надѣюсь, что моя картинка вамъ по вкусу.

— Моя жена купила вашу картину—не я. Но я согласенъ съ нею вполнѣ, что картина прелестна. Это портретъ, м-ръ Парджитеръ, не правда ли?

— Да. И могу сказать, что удачный портретъ.

— Я хочу поговорить съ вами объ оригиналѣ этого портрета. Кто она?

— Видите ли,—очень медленно проговорилъ м-ръ Парджитеръ, отступая отъ картины сажени на двѣ и пристально всматриваясь въ нее, а затѣмъ вновь подошелъ къ ней, произведя какія-то таинственныя манипуляціи ногтемъ большого пальца:—видите ли, это будетъ нарушеніемъ профессіональной тайны, если я стану разсказывать о своей модели. Но вѣдь она дитя, и вы, конечно, не хотите ей зла?

— Упаси Богъ, нѣтъ! — отвѣчалъ сэръ Джонъ. — Я хочу только знать, кто она, кто ея родители и прочее.

— Боюсь, что не съумѣю вамъ на это отвѣтить. Она живетъ съ лэди, по имени Марджорибанкъ. Кажется, что она ей не дочь, и я даже не знаю, какъ ея фамилія, а зовутъ ее Алисой.

— Вотъ любопытное совпаденіе обстоятельствъ!—замѣтилъ сэръ Джонъ,

— О!—встрепенулся подозрительно м-ръ Парджитеръ.—Въ чемъ же любопытное совпаденіе? Видите ли, сэръ Джонъ, вотъ какъ было дѣло. Я случайно увидѣлъ эту дѣвочку, а дама, съ которой она живетъ, была такъ добра, что позволила мнѣ снять съ нея портретъ. Сказать по правдѣ, я очень полюбилъ дѣвочку. Она удивительно мила... а вѣдь я знавалъ сотни хорошенькихъ

дѣтей... вѣдь это моя спеціальность—писать хорошенькихъ дѣтей. Но этотъ ребенокъ совсѣмъ особенный; она совсѣмъ, кажется, не водится съ дѣтьми. Она—странный ребенокъ: поправляетъ мои грамматическія ошибки! Эта дѣвочка—ученый въ юбкѣ, а къ тому же и философъ, и при этомъ необыкновенно хороша собой. Видите ли, она получила совсѣмъ особое воспитаніе. Миссъ Марджорибанкъ, лэди, съ которой она живетъ, женщина возвышенная. Какъ попала къ ней эта дѣвочка—не знаю. Я не проявляю дерзкаго любопытства на этотъ счетъ, — прибавилъ м-ръ Парджитеръ не безъ строгости.—Я не мѣшаюсь въ то, что до меня не касается; но одно знаю, что это самый хорошенькій ребенокъ, какого я только видѣлъ въ жизни.

— Мнѣ очень важно узнать все, что касается этого ребенка, м-ръ Парджитеръ. Она очень похожа на одну родственницу моей жены,—ближайшую и дорогую родственницу, которая умерла. Лэди Лидія очень интересуется этимъ дѣломъ.

— Не думаю, чтобы вамъ легко было это сдѣлать. Въ судьбѣ моей маленькой модели есть что-то таинственное,—въ этомъ я не сомнѣваюсь,—но самъ я не охотникъ до тайнъ и не умѣю ихъ разгадывать.

— Вы, должно быть, еще не встрѣчались съ лэди Лидіей?—закричалъ сэръ Джонъ восторженно.—Вы должны съ нею познакомиться. Я женился на ней по любви, сэръ. Лэди Лидія—удивительная красавица; цвѣтъ лица у нея поспоритъ съ розой и лиліей. Вы должны снять съ нея портретъ, хотя по моему мнѣнію,—прибавилъ баронетъ, торжественно приподнявъ указательный палецъ:—еще не родился художникъ, который бы съумѣлъ передать какъ слѣдуетъ удивительный цвѣтъ лица лэди Лидіи. Съ нимъ не сравнился бы самъ Рубенсъ, а онъ, увы! умеръ. Зачѣмъ я не художникъ! зачѣмъ я не могу воспроизвести, для удивленія потомства, великолѣпный цвѣтъ лица моей жены!

— Да, это жаль,—отвѣтилъ м-ръ Парджитеръ, чтобы сказать что-нибудь.

— Рубенсъ былъ счастливѣйшій изъ людей — продолжалъ баронетъ.

— Да, ему повезло вдвойнѣ,—отвѣтилъ м-ръ Парджитеръ.—Онъ воспроизводилъ цвѣтъ лица обѣихъ женъ своихъ... и обыкновенно въ колоссальныхъ размѣрахъ.

— Ахъ!—вздохнулъ сэръ Джонъ, причмокнувъ губами, точно говорилъ о вкусномъ блюдѣ.—Но я пришелъ къ вамъ не затѣмъ, чтобы говорить о цвѣтѣ лица лэди Лидіи. Я пришелъ разузнать

все объ этой таинственной дѣвочкѣ. Я бы желалъ, если можно, повидаться съ этой лэди... съ этой миссъ Марджорибанкъ.

— Еслибы я не зналъ, съ кѣмъ говорю и что вы воплощенная честь, сэръ Джонъ, я бы не сказалъ вамъ и того, чтò зналъ,— промолвилъ м-ръ Парджитеръ, работая кистью такъ, какъ еслибы отъ этого зависѣла его жизнь, и время отъ времени останавливаясь, чтобы посмотрѣть на свою работу; при этомъ онъ засовывалъ языкъ за щеку и дѣлалъ точь-въ-точь такія гримасы, какъ маленькіе мальчики, когда учатся писать. Возможно, что созерцаніе красоты заставляетъ гримасничать.

— Видите ли, сэръ Джонъ, лэди, про которую я говорилъ, будетъ недовольна, что я ее выдалъ. Всѣ женщины ненавидятъ, когда ихъ выдаютъ... если это только не замужъ. Мнѣ лучше переговорить съ нею объ этомъ. Она, по всей вѣроятности, нисколько не будетъ противъ того, чтобы вы повидали маленькую Алису, а тогда все дѣло пойдетъ какъ по маслу.

— Увѣряю васъ, что если этотъ ребенокъ—то лицо, которымъ ее считаетъ жена, то ей будетъ очень хорошо. Я вѣдь богатъ, м-ръ Парджитеръ, и у насъ нѣтъ дѣтей.

И сэръ Джонъ испустилъ вздохъ, какъ кузнечные мѣхи.

М-ръ Парджитеръ продолжалъ работать, а сэръ Джонъ принялся разсматривать различные аттрибуты мастерской.

— Вы позволите мнѣ осмотрѣть вашу мастерскую?—сказалъ онъ.

— Пожалуйста; но только смотрѣть-то не на что,—отвѣчалъ м-ръ Парджитеръ. — Все, чтò вы здѣсь видите, простые эскизы или неудачныя вещи, или копіи съ картинъ, которыя я дѣлалъ во времена моей юности и невинности. Когда я началъ рисовать, —прибавилъ м-ръ Парджитеръ со смѣхомъ: — я принадлежалъ къ классической школѣ. Дѣло въ томъ, что я учился въ Парижѣ и само собой разумѣется заразился классической маніей. Это большущее полотно изображаетъ бой Горацiевъ съ Куріаціями. Я писалъ ее на конкурсъ prix de Rome. Я писалъ всѣхъ этихъ воиновъ съ одной и той же модели, а потому между всѣми ими замѣчается родственное сходство. Излишне говорить вамъ, что prix de Rome я не получилъ. Но Гораціи излечили меня отъ классической маніи, и я берегу эту картину, какъ напоминовеніе моей собственной глупости. Всѣ остальныя картины на стѣнахъ—простыя копіи съ великихъ голландцевъ. Я питаю большое уваженіе къ великимъ голландцамъ, сэръ Джонъ, и многимъ имъ обязанъ. Я люблю ихъ яркость, ихъ добросовѣстность, ихъ тщательное изученіе и передачу мелочей. Великіе голландцы не

были лѣнтяями,—прибавилъ м-ръ Парджитеръ съ благоговѣніемъ. —Они не предоставляли воображенію зрителей доканчивать ихъ картины,—вотъ ужъ нѣтъ. Они писали то, чтò видѣли, потому что были честны и потому что были художники, сэръ, а не шарлатаны.

— Вы, значитъ, не приверженецъ школы импрессіонистовъ?

— Шарлатаны, сэръ, шарлатаны. Я могу уважать профессіональнаго фокусника, который заработываетъ этимъ свой хлѣбъ, но любителей-фокусниковъ терпѣть не могу; импрессіонисты, сэръ, лѣнтяи, невѣжественные лѣнтяи; ихъ картины совсѣмъ даже не произведенія искусства, а одна мазня, доказательство ихъ лѣни и неспособности.

— А что это за картины, обращенныя къ стѣнѣ, точно колода картъ?

— Это неудачныя вещи, сэръ Джонъ,—и въ голосѣ м-ра Парджитера послышалась грустная нота.—Видите ли, неудачу не сразу поймешь; она мало-по малу обнаруживается передъ вами, и вы почувствуете, что ничто въ мірѣ не исправитъ ее, и тогда вамъ остаются только двѣ вещи: или пожертвовать своимъ временемъ, трудомъ и деньгами, уплаченными моделямъ, и обернуть ее лицомъ къ стѣнѣ, или написать сверху другую картину, или докончить какъ попало и послать на рынокъ. Кто-нибудь да купитъ.

— Боже мой, какъ интересно!—замѣтилъ сэръ Джонъ. И вы много писали рыночныхъ вещей, м-ръ Парджитеръ?

— Нѣтъ, не могу сказать, чтобы писалъ,—спокойно отвѣчалъ этотъ джентльменъ.—Видите ли, рыночныя вещи, въ концѣ концовъ, всегда уронятъ репутацію художника и собьютъ цѣну его картинамъ. То, чтò я продаю, я подписываю; а того, чтò я подписалъ, я не стыжусь.

— Помилуйте, м-ръ Парджитеръ! — вскричалъ баронетъ, вытащивъ одно изъ запыленныхъ полотенъ, притянутыхъ къ стѣнѣ, и глядя на него съ нескрываемымъ восторгомъ:—да это прелестная картина, хотя, кажется, не докончена. Помилуйте, дѣвочка въ шляпкѣ—просто прелесть! Я бы хотѣлъ, чтобы вы докончили эту картину для меня. За цѣной я не постою.

— Не могу,—категорически заявилъ м-ръ Парджитеръ.—Композиція невѣрна. Надъ этой вещью я убилъ шесть недѣль времени. Да на одну модель потратилъ двѣнадцать фунтовъ.

— Боже мой, Боже мой! Неужели вы хотите сказать, что всѣ эти милыя ямочки на вѣки погибли для свѣта? — сказалъ баронетъ со вздохомъ, обмахивая съ любовью носовымъ платкомъ пыль съ картины.

— Боже мой, нѣтъ. Это будетъ посмертнымъ творенiемъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— А вотъ когда я умру, знаете, тогда устроятъ обычную распродажу, всѣ эти картины раскупятъ маклаки, поставятъ ихъ въ золотыя рамы и пошлютъ за моря, въ Америку, а трансатлантическiе дурни раскупятъ ихъ на-расхватъ. Когда я умру, картины мои поднимутся въ цѣнѣ. Всѣ захотятъ „Парджитера"; ну, и получатъ его.

Тутъ м-ръ Парджитеръ положилъ кисти, схватилъ большую пѣнковую трубку и съ ожесточенiемъ принялся курить.

— Ну, м-ръ Парджитеръ,—сказалъ сэръ Джонъ:—боюсь, что я отнялъ у васъ очень много времени, но вы не забудете повидать лэди... я забылъ ея фамилiю,—дипломатически прибавилъ онъ. —Надо, чтобы жена успокоилась насчетъ этой дѣвочки.

— О, разумѣется. Я постараюсь угодить вамъ, хотя, знаете, сходство можетъ оказаться случайнымъ.

— Вы очень добры, — сказалъ сэръ Джонъ и подалъ свою карточку.—Вотъ мой адресъ; надѣюсь, что вы напишете одно словечко, чтобы успокоить лэди Лидiю.

— Разумѣется, разумѣется.

И послѣ того сэръ Джонъ Гардинеръ ушелъ.

— Желалъ бы я знать, есть ли тутъ тѣнь правды?—подумалъ м-ръ Парджитеръ.

А сэръ Джонъ между тѣмъ записалъ въ своей книжкѣ имя: Марджорибанкъ.

XVI.

Нѣсколько дней спустя живописецъ получилъ карточку отъ лэди Лидiи съ извѣщенiемъ, что эта лэди будетъ дома въ такой-то день, отъ пяти до семи часовъ пополудни, и рѣшилъ отправиться къ ней. Свѣтскiя собранiя были не по его части, какъ онъ часто заявлялъ это, но на этотъ разъ онъ рѣшилъ принять приглашенiе свѣтской дамы.

Онъ зналъ, что Гардинеры баснословно богаты, и надѣялся, что можетъ оказать услугу миссъ Марджорибанкъ и ея protégé, сблизивъ оба семейства.

Миссъ Марджорибанкъ не разъ говорила съ нимъ о своей бѣдности и о томъ, какъ ей трудно содержать дѣвочку.

Итакъ, въ назначенный день м-ръ Парджитеръ очутился въ

гостиной лэди Лидіи, окруженный толпой нарядныхъ гостей, громко толковавшихъ объ искусствѣ и культурѣ.

Лэди Лидія разгласила всѣмъ, что м-ръ Парджитеръ, извѣстный живописецъ, удостоитъ ея собраніе своимъ присутствіемъ, и всѣ тѣ, у кого въ обычаѣ гоняться за знаменитостями, явились, чтобы познакомиться съ нимъ.

Публика мало отличалась отъ той, которая была на открытіи выставки, съ тою только разницей, что журналисты отсутствовали. Всѣ эти глупые люди толковали про искусство, не понимая даже хорошенько значенія тѣхъ словъ, которыя они произносили, и всѣ приставали къ м-ру Парджитеру съ своими похвалами и восторгами. Чудакъ былъ совсѣмъ озадаченъ и чувствовалъ, что онъ всѣхъ разочаровываетъ.

Миссъ Григоркъ, которая находила утѣшеніе въ неудавшейся любви, разрисовывая тарелки и чашки съ блюдечками, и любимый сюжетъ которой былъ Купидонъ, сидящій на рулѣ невозможныхъ лодокъ,—нашла его крайне неинтереснымъ. Она думала, что всѣ художники сантиментальны и поэтичны, а м-ръ Парджитеръ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ говорилъ все о самыхъ прозаическихъ вещахъ и показался миссъ Григоркъ не болѣе свѣдущимъ въ искусствѣ, чѣмъ какой-нибудь дѣлецъ Сити. Миссъ Григоркъ съ отчаянія бросила его, когда увидѣла, что всѣ ея техническія свѣденія не производятъ на него никакого впечатлѣнія, и онъ вмѣсто того, чтобы слушать то, что она говоритъ, и восхищаться ея умомъ, слѣдитъ глазами за лэди Лидіей.

Была тутъ еще и лэди Миллисентъ Грей, которая рисовала чернымъ карандашемъ и считалась въ своей семьѣ геніемъ. Лэди Миллисентъ участвовала на различныхъ выставкахъ, устроиваемыхъ въ пользу нуждающихся благородныхъ женщинъ, и была совсѣмъ поражена, когда великій художникъ откровенно признался ей, что незнакомъ съ ея произведеніями.—Это, конечно, удивительно,—замѣтила она, такъ какъ вообще выбирала дѣтей для иллюстраціи своего таланта. Безъ сомнѣнія, онъ слышалъ про ея знаменитую картину „Другъ Киски", на которой изображена была жадная маленькая дѣвочка, готовившаяся напоить котенка молокомъ, но вмѣсто того сама выпившая молоко съ блюдечка, въ то время какъ котенокъ съ упрекомъ глядѣлъ на нее.

Нѣтъ, м-ръ Парджитеръ не слышалъ и не видѣлъ этой картины, да вдобавокъ объявилъ, что не очень любитъ черный карандашъ. Онъ считаетъ это низшей формой искусства.

Все это, конечно, было не очень пріятно для бѣдной лэди Миллисентъ, но она не сдавалась; она вѣрила въ свой талантъ и

рѣшила, что знаменитый художникъ признаетъ его. Она отошла отъ него, поспѣшно написала нѣсколько строкъ и отдала ихъ своему выѣздному лакею съ приказаніемъ привезти отвѣтъ. Черезъ четверть часа экипажъ ея лордства вернулся и привезъ ея chef d'oeuvre: „Другъ Киски". Вооруженная имъ, она снова атаковала бѣднаго м-ра Парджитера, который теперь претерпѣвалъ злую пытку въ рукахъ толстой, сытой вдовы, экзаменовавшей его насчетъ того, сколько ему платятъ за картины и какъ онъ помѣщаетъ свои деньги.

Парджитеръ ворчалъ и страдалъ еще сильнѣе отъ того, что ему не удавалось поговорить съ лэди Лидіей о своей фавориткѣ.

Онъ рѣшительно отказался поощрить лэди Миллисентъ и объявилъ ей, что голова котенка нарисована криво, и, понятно, нажилъ себѣ врага на всю жизнь.

— Этотъ человѣкъ—дикарь, онъ совсѣмъ не годится для приличнаго общества,—говорилъ любительскій талантъ, понесшій отъ него афронтъ.

— Онъ, вѣроятно, геній, — отвѣчалъ собесѣдникъ,—а геніи всегда неблаговоспитанные люди.

— Не вѣрю, чтобы онъ былъ геніемъ. Онъ совсѣмъ не употребляетъ терминовъ, какіе приняты въ искусствѣ.

— Онъ ужасно вульгаренъ, это несомнѣнно,—утѣшалъ собесѣдникъ.

Такимъ образомъ м-ръ Парджитеръ произвелъ рѣшительно неблагопріятное впечатлѣніе на свѣтское общество, и однако вынесъ это мужественно, оставаясь до самаго конца раута съ тѣмъ, чтобы поговорить объ Алисѣ.

Мало-по-малу обиженные любители вспомнили о другихъ приглашеніяхъ; съ нихъ было довольно общества знаменитаго художника; онъ рѣзко отказался отъ ихъ приглашеній и грубо не призналъ въ нихъ таланта. Одни за другимъ они исчезли, и наконецъ наступила давно ожидаемая минута поговорить съ лэди Лидіей. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ изложилъ ей положеніе миссъ Марджорибанкъ и дѣвочки, и то, какъ онъ съ ними познакомился. Лэди Лидія очень заинтересовалась всѣмъ, что̀ онъ ей сказалъ, и болѣе чѣмъ когда-либо убѣдилась, что Алиса такъ или иначе сродни ея сестрѣ.

Когда м-ръ Парджитеръ прощался съ ней, она сказала, что напишетъ миссъ Марджорибанкъ завтра же и пригласитъ ее пріѣхать къ себѣ. М-ръ Парджитеръ ушелъ очень довольный.

Лэди Лидія въ краткихъ словахъ разсказала исторію замужства своей сестры, и онъ не сомнѣвался, что Алиса—ея дочь и будетъ

признана своими родственниками. Онъ былъ очень радъ и не сожалѣлъ о потерянномъ времени.

Итакъ, несмотря на скуку, испытанную отъ толпы идіотовъ, нашъ художникъ вернулся домой въ отличномъ расположеніи духа.

XVII.

Джонъ Грегемъ пробился въ жизни съ тѣхъ поръ, какъ мы его не встрѣчали. Онъ даже не только пробился, но и отличился. Онъ пересталъ носить лекарства въ профессіональной четырехъугольной корзинкѣ съ клеенчатой крышкой. И случилось это благодаря м-ру Потльбэри. Этотъ добрый человѣкъ помѣстилъ юнаго Грегема студентомъ въ большой хирургическій госпиталь въ Смитфильдѣ, и его protégé не ударилъ лицомъ въ грязь. Онъ былъ умный мальчикъ, какъ мы знаемъ, но кромѣ того обладалъ тѣми качествами, безъ которыхъ одинъ умъ ни къ чему не приводитъ, и которыя встрѣчаются еще рѣже: непобѣдимое трудолюбіе и способность къ тяжкому труду съ рѣшимостью непремѣнно достигнуть своего.

Мальчикъ былъ чрезвычайно честолюбивъ; онъ рѣшилъ пробиться въ свѣтѣ, а одно такое рѣшеніе уже чего-нибудь да стоитъ.

Онъ началъ съ того, что сталъ отличнымъ студентомъ; онъ не билъ баклуши, не терялъ времени даромъ, а работалъ усидчиво, прилежно и толково. Въ концѣ второго семестра онъ былъ самымъ лучшимъ студентомъ въ хирургическомъ госпиталѣ. Въ продолженіе пяти лѣтъ Джонъ Грегемъ пробылъ студентомъ. Онъ получилъ всѣ госпитальныя награды одну за другой. Между нимъ и остальными студентами была бездна. Обыкновенные профессіональные экзамены были дѣтской игрой для молодого человѣка. Онъ исполнялъ различныя второстепенныя должности въ госпиталѣ, къ вящшему удовольствію своего начальства. Послѣ того получилъ дипломъ на званіе хирурга и тогда сталъ ассистентомъ и мученикомъ м-ра Макъ-Скальпера, профессора физіологіи. До появленія Джона Грегема ни одинъ ассистентъ не могъ ужиться съ м-ромъ Макъ-Скальперомъ долѣе шести мѣсяцевъ. Мало того, нѣкоторые изъ ассистентовъ буквально отправились на тотъ свѣтъ по милости м-ра Макъ-Скальпера и тяжкаго труда, которымъ онъ ихъ изводилъ: М-ръ Макъ-Скальперъ былъ джентльменъ не любившій шутить. Онъ до самозабвенія увлекался опытами надъ живыми существами и не щадилъ въ этомъ случаѣ ни самого себя, ни своихъ злосчастныхъ ассистентовъ, потому что, какъ онъ

твердилъ имъ: „на насъ обращено общее вниманіе!“ Согласно общему мнѣнію единственнымъ искреннимъ горемъ великаго Макъ-Скальпера въ жизни было то, что онъ не могъ произвести вивисекціи надъ самимъ собой.

Юному Грегему тяжко приходилось подъ началомъ профессора Макъ-Скальпера. По правдѣ сказать, онъ и его чуть не отправилъ на тотъ свѣтъ. Но Джонъ выдержалъ искусъ, и въ госпиталѣ было рѣшеннымъ дѣломъ, что при первой же свободной каѳедрѣ Грегемъ займетъ ее. А разъ онъ вступилъ на первую ступеньку лѣстницы, ведущей къ славѣ, его послѣдующіе успѣхи въ избранной профессіи были только дѣломъ времени. И дѣйствительно, единственнымъ недостаткомъ въ немъ была его крайняя молодость.

Тѣмъ временемъ миссъ Дженета Макъ-Скальперъ тщетно закидывала удочку Джону Грегему. Миссъ Дженета была очень образованная, очень рѣшительная молодая лэди съ рыжими волосами и зелеными глазами и категорически заявила м-ру Грегему, что готова „раздѣлить его участь“; но молодой человѣкъ не послушалъ пѣсни сирены, и Дженета пожаловалась отцу на безсердечіе молодого человѣка. Послѣдствіемъ этой жалобы было слѣдующее замѣчаніе со стороны профессора своему любимому ученику:

— Не обращайте вниманія на глупыя рѣчи Дженеты, Джонъ Грегемъ! Нѣтъ глупости глупѣе въ этомъ глупомъ свѣтѣ, какъ женская глупость. Притомъ же Дженетѣ уже двадцать-восемь лѣтъ, и ей слѣдовало бы быть благоразумнѣе.

Съ этихъ поръ, когда Дженета Макъ-Скальперъ встрѣчала Джона Грегема, она отворачивалась въ другую сторону.

Роднымъ домомъ для Джона Грегема по прежнему былъ домъ въ Фетеръ-Ленѣ, гдѣ онъ продолжалъ жить съ своимъ старымъ другомъ и патрономъ, д-ромъ Потльбэри.

Джонъ впервые въ жизни взялъ отпускъ и собирался провести два мѣсяца въ Швейцаріи для отдыха, въ которомъ сильно нуждался, а пока сидѣлъ въ небольшой старомодной пріемной доктора Потльбэри въ Фетеръ-Ленѣ.

— Тебѣ повезло, мой милый,—говорилъ д-ръ Потльбэри:— удивительно какъ повезло; тебя ожидаетъ блестящая будущность, если только ты будешь упорно идти впередъ. Знаешь, я когда-то мечталъ, что ты будешь моимъ преемникомъ, но ты сталъ слишкомъ великимъ человѣкомъ для этого, Джонъ!—съ гордостью замѣтилъ докторъ.—Я намедни говорилъ съ сэромъ Бонерджемъ-Бонсеботъ. Бонсеботъ и я были когда-то студентами-товарищами;

но онъ пошелъ въ гору, а я нѣтъ. А почему я не пошелъ въ гору? Я тебѣ скажу—почему: потому что у меня потѣшная фигура. А потѣшная фигура—камень преткновенія на пути человѣка. Но ты строенъ и красивъ, къ счастью для тебя, и твоя наружность и мускулы еще не разъ сослужатъ тебѣ службу въ жизни, мой юный другъ. Сэръ Бонерджъ сказалъ мнѣ, что мячъ у твоихъ ногъ, и тебѣ стоитъ только половче пустить его.

— Благодаря вамъ, сэръ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ съ благодарной улыбкой,—я удачно началъ свою карьеру. Я постараюсь заниматься своей профессіей, какъ благороднымъ призваніемъ, а не коммерческимъ дѣломъ. Но первые шаги будутъ не легки, потому что надо пить, ѣсть и прилично одѣться, а жалованье, которое мнѣ платитъ Макъ-Скальперъ, не блестящее, какъ можете себѣ представить, и я не могу долѣе злоупотреблять вашей щедростью, д-ръ Потльбэри.

— Джонъ,—сказалъ старикъ:—ты въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ былъ радостью моего пустыннаго дома. Я привыкъ смотрѣть на тебя какъ на сына, и у меня нѣтъ ни родныхъ, ни близкихъ въ цѣломъ свѣтѣ. Ты, можетъ быть, не знаешь, мой другъ, никто этого не знаетъ кромѣ моего стряпчаго, что я—богатый человѣкъ. Состояніе я нажилъ не докторской практикой; этой практикой не наживешь въ наше время большого состоянія, на этотъ счетъ не заблуждайся, милый Грегемъ; деньги, заработанныя докторской практикой, я разумѣю—честной практикой, не могутъ быть велики. Еслибы я не былъ богатъ, Джонъ, еслибы я долженъ былъ заработывать свой хлѣбъ и содержать большое семейство, я, можетъ быть, и не былъ бы честенъ. Можетъ быть, и я бы тащилъ послѣднее съ своихъ паціентовъ. Но отецъ оставилъ мнѣ состояніе, и я могъ позволить себѣ быть чудакомъ и вполнѣ честнымъ докторомъ. Честность въ нашей профессіи—одна изъ роскошей богатыхъ людей. Ну, вотъ теперь и тебѣ можно быть честнымъ, потому что ты скоро станешь богатымъ человѣкомъ: мнѣ вѣдь семьдесятъ-пять лѣтъ, Джонъ, а ты мой наслѣдникъ. Я хочу, чтобы ты это узналъ уже теперь, а не послѣ моей только смерти. Когда меня не станетъ, все мое имѣніе поступитъ къ тебѣ, Джонъ.

Юный Грегемъ опѣшилъ отъ удивленія, но когда къ нему вернулся даръ слова и онъ хотѣлъ поблагодарить д-ра Потльбэри, тотъ остановилъ его:

— Ты былъ мнѣ сыномъ, мой другъ. Я наблюдалъ за тобой съ того самаго дня, какъ ты пришелъ ко мнѣ, и восхищался твоей энергіей даже и тогда. А когда ты мнѣ сказалъ въ то

утро—помнишь, какъ я приходилъ въ школу,—что ты хочешь быть джентльменомъ, то я хотя и посмѣялся тогда, но въ душѣ восхитился тобой. А теперь твое желаніе исполнилось. Ты—джентльменъ не только по воспитанію, но и по рожденію. Послѣднему обстоятельству я не придаю значенія, хотя для тебя оно можетъ быть и важно.

— Джентльменъ по рожденію, сэръ?—вскричалъ молодой человѣкъ, дрожа отъ волненія.—Джентльменъ по рожденію?

— Да, Джонъ, джентльменъ по рожденію.

— Увѣрены ли вы въ этомъ, д-ръ Потльбэри?

— Да, увѣренъ. Я узналъ это, странно сказать, всего лишь недѣлю тому назадъ. Въ Кингсъ-Бенчъ-Уокъ жилъ въ послѣднія тридцать лѣтъ несчастный, одинокій старикъ, и онъ былъ моимъ паціентомъ. Когда-то онъ былъ адвокатомъ и пользовался успѣхомъ—я его знавалъ въ то время. Человѣкъ занималъ хорошее положеніе въ обществѣ, заработывалъ хорошія деньги. Женился онъ на дочери своей прачки, очень красивой особѣ. Бракъ былъ тайный, и мой паціентъ, будучи вдвое старше жены, очень ревновалъ ее, хотя она и не подавала ему къ тому поводовъ. Но ревность не давала ему покоя, и онъ сталъ пить. Бракъ держался въ глубокой тайнѣ. Даже родная мать дѣвушки не знала о немъ. Молодая женщина на колѣняхъ умоляла мужа объявить объ ихъ бракѣ во всеуслышаніе, но онъ отказывалъ ей въ этомъ, говоря, что не хочетъ испортить себѣ карьеру. А затѣмъ ты родился на свѣтъ, Джонъ, и тревоги, и волненія, и горе такъ обезсилили твою мать, что она стала душевно больной, и такою ты ее и помнишь, Джонъ. Но пьяница-эгоистъ, проживавшій въ Кингсъ-Бенчъ-Уокъ, не тревожился этимъ. Тайна его была сохранена, а тебѣ онъ предоставилъ рости съ уличными мальчишками. Мать твоя сдержала слово, данное человѣку, который на ней женился: она не выдала его тайны; а когда ты родился, она уже и не могла этого сдѣлать—память ей совсѣмъ измѣнила и сознаніе также, а затѣмъ она умерла. Мало-по-малу пьяницу бросили всѣ друзья и знакомые, и дѣлъ у него совсѣмъ почти не стало. А когда и здоровье ему измѣнило, онъ послалъ за мной. Вотъ какъ я познакомился съ твоимъ отцомъ, Джонъ. А съ недѣлю тому назадъ онъ послалъ за мной въ послѣдній разъ. Не будь у него лошадинаго сложенія, пьянство и нищета давнымъ-давно свели бы его въ могилу. Какъ только я увидѣлъ его, я понялъ, что дни его сочтены, и раскаяніе впервые, кажется, проснулось въ немъ, когда я сказалъ ему, что смертъ близка.

— Докторъ,—спросилъ онъ:—вы увѣрены, что я не поправлюсь, совершенно увѣрены?

Я вынужденъ былъ сказать—„да". И тогда онъ разсказалъ мнѣ исторію твоей матери, Джонъ,—„и это единственное, что меня безпокоитъ, докторъ",—говорилъ онъ.—„Дѣвочка-то вѣдь была честная, хотя даже ея мать не знала объ этомъ. Мы были обвѣнчаны въ церкви св. Невѣсты, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, восемнадцатаго января. Достаньте, пожалуйста, копію съ брачнаго свидѣтельства и передайте ее матери дѣвочки. Онъ не видѣлъ твою мать, Джонъ, въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ и все еще считалъ ее дѣвочкой. Я обѣщалъ старику м-ру Грегему, что сдѣлаю это. На другой день онъ умеръ. Я сталъ разыскивать твою бабушку; она тоже умерла. Я сталъ разыскивать брошенную жену моего паціента и узналъ, что она—твоя покойная мать. Вотъ ваша исторія, м-ръ Грегемъ. Вы всегда хотѣли быть джентльменомъ. Ну, вотъ видите, оказывается, что вы джентльменъ, съ чѣмъ васъ и поздравляю".

Джонъ Грегемъ закрылъ лицо руками и тихо заплакалъ.

— Моя бѣдная мать!—проговорилъ онъ.

— На твоемъ мѣстѣ, Джонъ, я бы не сталъ объ этомъ думать. Прошлое прошло. Выкинь его изъ головы. Ты джентльменъ и будешь богатъ. Что касается отца, то ты ему ничѣмъ не обязанъ.

Но Джонъ Грегемъ не согласился съ д-ромъ Потльбэри. „Я обязанъ ему тѣмъ, что я джентльменъ,—подумалъ онъ:—я обязанъ ему благородной кровью, какая течетъ въ моихъ жилахъ".

Быть можетъ, юный Грегемъ былъ сантименталенъ. У всѣхъ у насъ есть какой-нибудь фетишъ. Бѣдный Джонъ всю свою жизнь хотѣлъ быть джентльменомъ—это былъ его фетишъ, и хотя онъ не могъ уважать своего отца, но былъ благодаренъ ему за „голубую" кровь, которая текла въ его жилахъ.

XVIII.

М-ру Парджитеру не легко было угодить. Я боюсь, что онъ тратилъ много времени на болтовню съ маленькой Алисой Ферхомъ. Говоря по правдѣ, она сбивала его съ толку. Она была совсѣмъ не похожа на другихъ дѣвочекъ. Художникъ работалъ надъ картиной; начать работу онъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе отъ миссъ Марджорибанкъ, и дѣвочка сидѣла въ креслѣ и улыбалась ему.

Миссъ Марджорибанкъ и м-ръ Парджитеръ очень подружились; то обстоятельство, что художникъ былъ знакомъ съ д-ромъ Потльбэри, расположило въ его пользу миссъ Марджорибанкъ. Эта лэди вышивала въ настоящую минуту разноцвѣтными шелками цвѣты по бѣлому атласу. Руки миссъ Марджорибанкъ никогда не были праздными. Когда она не давала урока той или другой изъ своихъ маленькихъ ученицъ, она неизмѣнно работала иглой.

Согласившись на то, чтобы Алиса служила моделью для м-ра Парджитера, она таки-поломала себѣ голову, какую именно работу придумаетъ она для себя на сеансахъ.

„Онъ художникъ,—думала она:—а потому и работа моя должна быть художественна и декоративна“.

Вслѣдствіе этого миссъ Марджорибанкъ отправилась въ магазинъ и купила полосу бѣлаго атласа и корзиночку съ разноцвѣтными шелками. На полосѣ атласа уже красовался единственный подсолнечникъ, а второй быстро выросталъ подъ искусными и ловкими пальцами миссъ Марджорибанкъ.

— Я разочаровался въ вашей маленькой дѣвицѣ, миссъ Марджорибанкъ,—говорилъ м-ръ Парджитеръ.—Не съ физической, знаете, стороны, а съ умственной. Не сердитесь на меня, если я скажу вамъ, что, по моему мнѣнію, въ ея воспитаніи есть огромный пробѣлъ. Помилуйте, она ровно ничего не знаетъ про волшебныя сказки и великанъ-людоѣдъ нисколько ее не интересуетъ! Я боюсь, она считаетъ меня дурачкомъ за то, что я вѣрю въ сказки.

— Вы вѣрите въ сказки, м-ръ Парджитеръ?

— Да. И почему же не вѣрить въ нихъ, пока вѣрится? Міръ фантазіи—чудный міръ, а свѣтъ вообще—очень скучный свѣтъ, если мы отнимемъ у него поэзію. Въ сущности, гдѣ нѣтъ поэзіи, тамъ нѣтъ и чувства, а безъ чувства жизнь—пустыня.

— Но и чувства можетъ быть излишекъ, м-ръ Парджитеръ,—замѣтила миссъ Марджорибанкъ нѣсколько сухо.

— Не можетъ быть излишка въ чувствѣ, дорогая лэди! —вскричалъ Парджитеръ.—Хорошаго не можетъ быть излишка. А безъ чувства не стоитъ жить. Я самъ полонъ чувства. Я весь пропитанъ романтизмомъ. Поглядите на этотъ жалкій, безпорядочный садикъ—такимъ вѣдь онъ представляется въ глазахъ обыкновенныхъ здравомыслящихъ людей. Для меня же, дорогая лэди, это волшебный міръ, потому что моя фантазія населяетъ его гномами и лѣшими, и русалками, которые притаились подъ каждымъ кустомъ. Здравомыслящіе люди не видятъ красоты въ деревѣ; для нихъ оно годится только на топливо.

— Все это прекрасно, м-ръ Парджитеръ,—толковать о чувствѣ и поэзіи, но позвольте мнѣ замѣтить вамъ отъ лица одного изъ тѣхъ обыкновенныхъ здравомыслящихъ людей, отъ которыхъ вы такъ презрительно отворачиваетесь, что вся эта безсмыслица приноситъ большой вредъ. Она ведетъ къ сантиментальности, а сантиментальность вызываетъ вкусъ къ романтической литературѣ, и этотъ вкусъ питается глупѣйшими романами и всей той дребеденью, какая называется поэзіей. И тогда міръ вообще, который самъ по себѣ очень прекрасенъ, перестаетъ казаться прекраснымъ. Обыкновенные яблоки и персики, и земляника, какъ ихъ производитъ мать-природа, кажутся недостаточно хороши для вкуса, притупившагося отъ сантиментальности или преувеличенія, или роскошныхъ описаній; человѣкъ вздыхаетъ по драгоцѣннымъ плодамъ Аладина или по невозможному винограду, который мерещится ему, и который наконецъ приходится признать кислымъ, потому что онъ недостижимъ.

— Вы очень строги. Но развѣ вы не думаете, миссъ Марджорибанкъ, что отдѣлиться отъ міра реальнаго по временамъ и перенестись въ волшебный міръ можетъ быть отдохновеніемъ, въ особенности для ребенка. Я не говорю про современный волшебный міръ. Онъ немного искусственный; я слышу запахъ газа и боюсь, что современный волшебный міръ непригоденъ для дѣтей. Я люблю старыя сказки; да и всѣ дѣти также; они очень чутки на этотъ счетъ и сейчасъ разберутъ поддѣлку. Они почувствуютъ указку учителя; они мигомъ разгадаютъ педагогическіе пріемы, съ цѣлью приподнести реальныя знанія въ фантастической формѣ. Нѣтъ, дайте мнѣ старинную чистую, неподдѣльную чепуху! Я обожаю мальчика-съ-пальчикъ и восхищаюсь людоѣдомъ въ семимильныхъ сапогахъ. А котъ въ сапогахъ!—что за прелесть! А „Красная шапочка"!.. И подумать, что этотъ бѣдный ребенокъ лишенъ такого пріятнаго общества!

И тутъ м-ръ Парджитеръ низко поклонился Алисѣ, сидѣвшей на стулѣ и тихонькой, какъ мышка.

— Когда я былъ ея лѣтъ,—продолжалъ м-ръ Парджитеръ,— волшебный міръ составлялъ часть моей религіи. Я вѣрилъ въ него безусловно, и кромѣ того я видѣлъ его: вѣдь я бывалъ въ пантомимѣ. Полагаю, что вы никогда не видѣли пантомимы, мой другъ?— покачалъ головой съ сожалѣніемъ м-ръ Парджитеръ.—Ну, конечно, не видѣли. Дѣтей теперь не водятъ больше на пантомимы. Это устарѣло.

И м-ръ Парджитеръ тяжело вздохнулъ.

— Но я жила въ волшебномъ царствѣ,—вдругъ проговорила

маленькая Алиса, — когда папа былъ живъ. Не правда ли? — сказала она, оборачиваясь къ миссъ Марджорибанкъ:—мы жили въ волшебномъ царствѣ, гдѣ все было роскошно, рѣдкостно и красиво?

— Да, — отвѣчала миссъ Марджорибанкъ:—мы жили въ волшебномъ царствѣ, Алиса, а затѣмъ твой отецъ умеръ и мы познакомились съ однимъ изъ тѣхъ людоѣдовъ, которыхъ такъ любитъ м-ръ Парджитеръ. Его зовутъ—Бѣдность.

— Ахъ! что̀ вы сдѣлали! вотъ и пропала улыбка!—съ отчаяніемъ возопилъ художникъ.—Зачѣмъ, зачѣмъ вы опечалили ее! Ангельскую улыбку уловить такъ трудно, и я пытался ее вызвать своими волшебными сказками. Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Старинный пріятель вашъ былъ здѣсь вчера, миссъ Ферхомъ; но вы вѣроятно давно забыли его. Онъ помнитъ васъ однако и сразу узналъ по портрету. Вы не догадываетесь, кто это? Ему очень хочется снова васъ увидѣть.

— У меня нѣтъ друзей, кромѣ васъ и миссъ Марджорибанкъ,—печально отвѣчала дѣвочка.

— Ну, значитъ, вы забыли его; впрочемъ, и то сказать, вѣдь это совсѣмъ по-женски. Вы кружите намъ головы, а затѣмъ выбрасываете насъ изъ своей головы. Вы забыли Джона, аптекарскаго ученика д-ра Потльбэри?

— М-ръ Парджитеръ! — вскричала дѣвочка, вскакивая со стула:—неужели вы говорите про Джона Грегема? я никогда не забуду Джона; онъ былъ такъ добръ ко мнѣ... такъ добръ...

И улыбка снова появилась на лицѣ дѣвочки, а м-ръ Парджитеръ тотчасъ же схватился за кисти.

— Именно про него; да, у меня былъ Джонъ Грегемъ, и вы бы его теперь не узнали.

— М-ръ Парджитеръ, я узна̀ю его, гдѣ ни встрѣчу. Мы часто вмѣстѣ играли, и я очень любила Джона. Право, я думаю, что послѣ папа̀ я его любила больше всѣхъ на свѣтѣ.

— Алиса,—сказала миссъ Марджорибанкъ, поднимая указательный палецъ въ знакъ предостереженія:—Джонъ простой мальчикъ; ты будешь очень разочарована, вѣроятно, когда его увидишь. Безъ сомнѣнія, онъ совсѣмъ не похожъ на то, какимъ онъ рисуется въ твоей памяти.

— Да, вѣроятно, — отвѣчала дѣвочка печально и губы ея задрожали:—но онъ все же былъ очень ко мнѣ добръ.

— Вы правы, миссъ Марджорибанкъ, онъ неузнаваемъ, — вмѣшался м-ръ Парджитеръ.—Во-первыхъ, васъ удивитъ, если я вамъ скажу, что мальчикъ—джентльменъ по рожденію, хотя онъ этого, бѣдняга, и не зналъ. Тѣмъ не менѣе его всегдашней ме-

чтой было сдѣлаться джентльменомъ. И онъ получилъ то, чего желалъ. Онъ сталъ джентльменомъ по воспитанію, также какъ и по рожденію. И по моему мнѣнію, изъ него выйдетъ замѣчательный человѣкъ. Онъ будетъ свѣтиломъ науки; онъ всегда былъ умный мальчикъ, геній, знаете ли. Онъ былъ феноменомъ, когда старикъ Потльбэри перетащилъ его къ себѣ изъ школы. А теперь Потльбэри усыновилъ его и назначилъ своимъ наслѣдникомъ, и хотя вы этого, можетъ быть, и не знаете, миссъ Марджорибанкъ, старикъ Потльбэри—богатый человѣкъ. Ну и вотъ, когда юный Грегемъ былъ у меня вчера, то не успѣлъ онъ взглянуть на эту картину, какъ узналъ Алису, знаете;—„да вѣдь это моя маленькая подруга, м-ръ Парджитеръ,—сказалъ онъ:—или я дуракъ. Это маленькая миссъ Ферхомъ, которую я носилъ на рукахъ въ Темплѣ и съ которою игралъ, когда она была ребенкомъ. Знаете, м-ръ Парджитеръ, я долгіе годы жаждалъ снова ее увидѣть: она моя первая и единственная любовь".—Что вы скажете на это, молодая лэди?—обратился художникъ къ дѣвочкѣ. —Надѣюсь, что это вѣрный поклонникъ.

Но дѣвочка ничего не отвѣчала. Она прослезилась.

— Алиса,—сказала миссъ Марджорибанкъ строго:—ты забываешься!

— Не могу удержаться,—отвѣчала Алиса.—Не могу равнодушно думать о томъ, что, можетъ быть, опять увижу Джона Грегема и увижу такимъ, какимъ представляла его себѣ въ мечтахъ! Онъ всегда говорилъ, что будетъ джентльменомъ! О! я такъ рада, такъ рада!

И улыбка снова появилась на личикѣ дѣвочки, слезы высохли отъ радости, и она захлопала въ ладоши.

— Когда придетъ милый старый Джонъ повидаться со мной, м-ръ Парджитеръ?—спросила она и покраснѣла.

— Алиса,—сказала миссъ Марджорибанкъ, складывая полосу бѣлаго атласа:—ты ведешь себя неприлично.

И встала, какъ бы собираясь уходить.

— Помилосердствуйте, миссъ Марджорибанкъ! — вскричалъ м-ръ Парджитеръ:—неужели вы такъ жестоко прервете сеансъ, когда я именно ожидаю посѣщенія юнаго Грегема? Вы не разочаруете насъ обоихъ. Помилуйте, вѣдь какъ разъ въ эту минуту молодой человѣкъ несется изъ Фетеръ-Лена на крыльяхъ любви!

— М-ръ Парджитеръ,—строго проговорила миссъ Марджорибанкъ:—вы невозможный человѣкъ.

— Вы разбиваете мнѣ сердце! конечно, это вамъ все равно, какъ и всѣмъ женщинамъ вообще!—восклицалъ м-ръ Парджитеръ.

—Но вы приведете въ отчаяніе также и мою экономку, м-съ Мандерсъ, не говоря уже про юнаго Грегема съ его крыльями любви. Я приготовилъ вамъ небольшой сюрпризъ, дорогая лэди. Я представилъ себѣ, съ какимъ удовольствіемъ я выпью чашку чаю, налитаго вашими прелестными ручками. М-съ Мандерсъ уже готовитъ намъ банкетъ и принесла домашнее варенье. Вѣдь, можетъ быть, юный Грегемъ и не придетъ. Чтò ему Гекуба и чтò онъ Гекубѣ!—И м-ръ Парджитеръ указалъ пальцемъ на юную миссъ Ферхомъ.—Потльбэри будетъ разочарованъ. Я жду къ себѣ Потльбэри.

— Это совсѣмъ иное дѣло,—отвѣчала миссъ Маржорибанкъ, усаживаясь на кресло и величественно развертывая полосу бѣлаго атласа.

Послѣ того наступило молчаніе, и м-ръ Парджитеръ съ ожесточеніемъ принялся за живопись, такъ какъ личико Алисы сіяло улыбкой.

Вскорѣ послышался стукъ въ дверь.

— Войдите!—закричалъ м-ръ Парджитеръ.

Дверь отворилась и старикъ д-ръ Потльбэри изъ Фетеръ-Лена не вошелъ, а проскользнулъ въ комнату. Хотя онъ былъ уже теперь совсѣмъ старый человѣкъ, но сохранилъ свою походку глиссадами, точно въ танцахъ.

Онъ схватилъ миссъ Марджорибанкъ за руку, а затѣмъ поцѣловалъ маленькую миссъ Ферхомъ. Послѣ того пожалъ руку м-ру Парджитеру. И наконецъ представилъ всѣмъ молодого, высокаго и блѣднаго джентльмена, съ черными, кудрявыми волосами и живыми глазами, вошедшаго въ мастерскую вслѣдъ за нимъ.

Но юный Джонъ Грегемъ не нуждался въ рекомендаціи, потому что маленькая Алиса, забывая всякій декорумъ, бросилась въ раскрытыя объятія м-ра Грегема и принялась ревностно цѣловать его, точь-въ-точь какъ она дѣлала это, когда ей было четыре года.

— О! Донъ! Донъ! милый Донъ!—кричала эта прямодушная дѣвица:—Донъ, ты опять вернулся! О, Донъ! я такъ рада видѣть тебя, милый Донъ! Но,—вдругъ спохватилась дѣвочка, отступивъ назадъ:—я забыла, что вы теперь джентльменъ, и прошу васъ извинить меня, м-ръ Грегемъ!..

Тутъ всѣ разомъ заговорили, а вскорѣ затѣмъ появилась м-съ Мандерсъ съ чаемъ, печеньемъ и домашнимъ вареньемъ.

И маленькая компанія, собравшаяся въ этотъ день въ мастерской м-ра Парджитера, была очень счастлива, сидя вмѣстѣ и распивая чай.

XIX.

Не раньше какъ на другой день послѣ того, м-ръ Парджитеръ передалъ миссъ Марджорибанкъ о свиданіи съ лэди Лидіей. Онъ рѣшилъ, что не будетъ тревожить миссъ Марджорибанкъ или возбуждать въ ней ложныхъ надеждъ, пока лэди Лидія не сдѣлаетъ перваго шага.

Этотъ шагъ былъ теперь сдѣланъ лэди Лидіей, и она пригласила миссъ Марджорибанкъ пріѣхать къ ней съ своимъ протеже, такъ какъ имѣетъ сообщить ей нѣчто важное. Письмо было сюрпризомъ для доброй старой дѣвицы. Она сразу догадалась, что важное дѣло касается Алисы, и что родственники ребенка рѣшили наконецъ принять въ ней участіе. Она сообщила объ этомъ письмѣ м-ру Парджитеру и спросила его мнѣнія на этотъ счетъ.

Почему это вдругъ родственники вспомнили про Алису, когда столько лѣтъ игнорировали ее, такъ что она могла очутиться въ рабочемъ домѣ, еслибы миссъ Марджорибанкъ великодушно не призрѣла ее? Она прямо объявила художнику, что любитъ Алису какъ родная мать, и что разлука съ нею разобьетъ ея сердце.

М-ръ Парджитеръ не сразу отвѣтилъ ей; дѣло было такого рода, что высказать мнѣніе было не легко. Для дѣвочки, конечно, будетъ хорошо, если ее признаетъ тетка. Гардинеры богаты и къ тому же бездѣтны. Для нея прямая выгода быть съ ними на дружеской ногѣ.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что для миссъ Марджорибанкъ это будетъ тяжелымъ ударомъ. Она очень привыкла къ Алисѣ, а болѣе нежели вѣроятно, что лэди Лидія пожелаетъ взять дѣвочку къ себѣ въ домъ.

Онъ совѣтовалъ миссъ Марджорибанкъ объяснить всѣ эти обстоятельства лэди Лидіи и придти къ какому-нибудь соглашенію. Онъ долженъ былъ сообщить ей, что она не имѣетъ никакихъ законныхъ правъ на дѣвочку, и что Гардинеры могутъ, если захотятъ, взять отъ нея Алису.

Миссъ Марджорибанкъ понимала все это и готова была на соглашеніе, лишь бы ее не разлучали навсегда съ ея любимицей,— больше она ничего не требовала. Такимъ образомъ, Алисѣ сообщили на другой день, что ее повезутъ повидаться съ богатыми, добрыми родственниками, и они отправились не безъ опасеній со стороны миссъ Марджорибанкъ.

Домъ сэра Джона Гардинера въ Гросвеноръ-скверѣ произ-

велъ значительное впечатлѣніе на миссъ Марджорибанкъ и маленькую Алису.

Во-первыхъ, онъ поражалъ своимъ величіемъ и чѣмъ-то неуловимымъ, говорившимъ, что однѣхъ денегъ мало, чтобы создать такой домъ; на всемъ лежалъ отпечатокъ традиціи и долгой преемственности. Уже въ сѣняхъ попадались такія вещи, которыя въ другихъ мѣстахъ поставили бы за витрину въ музей. Швейцаръ стоялъ въ сѣняхъ и былъ именно такой внушительный, какъ то слѣдовало. Одного этого швейцара какой-нибудь Барнумъ сталъ бы показывать за деньги, въ особенности еслибы съ нимъ вмѣстѣ отпустили и удивительное старинное кожаное кресло съ безчисленными мѣдными гвоздиками—кресло, представлявшее достойный тронъ для такого неоцѣненнаго слуги. Человѣка нельзя, знаете, превратить въ швейцара однимъ мановеніемъ руки. Вы, конечно, можете одѣть его въ подобающую ливрею и назвать швейцаромъ. Но это еще ровно ничего не докажетъ. Настоящій, внушительный швейцаръ—продуктъ подбора нѣсколькихъ поколѣній.

Этого, однако, мало. Какъ только вы вступили въ сѣни, вамъ прямо въ лицо глядѣлъ сэръ Джошуа. Другіе перенесли бы сэра Джошуа въ картинную галерею и повѣсили бы на почетномъ мѣстѣ. Но когда м-ръ Рейнольдсъ написалъ портретъ „мастэра" Джона Гардинера—впослѣдствіи „сэра" Джона Гардинера, кавалера ордена Бани, юношу съ вьющимися волосами, глазами вдвое больше, чѣмъ въ дѣйствительности, и вдвое болѣе голубыми, чѣмъ въ натурѣ, съ нѣжнымъ бѣло-розовымъ цвѣтомъ лица, дѣлавшимъ честь воображенію м-ра Рейнольдса,—съ большимъ кружевнымъ воротникомъ и въ бархатной туникѣ (точь-въ-точь такой же кружевной воротникъ находился наверху въ гардеробной миледи)—то его повѣсили въ сѣняхъ, и съ той самой поры, то-есть съ 1760 г., мастэръ Джонъ Гардинеръ таращилъ глаза на всѣхъ входившихъ въ домъ на Гросвеноръ-скверѣ.

Затѣмъ, когда вы поднимались по лѣстницѣ,—вы могли любоваться знаменитыми венеціанскими обоями. По правдѣ сказать, обои были некрасивы, но они были единственными въ своемъ родѣ, и каждый зналъ, что имъ нѣтъ цѣны.

Немного понадобилось словъ для того, чтобы лэди Лидія убѣдилась, что Алиса—ея племянница. Миссъ Марджорибанкъ не скрыла, при какихъ обстоятельствахъ познакомилась съ ребенкомъ, и тогда лэди Лидія притянула дѣвочку къ себѣ и обняла ее.

— Я самая близкая родня тебѣ, моя милая,—сказала она:—надѣюсь, ты меня полюбишь.

Алиса съ удивленіемъ глядѣла на н
такъ странна и неожиданна, что ей не
исходило наяву.

— Я никого не могу любить, кром
сказала она.

Но увидя горестное выраженіе на
банкъ, она подбѣжала къ ней и прибав

— Конечно, я люблю миссъ Мардж
добра ко мнѣ!—и почти шопотомъ:—та

Лэди Лидія закусила губы съ недов

— Кто это Джонъ?—спросила она н
тономъ.

— Джонъ, это—молодой докторъ,-
джорибанкъ.

И сообщила краткое жизнеописаніе

Все это было не по вкусу лэди Л
дѣтей, она совсѣмъ не знала ихъ натур
жилась любить эту красавицу-дѣвочку, живой портретъ ея умершей сестры, и ожидала, что Алиса немедленно откликнется на эти чувства; но Алиса жалась къ миссъ Марджорибанкъ и не выказывала ни малѣйшей склонности къ дальнѣйшему сближенію. Видя это, лэди Лидія встала, говоря:

— Я думаю, что будетъ удобнѣе переговорить съ вами наединѣ, миссъ Марджорибанкъ. Я должна какъ слѣдуетъ поблагодарить васъ за ваши попеченія о моей племянницѣ.

И обратясь къ Алисѣ, прибавила:

— Хочешь посмотрѣть на цвѣты и на золотыхъ рыбокъ въ теплицѣ, пока я переговорю съ миссъ Марджорибанкъ?

Алиса поняла, что ей ничего не остается, какъ повиноваться, а потому покорно дала провести себя въ теплицу, послѣ чего лэди Лидія вернулась къ миссъ Марджорибанкъ.

Послѣдняя была въ страхѣ; она знала, что ей предстоитъ тяжелое испытаніе, и тщетно старалась урезонить себя. Лэди Лидія была съ ней, однако, кротка и добра. Она начала съ того, что ей извѣстно, какъ ничтожны средства миссъ Марджорибанкъ, а потому вдвое цѣнитъ великодушное рѣшеніе ея взять на себя бремя содержанія ребенка.

— Алиса никогда не была для меня бременемъ,—сказала старая дѣвица.—Ея любовь сторицей вознаградила меня за небольшія жертвы, принесенныя мною.

— Излишне говорить, что мое желаніе, равно какъ и же-

ланіе сэра Джона, вознаградить васъ за всѣ издержки,—заявила лэди Лидія.

— Я не хочу никакого вознагражденія и не приму его,— отвѣчала миссъ Марджорибанкъ.—Я хочу только одного, чтобы ребенокъ оставался при мнѣ. Если вы сочтете необходимымъ назначить Алисѣ содержаніе, то я приму его для нея, но за прошлое не возьму ничего.

— Вы очень благородны, и повѣрьте, что сэръ Джонъ и я глубоко вамъ благодарны. Къ несчастію...—тутъ она замялась немного, зная, что ея слова будутъ непріятны:—къ несчастію, мы рѣшили, что Алиса будетъ жить съ нами. Это ея настоящее мѣсто, такъ какъ со временемъ она, по всей вѣроятности, наслѣдуетъ все наше имущество, а потому натурально, что намъ хочется, чтобы она хорошенько сблизилась съ нами и полюбила насъ, какъ своихъ ближайшихъ родственниковъ.

Слова были сказаны мягко, но для миссъ Марджорибанкъ они были ножемъ въ сердце. Она страшно поблѣднѣла и проговорила чуть слышно:

— Она у меня одна въ мірѣ!

Лэди Лидія видѣла дѣйствіе своихъ словъ, и ей было жаль женщину, которая такъ сильно страдала, хотя и не оспаривала ея правъ.

— Конечно, нѣтъ никакой необходимости вамъ совсѣмъ разлучаться съ нею,—замѣтила она:—вы будете съ нею видаться отъ времени до времени.

— Отъ времени до времени!—вскрикнула миссъ Марджорибанкъ:—я привыкла видѣть ее при себѣ весь день; я ходила за ней въ болѣзни и любила ее такъ, какъ мать не могла бы больше любить свое горебенка! Я не перенесу разлуки,—право, не перенесу!

И она залилась слезами.

Лэди Лидія была смущена такимъ оборотомъ дѣла. Она ненавидѣла сцены и не находила словъ, чтобы успокоить несчастную, страдающую женщину.

— Алиса никогда не забудетъ васъ, — проговорила она спокойно.—Я не позволю ей забыть то, что̀ вы для нея сдѣлали, и вашу доброту по отношенію къ ней, но вы сами должны понять, что теперь, когда мы нашли ее, совершенно необходимо, чтобы она жила съ ними.

Тутъ миссъ Марджорибанкъ, видя, что надежда для нея потеряна, пустила въ ходъ послѣднее средство. Она нетвердо поднялась на ноги и начала свою плачевную повѣсть.

— Я не потому только не могу разстаться съ ребенкомъ, что люблю ее и знала ее съ рожденія, но также и потому, что любила ея отца,—добавила она послѣ нѣкотораго колебанія.

Лэди Лидія съ удивленіемъ поглядѣла на нее.

— Пожалуйста, не думайте ничего!—онъ совсѣмъ и не подозрѣвалъ о моей любви до самой своей смерти. Онъ женился на вашей сестрѣ, и я должна была затаить про себя разочарованіе. Онъ никогда не зналъ, какъ я страдала, но моя привязанность къ нему никогда не умирала. Я не могла любить другого человѣка и оставалась вѣрна его памяти. Когда онъ умеръ, я съ радостью приняла на себя заботы о его ребенкѣ. Она была, правда, дочерью моей соперницы, но она была также и дочерью человѣка, котораго я любила всю жизнь: она мнѣ напоминала его и мало-по-малу я привязалась къ ней, какъ и къ отцу. Это глупая исторія, я знаю. Вы, конечно, посмѣетесь надо мной, когда я уйду, но теперь вамъ будетъ понятнѣе, почему я не могу разстаться съ Алисой, и хотя вы теперь единственное лицо, кому извѣстна моя тайна, но я не жалѣю, что разсказала вамъ ее.

Лэди Лидія была дѣйствительно удивлена и пожалѣла несчастную женщину, которая стояла передъ нею, и лицо которой то краснѣло, то блѣднѣло.

— Мнѣ васъ жаль, мнѣ васъ очень жаль!—сказала она и въ порывѣ доброты прибавила:

— Алиса во всякомъ случаѣ останется пока у васъ, но вы должны привозить ее къ намъ раза два или три въ недѣлю, а позднѣе мы придумаемъ, какъ устроить дѣло такъ, чтобы вы не были вполнѣ лишены ея общества.

Она не стала выслушивать благодарственныхъ рѣчей миссъ Марджорибанкъ. Она видѣла, что та съ трудомъ выговаривала слова, и, пройдя въ теплицу, позвала Алису.

— Вы должны остаться съ нами завтракать,—сказала лэди Лидія веселымъ, ласковымъ голосомъ. — Я поблагодарила миссъ Марджорибанкъ, Алиса, за то, чтò она сдѣлала для тебя, и понимаю, что ты такъ сильно ее любишь.

Такъ окончилось свиданіе, котораго особенно боялась миссъ Марджорибанкъ.

XX.

Послѣдовавшія за первымъ визитомъ въ Гросвеноръ-скверъ двѣ или три недѣли миссъ Марджорибанкъ и Алиса были вполнѣ счастливы. Лэди Лидія и сэръ Джонъ вдвоемъ пріѣзжали въ до-

микъ въ Уиллоу-Уокъ и карета была предоставлена въ распоряженіе миссъ Марджорибанкъ и Алисы, чтобы онѣ могли ѣздить въ гости, когда имъ вздумается, къ новообрѣтеннымъ родственникамъ.

Миссъ Марджорибанкъ вполнѣ оцѣнила сердечную доброту лэди Лидіи, позволившей ребенку остаться съ нею, и была также благодарна и за выказанное ей столь знатною особой сочувствіе. И однако она знала, что счастіе ея будетъ непродолжительно, что наступитъ день, когда она должна будетъ передать свою воспитанницу ея родственникамъ. Эта мысль никогда ее не покидала, но она старалась быть бодрой и веселой и не пыталась вліять на Алису, которая начинала привязываться къ теткѣ. Дѣвочка любила ѣздить въ Гросвеноръ-скверъ; ей нравилось бѣгать по великолѣпному дому и осматривать его несмѣтныя сокровища. И она отъ души полюбила новыхъ родственниковъ.

Между лэди Лидіей и миссъ Марджорибанкъ было глухо рѣшено, что когда Алиса оставитъ домъ своей благодѣтельницы, то къ ней будетъ приставлена гувернантка, но что праздники она будетъ проводить съ миссъ Марджорибанкъ. Времени, когда совершится эта перемѣна, не было, однако, обозначено.

Все шло прекрасно, пока наконецъ однажды вечеромъ Алиса, проведя бо̀льшую часть дня съ теткой, пожаловалась, вернувшись домой, на сильную головную боль. Миссъ Марджорибанкъ тотчасъ же встревожилась и обратилась за совѣтомъ къ м-ру Парджитеру. Дѣвочка казалась очень нездорова; у нея была сильная лихорадка. М-ръ Парджитеръ покачалъ головой, но сознался, что ничего не понимаетъ въ дѣтскихъ болѣзняхъ.

— Мы должны послать за Джономъ Грегемомъ,—объявилъ онъ:—онъ ее поставитъ на ноги.

Итакъ, отправленъ былъ посолъ, и черезъ часъ Джонъ уже ухаживалъ за больной и, очевидно, нашелъ положеніе ея опаснымъ.

Онъ оставался съ своей паціенткой всю ночь и миссъ Марджорибанкъ вмѣстѣ съ нимъ ухаживала за нею. Жаръ не уменьшался и дѣвочка бредила. На разсвѣтѣ Джонъ сказалъ миссъ Марджорибанкъ, что считаетъ положеніе больной весьма критическимъ. Еще невозможно опредѣлить характеръ болѣзни, но онъ желалъ бы посовѣтоваться съ другимъ докторомъ; отвѣтственность слишкомъ велика, и онъ не желаетъ ее на себя брать.

Миссъ Марджорибанкъ была внѣ себя; болѣзнь развивалась быстро, и всѣ средства, пущенныя въ ходъ Джономъ, не могли ослабить жара.

Такъ рано, какъ только можно, приглашенъ былъ докторъ

Дольчимеръ и послѣ краткой консультаціи съ Грегемомъ объявилъ, что у больной воспаленіе мозга. Непосредственной опасности нѣтъ,—объявилъ онъ встревоженнымъ слушателямъ,—но больная должна оставаться въ полномъ покоѣ и тишинѣ, въ темной комнатѣ, воздуху должно быть много, онъ пропишетъ лекарство и днемъ снова завернетъ.

Докторъ Дольчимеръ былъ немногорѣчивъ и кратко высказалъ свой діагнозъ и лекарственныя мѣры. Его визитъ не доставилъ никакого утѣшенія миссъ Марджорибанкъ. Воспаленіе мозга —ужасная болѣзнь и въ особенности опасна для дѣтей въ возрастѣ Алисы. Позднѣе днемъ она телеграфировала лэди Лидіи о томъ, что Алиса опасно заболѣла, и просила ее тотчасъ же пріѣхать; когда лэди Лидія пріѣхала, она застала Джона Грегема ухаживающимъ за больной, а миссъ Марджорибанкъ ломала руки въ отчаяніи.

Алиса была въ безпамятствѣ весь день и никого не узнавала. Лэди Лидія была страшно поражена, когда вошла въ комнату больной и увидѣла ея разгорѣвшееся лицо и мутные глаза.

— Нужно консиліумъ немедленно,—объявила она.—Я сейчасъ же телеграфирую сэру Бонерджу Бонсеботу, нашему домашнему врачу.

Джонъ заявилъ, что никакого консиліума пока не нужно; болѣзнь должна идти своимъ ходомъ, а все, что̀ требуется, онъ уже сдѣлалъ. Но лэди Лидія, подобно всѣмъ женщинамъ, думала, что чѣмъ больше докторовъ, тѣмъ лучше, и кромѣ того не особенно довѣряла искусству молодого человѣка. Она охотно допускала, что онъ былъ добръ и внимателенъ и принималъ необыкновенное участіе въ паціенткѣ, но этого, по ея мнѣнію, было мало. Алиса должна пользоваться совѣтами медицинскихъ свѣтилъ, и если сэръ Бонерджъ ей не поможетъ, то есть другіе, и она къ нимъ обратится.

Печальный то былъ день для всѣхъ. Когда наступилъ вечеръ, Алисѣ стало какъ будто лучше, жаръ во всякомъ случаѣ упалъ, она раскрыла глаза и узнала Джона и миссъ Марджорибанкъ. То былъ первый лучъ надежды, блеснувшій имъ; миссъ Марджорибанкъ, наклонившись къ больной, поцѣловала ее и спросила ее, какъ она себя чувствуетъ.

— У меня очень голова болитъ,—отвѣчала Алиса.—Что̀, я —очень больна?

— Да, ты была больна, душа моя, но надѣюсь, что теперь станешь поправляться.

Весь тотъ день она оставалась въ томъ же состояніи. Док-

торъ Дольчимеръ опять пріѣхалъ, но не нашелъ никакой перемѣны и въ отвѣтъ на неоднократные вопросы лэди Лидіи только качалъ головой и говорилъ, что ничего не имѣетъ противъ совѣщанія съ сэромъ Бонерджемъ Бонсеботомъ; напротивъ того, случай настолько критическій, что требуетъ величайшаго искусства.

Къ несчастію, сэръ Бонерджъ уѣхалъ изъ Лондона, — его призвалъ къ себѣ въ деревню милліонеръ, страдавшій подагрою, и онъ не могъ навѣстить дѣвочку раньше слѣдующаго дня. Вторая ночь прошла почти такъ же, какъ и первая. Джонъ Грегемъ не покидалъ больной, и миссъ Марджорибанкъ все время не отходила отъ ея постели. Тщетно лэди Лидія просила позволенія смѣнить ее на нѣсколько часовъ—миссъ Марджорибанкъ обезумѣла отъ горя и не хотѣла и слышать, чтобы кто-нибудь, кромѣ ея самой и Джона Грегема, ухаживали за маленькой Алисой.

Въ положеніи больной не замѣчалось никакого улучшенія. Бѣдное дитя бредило о давно-прошедшихъ вещахъ, звало „Дона“ и отца и по временамъ горько плакало, а затѣмъ наступала полнѣйшая прострація силъ.

Джонъ Грегемъ казался очень озабоченнымъ, а миссъ Марджорибанкъ совсѣмъ была убита горемъ.

Два или три раза, когда симптомы болѣзни проявлялись съ особенной силой, Алиса отчаянно молила Джона спасти ее, такъ что молодому человѣку выпадала двойная забота: успокоивать миссъ Марджорибанкъ и ухаживать за больной.

По утру жаръ упалъ, но его смѣнила страшная слабость, и это былъ самый критическій моментъ болѣзни. Алиса узнала ихъ обоихъ и заговорила спокойно и разсудительно.

— Мнѣ кажется, что я умру, — сказала она миссъ Марджорибанкъ, сидѣвшей около нея и державшей ея руку въ своихъ рукахъ.

— О, нѣтъ, мой ангелъ, не говори ты этого! тебѣ гораздо лучше и ты выздоровѣешь. М-ръ Грегемъ все время не отходилъ отъ тебя и усердно ухаживалъ за тобой. Ты вѣдь узнаешь теперь м-ра Грегема?

Алиса устало повернула къ нему глаза и слабо улыбнулась.

— Джонъ очень добръ,—отвѣчала она:—и позаботится о васъ, если я умру.

— Но ты не умрешь,—увѣряла миссъ Марджорибанкъ со слезами на глазахъ.

— Я была въ такихъ чудныхъ мѣстахъ во снѣ,—продолжала Алиса:—передо мной открылись золотыя ворота и я слышала голоса поющихъ ангеловъ.

Тутъ вмѣшался Грегемъ.

— Не давайте ей говорить!—сказалъ онъ миссъ Марджорибанкъ:—ей безусловно необходимы полная тишина и спокойствіе.

Онъ былъ напуганъ немногими словами ребенка, а миссъ Марджорибанкъ чуть не задохнулась отъ рыданій.

снова впала въ безпамятство, и когда миссъ ...ѣмъ изошла слезами, доложили о пріѣздѣ ...эбота. Докторъ Дольчимеръ, условившійся ... въ этотъ часъ, прибылъ почти вслѣдъ за ... началась консультація.

...лѣзни не могло быть сомнѣнія, но, въ не... ...ъ" были діаметрально противоположнаго мнѣ... ...енія.

...еръ стоялъ за „выжидательный" способъ ле... ...ткія средства; онъ почти предоставлялъ ин... ... великій сэръ Бонерджъ былъ съ нимъ не... ... вышли изъ комнаты больной, то заспорили ... до высокаго комизма.

...й Алисѣ обрили голову по приказанію Джона ... похожа на мальчика, и сэръ Бонерджъ упорно ...ньчика, хотя докторъ Дольчимеръ постоянно

... должны приставить *ему* піявки,—говорилъ ...Энъ, очевидно, заучился въ школѣ.

—отвѣчалъ докторъ Дольчимеръ,—и она ни... была въ школѣ.

...какая жалость! небрежное воспитаніе—одно ...ъ нашего времени. Мальчиковъ непремѣнно ...ъ школу,—настаивалъ сэръ Бонерджъ.

...е вамъ, что это дѣвочка!—повторялъ докторъ ...ъ голосомъ.

... и дѣвочка, это все равно. Но она очень ...пущена. Для сильной болѣзни требуются и

...лся безконечный споръ, въ которомъ каждый ...порно держался собственнаго мнѣнія. Въ раз... ...явилась леди Лидія и немногими словами, ...ти и такта, умиротворила обоихъ, оставивъ ...ѣніемъ, что она одобряетъ его образъ дѣйствія. ...ной леди Лидія нашла Джона Грегема за... ...мъ за маленькой подругой дѣтскихъ игръ, ...ное лицо его встревожило ее.

— Лучше ли ей?—шепнула она ему.

Но Грегемъ покачалъ головой, и глухое, подавленное рыданіе миссъ Марджорибанкъ дало понять лэди Лидіи, что слѣдуетъ ждать худшаго.

XXI.

Прошла цѣлая недѣля послѣ докторской консультаціи въ маленькой пріемной миссъ Марджорибанкъ, но война между двумя „свѣтилами“ противныхъ мнѣній ни на минуту не прерывалась.

Лэди Лидія настаивала, чтобы оба навѣщали ея племянницу, и они продолжали свои посѣщенія, внутренно протестуя и пожимая плечами другъ на друга.

Но Алиса все еще жива, и хотя она очень слаба, но есть надежда, что она выздоровѣетъ. Для миссъ Марджорибанкъ ясно, что всякимъ улучшеніемъ въ положеніи ребенка онѣ обязаны неусыпнымъ заботамъ Джона Грегема, и что онъ, такъ сказать, вырвалъ Алису изъ когтей смерти. Она сообщаетъ это мнѣніе лэди Лидіи, и та хотя неохотно, но соглашается съ нею.

Грегемъ почти не отходилъ отъ постели больной и въ концѣ недѣли самъ, по выраженію миссъ Марджорибанкъ, сталъ похожъ на мертвеца.

Но торжество полное и смерть побѣждена. Алиса страшно слаба, она такъ похудѣла, что кажется своей тѣнью, но мало-по-малу поправляется. И въ то время, какъ докторъ Дольчимеръ и сэръ Бонерджъ продолжаютъ спорить о лекарствахъ, которыя слѣдуетъ предписать, дѣвочка медленно, но постепенно выздоравливаетъ.

Трогательно видѣть радость миссъ Марджорибанкъ; главнымъ конфидентомъ ей служитъ м-ръ Парджитеръ. Ему она передаетъ всѣ подробности болѣзни, и художникъ слушаетъ съ живѣйшимъ интересомъ и радуется вмѣстѣ съ нею. Вмѣстѣ они строятъ планы насчетъ будущаго. Алису слѣдуетъ немедленно послѣ выздоровленія везти на берегъ моря; они оба поѣдутъ съ нею; оба они не нахвалятся Джономъ Грегемомъ. Миссъ Марджорибанкъ не находитъ словъ, чтобы выразить свой восторгъ, и художника забавляетъ ея удивительный энтузіазмъ. М-ръ Парджитеръ очень охотно посѣщаетъ сосѣдокъ; интересъ, который ему внушала Алиса, онъ перенесъ теперь на миссъ Марджорибанкъ; хотя онъ и закоснѣлый циникъ, но не можетъ не восхищаться любовью и преданностью этой женщины.

Когда наступаетъ наконецъ день, что Алису объявляютъ въ силахъ предпринять путешествіе, ихъ обоюдная радость не знаетъ границъ. Но для любящей женщины, бывшей другомъ, нянькой и матерью дѣвочки, капля горечи примѣшивается къ теперешней радости: Алиса ей чужая; когда они вернутся съ морского берега, то она должна будетъ передать ее законнымъ опекунамъ, и она обѣщала лэди Лидіи мужественно перенести разлуку.

Теперь намъ остается только заглянуть въ будущее и такимъ образомъ узнать о томъ, какъ сложились событія нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, что̀ было разсказано въ послѣдней главѣ.

Что̀ же мы увидимъ? Во-первыхъ, двѣ счастливыхъ, довольныхъ судьбой четы—одна молодая, веселая, съ радужными надеждами на будущее и благодарная всѣмъ тѣмъ, кто далъ ей возможность сочетаться узами брака. Эта чета—Джонъ Грегемъ и Алиса; первый преуспѣваетъ какъ докторъ и гордится молодой женой, которая нѣжно любитъ его.

Во-вторыхъ, мы увидимъ, что въ домикѣ художника на Уиллоу-Уокъ распоряжается добрая, любящая хозяйка, которую не безъ труда убѣдили въ томъ, что миссія ея жизни—составить счастіе м-ра Парджитера. Исторія ея безнадежной любви къ Чарльзу Ферхому была ему извѣстна; художникъ пожалѣлъ ее и такъ убѣдительно и краснорѣчиво убѣждалъ стать его женой, что послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, въ одно прекрасное утро, миссъ Марджорибанкъ стала м-съ Парджитеръ.

Часто уже повторялось, что любовь пожилыхъ людей никому не интересна, кромѣ ихъ самихъ. Можетъ быть, это и правда, хотя въ то же самое время слѣдуетъ допустить, что если пожилые люди полюбятъ, то полюбятъ крѣпко. Въ особенности это касается тѣхъ, у кого страсть долгіе годы дремала. Можно сказать почти какъ правило, что всего сильнѣе и безкорыстнѣе любятъ именно тѣ люди, которые дѣйствительно полюбятъ поздно и впервые.

Любовь м-съ Парджитеръ къ покойному Чарльзу Ферхому была чисто головная, игра воображенія, мечта, фантазія романической дѣвушки. Позднѣе эта мечта перешла въ болѣе осязательную и такую же нѣжную привязанность къ маленькой героинѣ нашей повѣсти.

По всей вѣроятности, сначала одна жалость къ одинокому существованію м-ра Парджитера побудила миссъ Марджорибанкъ принять руку этого престарѣлаго Ромео.

Съ другой стороны, одинокій художникъ жаждалъ общества

умныхъ людей и часы, проведенные съ такой образованной женщиной какъ миссъ Марджорибанкъ, были для нашего стараго холостяка часами отдохновенія и великаго умственнаго наслажденія. Поэтому неудивительно, если м-ръ Парджитеръ краснорѣчиво молилъ ея руки, какъ неудивительно и то, что его мольбы тронули нѣжное сердце этой лэди. Быть можетъ, оба чувствовали потребность любить кого-нибудь, раздѣлять съ кѣмъ-нибудь радости и горе. Наконецъ, обоихъ пугала одинокая, грустная старость. Одной нуженъ былъ покровитель, другому—вѣрная и преданная подруга; оба не имѣли причины раскаяваться въ своемъ позднемъ бракѣ.

— Знаешь ли, милый Джозефъ,—сказала разъ м-съ Парджитеръ своему мужу:—я невольно думаю, какая жалость, что мы раньше не встрѣтились. Сколько счастливыхъ лѣтъ мы отъ этого потеряли!

— А знаешь ли,—отвѣчалъ м-ръ Парджитеръ:—я никогда не былъ по настоящему счастливъ, пока не женился. Моя жизнь была жизнью вполнѣ эгоистичной. Одна работа и никакой радости—да я бы наконецъ отупѣлъ. А теперь-то! я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Но вотъ бѣда: еслибы мы встрѣтились раньше, я бы непремѣнно отказала тебѣ,—сказала жена съ улыбкой.

— Боже мой, — отвѣчалъ бѣдный м-ръ Парджитеръ:—ты меня совсѣмъ разстроила. Твои слова подѣйствовали на меня какъ холодный душъ; а если я что̀ ненавижу, такъ это именно холодный душъ.

— Что-жъ дѣлать, человѣкъ не можетъ дѣлить свое сердце, а тогда мое сердце всецѣло принадлежало маленькой Алисѣ!

— Въ сущности говоря, на свѣтѣ вовсе не такъ худо жить, —замѣтилъ м-ръ Парджитеръ.

— На свѣтѣ даже хорошо жить,—заключила м-съ Парджитеръ.

А. Э.

НАШЕ СЕЛЬСКОЕ ХО:

и

ЕГО БУДУЩНОСІ

Настоящее положеніе нашего сельскаго н
вообще всей сельско-хозяйственной промышле
зывать въ послѣднее время въ нашемъ об
лѣе правильныя сужденія. Тѣмъ не менѣе мож
что причины настоящаго упадка благосост
нынѣ вполнѣ выяснены, а слѣдовательно, вы
ихъ устраненія? Полагаю—нѣтъ. Я далек
вѣрное врачеваніе отъ недуговъ, гнетущих
добный трудъ мнѣ непосиленъ. Мнѣ хот
смотрѣть нѣкоторыя изъ сторонъ интересую
вывести то заключеніе, на которое, такъ
сама дѣйствительность.

I.

Истекшая зима 1890-91 г. надолго
примѣръ, въ пензенской губерніи, да и не
ленному всѣми предъидущими и плохими уро
химъ урожаемъ 1889 г., сельскому населені
оказался уже непосильнымъ гнетомъ. Наученн
какъ трудно уплачивать полученную для
крестьянство неохотно заявляло оффиціал

Дѣйствительно, правительственная ссуда изъ общаго по имперіи капитала получается деньгами въ то время, когда хлѣбъ *въ цѣнѣ*; уплачивается же она продажей такого же хлѣба, когда цѣна его *низка*. Можетъ иногда выйти такъ, что за пудъ придется уплатить два! По осени 1890 г., сравнительно говоря, заявленій о ссудахъ въ мокшанскомъ уѣздѣ поступало немного,—исключительно отъ тѣхъ обществъ, которымъ уже тогда приходилось думать о покупномъ хлѣбѣ для жизни. Большинство увлекалось надеждой, что отсрочкой взысканія податей и зимнимъ заработкомъ оно избѣгнетъ необходимости въ ссудѣ. Къ несчастію, эти надежды не осуществились. Необходимо разъяснить, что отсрочка взысканія казенныхъ сборовъ (согласно 130 ст. Положенія о выкупѣ и разъясняющаго ея примѣненіе циркуляра мин. финансовъ отъ 18-го сентября 1872 г., № 5705) требуетъ представленія очень подробныхъ свѣденій, которыя, по разсмотрѣніи уѣзднаго и губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, должны послужить основаніемъ соглашенія министровъ—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность ходатайства такого рода обусловливается, тою же 130-ю статьей, существованіемъ годовой недоимки, какой по нашему мокшанскому уѣзду не было. 1889-й годъ для этого уѣзда былъ безспорно блестящимъ относительно взысканія казенныхъ сборовъ. Къ 1-му января 1890 года недоимки этого сбора было всего около трехъ тысячъ рублей. Помимо приговоровъ сельскихъ обществъ, мокшанское уѣздное земское собраніе, бывшее въ октябрѣ прошлаго 1890 года, также ходатайствовало объ отсрочкѣ взысканія податей. Оба ходатайства не были уважены; во всякомъ случаѣ, поданныя осенью, въ самое горячее время этого взысканія, они никоимъ образомъ не могли быть удовлетворены своевременно и, при счастливомъ даже ихъ разрѣшеніи, могли относиться только до взысканія податей первой половины настоящаго 1891 г., каковое и безъ того всегда производится осенью. Вслѣдствіе того сборъ податей въ концѣ 1890 года производился обычнымъ порядкомъ. Весь нормальный окладъ казенныхъ сборовъ по мокшанскому уѣзду составляетъ—*двѣсти двѣнадцать* тысячъ рублей, а съ недоимкой 1889 года взысканію подлежали—*двѣсти пятнадцать* тысячъ рублей. Къ 1-му января 1891 г., недоимки по казеннымъ сборамъ осталось на уѣздѣ 49.194 рубля. Несмотря на такую крупную недоимку, необходимо признать такой результатъ еще болѣе блестящимъ, чѣмъ—въ 1889 г., такъ какъ неурожай въ 1890 году былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ. Съ другой стороны, ожиданія зимняго заработка не оправдались, —да, правду сказать, и не могли оправдаться. Мѣстный зимній

заработокъ крестьянство получаетъ преимущественно отъ владѣльческихъ имѣній; но въ нихъ въ громадномъ большинствѣ была та же засуха, тотъ же новый червякъ [1]) и тотъ же неурожай. Возить на продажу было нечего или очень мало, и сколько-нибудь значительнаго извоза быть не могло. Вслѣдствіе того, уже во второй половинѣ зимы стали поступать въ мокшанскомъ уѣздѣ приговоры сельскихъ обществъ о ссудахъ для продовольствія въ то время, когда и уѣздныя земскія собранія, и губернское—закончили свои сессіи и сдѣлали вышеуказаннымъ законнымъ порядкомъ свои представленія о продовольствіи крестьянскаго населенія. По пензенской губерніи испрашивалась ссуда около восьмисотъ тысячъ рублей.

Какъ всегда бываетъ, сельское населеніе, болѣе или менѣе голодающее и не находящее себѣ работы, дѣлается—конечно, несознательно—особенно воспріимчивымъ къ увлеченію надеждами улучшить какъ-нибудь свое положеніе. Такъ, въ истекшую зиму 1890-91 гг. во всей нашей губерніи сказалось въ крестьянствѣ увлеченіе переселеніемъ. Законъ 13-го іюля 1889 года, регулирующій это переселеніе, давно былъ извѣстенъ мѣстному народонаселенію и до сихъ поръ не возбуждалъ ни массоваго движенія, ни какихъ-либо недоразумѣній. Въ послѣднее же время, когда жизнь крестьянства стала болѣе обычнаго тягостной, заявленія о переселеніи значительно увеличились, и дѣло не обошлось безъ недоразумѣній. Необходимо припомнить, что согласно закону 13-го іюля 1889 г. переселеніе допускается (ст. 1) не иначе какъ съ предварительнаго на то разрѣшенія министровъ—внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Затѣмъ, на основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 22-го февраля 1890 г., о лицахъ и семействахъ, заявившихъ желаніе переселиться и представившихъ о томъ прошеніе начальнику губерніи, уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія собираютъ на мѣстѣ свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи просителей, а также о всѣхъ числящихся на нихъ недоимкахъ казенныхъ, мірскихъ и земскихъ, равно и о томъ, въ состояніи ли будутъ просители по распродажѣ своего движимаго имущества на родинѣ собрать достаточныя средства для переселенія въ извѣстную мѣстность безъ всякаго со стороны казны пособія. Полученныя уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями свѣдѣнія поступаютъ въ губернское, которое

[1]) Новый червякъ, по разъясненію I. Порчинскаго (№ 80 „Земледѣльческой Газеты", отъ 28-го іюля 1890 г.) оказался весьма неновымъ, а—гусеницей полевого мотылька или метелицы (Eurycreon Sticticalis). Вѣроятно, только массовое его появленіе и произведенное имъ опустошеніе составляли всю его новизну.

представляетъ ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ со своимъ заключеніемъ,—вынуждается ли переселеніе условіями хозяйственнаго быта просителей. До сихъ поръ никакого переселенія въ нашей губерніи разрѣшено не было, и крестьянство вполнѣ вѣрило разъясненіямъ мѣстной администраціи, что при установленномъ порядкѣ скораго разрѣшенія и ожидать нельзя; но съ увеличеніемъ желающихъ переселиться—положеніе измѣнилось. По всей губерніи, да и въ сосѣднихъ, переселенческое движеніе приняло внушительные размѣры. Вѣрныя числовыя данныя могу представить только по нашему мокшанскому уѣзду. До 1-го августа 1890 было подано заявленіе о переселеніи отъ 87 семействъ; съ 1-го же августа 1890 г. по 1-е апрѣля 1891 г.—отъ 1.096 семействъ! Съ тѣхъ поръ только тридцать двѣ семьи отказались отъ переселенія; но зато въ продолженіе еще не окончившагося апрѣля было подано новыхъ около двухъ сотъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ концу зимы въ крестьянствѣ повсюду появилось броженіе. Стали ходить толки, что истинный царскій указъ съ орломъ о переселеніи скрывается мѣстной администраціей, а тотъ, который объявленъ—не настоящій. Слухи о значительныхъ льготахъ, предоставляемыхъ царской милостью въ мнимомъ указѣ, и о привольномъ житьѣ въ назначенныхъ для переселенія земляхъ принимали разнообразныя формы и росли въ крестьянствѣ,—но пока особыхъ безпорядковъ не было. Весной, при началѣ полевыхъ работъ, были случаи отказа готовящихся къ переселенію крестьянъ отъ владѣльческой, яровой земли, взятой и даже вспаханной отказывающимися еще осенью; но въ общемъ такіе случаи были рѣдки. Въ будущемъ, конечно, при дальнѣйшей задержкѣ переселенческаго движенія и нецѣлесообразномъ его направленіи—недоразумѣнія, а пожалуй, и безпорядки могутъ возникнуть. Безпорядки эти, надобно думать, не будутъ имѣть серьезнаго значенія. Они весьма нежелательны, и потому вѣроятно постараются ихъ избѣгнуть. Переселенческое увлеченіе тѣмъ не менѣе является интереснымъ фактомъ въ жизни сельскаго населенія, и на немъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Вопросъ о необходимости переселенія несомнѣнно былъ возбужденъ общественнымъ мнѣніемъ, которое закономъ 13-го іюля 1889 года и было удовлетворено. Мнѣ уже приходилось говорить объ этомъ законѣ въ печати; но я не имѣю ни малѣйшаго основанія ожидать, что мои статьи читались большинствомъ и сохранились въ памяти; а потому позволю себѣ только здѣсь повторить одинъ разсчетъ и одно мое заключеніе. Говорятъ о казенныхъ сборахъ, казенныхъ податяхъ, столь тягостныхъ для крестьянства, но въ сущности казеннымъ сборомъ можетъ быть названъ только государственный, по-

земельный налогъ, который самъ по себѣ не можетъ быть признанъ обременительнымъ. На душу высшаго надѣла по мокшанскому уѣзду, т.-е. на $3^1/_4$ десятины, приходится всего $50^1/_2$ копѣйки. Дѣйствительно тягостнымъ казеннымъ сборомъ является выкупной платежъ, который составляетъ 6 р.; нынѣ у насъ на ту же душу—6 р. 20 к., но это—льготный способъ пріобрѣтенія въ собственность земли, оцѣненной гораздо ниже настоящей ея стоимости. Наконецъ, взносъ этотъ, по существу своему срочный ежегодно, и размѣръ капитала, имъ представляемаго, отъ постепеннаго погашенія уменьшается. Кромѣ того, плата—нѣсколько менѣе двухъ рублей за пахатную, удобную десятину въ черноземной мѣстности—врядъ ли можетъ быть признана обременительною. Вотъ почему относительно закона 13-го іюля 1889 г. я приходилъ къ заключенію, что при прежнемъ законоположеніи, регулировавшемъ переселеніе (130 ст. Общаго положенія и 173 ст. положенія о выкупѣ), переселеніе обставлено было такими условіями, при которыхъ оно дѣлалось возможнымъ только тогда, когда оно осмысленно, цѣлесообразно. Массоваго движенія и такого же разочарованія быть не можетъ и не должно. Могутъ переселяться только такія личности и семейства, которыя, представляя пріемный приговоръ того общества, куда они переселяются, тѣмъ самымъ подтверждаютъ серьезность своего намѣренія. Переселеніе такимъ путемъ поневолѣ фактически идетъ исподоволь, незамѣтно, и также исподоволь ростетъ народонаселеніе новыхъ мѣстъ, не истощая непроизводительно старыхъ.

Нынѣ здѣсь къ высказанному мною прежде прибавлю только, что (5 ст. закона 13-го іюля 1889 г.) безусловное освобожденіе переселяющихся отъ испрашиванія увольнительныхъ отъ своихъ обществъ приговоровъ можетъ вызвать на практикѣ нѣкоторыя недоразумѣнія относительно участи остающихся въ обществѣ изъ семействъ переселяющихся малолѣтнихъ или неспособныхъ къ работѣ. Наконецъ, при большомъ количествѣ переселяющихся, общества, къ которымъ они принадлежали, могутъ очень легко, при сколько-нибудь неблагопріятныхъ условіяхъ, сдѣлаться совершенно неспособными справиться со всѣми обязательствами, лежащими на оставшейся въ ихъ распоряженіи надѣльной землѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ при большомъ количествѣ заявившихъ желаніе переселиться выборъ между ними тѣхъ, которымъ это будетъ дозволено, представитъ не мало затрудненія и во всякомъ случаѣ породитъ большое недовольство съ точки зрѣнія мѣстнаго населенія. Всего болѣе желательнымъ будетъ, чтобы преимущественно выселялись окончательно обѣднѣвшіе крестьяне, которые составляютъ скорѣе одну

только тягость всякаго общества. Съ правительственной же стороны несомнѣнно предпочтеніе для переселенія будутъ имѣть тѣ, которые хоть отчасти не нуждаются для того въ пособіи отъ казны. Разрѣшеніе этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ будетъ имѣть очень существенное вліяніе на благосостояніе мѣстнаго населенія.

Мы указали, что необходимость переселенія была давно признана общественнымъ мнѣніемъ. Основаніемъ этой необходимости представлялась недостаточность земли для крестьянства, численно значительно увеличившагося со времени полученія имъ надѣловъ. Еслибы это было такъ, и все дѣло заключалось бы только въ недостаточности земли, то эта земля увеличилась бы у насъ въ своей цѣнности; между тѣмъ мы видимъ, напротивъ, что она упала и падаетъ еще болѣе въ своей цѣнѣ. По одному изъ самыхъ малыхъ уѣдовъ пензенской губерніи, согласно вышеприведенному размѣру переселенческаго движенія въ мокшанскомъ уѣздѣ, мы можемъ судить объ этомъ движеніи; между тѣмъ пензенская губернія далеко не представляетъ особенной густоты населенія. На 34.129 квадратныхъ верстъ пространства [1]) всего съ городами 1.522.537 жителей обоего пола, что̀ составляетъ на единицу, на квадратную версту, всего съ небольшимъ 44 лица обоего пола; если же исключить городское населеніе губерніи (135.418 об. пола) и принять только одно мужское народонаселеніе уѣздовъ (687.746), то въ пензенской губерніи окажется на одну квадратную версту съ небольшимъ 20 человѣкъ мужчинъ, живущихъ внѣ городовъ. Изъ нихъ несомнѣнно не всѣ исключительно занимаются непосредственно хлѣпопашествомъ, такъ что собственно земледѣльцевъ окажется еще менѣе. Такимъ образомъ, необходимо признать, что избытка народонаселенія относительно пространства—нѣтъ; однако, крестьянство бѣжитъ изъ хлѣбородной пензенской губерніи, и этотъ исходъ принимаетъ весьма внушительные размѣры. Можно объяснить такое увлеченіе переселеніемъ тѣмъ, что мѣстные землевладѣльцы дорожатся своей землей, угнетаютъ крестьянъ при отдачѣ имъ этой земли и тѣмъ вынуждаютъ ихъ покинуть издревле насиженныя ими мѣста. Если это такъ, то владѣльческія имѣнія должны представлять довольство, богатство и высокую доходность; этого также нѣтъ. Мы видимъ, напротивъ, что владѣльческія имѣнія пензенской губерніи занимаютъ видное мѣсто въ спискахъ земельныхъ банковъ о

---

[1]) Цифры взяты изъ Памятной книжки пензенской губерніи на 1889 годъ, изданной губернскимъ статистическимъ комитетомъ.

продажѣ съ аукціоннаго торга; мы видимъ также, что оцѣнка владѣльческой земли этими же банками значительно понижена, и что проданныя съ аукціона имѣнія очень часто не находятъ покупателей, а остаются за банками. Наконецъ, въ пензенской губерніи уже давно отдача земли крестьянамъ за деньги почти не существуетъ; собственное хозяйство землевладѣльцевъ доведено до минимума и всего болѣе практикуется отдача земли исполу крестьянамъ, такъ что недостатка въ ней для крестьянства вовсе нѣтъ. При такомъ положеніи всего сельскаго населенія, о какомъ-либо угнетеніи крестьянства землевладѣльцами—угнетеніи общемъ, серьезномъ—и рѣчи быть не можетъ. Напротивъ, при сколько-нибудь выгодномъ расположеніи надѣловъ и окрестной владѣльческой земли, можетъ скорѣе явиться болѣе или менѣе полная зависимость землевладѣльцевъ отъ крестьянъ.

Остается пока несомнѣннымъ одно, что, по крайней мѣрѣ, для пензенской губерніи настоящее тяжелое положеніе крестьянства составляетъ прямое, видимое и непосредственное послѣдствіе неурожая 1890 года; но было ли бы оно такимъ, какъ оно есть, еслибы благосостояніе сельскаго населенія не было значительно понижено предъидущими годами, между которыми было не мало и урожайныхъ? У насъ принято, даже оффиціально, ставить денежныя поступленія отъ сельскаго населенія въ прямую зависимость отъ урожая произведеній его труда; но вѣрно ли это? Въ послѣднее время въ крестьянствѣ въ ходу поговорка: при хлѣбѣ безъ хлѣба! Дѣйствительно, крестьянинъ уже давно является очень важнымъ поставщикомъ зерна для нашего обширнаго экспорта, и также давно бѣдствуетъ и рвется куда бы то ни было, только бы выйти изъ настоящаго своего положенія. Законъ 13-го іюля 1889 г. изданъ не для одной только пензенской губерніи и притомъ—гораздо ранѣе неурожая въ ней въ 1890 году. И до этого закона переселенческое движеніе именно въ земледѣльческой Россіи—далеко не новость. Необходимо принять еще въ соображеніе, что крестьянскій хлѣбъ составляетъ очень видную часть нашего заграничнаго экспорта, который въ свою очередь служитъ преимущественно и даже исключительно основаніемъ для установленія продажныхъ цѣнъ этого хлѣба на мѣстахъ его производства. Паденіе этихъ цѣнъ удостовѣрено и частными, и оффиціальными изысканіями. Разъ же на рынкѣ падаетъ цѣна на какой-либо продуктъ, это значитъ, что его представляютъ въ избыткѣ, въ излишкѣ. Можетъ вслѣдствіе сего возникнуть вопросъ о перепроизводствѣ, а уже никакъ не о недостаточности фонда и способа, производящаго этотъ продуктъ, а въ данномъ случаѣ—земли.

Мы видимъ дѣйствительно весьма любопытное положеніе сельскаго населенія. Съ одной стороны, оно, какъ будто, страдаетъ отъ перепроизводства производимыхъ имъ продуктовъ, понизившаго ихъ цѣнность настолько, что земледѣліе сдѣлалось избыточнымъ; съ другой стороны, оно какъ будто страдаетъ отъ недостатка фонда, производящаго эти продукты, и страдаетъ настолько, что правительство вынуждено было вмѣшаться въ это дѣло, взять его въ свои руки, и отдачей дальнихъ казенныхъ земель облегчить переселеніе избытку земледѣльческаго населенія. Указанный мною размѣръ желающихъ переселиться только по одному и даже весьма небольшому уѣзду доказываетъ, что принятая правительствомъ мѣра вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительной потребности. Какъ ни странно совпаденіе такихъ двухъ противорѣчивыхъ и даже взаимно исключающихъ фактовъ, какъ перепроизводство продуктовъ и недостаточность ихъ для производителей этихъ продуктовъ, но разъ это совпаденіе существуетъ и приняло даже острую форму, слѣдуетъ съ нимъ считаться. Переселеніе признано необходимымъ для врачеванія настоящаго упадка благосостоянія крестьянства, и такъ или иначе будетъ приведено къ исполненію; не лишнее при этомъ уяснить себѣ, принесетъ ли оно всю ту пользу, которая отъ него ожидается.

Причина упадка благосостоянія крестьянства,—это настоящее положеніе сельско-хозяйственной промышленности. Измѣнится ли это положеніе для переселенцевъ? Мнѣ кажется,—нѣтъ. Несомнѣнно, первое время для переселенцевъ, благодаря даруемымъ закономъ льготамъ, будетъ употреблено только для устройства и собственнаго прокормленія, и пройдетъ болѣе или менѣе удовлетворительно; но затѣмъ наступитъ пора, когда надо будетъ платить за пріобрѣтенную переселенцемъ землю. Такой платежъ выручится только отъ продажи произведеній той же пріобрѣтенной земли. Цѣна этихъ произведеній въ земледѣльческой части страны, вполнѣ понятно, тѣмъ ниже, чѣмъ далѣе производящая мѣстность отъ центровъ сбыта. Если переселенецъ, напримѣръ, пензенской губерніи попалъ куда-либо близко къ порту или крупному центру сбыта, онъ несомнѣнно будетъ въ выигрышѣ и будетъ благоденствовать; если же онъ попадетъ на дальній востокъ, гдѣ и теперь хлѣбъ дешевле здѣшняго, то врядъ ли положеніе его улучшится, какъ бы ничтожна ни была плата за занятую имъ землю. На новыхъ мѣстахъ тогда повторится то же явленіе, что и на старыхъ: или крупная недоимка, или обѣднѣніе, а то, пожалуй, и соединеніе того и другого. Самарская губернія представляетъ тому очень убѣдительный примѣръ.

Для нашей мѣстности она издавна была
переселенія; впрочемъ, у насъ въ нее стрем
извѣстно, манифестомъ 15-го мая 1883 год
была прощена значительная недоимка, ко
какъ слышно, возросла опять до довольно

Итакъ, каковъ бы ни былъ результатъ
ленческаго движенія, необходимо признать,
вызваны настоящимъ упадкомъ благосостоя
стараемся уяснить себѣ хоть нѣкоторыя пр
Быть можетъ, тогда станетъ болѣе понятн
можная будущность готовится у насъ для с
слѣдовательно, и для нашей сельско-хозяйс
ности.

II.

Въ послѣднее время конверсіи наши
процентныхъ бумагъ вызвали похвальные
нансовомъ хозяйствѣ въ заграничной печа
намѣренъ говорить обо всемъ этомъ по су
высказать хотя бы мимоходомъ сожалѣнія,
1877 г., срокъ которому истекалъ чрезъ 25 лѣтъ и 3 мѣсяца, а еще болѣе, что англо-голландскій заемъ 1864 года, полное погашеніе котораго достигалось черезъ 11 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, были продолжены на *восемьдесятъ одинъ* годъ. Очевидно, такую финансовую операцію врядъ ли можно признать безусловно выгодной; впрочемъ, и помимо того невозможно сравнивать настоящія наши конверсіи съ той, которая была начата нынѣшнимъ канцлеромъ англійскаго казначейства, Гошеномъ, въ апрѣлѣ 1888 г. и окончена въ октябрѣ 1889 г. Въ Англіи конверсія государственныхъ процентныхъ бумагъ—дѣло, конечно, не новое. Необходимо припомнить, что именно въ Англіи, еще въ 1717 г., тогдашній канцлеръ казначейства Робертъ Вальполь произвелъ весьма удачно первую конверсію шести-процентнаго государственнаго займа въ пяти-процентный, который затѣмъ, въ 1749 г., былъ доведенъ до трехъ-процентнаго. Для исторической точности необходимо разъяснить, что хотя въ 1749 г. былъ принятъ парламентомъ законъ (bill) о трехъ-процентной конверсіи, но сама она была закончена только въ 1757 году. Финансовыя операціи Вальполя въ XVIII столѣтіи послужили прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ такого же рода. Уже вслѣдствіе одного давнишняго предъидущаго опыта нельзя ставить въ укоръ нашему финансо-

вому вѣдомству, что произведенныя имъ конверсіи уступаютъ относительно выгодности англійскимъ. Фактъ непреложный, однако, тотъ, что годовой платежъ государственнаго казначейства по правительственнымъ обязательствамъ уменьшился вообще, отъ какихъ бы причинъ это ни исходило: отъ обилія ли капиталовъ на всемірномъ денежномъ рынкѣ, или отъ упроченія нашего кредита,—но мы получили и получаемъ необходимые намъ капиталы на болѣе выгодныхъ, чѣмъ прежде, условіяхъ. Это будетъ для насъ имѣть еще болѣе значенія, если мы припомнимъ, что въ 1818 г. наше финансовое вѣдомство выпустило шести-процентныя облигаціи по курсу $83^1/_3$, а въ 1820 г. заключило металлическій пятипроцентный заемъ по курсу—72. Впрочемъ, техническія, такъ сказать, условія всякаго займа—вопросъ второстепенный, главное же основаніе его выгодности, это—производительное употребленіе тѣхъ средствъ, того капитала, который полученъ отъ этого займа. Тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя отвергать, что чѣмъ дешевле обходится кредитъ,—это могучее средство развитія общаго благосостоянія,—тѣмъ легче достигается это благосостояніе. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ мы видимъ, условія правительственнаго кредита были несравненно тяжелѣе настоящихъ, а между тѣмъ экономическое положеніе наибольшей части народонаселенія россійской имперіи, а именно сельскаго населенія, тогда, судя по всѣмъ источникамъ, изъ которыхъ можно только составить себѣ о немъ понятіе, было нисколько не хуже и не ниже настоящаго. Фактическими данными это доказано быть не можетъ. Откуда добыть бюджетъ средней, типичной, крестьянской семьи за семьдесятъ лѣтъ тому назадъ и сравнить его съ настоящимъ? Такое сравненіе было бы крайне интересно; но мнѣ, по крайней мѣрѣ, не удалось его сдѣлать. По-неволѣ приходится ограничиваться одними соображеніями, не подкрѣпленными статистическими данными. Для большей вѣрности принимаю для сравненія болѣе близкое и болѣе мнѣ, да и многимъ, знакомое время, а именно около двадцати-пяти лѣтъ тому назадъ. Безусловно, образъ жизни и удовлетворенія насущныхъ потребностей крестьянства въ истекшую четверть вѣка нисколько не измѣнился къ лучшему, а скорѣе ухудшился. Сами крестьяне, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, въ этомъ глубоко убѣждены. Въ разговорахъ съ ними, время крѣпостного права, ушедшее уже далеко въ прошедшее, принимаетъ все болѣе въ послѣднее время легендарную окраску какого-то миѳическаго благосостоянія, при которомъ ими забываются даже всѣ возмутительныя стороны этого времени.

Позволю себѣ маленькое отступленіе. Судьба надолго водво-

рила меня въ Италіи, въ Тосканѣ. Поселился я тамъ весной 1860 года, какъ разъ въ началѣ медоваго мѣсяца итальянскаго единства. Я присутствовалъ при томъ энтузіазмѣ, съ которымъ происходило голосованіе о присоединеніи Тосканы къ Италіи; я видѣлъ задушевный восторгъ народонаселенія при первомъ въѣздѣ покойнаго короля Виктора-Эммануила во Флоренцію, и, невольно подчиняясь средѣ, въ которой находился, я увлекался той поэтической атмосферой умиленія и радужныхъ надеждъ, которою былъ окруженъ. Скромная, патріархально управлявшаяся Тоскана повысилась въ чинѣ, ставъ неразрывною частью юнаго итальянскаго государства. Италія перестала быть однимъ только географическимъ выраженіемъ; патріотическія мечты лучшихъ людей многихъ столѣтій осуществились, и она сдѣлалась независимымъ политически-сплоченнымъ организмомъ. Новое положеніе создало и новыя нужды, для удовлетворенія которыхъ потребовались значительныя затраты. Сначала, подъ вліяніемъ высокаго подъема всеобщаго настроенія, затраты эти встрѣчались съ сердечной готовностью; но потомъ упоеніе новой жизнью выдохлось; съ нею свыклись, и тяжесть оплаты политической независимости и политическаго значенія стала чувствительной. Прежній восторгъ замѣнился мало-по-малу недовольствомъ, и вотъ именно въ Тосканѣ пошла въ ходъ одна поговорка: „si stava meglio, quando si stava peggio“ — было лучше, когда было хуже! Не разъ въ послѣднее время въ деревнѣ, слушая сожалѣнія крестьянъ о добромъ старомъ времени, когда, по ихъ выраженію, жилось сытѣе,—приходилось мнѣ вспоминать эту тосканскую поговорку.

Въ сущности, крестьянство неправо: настоящее ухудшеніе экономическаго его положенія нисколько не есть послѣдствіе утраты прелестей крѣпостной зависимости. Съ 1865 года я ежегодно лѣтомъ пріѣзжалъ въ пензенскую губернію и всегда подолгу оставался въ тѣхъ же самыхъ имѣніяхъ, въ которыхъ нынѣ живу безвыѣздно вотъ уже одиннадцать лѣтъ. Въ 1871 году около полугода я исправлялъ должность участковаго мирового судьи и непремѣннаго члена съѣзда мировыхъ судей мокшанскаго округа и имѣлъ всегда близкія сношенія съ крестьянствомъ. Именно въ семидесятыхъ годахъ были ясные признаки повышенія крестьянскаго довольства. По осени для свадебъ и храмовыхъ праздниковъ покупалось вина несравненно болѣе, чѣмъ нынѣ; базары были не въ примѣръ шумнѣе теперешняго, и самое вѣрное доказательство улучшенія крестьянскаго благосостоянія — торговля самоварами и бараниной—шла бойко. Между тѣмъ крестьянство платило тогда болѣе, чѣмъ нынѣ. Главный и самый

тяжелый платежъ, выкупной, былъ тогда 7 р. 20 к. съ души высшаго надѣла, т.-е. съ 3$^1/_4$ десятины; нынѣ онъ пониженъ до 6 р. 20 к. Тогда была подушная подать, которая нынѣ уничтожена. Одновременно и земледѣльческія имѣнія представляли тогда совершенно другой видъ, чѣмъ теперь. Всюду ежегодно увеличивалась собственная запашка, вводилась плужная пашня —и арендная плата за землю чуть не ежегодно росла, а тѣмъ не менѣе она, эта земля, разбиралась на-расхватъ крестьянами, которые отъ такой высокой за нее платы нисколько не бѣднѣли, а напротивъ,—богатѣли. Точно также тогда эти имѣнія легко уплачивали сравнительно высокіе срочные платежи земельнымъ банкамъ, и продажа съ аукціона за невзносъ этихъ платежей случалась чрезвычайно рѣдко. Тогда самое помѣщеніе имѣнія въ спискѣ публикуемыхъ банками считалось чѣмъ-то постыднымъ и всячески избѣгалось; нынѣ съ этимъ свыклись! Улучшеніе положенія сельскаго населенія въ семидесятыхъ годахъ захватило и начало восьмидесятыхъ. Это улучшеніе было безусловно послѣдствіемъ быстрой постройки въ шестидесятыхъ годахъ нашихъ главныхъ линій желѣзныхъ дорогъ, оживившей экономическую жизнь всей страны.

Какъ ни добросовѣстны, какъ ни объективны личныя впечатлѣнія, но они не имѣютъ права на полную убѣдительность въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ улучшеніе или ухудшеніе экономическаго положенія большинства народонаселенія государства. Требуются фактическія данныя, требуются цифры, которыя всегда гораздо болѣе краснорѣчивы и убѣдительны всякихъ впечатлѣній и соображеній. Постараемся представить такія данныя. Въ шестидесятыхъ годахъ были изданы матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. По пензенской губерніи матеріалы эти были составлены подполковникомъ Сталемъ, редактированы штабсъ-капитаномъ А. Рябининымъ и напечатаны въ С.-Петербургѣ въ 1867 г., дозволены же къ печати еще 9-го марта 1866 г. генералъ-лейтенантомъ княземъ Голицынымъ. Я знакомъ близко только съ матеріалами по пензенской губерніи и не могу не заявить, что это замѣчательный трудъ по своей полнотѣ и разработкѣ. Разыскивая въ немъ указанія на экономическое положеніе сельскаго населенія въ то время, остановимся на слѣдующемъ выводѣ (стр. 10): „При бѣдности простого народа, при крайней ограниченности его потребностей, потребленіе вина есть почти единственный признакъ движенія народнаго благосостоянія, по крайней мѣрѣ измѣненій въ количествѣ заработковъ". Къ несчастію, необходимо согласиться, что

это заключеніе такъ же безусловно вѣрно нынѣ, какъ и двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Посмотримъ же на это потребленіе вина въ то время—и теперь. По пензенской губерніи, при откупной системѣ, переборъ вина противъ обязательной пропорціи былъ въ 1849 г.—13,57%, а въ 1859 г.—14,67%. Ведро выпиваемаго вина (полугара) приходилось на 0,405 чел. Далѣе (стр. 14), уже по введеніи акцизной системы, въ трехлѣтіе 1864—1866 гг., потребленіе вина на душу, при населеніи въ 1.242.795 душъ об. пола, составляло 0,98 ведра, т.-е. почти цѣлое ведро. Теперь для сравненія возьмемъ 1888-й годъ, который всѣми признанъ весьма благопріятнымъ для сельскаго населенія, вслѣдствіе хорошаго урожая, бывшаго въ томъ году. Изъ приложеній къ отчету департамента неокладныхъ сборовъ за 1888 годъ (II часть, стр. 134, таблица XXXI) мы видимъ, что потребленіе спирта на душу въ пензенской губерніи составляло, при народонаселеніи въ 1.566.000 душъ, въ 1888 г.—0,18, тогда какъ, по средней сложности за 1885, 1886 и 1887 гг., это потребленіе было 0,27. Всего же по европейской Россіи и царству польскому въ 1888 году оно было въ 0,26, а въ предъидущіе три года—0,27. Безусловно сельское населеніе меньше пьетъ теперь, чѣмъ прежде, а въ дѣйствительности еще гораздо менѣе того, что̀ оказывается по общему выводу, хотя цифрами доказать этого нельзя. Какъ ни полны, какъ ни отлично разработаны свѣденія, напечатанныя департаментомъ неокладныхъ сборовъ, но въ нихъ нѣтъ отдѣльнаго потребленія сельскимъ и городскимъ населеніемъ, да подобныя, безусловно вѣрныя данныя врядъ ли даже можно составить. Отчасти приблизительно можно вывести, что въ городахъ потребленіе вина значительнѣе, чѣмъ въ селахъ, изъ распредѣленія общаго количества мѣстъ раздробительной продажи питей. Въ 1888 г. (табл. XXX) на общее количество такихъ мѣстъ въ европейской Россіи 118.392—въ городахъ ихъ было 39.423, т.-е. около трети. Каковы же у насъ города и сколько такихъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ это названіе,—это всѣмъ извѣстно.

Расширивъ нѣсколько наши изысканія, мы изъ приведенныхъ выше матеріаловъ узнаемъ (стр. 295—301), что доходъ казны по пензенской губерніи отъ питейныхъ откуповъ былъ въ 1848 г. 1.234.436 р. 42 к.; въ 1857 г. онъ повысился до 1.343.874 р. 25¼ к. По введеніи же акцизной системы онъ еще болѣе повысился (стр. 14): въ 1864 г. онъ составлялъ 1.525.204 р. 39 к.; въ 1865 г.—1.675.272 р. 40¼ к., а въ 1866 г. нѣсколько понизился и былъ 1.521.273 р. 49¼ к. Изъ таблицы

II приложенія къ отчету департамента неокладныхъ сборовъ мы видимъ, что дѣйствительное поступленіе питейнаго дохода по пензенской губерніи за 1888 г. было 2.637.401 руб. — на 305.382 р. менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ 1887 году. Въ извлеченіяхъ изъ донесеній управляющихъ акцизными сборами въ тѣхъ же губерніяхъ мы находимъ объясненіе уменьшенія питейнаго дохода въ пензенской губерніи, а именно, на стр. 53 сказано: „уменьшеніе потребленія вина объясняется недостаточностью денежныхъ средствъ у крестьянъ, матеріальное благосостояніе которыхъ, несмотря на удовлетворительный урожай хлѣба въ отчетномъ году, не поправилось".

Мнѣ кажется, что, послѣ всего вышесказаннаго, обвиненіе крестьянства въ томъ, что оно окончательно спилось настолько, что слѣдуетъ принять противъ того мѣры, должно быть признано неподтвержденнымъ дѣйствительностью. Мнѣ кажется также, что слѣдуетъ признать, по меньшей мѣрѣ, что экономическое положеніе крестьянства нисколько не измѣнилось къ лучшему въ истекшую четверть вѣка. Но картина этого положенія, однако, была бы неполной, если мы хоть вкратцѣ не разсмотримъ, насколько это возможно, главные платежи, которые прежде лежали и нынѣ лежатъ на крестьянствѣ. Въ тѣхъ же „Матеріалахъ" видно (стр. 295—312), что по пензенской губерніи, въ 1848 г., поступило податей со всѣхъ сословій, платящихъ оныя, 1.011.889 р. 78 к.; въ 1857 году—1.058.855 р. 77 к., а въ 1866 г. окладъ податей составлялъ 1.446.197 р. 44½ к. Нынѣ окладъ, на 1891 годъ, по той же губерніи слѣдующій: выкупныхъ платежей съ крестьянъ государственныхъ—1.552.403 руб. 16 коп., помѣщичьихъ—955.577 р. 96 к.; съ крестьянъ, состоящихъ на обязательномъ выкупѣ—444 р. 60 к. Всего же выкупныхъ платежей—2.508.425 р. 72 к. Кромѣ сего, государственнаго поземельнаго налога: съ крестьянъ—220.399 р. 41 к.; съ землевладѣльцевъ—156.246 р. 30 к.; съ удѣльнаго вѣдомства—2.194 р. 72 к.; съ городскихъ земель—323 р. 15 к., и съ земель, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ другихъ уѣздовъ—96 р. 20 к. Всего же государственнаго поземельнаго налога—379.259 р. 78 к. Если же соединить выкупные платежи съ поземельнымъ налогомъ съ крестьянъ (220.399 р. 41 к.), то получится, что собственно крестьянство пензенской губерніи обложено прямымъ поступленіемъ въ государственное казначейство въ размѣрѣ 2.728.825 р. 13 к. Но распространимъ сравненіе на всю имперію. Въ № 5 Указателя правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ за 1866 г. былъ опубликованъ сводъ росписи

государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1866 годъ. Въ этомъ сводѣ валовой доходъ, ожидаемый въ 1866 году по рубрикѣ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, былъ исчисленъ въ 349.680.816 р. 90¼ к., а за вычетомъ издержекъ взиманія въ 41.592.193 р. 4¼ к., чистый доходъ ожидался въ размѣрѣ 308.088.623 р. 86 к. По смѣтѣ на 1891 годъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ предполагалось 897.198.944 р.

Несомнѣнно, въ истекшее двадцатипятилѣтіе поступленія въ государственное казначейство значительно возросли; несомнѣнно также, что денежное обращеніе въ нашемъ отечествѣ значительно увеличилось; но этотъ ростъ, это увеличеніе прошли, такъ сказать, надъ головой крестьянства, не коснувшись его нисколько, и въ главныхъ способахъ удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей, въ главныхъ чертахъ самой своей жизни, оно осталось не только такимъ, какимъ было двадцать пять лѣтъ тому назадъ, но даже отступило. Замѣчательно, что въ нашемъ искони земледѣльческомъ отечествѣ, занявшемъ въ послѣднее время чуть не первое мѣсто на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, если улучшеніе быта крестьянскаго сословія иногда и встрѣчается, то какъ разъ не въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это сословіе занимается исключительно однимъ земледѣліемъ. Между тѣмъ общій складъ жизни въ Россіи, наблюдаемый при быстромъ по ней переѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ, или при посѣщеніи главныхъ ея городовъ, неузнаваемо измѣнился въ послѣднюю четверть вѣка. Онъ безспорно повысился и улучшился. Безспорно также, что это повышеніе и улучшеніе представляетъ собою значительное увеличеніе народнаго богатства, народнаго капитала; но зато неизмѣнность склада жизни численно громаднаго сельскаго населенія представляетъ собою, значитъ, отсутствіе увеличенія какъ народнаго богатства, такъ и народнаго капитала. А между тѣмъ уже давно общественное мнѣніе съ замѣчательнымъ постоянствомъ высказываетъ серьезную заботливость о русскомъ, „сѣромъ“ крестьянинѣ. Правда, заботливость такая высказывается весьма различно. Группируя воззрѣнія, мы увидимъ въ главныхъ чертахъ, что одни требуютъ чистой, постоянной филантропіи, другіе—крѣпкой, постоянной опеки. Каковы бы ни были рекомендуемыя средства, цѣль, конечно, одинакова: поднять нравственный и экономическій уровень крестьянства. Но достигнута ли она? Нисколько. Многое изъ того, что рекомендовалось общественнымъ мнѣніемъ, осуществилось уже, а экономическое положеніе крестьянства не только не улучшилось, а ухудшилось. Мы всѣ желаемъ добра русскому крестьянину, а въ сущности смотримъ на него какъ на представителя сословія,

имѣющаго обязательный обликъ, обязательный характеръ, и все это такъ и быть должно. Насъ нисколько не поражаетъ девяти или восьми-аршинная изба (бываетъ и меньше) съ заключающейся въ ней не только семьей, но и скотиной, принадлежащей этой семьѣ. Насъ нисколько не удивляетъ та пища, которой обыкновенно живетъ и довольствуется эта семья; напротивъ, при случаѣ мы очень склонны даже хвастаться „выносливостью“ русскаго крестьянина. Мы считаемъ ужаснымъ, когда крестьянство голодаетъ, когда у него вовсе нѣтъ хлѣба; а намъ и въ голову не приходитъ подумать, какова жизнь, когда обычно приходится жить чуть не однимъ чернымъ хлѣбомъ. Въ № 27, отъ 8-го (20-го) іюля 1890 г., „Вѣстника финансовъ, промышленности и торговли“, въ статьѣ: „Установленіе дополнительнаго акциза съ рафинированнаго сахара“—указывается, что душевое потребленіе сахара въ Россіи, за трехлѣтіе 1887—1889 гг., было —7,7 фунта на душу. Изъ приведенной же затѣмъ таблицы душевого потребленія сахара въ другихъ европейскихъ государствахъ, только въ одной Турціи мы видимъ такое потребленіе въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ у насъ, а именно 5,28 фунта,—тогда какъ, напримѣръ, въ Швеціи и Норвегіи, по климатическимъ условіямъ близко къ намъ подходящимъ, потребленіе сахара почти въ три раза превышаетъ наше, а именно 21,25 фунта. Въ вышеупомянутой статьѣ (стр. 60) приходятъ отсюда къ такому заключенію: „несмотря на невысокую продажную цѣну сахара, онъ до настоящаго времени является у насъ предметомъ потребленія по преимуществу лишь болѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, а потому умѣренное возвышеніе на него налога, еслибы оно даже и могло повлечь за собою нѣкоторое его вздорожаніе, не составитъ обремененія для бѣднѣйшей части населенія, для которой сахаръ останется, какъ и нынѣ, скорѣе предметомъ роскоши, нежели необходимости“!

Нельзя не согласиться съ такимъ заключеніемъ „Вѣстника Финансовъ“. Дѣйствительно, чаепитіе—это рѣдкая роскошь для сельскаго населенія при настоящемъ его экономическомъ положеніи; но, мнѣ кажется, пожелать, чтобы эта роскошь сдѣлалась обычной для нашего крестьянства, не только можно, но и должно. Мнѣ, вѣроятно, замѣтятъ, что высказанное мною пожеланіе—это своего рода открытіе давно открытой Америки. Попытка развить чаепитіе въ крестьянствѣ—дѣло давнишнее; доказательствомъ тому служитъ поощреніе, уже много лѣтъ оказываемое правительствомъ распространенію чайныхъ лавокъ въ деревняхъ. Значитъ, виновато тутъ одно упорство крестьянства, если до сихъ поръ, вопреки принятымъ

мѣрамъ, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, сахаръ, этотъ обязательный спутникъ чаепитія, остался, остается и будетъ оставаться скорѣе предметомъ роскоши, чѣмъ необходимости, для большинства русскаго народонаселенія. Но, разумѣется, ни о какомъ упорствѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ, а весь вопросъ—въ благосостояніи крестьянства. О немъ, какъ я уже упоминалъ, многіе и много заботятся, однако оно не увеличивается и не повышается. Мнѣ кажется, главная причина безуспѣшности этой заботливости—неправильная ея постановка. Никто не споритъ, что для поощренія фабричной промышленности единственное средство — обезпеченіе извѣстнаго уровня продажныхъ цѣнъ ея произведеній. Спорятъ о самой необходимости такого поощренія, наконецъ, о размѣрѣ этого поощренія,—но разъ дѣло идетъ о необходимости поощренія сельско-хозяйственной промышленности, вопросъ о первостепенной для нея важности продажныхъ цѣнъ ея произведеній совершенно стушевывается, самая мысль о необходимости прежде всего и болѣе всего озаботиться объ улучшеніи сбыта этихъ произведеній устраняется, и въ самомъ занимающемся сельско-хозяйственной промышленностью сельскомъ населеніи ищется корень и начало того зла, которое всецѣло и единственно зависитъ отъ упадка цѣнъ на произведенія этой промышленности. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что при этомъ упускается изъ виду одна очень важная особенность нашего сельскаго населенія: фабрикантъ, напримѣръ, не удовлетворенный выгодами предпринятаго имъ дѣла, можетъ прекратить его и обратить свой трудъ и капиталъ на другое занятіе, тогда какъ громадное русское сельское населеніе, такъ сказать, прикрѣплено къ землѣ и не можетъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ замѣнить сдѣлавшееся убыточнымъ ему земледѣліе чѣмъ-либо другимъ. Очень понятно и даже крайне симпатично, что, въ виду бѣдственнаго положенія сельскаго населенія, общественное мнѣніе стремится заняться имъ самимъ, внѣ всякой связи его съ землей. Предлагаемыя въ этомъ смыслѣ мѣры весьма полезны и даже желательны. Спеціальныя да и всякія школы, спеціальныя да и всякія кредитныя учрежденія, разумѣется, полезны. Наконецъ, хорошіе чиновники, призванные руководить крестьянствомъ какъ въ общей, такъ и въ земледѣльческой его жизни, также, пожалуй, полезны; но всѣ такого рода учрежденія ни на одну копѣйку въ пудѣ не повысятъ стоимости зерна, производимаго крестьянствомъ, а несомнѣнно составятъ еще расходъ и значительный расходъ, который въ концѣ концовъ такъ или иначе ляжетъ на большинство русскаго народонаселенія. Большинство же это—то же сельское на-

селеніе. Если настоящія условія сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній останутся безъ измѣненій,—всякое даже малѣйшее увеличеніе тяготы, лежащей уже надъ сельскимъ населеніемъ, будетъ для него весьма чувствительно; если же эти условія не только улучшатся, но это улучшеніе упрочится, то устранится тѣмъ самымъ и надобность общихъ и спеціальныхъ для сельскаго населенія расходовъ. Во всякомъ случаѣ при изысканіи и обсужденіи мѣръ, имѣющихъ цѣлью благосостояніе сельскаго населенія, невозможно отдѣлять его отъ земли, съ которой это населеніе неразрывно связано, и отъ которой одной оно получаетъ и можетъ только получить главное и единственно существенное основаніе своей жизни и своего благосостоянія. Сама же по себѣ эта земля, внѣ зависимости отъ прежнихъ цѣнъ на ея продукты, можетъ имѣть значеніе только въ видѣ непосредственнаго доставленія пропитанія обработывающему ее населенію. Разъ отъ нея требуется, помимо сего, еще выручка необходимыхъ средствъ для оплаты нуждъ хотя бы самаго незатѣйливаго образа жизни и для оплаты даже сравнительно ничтожныхъ повинностей, лежащихъ на ней, то эта земля должна подчиниться общимъ законамъ всякой промышленности, т.-е. оплаты своими произведеніями необходимаго для ихъ добычи труда и капитала. Если произведенія какой бы то ни было промышленности не оплачиваютъ потраченныхъ для ихъ добыванія труда и капитала въ томъ или другомъ размѣрѣ, то пропорціонально тому и трудъ отклоняется отъ этой промышленности, и вложенный въ нее капиталъ уменьшается. Мы и видимъ, что дѣйствительно сельское населеніе бѣжитъ отъ земли, сама же земля дешевѣетъ.

III.

Землевладѣніе у насъ не одно только крестьянское, и сельское населеніе не ограничивается однимъ крестьянствомъ. Другая его часть—пока еще въ большинствѣ—дворянство. Благосостояніе этой части землевладѣнія, точно также какъ и крестьянства, зависитъ всецѣло отъ земли, и, разумѣется, въ послѣднее время отъ паденія цѣнъ на произведенія этой земли оно было въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ потрясено. Общественное мнѣніе уже давно занимается также и экономическимъ положеніемъ дворянства, и точно также какъ въ своей заботливости о крестьянствѣ оно, выдѣляя дворянство отъ земли, ищетъ въ немъ самомъ главную причину того упадка благосостоянія, которому оно нынѣ безспорно под-

вержено. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ обсужденіяхъ очень часто выяснялся какой-то антагонизмъ, будто бы существующій между главными раздѣлами русскаго сельскаго населенія, т.-е. между дворянствомъ и крестьянствомъ. Дѣйствительно, съ перваго взгляда противоположность интересовъ существуетъ. Дворянину-землевладѣльцу нужны рабочіе для обработки извѣстной площади земли, которую онъ самъ лично обработать не въ силахъ. Такихъ рабочихъ доставляетъ крестьянство, и, очень понятно, чѣмъ болѣе оно бѣдствуетъ, тѣмъ легче, тѣмъ, главное, дешевле получаются рабочіе. Это вполнѣ вѣрно, но необходимо принять въ соображеніе, что у насъ крестьянство не есть только земледѣльческое рабочее сословіе; оно состоитъ изъ болѣе или менѣе мелкихъ собственниковъ, до нѣкоторой степени обезпеченныхъ въ своемъ существованіи. Все это придаетъ у насъ особый характеръ земледѣльческому труду и порождаетъ особыя экономическія отношенія въ примѣненіи этого труда, особенно при настоящей бездоходности сельско-хозяйственной промышленности. Положимъ, кто себѣ врагъ: отчего не взять дороже за землю; отчего не отдать ее исполу съ крайне выгоднымъ для землевладѣльца приработкомъ; наконецъ, еще лучше, отчего не обработать всю свою землю, согласно научнымъ указаніямъ, благо это можно исполнить дешево—и ничего не давать сосѣду-крестьянину? Но дѣло въ томъ, что веденіе сельскаго хозяйства не зависитъ только отъ воли владѣльца, а неминуемо должно подчиняться мѣстнымъ условіямъ, если оно составляетъ насущную потребность занимающагося имъ. Притомъ, мѣстныя условія земледѣльческаго труда всецѣло зависятъ отъ общихъ, въ которыя поставлена сельско-хозяйственная промышленность. Я уже упоминалъ о бывшей въ семидесятыхъ годахъ высокой арендной платѣ за землю; если гг. землевладѣльцы уменьшили ее и даже перестали отдавать землю за деньги, то это нисколько не по собственной волѣ и не изъ какихъ-либо филантропическихъ или другихъ цѣлей, а единственно потому, что по общему ходу дѣла она, эта высокая рента, стала невозможной. Очень можетъ быть, что гдѣ-нибудь, при разнообразныхъ условіяхъ землевладѣнія въ Россіи, крестьянство эксплуатируется, но въ общемъ необходимо признать, что между дворянствомъ и крестьянствомъ существуетъ полная солидарность интересовъ, исключающая возможность какого-либо антагонизма.

Тотъ или другой взглядъ на дворянство, составляющее видную часть русскаго сельскаго населенія, далеко не безразличенъ для правильнаго уясненія экономическаго положенія всего этого населенія. Не въ одниxъ только экономическихъ отноше-

ніяхъ, установившихся между дворянствомъ и крестьянствомъ, принято видѣть противоположность интересовъ; на то же самое многіе указываютъ—между дворянствомъ и земствомъ. Эта противоположность признается какъ тѣми, которые убѣждены, что дворянство, какъ сословіе, въ послѣднее время выказало свою полную несостоятельность, такъ и тѣми, которые выставляютъ государственную важность помѣстнаго дворянства и настаиваютъ на необходимости особыхъ мѣръ для поддержки его. Всего замѣчательнѣе, что многіе въ средѣ самого дворянства глубоко убѣждены въ антагонизмѣ, существующемъ между нимъ и земствомъ. Земство недавно праздновало или могло праздновать двадцатипятилѣтіе своего существованія; дѣятельность его была всегда видимой и открытой; однако, только недавно, вслѣдствіе опубликованія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ статистическихъ данныхъ, выяснился давно извѣстный всѣмъ провинціальнымъ жителямъ фактъ, что составъ губернскихъ земскихъ собраній почти исключительно дворянскій всюду, гдѣ только дворянство еще сохранилось. Въ уѣздныхъ же собраніяхъ хотя количественно дворянство не является съ такимъ подавляющимъ большинствомъ, какъ въ губернскихъ, но въ немъ, въ дворянствѣ, и тамъ, съ самаго начала и до сихъ поръ, сосредоточивалось руководительство земства. Именно, въ земствѣ дворянство доказало нѣкоторую свою состоятельность, какъ сословія, и точно также показало, что оно, при тѣхъ условіяхъ, которыя были даны земскимъ положеніемъ, не нуждалось ни въ какой исключительной поддержкѣ, чтобы не только служить мѣстнымъ интересамъ, но и руководить ихъ удовлетвореніемъ. Въ сущности мѣсто, занимаемое дворянствомъ въ земствѣ, не имѣетъ прямого, непосредственнаго отношенія къ положенію сельскаго населенія, но противопоставленіе этихъ двухъ формъ мѣстныхъ интересовъ имѣетъ очень важное значеніе, такъ какъ на немъ основаны требованія, предъявляемыя въ обществѣ какъ къ земству, такъ и къ дворянству. Прежде чѣмъ говорить объ этихъ требованіяхъ, нельзя не замѣтить, что выдѣленіе дворянства изъ земства и особенно противопоставленіе одного другому можетъ относиться только развѣ къ близкому будущему; до послѣдняго же времени, когда дворянство всюду, гдѣ оно есть, вело земское дѣло и руководило имъ, говорить объ этомъ, полагаю, излишне. Очень можетъ быть, что, подобно крестьянству, дворянство окончательно разорится и утратитъ ту связь съ землей, безъ которой немыслима какая-либо дѣятельность на пользу мѣстныхъ интересовъ,—вотъ тогда только придетъ время смотрѣть на земство какъ на что-то особенное; но и тогда противоположности его съ дворян-

ствомъ не будетъ по той простой причинѣ, что оно, дворянство, исчезнетъ. При разнообразіи мѣстныхъ условій, существующихъ у насъ, исчезновеніе это, болѣе чѣмъ вѣроятно, произойдетъ не сразу и не повсемѣстно.

Вообще всѣ требуютъ отъ земства попеченія о благосостояніи того народонаселенія, котораго оно служитъ представителемъ. Въ нашей, по преимуществу земледѣльческой, странѣ, разумѣется, большинство народонаселенія—сельское; слѣдовательно, о немъ и слѣдуетъ заботиться земству тѣмъ болѣе, что городское населеніе имѣетъ свое особое хозяйство, представители котораго входятъ, впрочемъ, въ общій составъ земства. Требованіе вполнѣ законное, какъ бы различны ни были взгляды на способы осуществленія намѣченной цѣли. Какъ тѣ, которые стремятся къ независимости земскихъ учрежденій, такъ и тѣ, которые желаютъ сдѣлать изъ нихъ подчиненные, исполнительные органы центральной власти, въ сущности стремятся къ одной и той же цѣли, къ повышенію и упроченію благосостоянія народонаселенія. Земство, руководимое до сихъ поръ дворянствомъ, сдѣлало, безспорно, очень много для удовлетворенія мѣстныхъ интересовъ и сдѣлало это дешево. Я бы могъ представить въ подтвержденіе цифровыя данныя, но ихъ въ этой статьѣ ужъ и безъ того много. Если въ послѣднее время земство какъ будто пріостановилось въ развитіи своей дѣятельности, то единственно за недостаткомъ средствъ; а не одна мѣра — я разумѣю дѣйствительныя мѣры—на пользу народонаселенія не обходится безъ соотвѣтствующаго расхода. По всѣмъ свѣденіямъ, доставляемымъ мѣстными корреспонденціями въ газетахъ, видно одно, что всюду земство богато только недоимками. Какимъ образомъ при такомъ положеніи можетъ земство затрачивать что-либо для осуществленія той или другой мѣры, могущей содѣйствовать благосостоянію народонаселенія, когда оно не въ силахъ справиться съ существующей скромной смѣтой своихъ расходовъ? Не разъ въ печати приходится читать предложенія всякихъ мѣропріятій противъ недоимщиковъ. Не проходитъ ни одного земскаго собранія, чтобы вопросъ о недоимкахъ не обсуждался, а онѣ все растутъ тѣмъ не менѣе. Какъ разъ въ то время, какъ я писалъ, мнѣ попался счетъ недоимокъ по одному сельскому обществу нашего уѣзда; привожу его, такъ какъ онъ весьма типиченъ. Къ 1-му января 1891 г. по александровскому сельскому обществу, состоящему изъ 154 душъ, числилось недоимки выкупныхъ платежей 65 р. 42 к.; земскаго сбора—18 р. 78 к., и страхового сбора—433 р. 35 коп.; недоимка страхового сбора не въ одной только пен-

зенской губерніи составляетъ весьма крупную цифру. Земское страхованіе—дѣло мало извѣстное, и потому необходимо разъяснить, что оно дѣлится на обязательное и добровольное. Первое установлено исключительно для крестьянства, и сборъ по немъ производится вмѣстѣ со взысканіемъ всѣхъ прочихъ лежащихъ на этомъ сословіи повинностей; сборъ по второму, какъ и во всѣхъ страховыхъ обществахъ, взимается при совершеніи акта страхованія. Очень понятно, что вслѣдствіе того недоимка можетъ быть только по обязательному страхованію. Позволю себѣ привести нѣсколько цифръ этой недоимки по пензенской и нѣкоторымъ сосѣднимъ съ ней губерніямъ. Къ 1-му января 1889 г. недоимки страховыхъ платежей по обязательному страхованію было: по пензенской губерніи—437.362 р. 11 коп. [1]); къ 1-му января 1890 г. она была—435.593 р. 59 к. По тамбовской губ. къ 1-му января 1888 г. недоимки было — 724.356 р. 76 к.; къ 1-му января 1889 г. ея было—728.085 р. 23 коп. По рязанской губерніи къ 1-му марта 1889 г. недоимки было — 232.053 р. 54 к.; къ 1-му марта 1890 г. ея было 241.742 р. 24 к.; по нижегородской губерніи къ 1-му января 1889 г. страховой недоимки было—662.956 р. 25 к.; къ 1-му января 1890 г. ея состояло—761.270 р. 65½ коп.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ видно, что только по рязанской губерніи эта недоимка сравнительно невелика, что̀ объясняется близостью этой губерніи къ такому крупному центру сбыта и потребленія, какъ Москва, и вслѣдствіе сего болѣе высокимъ уровнемъ благосостоянія сельскаго населенія. Относительно пензенской губерніи незначительное уменьшеніе недоимки въ продолженіе 1889 г. скорѣе явленіе случайное, которое уже никакъ не можетъ быть объяснено улучшеніемъ благосостоянія мѣстнаго населенія. Безспорно, земское страхованіе, при нашихъ частыхъ, сплошныхъ деревенскихъ пожарахъ, имѣетъ крайне важное, существенное значеніе; но можетъ ли оно быть ведено какъ слѣдуетъ при такой значительной недоимкѣ? Наконецъ, позволю себѣ еще вопросъ: а можетъ ли не существовать такая недоимка страховыхъ сборовъ при настоящемъ уровнѣ благосостоянія сельскаго населенія? При разрѣшеніи этого вопроса необходимо будетъ принять еще въ соображеніе недоимку общаго земскаго сбора, которая почти всюду составляетъ около годового оклада. Можетъ ли земство или кто бы то ни было на его мѣстѣ вести успѣшно дѣло при

---

[1]) По мокшанскому уѣзду недоимка страхового сбора къ 1-му января 1889 г. составляла 41.215 р. 81¼ коп. Къ 1-му января 1890 г. ея числилось 40.095 р. 70½ к.

такихъ условіяхъ и даже расширять свои расходы, хотя бы съ цѣлью принести мѣстному населенію несомнѣнную пользу? Наконецъ, самая польза, ожидаемая при этомъ, является весьма сомнительной, такъ какъ всякая мѣра, предлагаемая для даннаго населенія, требуетъ въ свою очередь извѣстной возможности въ этомъ населеніи ею воспользоваться; иначе она не достигнетъ своей цѣли. Возьмемъ для примѣра двѣ изъ многихъ тѣхъ мѣръ, которыя рекомендуются земству, а именно: устройство складовъ улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій для продажи ихъ крестьянству и раздача ему же земствомъ производителей для улучшенія крестьянскаго скота,—разумѣется, съ уплатой за нихъ тѣмъ или другимъ способомъ. Обѣ эти мѣры не требуютъ особыхъ, значительныхъ затратъ и обѣ безусловно полезны. Лучшая пàхота, лучшая обработка полей, безспорно, настоятельно необходимы, такъ какъ отъ плохой обработки урожайность полей значительно понизилась въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ въ послѣднее время; но всякое улучшенное орудіе, помимо большихъ затратъ на его пріобрѣтеніе, требуетъ и большей силы для приведенія его въ дѣйствіе. Крестьянская лошадь вообще слабосильна; теперь же, послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ лѣтъ, она еще болѣе обезсилена и по веснѣ, какъ ее ни заправляютъ передъ пàхотой, едва двигаетъ привычную соху. Наконецъ, въ послѣднее время количество лошадей въ крестьянствѣ значительно уменьшилось; кто же при такихъ условіяхъ воспользуется земскими плужками, боронами и проч.? Разумѣется, тѣ, которые и безъ пособія земства могли бы ихъ пріобрѣсти. Для улучшенія скотоводства главное—это хорошее содержаніе скота, особенно въ молодомъ, подростающемъ его возрастѣ; иначе полученная отъ скрещиванія съ хорошимъ производителемъ породистость быстро исчезаетъ. А какъ содержатся, напримѣръ, коровы въ крестьянствѣ зимой, даже и не въ такіе голодные годы, какъ настоящій, полагаю—всѣмъ извѣстно. Эти же самыя коровы, поставленныя въ хорошія условія содержанія, дадутъ прекрасные результаты относительно молочности; но и при скудномъ настоящемъ кормѣ онѣ удовлетворяютъ требованіямъ крестьянской семьи. Введеніемъ культурной крови въ эту породу, выработанную нуждой, пожалуй, можно только уменьшить ея выносливость и безпритязательность. Возможно ли при такихъ условіяхъ возлагать основательныя надежды на заботливость земства по улучшенію полеводства и скотоводства? Мнѣ кажется, — нѣтъ. Даже напротивъ,—если земство, повинуясь научнымъ указаніямъ, станетъ дѣятельно заботиться объ улучшеніи быта сельскаго населенія тамъ, гдѣ нужда такого улучшенія всего болѣе настоятельна, то

оно только затратитъ непроизводительно земскія средства. Если же общія условія жизни сельскаго населенія измѣнятся къ лучшему,—тогда это населеніе и само съумѣетъ ими воспользоваться безъ всякой посторонней помощи.

Многіе ожидаютъ улучшенія земскаго хозяйства отъ пріуроченія земства къ общимъ мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ. Если этимъ путемъ устранятся финансовыя затрудненія, гнетущія земство нынѣ настолько, что можно только удивляться, какъ оно до сихъ поръ справляется съ своей скромной дѣятельностью,—то такому пріуроченію можно было бы только радоваться. Уже давно говорится объ усиленіи значенія высшаго представителя центральной власти въ провинціи, и, пожалуй, въ извѣстныхъ случаяхъ нѣкоторая доля такой самостоятельности необходима. Выше мною было упомянуто, что ходатайства сельскихъ обществъ объ отсрочкѣ взысканія казенныхъ сборовъ должны восходить на соглашеніе гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и иначе удовлетворены быть не могутъ. Было бы, конечно, желательнѣе, чтобы такого рода ходатайства могли быть разрѣшаемы на мѣстѣ начальникомъ губерніи. Въ сущности всякія такого рода соглашенія гг. министровъ основаны на заключеніи главнаго мѣстнаго довѣреннаго центральной власти, и предоставленіе этому довѣренному лицу права удовлетворять настоятельныя мѣстныя нужды было бы только устраненіемъ излишней переписки. Мѣстныя нужды очень часто дѣйствительно не терпятъ замедленія. Позволю себѣ привести въ томъ убѣдительное, полагаю, доказательство. Въ августѣ 1890 г. собраніе общества сельскаго хозяйства юго-восточной Россіи въ г. Пензѣ, вслѣдствіе выяснившагося уже тогда неурожая, ходатайствовало передъ правительствомъ о разрѣшеніи обществу на основаніи Высочайше утвержденнаго 30-го марта 1888 г. положенія о товарныхъ складахъ открыть складъ для ссыпки зерна и о выдачѣ изъ государственнаго банка (т.-е. пензенскаго его отдѣленія) ссудъ подъ ссыпанный хлѣбъ; складъ предполагался крайне скромный и дешевый, безъ всякаго обезличенія и классификаціи зерна; никакой тѣни элеватора, а просто амбаръ съ отдѣльными сусѣками для ссыпки зерна. Было приговорено въ городѣ подходящее, удобное помѣщеніе; избраны лица, согласившіяся вѣдать предположенный складъ, и затѣмъ ожидалось съ нетерпѣніемъ разрѣшеніе на его открытіе. Г-нъ губернаторъ отнесся тепло къ нуждамъ землевладѣнія; принялъ участіе въ собраніяхъ общества, въ коихъ обсуждался предположенный складъ и съ своей стороны поддержалъ ходатайство общества и письменно, и по телеграфу. Въ октябрѣ получено было изъ Петер-

бурга извѣщеніе, что сельско-хозяйственныя общества не состоять въ числѣ учрежденій, которымъ законъ предоставляетъ право открывать склады, а потому слѣдуетъ—предварительно ходатайствовать о включеніи ихъ. Тотчасъ было собрано общество, сдѣлано соотвѣтствующее постановленіе и немедленно отправлено куда слѣдуетъ. До начала мая мѣсяца 1891 г. никакого отвѣта не послѣдовало, а между тѣмъ истекшей зимой скудный землевладѣльческій урожай былъ проданъ maximum по 50 копѣекъ за пудъ ржи, а то и дешевле; нынѣ же, въ маѣ мѣсяцѣ, на базарахъ въ сѣверныхъ уѣздахъ цѣна ржаной муки доходила почти до рубля и выше за пудъ. Базарныя цѣны доказываютъ только временную нужду и всегда представляютъ нѣкоторую разницу съ такъ-называемыми партіонными цѣнами. Одинъ пензенскій купецъ, даже и не хлѣботорговецъ, скупилъ пятьдесятъ тысячъ пудовъ ржи и продалъ изъ нихъ десять тысячъ по 65 к. за пудъ; а въ концѣ апрѣля сего года — остальныя сорокъ тысячъ по *семидесяти* копѣекъ за пудъ, въ обоихъ случаяхъ хлѣботорговцамъ. Въ концѣ того же апрѣля одинъ землевладѣлецъ-дворянинъ, имѣніе котораго не заложено, продалъ на мѣстѣ въ имѣніи пензенскаго уѣзда въ 30 верстахъ отъ станціи желѣзной дороги десять тысячъ пудовъ ржи по 62 коп. за пудъ также хлѣботорговцу. Вообще можно безошибочно сказать, что отсутствіе склада и вынужденная продажа ржи принесли землевладѣнію убытка по крайней мѣрѣ пятнадцать копѣекъ на пудъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣроятно, что существованіе на складѣ значительнаго запаса не допустило бы такихъ высокихъ базарныхъ цѣнъ на ржаную муку, какія мы нынѣ видимъ. Мнѣ кажется, было бы безусловно желательно, чтобы гг. губернаторы имѣли право разрѣшать такія безспорно полезныя учрежденія, какъ то, о которомъ ходатайствовало общество сельскаго хозяйства юго-восточной Россіи. Приходится часто читать въ нѣкоторыхъ газетахъ, что для авторитета губернаторской власти требуется подчиненіе ей всего провинціальнаго чиновничества. Очень можетъ быть, что для успѣшнаго, административнаго дѣлопроизводства въ вопросахъ, не требующихъ никакого независимаго мнѣнія, а только исполненія приказанія, подчиненіе необходимо; но какъ бы многочисленно ни было чиновничество въ данной мѣстности, оно все же составляетъ меньшинство и даже ничтожное меньшинство сравнительно съ прочимъ народонаселеніемъ. Для сего же послѣдняго авторитетъ губернаторской власти, мнѣ кажется, прямо пропорціоналенъ только той пользѣ, которую она можетъ ему оказывать.

Мы видѣли, что общія причины имѣютъ одинаковыя послѣдствія какъ для крестьянства, такъ и для дворянства; мы видѣли также, что въ земствѣ отражается благосостояніе всего землевладѣнія; постараемся теперь вникнуть въ экономическое положеніе дворянства. Это положеніе въ нашей губерніи, какъ я уже упоминалъ, было также сильно потрясено неурожаемъ прошлаго 1890 г. Еще въ концѣ лѣта, когда выказался этотъ неурожай, заемщики дворянскаго банка обратились къ нему съ прошеніями объ отсрочкѣ слѣдующихъ съ нихъ срочныхъ платежей на основаніи 71-72 статей устава этого банка, указывающихъ на возможность таковой отсрочки вслѣдствіе полнаго неурожая. Согласно тому же уставу былъ произведенъ мѣстнымъ отдѣленіемъ осмотръ имѣній просителей, и въ большей или меньшей степени у всѣхъ неурожай подтвердился. Совѣтъ банка отказалъ однако всѣмъ просившимъ безъ исключенія. Дѣйствительно, полнаго неурожая, при которомъ рѣшительно ни единаго зерна какого-либо хлѣба не родилось, не было; слѣдовательно, нельзя не признать, что отказъ совѣта дворянскаго банка былъ строго законный. Притомъ, необходимо прибавить, что послѣ такой крупной милости, оказанной Государемъ Императоромъ еще такъ недавно, всего въ октябрѣ 1889 г., заемщикамъ дворянскаго банка, просьбы о новыхъ льготахъ были очевидной неловкостью съ ихъ стороны. Правда, положеніе заемщиковъ, вслѣдствіе неурожая, было безвыходное, и одна только нужда заставила ихъ отстранить всякую совѣстливость. Притомъ, всѣ были убѣждены, что просимая льгота была предусмотрѣна уставомъ, и что основаніе ея было вполнѣ законное; это успокоивало совѣсть, и вслѣдствіе сего въ средѣ получившихъ отказъ было полное неудовольствіе совѣтомъ банка. Кромѣ того, были и прежде недовольны тѣмъ же банкомъ многіе изъ мѣстнаго дворянства, имѣвшіе съ нимъ дѣло по примѣненію Высочайше утвержденнаго 12-го іюля 1890 г. мнѣнія государственнаго совѣта о выдачѣ ссудъ подъ вторыя закладныя на имѣнія, заложенныя въ бывшемъ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Такія ссуды испрашивались исключительно для погашенія существующихъ частныхъ вторыхъ закладныхъ, оплачиваемыхъ большею частью весьма высокимъ процентомъ, и онѣ совѣтомъ дворянскаго банка, послѣ долгихъ хлопотъ, также большею частью разрѣшались въ меньшемъ противъ необходимаго для уплаты частной закладной размѣрѣ, вслѣдствіе чего отъ нихъ приходилось отказываться и законъ 12-го іюля 1890 г. оставался такимъ образомъ мертвой буквой. Вполнѣ понятно разочарованіе и недовольство лицъ, надѣявшихся отдѣлаться отъ тяжелыхъ, разорительныхъ частныхъ

закладныхъ особенно въ неурожайный годъ
были первыя публикаціи о продажѣ дворян
женныхъ въ немъ имѣній за невзносъ слѣду
ныхъ платежей, затѣмъ обычныя повторе
губерніи продано было всего только одно имѣ
десятинъ (чембарскаго уѣзда). Что же это док
это, что неурожай, вынудившій для продов
пензенской губерніи восьмисотъ-тысячную с
рянскихъ полей, или дворяне-землевладѣльц
мельной собственности достаточныя сбереж
бороться безъ всякой посторонней помощи
какъ неурожаи? Не подлежитъ однако ник
неурожай былъ общій, а также и то, что у
торыхъ заложены, никакихъ сбереженій и к
не менѣе, срочные платежи были заплачены
сельскаго населенія сложилось уже давно
облегченіе во взысканіи слѣдующихъ съ н
только къ накопленію недоимокъ; необходи
надлежащую строгость—и взысканіе пойдет
деніе не вполнѣ однако подтверждается дѣй
нѣкоторыя взысканія производятся удовлетвор
какъ мы видѣли относительно такого важна
вой,—далеко не представляются удовлетвори
шенно вѣрно; но еслибы сельско-хозяйстве
была настолько убыточна, какъ это говор
населеніе было совершенно разорено, то ни
не помогли бы, и въ данномъ случаѣ по п
было бы продано только одно ничтожное им
ясняется очень просто: частные займы и пр
всего, что только можетъ быть продано изъ
ручаютъ его и тѣмъ даютъ кажущееся доказ
ной способности. Возможность уплаты требуе
не только продажей имѣющагося зерна въ т
продавать не слѣдуетъ, а запродажей посѣ
такіе проценты, какъ пять и даже болѣе въ м
что потому ростовщичество и кулачество вся
роскошно развилось среди всего сельскаго на
время. Въ деревнѣ мечтаютъ, что будутъ
мѣры противъ этого общественнаго недуга—
всякаго больного, пытающагося устранить на
изъ его страданій, когда они—только послѣ
болѣзни. Кулачество и ростовщичество—послѣ

Они развиваются и могутъ успѣшно развиваться только тамъ, гдѣ правильныя основанія кредита, вслѣдствіе его рискованности, утрачены. Несомнѣнно, отсутствіе правильнаго или даже доступнаго кредита, а также затрудненія въ сбытѣ произведеній содѣйствуютъ развитію кулачества и ростовщичества, и именно настолько, насколько это развитіе вызывается рискомъ и нуждой. Ожидать, что можно прекратить эти явленія, тогда какъ вызвавшія ихъ къ жизни причины остаются въ силѣ, это—самообольщеніе. Нужда и эксплуатирующая ее алчность всегда найдутъ возможность обойти всякое затрудненіе, и ростовщическій кредитъ станетъ тогда тѣмъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ болѣе онъ будетъ затрудненъ, т.-е. чѣмъ болѣе онъ будетъ рискованнымъ.

Крестьянство страдаетъ очень часто отъ продажи озимей, совершаемой большею частью осенью; крупное землевладѣніе, скажемъ —дворянство, менѣе этому подвержено, благодаря нѣкоторому оживленію, внесенному въ хлѣбную торговлю нашей губерніи появившимися у насъ евреями. Лѣтъ семь, если не ошибаюсь, тому назадъ, лѣтомъ прибыло къ намъ нѣсколько человѣкъ евреевъ, которые стали покупать сурепку за счетъ различныхъ, преимущественно заграничныхъ домовъ. Покупка производилась, большею частью, по опредѣленной цѣнѣ всего того, что̀ дастъ заявленное землевладѣльцемъ количество десятинъ, съ выдачей ему покупателемъ задатка отъ 20 до 30 рублей на десятину. Съ тѣхъ поръ сдѣлки такого рода стали повторяться ежегодно и распространились также на другіе хлѣба. Полученіе сравнительно крупнаго задатка землевладѣльцемъ въ такое время, когда у него усиленные расходы, а выручекъ нѣтъ, оказалось истинно благодѣяніемъ. Прежнія условія запродажъ урожаевъ были несравненно тягостнѣе. Сдѣлки съ евреями, помимо освобожденія землевладѣнія отъ мѣстныхъ торговцевъ, имѣли еще ту выгоду, что онѣ поставили хлѣбную вообще торговлю на болѣе раціональныя основанія. Цѣны устанавливались не произвольно, не по нуждѣ обращающагося къ покупателю, какъ прежде, а на основаніи бюллетеней заграничныхъ биржъ и стоимости доставки отъ ближайшей станціи желѣзной дороги до Либавы или Кенигсберга, или Ревеля. Этотъ способъ опредѣленія цѣнъ, введенный евреями, былъ по-неволѣ принятъ и мѣстными торговцами; даже наши мокшанскіе негоціанты стали тогда получать бюллетени заграничныхъ биржъ, и единицей покупокъ сдѣлался вагонъ. Такимъ образомъ, уже давно, когда въ печати былъ только еще поднятъ вопросъ о ссудахъ подъ хлѣбъ, груженный въ вагонахъ, въ г. Пензѣ пріѣзжіе евреи уже выдавали тако-

вые ссуды въ широкихъ размѣрахъ и съ учетомъ весьма невысокаго процента.

Благодаря пріѣзжимъ евреямъ, уплата срочныхъ платежей была также облегчена дворянству, но это облегченіе не могло измѣнить сколько-нибудь значительно пагубнаго вліянія паденія цѣнъ совокупно съ неурожаемъ, и уплата срочныхъ платежей болѣе всего достигалась увеличеніемъ частной задолженности. Правы, значитъ, лица, которыя жалуются на дворянскій банкъ?—Къ несчастію, нѣтъ. Ни одно кредитное учрежденіе не можетъ преслѣдовать филантропической цѣли по самому основному принципу своего существованія. Дѣйствительно, дворянскій банкъ былъ основанъ для помощи дворянству, но съ цѣлью удешевленія, облегченія открываемаго кредита, а ужъ никакъ не съ цѣлью дарового, безвозвратнаго кредита. Послѣднее даже и невозможно. Дворянскій банкъ, какъ и всякій другой земельный, выдаетъ ссуды закладными листами, за которые онъ платитъ тѣмъ, которые въ нихъ помѣстили свои сбереженія, извѣстный процентъ. Этотъ же процентъ выручается изъ срочныхъ платежей тѣхъ лицъ, которыя воспользовались реализаціей, т.-е. стоимостью этихъ закладныхъ листовъ. Возможенъ ли при такихъ условіяхъ невзносъ срочныхъ платежей?—Очевидно, нѣтъ. Возможна ли малѣйшая, явная уступчивость во взысканіи этихъ платежей?—Точно также нѣтъ. Наконецъ, въ той или другой формѣ заявляемыя жалобы на стѣсненіе кредита, на трудность его полученія—точно также не могутъ быть признаны основательными. Причина этого стѣсненія, этой трудности, лежитъ совсѣмъ не въ томъ или другомъ административномъ распорядкѣ, а гораздо глубже. Дѣйствительно, распорядокъ какъ будто стѣснителенъ. Пріѣхавшій въ имѣніе чиновникъ послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ споровъ, на точномъ основаніи имѣющейся у него инструкціи, составляетъ оцѣнку этого имѣнія. Оцѣнка эта, восходя по іерархической лѣстницѣ, на каждой ея ступени подвергается сокращенію и въ окончательномъ результатѣ является очень часто недостаточной для той цѣли, для которой предназначалась. Такой порядокъ установился въ послѣднее время во всѣхъ почти земельныхъ банкахъ, и вслѣдствіе сего вошло въ обычай съ одной стороны запрашиваніе землевладѣльцевъ, чающихъ кредита, чтобы, такъ сказать, впередъ нейтрализировать ожидаемое его сокращеніе, а съ другой—недовѣріе рѣшающихъ учрежденій къ представляемымъ имъ оцѣнкамъ. Это все совершенно вѣрно; но не этотъ порядокъ создалъ настоящее положеніе землевладѣнія,—наоборотъ, земля упала и падаетъ въ цѣнѣ; капиталъ, ею представ-

ляемый, уменьшился и уменьшается; слѣдовательно, основанія правильнаго, земельнаго кредита должны сдѣлаться шаткими. Если при такихъ условіяхъ этотъ кредитъ продолжаетъ дѣйствовать, онъ неминуемо долженъ будетъ или принять стѣснительныя для прибѣгающихъ къ нему формы, или прекратить свою дѣятельность. Тутъ жалобы на чиновничество, регламентацію, придирки, и проч., совершенно не при чемъ, разумѣется, въ главныхъ общихъ чертахъ и основаніяхъ. При разнообразіи мѣстныхъ условій русскаго землевладѣнія въ отдѣльныхъ случаяхъ очень можетъ быть, что по какому-либо данному имѣнію жалоба на обычное сокращеніе просимаго кредита окажется основательной. Надо однако сознаться, что такое явленіе—крайне рѣдкое исключеніе; въ большинствѣ же случаевъ всюду заложенныя имѣнія утратили свою кредитоспособность—и утратили исключительно вслѣдствіе того, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ уплата срочныхъ платежей была имъ непосильна, а это повело къ отягощенію имѣній *частной* задолженностью; она же въ свою очередь сдѣлала невозможнымъ сколько-нибудь правильное въ этихъ имѣніяхъ хозяйство. Относительно кредитоспособности крестьянство находится совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ. Какъ ни симпатичны рекомендуемыя многими ссудо-сберегательныя кассы, но надо сознаться, что при настоящемъ положеніи и онѣ не достигнутъ своей цѣли. Если эти кредитныя учрежденія зададутся филантропическими цѣлями, они несомнѣнно очень быстро истощатся; если же останутся на строго-законной почвѣ, то будутъ помогать тѣмъ, которые не нуждаются въ помощи, и очень легко, можетъ быть, будутъ содѣйствовать усиленію мѣстнаго кулачества.

Благосостояніе обѣихъ главныхъ частей русскаго сельскаго населенія находится, безспорно, въ упадкѣ. Есть ли однако возможность ожидать въ близкомъ будущемъ улучшенія такого положенія? Постараемся хоть вкратцѣ разсмотрѣть условія такой возможности.

IV.

Упадокъ благосостоянія сельскаго населенія произошелъ исключительно отъ пониженія продажныхъ цѣнъ на его произведенія; слѣдовательно, улучшеніе положенія этого населенія зависитъ отъ повышенія такихъ цѣнъ. Можно ли однако ожидать подобнаго повышенія? Не думаю, чтобы при этомъ слѣдовало останавливаться на обсужденіи воззрѣнія тѣхъ лицъ, которыя уровень цѣнъ ставятъ въ зависимость отъ случайностей, предвидѣнію не подлежащихъ, и по-

тому остановлюсь для разрѣшенія вопроса
ныхъ источникахъ. Въ замѣчательномъ т
„Организація полевого хозяйства“, между прочимъ (стр. XII), сказано: „Само собою разумѣется, что, продавая продукты нашего сельскаго хозяйства по дешевой цѣнѣ за границу и производя ихъ въ убытокъ себѣ, мы идемъ къ разоренію, жалуясь на кризисъ, который, однако, при современныхъ условіяхъ производства хлѣба на земномъ шарѣ и торговли имъ, становится, повидимому, уже не временнымъ и преходящимъ явленіемъ, а выражаетъ собою начало новаго фазиса въ области мірового хозяйства, къ которому рано или поздно должно будетъ приноровиться сельско-хозяйственное дѣло всѣхъ странъ, участвующихъ въ великомъ международномъ обмѣнѣ продуктами своего земледѣлія“. Въ оффиціальномъ изданіи министерства финансовъ: „Положеніе Россіи на международномъ хлѣбномъ рынкѣ“,—приписывается конкурренціи послѣдовавшее въ послѣднее десятилѣтіе пониженіе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты и выводится заключеніе (стр. 38), что „нѣтъ основанія ожидать значительнаго повышенія хлѣбныхъ цѣнъ“. Собственно для пензенской губерніи иностранная конкурренція на международномъ хлѣбномъ рынкѣ не имѣетъ никакого значенія. Эта губернія, разумѣется, въ урожайные года, производитъ и экспортируетъ въ значительномъ количествѣ одни только такъ-называемые сѣрые хлѣба, т.-е. рожь и овесъ; относительно же первой Россія не имѣетъ конкуррентовъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ. Это не подлежащій сомнѣнію фактъ, и тѣмъ не менѣе у насъ, въ пензенской губерніи, несмотря на постоянныя неудачи, употребляютъ всевозможныя старанія для посѣва озимой пшеницы, въ торговлѣ которою именно мы имѣемъ дѣйствительно опасныхъ и крупныхъ конкуррентовъ на международномъ рынкѣ. Причина такого страннаго явленія очень проста: мѣстная продажная цѣна пшеницы до сихъ поръ, несмотря на конкурренцію, была всегда выше и устойчивѣе цѣны ржи, относительно которой мы полные хозяева рынка.

Въ общемъ нельзя не согласиться съ двумя вышеприведенными мною заключеніями. Дѣйствительно, на международномъ хлѣбномъ рынкѣ, регулирующемъ и наши мѣстные, ни значительнаго повышенія, ни значительнаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ въ близкомъ будущемъ ожидать нѣтъ никакого основанія. Тѣмъ не менѣе, на внутреннихъ, русскихъ хлѣбныхъ рынкахъ такое повышеніе можетъ произойти, и даже въ довольно крупной формѣ, вслѣдствіе трехъ причинъ, а именно: отъ пониженія пошлинъ, коими иностранный покупатель обложилъ нашъ хлѣбъ, отъ умень-

шенія накладныхъ расходовъ, гнетущихъ нашу хлѣбную торговлю, и отъ увеличенія благосостоянія самого сельскаго населенія. Постараемся разсмотрѣть по порядку эти три основанія повышенія продажныхъ цѣнъ сельско-хозяйственныхъ произведеній.

Еще недавно обложеніе пошлиной нашего хлѣба иностраннымъ покупателемъ представлялось какъ положительный вредъ, который этотъ покупатель наноситъ самъ себѣ. Не входя въ полемику по этому вопросу, нельзя однако не замѣтить, что вредъ покупателя нисколько не исключаетъ да и не умаляетъ вреда, наносимаго продавцу этой пошлиной. Наконецъ, нельзя же отвергать, что пошлина, взимаемая тѣмъ или другимъ государствомъ съ привознаго хлѣба, тѣмъ самымъ искусственно повышаетъ въ немъ цѣну этого хлѣба, а слѣдовательно, производители этого продукта въ томъ государствѣ получатъ за него больше, чѣмъ при отсутствіи пошлины, и отъ такого увеличенія цѣны своихъ произведеній врядъ ли будутъ въ убыткѣ. Для всего государства обложеніе насущнаго хлѣба можетъ быть вредно или полезно, смотря по мѣстнымъ условіямъ; но это дѣйствіе для для продавца, для производителя обложеннаго хлѣба, не имѣетъ никакого значенія, а важна только самая пошлина, которая понижаетъ безспорно цѣнность производимаго и продаваемаго имъ хлѣба. Чтобы дать понятіе о размѣрѣ этой пошлины, беру бюллетень 8/20 апрѣля берлинской биржи, и при цѣнѣ, существовавшей тогда—196 марокъ за тысячу килограмовъ (61 пудъ) ржи, и при курсѣ 241 марки 90 пфениговъ за 100 рублей, германская пошлина составитъ около 34 копѣекъ кред. на пудъ ржи. Беру Германію, такъ какъ она главная потребительница нашей ржи. Ожидать, надѣяться, что германскій рейхстагъ, въ которомъ землевладѣніе пользуется преобладающимъ вліяніемъ, понизитъ пошлины, коими обложенъ привозный хлѣбъ, врядъ ли возможно. Для ржи, слѣдовательно, никакого нѣтъ основанія разсчитывать на сколько-нибудь значительную перемѣну къ лучшему въ ея продажныхъ цѣнахъ. Относительно же другихъ хлѣбовъ и другихъ, кромѣ Германіи, странъ, разумѣется, по части только пошлины, все зависитъ отъ возможности заключенія съ ними выгодныхъ, для русскаго землевладѣльца, торговыхъ договоровъ. Во всякомъ случаѣ въ близкомъ будущемъ врядъ ли можно этимъ путемъ ожидать улучшенія цѣнъ на наши сельско-хозяйственные продукты.

Несомнѣнно, однако, что при существующей нынѣ конкурренціи русской телѣги съ паровозомъ на международномъ хлѣбномъ рынкѣ открывается обширное поле дѣятельности въ дѣлѣ упорядоченія нашей хлѣбной торговли. Мѣры, клонящіяся къ этой цѣли, могутъ

быть или спеціальныя, какъ, напримѣръ, тарифы на провозъ хлѣбныхъ грузовъ и устройство хлѣбныхъ складовъ, или общія, —какъ проведеніе улучшенныхъ путей сообщенія. Спеціальныя мѣры, направленныя къ упорядоченію нашей хлѣбной торговли, не исчерпываются тѣми двумя, которыя выше указаны, но онѣ, безспорно, принадлежатъ къ самымъ существеннымъ, и ими только ограничусь, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ упорядоченіи хлѣбной торговли уже давно неоднократно и всесторонне обсуждался въ печати. Тарифы на движеніе всѣхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ находятся нынѣ въ рукахъ правительства и потому несомнѣнно направлены и будутъ направлены къ общей пользѣ. Чѣмъ ниже они будутъ для хлѣбныхъ грузовъ, тѣмъ полезнѣе они будутъ для производителей этихъ грузовъ. Если желѣзно-дорожный тарифъ хлѣбныхъ грузовъ не понижается противъ существовавшаго, это значитъ, что далѣе по этому пути правительство не признаетъ возможнымъ идти; слѣдовательно, обсуждать полезность или даже необходимость еще бо̀льшаго пониженія было бы совершенно безцѣльнымъ. Вопросъ о складахъ-элеваторахъ уже давно обсуждался въ печати, и несмотря на это, до сихъ поръ таковыхъ въ нашей громадной, земледѣльческой Россіи построено чрезвычайно мало. Если въ близкомъ будущемъ появится подобныхъ элеваторовъ вдвое, втрое и даже болѣе, то и тогда врядъ ли можно будетъ ожидать общей существенной пользы отъ нихъ въ дѣлѣ повышенія продажныхъ цѣнъ зерновыхъ продуктовъ. Элеваторы могутъ облегчить дѣйствительно накладные расходы хлѣбной торговли, если они устроены въ центрахъ сбыта, какъ международной, такъ и внутренней торговли, т.-е. въ портахъ или въ узлахъ, гдѣ хлѣбные грузы могутъ принять то или другое направленіе, смотря по требованію на нихъ, —и въ обоихъ случаяхъ, когда они связаны между собой и съ производителемъ цѣлой сѣтью мелкихъ дешевыхъ складовъ. Только тогда могутъ они удешевить хлѣбную торговлю съ пользой какъ для себя, такъ и для производителя продуктовъ этой торговли; иначе они скорѣе только увеличатъ накладные расходы, уменьшить которые—цѣль ихъ устройства. Какимъ образомъ три, четыре, скажемъ, даже десятокъ элеваторовъ могутъ принести существенную пользу русской хлѣбной торговлѣ и тѣмъ русскому производителю хлѣба при отсутствіи мелкихъ складовъ и возки зерна въ ссыпную на желѣзныхъ дорогахъ? Очевидно, или ихъ дѣятельность будетъ убыточна для нихъ, или эта дѣятельность увеличитъ накладные расходы хлѣбной торговли, что̀ несомнѣнно только еще болѣе понизитъ продажную цѣнность зерновыхъ продуктовъ. Всякое улучшеніе установившихся пріе-

мовъ какой-либо деятельности только тогда целесообразно, когда оно осуществляется въ необходимомъ для него объемѣ, иначе оно врядъ ли будетъ тѣмъ, чѣмъ должно быть, т.-е. улучшеніемъ. Передо мной очень интересный печатный докладъ XXIV-ому очередному елецкому земскому собранію объ операціяхъ елецкаго земскаго хлѣбнаго склада-элеватора за первый годъ его существованія, 1888—1889 г. Изъ него видно, что складъ выручилъ въ продолженіе года 16.569 р. 53 коп., и за то же время имѣлъ расходовъ 17.530 руб. 90 коп. Правда, въ докладѣ (стр. 35) высказано, что въ будущемъ году есть основаніе ожидать увеличенія доходности отъ 2.000 до 3.000 рублей, и уменьшенія расходовъ до семисотъ рублей. Если даже это ожиданіе осуществится, все же честь устройства перваго элеватора въ Россіи врядъ ли можно признать выгодной для елецкаго земства коммерческой операціей.

Улучшенные пути сообщенія играютъ видную роль въ жизнеотправленіяхъ всякаго государственнаго организма. Чѣмъ полнѣе и совершеннѣе они, тѣмъ легче и выгоднѣе всякая дѣятельность, а слѣдовательно, и земледѣльческая. Наша желѣзнодорожная сѣть не можетъ быть признана достигшей полнаго необходимаго своего развитія. Послѣднее время постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ значительно сократилась. Мнѣ не удалось собрать точныхъ свѣденій, сколько новыхъ рельсовыхъ путей было открыто для движенія въ истекшемъ 1890 году. Частныя свѣденія по сему предмету крайне разнорѣчивы. Одни мнѣ говорили—94 версты, другіе—320 верстъ. Принимая послѣднюю цифру за основаніе, нельзя не придти къ заключенію, что намъ предстоитъ еще много времени, труда и затратъ, чтобы по части движенія грузовъ сколько-нибудь приблизиться къ тѣмъ способамъ грузового движенія, которые существуютъ въ тѣхъ странахъ, съ которыми намъ приходится конкуррировать на международномъ хлѣбномъ рынкѣ; слѣдовательно, и тутъ нѣтъ никакого основанія ожидать, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, повышенія мѣстныхъ цѣнъ на наше зерно.

Это повышеніе могло бы произойти отъ поднятія уровня благосостоянія самого сельскаго населенія. Дѣйствительно, при большемъ достаткѣ это населеніе могло бы быть сытѣе, лучше кормить свой домашній скотъ и не было бы вынуждено усиленно продавать добытое имъ зерно, какую бы цѣну за него ни давали. Чтобы составить себѣ понятіе о размѣрѣ потребленія, напримѣръ, ржаной муки, до котораго это потребленіе могло бы достигнуть въ крестьянствѣ, необходимо принять въ соображеніе,

что нынѣ зимой крестьянинъ кормитъ свою корову и лошадь только соломой. При зимнемъ извозѣ лошадь получаетъ немного овса—и то въ пути; дома же передъ извозомъ и также передъ весенней пáхотой моченую солому (мѣсиво), посыпанную ржаной мукой. Считается роскошнымъ кормомъ, если при этомъ тратится по пяти фунтовъ муки на голову въ день. Если предположить, что большинство крестьянскихъ семействъ получитъ возможность въ продолженіе всей зимы кормить не только свою лошадь, но и свою корову посыпкой ржаной муки хотя бы въ половинномъ размѣрѣ противъ принятаго для лошадей нынѣ передъ работой только, то въ общемъ это составило бы весьма солидную цифру. При лучшихъ условіяхъ жизни дѣйствительно сельское населеніе явилось бы само крупнымъ потребителемъ своихъ же собственныхъ произведеній и, уменьшивъ тѣмъ предложеніе этихъ произведеній на рынкѣ, несомнѣнно увеличило бы продажную ихъ цѣнность. Врядъ ли однако разоренное послѣдовательно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сельское населеніе можетъ даже въ отдаленномъ будущемъ поправиться настолько, чтобы сдѣлаться подобнымъ потребителемъ своихъ произведеній, какимъ бы то желательно было.

Изъ всего вышесказаннаго, полагаю, ясно, что ожидать сколько-нибудь значительнаго и сколько-нибудь прочнаго повышенія продажныхъ цѣнъ на произведенія сельско-хозяйственнаго труда нѣтъ ни малѣйшаго основанія, а слѣдовательно, и улучшенія благосостоянія сельскаго населенія ожидать нельзя.

Что же дѣлать? Мнѣ кажется, для всего сельскаго населенія одинъ выходъ изъ настоящаго его бѣдственнаго положенія. Какъ для задолженнаго крупнаго землевладѣнія, такъ и для не менѣе задолженнаго крестьянства продолженіе настоящаго положенія было бы только увеличеніемъ задолженности, которая въ концѣ концовъ не избавитъ ихъ отъ ликвидаціи,—правда, частичной, но все же неминуемой. Такое-то сельское общество, такой-то землевладѣлецъ, подвергнутся раньше несостоятельности, другіе—позднѣе, а нѣкоторые, пожалуй, пока и совсѣмъ ее избѣгнутъ; но такое разнообразіе, присущее всякому жизненному явленію, нисколько не измѣняетъ ни общихъ его причинъ, ни общихъ его послѣдствій. Вопросъ въ томъ, желательно ли благосостояніе сельскаго населенія, или нѣтъ? Потрясено ли оно значительно, или нѣтъ? Если отвѣты на эти два вопроса утвердительные, то, казалось бы, необходимо тѣмъ или другимъ путемъ прекратить настоящее, безспорно тягостное, положеніе сельскаго населенія; по моему мнѣ-

нію, къ тому существуетъ единственный путь. Очень можетъ быть, что, живя въ деревнѣ и ежедневно видя окружающую меня нужду, я односторонне смотрю на положеніе сельскаго населенія и, пожалуй, несознательно во всемъ нахожу только подтвержденіе моихъ личныхъ впечатлѣній; но цѣль настоящей статьи, какъ и всѣхъ моихъ предъидущихъ—одна: благосостояніе сельскаго населенія, въ которомъ я вижу единственно прочное основаніе экономическаго развитія нашего обширнаго отечества. Я ошибаюсь, другіе вѣрнѣе меня смотрятъ на предметъ,—пусть такъ. Сердечно буду радъ, если совершенно инымъ, а не предложеннымъ мною путемъ будетъ достигнуто прочное благосостояніе русскаго сельскаго населенія.

По моему, заложенныя въ земельныхъ банкахъ имѣнія—буде владѣльцы ихъ пожелаютъ—должны оставляться или полностью, или частью во владѣніи этихъ банковъ по оцѣнкѣ, послужившей основаніемъ ихъ залога, съ такимъ разсчетомъ, что остающаяся въ собственности прежняго владѣльца часть его имѣнія, по соглашенію владѣльца съ банкомъ, должна быть или совершенно свободна отъ всякой задолженности, или обременена незначительнымъ долгомъ, по которому срочные платежи могутъ быть уплачиваемы совершенно свободно. Само собою разумѣется, что уставы земельныхъ банковъ, въ коихъ владѣніе ими недвижимой собственностью крайне стѣснено, должны быть соотвѣтствующимъ образомъ измѣнены. Желательно еще, чтобы земельные банки вносили крѣпостныя пошлины только за тѣ имѣнія, которыя они продадутъ частному лицу. Владѣніе банкомъ недвижимой собственностью будетъ во всякомъ случаѣ временное, а потому обязывать его вносить крѣпостныя пошлины за имѣніе, поступившее въ его владѣніе, было бы только отягощеніемъ землевладѣнія. Очевидно, что ни одинъ банкъ не будетъ вносить изъ собственныхъ средствъ крѣпостныя пошлины какъ при оставленіи имѣнія за нимъ, такъ и при продажѣ его; въ обоихъ случаяхъ онъ поставитъ это въ счетъ какъ прежнему, такъ и новому владѣльцу имѣнія. Для казны взиманіе однѣхъ крѣпостныхъ пошлинъ тамъ, гдѣ онѣ могли бы поступить въ двойномъ размѣрѣ, будетъ дѣйствительно жертвой, но этимъ достигнется упорядоченіе землевладѣнія.

Оставшіяся за банками имѣнія или части ихъ послужатъ фондомъ для поселенія на нихъ тѣхъ крестьянскихъ семействъ, которыя просятъ о переселеніи. Правительство, при изданіи закона 13-го іюля 1889 г., несомнѣнно готовилось на извѣстныя жертвы для приведенія въ дѣйствіе этого законоположенія; на основаніи л. б. 11 ст. I отд. того же закона, лица, пере-

селяющіяся на отведенныя имъ земли въ европейской Россіи, освобождаются отъ всякаго рода причитающихся казнѣ сборовъ и арендныхъ платежей въ теченіе двухъ лѣтъ. Если правительство отнесетъ эти предусмотрѣнныя затраты на водвореніе переселенцевъ на тѣхъ земляхъ, которыя останутся во владѣніи земельныхъ банковъ, то несомнѣнно останется въ выигрышѣ, даже если полностью уплатитъ банку слѣдующіе ему срочные платежи за все льготное время. Переселяясь же въ близкую мѣстность, крестьяне, избавленные тѣмъ отъ непроизводительныхъ расходовъ, связанныхъ съ переселеніемъ въ отдаленный край, настолько могутъ справиться, что болѣе чѣмъ вѣроятно будутъ въ состояніи легко уплачивать за пріобрѣтенную ими землю въ собственность или во временное владѣніе.

Произведенная частными земельными банками конверсія 6% закладныхъ листовъ безъ увеличенія займа, безъ удлиненія его срока и безъ всякаго ущерба для заемщиковъ, даетъ право ожидать, что наше финансовое вѣдомство сдѣлаетъ не менѣе выгодную для крестьянъ операцію конверсіей ихъ выкупныхъ платежей. Если эта конверсія будетъ произведена совокупно съ вышеописанною мѣрою, то, несомнѣнно, все сельское населеніе получитъ значительное облегченіе въ существующихъ надъ нимъ тяготахъ и также несомнѣнно благосостояніе его упрочится.

При настоящемъ же положеніи сельскаго населенія говорить объ улучшеніи сельскаго хозяйства и о тѣхъ или другихъ мѣрахъ, могущихъ тому содѣйствовать, мнѣ кажется, вполнѣ непроизводительно. Для развитія сельско-хозяйственной промышленности требуется нѣкоторый минимумъ благосостоянія въ томъ населеніи, которое этой промышленностью занимается. Минимума этого нѣтъ. Несомнѣнно найдутся въ Россіи мѣста, гдѣ раціональное хозяйство можетъ развиться, да и нынѣ оно уже существуетъ и развивается, но это рѣдкія исключительныя явленія, которыя доказываютъ только, что при благопріятныхъ условіяхъ и у насъ улучшенное хозяйство—весьма возможно. Общая же картина, общее же положеніе этого хозяйства отъ такихъ единичныхъ явленій нисколько не измѣняется и измѣниться не можетъ, пока сельское населеніе не достигнетъ по крайней мѣрѣ того минимума благосостоянія, безъ котораго нельзя и говорить о какомъ-нибудь улучшеніи его земледѣльческихъ пріемовъ.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

14 мая 1891 г.
с. Знаменское, пензен. губ.

ПРЕЛЮДІЯ КЪ ПРОЩАЛЬНЫМЪ ПѢСНЯМЪ

Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою.
И утро, и полдень, и вечеръ мои—позади.
Все ближе ночной надвигается мракъ надо мною;
Напрасно просить: подожди!

Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смежающій очи
Конецъ не пришелъ бытію.

Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво,
И то, что̀ позднѣе мнѣ опытомъ жизни дано.
Моя не заглохла средь терній духовная нива;
Въ ней новое зрѣетъ зерно.

Добромъ помяну все, что̀ было хорошаго въ жизни;
Что̀ умъ мой будило, что̀ сердце плѣняло мое;
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно люблю я ее.

Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣнье;
Отъ мрака и грязи умы и сердца̀ уберечь.
Быть можетъ, средь нравственной скверны, иныхъ отъ паденья
Спасетъ задушевная рѣчь.

А еслибы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ,—
Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣня:
—Что̀ сдѣлать я могъ—то я сдѣлалъ; и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь! отпускаешь меня.

Алексѣй Жемчужниковъ.

литературы предмета. Остается только пожелать, чтобы больше являлось примѣровъ вліянія такой школы.

Изъ того, что мы сказали, понятенъ выборъ предмета. Для начинающаго ученаго должно было дать именно тему, которая была бы удобна для разработки въ сравнительно небольшой опредѣленный срокъ; тема частная, но для которой потребовалось бы въ то же время болѣе или менѣе широкое знакомство съ цѣлымъ историческимъ періодомъ, съ цѣлымъ разрядомъ общественныхъ или литературныхъ явленій. Казимиръ Бродзинскій для исторіи польской литературы представлялъ, безъ сомнѣнія, довольно удачную тему подобнаго рода: имя—въ свое время очень извѣстное въ польской литературѣ и даже у насъ; дѣятельность—совпадающая съ характернымъ историческимъ явленіемъ, именно борьбой классицизма и романтизма; время—еще довольно близкое, но и достаточно далекое для исторической оцѣнки, такъ какъ борьба, въ которой онъ принялъ участіе, уже завершилась. Въ результатѣ заданной факультетомъ темы явился трудъ, прекрасно исполненный, такъ что можно только пожелать его автору дальнѣйшаго примѣненія выработанныхъ пріемовъ изученія—только бы на болѣе широкихъ историческихъ темахъ.

При всей пользѣ подобнаго рода научныхъ работъ онѣ напоминаютъ однако объ одномъ весьма серьезномъ недостаткѣ, какимъ страдаетъ наша литература въ этой области. Слишкомъ часто подобныя работы являются оазисами въ пустынѣ; слишкомъ часто такое изслѣдованіе, исполненное lege artis, по всѣмъ правиламъ искусства, остается одинокимъ эпизодомъ, не примыкающимъ къ чему-нибудь цѣлому. Отсутствіе общихъ сочиненій или такой же обстоятельной разработки какого-либо гораздо болѣе крупнаго по значенію лица, періода, бросается въ глаза. Къ счастью, у насъ имѣется обстоятельная исторія польской литературы В. Д. Спасовича, но затѣмъ почти совсѣмъ отсутствуетъ детальная разработка какихъ-либо явленій польской литературы. На этотъ разъ Бродзинскому посчастливилось привлечь на себя вниманіе историка; но странно сопоставить это пріятное пріобрѣтеніе нашей исторической литературы съ отсутствіемъ столь же обстоятельной книги о польскихъ писателяхъ, имѣющихъ неизмѣримо болѣе высокое значеніе, чѣмъ Бродзинскій,—напримѣръ, о Мицкевичѣ, хотя бы даже просто въ видѣ перевода новѣйшей біографіи его, написанной Хмѣлёвскимъ. Объ этомъ колоссальнѣйшемъ явленіи польской литературы у насъ есть только рядъ статей, затерявшихся въ старыхъ „Отечественныхъ Запискахъ" (едва ли притомъ не изъятыхъ изъ обращенія извѣстнымъ распоряженіемъ

графа Д. А. Толстого), статей, теперь, конечно, недостаточныхъ и устарѣвшихъ. Другія явленія польской литературы, хотя не столь первостепенныя, но все-таки несравненно болѣе важныя, чѣмъ дѣятельность Бродзинскаго, остаются также совершенно неизвѣстны въ нашей литературѣ. Всего найдется у насъ лишь нѣсколько отрывочныхъ работъ по польской литературѣ (какъ, напр., труды покойнаго Макушева), которыя только тѣмъ сильнѣе указываютъ на недостаточность нашего литературнаго запаса по данному предмету. Эта неравномѣрность, вообще отличающая нашу литературу о славянствѣ, является особенно прискорбною по отношенію къ литературѣ польской. Мы такъ давно и такъ фатально связаны съ польскимъ народомъ, что изученіе его исторіи и литературы могло бы быть для насъ не только дѣломъ простой любознательности, но и интересомъ общественнаго свойства, не только научной, но извѣстнаго рода нравственной обязанностью. Относительно исторіи Польши въ нашей литературѣ имѣется нѣсколько сочиненій, своихъ и переводныхъ, которыя могутъ дать понятіе о политическихъ судьбахъ народа; но по литературѣ, какъ мы говорили, русскій читатель ограниченъ лишь двумя, тремя книгами или слишкомъ общаго, или узкаго детальнаго характера. Между тѣмъ очевидно, что именно путемъ изученія литературы можетъ быть пріобрѣтено пониманіе той внутренней жизни общества, въ которой кроются мотивы самой его политической дѣятельности. Можно относиться къ Польшѣ какъ угодно—или видѣть въ ней только непримиримаго врага, или желать примирить вражду между двумя народами, какъ нѣчто ненормальное и тягостное между племенами, живущими въ одномъ политическомъ союзѣ и во многомъ родственными. Въ томъ и другомъ случаѣ, изъ побужденій осмотрительности или по чувству справедливости, не говоря уже объ интересѣ научномъ, изученіе внутренней жизни общества было бы только желательно. Если при томъ мы настаиваемъ на славянскомъ призваніи Россіи (которое такъ спуталось въ послѣднее время), то одною изъ элементарныхъ потребностей должно было бы стать внимательное и безпристрастное изслѣдованіе тѣхъ историческихъ отношеній, какими создается современное настроеніе племенъ и обществъ. Если до сихъ поръ русско-польскія отношенія такъ смутны, то немалую долю въ этомъ занимаетъ взаимное незнакомство народовъ и обществъ между собою. Съ этой точки зрѣнія было бы желательно, чтобы историческія изученія направлены были на самые существенные вопросы польской исторіи, общественности и литературы. Эти существенные вопросы обыкновенно трактовали у насъ только въ

полемическомъ тонѣ, въ разгарѣ политической борьбы, когда нѣтъ мѣста для спокойнаго изслѣдованія, и польскій вопросъ, несмотря на все то, что̀ было о немъ писано, остается спорнымъ вопросомъ, возбуждающимъ страсти, но не находившимъ доселѣ спокойнаго, безпристрастнаго обсужденія, которому, однако, пора было бы, наконецъ, вступить въ свои права. Если нѣтъ этого съ нашей стороны, то понятно, что нѣтъ этого и съ другой стороны. Поляки привыкли встрѣчать съ нашей стороны только отношеніе враждебное; не мудрено, что это отталкиваетъ ихъ отъ такого же изученія Россіи, русской исторіи и литературы: можно думать между тѣмъ, что какъ изученіе русской исторіи помогло бы имъ понять серьезно отношенія къ сильному государству, съ которымъ ихъ связала судьба, такъ изученіе русской литературы открыло бы имъ во внутренней жизни русскаго народа иныя сочувственныя стороны, на которыхъ могла бы основаться и нѣкогда укрѣпиться нравственная солидарность. Мы не обольщаемся, что это могло бы случиться скоро; но думаемъ, что серьезная литература должна была бы по крайней мѣрѣ не забывать о существованіи этихъ вопросовъ, которымъ, быть можетъ, предстоитъ сдѣлаться насущными вопросами. При отсутствіи какихъ-либо другихъ способовъ выраженія общественной мысли, литература въ особенности или даже исключительно является выраженіемъ общественнаго мнѣнія и средствами для его воспитанія; потому она всего ближе могла бы поставить эти вопросы и по мѣрѣ возможности содѣйствовать ихъ разъясненію.

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ не показаться очень страннымъ, напримѣръ, то явленіе, что въ то время какъ русская литература начинаетъ возбуждать очень оживленный интересъ въ чуждой, долго смотрѣвшей на нее свысока, Европѣ, она продолжаетъ оставаться весьма посредственно извѣстной въ Польшѣ, въ предѣлахъ одного же государства, у народа единоплеменнаго, къ которому повидимому могла проникнуть всего скорѣе: такова сила политической отчужденности. Съ другой стороны, у насъ также довольно посредственно извѣстна литература польская. Только въ послѣдніе годы можно замѣчать болѣе оживленный интересъ къ польской литературѣ и нѣсколько именъ польскихъ писателей пріобрѣли у насъ значительную извѣстность. Но этого, конечно, еще очень мало: къ намъ достигаютъ только немногія сравнительно произведенія въ силу своей беллетристической привлекательности (Сенкевичъ, Элиза Оржешко, Болеславъ Прусъ, въ прежнее время нѣсколько романовъ Крашевскаго и т. п.; переведено и довольно много Мицкевича, кое-что изъ второстепенныхъ поэтовъ) и нельзя

думать, чтобы усвоеніе русской литературой этихъ немногихъ произведеній значительно расширило популярное пониманіе польской общественности. Нужно знакомство болѣе тѣсное и между прочимъ знакомство историческое.

Есть, къ сожалѣнію, одно явленіе въ складѣ нашихъ научныхъ работъ, которое повторяется и въ данномъ случаѣ: это — несоотвѣтствіе, почти даже противорѣчіе между потребностями нашего общественнаго образованія и интересами, такъ сказать, гелертерскими. Ученые спеціалисты сплошь и рядомъ не хотятъ знать этихъ потребностей общественнаго образованія и направляютъ свои труды на изслѣдованія, безъ сомнѣнія, нужныя въ общемъ обиходѣ науки, но дающія очень мало или даже совсѣмъ недоступныя для обыкновеннаго читателя и слѣдовательно для него въ данную минуту совершенно безполезныя или индифферентныя. Въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ выработалось даже какъ будто намѣренное пренебреженіе къ тому, что̀ можетъ въ данную минуту заинтересовать бо̀льшую массу публики: обратиться къ подобному вопросу считается какъ бы унизительнымъ для спеціальной науки; бываетъ и то, что книга, которая въ другомъ изложеніи могла бы быть доступна для обыкновеннаго читателя, какъ бы намѣренно пишется такъ, чтобы прочесть ее могъ только спеціалистъ: напримѣръ, изслѣдованіе начинается ex abrupto, уснащается массою мудреныхъ цитатъ и т. п.; по исторіи или исторіи литературы темы выбираются поближе къ XI—XII-му вѣку, чѣмъ къ XVIII и XIX-му, и темы послѣдняго рода у иныхъ считаются даже мало научными; объемъ самыхъ темъ берется иногда крайне тѣсный и т. д. Отсюда происходитъ то, что литература собственно ученая обособляется въ отдѣльную область, отгороженную отъ профановъ, а профаны, т.-е. громадное большинство существующихъ читателей, съ своей стороны предоставляютъ ей пребывать въ ея одиночествѣ. Въ концѣ концовъ результаты этой научной работы входятъ въ общій запасъ образованія, но во всякомъ случаѣ гораздо медленнѣе и слабѣе, чѣмъ это могло бы быть при большемъ вниманіи ученаго люда къ образовательнымъ интересамъ ихъ соотечественниковъ.

Откуда берется этотъ складъ нашей научной литературы? Онъ выросъ, конечно, изъ многихъ условій. Въ прежнее время, когда самая наука была вновѣ, ученая диссертація по необходимости оказывалась въ такомъ исключительномъ положеніи, недоступная малоприготовленному большинству, существовавшая только для „факультета“,—но съ тѣхъ поръ, какъ это бывало такимъ образомъ, кругъ образованныхъ читателей, значительно

расширился; ученая книга, не абсолютно спеціальная, можетъ найти гораздо большее количество читателей и ученому спеціалисту стоило бы труда позаботиться нѣсколько о своемъ изложеніи, чтобы намѣренно не замыкать свой трудъ въ ограниченный кругъ спеціалистовъ. Далѣе, была, однако, и другая причина, создававшая такой стиль ученыхъ работъ: это была та общая причина, которая съуживала размѣры нашихъ литературныхъ и ученыхъ вопросовъ слишкомъ тѣсными рамками цензуры. Остальной литературѣ предоставлялось бороться, какъ она знаетъ, съ внѣшними неудобствами такого положенія; для серьезной „науки" полагалось какъ бы неприличнымъ вмѣшиваться въ эту борьбу, которая считалась даже будто бы мелкой и неподходящей для высокаго достоинства науки, — на дѣлѣ это была просто боязнь „факультетовъ", какъ вѣдомствъ оффиціальныхъ, вступать въ столкновенія съ вѣдомствомъ цензурнымъ, и эта боязнь прикрывалась болѣе или менѣе лицемѣрной ссылкой на „достоинство науки", будто бы не долженствующей вмѣшиваться въ эфемерные интересы дня. На дѣлѣ, это было удаленіе отъ широкихъ задачъ истинной науки, и чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно припомнить, что въ дѣйствительности для нашей литературы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается просто недоступенъ тотъ широкій горизонтъ, какой обнимаетъ современная наука европейская—историческая, философская, естественно-научная, теологическая. Въ концѣ концовъ въ средѣ спеціалистовъ образуется и укрѣпляется наклонность направлять свои труды именно только на частные вопросы науки, боязнь широкихъ обобщеній—подъ предлогомъ, что матеріалъ для нихъ еще недостаточно приготовленъ, хотя очевидно, что накопленію и обработкѣ матеріала никогда не будетъ предѣла. На дѣлѣ происходитъ опять другое: научныя силы мельчаютъ въ установившейся рутинѣ, и въ погонѣ за спеціализаціей ослабѣваетъ самый интересъ и способность къ обобщенію, въ которыхъ и заключается двигающая сила науки. Сравнивъ современное положеніе нашей научной литературы съ тѣмъ, что̀ представляетъ литература европейская, мы будемъ поражены именно этимъ радикальнымъ различіемъ: въ то время, какъ послѣдняя ставитъ самые широкіе, сложные и трудные вопросы знанія, мы только изрѣдка отмѣчаемъ со стороны эти подвиги научной мысли и плетемся за той или другой научной школой, въ образованіи которой не участвовали. Исключенія очень рѣдки.

Понятно, что такое положеніе нашей научной литературы, создаваемое, какъ мы замѣтили, между прочимъ и общими условіями нашего просвѣщенія, не можетъ быть измѣнено одною доб-

рою волею самихъ дѣятелей нашей науки; но мы указывали также, что до извѣстной степени участвовала здѣсь и эта добрая воля, собственная боязнь затрогивать широкіе вопросы науки, боязнь внѣшнихъ трудностей и также той работы, какой должно быть, конечно, несравненно больше для крупной задачи, чѣмъ для мелкой. При этомъ возникаетъ еще одна особенность нашей литературы, весьма неполезная для общихъ успѣховъ нашего просвѣщенія. Большинство нашихъ ученыхъ становится въ ряды тѣхъ безчисленныхъ спеціалистовъ, какими исполнена западная научная литература, особливо нѣмецкая; но тамъ кромѣ этихъ спеціалистовъ, какъ бы заранѣе обрекающихъ себя на мелкую предварительную разработку матеріала или на детальное развитіе ученій, выставляемыхъ вождями науки, есть и эти вожди,—конечно, умы первостепенной силы, но вмѣстѣ и великіе труженики; есть это стремленіе обнимать цѣлый составъ научнаго знанія въ извѣстной области и вести впередъ органическое развитіе науки. У насъ, къ сожалѣнію рѣдки примѣры и этого неутомимаго труда, и этого стремленія къ общимъ вопросамъ научнаго знанія. Но у насъ именно прибавляется обстоятельство, свойственное положенію всей нашей образованности, и съ нимъ обязанность, отъ которой можетъ считать себя свободнымъ спеціалистъ западный, а именно: наука обладаетъ у насъ несравненно мѐньшими личными силами, и ученый спеціалистъ, кромѣ тѣхъ детальныхъ изслѣдованій, на какія вызываетъ его личный вкусъ и положеніе научныхъ задачъ, обязанъ совершать и такія работы, которыя способствовали бы установленію цѣлой науки въ нашей литературѣ. Спеціальныя работы получаютъ смыслъ въ литературѣ только тогда, когда онѣ могутъ примкнуть къ цѣльнымъ изложеніямъ предмета. Такъ это и бываетъ въ западной литературѣ, столь богатой цѣльными систематическими изложеніями разныхъ отраслей науки, руководствами, компендіями, спеціальными энциклопедіями и т. д., надъ которыми трудятся не только второстепенные, но и первостепенные ученые и періодическая смѣна которыхъ вводитъ неофита въ данное положеніе научной разработки. Въ присутствіи этихъ трудовъ общаго характера спеціальная разработка предмета идетъ совершенно логически, примыкая къ извѣстному цѣлому; наша литература, напротивъ, чрезвычайно бѣдна подобными трудами. Если появляются въ ней такіе общіе курсы, научныя системы, руководства, то всего чаще только переводныя и всего чаще принадлежащія не оффиціальнымъ или спеціальнымъ представителямъ науки, а постороннимъ любителямъ, которые бываютъ болѣе отзывчивы къ потребностямъ общественнаго образованія или даже

къ нуждамъ самихъ учащихся. Довольно значительная масса подобныхъ сочиненій, появившихся у насъ въ послѣднее время, обязана своимъ происхожденіемъ именно не инициативѣ главнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, а заботамъ не-специалистовъ и любителей. Понятно, что при участіи специалистовъ подобныя изданія могли бы появляться въ болѣе совершенномъ видѣ; а во многихъ областяхъ науки такіе общіе труды и совсѣмъ отсутствуютъ. Наконецъ, лучшая постановка этого дѣла имѣла бы и другую важность: число людей, посвящающихъ себя спеціальнымъ работамъ въ области науки, очевидно, находится въ связи съ общею цифрой людей образованныхъ; чѣмъ больше распространены научныя познанія въ массѣ общества, тѣмъ болѣе можно ожидать распространенія научнаго интереса и тѣмъ болѣе изъ среды образованныхъ людей можетъ выдѣлиться самихъ спеціалистовъ.

На эти мысли нерѣдко можетъ наводить появленіе въ нашей ученой литературѣ спеціальныхъ трудовъ, не имѣющихъ такого цѣлаго, къ которому они могли бы логически примкнуть. Не говоря о множествѣ другихъ примѣровъ, таковы бываютъ въ особенности появляющіеся у насъ труды по славянской исторіи и литературѣ—отдѣльные эпизоды изъ сербской или чешской, болгарской и т. п. исторіи и литературы, непремѣнно древней, когда въ нашей литературѣ не имѣется никакой собственной книги по цѣлой сербской, чешской, болгарской исторіи. Книги подобнаго рода по необходимости остаются интересны и доступны только для тѣснаго круга спеціалистовъ, остаются памятникомъ учености ихъ авторовъ и только въ очень отвлеченномъ смыслѣ, какъ говорится, „обогащаютъ" литературу. И въ то же время слышатся жалобы, что общество мало поддерживаетъ эту научную литературу. Ненормальность положенія выходитъ очевидная. Къ такого рода книгамъ можетъ присоединиться и названное сочиненіе о Казимирѣ Бродзинскомъ. Какъ мы сказали, о польской литературѣ у насъ есть только одно сочиненіе, написанное г. Спасовичемъ, труды котораго впрочемъ на половину принадлежатъ той же польской литературѣ. Но затѣмъ польская литература въ ея основныхъ историческихъ явленіяхъ остается у насъ почти неизвѣстной. Когда при этомъ положеніи вещей русскій читатель получаетъ неожиданно обстоятельное изслѣдованіе объ одномъ изъ второстепенныхъ польскихъ писателей, онъ можетъ придти въ справедливое недоумѣніе: нужно ему это изслѣдованіе, или онъ можетъ пока спокойно обойтись безъ него, когда у него нѣтъ хотя бы менѣе обстоятельныхъ книгъ о гораздо болѣе замѣчательныхъ явленіяхъ и дѣятеляхъ польской литературы? Книга

произошла изъ упомянутаго гелертерскаго направленія науки, а не изъ живой потребности общественнаго образованія: она была именно отвѣтомъ на заданную тему.

Это впрочемъ нисколько не мѣшаетъ ей имѣть свои немалыя достоинства, и она пріобрѣла бы еще больше значенія, еслибъ была началомъ цѣлаго ряда изслѣдованій о польской литературѣ: для нея нашлось бы тогда логическое мѣсто. Въ качествѣ диссертаціи, старательно выполненной, книга г. Арабажина страдаетъ, быть можетъ, другой неравномѣрностью: излишествомъ подробностей, которыя по свойству темы могли бы быть изложены болѣе сжато. Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: въ обширномъ введеніи авторъ излагаетъ литературу предмета, т.-е. перечисляетъ все, что было писано о Бродзинскомъ, и важное, и еще больше неважнаго; затѣмъ слѣдуетъ біографическій очеркъ; далѣе наиболѣе обширный отдѣлъ посвященъ „міровоззрѣнію" Бродзинскаго, а именно его литературнымъ взглядамъ, его положенію въ спорѣ между классиками и романтиками и его взглядамъ общественнымъ, философскимъ и эстетическимъ; далѣе, въ отдѣльныхъ главахъ Бродзинскій характеризуется какъ поэтъ, какъ этнографъ и славянофилъ, изображается его дѣятельность педагогическая и ученая, наконецъ опредѣляются его сочиненія масонско-мистическія.

Такъ какъ тема сочиненія была дана извнѣ, то автору не пришлось объяснять, почему дѣятельность Казимира Бродзинскаго могла потребовать спеціальнаго изученія. Основаніе къ выбору темы заключалось, безъ сомнѣнія, въ томъ, что Бродзинскій издавна имѣлъ въ польской литературѣ большое имя: въ немъ цѣнили поэта, который былъ предшественникомъ романтической школы, ученаго критика, наконецъ писателя, принадлежавшаго къ числу польскихъ славянофиловъ 20-хъ и 30-хъ годовъ и вызывавшаго къ изученію народности и народной поэзіи. По всѣмъ этимъ отношеніямъ выводъ нашего автора былъ скорѣе отрицательный, нежели положительный: изучивъ весьма внимательно факты ученой и литературной дѣятельности Бродзинскаго, г. Арабажинъ пришелъ къ заключенію, что дѣятельность Бродзинскаго, какъ поэта, ученаго критика, этнографа, далеко не отличалась тѣми достоинствами, какія приписывались ей почти неизмѣнно польскими историками.

„Быть можетъ,—пришлось автору говорить въ предисловіи,—кому-нибудь личность Казимира Бродзинскаго, въ моемъ освѣщеніи, покажется малозначительной и не заслуживающей того вниманія, которое я ему удѣляю. Но прежде всего не слѣдуетъ

забывать, что въ изученіи литературной эволюціи переходная пора важна не менѣе эпохъ наибольшаго расцвѣта литературы, а Казимиръ Бродзинскій именно и является типическимъ представителемъ такой переходной эпохи, въ которой на ряду съ чертами прошлаго кроются въ зародышѣ всѣ элементы новаго литературно-общественнаго и художественнаго настроенія. Біографія Бродзинскаго и анализъ его произведеній непрерывной цѣпью связуютъ изученіе новой польской литературы съ ея прошлымъ. Въ этомъ смыслѣ изученіе Бродзинскаго представляетъ интересъ, увеличивающійся еще въ виду того обстоятельства, что и на самомъ Бродзинскомъ, и на его времени можно подробно прослѣдить вторженіе въ польскую литературу западно-европейскихъ идей и настроеній (преимущественно періода Sturm und Drang) и ихъ своеобразное претвореніе на мѣстной славянской почвѣ. Въ польской наукѣ и критикѣ значеніе Бродзинскаго, какъ кажется намъ, нѣсколько приподнято, преувеличено; но и въ этомъ отношеніи изученіе его дѣятельности можетъ доставить рядъ весьма небезъинтересныхъ выводовъ. Наконецъ время Бродзинскаго для русской науки представляетъ особый интересъ потому, что на почвѣ, создавшей и отчасти созданной Бродзинскимъ, взросла и расцвѣла довольно многочисленная группа поэтовъ такъ-называемой польско-украинской школы. Всѣ эти обстоятельства придаютъ особенное значеніе постановленной историко-филологическимъ факультетомъ темѣ по исторіи богатой талантами польской литературы, достаточнымъ знакомствомъ съ которой, къ сожалѣнію, не можетъ еще похвалиться русское славяновѣденіе".

Бродзинскій (1791—1835) былъ уроженцемъ польской Галиціи. Его первое дѣтство прошло въ деревенской обстановкѣ, въ небольшомъ помѣстьѣ его отца; но дѣтство это было до крайности печальное: онъ рано потерялъ мать и, когда отецъ его женился во второй разъ, Бродзинскому пришлось встрѣтить одинъ изъ самыхъ ужасныхъ типовъ мачихи. Это была еще молодая, но страшно сварливая и просто злобная женщина, буквально выгонявшая изъ дому маленькаго мальчика, которому, не находя защиты у отца, приходилось спасаться и просто жить въ семьяхъ знакомыхъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ беззащитномъ ребенкѣ. Этою личною судьбой объясняется и характеръ его поэзіи.

„Тяжкія испытанія ранняго дѣтства наложили на всю жизнь Казимира Бродзинскаго особенную складку болѣзненной грусти и меланхоліи въ его характерѣ.

„Это меланхолическое, грустное настроеніе характеризуетъ и

его первыя поэтическія начинанія и объясняется исключительно грустными впечатлѣніями дѣтства, а не литературной манерой, считавшей меланхолію очень важнымъ условіемъ успѣха по литературнымъ понятіямъ начала этого вѣка.

„Грусть была у Бродзинскаго вполнѣ искреннимъ настроеніемъ, а не подражательностью, какъ напр. у Карамзина и у другихъ писателей сантиментальнаго и сантиментально-романтическаго направленія.

„Тоска по матери, которой Казимиръ Бродзинскій и не могъ помнить, подсказала ему такія произведенія, какъ напр. „Элегія къ тѣни матери“ (1805); она же создала въ болѣзненно-развитомъ воображеніи мальчика какой-то полуфантастическій образъ неземного существа, ангела-хранителя, къ которому онъ не разъ обращался со слезами на глазахъ въ своихъ горячихъ дѣтскихъ молитвахъ. Даже въ болѣе позднемъ возрастѣ воспоминанія о матери, такъ преждевременно утраченной, приводили его въ неподдѣльное волненіе и вызывали чувства глубокой горести и отчаянія“.

Спасаясь отъ мачихи въ поля и лѣса и въ крестьянскія семьи, Бродзинскій съ дѣтства освоился съ крестьянскимъ бытомъ и это опять осталось не безъ вліянія на его характеръ, отношеніе къ народу и самую литературную дѣятельность.

„Знакомство съ крестьянами, постоянное пребываніе въ ихъ средѣ сдѣлало Казимира, по его собственному признанію, человѣкомъ робкимъ со всѣми тѣми, кто не принадлежалъ къ крестьянству, и отъ этой робости онъ не могъ исправиться даже въ зрѣломъ возрастѣ.

„Во всякомъ случаѣ радушіе и доброта крестьянъ внушили Бродзинскому чувства признательности и симпатіи къ простому люду, который *всѣхъ насъ поитъ и кормитъ, а придетъ война— онъ же проливаетъ за насъ кровь*“.

„Среди крестьянъ Бродзинскій познакомился съ народной поэзіей. Онъ съ жадностью внималъ разсказамъ своей няньки Розы и деревенскихъ бабъ о разныхъ „страхахъ“ и привидѣніяхъ, съ удовольствіемъ слушалъ сказки; все это при болѣзненно-развитомъ воображеніи не могло не наполнить его фантазіи образами страшныхъ чудовищъ, привидѣній, русалокъ, упырей, и такъ какъ умъ его былъ засоренъ всякаго рода предразсудками, то неудивительно, что все это развило въ характерѣ Бродзинскаго сильную пугливость, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться въ теченіе всей своей жизни.

„Здѣсь мы вступаемъ уже въ область совершенно романти-

ческихъ условій развитія ребенка. Реакція просвѣтительнымъ идеямъ XVIII-го вѣка, вызвавшая то сложное настроеніе общества, которое мы называемъ романтизмомъ, направила нѣкоторую часть молодого поколѣнія въ комнату нянекъ и мамокъ, замѣнившихъ собою французовъ-воспитателей, и „здѣсь-то и зародилась, по мнѣнію Брандеса, настоящая романтическая поэзія".

Впослѣдствіи, въ поэзіи Бродзинскаго занимаютъ важное мѣсто изображенія этого сельскаго быта, но общее направленіе литературы было еще такъ далеко отъ реальной простоты, что эти изображенія все еще сильно отзывались сантиментальной идилліей XVIII-го вѣка.

Школьная жизнь Бродзинскаго также была мало благопріятна. Ему пришлось учиться въ школахъ, устроенныхъ во времена Іосифа II и цѣлью которыхъ было распространеніе нѣмецкаго языка и австрійскаго патріотизма; патріотизмъ польскій и вліяніе польскихъ преданій странно перемѣшивались съ оффиціальнымъ направленіемъ школы и нерѣдко ему уступали. Бродзинскій наивно подчинялся этому направленію, писалъ даже патріотическія стихотворенія въ австрійскомъ духѣ; человѣкъ чувства, онъ вообще былъ мало способенъ къ политическому возбужденію, подчинялся ближайшимъ вліяніямъ и въ большинствѣ случаевъ былъ оппортунистомъ, что̀ въ разгарѣ политическихъ страстей не однажды приводило его въ столкновеніе съ патріотами болѣе рѣшительныхъ и именно революціонныхъ стремленій. Въ тревожные годы польской исторіи съ 1809 до 1814 Бродзинскій былъ также увлеченъ водоворотомъ событій, вступилъ даже въ ряды польской арміи и сдѣлалъ походъ 1812 года. Воинъ онъ былъ, конечно, плохой и, къ счастью, нашлись люди, которые обратили вниманіе на юношу, уже проявившаго поэтическую талантливость; ему дали занятія административнаго свойства и въ теченіе войны онъ могъ не прерывать своихъ литературныхъ упражненій. Счастливый случай состоялъ въ томъ, что на своей военной службѣ онъ попалъ подъ команду поэта Реклевскаго, который былъ кромѣ того другомъ старшаго брата Бродзинскаго, Андрея, также поэта. Реклевскій принадлежалъ къ школѣ классическихъ поэтовъ идиллическаго направленія и его вліяніе отразилось несомнѣнно на Бродзинскомъ, который въ это время близко съ нимъ сошелся. На войнѣ Бродзинскій потерялъ и своего брата, и Реклевскаго, убитыхъ въ 1812 году, и зимою 1813 года съ остатками Наполеоновской арміи прибылъ въ Краковъ съ чиномъ артиллерійскаго офицера, полученнымъ подъ Москвою; подъ Лейпцигомъ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ и отпущенъ на честное

слово, мирно прожилъ въ Польшѣ въ сельскомъ уединеніи до 1814 года, когда имп. Александромъ объявлена была амнистія полякамъ, участвовавшимъ въ войнѣ противъ Россіи. Бродзинскій поселился въ Варшавѣ и остался тамъ навсегда. Въ первые годы онъ состоялъ на службѣ въ разныхъ административныхъ вѣдомствахъ, пока наконецъ въ 1821 году былъ приглашенъ профессоромъ литературы въ варшавскій лицей, а въ слѣдующемъ году приглашенъ былъ читать лекціи въ университетѣ.

Ученое образованіе Бродзинскаго было невелико. Его школа закончилась гимназіей; онъ былъ одно время вольнымъ слушателемъ краковскаго университета, но не получилъ никакой ученой степени. Вступленіе въ варшавскій университетъ въ качествѣ профессора сдѣлалось возможнымъ не по ученой правоспособности, а только по той репутаціи, какую получилъ онъ своими литературными трудами.

Біографъ подробно разсказываетъ по различнымъ сохранившимся даннымъ, какъ складывалась литературная дѣятельность Бродзинскаго, съ его первыхъ опытовъ, гдѣ большою опорой служили ему указанія старшаго брата, также имѣвшаго литературныя наклонности и издавшаго книжку стихотвореній, и образцы, какіе Бродзинскій находилъ въ произведеніяхъ своего старшаго сверстника и друга, Реклевскаго. Бродзинскій началъ писать очень рано; въ книжкѣ его брата Андрея, вышедшей въ 1807 году, помѣщено уже нѣсколько стихотвореній Казимира; въ гимназіи онъ уже обратилъ на себя вниманіе своими стихами. Поэзія его опредѣлилась съ самаго начала тѣми условіями личной жизни, о какихъ мы упоминали, и литературными вліяніями. Не имѣя правильнаго руководства въ этомъ послѣднемъ отношеніи, онъ много читалъ особенно нѣмецкихъ поэтовъ прошлаго вѣка и всего сильнѣе подѣйствовала на него псевдо-классическая идиллія въ стилѣ Геснера. Содержаніе его стихотвореній — или субъективная лирика, окрашенная меланхолическимъ настроеніемъ, или „сельскія пѣсни", гдѣ сказалось вынесенное изъ дѣтскихъ лѣтъ любящее отношеніе къ крестьянству, но тѣмъ не менѣе получившее фальшиво-сантиментальный тонъ Геснеровской идилліи. Темы общественнаго характера у него отсутствуютъ или являются только подъ вліяніемъ данной минуты и окружающей среды. „Патріотизмъ Бродзинскаго, — говоритъ авторъ, — не шелъ дальше писанія стиховъ на родномъ языкѣ. Судьбы родного края, его прошлое были совсѣмъ неизвѣстны Бродзинскому; политикой онъ не занимался и не понималъ ея. Это доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ слѣдующаго 1809 года, за нѣ-

сколько мѣсяцевъ до вступленія польскихъ войскъ въ Галицію, Бродзинскій переводитъ стихотвореніе Коллина, проникнутое нѣмецко-австрійскимъ патріотизмомъ, и дѣлаетъ это по предложенію австрійскихъ властей" (стр. 30). Впослѣдствіи онъ объяснялъ это тѣмъ, что стихотворенія Коллина были проникнуты духомъ патріотизма и сельскими картинами, и онъ не думалъ тогда о томъ, что это нѣмецъ писалъ противъ французовъ,—а къ французамъ обращены были тогда самыя горячія польскія сочувствія. „Чтò бы ни говорилъ Бродзинскій, — продолжаетъ авторъ, — но 18-лѣтній юноша долженъ бы лучше понимать современныя политическія условія, еслибы дѣйствительность у него не была заслонена сантиментальнымъ туманомъ и его развитіе не стояло на такомъ низкомъ уровнѣ... Молодежь съ воодушевленіемъ произносила имена Костюшки, Дубровскаго и другихъ героевъ. Надежда на возстановленіе царства польскаго заставляла биться учащеннѣе не одно польское сердце, а въ это время Казимиръ Бродзинскій въ упоеніи успѣхомъ мечтаетъ о путешествіи въ Вѣну и казенной стипендіи въ высшемъ учебномъ заведеніи имени Маріи Терезіи". Сдѣлавши переводъ стихотворенія Коллина, Бродзинскій вступаетъ въ томъ же году въ ряды польскаго войска, которое должно было уже вскорѣ сражаться рядомъ съ французами; въ армію онъ поступалъ опять не по собственной инииціативѣ, а по убѣжденіямъ товарищей и „слѣдуя общему настроенію". Понятно, что война его не увлекала. Отъ 1812 года сохранился отрывокъ его дневника. „Замѣчательно то,—говоритъ біографъ,—что во всѣхъ сохранившихся отрывкахъ изъ его дневниковъ мы совершенно не замѣчаемъ никакого патріотическаго пыла и воодушевленія. Напротивъ, всюду видимъ и читаемъ выраженія грусти, тоски, какое-то пассивное отношеніе къ совершающимся событіямъ. Ни одной бодрой, энергической мысли не высказываетъ онъ въ своихъ дневникахъ, но за то очень часто повторяются желанія, чтобы война скорѣе прекратилась; иногда встрѣчаются замѣтки о передвиженіи войскъ, о тѣхъ или другихъ военныхъ событіяхъ, но чаще Бродзинскій говоритъ о болѣе мирныхъ событіяхъ—о томъ, гдѣ и какъ принимали офицеровъ польской арміи, какія развлеченія были имъ доставлены у того или другого помѣщика и т. д." (стр. 38).

Разсматривая далѣе военно-патріотическія стихотворенія Бродзинскаго, написанныя подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ, біографъ проводитъ параллель между ними и одновременными стихотвореніями Жуковскаго и Кёрнера и приходитъ въ нѣкоторый ужасъ отъ крайней бѣдности стихотвореній польскаго поэта.

Напримѣръ: „оба поэта (Кёрнеръ и Бродзинскій) сочиняли свои стихи въ одну и ту же пору, по однимъ и тѣмъ же поводамъ. Оба участвовали въ военныхъ походахъ 1812—1813 годовъ; оба бились за свободу и независимость своей родины; оба были молодые люди и даже однолѣтки (род. въ 1791 году); но какая огромная разница въ характерѣ ихъ творчества, въ ихъ настроеніи... Въ то время какъ стихи Кёрнера исполнены необыкновенной силы, энергіи, проникнуты глубокимъ чувствомъ, возвышенными стремленіями къ свободѣ, чести и независимости, стихотворенія Бродзинскаго кажутся какимъ-то разслабленнымъ сантиментально-меланхолическимъ лепетомъ“ (стр. 266).

Между прочимъ, „Бродзинскій тоже взываетъ къ Богу (какъ Кёрнеръ): „*Надо идти* сражаться, говоритъ онъ, потому что отцы (а не онъ самъ!) возложили на него это оружіе, чтобы сражаться съ врагами въ твое, Господи, имя (а не за родину!)“. „Ты, говоритъ онъ дальше, страдалъ за цѣлый родъ людской; пусть же и я *пострадаю* за родной край, а ты, Господи, помоги мнѣ *терпѣливо* (не мужественно!) перенести *раны* (о смерти поэтъ не думаетъ!)“. Сколько пассивности и дряблой покорности судьбѣ сказывается въ этой молитвѣ Бродзинскаго!“ (стр. 268).

Біографъ не высокаго мнѣнія и о сельскихъ пѣсняхъ Бродзинскаго. Подробно пересмотрѣвъ ихъ, онъ замѣчаетъ: „Мы разобрали всѣ пѣсни, именуемыя крестьянскими, и не нашли ни одной, заслуживающей вниманія. Сантиментализмъ, ходульность, напыщенность — главныя черты ихъ содержанія. Никакого движенія впередъ не видно въ этихъ стихотвореніяхъ... Народный элементъ въ нихъ ничтоженъ и выражается въ замѣнѣ по временамъ ненародныхъ именъ благозвучными народными названіями.

„*Заслугу* поэта можно видѣть, пожалуй, въ томъ, что онъ признавалъ въ крестьянинѣ человѣка и требовалъ въ своихъ „пѣсняхъ“ уваженія къ нему. Такое направленіе было, однако, слишкомъ еще неопредѣленно и поверхностно...

„Поэтическихъ достоинствъ сельскія пѣсни не имѣютъ, народный элементъ въ нихъ ничтоженъ и въ этомъ отношеніи хвалебные отзывы польской критики доказываютъ только, что ей и до сихъ поръ чужды дѣйствительное, здравое пониманіе и знаніе народности и связанное съ нимъ чувство демократизма. На ея оцѣнкѣ фатальнымъ образомъ сказывается традиціонная неспособность польскаго общества глядѣть на народъ трезво, а не сквозь призму шляхетскихъ предразсудковъ. Историческое значеніе „сельскихъ пѣсенъ“ незначительно. Пѣсни Бродзинскаго, точно также какъ и пѣсни Реклевскаго, были очень скоро за-

быты и совершенно оттѣснены уже къ 20-мъ годамъ новыми созданіями умственной жизни польскаго общества“ [1]).

Быть можетъ, впрочемъ, біографъ въ настоящемъ случаѣ нѣсколько нарушилъ историческую перспективу. Современники Бродзинскаго едвали могли быть такъ требовательны, и относительно взгляда на народный бытъ поэтическія произведенія Бродзинскаго, вѣроятно, больше удовлетворяли современниковъ, чѣмъ могутъ они удовлетворять современнаго критика ихъ безотносительными свойствами. Въ личныхъ взглядахъ Бродзинскаго на сельскій бытъ присутствовало во всякомъ случаѣ весьма гуманное отношеніе къ польскому люду, о тягостномъ бытѣ котораго онъ упоминаетъ не однажды. Быть можетъ, въ его поэзіи чувствовалось то, что его сельскія пристрастія не были только книжной модой, но и искреннимъ чувствомъ, хотя неловко выраженнымъ.

Мы упоминали, что въ вопросахъ политическихъ Бродзинскій былъ человѣкомъ весьма индифферентнымъ, но когда извѣстное общественное настроеніе до него доходило и онъ отдавался его вліянію, это дѣлалось опять, вѣроятно, совершенно искренно, и онъ находилъ для него поэтическое выраженіе, которое способно было увлекать его читателей. Такъ самъ біографъ считаетъ начало литературныхъ успѣховъ Бродзинскаго отъ элегіи „На смерть Іосифа Понятовскаго“. „Перенесеніе смертныхъ останковъ національнаго героя,—говоритъ авторъ,—какъ извѣстно, было поводомъ къ шумнымъ манифестаціямъ, на которыя позволеніе было дано самимъ государемъ Александромъ I. Русскіе генералы съ Кутузовымъ во главѣ шли впереди торжественной процессіи. На смерть Понятовскаго отозвался стихотвореніемъ даже Беранже. На эту же тему писали: Мольскій, Нѣмцевичъ, Бродзинскій. „Интересно сравнить, говоритъ Дмоховскій, произведенія этихъ трехъ писателей. Стихи Мольскаго, какъ и всѣ почти его произведенія — простая холодная проза, разрубленная на стихи. Стихотвореніе Нѣмцевича имѣетъ превраcные образы и дышетъ искреннимъ чувствомъ, но выше всѣхъ и по мыслямъ, и по формѣ выраженія ихъ—элегія Бродзинскаго. Съ увлеченіемъ прочитала изумленная публика это произведеніе, выдѣляющееся по глубинѣ чувства и задушевности тона, изобилующее новыми поэтическими выраженіями, чуждое громогласной напыщенности того времени“ [2]).

И однако это стихотвореніе написано было тотчасъ послѣ

[1]) Стр. 261, 262, 264, 265.

[2]) Стр. 268—269.

того періода военной жизни Бродзинскаго (1809—1814), который, по мнѣнію біографа, остался совершенно безплоденъ для его литературнаго образованія и художественнаго развитія. Дальше мы увидимъ, что Бродзинскому и еще не однажды случилось быть выразителемъ задушевныхъ мыслей лучшихъ людей или наиболѣе одушевленныхъ патріотовъ польскаго общества, когда біографъ находитъ у него только весьма малые успѣхи литературные и художественные.

Новый періодъ его дѣятельности біографъ считаетъ съ 1816 года, когда Бродзинскій, окончательно поселившись въ Варшавѣ, собственно говоря, въ первый разъ могъ отдаться своимъ литературнымъ занятіямъ, хотя, конечно, прерываемымъ службой. Въ это время онъ между прочимъ переводитъ Оссіана и Шиллера. Какъ мы выше упоминали, Бродзинскій учился въ нѣмецкой школѣ, но нѣмецкимъ языкомъ овладѣлъ онъ не скоро и знакомство съ нѣмецкой литературой пріобрѣтено имъ только благодаря одному изъ учителей, нѣмцу Шмидту, профессору реторики, который, обративши вниманіе на даровитаго юношу, познакомилъ его со многими произведеніями тогдашней нѣмецкой литературы, не только съ Гагедорномъ и Уцомъ, но также и съ Виландомъ, Шлегелемъ и Гёте. Біографъ, говоря о переводахъ Бродзинскаго, замѣчаетъ, что онъ однако не умѣлъ вполнѣ понять Шиллера; на это опять можно было бы замѣтить, что полное пониманіе Шиллера, поэта другого общества, стоявшаго на гораздо болѣе высокой ступени просвѣщенія, едва ли кому-нибудь могло быть доступно въ тогдашнемъ обществѣ польскомъ, складъ котораго вообще не отвѣчалъ этому уровню. Такимъ же образомъ не понималъ вполнѣ Шиллера, напримѣръ, и тотъ русскій поэтъ, переводы котораго считаются классическими. Если у насъ, однако, переводы Жуковскаго считались большой литературной заслугой, то такое же сужденіе примѣнимо и къ Бродзинскому. Замѣтимъ притомъ, что біографъ, сличивши нѣкоторые общіе переводы изъ Шиллера у того и другого, находитъ, что переводы польскаго писателя вообще отличаются гораздо большею точностью и болѣе поэтическою передачею подлинника [1].

Въ самыхъ идиллическихъ стихотвореніяхъ, опять судимыхъ біографомъ очень строго, онъ находитъ „милое, граціозное, а также и реальное“ и приводитъ, хотя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, отзывъ современнаго критика, Дмоховскаго, который не всегда былъ расположенъ къ Бродзинскому: „Кто не увидитъ въ

[1]) См. эти сличенія на стр. 277—282.

„Вѣславѣ“ (главная сельская поэма Бродзинскаго),—писалъ Дмоховскій,—вѣрнаго изображенія народа? Кому не понравится та простота, которой дышетъ эта идиллія? Кто же не будетъ признателенъ автору за то, что онъ въ своихъ пѣсняхъ сохранилъ способъ выраженія чисто польскій и сельскій, и въ то же время милый и благородный,—достоинство, которое встрѣчается теперь такъ рѣдко“ (стр. 312). Если рѣчь идетъ не объ абсолютной оцѣнкѣ писателя, а объ опредѣленіи его историческаго значенія, что̀ и требуется въ настоящемъ случаѣ, сужденіе и не можетъ быть иное кромѣ относительнаго, и подобные отзывы современниковъ именно указываютъ, чѣмъ онъ былъ для нихъ, слѣдовательно, въ чемъ состояла его историческая заслуга,—какъ бы мы ни судили о немъ по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ и нынѣшнему вкусу.

Въ изложеніи біографа мы постоянно встрѣчаемся съ двойственными фактами подобнаго рода. Повидимому, тѣ хвалебные отзывы, какіе встрѣтилъ онъ относительно Бродзинскаго у историковъ польской литературы, и которые не оправдывались непосредственными впечатлѣніями его собственнаго изученія, вообще настроили біографа къ отрицательному взгляду, но, какъ намъ кажется, авторъ отчасти утерялъ при этомъ историческую перспективу. Для того, чтобы судить о Бродзинскомъ правильнѣе, автору слѣдовало бы только придать нѣсколько больше значенія тѣмъ указаніямъ о состояніи литературнаго образованія, какія имъ самимъ собраны. Крайне неблагопріятныя политическія условія, въ какихъ находилось польское общество конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, отразились упадкомъ образованія и литературныхъ вкусовъ. Творческая дѣятельность почти прекратилась,—говоритъ авторъ,—поэтамъ оставалось лишь предаваться грустнымъ лирическимъ изліяніямъ „на гробѣ своей родины“; краснорѣчіе, достигшее въ предшествующую пору высокой степени совершенства, скромно пріютилось теперь на церковной каѳедрѣ; небольшая кучка ученыхъ, отдавшихся изученію родной старины и совершенно чуждыхъ вліяніямъ западно-европейскимъ, не имѣла публики, съ которой могла бы дѣлиться своими изслѣдованіями и въ свою очередь пользоваться ея поддержкой. Кругъ читателей въ эту пору все болѣе и болѣе съуживался, а литература и наука постепенно утратили всякое значеніе и цѣнность. „Чтобы считаться ученымъ и литераторомъ, въ то время немного требовалось: поверхностное знакомство съ французской литературой, обладаніе небольшой библіотекой, подписка на „Pamiętnik Warszawski“ давали каждому право на лестное званіе литератора. Кто

написалъ гладкими стишками одну-другую басню, перевелъ французское стихотвореніе, считался уже поэтомъ; переводъ цѣлой трагедіи и постановка ея на сценѣ давали счастливцу званіе великаго стихотворца".

Наполеоновскія войны пробудили польское общество изъ этой апатіи; нѣсколько лѣтъ занято было патріотическимъ возбужденіемъ; паденіе Наполеона смѣнило этотъ энтузіазмъ крайней ненавистью къ французамъ, но затѣмъ великодушіе императора Александра I снова подняло духъ поляковъ и съ основаніемъ царства польскаго началась въ литературѣ оживленная дѣятельность. Въ Варшавѣ постепенно сосредоточились литературныя силы и началась усиленная работа, и затѣмъ другіе подобные центры образуются во Львовѣ, въ Вильнѣ, Кременцѣ [1]).

Съ этого времени, какъ мы видѣли выше, и Бродзинскій дѣятельнымъ образомъ выступаетъ впервые на литературное поприще. Очевидно, что значеніе его трудовъ должно измѣряться въ соотношеніи съ той исторической обстановкой, въ какой они совершались и какую изобразилъ здѣсь самъ его біографъ.

Бродзинскій съ этого времени писалъ очень много, и одна изъ статей, которая произвела тогда большое впечатлѣніе, была посвящена вопросу, который становился въ то время предметомъ жесточайшихъ споровъ. Это былъ вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ. Біографъ даетъ понятіе о томъ, какъ стоялъ этотъ вопросъ въ литературѣ европейской, и объясняетъ, какія стороны европейскаго романтизма могли найти мѣсто въ польской литературѣ. Очевидно, что здѣсь, какъ въ то же самое время въ русской литературѣ, вслѣдствіе различія всѣхъ условій историческаго быта и просвѣщенія могли отразиться лишь нѣкоторыя стороны романтизма западнаго. Въ польской литературѣ (опять также какъ въ русской) это былъ во всякомъ случаѣ шагъ впередъ, такъ какъ романтизмъ, во-первыхъ, сильно расширялъ знакомство съ литературами европейскими, и во-вторыхъ, устранялъ стѣснительныя рамки, въ которыхъ держался старый псевдо-классицизмъ. Съ романтизмомъ впервые могъ въ значительной мѣрѣ войти въ литературу элементъ народности, едва признаваемый или не признаваемый совсѣмъ въ старой школѣ. Въ тогдашней польской литературѣ романтизмъ получилъ еще новый оттѣнокъ по особеннымъ условіямъ политической и общественной жизни того времени. Первое увлеченіе тѣми конституціонными учрежденіями, которыя далъ Польшѣ императоръ Александръ, стало

[1]) Стр. 96—102.

проходить уже скоро; въ обществѣ появлялось недовольство, которое мало-по-малу стало принимать характеръ чисто революціонный, и за невозможностью открытаго политическаго протеста споръ между консервативной и радикальной частью общества выразился въ литературѣ возстаніемъ романтиковъ противъ устарѣлой литературной школы, которая дѣйствительно совпадала съ умѣренно-консервативными политическими мнѣніями. Именно въ то время, когда шло это броженіе, появилась статья Бродзинскаго о классицизмѣ и романтизмѣ (1818). Біографъ указываетъ, что и на этотъ разъ слава, какою пользовалась эта статья, была не совсѣмъ заслуженная, что вопросъ раньше былъ поднимаемъ другими и что Бродзинскій сказалъ въ своей статьѣ нѣчто неясное и нерѣшительное. Дѣйствительно, положеніе, занятое въ этомъ спорѣ Бродзинскимъ, было нѣсколько неопредѣленное: онъ хочетъ стать на серединѣ между двумя направленіями. Самъ онъ дѣйствительно воспитался на классицизмѣ съ его опредѣленными, узкими, но выработанными формами; къ романтизму его привлекалъ инстинктъ, указывавшій въ немъ болѣе широкій просторъ для поэтической фантазіи и для народнаго элемента, но изъ-за Шиллера и Гёте (изъ послѣдняго онъ перевелъ „Вертера") онъ не хотѣлъ уступить Расина; наконецъ, когда за рѣзкими требованіями романтиковъ можно было угадывать политическій либерализмъ, онъ не усомнился возставать противъ „либераловъ и демагоговъ". Говоря вообще, трудно было бы, пожалуй, увидѣть въ этихъ мнѣніяхъ Бродзинскаго предшествіе романтизма и въ немъ его предтечу. Біографъ опровергаетъ такой взглядъ польскихъ литературныхъ историковъ цѣлымъ рядомъ указаній, гдѣ такое значеніе Бродзинскаго вовсе не подтверждается фактами. Такъ, напримѣръ, Бродзинскій порицалъ произведенія Гощинскаго и Мальчевскаго и „само собою разумѣется,—говоритъ біографъ,—что между авторомъ идиллическаго „Вѣслава" и творцами байроническихъ поэмъ, какъ „Марія" и „Каневскій Замокъ", не могло быть ничего общаго". Или: „не подлежитъ сомнѣнію, что Бродзинскій не сочувствовалъ Мицкевичу и не понималъ его произведеній. О его сонетахъ Бродзинскій даетъ весьма пренебрежительный и то сдѣланный какъ бы вскользь отзывъ". Весьма ограничено было его вліяніе даже на Залѣскаго, который изъ всей новой поэтической школы стоялъ къ нему всего ближе [1]). Но несмотря на все это оказывается, что Бродзинскій пользовался и въ то время, и особливо потомъ великимъ уваженіемъ

[1]) Стр. 73, 74, 372 и др.

у романтиковъ, отъ которыхъ онъ былъ повидимому такъ далекъ и къ которымъ въ прежнее время относился даже прямо враждебно и въ общественномъ, и въ литературномъ отношеніи. Объясненія этому надо искать опять въ общемъ положеніи тогдашней литературы и въ личныхъ свойствахъ Бродзинскаго, какъ человѣка и писателя. Относительно молодой романтической школы Бродзинскій былъ человѣкъ старшаго поколѣнія, но онъ былъ все-таки ближе къ ней, чѣмъ тѣ настоящіе столпы консервативнаго классицизма, для которыхъ, напримѣръ, произведенія начинавшаго Мицкевича были только „глупостью и мерзостью". Бродзинскій при всей наклонности къ старому вкусу умѣлъ однако отнестись къ романтизму гораздо спокойнѣе, самъ косвенно ему содѣйствовалъ и своей собственной сельской поэзіей, и переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ романтиковъ и, какъ увидимъ, своими историко-литературными и критическими трудами. Наконецъ, при всѣхъ его теоретическихъ ошибкахъ, въ немъ нельзя было не видѣть писателя съ искренними убѣжденіями: много въ стремленіяхъ новаго поколѣнія онъ не понималъ; онъ не раздѣлялъ ни литературнаго, ни политическаго либерализма, но когда, какъ бывало прежде, извѣстная общественная идея доходила и до него, его чувство находило одушевленное поэтическое выраженіе, которое восхищало и самихъ романтиковъ. Впослѣдствіи, онъ восхищался и произведеніями Мицкевича.

Мы упомянули объ его историко-литературныхъ трудахъ. По количеству написаннаго имъ, работы этого рода представляютъ наибольшую массу его труда. По обширности своего чтенія онъ былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго польскаго литературнаго круга.

„Его способность къ работѣ по истинѣ поразительна,—говоритъ біографъ;—при той ограниченности времени, какое онъ могъ удѣлять чтенію европейской литературы, становится просто непонятнымъ, когда и гдѣ Бродзинскій могъ пріобрѣсти столь значительныя познанія въ этой области. Онъ былъ знакомъ со всѣми произведеніями французскихъ и нѣмецкихъ ложно-классиковъ и переводилъ отрывки изъ нихъ; кромѣ Корнеля, Расина, Вольтера, онъ читалъ Мольера. Изъ нѣмцевъ, кромѣ Геснера, ему извѣстны и онъ часто упоминаетъ Галлера, Гагедорна, Уца, Виланда, съ которыми познакомился еще въ Тарновѣ. Въ своемъ курсѣ литературы Бродзинскій посвящаетъ отдѣльную главу очерку литературной дѣятельности Петрарки, Боккачіо, Данте; изъ англійскихъ писателей ему извѣстны: Стернъ, Гольдсмитъ, Грей, Оссіанъ, Вальтеръ-Скоттъ.

„Въ его сочиненіяхъ мы находимъ отдѣльныя статейки и замѣчанія о Тассо, Мильтонѣ, Лафатерѣ, Драйденѣ, Вальтеръ-Скоттѣ, Петраркѣ и нѣкоторыхъ другихъ писателяхъ новыхъ и среднихъ вѣковъ.

„Всего болѣе былъ знакомъ Бродзинскій съ нѣмецкой литературой: писатели „Sturm und Drangperiode"; произведенія Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте были хорошо ему извѣстны... Изъ иностранныхъ ученыхъ Бродзинскій часто ссылается въ своихъ работахъ на имена братьевъ Шлегелей, Лессинга, Шеллинга, Канта, Ж.-П. Рихтера, Вернера, Мюллера, Грильпарцера, Картмеръ-Кэнси, Баумгартена, Вильмена, Зульцера, Винкельмана, Гердера, Дроза, Сисмонди, Фререта, Шлёцера...

„Древне-классическую литературу, въ особенности римскую, Бродзинскій зналъ основательно...

„Изъ новыхъ языковъ Бродзинскій зналъ основательно нѣмецкій и французскій, а переводы произведеній англійскихъ, по всей вѣроятности, онъ дѣлалъ не съ подлинника. Славянскіе языки почти всѣ были настолько ему извѣстны, что онъ могъ дѣлать переводы пѣсенъ; зналъ ли онъ русскій языкъ, и сколько велики были познанія въ немъ, мы сказать не можемъ" [1]).

Но рядомъ съ этимъ біографъ указываетъ у Бродзинскаго крайній недостатокъ поэтической и теоретической самостоятельности: „Какъ поэтъ, онъ былъ человѣкомъ очень мало наблюдательнымъ и вынесъ изъ жизни весьма небольшой запасъ художественныхъ образовъ и впечатлѣній; какъ ученый и какъ критикъ, онъ обнаруживаетъ весьма ничтожную оригинальность. Въ своихъ научныхъ и критическихъ работахъ Бродзинскій обыкновенно слѣдовалъ тому или другому европейскому образцу, но такъ какъ времени и развитія у него не хватало для того, чтобы углубиться, уразумѣть изучаемаго писателя, то и сказывается во всѣхъ его произведеніяхъ одна и та же любопытная черта: вопросъ трактуется всегда поверхностно, авторъ избѣгаетъ философскихъ абстракцій, которыя ему кажутся туманной метафизикой; онъ стремится стать на практическую почву, благодаря чему его статьи выигрываютъ въ популярности, но много теряютъ въ содержательности и вѣрности сужденій, подчасъ совершенно искажающихъ подлинникъ. Такъ, напр., переработано Бродзинскимъ разсужденіе Шиллера: „Ueber naïve und sentimentalische Poësie", совершенно утратившее въ передѣлкѣ Бродзинскаго свой философскій глубокомысленный характеръ; другое разсужденіе Шил-

---

[1]) Стр. 65—67.

лера „Die Schaubühne als eine moralische Anstalt betrachtet“, было совершенно непонято и даже извращено Бродзинскимъ... Статья Гердера, переведенная Бродзинскимъ, подверглась такимъ же измѣненіямъ, равно какъ и знаменитая статья Шеллинга „Ueber das akademische Studium“... Въ своемъ курсѣ стилистики, онъ пользовался преимущественно трудомъ Аделунга „Ueber den deutschen Styl“; въ курсѣ эстетики цѣлая глава „О возвышенномъ и прекрасномъ“ есть почти дословный переводъ изъ Канта „Ueber das Schöne und Erhabene“... Многія размышленія Бродзинскаго о нѣмцахъ и романтизмѣ навѣяны книгой m-me de Staël „De l'Allemagne“; его сужденія о Шекспирѣ и даже цѣлые отрывки заимствованы у Шлегеля. Увлеченіе Оссіаномъ, интересъ въ народной поэзіи—дѣло вліянія Гердера... Даже въ работахъ по исторіи польской литературы проявляется та же несамостоятельность ума Бродзинскаго... все дѣленіе исторіи польской литературы на періоды заимствовано имъ изъ почтеннаго труда Бентковскаго“ (стр. 64—65).

Эта несамостоятельность не представляетъ ничего удивительнаго. Бродзинскій не былъ умъ теоретическій; высшей школы, какъ мы видѣли, онъ не имѣлъ никакой; полный самоучка въ изученіи литературы, эстетики, философіи, онъ просто не былъ достаточно вооруженъ въ научномъ отношеніи, чтобы достигнуть самостоятельности, о которой говоритъ его біографъ. Напротивъ, надо удивляться и тому, чтò онъ сдѣлалъ при своихъ небогатыхъ образовательныхъ средствахъ. Его роль, которую и онъ понималъ, вѣроятно, не иначе, состояла лишь въ томъ, чтобы перенести въ польскую литературу тотъ кругъ философско-литературныхъ интересовъ, какіе въ то время были выработаны преимущественно въ нѣмецкой литературѣ и которыя здѣсь, конечно, не были достаточно извѣстны. Его собственныя симпатіи, какъ замѣчено выше, колебались между двумя направленіями, но онъ тѣмъ не менѣе въ своихъ статьяхъ о классицизмѣ и романтизмѣ наводилъ на вопросы, невѣдомые старой школѣ и развитіе которыхъ содѣйствовало самымъ успѣхамъ новой школы. Въ статьѣ о романтизмѣ и классицизмѣ онъ дѣлаетъ обзоръ главныхъ европейскихъ литературъ, начиная отъ грековъ и римлянъ, указывая значеніе важнѣйшихъ историческихъ явленій, имѣвшихъ вліяніе на характеръ поэзіи, и находя, что романтизмъ не есть принадлежность какой-нибудь одной эпохи, а напротивъ, свойственъ поэзіи каждаго народа на ея первоначальныхъ ступеняхъ; изъ новѣйшихъ литературъ онъ видитъ особенное достоинство въ нѣмецкой на томъ основаніи, что она вполнѣ народна и именно

въ этомъ отношеніи ей надо подражать. Въ заключеніе онъ ставитъ вопросъ о томъ, чѣмъ долженъ быть романтизмъ въ польской поэзіи? Для рѣшенія вопроса онъ обращается къ польской исторіи и, не находя въ ней ни рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ, ни кровопролитныхъ войнъ, какими сопровождалось у другихъ народовъ распространеніе христіанства, ни мистической философіи, Бродзинскій заключаетъ, что и польскій романтизмъ не можетъ быть похожъ на нѣмецкій. Характеръ его долженъ опредѣлиться національными свойствами.

„Наше рыцарство,—говоритъ Бродзинскій,—спокойно отдавалось занятіямъ земледѣльческимъ, не подчиняясь однако волѣ и разсчетамъ одного лица; независимое, оно единодушно выступало противъ общаго врага.

„Мы были всегда народомъ мирнымъ, земледѣльческимъ. Мы любили свободу, независимость. Мы опередили Европу: наша республиканская форма—единственная въ своемъ родѣ. Учрежденія нашихъ отцовъ—прямой отголосокъ обще-славянскихъ учрежденій; въ нихъ мы видимъ тѣ же начала, на которыхъ стремятся устроиться и другія государства.

„При той свободѣ, которою мы пользовались, у насъ такъ мало, сравнительно съ другими народами, совершалось злодѣяній и возмущеній, что по сраведливости насъ можно считать народомъ добрымъ и гуманнымъ...

„Любовь къ свободѣ вмѣстѣ съ самопожертвованіемъ ради блага края были такъ сильно развиты у нашихъ предковъ, что смѣло можно поставить ихъ наравнѣ съ римлянами и греками; религіозность и простота, соединенныя съ этими гражданскими доблестями, напоминая лучшія времена патріархальнаго быта, указываютъ намъ идеалъ человѣческаго общежитія, къ которому должно придти человѣчество послѣ цѣлаго ряда жертвъ и ошибокъ.

„Религія, король съ народомъ и народъ съ королемъ—вотъ всегдашній нашъ девизъ. Древніе производили потомство царей отъ боговъ, а мы гордимся тѣмъ, что наши первые короли взяты прямо отъ плуга; мы величаемъ нашего Казимира Великимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ королемъ мужиковъ“ [1]).

Въ объясненіе своихъ положеній Бродзинскій дѣлаетъ обзоръ польской поэзіи, начиная съ Кохановскаго, которымъ въ особенности восхищается, также какъ псевдо-классическими идилликами, въ которыхъ находитъ уже истинный національный романтизмъ и т. д. Самъ строгій біографъ находитъ въ этомъ очеркѣ поль-

---

[1]) Стр. 124—125.

ской поэзіи значительную проницательность и много мѣткихъ сужденій объ исторіи польской поэзіи. Общій выводъ Бродзинскаго состоялъ въ томъ, что не должно разрывать съ прошедшимъ; напротивъ, должно опираться на него, почерпать свѣжіе мотивы для литературы изъ неисчерпаемаго источника народной поэзіи, а также и добросовѣстнаго изученія исторіи, обычаевъ и народнаго характера.

„Какъ поляки, — писалъ Бродзинскій, — какъ христіане, не станемъ искать романтическихъ впечатлѣній въ религіи или въ этихъ ужасахъ мрака, какіе мы видимъ у германскихъ народовъ; какъ люди, любящіе свой край, не будемъ, вспоминая своихъ предковъ, искать ббразовъ въ рыцарской поэзіи среднихъ вѣковъ; изобразимъ ихъ какъ гражданъ-рыцарей, занятыхъ заботой о своемъ уголкѣ, занимающихся земледѣліемъ, а не сторожащихъ добычу на скалахъ, какъ хищныя птицы; не изъ-за прелестныхъ дамъ, а за свободу родины сражались они, какъ орлы вылетая изъ своихъ гнѣздъ на широкія равнины. Чудныя судьбы нашей родины представляютъ громадное поле для нашей поэзіи. Нашъ романтизмъ—это наши города, слѣды которыхъ прикрыла теперь черная пашня,—наши мрачные замки, гдѣ жили нѣкогда наши короли, а теперь поселяне прилѣпили къ ихъ стѣнамъ свои убогія избы,—наша столица, въ которой спятъ вѣчнымъ сномъ въ уединенныхъ мѣстахъ наши рыцари, могилы предковъ, которыя встрѣчаемъ мы повсюду на нашихъ нивахъ“ [1]) и т. д.

Сколько бы ни были взгляды Бродзинскаго въ частностяхъ враждебны тогдашнимъ романтикамъ, нельзя не видѣть, что въ этихъ словахъ указаны именно многія изъ темъ, на которыхъ и останавливалась потомъ польская романтическая школа. Какъ увидимъ дальше, Бродзинскій, несмотря на умѣренность и спокойствіе его фантазіи, совпалъ съ этой школой и въ выраженіи крайняго мистическаго патріотизма.

Въ своихъ послѣдующихъ трудахъ Бродзинскій развиваетъ свои мысли о значеніи и достоинствѣ литературы, которая должна служить просвѣщенію и вмѣстѣ оставаться вѣрной народному духу; онъ не преувеличивалъ однако значенія преданій и настаивалъ на необходимости просвѣщенія. Въ „Письмахъ о польской литературѣ“ онъ объясняетъ понятіе humanitas, считаетъ гибельнымъ раздѣленіе между точными науками и изящной словесностью, которая, по мнѣнію многихъ, можетъ служить только

---

[1]) Стр. 128.

для легкаго развлеченія, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности наука, религія, философія и искусства должны быть тѣсно связаны. Одно изъ этихъ писемъ посвящено объясненію понятія народности. Онъ различаетъ любовь къ народности и къ отечеству: „Въ странахъ мало просвѣщенныхъ и дурно управляемыхъ,—говоритъ онъ,—немыслима любовь къ отечеству! Любовь къ своему краю и къ свободѣ—это одно и то же. У насъ же возможна только любовь къ народности. Гдѣ не умерла народность, не все еще пропало“. Служеніе народности должно состоять въ томъ, чтобы „совершенствовать и развивать народность, не передѣлывая однако ея, возбуждать и оживлять воспоминаніемъ прекрасныя чувства отцовъ, возносить то, чего требуетъ просвѣщеніе, отрѣшаясь отъ старыхъ ошибокъ и заблужденій, но и не впадая въ новыя, лелѣять народный языкъ, искусство, литературу, чтобы они были не только пріятны, но и полезны, не слишкомъ увлекаясь, но и не пренебрегая родной литературой, любить ее такой, какой она можетъ и должна быть“.

Въ другой статьѣ, онъ говоритъ о тогдашнемъ политическомъ положеніи польскаго народа: „Мы были въ свое время могущественнымъ народомъ, но судьба и обстоятельства намъ не благопріятствовали. Свобода была слишкомъ раннимъ плодомъ на нашей землѣ; мы не съумѣли воспользоваться ею, не съумѣли ее оцѣнить; другіе сорвали этотъ недозрѣвшій плодъ своею рукою. Мы пали, но не естественной смертью, присущей всѣмъ народамъ,—мы погибли, словно могучій дубъ, сраженный громомъ; остался одинъ пень, который начинаетъ теперь пускать свѣжіе ростки, и въ нихъ заключается наша связь съ прошедшимъ, надежды на будущее“...

„Въ настоящее время, побѣжденные однимъ изъ величайшихъ монарховъ, мы получили отъ него право на независимое существованіе и связанную съ нимъ свободу... Мы можемъ имѣть только одну цѣль: стремиться къ нравственному самоусовершенствованію, къ поднятію достоинства народнаго; мы должны догнать народы во всемъ томъ, въ чемъ отстали отъ нихъ въ годину тяжкихъ испытаній. Вотъ мирная, самая спасительная и священная наша задача“. Для достиженія этой цѣли остается литература и въ ней одна дорога—единство и согласіе въ стремленіяхъ; надо оставить всѣ споры и всѣмъ, кто можетъ, идти къ общей цѣли. „Немыслимо, чтобы писатель въ наше время, какъ забіяка, вторгался въ населенныя мѣста, чтобы поразить противника и, похваставшись силою, ожидать затѣмъ одобрительныхъ рукоплесканій толпы“. „Время средневѣковыхъ поединковъ без-

возвратно миновало". „Лучше быть сотрудникомъ въ работѣ на общую пользу, чѣмъ соперникомъ всѣхъ ради личнаго самолюбія". Онъ воображалъ даже, что литература въ самомъ дѣлѣ можетъ быть соединена въ одинъ, во всемъ согласный и дружный кружокъ: писатели, художники, переводчики и т. д. должны работать по опредѣленной программѣ, для всѣхъ обязательной; по извѣстному правилу должны были издаваться журналы и газеты, должны быть правила для критики и т. д.

„Когда программа будетъ выполнена,—излагаетъ мысли Бродзинскаго біографъ,—настанетъ блаженное время: не будетъ ни „греческихъ философовъ", ни „ученыхъ нѣмецкихъ педантовъ", ни кропателей французскихъ стиховъ; прекратятъ свою работу литературныя фабрики, люди избавятся отъ этой массы огромныхъ фоліантовъ, толстыхъ книгъ и комментаріевъ, прекратится трудовая жизнь человѣка и радостный народъ, физически и нравственно обновленный, будетъ предаваться покою, невинности и забавамъ" [1]).

Конечно, желаніе привести литературу къ такому „единству" было совершенно простодушно, какъ простодушно было бы надѣяться привести всѣхъ людей къ одному образу мыслей; жизнь литературы есть необходимо борьба, изъ которой и выходятъ ея пріобрѣтенія. На это давно уже и указали критики Бродзинскаго. Эта мечта произошла, безъ сомнѣнія, подъ впечатлѣніемъ того положенія польскаго общества, какое Бродзинскій изображалъ въ приведенныхъ выше словахъ и въ которомъ, по его мнѣнію, единственнымъ спасеніемъ польской народности оставалось полное единодушіе на поприщѣ образованія.

Эти мысли о народности, объ истинномъ романтизмѣ, какой возможенъ и нуженъ для польской литературы, Бродзинскій излагалъ въ обширной дидактической поэмѣ о „Поэзіи", изданной по частямъ въ 1816 и 1821 годахъ. Здѣсь поученіе писателю, чтобы онъ воспѣвалъ родной край, его природу, простой бытъ его народа, дѣянія предковъ, и проч., опять совпадаетъ съ тѣмъ, что̀ вскорѣ потомъ дѣйствительно изображала романтическая школа. Приводя отрывокъ изъ этой поэмы, біографъ замѣчаетъ: „Эти превосходные совѣты суждено было выполнить не Бродзинскому, а главнымъ образомъ поэтамъ польско-украинской школы, возникшей и развившейся почти совершенно независимо отъ вліяній нашего поэта, тогда какъ только немногія произведенія Бродзинскаго служатъ практическимъ оправданіемъ его тео-

---

[1]) Стр. 147—151.

ретическихъ положеній. Въ этомъ сказывается главная особенность литературной дѣятельности К. Бродзинскаго. Подъ вліяніемъ нѣмецкой критики онъ высказывалъ такія общія положенія, которыя онъ по своему литературному развитію, по запасу впечатлѣній и ббразовъ, унаслѣдованныхъ отъ предъидущей поры, не могъ оправдать въ своей поэтической дѣятельности" [1]).

Другими словами, у него не было для этого достаточно дарованія, но то впечатлѣніе, какое оставляютъ въ самомъ біографѣ нѣкоторыя изъ разсужденій Бродзинскаго и нѣкоторые эпизоды его поэзіи, можетъ свидѣтельствовать, что польскіе критики, у которыхъ, конечно, эти впечатлѣнія были сильнѣе, имѣли право связывать дѣятельность Бродзинскаго съ развитіемъ романтизма.

Къ тому же 1818 году относится еще одно „знаменитое" произведеніе Бродзинскаго—его элегія о польскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что въ образованномъ польскомъ обществѣ съ конца прошлаго вѣка очень сильно былъ распространенъ французскій языкъ, и вслѣдствіе того заброшенный польскій языкъ начиналъ грубѣть. Въ томъ настроеніи, какое принимали патріотическія и литературныя идеи Бродзинскаго, онъ не могъ оставаться къ этому равнодушнымъ и посвятилъ свою пьесу скорби объ упадкѣ родного языка и осужденію пристрастій общества къ чужеземному и особливо французскому. По словамъ біографа, именно Бродзинскому должно быть приписано то, что съ этого времени въ польскомъ обществѣ именно произошелъ поворотъ въ пользу родного языка.

„Элегія оказала желанное дѣйствіе на общество, вездѣ стали изгонять изъ салоновъ французскій языкъ, замѣняя его роднымъ, польскимъ.

„Одынецъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" сообщаетъ, что въ началѣ 20-хъ годовъ это стремленіе къ родному сдѣлалось своего рода модой и дошло до крайностей, вызывавшихъ, между прочимъ, неудовольствіе самого Бродзинскаго. Во многихъ домахъ былъ положенъ штрафъ за каждое иностранное слово, произнесенное въ разговорѣ, и кружка, куда собирались деньги отъ штрафовъ, всегда находилась между присутствующими, часто стѣсняя самихъ бесѣдующихъ и дѣлая ихъ бесѣду крайне принужденною" [2]).

Имя Бродзинскаго называлось обыкновенно въ ряду тѣхъ писателей, которые въ польской литературѣ привѣтствовали славян-

[1]) Стр. 275.
[2]) Стр. 288.

ское возрожденіе, настаивали на изученіи народности и были, наконецъ, въ личныхъ отношеніяхъ съ вожаками возрожденія у западныхъ славянъ, напримѣръ у чеховъ. Біографъ и въ этомъ случаѣ не находитъ у Бродзинскаго той заслуги, какая обыкновенно за нимъ считается. Говоря объ отношеніяхъ Бродзинскаго къ славянскому движенію и вмѣстѣ къ изученію народной поэзіи, біографъ приводитъ вообще такія данныя.

Въ упомянутыхъ выше „Письмахъ о польской литературѣ" (1820) онъ уже говоритъ о необходимости изученія славянства, указываетъ успѣхи славяновѣденія, дѣлаетъ характеристику славянъ (выписывая ее почти цѣликомъ изъ „Ideen" Гердера) и выражаетъ намѣреніе сообщать иногда переводы произведеній славянской поэзіи. Онъ съ гордостью говоритъ о славянскомъ племени, простирающемся отъ Эльбы до Камчатки, отъ сѣверныхъ морей до Средиземнаго, и не находитъ оправданія для бѣдности польской литературы свѣденіями о славянскихъ народахъ, „которые входили въ самыя близкія связи съ нашимъ краемъ, языкъ которыхъ и обычаи должны бы насъ интересовать хотя ради пользы нашей литературы",—и однако „или почти совсѣмъ для насъ чужды, или слишкомъ мало интересуютъ читателей" [1]).

Извѣстны только отношенія Бродзинскаго съ нѣкоторыми чешскими патріотами, именно Ганкой и Челяковскимъ. Съ послѣднимъ, по словамъ біографа, Бродзинскій близко сошелся, такъ какъ ихъ роднили многія общія черты характера. Въ письмахъ Челяковскаго къ его друзьямъ остались самые сочувственные отзывы о польскомъ писателѣ. Челяковскій восхищается его „Вѣславомъ" и „Легіонистомъ". Это—„премилый человѣкъ и отмѣнный любитель народной поэзіи"; у него уже много чешскихъ пѣсенъ въ польскомъ переводѣ; онъ собирается переводить Краледворскую рукопись; онъ сообщалъ, что „общество любителей наукъ въ Варшавѣ собирается взяться за изданіе славянской энциклопедіи, т.-е. такого сочиненія, въ которомъ были бы приняты въ соображеніе всѣ предметы, такъ или иначе относящіеся къ славянству". Это было въ 1824 году; во второмъ томѣ „Славянскихъ народныхъ пѣсенъ" Челяковскаго, вышедшемъ въ 1825 г., находится посвященіе Бродзинскому (что̀, замѣтимъ кстати, также способствовало репутаціи Бродзинскаго, какъ любителя славянства), и эпиграфомъ для этой книги взяты слова Бродзинскаго. „Какъ славянофилъ, Челяковскій высказывается опредѣленнѣе Бродзинскаго", —замѣчаетъ здѣсь біографъ [2]), — но сравненіе между ними

[1]) Стр. 147, 330—331.

[2]) Стр. 334.

едва ли умѣстно: оба писателя, какъ самыя литературы, которымъ они принадлежали, стояли въ совершенно различныхъ положеніяхъ. Для чешскихъ патріотовъ, къ которымъ принадлежалъ Челяковскій панславянская постановка вопроса составляла самую сущность ихъ патріотическаго дѣла, потому что чешское возрожденіе въ этомъ особливо находило опору для защиты ближайшаго національнаго интереса. Въ литературѣ польской дѣло стояло совершенно иначе,—мы видѣли, что самъ Бродзинскій жаловался на равнодушіе польскаго общества къ славянскимъ единоплеменникамъ, на бѣдность польской литературы въ свѣденіяхъ о славянствѣ. Для однихъ панславянство составляло жизненную стихію и орудіе борьбы, для другихъ—болѣе или менѣе случайный интересъ, который могъ быть и не быть, по крайней мѣрѣ не считался необходимымъ.

Біографъ такъ излагаетъ отношенія Бродзинскаго къ Россіи въ связи съ этимъ славянскимъ интересомъ: „Бродзинскаго отнюдь нельзя назвать руссофиломъ. Симпатіи и преданность Бродзинскаго къ Александру I объясняются главнымъ образомъ оппортунистическими соображеніями, но въ его многихъ произведеніяхъ и отдѣльныхъ замѣчаніяхъ вообще нельзя не усмотрѣть нѣкотораго нерасположенія къ Россіи. Въ своемъ курсѣ литературы, въ главѣ о славянахъ, Бродзинскій, говоря о малороссахъ, рекомендуетъ ихъ языкъ вниманію „всѣхъ друзей славянства" и полагаетъ, что всему славянству было бы много выгоднѣе, еслибы Кіевъ остался центральнымъ пунктомъ южной Руси, какъ столица отдѣльнаго государства. О малорусскомъ языкѣ онъ говоритъ: „это самое чистое и самое близкое къ славянскому нарѣчіе; такъ какъ оно до сихъ поръ еще не сдѣлалось языкомъ письменности, то его можно считать по простотѣ выраженій и ихъ богатству равнымъ языку Гомера. На бѣлорусскомъ нарѣчіи Бродзинскому извѣстны труды доктора Скорины. Великорусскимъ языкомъ, по мнѣнію Бродзинскаго, начали писать только со времени Петра Великаго. Тѣмъ не менѣе Бродзинскій защищаетъ Трембецкаго, довольно, впрочемъ, умѣренно, полагая, что онъ вполнѣ искренно стоялъ за Екатерину, хотя она въ дѣйствительности „руководилась не славянской идеей, а идеей грабежа".

Вообще біографъ находитъ, что панславянскіе интересы Бродзинскаго были очень умѣренны: „Бродзинскій прежде всего и больше всего былъ полякъ и горячій патріотъ. Нигдѣ не встрѣчаемъ мы у него и намека на идею общеславянскаго языка, волновавшую тогда славянскихъ ученыхъ; никогда бы не поступился онъ сокровищами родного языка ради этой идеи, и отъ Россіи

онъ ждалъ защиты и охраны правъ польс[illegible]
ности. Особеннаго увлеченія славянскимъ во[illegible]
въ дѣятельности Бродзинскаго" [1]). Можно [illegible]бавить, что въ этомъ отношеніи Бродзинскій не отдѣлялся отъ общаго теченія польской литературы не только въ то время, но и донынѣ, потому что собственно славянскія симпатіи въ широкомъ смыслѣ никогда не были въ польской литературѣ достаточно сильны, обыкновенно подчиняясь ближайшему польскому интересу.

Точно также біографъ находитъ, что Бродзинскій очень мало интересовался народной поэзіей. Указавъ, какъ съ конца прошлаго вѣка и въ особенности въ первыя десятилѣтія нынѣшняго въ литературѣ европейской и славянской все больше распространяется изученіе народной поэзіи, біографъ указываетъ и различные труды Бродзинскаго въ этомъ направленіи. Такъ онъ перевелъ знаменитую „жалобную пѣсню" объ Асанъ-агиницѣ изъ знаменитаго путешествія аббата Фортиса, пѣсню о Радославѣ изъ сборника Гердера, дѣлаетъ переводы изъ Краледворской рукописи, изъ сербскихъ пѣсенъ и т. д., чѣмъ обыкновенно въ тѣ времена и ограничивался интересъ къ этому предмету,—но біографъ на основаніи этихъ фактовъ не считаетъ возможнымъ видѣть въ Бродзинскомъ „усерднаго и убѣжденнаго собирателя народныхъ пѣсенъ", и въ доказательство приводитъ слова Бродзинскаго, которыми послѣдній старается оправдать свое „смѣлое" намѣреніе познакомить общество съ народными пѣснями: это оправданіе кажется біографу даже очень легкомысленнымъ. Посылая для напечатанія въ журналѣ сербскія женскія пѣсни, Бродзинскій замѣчаетъ, что выбралъ ихъ потому, что онѣ менѣе другихъ противорѣчатъ съ „теперешними" (1826) требованіями общаго вкуса, и затѣмъ продолжаетъ:

„Долженъ сознаться, что, хотя собираніе и переводъ на польскій языкъ пѣсенъ братнихъ народовъ и доставляетъ мнѣ при другихъ моихъ трудахъ весьма пріятное развлеченіе,—однако я не безъ колебанія рѣшился исполнить ваше приглашеніе, сообщая свои переводы соотечественникамъ, потому что боюсь, какъ бы эти невинныя произведенія не вызвали криковъ, будто истинному вкусу грозитъ опасность... Я вовсе не думаю, чтобы пѣсни славянъ можно было поставить какъ образцы, и не стану ихъ восхвалять больше, чѣмъ слѣдуетъ; но если англійскія и

[1]) Стр. 336. Замѣтимъ впрочемъ, что идея общеславянскаго языка вовсе не была въ то время такъ распространена, какъ здѣсь представляется біографу; настаивали, напротивъ, на литературномъ развитіи отдѣльныхъ нарѣчій.

нѣмецкія баллады, часто сочиненныя по образцу неудачныхъ народныхъ пѣсенъ, могутъ насъ занимать, то почему бы эти невинныя, милыя братнія произведенія не могли пріятно развлечь и даже нѣсколько повліять на духъ народной поэзіи! Я думаю, что не только у насъ, но и всюду, гдѣ пройдетъ наконецъ помѣшательство на оригинальности, эти естественныя, чистыя, согласныя пѣсни могутъ найти поклонниковъ. Каждый любящій человѣчность и спокойствіе будетъ видѣть въ нихъ прекрасный образецъ невинности и человѣческаго счастья" [1]).

Біографъ встрѣчаетъ эти слова съ нѣкоторымъ, даже большимъ негодованіемъ. „Итакъ,—говоритъ онъ,—занятіе пѣснями для Бродзинскаго только „милое и пріятное развлеченіе" между дѣломъ; на литературу же пѣсни только „можетъ быть" „нѣсколько" повліяютъ; да и вообще читать ихъ не вредно, разъ читаетъ публика баллады англійскаго и нѣмецкаго производства! Такое легкомысленно-пренебрежительное отношеніе къ народной поэзіи просто непонятно въ концѣ 20-хъ годовъ этого столѣтія",—и біографъ припоминаетъ Гердера, припоминаетъ, что даже нашъ Каченовскій, печатая переводныя статьи Бродзинскаго въ „Вѣстникѣ Европы" [2]), выпустилъ изъ нея многія „слишкомъ легкомысленныя и ни съ чѣмъ несообразныя" сужденія Бродзинскаго.

Мы не находимъ однако, чтобы выраженія Бродзинскаго въ приведенной выше цитатѣ, каковы бы ни казались онѣ намъ теперь, представляли какую-нибудь особенную ересь для середины двадцатыхъ годовъ. Гердеръ, конечно, здѣсь въ счетъ не идетъ, какъ писатель другой литературы и другого литературнаго уровня; можетъ быть, лучше Бродзинскаго понималъ предметъ Ляхъ Ширма, указываемый біографомъ; но вообще говоря, для двадцатыхъ годовъ отношеніе Бродзинскаго къ народнымъ пѣснямъ не представляется столь исключительнымъ. Повторимъ опять, что, напримѣръ, сравненіе съ западными славянскими литературами было бы здѣсь не вполнѣ умѣстно по той причинѣ, которую мы уже указывали: тамъ дѣло шло о созданіи литературы за-ново, о возвышеніи достоинства народности, передъ тѣмъ совершенно пренебреженной, почти подавленной; народная поэзія представлялась (какъ напр. у сербовъ) почти единственнымъ правомъ народа на вниманіе въ области литературы; у чеховъ, какъ теперь извѣстно, пришлось сфабриковать древнія поэтическія сказанія для той же патріоти-

---

[1]) Стр. 342.

[2]) 1826, № 7—8: „О народныхъ пѣсняхъ славянскихъ, изъ письма г-на Бродзинскаго".

ческой цѣли. Совсѣмъ иное положеніе было
турѣ, какъ отчасти и въ русской: у полякоı
литература, которая составляла національнук
ссылокъ на красоты первобытной народной
массѣ общества было еще много старыхъ кл
рыхъ народная поэзія вовсе не казалась таı
и, безъ сомнѣнія, Бродзинскій имѣлъ въ виду
когда полагалъ, что введеніе народной пѣс
чтеніе требуетъ нѣкоторыхъ извиненій (точнı
водя Краледворскую рукопись, онъ счелъ
нѣкоторыя слишкомъ реальныя подробности)
ромъ нельзя было не оцѣнить значенія народнı
подалъ примѣръ того, какъ можно утилизир
роднаго преданія, особливо его фантастику; п
инстинктомъ языка должны были оцѣнить ор
народной рѣчи,—но при всемъ томъ значе
для самаго существа литературы въ двадца
было понятно. Вслѣдъ за Гердеромъ гово
пѣсня должна стать основой литературы; но
жаніе и форма пѣсни могутъ быть примѣнен
болѣе широкому горизонту новѣйшей литерат
ясно. И когда народная пѣсня ставилась не
съ этой старой литературой (въ данномъ слу
мѣрѣ была еще литература псевдо-классическаı
поэзіи приходилъ въ недоумѣніе: рядомъ съ ра
ченно обдѣланными формами книжной литер
содержаніемъ наивная народная пѣсня въ гл
читателя легко могла показаться мало интеı
и надо было сослаться на англійскія баллад
обыкновеннаго читателя успѣлъ уже привыкн
появленіе пѣсни въ литературномъ журналѣ.
и въ нашей литературѣ, и для примѣра на
Калайдовича къ его изданію „Древнихъ роı
вій", которое отдѣляется отъ статьи Бро
сколькими годами.

Біографъ указываетъ затѣмъ образчики с
о славянскихъ народныхъ пѣсняхъ и наход
представляютъ только рядъ общихъ мѣстъ
общихъ мѣстъ было говорено о народныхъ
другими); заслуживаютъ вниманія только
польскихъ: „Польскій народъ, — говорилъ Брı
нилъ военныхъ (историческихъ?) пѣсенъ,

меньше, чѣмъ у другихъ народовъ, ни сербской нѣжности, ни малорусской меланхоліи. Шляхетское сословіе до излишества размножилось, выдѣлилось изъ народа, придавивъ несчастнаго земледѣльца, который поэтому и не могъ сохранить, не говоря уже о свободѣ и сельскомъ счастьѣ, хотя бы дѣтскую наивность. Роскошь пановъ, развратъ и безобразія мелкой шляхты, которая толпилась при помѣщичьихъ усадьбахъ и для которой крестьянинъ былъ жертвой и забавой,—все это должно было возмутить его внутренній покой, измѣнить его внѣшность и привычки. Притѣсненія, пропинація и евреи довершили остальное". Біографъ находитъ, что значеніе Бродзинскаго „какъ этнографа" было ничтожно, но что его переводы народныхъ пѣсенъ нравились и что, быть можетъ, они усиливали въ обществѣ интересъ къ народной поэзіи; и въ противоположность ему, біографъ указываетъ романтиковъ, которые стремились уже искать въ народной поэзіи ея внутренняго смысла, и историческаго, и бытового, и понимали необходимость идеи народности для національнаго самосознанія, и въ примѣръ приводитъ замѣчательный сборникъ Вацлава Залѣскаго (1833). Но, собственно говоря, Бродзинскій вовсе и не былъ этнографомъ (какъ былъ Залѣскій); онъ былъ только популяризаторъ предмета, который начиналъ занимать важное мѣсто и въ наукѣ, и въ общественныхъ толкахъ о народности. Что его труды въ этомъ отношеніи не были безполезны, объ этомъ можно судить потому уже, что имя Бродзинскаго въ связи съ этимъ интересомъ проникло въ исторію (повторяясь въ мнѣніяхъ польскихъ критиковъ и историковъ литературы); въ свое время, какъ мы видѣли, его статьи считались поучительными и для русскихъ читателей, которымъ сообщалъ ихъ Каченовскій. Что онъ могъ однако понимать этнографическіе интересы и сочувственно къ нимъ относиться, объ этомъ можетъ свидѣтельствовать разсказъ біографа объ отношеніяхъ его съ Войцицкимъ. Въ 1828 году общество любителей наукъ поручило Бродзинскому разсмотрѣніе представленнаго на конкурсъ сочиненія Войцицкаго о народныхъ пѣсняхъ. „Бродзинскій былъ въ восторгѣ отъ этой работы, съ чувствомъ благодарилъ Войцицкаго за трудъ и подарилъ ему собственный сборникъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Когда Войцицкій принесъ ему свой сборникъ историческихъ пѣсенъ, Бродзинскій пришелъ въ такой энтузіазмъ, какъ будто это было его собственное сокровище" [1]).

Не будемъ говорить о педагогическихъ трудахъ Бродзинскаго,

---

[1]) Стр. 78.

въ которыхъ біографъ также находитъ
отмѣтимъ еще тѣ труды по исторіи поль
рыхъ біографъ видитъ одну изъ главнѣ
скаго: „Самое крупное произведеніе Бр
могъ такъ же гордиться, какъ Карамзин
это—курсъ критической исторіи польс
серьезный трудъ въ польской литерат
энергіи, огромныхъ знаній и рѣдкой
наукѣ. Въ 6—8 лѣтъ, при массѣ другихъ занятій, выполнилъ Бродзинскій свою задачу въ условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для успѣшнаго ея окончанія. Ученыхъ работъ и пособій по исторіи польской литературы почти не существовало. Всѣ сочиненія по исторіи польской литературы, начиная съ энциклопедіи Красицкаго „O rymotworcach“, носили характеръ подробныхъ каталоговъ-библіографій, лишенныхъ всякаго научнаго значенія... Въ польской наукѣ царилъ духъ затхлой мертвечины, рутины; преобладало археологическое, нумизматическое направленіе, молодежь неохотно обращалась къ наукѣ, и въ ней безраздѣльно хозяйничали псевдо-классики“. Принявъ раздѣленіе исторіи польской литературы на періоды, установленное ранѣе его Бентковскимъ, Бродзинскій ввелъ нѣкоторыя болѣе цѣлесообразныя измѣненія. „Собственно говоря, Бродзинскій дѣлитъ исторію польской литературы на два главныхъ періода: 1-й до времени Станислава Августа, и 2-й—отъ Ст. Августа до 20 годовъ XIX-го в. Первый періодъ онъ разсматриваетъ историческимъ методомъ, къ литературѣ 2-го періода прилагаетъ критическую и художественную оцѣнку. Въ прошломъ польскаго народа Бродзинскій видитъ необыкновенную цѣльность и единство, характеризующія дѣятельность каждаго гражданина, какой бы девизъ ни выбиралъ онъ: серпъ, оружіе или перо. Это, по его мнѣнію, сказывается и въ литературѣ. Главной заслугой Бродзинскаго слѣдуетъ признать то, что онъ первый обратилъ вниманіе на тѣсную связь исторіи польской литературы и западно-европейской“. Въ настоящее время книга Бродзинскаго, конечно, потеряла значеніе; въ особенности должно было устарѣть изложеніе древняго періода, гдѣ, по весьма распространенной тогда манерѣ, Бродзинскій позволялъ себѣ весьма рискованныя толкованія о древности, дѣлалъ невозможныя словопроизводства и т. п.; но въ замѣчаніяхъ о литературѣ болѣе поздней біографъ находитъ достоинства, и позднѣйшіе историки не однажды повторяли его сужденія. Въ оцѣнкѣ Яна Кохановскаго,—говоритъ біографъ,—Бродзинскій обнаруживаетъ художественное чутье. Онъ признаетъ Кохановскаго вполнѣ народнымъ писателемъ

и, приводя отрывки изъ его „Sobotki“, указываетъ дѣйствительно тѣ пѣсни, въ которыхъ болѣе поздняя критика нашла слѣды вліянія народной поэзіи,—чѣмъ Бродзинскій и указываетъ свою способность цѣнить народную поэзію; ему же первому принадлежитъ честь изученія польскихъ идилликовъ Шимоновича и Зиморовича, на которыхъ онъ впервые обратилъ вниманіе не только польскаго, но и всего славянскаго міра. Вообще „заслуги Бродзинскаго въ дѣлѣ изученія исторіи польской литературы нельзя не признать весьма значительными, и вліяніе его курса могло бы быть даже очень велико, если бы лекціи его были своевременно изданы, а не лежали въ рукописи около 50 лѣтъ“ [1]).

Лучшимъ временемъ поэтической дѣятельности Бродзинскаго біографъ считаетъ годы 1816—1821. Затѣмъ она ослабѣваетъ и вспыхиваетъ снова къ концу его жизни, въ эпоху польскаго возстанія. „Нѣкоторыя стихотворенія Бродзинскаго, написанныя въ это время, — говоритъ біографъ, — исполнены огня и патріотизма. Правда, поэтъ нашелъ возможнымъ перепечатать и старое стихотвореніе: „Ojciec do syna“ и сочинить новое въ такомъ же духѣ, но на ряду съ ними есть и превосходныя воззванія къ борьбѣ. Поэтъ вызываетъ на бой всѣхъ, торопитъ ихъ, потому что „теперь или никогда“ не завоюютъ поляки самостоятельности и „никто чужой не спасетъ польскаго народа. Довольно веселиться, вести разгульную жизнь, пора настала биться за свободу. Грудь къ груди стойте; какъ одна стѣна, дайте отпоръ насилію; не потеряйте свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отчизны“, взываетъ поэтъ. Лучшимъ біографъ считаетъ стихотвореніе: „1830 годъ“, гдѣ очень ярко и въ очень рѣзкомъ тонѣ изображено положеніе польскаго народа, созданное вѣнскимъ конгрессомъ, и привѣтствуется пробужденіе народа [2]).

Къ той же эпохѣ относятся мистико-патріотическія стихотворенія Бродзинскаго, на которыя біографъ обратилъ особенное вниманіе. Въ поэзіи Бродзинскаго давно уже возникъ особый отдѣлъ произведеній, связанныхъ съ его участіемъ въ польскихъ масонскихъ ложахъ. Первое вступленіе Бродзинскаго въ масонскій орденъ относится еще къ 1815 году, къ самому началу его дѣятельнаго участія въ литературѣ. Масонскія связи послужили тогда, между прочимъ, къ расширенію его литературныхъ и общественныхъ отношеній и повидимому участіе въ „орденѣ“

---

[1]) Стр. 355—358.
[2]) Стр. 319—320.

понималось имъ серьезно: по крайней мѣр
лымъ рядомъ его спеціально-масонскихъ сти
скихъ ложахъ получили, конечно, значител
патріотическіе интересы, но было въ нихъ
содержаніе—проповѣдь гуманности, дружелю
и эта послѣдняя сторона ученія повиди
отвѣчала собственнымъ взглядамъ и наст
Въ 1822 году масонскія ложи, какъ извѣс
въ Россіи, масонская дѣятельность Бродз
прекратиться. Но, конечно, не прекратилос
лигіозное настроеніе, какимъ онъ былъ пр
дѣлаетъ очень любопытныя указанія о том
настроеніе въ эпохѣ польскаго возстанія.

„Довольно положительное масонское м
скаго въ началу 30 годовъ переходитъ
ское настроеніе, возникшее у многихъ по
вліяніемъ тяжелыхъ событій 1830—1831 года, когда душевное равновѣсіе было окончательно нарушено и самыя дорогія, завѣтныя мечты и надежды поляковъ были жестоко попраны суровой дѣйствительностью. Вѣра въ свои силы была утеряна, польское общество растратило временно всѣ лучшія свои силы, реакція и утомленіе явились на смѣну жизнедѣятельнаго, бодраго романтизма, встрѣчая соотвѣтственный отзвукъ и въ настроенія европейскаго общества. Вѣра въ Провидѣніе, въ Бога замѣняетъ вѣру въ свои силы и помощь друзей. На этой почвѣ легко создается настроеніе, которое называютъ мессіанизмомъ. Г. Урсинъ справедливо опредѣляетъ мессіанизмъ какъ вѣру въ благодать и любовь Бога, почившую на данномъ народѣ. Главнымъ представителемъ этого направленія считается Мицкевичъ, но для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что основателемъ этого направленія слѣдуетъ признать К. Бродзинскаго, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ котораго мы находимъ всѣ черты мессіанизма на нѣсколько лѣтъ раньше, чѣмъ появились *Книги пилигримства*" (Мицкевича).

Бродзинскій уже издавна имѣлъ преувеличенное представленіе о своемъ народѣ, который являлся ему образцомъ совершенства, и въ 1831 году у него возникла идея сравнить воскресеніе возставшаго народа съ воскресеніемъ Христа. Онъ высказалъ эту мысль въ стихотвореніи „На день воскресенія Господня" и еще болѣе настойчиво въ рѣчи о народности, сказанной 3-го мая 1831 года:

„Народъ польскій,—такъ излагаетъ біографъ эту рѣчь,—

признается въ ней наиболѣе чистымъ и наиболѣе годнымъ для воспринятія небеснаго огня; онъ страдаетъ во имя Христово для блага всего человѣчества. Польскій народъ—„философъ по вдохновенію“, онъ—Коперникъ въ мірѣ нравственномъ. Его терновый вѣнокъ замѣнится вѣнцомъ побѣды; его предопредѣленіе—стать на стражѣ общей свободы и независимости, выстрадать ее для человѣчества среди бури и натиска варваровъ. Въ другомъ произведеніи, „Посланіе къ братьямъ въ изгнаніи“, Бродзинскій идетъ еще дальше въ своемъ мистицизмѣ. Онъ пишетъ, въ духѣ посланій апостольскихъ, къ эмигрантамъ въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ отчасти считаетъ себя вдохновеннымъ самимъ Богомъ. Онъ увѣщеваетъ ихъ возложить все упованіе свое на Бога, бросить ссоры, партійность, не писать—потому, что и Христосъ немного писалъ: всего одинъ разъ, и то пальцемъ на пескѣ. Онъ говоритъ имъ: „намъ нужно сѣять любовь, терпѣніе, отзывчивость, а вы разсѣеваете куколь, партіи, ненависть. Жизнь Христа—прообразъ жизни и страданій нашего народа „ради спасенія (т.-е. свободы) человѣчества. „Вѣруйте, что вѣра Христова возсіяетъ во всей своей огненной чистотѣ черезъ Польшу, а Польша вѣрою спасена будетъ. Рядомъ съ мѣстами страданій Господнихъ будутъ поставлены мѣста страданій польскаго народа и рядомъ съ хоругвью ягненка будетъ помѣщена хоругвь съ польскимъ орломъ“. Между всѣми событіями священной исторіи и польской Бродзинскій видитъ поразительную аналогію, и это еще разъ убѣждаетъ его въ томъ, что не слѣдуетъ полагаться ни на свои силы, ни на друзей и союзниковъ, которые, какъ мельничный жерновъ, мелютъ для себя муку, а все упованіе нужно возложить на Бога.

„Буквально, всѣ эти мысли мы находимъ у Мицкевича либо дословно, либо въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Такъ напр., сравненіе польскаго народа съ Коперникомъ дословно повторено Мицкевичемъ въ курсѣ славянской литературы. Въ особенности же поражаютъ сходствомъ со взглядами Бродзинскаго мысли въ посланіи Мицкевича „Книги польскаго пилигримства“. Такимъ образомъ, намъ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что въ основу мессіанизма Мицкевича положены взгляды, не разъ высказанные еще Бродзинскимъ, и на это обстоятельство въ исторіи польской литературы и до сихъ поръ еще не было обращено должнаго вниманія“ [1]).

Въ заключеніе авторъ собираетъ итоги своихъ сужденій о

[1]) Стр. 359—368.

Бродзинскомъ. Главныя изъ этихъ суж
вообще не соглашается съ обще-распрост
историковъ высокимъ мнѣніемъ о Бродзин
тивъ этого мнѣнія много возраженій. Со
поэтическое значеніе Бродзинскаго было
не былъ подготовителемъ романтической
валась мимо его вліяній; въ его идеяхъ
ности: наиболѣе цѣнными являются толь
историческія тенденціи, имѣвшія вліяніе на польское общество, которое плохо знало свою исторію. Выходитъ такимъ образомъ, что относительно Бродзинскаго у историковъ польской литературы произошло большое недоразумѣніе. Онъ имѣлъ и имѣетъ однако очень популярное имя и, по мнѣнію біографа, это объясняется такъ: „Популярность Бродзинскаго и рѣдкое единодушіе польскихъ критиковъ въ общемъ хорѣ лестныхъ о немъ отзывовъ объясняется, по нашему убѣжденію, тѣмъ, что Бродзинскій былъ средній писатель, средняго ума, средняго таланта и, какъ таковой, долженъ былъ пользоваться извѣстностью въ широкомъ кругѣ посредственности". Самый успѣхъ историческихъ тенденцій Бродзинскаго объясняется слабымъ развитіемъ польскаго общества въ этомъ отношеніи: „серьезный трудъ при ничтожномъ умственномъ развитіи былъ этому обществу не по силамъ; поэтому, кажется намъ, оно и было падко на тѣ скороспѣлые выводы и обобщенія, которые удовлетворяли современнымъ потребностямъ историческаго и государственнаго инстинкта и въ то же время, какъ это было, напр., въ произведеніяхъ Бродзинскаго, льстили національной гордости". Наконецъ авторъ говоритъ: „Какъ самый лучшій выразитель переходной поры, какъ человѣкъ лично необыкновенно привлекательный и гуманный, Бродзинскій невольно внушаетъ къ себѣ симпатію; неутомимый труженикъ, полезный популяризаторъ европейской литературы и критики, онъ заслуживаетъ глубокаго уваженія. Особенно велика заслуга Бродзинскаго въ дѣлѣ выработки и совершенствованія польскаго языка, и въ этомъ отношеніи его дѣятельность такъ же почтенна и полезна, какъ и дѣятельность Линде. И какъ у насъ въ свое время романтики считали Карамзина своимъ, такъ и польская молодежь съ уваженіемъ и любовью смотрѣла на Бродзинскаго и хотя понимала, что онъ не во всемъ ей сочув ствуетъ, все же видѣла въ немъ своего друга и хотѣла хот отчасти признать въ немъ своего руководителя" [1]).

---

[1]) Стр. 373—374.

Во всемъ этомъ есть своя доля справедливаго, но въ теченіе обзора книги г. Арабажина намъ случалось уже встрѣчаться съ подробностями, гдѣ ему самому приходилось нѣсколько ограничивать свои отрицательныя заключенія. Намъ кажется, что извѣстное ограниченіе должно быть принято и относительно его общаго вывода. Нѣтъ спора, что Бродзинскій не принадлежалъ къ разряду умовъ самобытныхъ и творческихъ, но въ историческихъ успѣхахъ общества и литературы, на извѣстныхъ ступеняхъ ихъ развитія, бываютъ иногда нужны силы иного рода, не созиданіе системъ, а распространеніе знаній и укрѣпленіе нравственнаго чувства. Историческое значеніе дѣятеля опредѣляется не только абсолютной цѣнностью его идей, но и отношеніемъ ихъ къ той средѣ, въ которой онъ дѣйствуетъ, и вопросъ отъ условій, повидимому частныхъ и тѣсныхъ, сводится къ общимъ и широкимъ. То общество, для котораго работалъ Бродзинскій, которое имъ увлекалось, представляло собою цѣлую историческую ступень польской образованности: это объясняетъ и самый характеръ дѣятельности Бродзинскаго. Біографъ упрекаетъ его въ несамостоятельности, въ эклектизмѣ, что онъ заимствуетъ то изъ Гердера, то изъ Канта, то изъ Шлегеля; но дѣло въ томъ, что эти Гердеръ, Кантъ, Шлегель были неизвѣстны или почти неизвѣстны массѣ польскаго общества и представляли собою ту болѣе высокую степень образованія, которой польское общество не имѣло и въ которой, конечно, нуждалось. Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы у поляковъ явился собственный Кантъ или Гердеръ, но высокія явленія человѣческой мысли и самаго искусства могутъ произойти только на заранѣе подготовленной почвѣ, и такой почвы Польша того времени, конечно, не имѣла. Она еще должна была проходить предварительную школу путемъ несамостоятельности и эклектизма, и въ такія эпохи дѣятельность писателей, какъ Бродзинскій, бываетъ неизбѣжна и вмѣстѣ плодотворна. Мы упоминали выше, что съ польскою литературой въ этомъ отношеніи сходилась, напримѣръ, и наша литература: съ тѣхъ поръ, какъ въ ней поставленъ былъ вопросъ объ усвоеніи европейскаго образованія, она въ теченіе долгаго періода, продолжающагося почти донынѣ, шла такимъ же несамостоятельнымъ путемъ, повторяя тѣ ученія и литературныя направленія, какія она заимствовала изъ литературы западно-европейской. Въ такихъ случаяхъ недостатокъ самостоятельности есть черта не личная, а принадлежащая цѣлому періоду образованности.

Обращаемся къ самому исполненію книги. Мы замѣтили уже, что авторъ съ большимъ вниманіемъ изучилъ свой матеріалъ и далъ

іа обстоятельное изложеніе предмета
:акая особливо распространяется въ і
достоинства и недостатки. Автор
злишества, сообщая подробностей бол
предѣленія даннаго обстоятельства; от
объясненія дѣлъ. Для примѣра ука
ографіи о личныхъ отношеніяхъ Бродзинскаго и его знаком-
(стр. 71): читатели, къ которымъ обратится авторъ, въ огром-
большинствѣ, конечно, не имѣютъ понятія о тѣхъ „извѣст-
" и даже „знаменитыхъ" лицахъ, которыхъ перечисляетъ
ъ, какъ „знакомыхъ" Бродзинскаго. Здѣсь, какъ въ нѣко-
къ другихъ случаяхъ вмѣсто этой номенклатуры полезнѣе
бы расширить общія указанія о характерѣ и составѣ тог-
аго польскаго общества и литературныхъ круговъ. Въ раз-
„міровоззрѣнія" Бродзинскаго, въ характеристикѣ его поня-
философскихъ, психологическихъ, эстетическихъ, литературно-
тическихъ, біографъ, какъ будто забывшій на этотъ разъ о
амостоятельности" и „эклектизмѣ" Бродзинскаго, сличаетъ его
ѣнія прямо съ идеями Аристотеля (даже цитируемаго на
скомъ языкѣ), Канта, Лессинга и др., приводитъ даже мнѣнія
ѣшихъ ученыхъ о разныхъ вопросахъ психологіи, эстетики
п., когда нужно было только указывать непосредственные
ники Бродзинскаго и ихъ повтореніе развитіе въ его взгля-
і.

Укажемъ еще нѣсколько подробностей—ошибочныхъ или вы-
ющихъ недоумѣніе. Въ исчисленіи литературы о Бродзинскомъ
у прочимъ читаемъ: „среди всѣхъ очерковъ Бродзинскаго
рсахъ польской литературы болѣе мѣткій, *нельзя не сознаться*,
таки принадлежитъ г. В. Спасовичу въ его извѣстной книгѣ
сторіи польской литературы". Непонятно, почему для біографа
тяжко въ этомъ сознаться [1]). Неловкія сближенія, какія
тъ авторъ по поводу теорій Бродзинскаго и которыя косвенно
ждаютъ автора повышать критическія требованія, повторяются,
., говоря о наступленіи полной зрѣлости его дарованія, авторъ
инаетъ для сравненія съ Бродзинскимъ о Байронѣ, Шиллерѣ,
кевичѣ и Пушкинѣ [2]). Карлсбадъ называется по-чешски не
левы-Вары (стр. 333), а Карловы-Вары.

По вообще, повторимъ опять, трудъ г. Арабажина исполненъ

---

[1] На страницѣ 334 авторъ заставляетъ В. Д. Спасовича говорить о Бродзин-
какъ объ „измѣнникѣ", когда онъ, по поводу одного его произведенія,
етъ его только „космополитомъ".

[2] Стр. 288.

съ такимъ стараніемъ, съ такой большой начитанностью для начинающаго ученаго, что мы въ правѣ ожидать отъ него дальнѣйшихъ полезныхъ трудовъ въ области исторіи литературы. Онъ самъ замѣчаетъ, что русское славяновѣденіе не можетъ похвалиться достаточнымъ знакомствомъ съ польской литературой: разъ положивши не мало труда на ея изученіе, авторъ легко могъ бы продолжить свои изслѣдованія въ той же области, но, въ виду указаннаго нами положенія вещей въ нашей литературѣ, было бы желательно, чтобы въ дальнѣйшихъ работахъ онъ обратился къ болѣе крупнымъ явленіямъ польской литературы, а не къ ея второстепеннымъ эпизодамъ.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВ

I.

НЯН

Люблю я вечеромъ, измученн
Въ твой уголокъ зайти, голу
И въ смыслъ рѣчей твоихъ,
Какъ въ дѣтствѣ проникать,
Невозмутимая, святая тишина
Какъ вѣрный стражъ хранит
И на тебя глядитъ такъ кро
Прекрасный ликъ Христа, ла
Обычный свой чулокъ ты вя
И въ старческихъ рукахъ ме
А на челѣ бѣгутъ и таютъ
Воспоминаній верен
О чемъ они? Какъ знать! О
Когда въ тебѣ ключомъ кипѣ
Иль о друзьяхъ, чей дорогой
Безмолвно стерегутъ угрюмыя
Да, много, много ихъ! Тѣснѣ
Онѣ росли кругомъ, оплакан
На жизненномъ пути осталис
Другъ другу близкіе, и съ к
Лишь только я уйду—молить
Я знаю, будешь ты, голубка
Пока въ окно разсвѣтъ лику
Не брызнетъ, золо

II.

Блаженъ, кто съ вѣрою святою
Могъ къ цѣли доблестной идти,
Кто непогодой и грозою
Задержанъ не былъ на пути.

Блаженъ, кому дана судьбою
Отвага мощнаго бойца;
Прекрасенъ лавръ, рукой родною
Вплетенный въ тернъ его вѣнца.

Но не кори, страна родная,
И тѣхъ, кто палъ на полпути
И ихъ, какъ мать благословляя,
За ихъ любовь къ тебѣ прости!

Вл. Ладыженскій.

й священ-
, испов-
голодаю-
и умерли.
зъ самар-
)ду вмѣсто
ольшее 20
:о механи-
ı примѣси
кой губер-
)жая, если
мени весь
Безцѣновъ,
рнѣ. Уже
ребять по
' лебеды),
изъ там-
недавняго
села най-
омышлен-

ется проектъ
изъ мѣстъ ея

Все это теперь,—что же будетъ дальше? Правительство дѣлаетъ свое дѣло. Конечно, отпущенныхъ двадцати-двухъ милліоновъ едва ли хватитъ и до начала зимы; но средства русскаго государства считаются не десятками, а сотнями милліоновъ, и когда дѣло идетъ о спасеніи народа отъ голодной смерти, всѣ другіе расходы, даже военные, должны отойти на второй планъ (тѣмъ болѣе, что нынѣ опасность войны, благодаря франко-русскому союзу или соглашенію, рѣшительно устранена, и европейскій миръ, какъ выразилось одно оффиціозное изданіе, „твердо стоитъ на двухъ ногахъ"). Государственная помощь во всякомъ случаѣ прокормитъ населеніе бѣдствующихъ губерній до урожая будущаго года. Но можно ли его считать обезпеченнымъ? Во многихъ пострадавшихъ мѣстностяхъ озимыя поля, благодаря правительственнымъ ссудамъ, засѣяны, и изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ получаются извѣстія объ очень хорошихъ всходахъ. Но такъ далеко не вездѣ; въ иныхъ мѣстахъ нельзя было вò-время получить сѣмянъ вслѣдствіе остановки пароходства по обмелѣвшимъ рѣкамъ Волгѣ и Сурѣ; въ другихъ мѣстахъ ссуды были неудовлетворительно распредѣлены по нерадѣнію или неумѣнью распорядителей, а то (какъ въ саратовскомъ уѣздѣ) получили даже совсѣмъ неожиданное назначеніе, не имѣющее ничего общаго съ народнымъ бѣдствіемъ. А еще чаще,—какъ можно было и заранѣе предвидѣть, —наголодавшіеся крестьяне бóльшую часть полученной для обсѣмененія ссуды, деньгами или натурой, употребляютъ для собственнаго немедленнаго прокормленія, засѣвая поля лишь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. При такихъ обстоятельствахъ люди даже вовсе несклонные къ мрачнымъ взглядамъ не ждутъ въ будущемъ году ничего хорошаго.

Да и помимо всякихъ печальныхъ осложненій и естественныхъ послѣдствій нынѣшней бѣды, развѣ можно считать ее вообще за что-то случайное и временное, чтò пришло и пройдетъ само собою? Скорѣе, напротивъ, урожай 1888 г. приходится считать счастливою случайностью. Еще съ начала прошлаго десятилѣтія отдѣльные писатели настойчиво указывали, что Россіи при существующемъ народно-хозяйственномъ порядкѣ или безпорядкѣ грозитъ превращеніе въ безплодную пустыню. Да и для кого могло быть тайной, что первобытное хозяйство, умѣстное лишь въ дѣвственныхъ странахъ, уже истощило нашу землю; что черноземъ все болѣе и болѣе выпахивается; что вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вырубанія

добычи въ тамбовскія села и *солить крыши* холодныхъ крестьянскихъ построекъ на кормъ скоту.

лѣсовъ и особенно отъ осушенія болотъ рѣ
чтожаются постоянныя хранилища земной в
Этотъ процессъ совершается у насъ на глаз
куда онъ окончательно можетъ привести, не
хъ предѣловъ россійской имперіи:
съ немногими оазисами—былъ нѣко
страною съ однимъ изъ главныхъ цен
ности [1]).
же дѣлать? Увы! Съ опредѣленным
тупаютъ пока лишь одни противник
Ихъ рѣшеніе вопроса очень прост
но: оно должно не только помочь нынѣшнему бѣдствію,
дотвратить его повтореніе. Они хотятъ устроить въ свою
о, что̀ нѣкогда въ подобныхъ обстоятельствахъ библей-
фъ устроилъ въ пользу Фараона:
лѣба нѣтъ во всей землѣ, ибо отяготѣлъ голодъ весьма;
лась земля Мицраимъ и земля Кенаанъ отъ голода. И
Іосифъ все серебро, что нашлось въ землѣ Мицраимъ и
Кенаанъ за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Іосифъ
ъ домъ Фараоновъ. И исчезло серебро изъ земли Миц-
изъ земли Кенаанъ. И пришелъ весь Мицраимъ къ

дивленіемъ прочелъ я въ томъ же № „Моск. Вѣд." слѣдующее сообщеніе
, изъ другой газеты или журнала) подъ заглавіемъ: *Неожиданные резуль-
ненія Полѣсья*: „Какой-то тамбовскій дворянинъ объясняетъ осушеніе По-
урожаѣ послѣднихъ лѣтъ. Всякій мужикъ, говоритъ онъ, зналъ прежде,
ѣтеръ съ восхода солнца, жди вёдра—уже это завсегда, а когда съ за-
ю закону надо быть дождику; а вотъ послѣдніе годы и по два, и по три
ъ заката, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ! Бывало, чуть вѣтерокъ потянулъ
съѣзжай съ поля—быть грозѣ; а теперь нѣтъ тебѣ ничего. Перемѣна
оворитъ онъ, совпадаетъ какъ разъ съ опытомъ осушенія Полѣсья. Это
альный резервуаръ влаги. Это была громадная губка, которая всасывала
вія воды и въ теченіе всего лѣта распредѣляла этотъ неисчерпаемый
ноговодному въ то время Днѣпру, а избытокъ съ попутнымъ вѣтромъ въ
ыхъ тучъ посылала въ среднюю и южную полосы Россіи. Результатъ не
замедлилъ обнаружиться. Очевидно, что влага, идущая съ запада, нес-
въ силахъ, какъ прежде, образовывать тѣ мощныя тучи, которыя ороша-
оля, лежащія между Днѣпромъ и Волгой". Странно и неожиданно тутъ
что „Моск. Вѣд." принимаютъ за парадоксъ какого-то тамбовскаго дво-
изъ тѣхъ, однако, что предлагаютъ солить мужицкія избы) такія сообра-
нія высказывались уже давно разными писателями въ московскихъ изда-
или менѣе близкихъ этой газетѣ. Такъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ" Катков
льный объ этомъ трактатъ г. Игнатьева; тамъ же были указанія Н. Я.
о въ статьѣ о нашихъ финансахъ (перепечатанной, если не ошибаюсь,
омъ сборникѣ его статей); наконецъ, и мнѣ пришлось двоекратно говорить
редметѣ въ „Православномъ Обозрѣніи" и въ „Руси" Аксакова.

Іосифу, говоря: давай намъ хлѣба, и зачѣмъ умирать намъ передъ тобою, ибо вышло серебро. И сказалъ Іосифъ: давайте скотъ вашъ и дамъ вамъ за скотъ вашъ, если вышло серебро. И приводили скотъ свой къ Іосифу, и далъ имъ Іосифъ хлѣба за лошадей и за мелкій скотъ и за крупный скотъ и заословъ; и снабжалъ ихъ хлѣбомъ за весь скотъ ихъ въ тотъ годъ. И прошелъ тотъ годъ; и пришли къ нему на другой годъ и сказали ему: не скроемъ отъ господина, что и серебро кончилось и стада скота у господина: не осталось предъ лицемъ господина ничего кромѣ тѣлъ нашихъ и земли нашей; зачѣмъ погибать на глазахъ твоихъ и намъ, и землѣ нашей? купи насъ и земли наши за хлѣбъ, и будемъ мы съ землями нашими рабами Фараону, и дай сѣмянъ, чтобы намъ жить и не умереть и чтобы земля не запустѣла. И купилъ Іосифъ всю землю Мицраимъ для Фараона, ибо продали египтяне каждый поле свое, ибо одолѣлъ ихъ голодъ; и досталась земля Фараону... И сказалъ Іосифъ народу: вотъ я купилъ васъ теперь и землю вашу для Фараона; вотъ вамъ сѣмена и засѣвайте землю... И сказали они: ты оживилъ насъ; да обрѣтемъ милость въ глазахъ господина и да будемъ рабами Фараону".

Все произошло къ обоюдной выгодѣ и безо всякаго насилія. То же имѣютъ въ виду и наши Іосифы. Пусть голодающіе крестьяне продаютъ свой скотъ и свою землю и поступаютъ въ батраки. Они всегда будутъ сыты и обезпечены, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся страна выгадаетъ, ибо несомнѣнно, что богатые и образованные землевладѣльцы, обезпеченные дешевою рабочею силою, имѣютъ всѣ средства (которыхъ не имѣютъ крестьяне), чтобы измѣнить первобытное сельское хозяйство въ раціональное. Такимъ образомъ этотъ планъ не только спасетъ голодающихъ крестьянъ и „оживитъ" ихъ, но избавитъ и всю Россію отъ грозящаго ей истощенія и запустѣнія. Правда, у египтянъ каждый могъ продать поле свое, а у насъ право крестьянъ на обезземеленіе стѣснено общиннымъ землевладѣніемъ. Но это препятствіе можно устранить простымъ правительственнымъ актомъ, и тогда дѣло сдѣлано.

Легко негодовать на этотъ планъ, но чтобы справедливо осудить и отвергнуть его, нужно найти другой лучшій исходъ, ибо теперь ужъ ясно, что оставаться при существующемъ положеніи невозможно. Состояніе безземельныхъ батраковъ печально и никому нежелательно, но необходимость умирать съ голоду еще печальнѣе. Прежде думали многіе, что самый фактъ освобожденія крестьянъ съ землею и при общинной формѣ владѣнія есть какой-то талисманъ, обезпечивающій крестьянское благосо-

стояніе. Но теперь уже слишкомъ очевидн
одинъ не можетъ защитить крестьянскія мас
голодной смерти.

Или вся бѣда въ недостаточности кр
Этотъ вопросъ имѣетъ разныя стороны,
рать не стану. Ясно, однако, что въ настоящемъ случаѣ онъ не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Когда дѣло идетъ о хроническихъ неурожаяхъ, то количество земли рѣшительно не при чемъ. Если я не собралъ сѣмянъ съ своего поля, то совершенн все равно, сколько въ немъ десятинъ. У крестьянъ во многихъ мѣстахъ существуетъ миѳическое представленіе о какомъ-то восьми десятинномъ надѣлѣ—это число выражаетъ для нихъ крайнюю степень благополучія. Ясно, однако, что при истощеніи почвы не только восемь, но и восемьдесятъ десятинъ не дадутъ ника кого обезпеченія, а съ другой стороны—если, напримѣръ, въ Гол ландіи съ равнаго количества земли получается среднимъ числом *вчетверо* болѣе хлѣба, чѣмъ въ Россіи при обыкновенномъ уро жаѣ [1]), то́, значитъ, нашъ крестьянинъ при лучшихъ хозяйствен ныхъ условіяхъ могъ бы осуществить идеалъ своего благополучі даже на двухдесятинномъ надѣлѣ.

II.

И противники, и сторонники реформы 1861 г. согласны, ка жется, теперь въ томъ, что эта перемѣна при всей своей велико важности не была окончательнымъ рѣшеніемъ у насъ соціаль наго и экономическаго вопроса, а лишь переходомъ отъ одног жизненнаго строя къ какому-то другому, еще не установивше муся. Необходимости этого перехода въ сущности никто не отри цаетъ. Разсудительные приверженцы крѣпостного порядка ви дятъ въ немъ золотой вѣкъ, но они знаютъ, что этотъ золото вѣкъ не могъ продолжаться безконечно; на освободительный акт они смотрятъ какъ на непріятность неизбѣжную, хотя, быть мо жетъ, преждевременно вызванную. Съ одною стороной этог акта—съ дарованіемъ гражданскихъ правъ крѣпостному крестьян ству—они теперь во всякомъ случаѣ мирятся, не изъ либера

---

1) Средній урожай ячменя въ Голландіи съ одного гектара равняется почт 88 гектолитрамъ, а въ Россіи—только 9; урожай пшеницы въ Великобританіи, Бель гіи, Голландіи и Норвегіи превосходитъ 20 гектолитровъ, а въ Россіи—только 6 урожай ржи въ Великобританіи—22 гектолитра, а въ Россіи—9. См. „Русскі Вѣдомости“, № 239.

лизма, конечно, а потому, что видятъ въ личной свободѣ крестьянъ лишь переходную ступень отъ прежняго рабства къ новому рабству—экономическому, точно также какъ въ своемъ освобожденіи отъ отеческой опеки надъ своими людьми они видятъ необходимый переходъ между патріархальнымъ рабовладѣльчествомъ и рабовладѣльчествомъ культурнымъ. Этотъ желанный переходъ задерживается только общиннымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, потому на немъ и сосредоточивается вражда культурныхъ крѣпостниковъ. И они были бы совершенно правы, еслибы непремѣнно нужно было выбирать между общиною безъ культуры съ одной стороны—и культурою безъ общины—съ другой. Совершенно ясно, что нынѣшняя крестьянская община экономически несостоятельна, что она не имѣетъ въ себѣ достаточныхъ условій, чтобы прокормить своихъ членовъ; а самый лучшій соціальный принципъ есть очень плохое утѣшеніе въ голодной смерти. И если прежде еще можно было оправдывать несостоятельное экономическое учрежденіе, связывая его съ мистическими идеями (какъ у славянофиловъ) или съ далекими соціальными идеалами (какъ у другихъ сторонниковъ общиннаго землевладѣнія), то въ нынѣшній тяжелый голодный годъ едва ли кто на это рѣшится. Теперь стоять за принудительное сохраненіе общины можно только опредѣляя практическій способъ ея преобразованія, или по крайней мѣрѣ указывая надежный путь къ такому преобразованію.

А на такой путь—и это тоже совершенно ясно—сами крестьянскія общины одними своими собственными средствами вступить не могутъ,—не могутъ даже и при внѣшней матеріальной помощи со стороны правительства и крупнаго землевладѣнія [1]). Ясно, что земельная община и все русское крестьянство нуждается не въ простомъ увеличеніи своего имущества, которое не идетъ ему въ прокъ, а въ постоянной и разносторонней помощи и руководствѣ образованнаго класса. И неужели эта помощь и руководство возможны только на почвѣ гражданскаго и экономическаго рабства? Неужели патріархальная опека, основанная на крѣпостномъ правѣ, не можетъ быть замѣнена культурною помощью, основанною на нравственной обязанности?

Конечно, эта помощь обязательна для насъ всегда—и помимо

---

[1]) Весьма поучительный примѣръ былъ недавно. Д. Ѳ. Самаринъ, богатый помѣщикъ и убѣжденный славянофилъ, вѣря въ спасительность крестьянскаго землевладѣнія, продалъ за безцѣнокъ сосѣднимъ крестьянамъ значительное количество земли, и ему же пришлось потомъ выкупать эту землю по очень высокой цѣнѣ только затѣмъ, чтобы она не пропала даромъ или не перешла въ руки кулаковъ.

ихъ бѣдъ, какъ нынѣшняя; но народ
и эту обязанность въ такомъ ярко
у эгоизму и самой легкомысленной
отдѣлаться. Я не хочу никого винить: вѣдь вопросъ об
ошенiи образованнаго класса къ простому народу могъ воз
нуть на реальной почвѣ всего лишь тридцать лѣтъ тому на
—мудрено ли, что мы еще его не рѣшили какъ слѣдуетъ?
влялись однако въ эти тридцать лѣтъ и теперь существуютъ
и, сознающiе, что дѣло неладно; что наша образованность
остаточно полезна народу; что культурный классъ, который
зуется своими умственными и матерiальными преимуществами,
ь эгоистической привилегiей, не удовлетворяетъ своему истин
у назначенiю, не исполняетъ настоящей своей обязанности.
этого несомнѣнно вѣрнаго взгляда на несостоятельность на
культуры въ данныхъ ея условiяхъ вытекаетъ, казалось бы,
ственный вопросъ: какъ ее исправить, какъ улучшить эти
вiя? А вмѣсто того весьма многiе ставятъ теперь нелѣпо
астическiй вопросъ о безусловной пользѣ или вредѣ куль
ы вообще. Въ вашемъ домѣ недостаточно свѣтло и тепло, вы
нете и болѣете, а добрые люди, чтобы помочь вашей бѣдѣ,
длагаютъ углубиться въ изслѣдованiе вопроса: хорошая или
ая вещь тепло и свѣтъ вообще; не есть ли солнце искус
нное и вредное учрежденiе, наполняющее нашу жизнь сует
и впечатлѣнiями, раздражающее наши внѣшнiя чувства и
ающее намъ предаваться всецѣло внутреннимъ движенiямъ
ви?

Любовь, остающаяся только субъективнымъ чувствованiемъ,
овь *бездѣльная*, есть обманъ. Настоящая любовь необходимо
ажается въ дѣятельной помощи другимъ (увы! приходится
ѣ напоминать и такiя аксiомы) и слѣдовательно пользуется
ми необходимыми средствами для этой помощи. Но культура
нно и есть совокупность всѣхъ исторически выработываемыхъ
ствъ и орудiй для прочнаго обезпеченiя и всесторонняго
шенiя человѣческой жизни, т.-е. жизни всѣхъ людей. Если
ло нравственной дѣятельности (или что тоже—дѣйствительной
ственности) есть любовь, а цѣль ея—благо всѣхъ, то куль
есть система необходимыхъ средствъ для полнаго проя
я любви какъ нравственнаго начала и для полнаго дости
iя всеобщаго блага какъ нравственной цѣли. Культурою, какъ
ѣмъ вообще, можно злоупотреблять и пользоваться ея сред
ми для цѣлей постороннихъ ея истинному назначенiю или
е прямо ему противоположныхъ. Но изъ-за фальшивой куль-

туры отрицать культуру вообще и всякому внѣшнему осуществленію любви противополагать саму любовь, какъ внутреннее субъективное начало,—это не только неосновательно, но и неосторожно, ибо если бываетъ фальшивая культура, то вѣдь бываетъ и фальшивая любовь, которою пользуются для сантиментальнаго украшенія своекорыстныхъ инстинктовъ и безсердечнаго равнодушія къ чужому страданію.

Превращать культуру изъ средства въ цѣль, видѣть въ ней безусловное и окончательное благо—есть, конечно, важное заблужденіе, хотя большею частью безвредное практически; злоупотреблять культурою, отклонять ее отъ истиннаго ея назначенія какъ орудія для блага всѣхъ, обращать ее исключительно на службу частнымъ эгоистическимъ интересамъ, равнодушнымъ къ общему благу, или даже враждебнымъ ему—это безнравственность и преступленіе; но отрицать всякую культуру за то, что она можетъ быть лишь средствомъ любви, а не самой любовью, отрицать всякое объективное реальное дѣло какъ таковое во имя того самаго начала любви, которое требуетъ реальнаго объективнаго дѣла и безъ него не имѣетъ никакого смысла,—такое отрицаніе есть явная нелѣпость и безуміе.

Мнѣ незачѣмъ долго останавливаться на отвлеченныхъ разсужденіяхъ. За меня достаточно ясно и внушительно говоритъ огромный фактъ, отъ котораго при всемъ желаніи не могутъ отдѣлаться ни наше варварское самодовольство, ни нашъ дикій квіэтизмъ.

III.

Нынѣшній голодъ обличаетъ за-разъ крайнюю несостоятельность какъ нашего полукультурнаго общества, такъ и нашего безкультурнаго народа. Мы очевидно несостоятельны, если не только не помогли увеличенію народнаго благосостоянія, но допустили значительную часть народа до полнаго разоренія и голода. Недостатки нашей общественности и нашей культуры видны были, конечно, и прежде; но если прежде можно было хотя съ нѣкоторой тѣнью правдоподобія приписывать ихъ тому, что мы будто бы предались суетному просвѣщенію и уклонились отъ первобытной простоты, то теперь уже никто изъ находящихся въ здравомъ умѣ и твердой памяти такого мнѣнія высказывать не можетъ. Если наша болѣзнь отъ культуры, то откуда болѣзнь народа, никакой культурѣ непричастнаго? Или неспособность обезпечить

существованіе въ борьбѣ съ природо
здоровья?

Этотъ голодающій народъ жилъ имен
и просвѣщенія: отъ почвы не отдѣл
и цивилизаціи не зналъ, „научной на
этимъ путемъ простоты пришелъ к
щенію, которое смущаетъ и самыхъ
вляя ихъ говорить что-то уже совсѣ
ю было по неразумію или по корысті
альною темную и скудную жизнь н
нать нормальность голодной смерти н
аго изъ нашихъ мыслителей, разсу
а".

Теперь уже ясно для всякаго, что на
своей безкультурности, и что мы вин
аточно помогали и помогаемъ ему
и. Никакъ не наши внѣшнія культур
ъ насъ отъ народа и вредятъ ему и
е или неумѣніе употреблять ихъ над
щи народу. Конечно, сама наша обра
турный капиталъ еще весьма недостат
ѣтъ и со временъ Петра Великаго по
На первомъ мѣстѣ тутъ, конечно, н
ставленій о богатствѣ и достоинств
о. Но какова бы она ни была, спраш
ѣрѣ она принимаетъ во вниманіе т
етъ ли она все что можетъ для его
цати высшихъ учебныхъ заведеній
ства, тысячи двѣ ученыхъ спеціалистов
научно-образованныхъ. Многія изъ на
ныхъ учрежденій существуютъ болѣе
лѣе ста лѣтъ. Что всѣ эти умствен
ію косвенно сдѣлали кое-что для р
цать невозможно; но также нельзя
они могли бы сдѣлать гораздо больш
е сознаніе о главной цѣли, еслибы о
нѣе относились къ народному благу
бы съ бо́льшею солидарностію и ко

Съ другой стороны, въ послѣднее вре
ахъ образованнаго общества попытк
ь къ народу въ той или другой осо
. Таковы, напримѣръ, общества про

или переселенческія общества. Конечно, нельзя за-разъ помочь всѣмъ нуждамъ и побороть всѣ бѣды народной жизни. Поэтому нельзя упрекать эти благонамѣренныя попытки за то, что каждая изъ нихъ была направлена только противъ одной бѣды. Но для того, чтобы дѣйствительно помочь хотя бы въ этой одной, во всякомъ случаѣ необходимо отчетливо знать ея отношеніе къ другимъ и опредѣлить, въ какой мѣрѣ она имѣетъ коренное и самостоятельное значеніе. Именно такого значенія не имѣютъ у насъ ни народное пьянство, ни малоземелье. Отчего, напримѣръ, различные сектанты наши не пьянствуютъ и не жалуются на недостатокъ земли? Но наши филантропы обратили слишкомъ мало вниманія на реальныя условія своего дѣла и на неизбѣжное взаимодѣйствіе между различными сторонами въ жизни народа. Такъ, въ своей борьбѣ съ пьянствомъ они не дали себѣ достаточно яснаго отчета, имѣютъ ли они средства, чтобы съ одной стороны возмѣстить государственному бюджету триста милліоновъ водочнаго акциза, а съ другой—чтобы при данныхъ условіяхъ народной образованности противопоставить кабаку равносильное мѣсто отдыха и увеселенія. Такимъ образомъ, эта благонамѣренная агитація уподобилась такому леченію болѣзни, при которомъ врачебныя средства обращаются исключительно противъ одного симптома, произвольно выбраннаго [1]).

Были, правда, у насъ опыты этіологическаго, а не симптоматическаго только леченія народныхъ золъ. Такъ, въ Петербургѣ основалось въ высшемъ свѣтѣ общество для усовершенствованія крестьянскаго земледѣлія (не помню въ точности названія, но было такое общество, а можетъ быть, и теперь существуетъ). Съ другой стороны, бывшій профессоръ московскаго университета С. А. Рачинскій задумалъ дать нашему крестьянству истинное просвѣщеніе посредствомъ идеальныхъ сельскихъ школъ. Тутъ повидимому со стороны образованныхъ людей дѣйствительно предлагалось народу именно то, въ чемъ онъ нуждается. Но оказалось, что великій русскій народъ нуждается въ такой огромной помощи, для которой ни случайное собраніе свѣтскихъ и высокочиновныхъ особъ, ни даже самоотверженный трудъ жизни единичнаго идеалиста ничего серьезнаго принести не могутъ. Что касается до агрономической затѣи петербургскаго *хай-лайфа*, то

---

[1]) Существующія за границей общества трезвости, еслибы даже они дѣйствовали съ полнымъ успѣхомъ, еще не могутъ служить намъ образцомъ. Когда голова болитъ отъ угара, то можно вылечиться свѣжимъ воздухомъ или нашатырнымъ спиртомъ; но эти средства будутъ совершенно недѣйствительны, когда головная боль есть признакъ начинающагося дифтерита.

она не только серьезныхъ, но и вообще никакихъ послѣдствій не имѣла. Предпріятіе же С. А. Рачинскаго, весьма замѣчательное и почтенное по его личному характеру и мотивамъ, представляетъ однако въ результатѣ лишь поучительный примѣръ того, какъ даже въ самыхъ лучшихъ случаяхъ безплоденъ субъективно-нравственный идеализмъ, если онъ остается только субъективнымъ. Почтенный основатель татевской школы руководился очевидно въ своей новой дѣятельности двумя прекрасными личными побужденіями: во-первыхъ, восполнить и одухотворить религіозною вѣрою народа свое научное міросозерцаніе, и во-вторыхъ, наполнить свою жизнь дѣломъ полезнымъ для того же народа. Этихъ двухъ цѣлей онъ думалъ достигнуть за-разъ и вмѣстѣ, посвятивши себя устройству народной школы въ духѣ православнаго благочестія. Надъ такимъ добрымъ по намѣренію дѣломъ тяготѣетъ однако важное недоразумѣніе. Въ своемъ субъективизмѣ педагогъ-идеалистъ отождествилъ собственную потребность съ потребностями русскаго народа, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ совершенно различны. Образованный естествоиспытатель, одаренный чувствительною душою, но воспитавшій свой умъ въ матеріалистическомъ міросозерцаніи, долженъ особенно испытывать религіозную жажду и стремиться къ усиленному благочестію, чтобы восполнить свой недостатокъ; но вѣдь этотъ недостатокъ бывшаго профессора ботаники не есть недостатокъ русскаго крестьянства, не проходившаго чрезъ школу матеріалистическихъ ученій, не отходившаго никогда отъ источниковъ истинной религіи, а потому и не мучимаго религіозною жаждою. Если образованному человѣку, идеалисту по натурѣ и матеріалисту по міровоззрѣнію, помогаетъ народная вѣра, даетъ ему то, въ чемъ онъ нуждается, то и онъ въ свою очередь долженъ помочь народу тѣмъ, чего недостаетъ самому народу. А недостаетъ народу, конечно, не православнаго благочестія, которымъ онъ несомнѣнно обладаетъ, а культуры, безъ которой ему грозитъ матеріальное разрушеніе и гибель. Пусть истинная религія есть фундаментъ для всего прочаго, а никакое зданіе безъ фундамента не устоитъ; но разъ ужъ онъ заложенъ, то, оставаясь всегда при немъ *одномъ* безъ стѣнъ и крыши, можно, наконецъ, и замерзнуть.

Я не педагогъ и не знаю, какими способами и по какой системѣ народная школа должна исполнять свое назначеніе, т.-е. воспитывать образованныхъ земледѣльцевъ, но несомнѣнно, что ея назначеніе именно въ этомъ. Еслибы даже школа С. А. Рачинскаго и ставила себѣ прямо эту—единственно серьезную въ данномъ дѣлѣ—задачу, и еслибы она употребляла цѣлесообразные

способы для ея разрѣшенія въ своихъ предѣлахъ, то предѣлы этого индивидуальнаго предпріятія такъ узки, что прежде, чѣмъ ученики и ученики учениковъ татевскаго отшельника могли оказать сколько-нибудь замѣтное дѣйствіе на благосостояніе русскаго народа, Россія успѣла бы сто разъ превратиться въ безплодную пустыню.

Говорю это не для порицанія благонамѣренной попытки помочь народу, а только для подтвержденія той самой важной теперь для насъ истины, что наилучшія *индивидуально*-филантропическія предпріятія ни къ чему не ведутъ, и что дѣйствительная помощь, въ которой нуждается русскій народъ, есть помощь общественная.

IV.

Если мы до сихъ поръ такъ мало сдѣлали, чтобы обезпечить благосостояніе русскаго народа и теперь должны вмѣсто всякихъ высшихъ задачъ думать о томъ, какъ бы прокормить милліоны голодныхъ крестьянъ, то это произошло, конечно, не отъ недостатка добрыхъ стремленій и намѣреній, а также и не отъ отсутствія у насъ наличныхъ силъ (онѣ во всякомъ случаѣ значительнѣе своего приложенія), а единственно вслѣдствіе отсутствія у насъ всякой организаціи этихъ силъ.

Въ Россіи есть неизмѣнная организація церковная, занятая храненіемъ религіознаго преданія и совершеніемъ богослуженія; есть крѣпкая исторически сложившаяся организація государственная, охраняющая единство и независимость націи извнѣ, законный порядокъ и ближайшіе насущные интересы внутри. Но организаціи общественной, т.-е. прочнаго союза свободныхъ индивидуальныхъ силъ, солидарно и сознательно дѣйствующихъ для *улучшенія* народной жизни, для національнаго прогресса,—такой организаціи, или лучше сказать свободной координаціи дѣятельныхъ силъ, у насъ не существуетъ, а слѣдовательно, нѣтъ и общества въ настоящемъ, положительномъ смыслѣ слова. Существуетъ подъ именемъ общества хаотическая безформенная масса съ непрочною и случайною группировкой частей, съ отдѣльными, случайно возникающими и безслѣдно исчезающими центрами, съ разрозненною и безплодною дѣятельностью. Такое неустановившееся, подготовительное состояніе продолжается уже тридцать лѣтъ. Пора наконецъ изъ него выйти—пора не потому, что кому-нибудь такъ кажется, а потому, что наступила крайняя опасность, и безъ установленія

истинной общественности мы вы
ствіе того, что въ эти тридцать
заботящагося объ *улучшеніи* нар
вопросъ объ ея *сохраненіи.* Те
элементы Россіи не только должны, но и вынуждены выйти изъ своего разрозненнаго и безсильнаго состоянія и *организоваться въ единое общество для помощи народу.* Какимъ же образомъ это можетъ сдѣлаться?

Когда является въ живой средѣ какая-нибудь реальная потребность, хотя бы и обманчивая по своему предмету, непремѣнно образуется и организація, необходимая для удовлетворенія этой потребности, тѣмъ болѣе если дѣло идетъ о крайней и настоятельной нуждѣ. Напомню недавній примѣръ изъ нашей исторіи. Съ сороковыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ, сначала весьма узкихъ, кружкахъ образованныхъ людей, явилось сочувствіе къ другимъ славянскимъ народамъ, потребность войти въ общеніе съ ними и помогать имъ. Когда съ оживленіемъ умственныхъ и общественныхъ интересовъ въ эпоху реформъ эти идеи вышли изъ предѣловъ кружка, образовались славянскіе комитеты, удовлетворявшіе сперва нашему славянолюбію лишь въ тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, въ какихъ оно было дѣйствительною потребностью. Но когда въ 1876 г. разнеслись по Россіи вѣсти объ избіеніяхъ въ Болгаріи и возникло сильное и по крайней мѣрѣ нѣкоторое время серьезное стремленіе помочь избиваемому народу, тѣ же самые славянскіе комитеты, надъ которыми года два передъ тѣмъ покойный Катковъ въ качествѣ реальнаго политика издѣвался какъ надъ пустою затѣею „старца Погодина и его молодого друга Нила Попова", вдругъ выросли и стали руководящею общественною силою и увлекли за собою самого Каткова въ числѣ прочихъ. Когда цѣль общественнаго движенія была достигнута, славянскіе комитеты, несмотря на честолюбивыя старанія отдѣльныхъ лицъ, вернулись навсегда къ своей прежней незначительности. Но какъ бы мы вообще къ нимъ ни относились, нельзя отрицать, что въ 1875—1878 годахъ они дѣлали свое дѣло и сыграли замѣтную роль въ исторіи.

Роковое бѣдствіе нѣсколькихъ милліоновъ русскихъ крестьянъ, — бѣдствіе, не устранимое однѣми временными мѣрами, требуетъ отъ насъ болѣе широкаго и организованнаго общественнаго дѣйствія, нежели разгромъ нѣсколькихъ болгарскихъ мѣстечекъ турецкими баши-бузуками. Еслибы наше общество осталось теперь въ страдательномъ положеніи и свалило все на одно правительство, отъ котораго и для прямой его задачи слишкомъ много требуется, это

значило бы, что съ 1878 г. наше общество не только не пошло впередъ, но сдѣлало такой огромный шагъ назадъ, что нельзя даже сказать, зачѣмъ оно существуетъ. Безъ общественнаго прогресса можно ли серьезно вѣрить въ историческіе успѣхи и великую будущность народа, не могущаго обезпечить своего матеріальнаго существованія? Мы вѣримъ не только въ великое историческое призваніе, но и въ великія историческія обязанности Россіи; но для насъ, людей образованнаго класса, первая обязанность обезпечить благосостояніе самого русскаго народа, а теперь уже вполнѣ ясно, что это можетъ быть сдѣлано только общественною помощью. Требуется, значитъ, прежде всего общество организованное, способное помочь народу. И особенно люди, болѣе прочихъ заявлявшіе и заявляющіе свою вѣру въ Россію и свою любовь къ русскому народу, должны теперь оправдать на дѣлѣ эту вѣру и эту любовь. Они должны оставить всякую междоусобную брань и травлю—и понять наконецъ, что въ Россіи теперь можетъ быть только два лагеря: лагерь людей, желающихъ дѣйствительно помочь народу въ его дѣйствительной бѣдѣ, и лагерь людей равнодушныхъ или враждебныхъ этому дѣлу. Теперь настала пора возвратить патріотизму его истинный положительный смыслъ, — понять его не какъ ненависть къ инородцамъ и иновѣрцамъ, а какъ дѣятельную любовь къ своему страдающему народу.

Владиміръ Соловьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗ

Кончина Е. И. В. Великой Княгини Александры
ратовскаго губернатора о помощи голодающимъ.—
крестьянскаго банка.—Неуспѣшность мѣръ взыска
—Послѣдній отчетъ дворянскаго земельнаго бани
просъ и земство.—Законъ объ упрощенномъ судопро
дическій вопросъ.

Царственную семью постигла новая тя
тября скончалась, въ с. Ильинскомъ, близъ
лѣтахъ, Е. И. В. Великая Княгиня Алексан
два года тому назадъ вступившая въ бракъ
Княземъ Павломъ Александровичемъ. Послѣ
родившаяся въ прошломъ году, Великая Кня
ворожденный Великій Князь Дмитрій.

Мы получили отъ „Саратовскаго особаго
вопросу Комитета“ нижеслѣдующее заявле
сообщить нашимъ читателямъ:

„Саратовской губерніи предстоитъ пережить тяжелый годъ. Чтобы составить понятіе о нуждѣ населенія, нужно замѣтить, что если въ губерніи собирается всякаго хлѣба менѣе 11-ти милліоновъ четвертей, то она уже нуждается.

„Въ 1880 году губернію постигъ голодъ. Она получила всего около $5^3/_4$ м. четв. хлѣба. Бѣдствіе облегчалось урожаемъ смежныхъ губерній и Саратовская—съ помощью Казны, около 3-хъ милліоновъ рублей,—могла кое-какъ перебиться. Тогда она не была

еще истощена: у крестьянъ имѣлись деньги, кое-какіе запасы хлѣба, заработки, а главное—кормъ для скота.

„Въ 1889 и 1890 годахъ губернія подверглась недороду: собрано въ 1889 году всего 10½ милліоновъ четвертей хлѣба и въ 1890 менѣе 9 милліоновъ четвертей. Потребовалась значительная денежная помощь и запасные хлѣбные магазины были разобраны.

„Въ настоящемъ же 1891 году собрано хлѣба значительно менѣе 1880 года; во многихъ мѣстахъ не получено сѣмянъ; яровые посѣвы почти всѣ погибли; нѣтъ сѣна и соломы; скотъ безъ кормовъ; народъ безъ топлива; всѣ денежные и хлѣбные запасы истощены; въ сосѣднихъ губерніяхъ также голодъ; заработковъ нѣтъ. Судите о нуждѣ и чѣмъ можете **ПОМОГИТЕ!**

Предсѣдатель Комитета,
Саратовскій Губернаторъ,
Генералъ-Лейтенантъ *Косичъ.*

8-го сентября 1891 г.
г. Саратовъ.

„**Пожертвованія принимаются**: 1) у казначея Комитета Николая Петровича Фролова, Малая Сергіевская ул., соб. домъ; 2) въ канцеляріи Губернатора; 3) Губернской Земской Управѣ; 4) Саратовской Городской Управѣ; 5) Саратовскомъ Биржевомъ Комитетѣ, и 6) Уѣздныхъ Земскихъ и Городскихъ Управахъ“.

Мы какъ-то говорили, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что всегда приступаемъ съ особеннымъ удовольствіемъ къ разбору отчетовъ крестьянскаго банка. И дѣйствительно, было время, когда они рѣзко выдѣлялись изъ массы оффиціальныхъ документовъ замѣчательнымъ богатствомъ данныхъ, тщательною ихъ обработкой, подробнымъ изложеніемъ не только результатовъ дѣятельности учрежденія, но и ея мотивовъ и стремленій. Въ нихъ не было ничего рутиннаго и сухого, ничего „казеннаго“; они отражали въ себѣ то живое отношеніе къ дѣлу, которымъ были проникнуты первые шаги молодого банка. Такимъ характеромъ отчеты банка отличались, въ большей или меньшей степени, до 1888 года. Въ двухъ послѣднихъ отчетахъ

(за 1889 и 1890 г.) замѣтенъ крутой повор
Объясненіе фактовъ отступаетъ на задній
банка не говорится вовсе; самыхъ фактовъ с
чѣмъ прежде. Такъ например, мы ничего
отказа въ выдачѣ ссудъ, прежде излагавши
вовсе нѣтъ свѣденій о числѣ покупокъ, со
селенія или переселенія, а въ отчетѣ за 18
и о разстояніи купленныхъ земель отъ м
ковъ. Между тѣмъ всѣ эти обстоятельства
ное значеніе. Возьмемъ, для примѣра, отка
Цифра отказовъ не даетъ, сама по себѣ,
на основныя начала, которыхъ держится б
нія имъ своей задачи; чтобы судить объ
соображенія, которыми были вызваны отказы
было видно, что банкъ отклонялъ выдачу с
тѣхъ случаяхъ, когда покупщиками являлис
достаточно надѣленные землею, могущіе об
Въ 1888 г., напримѣръ, это обстоятельство
неутвержденію *сорока трехъ* сдѣлокъ. Мно
лись къ огражденію интересовъ продавцов
покупателей. Четыре сдѣлки, въ томъ же
дены потому, что онѣ должны были повлеч
продавцовъ-крестьянъ; девять сдѣлокъ—по
лены къ стѣсненію сосѣднихъ крестьянъ
аграрнымъ столкновеніямъ; *пятьдесятъ вос*
покупка по высокой цѣнѣ, обусловленной с
сѣдями-крестьянами, могла только ухудшит
положеніе покупщиковъ. Продолжаетъ ли
держиваться взглядовъ, выразившихся въ п
нельзя сказать съ точностью, за отсутствіе
отчетахъ, свѣденій о причинахъ отказа; н
если скажемъ, что перемѣнѣ въ способѣ со
ствуетъ перемѣна въ способѣ дѣйствій ба
этомъ незначительная, въ сравненіи съ пре
казовъ, упадающихъ на два послѣднихъ отчетныхъ періода. Въ 1885 г. отказовъ было 66; въ 1886 г.—90; въ 1887 г.—97; въ 1888 г. —154; постоянное увеличеніе ихъ числа свидѣтельствуетъ о томъ, что постоянно возростала забота о предупрежденіи сдѣлокъ, несоглас-

[1]) Отчеты крестьянскаго банка составлялись сначала совѣтомъ банка и подписывались предсѣдателемъ его (управляющимъ банкомъ) и всѣми его членами. Законъ 24-го апрѣля 1889 г. возложилъ составленіе отчетовъ единолично на управляющаго банкомъ. Новый порядокъ введенъ въ дѣйствіе начиная съ отчета за 1888 г.

ныхъ съ назначеніемъ крестьянскаго банка. Въ 1889 г. цифра отказовъ внезапно падаетъ до *восьми*, да и въ 1890 г. составляетъ не болѣе *девятнадцати*. Отсюда позволительно заключить, что единственнымъ или почти единственнымъ поводомъ къ неутвержденію сдѣлокъ служатъ, въ настоящее время, препятствія формальнаго, юридическаго характера, т.-е. отсутствіе какого-либо общаго условія, требуемаго закономъ для перехода недвижимой собственности, или спеціальнаго условія, обязательнаго въ силу положенія о крестьянскомъ банкѣ. Отказовъ, мотивированныхъ существованіемъ такихъ препятствій, въ 1885 г. было 10; въ 1886 г.—20; въ 1887 г.—5; въ 1888 г.—4, т.-е., въ среднемъ выводѣ, приблизительно столько же, сколько въ 1889 и 1890 г. было *всѣхъ вообще* отказовъ.

Итакъ, взглядъ банка на свое призваніе существенно измѣнился. Прежде предполагалось, что содѣйствіемъ банка покупатели-крестьяне могутъ пользоваться лишь тогда, когда они въ силахъ обработать покупаемую землю личнымъ трудомъ своимъ и своихъ семейныхъ, другими словами—когда земельная ихъ собственность остается и послѣ покупки, по выраженію отчета 1888 г., въ предѣлахъ земледѣльческаго хозяйства, а не приближается къ размѣрамъ землевладѣнія помѣстнаго. Теперь, повидимому, это ограниченіе потеряло свою силу, и единственнымъ регуляторомъ дѣятельности банка признается съ одной стороны—буква закона, съ другой—коммерческая осторожность. Къ утвержденію принимаются, вѣроятно, всѣ сдѣлки, формально правильныя и не грозящія потерями для заимодавца. Такая точка зрѣнія, вполнѣ понятная и естественная въ дѣятельности частнаго банка, кажется намъ не вполнѣ подходящею для государственнаго учрежденія. Крестьянскій банкъ едва ли былъ основанъ для выдачи ссудъ всякому крестьянину или крестьянскому товариществу, желающему купить землю и имѣющему возможность исправно платить погашеніе и проценты. Онъ долженъ былъ служить средствомъ къ уменьшенію малоземелья, къ увеличенію специфически-крестьянской, земледѣльческой собственности—крестьянской не только по званію владѣльца или владѣльцевъ, но и по свойству владѣнія и хозяйства. Чтобы сохранить за нимъ этотъ характеръ, необходимо было обращать вниманіе на степень зажиточности покупщиковъ, на отношеніе между рабочей силой, которою они могутъ располагать, не прибѣгая къ найму, и количествомъ земли, которое они пріобрѣтаютъ. Прежнее управленіе банка такъ и поступало; новое управленіе, судя по ничтожной цифрѣ отказовъ и необъясненію ихъ причинъ, смотритъ на дѣло иначе [1]). Конечно, это еще не значитъ, что малоземельные и

---

[1]) Мы слышали, что отдѣленіямъ банка предписано, годъ тому назадъ, обращать

беземельные крестьяне перестали пользоваться содѣйствіемъ банка. Если въ 1889 г. отношеніе ихъ къ общему числу покупщиковъ упало съ 30% (въ 1888 г.) до 23%, а число десятинъ, ими купленныхъ, составляло, вмѣсто 28%, менѣе 22½%, то въ 1890 г. результатъ получился другой, болѣе благопріятный: оба процентныя отношенія, для крестьянъ безземельныхъ и малоземельныхъ (малоземельемъ считается, въ отчетахъ банка, владѣніе, составляющее не болѣе 1½ десятины на душу), превысили 33%.

Весьма существенно измѣнились взгляды управленія крестьянскимъ банкомъ и по вопросу о доплатахъ. Не дальше, какъ въ отчетѣ за 1888 г., онѣ признавались скорѣе неизбѣжнымъ зломъ, чѣмъ необходимою и желательною принадлежностью сдѣлокъ, совершаемыхъ при посредствѣ банка. Банку приходилось уже и тогда встрѣчаться съ мнѣніемъ, видѣвшимъ въ высокихъ доплатахъ лучшее огражденіе интересовъ банка, лучшую гарантію исправности покупщиковъ. Этому мнѣнію противопоставлялись факты, почерпнутые изъ опыта. „Практика банка,—читаемъ мы въ отчетѣ за 1888 г.,—представила примѣры какъ того, что крестьяне, уплативъ изъ своихъ средствъ около трети продажной цѣны земли, все-таки доводили до крупныхъ недоимокъ и до продажи [1]), такъ и того, что крестьяне, получившіе ссуду въ размѣрѣ всей стоимости покупки, т.-е. безъ доплатъ, вносили платежи вполнѣ исправно. Часто даже значительность доплаты ведетъ къ платежной несостоятельности покупщиковъ и къ продажѣ земли, такъ какъ для взноса подобной доплаты совершаются разорительные займы". Дальше слѣдуетъ перечисленіе условій, при которыхъ совѣтъ банка считалъ возможнымъ требовать значительной доплаты. На практикѣ то или другое изъ этихъ условій оказывалось на-лицо весьма часто; отрицательное, въ теоріи, отношеніе къ доплатамъ не мѣшало имъ рости изъ года въ годъ. Въ 1884 г. онѣ составляли около

вниманіе, между прочимъ, на „общую состоятельность" покупщиковъ—другими словами, допускать къ покупкѣ только крестьянъ, и до покупки поставленныхъ въ благопріятныя матеріальныя условія.

[1]) И дѣйствительно, въ спискѣ земельныхъ участковъ, оставшихся за банкомъ вслѣдствіе неуспѣшности публичныхъ торговъ (см. приложенія къ отчету за 1890 г.), мы находимъ не мало такихъ, при покупкѣ которыхъ были сдѣланы крестьянами весьма значительныя доплаты. Укажемъ, для примѣра, на участокъ вознесенскаго сельскаго общества (въ донской области), съ доплатой въ 22 тыс. при ссудѣ въ 100 тыс., старо-айдарскаго (екатеринослав. губ.), съ доплатой въ 21 тыс. при ссудѣ въ 57 тыс., новосвѣтловскаго (та же губернія), съ доплатой въ 49 тыс. при ссудѣ въ 145 тыс., ново-александровскаго (полтав. губ.) съ доплатой въ 10½ тыс. при ссудѣ въ 31½ тыс. По 6 участкамъ, недавно назначеннымъ въ продажу въ саратовской губерніи, доплаты составляли 20 тысячъ при ссудѣ, не достигавшей 100 тысячъ (см. № 193 „Саратовскаго Дневника").

$13^1/_2$% продажныхъ цѣнъ; въ 1885 и 1886 г.—около 17%; въ 1887 г. —около 18%; въ 1888 г.—около 21%. Идти еще дальше въ этомъ направленіи не было, повидимому, никакихъ основаній; тѣмъ не менѣе доплаты дѣлаютъ, въ 1889 г., громадный скачокъ вверхъ и достигаютъ *одной трети* (33, 69%) продажныхъ цѣнъ. Въ 1890 г. эта цифра нѣсколько падаетъ, но все-таки остается еще весьма высокой, составляя почти 27% продажныхъ цѣнъ. Объясненія этому факту напрасно было бы искать въ отчетахъ за 1889 и 1890 г., вообще, какъ мы уже знаемъ, весьма бѣдныхъ объясненіями; но можно сказать съ увѣренностью, что повышеніе доплатъ является не случайнымъ, что оно поощряется или даже требуется новымъ управленіемъ банка. Мы слышали, что въ концѣ 1890 г. отдѣленіямъ крестьянскаго банка предписано было *во всѣхъ случаяхъ* стараться о томъ, чтобы при покупкахъ съ помощью банка была произведена крестьянами въ счетъ покупной цѣны *по возможности значительная* единовременная доплата изъ своихъ средствъ. Новое управленіе банка усвоило себѣ, такимъ образомъ, именно ту точку зрѣнія, неправильность и непрактичность которой столь убѣдительно доказывалась прежнимъ управленіемъ въ отчетѣ за 1888 г. Далеко не лишена значенія и та настойчивость, съ которою требуется и проводится *единовременность* доплаты. Въ 1884 г. единовременныя доплаты (т.-е. доплаты, вносимыя до продажи или при самомъ совершеніи купчей) составляли около $63^1/_2$% общей цифры доплатъ; въ 1885 г.—около 75%; въ 1886 г.—около 77%; въ 1887 г.—болѣе $78^1/_2$%; въ 1888 г.— почти 82%; въ 1889 г. онѣ превысили 87%, а въ 1890 г. дошли почти до 88%. Между тѣмъ практика прежнихъ лѣтъ свидѣтельствуетъ о необременительности условій, на которыхъ допускалась продавцами разсрочка доплатъ; она была, большею частью, совершенно безпроцентной, а если и назначался процентъ, то почти всегда умѣренный, отъ 5 до 6% годовыхъ. Зачѣмъ же, въ виду такихъ данныхъ, возставать противъ разсрочекъ, зачѣмъ отдавать безусловное предпочтеніе единовременной доплатѣ, почти всегда обременительной для покупщиковъ? Правда, въ циркулярномъ предисловіи оговорено, что единовременная доплата должна быть сдѣлана *безъ помощи частныхъ займовъ*; но какъ удостовѣриться въ томъ, что уплачиваемыя деньги получены не путемъ займа? Производить по этому предмету разслѣдованіе отдѣленія банка, конечно, не станутъ—да и разслѣдованіе не дало бы, въ большинствѣ случаевъ, точныхъ, достовѣрныхъ данныхъ. Сосчитать деньги въ чужомъ карманѣ и опредѣлить ихъ происхожденіе—задача непріятная и трудная; разсчитывать на правильное ея рѣшеніе едва ли возможно. А между тѣмъ частный, негласный заемъ, заключенный съ цѣлью пріобрѣсти средства для едино-

временной доплаты, угрожаетъ величайшею опасностью покупщикамъ, интересы которыхъ такъ тѣсно связаны съ интересами самого банка. Допустимъ, однако, что значительная единовременная доплата внесена изъ собственныхъ денегъ покупщиковъ. Если они не выдѣляются изъ крестьянской массы, т.-е. располагаютъ весьма умѣреннымъ достаткомъ, то единовременный взносъ сравнительно крупной суммы неизбѣжно повлечетъ за собою крайнее напряженіе ихъ платежныхъ средствъ, тѣмъ болѣе для нихъ чувствительное, что въ моментъ расширенія хозяйства особенно нужны свободные рессурсы. Если, наоборотъ, покупщики принадлежатъ къ числу крестьянъ зажиточныхъ, если они обладаютъ значительными сбереженіями и могутъ сдѣлать доплату, ничего не продавая изъ наличнаго имущества и сохраняя еще нѣкоторый запасный или оборотный капиталъ, то болѣе чѣмъ сомнительнымъ становится самое ихъ право на помощь крестьянскаго банка... Требованіе *во всѣхъ случаяхъ* значительной единовременной доплаты кажется намъ, притомъ, не только нецѣлесообразнымъ, но и не вполнѣ законнымъ. Ст. 19 Положенія о крестьянскомъ банкѣ содержитъ въ себѣ слѣдующее правило: „въ случаѣ еслибы обусловленная съ продавцомъ цѣна превышала могущую быть полученною изъ банка ссуду, въ условіи (между продавцомъ земли и покупателями-крестьянами) должны быть указаны способы и порядокъ уплаты продавцу недостающей части покупной суммы“. То же самое правило повторено и въ инструкціи банку, утвержденной, 7-го апрѣля 1883 г., министромъ финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ (ст. 1, пун. а). Отсюда ясно, что закономъ и оффиціальнымъ его разъясненіемъ прямо предусмотрѣна возможность сдѣлокъ, *вовсе не сопровождаемыхъ доплатами*, а тѣмъ болѣе—возможность сдѣлокъ съ доплатами незначительными и неединовременными.

Кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности крестьянскаго банка былъ 1885 годъ (третій со времени открытія дѣйствій банка), когда число разрѣшенныхъ ссудъ достигло 1.527, цифра купленныхъ десятинъ дошла до 318 тысячъ, а цифра выданныхъ въ ссуду денегъ превысила $13^1/_2$ милліоновъ рублей. Съ тѣхъ поръ наступилъ поворотъ въ другую сторону; несмотря на географическое расширеніе области дѣйствій банка, размѣры его операцій почти постоянно клонились къ пониженію. Особенно неудачнымъ, съ этой точки зрѣнія, былъ 1889 г., когда ссудъ разрѣшено было только 1.143, на сумму не свыше 3.700.000 рублей. Нѣсколько болѣе благопріятнымъ является 1890 г.: число разрѣшенныхъ ссудъ (1.507) почти сравнялось съ цифрой 1885 г. Общая цифра выданныхъ въ ссуду денегъ (съ небольшимъ $4^1/_2$ милліона руб.) превышаетъ, однако, одну лишь цифру

1889 г., значительно уступая не только цифрамъ 1886, 1887 и 1888 г. ($11^1/_8$ милліоновъ, $7^1/_2$ милліоновъ и $5^1/_8$ милліоновъ), но даже цифрѣ 1884 г. ($9^1/_2$ милліоновъ), когда область дѣйствій банка ограничивалась девятнадцатью губерніями (1883 годъ мы въ разсчетъ не принимаемъ, потому что въ первые его мѣсяцы банкъ еще не дѣйствовалъ вовсе). По количеству купленной земли (172 тысячи десятинъ) 1890 годъ также превосходитъ только своего ближайшаго предшественника, уступая всѣмъ остальнымъ; въ 1888 г. куплено было 190 тысячъ десятинъ, а въ предъидущіе годы цифра купленныхъ десятинъ ни разу не опускалась ниже 200 тысячъ. Между тѣмъ число губерній, входящихъ въ сферу дѣйствій банка, продолжаетъ увеличиваться; съ 1890 г. банкъ началъ выдавать ссуды въ шести губерніяхъ царства польскаго (варшавской, калишской, кѣлецкой, ломжинской, люблинской и петроковской), а также въ пермской губерніи. Между губерніями сдѣлки, совершенныя при содѣйствіи банка, распредѣляются, какъ и прежде, весьма неравномѣрно. Есть губерніи (бессарабская, владимірская, елизаветпольская, нижегородская, ставропольская), съ самаго начала остающіяся почти нетронутыми дѣятельностью банка; есть губерніи (воронежская, казанская, костромская, московская, оренбургская, орловская, пензенская, самарская, симбирская, таврическая), въ которыхъ она никогда не достигала большихъ размѣровъ, а въ настоящее время совсѣмъ затихаетъ; есть губерніи (екатеринославская, курская, пензенская, с.-петербургская, тамбовская, уфимская, харьковская, херсонская, область донская), гдѣ она клонится къ упадку; есть губерніи (калужская, псковская, рязанская, саратовская, тверская, тульская, черниговская, ярославская), гдѣ она держится довольно ровно, не достигая очень высокихъ размѣровъ, но и не слишкомъ понижаясь; есть, наконецъ, губерніи, гдѣ она постоянно находила и находитъ благопріятную почву (волынская, кіевская, минская, могилевская, новгородская, полтавская, смоленская) или быстро прогрессируетъ въ послѣднее время (губерніи виленская, витебская, гродненская, ковенская, подольская). Нельзя не замѣтить, однако, что число ссудъ—признакъ довольно обманчивый. Ковенская губернія, напримѣръ, занимаетъ съ этой точки зрѣнія, въ 1890 г., второе мѣсто (118 ссудъ), но по числу купленныхъ десятинъ (1.776) мѣсто ея оказывается *двадцать-шестымъ*. Объясняется это тѣмъ, что бо́льшая часть покупокъ совершается здѣсь отдѣльными крестьянами (изъ 118—107). Очень много такихъ покупокъ и въ губерніяхъ виленской, минской, полтавской. Въ губерніяхъ западныхъ, за исключеніемъ витебской и могилевской, очень рѣдки, притомъ, самыя желательныя покупки—покупки сельскими обществами. Товарищества, въ западныхъ губерніяхъ, большею частью малочисленны; въ витеб-

ской губерніи, напримѣръ, на одно товар
нимъ числомъ, около 14 домохозяевъ, въ
минской—около 14, въ могилевской—окол
родской губерніи эта цифра достигаетъ 2
уфимской—40. Многочисленность товарищ
ность покупки наиболѣе полезной и цѣлес
дахъ разселенія или переселенія. Всего больше покупокъ сельскими обществами (75 изъ 123) было въ смоленской губерніи, занимающей первое мѣсто—по числу ссудъ и второе—по числу купленныхъ десятинъ (17.442; на первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь новгородская губернія, съ 18.621 десятиной)

За послѣдніе годы дѣятельность крестьянскаго банка сосредоточивается преимущественно въ районахъ сѣверномъ, сѣверо-западномъ и юго-западномъ; въ этихъ же районахъ сравнительно меньше накопляется недоимокъ и назначается въ продажу земель, купленныхъ при содѣйствіи банка. Губерніи трехъ названныхъ районовъ, по словамъ послѣдняго отчета, не такъ чувствительны къ неурожайнымъ годамъ, такъ какъ здѣсь культивируются болѣе разнообразныя растенія, а населеніе, занимаясь домашними и отхожими промыслами, имѣетъ больше рессурсовъ для уплаты банковыхъ взносовъ. Есть губерніи, въ которыхъ, за послѣдніе четыре года, не было ни одного случая продажи земли за долгъ крестьянскому банку; таковы, напримѣръ, губерніи витебская, гродненская, подольская, псковская (мы называемъ только тѣ, гдѣ дѣятельность банка достигла сколько-нибудь широкихъ размѣровъ). Въ пятнадцати губерніяхъ число участковъ, поступившихъ въ продажу, не превышаетъ пяти; въ рязанской и харьковской ихъ было по шести, въ тамбовской—8, въ уфимской —9. Болѣе значительными цифры продажъ являются только въ пяти губерніяхъ: воронежской (11), екатеринославской (15), пензенской (18), курской (47) и полтавской (75). Послѣдняя цифра въ сущности не особенно велика, потому что полтавская губернія стоитъ на первомъ мѣстѣ по числу выданныхъ ссудъ (1.061); всего выше, *относительно*, процентъ продажъ въ губерніяхъ курской ($21^1/_2$%) и пензенской (27%). Состоялись торги только въ *девяти* случаяхъ; *девяносто двадцать четыре* участка, пространствомъ свыше 113 тысячъ десятинъ, остались за банкомъ, которому удалось затѣмъ продать изъ нихъ по вольной цѣнѣ только $24^1/_2$ тысячи десятинъ. Къ 1-му января 1891 г. оставалось за банкомъ 88.429 десятинъ (преимущественно въ губерніяхъ полтавской, екатеринославской и саратовской), обремененныхъ ссудами почти въ пять милліоновъ рублей. Нужно полагать, что въ нынѣшнемъ неурожайномъ году число неисправныхъ плательщиковъ будетъ весьма велико. Уже къ 1-му января 1891 г.

цифра просроченныхъ платежей, перешедшихъ предѣлы льготнаго срока, превышала 600 тысячъ рублей; къ этому нужно присоединить еще 170 тысячъ платежей отсроченныхъ (годомъ раньше такихъ платежей числилось только 65 тысячъ). Въ 1889 г. состоялись два постановленія, имѣвшія цѣлью предупредить накопленіе недоимокъ (законъ 26-го іюня о мѣрахъ къ исправному взысканію платежей, слѣдующихъ крестьянскому банку) и увеличеніе числа участковъ, остающихся за банкомъ (законъ того же числа о мѣрахъ къ облегченію продажи съ публичнаго торга земель, заложенныхъ въ крестьянскомъ банкѣ). Надежды, возлагавшіяся на эти постановленія, не оправдались; недоимки ростутъ, продажа съ торговъ столь же рѣдко оказывается успѣшной, какъ и при дѣйствіи прежнихъ правилъ (въ 1888 г. торги состоялись три раза, въ 1889 г. — два, въ 1890 г.—четыре). Необходимо, слѣдовательно, пріискать другія средства къ устраненію неудобствъ, дальнѣйшій ростъ которыхъ угрожалъ бы, въ концѣ концовъ, самому существованію крестьянскаго банка. Къ числу этихъ средствъ принадлежитъ, прежде всего, своевременное взысканіе платежей — разумѣется, когда нѣтъ основаній къ ихъ разсрочкѣ или отсрочкѣ. Предоставленные самимъ себѣ, плательщики легко могутъ накопить такую недоимку, уплата которой становится для нихъ безусловно невозможной. Мы узнаемъ, напримѣръ, изъ „Саратовскаго Дневника“ (№ 193), что по шести участкамъ, недавно назначеннымъ въ продажу саратовскимъ отдѣленіемъ крестьянскаго банка, цифра недоимокъ (20.769 рублей) составляетъ почти одну четверть капитальной суммы долга (86.677 рублей). Очевидно, что какъ сельскія общества и товарищества, такъ и отдѣленія банка, недостаточно заботятся объ исправномъ взносѣ платежей, лежащихъ на каждомъ домохозяинѣ. Надзоръ, съ этой точки зрѣнія, за сельскими сходами порученъ недавно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уѣзднымъ съѣздамъ и уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ; но не мѣшало бы, быть можетъ, расширить власть сельскаго (и товарищескаго) схода, предоставивъ ему отбирать у неисправнаго плательщика, впредь до уплаты недоимки, состоящую въ его владѣніи часть земли, купленной при содѣйствіи банка. Гораздо больше пользы, однако, можно было бы ожидать отъ мѣръ другого рода, направленныхъ къ облегченію плательщиковъ и къ предупрежденію невыгодныхъ для нихъ сдѣлокъ. Первое мѣсто между такими мѣрами занимаетъ уменьшеніе платежей, путемъ пониженія процента, взимаемаго съ заемщиковъ. Нельзя не пожалѣть, что рядъ конверсій, предпринятыхъ недавно министерствомъ финансовъ и распространившихся на многія пятипроцентныя бумаги, не коснулся прежде всего $5^1/_2$ процентныхъ свидѣтельствъ крестьянскаго банка. Заемщики, получившіе

ссуду на $34^1/_2$ года (они составляютъ значительное большинство; цифра ссудъ на $24^1/_2$ года относится къ цифрѣ ссудъ на $34^1/_2$ года приблизительно какъ 1 : 7), платятъ въ настоящее время (съ погашеніемъ и взносомъ на расходы по управленію банкомъ) $7^1/_2$%, что, безъ сомнѣнія, очень тяжело. Не слѣдуетъ забывать, что обременительнымъ для заемщиковъ дворянскаго банка былъ признанъ платежъ, минимальная цифра котораго составляла, до льготъ 1889 г., $5^3/_4$%; теперь они платятъ только $4^1/_2$ интереса, а на расходы по управленію съ самаго начала вносили и вносятъ только $^1/_4$%. Примѣнивъ тѣ же нормы къ крестьянскому банку, можно было бы низвести платежи заемщиковъ (при выдачѣ ссуды на $34^1/_2$ года) до $5^3/_4$% и этимъ самымъ значительно поднять шансы ихъ исправности. Весьма важно было бы, дальше, болѣе внимательное изслѣдованіе условій, при которыхъ производятся покупки, и неутвержденіе такихъ сдѣлокъ, которыя могутъ оказаться невыгодными для крестьянъ, вслѣдствіе чрезмѣрно-высокой оцѣнки земли, высокаго размѣра доплатъ или какихъ-либо другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Подробныя свѣденія о земельныхъ участкахъ, оставшихся за банкомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что всего затруднительнѣе продажа участковъ обширныхъ, пріобрѣтенныхъ сельскими обществами или многочисленными товариществами. Отсюда, безспорно, необходимость усиленной осторожности въ выдачѣ ссудъ подъ такіе участки; но эта осторожность едва ли должна доходить до стремленія къ раздробленію крупныхъ покупокъ на мелкія сдѣлки съ одиночными покупателями или мелкими товариществами. Мы думаемъ, наоборотъ, что наибольшее право на покровительство и содѣйствіе банка имѣютъ, по прежнему, покупки, производимыя цѣлымъ сельскимъ обществомъ. Онѣ представляютъ всего больше шансовъ пріобрѣтенія земли всѣми въ ней нуждающимися и примѣненія къ ней той формы владѣнія и хозяйства, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ привычкамъ и потребностямъ русскаго крестьянства. То же самое слѣдуетъ сказать и о многочисленныхъ товариществахъ, сравнительно съ мелкими, тѣмъ болѣе, что первыя образуются всего чаще съ цѣлью переселенія или разселенія. Неудобными для банка покупки сельскими обществами и крупными товариществами оказываются не потому, чтобы онѣ заключали въ самихъ себѣ залогъ непрочности и вѣроятнаго разложенія, а потому, что до сихъ поръ не было принимаемо достаточныхъ мѣръ къ исправному взносу платежей всѣми участниками покупки.

Въ циркулярѣ, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, предписывается, между прочимъ, разъяснять крестьянамъ, что въ случаѣ постигшаго ихъ неурожая или другого бѣдствія они могутъ ходатайствовать о разсрочкѣ или отсрочкѣ платежей въ законномъ по-

рядкѣ. Этому предписанію можно только сочувствовать; но при столь широко распространенномъ бѣдствіи, какъ неурожай нынѣшняго года, необходимо ли ожидать особаго ходатайства заемщиковъ, не слѣдовало ли бы оградить цѣлыя ихъ группы какою-либо общей мѣрой, какими-либо общими льготами въ уплатѣ недоимокъ и взносѣ срочныхъ платежей? Извѣстіе о назначеніи въ продажу, въ одной только тамбовской губерніи, *двадцати трехъ* участковъ земли, купленныхъ сельскими обществами при содѣйствіи крестьянскаго банка, вызвало со стороны „Русскихъ Вѣдомостей" совершенно справедливое указаніе на явную нецѣлесообразность такой мѣры. Между тѣмъ она далеко не единственная въ своемъ родѣ. Мы видѣли уже, что нѣсколько участковъ назначено въ продажу саратовскимъ отдѣленіемъ банка. Съ большою строгостью взыскиваются, въ саратовской губерніи, даже срочные платежи, слѣдующіе банку. „Общество крестьянъ с. Журавки, аткарскаго уѣзда,—читаемъ мы въ „Саратовскомъ Дневникѣ" (№ 163), — умоляло подождать уплаты пятнадцать дней, но отдѣленіе банка было непреклонно и продало кулакамъ 11 сотенниковъ ржи, за 1.060 рублей, тогда какъ дороже стоитъ одна ихъ пахота, не принимая въ разсчетъ сѣмянъ". Въ другой разъ у тѣхъ же крестьянъ, не согласившись подождать уплаты нѣсколько дней, отдѣленіе банка продало за безцѣнокъ 120 сотенниковъ пшеницы, несмотря на то, что ихъ готовы были купить, безъ сомнѣнія по болѣе выгодной цѣнѣ, другія крестьянскія общества.

За все время дѣятельности крестьянскаго банка, съ 23-го апрѣля 1883 г. по 1-е января 1891 г., куплено при его содѣйствіи 225.485 домохозяевами—1.579.391 десятина земли, съ выдачею въ ссуду 56 милліоновъ рублей (за вычетомъ 431 тысячи рублей, полученныхъ одиночными покупателями, эта сумма распредѣляется почти поровну между сельскими обществами и товариществами). Какъ широки, сравнительно, размѣры дѣятельности государственнаго дворянскаго банка, открытаго три года спустя послѣ крестьянскаго и успѣвшаго выдать въ ссуду, въ теченіе пяти лѣтъ, около 270 милліоновъ рублей! Въ продолженіе одного отчетнаго 1890 года выдано ссудъ на сумму свыше 61½ милл. рублей, т.-е. на пять милліоновъ больше, чѣмъ крестьянскимъ банкомъ во всѣ восемь лѣтъ его существованія. Наплывъ заемщиковъ въ дворянскій банкъ, въ 1888 и 1889 г. нѣсколько ослабѣвшій, въ 1890 г. опять значительно усилился; цифра выданныхъ ссудъ почти сравнялась съ цифрами двухъ первыхъ годовъ дѣятельности банка [1]). Объясненіе этому факту отчетъ дворянскаго банка

---

[1]) Въ 1886 г. ссудъ было назначено къ выдачѣ болѣе 68½ милліоновъ, въ 1887 г. —почти 71 милліонъ, въ 1888 г.—около 33¾ милл., въ 1889 г.—около 36¾ милл., въ 1890 г.—болѣе 61½ милл. рублей.

за 1890 г. не безъ основанія видитъ въ л
щикамъ банка закономъ 12-го октября 18
къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ заем
дешевымъ кредитомъ. Мы имѣли уже слу
дворянскаго банка значительно уменьшил
свободныхъ отъ залога. Это уменьшеніе
Изъ числа 1.880 имѣній, подъ которыя в
бодныхъ отъ залога было 701, т.-е. болѣе с
собою почти 500 тысячъ десятинъ и обре
долгомъ въ 11½ милліоновъ. Болѣе небл
бодныхъ имѣній къ имѣніямъ раньше уже
въ 1889 г. (39: 61; въ 1886 г.—30: 70; въ
33: 67; въ 1890 г.—38: 62). Какъ ни ве
ныя заемщикамъ дворянскаго банка, без
несостоятельности заемщика и противъ на
онѣ, безъ сомнѣнія, не представляютъ. З
женъ съ нѣкоторымъ рискомъ, тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ рѣже у насъ осторожное и производительное употребленіе занятыхъ денегъ. Цифра недоимокъ и платежей, сложенныхъ съ заемщиковъ или записанныхъ за ними прибавочнымъ долгомъ—отчасти процентнымъ, отчасти безпроцентнымъ,—составляетъ, за 1890 г. (во исполненіе закона 12-го октября 1889 г.), болѣе 10½ милліоновъ рублей; тѣмъ не менѣе къ концу 1890 г. недоимокъ, перешедшихъ за предѣлы льготнаго срока, накопилось почти 600 тысячъ рублей, и изъ числа 746 имѣній, назначенныхъ въ продажу по первой публикаціи (28-го ноября 1890 г.), оставалось неснятыми съ торговъ, къ 1-му января 1891 г., 516, съ 443 тыс. десятинъ земли и ссудой въ 22¾ милліона. Между тѣмъ 1890 годъ не былъ неурожайнымъ; неисправность заемщиковъ возможна, слѣдовательно, и при условіяхъ вполнѣ нормальныхъ. Во второй половинѣ текущаго года дворянскимъ банкомъ опубликовано къ продажѣ 728 имѣній. Всего больше (73) ихъ оказывается въ курской губерніи, въ которой отъ неурожая пострадали только четыре уѣзда (изъ 15); третье мѣсто (58 имѣній) занимаетъ полтавская губернія, вовсе не пострадавшая отъ неурожая; шестое мѣсто (46 имѣній)—орловская, въ которой неурожай ограничивается тремя уѣздами (изъ 12). Довольно много (23) назначено къ продажѣ имѣній и въ смоленской губерніи, не входящей въ районъ неурожая, между тѣмъ какъ въ нижегородской губерніи, принадлежащей къ числу наиболѣе бѣдствующихъ, продается только четырнадцать, въ губерніяхъ уфимской и оренбургской, постигнутыхъ тою же участью— только десять имѣній. Отсюда ясно, что связь между неурожаемъ и неисправностью заемщиковъ дворянскаго банка вовсе не такъ ве-

лика, какъ старается доказать одна изъ петербургскихъ газетъ. Тринадцать губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, перечислены въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"; число имѣній, назначенныхъ къ продажѣ въ этихъ губерніяхъ, равняется не 466, какъ считаетъ „Новое Время" (№ 5582), а 357, составляя такимъ образомъ не 64%, а только 49% общей цифры. Цифра 466—или даже нѣсколько высшая—получается только тогда, если прибавить къ 13 губерніямъ, пострадавшимъ всецѣло, еще нѣсколько другихъ, пострадавшихъ отчасти; но это пріемъ совершенно неправильный, потому что въ губерніяхъ послѣдней категоріи неурожай коснулся лишь немногихъ уѣздовъ. Нельзя не замѣтить также, что многія изъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая (напр., тамбовская, пензенская, тульская), принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ особенно сильно развита дѣятельность дворянскаго банка (цифра ссудъ, выданныхъ землевладѣльцамъ всѣхъ тринадцати пострадавшихъ губерній, превышаетъ 100 милліоновъ рублей). Бо́льшему числу ссудъ естественно соотвѣтствуетъ и большее число имѣній, поступающихъ въ продажу. Замѣтимъ, въ заключеніе, что по общему правилу цифра ссуды, выдаваемой дворянскимъ банкомъ, не должна превышать 60% оцѣнки. Исключенія допускаются только тогда, когда ссуда выдается для погашенія долговъ, сдѣланныхъ до открытія дѣйствій дворянскаго банка. Въ 1890 г. ссудъ въ размѣрѣ свыше 60% было выдано 88, почти на четыре милліона рублей. Сравнительно съ первыми годами дѣятельности банка эти цифры могутъ быть названы не особенно высокими [1]); но во всякомъ случаѣ подобныя ссуды не мало увеличиваютъ степень риска, которому подвергается банкъ. Оцѣнка закладываемыхъ имѣній самими владѣльцами продолжаетъ значительно превышать оцѣнку банка, относясь къ ней, въ среднемъ выводѣ, какъ 100: 58. Это отношеніе повторяется изъ года въ годъ, почти безъ измѣненій; только въ продолженіе перваго года дѣятельности банка банковая оцѣнка составляла почти ³/₄ владѣльческой—но это зависѣло, очевидно, не отъ большей умѣренности требованій, а отъ большей снисходительности въ ихъ удовлетвореніи.

Къ оффиціальной помощи пострадавшимъ отъ неурожая присоединяется теперь, въ постоянно ростущихъ размѣрахъ, помощь частная. Нужда такъ велика, что для борьбы съ нею должны быть привлечены самыя разнообразныя силы. По распоряженію св. синода, во всѣхъ

---

[1]) Въ 1886 и 1887 г. ссуды свыше 60% составляли около 9%, въ 1888 г. — болѣе 10% общей суммы ссудъ; въ 1889 и 1890 г. онѣ не превышаютъ 6½%.

губерніяхъ открыты епархіальные комитеты для сбора пожертвованій деньгами и натурой; къ участію въ этихъ комитетахъ призваны, наряду съ духовенствомъ, и свѣтскія лица. Общество „Краснаго Креста", Человѣколюбивое общество, примкнули къ общему дѣлу. Въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, организуются, сверхъ того, многочисленные комитеты, заботящіеся не только о сборѣ пожертвованій, но и о распредѣленіи ихъ между нуждающимися. Появленіе такихъ комитетовъ, вызванное неотложною необходимостью, предшествовало административной санкціи, данной имъ только 1-го сентября, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ. Составъ благотворительныхъ попечительствъ или комитетовъ—читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ,— „а также порядокъ ихъ дѣйствій, въ должномъ соотвѣтствіи съ дѣятельностью какъ мѣстнаго земства, такъ равно и разныхъ благотворительныхъ учрежденій, опредѣляются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, на попеченіе коего возлагается, чтобы продовольственная помощь, оказываемая названными учрежденіями, направляема была и на удовлетвореніе такихъ потребностей, на которыя земская помощь не распространяется". Нужно надѣяться, что эти общія указанія не приведутъ къ избытку регламентаціи. Административный контроль долженъ быть направленъ только къ предупрежденію злоупотребленій; идти дальше и устранять изъ состава комитета то или другое лицо, намѣченное мѣстными жителями, но не пользующееся расположеніемъ администраціи, или предписывать комитету употреблять собранныя имъ деньги именно на извѣстный видъ помощи, а не на какой-либо иной, значило бы парализовать дѣятельность комитетовъ, охладить ихъ рвеніе и уменьшить число лицъ, желающихъ оказать имъ активную или пассивную поддержку. У насъ всегда попадаются люди, готовые придираться къ мелочамъ, бросать палки подъ колеса, опутывать живое дѣло сѣтью формальностей [1]); весьма важно, чтобы они не нашли для себя точки опоры въ административной рутинѣ или административныхъ претензіяхъ на всевѣденіе и всевластіе.

Дѣятельность земства въ области народнаго продовольствія не вызываетъ, покамѣстъ — за немногими исключеніями, — никакихъ серьезныхъ нареканій; ей отдаютъ иногда справедливость даже газеты, систематически враждебныя до-реформеннымъ земскимъ учрежденіямъ (см., напримѣръ, отзывъ о тамбовскомъ земствѣ въ № 245 „Московскихъ Вѣдомостей"). Что касается до нападеній, то нѣкото-

---

[1]) Одинъ изъ такихъ ревнителей счелъ долгомъ высказаться въ печати противъ торопливости мѣстнаго комитета, начавшаго свою дѣятельность въ пользу голодающихъ безъ предварительнаго разрѣшенія начальства.

рыя изъ нихъ представляются недоказанными [1]), другія—явно несправедливыми. Къ послѣдней категоріи относятся, напримѣръ, упреки, которымъ подверглось недавно нижегородское губернское земское собраніе. Созванное въ чрезвычайную сессію для обсужденія вопроса о работахъ, которыя могли бы быть предприняты въ видахъ вспомоществованія нуждающемуся населенію, оно высказалось значительнымъ большинствомъ голосовъ, противъ предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ о постройкѣ шоссе въ Арзамасъ и нашло болѣе цѣлесообразнымъ приступить къ капитальному ремонту грунтовыхъ дорогъ губерніи. За это на него вооружилась реакціонная печать, не входя въ подробный разборъ основаній, вызвавшихъ земское постановленіе, а просто негодуя на земство, осмѣлившееся „имѣть свое сужденіе". Мы не беремся рѣшить, какимъ работамъ слѣдовало, въ данномъ случаѣ, отдать предпочтеніе. Быть можетъ, постройка шоссе была бы для губерніи пріобрѣтеніемъ болѣе цѣннымъ и болѣе прочнымъ, — но она доставила бы работу только населенію близь-лежащихъ мѣстностей, въ двухъ или трехъ уѣздахъ, между тѣмъ какъ ремонтъ, проектированный земствомъ, можетъ быть распредѣленъ болѣе или менѣе равномѣрно между всѣми уѣздами. Кто знаетъ непроѣздное состояніе большей части нашихъ уѣздныхъ дорогъ, тотъ едва ли усомнится въ производительности затратъ, сдѣланныхъ на ихъ улучшеніе. Въ пользу производства работъ по ремонту почтовыхъ путей (т.-е. главныхъ изъ числа уѣздныхъ земскихъ дорогъ) высказалось, наравнѣ съ нижегородскимъ, и саратовское чрезвычайное губернское земское собраніе, въ послѣдней (сентябрьской) своей сессіи.

Въ газетахъ начинаютъ появляться сообщенія о выборахъ въ земскіе гласные, производимыхъ на основаніи новаго земскаго положенія. Нельзя сказать, чтобы землевладѣльцы-дворяне особенно усердно пользовались привилегированнымъ положеніемъ, созданнымъ для нихъ закономъ 12-го іюня 1890 г. Мы видѣли уже въ прошедшій разъ, что первое (дворянское) избирательное собраніе въ Череповцѣ составилось только изъ четырнадцати избирателей. Въ Весьегонскѣ ихъ было немногимъ больше—29. Въ московскомъ уѣздѣ на съѣздъ мелкихъ собственниковъ-дворянъ явилось, изъ числа 125 внесенныхъ въ списокъ, только 16, имѣвшихъ право избрать семь уполномоченныхъ,—но вмѣсто семи избраны только два, всѣ остальные

[1]) Во время послѣдней чрезвычайной сессіи саратовскаго губернскаго земскаго собранія разсмотрѣны были два газетныя сообщенія о злоупотребленіяхъ, допущенныхъ, будто бы, при покупкѣ хлѣба для голодающихъ въ уѣздахъ саратовскомъ и балашовскомъ,—и оба сообщенія были признаны неосновательными.

баллотировавшіеся не получили большинст… свое избирательное собраніе явилось изъ … сокъ, только *шестнадцать*, которымъ пришл… гласныхъ. При такомъ незначительномъ ч… выборы неизбѣжно получаютъ случайный … дѣйствовать въ земскихъ собраніяхъ образо… ныхъ выборовъ, дворянское большинство—эт… торой перемѣны къ лучшему можно ожида… которыхъ, въ послѣдніе годы, много развело… мелкихъ торговцевъ и разбогатѣвшихъ кул… удаленіе этого элемента улучшило составъ … дѣльцевъ во многихъ уѣздахъ тверской губ… стично, напримѣръ, *единогласное* избраніе, … номъ собраніи въ Весьегонскѣ, бывшаго весьегонскаго уѣзднаго предводителя дворянства Родичева, принадлежавшаго, при дѣйствіи прежняго положенія, къ числу самыхъ выдающихся тверскихъ земцевъ и неоднократно удостоивавшагося нападеній со стороны московской реакціонной прессы. Само собою разумѣется, что не вездѣ дворянско-земскіе или земско-дворянскіе выборы будутъ приводить къ подобнымъ результатамъ; вѣдь и такихъ предводителей, какимъ былъ г. Родичевъ, у насъ насчитывалось и насчитывается немного... Изъ пяти земскихъ начальниковъ весьегонскаго уѣда въ гласные, на первомъ избирательномъ собраніи, выбраны двое; двое другихъ отказались отъ баллотировки, а одинъ получилъ 9 избирательныхъ шаровъ противъ 20 неизбирательныхъ. Этотъ фактъ не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ за включеніе земскихъ начальниковъ въ число гласныхъ ipso jure, т.-е. помимо избранія. Одно изъ двухъ: или земскій начальникъ пользуется довѣріемъ своего сословія—въ такомъ случаѣ оно изберетъ его въ гласные, сообщивъ ему этимъ самымъ авторитетъ, котораго онъ не могъ бы имѣть въ качествѣ гласнаго по собственному праву; или онъ не пользуется довѣріемъ сословія—въ такомъ случаѣ онъ и не долженъ занимать мѣста между его представителями.

Читатели припомнятъ, быть можетъ, что три года тому назадъ закрыты были временно земскія учрежденія въ череповецкомъ уѣздѣ (новгородской губерніи), и завѣдываніе мѣстными земскими дѣлами передано особой правительственной коммиссіи. Теперь эта коммиссія окончила свое существованіе, и въ череповецкомъ уѣздѣ опять есть свое земское собраніе и своя земская управа (организованныя на основаніи новаго земскаго положенія). По словамъ „Недѣли“, вре-

менная коммиссія, „благодаря дѣльному ея предсѣдателю (В. П. Ласковскому), значительно упорядочила земское дѣло и поправила финансы; достаточно сказать, что теперь всѣ земскіе служащіе аккуратно получаютъ жалованье. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что такому результату много способствовала полиція, усердно взимавшая земскія недоимки, а рвеніе полиціи объясняется особымъ положеніемъ временнаго управленія и близостью г. Ласковскаго къ губернатору. Во всякомъ случаѣ временное управленіе оставило по себѣ въ Череповцѣ добрую память. Недовольны многіе лишь тѣмъ, что оно закрыло въ уѣздѣ три больницы, сокративъ штатъ докторовъ только на одного и сосредоточивъ всѣхъ ихъ при одной больницѣ въ городѣ". Похвала, такимъ образомъ мотивированная, заключаетъ въ себѣ, въ сущности, мало хвалебнаго. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что череповецкіе земскіе финансы, въ моментъ закрытія земскихъ учрежденій, находились въ плачевномъ положеніи; но поставить это въ вину земству можно было бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы было доказано, что полиція, при неладившей съ губернаторомъ земской управѣ, проявляла столько же усердія въ взысканіи земскихъ сборовъ и недоимокъ, какъ и при „близкомъ къ губернатору" г. Ласковскомъ. Нужно ли прибавлять, что это не только не доказано, но и доказано быть не можетъ?.. Когда временная коммиссія приступала къ своей дѣятельности, она намѣревалась, по словамъ череповецкаго корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей", „сразу ликвидировать тѣ отдѣльныя части по земству, которыя вытекали изъ кружковой тенденціи и приносили не столько пользы, сколько расходовъ и вреда, и замѣнить ихъ болѣе цѣлесообразнымъ устройствомъ" [1]). Неужели три больницы, существовавшія въ уѣздѣ и закрытыя коммиссіей, имѣли что-нибудь общее съ „кружковой тенденціей", неужели онѣ приносили больше вреда, чѣмъ пользы? Неужели сосредоточеніе всѣхъ земскихъ врачей въ уѣздномъ городѣ, давно уже осужденное опытомъ и особенно неудобное въ уѣздѣ столь обширномъ, какъ череповецкій, можетъ быть названо устройствомъ „болѣе цѣлесообразнымъ", чѣмъ приближеніе медицинской помощи къ населенію, путемъ размѣщенія врачей, при больницахъ, въ разныхъ пунктахъ уѣзда? Неужели закрытіе больницъ, устройство и обзаведеніе которыхъ стоило земству, безъ сомнѣнія, не дешево, было подходящей задачей для *временнаго* управленія уѣздомъ? Не придется ли вновь организованному земству возстановлять только-что разрушенное, не приведетъ ли кажущаяся экономія къ новымъ затратамъ, которыхъ легко было бы избѣжать при болѣе осторожномъ

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1888 г.

отношеніи къ прежней дѣятельности земства? „Поправлять финансы" путемъ закрытія больницъ и увольненія врачей очень легко, но едва ли производительно и полезно. Или, быть можетъ, череповецкій уѣздъ, до отдачи его въ управленіе коммиссіи, тратилъ на медицину громадныя, ни съ чѣмъ несоразмѣрныя средства? Ничуть не бывало. По абсолютной цифрѣ расходовъ на медицинскую часть (28 тыс. руб.) череповецкій уѣздъ, въ 1885 г., дѣйствительно занималъ въ новгородской губерніи первое мѣсто, весьма немногимъ, впрочемъ, превосходя уѣздъ боровичскій; но, по отношенію расхода на земскую медицину къ общей цифрѣ земской смѣты, выше череповецкаго уѣзда (25, 2%) стояло *пять* уѣздовъ (максимальнымъ отношеніемъ было 31, 2%). И эти уѣзды, по всей вѣроятности, сохранили до сихъ поръ своихъ врачей, свои больницы... Что населеніе череповецкаго уѣзда не было недовольно прежнимъ своимъ земскимъ управленіемъ, доказательствомъ этому можетъ служить избраніе членомъ новой управы лица, въ прежней управѣ занимавшаго должность предсѣдателя.

Мы упоминали въ предъидущемъ обозрѣніи о законѣ 3-го іюня 1891 г., установляющемъ новый, *упрощенный* порядокъ гражданскаго судопроизводства. Этотъ законъ изданъ теперь г. Куницкимъ, по порученію министра юстиціи, съ изложеніемъ мотивовъ, на которыхъ онъ основанъ. Изъ предисловія къ изданію г. Куницкаго мы узнаемъ, что мысль о необходимости ускорить и облегчить порядокъ взысканія по долговымъ обязательствамъ возникла вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, отмѣнившихъ прежній „безспорный" способъ взысканія. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ одною изъ тѣхъ немалочисленныхъ реформъ, которыя, не касаясь „политики" или „злобы дня", не возбуждая въ административныхъ сферахъ жгучаго интереса, откладываются, безъ достаточныхъ причинъ, въ „долгій ящикъ" и вынимаются оттуда лишь вслѣдствіе какого-нибудь случайнаго повода или за отсутствіемъ другихъ вопросовъ, болѣе спѣшныхъ. А между тѣмъ неудобства, всѣми признанныя и иногда весьма тяжелыя, испытываются много лѣтъ сряду десятками тысячъ лицъ, возбуждая въ нихъ понятное, хотя въ сущности и несправедливое нерасположеніе къ дѣйствующему закону. Мы называемъ это нерасположеніе несправедливымъ, потому что никакой законъ не можетъ все предусмотрѣть, все наилучшимъ образомъ устроить. Его недостатки или пробѣлы обнаруживаются опытомъ; нужно только, чтобы за обнаруженіемъ возможно скорѣе слѣдовало исправленіе. Не составители судебныхъ уставовъ виноваты въ томъ, что потребность, заявившая о себѣ въ первые же годы послѣ ре-

формы, оставалась неудовлетворенною почти четверть вѣка [1])... Толчкомъ, ускорившимъ давно назрѣвшее преобразованіе, были, въ данномъ случаѣ, правила 29-го декабря 1889 г., опредѣлившія порядокъ судопроизводства для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Они создали упрощенный порядокъ понудительнаго исполненія по актамъ—и затѣмъ не было уже никакой возможности оставить въ силѣ прежній порядокъ взысканія по однороднымъ дѣламъ, подсуднымъ общему суду. Между понудительнымъ исполненіемъ, какъ оно регулировано правилами 29-го декабря, и упрощеннымъ производствомъ по закону 3-го іюня существуетъ, однако, немаловажное различіе, обезпечивающее за позднѣйшимъ закономъ безспорное преимущество передъ болѣе раннимъ. Законъ 3-го іюня обнимаетъ собою, прежде всего, значительно бо̀льшее число обязательствъ. Правила 29-го декабря распространяются исключительно на акты крѣпостные, нотаріальные или установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованные, тогда какъ подъ дѣйствіе закона 3-го іюня подходятъ вообще письменныя обязательства, независимо отъ внѣшней ихъ формы, если только *содержаніе* ихъ допускаетъ возможность упрощеннаго производства. Предметомъ иска, предъявляемаго въ упрощенномъ порядкѣ, можетъ быть: 1) платежъ опредѣленной денежной суммы по векселю или другому письменному обязательству, а также по договору найма недвижимаго имущества и 2) сдача состоявшаго въ наймѣ имущества, за истеченіемъ договорнаго срока. Требованіе о взысканіи не можетъ быть предъявлено въ упрощенномъ порядкѣ, если оно зависитъ отъ условія, наступленіе котораго должно быть доказано истцомъ. Не перечисляя всѣхъ другихъ изъятій, установленныхъ закономъ 3-го іюня, остановимся только на одномъ, возбуждающемъ нѣкоторыя недоумѣнія. Производство въ упрощенномъ порядкѣ не допускается по прошествіи *пяти лѣтъ* со дня просрочки платежа по обязательству, а по искамъ о сдачѣ недвижимаго имущества—по истеченіи *одного года* со дня истеченія срока найма. Первое изъ этихъ ограниченій объясняется желаніемъ согласовать новый порядокъ съ проектомъ вексельнаго устава, опредѣляющимъ пятилѣтній срокъ для сохраненія за векселемъ силы вексельнаго права; но на чемъ основано второе ограниченіе—это угадать довольно трудно. Въ книгѣ г. Куницкаго говорится только въ общихъ словахъ о неудобствѣ и даже безцѣльности упрощеннаго производства, когда взыскатель не озаботился своевременно объ осуществленіи своего права; но почему

---

[1]) Пишущему эти строки еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ пришлось принять участіе въ совѣщаніи по тому самому вопросу, который разрѣшенъ закономъ 3-го іюня. Онъ былъ уже тогда не только затронутъ въ литературѣ, но возбужденъ оффиціально.

же „своевременность" для дѣлъ о сдачѣ нанятаг
мается иначе, чѣмъ для дѣлъ о платежѣ по о
домохозяинъ не хотѣлъ или не могъ предъявить
леніи жильца въ продолженіе года со времен
найма, то вытекаетъ ли отсюда необходимость по
неудобствамъ обыкновеннаго судебнаго процесса?
настолько продолжительный, что истеченіе его
предполагать существованіе усложненій, затрудня
дѣла въ упрощенномъ порядкѣ; но объ одномъ
никакъ нельзя. Нельзя также видѣть въ столь не
медленіи доказательство небрежности истца, ли
на быстрое и простое разрѣшеніе дѣла.

Второе существенное различіе между правила
закономъ 3-го іюня заключается въ томъ, что п
ваютъ земскаго начальника или городского судью
дѣленіе безъ предварительнаго вызова отвѣтчика,
буетъ соблюденія этого условія, допуская только
при неявкѣ обѣихъ сторонъ. Это объясняется, б
нительною маловажностью дѣлъ, подсудныхъ земс
и городскимъ судьямъ. По той же, вѣроятно, п
іюня не только дозволяетъ осужденному отвѣтчи
общемъ судебномъ порядкѣ, освобожденія его от
передъ истцомъ (это право обезпечено за отвѣтч
29-го декабря), но и просить, въ извѣстныхъ слу
номъ обращеніи дѣла къ общему порядку. Удов
слѣдней просьбы зависитъ, однако, отъ усмотрѣні
сматривающаго дѣло въ упрощенномъ порядкѣ,
мѣсто только тогда, когда отвѣтчикомъ будутъ у
ства, не допускаемыя при упрощенномъ разбират
пожалѣть, что въ тѣхъ случаяхъ, когда членъ су
нымъ прекратить упрощенное разбирательство и
общему порядку, ему не предоставлено права п
обезпеченію взысканія. При существованіи тако
истца не могли бы существенно пострадать отъ
разсмотрѣнія дѣла, да и для отвѣтчика было бы
уклоняться отъ упрощеннаго разбирательства. Чт
чаевъ обращенія дѣла къ общему порядку *послѣ*
пользу истца, въ порядкѣ упрощенномъ, то здѣ
достаточно ограждены немедленнымъ приступомъ
пріостановленія котораго необходимо особое опред
кажется только, что въ случаѣ пріостановленія
ченіе иска слѣдовало бы сдѣлать безусловно обяза

а не предоставлять это его усмотрѣнію. Если исполненіе рѣшенія пріостановлено, а мѣръ обезпеченія не принято, истецъ легко можетъ лишиться всѣхъ выгодъ, которыя имѣлъ въ виду ему доставить законъ 3-го іюня.

Упрощенный порядокъ не только облегчаетъ судей, замѣняя, для множества дѣлъ, коллегіальную работу—единичной, не только ускоряетъ ходъ дѣла, устраняя задержки, отсрочки и усложненія, возможныя при обыкновенномъ судебномъ процессѣ, но и приближаетъ судъ къ тяжущимся, возлагая разборъ исковъ—за исключеніемъ случаевъ пребыванія отвѣтчика въ мѣстѣ нахожденія окружного суда—на уѣздныхъ членовъ суда.

Въ нынѣшнемъ году сдѣланъ, наконецъ, первый шагъ къ расширенію круга дѣйствій такъ-называемыхъ особыхъ правилъ 3-го іюня 1886 г., установившихъ ближайшій надзоръ за фабриками и регулировавшихъ точнѣе взаимныя отношенія фабрикантовъ и рабочихъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ эти правила примѣнялись только къ тремъ губерніямъ—петербургской, московской и владимірской; 11-го іюня 1891 г. они распространены на губерніи варшавскую и петроковскую. Нужно надѣяться, что этимъ дѣло не ограничится и что подъ дѣйствіе правилъ, слабыя стороны которыхъ во всякомъ случаѣ перевѣшиваются сильными [1]), подойдутъ, въ скоромъ времени, всѣ фабричныя мѣстности Россіи. О практическихъ результатахъ новаго порядка извѣстно весьма немногое, такъ какъ вслѣдъ за вступленіемъ его въ силу прекратилось, къ сожалѣнію, печатаніе отчетовъ фабричной инспекціи.

Въ послѣдней (сентябрьской) книжкѣ „Юридическаго Вѣстника" перепечатано изъ „Восточнаго Обозрѣнія" извѣстіе о преданіи военно-полевому суду, по законамъ военнаго времени, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и заключенныхъ въ иркутскія дисциплинарныя роты Максима Дмитріева и Алексѣя Степанова. Дмитріевъ и Степановъ обвинялись въ покушеніи на убійство своего надзирателя, унтеръ-офицера Копаныгина, и въ убійствѣ заключеннаго Шарко. По резолюціи военно-окружного суда, убійство Шарко признано случайнымъ, а оба подсудимые найдены виновными въ покушеніи на убійство Копаныгина изъ засады, при чемъ зачинщикомъ былъ Дмитріевъ. Степанова судъ приговорилъ къ каторжной работѣ безъ срока, а Дми-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1886 г.

тріева—къ смертной казни, чрезъ разстрѣляні
приговора командующимъ войсками иркутскаг
ная казнь чрезъ разстрѣляніе замѣнена д.
казнью чрезъ повѣшеніе, и приговоръ этотъ
8-го іюня. Извѣстіе это—замѣчаетъ „Юриди
буждаетъ сомнѣніе въ своей правильности по предмету приговора, постановленнаго надъ Дмитріевымъ, и его исполненія. Именно, въ законахъ читается слѣдующее Ст. 279 воинскаго уст. о наказаніяхъ: въ военное время за умышленное убійство... виновные приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Ст. 115 улож. о наказаніяхъ: когда *при покушеніи* на преступленіе преступникомъ сдѣлано все, что онъ считалъ необходимымъ... то онъ по вергается... *наказанію одной, двумя или тремя степенями ниже пр тивъ наказанія*, постановленнаго *за самое совершеніе преступлен* Ст. 2 воинск. уст. о наказаніяхъ: опредѣляемыя симъ уставомъ н казанія уголовныя суть слѣдующія: I. Лишеніе всѣхъ правъ состоя и смертная казнь. II. *Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка каторжныя работы.* Ст. 84 воинск. уст. о наказаніяхъ: когда точномъ основаніи постановленій закона опредѣленное оными нак заніе должно быть возвышено одной или нѣсколькими степенями и наказаніи того рода, которое положено закономъ, нѣтъ уже высш соотвѣтствующей сему правилу степени, судъ наблюдаетъ опредѣле ный выше сего въ ст. 83, токмо въ обратномъ смыслѣ, порядок *Но судъ не можетъ переходить отъ ссылки въ каторжную рабо къ смертной казни.* Ст. 55 воин. уст. о наказаніяхъ: *смертная казн* въ военное время, по распоряженію главнокомандующаго, въ си предоставленнаго ему права, *можетъ быть замѣнена для осужде наго къ разстрѣлянію совершеніемъ надъ нимъ одного лишь обряда ра стрѣлянія...* Сія казнь знаменуетъ политическую смерть и за он всегда слѣдуетъ ссылка въ каторжныя работы". Такимъ образомъ продолжаетъ „Юридическій Вѣстникъ" —извѣстіе „Восточнаго О зрѣнія" нуждается въ существенномъ поясненіи. Въ его настоящ формѣ оно оставляетъ безъ объясненія, какимъ образомъ судъ п опредѣленіи наказанія Дмитріеву перешелъ отъ ссылки въ катор ную работу къ смертной казни, тогда какъ по ст. 84 уст. о нак. т ковой переходъ воспрещается, и на чемъ основывалось въ данно случаѣ полномочіе г. генералъ-губернатора, замѣнившаго смертн казнь чрезъ разстрѣляніе смертною казнью чрезъ повѣшеніе?" Разд ляя недоумѣніе почтеннаго журнала, мы считаемъ разъясненіе е тѣмъ болѣе желательнымъ, что военный судъ по законамъ военна времени, среди глубокаго мира, составляетъ самъ по себѣ явленіе с вершенно исключительное. Чѣмъ строже кара, которою онъ гроз

обвиняемымъ, тѣмъ болѣе необходимо осторожное ея примѣненіе. Наказывать покушеніе столь же строго, какъ и совершившееся преступленіе, можно только тогда, когда это прямо и положительно требуется закономъ; въ противномъ случаѣ для военно-полевого суда, какъ и для всякаго другого, обязательно общее правило, въ силу котораго покушеніе разсматривается какъ обстоятельство, уменьшающее мѣру вины и наказанія и, слѣдовательно, устраняющее возможность примѣненія смертной казни.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1891.

Элементъ чувства и настроенія въ международной политикѣ.—Заявленія и дѣйствія Вильгельма II.—Патріотическія увлеченія французовъ.—Отмѣна паспортныхъ стѣсненій въ Эльзасѣ.—Практическое значеніе этой мѣры.—Политика нѣмецкой печати относительно Россіи.—Смерть Греви и Буланже.

Въ международной европейской политикѣ постоянно чувствуется недостатокъ твердыхъ руководящихъ принциповъ, которые давали бы возможность судить спокойно о завтрашнемъ днѣ. Въ большей части государствъ давно уже установились извѣстныя прочныя начала относительно дѣлъ внутренняго управленія и законодательства; въ этой области не предвидится рѣзкихъ перемѣнъ и скачковъ, такъ какъ самые жгучіе вопросы утрачиваютъ свой острый характеръ подъ вліяніемъ всесторонняго публичнаго обсужденія, подготовляющаго мирное рѣшеніе ихъ въ ту или другую сторону. Въ дѣлахъ внутреннихъ господствуютъ реальные интересы, пробивающіе себѣ дорогу обычными законными способами, путемъ необходимыхъ компромиссовъ; въ сферѣ внѣшней политики играетъ большую и отчасти рѣшающую роль неуловимый элементъ чувства и настроенія. Здравое пониманіе народныхъ потребностей слишкомъ часто затемняется стремленіями и порывами такъ-называемаго патріотическаго чувства, не контролируемаго разсудкомъ; мимолетное раздраженіе, вызванное какимъ-нибудь случайнымъ фактомъ, можетъ легко повести къ серьезнымъ и печальнымъ событіямъ, благодаря такой особенности международныхъ отношеній. Когда политика опредѣляется настроеніемъ извѣстныхъ лицъ или общественныхъ группъ, то не можетъ быть и рѣчи объ устойчивости и прочности внѣшняго мира; малѣйшія перемѣны настроенія вызываютъ тревогу и колеблютъ довѣріе къ будущему, хотя интересы народовъ не измѣняются и всегда одинаково требуютъ мирнаго внутренняго развитія.

Въ послѣднее время приходилось особенно часто наблюдать эти признаки нервности въ политикѣ. Дѣйствительное положеніе дѣлъ остается въ сущности то же самое, какъ и прежде; но настроеніе сдѣлалось болѣе напряженнымъ и перемѣнчивымъ особенно послѣ извѣстныхъ франко-русскихъ демонстрацій. Въ Германіи замѣчается недовольство, которое выразилось не только въ журналистикѣ, но и въ оффиціальныхъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ; военныя празднества, напримѣръ,

даютъ поводъ произносить рѣчи и тосты, могущіе пріобрѣсть угрожающій смыслъ. По случаю военнаго смотра, произведеннаго въ Эрфуртѣ, германскій императоръ напомнилъ о „корсиканскомъ завоевателѣ", который глубоко и тяжко оскорбилъ Германію и получилъ за это заслуженное возмездіе въ 1813 году; эти слова, сказанныя на обѣдѣ 15-го сентября (н. ст.) и переданныя по телеграфу во всѣ стороны, взволновали французскихъ патріотовъ и вызвали понятное безпокойство въ общественномъ мнѣніи Европы. При всеобщемъ нервномъ настроеніи было бы лучше не напоминать о старыхъ французскихъ обидахъ, которыя притомъ съ избыткомъ покрыты позднѣйшимъ торжествомъ Германіи. Если Вильгельмъ II отозвался съ такою рѣзкостью о Наполеонѣ I, то отъ него можно было ожидать какого-нибудь подобнаго выраженія и о самой Франціи; а оскорбительный отзывъ, вырвавшійся случайно при подобной обстановкѣ и объясняемый лишь нервнымъ темпераментомъ, могъ бы имѣть весьма важныя и крайне нежелательныя послѣдствія. Текстъ эрфуртской рѣчи, сообщенный впервые газетою „Post", явился не въ той редакціи въ оффиціальномъ „Reichsanzeiger"; но не все ли равно, названъ ли былъ Наполеонъ узурпаторомъ, выскочкой или только „корсиканскимъ завоевателемъ", если общій смыслъ заявленія имѣлъ въ себѣ нѣчто вызывающее и обидное по адресу Франціи? Необходимость оффиціальныхъ исправленій текста въ этихъ случаяхъ показываетъ наглядно, что само германское правительство не желаетъ сознательно обижать или раздражать сосѣдей; оно, очевидно, считаетъ ненормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ какая-нибудь необдуманная фраза способна разстроить международныя отношенія и подвергнуть опасности общій миръ. Нѣмецкія газеты, не ослѣпленныя узкимъ національномъ, вполнѣ согласны съ французскою печатью относительно неумѣстности всякихъ рискованныхъ напоминаній въ оффиціальныхъ рѣчахъ и тостахъ; даже „National Zeitung", склонная во всемъ винить французовъ, признаетъ на этотъ разъ, что ошибка была совершена съ нѣмецкой стороны, хотя и въ видѣ невольнаго отвѣта на увлеченія парижскихъ патріотовъ.

Въ Парижѣ уличная толпа, руководимая буланжистами и мнимыми радикалами, громко высказывала свои чувства къ Германіи и къ нѣмцамъ по поводу представленія „Лоэнгрина" на французской сценѣ; значительная часть журналистики предприняла жестокій походъ противъ нѣмецкой музыки вообще и противъ произведеній Вагнера въ частности, причемъ направляла главные свои удары противъ министерства, допустившаго включеніе означенной пьесы въ репертуаръ парижской оперы. Буланжисты и радикалы отчаянно шумѣли, обвиняя министровъ въ измѣнѣ отечеству, въ постыдной угод-

ливости передъ Берлиномъ, въ умышленномъ колебаніи франко-русской дружбы, и все это изъ-за музыкальнаго произведенія, не имѣющаго никакой связи съ политикою. Патріотическая кампанія противъ „Лоэнгрина" не имѣла, конечно, разумнаго смысла; она была по существу нелѣпа, а между тѣмъ она серьезно озабочивала правительство и причинила много хлопотъ министру Констану. Министерству удалось устранить безпорядки и отстоять свободу театральной публики отъ незаконныхъ посягательствъ, прикрываемыхъ патріотическимъ усердіемъ, но страстныя выходки многихъ французскихъ газетъ противъ всего нѣмецкаго должны были вызвать непріятный отголосокъ въ нѣмецкой печати и послужить ей новымъ матеріаломъ для обвиненій и нападокъ противъ Франціи. Патріотическія глупости, совершаемыя бульварной толпою въ Парижѣ, убѣждаютъ Германію въ непримиримой ненависти къ ней французовъ и разстроиваютъ нервы нѣмецкихъ патріотовъ и правителей, что̀ отразилось невольно въ такихъ заявленіяхъ, какъ недавняя рѣчь въ Эрфуртѣ.

Но оффиціальная Франція дѣйствуетъ весьма миролюбиво и сдержанно; президентъ Карно и его министры старательно обходятъ всякіе щекотливые вопросы и не перестаютъ заявлять о своей рѣшимости сохранить миръ; они довольствуются лишь указаніемъ на возродившееся могущество страны, засвидѣтельствованное соглашеніемъ съ Россіею, и на законченную нынѣ организацію милліонной арміи, доказавшей свою боевую готовность блестящими маневрами въ восточныхъ департаментахъ Франціи. Въ рѣчахъ Карно, Фрейсинэ и Рибо сказывается спокойное сознаніе достигнутой силы, безъ малѣйшаго намека на чувство непріязни къ побѣдителямъ 1871 года. Эти сдержанныя и миролюбивыя оффиціальныя заявленія, равно какъ и энергическія дѣйствія противъ уличныхъ шовинистовъ въ дѣлѣ „Лоэнгрина", были какъ бы упущены изъ виду Вильгельмомъ II въ Эрфуртѣ, подобно тому какъ и вообще нѣмецкіе дѣятели и публицисты обращаютъ гораздо больше вниманія на шумную агитацію буланжистовъ, чѣмъ на политику правительства и на серьезную часть общественнаго мнѣнія во Франціи. Формально нѣмцы не правы; но они не безъ основанія ссылаются на то, что политическое настроеніе, дающее толчокъ событіямъ, зависитъ чаще всего не отъ разумныхъ и миролюбивыхъ элементовъ общества, а именно отъ горячаго и неразборчиваго возбужденія патріотическихъ чувствъ въ массѣ людей недалекихъ и увлекающихся. Франко-прусская война 1870 года была также вызвана ослѣпленіемъ толпы, мечтавшей о тріумфальномъ шествіи къ Берлину; за войну стояли тогда самые легкомысленные и невѣжественные элементы французскаго общества, а серьезныхъ людей никто не

слушалъ; это могло бы повториться и теперь. Настроеніе, толкающее на войну, создается иногда такими обстоятельствами, которыхъ ни предвидѣть, ни предотвратить невозможно; въ этомъ отношеніи разница между Франціею и Германіею заключается отчасти въ томъ, что въ первой опасное нервное состояніе завладѣваетъ горстью уличныхъ патріотовъ и встрѣчаетъ противодѣйствіе правительства, а во второй—нервное настроеніе обнаруживается въ рѣчахъ и рѣшеніяхъ лицъ, обладающихъ правительственною властью или призванныхъ говорить отъ имени общества или государства, какъ прежде въ рѣчахъ и рѣшеніяхъ князя Бисмарка и его оффиціозовъ, а теперь Вильгельма II и авторитетныхъ нѣмецкихъ газетъ. Каково бы ни было, однако, содержаніе рѣчей и тостовъ нынѣшняго германскаго императора, активная политика его остается несомнѣнно болѣе свободною отъ неожиданныхъ порывовъ и кризисовъ, чѣмъ политика бывшаго канцлера. Грозный, воинственный тонъ относительно Франціи не раздается уже періодически изъ Берлина; оффиціозная пресса не занимается уже систематическою травлею и утратила вообще свое значеніе. Наклонность Вильгельма II къ военнымъ празднествамъ и къ застольнымъ рѣчамъ, не мѣшаетъ ему добросовѣстно заботиться о смягченіи французской вражды и о предупрежденіи возможныхъ конфликтовъ; страхъ отвѣтственности за войну побуждаетъ его стремиться во что бы то ни стало избѣгнуть роковой развязки или отдалить наступленіе ея до послѣдняго предѣла, насколько позволятъ обстоятельства. Князь Бисмаркъ говорилъ тономъ побѣдителя; онъ всегда былъ увѣренъ, что въ случаѣ надобности прусскія войска вновь разобьютъ Францію и окончательно поставятъ ее въ положеніе второстепенной державы. Этой увѣренности нѣтъ и не можетъ быть у нынѣшнихъ германскихъ правителей. Политическія и военныя условія измѣнились; французская армія не уступаетъ германской по численности и по качествамъ, по совершенству ея вооруженія и по талантамъ ея командировъ, а противъ союзниковъ Германіи могутъ быть выставлены союзники и со стороны Франціи. Этимъ прежде всего объясняется осторожность и миролюбіе въ дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ Вильгельма II и его совѣтниковъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ эрфуртской рѣчи, какъ бы въ отвѣтъ на вызванное ею безпокойство французовъ, германское правительство возвѣстило объ отмѣнѣ паспортныхъ стѣсненій въ Эльзасѣ и Лотарингіи съ 1-го октября текущаго года. Свобода передвиженія на границѣ между Германіею и Франціею возстановлена для лицъ, не принадлежащихъ прямо или косвенно къ составу французской арміи; правила о паспортахъ обязательны только для путешественниковъ послѣдней категоріи, а также для бывшихъ мѣстныхъ

обывателей, не исполнившихъ воинской повинности и не достигшихъ еще сорока-пятилѣтняго возраста. Паспортная система, по общему признанію нѣмецкой печати, была крайне невыгодна и стѣснительна для туземнаго населенія присоединенныхъ провинцій и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ областей; тѣсныя промышленныя связи и торговыя сношенія съ пограничными французскими мѣстностями были подорваны въ корнѣ; многія отрасли производительности подверглись хроническому разстройству и кризису, что́ вызывало и поддерживало въ краѣ общее недовольство и раздраженіе. Мѣра, имѣвшая будто бы цѣлью наказать французскихъ патріотовъ за ихъ сочувствіе Эльзасу и затруднить враждебныя интриги и шпіонство въ этой области, была въ дѣйствительности наказаніемъ для мирнаго большинства самихъ эльзасцевъ и для нѣмецкаго промышленнаго класса; она очень мало вредила Франціи, но укрѣпляла и распространяла въ ней живыя симпатіи къ „угнетенному" населенію края, возбуждала въ послѣднемъ сожалѣніе объ утраченномъ французскомъ отечествѣ и вызывала надежды на лучшее будущее, въ связи съ идеею объ ожидаемой войнѣ и о превратностяхъ военнаго счастья. Вмѣсто того, чтобы пріучить эльзасцевъ къ мысли о прочномъ и окончательномъ соединеніи съ Германіею, усвоенная правительствомъ система заставляла ихъ смотрѣть на имперскую власть какъ на внѣшнюю непріязненную силу и ожидать сочувствія и поддержки лишь со стороны французской націи. Такіе результаты не могли быть ни въ какомъ случаѣ желательны для германскаго правительства и народа, а между тѣмъ паспортныя стѣсненія подтверждались и усиливались при каждомъ неудовольствіи противъ Франціи, какъ будто они спеціально затрогивали ея интересы. Это была какая-то странная и упорная иллюзія, которую можно объяснить только господствомъ безотчетнаго чувства и настроенія во внѣшней политикѣ. Заблужденіе было бы понятно и естественно, еслибы нѣмцы вообще считали систему паспортовъ необходимою и полезною съ точки зрѣнія полицейской; но они прекрасно понимали всѣ ея вредныя стороны и тѣмъ не менѣе защищали ее по причинамъ политическимъ, предполагая почему-то, что отмѣна этихъ стѣсненій будетъ принята за доказательство слабости и чрезмѣрной уступчивости относительно французовъ. Возстановлять противъ себя населеніе Эльзаса и Лотарингіи, причинять этому населенію вредъ и убытки посредствомъ ненужныхъ стѣснительныхъ мѣръ, чтобы доставить непріятность сосѣдней странѣ,—это значило, очевидно, дѣйствовать крайне неразсчетливо и нецѣлесообразно; но не было другого подходящаго способа, чтобы проявлять раздраженіе противъ Франціи и ея эльзасскихъ традиціонныхъ связей, и правительство поступало въ ущербъ своимъ прямымъ интересамъ и задачамъ, подъ

вліяніемъ неопредѣленнаго тревожнаго чувства, для котораго нуженъ былъ какой-нибудь реальный выходъ. Нынѣшняя отмѣна паспортныхъ стѣсненій была привѣтствована не только въ самомъ Эльзасѣ и во Франціи, но и въ Германіи, какъ положительный шагъ къ установленію нормальнаго и спокойнаго порядка вещей въ присоединенной имперской области. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ причина постоянныхъ пограничныхъ споровъ и столкновеній, создававшихъ искусственную и тяжелую атмосферу взаимнаго недовѣрія и непріязни.

Пребываніе Вильгельма II въ предѣлахъ Австріи, присутствіе его на большихъ австрійскихъ маневрахъ и переговоры съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ Шварценау не могли имѣть большого политическаго значенія, такъ какъ тѣсный союзъ Германіи съ Австріею и безъ того опредѣлился съ достаточною прочностью, и едва ли теперь прибавятся въ этомъ отношеніи какія-либо новыя черты. Враждебное недовѣріе германской печати къ Россіи и къ русской политикѣ выразилось съ особенною яркостью въ единодушныхъ и горячихъ протестахъ нѣмецкихъ газетъ противъ какого бы то ни было участія нѣмецкихъ капиталистовъ въ подпискѣ на новый русскій заемъ. Разсужденія нѣмецкихъ публицистовъ по этому предмету сводятся большею частью къ тому, что нѣмцы не должны способствовать успѣхамъ новой русской политики, основанной на союзѣ съ Франціею, и что французамъ слѣдуетъ теперь самимъ расплачиваться за русскую дружбу, причемъ дается понять, что пріобрѣтеніе русскихъ процентныхъ бумагъ есть будто бы рискованное помѣщеніе капитала при современныхъ экономическихъ обстоятельствахъ Россіи и при общемъ международномъ положеніи въ настоящее время. И въ этомъ случаѣ нѣмецкіе публицисты дѣйствуютъ скорѣе подъ вліяніемъ вышеупомянутаго нами нервнаго настроенія, чѣмъ по финансовому и политическому разсчету. Нѣмецкое общество и печать давно уже расходятся съ правительствомъ въ вопросѣ о русско-германскихъ отношеніяхъ. Государственные люди Германіи всегда дорожили союзомъ съ Россіею и не теряли надежды на соглашеніе съ нею даже въ моменты явнаго разлада и ожесточенной газетной полемики; они употребляли всѣ усилія, чтобы устранить разногласія и заручиться, по крайней мѣрѣ, пассивною дружбою русской дипломатіи. Говорятъ, что предсмертнымъ завѣтомъ Вильгельма I своему внуку было порученіе поддерживать дружескія связи съ Россіею. Нѣмецкая печать вообще не раздѣляла этого взгляда на пользу и необходимость русскаго союза; она всегда относилась къ намъ болѣе или менѣе враждебно, постоянно и рѣзко нападала на нашу внутреннюю и внѣшнюю политику, высказывала недовѣріе къ нашимъ порядкамъ, къ дѣйствіямъ и намѣреніямъ, особенно въ области балканскихъ дѣлъ.

Не разъ приходилось князю Бисмарку и его оффиціознымъ газетамъ бороться противъ этихъ неодолимыхъ антипатій нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Чѣмъ либеральнѣе и прогрессивнѣе было направленіе газетъ, тѣмъ откровеннѣе и рѣзче выражалась ихъ непріязнь къ Россіи. Оппозиція ставила въ упрекъ бывшему канцлеру исканіе русской дружбы и настойчиво требовала болѣе самостоятельнаго отношенія къ русскимъ дѣламъ и предпріятіямъ; всѣмъ памятны еще парламентскія пренія, въ которыхъ прогрессисты и отчасти національ-либералы рѣшительно выступали противъ „руссофильскихъ" тенденцій берлинскаго кабинета: тогда князь Бисмаркъ былъ еще безусловнымъ защитникомъ русскаго союза и энергически доказывалъ его прочность и благотворность для внѣшнихъ интересовъ Германіи. Предводитель оппозиціи, Евгеній Рихтеръ, говорилъ о Россіи въ такомъ воинственномъ тонѣ, что канцлеръ долженъ былъ отстаивать идею мира и напоминать о реальныхъ соображеніяхъ, не позволяющихъ жертвовать даже „костями одного померанскаго гренадера" ради болгарскихъ и иныхъ постороннихъ споровъ. Извѣстно, что даже всегдашніе противники всякихъ воинственныхъ стремленій, соціаль-демократы, дѣлали какъ бы исключеніе для Россіи и допускали мысль о направленной противъ нея войнѣ; въ этомъ отношеніи яснѣе другихъ высказывался Бебель. Если позднѣе германская политика отклонилась отъ русскихъ связей и направилась въ другую сторону, то она въ этомъ случаѣ подчинилась общественному настроенію, которое существовало раньше и которое едва сдерживалось оффиціальной дипломатіей Берлина. Нѣмецкая печать можетъ теперь свободнѣе заявлять свои чувства и воззрѣнія, и она заявляетъ ихъ, не стѣсняясь,—подобно тому, какъ и наши газетные патріоты не стѣснялись выражать свою вражду къ нѣмцамъ. Удивленіе или неудовольствіе, проявляемое нѣкоторыми нашими газетами по поводу поведенія нѣмецкой прессы въ дѣлѣ новаго русскаго займа, въ сущности, не имѣетъ никакого основанія; для всякаго, кто слѣдилъ за германскою печатью послѣднихъ лѣтъ, было совершенно ясно, что она выскажется именно такимъ образомъ, а не иначе. Всего менѣе должны были бы удивляться этому люди, представляющіе у насъ такъназываемое національное направленіе и проповѣдующіе одну необходимость антагонизма и борьбы съ германскою имперіею. Берлинскій кабинетъ, руководимый политическими разсчетами, имѣлъ и въ данномъ случаѣ въ виду дѣйствовать примирительно и не возражалъ противъ допущенія подписки на русскій заемъ въ Берлинѣ; но нѣмецкая печать высказалась столь категорически въ противоположномъ смыслѣ, что сами берлинскія фирмы, вступившія въ соглашеніе съ нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ, должны были отказаться отъ

первоначальнаго проекта. Успѣхъ займа и безъ того обезпеченъ участіемъ обширной группы французскихъ капиталистовъ, при нравственномъ содѣйствіи республиканскаго правительства, и ненужное привлеченіе нѣмецкихъ капиталовъ могло бы только затемнить новые финансовые результаты франко-русской дружбы.

Оффиціальное сближеніе съ Франціею принесло уже, повидимому, существенную пользу нашей политикѣ на востокѣ: турецкій султанъ, какъ говорятъ, утратилъ вѣру въ покровительство Англіи и державъ тройственнаго союза; онъ, какъ думаютъ, по этой именно причинѣ смѣнилъ великаго визаря Кіамиль-пашу, слывшаго за англофила, и назначилъ на его мѣсто Джевфатъ-пашу, настроеннаго болѣе благопріятно относительно Россіи. Другіе утверждаютъ, что происшедшій въ Константинополѣ министерскій кризисъ объясняется болѣе простыми и болѣе понятными въ Турціи причинами—обычными дворцовыми интригами, боязнью заговоровъ, подозрительностью и безпокойствомъ султана, напуганнаго какими-то слухами о закулисныхъ переговорахъ Кіамиля съ высшими представителями магометанскаго духовенства и т. п. Измѣнившееся настроеніе турецкихъ правительственныхъ сферъ проявилось въ той уступчивости, которую выказала Порта въ вопросѣ о пропускѣ судовъ нашего добровольнаго флота черезъ Дарданеллы. Соглашеніе по этому важному пункту, состоявшееся при содѣйствіи французскаго посла, графа Монтебелло, есть первый политическій актъ франко-русской близости на востокѣ и въ этомъ качествѣ обратило на себя общее вниманіе въ Европѣ. Франція начинаетъ намъ оказывать финансовыя и политическія услуги, и рано или поздно настанетъ моментъ, когда она потребуетъ уплаты; остается желать, чтобы предполагаемыя обязательства наши не относились къ спору объ Эльзасъ-Лотарингіи, и чтобы французы не предавались преувеличеннымъ надеждамъ насчетъ участія нашего въ столкновеніяхъ и предпріятіяхъ, чуждыхъ русскимъ интересамъ.

Во Франціи сошли со сцены два человѣка, игравшіе въ ней видную и весьма неодинаковую роль: бывшій президентъ республики, Жюль Греви, и бывшій кандидатъ на постъ президента, столь много нашумѣвшій противникъ существующихъ республиканскихъ учрежденій, генералъ Буланже. Греви умеръ отъ старости, восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, забытый всѣми, въ своемъ имѣніи Монъсу-Водрей, гдѣ онъ и родился; политически онъ умеръ въ концѣ 1887 года, послѣ своей вынужденной отставки, когда безупречная репутація всей его жизни была испорчена непонятною снисходительностью къ продѣлкамъ его зятя, Вильсона. Жюль Греви не обладалъ выдающимися талантами и не привлекалъ къ себѣ блестящими личными качествами; онъ не былъ ни великимъ ораторомъ, какъ Гам-

бетта, ни остроумнымъ и проницательнымъ государственнымъ человѣкомъ, какъ Тьеръ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность и авторитетъ благодаря стойкости и цѣльности своего характера, житейской разумности и осторожности своихъ сужденій, обдуманной сдержанности своихъ дѣйствій; эти качества, вмѣстѣ съ его представительною внѣшностью, выдвинули его въ рядъ наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей республиканской партіи. Сдѣлавшись депутатомъ отъ своего родного департамента Юры въ тревожную эпоху февральской революціи, онъ принялъ видное участіе въ обсужденіи конституціонныхъ проектовъ и обнаружилъ большую дальновидность въ своихъ энергическихъ возраженіяхъ противъ идеи объ избраніи президента республики всеобщею подачей голосовъ. Онъ указывалъ на то, что глава государства, избранный народнымъ голосованіемъ, будетъ самъ по себѣ имѣть такое же нравственное значеніе и такую же политическую силу, какъ весь парламентъ, избранный народомъ; президентъ будетъ чувствовать себя въ правѣ не подчиняться парламентскому контролю и дѣйствовать самовластно, ссылаясь на милліоны избирателей, назначившихъ его правителемъ страны. Греви предлагалъ тогда установить тотъ принципъ, что назначеніе президента зависитъ отъ національнаго собранія, которому должно быть также предоставлено смѣнить его въ случаѣ надобности. Ослѣпленіе тогдашнихъ республиканцевъ, отклонившихъ эту поправку и поддерживавшихъ позднѣе кандидатуру принца Луи-Наполеона, значительно способствовало успѣху честолюбивыхъ плановъ, приведшихъ къ водворенію имперіи. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, Греви благоразумно устранился отъ политики и довольствовался дѣятельностью адвоката; только съ пробужденіемъ либеральныхъ идей въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вновь выступилъ на политическое поприще и былъ избранъ депутатомъ, несмотря на противодѣйствіе администраціи. Дальнѣйшая исторія Греви всѣмъ извѣстна: послѣ паденія имперіи и окончанія вызванной ею франко-прусской войны онъ былъ выдвинутъ событіями на первый планъ, въ качествѣ естественнаго кандидата въ президенты національнаго собранія. Въ этой почетной должности онъ оставался отъ февраля 1871 года до февраля 1873 года и затѣмъ отъ начала 1876 года до избранія его въ президенты республики въ 1877 году, послѣ отставки Макъ-Магона. Жюль Греви оказалъ великія услуги республиканской партіи и всей странѣ своимъ осторожнымъ образомъ дѣйствій, въ трудные моменты своего президентства, въ періоды опасныхъ конфликтовъ съ Германіею и при началѣ буланжистской агитаціи, сознательно толкавшей Францію на путь войны. Заслуги Греви всѣми признаются; но имя его пользовалось бы несравненно бо̀льшимъ почетомъ, еслибы онъ съумѣлъ своевременно сойти со сцены

или публично отречься отъ близкихъ людей, возбудившихъ противъ себя общественное неудовольствіе своимъ участіемъ въ сомнительныхъ аферахъ.

Совершенно инымъ характеромъ отличалась жизнь и дѣятельность человѣка, стремившагося занять постъ правителя во Франціи послѣ скромнаго Греви и едва не достигшаго этой цѣли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Генералъ Буланже, бывшій одно время популярнѣйшимъ лицомъ во Франціи, былъ такъ же точно забытъ и покинутъ всѣми, послѣ окончательнаго разгрома его партіи; паденіе его было столь же быстро, какъ и возвышеніе, и только неожиданная трагическая смерть его напомнила теперь свѣту объ этомъ недавнемъ кандидатѣ на роль главы государства. Буланже умеръ, какъ и жилъ, ненормально; онъ покончилъ съ собою на могилѣ любимой женщины, какъ подобаетъ герою популярнаго романа. Чисто личныя чувства и побужденія руководили имъ и въ его политической агитаціи, какъ и въ печальномъ заключительномъ рѣшеніи, положившемъ конецъ его жизни; общественные мотивы могли бы побудить его возвратиться прежде всего на родину и потребовать пересмотра состоявшагося противъ него судебнаго процесса, какъ онъ обѣщалъ въ одномъ изъ своихъ громкихъ обращеній къ французскому народу. Смерть Буланже не составляетъ теперь политическаго событія, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ уже никакого политическаго значенія; это какъ бы послѣдняя развязка шумнаго и страннаго движенія, грозившаго серьезной опасностью мирному внутреннему развитію великаго народа. Почти одновременно съ самоубійствомъ Буланже, покончилъ съ собою честолюбивый дѣятель, возбудившій междоусобную войну въ своей родной странѣ ради своихъ личныхъ цѣлей,—президентъ республики въ Чили, Бальмаседа, побѣжденный войсками конгресса. Генералу Буланже удалось умереть, не причинивъ положительнаго вреда отечеству и народу; память его не омрачена кровавыми преступленіями, какими запятналъ себя Бальмаседа, и французы могутъ отнестись къ кончинѣ бывшаго любимца толпы совершенно спокойно, съ чувствомъ сожалѣнія о неудачно направленномъ честолюбіи покойнаго генерала.

ВСЕМІРНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СЪѢЗ

Письмо изъ Швейцаріи.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ деся науки географіи разныхъ странъ и національ собирались для совѣщаній въ разныхъ город годахъ происходили съѣзды такого рода въ Парижѣ и въ Антверпенѣ; затѣмъ въ 1881 г. состоялся съѣздъ въ Венеціи; въ 1882 г. географы имѣли свои совѣщанія опять въ Парижѣ. Теперь такой же съѣздъ состоялся въ Бернѣ.

Кромѣ этихъ всемірныхъ или международныхъ съѣздовъ („Weltcongress", „Congrès international"), происходили въ послѣднее время въ Германіи собранія нѣмецкихъ представителей этой сравнительно новой науки; въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія географы собирались въ Берлинѣ, Галле, Франкфуртѣ, Мюнхенѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ, Карлсруэ и въ Вѣнѣ; въ 1893 году имѣетъ быть съѣздъ нѣмецкихъ географовъ въ Штуттгартѣ. Нельзя удивляться тому, что именно въ Германіи успѣхи науки географіи особенно замѣчательны. Карлъ Риттеръ и Оскаръ Пешель,—самые видные представители этой науки, опредѣлившіе характеръ и направленіе развитія ея,—принадлежатъ Германіи. Въ большей части германскихъ университетовъ учреждены каѳедры географіи, составляющія исключеніе въ другихъ странахъ. Нѣкоторыя отрасли географіи, напр. метеорологія и гласіалологія, обязаны своими успѣхами именно германскимъ ученымъ. Гамбургское метеорологическое учрежденіе „Seewarte" въ этой спеціальности занимаетъ самое видное мѣсто. Въ Германіи распространено мнѣніе, что съѣзды германскихъ географовъ пока могли считаться болѣе плодотворными для науки, нежели международныя собранія этого рода.

Впрочемъ, что касается до съѣздовъ ученыхъ вообще, то, какъ намъ кажется, не должно ожидать особенно близкихъ практическихъ результатовъ отъ такого рода собраній.

Рѣшеніе вопросовъ объ организаціи научнаго труда, объ ассоціаціи для дальнѣйшихъ занятій, составляетъ рѣдкое исключеніе. Читаются рефераты, отчасти довольно спеціальные. Слушателей, вполнѣ способныхъ слѣдить со вниманіемъ за этими лекціями, бываетъ сравнительно немного. Уже то обстоятельство, что при такихъ съѣздахъ

значительная часть членовъ—дилеттанты, не можетъ не препятствовать успѣшному ходу занятій, практической пользѣ организаціи съѣздовъ. По мнѣнію большинства лицъ, участвовавшихъ въ такихъ собраніяхъ, главная польза ихъ заключается въ личномъ сближеніи между представителями науки. Центръ тяжести значенія съѣздовъ переходитъ изъ той залы, въ которой происходятъ совѣщанія, въ другія помѣщенія, гдѣ члены съѣзда собираются случайно для неоффиціальной бесѣды, и гдѣ короче знакомятся между собою спеціалисты-товарищи.

Нельзя не признать, что именно въ настоящее время, при удареніи на національность, при нѣкоторомъ шовинизмѣ и въ области науки, международные съѣзды, содѣйствуя личному сближенію ученыхъ разныхъ странъ между собою, могутъ быть полезными. Въ данномъ случаѣ собраніе географовъ въ Бернѣ имѣло большое значеніе. Швейцарія не только въ области политики, но и въ области науки отличается нейтралитетомъ, безпристрастнымъ отношеніемъ ко всему міру. Въ ней пользуются равноправностью различныя нарѣчія, языки нѣмецкій, французскій и итальянскій. Бернъ и въ этомъ отношеніи представляетъ собою нейтральную почву. Съѣздъ географовъ, продолжавшійся отъ 10-го до 14-го августа новаго стиля, отличаясь пестротою языковъ, національностей, представлялъ собою, такъ сказать, космополитическое единство.

Впрочемъ, французскій языкъ былъ во время съѣзда преобладающимъ, даже нѣкоторымъ образомъ оффиціальнымъ. Представители швейцарскаго правительства, гг. Дрозъ (conseiller fédéral Droz) и Гобà (conseiller d'état Gobat), при открытіи съѣзда и потомъ на оффиціальномъ обѣдѣ, устроенномъ въ г. Тунѣ, и при закрытіи съѣзда, говорили не иначе какъ по-французски. Предсѣдатели отдѣльныхъ засѣданій по большей части руководили преніями, употребляя французскій языкъ и тогда, когда ораторы говорили по-англійски или по-нѣмецки. Мало того, рефераты, читанные не на французскомъ языкѣ, тотчасъ же, еще во время чтенія, въ извлеченіи были переводимы на французскій языкъ, и эти экспромты читались тотчасъ же послѣ каждаго англійскаго или нѣмецкаго реферата однимъ изъ секретарей съѣзда, обнаруживавшихъ при этихъ случаяхъ необычайную ловкость и опытность. Протоколы съѣзда были составляемы не иначе какъ на французскомъ языкѣ. Но первая рѣчь на съѣздѣ, имѣвшая, такъ сказать, полу-оффиціальное значеніе, была произнесена на нѣмецкомъ языкѣ. При первой встрѣчѣ членовъ съѣзда, наканунѣ формальнаго открытія его, въ саду такъназываемаго „Casino“ бернскій городской голова, полковникъ Мюллеръ, привѣтствовалъ членовъ съѣзда, говоря по-нѣмецки. Особенною пестротою нарѣчій отличался заключительный ужинъ, вечеромъ 14-го

августа въ залѣ „Casino“. Тутъ было пре
тостовъ, при чемъ говорили на языкахъ н
англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и

Членовъ съѣзда насчитывалось около
половина состояла изъ швейцарцевъ, между
торыя дамы. Нѣмцевъ изъ Германіи и Авс
сколько меньше, чѣмъ французовъ. Другія
значительно уступали этимъ двумъ групп
цифрою представителей оказались Италія,
швейцарцами самое видное мѣсто занимал
Мòржа (Morges), извѣстный своими изсл
гидрографіи Женевскаго озера; между п
особенное вниманіе обращали на себя пр
оказавшій наукѣ довольно важную услугу с
перемѣнами въ составѣ ледниковъ во Фр
Орлеанскій, совершившій въ 1889—1890 го
комъ Бонвало (Bonvalos) замѣчательное
Азію, въ Тибетъ, къ границамъ Китая. Ме
заслуживали особеннаго вниманія: професс
Альбертъ Пенкъ, занимающій чуть ли не
гласіалологовъ нынѣшняго времени; профе
вѣстнаго сочиненія „Anthropogeographie“;
издавшій недавно замѣчательный трудъ о пе
климата, и пр. Между представителями Росс
были: генералъ Анненковъ и профессоръ
Д. Н. Анучинъ.

Почетными предсѣдателями съѣзда счи
императоръ Педро II, король бельгійцевъ
князь Монакскій и члены федеральнаго со
слѣднихъ особеннымъ краснорѣчіемъ отлич
ныхъ дѣлъ Нюма Дровъ. Предсѣдателемъ
народнаго просвѣщенія Гобà. Между чле
при организаціи съѣзда выдающуюся роль
скаго университета Эд. Брикнеръ, взявші
при устройствѣ выставки при съѣздѣ.

Выставка была помѣщена въ 40 залахъ
совсѣмъ еще отстроеннаго новаго дворца ф
царіи. Она дѣлилась на три части: на пе
и историческо-картографическую. Въ послѣд
лены исключительно швейцарскіе предметы
изображенія Швейцаріи и отдѣльныхъ ея м
что и размѣрами, и разнообразіемъ предме

ходила все устроиваемое до сихъ поръ въ этомъ отношеніи. По мнѣнію многихъ членовъ съѣзда, выставка представляла собою настоящую „pièce de résistance" всего съѣзда. Каталогъ, весьма тщательно составленный, обнимаетъ 220 страницъ. Кромѣ Швейцаріи, выставившей, понятно, самое бо́льшее число предметовъ, главными представителями на этой выставкѣ были: Франція, Австрія и Германія. Предметовъ изъ Россіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ изданій о горныхъ заводахъ на Уралѣ и пр., не было; зато Финляндіи было предоставлено особое помѣщеніе и предметы въ немъ были достойны вниманія.

Между тѣмъ какъ засѣданія съѣзда продолжались не болѣе пяти дней, выставка была открыта безъ малаго три недѣли, т.-е. отъ 1 до 18-го августа новаго стиля. Важнѣйшимъ былъ отдѣлъ, относящійся къ техникѣ преподаванія географіи. Извѣстные издатели картъ и атласовъ, какъ, напр., Реймеръ въ Берлинѣ, Пертесъ въ Готѣ, Гашетъ (Hachette) въ Парижѣ, Гёльцель (Hölzel) въ Вѣнѣ, Фельгагенъ и Клазингъ въ Лейпцигѣ, и пр., выставили тутъ новѣйшія произведенія, прекрасныя иллюстрированныя изданія, атласы для школъ, отличающіеся не только изящностью и тщательностью отдѣлки, но и чуть ли не баснословною дешевизною; атласы для слѣпыхъ, теллуріи и планетаціи, и пр. Благодаря исторической части выставки, можно было слѣдить за развитіемъ техники картографіи, напр., при изображеніи горъ. Понятно, что при этомъ тѣ страны, въ которыхъ находятся Альпійскія горы, т.-е. Швейцарія, Франція и Италія, занимали самое видное мѣсто. Кромѣ картъ, книгъ, рельефовъ, были выставлены фотографіи и картины, портреты и бюсты знаменитыхъ спеціалистовъ швейцарской географіи, какъ-то: Дюфура, Галлера, Агасси, Штудера и пр.

Рѣшеніе о раздачѣ премій (три степени: grand prix, premier prix, deuxième prix) оказалось дѣломъ довольно сложнымъ. Предсѣдателемъ комитета былъ профессоръ бернскаго университета Графъ, секретаремъ—профессоръ туринскаго университета г. Кора; членами комитета, имѣвшаго чисто международный характеръ, были представители Австріи, Испаніи, Бельгіи, Англіи, Швеціи, Франціи и Германіи. Дѣло не обошлось, какъ водится, безъ нѣкоторыхъ случаевъ разочарованія со стороны экспонентовъ.

Что касается до организаціи съѣзда, т.-е. преній на съѣздѣ, то нельзя не указать на нѣкоторые ея недостатки. Засѣданія были раздѣляемы на общія и частныя. При этомъ однако недоставало какого-либо начала такого раздѣленія, такъ какъ спеціальныя засѣданія не соотвѣтствовали какимъ-либо секціямъ съѣзда, а въ общихъ засѣданіяхъ нерѣдко трактовалось о довольно спеціальныхъ предметахъ.

Въ общихъ засѣданіяхъ слѣдовало бы обсуждать лишь тѣ предметы, которые имѣютъ, такъ сказать, энциклопедическо-географическое значеніе, или тѣ, которые требуютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ законодательнаго рѣшенія съѣзда или „резолюціи". Всѣ вопросы, относящіеся къ организаціи научнаго труда, требующіе содѣйствія ученаго міра, ассоціаціи разныхъ авторитетовъ, —должны были бы обсуждаться не иначе какъ въ общихъ собраніяхъ. Поэтому, напр., профессоръ Пенкъ совершенно правильно возбудилъ вопросъ о составленіи общей карты земного шара въ извѣстныхъ размѣрахъ (1 : 1.100,000) въ общемъ собраніи, потому что осуществленіе этого громаднаго проекта возможно не иначе, какъ при содѣйствіи правительствъ, ученыхъ обществъ и картографическихъ учрежденій, и предложеніе знаменитаго ученаго, принятое съ сочувствіемъ всѣмъ съѣздомъ, тотчасъ же повело къ выбору коммиссіи для подробнаго обсужденія мѣръ по этому дѣлу. Зато, напр., лекція К. фонъ-Штейна о родинѣ караибовъ, въ которой ораторъ, посѣтившій Южную Америку, сообщилъ результаты своихъ наблюденій по довольно спеціальному и стоящему особнякомъ этнографическо-топографическому вопросу, вовсе не соотвѣтствовала характеру такъ-называемой „séance générale". Напротивъ, вопросъ о меридіанѣ („la question du méridien initial et l'heure universelle"), въ обсужденіи котораго участвовало довольно значительное число членовъ, и который вызвалъ чрезвычайно оживленныя пренія, обсуждался въ засѣданіи, называвшемся „séance spéciale". Столько же непонятно, почему тѣ засѣданія, въ которыхъ были сдѣланы сообщенія о состояніи дѣла преподаванія географіи въ разныхъ странахъ, назывались „спеціальными", между тѣмъ какъ именно этотъ предметъ имѣетъ самый общій интересъ, относится ко всѣмъ отраслямъ географической науки и былъ достоинъ вниманія всѣхъ членовъ съѣзда. Впрочемъ, въ сущности никакой разницы между общими и частными засѣданіями не было, и эти названія оказались лишенными всякаго значенія, и потому раздѣленіе засѣданій на двѣ группы было лишнимъ.

Какъ обыкновенно бываетъ на съѣздахъ ученыхъ, довольно значительная часть рефератовъ оказалась не чѣмъ инымъ, какъ лекціею, не требующею такого собранія, или статьею, которую съ бо̀льшею пользою можно бы было помѣстить въ любомъ спеціальномъ журналѣ. Такого рода сообщенія намъ всегда при подобныхъ случаяхъ казались лишнимъ балластомъ съѣздовъ. Ихъ слѣдовало бы отдѣлить отъ настоящихъ занятій съѣзда, заключающихся въ обсужденіи, такъ сказать, текущихъ дѣлъ, спорныхъ вопросовъ, общихъ научныхъ предпріятій. Такія сообщенія, иногда благодаря личности оратора, иногда благодаря значенію предмета, могутъ служить украшеніемъ съѣзда.

Выходя изъ рамки настоящихъ занятій столь многочисленныхъ собраній спеціалистовъ, они считаются предметомъ роскоши и не возбуждаютъ какихъ-либо преній. Слушатели безъ исключенія играютъ при этомъ пассивную роль. Съѣздъ превращается въ аудиторію. Къ числу такихъ рефератовъ на бернскомъ съѣздѣ должно отнести разсказъ молодого герцога Орлеанскаго о путешествіи въ Средней Азіи, сообщеніе г-на Экгута (Eckhout) о прогрессѣ на островахъ Ява, Суматра, Борнео и Целебесъ вслѣдствіе устройства тамъ желѣзныхъ дорогъ; рефератъ графа Пфейля объ островахъ Бисмаркскаго архипелага и т. под.

Въ послѣднемъ засѣданіи съѣзда было читано и принято нѣкоторое число резолюцій, въ числѣ которыхъ были нѣкоторыя pia desideria. Сюда относятся желанія, чтобы были построены желѣзныя дороги, соединяющія центральную Африку съ берегомъ Средиземнаго моря; чтобы при всѣхъ университетахъ и академіяхъ были учреждены каѳедры географіи; чтобы при преподаваніи географіи обращалось вниманіе на явленія хозяйственнаго быта и пр.

Во все время съѣзда между представителями различныхъ національностей господствовали самыя благопріятныя отношенія. Встрѣчи членовъ съѣзда въ „Казино", устроенная чрезвычайно удобно и роскошно поѣздка всѣхъ членовъ съѣзда въ Тунъ, гдѣ въ двухъ гостинницахъ обѣдало около 400 человѣкъ и откуда была предпринята на двухъ пароходахъ поѣздка по Тунскому озеру, наконецъ ужинъ, въ которомъ послѣ закрытія съѣзда участвовало весьма значительное число членовъ — все это свидѣтельствовало о нѣкоторомъ космополитизмѣ и о національной терпимости. Однако дѣло не обошлось безъ нѣкотораго, впрочемъ лишь эпизодическаго, диссонанса. Нѣкто Кёстъ (Cust), депутатъ отъ великобританскаго географическаго общества, прочитавъ на англійскомъ языкѣ рефератъ о заслугахъ христіанскихъ миссіонеровъ при изученіи Африки, роздалъ членамъ съѣзда писанную на англійскомъ языкѣ брошюру о колонизаціи Африки. Неумѣстныя выходки противъ Германіи въ этой брошюрѣ возбудили негодованіе весьма многихъ членовъ съѣзда, и предсѣдатель послѣдняго, Гобà, счелъ нужнымъ, въ слѣдующемъ общемъ собраніи въ довольно рѣшительномъ тонѣ выразить сожалѣніе объ отсутствіи такта въ образѣ дѣйствій англійскаго публициста. Такимъ образомъ этотъ инцидентъ кончился безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о томъ вниманіи, которое было оказано на бернскомъ съѣздѣ генералу Анненкову. Въ предварительно публикованной программѣ было вообще замѣчено, что отъ генерала Анненкова ожидается рефератъ, о предметѣ котораго будетъ сообщено въ свое время. Понятно, что члены съѣзда ожидали отъ

генерала Анненкова сообщенія о русско-
рогахъ. Но, къ общему сожалѣнію, эта на
основанія. Генералъ Анненковъ говорилъ
даніи о значеніи преподаванія географіи въ связи съ вопросами объ эмиграціи и колонизаціи. Замѣчанія референта, впрочемъ, были выслушаны съ должнымъ вниманіемъ, несмотря на то, что они еще во время засѣданій съѣзда появились въ печати въ „Journal de
и въ послѣднемъ засѣданіи предсѣдатель передалъ генералу
кову дипломъ почетнаго члена берлинскаго географическаго о

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го октября 1891.

— *Бабья сторона.* Статистико-этнографическій очеркъ. *Д. Н. Жбанкова.* Кострома, 1891.

„Проѣзжающимъ въ лѣтнее время по сѣверо-западной части костромской губерніи и особенно по солигаличскому и чухломскому уѣздамъ, — читаемъ на первыхъ страницахъ изслѣдованія г. Жбанкова, — вѣроятно, бросалось въ глаза поразительное численное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами. Болѣе сильные представители здѣшняго крестьянства изгнаны отсюда нуждой, и мы находимся въ миѳологическомъ царствѣ амазонокъ, которыхъ встрѣчается здѣсь многое множество: сидя по-мужски, чаще безъ сѣдла и съ голыми болтающимися ногами, мирныя наѣздницы скачутъ иногда едва ли хуже своихъ воинственныхъ предшественницъ. Только не удаль и не исканіе военныхъ подвиговъ заставили здѣшнихъ обитательницъ взобраться на быстроногихъ коней и не приходится имъ думать о проявленіи своихъ доблестей... Тотъ же всесильный властитель, — нужда,—изгнавшій отсюда мужчинъ, заставляетъ молодыхъ и старыхъ, беременныхъ и больныхъ крестьянокъ съ трудомъ взбираться на своихъ сивокъ и бурокъ и тащиться на работу въ поле, за вѣстями отъ мужа на почту, за покупками на базаръ. Если вы будете нарочно считать попадающихся вамъ на встрѣчу пѣшихъ и конныхъ, то на одинъ-два десятка женщинъ насчитаете только двухъ-трехъ представителей изгнанной сильной половины человѣческаго рода. И такъ повсюду: во всѣхъ мѣстахъ и видахъ проявленія крестьянской жизни и дѣятельности преобладаютъ женщины. Особенно рѣзко наблюдается это лѣтомъ и въ началѣ осени, когда дѣятельность крестьянъ вся внѣ дома, на виду, а мужчины въ это время преимущественно находятся въ сторонѣ. При уборкѣ хлѣба, на сѣнокосѣ, на молотьбѣ, мужчины составляютъ единицы, а женщины—десятки и

сотни; только на самой тяжелой полевой работѣ—пахотѣ—преобладаютъ мужчины, но и въ этомъ случаѣ поле не усѣяно пахарями, какъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ, а въ разныхъ мѣстахъ его ползаютъ 2—4 пахаря и среди нихъ часто замѣшиваются также 1—2 рослыхъ бабы, управляющіяся и съ этой коренной полевой работой безъ мужской помощи. На общественныхъ работахъ, напр., при починкѣ дорогъ, главную массу рабочихъ составляютъ женщины, а въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ небольшая кучка мужиковъ, покуривающихъ трубки и сигарки,—это сельскія власти. На лѣтнихъ базарахъ, среди сарафановъ и платьевъ, разбросаны отдѣльные *пинжаки* и сермяги; обладатели этихъ *пинжаковъ* въ большинствѣ случаевъ не простые посѣтители базаровъ, а власти, сбирающія при удобномъ случаѣ подати, торговцы, всевозможные скупщики, извозчики съ обозами, трактирные и кабацкіе завсегдатаи, изъ-за своей слабости живущіе дома. Даже въ кабакахъ и трактирахъ въ эти дни визгливые пьяные женскіе голоса заглушаютъ часто басовыя хриплыя ноты, и нерѣдко послѣ базара на площадяхъ или по дорогѣ валяются нѣсколько бабъ, не уступающихъ въ пьянствѣ своимъ повелителямъ. Особенно чухломскіе базары отличаются обиліемъ подгулявшихъ и ругающихся бабъ".

Такая картина раскрываетъ цѣлую сторону народной жизни въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ отхожій промыселъ есть господствующій. Если не ошибаемся, настоящая книжка есть первый опытъ подробнаго мѣстнаго изслѣдованія объ отхожемъ промыслѣ населенія въ его различныхъ отношеніяхъ. Авторъ даетъ не только бытовую, но и статистическую картину населенія, гдѣ главную земледѣльческую силу составляютъ женщины, а мужское населеніе на всю пору земледѣльческихъ работъ уходитъ на различные промыслы въ ближніе или дальніе города. Авторъ перечисляетъ различныя формы и отношенія „отхода", который бываетъ дальній и ближній, земледѣльческій и ремесленный. Главнымъ притягательнымъ центромъ служитъ Петербургъ, гдѣ при удачѣ такъ-называемый „питерщикъ" можетъ заработывать хорошія деньги, и примѣръ обогащенія служитъ обыкновенно сильнымъ соблазномъ для ближайшаго сосѣдства. Обычай отхода такъ силенъ, что разставанье съ родиной и семьей не пугаетъ даже 12—14-лѣтнихъ мальчиковъ, которыхъ влечетъ между прочимъ и любопытство, возбуждаемое столицей; притомъ разставаніе не такъ тяжело и потому, что „питерщики" вообще не прерываютъ связи съ родиной и по зимамъ являются домой; кусокъ земли и кое-какое земледѣліе являются подспорьемъ на всякій случай. Разбогатѣвшіе промышленники или ремесленники стараются обыкновенно построить въ деревнѣ домъ на манеръ городского, чѣмъ и величаются передъ одно-

сельчанами. Уходящіе въ отходъ обязываются, конечно, поддерживать семью своими заработками, уплачивать подати и, возвращаясь домой, привозить подарки; если случается, что привезти нечего и иной разъ приходится возвращаться по „липовой машинѣ“, то-есть пѣшкомъ въ лаптяхъ, то домашніе стараются сколько возможно это скрыть, сами покупаютъ мнимые привозные подарки и одѣваютъ самого, вернувшагося оборваннымъ, неудачника.

Само собою разумѣется, что это чуть не поголовное распространеніе отхожихъ промысловъ есть въ сущности крайне ненормальное явленіе, которое сопровождается разнаго рода неблагопріятными послѣдствіями. Первой причиной отхода служитъ, конечно, недостаточность земледѣлія для существованія населенія: съ отходомъ мужской рабочей силы земледѣліе становится еще несовершеннѣе; отходъ отцовъ и мужей не благопріятствуетъ правильности семейной жизни; живущіе по городамъ работники подвергаются всякимъ соблазнамъ городской жизни и городскую испорченность приносятъ въ деревню; въ результатѣ въ отхожихъ уѣздахъ костромской губерніи женское населеніе вообще оказывается гораздо болѣе многочисленнымъ, какъ полагаетъ авторъ, потому, что въ отходѣ рабочій мужчина гораздо больше подвергается заболѣваніямъ. Въ одномъ отношеніи отхожіе промыслы дѣйствуютъ благопріятно: авторъ собралъ цифры, показывающія, что въ отхожихъ уѣздахъ костромской губерніи грамотность развита несравненно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ. Наконецъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда разбогатѣвшій питерщикъ остается на житье въ деревнѣ, онъ оказываетъ мало хорошаго вліянія на бытъ однодеревенцевъ.

„Деревня едва ли что̀ выиграетъ отъ остающихся богачей-питерщиковъ. Сельское хозяйство ихъ, какъ мы сейчасъ говорили, ведется на крестьянскій манеръ и не можетъ служить хорошимъ поощрительнымъ примѣромъ для сосѣдей; по своей незначительности, они не представляютъ и значительнаго заработка для живущихъ въ деревнѣ, такъ какъ у самыхъ богатыхъ не болѣе 1—3 работниковъ и работницъ. Про ярославскихъ богачей намъ часто приходилось читать, что они устроивали на родинѣ школы, богадѣльни, и пр., но всѣ благодѣянія солигаличанъ почти исключительно направлены на церкви и духовенство и особенно на устройство церковныхъ домовъ... О какомъ-либо культурномъ вліяніи богачей на однодворцевъ нечего и говорить; нѣкоторые изъ нихъ своимъ отношеніемъ къ окружающимъ напоминаютъ прежнихъ московскихъ купцовъ-самодуровъ. Одни богачи не гнушаются своихъ сосѣдей и пьянствуютъ съ ними на-пропалую, спаивая не только мужиковъ, но и бабъ; другіе же держатся особнякомъ отъ деревни и посѣтителями ихъ бываетъ только мѣст-

ная аристократія. На пьянство, игру и друг
здѣсь большія деньги и разстраиваются хоро
торговецъ проигралъ болѣе 30.000 руб. и те
по этапу. Ясно, какое вліяніе могутъ оказать
сосѣдей. Другіе прокучиваютъ свои наслѣдстве
лицахъ. И вообще, судя по ходящимъ здѣсь
нажитыя стариками, все болѣе и болѣе лопаю
ника; о составленіи новыхъ богатствъ слышно
шеніи прежнихъ" (стр. 64—66).

По физическимъ условіямъ края авторъ ніемъ неизбѣжнымъ и находитъ, что по крайней мѣрѣ должны бы быть приняты мѣры къ улучшенію тѣхъ условій, въ какихъ совершаются отхожіе промыслы, и полагаетъ, напримѣръ, что слѣдовало бы позаботиться о лучшемъ устройствѣ кустарничества, объ учрежденіи агентуры, которая могла бы направлять рабочія силы въ такія мѣстности, гдѣ бы онѣ могли находить примѣненіе, и т. п.

Такъ какъ отходъ составляетъ принадлежность не одной костромской губерніи (или нѣкоторыхъ ея уѣздовъ), но распространенъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, то понятно, что вопросъ становится очень широкимъ и надо бы желать, чтобы расширены были такія мѣстныя изслѣдованія, какія произвелъ авторъ по своему краю. Въ концѣ книги—рядъ интересныхъ приложеній. Во-первыхъ, краткое описаніе четырехъ деревень относительно развитія отхожихъ промысловъ, гдѣ между прочимъ отмѣчено не мало случаевъ экономическаго разстройства семей и прекращенія отхода изъ-за пьянства. Во-вторыхъ, типическая форма условій, по которымъ мальчики отдаются въ ученье мастерству. Въ-третьихъ, образчики писемъ въ деревню и изъ деревни. Въ-четвертыхъ, небольшой сборникъ пѣсенъ, очень любопытныхъ своимъ смѣшаннымъ характеромъ, гдѣ на старую основу налегъ слой новѣйшаго сочинительства,—пѣсенъ, въ которыхъ именно отразился бытовой складъ отхожихъ мѣстностей съ полу-городскими навыками и способомъ выраженія. Вообще трудъ г. Жбанкова доставитъ не мало любопытнаго какъ для тѣхъ, кто изучаетъ экономическія условія народнаго быта, такъ и для тѣхъ, кому интересны его черты этнографическія.

— **Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. М. С. *Вруцевича*. Спб. 1891.**

Это—небольшая книжка, составляющая отдѣльный оттискъ изъ XVII-го тома Записокъ Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи (кажется, еще не вышедшаго въ свѣтъ) и заключающая крат-

кіе очерки быта туземцевъ Якутской области, а именно якутовъ, тунгусовъ, юкагировъ и чукчей. Очерки весьма краткіе, особливо о трехъ послѣднихъ племенахъ, но, повидимому, составлены на основаніи личнаго знакомства съ предметомъ, и такъ какъ литература о туземцахъ сѣверо-восточной Сибири весьма небогата, то и эти очерки имѣютъ свою цѣну. Авторъ говоритъ въ особенности о внѣшнемъ бытѣ этихъ племенъ: ихъ физическихъ свойствахъ, устройствѣ жилищъ, одеждѣ, промыслахъ, нѣкоторыхъ обычаяхъ. Эти племена издавна привлекали вниманіе путешественниковъ русскихъ и иностранцевъ, попадавшихъ на этотъ далекій сѣверо-востокъ, и будущему этнографу очень интересно будетъ сличить старые и позднѣйшіе отзывы наблюдателей о племенахъ, которыя они видѣли въ разныя эпохи ихъ существованія. Будущій изслѣдователь обратитъ вниманіе на то, какъ въ эти разныя эпохи опредѣлялась численность племенъ, состояніе ихъ быта, сначала едва затронутаго русскимъ сосѣдствомъ, потомъ подпадавшаго все больше его вліянію, и т. д. Новѣйшіе наблюдатели говорятъ обыкновенно о вымираніи сибирскихъ туземцевъ и нашъ авторъ говоритъ, напримѣръ, о тунгусахъ, что это народъ „вымирающій и исчезающій, такъ какъ численность ихъ уменьшается съ каждымъ годомъ"; юкагиры—также „народъ быстро вымирающій" и во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1885 годъ ихъ считалось не болѣе 786 человѣкъ; чукчи быстро обращаются въ православіе, но это имъ нисколько не мѣшаетъ точно также быстро вырождаться и исчезать и ихъ считается по тому же отчету всего 1.077 человѣкъ. „Кромѣ этихъ народностей,—замѣчаетъ авторъ,—въ Якутской области есть еще и другія, живущія по побережью океана, какъ-то: чуванцы (138 душъ), коряки (5 душъ), но вслѣдствіе ихъ малочисленности образъ жизни ихъ не выясненъ".

Относительно якутовъ авторъ не указываетъ этого факта вымиранія: „якуты—народъ далеко не вырождающійся, несмотря на общее правило о вырожденіи инородцевъ". Другими словами, якуты примѣняются къ новымъ условіямъ быта и не только не исчезаютъ, но оказываютъ даже вліяніе на сосѣднее русское населеніе. Этотъ давно уже замѣченный фактъ подтверждаетъ и г. Вруцевичъ слѣдующими данными: „Они вообще трудолюбивы и хорошіе хозяева, насколько достаетъ умѣнія, почему въ результатѣ они и пользуются бо́льшимъ благосостояніемъ, нежели подвергшіеся деградаціи мѣстные крестьяне. Составляя доминирующій (господствующій?) элементъ въ области, якуты какъ бы подчиняютъ своему вліянію сравнительно немногочисленныхъ здѣсь русскихъ, и подчиненіе это поразительнѣе всего выражается въ забвеніи родного языка приленскими крестьянами, которые и между собой не говорятъ теперь иначе, какъ по-якутски.

Объякучиваніе объясняется отчасти и тѣмъ, что многіе русскіе женятся здѣсь на якуткахъ. Все сказанное до сихъ поръ о якутахъ говоритъ за то, что этотъ народъ имѣетъ будущее, когда измѣнятся условія въ Сибири".

Изъ своего первобытнаго состоянія они уже выходятъ, но нельзя сказать, чтобы цивилизація, какую получаютъ они отъ русскихъ, была высокаго сорта. Напримѣръ, мы читаемъ: „якуты теперь всѣ православнаго вѣроисповѣданія. Много потрудился въ обращеніи ихъ протоіерей Слѣпцовъ въ 1804 году, крестя ихъ скопомъ (гуртомъ?). Но всѣ ихъ религіозныя понятія, какъ и понятія приленскихъ крестьянъ, очень скудны. Самый большой Богъ у якутовъ — это тотъ, который лѣтомъ гремитъ на небѣ. Въ это время, по мнѣнію якутовъ, Богъ сердится на людей, а потому и стращаетъ ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ Богъ Микола, старый, сердитый старикъ, посылающій зимой непогоду и морозъ. По его распоряженію и при содѣйствіи казака Егора, становятся рѣки и весной вскрываются отъ льда. Церковь якуты очень любятъ посѣщать... Однако, что̀ для русскаго крестьянина составляетъ святость, для якута не всегда свято... Якутъ слилъ двѣ религіи, язычество и христіанство, въ одно и чрезъ это получилось у него какое-то своеобразное суевѣріе, которое и составляетъ его религію. За принятіе христіанства якутъ поплатился обязательнымъ оброкомъ въ пользу духовенства, исполняющаго у него теперь обязательныя требы".

По словамъ г. Вруцевича, якуты при ближайшемъ знакомствѣ не внушаютъ къ себѣ особеннаго сочувствія: у нихъ сохранились многія грубыя, даже звѣрскія черты дикаго быта; съ другой стороны они теряютъ и то, что̀ было въ ихъ характерѣ симпатичнаго: „якуты, съ тѣхъ поръ какъ познакомились съ болѣе цивилизованными русскими, начали утрачивать и симпатичныя черты народа первобытнаго; нравы ихъ значительно испортились, и это объясняется, конечно, тѣмъ, что они въ лицѣ русскихъ знакомились лишь съ изнанкой цивилизаціи. Первыми піонерами русской культуры и цивилизаціи у якутовъ вообще явились казаки, чиновники, миссіонеры, крестьяне, кабатчики и лавочники. Казакъ принесъ съ собою грубое насиліе, чиновникъ—взяточничество и попираніе закона, кабатчикъ—пьянство и беззастѣнчивое обираніе, лавочникъ—ловкое надувательство; крестьянинъ, а за послѣдніе два десятка лѣтъ и поселенецъ, принесли грабежи и разбои, а особенно первый". Не мудрено, что якуты стали и сами перенимать все это; но они чувствуютъ, откуда идетъ эта порча старыхъ нравовъ, и русскіе возбуждаютъ въ нихъ ненависть. „Якуты,—говоритъ авторъ,—инстинктивно чувствуютъ, что нравы ихъ растлили русскіе, которыхъ они презираютъ. Всѣхъ русскихъ

якуты называютъ звѣрями. Презрѣніе якутовъ къ русскимъ выражается также и въ отвращеніи къ русскому языку, которому они никакъ не хотятъ учиться".

Всѣ эти факты чрезвычайно любопытны и надо было бы желать, чтобы дальнѣйшія изысканія сообщили больше данныхъ какъ о внутреннемъ бытѣ якутовъ, такъ и объ ихъ отношеніяхъ съ русскими. Сибирскій инородческій бытъ, которому недавно посвятилъ особую книгу г. Ядринцевъ, все еще остается мало выясненъ. Понятно, насколько въ этомъ вопросѣ замѣшана и наша собственная сибирская цивилизація.

— *Врачебный бытъ* до-Петровской Руси. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Врачъ(а) Ф. Л. *Германъ*(а). Выпускъ I. Харьковъ, 1891.

Со времени знаменитой книги Рихтера, писавшаго исторію медицины въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, по этому предмету до сихъ поръ нѣтъ цѣльнаго изслѣдованія, хотя предпринимались иногда весьма обширные труды, какъ, напримѣръ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи" Чистовича (1883), и полезныя изданія, какъ сборникъ старинныхъ лечебниковъ г. Флоринскаго, и пр. Всего чаще предметъ затрогивался въ небольшихъ отрывочныхъ работахъ, разсѣянныхъ по спеціальнымъ изданіямъ и брошюрамъ. Въ настоящемъ трудѣ г. Германъ дѣлаетъ опытъ „собрать по возможности во-едино все относящееся къ врачебному дѣлу до-Петровской Руси и такимъ образомъ, систематизируя данный матеріалъ, представить очеркъ тогдашняго врачебнаго быта". Всю исторію предмета авторъ дѣлитъ на три періода: первый отъ крещенія Руси до сверженія татарскаго ига (1480), „когда всѣ наши медицинскія познанія заносятся главнымъ образомъ духовенствомъ изъ Византіи и когда врачебное дѣло находится почти исключительно въ его рукахъ"; второй до 1620 года или до учрежденія аптерскаго приказа, когда „въ московскую Русь начинаютъ проникать западно-европейскіе врачи,—но въ этотъ періодъ врачъ представляетъ еще собою предметъ роскоши царскаго двора и не имѣетъ никакого отношенія къ народу; вліяніе его на нѣкоторыя санитарныя мѣропріятія есть результатъ его личныхъ отношеній къ царю"; и третій періодъ до Петра Великаго, „когда врачебное дѣло обособляется совершенно, переходитъ въ вѣденіе особаго административнаго учрежденія, при которомъ позже возникаютъ медицинская школа и аптека, начинается насажденіе медицинской науки въ родной землѣ, появляются отечественные врачи и т. д."

Относительно древняго до-христіанскаго
ваетъ, что медицина была дѣломъ старшихъ
язычествѣ не было жрецовъ, которые у друг
хранителями высшихъ познаній, и слѣдова
касты и этому обстоятельству авторъ приписы
ніе (?) на ходъ развитія нашихъ народныхъ ме
въ тайны леченія могли посвящены быть вс
почему нашъ народъ такъ крѣпко держался
лечебныхъ средствъ старины. Авторъ однак
ваетъ: представленія нашего народа о бол
писывались вліянію „нечистыхъ духовъ", и
нія точно также были распространены и
бо̀льшее развитіе образованія ускорило у дру
научной медицины (какова бы она ни была),
ніе средніе вѣка положеніе этого дѣла было
и въ западной Европѣ. И тамъ такимъ же
странена народная медицина, состоявшая ч
дѣйствительныхъ лекарственныхъ средствъ,
частью изъ колдовства, заговоровъ, амулетовъ
злыхъ духовъ или злыхъ силъ природы; у нас
по мнѣнію автора, знаніе лечебныхъ средств
шимъ въ родѣ", бывали также спеціалисты
дуны, кудесники и т. п., однимъ словомъ,
Далѣе, по мнѣнію автора, „можно считать вп
многое было заимствовано народомъ отъ фин
ческаго занесено изъ Азіи, изъ Византіи пр
отношеніяхъ къ Царьграду"; намъ кажется,
заннымъ пока нельзя, потому что тѣ време
авторъ, изслѣдованы вообще слишкомъ ма
привелъ этихъ доказательствъ. По введеніи
автора, изъ Византіи были занесены также
цинскихъ познаній. Въ борьбѣ христіанства
языческія суевѣрія должны были уступать пе
новые учителя возставали противъ волхвовані
объясняли, что болѣзни посылаются Богомъ въ наказаніе за грѣхи; „для народа всѣ эти поученія не оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, онъ многое заимствовалъ изъ нихъ, но при этомъ ухитрялся свою языческую обрядовую медицину примирать подъ вліяніемъ духа времени съ вновь пріобрѣтенными христіанскими идеями". Во время татарскаго ига, „сѣмена византійской культуры, въ томъ числѣ и медицины, начавшія давать уже ростки, были почти совсѣмъ заглушены нашествіемъ татаръ, междоусобіями князей, по-

вальными эпидеміями. Медицинскія познанія, заимствованныя отъ грековъ, сохраняются лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, да кой-что изъ нихъ въ народныхъ преданіяхъ, извращаясь и вытѣсняясь постепенно еще прочно жившими въ народной массѣ чисто языческими предразсудками и суевѣріемъ". Это послѣднее опять является недоказаннымъ: въ какихъ монастыряхъ сохранялись медицинскія познанія и въ чемъ онѣ заключались? Можно было бы обойтись безъ всѣхъ этихъ произвольныхъ утвержденій и собрать только тѣ положительныя данныя, какія сохранились въ источникахъ; эти данныя весьма скудны,—въ лѣтописяхъ и иныхъ памятникахъ есть отдѣльныя извѣстія о болѣзняхъ, о томъ, что ихъ лечили, что были „лѣчцы" (какъ это было вездѣ и всегда), но какіе были эти „лѣчцы", научились ли они гдѣ-нибудь спеціально своему искусству или это были тѣ же народные знахари, большею частью остается совершенно неизвѣстно. Лѣчцы бывали и въ монастыряхъ, но бывали и внѣ монастырей, и какое отношеніе было между тѣми и другими, мы совершенно не знаемъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ собираетъ изъ лѣтописныхъ и иныхъ памятниковъ отрывочныя извѣстія о болѣзняхъ и случаяхъ леченія, съ того времени какъ начинается приглашеніе врачей иностранныхъ; онъ собираетъ различныя упоминанія о нихъ, между прочимъ выписывая цѣликомъ изъ извѣстныхъ изданій относящіеся къ нимъ документы. Разсказъ кончается царствованіемъ Бориса Годунова. Въ слѣдующемъ выпускѣ, гдѣ повидимому закончено будетъ изложеніе предмета, авторъ обѣщаетъ дать подробный библіографическій указатель работъ по исторіи медицины въ Россіи.

Авторъ видимо относился къ своему дѣлу очень старательно и цитируетъ довольно обширную литературу. Мы не знаемъ дальнѣйшаго плана его изложенія, но въ подобномъ трудѣ было бы именно желательно болѣе обстоятельное изслѣдованіе той народной медицины, основаніе которой восходитъ главнымъ образомъ къ Руси до-Петровской. Вопросъ труденъ между прочимъ потому, что при этомъ требовалось бы болѣе близкое знакомство съ древними памятниками и съ старымъ языкомъ, знакомство, какого трудно ожидать у врача, и нашъ авторъ видимо затруднялся этимъ языкомъ (напримѣръ, „румяно", стр. 9). Дѣло въ томъ, что если у насъ осталось очень мало положительныхъ извѣстій о пріемахъ стариннаго леченія, о людяхъ, имъ занимавшихся, то сохранилось, однако, довольно значительное число памятниковъ болѣе или менѣе старыхъ и во всякомъ случаѣ до-Петровскихъ, которые, во-первыхъ, отражаютъ старыя полухристіанскія суевѣрія о происхожденіи и леченіи болѣзней заговорами, или „лживыми молитвами" (какъ ихъ называли въ старину), и раз-

личными суевѣрными пріемами; во-вторыхъ, доставляютъ цѣлый рядъ формальныхъ лечебниковъ и травниковъ (зелейниковъ), происхожденіе которыхъ до сихъ поръ съ точностью не опредѣлено и въ объясненіи которыхъ могло бы быть весьма полезно участіе врача, знакомаго съ одной стороны съ исторіей медицины, а съ другой съ современной медициной народной: первое необходимо потому, что многіе изъ старинныхъ лечебниковъ были несомнѣнно переводные и должны быть опредѣлены ихъ источники; второе потому, что въ современной народной медицинѣ должно быть выдѣлено то, что̀ пришло въ нее изъ источника книжнаго и иноземнаго, и то, что́ въ ней могло быть и несомнѣнно бывало оригинальное и собственно народное. Рукописей старинныхъ лечебниковъ и травниковъ сохранилось множество въ различныхъ рукописныхъ собраніяхъ; часть ихъ была напечатана въ упомянутой книгѣ г. Флоринскаго и въ другихъ ученыхъ изданіяхъ; нѣкоторые иностранные источники были отмѣчены, но цѣлый составъ этой литературы все еще не опредѣленъ, а между прочимъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ отличаются такимъ богатымъ о̀бразнымъ языкомъ, который указываетъ, что хотя бы оказался и для этой категоріи лечебниковъ и травниковъ какой-нибудь иноземный источникъ, то продолжительное пребываніе ихъ въ народномъ обращеніи наложило на нихъ сильную народную печать, то-есть участіе народнаго творчества̀. Между прочимъ многія общенародныя названія травъ и различныхъ лекарственныхъ снадобьевъ заимствованы несомнѣнно изъ иностранныхъ языковъ; любопытно прослѣдить, насколько окажется возможнымъ, когда произошло это заимствованіе. Всѣ эти вопросы до сихъ поръ очень мало входили въ нашу „исторію медицины"—между тѣмъ именно здѣсь они и должны были бы скорѣе всего найти свое опредѣленіе. Не знаемъ, имѣетъ ли ихъ въ виду г. Германъ, но безъ нихъ его исторія до-Петровской медицины останется неполною.

— *Иркутскъ*. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. *Сукачевымъ* (М. 1891).

Развитіе мѣстной исторіографіи, несомнѣнно возростающее за послѣднее время, принадлежитъ къ числу весьма благопріятныхъ сторонъ современной нашей литературы. До сихъ поръ приходится слышать и читать упреки какому-то „Петербургу", что онъ не знаетъ провинціи и народа, хотя, конечно, нигдѣ нельзя имѣть столько свѣденій о провинціи, сколько можетъ собраться ихъ въ Петербургѣ. Подъ словомъ „Петербургъ" можно подразумѣвать весьма различныя вещи; въ упомянутыхъ укорахъ всего чаще понимается

именно Петербургъ административный, когда онъ не оказываетъ достаточнаго вниманія къ какимъ-либо мѣстнымъ вопросамъ провинціи,—но очевидно, что самъ „Петербургъ" тутъ не при чемъ, и если гдѣ возможно составлять у насъ понятіе о цѣлой жизни русскаго общества, народа и государства, то именно только въ Петербургѣ съ его центральными учрежденіями, съ самыми богатыми во всей Россіи библіотеками, съ постояннымъ притокомъ въ него людей провинціи изъ самыхъ различныхъ слоевъ. Съ другой стороны, однако, предполагаемое малое знаніе провинціи Петербургомъ составляетъ вину самой провинціи. До послѣдняго времени она слишкомъ мало давала о себѣ знать, слишкомъ мало изучала и вводила въ литературу свою мѣстную исторію, свои общественныя и народныя отношенія. Теперь въ этомъ отношеніи замѣчается большая перемѣна. Громадная, уже теперь трудно обозримая литература трудовъ земской статистики даетъ массу свѣденій объ экономическомъ бытѣ народа; провинціальная печать доставляетъ большое обиліе мѣстныхъ историческихъ изысканій; въ нѣкоторыхъ губернскихъ центрахъ начали работать архивныя коммиссіи, въ изданіяхъ которыхъ уже начинаютъ появляться любопытныя изысканія о мѣстной старинѣ; но во всемъ этомъ матеріалѣ оставался обыкновенно одинъ большой пробѣлъ — недостатокъ свѣденій о самой новѣйшей исторіи провинціи, объ ея современной общественной жизни, степени и ходѣ ея образовательныхъ интересовъ и т. п. Понятно, что для общаго представленія о состояніи нашей общественности очень важно принять въ соображеніе и свойства общественнаго быта провинціи, а объ этомъ послѣднемъ можетъ разсказать только сама провинція. Правда, что провинціальная печать относительно такихъ предметовъ бываетъ обыкновенно больше стѣснена, чѣмъ печать большихъ центровъ, петербургская или московская; но по крайней мѣрѣ провинція должна бы обратить вниманіе на необходимость подобныхъ свѣденій, должна была бы стараться заявлять въ печати о своемъ внутреннемъ бытѣ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи очень любопытна книга, изданная г. Сукачевымъ, любопытна тѣмъ больше, что внутренняя жизнь сибирскаго общества принадлежитъ къ числу предметовъ, наименѣе выясненныхъ въ той отрасли литературы, о которой мы говоримъ. Сибирь издавна отличалась своими особыми нравами общественными и административными, и вмѣстѣ съ тѣмъ по отдаленности края и особенностямъ его административнаго положенія внутренній бытъ этой провинціи былъ, быть можетъ, больше чѣмъ гдѣ-нибудь закрытъ отъ вѣдома и нѣкотораго контроля печати и общественнаго мнѣнія. Въ старыя времена Сибирь была настоящей сатрапіей; нѣкогда воеводы, потомъ губернаторы бывали самовластными правителями, которые

дѣлали что хотѣли, конечно, старательно скрывая свои дѣянія отъ правительства, для котораго все обстояло благополучно: мимо этихъ властителей ничто не доходило до Петербурга. До извѣстной ревизіи Сперанскаго Сибирь стояла какъ бы внѣ закона. И впослѣдствіи сибирскія дѣла мало доходили до общаго свѣденія; мѣстная печать почти не существовала и создавала только вещи безразличныя. Нѣкоторая жизнь начинается только съ прошлаго царствованія, когда въ первый разъ возникаютъ частныя газеты и первые опыты публицистики. Книга г. Сукачева едва ли не первая въ своемъ родѣ, какъ опытъ исторіи города, доводимой до новѣйшаго времени.

Книга заключаетъ въ себѣ шесть главъ или отдѣловъ: Иркутскъ и иркутское общество до Сперанскаго; Сперанскій, значеніе его реформъ и жизнь иркутскаго общества при немъ и при его преемникахъ; Графъ Муравьевъ-Амурскій и его время; Текущій періодъ жизни Иркутска: городскія дѣла и выяснившіяся потребности мѣстнаго общества; Роль Иркутска въ дѣлѣ изученія Восточной Сибири и смежныхъ съ нею странъ; Учебно-воспитательное дѣло въ Иркутскѣ. Авторъ начинаетъ, конечно, ab ovo, съ основанія города и вкратцѣ разсказываетъ его исторію, вначалѣ состоявшую только въ смѣнѣ воеводъ, очень похожихъ одинъ на другого по самовластію и грабежу. Жители были беззащитны, но иногда принимали чрезвычайно своеобразныя мѣры, чтобы обезпечить какой-нибудь порядокъ. Такъ, въ 1695 году, назначенный въ Иркутскъ воеводою, Полтевъ умеръ въ дорогѣ, не доѣхавъ до Иркутска. „Жена его съ малолѣтнимъ сыномъ на слѣдующій годъ пріѣхала въ Иркутскъ. Недовольные Савельевымъ (прежнимъ воеводою, котораго долженъ былъ смѣнить Полтевъ), иркутскіе казаки порѣшили замѣнить его малолѣтнимъ Полтевымъ и, сообщивъ о томъ по начальству (!), ждать указа; въ виду же малолѣтства Полтева придать ему для управленія дѣлами сына боярскаго Перфильева. При сдачѣ дѣлъ Савельевымъ Перфильеву, въ канцелярію принесенъ былъ на рукахъ и трехлѣтній воевода Полтевъ“. „Въ 1699 году изъ Москвы прибылъ въ Иркутскъ новый воевода Николаевъ, а воевода-младенецъ отпущенъ съ матерью въ Москву“; такимъ образомъ воевода-младенецъ правилъ, повидимому, цѣлыхъ три года! Еще любопытнѣе то, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ жителямъ Иркутска захотѣлось повторить такой способъ управленія. Въ 1731 г. воеводы были замѣнены въ Иркутскѣ вице-губернаторами (главнымъ городомъ Сибири былъ тогда Тобольскъ); первый назначенный вице-губернаторъ, Жолобовъ, оказался такимъ грабителемъ, что правительство смѣнило его и послало, въ качествѣ слѣдователя и преемника Жолобову, Сытина, но Сытинъ, только-что пріѣхавъ въ Иркутскъ и не успѣвъ вступить въ должность, умеръ

отъ „огорченій", причиненныхъ ему Жолобовымъ. Тогда нѣкоторые жители Иркутска (дворяне, дѣти боярскіе, казачій голова) „положили не оставлять Жолобова вице-губернаторомъ, а передать правленіе пятилѣтнему сыну умершаго Сытина, за малолѣтствомъ котораго опредѣлить къ нему совѣтникомъ и опекуномъ полковника Бухгольца, для чего и вызвать послѣдняго изъ Селенгинска". Но на этотъ разъ единодушія не было; у Жолобова нашлась своя партія, и пока назначено было слѣдствіе по всему этому дѣлу, онъ успѣлъ расправиться съ своими противниками, посажалъ ихъ въ тюрьму, пыталъ и т. д. Когда прибылъ, наконецъ, слѣдователь, „Жолобовъ пробовалъ защищаться (!), но былъ обезоруженъ". Въ концѣ концовъ онъ былъ, конечно, взятъ, нѣсколько лѣтъ судимъ и казненъ въ Петербургѣ.

Почти черезъ сто лѣтъ послѣ этого, въ царствованіе Александра I, назначена была знаменитая ревизія Сперанскаго, вызванная крайними злоупотребленіями сибирской администраціи. Сперанскій создалъ для Сибири новыя формы управленія, но и онъ, и его преемники не находили людей, которые могли бы исполнять требованія закона. Такъ сильно въѣлась въ мѣстные нравы давняя испорченность. „Въ Сибири,—пишетъ историкъ Иркутска,—при тогдашнемъ строѣ ея общества, людей не откуда было взять, а большинство тѣхъ, которые ѣхали туда для службы, влекли слухи, что Сибирь—золотое дно, что въ ней можно нажиться службой лучше и скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ торговлей. Взяточничество чиновниковъ было всеобщее. Служебныя командировки давались только для наживы" (стр. 53). Сперанскій имѣлъ, безъ сомнѣнія, наилучшія намѣренія, видѣлъ во-очію всѣ недостатки стараго порядка вещей, но онъ слишкомъ много придавалъ значенія средствамъ бюрократическимъ и мало или совсѣмъ не разсчитывалъ на то, что̀ могло быть достигнуто развитіемъ силъ общественныхъ. Послѣ него въ другихъ формахъ начались тѣ же злоупотребленія, потому что недоставало того, что̀ одно могло бы устранить или по крайней мѣрѣ смягчить ихъ—общественнаго мнѣнія. Это мнѣніе могло бы выражаться путемъ печати, но и тогда, когда въ Сибири появились наконецъ частныя газеты, имъ очень мало удавалось становиться о̀рганомъ дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія.

„Частныхъ изданій отдѣльными книгами въ Иркутскѣ почти совсѣмъ не выходитъ,—говоритъ авторъ о настоящемъ времени,—этому препятствуетъ отсутствіе въ Иркутскѣ цензурнаго учрежденія. Цензорскія обязанности, въ случаѣ надобности, возлагаются на того или другого чиновника, за рѣдкимъ исключеніемъ вовсе къ тому не под-

готовленнаго и вся забота котораго сосредоточивается исключительно на мысли не подвести себя подъ отвѣтственность или неудовольствіе.

„Бываетъ такъ, что пропускаются вещи, которыя болѣе опытная столичная цензура, пожалуй, къ печатанію и не допустила бы, но зато не допускается къ печати многое такое, что̀ никакими цензурными правилами не возбранено. Бывали примѣры, что отчеты торговыхъ учрежденій, въ которыхъ, по самому существу дѣла, нецензурнаго ничего быть не могло, подвергались такимъ урѣзкамъ, что приходилось ихъ переписывать и отправлять въ печать въ одну изъ столицъ. Вопросъ о цензурѣ для Иркутска весьма важенъ. До тѣхъ поръ, пока въ немъ не будетъ постояннаго цензора, непосредственно подчиненнаго главному ли управленію по дѣламъ печати, или ближайшему цензурному комитету, издательская дѣятельность здѣсь немыслима“ (стр. 213—214).

Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находится мѣстная печать, если ей приходится говорить о какомъ-нибудь серьезномъ вопросѣ общественной жизни и управленія. Любопытно, и нѣсколько неожиданно, замѣчаніе историка, что, напримѣръ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ сибирскихъ правителей, графъ Муравьевъ-Амурскій спеціально не любилъ людей, получившихъ высшее образованіе, и не давалъ имъ мѣстъ, соотвѣтствующихъ ихъ познаніямъ и подготовкѣ. Бывали, правда, случаи, что нѣкоторые изъ высшихъ сибирскихъ администраторовъ, напротивъ, старались воспользоваться содѣйствіемъ мѣстныхъ образованныхъ людей, но, къ сожалѣнію, подобные случаи бывали рѣже. Понятно, что администрація при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ только ослабляла себя этимъ отчужденіемъ отъ людей, которые своимъ содѣйствіемъ могли бы принести только пользу. Такимъ образомъ дѣло опять сводилось къ чисто личному управленію со всѣми его неудобствами. Напримѣръ, „по отъѣздѣ графа Муравьева,—читаемъ въ исторіи Иркутска,—большинство близкихъ къ нему лицъ, такъ быстро имъ выдвинутыхъ, покинуло службу свою въ Восточной Сибири. Обстоятельство это къ невыгодѣ ея не послужило“ (стр. 93)... При Корсаковѣ—„что касается общей массы чиновничества, то тутъ, какъ и на все косное и пребывающее въ застоѣ, затишье Корсаковскаго управленія могло дѣйствовать только развивающимъ внутреннее разложеніе способомъ. Тутъ время дѣлало тоже свое дѣло. Прежнее патріархальное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ замѣнилось болѣе ухищренными пріемами, большею требовательностью и изобрѣтательностью, клонившимися къ той же цѣли, но обходившимися *дороже*“. Такимъ же образомъ чисто личными были усилія преемника Корсакова, Синельникова. Оказалось, что положеніе вещей въ Сибири оставалось прежнимъ. „Сенатору Н. П.

Синельникову, занявшему въ 1871 году постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, пришлось прежде всего приняться за энергичную и притомъ вполнѣ соотвѣтствовавшую его личнымъ наклонностямъ борьбу все съ тѣми же споконъ вѣку свившими себѣ въ Сибири гнѣздо и только видоизмѣнившимися чиновничьими злоупотребленіями. Совершенно зачахшія къ тому времени *Иркутскія Губернскія Вѣдомости* вдругъ оживились непрерывнымъ рядомъ грозныхъ, требовательныхъ и по-своему краснорѣчивыхъ циркуляровъ начальника края къ начальникамъ губерній и областей. Находя недостаточнымъ производить такое общеніе разъ въ недѣлю, генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о выпускѣ *Губернскихъ Вѣдомостей* три раза въ недѣлю, причемъ рѣдкій нумеръ обходился безъ его циркуляра, по содержанію своему могшаго замѣнить передовую, посвященную внутренней жизни края и его управленію, статью. Не только будущему историку, но и бытописателю Сибири циркуляры эти послужатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ. Одновременно съ изданіемъ циркуляровъ шла быстрая и энергичная кара виновныхъ. Но дѣло, повидимому, улучшалось мало, такъ какъ почти въ концѣ—правда, не очень продолжительнаго—управленія сенатора Синельникова въ тѣхъ же *Вѣдомостяхъ* появился циркуляръ слѣдующаго содержанія: „Прошу гг. начальниковъ губерній и областей строго подтвердить и наблюдать, чтобы циркуляры мои не оставались мертвыми буквально, но исполнялись непремѣнно. Я еще до сихъ поръ не могъ вступить въ мою настоящую обязанность наблюдателя за благоустройствомъ и порядкомъ, вводить же и поддерживать законный порядокъ была и есть ихъ обязанность прежде меня. При исполненіи этихъ обязанностей и самыя просьбы не поступали бы ко мнѣ въ такомъ множествѣ, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ просьбъ неосновательныхъ меньшая часть“ (стр. 94—95). Такъ бывало даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, стоявшее во главѣ управленія, искренно было проникнуто желаніемъ подавить укоренившееся зло; очевидно, что это зло процвѣтало, когда у правителей было меньше этой энергіи.

Какъ извѣстно, Сибирь лишена была тѣхъ реформъ, которыя въ прошлое царствованіе произвели такую громадную перемѣну въ складѣ внутренняго быта Россіи; единственнымъ учрежденіемъ, которое было примѣнено и здѣсь, было городовое положеніе; но суды, полиція, земская администрація, все канцелярское управленіе сохранялись по прежнему съ тѣми результатами, какіе мы видѣли; нѣкоторое преобразованіе въ послѣдніе годы произошло только въ судоустройствѣ. Понятно, что лучшіе люди сибирскаго общества крайне тяготились этимъ положеніемъ вещей, и авторъ настоящей книги желаетъ вѣрить, что получитъ, наконецъ, силу заявленіе, высказанное

шесть лѣтъ тому назадъ тогдашнимъ иркутскимъ губернаторомъ, что этотъ край онъ считаетъ достаточно подготовленнымъ для воспринятія учрежденій, какими пользуются губерніи европейской Россіи: „считаемъ себя въ правѣ надѣяться,—говоритъ историкъ Иркутска,—что постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ высказываемое желаніе не только иркутскимъ, но и вообще сибирскимъ обществомъ—жить при тѣхъ условіяхъ, при какихъ живетъ громадное большинство русскаго народа—недалеко отъ осуществленія" (стр. 161). Что сибирское общество было въ правѣ высказывать эти желанія, что оно владѣетъ уже извѣстными задатками общественной правоспособности, свидѣтельствомъ тому могутъ служить, напр., многія заслуживающія полнаго сочувствія явленія сибирской печати, и тѣ крупныя частныя пожертвованія, какія сдѣланы въ послѣднее время сибиряками для цѣлей народнаго образованія.

Вообще книга, изданная г. Сукачевымъ, доставитъ много интереснаго тѣмъ, кто захочетъ познакомиться съ новѣйшимъ состояніемъ общественной жизни въ Сибири.

Въ самомъ изложеніи можно было бы пожелать иногда большей ясности и точности. Многія цитаты для обыкновеннаго читателя будутъ очень темны: напримѣръ, что такое „Лѣтопись города Иркутска Пежемскаго"?—обыкновенный читатель не можетъ отыскать ее, еслибъ захотѣлъ, не зная, что она когда-то была напечатана въ мѣстной газетѣ. Въ ссылкахъ на книги не указывается годъ ихъ выхода; въ началѣ книги (стр. 1) время основанія Иркутска указано такъ, что трудно понять, когда оно дѣйствительно произошло: въ 1652 или 1651; тамъ же книга Семивскаго о Восточной Сибири помѣчена 1871 годомъ, когда она вышла въ 1817, и т. п.—А. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверкіевъ, Е. Краткій курсъ плодоводства. Для народныхъ школъ, съ 11 рис. Изданіе Клинской уѣздной земской управы. М. 1891. Стр. 24. Ц. 10 коп.

Акатовъ, Н. И. Какъ учить писать. Методика чистописанія. М. 1891. Стр. 96. Ц. 1 р. 25 коп.

Астыревъ, Н. Очерки жизни населенія восточной Сибири. На таёжныхъ прогалинахъ. М. 1891. Стр. 450. Ц. 1 р. 75 коп.

Бажаевъ, В. Полевое травосѣяніе и улучшеніе луговыхъ угодій. Руководство для крестьянъ. М. 1891. Стр. 46.

Балабанъ и *Вугманъ*. Аргентинская республика. Очеркъ. 2-е изд., съ приложеніемъ карты. Од. 1891. Стр. 25. Ц. 20 коп.

Беръ, Поль. Лекціи зоологіи. Перев. съ франц. д-ра Л. Симоновъ. Анатомія и физіологія. Съ 402 рис. въ текстѣ. Спб. 1891. Стр. 475. Ц. 2 р.

Богословскій, Е. А. Интересъ изученія древней русской литературы. Изъ лекцій. Изд. 2-е. Екатеринодаръ, 1891. Стр. 53. Ц. 25 к.

Боровиковскій, А. Отчетъ судьи. Т. I. Спб. 1891. Стр. 355.

Бородинъ, Н. Уральское казачье войско. Статистическое описаніе въ двухъ томахъ, съ 10 картами. Уральскъ, 1891. Стр. 947 и 71. Ц. 4 р.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина. Т. V. Спб. 1891. Стр. 674. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. Замѣтки о народной школѣ. Спб. 1891. Стр. 50.

Веадо, кн. Первая любовь. Спб. 1891. Стр. 612. Ц. 2 р. 50 коп.

Воскресенскій, В. А. Педагогическій Календарь на 1891—92 г. Годъ II. М. 1891. Стр. 287. Ц. 50 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. Съ 80 чертеж. въ текстѣ. М. 1891. Стр. 222. Ц. 1 р. 75 коп.

Гёте. Разговоры, собранные Эккерманномъ. Пер. съ нѣм. Д. В. Аверкіева. Спб. 1891. Стр. 416. Ц. 1 р. 50 к.

Гіацинтовъ, Н. Краткій учебникъ по русскому языку, ч. I и II: Этимологія и Синтаксисъ. Ц. 1 р.

Гофманъ, Авг. Рѣчь Цицерона о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Изд. 4-е, въ двухъ частяхъ: текстъ и комментарій. Спб. 1891. Стр. 21 и 78. Ц. 70 коп.

Дигамма. Уссурійская желѣзная дорога (Владивостокъ—Графская). Томскъ. 1891. Стр. 44.

Жукъ, В. Н. Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. 4-е вновь обработан. и дополн. изданіе. Съ 225 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1891. Стр. 810. Ц. 3 р.

Зинченко, Н. Мысъ Ѳіолентъ и Георгіевскій монастырь въ Крыму (891—1891 г.). Спб. 1891. Стр. 22.

Ибсенъ, Г. Привидѣнія, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Перев. Н. Лимонова. Спб. 1891. Стр. 105. Ц. 60 к.

Караджичъ, Вукъ Стеф. Српске народне пјесме. Книга прва, у којој су различне женске пјесме. Државно изданье. Биоградъ, 1891. Стр. 662.

Ковалевскій, Е. П. Распространеніе сельско-хозяйственныхъ свѣденій при посредствѣ педагогическихъ и начальныхъ школъ. Спб. 1891. Стр. 47.

——— Преподаваніе ручного труда въ начальныхъ и нормальныхъ школахъ Франціи. Спб. 1891. Стр. 24.

Крижаничъ, Юрій. Собраніе сочиненій. Выпускъ второй. М. 1891. 8°. XIV и 122 стр.

Кругловъ, Александръ. Среди насъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1891. Стр. 315. Ц. 1 р. 25 коп.

Лазаревичъ, Лазо К. У колодца (На бунару). Перев. С. Шарапова. Сербы, № 1: Восточно-европейскіе писатели въ русскомъ переводѣ. М. 1891. Стр. 24. Ц. 15 коп.

Лаппо, Д. Легенда о замкѣ. Изъ бѣлорусскихъ народныхъ преданій. Каз. 1891. Стр. 15.

Лермонтова, М. Ю., Сочиненія п. р. П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова, съ иллюстр. и виньетками. Т. II. Приложеніе къ „Живоп. Обозрѣнію“ за 1891 г. Спб. 1891. Стр. 330.

——— Собраніе сочиненій съ портретомъ автора и статьею о Лермонтовѣ К. И. Арабажина. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1891. Стр. 716. Ц. 60 коп.

——— Сочиненія, въ двухъ томахъ. Художественное изданіе Т-ва И. Кушнеревъ и В. Прянишниковъ. М. 1891. Стр. 140 и 220.

Лессаръ, П. Оксусъ. Его древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ. Перев. съ франц. А. Романовичъ. Ташкентъ, 1891. Стр. 38. Ц. 50 коп.

Лопатинъ, Л. Положительныя задачи философіи. Часть вторая. Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. Москва, 1891. Стр. 391. Ц. 2 р.

Маккавѣевъ, А. Рисованіе и черченіе въ нашихъ школахъ. Спб. 1891. Стр. 25. Ц. 20 коп.

Малышевъ, Кронидъ. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Новое изданіе, на основаніи оффиціальныхъ шведско-финляндскихъ источниковъ. Спб. 1891. 8°. XX и 1004 стр. Ц. 5 руб.

Медвѣдевъ, Н. Н. Переселенцы въ Сибири. Спб. 1891. Стр. 68.

Миноръ, Л. С. Гемц- и Параплегія при Tabes. Спб. 1891.

Немировъ, Г. А. Опытъ исторіи С.-Петербургской Биржи, въ связи съ исторіей г. С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Вып. 10. Спб. 1891. Стр. 28.

Новаковскій, В. А. Опытъ подведенія итоговъ уголовной статистики съ 1861 до 1871. Составлено по имѣющимся оффиціальнымъ даннымъ. Спб. 1891. Стр. 63.

Огюстенъ-Тьерри, Ж. Месть карбонаріевъ. Ром. изъ временъ второй имперіи. Перев. съ франц. Стр. 225. Ц. 1 р.

Песковскій, М. Л. Роковое недоразумѣніе. Еврейскій вопросъ, его міровая исторія и естественный путь къ разрѣшенію. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1891. Стр. 292. Ц. 2 р.

Раевскій, Н. И. Ботаника для реальныхъ училищъ. 2-е изд., исправл. и доп. Спб. 1891. Стр. 228. Ц. 1 р. 25 коп.

——— Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. 4-е изд., исправл. Съ 67 черт. и 6 табл. картъ. М. 1891. Стр. 144. Ц. 75 коп.

Рейтъ, д-ръ. Въ Россіи 190.000 слѣпыхъ! О томъ, что дѣлаетъ міръ для улучшенія участи слѣпыхъ. Лекція. Тифл., 1891. Стр. 47.

*Рошток*ъ, А. И., и *Астрономовъ*, І. Н. Обзоръ дѣятельности льговскаго уѣзднаго земства въ связи съ Сборникомъ постановленій льговскаго уѣзднаго земскаго собранія за 20-тилѣтіе, съ 1865—85 г. Курскъ, 1891. 8°. V, 210, 716, 27 и 65 стр.

Сазоновъ, Г. П. Вопросы хлѣбной промышленности и торговли, разработанные земскими учрежденіями (1865—1890). Спб. 1891. Стр. VI и 540. Ц. 3 р.

Сидоровъ, Вас. Окольной дорогой. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Спб. 1891. Стр. 338. Ц. 1 р.

Синицынъ, Н. Полный конспектъ по исторіи русской литературы, съ самаго начала и до нашихъ дней. Пермь. 1891. Стр. 127. Ц. 65 к.

Смирягинъ, свящ. А. П. Каждый крестьянинъ можетъ въ одну недѣлю сдѣлать всѣ свои постройки несгораемыми. Николаевъ. 1891. Стр. 80. Ц. 80 к.

Снессорева, Софія. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ православною церковью, на основаніи св. писанія и церковныхъ преданій. Спб. 1892. Стр. 560. Ц. 3 р.

Соколовъ, Матвѣй. Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. Выпускъ второй. VI. Новооткрытое сочиненіе Ю. Крижанича о соединеніи церквей. Спб. 1891. 8°. 89 стр.

Спасовичъ, В. Д. Сочиненія. Т. IV. Спб. 1891. Стр. 432. Ц. 2 р.

Станюковичъ, К. М. Моряки. Очерки и разсказы. Спб. 1891. Стр. 344. Ц. 1 руб.

Толстой, гр. А. К. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 1891. Стр. 359. Ц. 1 р. 50 к.

Шмурло, Е. XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. Спб. 1891. 8°. 30 стр.

——— Извѣстія Джіованни Тебальди о Россіи временъ Ивана Грознаго. Спб. 1891. 8°. 35 стр.

Ящуржинскій, Хр. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. Кіевъ, 1891. Стр. 32.

— Быстрота желѣзнодорожныхъ сообщеній. Спб. 1891. Стр. 83. Тип. мин. путей сообщенія.

— Горчаковъ, Владиміръ Петровичъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1891. Стр. 14.

— Дешевая Библіотека.—№ 135: Стихотворенія Лермонтова. Ц. 12 коп.—№ 136: Его же, поэмы Мцыри и Демонъ. Ц. 8 к.—№ 213: Афоризмы Эпиктета. Ц. 7 к.—№ 133: М. Ю. Лермонтовъ, Герой нашего времени. Ц. 15 к.—№ 115: Мольеръ, Скупой, ком. Ц. 15 к.—№ 158 и 159: Плутархъ, Сравнительныя жизнеописанія, т. I, вып. 1-й: Тезей и Ромулъ. Ц. 15 к.;—вып. 2-й: Ликургъ и Нума Помпилій.—№ 134: М. Ю. Лермонтовъ, Маскарадъ, др. въ 4-хъ и въ 5-ти дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.—№ 216: Софоклъ, Электра, траг. Ц. 12 к.

— Дневникъ Антропологическаго Общества. Вып. 1—4, п. р. А. Н. Харузина. М. 1891.

— Жизнь замѣчательныхъ людей, біографическая Библіотека Ф. Павленкова: Эд. Дженнеръ, его жизнь и научная дѣятельность, В. В. Святловскаго. Спб. 1891. Стр. 80. Ц. 25 к.

— Извлеченіе изъ отчета о состояніи публичныхъ народныхъ чтеній въ г. Астрахани за 1890—91 г. Астрах. 1891. Стр. 34.

— Изданія Спб. Комитета грамотности, № 10: Пѣсня про купца Калашникова, М. Ю. Лермонтова. Спб. 1891. Стр. 24. Ц. 5 к.—№ 36: Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова. Спб. 1891. Стр. 192. Ц. 25 к.

— Льготные и пониженные тарифы на перевозку хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ, установленные въ виду неурожая 1891 г. Пособіе для земствъ, сельскихъ хозяевъ и хлѣбныхъ торговцевъ. Спб. 1891. Стр. 45.

— Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи. Т. VI. Елабужскій уѣздъ. Вятка. 1891.

— Матеріалы по описанію промысловъ Вятской губерніи. Вып. 2. Вятка, 1891. Стр. 320.

— Матеріалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Спб. губерніи. Вып. XVI. Частновладѣльческое хозяйство въ Спб. уѣздѣ. Спб. 1891. Стр. 124.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Выпуски 19—27 (*Великій-Гончаровъ*). М. 1891. Стр. 863—1294. Ц. отдѣльн. вып. 40 коп.

— Новые законы, изданные въ періодъ времени съ 1889—91 г. по гражданскому праву и процессу. Состав. И. А. Хмѣльницкій. Од. 1891. Стр. 55. Ц. 60 коп.

— Отчетъ восьмой Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1890 г. Спб. 1891. Стр. 169 и 42.

— Отчетъ Харьковскаго Биржевого Комитета за 1890 г. Харьк. 1891. Стр. 69.

— Памятная Книжка Плоцкой губерніи. Плоцкъ. 1891. Стр. 173.

— Помощь самообразованію, популярно-науч стрированный журналъ, изд. и ред. А. Ѳ. Тельн 299. Ц. 2 руб.

— Русская классная Библіотека, изд. п. р. А изученія русской литературы. Вып. III: Басни ру тельномъ изученіи. Вып. IV: Григорій Котошихин

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извле Е. И. В. Канцеляріи. Вып. 4. Изд. п. р. Н. Дубро

— Сборникъ Саратовскаго земства. 1891 годъ Съ приложеніемъ: О новыхъ мѣрахъ истребленія Бессарабской губерніяхъ.

— Семейная Библіотека, № 20: Чудесная ис Шамиссо. Спб. 1891. Стр. 66. Ц. 25 к.

— Сибирскій Сборникъ, п. р. В. Остуркова. 1 1891. Стр. 188.

— Славянскій Календарь на 1891 годъ. Спб.

— Статистическій Ежегодникъ города Риги. 1

— Статистическія таблицы населенныхъ мѣ Вып. 7. Подъ ред. Евг. Максимова. Владикавказъ.

— Ученыя Записки Имп. Казанскаго Универ Каз. 1891.

— Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. I А (*Битбургъ-Босха*). Изд. Брокгаузъ и Ефронъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Notions fondamentales d'économie politique et programme économique, par. *M. G. Molinari.* Paris, 1891. Стр. VIII и 466.

Плодовитый и неутомимый Молинари остается теперь однимъ изъ немногихъ экономистовъ-теоретиковъ, сохранившихъ вѣру въ непреложность „естественныхъ законовъ" и началъ политической экономіи, установленныхъ школою Сэя и Бастіа. Эпиграфомъ къ своему новому труду онъ смѣло избралъ старое и всѣми отвергаемое изреченіе: „laissez faire, laissez passer". Нужно имѣть нѣкоторое мужество, чтобы открыто провозглашать этотъ принципъ невмѣшательства при настоящемъ положеніи соціальнаго вопроса и экономической литературы въ западно-европейскихъ государствахъ. Авторъ остается вѣренъ старому взгляду на существующій промышленный строй, какъ на единственно возможный и нормальный, подъ условіемъ свободнаго дѣйствія частной конкурренціи; онъ даже доводитъ это воззрѣніе до послѣднихъ его логическихъ выводовъ, не отступая ни предъ какими крайностями.

Вся экономическая жизнь народовъ разсматривается авторомъ въ смыслѣ производства и обмѣна продуктовъ; самъ человѣкъ есть для него товаръ, также точно какъ и земля. Третья глава трактуетъ, напримѣръ, о „производствѣ человѣка", какъ продукта, необходимаго для работы и имѣющаго свою рыночную цѣнность; рожденіе и воспитаніе дѣтей является промышленнымъ предпріятіемъ, которое „должно покрывать свои затраты и давать чистый доходъ". Экономическіе законы, говоритъ авторъ, „управляютъ производствомъ свободнаго человѣка, точно также какъ и рабовъ. Эта отрасль дѣятельности также имѣетъ цѣлью полученіе прибыли, заключающей въ себѣ возможность болѣе или менѣе значительной суммы наслажденій, но только характеръ прибыли измѣняется: изъ промышленной она отчасти дѣлается психической и нравственной". Молинари серьезно и обстоятельно разсуждаетъ объ издержкахъ производства людей, объ увеличеніи и уменьшеніи спроса на эти „продукты", о рыночной цѣнности ихъ; онъ самъ иногда какъ будто забываетъ, что дѣло идетъ о товарѣ совсѣмъ особаго рода, о самомъ производителѣ и

потребителѣ всякихъ товаровъ, объ источникѣ
ственной дѣятельности—о человѣкѣ. Въ заж
классахъ общества, замѣчаетъ онъ, „употребл
питала для производства человѣка не предста
потому это производство должно было бы ид
обильные плоды; а между тѣмъ на дѣлѣ мы
въ низшихъ и бѣдныхъ слояхъ населенія прои
гается съ успѣхомъ, а въ высшихъ классах
болѣе слабымъ и недостаточнымъ". Причину
видитъ въ томъ, что „въ бѣдномъ классѣ
приноситъ прибыль, не только психико-нравств
ленную, посредствомъ поспѣшной и возможно
ной эксплуатаціи дѣтскаго труда", тогда как
единственнымъ стимуломъ для производства лю
нравственное удовольствіе,—а подобные мотив
себѣ слишкомъ слабыми, безъ болѣе энергиче
фактора". Цѣны на людей, т.-е. на рабочій т
щимъ законамъ спроса и предложенія; чѣмъ вь
и чѣмъ выше рабочая плата, тѣмъ болѣе расп
людей; а при упадкѣ спроса на живой товар
множеніе, пока не возстановится равновѣсіе
производительной дѣятельности, въ томъ чис
рожденію и воспитанію человѣка. По мнѣнію
ствуетъ, собственно говоря, особаго „закона н
только общіе естественные законы, управляющ
дей, точно также какъ и производствомъ в
ляхъ человѣческой промышленности".

Подобнымъ же образомъ авторъ говоритъ о
состоящемъ въ открытіи, очисткѣ и присвоен
мельныхъ участковъ для обработки; при этомъ
что право собственности принадлежитъ тѣмъ
рыя положили свой трудъ на первоначально
Этой ссылкою на затраты по обработкѣ и ус
носно отражаются, будто бы, всѣ сомнѣнія
тельныхъ правъ владѣльцевъ, хотя споры ка
организаціи землевладѣнія, когда собственно
правомъ труда и имѣетъ источникъ политиче
ный, а не экономическій. Молинари соверше
временной постановкѣ поземельнаго вопроса в
странахъ; онъ ограничивается только прене
ніемъ на заблужденія соціалистовъ и между п
писателя Генри Джорджа. Если не вездѣ зем

зданный работой и средствами собственниковъ, то это зависитъ уже отъ несоблюденія всеобщихъ „естественныхъ законовъ" производства, а не отъ ошибочности самой теоріи, развиваемой авторомъ.

Сначала устанавливать принципы и законы, а потомъ уже примѣнять ихъ къ анализу дѣйствительности, объявляя заранѣе неправильными всякіе факты, несогласные съ этими общими началами,— таковъ мнимо-научный методъ, котораго упорно и послѣдовательно придерживается Молинари. Государство, по ученію автора, должно также имѣть характеръ промышленнаго производства, по общимъ правиламъ конкурренціи; государственная дѣятельность есть не что иное, какъ „производство безопасности", и всѣ правительственныя функціи, выходящія за предѣлы этой задачи, должны быть упразднены, какъ послѣдствія многочисленныхъ узурпацій, несогласныхъ съ доктриною Молинари. „Государство-жандармъ", какъ выражается авторъ (стр. 396), составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ программы, соотвѣтствующей общимъ законамъ правовѣрной политической экономіи. Такая экономическая „наука" имѣетъ однако слишкомъ мало шансовъ успѣха даже среди старыхъ либеральныхъ экономистовъ во Франціи, гдѣ ученія Сэя и Бастіа все еще пользуются значительнымъ авторитетомъ и популярностью.

II.

Des Herrn Friedrich Ost Erlebnisse in der Welt Bellamy's. Mittheilungen aus den Jahren 2001 und 2002. Herausg. von *Conrad Wilbrandt*. Wismar, 1891. Стр. 212.

Книга Конрада Вильбрандта принадлежитъ къ той же полу-фантастической, полу-серьезной литературѣ, какъ и сочиненіе Эрнста Мюллера, о которомъ мы говорили недавно. Слишкомъ идеальное и одностороннее изображеніе будущихъ соціалистическихъ порядковъ въ романѣ Беллами вызвало попытки другого рода, имѣющія цѣлью представить оборотную сторону медали; трезвые реалисты и скептики не могли оставить безъ необходимыхъ поправокъ и возраженій ту блестящую и заманчивую картину, которую нарисовалъ талантливый американскій писатель. Эрнстъ Мюллеръ, какъ мы видѣли, противопоставилъ иллюзіямъ героя Беллами печальныя впечатлѣнія и разочарованія позднѣйшаго времени, когда несостоятельность новаго строя успѣла обнаружиться во всѣхъ подробностяхъ жизни. Мюллеръ придумалъ какъ бы продолженіе и развязку романа, первыя стадіи котораго описаны Беллами; и такъ какъ авторъ обратилъ главное вниманіе на неизбѣжныя закулисныя слабости того же идель-

наго быта, среди тѣхъ же общественныхъ и политическихъ условій, то критика его имѣетъ логическій смыслъ и можетъ отчасти считаться вполнѣ разумною. Но Вильбрандтъ переноситъ сцену дѣйствія въ Германію и выдаетъ будущія испытанія нѣмецкой соціальной демократіи за „приключенія въ мірѣ Беллами", т.-е. въ мірѣ свободнаго развитія и процвѣтанія на американской почвѣ. Очевидно, впечатлѣнія нѣмца Фридриха Оста, вынесенныя имъ изъ знакомства съ порядками германской имперіи двадцатаго вѣка, не могутъ относиться „къ міру Беллами" и нисколько не рѣшаютъ вопроса объ осуществимости спорнаго идеала вообще, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ.

Авторъ подробно разсказываетъ, какъ его герой Фридрихъ Остъ, погребенный заживо по рецепту индійскихъ факировъ, очутился въ Берлинѣ 2001 года и сталъ изучать подробности новаго экономическаго режима, созданнаго по системѣ Бебеля и Либкнехта. Фридрихъ Остъ узналъ много горькихъ истинъ не только отъ своей добродѣтельной сидѣлки, Луизы Вельнеръ, но и изъ разговора съ самимъ „имперскимъ канцлеромъ", который весьма рѣзко осуждалъ новые порядки и предсказывалъ ихъ неминуемую плачевную судьбу.

Многія разсужденія и замѣчанія автора отличаются остроуміемъ и затрогиваютъ интересные пункты соціально-демократической программы; но частыя ссылки дѣйствующихъ лицъ на ошибки Беллами и Бебеля производятъ отчасти комическое впечатлѣніе. До начала XXI-го вѣка культурное человѣчество успѣетъ, вѣроятно, создать себѣ другіе образцы общественныхъ плановъ, кромѣ проектовъ названныхъ писателей, и имена послѣднихъ едва ли будутъ повторяться столь часто при обсужденіи радикальныхъ реформъ въ будущей Европѣ. Какъ опытъ практической оцѣнки нѣкоторыхъ сторонъ современнаго нѣмецкаго соціализма, книга Конрада Вильбрандта во всякомъ случаѣ заслуживаетъ прочтенія.—Л. С.

НЕКРОЛОГЪ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ

родился 6-го іюня 1812 г. — умеръ 15-го сентября 1891 г.

И. А. Гончаровъ, послѣ кратковременной болѣзни — около трехъ недѣль—скончался въ двѣнадцатомъ часу дня 15-го сентября. Самая кончина его наступила такъ тихо, что въ первое время окружающіе приняли смерть за сонъ, послѣдовавшій немедленно по удаленіи врача, какъ это уже случалось не разъ и прежде.

Мы навѣстили И. А. на его дачѣ въ Петергофѣ, въ послѣдній разъ—25-го августа, и нашли его здоровье въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, въ какомъ давно уже не случалось намъ его видѣть. О значительномъ возстановленіи его силъ за лѣто можно было судить уже потому, что онъ не только разсказалъ намъ о томъ, сколько онъ „наработалъ" лѣтомъ, но даже могъ взять на себя трудъ прочесть одинъ изъ трехъ очерковъ, продиктованныхъ имъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Если онъ тутъ же передалъ намъ свои желанія относительно этихъ рукописей — „на случай смерти" — и собственноручно повторилъ то же на оберткѣ рукописей, то мы не могли видѣть въ этомъ какого-нибудь предчувствія, такъ какъ онъ въ послѣдніе годы не разъ дѣлалъ подобную оговорку. Конечно, въ его возрастѣ малѣйшая неосторожность могла повлечь за собою, совершенно неожиданно для окружающихъ, самыя тяжкія послѣдствія. Такъ это и случилось. Два дня спустя, 27-го августа, онъ заболѣлъ такъ сильно острою, но вовсе не опасною во всякомъ другомъ возрастѣ, болѣзнью, что можно было ожидать немедленной катастрофы; острая болѣзнь однако прошла—и вмѣстѣ съ тѣмъ унесла съ собою безвозвратно его послѣднія силы. Это-то обстоятельство и было настоящей причиною его смерти, — и тѣмъ не менѣе, организмъ покойнаго выдерживалъ борьбу со смертью въ теченіе 20 дней. 6-го сентября оказалось даже возможнымъ, благодаря небольшому улучшенію, перевезти больного съ дачи на его городскую квартиру, гдѣ медицинская помощь могла быть болѣе доступна. Еще за три дня до

смерти, при консультаціи врачей, на которую былъ приглашенъ д-ръ Л. В. Поповъ, обнаружилось снова нѣкоторое улучшеніе, сравнительно съ предъидущими днями, и только слабая дѣятельность сердца, при затрудненномъ дыханіи, говорила о легкой возможности быстраго конца, несмотря на улучшеніе.

Въ тѣ немногіе дни, которые слѣдуютъ за смертью, общество всегда пользуется возможностью непосредственно выражать свои отношенія къ заслугамъ такого таланта, какимъ владѣлъ И. А. Гончаровъ. Несмотря на то, что преклонный возрастъ покойнаго отдалилъ день его кончины отъ времени появленія въ свѣтъ послѣдняго его крупнаго литературнаго произведенія болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ, публика въ теченіе четырехъ дней и въ самый день погребенія, 19-го сентября, въ Александро-Невской Лаврѣ—собиралась толпами на Моховой въ квартирѣ усопшаго,—болѣе похожей на келью отшельника,—гдѣ онъ прожилъ около 30 лѣтъ, и выражала самую живую симпатію къ его памяти. Цѣлые десятки лѣтъ, прошедшіе со времени появленія лучшихъ произведеній И. А. Гончарова и составившихъ ему прочную славу и почетное имя въ нашей новѣйшей литературѣ, очевидно, не могли ослабить въ обществѣ того впечатлѣнія, какое они производили въ свое время, лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ. Дѣйствительно, послѣднимъ произведеніемъ его литературнаго творчества слѣдуетъ собственно считать романъ „Обрывъ", появившійся въ нашемъ журналѣ въ 1869 г., когда автору его было не болѣе 57 лѣтъ. Нельзя, конечно, было тогда ожидать отъ него скоро новаго произведенія, такъ какъ онъ, повидимому, буквально слѣдовалъ совѣту Горація держать девять лѣтъ подъ изголовьемъ свой трудъ, прежде нежели выступить съ нимъ въ свѣтъ: десять лѣтъ прошло тогда со времени появленія „Обломова" (1868 г.), которому предшествовалъ „Фрегатъ Паллада" болѣе чѣмъ за десять лѣтъ (1857 г.), и только за десять лѣтъ предъ тѣмъ появилась „Обыкновенная исторія" (1847 г.). Но послѣ „Обрыва" прошло тщетно и десять лѣтъ, и двадцать лѣтъ, и этотъ романъ такъ и остался безъ преемника. Знавшіе покойнаго близко могутъ при этомъ только свидѣтельствовать, что такой перерывъ или, вѣрнѣе сказать, поворотъ въ литературной дѣятельности автора „Обломова", отнюдь не былъ результатомъ хотя бы малѣйшаго паденія въ немъ творческихъ силъ, напротивъ,—лица, имѣвшія съ нимъ частыя свиданія и встрѣчи, очень хорошо помнятъ, что предъ ними по прежнему оставался тотъ же умный, высоко и разносторонне образованный, подчасъ веселый и въ высшей степени наблюдательный собесѣдникъ, которому повидимому ничего не оставалось, какъ только взять въ руку перо, чтобы создать что-нибудь новое, вполнѣ достой-

ное автора „Обломова". Объяснить такое повидимому ненормальное явленіе можетъ быть задачею только будущаго біографа, который получитъ возможность войти въ изученіе всѣхъ подробностей внутренней жизни покойнаго и его литературныхъ отношеній. Обыкновенно говорятъ, что въ собственной его природѣ было много „обломовщины", что потому ему такъ и удался „Обломовъ"; но это могло только показаться тѣмъ, кто не зналъ его ежедневной жизни или увлекался тѣмъ, что дѣйствительно Гончаровъ охотно поддерживалъ въ другихъ мысль о своемъ личномъ сходствѣ съ своимъ же собственнымъ дѣтищемъ. Между тѣмъ онъ былъ весьма дѣятельнымъ и трудолюбивымъ человѣкомъ, всего менѣе похожимъ на Обломова. Его постоянно занимала мысль о созданіи чего-нибудь новаго; это было видно изъ его интимныхъ бесѣдъ, причемъ онъ всегда требовалъ безусловной тайны. Но не задолго передъ смертью, въ 1888 г., вѣроятно, по неосторожности онъ проговорился, такъ сказать, публично о томъ, что̀ всегда тщательно хранилъ въ тайнѣ, а именно, въ одномъ изъ писемъ къ намъ. Это письмо было получено нами за границей, и мы счастливымъ образомъ имѣемъ теперь право сослаться на него, безъ „нарушенія воли" автора, такъ какъ письмо было уже напечатано нами въ извлеченіи еще при жизни автора, а слѣдовательно, съ полнаго его согласія, въ январѣ 1888 г.,—писано же въ августѣ 1887 г., изъ Усть-Нарвы, гдѣ Гончаровъ проводилъ лѣтнее время. Въ своемъ письмѣ онъ повторилъ намъ тотъ вопросъ, съ которымъ мы часто обращались къ нему при нашихъ встрѣчахъ.

— „Что я дѣлаю?—спрашиваете вы меня изъ вашего прекраснаго далека, съ береговъ Атлантическаго океана (такъ писалъ намъ Гончаровъ).

— Ничего!—сказалъ бы я, по примѣру прежнихъ лѣтъ (дѣйствительно, этимъ словомъ онъ всегда начиналъ свой отвѣтъ, но потомъ точно также всегда самъ увлекался охотою поговорить, какъ увлекся и теперь на письмѣ):—беру тепловатыя морскія ванны, гуляю по берегу, ѣмъ, пью и больше ничего (однимъ словомъ,—прибавимъ отъ себя,—Обломовъ да и только!). *Но это не совсѣмъ вѣрно: я что-то дѣлаю еще*, но пока самъ не знаю что̀... Помните, когда я вамъ показалъ изъ своего домашняго архива университетскія воспоминанія, вы заинтересовались ими и увѣрили меня, что ихъ можно напечатать... Разбирая бумаги, съ перомъ въ рукѣ, я кое-что отмѣчаю и заношу на бумагу. „Для чего?" спрашивалъ я и еще спрашиваю теперь себя. Если бы я (тутъ начинается обычный поворотъ его мысли въ другую сторону) захотѣлъ похлестаковствовать, я бы сказалъ: „Допѣваю, сидя на пустынномъ берегу, свои лебединыя пѣсни". Но я ничего

никогда не пѣлъ и не допѣваю; насмѣшники, чего добраго, пожаловали бы изъ лебедя въ какого-нибудь гуся, или спросили бы меня, можетъ быть, не хочу ли я пріумножить свое значеніе въ литературѣ, внести что-нибудь новое, вѣское?—Это на старости-то лѣтъ: куда ужъ мнѣ! Причина, почему я вожу перомъ по бумагѣ, простая, прозаичная, а именно: отъ прогулокъ, морскихъ ваннъ, отъ обѣдовъ, завтраковъ, отъ бездѣйственнаго сидѣнья въ тѣни, на верандѣ, у меня все-таки остается утромъ часа три, которыхъ некуда дѣвать"...

Дѣйствительно, эти строки писалъ уже 75-лѣтній старецъ, испытавшій въ послѣднее время тяжкую болѣзнь, закончившуюся потерею праваго глаза; но онъ, и за 20 лѣтъ предъ тѣмъ, говорилъ уже нѣчто подобное, а 20 лѣтъ спустя какъ бы невольно сознался въ томъ, что онъ и въ 75 лѣтъ „что-то дѣлалъ *еще*",—кромѣ воспоминаній. Такъ оно и было въ дѣйствительности; онъ никогда не могъ отрѣшиться и не отрѣшался отъ прирожденной его таланту творческой дѣятельности; на появленіе же имени его въ печати подъ статьею, принадлежащею какой-нибудь другой области литературы, онъ смотрѣлъ какъ на какую-то измѣну своему призванію. Послѣ напечатанія „Обрыва", въ 1869 г., года три спустя появилась въ нашемъ журналѣ его столь извѣстная критическая статья по поводу бенефиса актера Монахова, давшаго „Горе отъ ума" (въ 1872 г.). Послѣ спектакля Гончаровъ въ кругу близкихъ ему людей долго и много говорилъ о самой комедіи Грибоѣдова, и говорилъ такъ, что одинъ изъ присутствовавшихъ, увлеченный его прекрасною рѣчью, замѣтилъ ему: „А вы бы, И. А., набросали все это на бумагу,—вѣдь все это очень интересно". На этотъ разъ онъ обѣщалъ исполнить просьбу, хотя не безъ обычныхъ для него въ такомъ случаѣ возраженій и отнѣкиваній. Но напечатаніе этой статьи представило неимовѣрныя затрудненія, и мы думаемъ—именно по вышеуказанной причинѣ. Теперь довольно только сказать, что статья была одинъ разъ уже набрана и опять разобрана; при напечатаніи же оказалось, что статья явилась въ корректурахъ съ одною начальною буквою *Г.*, и то послѣ нѣкоторой борьбы; въ печати, въ мартовской книгѣ, подъ статьею были уже двѣ буквы: *И. Г.*; на обертвѣ той же книжки журнала явились всѣ три буквы: *И. А. Г.*, и только въ концѣ года въ алфавитномъ указателѣ 1872 года, при декабрьской книгѣ, заглавіе статьи могла сопровождать полная подпись автора. Не время и не мѣсто говорить теперь, какъ все это происходило, хотя это въ высшей степени характерно; довольно замѣтить, что когда вся эта исторія окончилась къ общему удовольствію, И. А. любилъ самъ вспоминать о ней и самымъ добродушнымъ образомъ смѣялся по поводу ея:—А какъ я хорошо назвалъ свой этюдъ: „Мил-

ліонъ терзаній"!—говаривалъ онъ:—вѣдь это въ самомъ дѣлѣ былъ милліонъ терзаній и для меня, и для васъ; а читатель и не догадывается, почему я выбралъ такое заглавіе!" Все подобное на поверхности представлялось въ Гончаровѣ капризомъ, но это вовсе не былъ капризъ; онъ навѣрное и тогда, въ 1872 г., „что-то дѣлалъ еще", и ему была невыносима мысль, что имя его явится въ печати подъ чѣмъ-нибудь, чтò не составляетъ для него настоящаго дѣла. Правда, и въ критикѣ онъ оказался большимъ мастеромъ, но въ похвалахъ по поводу „Милліона терзаній" онъ видѣлъ что-то оскорбительное для себя, какой-то совѣтъ ему, который возникалъ только въ его же душѣ, а именно: — оставьте-молъ творчество, возьмитесь-ка лучше за критику! И такимъ образомъ, можно было иногда огорчить его, думая быть ему пріятнымъ. Но все это — повторяемъ — являлось не результатомъ тяжелаго, капризнаго характера, а вытекало изъ внутренней собственной его исторіи и изъ вышеприведенной нами мысли Гончарова о необходимости оставаться вѣрнымъ истинному призванію своего таланта, какъ онъ лично и весьма справедливо понималъ свой талантъ.

Въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, въ 1887, 1888 и 1889 гг., появились у насъ его „Университетскія воспоминанія" (апр. 1887 г.), „На родинѣ, воспоминанія и очерки" (янв. и февр. 1888 г.), и въ 1889 г. (мартъ), въ заключеніе его дѣятельности, въ нашемъ журналѣ было помѣщено литературное, такъ сказать, духовное завѣщаніе его подъ заглавіемъ: „Нарушеніе воли"—столь памятное еще всѣмъ. Оно оканчивалось словами:

„Завѣщаю и прошу и прямыхъ, и непрямыхъ моихъ наслѣдниковъ, и всѣхъ корреспондентовъ и корреспондентокъ, также издателей журналовъ и сборниковъ всего стараго и прошлаго—не печатать *ничего* (курсивъ автора), чтò я не напечаталъ, или на чтò не передалъ права изданія, и чтò не напечатаю при жизни самъ,—конечно, между прочимъ, и писемъ. Пусть письма мои остаются собственностью тѣхъ, кому они писаны, и не переходятъ въ другія руки, а потомъ предадутся уничтоженію... У меня есть своего рода pudeur являться на позоръ свѣту съ хламомъ, и я прошу пощады этому чувству, т.-е. pudeur. Пусть же добрые, порядочные люди, „джентльмены пера", исполнятъ послѣднюю волю писателя, служившаго перомъ честно, и не печатаютъ, какъ я сказалъ выше, ничего, чтó я самъ не напечатаю при жизни, и чего не назначалъ напечатать по смерти. У меня и нѣтъ въ запасѣ никакихъ бумагъ для печати,—писалъ онъ въ 1889 г.;—это исполненіе моей воли и будетъ моею наградою за труды и лучшимъ вѣнкомъ на мою могилу"...

Мы охотно напечатали тогда у себя такое
но это нисколько не помѣшало нашимъ, кон
преніямъ по поводу возбужденнаго авторомъ во
Болѣе всего мы настаивали на защитѣ собст
нія себѣ, заключающагося въ этой же самой с
тельно отозвался объ изданіи писемъ Кавели
воли и немедленно послѣ ихъ смерти, и ту
мѣтилъ, что ему могутъ указать на такое и
его статьѣ; въ отвѣтъ же на такое естественн
„и теперь (т.-е. послѣ возраженія) повтор
вать—лишнее въ письмахъ, что мало инте
что̀, слѣдовательно, составляетъ существо
этимъ нельзя не согласиться, да, впрочемъ
вызвана дѣйствительно безцеремоннымъ от
чати того времени къ памяти умершихъ ли
торовъ; если въ статьѣ встрѣчаются преув
оправдываются нѣкоторою безпредѣльностью
ности, иногда выходившей за геркулесовы с

Впрочемъ, мы, кажется, и сами вышли
того, что̀ называютъ некрологомъ, и приблизи
временной пока области личныхъ воспомина
со временемъ, какъ мы сказали, представитъ
интересную и благодарную задачу для свое
отношеніяхъ.

Въ своей частной жизни И. А. Гончаро
нокое существованіе, взявъ на свое попечен
на его рукахъ чужихъ дѣтей, по смерти и
у него въ домашней службѣ, выростилъ и
воспитаніе, такъ что о немъ можно было с
Heureux celui qui pouvait faire un peu de bie
онъ сдѣлалъ такое малое, безшумное дѣло въ с
ленькомъ уголкѣ—и былъ вполнѣ счастливъ. I
найденномъ въ его столѣ, на наше имя, от
онъ даетъ, между прочимъ, разъясненіе, вс
распоряженіямъ: понимая, какую онъ мог
„тройкѣ дѣтей" — его собственное выражен
среднее образованіе и не позаботившись
чтобы „поддержать ихъ на первыхъ шагах
ровъ оставилъ имъ свое денежное имущест
кабинета „съ запертыми въ немъ помѣщені
онъ сдѣлалъ особое распоряженіе; въ этихъ

говоритъ въ письмѣ, нѣтъ ничего цѣннаго въ имущественномъ смыслѣ. Итакъ, покойный не только дѣлалъ добро, но и умѣлъ его дѣлать: хорошій примѣръ тѣмъ благотворительнымъ заведеніямъ, которыя оставляютъ всякую заботу о своихъ питомцахъ, разъ послѣдніе отбыли срочное время въ стѣнахъ заведенія, — а иногда такой срокъ кончается двѣнадцатилѣтнимъ возрастомъ.

М. С.

19-го сентября 1891 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1891.

Рѣчь министра народнаго просвѣщенія въ Москвѣ.—Статья Н. П. Вагнера и новый видъ университетскихъ курсовъ. — Начальныя школы по даннымъ оффиціальнымъ и не-оффиціальнымъ.—Запоздалая откровенность.—Столѣтіе со дня рожденія С. Т. Аксакова—и похороны И. А. Гончарова.

Въ началѣ истекшаго мѣсяца министръ народнаго просвѣщенія, въ бытность свою въ Москвѣ, посѣтилъ вновь устроенныя университетскія клиники и произнесъ при этомъ рѣчь, въ которой особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто. „Друзья мои, — сказалъ министръ, обращаясь къ студентамъ-медикамъ:—вы занимаетесь анатоміей, гистологіей, дѣлаете вивисекціи; все это въ высшей степени полезно и необходимо; но мнѣ кажется, что безпрерывныя занятія такими предметами все-таки нѣсколько матеріализируютъ душу. Необходимо питать ее иногда и идеалами. А для того продолжайте развивать въ себѣ тѣ основы общаго образованія, которыя вы пріобрѣли въ средней школѣ. Читайте великихъ ораторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, изящныхъ прозаиковъ, знаменитыхъ поэтовъ. Занятія такою литературой смягчаютъ душу, окрыляютъ воображеніе, отрываютъ отъ насъ тину и грязь, въ которую втягиваетъ насъ будничная жизнь съ ея страстями и нечистыми впечатлѣніями. Въ подтвержденіе моей мысли приведу слова, слышанныя мною нѣкогда отъ знаменитаго нашего хирурга Николая Ивановича Пирогова. Онъ говорилъ и, кажется, гдѣ-то выразилъ и письменно, что врачъ, не имѣющій общаго образованія и не интересующійся произведеніями великихъ писателей и поэтовъ, не есть врачъ, а ремесленникъ". Все это совершенно справедливо, и нужно надѣяться, что слова министра не пройдутъ безслѣдно для его слушателей. Нельзя не замѣтить, однако, что если студенты-медики—да и многіе изъ ихъ товарищей, избравшихъ другую спеціальность,—слишкомъ часто замыкаются въ тѣсный кругъ обязательныхъ занятій, то это зависитъ, отчасти, отъ внѣшнихъ условій, съ которыми трудно бороться. Первое изъ нихъ — это односторонность тѣхъ „основъ общаго образованія", которыя пріобрѣтаются въ средней школѣ, т.-е. въ гимназіи. Она знакомитъ съ классическими языками, но не возбуждаетъ любви къ классическимъ литературамъ; римскіе и греческіе авторы, для окончившихъ курсъ гимназистовъ—чаще

мучители, которыхъ нужно поскорѣе забыть, чѣмъ друзья, къ которымъ пріятно возвращаться. Знанія новыхъ языковъ—такого знанія, которое позволяло бы читать въ подлинникѣ „изящныхъ прозаиковъ и знаменитыхъ поэтовъ“ Германіи, Франціи и Англіи — гимназія не даетъ. Естественныя науки она бережно обходитъ, воздерживаясь даже отъ намека на великое ихъ значеніе. На исторію она пріучаетъ смотрѣть какъ на сборникъ трудно запоминаемыхъ именъ и чиселъ. Исторіи западно-европейскихъ литературъ она не касается почти вовсе; изъ прошедшаго русской литературы она выдвигаетъ на первый планъ преимущественно такихъ писателей, чтеніе которыхъ ни для кого, кромѣ немногихъ любителей старины, не можетъ быть источникомъ наслажденія. Поступая съ такими громадными пробѣлами въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе, молодой человѣкъ сразу погружается въ избранную имъ спеціальность, рѣзко отграниченную отъ всего остального. Цѣлыя области знанія, и притомъ самыя широкія и важныя, остаются для него навсегда закрытыми. Студентъ-естественникъ или математикъ ничего не слышитъ о философіи, о правѣ; студентъ-юристъ или историкъ даже не заглядываетъ въ сферу естествознанія. Общее образованіе, получаемое въ университетѣ—въ сущности такая же фикція, какъ и общее образованіе, получаемое въ гимназіи; и тамъ, и тутъ сообщаются только частныя свѣденія, не объединенныя въ одно стройное цѣлое. Удивляться слѣдуетъ не тому, что въ массѣ учащейся молодежи слабо развитъ интересъ къ чистому, не-прикладному знанію, а скорѣе тому, что между студентами все-таки встрѣчаются, и не слишкомъ рѣдко, люди, стремящіеся къ возможно-полному развитію. Необходимо придти на помощь этому стремленію, поддержать его въ тѣхъ, у кого оно есть, возбудить его въ тѣхъ, кому оно чуждо. Для нашихъ студентовъ самообразованіе затруднено гораздо больше, чѣмъ для заграничныхъ. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи большую роль играютъ въ этомъ отношеніи студенческія общества или кружки — всякаго рода ферейны, конференціи, debating societies. У насъ они не допускаются; въ значительной степени затруднены даже частныя собранія студентовъ. Конечно, читать ораторовъ, прозаиковъ, поэтовъ каждый можетъ и у себя дома; но при такой разрозненности и случайности занятій нѣтъ гарантіи ни въ правильномъ ихъ выборѣ, ни въ настойчивомъ ихъ продолженіи, ни въ полномъ усвоеніи прочитаннаго. Желательно, притомъ, чтобы предметомъ чтенія были не только произведенія литературныя, но и научныя, не пріуроченныя къ данной спеціальности—а для этого нужна нѣкоторая подготовка, нуженъ толчокъ извнѣ, нужна, однимъ словомъ, реформа въ организаціи высшаго образованія.

Проектъ такой реформы, какъ нельзя болѣе разумный и цѣлесообразный, былъ предложенъ еще восемь лѣтъ тому назадъ, до изданія новаго университетскаго устава. Авторъ проекта, профессоръ Н. П. Вагнеръ, напечаталъ недавно („Новое Время", 6-го сентября, № 5575) статью, въ которой весьма кстати возвратился къ своей прежней мысли. Этого мало; вмѣстѣ съ двумя другими профессорами, онъ дѣлаетъ первый шагъ къ ея осуществленію.

„Университетъ,—писалъ г. Вагнеръ въ 1883 г. [1]),—не удовлетворяетъ самой насущной, самой законной потребности человѣческаго ума. Университетская молодежь жадно ищетъ мысли, синтеза, матеріала для міровоззрѣнія или готоваго философскаго міросозерцанія— и этого не даетъ ей университетъ". Измѣнить столь ненормальное положеніе дѣлъ, по мнѣнію г. Вагнера, нетрудно; нужно только отдать университетскому курсу восьмой, ни къ чему не служащій годъ гимназическаго ученья, и ограничить общій университетскій курсъ двумя годами, за которыми слѣдовало бы слушаніе курсовъ спеціальныхъ—юридическаго, медицинскаго и т. п. Въ составъ общаго университетскаго курса слѣдовало бы ввести исторію философіи, антропологію, психологію, основныя начала астрофизики, геологіи и палеонтологіи, общую физіологію и морфологію растеній, общую зоологію и эмбріологію, краткій курсъ сравнительного языкознанія и всеобщей литературы, краткій философскій курсъ всемірной исторіи, краткій курсъ сравнительнаго законовѣденія и философіи права, нѣкоторыя обобщенія изъ химіи и физики [2]). Въ настоящее время г. Вагнеръ ставитъ вопросъ не такъ широко, но продолжаетъ стоять за необходимость раздвинуть рамки университетскаго преподаванія. Онъ указываетъ на интересъ, который всегда возбуждали и возбуждаютъ въ молодежи вопросы нравственно-религіозные, политико-экономическіе, историческіе, философскіе и общественные. „Я напомню, напримѣръ, —говоритъ онъ,—лекціи В. С. Соловьева, которыя читались въ актовой залѣ университета, такъ какъ въ аудиторіяхъ не было мѣста для той толпы слушателей, которая съ жадностью стремилась слушать эти лекціи. Точно также охотно посѣщались лекціи преподавателей философіи и вообще всѣ вступительныя лекціи, которыя привлекаютъ слушателей не одной новизной предмета, но и общими

[1]) См. Общественную Хронику въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1883 г., въ которой мы подробно изложили планъ г. Вагнера и выразили полное къ нему сочувствіе.

[2]) Число предметовъ общаго университетскаго курса, какъ мы замѣтили уже въ 1883 г., могло бы быть нѣсколько сокращено, вслѣдствіе чего основная мысль г. Вагнера сдѣлалась бы еще болѣе удобоосуществимой. Такъ напримѣръ, все существенное изъ сравнительнаго языкознанія могло бы быть введено въ преподаваніе антропологіи, философія права могла бы быть соединена съ общимъ курсомъ философіи, и т. п.

философскими взглядами на него. Изъ юридическихъ лекцій студенты охотно шли слушать энциклопедію законовѣденія и исторію государственнаго права, т.-е. именно тѣ науки, которыя входятъ своими извѣстными сторонами въ знаніе отношеній къ обществу и государству. Они посѣщали съ очевидной любознательностью лекціи логики и психологіи. Въ естественномъ разрядѣ они стремились слушать тѣ лекціи, которыя выясняютъ общіе законы развитія и устройства природы. Такъ, лекціи общей зоологіи всегда охотно, съ явнымъ стремленіемъ къ знанію, посѣщались студентами. Мои лекціи въ этомъ случаѣ доказали мнѣ убѣдительнымъ образомъ это стремленіе къ общимъ знаніямъ, расширяющимъ міросозерцаніе учащагося. Вступительныя лекціи въ курсъ зоологіи всегда посѣщались охотно. Аудиторія была переполнена слушателями. Но какъ только кончалась рѣчь объ общихъ зоологическихъ явленіяхъ и законахъ и начиналось изложеніе спеціальностей, то точно вѣтромъ выносило слушателей изъ аудиторіи, и слушаніе лекцій изъ живого и естественнаго сразу становилось искусственнымъ и формальнымъ. Я дѣлалъ въ этомъ случаѣ нѣкоторые опыты, которые убѣдили меня, что взглядъ мой совершенно справедливъ. Эти опыты и наблюденія прямо привели меня къ убѣжденію, что строй университетской жизни никогда не будетъ правиленъ при той постановкѣ преподаванія, которая въ настоящее время извращаетъ университетскую жизнь и прямо вредитъ ея цѣлямъ... Когда въ нашей литературѣ обсуждался вопросъ о спеціальныхъ военныхъ школахъ и преимущественно средне-учебныхъ заведеніяхъ, многіе высказались за тотъ взглядъ, что образованіе до извѣстнаго возраста должно быть общее, что нельзя съ дѣтскихъ лѣтъ опредѣлять въ человѣкѣ спеціалиста, который долженъ быть приноровленъ къ тому или другому роду практической жизни. Въ томъ же смыслѣ высказывался за общую гуманитарную школу и нашъ педагогъ-мыслитель проф. Пироговъ. Но всѣ эти обсужденія одного изъ коренныхъ и основныхъ вопросовъ нашей педагогіи не привели ни къ чему, и утилитарность вытѣснила потребности общечеловѣческія. Тотъ же самый перевѣсъ требованій практической жизни надъ требованіемъ гуманитарнаго образованія вошелъ полноправно и въ университетскую жизнь. Спеціализмъ здѣсь давитъ естественныя и законныя требованія каждаго молодого человѣка. На томъ рубежѣ, который отдѣляетъ пору безсознательной юности отъ поступковъ взрослаго, сознающаго жизнь человѣка, его принуждаютъ войти въ школу, въ которой онъ ничего или почти ничего не находитъ, кромѣ спеціальныхъ, утилитарныхъ знаній практической жизни. Общественная жизнь со всѣхъ сторонъ протягиваетъ къ нему серьезные вопросы, а его угощаютъ системой растительнаго царства, пандектами или

интегралами и дифференціалами. Наука ничего не потеряетъ и не пострадаетъ, если каждый образованный человѣкъ будетъ знать ея конечные общіе выводы, положенія и законы, и не будетъ знать тѣ частности, на которыхъ построены эти выводы. Человѣкъ не будетъ образованъ, если онъ не усвоитъ себѣ общихъ положеній всѣхъ наукъ —хотя бы онъ зналъ до тонкости всѣ спеціальности какой-нибудь одной науки. Онъ будетъ спеціалистомъ, техникомъ, ученымъ, но не будетъ *образованнымъ* человѣкомъ. Все высказанное заставило меня и моихъ товарищей, профессоровъ Карѣева и Введенскаго, предложить въ настоящемъ учебномъ году слушателямъ университетскихъ курсовъ краткіе дополнительные, общеобразовательные курсы энциклопедій естествознанія, исторіи и философіи. Если эти курсы удовлетворятъ той потребности, которая несомнѣнно существуетъ въ молодыхъ умахъ университетскихъ слушателей, то нашу попытку отвѣтить на существенный вопросъ университетскаго образованія можно будетъ назвать вполнѣ удавшейся".

Глубоко сочувствуя попыткѣ уважаемыхъ профессоровъ, отъ души желая ей успѣха, мы не можемъ не замѣтить, что палліативнымъ средствомъ, даже самымъ удачнымъ, не устраняется потребность въ радикальной реформѣ. Курсы профессоровъ Вагнера, Карѣева и Введенскаго обнимаютъ собою только небольшую часть широкой програмы, начертанной въ первоначальномъ проектѣ Н. П. Вагнера—и это не можетъ быть иначе, потому что они поставлены параллельно съ обязательными факультетскими курсами, оставляющими студентамъ мало свободнаго времени. Далеко не всѣ студенты рѣшатся присоединить къ массѣ неизбѣжныхъ занятій еще новую работу, безъ которой можно, съ практической точки зрѣнія, и обойтись. Одни вовсе не пойдутъ на лекціи, чуждыя ихъ факультету, другіе перестанутъ посѣщать ихъ, какъ только начнутъ чувствовать утомленіе отъ массы обязательнаго труда. Обезпечить за энциклопедическимъ, общимъ курсомъ подобающее ему мѣсто и надлежащее вліяніе можно только путемъ самостоятельной его организаціи, въ родѣ той, которую предлагалъ, въ 1883 г., Н. П. Вагнеръ. Только тогда можно будетъ сообщить ему желанную полноту и всесторонность, только тогда можно будетъ ожидать отъ него богатыхъ и широкихъ результатовъ. Настанетъ время—мы въ этомъ глубоко убѣждены,—когда общій университетскій курсъ, какъ преддверіе къ спеціальному, покажется чѣмъ-то въ родѣ колумбова яйца; всѣ будутъ удивляться, что онъ не былъ установленъ раньше, всѣ будутъ недоумѣвать, какимъ образомъ можно было отрицать его необходимость. Скоро ли настанетъ это время—это другой вопросъ; признаковъ приближенія его мы пока не видимъ. Ему должно предшество-

вать распространеніе такихъ теченій, которыя теперь обрѣтаются не въ авантажѣ. Тѣмъ больше заслуга профессоровъ, уготовляющихъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, пути къ лучшему будущему.

Возвращаясь къ московской рѣчи министра народнаго просвѣщенія, мы должны отмѣтить въ ней еще одну интересную мысль. „Пользуйтесь временемъ и трудитесь неустанно"—таковъ второй совѣтъ, данный министромъ его молодымъ слушателямъ. „Корифеи науки: Кювье, Гумбольдтъ, Клодъ-Бернаръ, Гельмгольцъ, Вирховъ, Листеръ, Пироговъ—такіе же люди, какъ вы. И они, при всѣхъ ихъ дарованіяхъ, не достигли бы той высоты, если бы вмѣсто того, чтобы посвящать все свое время изслѣдованію силъ природы и примѣненію этихъ силъ къ потребностямъ человѣка, увлекались бы мечтаніями о переустройствѣ государствъ и пустозвонными разглагольствованіями объ измѣненіи историческихъ судебъ". Безспорно, неустанный трудъ — одно изъ главныхъ условій плодотворной научной дѣятельности. Едва ли, однако, всѣ великіе естествоиспытатели посвящали *все свое время* изслѣдованію силъ природы и примѣненію этихъ силъ къ потребностямъ человѣка. Далеко не чуждыми политикѣ были и Кювье, и Александръ Гумбольдтъ; что касается до Вирхова, то онъ отдавалъ и отдаетъ ей значительную часть своей умственной силы. Съ тѣхъ поръ, какъ изученіе причинъ голоднаго тифа въ Верхней Силезіи (во второй половинѣ сороковыхъ годовъ) убѣдило Вирхова — тогда еще совсѣмъ молодого человѣка—въ тѣсной связи между медициной и обществовѣдѣніемъ, между науками естественными и соціальными, онъ никогда не переставалъ стремиться къ „переустройству государства". Въ прусской палатѣ депутатовъ, особенно въ эпоху „конфликта" шестидесятыхъ годовъ, его имя произносилось столь же часто и съ такимъ же уваженіемъ, какъ и въ стѣнахъ берлинской Charité или берлинскаго университета. Руководящая роль въ рядахъ прогрессистской партіи не помѣшала Вирхову пріобрѣсти и сохранить за собою выдающееся мѣсто въ нѣмецкой и общеевропейской наукѣ. А Франсуа Араго, вполнѣ достойный стать рядомъ съ вышеназванными учеными? Онъ былъ въ одно и то же время великимъ физикомъ и астрономомъ — и выдающимся политическимъ дѣятелемъ эпохи іюльской монархіи и февральской республики. Увеличить число такихъ примѣровъ было бы не трудно—но мы прибавимъ къ нимъ только указаніе на нашего Пирогова, употребившаго столько времени и силъ на заботу о народномъ образованіи, писавшаго объ этомъ журнальныя статьи, занимавшаго нѣсколько лѣтъ должность попечителя учебнаго округа. Посвятить себя исключительно и всецѣло научнымъ занятіямъ способны далеко не всѣ. Кто воспиталъ въ себѣ смолоду или пріобрѣлъ впослѣдствіи живой интересъ къ различнымъ отра-

слямъ знанія и къ соприкасающейся съ ними на тысячѣ пунктовъ государственной и общественной жизни, тотъ не можетъ быть равнодушнымъ, пассивнымъ зрителемъ событій; участіе въ нихъ, словомъ или дѣломъ, становится для него потребностью столь же непреодолимою, какъ и жажда ученаго труда. Выразится ли это участіе въ однихъ „мечтаніяхъ" и „разглагольствованіяхъ", или въ чемъ-нибудь другомъ, болѣе серьезномъ—это зависитъ преимущественно отъ условій времени и мѣста. Чѣмъ меньше простора для трезвой мысли, тѣмъ болѣе широкое поле открывается для мечтаній; чѣмъ меньше возможность непосредственнаго вліянія на текущую жизнь, тѣмъ больше поводовъ къ разглагольствованіямъ о радикальномъ измѣненіи ея теченія.

Возражая противъ приведенія всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ къ одному знаменателю, путемъ подчиненія ихъ духовенству и организаціи по типу церковно-приходской школы, мы указывали, между прочимъ, на неудобство примѣненія такой системы къ мѣстностямъ съ преобладающимъ или многочисленнымъ иновѣрнымъ населеніемъ. Неожиданное подтвержденіе нашей мысли мы нашли въ отчетѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа, выдержки изъ котораго напечатаны въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Русскаго Вѣстника" (№ 7). „Собиравшимися въ послѣдніе годы статистическими данными, —говорится въ отчетѣ,—вполнѣ удостовѣрено, что римско-католическое населеніе, допуская дѣтей своихъ въ министерскія народныя училища, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ дозволяетъ имъ посѣщать церковно-приходскую школу; и это вполнѣ понятно, такъ какъ училища министерства народнаго просвѣщенія не задаются вѣроисповѣдными цѣлями". Какъ бы въ опроверженіе этого вывода и въ доказательство, что не только православное, но и католическое населеніе юго-западнаго края само стремится отдать учебное дѣло въ руки православнаго духовенства, указывалось иногда на ходатайства крестьянскихъ обществъ *съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ* объ открытіи у нихъ не министерскихъ училищъ, а церковно-приходскихъ школъ. Попечитель учебнаго округа весьма просто объясняетъ это, на первый взглядъ, загадочное явленіе. Онъ говоритъ: „Ходатайство крестьянскихъ обществъ съ преобладающимъ католическимъ населеніемъ объ открытіи у нихъ не министерскихъ училищъ, а церковно-приходскихъ школъ, объясняется вліяніемъ католическо-польской пропаганды, руководители которой, ревниво оберегая и всѣми мѣрами поддерживая тайныя польскія школы, вполнѣ сознаютъ, что церковно-приходская школа, даже еслибы она и существовала, не представляла бы собою тѣхъ препятствій въ дѣлѣ раз-

витія пропаганды, какія встрѣчаются при существованіи въ селеніи министерской начальной школы". Попечитель учебнаго округа находитъ, что бороться съ тайными польскими школами невозможно административными мѣрами, такъ какъ эти школы имѣютъ характеръ частнаго обученія на дому. Противодѣйствовать ихъ дальнѣйшему развитію можно только устройствомъ правильно организованной правительственной школы. Столь же важна эта школа и какъ орудіе борьбы противъ обособленности евреевъ. Евреи, разумѣется, не будутъ ходить въ церковно-приходскую школу, да едва ли ихъ туда и пустятъ; но они охотно посѣщаютъ министерскія училища, гдѣ только и могутъ научиться русскому языку, потому что огромное большинство мѣстнаго простонародья говоритъ малорусскимъ нарѣчіемъ, а въ высшихъ слояхъ преобладаетъ польская разговорная рѣчь... Изъ того же отчета мы узнаемъ, что въ школахъ (учебнаго вѣдомства), устроенныхъ для православнаго чешскаго населенія волынской губерніи, учителя вели свое дѣло вполнѣ хорошо, но законоучители отличались „не совсѣмъ удовлетворительнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ", пропускали много уроковъ, и перемѣна къ лучшему произошла только тогда, когда два законоучителя, изъ числа особенно небрежныхъ, были не только лишены этой должности, но и перемѣщены въ худшіе приходы.

Другимъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу сохраненія и распространенія свѣтской начальной школы можетъ служить статья г. Вахтерова, напечатанная въ № 8 „Журнала министерства народнаго просвѣщенія". Авторъ статьи занималъ или занимаетъ, повидимому, должность инспектора народныхъ училищъ въ четырехъ уѣздахъ смоленской губерніи (вяземскомъ, дорогобужскомъ, ельнинскомъ и юхновскомъ); онъ излагаетъ результаты своихъ личныхъ, довольно продолжительныхъ наблюденій. Эти наблюденія привели его прежде всего къ убѣжденію, что сельское населеніе охотно отдаетъ своихъ дѣтей только въ „удовлетворительно поставленную школу". Всего больше соотвѣтствуетъ этому понятію министерская начальная школа, въ которой число учениковъ доходитъ, въ среднемъ выводѣ, до 66; всего меньше—школа церковно-приходская, въ которой среднее число учениковъ не превышаетъ 33 (въ школѣ земской или сельско-общественной оно равняется 58). По словамъ одностороннихъ ревнителей церковно-приходской школы, довѣріемъ и расположеніемъ населенія пользуется только она одна; только она свободно и охотно поддерживается крестьянами. Опроверженіе этого тезиса дѣйствительная жизнь даетъ на каждомъ шагу; но немного найдется мѣстностей, въ которыхъ несостоятельность его была бы такъ очевидна, какъ въ уѣздахъ, описываемыхъ г. Вахтеровымъ. Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ

земскихъ губерній главную роль въ учрежденіи и содержаніи начальныхъ школъ играло и играетъ земство. Отсюда возможность утверждать, въ сущности—безъ всякихъ основаній, но съ нѣкоторою тѣнью правдоподобія,—что земская школа *навязана* населенію, пользовавшемуся и пользующемуся ею только за неимѣніемъ лучшаго. Въ смоленской губерніи, наоборотъ, земство долго не дѣлало почти ничего для начальной школы, да и теперь дѣлаетъ для нея сравнительно мало. Въ 1883 г. среднее для всѣхъ земскихъ губерній отношеніе расходовъ на начальную школу къ итогу земскаго бюджета выражалось цифрой 16½%—а въ четырехъ уѣздахъ смоленской губерніи, о которыхъ говоритъ г. Вахтеровъ, оно колебалось между 5 и 8½%. Школы открывались и содержались здѣсь преимущественно крестьянскими обществами. Даже теперь, когда смоленскія земства начинаютъ съ большимъ сочувствіемъ относиться къ школьному дѣлу, они только приходятъ на помощь уже устроеннымъ школамъ, но не открываютъ ихъ вновь. Въ 1890 г. крестьянскія общества четырехъ уѣздовъ тратили на школы около 12 тысячъ рублей, не считая стоимости отопленія, освѣщенія и ремонта бо́льшей части училищныхъ зданій, а также мытья половъ и найма школьной прислуги. Училища переполнены учениками до такой степени, что приходится открывать параллельныя отдѣленія—и все-таки отказывать многимъ, желающимъ учиться. По разсчету г. Вахтерова, достаточно было бы увеличить земскую ассигновку на школы, по четыремъ уѣздамъ, на 8.000 рублей (съ 22 тысячъ до 30, что̀ совсѣмъ немного для четырехъ уѣздовъ), чтобы открыть доступъ въ школы всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста (считая этотъ возрастъ отъ 8 до 11 или отъ 9 до 12 лѣтъ). „Если начальная народная школа,—говоритъ г. Вахтеровъ,—завоевала въ настоящее время право гражданства въ народѣ, если она посѣщается несравненно охотнѣе, чѣмъ школы другихъ типовъ, если сочувствіе къ ней народа таково, что мы можемъ думать теперь уже о разрѣшеніи оказавшейся непосильною даже для Германіи задачи всеобщаго и добровольнаго начальнаго образованія посредствомъ одного повсемѣстнаго устройства училищъ, то такими успѣхами школа наша обязана, главнымъ образомъ, еще недостаточно оцѣненной дѣятельности нашихъ начальныхъ учителей и учительницъ". Большинство учителей (61 изъ 100), занимающихся въ завѣдуемыхъ г. Вахтеровымъ начальныхъ школахъ, окончили курсъ въ учительскихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ; изъ 40 учительницъ 14 окончили курсъ въ институтѣ или гимназіи, 20—въ епархіальномъ училищѣ. Не ясно ли, что образованіе учителя, каковъ бы ни былъ его источникъ—свѣтскій или духовный,—ни мало не уменьшаетъ довѣріе къ нему народа?... Многіе изъ учителей, пробывшихъ нѣ-

сколько лѣтъ подъ рядъ въ одномъ училищѣ, успѣли, по словамъ г. Вахтерова, „пріобрѣсти уваженіе мѣстнаго общества. Голосъ такихъ учителей имѣетъ значеніе на крестьянскихъ сходахъ, куда они являются иногда по дѣламъ школы. Одинъ изъ учителей былъ выбранъ крестьянами предсѣдателемъ совѣта мѣстнаго ссудо-сберегательнаго товарищества, другіе выбирались въ дѣлопроизводители товариществъ; относительно нѣкоторыхъ учителей волостные сходы составляли приговоры, въ которыхъ просили учебное начальство не переводить изъ ихъ училищъ учителей, которымъ предлагалось повышеніе по службѣ. Къ нѣкоторымъ учительницамъ крестьяне въ большомъ числѣ обращаются за совѣтами въ случаѣ болѣзней. Къ учителямъ министерскихъ училищъ, которымъ удалось хорошо поставить на училищной землѣ садоводство и травосѣяніе, крестьяне обращаются за совѣтами по этимъ двумъ отраслямъ сельскаго хозяйства и за сѣменами; къ учительницамъ, преподающимъ рукодѣлье, матери учениць часто обращаются, прося и ихъ научить тому или другому виду рукодѣлій; почти ко всѣмъ учителямъ взрослые крестьяне обращаются за совѣтами и просьбами относительно своихъ дѣтей—какъ исправить тотъ или другой недостатокъ сына, не пора ли отдать его въ училище, къ какому ремеслу его пристроить. Учителя вообще пользуются уваженіемъ въ деревнѣ: предъ ними крестьянинъ первый сниметъ шапку, воздержится отъ сквернословія". „Большую поддержку,—читаемъ мы дальше, — оказываетъ учителю хорошій священникъ, который обыкновенно и состоитъ законоучителемъ школы. Работая вмѣстѣ съ учителемъ, бесѣдуя съ нимъ ежедневно о дѣлахъ школы и о вопросахъ воспитанія и обученія, выдвигаемыхъ жизнью школы, онъ постоянно поддерживаетъ дѣятельное настроеніе учителя. Къ сожалѣнію, таковы не всѣ священники. Большинство ихъ, обремененное хозяйственными заботами, сборами по приходу, часто большою семьею, не имѣетъ досуга для заботъ о школѣ, о вопросахъ воспитанія". Само собою разумѣется, что замѣна свѣтской школы церковно-приходскою не увеличиваетъ досуговъ священника, не измѣняетъ, на самомъ дѣлѣ, отношенія его къ школѣ. Священникъ, способный и готовый потрудиться на пользу народнаго обученія, можетъ сдѣлать весьма многое и въ свѣтской школѣ; это видно и изъ примѣровъ, приводимыхъ въ статьѣ г. Вахтерова...

Есть еще одно распространенное мнѣніе, фактически опровергаемое г. Вахтеровымъ. Противники сельской начальной школы утверждаютъ, что она отвлекаетъ молодое поколѣніе отъ деревенской жизни, отъ крестьянскихъ, земледѣльческихъ занятій. Серьезной повѣрки это предположеніе не выдерживало еще никогда и нигдѣ; не

оправдывается оно и въ уѣздахъ, которымъ посвящена статья г. Вахтерова. Ему удалось, съ помощью учителей, собрать свѣденія о 592 лицахъ, окончившихъ курсъ, до 1884 г., въ одноклассныхъ школахъ; изъ нихъ бросило занятія родителей только 31, т.-е. немного болѣе 5%. Даже двухклассныя училища далеко не всегда отрываютъ крестьянскаго мальчика отъ сохи и плуга. Изъ числа ста бывшихъ учениковъ двухклассныхъ училищъ, о которыхъ собраны свѣденія, оставило земледѣльческій трудъ только двадцать, изъ которыхъ девять поступили въ учительскую семинарію и сдѣлались народными учителями... Статья г. Вахтерова свидѣтельствуетъ, помимо воли автора, еще объ одномъ преимуществѣ свѣтской начальной школы. Неразрывно связана съ этой школой многочисленная корпорація лицъ, призванныхъ завѣдывать и руководить ею. Это—директора и инспектора начальныхъ училищъ. Если въ отношеніи ихъ къ начальной школѣ и преобладаетъ, говоря вообще, элементъ формальный, наблюдательный въ узкомъ смыслѣ слова, то не мало встрѣчается и отрадныхъ исключеній, на которыя намъ нѣсколько разъ уже приходилось указывать. Припомнимъ, напримѣръ, дѣятельность директора училищъ въ таврической губерніи, инспекторовъ—въ лужскомъ уѣздѣ петербургской губерніи и карсунскомъ уѣздѣ симбирской губерніи; всѣ они, и многіе другіе, столь же преданы школьному дѣлу, столь же полны живого къ нему интереса, какъ и г. Вахтеровъ. О такихъ дѣятеляхъ между наблюдателями за церковно-приходскими школами что-то не слышно. Не отрицая возможности появленія ихъ и въ этой средѣ, мы считаемъ его не особенно вѣроятнымъ уже потому, что у каждаго наблюдателя есть масса другихъ занятій, не позволяющихъ ему сосредоточиться на изученіи школьнаго дѣла и на заботѣ о дальнѣйшемъ его развитіи. Не благопріятствуютъ этому и другія обстоятельства—принадлежность наблюдателя и наблюдаемыхъ къ одной и той же сословной группѣ, неподвижность рамокъ, въ которыя вставлена церковно-приходская школа, и т. п.

Въ тѣсной связи съ предразсудкомъ, заставляющимъ видѣть въ церковно-приходской школѣ единственную форму начальнаго обученія, излюбленную народомъ, состоитъ другое, столь же ошибочное мнѣніе—будто бы и въ школѣ грамотности народъ ищетъ преимущественно просвѣтительную руку духовенства. Фактическое опроверженіе этого мнѣнія мы находимъ въ интересной статьѣ г. А. Пругавина: „Школы грамотности и вольные учителя" („Сѣверный Вѣстникъ", № 9). Авторъ цитируетъ, сначала, слова г. Рачинскаго, резюмирующія взглядъ широко-распространенный, но неизвѣстно на чемъ основанный. „Нашъ народъ, — говоритъ авторъ „Замѣтокъ о сельскихъ школахъ", — самъ признаетъ духовенство своимъ законнымъ

учителемъ. При первой возможности откладывать ежегодно какихъ-нибудь пять рублей, простолюдинъ отдаетъ сына своего на обученіе священнику или діакону; при меньшихъ средствахъ онъ обращается къ дьячку, и только въ крайней нуждѣ рѣшается обратиться къ какому-нибудь отставному солдату или своему брату, крестьянину-грамотѣю". Таково предположеніе—а вотъ факты, приводимые г. Пругавинымъ. Въ московской губерніи, въ 1882-83 г., изъ числа 537 лицъ, занимавшихся обученіемъ въ крестьянскихъ школахъ грамотности, священниковъ и діаконовъ было 55, дьячковъ—109, крестьянъ, мѣщанъ, отставныхъ и запасныхъ солдатъ и разночинцевъ — 336. Въ владимірской губерніи, въ 1886-7 г., на 39 учителей духовнаго званія приходилось 115 свѣтскихъ; въ новгородской губерніи соотвѣтствующія цифры были 38 и 129, въ тверской—71 и 378. Въ острогожскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, между 50 учителями былъ только *одинъ* священникъ и *одинъ* псаломщикъ; въ лужскомъ уѣздѣ, петербургской губерніи, изъ 42 учителей только трое принадлежали къ духовному сословію; въ бугурусланскомъ, самарской губерніи—двое изъ 34. Еще знаменательнѣе слѣдующія цифры: въ московской губерніи наибольшее среднее число учащихся (отъ 12 до 16) приходилось на тѣ школы, гдѣ учителями были старообрядцы, дворяне, разночинцы и солдаты; на каждаго учителя-крестьянина приходилось, въ среднемъ выводѣ, по девяти учениковъ, на каждаго учителя-псаломщика — по восьми, на каждаго учителя-священника или діакона—менѣе восьми. Вотъ какова разница между кабинетными измышленіями и дѣйствительною жизнью!

Когда, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, реакціонная печать ополчилась противъ реформъ прошедшаго царствованія, началомъ эпохи, слѣды которой признавалось нужнымъ по возможности изгладить, считалось обыкновенно изданіе университетскаго устава 1863 г. Изъ числа осуждаемыхъ преобразованій исключалось, такимъ образомъ, величайшее и важнѣйшее—уничтоженіе крѣпостного права. Намъ всегда казалось, что въ этомъ исключеніи есть большая доля неискренности или, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательности. Освобожденіе крестьянъ было необходимой предпосылкой и исходной точкой всѣхъ другихъ преобразованій; безъ него они были бы немыслимы, безъ нихъ оно осталось бы незаконченнымъ. Совершилось освобожденіе, притомъ, подъ дѣйствіемъ такихъ вліяній и при существованіи такихъ условій, которыя отнюдь не могли быть симпатичны приверженцамъ „преобразованій наоборотъ". И дѣйствительно, подъ тонкимъ, полу-прозрачнымъ покровомъ неохотной похвалы или дву-

смысленнаго умолчанія таилось, на самомъ дѣлѣ, глубокое нерасположеніе къ Положеніямъ 19-го февраля. Мало-по-малу маска стала приподниматься; теперь она сброшена почти вовсе. Намъ случалось уже не разъ констатировать признаки этого превращенія; но никогда еще, кажется — за исключеніемъ развѣ извѣстныхъ выходокъ г. К. Леонтьева — оно не выражалось такъ ярко, какъ въ статьяхъ г. Велицына: „Коммиссіи по освобожденію крестьянъ" („Русскій Вѣстникъ" 1891 г., №№ 3 и 9). Предоставляя себѣ возвратиться къ нимъ въ другой разъ (серія ихъ еще не закончена), мы ограничимся теперь нѣсколькими цитатами, дающими ясное понятіе о тенденціи автора. „Дѣятельность редакціонныхъ коммиссій и иныхъ другихъ правительственныхъ мѣстъ (по дѣлу освобожденія крестьянъ) шла въ странной связи (?) съ журнальною дѣятельностью тогдашнихъ лондонскихъ агитаторовъ... Министерскіе чиновники пошли дальше (!) „Колокола"... Непрерывная цѣпь предвзятой непріязни и вражды къ помѣстному дворянству проходитъ красной нитью черезъ всю дѣятельность органовъ обновленія Россіи, чтó уже одно представляло крупный недостатокъ, который не могъ не мѣшать правильному рѣшенію дѣла... Справедливости въ дѣятельности коммиссій не найдетъ внимательно углубившійся въ изслѣдованіе матеріаловъ... Трудно предположить, чтобы дѣло могло идти правильно и серьезно при предвзятомъ и страстномъ его веденіи и рѣшительномъ преобладаніи одной стороны. Такое предвзятое отношеніе повело къ *непоправимымъ послѣдствіямъ* (курсивъ автора)... Оффиціальнымъ выразителемъ демократической (!) и либеральной партіи явился тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Ланской (!), *бывшій членъ союза благоденствія*, изъ котораго онъ, впрочемъ, благоразумно вышелъ до 14-го декабря".

Откровенность, хотя бы и запоздалая, во всякомъ случаѣ лучше лицемѣрія. Крестьянская реформа, вмѣстѣ съ людьми, способствовавшими ея осуществленію, не нуждается въ кислосладкомъ одобреніи, худо скрывающемъ враждебное чувство. Чѣмъ рѣшительнѣе высказываются ея противники, тѣмъ яснѣе выступаетъ на видъ истинный смыслъ ихъ взглядовъ и ихъ стремленій. Оцѣнкой прошедшаго предрѣшаются, въ значительной степени, требованія къ настоящему и ожиданія отъ будущаго. Видѣть въ Положеніяхъ 19-го февраля результатъ „предвзятаго, не-серьезнаго" (!) отношенія къ дѣлу—значитъ желать устраненія тогдашнихъ „ошибокъ", на сколько онѣ въ настоящее время *поправимы* и еще не исправлены... Крѣпостничество, побѣжденное редакціонными коммиссіями, появляется вновь, съ явной надеждой на реваншъ—появляется измѣненнымъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это неизбѣжно по прошествіи тридцати лѣтъ и

въ виду внѣшнихъ перемѣнъ, кое въ чемъ, по необходимости, безповоротныхъ.

Рука объ руку съ порицаніемъ крестьянской реформы идетъ восхваленіе „добраго стараго времени“ — времени неприкосновенности сословныхъ перегородокъ, времени патріархальнаго (будто бы) господства однихъ—и столь же патріархальнаго повиновенія другихъ. Это восхваленіе проникаетъ даже туда, гдѣ для него, повидимому, всего меньше мѣста—проникаетъ, напримѣръ, въ чествованіе памяти С. Т. Аксакова, столѣтіе со дня рожденія котораго исполнилось 20-го истекшаго сентября. Безспорно, авторъ „Семейной Хроники“ былъ однимъ изъ лучшихъ людей до-реформенной эпохи — но именно потому онъ и не могъ видѣть ее исключительно въ розовомъ свѣтѣ, рисовать однѣ привлекательныя ея стороны. Рядомъ съ изображеніемъ „Добраго дня Степана Михайловича“ онъ оставилъ намъ не только сцены, въ которыхъ патріархъ является звѣремъ, совершаетъ „жестокіе, отвратительные поступки“, но и ужасающій портретъ Михаила Максимовича Куролесова—ужасающій въ особенности потому, что изверга, мучителя, убійцу всѣ называли „отличнымъ хозяиномъ“, а „высшее дворянство только похваливало за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто пониже“. Если „Семейная Хроника“ и не исчерпываетъ вполнѣ всѣхъ мрачныхъ сторонъ „добраго стараго времени“, если необходимымъ дополненіемъ къ ней, въ качествѣ матеріала для изученія недавняго прошлаго, служитъ „Пошехонская Старина“ Салтыкова, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы С. Т. Аксакова можно было включить въ число систематическихъ „laudatores temporis acti“. Его сила—крупное художественное дарованіе, дѣлающее его одинаково цѣннымъ для всѣхъ читателей, безъ различія партій и направленій. Попытки пріурочить его къ одному лагерю столь же фальшивы и безцѣльны, какъ и стремленіе доказать, что чувствомъ любви къ русской народности онъ былъ обязанъ... „воспитанію въ старинной дворянской семьѣ“.

Дорогъ и близокъ не тому или другому лагерю, а всѣмъ русскимъ также и И. А. Гончаровъ, скончавшійся 15-го сентября. Это наглядно показали его похороны, 19-го числа, соединившія въ одно цѣлое представителей всѣхъ литературныхъ группъ, всѣхъ слоевъ общества. На отпѣваніи его въ церкви Сошествія Св. Духа, въ Александро-Невской Лаврѣ, присутствовали многіе члены Академіи Наукъ, имѣя во главѣ своего Августѣйшаго Президента, университетскіе профессора, члены государственнаго совѣта, сенаторы, нѣкоторые изъ министровъ, представители столичнаго городского общественнаго управленія, представители печати, безъ различія направленій, и наконецъ

масса молодежи изъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы. Въ лицѣ Гончарова,—чувствовали всѣ— сошелъ со сцены послѣдній изъ крупныхъ „людей сороковыхъ годовъ". Подобно Тургеневу, Герцену, Достоевскому, Островскому, Салтыкову, — Гончаровъ всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Обломовъ—типъ столь же вѣчный, какъ и Онѣгинъ, Чацкій, Печоринъ, Чичиковъ, Рудинъ, Бельтовъ, герой „Бѣдныхъ людей", Іудушка Головлевъ. Не забудется и „Милліонъ терзаній"—этотъ рѣдкій примѣръ критической оцѣнки одного художника другимъ—равноправнымъ и равносильнымъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Россійскаго Общества „Краснаго Креста".

Съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы, Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ кассахъ всѣхъ учрежденій Общества Краснаго Креста въ имперіи открывается пріемъ пожертвованій на помощь населенію въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Всѣ пожертвованія будутъ направляться Главнымъ Управленіемъ Общества и всѣми учрежденіями въ губерніяхъ, на кои не распространился неурожай,—въ учрежденія Общества тѣхъ губерній, которыя нуждаются въ помощи, а этими послѣдними будутъ организованы, съ вѣдома и съ участіемъ мѣстной администраціи и духовенства, попечительства Краснаго Креста для оказанія помощи нуждающемуся населенію наиболѣе соотвѣтственными способами, по выработанному на мѣстахъ плану, при непремѣнно личномъ участіи въ этомъ распредѣленіи членовъ попечительства. Впредь до поступленія пожертвованій Главное Управленіе отчислило изъ своего запаснаго капитала 165.000 р. и предложило мѣстнымъ учрежденіямъ Общества сдѣлать такія же отчисленія въ мѣрѣ ихъ средствъ.

II.—Объ изданіи трудовъ С.-Петербургскаго Международнаго Тюремнаго Конгресса.

Труды бывшаго въ С.-Петербургѣ, въ минувшемъ 1890 году, Международнаго Тюремнаго Конгресса, по примѣру предшествовавшихъ конгрессовъ—Стокгольмскаго и Римскаго, будутъ изданы на французскомъ языкѣ.

Они составятъ,—по сведеніи нынѣ всѣхъ данныхъ и по надлежащемъ размѣщеніи матеріала,—*пять большихъ томовъ*, примѣрно отъ 50-ти до 60-ти листовъ каждый. Въ настоящее время уже отпечатаны 2-й и 3-й томы и изготовляются къ печати остальные. Печатаются труды въ Бернѣ (въ Швейцаріи), подъ редакціей секретаря конгресса и международной тюремной коммиссіи, доктора Гильома.

Цѣна за все изданіе, при предварительной подпискѣ, до 1-го ноября сего года,—*десять рублей* (считая по два руб. за томъ), при условіи взноса половины стоимости при самой подпискѣ; послѣ же закрытія подписки, съ 1-го будущаго ноября, пятнадцать руб. (по 3 руб. за томъ), причемъ продажа отдѣльныхъ томовъ не допускается. Выпускъ изданія имѣетъ быть въ началѣ будущаго 1892 года.

Подписка принимается надворнымъ совѣтникомъ Леонтьевымъ въ Главномъ Тюремномъ Управленіи (у Александринскаго театра, домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), а также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени": въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

ОПЕЧАТКИ:

На стран. 441, строч. 1 св., напечатано: въ апрѣлѣ и мартѣ—вмѣсто: *въ апрѣлѣ и маѣ.*

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА.

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ, 1891.

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Артистка.—Романъ въ 4-хъ частяхъ. — Часть третья.—IX-XX.—МАР. КРЕСТОВСКОЙ 5
Отъ Урала до Томска.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—I-IV.—А. А. ИСАЕВА . . 55
Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей.—VII.—ИВ. Р. ТАРХАНОВА . . 87
Пріюты для найденышей въ Соединенныхъ Штатахъ.—I-IX. — В. МАКЪ-ГАХАНЪ 126
Красавица.—A maiden fair to see.—Повѣсть Филипса и Уильса. — Съ англійскаго.—I-XI.—А. Э. 183
Законъ жизни.—По поводу нѣкоторыхъ произведеній гр. Л. Толстого.—I-VI.—И. И. МЕЧНИКОВА 228
Эпизоды изъ исторіи XVIII-го вѣка.—Д. А. Корсаковъ, Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII-го вѣка. — А. Н. ПЫПИНА 261
Стихотворенія.—Какъ бы теряясь въ блескѣ дня...—К. МЕДВѢДСКАГО . . 286
„Ученіе истины" и практическая мораль гр. Л. Н. Толстого. — Сочиненіе гр. Л. Н. Толстого, часть тринадцатая.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 287
Архивъ князя Куракина.—А. Г. БРИКНЕРА 310
Стихотворенія.—Пусть тучи темныя...—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА 340
Лермонтовская литература въ 1891 году.—А. В—НА 341
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Возвращеніе Наслѣдника Цесаревича.—Личный составъ новыхъ учрежденій въ губерніяхъ третьей очереди, только-что подведенныхъ подъ дѣйствіе положеній 12-го іюля 1889 года.—Циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ и съѣзды земскихъ начальниковъ.—Вопросы о мѣстоименіяхъ и о сниманіи шапокъ.—Сообщенія изъ московскаго уѣзда.—Новыя законодательныя мѣры 366
По поводу голода.—Ѳ. Ѳ. 390
Иностранное Обозрѣніе.—Военныя и политическія манифестаціи новѣйшаго времени.—Возможные суррогаты войны.—Франко-русскія фантазіи.—Французскіе патріоты и Англія.—Внутреннія дѣла Франціи.—Англійская политика.—Славянскія дѣла 395
Литературное Обозрѣніе.—Шаховъ, Гёте и его время.—Всеобщая исторія литературы, В. Корша и А. Кирпичникова.— Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго, съ предисловіемъ Н. Горбова.—А. П.—Новыя книги и брошюры 406
Новости иностранной литературы. — I. La philosophie du siècle. Criticisme — Positivisme—Evolutionisme. Par E. de-Roberty. — II. Les idées morales du temps présent, par Edouard Rod.—Л. С. 417
Замѣтка.—По поводу новаго изданія, въ нѣмецкомъ переводѣ, полнаго собранія сочиненій гр. Л. Н. Толстого, въ XIII томахъ.—М. Ш. 421
Изъ Общественной Хроники. — Новыя мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія.—Сравненія между прошедшимъ и настоящимъ.—Удары, мимоходомъ наносимые земству.—Границы правительственной помощи.—Необходимость расширенія общественной помощи голодающимъ. — Земскія новости.—Два курьезныхъ „прожекта" 426
Библіографическій Листокъ.—Быстрота желѣзнодорожныхъ сообщеній, В. С—овъ. —Владиміръ Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи.—Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Нынѣшнее политическое положеніе великаго княжества Финляндскаго, Посторонняго наблюдателя.

Октябрь. — Книга десята

Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права.—I.-IV.-
Артистка.—Романъ въ 4-хъ частяхъ.—Часть четверта
СТОВСКОЙ. . . . .
Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей.—VIII.—ИВ.
Ничтожныя причины.—Разсказъ.—Н. Т. . . . . .
Мои воспоминанія.—IX-XII.—Ѳ. И. БУСЛАЕВА . .
Красавица. — Повѣсть Филипса и Уильса. — Съ ан
Окончаніе. — А. Э. . . . .
Наше сельское хозяйство и его будущность. — КН.
КОЛЬНИНСКАГО . . . .
Прелюдія къ прощальнымъ пѣснямъ.—Стих. А. М. ЖЕ
Казимиръ Бродзинскій.—Изслѣдованіе К. Н. Арабажи
Стихотворенія.—I. Няня. — II. Блаженъ, кто съ вѣро
ЖЕНСКАГО . . . .
Народная бѣда и общественная помощь.—ВЛ. С. СОЛ
Хроника. — Внутреннее Обозрѣніе. — Кончина Е. И. В
ксандры Георгіевны. — Заявленіе саратовскаго
голодающимъ. — Поворотъ въ дѣятельности кр
успѣшность мѣръ взысканія, принимаемыхъ бан
дворянскаго земельнаго банка.—Продовольствен
Законъ объ упрощенномъ судопроизводствѣ.—Се
просъ . . . .
Иностранное Обозрѣніе.—Элементъ чувства и настрое
литикѣ.—Заявленія и дѣйствія Вильгельма II.
нія французовъ.—Отмѣна паспортныхъ стѣснен
ческое значеніе этой мѣры. — Политика нѣмец
Россіи.—Смерть Греви и Буланже. . . . .
Всемірный географическій съѣздъ въ Бернѣ.—Письмо
Литературное Обозрѣніе. — Бабья сторона, Д. Жбанко
и жизнь въ Якутской области, М. Вруцевича.—
ровской Руси, Ф. Германа.—Иркутскъ, В. С. (
Новости иностранной литературы.—I. Notions fondamen
et programme économique, par M. G. Molinari.
Ost Erlebnisse in der Welt Bellamy's, Mitth
2001 und 2002. Herausg. von Conrad Wilbran
Некрологъ.—Иванъ Александровичъ Гончаров
Изъ Общественной Хроники.—Рѣчь министра народна
статья Н. П. Вагнера и новый видъ универси
чальныя школы по даннымъ оффиціальнымъ и н
далая откровенность.—Столѣтіе со дня рожден
хороны И. А. Гончарова . . . .
Извѣщенія.—I. Отъ Россійскаго Общества Краснаго
трудовъ Спб. Международнаго Тюремнаго Кон
Библіографическій Листокъ.—Ботаника для реальных
— Очерки жизни населенія восточной Сибири
зоологіи, проф. Поля Бера.—Авторское право,
Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ, со